Проф. П. А. Сорокин.

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ

т. I. СОЦ... Я АНАЛИТИ...

ПЕТРОГРАД.
изд-ское т-во
„КОЛОС“.
1920.

To Professor E. C. Hayes
with respect and gratitude.

Author.

Hayes
gratitude.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО
«КОЛОС»
ПЕТРОГРАД.

The System of Sociology

BY

PITIRIM SOROKIN.

Professor of Sociology in the University of Petrograd.

Vol. I.

SOCIAL ANALITICS.

PART I.

The structure of the elementary social phenomenon.

PETROGRAD.

1920.

SOROKIN

ПИТИРИМ СОРОКИН.

SISTEMA SOTSIOLOGII

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ.

Том I.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

ЧАСТЬ I.

Учение о строении простейшего (родового) социального явления.

ПЕТРОГРАД.
Издательское т-во „КОЛОС".
1920.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С пред. М. М. Ковалевского. СПБ. 1914 г. Ц. **2** р. **75** к. (распр).

Л. Н. Толстой, как философ. М. 1914. (распр).

Проблемы социального равенства. П. 1917. (распр).

Элементарный учебник общей теории права. Ярославль. 1920.

Общедоступный учебник социологии. Печатается в издании Ярославск. Кредитного Союза Кооперативов.

Система социологии, т. II. Печатается в изд. «Колос»

Десятая Государственная Типография.

ПАМЯТИ

Максима Ковалевского
Евгения де-Роберти
и Петра Зепалова.

Предисловие.

Современная социология вышла из той стадии, когда ей нужно было доказывать свое право на существование. Нравится это или не нравится, но факт таков, что социология оказала и оказывает сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины, она заняла свое место в ряду других наук и заняла настолько прочно, что будущее ее не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых. Констатируем этот факт.

Рядом с ним констатируем и другой.. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия—она продолжает быть в состоянии „становления". В силу целого ряда причин, она не успела еще застыть в определенные, шаблонные формы; разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического здания. В этом отношении социология делит участь всех социальных, обобщающих дисциплин: подобно тому, как правоведы до сих пор ищут определения права, как политико—экономы продолжают искать определения экономики и хозяйства, психологи—понятия психики и сознания, так и социологи не вполне еще столковались относительно предмета социологии и основных проблем ее изучения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ряд курсов и руководств по общей социологии; дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским Социологическим Обществом, в лице „комитета десяти" наиболее видных американских социологов. Этот материал показывает, что даже в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах; где социология преподается не только в высших, но и в средних школах, где еще в 1915 г. она праздновала свой пятидесятилетний юбилей [1]) — и там доспх пор не устано-

[1]) См. юбил. выпуск. The Amer. journal of sociology. May. 1916 г. Ст. *Small'a*: Fifty years of sociology in the United States (1865—1915 г.).

вились общепринятые шаблоны построения и изложения социологического материала. [1]).

Такие условия имеют своим следствием два основных результата: они способствуют, с одной стороны, росту индивидуального творчества, с другой—благоприятствуют процветанию своеобразного социологического авантюризма. Социологическая мысль, не стесненная установившимися шаблонами, не имея на себе груза общепринятых традиций, не имея проторенных путей, принуждена самостоятельно, на свой страх и риск, строить здание социологической дисциплины. В ряде случаев такая свобода дает положительные результаты. Но рядом с ними чаще наблюдается другое явление, правильно отмеченное Зиммелем. — Так как социология является сравнительно „новой наукой, то к ней устремились всевозможные нигде не находящие себе должного испомещения проблемы, — вновь открытая страна всегда Эльдорадо для бездомных и безпочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища“ [2]). Этот факт мы можем наблюдать на каждом шагу. Что только не называется теперь социологией! Самые нелепые конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недоношенное сплошь и рядом выпускается на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю! Нужно ли настаивать, что достоинство последней требует борьбы против такого злоупотребления!

Указывая на эти печальные факты, автор данной книги ничуть не хочет сказать тем, что его собственная работа гарантирована от этой печальной участи. Напротив, сказанным он желает предупредить читателя, чтобы он, приступая к чтению данной книги, имел в виду эту опасность. В науке и, пожалуй, только в ней нет патентов и гарантий. Свобода критики и свобода мысли — первое и основное условие возможности науки. Единственный судья здесь—опыт и наблюдение. Если предлагаемые вниманию читателя страницы противоречат последним, они заслуженно разделят печальную участь ошибочных теорий. Если же отдельные положения выдержат нелицеприятный и беспристрастный экзамен этих судей— они получают право на общественное внимание.

---

[1]) См. The Amer. journal of sociology. 1911 г: May, ст. Report on questionnaire of commitee of teaching u March, 1912 г. ст. Report of the commitee of ten. Часть этого материала опубликована Социол. Институтом в брош. «Программы по социологии». Петроград, 1919 г.

[2]) *Simmel*: Soziologie. 1908.2.

Предлагаемая книга, по собственной оценке автора, несвободна от многих недостатков. Эти недостатки усугублены несколько преждевременным ее появлением и общими условиями момента. Работая последние годы над „Системой социологии“, автор намеревался опубликовать ее позже. Он расчитывал на поездку заграницу, на работу в богатых книгохранилищах Запада, на непосредственное ознакомление с положением и преподаванием социологии на Западе и в Америке, на личное изучение общественной жизни передовых стран. Война помешала и продолжает мешать исполнению этого намерения. Далее, в связи с общими условиями нашей родины и в силу личных тяжелых обстоятельств, черновые заметки, выписки и вообще материал для „Системы“, собиравшийся автором в течение ряда лет, частью погиб, частью оказался вне Петрограда и не мог быть использованным.

Мало благоприятными для работы были и общие условия жизни в Петрограде за 1919 г., в течение которого писалась „по памяти“ эта книга.

Все это не могло не повлиять на научное совершенство книги, не могло не увеличить ее недостатков.

Если, тем не менее, автор все же решился выпустить ее теперь, то потому, что в современных условиях трудно мечтать о совершенной отделке своей работы. В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту,—от голода, от тифа, от произвола—в таком обществе не приходится строить научных планов, расчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо обработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда.

Таким черновиком и является издаваемая автором „Система социологии“..

При всех ее недостатках она все же настолько отделана, что, по убеждению автора, будет не бесполезной в нашей, чрезвычайно бедной социологической литературе.

Руководящие принципы, положенные в основу „Системы социологии“, таковы. Во-первых, социология, как наука, может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противоположении „наук о природе“ и „наук о культуре“ по мнению автора, не может быть и речи.

Во вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии, как науки, должен быть изгнан.

Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны. Конечно, „лестно самолюбию раздавать монтионовские премии и читать выговоры, принимая мерилом самого себя, но бесполезно“ [1]). Внесение нормативизма в область науки до сих пор загрязняло ее и не давало никаких положительных результатов. Больше того, все нормативные положения и оценки, как пытался доказать это автор, по своей логической природе не могут быть научными суждениями [2]). Другое дело—социология прикладная, социология, как *искусство*. Здесь нормативизм уместен. Он составляет сущность прикладного социологического искусства. Зато такая дисциплина не составляет науки, ее основная посылка, а тем самым и все ее выводы,—не обязательны.

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной—объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина.

Социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей „психические реальности“. Последние непосредственно не даны наблюдению, они не имеют предметного характера. Их нельзя „ощупать, взвесить и измерить“. Все это вело и ведет к субъективмзму в социологии, к условности и неопределенности ее положений. Задача времени—освободиться от этого психологического субъективизма. Подобно тому, как изучение самих психических процессов за последнее время об,ективируется, подобно тому, как сама психология из науки о неуловимых „состояниях сознания“ превращается в объективную науку о поведении

---

[1]) *Герцен*: С того берега. Собрание соч. под ред. Лемке. т. V, 455.

[2]) См. *Сорокин:* Преступление и кара. Введение: нормативная ли наука этика. СПБ. 1914. *Его же*: Категория „должного“ и ее применимость к изучению обществ. явлений. Юрид. Вестник. 1917 г., Январь. *Его же*: „Структура современной догматики уголовного права. Вестник психологии, крим. антропологии и педологии. 1917. Вып. 1—2 и 3—5. Беспощадная критика явных и тайных нормативно-оценочных элементов в соц. науках и теориях дана в капитальной работе V. Pareto: Trattato di sociologia generale. т. I и II. 1916.

См. также *А. Пуанкарэ*: Наука и нравственность в вопр. теории и психол творчества. т. VII.

человека, или в рефлексологию или в физиологию нервной системы, так и социология должна постепенно превратиться из науки о „психических реальностях“ в объективную дисциплину, изучающую явления „предметного“ характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие „ощупывание“ и „измерение“. Такими явлениями мы считаем акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных, короче—явления взаимодействия людей. Освобождение от субъективного психологизма—очередная задача социологии. Как видно будет из текста—эта задача сейчас не вполне осуществима. Но посильное стремление к ея достижению—необходимо [1]).

В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“. Значительная часть социологических курсов представляла и представляет скорее философски-умозрительные трактаты,—специальные главы натур-философии или „социальной философии“— чем изложение данных опыта и наблюдения. Примерами подобных трактатов могут служить даже такие работы, как „Чистая социология“ Уорда. Многие видят в таком философствовании особую ценность и достоинство. Автор убежден в противоположном. Если социология хочет быть точной наукой, она должна исходить из фактов, итти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов. С этой точки зрения в социологии не место философствованию, в смысле умозрения. Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов—таков очередной лозунг социологии. Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого „социально-философского“ трактата.

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей „монизма“—незаконным детищем незаконного брака социологии с философией. Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалось особенно почетной кличка „мониста“. И обратно, название „плюралиста„ означало нечто ругательное и научно-низкопробное.. (См. напр. „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ Г. В. Плеханова). Автор с большой охотой уступает „монизм“ всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден в том, что „монизм“—результат догматического философствования, а не вывод опыта и наблюде-

---

[1]) См. *A. Bentley:* The process of government. (1908 г.), где дана дельная критика психологической социологии.

ния. Монизм в социологии, как правильно характеризовал его покойный М. М. Ковалевский,—это попытка решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнения с одним неизвестным [1]). Автор убежден, что такая попытка — покушение с абсолютно-негодными средствами. Последовательный социологический плюрализм—такова его позиция. Она систематически проведена в ряде глав данного и следующего тома и будет развернута во всю ширину в „Социальной механике"..

Таковы основные руководящие принципы, легшие в основу всей „Системы социологии" *Последняя, по заданию автора, должна дать цельное и возможно законченное представление о социологии, как науке. Она должна показать, что социология не есть складочный подвал, куда сваливаются самые разнородные проблемы, „за ненадобностью" не нашедшие себе места в других дисциплинах, а наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания, и вполне определенное строение, обусловливаемое ее природой.*

Вся „Система социологии" представляет обширную работу, состоящую, по меньшей мере, из 8-ми томов. Данный и печатающийся 2-ой том охватывают только первую часть социологии, „Социальную аналитику", изучающую строение социальных групп и народонаселения [2]).

Со времен О. Конта социологи привыкли делить социологию на социальную статику и динамику. Но большинство из них, начиная с самого Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики. Чуть не вся социология ушла в область изучения эволюции общества и открытия „эволюционных законов". Социальная статика числилась в качестве отдела социологии, но, за редкими исключениями, не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте оставалось „пустое место" или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два — три вопроса и... тем довольствовались.

Выпускаемые сейчас два тома „Аналитики" представляют попытку заполнить этот пробел.

Данный том посвящен аналитике простейшего социального явления, печатающийся второй том — аналитике сложного

---

[1]) См. подробнее об этом *Сорокин*: Теория факторов М. М. Ковалевского. Сборник памяти М. М. Ковалевского.

[2]) Упрощенное и сокращенное изложение всей «Аналитики» и 1-ой части «Соц. механики» дается мной в печатающемся «Общедоступном учебнике Социологии». (Изд. Яросл. Кредитн. Союза кооперативов).

социального аггрегата, каковым является население, как всего земного шара, так и отдельной его части. Первый том — подготовка ко второму, оба вместе являются прелюдией к следующему — главному — отделу социологии: к „Социальной механике". Этим заданием объясняется содержание 1-го тома: в нем речь идет только о том, что относится к аналитике строения простейшей модели социального явления. Все другие вопросы намеренно исключены из его содержания.

В „Введении" автор дает общее понятие о социологии и ее отделах. В третьей главе он определяет центральное понятие взаимодействия и касается некоторых вопросов, связанных с методами его изучения.

Четвертая глава посвящена анализу элементов взаимодействия.

Пятая—классификации форм взаимодействия.

В шестой главе „замыкается" разорванный круг явления взаимодействия и дается понятие последнего, как коллективного единства.

В седьмой изучаются те „скрепы", которые „пригвождают" людей друг к другу, делают из них коллективное целое, — с одной стороны, с другой — те условия, которые разрывают эту цельность и разрушают реальные совокупности.

Начав свой анализ с элементов взаимодействия, с *междуиндивидуальных* отношений, автор, идя от простого к сложному, логически приходит к понятию социальной группы и к *междугрупповым* отношениям. Избранная им дорога сама собой приводит его „ко второму этажу" аналитики,—к исследованию междугрупповых взаимодействий, являющихся предметом изучения второго тома „Аналитики". Таким путем второй том логически связывается с первым и служит его продолжением. Если с первого взгляда покажется странным, почему автор берет центральным пунктом исследования явление взаимодействия и почему он так долго останавливается на его изучении, почему он не определяет социологию, как науку об обществе, то по прочтении обоих томов, эта странность должна рассеяться.

Книга посвящается памяти *М. М. Ковалевского* и *Е. В. Де-Роберти*. Посвящение — слабый знак признательности автора своим незабвенным учителям. К этим именам я присоединяю имя своего дорогого друга *П. Н. Зепалова*. Молодой ученый, человек кристальной чистоты души, социалист по убеждениям, идеалист по натуре, безкорыстный альтруист по поведению, П. Н. Зепалов пал жертвой гражданской

войны в 1918 г. Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и размалеванных фетишей. Но... не будем говорить об этом. Не сказано ли: "не плакать, не смеяться, а понимать"? Последуем удобному рецепту Спинозы и забудем о „горестных заметах сердца". Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать.

В заключение приношу глубокую благодарность моей жене, Е. П. Баратынской, брату и ряду друзей, бескорыстно помогавших мне в безмерно тяжелые для меня месяцы 1918 г. Их помощь позволила мне приступить к опубликованию „Системы социологии". Выражаю свою признательность книгоиздательству „*Колос*", давшему возможность напечатать эту книгу в тяжелые годины переживаемого времени.

Автор.

Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

Часть I.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Предмет социологии и ее отношение к другим наукам.

§ 1. Предмет социологии.

Основные понятия социологии, ее строение и характер до сих пор понимаются различно социологами и „публикой“.[1]) В силу этого первой задачей всякого теоретика социологии является задача определения предмета и границ этой дисциплины. Без решения ее теоретик социологии рискует заблудиться в сложном мире общественных явлений и вполне заслуженно получит упрек в неясности и неопределенности своего построения.

---

[1]) До чего разнообразно понимаются «обычным мнением» такие термины: как «общество», «общественный», «социальный», «социологический» и т. п., каждый может убедиться, читая газеты, слушая речи политиков, изучая партийные программы и т. д. и т. д. Здесь что ни автор—то свое понимание этих слов, а чаще всего—отсутствие всякого понимания. Обычным явлением здесь служит (в особенности в политических программах партий и в речах наших партийных политиков) противопоставление: «социального» «политическому» (напр. «социальную революцию» противопоставляют «политической», социальные реформы—политическим), в программах партий встречаются те же противопоставления, (напр., аграрная и рабочая реформа называется почему то «социальными реформами», а реформа государственного строя почему то не удостаивается этого названия), часто социальное» отождествляется с экономическим», (почему и говорят постоянно: «социально-экономическая программа, реформа и т. д.), нередко термин «социальный» различается от термина «общественный» и т. д. и т. д. Короче—в орудовании этими и подобными терминами царит полный произвол и хаос... См. ряд других иллюстраций этого рода у *Waxweiler'a:* Esquisse d'une Sociologie (1906 г.), стр. 67—72.

С решения этой задачи я и начну изложение своего социологическаго курса.

Положение социологии, как самостоятельной дисциплины, будет очерчено, если, во-первых, выделена будет область явлений, изучаемых ею; во-вторых, если будет показано, что эта область достаточно важна для изучения и никакой другой наукой не изучается, и в-третьих, если будет определено отношение социологии к другим наукам и, в частности, к так называемым социальным дисциплинам.

Следовательно, задача характеристики социологии сводится к трем вопросам: 1) *какие явление социология изучает*, 2) *почему эти явления для своего исследования требуют создания специальной дисциплины*, 3) *каково взаимоотношение социологии к другим существующим научным дисциплинам, в частности, к наукам социальным.*

Постараемся кратко решить эти вопросы.

Определить объект социологии, как и любой науки, это значит выделить тот разряд фактов, который является предметом ее изучения или, иными словами, установить особую точку зрения на изучаемый ряд явлений, отличную от точки зрения других наук [1]).

Предварительный и краткий ответ на вопрос об объекте социологии будет таков: *Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой.*

Этим определением очерчивается разряд явлений, изучаемых социологией. Из него следует, что все остальные формы и виды взаимодействия исключаются из сферы социологического изучения. Ни факты взаимодействия неорганических тел и их элементов, ни факты взаимодействия животных и растительных организмов в область социологии не входят. Наша социология есть *homo-социология*. Она трактует только о человеческих взаимоотношениях.

Поскольку одно указание на явления взаимодействия было бы недостаточно для того, чтобы определить мир, изучаемый социологией, постольку добавочный признак, что это взаимодействие должно быть *междучеловеческим*

---

[1]) В данном пункте нельзя не присоединиться к Е. В. Де-Роберти, Ваксвейлеру, Зиммелю, Гумпловичу, Франку и др., совершенно правильно, указывающим на равнозначность «выделения объекта» и «установления особой точки зрения». «Точка зрения—это все», подчеркивает Ваксвейлер. (См. DeRoberty: Sociologie et Psychologie Annales de l' Institut intern. de Sociologie, т. X, стр. 108; *Waxweiler*: Esquisse d'une sociologie, стр. 39. *Simmel*; Soziologie (1908), гл. I, *Франк:* Философия и жизнь. 284--285. *Гумплович:* Programme de Sociologie. Annales. т. I 104.

взаимодействием, эту неопределенность устраняет. Из бесконечного числа явлений, таким образом, выделяется определенный класс или разряд, имеющий вполне ясные и точные внешние границы.

§ 2. Основания для существования социологии, как автономной дисциплины.

Не касаясь пока ряда добавочных условий, необходимых для того, чтобы приведенное определение объекта социологии приобрело полную точность, спросим себя теперь: *имеется ли основание выделять явления междучеловеческого взаимодействия в особый класс и создавать для их изучения не только особую теорию, но и самостоятельную научную дисциплину?* Не впадаем ли мы в этом случае в ту ошибку, в которую впал бы тот, кто, по выражению Л. И. Петражицкого, стал бы создавать особую науку „о сигарах в десять лотов весом“ [1]. Не будем ли мы здесь грешить против принципа адэкватности теории, и против принципа наименьшей траты умствен-

---

[1]) «Далеко не все безукоризненные с обще-логической точки зрения классовые понятия и классы могут иметь значение и ценность в науке, как таковой, пишет *Л. И. Петражицкий*. Напр., относительно, классов: «сигары в десять лотов весом», «собаки с длинным хвостом и короткой шеей» и т. п. можно было бы высказать столь большие массы «истин», что их изложение заполнило бы многие толстые томы. Относительно сигар, весящих 10 лотов, можно, напр., утверждать, что они подвержены земному притяжению, падают по таким то законам, что они подвержены расширению и проч. (ср. содержание механики и физики вообще); далее можно высказать множество истинных положений, относительно их химического состава... Следующие томы нашей воображаемой «науки о сигарах весом в 10 лотов» можно было бы заполнить истинами биологического характера, затем, истинами специально ботанического характера и т. д. Такого же рода обширные «науки» могли бы быть образованы относительно «собак с длинным хвостом и короткой шеей», относительно «оловянных солдатиков» и т. п.

Но такие «науки, правильно заключает Петражицкий, были бы пародией науки и наглядным обрасцом того, как не следует образовать теории... Ненаучность подобных теорий состояла бы в неадекватности их, а именно в том, что высказываемое в них (логические сказуемые) было бы отнесено к неподходящим, слишком узко очерченным классам, между тем как оно правильно и должно было бы быть отнесено к более обширным классам; напр., положения об инерции, о притяжении к земле и т. д. высказаны только относительно сигар, да еще почему то относительно «сигар весом в 10 лотов», между тем как дело идет о том, что в действительности относится ко всем физическим телам; т. е. к гораздо более обширному классу предметов... Такие теории затемняют существо дела и способны вводить в заблуждение, создавая ошибочные предположения, будто то свойство, которое приписано объектам данного класса, представляет особенность этих предметов, нечто им специально принадлежащее». *См. Петражицкий*: Введение в изучение права и нравственности. СПБ. 1907. 72 и 75—77 стр.

ных сил? Ведь выделению особых классов нет логического предела: один может выделять класс: „сигар, в 10 лотов весом“, другой—„деревья в 5 вершков толщины“, третий, „людей бреющих усы и бороду“, четвертый—„женщин, носящих корсеты“ и т. д. Что было бы, если бы для каждого из подобных разрядов явлений стали бы создавать особую дисциплину! „Так как разнообразию комбинаций предела нет, силы же памяти ограничены, то в конце концов избыток (таких) знаний (и добавим: таких „наук“) оказался бы для нас тяжелее, нежели их недостаток; пред необозримостью накопляющихся сведений опустились бы руки“, справедливо отмечает А. А. Чупров [1]).

В силу сказанного и встает вопрос: *имеются ли достаточные основания для создания особой науки—социологии, ставящей* своей *задачей изучение явлений взаимодействия между людьми?*

Ответ на этот вопрос зависит от решения трех предварительных вопросов: 1) достаточно ли важен сам класс явлений, которые социология изучает; 2) представляет ли он явление sui generis, свойства которого не имеются в других классах явлений, 3) не изучается ли он другими науками, появившимися раньше социологии и потому делающими последнюю, как самостоятельную науку, излишней?

Практическая и теоретическая важность социологии.

Едва ли нужно доказывать положительное решение первого из поставленных вопросов. Важность явлений человеческого взаимодействия следует хотя бы из того, что мы в изучении их кровно и эгоистически заинтересованы. Знание этих явлений нам нужно прежде всего с точки зрения практической. Поскольку наука была и остается одним из орудий в борьбе за существование, постольку это значение она сохраняет и в области изучения человеческих взаимоотношений. Короче—*практическая* важность изучения явлений человеческого взаимодействия несомненна.

Что же касается *теоретической* важности и ценности специального изучения явлений данного разряда, то этот вопрос решается в зависимости от решения остальных двух,

---

[1]) *А. А Чупров*: Очерки по теории статистики. СПБ. 1909. См. о значении принципа наименьшей траты сил у него же: 1 по 20 стр. *Мах*: Познание и заблуждение. Изд. Скирмунта. 459 и сл. *Риккерт*: Границы ест.-научн. образования понятий, пер. Водэна, passim.

указанных выше вопросов: если явления человеческого взаимодействия суть явления sui generis, обладающие свойствами, неимеющимися во всех остальных видах взаимодействия, то этот факт является достаточным основанием для выделения их в особый класс и для построения специальной научной теории относительно этого класса. В этом случае правильно построенная теория будет адэкватной и не будет противоречить принципу экономии сил. Если при этом окажется, что этот класс явлений не изучается никакой другой наукой, то это условие будет достаточным логическим „оправданием“ существованию особой науки, посвященной его изучению.

Социология и физико-химические науки.

Можем ли мы сказать, что *явления человеческого взаимодействия представляют явления sui generis, отличные от всех других видов взаимодействия—неорганического и органического?* Очень может быть, и это весьма вероятно, что в их основе лежат процессы физико-химические и органические. Весьма возможно также, что в далеком будущем, наука сведет их к последним и объяснит весь сложный мир междучеловеческих явлений законами физики и химии. Во всяком случае, к этому нужно стремиться и сейчас. Но значит ли это, что в данный момент любой добросовестный исследователь может объяснить мир человеческого взаимодействия теоремами физико-химических и биологических наук?

Будем искренни и правдивы: такая претензия была бы мало обоснованной и тенденциозной хлестаковщиной. Пока, увы! такая попытка никому не удавалась и вряд ли скоро удастся. Правда, такие попытки были и они продолжают появляться, но печальный исход их служит лишним аргументом в пользу того, что *пока* класс явлений взаимодействия между людьми несводим к простым физико-химическим и биологическим процессам.

В качестве примера таких попыток в наше время укажу на попытки *В. Оствальда*, *Solvay'a*, *Воронова*, *Haret*, *и Ant. Portuendo y Barcelo*. В. Оствальд, Solvay и Воронов попытались выразить социальные явления в терминах энергетики и рассматривать их, как явления физико-химические. Что же из этого получилось? Мы получили ряд формул в роде того, что „сознание есть течение нервно-энергетического процесса“, что „война, преступление и наказание“ суть явления „утечки энергии“, что „продажа-покупка — это реакция обмена“,

(Оствальд [1]) что „сотрудничество есть сложение сил“, социальная борьба—вычитание сил“, „социальная организация—равновесие сил“, вырождение—распадение сил“, „правосоотношение сил“ и т. д. и т. д. [2]). Все это„ пожалуй и верно.

Но, спрашивается, много ли мы приобретаем от таких аналогий в деле познания социальных явлений или явлений междучеловеческого взаимодействия? Во всяком случае не больше, чем от аналогий печальной памяти „органической школы“ в социологии. Все эти формулы и аналогии представляют в лучшем случае—трюизмы, в худшем—неточные сравнения.

Тот же вывод придется сделать и по адресу попыток создания „социальной механики“, пытающейся все поведение людей и взаимоотношения между ними подвести под законы обычной механики физических явлений. В качестве примеров таких попыток могут служить попытки Haret и Antonio Portuendo y Barcelo. Тот и другой пытаются приложить законы механики к социальным явлениям. Тот и другой исходятъ из положения: „если принципы и законы механики приложимы ко всем видам силы, то, очевидно, они должны быть приложимы и к силам психическим, называемым социальными силами“ [3]).

Вслед за этим они приступают к транспортировке понятий механики в область человеческих взаимоотношений. Индивид превращается в „материальную точку“, окружающая его среда—сочеловеки—в „поле сил“ (champ de force) и т. д. Вслед за этой установкой понятий идут теоремы в роде следующих: „увеличение кинетической энергии индивида равно уменьшению энергии потенциальной“, L'énergie total de l'individu dans son champ se conserve constante à travers toutes ses modifications“ [4]); „совокупная энергия социальной группы в отношении ее работы (quant à une action) в некоторый момент t_1 равна совокупной энергии, которую она имела

---

[1]) См. В. Оствальд: Философия природы, СПБ. 1903 г., *Его же*: Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaften, Leipzig, 1909 г. *Solvay*: Note sur les formules d'introduction à l'énergétique physio-et psychosociologique. Изд. Института Solvay, 1906 г.

[2]) См. Воронов: Основания социологии.

[3]) *A. Y. Barcelo:* Mécanique sociale. Revue internat. de sociologie. 1915 г. 492. См. *Haret:* Mécanique sociale (1910), предисловие и passim. Несколько в ином положении находится *R. de la Grasserie*, пытавшийся создать «космосоциологию», частной ветвью которой по его мнению является homo-социология, изучающая мир человеческих взаимоотношений. См. его «*De la Cosmosociologie*», изд. Интерн. библиотеки социологии.

[4]) Ibid. 567 стр.

в первоначальный момент t_0, увеличенной совокупностью работы, которую в этот промежуток времени (t_1—t_0) произвели все посторонние группе силы, действовавшие на индивидов или элементы этой группы“ [1]) и т. п.

Все это верно; но, спрашивается, что приобретаем мы нового от таких „законов социальной механики“? В лучшем случае трюизмы, в худшем случае теории и теоремы, похожие на „науки“ „о сигарах весом в 10 лотов“. Несомненно, глубокая правда звучит в словах A. Barcelo, что „тело индивида со всеми его органами и материальными элементами составляет систему, подчиненную законам физической механики“, что „при всем желании нельзя себя вырвать (se soustraire) из под действия закона тяготения, как и всякого другого закона физической механики“. Но из этого-то именно и следует, что не целесообразно и научно бесполезно строить особую дисциплину для приложения законов физической механики к людям, *рассматриваемым в качестве простых комплексов материи*. Как таковые—они стоят наравне со всеми физическими телами и несомненно подчиняются законам физики. Но отсюда же следует, что в этом случае они перестают существовать, как *люди*, *отличные* от *неодушевленных предметов*, *и становятся простой материальной массой*. Все специфически человеческое, все то, что мешает поставить знак равенства между человеком и неорганическим предметом,—в этом случае исчезает. Короче, такое познание ровно ничего не дает нам для познания социальных явлений, как явлений sui generis. „Если право есть „соотношение сил“, то чем же оно отличается от соотношения сил между грузом А и грузом В, находящимися на концах рычага? Ведь и тут тоже соотношение сил; но следует ли из этого, что соотношение грузов или сил А и В есть правовое отношение? И рассеяние теплоты, благодаря лучеиспусканию, и преступление, говорят нам энергетисты, есть, „утечка энергии“. Но значит ли, что всякое рассеяние энергии есть в то же время и преступление“.

„Подобное изучение социальных явлений, не есть изучение социального общения людей, а изучение людей как *обычных физических тел*“ [2]). Но люди не только физические тела, а еще и живые существа; и не только живые существа, но еще существа, обладающие тем, что носит название мысли, психики, сознания. Если живой организм отличается от

---

[1]) Ibid. 576.

[2]) *Сорокин:* Преступление и кара, подвиг и награда. СПБ. 1914 г. Стр. 43—44. Там же подробнее об этом вопросе. См. стр. 42—45.

неорганической материи, если процессы жизни до сих пор не удалось свести к физико-химическим процессам,—что и дает основание для существования биологии,—то тем паче отличны от неорганических тел организмы, наделенные высшими формами психики, каковыми являются люди; тем труднее свести явления взаимодействия таких организмов к процессам взаимодействия мертвой материи; следовательно, тем больше оснований для существования особой науки, изучающей людей и их взаимодействие, как *человеческое взаимодействие, со всем своеобразным богатством его содержания*, а не как простое взаимодействие материальных масс. Попытка же рассмотрения их только как физических тел—вполне законная с точки зрения физика,—ведет не к познанию явлений человеческого взаимодействия, а просто к *исключению* их из поля зрения и изучения. Для физика нет людей, а есть только „материальные массы". Для него не существует ни актов подвига, ни преступления, ни добра, ни зла, ни любви, ни ненависти, ни слов проклятия, ни слов молитвы, для него даны только „массы" и „движение". Как бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы—он не найдет в актах людей и в них самих ни „истины", ни „добра", ни „красоты", ни „убийства", ни „спасения".

Поскольку же мы хотим познать все бесконечное разнообразие этих явлений, постольку категория междучеловеческих отношений уходит из поля зрения физико-химических наук и дает почву для существования особой науки, изучающей все эти явления во всем их своеобразии [1]).

Больше того. *Если бы даже явления человеческого взаимодействия удалось свести к физико-химическим процессам, то и тогда мир человеческого взаимодействия продолжал бы оста-*

[1]) Для иллюстрации возьмем поведение людей и спросим себя: объяснимо ли поведение индивидов А, В, С, Д... законами механики? Сводятся ли бесчисленные акты, которые каждый из них совершает, к принципу инерции и закону тяготения? Можно ли посредством их, плюс законы рычага, плюс учение о равномерном и неравномерном движении, плюс остальные принципы механики,—можно ли этими принципами объяснить «движения» А, вступающего в брак, В, идущего в суд, С, умирающего на баррикаде, и т. д.? Способны ли эти принципы пролить свет на явления религиозные, политические, экономические, эстетические и т. д. Стоит поставить такие вопросы, как сразу же станет понятным, что, увы!—наука еще бесконечно далека от возможности сведения указанных явлений к простым физико-механическим процессам.

Не только общественное поведение людей, но самые элементарные поступки индивида, пока что, необъяснимы законами физической механики. Вот почему приходится быть в этом отношении скромным и не предъявлять смелых, но утопических претензий. Такая смелость вместо уважения делает их авторов смешными. И, думаю, заслуженно.

ваться явлением sui generis, отличным от обычных процессов неорганического взаимодействия. Здесь, mutatis mutandis, мы можем повторить слова *Отто Глезера*, высказанные им по поводу автономности биологии. „Не следует предполагать, пишет он, что доказательство чисто физико-химической природы жизненных процессов покажет, будто бы живые существа в каком бы то ни было отношении отличаются от того, что они в действительности представляют собой. Вопрос о том, может ли анализ отнять у предметов некоторые их свойства, является, конечно, вопросом праздным; и, однако, нам постоянно заявляют, что сведение жизненных явлений к физико-химической основе докажет, что живые существа, в конце концов, не живы! Анатомическое и гистологическое исследование лошади не могут показать, что животное это есть корова. Если бы мы свели его ткани к их составным химическим элементам и, не довольствуясь этим, продолжали наш анализ до тех пор, пока не показали бы, что лошадь всецело состоит из электронов, то как могло бы это показать, что лошадь не есть лошадь? Если поэтому разложение ничего не может отнять у анализируемых предметов, то ясно, что раз последние в каком бы то ни было отношении единичны и своеобразны, столь же единичными они будут и по окончании процесса разложения, как и до него. Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны, особенны ли живые существа или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ“ [1]).

Перефразируя слова Глезера, мы можем сказать: „*Если бы нам показали, что люди и их взаимоотношения всецело состоят из электронов и их деятельности, то как могло бы это показать, что люди не есть люди... Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны-ли, особенны ли, отличны ли*

---

[1]) *Отто Глезер:* Размышления об автономности биологической науки. Новые идеи в биологии. Сб. № 1. СПБ. 1913. Стр. 79—80. «Ничто не могло бы быть более физическим и химическим, чем разложение вселенной на системы электронов, продолжает тот же автор. Когда подобное разложение было бы окончено, то органический (соответственно-социальный П. С.) мир и все, что его характеризует, могло бы быть выражено в терминах электронов, если бы такой способ выражения показался удобным... Неужели, однако, не осталось бы совершенно справедливым, что водород есть водород, а кислород—кислород? Если бы даже было доказано, что эти газы представляют собой существенно сходные конфигурации электронов, они тем не менее остались бы индивидуально различными, так что желающие могли бы основать две отдельные науки—о водороде и кислороде,—при чем науки эти были бы автономны... Разложение отнюдь не уничтожает единичности, особенности там, где она существует; и заявить, что это справедливо по отношению к организму, значит, сказать плоскость». Ibid. 84—85.

от неорганических тел люди или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ".

Все сказанное об отличии людей от неорганических тел с соответствующими изменениями *применимо и к отличию их от остальных организмов—животных и растений.* Конечно, представители homo sapiens—организмы, и к ним, как к организмам, применимы законы биологии. Но люди—не только организмы; они сверх того еще существа, одаренные психикой, сознанием, разумом, т. е. *рядом свойств, которых у остальных организмов нет.* В этом смысле они особенны и единичны [1]). В силу этого и явления их взаимодействия отличны от явлений взаимодействия остальных организмов. Первые до сих пор не удалось свести к последним. Но если бы даже социально-психическое общение людей и было сведено целиком к процессам биологическим, то, „анатомический и гистологический анализ людей и их общения не могут показать, что люди суть амебы; они не могут привести к выводу, что люди не есть люди". „Единственный вопрос состоит в том, единичны ли, особенны ли, отличны ли люди или нет. А на этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ".

Перефразируя слова того же О. Глезера, мы можем сказать: „Удивительные процессы социально-психическаго взаимодействия и явлений сознания резко отделяют людей от мира явлений, изучаемых биологией, и образуют специфическую основу для автономности нашей науки. Автономность эта отнюдь не метафизическая или абсолютная, но чисто практическая, подобно автономности физики, химии, астрономии, геологии и биологии" [2]).

Социология и биология, в частности, экология.

Этого положения отнюдь не колеблют выросшие за последние годы отрасли биологических наук: — зоологии и ботаники, изучающие явления взаимодействия между животными и растениями и носящие название: *экологии или зоо-и фито-социологии.* Не колеблют, во-первых, потому, что они и не претендуют на сведение явлений человеческого взаимодействия к чисто биологическому взаимодействию растительных и животных организмов; во-вторых, потому, что процессы взаимодействия, с одной стороны, между жи-

---

[1]) См. об этом ниже.
[2]) Глезер. Ibid. 80.

вотными организмами, с другой — между растениями оказываются столь различными, что заставляют строить отдельные дисциплины зоо-социологии и фито-социологии. Тем больше оснований для самостоятельного существования homo-социологии; в-третьих, потому, что попытки „биологической школы“ в социологии свести социальные явления к биологическим, оказались безуспешными; в-четвертых потому, что сами авторы, пытающиеся рассматривать homo-социологию, как часть биологии, напр. *Ваксвейлер*, принуждены выделять явления человеческого взаимодействия в самостоятельный класс, отличный от других видов взаимодействия организмов, и создавать для его изучения особую науку—социологию [1]. Это только и важно. А там отнесут ли социологию к комиссариату биологии, как это делает Waxweiler, или будут называть ее автономным ведомством,— для сути дела безразлично . . . Вот почему зоо-и фито-социологи, с одной стороны, и homo-социолог, с другой, могут прекрасно кооперировать, не вступая в „ведомственные пререкания“ и не соперничая из за вопросов компетенции и правомочий ([2]).

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать, что *явленія взаимодействия людей суть явления sui generis, отличные от других видов взаимодействия.*

Если *люди и их взаимоотношения, рассматриваемые с точки зрения физика, как простые „центры сил“ или „комплексы материи“, подлежат изучению физико-химических наук, если они же, рассматриваемые как организмы, подлежат ведению биолога, то человеческие взаимоотношения, как явления sui generis, несводимые пока к физико-химическим и биологическим взаимоотношениям и отличные от первых, дают основание для существования особой научной дисциплины, называемой нами социологией или homo-социологией.*

---

[1]) См. Waxweiler: Esquisse d'une sociologie. 1—87.

[2]) О фито и зоо-социологии см. Сукачев: Введение в изучение растительных сообществ, СПБ. 1915; Henslow: L'écologie au point de vue de l'evolution des vègètaux. *Scientia*, т. XIII. Приложение. 87—107. *Морозов:* Лес, как растительное сообщество, СПБ. 1913, *Его же:* Биология наших лесных пород, *Вагнер:* Социология в ботанике (Природа, 1912 г. сентябрь) и др. Я очень просил бы читателя не понимать мою критику скороспелых попыток уравнения соц. явлений с физико-химическими за критику механически-точных методов изучения явлений, свойственных «точным наукам». Как видно будет из нижеследующего, в отличие от г. г. «нормативистов», неудачливо пытающихся изобрести для социологии и социальных наук какие то особые методы, отличные от методов точных «наук о природе», я категорически признаю, что методы естеств. и соц. наук — едины, что только идя путями ест. наук социология может научно прогрессировать. Различны не методы изучения, а объекты тех и других дисциплин.

Если теперь мы покажем, что этот своеобразный мир человеческих взаимоотношений, не изучается никакой другой наукой, то этим самым существование социологии будет оправдано. Оставим пока в стороне так называемые социальные науки.

После сказанного выше едва ли нужно подробно доказывать, что явления человеческого взаимодействия,— *поскольку они резко отличны от процессов взаимодействия неорганических тел,*— не изучаются физико-химическими науками, в частности, физической механикой.

Сложнее стоит вопрос в отношении биологии. Если само по себе очевидно, что мир человеческого взаимодействия не изучается такими биологическими дисциплинами, как морфология, анатомия и физиология, имеющими дело не *с междучеловеческими процессами*, а *с явлениями, данными в пределах (или внутри) человеческого организма*, то иначе обстоит дело *с экологией*, как ветвью биологии. „Под экологией, по определению Геккеля, разумеется наука, изучающая *отношения организма к окружающей его внешней среде*, в смысле совокупности условий существования. Эти условия частью органические, частью неорганические". Сообразно с этим экология изучает: 1) *отношения организма к среде космической* (неорганической), 2) *отношения первого к среде органической*, т. е. *явления взаимодействия между организмами* ([1]). В настоящее время, как выше было указано, часть экологии, изучающая взаимоотношения организмов друг к другу, распалась на две ветви: на *зоо-социологию*, имеющую своим предметом взаимоотношения животных друг к другу, (животные сообщества) и *на фито-социологию*, исследующую взаимоотношения растений друг к другу (растительные сообщества) [2]).

Как видим, экология имеет объектом изучения класс явлений, аналогичный тому, какой является предметом социологии. И тут, и там изучаются факты взаимодействия. И тут, и там подвергаются исследованию процессы взаимодействия организмов (ибо и homo sapiens есть также организм).

---

[1]) *Haeckel:* Generelle Morphologie der Organismen, т. I. Berlin, 1866 г., 286.

[2]) «По аналогии с социологией, задачей которой является изучение взаимодействий между членами общества,.. нашу отрасль знания, изучающую также внутренние взаимодействия в растительных сообществах, их виды, формы и их генезис, можно назвать фито-социологией». *Сукачев:* Введение в учение о растительных сообществах. СПБ. 1915. 119—120.

Спрашивается, поэтому, *не поглощается ли социология экологией?* Не претендует ли социология на место, раньше занятое последней? Короче, не изучаются ли явления человеческаго взаимодействия, помимо социологии, экологией?

Ответ на эти вопросы должен быть таков. *Если люди ничем не отличаются от амеб и др. организмов*, если они не обладают специфическими свойствами, главным образом, в виде ряда психических свойств, если поведение и психика их может быть сведена к тропизмам и таксисам, к простой раздражимости протоплазмы и к рефлексам, если мир человеческаго взаимодействия тождественен с миром взаимоотношений остальных организмов, короче — *если можно поставить знак равенства между человеком и амебой или другим организмом, между человеком и растением,— тогда да, тогда никакой особой homo-социологии не нужно*, тогда учение о взаимодействии людей целиком войдет в зоо- и фито-социологию . . .

Если же дело обстоит иначе, *если нельзя поставить знак равенства между человеком с одной стороны, парамецией, муравьем, рыбой и оранг—утангом — с другой*, если нельзя отождествить homo sapiens с растением, если соответственно с этим — нельзя сказать, что колония полипов, муравьиная куча, рой пчел или лес по существу тождественны с человеческим „обществом“, *тогда ответ будет иным*, тогда мир человеческих взаимоотношений придется выделить в особый класс, тогда рядом с зоо- и фито-социологией придется создать homo-социологию. Тогда существование homo-социологии наряду с фито и зоо-социологией будет необходимо.

Дилемма ясна и в выборе едва ли можно колебаться. Сами биологи, вплоть до Леба и др. крайних механистов, уподобляющих человека машине, признают, что это машина sui generis; а отсюда следует, что явления человеческого взаимодействия образуют специальный разряд явлений, требующий для своего изучения особой дисциплины. Ваксвейлер, конструирующий социологию, как часть биологии, целиком исходящий из принципов Леба и др. крайних механистов в биологии, принужден выделить явления человеческого взаимодействия из других экологических явлений, конструировать их в особый класс (явления de l'affinité social, как вид явлений de l'affinité specifique) и сообразно с этим строить социологию, как особую ветвь экологии [1]).

[1]) См. Esquisse d'une Sociologie, 51—87. В мире взаимодействия растений, говорит он, нет ни малейшего следа *affinité social*. 72. Sociabilité, далее пишет *Ваксвейлер*, свойственна только человеку. В силу этого «сравнитель-

Для сути дела безразлично, назовут ли социологию особой ветвью экологии или признают ее самостоятельным министерством, важно то, что явления, изучаемые ею, суть особые явления, не похожие на другие экологические процессы. А этот факт, как видим, в весьма определенной форме признают и те, кто социологию рассматривают, как ветвь экологии.

Если различие явлений взаимодействия в мире растений и в мире животных заставило размежеваться зоо-социологию от фито-социологии, то тем больше оснований для выделения homo-социологии, изучающей факты, несравненно резче отличающиеся от зоологических и ботанических форм взаимодействия.

Вот почему, и с точки зрения механистов, и с точки зрения виталистов с спокойной совестью можно сказать: *зоо-и фито-социология не только не делают излишней homo-социологию, но напротив они требуют ее существования.*

Этого же требуют и методологические соображения: для науки важно не только сходство явлений, но и их различие. При наличности последнего — а оно здесь на лицо, — было бы нецелесообразно классы явлений, отличные друг от друга, объединять в одну группу [1]).

ная социология людей и животных не может осветить (èclairer) человеческую социологию, как таковую». «Социальные отношения, в виде sociabilité, не существуют у животных; вот почему сравнительное изучение социальных отношений животных и людей неизбежно бесплодно». Jl suit encore de là продолжает он, que si l'on adopte en sociologie la méthode logique qui consiste à aller du simple au composé, les faits sociaux primaires ne seront pas, dans l'ensemble, fournis par la sociologie comparée anthropozoologique, mais plutot par la sociologie comparée purement humaine; un sentiment social aussi complexe que «la confiance», n'aura pas son homologue simple chez les animaux mais chez des hommes à sociabilité peu developpée: une combinaison sociale aussi puissante qu'un trust, sera comparable a une autre forme d'association humaine, non pas à une fourmilière. Si l'on veut chercher dans la sociologie animale le phénomène correspondant à une cooperative de consommation et que l'on apporte un cas de symbiose, on tombe donc dans l'analogie méthaphorique, pour ne pas dire dans le ridicule». Стр. 82—84.

Такие решительные утверждения, по существу вполне правильные, в устах сторонника Леба и др. механистов, лучшее доказательство того, что мир человеческих взаимоотношений пока что не сводим к другим экологическим явлениям.

[1]) Не останавливаясь здесь подробнее на вопросе: чем отличаются факты междучеловеческого взаимодействия от аналогичных явлений, данных в мире животных и растений, — ибо с этим вопросом не раз придется имет дело в дальнейшем» — «сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы признать это различие на лицо. Тех же, кто в этом различии сомневается, прошу поверить мне в этом пункте «в кредит»; достаточные доказательства будут приведены ниже.

Что касается, наконец, *общей части биологии*, то и она не является той дисциплиной, которая изучает явления человеческого общения и делает существование социологии излишним. Это имело бы место лишь в том случае, если бы оказалось верным положение „органической школы“ в социологии, что „общество есть организм“ и потому процессы человеческого общения тождественны с процессами организма. Но, как известно, „органическая школа“ безвозвратно погибла: окончательным ее поражением был тот провал, который постиг ее на третьем международном конгрессе социологии, в 1897 году. Здесь выступали в ее защиту все крупные представители этой школы. И, однако, защита оказалась безуспешной: конгресс вынес абсолютно обвинительный приговор органической школе и всяким попыткам отождествления явлений человеческого общения с организмом и его процессами. „Пусть нам процитируют хоть один пример прогресса социальной науки, обязанный своим бытием аналогиям органической школы! Социология совершенствовалась и совершенствуется благодаря сравнениям различных человеческих обществ, а не благодаря бесплодному сравнению обществ вообще с живыми организмами“, говорил здесь Тард, подводя итоги критике органической школы [1]).

Итог всего сказанного тот, что 1) *явления человеческого взаимодействия пока что несводимы к чисто биологическим процессам*, 2) *если даже они будут сведены, то от этого анализа они не перестанут быть процессами sui generis, ибо никакой анализ не может показать, что люди не есть люди и что человек есть амеба*, 3) *в силу этого изучение этих явлений требует особой дисциплины*, 4) *биология искомой дисциплиной не является*, 5) *таковой должна быть социология или homo-социология*.

Социолог может и должен строить свою дисциплину на данных биологии, он обязан считаться с ними; больше того, там, где это возможно, он должен сводить изучаемые им процессы к их биологическим основам, но было бы ошибкой думать, что это сведение без остатка может быть

---

[1]) См. *Tarde*. La théorie organique des sociétés. Annales de l'Inst. intern. Sociologie. т. IV, 237—8. К данному же тому «Анналов» я отсылаю всех, желающих познакомиться с «органической школой» и критикой ее положений. Он подводит итоги с одной стороны, всем результатам, достигнутым органицистами в области социологии, (доклады Лилиенфельда, Новикова, Вормса), с другой—весьма четко указывает всю бесплодность метода и направления органицистов (доклады Тарда, Л. Штейна и др. критиков этой школы).

выполнено теперь, и что оно позволит поставить знак равенства между homo-социальными явлениями, с одной стороны, фито-и зоо-социальными процессами, с другой.

Социология и индивидуальная психология.

Теперь обратимся к социальным наукам и к наукам о духе и спросим себя: *не изучают ли они* процессы человеческого взаимодействия. Здесь, в первую очередь, встает вопрос об отношении социологии *к психологии* — индивидуальной и коллективной.

Исходя из того факта, что взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое,— обмен чувствами, идеями, волевыми импульсами,—многие социологи, принадлежащие к так называемой „психологической школе“, делали два основных вывода: 1) социология должна опираться на психологию, 2) социология есть ничто иное, как коллективная психология.

Верны ли эти положения? Обратимся сначала к индивидуальной психологии. Спросим себя: изучает ли она явления человеческого взаимодействия? Ответ придется дать отрицательный. *Объекты социологии и индивидуальной психологии различны.* Последняя не изучает явления „интерментальные“, „междучеловеческие,“ а представляет дисциплину, исследующую состав, строение и процессы индивидуальной психики или сознания. Я довольно точно выражу свою мысль, если скажу, что между психологией и социологией дано то же отношение, какое существует в биологии между анатомией, морфологией и физиологией организмов—с одной стороны, и экологией (фито- и зоо-социологией)—с другой. Как первые дисциплины изучают явления, данные в границах организма, а не между-органические отношения, так и психология имеет своим предметом явления, заключенные в пределах индивидуальной психики, а не между-психические или интерментальные процессы. Подобно анатомии психология „анатомирует“ индивидуальную психику, разлагая ее на элементы—волю, интеллект, чувства—эмоции,— подобно физиологии она изучает процессы, данные в пределах индивидуальной души, наконец, подобно мирфологии и систематике она дает классификацию „психологических типов“ (типы характеров, типы псих. темпераментов и т. д.), но ее компетенция не выходит за пределы индивидуальной души или сознания. „Между-психические“ процессы общения, взаимные акции и реакции людей ее не интересуют.

Они стоят вне ея царства, как вне царства анатомии, физиологии, морфологии и систематики стоят экологические явления, изучаемые фито-и зоо-социологией.

Конкретный пример уяснит указанное различие. „Социальный факт, говорит Duprėel, нельзя свести к чисто психическому, и нельзя объяснить его одной психологией. Покажем это на примерах: сумасшествие (la folie) есть факт психологический и биологический; он интересует также и социальную жизнь. Психолог изучает состояние сознания сумасшедшего, он сравнивает его с состояниями сознания более нормальными. Он занимается также действиями сумасшедшего, но он интересуется ими лишь постольку, поскольку эти действия суть показатели психического состояния. Биолог также изучает состояние органов и интересуется актами сумасшедшего, но лишь постольку, поскольку они являются симптоматическими показателями.

Все меняется как только сумасшедствие начинает изучаться с точки зрения социологической. Что именно происходит в душе и в теле сумасшедшего для социолога не важно: не в этом для него главный вопрос. То, что для него важно, это—с одной стороны *природа симптомов, согласно которым общество признает данного человека сумасшедшим;* с другой—*это следствия сумасшествия.* Если сумасшедший в буйном помешательстве ломает мебель, психиатру не важны ни величина убытка, причиненного этими актами, ни чувства и действия, которые этот факт вызовет у собственника разбитой мебели. И обратно, умственное состояние сумасшедшего важно для общества, а следовательно и для социолога лишь по причине следствий, которые с ним связаны. Сумасшествие с точки зрения социологической представляется определенным видом умственных состояний, неизбежно или потенциально связанных с определенными актами, чаще всего убыточными для общества или лиц, близких к сумасшедшему“ [1]).

Таково основное различие между точками зрения или объектами психологии и социологии.

Это различие не могут не признать и виднейшие представители „психологической школы“ в социологии. „Охотно соглашаюсь, говорит Тард, что обычная психология не способна распутать клубок социальных фактов“ [2]).

[1]) *Dupreel:* Sociologie et psychologie. Instituts Solvay. Bulletin mensuel. Янв. 1911 г., 180—6. См. также *Зиммель:* Проблема социологии: Нов. идеи в социологии. Сб. № 1. 136—141.

[2]) *Тард:* Психология и социология. Новые идеи в социологии. Сбор. № 2, СПБ. 1914, 70.

Отсюда его стремление создать „интерментальную“ или взаимную психологию, которая, по его мысли, и должна явиться основной частью социологии. „Я разумею, говорит он, не „обычную психологию“, к которой можно относиться с заслуженным ею пренебрежением, но то, что я позволю себе назвать в дальнейшем изложении—„взаимной психологией“ (interpsychologie)... Между-психология или между-логика являются, в сущности, элементарной социологией, которая одна только и может объяснить социологию сложную или социологию в тесном смысле слова“ [1]). Под объектами последней—социологии в тесном смысле слова—он разумеет определенный вид между-психических отношений. „Не все между-психические отношения суть общественные явления, говорит он. Для того, чтобы быть общественными явлениями, эти отношения должны заключаться в воздействии одного я на другое или на другие или предполагать такое воздействие“ [2]).

Как видно отсюда, интерпсихология или социология Тарда наука совершенно отличная от „обычной“ или индивидуальной психологии. Объекты, задания, содержание и характер их совершенно различны [3]).

Сказанного достаточно, чтобы признать, что *области явлений, изучаемых психологией и социлогией* (или интерпсихологией Тарда), *совершенно различны* и не дают ни малейшего основания для их смешения или отождествления. „При наложении друг на друга“ они не совпадают и не покрываются взаимно [4]).

---

[1]) *Тард.* Ibid. 69—78.

[2]) *Тард* Теория психических воздействий. Русская высшая школа общ. наук в Париже. СПБ. 1905 г., 5.

[3]) *Тард:* правильно понял и аналогию социологии или интерпсихологии с зоо и фито-социологией. «Чтобы яснее выразить мою мысль, говорит он, не лишнее будет сопоставить науку, о которой я говорю, с той, которую можно было бы создать под названием *интер-физиологии* или интер-биологии и которая симметрически соответствовала бы ей. Можно сказать, впрочем, что эта отрасль биологии уже существует... Происхождение видов, рассматриваемое согласно Дарвиновским принципам борьбы и естественного подбора, есть не что иное, как обширный и непрерывный *интер*-физиологический процесс (а не *интра*-физиологический, как воображают иные глубокомысленные естествоиспытатели). Изучение микробов в их взаимных отношениях к крупным организмам есть также обширная и имеющая богатую будущность отрасль интер-физиологии». Теория псих. воздействий. 10.

[4]) В связи с борьбой «социологической» и «психологической» школы вопрос о взаимных отношениях социологии и психологии, как это часто бывает при спорах, совершенно не основательно был осложнен. В споре были затронуты многие проблемы, прямого отношения к делу не имеющие и носящие преимущественно методологический характер: напр., о месте психологии

Социология и коллективная психология.

Что касается отношения социологии к *коллективной или социальной психологии*, или, как ее иначе называют, к „психологии народов“ (Volkerpsychologie), то для решения вопроса надо условиться, что под ней понимается. Изучая то, что фактически дано под этими именами, мы должны сказать, что объекты их если не вполне, то частично совпадают. Так, с точки зрения Сигеле, коллективная психология изучает такие явления человеческаго взаимодействия, единицами которого являются индивиды „неоднородные“ и „имеющие слабую органическую связь“ (Толпа, театральная публика, съезды, случайные собрания и т. п.) В таких группах взаимодействие принимает иные формы, чем в аггрегатах „однородных и органически соединенных“. Это обстоятельство, по мнению Сигеле, служит основой для образования коллективной психологии, отличной от социологии, которая по Сигеле, якобы изучает только взаимодействие „однородных“ и „органически связанных“ между собою единиц [1]).

Такова же точка зрения и Де-ля-Грассери, по мнению которого об'ектом коллективной психологии служат аггрегаты случайные, неорганизованные, не обнаруживающие ни дифференциации, ни координации, ни постоянства отношений. Аггрегаты организованные—объект социальной психологии [2]).

По мнению Г. Лебона, коллективная психология есть наука, изучающая „души рас“ [3]). Большинство итальянцев,

---

и социологии в классификации наук Конта, о том, следует ли объяснять социальные процессы, исходя из свойств индивидуальной психики, или наоборот—последнюю следует объяснять, как функцию социальных процессов, индивид или общество являются реальностью и т. д..

Эти споры, основанные гл. обр. на недоразумении, и прямого отношения к данному вопросу не имеющие, будут затронуты ниже, в различных отделах «социологии». Здесь же достаточно указаного различия между социологией и психологией.

См. об этих спорах: *Сорокин:* Границы и предмет социологии. Новые идеи в социологии. Сб. № 1. 102—108. Новые идеи в социологии, Сб № 2: «Социология и психология», сборник, специально посвященный этому вопросу (ст. *Де-Роберти, Дюркгейма, Тарда, Колле, Драгическо, Паланта).* См. также *Baldwin:* Psychologie et sociologie (l'individu et la sociètè). Изд. Междун. социол. библиотеки., Соответственные места в работах Уорда, Дюркгейма, Коста, Леви-Брюля, Бугле и др.

[1]) *Сигеле:* Преступная толпа. СПБ. 1896 г. 3—17.

[2]) *Де-ля-Грассери:* De la psychosociologie. Revue de sociologie. 1912 г. № 3, 163 и сл.

[3]) *Лебон:* Психологич. законы эволюции народов. СПБ. 1906 сл. «Душа рас».

*

помимо коллективной психологии и социологии, различают еще социальную психологию. Так, по Росси, коллективная психология изучает взаимодействие, данное в случайных аггрегатах, (в „толпе"), возникающее на почве синестезии (sinestesia collettiva); социальная психология изучает „душу народа или расы", т. е. душу устойчивых аггрегатов; социология же является венцом той и другой науки, имея своим объектом „социальное взаимодействие (il concorso sociale mutuamente consentito), сначала бессознательно-автоматическое, а потом все более и более сознательное" [1]).

Близко смотрят на дело Ф. Сквилаче, Кольмо, Гроппали и др. Тард, как мы видели, вместо коллективной психологии строит психологию интерментальную, отождествляя ее с социологией [2]).

Из этого краткого обзора понятий коллективной или социальной психологии следует: 1) если она ставит своей задачей изучение всех основных форм взаимодействия между людьми и явлений возникающих в процессе этого взаимодействия, т. е. то же, что, согласно данному выше определению, изучает и социология, то, очевидно, она сольется с последней и одно из этих двух названий будет излишним. Которое? — совершенно безразлично, ибо суть дела не в названии, а в самом характере науки. В этом случае я предпочитаю название социологии. 2) Если под коллективной или социальной психологией понимают то, что понимают под этими терминами Сигеле, Грассери, Тард, Росси, Сквиллаче и др., то, очевидно, она будет просто на просто главой социологии, как науки, изучающей все основные формы взаимодействия между людьми.

Так разрешается вопрос о взаимоотношении социологии и коллективной, социальной или интерментальной психологии.

---

[1]) *P. Rossi*: Psicologia collettiva. Milano. 1900. 213. Sociologia e psicologia collettiva. 2 изд. 99—112, 145—149.

[2]) *Тард:* Теория психич. воздействий. «Термин: социальная или коллективная психология кажется мне неудовлетворительным. Он может повести к недоразумениям, п. ч. мистические умы стремятся прикрыть этим ярлыком понятие об обществе, как о каком то гигантском мозге, составленом из наших маленьких мозгов и обладающем особым социальным «Я», отличным от наших индивидуальных сознаний. Кроме того, этот термин остается темным и неясным и относится только к одной из разновидностей обширного класса и т. д. Вот почему я нахожу, что нужно говорить не об изучении коллективной или социальной психологии, а об изучении другой науки, более общей и более точной, которую я называю интер-психологией» (interpsychologie). 3—5.

Социология и специальные дисциплины, изучающие взаимоотношения людей.

Теперь остается рассмотреть *взаимоотношение социологии и отдельных социальных наук*, изучающих тот же разряд явлений, который изучается и социологией.

Возьмем ли мы политическую экономию, или науку права, или науку о религии, или дисциплину, изучающую искусство, все они, как и другие „социальные" науки, изучают явления человеческаго взаимодействия. Dupreel вполне правильно указывает на то, что „основные понятия права сводятся к понятию социального отношения" (или взаимодействия). Отношение вверителя к должнику, господина к рабу, супруга к супругу—все это частные виды междучеловеческих взаимоотношений или взаимодействий. „Явление собственности представляет не простое отношение хозяина к вещи, но отношение между собственником и другими членами общества". То же приложимо и к явлениям, изучаемым административным, государственным, уголовным правом и т. д. Короче—„всякое правовое отношение—это вид социального взаимоотношения, рассматриваемый со специальной точки зрения" [1]). Л. И. Петражицкий прекрасно показал, что сами объекты права суть человеческие акты (делания, неделания и терпения), взаимные акции и реакции людей между собою [2]). Короче, наука права изучает специальный вид явлений человеческаго взаимодействия.

То же может быть сказано и о политической экономии Объект последней—совместная хозяйственная деятельность людей [3]) т. е. определенный вид взаимодействия людей в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Такие явления, как взаимоотношения спроса и предложения, как отношения, возникающие на почве ценности, как само явление ценности и т. д., по справедливому указанию Дюпрееля, суть частные виды социальных отношений или взаимодействия людей [4]).

То же может быть сказано и о других социальных науках: о науке нравов, морали или этике, науке о религии,

---

[1]) См. *E. Duprèel*: Le rapport social. (Essai sur l'objet et la méthode de la sociologie). Paris. 1912. гл. IV, 48—113.

[2]) См. *Петражицкий:* Теория права. т. I и II. Passim.

[3]) См. курсы политической экономии: *Туган-Барановского, Чупрова, Железнова, Мануйлова, Каблукова и др.* См. в особенности *Р. М. Орженцкій.* Понятие об эк. явлении. 1903.

[4]) См. подробнее Duprèel: Le rapport social. 56—70.

об искусстве, и т. д. Наука нравов изучает коллективные способы мышления и действования людей. Мораль—определенный вид человеческаго поведения и дает рецептуру должного взаимоповедения; эстетика изучает явления взаимодействия, складывающиеся на почве обмена эстетическими акциями и реакциями (между беллетристом и читателем, актерами и зрителями, художником и толпой, пианистом и слушателями и т. д.) Наука о религиозных явлениях имеет своим объектом процессы взаимодействия верующих, объединенных общностью верований, идей и чувств, превращающей верующих в коллективное целое, называемое церковью, и т. п. [1]).

Короче, так называемые „социальные науки“ изучают тот или иной вид взаимодействия людей.

Раз дело обстоит так, раз объекты социологии и социальных наук если не вполне, то частично между собой тождественны, спрашивается: в каком же отношении стоит к ним социология? Является ли она *простым ярлыком*, обозначающим совокупность всех социальных дисциплин, или же она имеет *самостоятельное существование, как независимая*, не сливающаяся ни с одной из социальных наук отрасль знания?

Что касается основных взглядов, данных в социологической литературе по этому вопросу, то их можно разделить на две-три главные группы: 1) взгляд, считающий социологию лишь *corpus'ом всех социальных наук* (социология представляет простой термин, обозначающий совокупность всех отдельных наук, изучающих мир социальных явлений); 2) взгляд, отводящий социологии в качестве ея объекта определенный вид социального бытия, *не изучаемый другими науками* и 3) взгляд, признающий социологию самостоятельной наукой, которая изучает *наиболее общие родовые свойства* явлений человеческого взаимодействия.

Разсмотрим каждый из этих взглядов. Примером первой точки зрения могут служить первоначальные мнения Дюркгейма и его сотрудника Фоконнэ. „Социология, говорят они, есть и может быть лишь системой, corpus'ом социальных наук“ [2]).

---

[1]) См. подробнее об этом у Dupreel'я ibid. 70—113.

[2]) См. *Durkheim*: Sociologie et sciences sociales. Revue philosophique. 1903 г., 465 и сл. Я пишу: «первоначальные мнения Дюркгейма» потому, что позднее он, повидимому, изменил свои взгляды по этому вопросу. В другой статье, под тем же названием, напечатанной в сборн. «Метод в науках» он уже допускает существование «общей социологии», изучающей то, что составляет единство этого (социального) рода, что характеризует социальный факт in abstracto» «Метод в науках». Изд. «Образования». стр. 233. Позднее

Примерами второй точки зрения могут служить мнения Зиммеля, Бугле, Гумпловича и др.

Третья точка зрения, разделяемая едва ли не большинством социологов, представлена М. М. Ковалевским, Де-Роберти, Де-Грефом, Уордом, Морселли, Эллвудом, Кареевым, Дюркгеймом (в позднейшую стадию), Вормсом и др.

Остановимся на этих взглядах. Мотивы первого мнения таковы. „Социальный мир, пишут Дюркгейм и Фоконне, есть мир бесконечный, о котором нельзя составить ясного, не искаженнаго представления, пытаясь охватить его разом и во всей полноте, ибо в таком случае надо заранее согласиться на ознакомление с ним лишь в главных, общих очертаниях, надо удовольствоваться самым смутным познанием его. А потому необходимо, чтобы каждая часть его изучалась отдельно; каждая из них достаточно обширна для того, чтобы быть предметом целой науки“ [1]).

Эти мотивы правильны. Разделение труда между науками в целях более детального изучения явления—вещь необходимая и неизбежная. Но отсюда вовсе не следует то заключение, которое делают авторы цитаты. Специализация и дифференциация наук, как увидим ниже, не только не исключают, а напротив, требуют синтетическую науку, обобщающую основные результаты анализа; во вторых, если бы социология была *только* простым corpus'ом социальных наук, то она превратилась бы в *пустое слово*, в *этикетку*, напрасно вводящую в заблуждение наивных людей. В качестве такой этикетки, лишенной своего собственнаго содержания, она была бы совершенно излишней. „В результате явилось бы только новое имя, между тем как все, обозначаемое им, уже установлено по своему содержанию и своим отношениям или же вырабатывается в границах старых областей исследования“ [2]).

Как видим, первый взгляд приходится отвергнуть.

Обратимся ко второму. Этот взгляд сходен с третьим в том, что оба они признают социологию, как самостоятельную дисциплину, не сливающуюся с другими, специальными науками о социальных явлениях. Различие их между собою состоит в том, что второе из указанных выше решений

он еще более категорически высказывается на этот счет и обвиняет Ришара в искажении его взглядов. Дюркгейм пишет: «утверждение Ришара о том, что по Дюркгейму общая социология невозможна—радикально ошибочно». «Возможность общей социологии я не отрицал и не отрицаю». См. L'annèe sociologique, т. XII, (1913 г., Paris), стр. 1.

[1]) *Дюркгейм и Фоконне.* Revue philos., 474.

[2]) *Зиммель:* Проблема социологии. Нов. идеи в социологии. Сб. № 1. 111.

обосновывает эту самостоятельность социологии на своеобразии ее объекта; этим объектом должны быть явления, не изучаемые другими социальными науками. Социология должна иметь „свой угол“ для исследования. Это своеобразие об'екта социологии дает ей автономность и превращает ее в специальную же дисциплину, отличную от всех остальных социальных наук. Третий взгляд, в отличие от второго, обосновывает самостоятельность социологиии не на том, что она должна обрабатывать „свой клочек“, не вспахиваемый и не разрабатываемый другими дисциплинами. Но на том, что существование специальных наук, изучающих отдельные стороны мира человеческаго взаимодействия, делает необходимой науку, которая изучала бы родовые свойства, общие всем явлениям или сторонам человеческого взаимодействия.

Ее объектом являются те же явления, части которых изучаются специальными науками, но под иной точкой зрения: социология берет их во всей их целокупности, глобально, и фиксирует свое внимание лишь на том, что между ними есть общаго, свойственного всем видам социальных явлений. Воспользуемся аналогией. На фабрике каждый рабочий имеет свое дело и выполняет ту или иную специальную функцию. Однако, это разделение труда не только не делает не нужной работу директора или правления, которое ведает всем предприятием, устанавливает общий план работ и сметы, наблюдает и координирует работы всех специалистов и рабочих, короче ведает фабрикой, как целым единством, но напротив, требует такой систематизирующей и синтезирующей деятельности. Без нее все дело пойдет вкривь и вкось, и фабрика развалится. То же применимо и к области взаимоотношения социологии к частным социальным наукам. Роль специалистов здесь играют последние, роль правления или директора—социология. Таково обоснование автономности социологии согласно третьему из указанных взглядов.

Рассмотрим каждый из них. В качестве наиболее типичного примера второго решения возьмем теорию *Зиммеля*. По его мнению, объектом социологии являются *формы* общения. Вся „материя“ социальных явлений, говорит он, уже захвачена и изучается другими социальными науками. Здес социологии нечего делать. Если, однако, она хочет жить самостоятельно, она должна иметь свой „клочек“ для разработки. Единственным подобным „клочком“, не разрабатываемым другими дисциплинами, являются сами „*формы общения*“, которые до известной степени, независимы от „материи“ или „содержания“ явлений взаимодействия. Подобно тому,

как одни и тѣ же геометрическіе формы, напр., шар, могут быть наполнены разным содержаніем, и обратно—одно и то же содержаніе (матерія) может заключаться в различных геометрически пространственных формах—так одни и тѣ же формы общенія или взаимодѣйствія людей могут в одном случаѣ выступать с одним содержаніем, в других—с другим, и обратно. „В общественных группах, самых несходных по цѣлям и по всему их значенію, мы находим все же одинаковые формы отношенія личностей друг к другу. Главенство и подчиненіе, конкуренція, подражаніе, раздѣленіе труда, образованіе партіи, представительство, одновременное развитіе сомкнутости внутри и замкнутости во внѣ и безсчетное множество других явленій встрѣчаются в государственном общежитіи, и в религіозной общинѣ, в шайкѣ заговорщиков и в экономическом товариществѣ, в художественной школѣ и в семьѣ. *Как бы ни были многообразны интересы*, которые вообще приводят к этим обобществленіям,—*формы, в котором они совершаются, могут быть одинаковы*. И с другой стороны: *одинаковый по содержанію интерес может представиться в весьма разнообразно оформленных обобществленіях, напр.*, экономическій интерес реализуется путем конкуренціи и путем планомѣрной организаціи производителей; тождественные религіозные жизненные содержанія требуют гдѣ свободной, гдѣ централистической формы общежитія; интересы, заложенные в основѣ отношеній полов, находят удовлетвореніе в необозримом многообразіи семейных форм“ и т. д. [1]).

„Соціологія продолжает Зиммель, как ученіе об общественном бытіи человѣчества, которое и в безконечно многих других отношеніях может быть объектом науки, относится таким же образом к остальным спеціальным наукам, как к физико-химическим наукам о матеріи относится геометрія [2])

Такова сущность точки зрѣнія Зиммеля. Сходна с ней позиція и Бугле [3]).

Другіе соціологи, в принципѣ стоя на той же позиціи, в качествѣ особого объекта соціологіи выдвигают другіе признаки. Так, Гумплович видит такой объект соціологіи „в движеніях человѣческих групп и в взаимном вліяніи их друг на друга“ [4]).

---

[1]) *Simmel*: Soziologie. 1908. 8—9.
[2]) *Simmel*. Jbid. 12.
[3]) *Bouglė:* Les sciences sociales en Allemagne. Paris. Alcan 160.
[4]) *Гумплович*: Un programme de sociologie. Annales. т. I, 76, 104. Соціологія и политика. 1895. 50 и сл; Основы соціологіи; СПБ. 1899, 112 и сл.

Приемлемо ли, спрашивается, такое решение вопроса о взаимоотношении социологии к остальным социальным наукам?

И да, и нет. Поскольку явления, называемые Зиммелем „формой общения“, охватывают совокупность свойств, принадлежащих всем различным „по содержанию“ явлениям человеческаго общения, постольку его позиция приемлема; но она в этом случае сводится к третьей точке зрения. Поскольку же под формами общения разумеется класс явлений sui generis, не изучаемый другими науками и делающий социологию *специальной* наукой, подобной другим социальным наукам, поскольку социология в этом случае является не наукой „генерализирующей“ (по выражению Риккерта) или наукой „номотетической“ (по терминологии Виндельбанда), а дисциплиной частной, обрабатывающей „частичный уголок“ явлений взаимодействия людей, постольку точку зрения Зиммеля придется отвергнуть. Допустим, что Зиммель прав, что „формы общения“ действительно даны, как нечто отличное от материи или содержания явлений общения. Допустим далее, что для изучения первых будет создана особая наука. Что из этого следует? Только то, что к числу существовавших специальных наук прибавится еще одна специальная. Но отсюда вовсе не следует, что не нужно „генерализирующей“ науки об общих свойствах социальных явлений; не следует и то, что эта добавочная специальная дисциплина может выполнять функции „генерализирующей“ науки или встать на ее место. Появление такой добавочной ветви знания соответствовало бы увеличению рабочих специалистов фабрики добавочным рабочим специалистом, но оно отнюдь не покрывало бы собой потребности предприятия в директоре или в правлении. Без последних, выполняющих направляющие, „генерализирующие“ функции, предприятие не может обойтись. Подобно этому (как сейчас я покажу,) без „генерализирующей“ дисциплины не может обойтись и совокупность частных наук об явлениях человеческого взаимодействия. Поэтому, „социология“ Зиммеля, поскольку она была бы специальной дисциплиной, не устраняла и не устраняет необходимость „генерализирующей“ науки о родовых свойствах явлений человеческого общения.

Своей попыткой Зиммель в лучшем случае создал бы добавочную частную науку, названную им социологией, и только.

Но и этого фактически нельзя сказать о конструкции германского социолога. Мнимая убедительность Зиммелев-

ского построения всецело покоится на метафорических оборотах его терминологии, в частности, на излюбленном немцами противопоставлении „формы", и „материи". Эти термины уместны в области художественных явлений, а не в области понятий, имеющих дело с явлениями общения. Стоит проанализировать эти „воззрительные" выражения, и вместо „подкрашенных незнакомок" под ними окажутся чрезвычайно старые знакомые вещи; „форма" превратится в более широкое, обусловливающее понятие (родовое), „материя"—в обусловленное первым видовое понятие. Так, понятие „человек" является формой для понятия „мужчина", а мужчина—материей по отношению к первому понятию. Отсюда вывод: едва ли правильно противопоставление „формы" и „материи", как чего то совершенно разнородного. Штаммлер, весьма охотно кокетничающий с этими терминами, при попытке отдать себе отчет в них, принужден придти к этому же выводу и таким образом лишить свои построения прелести „новизны" [1]).

То же приходится сказать и о Зиммелевском противопоставлении материи и формы. Его построения в этом смысле или принципиально негодны, или же сведутся к тому, что „формы" Зиммеля представят обусловливающие понятия, „материя"—обусловленные. Принципиально негодны они в силу необоснованности аналогии с геометрическими формами. Геометрия может и должна говорить о формах, ибо она имеет дело с пространством. Ея объект по существу „воззрительный". В явлениях же общения людей положение вещей совершенно иное. Разве власть или подчинение, разделение труда или конкуренция, имеют какую-нибудь воззрительно-пространственную форму? Треугольны они или круглы? Широки или узки? Плоски или выпуклы? Эти категории совершенно не приложимы к этим понятиям, как

---

[1]) «Чтобы иметь отчетливое представление о высших понятиях, пишет *Штаммлер*, необходимо критически выяснить следующие вопросы: какие составные части можно мысленно отбросить, сохраняя в то же время, самое понятие, под которое подводится рассматриваемое представление, и при устранении каких элементов, наоборот, исчезает совершенно и данное понятие? Эти последние элементы дают *форму* понятия, первые же относятся к его *материи*». Иными словами «элементы первого порядка суть элементы *обусловливающие*, вторые же суть элементы *подлежащие определению*». Общее понятие права будет формой для различных частных правовых постановлений; эти последние будут материей по отношению к первому.

Штаммлер: Хозяйство и право, т. I. СПБ, 1907, 122. Еще яснее та же мысль, что форма суть родовое, обусловливающее понятие, а «содержание» или «материя» видовое или частное, выражена им в его: Theorie der Rechtswissenschaft. Halle. 1911, 7 и сл.

неприложимы они и к дифференциации, к солидарности и т. д. А, ведь, раз проводится аналогия, должна же она иметь какое либо сходство! Здесь его нет, поэтому все аналогии с шаром и т. д. приходится признать простыми метафорами, лишь затемняющими, а не уясняющими суть дела.

Совершенно ошибочным, далее, является положение, будто бы могут быть одни и те же формы общения с совершенно различным содержанием, и обратно—одно и то же содержание общения в различных формах. Прекрасное подтверждение этой ошибочности дает никто иной, как сам Зиммель на протяжении всего курса своей: „Soziologie".

Перед нами „форма общения" в виде явлений властвования и подчинения. Спрашивается, тождественна ли она в деспотии и в современной республике, при властвовании одного, неограниченного монарха над группой и при властвовании двоих, или народных представителей над гражданами? История нам ясно отвечает на этот вопрос и отвечает отрицательно. Так же отвечает и сам Зиммель. Властвование одного над группой имеет совершенно иную „форму", чем властвование „двоих". взаимоотношение властителя к подчиненным, его природа, его функции—совершенно различны во всех этих случаях [1]).

От мнимой тождественности „форм общения" при различных содержаниях ничего не остается, кроме слова „властвование", да общих, родовых признаков взаимоотношения власти к подвластным.

То же можно видеть и на анализе других „форм общения", исследуемых Зиммелем [2]).

Вот почему его тезис: одна и та же форма общения может наполняться различным содержанием, и обратно,—либо абсолютно ложен, либо в лучшем случае этот тезис должен быть понимаем так: родовое явление (напр., властвование) может распадаться на виды. Родовое явление (или соответственное родовое понятие) условно называется формой, видовое—материей. *При таком понимании понятие социологии Зиммеля, как выше было указано, сводится к третьему из указанных взглядов*: социология, как наука о формах общения, под которыми разумеется совокупность отношений, наиболее общих и родовых, свойственных каждому явлению взаимодействия людей, есть наука изучающая эти родовые свойства процессов общения.

---

[1]) См. *Simmel*: Soziologie Гл. 3; Uber-und Unterordnung. Стр. 141.

[2]) См. напр. гл., Die quantitative Bestimmtheit der Gruppe.

Так, фактически, дело и обстоит. *Зиммель глубоко ошибается, когда думает, что „формы общения“, изучаемые его социологией, не изучаются другими социальными науками и не являются „материей“ последних.* Разве то же явление властвования и подчинения не составляет предмет изучения науки государственного права? „Власть и государство“, понятия: „власти“, „междувластных отношений“, „форм и видов властвования“ и т. п.—разве все это не главы этой науки, которые можно встретить в любом курсе государственого права [1])?

„Формы общения“, называемые им Die Treue, и Dankbarkeit, точно также изучаются, в качестве „материи“ в ряде социальных наук (напр., явления обмена, спроса и предложения, изучаются политической экономией); солидарность и разделение труда одинаково изучаются и этикой, и наукой о государстве, и политической экономией; влияние числа на организацию группы составляет предмет демографии и т. д. [2]). Короче,—*социология Зиммеля имеет своим объектом явления, изучаемые рядом частных социальных наук; поэтому, его положение, что социология должна обрабатывать „свое поле“, не обрабатываемое другими отраслями знания, им не доказано. Отсюда вывод: поскольку он обосновывал автономность социологии на только что указанной предпосылке, ему этой автономности доказать не удалось.*

Вывод из всего сказанного о конструкции Зиммеля таков: 1) Если бы ему удалось выделить для социологии вид взаимодействия, не изучаемый другими дисциплинами, то это означало бы лишь создание добавочной специальной отрасли знания, нисколько неделающей не нужной „генерализирующую“ науку в смысле третьего, указанного выше взгляда. 2) Собственная концепция Зиммеля, построенная на противопоставлении „формы“ и „материи“, ошибочна: неверно его утверждение, что одна форма общения может иметь различное социальное содержание; неверно, что одна и та же „социальная материя“ может проявляться в различных формах общения; неверно его положение, что явления, называемые им „формами общения“, не изучаются другими социальными науками; наконец, лишена всякой основы ана-

---

[1]) См. напр. *Дюги:* Конституционное право. 1908. 24 и сл. *С. Котляревский:* Власть и право. 1915 г. *Палiенко:* Суверенитет. 1903. *П. Покровский:* О госуд. власти. Юрид. Записки. 1914 г, вып. XXI—XXII: *Б. Кистяковский:* Сущность госуд. власти. Юрид. Зап., 1913, вып. III. Курсы. *Коркунова, Петражицкого. Тарановского* по общей теории права, курсы *Эсмена, Н. И. Лазаревского* и др. по госуд. праву.

[2]) Simmel: Soziologie: 581—598, 403—453, 47—133 и др.

логия „форм общения“ с геометрически пространственными формами. 3) Какой нибудь смысл и содержание операции Зиммеля с „формой и материей“ могут иметь только в том случае, если эти термины понимать в смысле явлений и понятий обусловливающих, родовых (форма) и обусловливаемых, видовых (материя). А в этом случае концепция Зиммеля сводится к третьей из указанных выше точек зрения относительно взаимоотношения социологии и частных социальных наук.

Все сказанное о Зиммеле с соответствующими изменениями применимо и к другим авторам, примыкающим ко второму из указанных выше взглядов.

Обратимся к рассмотрению третьего решения. Оно гласит: *социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства явлений взаимодействия людей*, отдельные виды или стороны которых *изучаются специальными, т. н. социальными науками.*

Такой ответ сразу же вызывает ряд вопросов: нужна ли такая наука? Не будет ли она простым ярлыком для всего corpus'а социальных наук? Не обречена ли она по сути дела на диллетантство и поверхностность? Такие и подобные возражения раздавались и раздаются. Остановимся на них.

Я не раз выше указывал, что дифференциация наук не только не исключает, но напротив требует существования „генерализирующей“ науки.

1) Это положение основывается прежде всего на том, что там, где дан ряд явлений, распадающихся на несколько видов, там должна быть дана и наука, изучающая общеродовые свойства данного разряда явлений. Здесь вполне применима теорема Л. Петражицкого, гласящая: „Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий должно быть n+1; напр., при наличности 2-х видов требуется 2+1 = 3 науки; при наличности 3-х видов—4 науки и т. д.“ [1]). Такое требование вытекает из прин-

[1]) *Петражицкий.* Введение в теорию права. 80. «В самом деле, продолжает проф. Петражицкий, если класс *a* (напр. правовые явления) и класс *b* (напр., нравств. явления)—действительно классы сродных явлений, т. е. на ряду со своими специальными особеностями имеют и общие черты и свойства, относятся к тому же высшему роду, то для надлежащего познания объектов того и другого класса необходимо как знание родовых, общих, так и специфических свойств; но при наличности только двух дисциплин, теории *a* (напр., права) и теории *b*, (напр., нравственности) такое знание невозможно в виде вполне правильных теорий, а неизбежно или полное отсутствие знания родовых свойств или же наличность в обоих дисциплинах хромых теорий; для избежания того или другого необходима наряду с двумя видовыми дисциплинами, изучающими специфические особенности класса *a* и класса *b*, еще одна высшая, родовая дисциплина *c*, изучающая и излагающая свойственное общему роду». Ibid. 80—81.

ципа адекватности теории. Растения и животныя—это два вида, принадлежащие к общему роду организмов; наряду с их специфическими свойствами они имеют и общие свойства. Поэтому, наряду с ботаникой и зоологией дана третья наука—общая биология, имеющая своей задачей исследование этих общих, родовых свойств явлений жизни.

То же применимо и к социологии. В целях лучшего и детального изучения явлений социальной жизни здесь необходима специализация наук; каждая из специальных дисциплин будет изучать и изучает частный вид явлений человеческого взаимодействия (см. выше). Но все эти виды, как частные случаи родового факта,—человеческаго взаимодействия,—должны иметь и ряд общих свойств. Изучение их требует „генерализирующей" науки об этих родовых свойствах; такой дисциплиной является социология. К числу n частных социальных наук, изучающих n видов социального явления, должна присоединиться n+1-ая наука—социология.

2) Бытия такой „генерализирующей" науки требует и *принцип экономии сил*. Вместо того, чтобы каждая частная наука говорила о законах и отношениях, имеющих место не только в пределах изучаемых ею явлений, но и в ряде других видов данного рода, научно-экономнее и правильнее будет, если такие законы и отношения будут сразу формулированы в применении ко всем видам явлений, где они имеют место. Ценность положения: „сигары в 10 лотов весом притягиваются прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния" равна нулю, хотя это положение и правильно. Иначе совсем обстоит дело с положением: „все тела притягиваются прямо пропорционально массе" и т. д. Это положение Ньютона поистинне было великим открытием и прежде всего *с точки зрения экономии сил* [1]).

[1]) «Открытие этого закона, правильно говорит Чупров, обозначает собою переворот в теории тяготения. Почему? И до Ньютона допускали, что солнце как целое притягивает планеты; приходила также в голову мысль о законе обратной пропорциональности квадрату расстояния. Ньютон совершил лишь переход от рассмотрения сил, действующих между телами конечных размеров, к изучению сил, с которыми притягиваются бесконечно малые частицы. Но этот переход сопряжен с такой экономией умственной энергии, что по праву занимает отводимое ему место в истории вопроса. Если бы память должна была удерживать в отдельности каждый установленный в этой области единичный факт (напр., что сигары в 10 лотов весом, что медный куб и шар., что два камня и т. д. притягиваются согласно формуле тяготения. П. С.) то с ростом знаний сложность проблемы вышла бы за пределы ограниченных способностей человеческого разума». Благодаря открытию Ньютона, «мы

Множество частных случаев оно свело к общему явлению; частное проявление отношений тяготения, замечавшееся в отдельных случаях, оно сделало родовым свойством материи вообще. И в этом его громадное значение. С точки зрения экономии сил всякое превращение частного случая в общий факт, видового явления или свойства в родовое—раз такое превращение соответствует действительности—будет научным выигрышем. В силу этого принципа не только возможна, но и методологически необходима социология, ставящая своей целью изучение родовых свойств явлений взаимодействия. Учение о таких свойствах было бы большим приобретением с точки зрения экономии сил.

3) Существования социологии в этом смысле требуют и сами интересы специальных наук. Нет сомнения, что социология, как наука индуктивная, неразрывна от частных наук, анализирующих мельчайшие факты социальнаго взаимодействия и только от них и через них она получает данные для формулировки своих обобщений. В этом смысле частные дисциплины могут быть названы видами *специальной* социологии. Поэтому, ее прогресс зависит от прогресса первых.

Но если верно это, столь же верно и обратное положение, что прогресс специальных наук зависит от прогресса социологии. Duprat прав, говоря: „социология столь же необходима для прогресса специальных наук, как эти последние для прогресса самой социологии“ [1]). Различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, напр., явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на других. „Заработная плата рабочих, напр., зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. Она падает и подымается в зависимости от наших представлений о минимуме благополучия, которое может требовать для себя человеческое существо, т. е. в конце концов, от наших представлений о человеческой личности“. (Связь идей и эконом. фактов). Формы политического устройства связаны и зависят от числа и плотности населения [2]).

сразу выходим из затруднения: пестрая масса отдельных фактов становится тотчас легко обозримою. Весь богатый запас наблюдений резюмируется в краткой формуле». *А. А. Чупров*: Очерки по теории статистики. 1909 г. 9—11.

[1]) *Duprat*: Science sociale et démocratie. Paris. 1900, 71 стр.

[2]) См. для примера: *Coste:* Les principes d'une sociologie odjective. 1899 г. *Его же:* L'experience des peuples (1900) *Simmel*: Soziologie гл. 2.

Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности. [1]) Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований [2]). Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа [3]) и т. д. Короче, в подлинной действительности все явления взаимодействия людей одни с другими связаны.

Поэтому, если экономист ограничился бы только экономическими явлениями, игнорируя и не учитывая явления не экономические и влияние последних, то вместо законов, формулирующих действительные отношения экономических явлений, он дал бы лишь воображаемые законы, не способные совершенно объяснить подлинные экономические процессы. А раз это так, то ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом, координирующим отношения основных форм социальной жизни. То же mutatis mutandis применимо и ко всякой специальности. Так или иначе координирования и установления взаимоотношений между различными классами социальных явлений не избежать любому специалисту. Волей неволей он здесь вынужден выступать как социолог и как не „специалист".

Мало того, уже само выделение определенной стороны социального бытия, напр., религиозной, в качестве особого объекта, из общего комплекса социальных явлений, предполагает наличность общего понятия социальных явлений, их основную классификацию, черты сходства и различия членов этой классификации с выделяемым членом и т. д. и т. д. Без этих предпосылок, и без правильного разрешения этих задач немыслимо ни правильное определение изучаемого вида соц. явлений (напр., права, религии, хозяйства и т. д.) ни верное определение взаимоотношений между ним и другими видами явлений общения, ни правильная формулировка основных закономерностей, данных в правовой, экономической, религиозной и др. областях исследования. Значит. каждый специалист есть всегда и социолог и не может не быть им. И если социологии бросают упрек в диллетантизме в виду того, что невозможно де охватить все стороны

---

[1]) См. *Дюркгейм*: Разделение общест. труда 1900 г. *Bouglè:* Revue générale des théorie récentes sur la division du travail. L'année sociologique. т. 6, 73—122.

[2]) См. *Bouglè:* Le regime des castes. 1908.

[3]) См. напр., *Demolins:* Comment la route crèe le type social, т. I и II. Librairie de Paris.

общественной жизни, то тот же упрек и с тем же правом можно бросить любому специалисту, ибо и специалист явно или тайно неизбежно должен быть социологом. Различие здесь будет лишь в том, что „специалисту“ приходится разрешать все эти общие вопросы „по случаю“; ad hoc, „с кандачка“; социология же, как наука специально занимающаяся этими проблемами, будет разрешать и разрешает их планомерно, систематически. В первом случае при поспешном разрешении больше шансов впасть в ошибки, во втором—меньше.

Не этим ли объясняются „неудачи“ специальных дисциплин, большинство которых до сих пор еще ищет определения своего объекта? Конечно, социолог не будет решать указанные вопросы одним приемом, независимо от данных специальных наук. Но если успех его работы обусловлен прогрессом последних, то с другой стороны, как видно из сказанного, и прогресс последих зависит от совершенства социологии. В этом убеждает нас и история социологии, и история специальных наук. Совершенствование последних влекло за собой улучшение социологии и обратно, сам факт обоснования и развития последней вызвал в итоге почти во всех частных науках настоящую революцию. Неоспоримым фактом развития их за последние десятилетия является тенденция „социологизирования“ последних. И наука о праве, и наука о хозяйстве, и дисциплины, изучающие явления: религиозные, эстетические, психологические, язык, нравы, обычаи, движение народонаселения и т. д.—все они за эти десятилетия в большей или меньшей мере „социологизировались», прониклись общесоциологическими принципами и понятиями, соответственным образом перекрасились, короче—не избегли влияния этой дисциплины. „Социологизм“ специальных наук—знамение времени. Этот факт достаточно убедительно говорит о неразрывной связи между первыми и последней, о взаимной обусловленности их совершенствования и взаимной заинтересованности в существовании и развитии каждой.

Вот почему, вполне правильно утверждение, что сами интересы специальных наук требуют существования генерализирующей науки в форме социологии. Вот почему Orgaz вполне прав, говоря, что если в наше время в самой социологии, под влиянием школы Дюркгейма, наблюдается тенденция разработки „специальных“ социологий, то эта тенденция не только не исключает, а напротив, требует развития генерализирующей или общей социологии, унифицирующей

явления „философски“ (Вормс) „методологически“ (школа Дюркгейма) „субстанционально“ (органико-реалистическая школа [1]).

Вот почему прав и Maupas, настаивающий на методологической ценности социологии. „Исключая специфических областей социальной реальности, социология может иметь лишь генеральный характер. Отныне она имеет своим объектом проблемы методологические, общие всем соц. наукам; ея миссия—систематизировать результаты, добытые последними. Позже, она может ставить и новые проблемы, которые, выходя из пределов специальных наук, позволили бы ей, как физике, дать обобщения, дающие знания объ субстанциональной реальности основного социального факта“ [2]).

4) Вообще говоря, положение социологии по отношению к частным дисциплинам *то же самое*, что и положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и к др. специальным биологическим отраслям знания [3]); положение общей части физики к акустике, электрологии, учению о свете и т. д:, положение химии—по отношению к химии органической, неорганической и т. п. Поэтому тот, кто вздумал бы говорить, что социологии, как единой науки нет и не может быть, а есть только специальные науки,—тот должен был бы доказать, что нет физики, как общей и единой науки, нет общей биологии, общей химии и т. д. [4]).

Впрочем, такие голоса сейчас перестали звучать: социология уже вышла из того состояния, когда можно было оспаривать ее право на существование. Теперь это существование факт и право на него у социологии несомненно.

Таково решение вопроса об отношении социологии к частным социальным наукам. Как я уже сказал, на этой позиции в данном вопросе стоит большинство социологов“ [5]).

---

[1]) См. *R. Orgaz:* Sociologie générale et sociologie spéciale. Revue intern. de soc. 1914. № 3.

[2]) *Maupas:* Caracteres et critique de la sociologie. 209.

[3]) «Общая биология исследует законы, приложимые ко всем живым существам всех групп», правильно говорит Ле-Дантек. См. *Le Dantec*: Il y a une biologie générale. Revue phylosophique. 1912. Июнь. 561—62.

[4]) См. об этом *Де-Роберти:* Новая постановка основн. вопросов социологии. 262. *Ковалевский*: Социология. т. I. ст. 1910 г. гл. I по V. Здесь же читатель найдет и подробную трактовку вопроса об отличии социологии от философии, истории, этики, психологии, зоо-психологии, статистики, истории учреждений, права, этнографии и полит. экономии.

[5]) См., кроме цитированных авторов, *Де-Грееф:* Precis de sociol. 8. *Морселли:* Sociologia generale 1898. 33. *Уорд*: Очерки социологии. 1901. 113. *Гиддингс.* Основ. социологии. 1898. гл. II. *Кост.* Les principes d'une sociol. objective, 33

На этом мы можем окончить предварительную характеристику сициологии. В предыдущем я кратко ответил на три основных вопроса: 1) какие явления социология изучает, 2) почему эти явления для своего изучения требуют создания специальной дисциплины, 3) каково взаимоотношение социологии и других научных дисциплин, как социальных, так и физико-химических, биологических и психологических.

Более детально и более определенно физиономия социологии выяснится в последующих главах данной работы.

ГЛАВА II.

Архитектоника социологии и ее основные отделы.

§ 1. Теоретическая и практическая социология.

В предыдущей главе я кратко наметил границы и предмет социологии. Теперь очертим ее архитектонику. Вопросы архитектоники любой дисциплины, вопросы не принципиальные, а скорее вопросы научного удобства и практической продуктивности. Научный материал каждой науки можно распределять различно. Важно лишь одно: чтобы это распределение было научно продуктивно, помогало бы разработке проблем данной науки и облегчало бы усвоение самого материала.

Если в других, более развитых науках—я разумею дисциплины физико-химические и биологические—успели уже установиться на этот счет определенные шаблоны и определенное разделение науки на основные отделы,—то в социологии таких шаблонов пока что нет. Здесь, что ни автор,—то своя система, что ни курс—то свой порядок [1]).

и сл. *Duprat*: Science sociale et democratie. 31—77. *Small*: ст. в American journal of sociology. 1912, сентябрь. *Ellwood*: Sociology in its psychol. aspects. 1912. 15 и сл. *Richard*: La sociologie générale et les lois sociologiques. Paris. 1912. *Ваксвейлер*: Esquisse. *Dupréel:* Le rapport social. *Pareto:* Trattato di sociologia generale. Firense. 1916 г. т. I., гл. I. *Палант*: Очерк социологии. 1910. гл. II. *Cornejo:* Sociologie generale 1911. т. I.. гл. I. *Кареев:* Введение в изучение социологии. 1907. 1—3. *Хвостов*: Социология. 1917. 1—3. *Squillace*: I problemi costituzionali della sociologia. 1907. гл. IV—VI.

[1]) Помимо социологических курсов для подтверждения сказанного мне достаточно сослаться на анкетный материал «комитета 10-ти социологов», опубликованный в American journal of Sociology. В Америке комитетом 10 социологов, в состав которого вошли все более видные социологи Заокеанских республик, была произведена анкета с целью выяснения вопросов:

Не только нет сходства в распределении материала в пределах каждого крупного отдела социологии, но не установлено шаблона и в самом делении последней на эти основные отделы. Правда, со времени О. Конта, разделившего социологию на два основных отдела: социальную статику и социальную динамику,—это деление в той или иной форме можно встретить почти у всех социологов. Но это сходство самое общее, и скорее внешнее, чем внутреннее: само понятие социальной статики и динамики трактуется социологами далеко не одинаково.

Вот почему каждому социологу приходится итти своим путем и руководствоваться своим научным тактом.

С точки зрения автора данной работы наиболее целесообразным будет такое деление социологии:

I. *Теоретическая социология*, изучающая явления человеческого взаимодействия с точки зрения *сущаго*. II. *Практическая социология*, исследующая их с точки зрения *должного*. Это деление в общем и целом соответствует принятому теперь в Америке делению социологии на: pure sociology и applied sociology [1]). Оно диктуется необходимостью различения чисто теоретических дисциплин, научных в узком смысле этого слова, от дисциплин практических, представляющих скорее искусство, а не науку. Строение тех и других с точки зрения логической совершенно различно [2]).

в каких учебных заведениях преподается социология, что под этим названием преподается фактически, каковы система, подразделение, план и материал социологических курсов, наконец, каковы те научные и педагогические принципы, которые положены в основу преподавания социологии. Материал, полученный таким путем, как и следовало ожидать, рисует весьма пеструю картину. См. The american journal of Sociology, т. 16, № 6, т. 17, № 5.

[1]) «Чистая наука, пишет Уорд, есть наука теоретическая; прикладная—практическая. Первая ищет и устанавливает принципы науки, вторая указывает действительное или возможное применение этих принципов. См. Ward: Reine Soziologie. Innsbruck., 1907 г. т. I. 2—5. Сходны определения *Райта*, *Small'a* и др. «Общая социология, пишет последний, есть наука об условиях (физических и психических), элементах, формах, силах, процессах, результатах и усложнениях человеческого общества. Специальная социология (прикладная социология, соц. технология или социальная политика), опираясь на данные общей социологии, ставит своей задачей, выработку мер, способных обеспечить прогресс и достижение поставленных целей». Ст. Small'a в Amer. journ of Sociology. 1912, Сентябрь.

[2]) См. об этом: *Сорокин*: Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть. Преступление и кара, подвиг и награда. 1914. Введение. Его же: «Категория «должного» и ее применимость к изучению обществ. явлений». Юрид. Вестник. 1917 г. № 1.

Теоретическая социология и ее отделы.

I. *Теоретическая* социология в дальнейшем распадается на три основных отдела: 1) *Социальную аналитику*, 2) *Социальную механику и 3) Социальную генетику.*

Объясним кратко основания и характер этого деления.

1. Предметом *социальной аналитики является изучение строения* (структуры) *социального явления и его основных форм.* Этот отдел распадается на два основных под'отдела: 1) на социальную аналитику, изучающую строение *простейшего социального явления*: (а) определение такого явления, b) разложение его на элементы, с) систематика основных его форм) и 2) на социальную аналитику, изучающую строение *сложных социальных единств*, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений: а) определение таких единств, b) разложение их на простейшие соц. явления, с) классификация основных видов таких сложных социальных соединений.

Как анатомия растений или животных открывается анатомией клетки, в качестве простейшего организма, и потом уже переходит к анатомии тканей, органов и многоклеточных организмов, так же и социальная аналитика изучение социальных явлений должна начинать с изучения простейших форм последнего и потом уже переходить к анализу более сложных социальных образований.

Таким образом социальная аналитика есть учение о социальных явлениях, рассматриваемых, во-первых, статически, взятых в пространстве, а не во времени, во вторых, изучаемых не с точки зрения функциональной, а с точки зрения их строения.

2. *Социальная механика* (или социальная физиология) имеет своим предметом изучение не строения, *а процессов взаимодействия людей* иными словами—*поведения людей и тех сил, которыми оно вызывается и определяется.*

Задачи социальной механики или соц. физиологии по отношению к социальным явлениям те же, что и биологической физиологии по отношению к организму. Отношение ее к социальной аналитике то же, что и отношение физиологии к статическим биологическим дисциплинам: к анатомии (гистологии), морфологии и систематике. Подобно тому, как в биологии „основной задачей физиологов является установление ряда жизненных превращений и сведение их, по возможности, к точной физико-химической причинности“,

так и здесь основной задачей социальной механики является изучение ряда процессов социального взаимодействия или изучение поведения людей, живущих в среде себе подобных, исследование факторов, обусловливающих это поведение и формулировка причинных связей существующих между этими факторами и актами человека. Подобно тому, как в физиологии процессы „изученные и постигнутые, каждый в отдельности, должны быть затем, как звенья громадной жизненной цепи, сочетаны вместе, чтобы можно было придти *к познанию жизни, как целого*“ [1]), *так и здесь социальные процессы*, изученные в отдельности, должны быть „сочетаны вместе, чтобы можно было придти к познанию общественных явлений, как целого“ [2]).

Пользуясь данными социальной аналитики, социальная механика занимается изучением социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача дать классификацию „раздражителей“ поведения людей. Вторая задача—изучение влияния каждого раздражителя („фактора“) на поведение людей и через последнее—на общественные явления. Свойства и функции каждого „раздражителя“ сначала должны изучаться *отдельно* (подобно химии, изучающей каждый элемент отдельно, кислород, водород и т. д.) затем необходимо изучить функции и свойства этого раздражителя в *соединении с другим* „раздражителем“ (*по два*) (подобно химии, изучающей, напр., соединение кислорода с водородом: H_2O). В этом случае изучение даст возможность установить социальные эффекты такого совместного действия двух „раздражителей“, их взаимоотношение и т. д. (иными словами функции раздра-

---

[1]) *Іост*: Физиология растений—СПБ. 1914 г. 1.

[2]) Довольно удачно под именем социальной механики характеризует эту часть социологии Уорд. «Предмет социологии, пишет он, есть человеческое творчество, творческая деятельность (Errungenschaft). Дело идет не о том, что такое люди, а о том, что они делают; не о структуре, а о функции. Социологи до сих пор работали, главн. образом, в области социальной анатомии, теперь их внимание должно быть направлено в область соц. физиологии». Об'яснением этого факта игнорирования соц. физиологии, по его мнению, служит ошибочная мысль, что физиология динамична и связана с соц. прогрессом. «Но физиология—это чистая функция. Она спрашивает и отвечает на вопрос: что делают структуры и органы. Последние для нее лишь чистое средство, функция же—цель... Анатомия нужна, но она только предверие... Поскольку социология имеет дело с социальной деятельностью людей, постольку она является изучением поступков (Handlungen)... и процессов, благодаря которым различные социальные продукты рождаются в жизнь... Оформившись они становятся перманетными. Человеческий полип постоянно строит коралловый риф, на высшей поверхности которого живет и действует последнее поколение». Ward: Reine Soziologie. 18—19.

жителя A должны изучаться в соединении с AA_1, AA_2, AA_3, AA_4 и т. д.). Следующий этап заключается в изучении социальных функций „раздражителей“ по *три*$_3$ (AA_4A_2, AA_1A_3, AA_1A_4 и т. д.) (подобно, напр., H_2SO_4); далее—по *четыре* и т. д.

Если бы социальной механике удалось сколько нибудь удачно справиться с задачей разложения и классификации сил, определяющих поведение людей, а через поведение—и ход социальных событий, такое изучение их функций дало бы возможность хоть сколько-нибудь понять бесконечно-сложный узор общественных явлений, уловить их закономерность, короче—хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изиды, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов, делает народы и человечество не повелителями своих судеб, а жалкими игрушками непонятных и неизвестных нам социальных стихий.

Вне такого изучения эта задача неразрешима. Вне ее социология попрежнему будет бессильно топтаться среди необозримого океана социальных явлений; вне ее мы будем бессильно барахтаться в волнах социального моря, неспособные ни понять их, ни управлять ими, ни даже уяснить себе нашу прошлую историю, осознать наше настоящее и тем более—предвидеть будущее. Здесь перед социологией дилемма: или она такую аналитику и механику создаст—тогда она действительно будет наукой, или она их не создаст,—тогда попрежнему слова „социология и социальные науки“ будут обозначать по преимуществу поток слов, а не научных формул, море фраз, а не научных теорем, раскрывающих нам функционально-причинные зависимости социальных событий.

Нет надобности говорить, что эта задача бесконечо трудна и если она вообще разрешима, то это разрешение потребует работы ряда поколений. Но иного выхода нет и потому социологии волей-неволей придется идти по этой дороге.

3. Что касается *социальной генетики* или *генетической социологии*, то она, соответствуя в основных чертах социальной динамике О. Конта (в биологии—учению о происхождении и эволюции видов), основной своей задачей ставит формулировку *исторических тенденций или линий развития*, обнаруживающихся в неповторяющемся во времени развитии, как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон или институтов. На ряду с этой задачей она же должна дать объяснение *различных отклонений и отступлений от этих тенденций, поскольку такие отступления даны в ту*

или иную эпоху, в той или иной сфере общественного взаимодействия.

Иными словами, социальная генетика изучает основные постоянные линии развития социальной жизни, данные во времени, а не в пространстве.

Следуя довольно распространенной терминологии, ее иначе можно назвать теорией социальной эволюции (в отличие от оценочной теории прогресса) [1]).

Как видно из сказанного, генетическая социология не является историей: она не описывает подробно ни историю общественной жизни, ни историю любого института. Это— задача истории и специальных исторических дисциплин. Социология и здесь формулирует лишь наиболее общие, родовые тенденции развития, данные во времени. Описательная же история—дело специальных дисциплин [2]).

Преследуя указанные задачи, генетическая социология вместе с тем может быть пробным камнем правильности теории социальной механики: если теоремы последней правильны, то комбинация раздражителей, соответствующих условиям определенного общества в определенную эпоху, на основании теорем механики, должна дать именно ту конкретную картину и те события, которые действительно произошли в данное время, в данном общении людей. Если аналитические теоремы механики истинны, то вычисленные на их основании эффекты должны совпасть с действительно происшедшими историческими событиями. Если этого совпадения нет—значит теоремы механики не точны или неверны.

Таковы три основных отдела теоретической социологии.

---

[1]) О различии понятий эволюции и прогресса см. *Сорокин*; Основные проблемы прогресса. Нов. идеи в социологии. Сб. № 3.

[2]) В силу «случайных» конкретных обстоятельств, в частности, того факта, что до недавнего времени историки мало занимались первобытным обществом и исходными моментами в развитии отдельных соц. институтов (семьи, собственности, государства, хозяйства, религии, права и т. д.), социологам пришлось взять на себя почин изученя в этой области; поэтому многие стали называть генетической социологией изучение первобытного общества и исходных моментов в развитии обществ. жизни. См., напр., *М. М. Ковалевский*: Социология, т. II, «Генетическая социология». Думается, такое приурочение термина «Генетическая социология» к истории первобытного общения людей лишено логических оснований. Историческое описание любой эпохи—дело истории, а не социологии; это относится и к первобытной эпохе. Генетическая социология занимается лишь формулировкой исторических законов, а не историческим описанием первобытной обществ. жизни. Взаимоотношение генетической социологии и истории правильно формулировано *Н. И. Кареевым*. См. его «Историко-филос. и социол. этюды». СПБ. 1899, ст. Задачи социологии и теории истории. 135—139.

Практическая социология.

II. Задачи *практической социологии или социальной политики* ясны из самого ее названия. Она должна быть осуществлением афоризма О. Конта. Savoir pour prevoir, prevoir—pour pouvoir. (Знать—чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь). Эта дисциплина должна быть прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, формулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям, подобно тому, как прикладная химия, технология, агрономия, медицина, санитария, опирающиеся на соответствующие теоретические науки—физику, химию, биологию и т. п.—отдали на служение человечеству силы пара, электричества, воды, ветра, теплоты, короче силы неорганического и, в меньшей мере, силы органического мира.

Благодаря слабому развитию социальных наук человечество до сих пор бессильно в борьбе с социальными бедствиями и не умеет утилизировать социально-психическую энергию, высшую из всех видов энергий. Мы не способны глупого делать умным, преступника—честным, безвольного—волевым существом. Часто не знаем, где „добро", где „зло", а если и знаем, то сплошь и рядом не способны бороться с „искушениями". Если биологическая медицина еще далека от совершенства, то „социально-психической" медицины нет почти и в зародыше. Мудрено ли поэтому, что наша борьба с социальными бедствиями дает наглядную иллюстрацию истории человеческой глупости. Преступников мы лечим эшафотом и тюрьмами, душевно-больных—домами сумасшествия, способными здорового делать идиотом, но не наоборот; общественные волнения мы исцеляем пулеметами и осадными положениями, невежество—рядом многолетнего глупения в классной комнате, нужду голодного—смертью, разврат—домами терпимости.

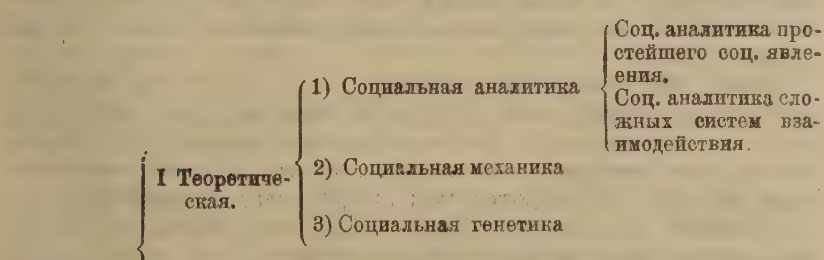
Более ярких доказательств нашего невежества нельзя и придумать. Положение дел может измениться лишь тогда, когда мы лучше будем знать закономерности и причинные отношения явлений взаимодействия. Тогда дана будет почва и для появления рациональной социальной политики. В отличие от бессодержательных, хотя и напыщенных „систем морали", большею частью представляющих набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить и что либо излечить, социальная политика, подобно прикладной меди-

цине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни, (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т. д.), для наилучшего использования социально-психической энергии. Короче, она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики, как теории должного поведения.

Таковы в основных чертах главные отделы социологии и основные задачи каждого из них. Нужно ли говорить, что эти задачи необъятны, и трудности, встающие на пути их достижения, бесконечны. Вместо неопределенной науки „общих фраз“ перед нами вырисовывается грандиозная дисциплина. Вместо диллетантского „социологизирования“ и обычая открывать все тайны обществ. жизни волшебным ключем какого либо одного „фактора“, приправленного неизменными: „Сезам откройся“, перед нами рисуется тернистая дорога кропотливого исследования, требующая гениальных способностей, бесконечных сил, терпения и воли для того, чтобы успешно продвигаться по ней.

Но иного пути нет. „Легкие“ пути не дадут ничего, кроме новых словесных груд. Решение всех этих задач— дело ряда поколений, дело сотен и тысяч работников, которые кирпич за кирпичем будут вносить в общую сокровищницу науки. Хотя рисующиеся задачи бесконечно велики, но для коллективной мысли человечества нет границ и непреодолимых препятствий. По крайней мере, существование таких границ не доказано.

Будем верить, что будущее возведет великое здание социологической науки, смутный абрис которой я набросал в этой главе.

ГЛАВА III.

Понятие взаимодействия людей и методы его изучения.

§ 1. Понятие взаимодействия и поведения людей. Социология, как наука о поведении взаимодействующих людей и его результатах.

До сих пор я не раз пользовался термином: „взаимодействие", но точного определения этого термина не давал. Теперь восполним этот недостаток. Определение взаимодействия людей таково. *Явление взаимодействия людей дано тогда, когда a) психические переживания или b) внешние акты c) либо то и другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов.* Иными словами, *когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют.*

Этим определением явление взаимодействия людей, изучаемое социологией, очерчивается точно и ясно.

а) Всякий раз, когда мы можем констатировать, что *психические переживания* А (ощущения, представления, идеи, чувства, эмоции, воления) зависят от существования и состояния В, обусловливаются последним, изменяются под его влиянием, иначе, где В служит „раздражителем" психических состояний и поведения А, мы говорим: А и В взаимодействуют.

в) Всякий раз, когда *внешние акты* А являются функцией существования и состояния В: (вызываются, изменяются, задерживаются под влиянием переживаний, поступков и существования В), мы говорим:—взаимодействие между А и В существует.

Здесь под *внешними актами* разумеются все внешние, доступные наблюдению, движения индивида, начиная с доступных наблюдению физиологических процессов и кончая поступками или цепью последних; иными словами, под внешними актами разумеются как „рефлексы отправления", так и „рефлексы поведения". Само собой разумеется, что не все они одинаково легко могут наблюдаться и не все имеют одинаково важное значение. Чисто внутренние физиологические реакции в этом отношении играют второстепенную роль; главное значение приобретают внешние, видимые реакции поведения, в выполнении которых так или иначе участвует весь

организм. *Совокупность таких внешних актов составляет то, что мы называем поведением человека* (*behavior*, *comportement*) [1]).

c) Всюду, где и *психическое переживание*, *и внешние акты* А обусловлены существованием и состоянием В, мы говорим: взаимодействие между А и В дано.

Примеры: Благодаря появлению в данной комнате В радостное настроение А сменилось „грустью". Угрозы В вызвали переживания страха в А. На лицо взаимодействие между А и В, (тип „а"). Телеграмма, полученная А от В из Америки заставила А *итти на почту* и дать ответ. Появление ребенка В „вызвало" на устах его матери А „улыбку". Слово В побудило А ответить на „оскорбление" „пощечиной". Грязная одежда В заставила А, сидевшего с ним рядом в трамвае, *пересесть* на противоположную скамью. На лицо взаимодействие. (Тип „b").

Медленность движения трамвая, управляемого вагоновожатым В, вызывает *раздражение и злобу в настроении* торопящегося А и заставляет его *взять извозчика.*

Игра артиста В доводит „до неистовства" г-жу А и заставляет ее „бешено *апплодировать*". Декрет комиссара В, призывающий А на военную службу, „*повергает его в уныние*" и заставляет *итти* в комиссариат.

На лицо взаимодействия между А и В („тип „С").

Из этих примеров, иллюстрирующих основное положение, становится совершенно ясным понятие взаимодействия людей. В интересах большей ясности я подразделил его на три основных типа, чтобы оттенить, что взаимодействие дано всюду, где внутренние переживания или внешние акты, или, наконец, то и другое одного или одних индивидов являются

---

[1]) Поведение и внешние акты в нашем смысле совпадают с тем значением, которое придают этим терминам ряд американских исследователей поведения животных и человека. «Под поведением я разумею, пишет *Дженнингс*, общие телесные движения организма. Они не вполне резко отличимы от внутренних физиологических процессов. Термин поведение (behavior) представляет коллективное имя для наиболее резких и очевидных форм деятельносли, выполняемых организмом».

Jennings: Behavior of the Lower Organisms. New York. 1906. V.

Сходно определяет эти термины и *Пармели.* Под поведением (behavior, а не conduct), он разумеет «внешние видимые движения животного организма, составляющие (constitute) внешний физиологический процесс».

Parmelee. The science of human behavior. New-York. 1913. 1.

Уже, чем наше, то понимание, которое дает этим терминам *М. Даутолл.* Он под поведением разумеет лишь акты, в выполнении которых участвует весь организм, и вдобавок акты конативно—целевые.

См. *М. Даугалл:* Основн. проблемы соц. психологии. М. 1916. 259—60. Его же: Psychology, the Study of Behavior. 1912.

функцией данности (существования и поведения) других или другого индивида [1]).

---

[1]) Но здесь встает вопрос: раз отношение взаимодействия между А и В. или большим числом индивидов дано тогда, когда переживания и поступки (либо то и другое) одного (одних) из них зависят от существования и состояния другого или других индивидов, то не ведет ли это к тому, что в каждый данный момент мы должны признать *взаимодействующими всех людей земного шара?* Разве в конечном счете, можно отрицать, что состояние и поведение каждого из нас обусловлены состоянием и поведением всех людей? Как бы ни было незначительно влияние поведения какого либо китайского сановника или австралийского фермера, но в конечном счете, и оно является одним из условий, определяющим собою судьбу Ивана, Петра, Павла, находящихся далеко от них и даже не ведающих об их существовании?

На эти вопросы я отвечаю отрицательно и в силу тех же оснований, в силу которых всякая номографическая наука не считается с возражением что «все в этом мире связано» и что поэтому причину того или иного явления нельзя искать в той или иной конкретной причине, а надо такой причиной считать все состояние мироздания в предшествующий момент», Социология, как и всякая «генерализирующая наука», в своем причинном анализе опирается на общие постулаты индукции, в частности на постулат «*наличности в мироздании параллельно развивающихся и независимых друг от друга рядов причинно обусловленных явлений*», полагаемых Курно в основу теории науки. Tout se lie, tout s'enchaine dans ce monde—допущение подобной всеобщей взаимной обусловленности явлений, если не сводить его бессознательно на нет, делает номографическую работу невозможной, говорит правильно А. А. Чупров, следуя Cournot. Если каждое единичное явление представляется следствием всего состояния мироздания в предшествующий момент времени, то никакой анализ, никакие индуктивные или иные методы не в состоянии подвинуть нас ни на шаг на пути номографического изучения вселенной. Но такое допущение противоречит «здравому смыслу», *А. А. Чупров*: Очерки по теории статистики. 99—100. «Никто не будет в серьез принимать, цитирует он блестящие строки Курно, что, топая ногою, может повлиять на движение корабля, плывущего по водам противоположного полушария, или сотрясти систему спутников Юпитера; влияние, во всяком случае, было бы столь ничтожно, что не обнаружилось бы ни в каком уловимом для нас действии, и *мы совершенно вправе с ним не считаться.* Не представляется невозможным, чтобы событие, происходящее в Китае или Японии, отразилось на том, что имеет произойти в Париже или Лондоне, но вообще, несомненно, способ, каким располагает свой день парижский обыватель, ни в коей мере не зависит от того, что происходит в каком-либо китайском городе, куда европейцы никогда не проникали. Это как бы два небольших мира, в каждом из которых наблюдается своя цепь причин и их действий, и цепи эти развиваются одновременно, не переплетаясь и не оказывая друг на друга сколько-нибудь заметного влияния».

К понятию взаимодействия вполне применимы и дальнейшие слова Курно. «От следствия (в данном случае состояние А, зависящее от В. П. С.) мы восходим к его *непосредственной* причине (Акт В. П. С.); эта причина, в свою очередь, представляется следствием и т. д... Эта неопределенно длинная цепь причин и действий, следующих друг за другом, – цепь, в которой наблюдаемое ныне явление представляет лишь одно звено,—представляет по существу своему линейный ряд. Бесконечно большое число подобных рядов может существовать одновременно: эти ряды могут скрещиваться, так что одно и то же явление, если в возникновении его участвовало несколько различных

Очерченное понятие взаимодействия по своему логическому характеру достаточно точно и определенно. Но можем ли мы, на основании этого определения, в каждом данном случае сосуществования людей сказать: „вот здесь взаимодействие между ними существует; а здесь его нет“? Иными словами, нет ли в данном определении взаимодействия таких признаков, которые не легко доступны констатированию, которые не представляют внешних явлений и потому легко могут остаться незамеченными? Если такие признаки есть, то не делают ли они бесполезной всю логическую точность определения и неработоспособным все понятие и критерии взаимодействия?

В предыдущем определении я указал, что взаимодействие людей потенциально дано не только тогда, когда одни внешние акты, или внешние акты и психическое состояние одного индивида являются функцией существования и состояния другого или других индивидов, но оно дано и тогда, когда *одно психическое состояние индивида* зависит и изменяется в силу существования и состояния другого человека.

Вот этот то случай взаимодействия и заставляет остановить на нем наше внимание и удалить все вытекающие из него неясности.

Здесь, встают два вопроса: 1) Бывают ли в действительности случаи, когда изменение психического состояния индивида не влечет за собою или не сопровождается теми или иными изменениями его поведения? 2) Если такие случаи бывают, то как мы можем изучать их? На основании каких признаков мы можем сказать, что психические переживания А претерпели такое-то изменение, что индивид А находится во взаимодействии с В?

Что касается первого вопроса, то, насколько можно судить по современным данным, на него приходится ответить отрицательно. Согласно результатам, добытым современной психологией и физиологией *представляется невероятным изменение психического состояния без тех или иных внешних или внутренних физиологических процессов*. Всякое психическое переживание обычно сопровождается теми или иными изменениями в поведении человека: переживания любви, ненависти, чувство боли или удовольствия, осознание идеи, воле-

---

явлений, входят следствием в несколько разных рядов причин или порождает, в свою очередь, несколько рядов следствий, которые, начиная с этого исходного момента, им всем общего, будут в дальнейшем оставаться различными и совершенно друг от друга оторванными». *Cournot*: *Essai sur le fondements de nos connaissances*, Paris. 1851 г. 49—52. *Чупров:* Ibid. 104—105.

вое решение, короче все психические акты влекут за собой то или иное изменение поведения, в виде: „ласкового взгляда", „угрожающего жеста", „гримасы боли", „улыбки", тех или иных слов, того или иного движения рукой, дрожания мускулов, прилива или отлива крови к различным органам, изменения походки и т. д. и т. д. Эти внешние проявления внутренних, субъективных переживаний могут быть весьма резкими и крупными (напр., то или иное волевое решение часто „объективируется" в длинном и сложном ряде актов, совершаемых в течение недель и месяцев, на протяжении которых индивид стремится достигнуть намеченную цель), иногда же эти внешние показатели могут быть весьма незначительными, замечаемыми лишь с великим трудом и то путем тщательного изучения и анализа. Несмотря на такие случаи, допуская даже такие факты, где современными методами исследования быть может и нельзя будет открыть никаких внешних проявлений изменения психического состояния, все же мы должны думать, что „психический процесс и мозговой процесс неотделимы друг от друга", что „по современным воззрениям нет ни одного душевного, resp. сознательного или субъективного явления, которое не сопровождалось бы движением нервного тока, пробегающего по клеткам и волокнам мозговой ткани" [1]). Это положение следует также из того, что сама психическая жизнь в ея высших проявлениях возможна лишь там, где есть развитой мозг и в частности серое корковое вещество мозга [2]). Раз так, то минимальный физиологический "кореллят" субъективного переживания всегда будет дан в форме хотя бы нервно-мозгового процесса и ряда реакций, совершающихся в нервной системе. Та же объективная психология и физиология показывают нам, что и любое из психических переживаний, начиная с простейших актов ощущения и восприятия и кончая сложнейшими субъективными переживаниями, так или иначе проявляются в тех или иных внешних явлениях, в тех или иных рефлексах [3]).

Вывод из сказанного тот, что *на основании современных научных данных представляется невероятным, чтобы какой либо психический процесс происходил без тех или иных внешних, физиологических процессов, чтобы изменение психических*

---

[1]) *Бехтерев:* Общие основания рефлексологии. Петроград. 1918. 3. 16.

[2]) См. об этом *Вагнер.* Биологич. основания сравительной психологии. Изд. Вольф. т. II. 272—285; т. I. Passim.

[3]) См. об этом *Бехтерев:* Op. cit. гл. I и II, XIX, XXXIII, XXXIV—XXXVII и passim.

переживаний так или иначе не отражалось на внешнем поведении человека или его внутренних физиологических процессах. Случаи, где такого „внешнего“ выражения нет, следует понимать в том смысле, что пока мы не имеем достаточно тонких инструментов для наблюдения и констатирования этих незначительных внешних изменений поведения.

Таков вкратце ответ, который приходится дать на первый из поставленных вопросов.

Теперь перейдем ко второму. Допустим на минуту, что возможны чисто психические переживания, не сопровождающиеся никакими внешними процессами. Вообразим, напр., что слова В сильнейшим образом подействовали на А, вызвали в его „душе“ „настоящую бурю“, перевернули в ней все вверх дном, но что А *абсолютно ничем не обнаружил, не проявил во вне эту душевную революцию.* Выражение его лица, тон его голоса, ритм его слов, характер его движений, ход и характер его физиологических процессов, короче—все его поведение, включая сюда и все доступные наблюдению внутренние физиологические процессы А, ни на иоту не изменились. Спрашивается, доступны ли будут нашему наблюдению такие явления? Можем ли мы что либо сказать о них? Можем ли даже узнать о них? В состоянии ли мы улавливать такие формы взаимодействия? Ответ ясен сам собой. Такие душевные революции, не сопровождаемые никакими внешними проявлениями, если они даже и возможны, (что невероятно) не доступны наблюдению, мы их не можем замечать, мы даже не можем догадаться об их существовании. Для нас они равны несуществующим.

Вот почему *факты взаимодействия, где только одно психическое состояние А изменяется и зависит от существования В, без изменения поведения А, такие факты не доступны наблюдению, мы не можем знать даже об их существовании; следовательно,—они равны несуществующим, если бы даже и были возможны.*

Таким образом, на практике явления взаимодействия людей сводятся ко второму и третьему из указанных выше случаев (типы: „в“ и „с“), т. е. к функциональной зависимости либо внешнего поведения А, либо и внешнего поведения и внутренних переживаний от существования и поведения В.

Если дело обстоит так, то тем самым отпадают и те неясности в понятии взаимодействия, вопрос о которых был только что поставлен.

Так как фактически невероятно, чтобы возможно было изменение психических переживаний без соответствующего

изменения поведения, так как такое изменение одной психики, если его даже допустить, все равно недоступно наблюдению, то взаимодействие всегда (и в случае „в“ и „с“) проявляется во внешних актах людей, т. е. во внешних явлениях, доступных наблюдению и констатированию.

Отсюда следует модификация определения взаимодействия. Вот она. *Взаимодействие людей дано там, где поведение одного индивида*, в *одних случаях сопровождаемое сознанием, в других— нет, является функцией поведения другого или других людей.*

Подставляя это значение взаимодействия в данное выше определение социологии мы получаем следствие: *социология изучает*: 1) *такие виды поведения людей, где поведение одних является функцией поведения и существования других*: 2) *явления, возникающие в результате такого поведения.* Иными словами, *социология есть наука о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия и о результатах такого поведения.*

§ 2. Субъективный и объективный методы изучения психических явлений Спор. „субъективистов“ и „объективистов“ в психологии и социологии. Решение спора.

Проблема.

Сказанное, однако, ничуть не предрешает вопроса о способах изучения явлений взаимодействия. Если из области изучения социологии выпадают случаи чисто психических переживаний, не объективируемых во вне никакими внешними признаками,—так как такие явления не существуют, а если существуют, то недоступны изучению—то этим не предрешается вопрос: *изучать ли въ остальных явлениях взаимодействия только внешние акты или вместе с ними и те психические переживания, которыми они в ряде случаев сопровождаются?* Иными словами, следует ли изучать явления взаимодействия только с внешней, объективной стороны, совершенно не касаясь внутренних, психических переживаний взаимодействующих индивидов? Или следует изучать их и со стороны суб'ективных переживаний? Если остановиться на последнем решении, то как и каким образом возможно изучение субъективных состояний взаимодействующих индивидов?

Вопросы эти, как известно, уже давно волнуют психологов и физиологов; спор между сторонниками субъективной психологии, признающими возможным и необходимым изучение психических состояний, как таковых, и сторонни ками

объективной психологии, отрицающими возможность и продуктивность изучения психики и заменяющими изучение последней изучением внешних актов и физиологических процесов, явление не сегодняшнего дня.

Раз социологу приходится иметь дело с психическими явлениями, он не может избежать этих вопросов. Куда, по которой из этих двух дорог он должен пойти? Многим, быть может, покажется странным сама постановка такого вопроса. „Ясно, скажут они, что надо изучать и психические переживания. Не психическими ли по своей природе являются социальные факты? Как же обойтись без изучения психики?“

Но дело обстоит не так просто, если мы поглубже вникнем в суть дела. Положительному решению вопроса: следует ли в явлениях взаимодействия изучать не только внешнюю сторону, данную в актах, но и соответственные психические переживания, мешают два главных препятствия: 1) *неопределенность самого понятия „психического“ и его синонимов* (сознание, душевное явление и т. п.) и 2) *недоступность психики прямому наблюдению.*

Любой исследователь, стремящийся к точности своих положений, избегающий оперирования с неопределенными терминами и субъективизма в своих изысканиях, не может не считаться с такими фактами: введя психические термины в свои построения, оперируя с субъективными, недоступными прямому наблюдению, психическими процессами, он рискует загрязнить субъективизмом и неопределенностью все свои построения. Вот почему, как увидим сейчас, многие исследователи предпочли путь игнорирования психики и стали на путь изучения одних внешних актов и физиологических процессов (человека и животных).

Из двух зол: пожертвовать ли изучением психических переживаний в пользу точности и объективности своих положений, или напротив изучать и исследовать их, рискуя загрязнить объективность и определенность своих построений, „объективисты“ избрали первый путь, сторонники „субъективной психологии“—второй.

Так как та же дилемма стоит и перед социологом, то волей неволей приходится подробнее остановиться на этом споре и прежде всего на вопросах: 1) *действительно ли неопределенны и неясны не только второстепенные понятия психологии, но и само понятие „психического“,* 2) *действительно ли психические переживания недоступны прямому наблюдению и объективному изучению?*

*

Неопределенность понятия „психики“. „Суб'ективная и об'ективная“ психологии.

На примере самих психологов не трудно показать неясность и неопределенность понятия „психики“ и „сознания“. Эти термины постоянно употребляются, есть целая наука „психология“, но, увы! основные понятия: „психика и сознание“ до сих пор остаются неопределенными. Этим фактом объясняются те злоключения, которые связаны с употреблением этих терминов. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического [1]). Для моей аргументации достаточно указания на сумбур мнений в этом пункте у представителей так называемых точных наук,— психологов, био-психологов и биологов. Приведем факты.

Обычное определение психологии, как науки „о состоянии сознания, говорит Вундт, делает круг, ибо если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний“ [2]). „Описание или определение их (сознания и его элементов), говорит Гефдинг, невозможно“ [3]). Логический круг при попытке определить сознание находим мы и у других авторов. Так, термин „сознание“ (consciousness) в „Словаре психологии и философии“ Болдуина определяется, как „the distinctive character of whatever may be called mental life“, а слово: „Mind“ определяется, как ,,the individual's conscious process, together with the dispositions and predispositions which condition it“ [4]). Иными словами, сознание определяется чрез термин психический, духовный (mental), а духовный определяется чрез термин сознательный“ (conscious). „Определение психического, наталкивается, как известно, на большие трудности“, [5]) говорит Риккерт.

При желании, таких примеров можно было бы подобрать не мало. Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как „психическое“ отождествляется сначала с ,,со-

---

[1]) См., напр., 4-ый сборн. «Новых идей в философии. Изд. «Образования.

[2]) Вундт: Введение в психологию. Москва 1912, 9.

[3]) Гефдинг: Очерки психологии. СПБ. 1908. 49. «Сознание необъяснимо и почти что не поддается описанию» Natorp: Einleitung in die Psychologie. 1888 12—14.

[4]) См. слова: Consciousness» и «Mind» в «Dictionary of philosophy and psychology» by J. M. *Baldwin* 1901. New York.

[5]) Риккерт: Психофизич. причинность и психофиз. параллелизм. Нов. идеи в филос. Сб. № 8. 3.

знанием", а затем, через несколько страниц, тот же автор-не стесняясь, говорит о „бессознательных" психических процессах. Это шатание мысли станет еще рельефнее, если мы попытались бы узнать у психологов, что следует понимать под „умом", „разумом", „мыслью", „познанием" и т. д. Как и в приведенных примерах в понимании этих терминов царит полная разноголосица. В виду такого положения дел немудрено, что полный разброд мнений обнаруживается и в вопросе: в каких явлениях дано психическое и где его нет. Одни, как, напр., Геккель [1]), *Ле-Дантек* [2]), Перти и др. находят сознание и психическое у всякой клетки. („клеточное сознание", „атомная душа"). Мало того, тот же Геккель, а недавно Де-ля-Грассери, находят возможным говорить даже о психике молекул, атомов и „психологии минералов". Выходит—весь мир обладает психикой и сознанием, начиная от камня и кончая человеком. Другие более умеренны в этом отношении: они признают *психическое данным лишь у организмов, начиная с низших и кончая высшими.*

Представителем этого течения может служить крупный исследователь поведения низших организмов—Дженнингс. В виду того, что непрерывность эволюции поведения от простейших до человека не дает возможности указать: где и на какой стадии появляется сознание,—с одной стороны, и в виду того, что между поведением человека и др. животных обнаруживается сходство,—с другой, Дженнингс и подобные ему авторы заключают, что сознание (психика) является свойством организмов вообще [3]). К этой же категории приходится причислить и таких авторов, как Вундт, Роменс, Летурно, Эспинас и др., которые с большим увлечением толкуют о „патриотизме", „любви", „сознании долга", „эстетике" „чувстве собственности" и т. п. среди муравьев, пчел, пауков, червей, и т. д.

Эти течения, утверждающие данность психики или состояний сознания даже в мире неорганических явлений (первое течение) или только в мире органических фактов (второе), в виде реакций вызвали третье течение, которое склонно изгнать психику не только из мира неодушевленных предметов и организмов, но и из мира людей: оно пытается свести все „психические явления" к простым физико-химическим реакциям в форме тропизмов, таксисов или чисто физиологических рефлексов. „Сознание—это только мета-

---

[1]) См. его «Мировые загадки» и «Perigenesis der Plastidule».

[2]) См. его «Познание и сознание».—элемент ф Изд. Карбасникова.

[3]) См. *Jennings*: Behavior of the lower Organisms. New-York. 1906. 336.

физический термин для явлений, которые определяются ассоциативной памятью", говорит Леб [1]). Аналогичную позицию занимает и Herrick [2]). Близки к этому взгляду и воззрения Bohn'a, Bell'a и др.

Мудрено ли, наконец, что такая безнадежная разноголосица и путаница в значении и смысле основных понятий психологии, вместе с самим понятием психического, привела многих исследователей к крайнему выводу: *выбросить из научной терминологии, как само понятие „психического", так и другие основные понятия психологии, заменить субъективную психологию объективной рефлексологией или физиологией, или наукой о поведении.* „Горизонт строго объективного исследования высшей нервной деятельности, пишет проф. И. П. Павлов, успешно и постоянно ширится. Зачем же физиологии проникать в предположительный фантастический внутренний мир животного. В *течение 13-ти лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями.* Физиология мозга животных не должна ни на момент сходить с истинной почвы естествознания... Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли в работе старых и новейших психологов, но мне вместе с тем представляется, и едва ли это можно оспаривать, что работа эта совершается страшно не экономично" [3]).

Сообразно с этой бесплодностью психологических понятий и методов в лаборатории Павлова определен был даже штраф за всякое употребление психологического термина. При таком изучении т. н. психических реакций „психическая сторона не отрицается, а только исключается". „Биологи, изучая так наз. психологические реакции животных, самим ходом исследования все более и более отстраняются от психологического их истолкования и ограничиваются выяснением законосообразной связи между внешними раздражениями с одной стороны и ответной внешней реакцией

---

[1]) См. Loeb: Comparative Physiology of the brain and compar. Psychology. New-York. 1909—12.

[2]) «Consciousness is a functional phase of the more complex mechanisme of those higher non stereotyped actions for which the reflex machinery is inadequate, in much the same way that the tropisms of Paramecium and the sucking reflex of an infant are functional phases of the simple inborn neuromuscular mechanisms of these organisms. *Herrick:* The evolutiou of Jntelligence. Science. т. XXXI. № 784. См. изложение и критику всех этих «монизмов» и этой разноголосицы в книге *В. Вагнера:* Био-психология», т. I, изд. Вольфа и в книге *Parmelee:* The science of human behavior. New-York. 1913. Гл. XIV—XVI.

[3]) *И П Павлов:* «Настоящая физиология» головного мозга. Природа. 1917. Январь. 38.

животного и физиологическими процессами в нервной системе—с другой. Таким образом психика животных остается вне исследования. Физиология не делает никакой принципиальной разницы между организмом человека и животных, и объективный метод, ею применяемый при изучении животных, применим eo ipso и к человеку"[1]).

К таким же выводам пришел В. М. Бехтерев и его школа. В последней своей работе: „Рефлексологии" он выбрасывает за борт науки все психологические термины и понятия, начиная с термина „психический" Употреблявшееся им раньше название „объективная психология" заменяется „рефлексологией", „термин соотносительный" пишет В. М. Бехтерев, устанавливается вместо психической или нервно-психической деятельности; „психические процессы" мы будем называть соотносительными процессами". Изучение соотносительной (читай: психической, П. С.) деятельности, доказывает он далее, не только возможно без обращения к субъективной психике, но дает гораздо лучше результаты, чем субъективная психология[2]).

Подобно им и Мак-Дауголл приходит (хотя половинчато) к аналогичным выводам. В своей книге „Psychology, the study ot behavior", как видно уже из названия, он пишет: „мы может определить психологию, как положительную науку о поведении (behavior) животных существ (living things). Такое определение, доказывает он дальше, во всех отношениях лучше и предпочтительное обычнаго определения ея, как науки о духе (mind)[3]).

---

[1]) *I. Зеленый*: Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9. 65.

[2]) См *В. М. Бехтерев*: Общие основания рефлексологии. 1918. 15—16.

[3]) Let us now compare our conception of psychology as the science of behavior with the more usual definition of it as the science of mind. Понятие «mind», доказывает он далее, совершенно неопределенно. «Никто не может указать, что он разумеет под mind. Если же предпочитают слову «mind» слово сознание (Consciousness), мы попадаем в еще более худшие условия. Ибо для каждого из нас сознание другого есть предположение, а не непосредственно данный факт. Если, поэтому, мы не можем определять психику (mind) через сознание, то остается определить ее чрез термины поведения (behavior). Понятие поведения, с другой стороны, может быть определено без всякого привнесения спекулятивных предпосылок или гипотез путем указания фактов, открытых прямому наблюдению всех людей, путем указания: вот то, что я разумею под поведением».

McDougall: Psychology, the study of behavior. London 1912. 31—32.

Сходны взгляды и аргументация *Parmelee*: The science of human behavior.

Довершением этого похода против субъективной психологии является по-

Из сказанного видно, *насколько спорными и разнородно понимаемыми являются: как само понятие психического, так и основные понятия психологии. Теперь понятным будет, почему точные исследователи, боясь загрязнить свои построения субъективизмом и неопределенностью, предпочитают игнорировать психику и изучать одни внешние акты.*

Что же из всего этого следует? *Следует ли, во-первых, что человек не обладает психикой, что она отрицается начисто сторонниками объективизма?*

Нет, не следует. Не следует, во-первых, потому, что наличность в каждом из нас психики,— идей, чувств, эмоций, волевых устремлений — *факт*, данный непосредственно каждому из нас. Это факт неоспоримый . Отрицать его нельзя, ибо отрицание его повело бы за собой отрицание „я", отрицание нашего собственнаго существования.

Не следует этот вывод и потому, что сами наиболее крайние „объективисты" не отрицают наличности у человека „психики", но только исключают недоступные для наблюдения и опыта чисто субъективные психические состояния. . Что это так, это следует из того, что в той или иной форме им приходится иметь дело с психикой. Так, Бехтерев рассматривает психику, как вид „молекулярной энергии низших животных, характеризующейся сократимостью протоплазмы". Производной этой энергии — жизненной по существу — и является психическая деятельность в виде наших переживаний" [1]). Таким образом, под словом энергія или нервный ток—предполагается при этом, что эта энергия, называемая им нервно-психической энергией, отлична от других видов энергии (см. 21 стр.)—психическое нисколько не отрицается, а признается данным у человека. Так же поступают и другие авторы. При чем некоторые из них, напр. Lasswitz[2]), Грот, Краинский прямо признают существование особой психической энергии. Не иначе поступает и школа Павлова, заменяя психическое явление термином „нервного тока" „нервного раздражения", „нервного процесса" и т. п. Леб и др. принуждены говорить о таких явлениях, как „ассоциативная

пытка *Джемса* уничтожить и гносеологическое понятие «сознанія—вообще», какъ сущности или субстанции».

См. *Джемс*: Существует ли сознание. Нов. идеи в философии. Сб. № 4, 102—127.

[1]) *Бехтерев:* Общие основания рефлексологии. 20—22. «Психические или субъективные процессы являются результатом напряжения энергии или нервного тока». 142.

[2]) Ст. *Lasswitz*: Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung für die Erkenntniskritik. Philos. Monatshefte, т. XXIX.

память“, устанавливать особые виды рефлексов (напр. рефлекс цели Павлова [1]), отображением коих служат внутренние психические переживания и т. д. и т. д. Мало того, каждому из них приходится то и дело употреблять термины: „мысль“, „высшая умственная деятельность“, „болевое раздражение“, „рефлекс сосредоточения и внимания“ и т. д. Короче, никто из них не отрицает данности у человека совокупности внутренних переживаний, называемых обычно психическими [2]).

Речь *идет не об отрицании их, а исключительно о том, как наиболее целесообразно изучать их*: изучать ли их „субъективно“, путем метода самонаблюдения, путем аналогии и т. д., или изучать их объективно, путем наблюдения внешних проявлений внутренних психических процессов, объективирующихся в форме тех или иных движений — рефлексов, и в форме объективных физиологических процессов.

Из сказаннаго мы видим, что *понятие психического и психических переживаний действительно неопределенны. Их точное содержание и объем не установлены. Они понимаются разно.*

Но вместе с тем мы видим, *что наличность таких психических переживаний не отрицается даже крайними „объективистами“.*

Констатируем пока этот результат и спросим себя: *как возможно познание этих субъективных переживаний и возможно-ли оно вообще?*

Методы познания психических переживаний.

В общем и целом и субъективисты (за немногими исключениями) и объективисты признают, что *чужая психика и чужие душевные переживания непосредственно нам недоступны.* Каждому из нас доступны только наши собственные переживания, только сознание нашего собственного „я“.

В дальнейшем, пути субъективистов и объективистов расходятся. Первые утверждают, что если не прямо, то косвенно мы можем изучать и чужие душевные переживания. Путь для этого — *метод самонаблюдения.* Наблюдая наши переживания и связанные с ними внешние движения мы по

---

[1]) См. *Павлов*: «Рефлекс цели». Вестн. Европы. 1916. Апрель.

[2]) Ст. *Бехтерев*: Ibid. 128. «Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противополагали ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а наоборот, вполне определенно отмежевали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения». 128.

аналогии можем заключать и о душевных переживаниях другого, когда наблюдаем такие же действия других лиц. Из сходства или тождества поступков мы заключаем и о сходстве душевных переживаний. Таков путь для познания психики чужого „я“, путь называемый методом аналогии. Другие этот путь аналогии несколько варьируют. Одни, как напр., Петражицкий, [1]) утверждают, что более правильные результаты дает не метод аналогии, а соединенный метод внутреннего и внешнего наблюдения. Он состоит в том, что сначала устанавливается функциональная связь между определенными психическими переживаниями и их внешними проявлениями у людей известного класса или людей вообще. „Добыв такого рода общие сведения, мы имеем посылки для дедуктивных умозаключений в конкретных случаях, т. е. умозаключений не по аналогии наших индивидуальных и чужих индивидуальных движений, а путем подведения конкретных чужих движений под соответственные общие положения.“ [2]) Другие, — как, напр., Липпс, Scheller, Лосский предлагают свои поправки к методу самонаблюдения. Допуская, что метод аналогии не всегда может дать верные результаты, они дают свои теории для познания „чужой души“. Липпс, вместо метода аналогии, выдвигает теорию „вчувствования“, согласно которой познание чужого „я“ возможно в силу того, что при наблюдении чужих действий мы бессознательно подражаем действиям другого и потому „сопереживаем“ с ним его психические процессы. При виде зевка другого мы чувствуем потребность зевать, при виде гнева—мы сопереживаем его и чувствуем стремление к таким же действиям, как и подлинно гневающийся. Отсюда, возможно познание чужой психики [3]). Шеллер, Эллвуд, а в особенности Н. О. Лосский, идут в этом направлении еще дальше и допускают непосредственное познание чужой психики путем интуиции [4]).

---

[1]) *Петражицкий*. Веденне. 30—37.

[2]) *Петражицкий*. Ibid. 35.

[3]) «Мы знаем о чужой жизни сознания только путем вчувствования» (Einfühlung). *Липпс:* Пути психологии. Нов. идеи в филос. Сб. № 4. 148. См. также *Lipps*: Psychol. Untersuchungen, т. I, Lief. 4. Das Wissen des fremden Ich.

[4]) *Ellwood*: Objectivism in sociology. Amer. journ. of sociology т. XXII, 303. We are conscious of the conscious states of others, and that not by a process of logical inference, as some psychologists have implied, but intuitively, directly as we know many of the qualities of phisical objects См. *Scheller*. Ueber den Grund zur Anname der Existenz der fremden Ich.

Лосский: Восприятие чужой душевной жизни. Логос. 1914. т. I., вып. 2.

Эта интуитивная теория познания чужой душевной жизни по своей сущности выдвинута была еще *Дарвином*. «Имеем ли мы инстинктивную способ-

В той или иной форме, но все сторонники субъективной психологии признают возможность познания чужой душевной жизни. Сообразно с этим они признают и психологию, как науку о состояних сознания или душевных процессах.

Иначе смотрят на дело „объективисты". Исходя из положения, что чужая психика недоступна непосредственному наблюдению, они утверждают, что познание чужих психических переживаний вообще недоступно, что все методы, связанные с самонаблюдением—метод аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, метод вчувствования, метод интуитивизма — все они не дают и не могут дать сколько-нибудь серьезных, точных и надежных результатов, что при всех этих методах человек познает и переживает не психику другого, а свои собственные переживания, что поэтому самым целесообразным выходом из такого положения является отказ от изучения чужих субъективных переживаний (чужой психики); вместо все следует изучать доступные наблюдению внешние и внутренние физиологические процессы: нервные токи, движения, рефлексы, короче — внешнее поведение индивида [1]. „Чтобы иметь достаточно полное знание той или иной человеческой личности, ничуть нельзя довольствоваться расспросами об ее субъективных переживаниях, а нужно знать личность человека прежде всего по ее действиям, поступкам, по содержанию ее речи, мимике, жестам и вообще по отношениям ее к внешнему миру". Такое объективное изучение личности, без обращения к внут-

---

ность распознавать выразительные движения? спрашивает он. Так как выразительные движения в большинстве случаев должны быть приобретены постепенно и впоследствии сделаться инстинктивными, то уже a priori до некоторой степени вероятно, что и способность узнавать их стала инстинктивной».

Ч. Дарвин: О выражении ощущений у человека и животных. СПБ. 1899. 179—180.

Близка к этой позиции и позиция *Петражицкого*, мимоходом брошенная в примечании. «Если бы обычное учение (метод аналогии и умозаключений) было правильно, пишет он, то наша ориентировка относительно чужих психических переживаний была бы психологически очень сложным и медленным процессом и часто наступала бы с практической точки зрения слишком поздно; если фактически эта ориентировка, напр., в области разговоров, столкновения врагов и т. д. происходит моментально, с величайшей быстротой (что иногда важно для сохранения жизни), то это объясняется существованием более простых, не требующих переживания не только нескольких, но даже и одного суждения, способов познания, в частности слухо и зрительно-психологических восприятий, мгновенных сочетаний элементов зрительных и т. п. ощущений и элементов психологических представлений».

Петражицкий. Введение. 143.

[1]) «Ни теория аналогии, ни теория вчувствования, ни теория интуитивизма, не дают нам возможности познавать чужое «Я», говорит Бехтерев. Op. cit. 7.

ренней стороне, говорят объективисты, дает и более полную картину, и более точные и верные результаты [1]).

„Субъективная“ и „объективная“ социологии.

Такова сущность спора субъективной психологии и объективной рефлексологии или физиологии нервно-мозговых процессов.

Я остановился на его изложении потому, что он ближайшим образом касается и социологии. Поскольку последняя имеет дело с деятельностью людей, перед ней встают те же самые вопросы, что и перед психологией, и столь же повелительно требуют того или иного ответа. Поэтому изложим сначала этот спор в области социологии, а потом уже заодно дадим свои заключения по поводу вопросов, затронутых в этом споре.

Как и следовало ожидать, изложенная борьба мнений из области психологии перекинулась в социологию. И здесь появились сторонники „субъективно-психологической социологии“, и ревнители „социологии объективной“, подобно

---

[1]) *Бехтерев*: Op. cit. 14. См. гл. I—IV. То же говорят и другие объективисты... «В течение 13 лет... я постоянно получал впечатление, что психологич. понятия и систематизация психологами субъективных явлений, говорит *И. П. Павлов*, должна глубоко разниться от физиолог. представлений и физиолог. классификации высшей нервной деятельности, что воспроизведение нервных процесов в субъективном мире является очень своеобразным, многократно преломленным, так что, в *целом психологическое понимание нервной действительности в высшей степени условно и приблизительно*... В течение 13-ти лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями». *И. П. Павлов:* Настоящая физиология головного мозга. Природа. 1917. Январь. 36—38. То же говорит и *Mc Dougall*, определяя психологию, как науку о поведении. См. его Psychology, the study of behavior. London. 1912. См. изложение истории и вопроса об объективной школе: *Зеленый:* Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9. *Его же*: «Психич. реакции животных, как объект естествознания. Природа. 1913. Октябрь. *В. Вагнер*: Био-психология. т. I. 157—249. *Его же*: Физиология и биология в решении психологических проблем. Нов. идеи в биологии. Сб. № 6. *Его же:* Зоопсихология перед судом физиолога И. П. Павлова. Вестник психологии. т. XIII, вып. 3—5. *Леб:* Значение тропизмов в психологии. Нов. идеи в философии. Сб. № 8.

Аналогична же точка зрения и американских исследователей поведения животных и человека. «Истина, к которой пришли исследователи поведения животных, заключается в том, что психические явления могут быть изучаемы только на основе изучения объективных фактов поведения. Мы не можем претендовать на сколько-нибудь достоверное знание психических свойств животного вида или человеческого рода без хорошего знакомства с формами деятельности и поведения последних», так резюмирует Пармели точку зрения упомянутых исследователей.

Parmelee: The science of human behavior. 78, также гл. XI — XVI.

объективным психологам отказывающиеся иметь дело с психикой, изучать субъективно-психические переживания и пользоваться психологическими терминами.

Вначале и в социологии всецело царил субъективизм. Психологическая школа в социологии сделала его чуть ли не господствующим методом. Но мало по малу возникла реакция против субъективизма и субъективного психологизма и в этой дисциплине. Первым крупным проявлением этой реакции было положение Дюркгейма, гласившее: „первое и основное правило (для наблюдения социальных фактов) состоит в том, что социальные факты следует рассматривать, как вещи“ (des choses) [1]). Вслед за ним Кост, выпустивший Les principes d'une Sociologie objective, в предисловии откровенно заявил, что цель его книги—„реакция против мутного потока психологии, грозящего завладеть социологией и смешать ее с науками моральными и политическими“ [2]).

Но и Дюркгейм, и Кост, а после них и Ваксвейлер [3]), остановились на полдороге. Они продолжали орудовать и психологическими терминами, и психологическими понятиями, и иметь дело с психическими явлениями. Такие термины, как „социальное сознание“, „коллективное представление“, „традиция“, „мысль“, „чувство“, и т. п. обычны в работах Дюркгейма и Коста.

Однако, реакция против субъективизма на этом не остановилась. Появились работы „объективистов“, поставившие все точки над „i“ и категорически объявившие все психологическиеметоды изучения социальных явлений ненаучными. Примером таких работ могут служить работа Bentley [4]) и статья доктора Зеленого [5])—ученика школы И. П. Павлова. Первый в своей работе подверг резкой критике обычные в соц. науках и в социологии психологические термины и понятия, в роде „чувств“, „идей“ и т. д. Второй прямо высказался за то, что научным изучением социальных явлений будет объективное изучение их физиологической стороны. а не психологической. Психика сама по себе не дана; она

---

[1]) *Дюркгейм:* Метод социологии. Изд. Иогансона. 20.

[2]) *Coste:* Les principes d'une sociologie objective. Paris. 1899. I. «База социологии, добавляет он, должна быть не психологической и субъективной, но объективной и экспериментальной».

[3]) «Единственные формы деятельности (activités) человека, которые интересуют социолога—это деятельности внешние»...
Waxweiler: Esquisse 169.

[4]) См. *Bentley*: Process of Government, 1908 г.

[5]) См. *Seliony*: Ueber die zukünftige Soziophisiologie. «Archiv fur Rassen-u. Cesellschafts-Biologie» 1912, IX, 405—30.

недоступна наблюдению; она не допускает точных методов; поэтому все психическое должно быть исключено из области изучения социолога. Вместо психики последний, как и объективный физиолог, должен изучать лишь внешние выражения деятельности человека: движения, акты, физиологич. процессы и т. д. Вместо недоступного наблюдению психического общения он должен изучать общение людей путем писем, телеграмм, знаков и т. д. Вместо неуловимых психических акций и реакций социолог, подобно физику, изучающему звук путем изучения колебаний воздушных волн, должен изучать только объективно данные корелляты психики: рефлексы, их связь, сцепление, взаимозависимость; напр., связь звука тарелок и шествия человека в столовую, звонка и шествия учеников в класс (условные рефлексы) и т. д. Таковы задания объективной социологии в беглых штрихах, набросанные Зеленым.

Атака объективизма, как и следовало ожидать, должна была встретить отпор со стороны психологистов-социологов. Этот отпор действительно был дан. Говоря это, я разумею статью крупного американского социолога Эллвуда, который подверг резкой критике статью Зеленого.[1]) Этот спор, раз начавшись, конечно не погаснет.

Ближайшее будущее, вероятно, сделает его наиострейшим вопросом в социологии и поставит проблему во всю ширину. Вот почему приходится этот вопрос так или иначе решить и здесь [2]).

Из предыдущаго становится ясным, какие научные „минусы" по мнению „объективистов" связаны с изучением субъективной стороны явлений взаимодействия, понимая под ней психические переживания. Эти минусы сводятся: к 1) неопределенности понятий: психическое и его синонимов; 2) эта неопределенность влечет за собой загрязнение неопределенностью социологических понятий, раз в последние вводятся, в качестве элемента или признака, психические

---

[1]) *См. Ellwood*: Objectivisme in Sociology. The american journ. of sociology. т. XXII. 289 -305.

[2]) Как видно из изложенного, современная постановка вопроса о психологическом и социологическом субъективизме и объективизме совершенно отлична от старых споров в нашей литературе о субъективном и объективном методе. В последнем случае она носила скорее метафизико-гносеологический характер, в данном случае—этот спор—чисто эмпирико-методологического порядка. Там шла речь главным образом об об'ективности или суб'ективности нормативных элементов науки, этических оценок, здесь дело идет не о нормативных элементах, а о том, доступны ли определенные явления объективному наблюдению, возможно ли функциональное изучение психических явлений, насколько точными могут быть данные о чужих переживаниях и т. д.

переживания; 3) помимо этой неопределенности новые неясности вытекают из того факта, что психические переживания, повидимому, прямо недоступны наблюдению и в силу этого делают весьма вероятным субъективизм при их изучении и толковании.

Решение спора.

Спрашивается, *на чью сторону в этом споре должны мы стать? К которому из двух течений должны мы примкнуть?*

Для меня нет сомнения в том, что научные „минусы", указываемые объективистами, в значительной мере правильны. Но вместе с тем я не могу согласиться на то, чтобы исключить начисто психические переживания из области изучения. Для этого время еще не пришло. Быть может в будущем, с развитием точных, объективных дисциплин, это и удастся. По крайней мере лично я этого хотел бы и есть основания думать, что прогресс науки ведет в этом направлении. Но пока слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые „объективизмом", чтобы можно было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности. Остается, поэтому, один путь: *свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу субъективно-психических переживаний для объяснения того или иного явления и ввести возможную точность в сферу изучения подобных явлений.*

Понятие психических актов и переживаний.

Первая задача, вытекающая из таких заданий, состоит в том, чтобы условиться, *что мы будем понимать под термином психический.* Смысл, который будет придаваться этому термину в данной работе, тождественен смыслу термина: *сознание. „Психическое" и „сознательное" переживание для нас тождественны.* Акт, сопровождаемый *психическими* переживаниями, и акт, сопровождаемый *сознанием,* для нас будут означать одно и то же.

Какие же переживания и акты являются актами сознательными. (resp. психическими)?

Вместо определения я сошлюсь прежде всего на личный опыт каждого. Этот личный опыт показывает, что одни из наших поступков сопровождаются тем, что я называю сознанием, другие—нет. Ряд актов, напр., чихание, отдерги-

вание руки при уколе булавкой, движение ног при ходьбе, механическое пожимание руки при встрече с знакомым совершаются „механически“, „бессознательно“. Другие акты, напр., акт чтения книги, намеренное протягивание руки при встрече с знакомым, обдуманное и целевое совершение чего либо, совершаются сознательно, при свете „внимания“; в них часто дана „цель“, они реализируют волевые решения.

Этого намека достаточно, чтобы читатель понял, что разумеется мной под термином „сознательные“ переживания и акты.

Частным и основным видом их являются акты целеполагательные, акты волевые и акты, совершаемые под влиянием идей [1]).

---

[1]) Подходя с несколько иной точки зреняя, мы можем ту же проблему очертить следующим образом. Обычно различаются три основных разряда «психических» явлений: рефлексы, инстинкты и собственно разум. Многие авторы все эти разряды считают входящими в область «психического». Однако, в последнее время рефлексы, как чисто физиологические акты, вполне правильно исключаются из сферы «психики». Остаются, след., инстинкты и собственно разум—как основные категории психического. На этой именно точке зрения и стоит проф. В. А. Вагнер. Им же доказана «бессознательность» инстинктов и их полная автоматичность. Инстинктивные действия—*наследственны, представляют результат филогенетического развития, индивидуально не изменяемы, не есть результат индивидуального опыта*, не имеют никакого *целеустановления, шаблонны* и *бессознательны*.—Таковы их свойства, глубоко отделяющие их от разума—сознания. (См. превосходную работу Вагнера. Био-психология. т. II, СПБ. 1913 г. 198—200). Принимая вполне эти определения признаков инстинкта, мы должны ответить—входят ли инстинкты в область «психики» с нашей точки зрения. И на этот вопрос мы отвечаем отрицательно, подчеркивая, что мы термином «психический» обозначаем только «сознательные» переживания, т. е. то, что Вагнер обозначает термином разум. Именно тот класс актов и отношений, который он называет «разумными» «сознательными», мы называем психическими. Вполне соглашаясь с положениями компетентного био-психолога, мы указали бы лишь на то, что в целях методологических было бы лучше исключить инстинкты, как и рефлексы, из сферы «психического», так как в противном случае получается то неудобство, что одним термином «психического» покрываются совершенно разнородные явления: «сознательные» и «безсознательные». Это тем более следовало бы сделать, что сам В. А. Вагнер исключил из области психики рефлексы. А между тем, стоя на его же точке зрения, трудно провести различие между рефлексом и инстинктом. Как провести точную грань между «реакциями поведения» и «реакциями отправления»? Почему не может быть названо «реакцией поведения» движение обожженной руки, указываемое уважаемым автором, как пример рефлекса, а такой реакцией будет тот же акт, «при приближении опасности»? Я не вижу здесь ничего такого, что позволяло бы провести это различие. Равным образом и другие вспомогательные признаки не более надежны. (См. стр. 9—13).

В виду этого, выделив «сознательные акты»—как акты психические, под биологическим взаимодействием мы понимаем именно рефлекторно-инстинктивное взаимодействие (в смысле проф. Вагнера).

Таков смысл, который я придаю этим терминам.

Теперь, устранив до известной степени неопределенность термина „психический“ и „сознательный“, спросим себя: *доступны ли психические переживания других лиц непосредственному наблюдению?*

К этому признаку присоединяется ряд других объективных признаков «сознательно-психического» акта, определяющих его объем и природу, и делающих невозможными бесконечное расширение «психического», в котором повинны многие лица.

Психическое взаимодействие (сознательное) может быть дано во взаимодействии лишь таких организмов, которые удовлетворяют следующим условиям:

1) С точки зрения *анатомо-физиологической* в их мозгу должны быть налицо и ассоциационные сферы (кора головного мозга), как сферы, стоящие в неразрывной связи с разумною деятельностью, отсутствие которых свидетельствует и об отсутствии последней. Такие сферы даны лишь у человека и высших животных; отсюда вывод—так как у растений и беспозвоночных этого анатомо-физиологического признака нет, то eo ipso взаимодействие их не носит психического характера.

2) С точки зрения *онтогении* поведение искомых центров, сопровождаемое сознанием, должно обнаруживать способность к *эволюции, к непрерывному развитию.* Этот признак важен потому, что бессознательное (инстинктивно-рефлекторное) поведение не эволюционирует, а здесь одни инстинкты моментально сменяются другими, как декорации театральной сцены. Ребенок, напр., учится жить, мыслить, понимать язык, окружающее, должен учиться, как вести себя, и т. д., тогда как птенец понимает язык матери еще не вылупившись из скорлупы. Все его поведение уже предопределено заранее, он «не учившись учен». Возьмем ли мы шмеля, или пчелу, или ласточку—их поведение будет совершенно одинаковым и в том случае, когда со времени своего появления будут совершенно изолированы, так что ни о каком обучении не может быть и речи, и в том случае, когда они будут жить в обществе себе подобных. (См. факты в работах проф. Вагнера).

3) С точки зрения *био-психологии поведение искомых центров* не может быть совершенно *безличным и шаблонным*, точной копией родового инстинкта, а должно обнаруживать известную индивидуальность.

4) Эти «центры» должны обнаруживать *способность к научению*, к пользованию результатами *индивидуального опыта*, так как отсутствие этого признака говорит и об отсутствии «разума», т. е. говорит лишь об инстинктивно-рефлекторной деятельности, а тем самым не о сознательном, а бессознательном взаимодействии. Значит: ни рефлексы, ни инстинкты, ни т. н. вторично-автоматические акты не являются для нас «сознательно-психическими актами» См. *Вагнер*. Op. cit. т. II. 270—285. *Морган*. Привычка и инстинкт СПБ. 1899 115 и passim. Parmelee: The Science of human. behavior. 319 и 256—280.

Но вместе с тем, было бы ошибкой, если бы сознательно-психические акты отождествили с целевыми. Последние составляют вид сознательных актов. Поэтому ошибочной приходится признать теорию *М. Дауголла*, считающего всякий вообще акт поведения и целевым, и сознательным. Незаконное расширение понятия психического до «психики амебы»—таков вывод из его теории действия и такова его основная ошибка. *М. Дауголл*. Осн. пон. соц. психологии. 258 и сл.

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. „За отсутствием у нас способности видеть, вообще наблюдать то, что происходит в чужой душе (в сознании других), для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты

Не могу я согласиться и с В. А. Вагнером, совершенно правильно ограничивающим объем понятия «разумного» (сознательного в нашем смысле), но ошибочно отождествляющего разум, сознание с целеполагательностью. В ответ на мое замечание по поводу его II-го т. Био психологии, что нельзя отождествлять разум (сознание), с целеполагательностью, многоуважаемый ученый в своей статье «Биологи и юристы в вопросах сравнительной психологии» пишет: «я вовсе не утверждаю, будто бы таких случаев, когда разумные действия (или слова) у человека могут быть лишены цели—не бывает. Такие случаи возможны.., но такие случаи ничего не изменяют в справедливости сделанного мной утверждения, на котором я настаиваю, а именно, что разумные акты, в отличие от актов не разумных (инстинктивных), являются целеполагательными. Случаи, когда цель действия не представляется ясной для производящего это действие человека или вовсе исчезает у него из вида... могут быть либо онтогенетического происхождения, когда слова или действия вследствие повторности обращаются сначала в привычку, а затем во вторично-автоматический акт, либо могут быть филогенетического происхождения, когда действия или слова удерживаются целым рядом поколений в качестве пережитков прошлого, уцелевших от времени, когда слова эти или действия имели ясно выраженную определенную цель. Традиции передаются в качестве социального наследства так же, как передаются инстинкты, хотя и другими путями и на основании других законов». См. мою рецензию на вышеупомянутую книгу, Вестн. психологии. 1913 г. вып. II-й. Ответ В. А. Вагнера. Вестн. психол. 1913 г. вып. III-й. См. аналогичную же аргументацию у Иеринга. Цель в праве, стр. 14, 15.

Если бы даже все дело и обстояло так, как пишет проф. Вагнер, то и тогда нет основания отождествлять разум (т. е. психику, сознание в нашем смысле), с целеполагательностью, ибо самим же проф. Вагнером констатируется, что могут быть акты разумные, но не целеполагательные. Как они произошли—это уже вопрос другой. А важно то, что феноменология психических процессов нам дает акты разумные, но не целевые. В каждый данный момент имеются у нас, след., поступки разумные, но разнородные: одни сопровождаются целевыми представлениями, другие—нет, а потому игнорировать эту разнородность и называть оба класса явлений одним и тем же термином «целепонимательных или целеполагательных»—не позволительно с логической точки зрения... Это одно. Во-вторых, нам думается, что нельзя смешивать актов хотя и разумных, но не целевых, с автоматически-привычными актами, как это делает наш выдающийся био-психолог. Категория автоматически-привычных актов сплошь и рядом не сопровождается никаким сознанием, т. е. разумом, она сплошь и рядом стоит вне психики, или сознания. Это следует, во-первых, из того, что не всякий нервный процесс сопровождается сознанием. (См. *Гефдинг*. Очерки психологии, стр. 71). Во-вторых, из того, что ряд привычных актов, напр., акты, состоящие в управлении велосипедом, лодкой, акты «хороших манер», разговора (самого подбора слов), раз они стали автоматическими, то они совершаются «бессознательно». Я могу править велосипедом, думая совершенно о другом, могу иметь «хорошие манеры», будучи занятым совершенно иными делами и мыслями и т. д. В силу этого, аргумент, что все разумные, но не целевые акты, есть акты автоматически-привычные—переваливает через край. Такие акты—совсем бессознательны, и потому в счет идти не могут... В-третьих, в силу второго положения, весьма спорным становится и происхождение разумно (сознательно)

все сферы бытия психических феноменов, кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего „я“ [1]).

Психический мир другого для нас непосредственно недоступен. *Нам даны не прямо психические переживания других, а те или иные внешние проявления последних.* С этим соглашаются все психологи. Этого не отрицают даже те, кто признают, что познание психических переживаний другого возможно не только путем аналогии, но и путем „вчувствования“, „интуиций“ „инстинкта“ и т. д. (Липпс, Дарвин, Шеллер, Лосский, Эллвуд, и др.; см. выше). И они не отрицают, что „вчувствование“, “интуиция“ etc. дают нам познание чужих психических переживаний не как таковых, а на *основе тех или иных внешних проявлений психики.* Для того, чтобы возможно было восприятие „сладостной“ активности чужого зевка или моторной активности чужого гнева, должен быть дан чужой зевок и ряд внешних проявлений гнева. Если бы не было никаких внешних проявлений психических переживаний, мы абсолютно не могли бы знать, что делается в душе другого, радуется он или грустит, проклинает ли или благословляет, думает ли о чем или ни о чем не думает. Можно отрицать и отрицать с основанием, что чужие психические переживания мы познаём только по аналогии. Можно полагать, что чужие переживания по их внешним проявлениям мы познаем инстинктивно, как полагал Дарвин, интуитивно, как полагают другие. Но это не значит, что мы познаем прямо психику другого в чистом виде, а означает, что мы моментально, без цепи умозаключений по аналогии, познаем чужие психич. процессы на основе внешних проявлений последних [2]).

не целевых актов, спорным становится утверждение, что разумно—не целевые акты суть многократно-повторявшиеся целепонимательные акты. Во всяком случае, наблюдения над своими и чужими поступками говорят, что для происхождения таких актов вовсе не обязательно многократное повторение.

Дети, напр., сплошь и рядом, после слов «папы», что «мучить кошку—не хорошо и гадко», что «лгать—нельзя» и т. д.—при виде подобных актов, реагируют на это словами: «мучить кошку—гадко», лгать—нельзя» и т. п., не имея ни многократного повторения, ни какой-нибудь цели, но сопровождая свой акт сознанием и исходя из положения «не для того, чтобы», а «потому, что так сказал папа». Подобных фактов можно привести ad libitum.

[1]) *Петражицкий*: Введение. 30. То же утверждают *Бехтерев.* (Op. cit. 7—14) и др.

[2]) Не представляет отсюда исключения и теория д-ра *Котика.* Если бы его тезисы «о непосредственной передаче мыслей» и подтвердились, то это означало бы, как признает и сам *Котик*, что переходит непосредственно не сама мысль, а особого рода «психическая энергия», пробуждающая в мозгу перципиента соответствующие мысли и представления. См. *Д-р Котик*: Непосредственная передача мысли. М. 1912.

Но если чужие психические переживания прямо нам недоступны, то *следует ли отсюда, что они вообще не могут познаваться, что всякая попытка их познания по их внешним проявлениям (слова, движения, мимика, жесты и т. д.), неизбежно ведет к ошибкам, что поэтому, лучше совсем их игнорировать?*

Ничуть не следует. Несомненно, в особенности в случаях сознательного притворства, симуляции и т. д., здесь возможны ошибки. Но сказать, что они всегда неизбежны [1])—это значит сказать слишком много. Если бы дело обстояло так, то „психическое общение" людей было бы невозможно: мы решительно не могли бы знать, что делается в душе другого; люди не могли бы совершенно понимать друг друга. Между тем мы на каждом шагу ставим диагнозы; в роде таких: „X не в духе"; „У что-то загрустил", „L гневается", „A в восторге", „B обдумывает проблему сознания", „C хочет сладкого", „Д замышляет подлость" и т. д. И наши диагнозы оправдываются. На каждом шагу мы говорим с людьми о своих переживаниях и в большинстве случаев понимаем друг друга. Больше того, весьма часто мы познаем, когда человек симулирует, когда нет, когда его слова лгут, когда нет. Все эти ежедневные, самые обычные факты говорят за то, что мы можем познавать чужие психич. переживания на основе их внешних проявлений и чаще всего познаем правильно. Вот почему не следует преувеличивать ошибки, связанные с познанием чужой душевной жизни; тем более нельзя говорить, что попытки такого познания всегда будут ошибочными. Мы хотя и не прямо, но можем познавать и чаще всего правильно чужую душевную жизнь. Вот почему изучение психических переживаний другого не влечет неизбежно „загрязнения" научных теорий; вот почему возможно пользование методами субъективной психологии (методы самонаблюдения, плюс методы аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, методы „вчувствования", „интуиции", „инстинктивного понимания выразительных движений и т. д.), в качестве методов дополняющих и вспомогательных методам объективного изучения внешних актов.

Сказанное позволяет сделать нижеследующие выводы относительно рассматриваемых социологических методов изучения явлений взаимодействия.

---

[1]) См. напр. *Бехтерев*: Op. cit. 1—17.

Методы изучения явлений взаимодействия.

1) При изучении явлений взаимодействия следует пользоваться совокупностью всех методов, пригодных для этого изучения и способных дать тот или иной научный плюс для понимания данного явления.

2) Отсюда следует, что *объективный метод имеет все законные права на применение его в области исследования явлений взаимодействия. Он составляет основу, исходный пункт и главное рабочее орудие для познания причинных взаимоотношений в данной области явлений.* В самом деле, выше я показал, что психические явления, ничем не проявляющие во вне своего существования, не имеющие внешних знаков в какой бы то ни было форме, такие явления нам недоступны, мы не можем даже догадаться об их существовании, поэтому они на деле равны несуществующим. Появление А, быть может, перевернуло вверх дном психическое состояние В; радость заменило ненавистью и страхом, короче—вызвало душевную революцию. Но если В ничем не проявил во вне этой революции, если ни одно внешнее движение его не изменилось, то мы не можем даже догадаться о самом факте душевной революции; не можем, след., и сказать, что между А и В, согласно определению, существует взаимодействие. Отсюда ясно, почему при изучении взаимодействия мы можем отправляться только от *внешних доступных наблюдению фактов,* а не от внутренних состояний; понятно, почему при взаимодействии мы вынуждены устанавливать связи прежде всего между внешными актами и изменениями поведения взаимодействующих индивидов. Там, где такую взаимозависимость внешнего поведения двух или большего числа индивидов мы можем констатировать, там имеем основание полагать, что взаимодействие между ними дано. Там же, где между поведением их, как внешним фактом, такой взаимозависимости нет, где действия их не кажутся функционально связанными, там мы не можем даже догадаться о данности взаимодействия, хотя бы „души“ их находились в самом живом процессе взаимодействия.

Значит, права объективного метода в изучении явлений взаимодействия вне сомнений. Он исходный пункт, он главное орудие, он же и самое надежное средство для отыскания и формулирования причинных отношений. Он автономен и независим от субъективной психологии и ее интерпретирования. *Он исходит из „внешне“ и объективно данного факта*—явлений движения, поступков, физиологических, доступных наблю-

дению процессов, *идет к таким же внешним фактам и устанавливает связи только между внешними же фактами.* Весь субъективный мир человека остается в стороне и не влияет на правильность теорем объективного метода. Проиллюстрируем это положение. Перед нами два лица: профессор А и его секретарь В. Профессор „диктует“ последнему свою статью (т. е. совершает ряд движений, в виде произнесения определенных звуков и т. д.) Секретарь пишет, т. е. проделывает опять-таки ряд внешних движений, в виде процесса письма. Наблюдение далее показывает, что характер значков, выводимых последним на бумаге, а следовательно и движений его руки, а чрез это—и всего его поведения, зависит от характера слов (звуков), произносимых А. То же наблюдение показывает, что когда А перестает „говорить“, перестает писать и В; когда А произносит одинаковые слова (звуки), напр., слово „революция“, одинаковые в общем значки выписывает и секретарь. Когда слова разные—разными являются и значки секретаря. Совокупность всех этих и многих других фактов делает для нас несомненным, что между А и В дано явление взаимодействия, что движения, поведение В обусловлено поведением А, что эта зависимость носит такой-то характер и т. д. и т. д. Короче, здесь мы исходили только от внешних фактов, шли также к внешним фактам и установили связь также между внешними фактами. Весь субъективный мир А и В остался в стороне. Наличность связи между движениями А и В мы установили без обращения к их психике и, какова бы последняя ни была, она не может поколебать полученного положения, что поведение В в данном случае есть функция поведения А.

Отсюда видна независимость объективного метода от субъективных переживаний и его „самодостаточность“. Для своих целей он не нуждается в психологии и в изучении субъективных переживаний.

Из сказанного же видно, что он является исходным моментом в изучении явлений взаимодействия.

Таким образом я отдал ему должное и глубоко убежден в том, что главные завоевания социология может достигнуть именно на этом пути изучения социальных явлений, как *внешних фактов и определения причинных отношений между внешними же фактами явлений человеческого взаимодействия.*

Но спрашивается, достаточен ли этот метод? Все ли он может дать?

Можем ли мы сказать, что изучение психических переживаний ровно ничего не может прибавить к пониманию и

уяснению явлений человеческого общения? Иными словами, *следует ли отказаться от методов субъективной психологии и признать совершенно бесплодным всякое привлечение субъективных психических переживаний к делу уяснения и понимания социальных фактов?*

Думается, что положительный ответ на эти вопросы был бы ошибкой. Конкретный пример покажет в чем дело.

Почтальон приносит индивиду А две телеграммы. А раскрывает первую и читает: „Выезжаю сегодня. Встречай. В.“ А улыбается, вскакивает, зовет прислугу и приказывает к 5 часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: „Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции Х“. А умирает от „разрыва сердца“.

Здесь перед нами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид А. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором— смерть... Спрашивается, могут ли быть вполне понятными для нас эти два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения? Достаточно ли ясными и объясненными будут эти факты, если мы заранее исключим из нашего поля зрения всякое привлечение субъективных переживаний, в роде „любви, привязанности, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя, чувства одиночества,“ и т. д.? Ответ, думается, ясен сам собой. Стоя на строго объективной точке зрения мы могли бы сказать, что в первом случае раздражитель в виде телеграммы с определенными словами вызвал „улыбку“ и такие то акты, во втором, телеграмма с несколько иными значками—вызвала смерть. И только... Но этого слишком мало для понимания факта, почему эффекты телеграмм в том и ином случае были так различны? Правда, во втором случае значки телеграммы были несколько иные, но едва ли бы правильный вывод мы сделали, если бы различие эффектов в том и другом случае приписали неодинаковости значков телеграмм. Факт в этом случае был бы совершенно непонятным. Сколько-нибудь ясным он становится лишь тогда, когда мы на место телеграфных значков подставим реальное их содержание, когда мы примем во внимание такие психические явления, как любовь, привязанность, тяжелое и неожиданное горе, ужас потери и т. д. и т. д. Мы можем expressis verbis об этих состояниях не говорить, мы можем лишь подразумевать их, но они должны быть учтены в той или иной форме: чело-

век не знакомый по личному опыту с такими переживаниями весьма мало поймет в таких явлениях.

Из этого примера видно, что *обращение к субъективным переживаниям людей, если не всегда, то в ряде случаев кой что дает для понимания явлений человеческого поведения.* . Стоя на чисто объективной точке зрения и исключая начисто психические переживания из области исследования, мы в ряде случаев рискуем не понять весьма многое; явления подвига и энтузиазма, явления жертвенности и религиозного экстаза, акты обожания и преклонения, акты ненависти и любви, и т. д. и т. д. во многих случаях с чисто объективной точки зрения будут похожи на кабалистические знаки, ключ к чтению которых потерян. Мы можем всеми способами исследовать эти знаки, изучать их с помощью лупы и микроскопа, измерять их вдоль и поперек, но если у нас нет ключа к их пониманию—смысл знаков останется для нас непонятным. Чтобы их понять, чтобы их перевести—этот ключ должен быть на лицо. Таким же „ключом" во многих случаях являются для нас психические переживания актеров человеческой драмы или комедии. Только подставляя их под соответственные внешние акты, мы делаем последние вполне понятными и для себя, и для других. Один и тот же акт поднятия руки с протянутым указательным пальцем может означать: и указание дороги, и приказ „идти туда," и повелительное: „выйди вон"; чтобы понять, какое значение он имеет, волей-неволей приходится учитывать психическое состояние указующего. Одни и те же слова „ну и свинья же ты," часто имеют значение акта ругательного, а часто и ненормальную форму ласкового обращения, т. е. представляют совершенно разнородные явления по своей психической природе и по тем внешним актам, которые вытекают из первого и второго случая. В интересах самого объективного изучения учет этих разнородных смыслов тождественной фразы необходим и неизбежен. Без такого учета, опирающегося на метод личного восприятия и интроспекции с вспомогательными приемами субъективной психологии, объективный исследователь рискует наделать ряд ошибок.

Конечно, как я уже сказал, различные психические состояния могут быть учитываемы нами лишь при условии их внешних проявлений в той или иной форме; ласку или ругань обозначает обращение „свинья", досаду, злость или восторг выражает восклицание: „черт подери", мы можем определить не иначе, как учтя все внешние движения, связанные с этими словами (тон, манеру, восклицание, жесты,

мимику, характер взаимоотношений между лицами и т. д.); стало быть и здесь мы стоим на почве объективизма. Но последовательные объективисты хотят совершенно игнорировать субъективную сторону явлений, я же настаиваю на том, что для уяснения и большей точности обращение к этой стороне в ряде случаев необходимо.

Правда, данные, полученные путем метода самонаблюдения (простого и экспериментального) всегда гипотетичны, нередко ошибочны и спорны, особенно в случаях намеренного притворства и т. д. [1]).

Но из того, что нередко люди попадают под поезд, не следует, что поезда вообще вредны и что нужно исключить и уничтожить их. Из того, что выводы субъективной психологии нередко бывают ошибочными, не следует, что они всегда бывают такими и что метод самонаблюдения совершенно бесполезен.

Это в конце концов принуждены признать и сами объективисты. „Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противополагали ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а наоборот, вполне определенно отмежевали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения. . . Между данными той и другой научной дисциплины должно быть известное вполне определенное взаимоотношение. В этом направлении можно идти дальше и говорить о возможном сближении в будущем обоих научных дисциплин“ [2]). То же говорит и другой объективист, Костылев. „Экспериментальная психология будущего не будет исключительно объективной, как этого, повидимому, желает Бехтерев. Я не вижу основания держаться объективного изучения функционирования рефлексов. Я считаю чрезвычайно важным изучение на ряду с этим при помощи интроспекции процесса их группирования, который приведет нас от зачаточной умственной деятельности ребенка к бесконечно сложному сознанию взрослого“ [3]).

Вот почему нельзя не признать справедливыми нижеследующие слова В. А. Вагнера, направленные против край-

---

[1]) См. об этом *Петражицкий*: Введение. 28 и сл. *Радлов*: Самонаблюдение в психологи, *Челпанов:* Об экспериментальном методе в психологии и *Кони*: Психология и свидет. показания (в Нов. идеях в фил. Сб. № 8). *Бехтерев*: Op. cit. Гл. I—IV; курсы уголовн. судопроизводства *Розина*, *Фойницкого* и др.

[2]) *Бехтерев:* Рефлексология. 128.

[3]) *Костылев:* La crise de la psychologie expérimentale. 1911. 153.

ностей объективизма физиологов. Чисто физиологический метод недостаточен, говорит он, во-первых, потому, что „реакции нервной системы, при полном сходстве ея морфологического строения могут быть совершенно различными; они могут быть различными у одного и того же организма в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин, из чего следует, что изучая механизмы реакции нервной системы данного организма мы не узнаем того, что нужно для определения и выяснения его психологии. Это, во-первых, во-вторых, мы знаем, что нервная система представляет такой механизм, при посредстве котораго может производиться работа самого разного содержания. Как ткацкий станок, приводимый в движение определенным механизмом и получающий для обработки один и тот же материал, может изготовлять разнородную ткань в зависимости от того, в чьих рукх он находится, так и механизм нервной системы, устроенный у данных организмов по одному образцу, и получая однородное раздражение, может вырабатывать реакции не одного характера и значения“ [1]).

Вот почему, наконец, в области социологии я должен признать если не вполне, то в значительной степени правильной критику, которой подверг Эллвуд физиологическую социологию Зеленого. Эллвуд допускает известную ценность и полезность физиологической социологии. „Но когда объективисты объявляют, что только их точка зрения научна, когда они порицают, как ненаучную, всякую попытку использовать психические элементы для объяснения социальной жизни—дело принимает другой оборот. В этом случае их метод превращается в догматизм, который может быть оправдан лишь при допущении, что такие метафизические мировоззрения, как мировоззрение механистическое или психо-физический параллелизм, доказаны наукой.“ Но они считаться доказанными не могут [2]). Поэтому объективисты, опирающиеся на это мировоззрение, сами впадают в метафизику. Далее, их метод „быть может хорош для изучения поведения крысы, или общества крыс, или в лучшем случае—поведения человеческой группы, жившей пол-миллиона лет тому назад, жившей в чувственно-материальном (perceptual) мире. Цивилизованный же человек живет в мире идей (ideational). Для него мир реальных объектов в значитель-

[1]) См. *В. Вагнер:* Физиология и биология в решении психол. проблем. Нов. идеи в биологии. Сб. № 6. 6. См. *Его же:* Биопсихология. т. I и Зоопсихология перед судом физиолога. Вест. психологии, т. XIII, вып. 3—5.

[2]) *Ellwood.* Objectivism in Sociology. Amer. journ. of sociology т. XXII. 301.

ной степени заменен миром идей, символов (Standarts), ценностей. Эти идеи, символы, ценности постепенно развивались и накоплялись в течение всей человеческой истории. Сама история человечества таким образом представляется как бы развивающейся традицией или „социальным духом" (Social mind), который не может быть понят вне его содержания. Человеческая культура сама по существу имеет психический характер и эта культура создала человеческие общества, которые мы знаем".

Недостаточен этот метод и потому, что нет строгого соответствия между психикой и ее внешним проявлением. „Благодаря организующей активности духа воспринятые идеи, верования, символы могут быть целиком видоизменены и в итоге могут выразиться в совершенно иных формах поведения, чем формы обычные... Этим не отрицается возможность чисто физиологического изучения человеческого поведения. Но заменять в наших описаниях социальных процессов гипотетической деятельностью клеток центральной нервной системы, о которых мы ничего не знаем, хорошо известные нам способы мышления и чувствования, которые при этом гипотетически предполагаются коррелятивными этим физиологическим процессам, — это самый настоящий педантизм".

Наконец, не верно, что психическое явление нам не дано и не может быть объективно наблюдаемо. „Мы знаем верования и мнения других столь же ясно и точно, как и многие физические явления". Больше того: „Экономическую ценность, приписываемую человеком алмазу, мы знаем лучше, чем физическую сторону оценочного процесса. Многие идеи древних римлян, греков, евреев мы знаем вероятно лучше, чем физические условия их существования. В социальных науках, по меньшей мере, многие психические явления надолго еще останутся более понятными, чем соответствующие им бесконечно сложные физические явления" [1]).

Такова сущность возражений Эллвуда против претензий объектистов.

Как я уже сказал, если не вполне, то частично они обоснованы. Вывод из всего сказаннаго об объективизме и субъективизме в социологии будет таков: 1) *исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий вне-шне — данные факты функциональной зависимости поведения*

---

[1]) Ellwood. Ibid. 303 — 304.

одних людей от существования и поведения других. Социолог здесь прямо принужден исходить из внешних актов (поведения) идти от них к другим внешним же актам и кончать внешними же актами, устанавливая связи между ними. В этом смысле всякая научная социология может и должна быть объективной социологией.

2) В целях большей полноты анализа изучаемых явлений на ряду с объективным методом, имеющим дело лишь с внешними, доступными наблюдению фактами (поведением людей), в качестве вспомогательного метода, может быть допущен и метод интроспекции, обращающийся к анализу психических переживаний людей. Привлечение последних к истолкованию ряда явлений может облегчить и уяснить понимание многих явлений, нисколько не колебля данных объективного наблюдения. Психологическая интерпретация явлений взаимодействия и пользование психологическими терминами диктуются тем, что 1) психические переживания даны у человека, 2) что в силу этого они весьма часто (при т. н. сознательных актах) являются посредствующим звеном между двумя внешними актами, 3) что содержание и смысл многих актов дается характером этих психических переживаний, 4) что сознательно или ненамеренно психологическое наведение всегда является предпосылкой всякого истолкования явлений общественного поведения...

Я кратко выражу свою мысль, если скажу: *социология может и должна быть объективной социологией—социологией внешних, доступных наблюдению фактов и процесов,* но для полноты и точности результатов, добываемых объективными методами, ей приходится иметь дело с психическими явлениями и потому целесообразно дополнять эти результаты данными, добываемыми путем методов субъективной психологии.

Таково единственно правильное для нашего времени решение спора „объективистов“ и „субъективистов“ в психологии и социологии. В нижеследующем автор систематически будет проводить только что очерченную точку зрения относительно методов изучения явлений взаимодействия.

Социальная аналитика.

ГЛАВА IV.

Анализ элементов взаимодействия.

В главе „Архитектоника социологии“ было указано, что первой частью теоретической социологии является социальная аналитика. Она изучает строение или состав социального явления и его основные формы.

Было указано также, что она делится: a) на социальную аналитику *простейшего* социального явления и b) социальную аналитику *сложных* социальных явлений. Свой анализ строения социальных явлений начнем с изучения структуры, простейшего социального явления. Только изучив последнее, мы можем перейти к изучению строения сложных социальных явлений и процессов. Вся нижеследующая часть будет посвящена изучению строения простейших социальных фактов.

§ 1. Взаимодействие, как простейшее социальное явление.

То, что обычно называется общественной жизнью или общественными явлениями, представляет собой комплекс фактов и процессов настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, совершенно невозможно.

Как подойти к этой бесконечно-пестрой и сложнейшей картине? Как ее описать? С какой точки зрения анализировать?

Если бы любой исследователь попытался охватить эту бесконечно разнообразную массу событий, поступков, фактов, явлений и отношений в ее целом, он обречен был бы на полную неудачу. Такая задача без предварительного расчленения и упрощения условий изучения неразрешима.

Вот почему и по существу, и по методологическим требованиям [1]) всякий исследователь того, что называют явлениями общественной жизни, должен взять эти явления в их простейшем виде. Он должен найти простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую, он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты, как на комбинацию этих простейших слу-

---

[1]) См. на этот счет *Риккерт*: Границы естественно-научного образования понятий. Пер. Водена. Passim.

чаев или как на усложненный до бесконечности образец этой модели. Социолог в этом случае должен воспользоваться опытом других наук: химии и биологии. Подобно химику, разложившему весь пестрый мир неорганической природы на атомы, подобно биологу, изучающему явления жизни на клетке, социолог должен найти своего рода „социальную клетку", исследуя которую, он тем самым получил бы знание основных свойств общественных явлений; мало того,— подобно химику, объясняющему все сложные предметы и явления неорганическаго мира комбинацией атомов и их соединений — молекул, подобно биологу, сумевшему разложить все организмы на их составные части — клетки и рассматривающему первые, как комбинацию вторых, подобно им простейшее явление, выделяемое социологом, должно быть таково, чтобы оно давало возможность смотреть на все так наз. общественные явления, как на ту или иную комбинацию этих простейших явлений.

Спрашивается, *какое же явление в мире человеческих отношений может быть таким простейшим фактом? какое явление может служить упрощенной и маленькой моделью громадного и сложного механизма общественных явлений?*

Сторонники органической школы когда то считали „социальной клеткой" или простейшим социальным явлением *человеческого индивида.* Теперь едва ли есть надобность подробно критиковать их. Они слишком увлеклись аналогиями и не заметили, что индивид, как индивид,—никоим образом не может считаться микрокосмом социального макрокосма. Не может потому, что *из индивида можно получить только индивида* и нельзя получить ни того, что называется „обществом", ни того, что носит название „общественных явлений". Робинзон, живущий на уединенном острове, ни сам по себе, ни своими действиями не составит ни того, ни другого. Далее—*индивид, как индивид, не дает никакого основания для существования особой науки—социологии.* Как физическая масса он изучается физико-химическими науками, как организм—биологией, как обладающее сознанием или психикой существо — психологией. Социологии с индивидом делать нечего и потому она была бы излишней. Индивид не может быть искомой моделью того, что носит название общественных явлений [1]).

---

[1]) Сказанное относится и к ряду других социологов, которые, как Гиддингс, «социальной клеткой», «социальной единицей» считают индивида, socius'a. The unit of investigation, then, in sociology is the socius that is to say the individual who is not only an animal and a conscious mind, but also

Для последних требуется *не один, а много индивидов, по меньшей мере, два.* Если один Робинзон не может составить „общества", то Робинзон с Пятницей—такое „общество" составить могут. По крайней мере, соединение двух лиц в обиходе часто называется „обществом". Их взаимоотношения могут составить „общественные отношения", их акции и реакции — общественные процессы.

Но понятие двух или множества индивидов еще недостаточно для того, чтобы быть „моделью" общественных явлений. Мы можем иметь множество индивидов, но если эти индивиды будут изолированы друг от друга, подобно сардинам, закупоренным в разные коробки, то этот случай сведется к первому: мы будем иметь ряд изолированных индивидов, т. е. в каждом данном случае опять таки одного индивида.

Чтобы два или большее число индивидов могли составить „общество" могли дать „общественные явления", для этого необходимо, чтобы они *взаимодействовали друг с другом, обменивались взаимно акциями и реакциями.* Только в этом случае они составят общественное явление; только в этом случае их взаимоотношения дадут общественные процессы, только в этом случае они создадут почву для существования особой науки, изучающей явления их взаимодействия, не изучаемые другими дисциплинами. „Social are all phenomena which we cannot explain without bringing in the

---

a companion, a learner, a teacher, and co-worker». *Giddings*: Inductive Sociology, 10. Как правильно замечает *Hayes* «конечный элемент, на который научное исследование разлагает соц. реальность, для своего открытия требует гораздо более сложного анализа, чем простое отделение индивида от толпы. Поведение индивида представляет сложное и многообразное сочетание; каждая деятельность, в которой он участвует, является отдельным объектом исследования. Сказать, что socius есть конечный и неразложимый элемент исследования, это равносильно тому, если бы ботаник принял букет цветов в качестве неразложимой единицы ботанического анализа. Как каждый цветок в букете служит представителем ботанической разновидности, так каждое верование или практика, которую Socius разделяет вместе с другими индивидами, представляет вид социологич. разнообразия. Каждая такая разновидность соц. деятельности—объект исследования и каждое участие индивида в такой деятельности—простейший элемент изучения. Но Socius не только слишком сложное явление, он кроме того, слишком *индивидуален, единичен* (unique), чтобы мог быть таким конечным элементом. Socius в развитом обществе может быть столь же единичным, как историческое событие, и может дать материал скорее для биографии, чем для социологии (как науки о законах и основных тенденциях»).

Hayes: Classification of social phenomena. Amer journ. of sociol, т. XVII. 109—110.

action of one human being on another, правильно говорит Ross [1]).

Следовательно, *моделью социальной группы может быть только два или большее число индивидов, находящихся между собой во взаимодействии. Моделью социальных процессов могут быть только процессы взаимодействия между индивидами; моделью общественных явлений могут быть только явления взаимодействия людей* [2]).

Вот почему, более правильно, по сравнению с органицистами, поступает школа Ле-Плэ, признающая такой моделью семью, а не индивида „Семья, говорит крупнейший представитель этой школы Демолен, представляет наиболее простую, наиболее элементарную социальную группу, ниже которой социальная жизнь не существует, не может быть продолжаема и передаваема“ [3]).

В семье, как в модели социальной группы, дано два или большее число индивидов и взаимодействие между ними. В этом смысле она удовлетворяет выставленным требованиям.

Такой подход к изучению социальных явлений, ценный во многих отношениях, не может быть, однако, принят целиком. Семья может служить моделью ряда социальных отношений, но не всех: мы знаем, что ряд социальных групп, даже большинство последних, образуется не на семейных началах и к семье никакого отношения не имеет. Собрание друзей, собрание верующих, политическая партия, члены научного общества и множество других ассоциаций являются ассоциациями внесемейными.

---

[1]) *Ross:* Foundations of Sociology. 1905—7.

[2]) Из сказанного следует и ошибочность тех социологических теорий, которые готовы социальное явление свести к одним взаимоотношениям и исключить из них индивидов. В этом повинны многие сторонники социального реализма, в том числе и цитированный выше Hayes. См. Hayes: Op.cit. 111—113. Одни отношения (взаимодействие) не могут быть ни простейшим социальным явлением, ни просто социальным явлением потому, что без индивидов не могут существовать отношения между ними. Будет некому взаимодействовать и не на ком изучать взаимодействие. Вот почему «модель» социального явления должна содержать и индивидов, и взаимодействие между ними. Свойства индивидов и свойства взаимодействия функционально связаны; нельзя одно отрывать от другого.

[3]) *E. Demolins*: Comment on analyse et comment on classe les types sociaux. La science sociale. 19 année. 1-er Fasc. 75. То же говорит и *R. Pino*— второй представитель этой интересной и ценной школы. «Человеческие общества организуются и организуют распорядок их частной и публичной жизни согласно специальным способам, которыми семейный организм получает средства существования» *R. Pino*: La classification des espèces de la famille établie par Le Play est-elle exacte. Science Sociale. Тот же выпуск. 44.

Поэтому нельзя семью брать в качестве образца *всех* социальных групп, взаимодействие между членами семьи— в качестве модели всякого общественного взаимодействия. Семья представляет лишь частный вид родового явления— группы взаимодействующих индивидов.

Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двух или большого числа индивидов; и обратно, комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой, сложнейший из сложнейших общественный процесс, любое социальное событие, начиная от увлечения танго и футуризмом и кончая мировой войной и революциями. К чему, как не к явлениям взаимодействия, в конечном счете, сводится вся общественная жизнь. Процессы взаимодействия—индивидуальные и массовые, длительные и мгновенные, односторонние и двусторонние, солидаристические и антагонистические и т. д. являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории. Из совокупности взаимодействующих индивидов можно составить любую социальную группу, любое „общество", начиная с трамвайной публики и кончая такими коллективами, как государство, „Интернационал", католическая церковь и „Лига народов". Из комбинации процессов взаимодействия можно соткать любое общественное явление, начиная с галдежа толпы, собранной на улице скандалом, и кончая систематической планомерной борьбой мирового пролетариата с мировым „капиталом". На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными.

Короче говоря—*взаимодействие двух или большого числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений; оно может влужить моделью последних. Изучая строение этой модели мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления.*

Ограничимся этими замечаниями и перейдем к анализу явлений взаимодействия. Изучив эту „модель" социальных явлений мы получим достаточный материал для подтверждения высказанных положений.

§ 2. Элементы явления взаимодействия.

Для того, чтобы явление взаимодействия людей, в указанном выше значении, было возможно, для этого необходимо, чтобы даны были три основных условия: 1) *Наличность двух или большого числа индивидов, обусловливающих переживания и поведение друг друга,* 2) *Наличность актов, посредством которых они обусловливают взаимные переживания и поступки,* 3) *наличность проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому.*

Вне этих условий явление взаимодействия не может существовать: 1) без индивидов некому взаимодействовать; 2) если бы эти индивиды не совершали актов, то непонятно было бы, как и чем они могут „раздражать", обусловливать поведение и переживания других лиц; не было бы раздражителей; 3) если бы не было проводников, то как увидим ниже, акты-раздражители одного индивида не могли бы передаваться и раздражать других индивидов.

Эти необходимые условия или составные части явления взаимодействия назовем его элементами.

Соединение их, составляющее явление взаимодействия, образует в своей совокупности своеобразное единство или особую систему (см. ниже), как реальность sui generis.

Остановимся на каждом из этих элементов.

§ 3. Индивиды, как элемент явлений взаимодействия.

I. *Основные биологические и психические свойства индивидов.*

Что касается *индивидов*, то их анатомическое строение и физиологические свойства дают нам анатомия и физиология. Их психическую жизнь пытается раскрыть нам психология. Повторять здесь данные этих наук нет надобности.

Для нас здесь важно отметить лишь следующие свойства: а) как всякое живое существо человек обладает способностью реагировать на раздражения, испытываемые его организмом; в) как высший организм он владеет совершеннейшей нервной системой.

Элементарные функции этой системы состоят: 1) в восприятии раздражений, идущих извне (соответственные органы нервной системы называются *рецепторами или восприниматeлями*), 2) в проведении их до центрального нервного органа (соответственные части нервной системы называются *проводниками или кондукторами*), 3) в выполнении эффекта—

двигательной реакции, вызываемой раздражением, идущим от центрального органа к рабочим органам, (*соответственные части нервн. системы называются эффекторами*).

Что касается функций высшей нервной системы, то эти функции состоят в *анализаторской* деятельности,—в анализе и разложении раздражений, воздействующих на организм, и в *замыкательной* (в контакторской) деятельности, устанавливающей связь организма с разложенными *или проанализированными раздражителями внешнего мира* [1]).

Обладание таким чудесным рецептивно-кондукторски-эффективным аппаратом дает возможность человеку весьма совершенным образом приспособляться к среде. Рецептивные и анализаторские органы нервной системы служат идеальнейшими органами для того, 1) чтобы отмечать всякое раздражение, действующее на организм, 2) чтобы разлагать комплексы раздражений на элементы, и устанавливать различия последних, иначе,—точно познавать, какие раздражители действуют на нас. Эффекторы и замыкательные органы, получив проанализированное раздражение чрез кондукторские органы, дают возможность организму определенным образом реагировать на эти раздражения и в той или иной форме устанавливать связь между ними и организмом. То удаляя весь организм от вредных раздражителей, то приближая его к полезным, то вызывая ряд движений отдельных частей организма они позволяют последнему сохранять необходимое для жизни равновесие и „непрерывно поддерживать приспособление внутренних отношений к внешним“, в чем, по мнению Спенсера, и состоит сущность жизни [2]).

В этом отношении нервная система является прекрасным аппаратом для приспособления организма к среде.

Эта роль нервной системы станет еще более ясной, если принять во внимание наличность в ней особых органов для восприятия раздражений на расстоянии, т. н. Distance-Receptors, реагирующих на раздражение объектов, находящихся на расстоянии.

К числу таких Distance-receptors принадлежат органы *зрения, слуха и обоняния.* Они являются органами для восприятия раздражений от объектов отдаленных, входящих в

---

[1]) См. *Павлов*: Настоящая физиология головного мозга. Природа 1917. Январь. 29—31.

Parker. The origin of the Nervous System and its Appropriation of Effectors. Popular Science monthly, т. LXXV (1909) 56—57. *Parmelee*. The science of human behavior. 1913. 140—145.

[2]) См. *Спенсер*: Основы биологии. т. I, § 1 и след. § 30.

соприкосновение с рецепторами не непосредственно, а лишь путем эманации особых сил (колебания эфира, действующие на зрительные органы, колебания воздушных волн, влияющие на органы слуха и т. д.). Distance-receptors дают таким образом возможность организму приспосабливаться путем надлежащих реакций к объектам отдаленным [1]).

Из других свойств нервной системы отметим следующие: 1) случаи, „где раздражение, действуя на нервную систему *извне*, дает непосредственно за этим сознательное ощущение и уже затем ведет окончательно к какому либо движению". 2) Зависимость ощущений от природы раздражителей. В одних случаях одни „ощущения *не зависят от природы произведшего их раздражителя, а другие происходят наоборот только при известной форме раздражения*". Напр., выведение мочи и кала можно вызвать любым раздражителем: электричеством, механическим насилием и т. д.; напротив, сладострастные ощущения вызываются только легким механическим раздражением половых органов. К последнему типу близка *деятельность органов чувств*—зрительного, осязательного, вкусового, слухового и обонятельного аппаратов.

В этих случаях раздражители действуют на определенные места чувствующих поверхностей тела. „Органы чувств возбуждаются нормально не теми деятелями, которые носят название общих нервных раздражителей, а совершенно особыми влияниями, вовсе неспособными возбуждать общие нервные стволы; зрительный аппарат возбуждается светом, слуховой—звуком, осязательный—легким механическим потрясением" [2]).

Весь организм человека, каждый кусочек его кожи, благодаря нервной системе, представляет, таким образом, чувствительный аппарат, бесконечно более чувствительный, чем любая фотографическая пластинка.

Организм отмечает всякое, мельчайшее раздражение, идущее от окружающей его среды, и обладает способностью, путем надлежащих реакций и движений, отвечать на эти раздражения, приспосабливать себя к этой среде согласно требованиям сохранения жизни.

---

[1]) См. о роли Distance-receptors *Parmelee*: The science. 164 — 166, *Sherrington*: The Integrative Action of the Nervous System, New-York; 1906. 324.

[2]) *И. Сеченов*: Физиология органов чувств. 1867. 5—7.

Как вполне правильно отмечает акад. И. П. Павлов, „деятельности (высших отделов центральной нервной системы) устанавливают более подробные и более утонченные соотношения животного организма с окружающим миром, иначе говоря, более совершенное уравновешивание системы веществ и сил, составляющих животный организм, с веществом и силами окружающей природы“ [1]).

Из сказанного следует, что человек обладает прекраснейшими аппаратами для восприятия раздражений, для их анализа, и для реагирования на них в форме тех или иных движений (рефлексов безусловных и условных, инстинктивных действий, „разумных или сознательных“ актов и т. д.), как отдельных органов, так и всего организма. В последнем случае организм человека может быть сравнен с машиной, которая в себе носит прекрасный двигательный аппарат; с этой точки зрения организм человека может быть назван *авто-мотором* (самодвигателем).

Таковы те характерные физиологические свойства человека, которые важно было напомнить читателю.

Что касается его *психических* свойств, то здесь ограничимся напоминанием самых общих черт человеческой психики. 1) Наличности у человека психических переживаний. 2) В их подразделении современной психологией на три основные элемента: a) *познавательные элементы*: ощущения, восприятия, представления и понятия, b) *чувственно-эмоциональные элементы*, данные в переживаниях боли и удовольствия, c) *волевые элементы*. Ряд психологов отступают от этого тройного деления и дают иную классификацию, но для нас, в конце концов, этот вопрос не имеет большого значения. Точно также в данном случае неважными для нас являются споры о том, какой из этих элементов имеет первенствующее или главное значение: идеи-ли, чувства-ли или волевые элементы. 3) Заслуживает упоминания тот факт, что ряд раздражений, воспринимаемых рецептивными органами нервной системы, сопровождается психическими переживаниями, входит в „поле сознания“ и влечет за собой „сознательную реакцию“ [1]).

---

[1]) *Павлов* Op. cit. 29. См. общую характеристику анатомических и физиологических свойств человека, имеющих важное значение в изучении его поведения у *Parmelee*: The science of human behavior. Passim, особенно главы: V—X.

[1]) Для ознакомления с психологией человека см. курсы психологии: *Гефдинга, Цигена, Вундта, Джемса и др.*

II. Полиморфизм индивидов.

Человеческие индивиды, обладая рядом общих свойств, в то же время не тождественны друг с другом по видовым качествам. Они различаются один от другого: *и физически, и психически, и социально.*

Такими различиями являются: рост, цвет кожи и волос, внешний вид индивида, походка, мимика и т. д. Дальнейшие различия их обусловлены делением индивидов по полу, по возрасту, по ряду других биологических свойств. Отличаются индивиды друг от друга и по психическим свойствам: по манере чувствовать, мыслить, верить и по характеру верований, знаний, вкусов, симпатий, т. е. по совокупности признаков, обозначаемых словами: „характер“, „темперамент“, „психический уклад“ и т. д.

Не сходны они и по социальному положению: напр., по принадлежности к той или иной группе, к касте, сословию, государству и т. д. Такие различия относительны.

В одних случаях ряд индивидов отличается друг от друга в меньшей степени, в других—в большей. При чем, отличаясь друг от друга физически (напр., по росту или полу), они могут быть сходными по социально-психическому багажу: по манере мыслить, чувствовать, по социальному положению, по мировоззрению и т. д. В других случаях может быть наоборот. Отличаясь „по психическому укладу“ (напр. „холерик и флегматик“) они могут быть сходными по вкусам, верованиям, убеждению и т. д. И наоборот.

В третьих случаях—различие может быть более полное. (Напр., готтентот и европейская культурная дама).

Отсюда следует, что по степени сходства и по характеру этого сходства можно соединять индивидов в различные группы: однородные и разнородные; однородные, напр., по полу, возрасту, по религии, по языку, по одежде, по социальному положению и т. д., или однородные—по целому ряду признаков—физических, психических и социальных.

Самые разнородные индивиды могут быть сходными в том или ином отношении: „Индивиды принадлежащие к низшим классам юга Италии могут быть сходными с неграми и краснокожими в отношении предрассудков, морального поведения“ и т. д. [1]). И обратно, самые сходные индивиды могут различаться по ряду признаков. Отсюда легко видеть всю сложность возможной группировки индивидов: она не покрывается ни политической, ни географической, ни классовой группировкой. Она бесконечно сложнее.

---

[1]) Waxweiler: Esquisse. 157.

Этот полиморфизм или физическое, психическое и социальное несходство индивидов важно отметить: он обусловливает собою ряд свойств взаимодействия и играет громадную роль в явлениях социальной группировки.

III. Потребности человека.

Из других свойств индивидов отметим наличность *потребностей*, данных вместе с организмом. Эти потребности неодинаковы у отдельных лиц и исторически изменчивы, но вместе с тем есть ряд потребностей, которые в той или иной мере присущи всем человеческим индивидам.

Классификацией человеческих потребностей занимались многие социологи и представители отдельных социальных наук. Мы не будем здесь приводить историю этого вопроса. Ограничимся двумя—тремя примерами. Так, проф. Fairbanks делит все потребности человека на 7 основных классов, дающих основание для семи главных видов социальной деятельности. Таковы: 1) потребность в пище и в защите против холода и воды, дающая основание для экономической деятельности; 2) потребности, вызываемые удовлетворением ряда эмоций—эгоистических и альтруистических (зависть, ревность, соперничество, симпатия и т. д.), дающие основание для социальной деятельности; 3) потребность в защите себя от сотоварищей людей, дающая основание для политической деятельности; таковы основные виды потребностей. Далее идут „производные желания": 4) эстетическая потребность, 5) интеллектуальная, 6) моральная, 7) религиозная [1]).

Близкую классификацию потребностей дает Де-Грееф, делящий потребности, а соответственно и социальные явления, на семь основных видов; на потребности: 1) экономические, 2) воспроизводительно - семейные, 3) артистические, 4) религиозные, 5) моральные, 6) юридические, 7) политические [2]).

Л. Уорд, признавая потребности и желания социальными силами, главными из потребностей считает голод и любовь [3]). В другом месте он дает несколько иную классификацию социальных сил, основанных на потребностях. Главными „потребностями-силами" он считает: 1) стремление к удо-

---

[1]) *Fairbanks:* Introduction to Sociology. 3 изд. 108—141.

[2]) См. De *Greef*: Introdnction à la sociologie. 1896 г. т. I. 214. Passim.

[3]) *Ward:* Reine Soziclogie т. I. 136. Sie (Hunger und Liebe) sind Hauptquellen aller Handlungen und man kann beinahe sagen, dass alle andern Begierden m direkter oder indirekter Linie von ihnen abgeleitet sind.

вольствию, 2) избегание страдания; 3) половые и любовные желания, 4) родительские и родственные привязанности. Далее идут „несущественные“ „силы-потребности“: 5) эстетическая, 6) эмоционально - моральная и 7) интеллектуальная [1]). П. Л. Лавров различает потребности: питания полового совокупления, ухода за детьми, безопасности, потребность общения и наслаждения возбуждением нервов [2]).

Не мало потребностями в форме инстинктов занимались психологи и биологи.

Одни из них, следуя Дарвину признают у человека небольшое число инстинктов, а сообразно с этим и небольшое число основных биологических потребностей, к которым присоединяются потребности социально - психического порядка. Так, В. Вагнер все основные инстинкты (а след. и биологические потребности человека), сводит к трем главным инстинктам; к инстинктам: 1) питания, 2) размножения, 3) самосохранения [3]).

Другие, подобно Джемсу, дают чрезвычайно дробную характеристику инстинктов, а сообразно с этим и основных биологич. потребностей. К этому же направлению принадлежат и такие социологи, как Эллвуд и М. Дауголл. Первый различает следующие инстинкты (и потребности): питания, воспроизведения, самозащиты, стадности или социабельности, подражания, приобретения, господства и подчинения, строительства (жилищ), и игры (эстетика) [4]).

До известной степени сходную (но более дробную) классификацию инстинктов и соответственных потребностей дает М. Дауголл. Он выделяет инстинкты (и потребности): бегства, отталкивания, любопытства, драчливости, покорности и самовыставления, родительский, размножения, стадный, приобретения, строительства; плюс—врожденные склонности: симпатия, внушение и подражание, потребность игры и соревнования; на этой почве по его мнению развиваются потребности высшего порядка (эстетические, нравственные, религиозные и интеллектуальные [5]).

---

[1]) Уорд. Op. cit. 326. Психич. факт цивилизации М. 1897. 134. Другие авторы, подобно *Делевскому* и ряду моралистов, делят потребности на эгоистические, симпатические и смешанные. См. Делевский: Социальные антагонизмы, 19 и сл.

[2]) *Лавров:* Опыт истории мысли. Загран. изд. т. I. 581 и сл.

[3]) См. *Вагнер.* Биол. осн. сравн. псих. т. II. 204 и сл. Близкую классификацию их дает *Marshall* в своем Instinct and Reason. 1898.

[4]) *Ellwood:* Rôle de l'instinct dans la vie sociale. Revue int. de soc. 1914. 313—343.

[5]) *М. Дауголл:* Осн. пробл сравн. психологии. Гл. III и passim. Среднюю позицию между классификацией Вагнера и последних лиц занимают такие авторы, как *Parmelee.* См.его The science of hum. beh. гл. XIII.

Отметим далее ряд социологов, из которых одни дают чрезвычайно краткую и простую классификацию потребностей, другие,—весьма сложную. В русской социологич. литературе примером первой может служить классификация К. М. Тахтарева. Человеч. потребности, говорит он, „могут быть легко сгруппированы в несколько основных видов потребностей: экономических, брачных и психических (нравственных, умственных и эстетических) [1]).

Примером весьма сложной классификации потребностей (и то не всех), данных под техническим именем residui (часто заменяемым терминами: sentimenti—чувства, bisogno—потребность, иногда термином istinti), может служить классификация Pareto.

Разделяя residui на 6 основных классов, на: 1) инстинкт или потребность комбинации (Istinto delle combinazioni) 2) потребность сохранения скомбинированных аггрегатов (Persistenza degli aggregati), 3) потребность проявления внешними актами чувств (Bisogno di manifestare con atti esterni i sentimenti), 4) потребности, связанные с жизнью в обществе (Residui in relazione colla socialità), 5) потребность сохранения целостности индивида и его взаимоотношений (Integrità dell' individuo e delle sue dipendenze), 6) половая потребность (Residuo sessuale), Парето каждый класс делит на ряд подразделений, дающих в итоге 52 группы, распадающиеся в свою очередь на ряд подгрупп [2]). Среднюю позицию между ними занимают Штукенберг и Росс. Росс различает желания: 1) голода и жажды, 2) удовольствия, 3) эготические (требования „я"), 4) аффективные (любовь, симпатия etc), 5) воспроизводительные, 6) религиозные, 7) этические, 8) эстетические, 9) интеллектуальные [3]).

Не приводя других примеров из этого беглого обзора видно, какая разноголосица царит в вопросах классификации человеческих потребностей. Но из него же видно и другое: разноречия касаются не столько самого существа дела,—(почти все в конце концов то более, то менее подробно дают под разными именами одни и те же потребности), сколько способа классификации и внешнего расположения основных потребностей.

Не вдаваясь в критику изложенных классификаций, не претендуя на исключительность своей классификации, рав-

---

[1]) *Тахтарев*: Социология. Петр. 1918. 25—26, 47—48.

[2]) См. *Pareto*. Trattato. т. I. 446—449 и сл. Дробную же характеристику дает и *Hayes*; см. его Classif. of soc. fenom. 394—399.

[3]) *Ross*: Foundations. V 69. См. также *Small*: Amer. journ. of soc., т. VI. 177—199, *Ratzenhofer*: Sociol. Erkenntniss. 1898. 54 — 66. *Stuckenberg*: Sociology. т. I. 207. 1903 г.

ным образом, не ставя сейчас задачей детальный анализ природы каждой из потребностей, я позволю себе дать нижеследующий список основных потребностей человека. Всякое существо, след., и человек, пока оно живет и пока живет его род, должно удовлетворять потребности, необходимые для продолжения жизни. Отсюда вывод: человеку, как организму, прежде всего свойственны все основные биологические потребности, без удовлетворения коих организм жить не может. К таковым относятся: 1) *потребность удовлетворения голода и жажды*, 2) *потребность половая* (размножения), необходимая для сохранения рода, 3) *потребность самозащиты от сил и влияний, угрожающих жизни*—каковы бы последние не были (самозащита от космических влияний—температуры, смертельного воздуха, ветра, дождя, испарений, механических опасностей, напр., падения в пропасть, утопления, обжога и т. д., самозащита от биологических опасностей—нападения зверей, болезней, гнилой пищи и т. д.; самозащита от социальных опасностей: от сочеловеков, от вредных для жизни и здоровья социальных условий), 4) *потребность групповой самозащиты* (защита и покровительство „своих“, „близких“,—членов семьи, детей, друзей, членов племени, рода, тотема и т. д; объем и характер этих „близких“ колеблется и изменчив у различных индивидов.; 5) *потребность движения*. Едва ли есть надобность доказывать свойственность этой потребности человеку. Она в виде „способности реагировать на раздражения—составляет основное свойство всякой живой протоплазмы“ [1]). Движение—характерная черта животных организмов. Тем более важной и существенной является эта потребность у человека [2]). Не встречая обычно препятствий к ее удовлетворению, мы не замечаем ее важности. Между тем, хотя бы кратковременное неудовлетворение этой потребности влечет за собой ряд мучительнейших состояний и действует на организм вредно, почти убийственно. Состояние человека, связанного по рукам и ногам, было одним из приемов пытки и такое название заслуживает по справедливости. Мы чувствительны не только к лишению нас способности движений, но к малейшему ограничению свободы передвижения; мучительность заключения человека в камеру тюрьмы, с ограниченным пространством, протесты и борьба против застав, шлагбаумов,

---

[1]) *Шимкевич*: Биологич. основы зоологии. 1901. 49.

[2]) Парето прав, говоря, что у человека, как и у животных, есть потребность действовать, делать что-либо (bisogno di operare, fare pualche cosa.). Op. cit. т. I. 556 и сл.

против запретов въезда и выезда, паспортной системы и т. п., как нельзя лучше доказывают правильность сказанного. 6) *Остальные физиологические потребности*: дыхания, обмена веществ, сна, отдыха, разряжения избыточной энергии (игра) и т. д. [1]).

Человек, однако, не только организм, но еще организм, обладающий сознанием, психикой. Мало того, он существо, живущее в среде подобных себе существ. Эти обстоятельства, на почве основных биологических потребностей, породили ряд добавочных потребностей социально-психического порядка. В конкретной форме последние бесчисленны.

Основными из них мы можем считать следующие.

7) *Потребность общения с себе подобными*. В той или иной форме, эта потребность дана у всех людей. Правда, она не одинакова у различных индивидов.

Одних мы называем „медведями-нелюдимами", другие прямо говорят: „одиночество для меня невыносимо". Есть и такие, которые утверждают, что „люди им надоели". Однако, можно смело говорить, что за исключением, может быть чрезвычайно редких единиц (да и то вопрос—существуют ли они) потребность общения с другими людьми или прямо, или косвенно (путем писем, чтения книг, газет и т. д.),— присуща всем людям. Одни одинаково общительны и болтливы со всеми, другие—ведут светскую жизнь, третьи—ограничиваются обществом избранных друзей и семьи, четвертые—обществом любимых авторов—живых и мертвых—, с которыми они общаются путем книг, пятые—обществом собутыльников и т. д.; одних она гонит на улицу, в кабачек, других—в театр, в кинемо, третьих—на лекцию, четвертых—„побеседовать с друзьями", пятых—в толпу, шестых—на бал, седьмых—в церковь; короче—формы удовлетворения ее могут быть различными но в том или ином виде она присуща всем людям.

Что это так, доказывается множеством фактов. Во-первых, тем, что люди жили и живут в обществе себе подобных, и что изолированный человек не самодостаточен, почему без общения с другими существовать не может. Людей, живущих изолированно от подобных себе, мы, за весьма

[1]) Я не вношу в качестве особой потребности стремление к удовольствию и избегание страдания, как это делают многие, в том числе Паттэн и Уорд: эти потребности проявляются во всех указанных потребностях: удовлетворение их в общем и целом сопровождается положительным чувственным тоном, неудовлетворение—отрицательным. Вводить их рядом с указанными потребностями равносильно было бы их дублированию.

редкими исключениями, не знаем [1]). Если эти редкие исключения и есть, то изолированность здесь была не добровольная, а принудительная.

Во-вторых, тем, что на самых первичных ступенях жизни человечества люди, помимо обычного общества, периодически собираются в более обширные соединения и устраивают празднества („короборри" австралийцев) [2]).

В-третьих, тем, что изоляция (даже относительная) мучительна и гибельно действует на человека. Доказательством этому служит: общепризнанная мучительность одиночного заключения. Хотя здесь изоляция относительна (ибо обычно человек путем свиданий, путем писем, прогулок, перестукиваний, чтения книг и т. д. общается с другими), но, несмотря на это, одиночное заключение является одним из самых тяжелых наказаний, вызывает застой и деградацию психической жизни, подтачивает здоровье, ведет к преждевременной старости и смерти [3]).

В-четвертых, потребность общения подтверждается и исследованием причин самоубийства. Дюркгейм показал, что основной причиной самоубийств является ослабление социальной связи, т. е. рост одиночества и изолированности человека от сочеловеков [4]).

Помимо этих фактов данность этой потребности свидетельствуется известной всем по опыту „тягой к людям", желанием поделиться своими переживаниями с другими и т. д. [5]).

Сказанного достаточно, чтобы признать наличность данной потребности. Она столь же реальна, как и все перечисленные. Под общей формой потребности общения с сочеловеками может быть чрезвычайно пестрое конкретное содержание: и обмен идеями, и чувствами-эмоциями, и волениями всякого рода, как сходными, так и несходными, как благожелательными, так и враждебными.

---

[1]) Под этими исключениями я разумею случай, происшедший во Франции в конце 18 в., когда нашли в лесу дикого мальчика 12 лет, выросшего без общения с другими людьми. См. об этом у *Waxweiler'а*: Esquisse. 78. у *Погодина*: Язык, как творчество. 178—179. Вопр. теории и психол. творчества. т. IV.

[2]) См. *B. Spenser and Gillen:* The Northern tribes of Centr. Australia. Lond. 1904. Главы, посвященные церемониям.

[3]) См. об этом книгу: «Соврем. тюрьма и ея влияние. СПБ. 1913. перев. под ред. П. И. Люблинского. Поучительные цифры дает *Позднышев*; в «Тюрьмоведении». Психология такого узника хорошо изображена *Байроном*: в «Шильонском узнике».

[4]) См. *Дюркгейм*: Самоубийство. Изд. Карбасникова. 1912. Passim.

[5]) Недаром же множество исследователей (Джемс, Эллвуд, М. Дауголл и др.) возвели ее на степень прирожденного стадного, грегарного инстинкта. В свое время я укажу, почему стадность нельзя считать инстинктом.

Рядом с этой потребностью следует отметить другие потребности *социально-психического* порядка, вытекающие из наличности высоко-развитого сознания у человека. Если остановиться на обычном делении элементов психики на: 1) познавательные, 2) чувственно-эмоциональные, 3) волевые, то социально - психические потребности можно свести: 1) *к потребностям интеллектуальным,* 2) *чувственно-эмоциональным, и* 3) *волевым.*

8) *Потребности интеллектуальной деятельности.* Нет ни одного человека, которому эта потребность не была бы свойственна в той или иной форме. Вместе с организмом человека даны ощущения, восприятия, представления, и их комбинации, т. е. различные формы интеллектуальной деятельности. Эти явления имманентно присущи человеку. Как человек, пока живет, не может не есть, не пить, не двигаться, так он не может не ощущать, не воспринимать, не иметь представлений. Познавательная деятельность в простейших формах—*различения и элементарного синтеза*—появляется уже в мире животных. Тем более она присуща человеку. Она от него неотъемлема. Конечно, степень и формы интеллектуальных потребностей различны у различных индивидов. Но в той или иной форме они имманентно присущи всем представителям homo sapiens. Раз у него имеется развитая нервная система-тем самым дана и интелллектуально-познавательная деятельность; ибо мы видели, что основной функцией нервной системы является анализаторская функция, т. е. различение и дифференциация раздражений среды. А психология указывает, что различение (discernement) представляет простейшую форму познавательной дятельности. Точно также вместе с развитой нервной системой дана и синтетическая или комбинирующая деятельность. „Ученый в своей лаборатории синтезирует и комбинирует воспринимаемые явления согласно определенным нормам. правилам, гипотезам. Невежда также синтезирует и комбинирует, хотя бы и фантастическим, детским, абсурдным образом... Имеется инстинкт (неточное выражение. П. С.), который толкает людей к такой комбинационно-синтетической деятельности, правильно утверждает Парето. Часто соединяют (и устанавливают связи, хотя бы и фантастические П. С.) вещи сходные, иногда противоположные, временами комбинируют исключительные явления с редкими вещами“ и т. д. [1]).

---

[1]) *Pareto*. Op. cit., т. I, 449.

„Люди имеют определеннейшую склонность давать логическое обоснование их актам... У них имеется синтетическая тенденция, незаменимая для практических потребностей. Прежде всего люди хотят мыслить, а плохо или хорошо они мыслят, это уже другой вопрос“, не менее справедливо говорит тот же автор [1]). На почве удовлетворения этой потребности выросла не только наука, но и все абсурдные обобщения, абстракции, олицетворения, персонификации и понятия в роде: добра, справедливости, солидарности и т. д. „Такие или сходные комплексы, родившиеся из потребности мыслить и комбинировать, потом могут приобрести независимое существование и в известных случаях быть персонифицированными“ [2]). Не только факт существования науки, но еще в большей степени факт существования ошибочных абсурдных теорий, представлений, понятий, суеверных и наивных объяснений, нелепых умственных комбинаций, фантастичных интеллектуальных образований, короче—все те анимистические, фетишистические, тотемические и нелепейшие теории, которые создавало и создает человечество, начиная с самых первобытных людей и кончая „дикарями современной культуры“, теории, которыми люди объясняли и объясняют окружающие их явления, все эти „суеверные обломки старых истин“, которыми полна история человечества и которые мы находим всюду, где находим человека, все это служит непререкаемым и красноречивейшим доказательством наличности у человека интеллектуальной потребности. Если бы ее не было, то не могли бы возникнуть и эти уродливые детища мысли. Иными словами, человеку свойственен в такой же степени интеллектуальный голод, в какой ему присущ голод физиологический. Один удовлетворяет его фантастическими теориями анимизма, другой—теорией Ньютона и Дарвина, один для его удовлетворения создает теорию „7-ми дней творения“, другой—теорию, подобную Кант--Лапласовской теории или доктрине „Основных начал“ Спенсера.

Еще бесспорнее станет эта потребность, если мы учтем роль знания, как лучшего орудия в борьбе за существование. Уоллес и Бергсон правы, говоря, что в силу этой потребности для человека стала излишней необходимость изменения тела для приспособления к среде: его место заняли

---

[1]) *Pareto*. Ibid. т. I, 66, 505—507.

[2]) Ibid. 507.

изменения мозга и тех орудий и инструментов, которые созданы человеческим знанием [1]).

Этой потребностью вызвано к жизни бесчисленное множество представлений и теорий, истинных и ложных,—относящихся к явлениям и неорганического, и органического, и социально-психического мира. И научные дисциплины, и религиозные представления и концепции, и теории о душе, о праве, о справедливости, жизни и смерти, красоте и добре, короче все суждения: „А есть В“ и „А не есть В“, из комплекса которых составляются системы мировоззрения, дисциплины; суждения, начиная с „паук имеет четыре ноги“ или „дьявол покупает человеческую душу“ и кончая комплексом их, составляющим науки: физику, химию, биологию, психологию, социологию, гносеологию и т. д., или таким сочетанием их, как мировоззрение Вед, буддизма, анимизма и т. д.,—все это плоды, родившиеся на почве удовлетворения данной потребности, все это детища последней...

Короче потребность интеллектуальной или умственной деятельности столь же реальна, как и потребность питания. Другое дело, столь ли важна она, как последняя. Но этим вопросом мы сейчас не занимаемся.

9) *Потребность чувственно-эмоциональных переживаний.* Под ней я понимаю потребность человека,—опять таки имманентно присущую его организму, данную вместе с последним, — переживать ряд чисто аффективных состояний— чувств, эмоций, носящих название радости, страха, горя, нежности, любви, симпатии, обожания, отвращеня, удивления и т. д., сопровождающихся или удовольствием или страданием (положит. и отриц. чувственные тоны), потребность отличную от интеллектуальной и не совпадающую с последней [2]).

---

[1]) *Бергсон*: Творч. эволюция. СПБ. Изд. Семенова. 121 и сл. «Отличительной чертой сознания является его способность изготовлять искусственные предметы, в частности орудия для приготовления других орудий, и бесконечно варьировать производство... Мы должны были бы говорить не Homo Sapiens, а Homo Faber...»

[2]) Это отличие указанной потребности от интеллектуальной, не противоречит и теории «интеллектуалистов», ибо и последние не отрицают своеобразие чувственно-эмоциональных переживаний от познавательно-интеллектуальных, но настаивают только на связи и обусловленности первых вторыми. Однако, лично я склонен итти дальше и думать подобно *Рибо и Ланге*, что существует чисто аффективная жизнь, самостоятельная и независимая от жизни интеллектуальной; причина ее лежит ниже, в изменениях синестезии, которая, в свою очередь, есть результат сочетания жизненных процессов. Роль

Так же, как человек не может не мыслить, так же он не может не чувствовать. Больше того: человек хочет мыслить и хочет чувствовать, часто он ищет чувственных переживаний... Реальна ли эта потребность? Вместо ответа процитирую Ланге: „Эмоции, говорит он, не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории—как целых народов, так и отдельных лиц,—доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов, чем наводнения“ [1]). В той или иной форме эта потребность дана у всех людей. Не идеи, не голод и не остальные перечисленные потребности влекли и влекут людей на зрелища: первобытные пляски, игрища („коробори“), в цирк

внешних ощущений очень ничтожна в психологии чувствований сравнительно с ролью внутренних ощущений и, только не заглядывая дальше первых, можно возводить в правило, что «нет эмоциональных состояний, не связанных с состояниями интеллектуальными».

Рибо: Психология чувств. СПБ. 1898. 15.

[1]) *Ланге:* Душевн. движения. 1896 г. 14. Не менее правильно говорит на ту же тему и *Рибо*: «слепая вера в «силу идей» представляет на практике неистощимый источник иллюзий и заблуждений. Идея, если она не более как идея, бессильна: она действует только тогда, когда она прочувствована, когда сопровождается известным аффективным состоянием... Можно основательно и глубоко изучить «Практический Разум» Канта, испещрить его блистательными заметками и комментариями, не прибавив равно ничего к своей практической нравственности, имеющей совершенно другое происхождение. Непонимание этой очевидной истины—один из наиболее досадных результатов влияния интеллектуалистов на психологию чувствований»..

Рибо. Op. cit. 25.

То же говорит и *Pareto*. I ragionamenti per agire sugli uomini, hanno bisogno di transformarsi in sentimenti.

Pareto: Op. cit., т. I. 78. Вся социология Парето есть сплошное доказательство этого положения. Идеи для него—только рефлекс, тень или отражение sentimenti. «Одно и то же чувство, которое толкает людей воздержаться от к.-либо поступка, оно же толкает их создавать соответственную теорию (для оправдания этого воздержания). Так, ужас перед убийством заставляет с отвращением отказываться от него. Он же в виде рефлекса ведет к созданию теорий: «убийство неугодно богу, боги наказывают убийц», «убийство противоречит нравственности, прогрессу, социализму» и т. д. *Pareto*. 74—75. См. passim и главы посвященные residui и derivazione.

Хотя этими авторами, как увидим в «Соц. механике», роль интеллекта и знания недооценена, однако, они правы, настаивая на важности эмоций—чувств в поведении людей и в истории человечества. Чувственно-эмоциональными являются и теории Уорда, Паттена и др., признающие динамическим фактором соц. явлений чувства: удовольствие и страдание. См. Reine Soziologie, Психич. факторы цивилизации и Dynamic sociology *Уорда* и The theory of social forces *Паттэна*, напечат. в Supplement to the Annals of the Americ. Acad. of Polit. and Soc. Science, за январь 1896 г.

гладиаторов, на мистерию, на бой быков, в современный цирк, в театр, в оперу, на концерт, в кинематограф, на поэзо-вечера, на скандал, к месту казни и т. д. Что как не потребность „в сильных ощущениях“ (не точное выражение) заставляла и заставляет людей плясать (танцы, балет, игрища, религиозные пляски, балы и т. д.), возбуждать себя употреблением гашиша, опиума, вина, водки, табака и др. опьяняющих и одуряющих веществ [1]), столь же древних, как и само человечество.

„Хлеба и зрелищ“,—таков вечный красноречивый свидетель данности этой потребности у человека. Если лозунг „хлеба“ относится к биологической потребности питания, то лозунг „зрелищ“ говорит о потребности в аффективных переживаниях [2]). Отнимите эту потребность у человека и вы сделаете непонятным существование множества явлений, начиная с игры и кончая всем искусством: поэзией, живописью, музыкой, балетом и т. д. „Дориан Грей“ Уальда— только сконцентрированный художественный образ человека, сделавшего „целью жизни“ служение и удовлетворение потребности в чувственно-эмоциональных переживаниях. Все люди в большей или меньшей степени Дорианы: различны только формы и степени „прожигания жизни“. Эта потребность дает себя знать всюду: обычай употребления музыки при парадах, при наступлении, при похоронах и свадьбах, такие явления, как сервировка стола (цветы, художественность сервировки), явления комфорта, роскоши („пышные“ платья, „красивая обстановка“ комнаты, все „что ласкает взор“ и т. д.,) все это вызвано и появилось на почве удовлетворения этой потребности. Она, как воздух, всюду проявляет себя, но как воздух, мы ее не замечаем... Если бы ее не было, то насколько упростилась бы наша жизнь. Удовлетворение одного голода не требует ни цветов, ни белоснежных салфеток, ни красиво убранного стола; все эти „аксессуары“ вызваны к жизни „эстетикой“, т. е. чувственно-эмоциональными потребностями. Ими же вызваны к жизни

---

[1]) *Рибо* цитирует Моро-де Тур, говорящего, что после употребления гашиша «человек испытывает «чувство счастья». Я разумею, говорит он, состояние, не имеющее ничего общего с чисто чувств. удовольствием. Это не есть удовольствие обжоры; его скорее можно сравнить с удовлетворением скупого или с радостью, которую нам доставляет приятное известие». Jbid. 13.

[2]) И сейчас мы видим, что голод не депрессировал лозунг: circenses! театры, кинемо и пр.—полны. Заборы заполнены афишами о зрелищах. Снова и снова повторяется «вечная история». Так было в первоб. время, так было в древнем Риме, так обстоит и в «коммунист. государстве». Не уменьшилась и потребность в опьянении: люди, не имеющие хлеба для питания, тратят его на «ханжу», «самокур» и т. д.

и почти все явления искусства, начиная с примитивных рисунков, фантастических сказок и первобытной песни и кончая Шекспиром, Диккенсом, Бетховеном и Рембрандтом. Она гонит одних в кабак, других—на митинг, третьих—на бал, четвертых—в цирк, пятых—в театр, шестых—в толпу, седьмых—в церьков, восьмых—заставляет подзадоривать людей подраться, девятых—к опасным приключениям, десятых—на выставку и т. д.. Всюду, где люди „любуются" чем-нибудь, всюду, где они говорят „о красивых переживаниях", всюду, где действуют „страсти и аффекты", там вы найдете эту потребность.. Она неизбывна для человека и соприсуща его природе.. Борьба „за жизненные блага" в значительной степени является борьбой за возможность чувственно-эмоциональных переживаний, за возможность их удовлетворения.

Такова беглая характеристика этой потребности.

10) *Потребность волевой деятельности*. Наряду с указанными потребностями человека имеется потребность волевой деятельности; она состоит в постановке и в достижении осознанной, намеренно поставленной цели [1]). Ставить цели, ближайшим образом связанные с нашим „я", и стремиться к их осуществлению—свойство, имманентно присущее человеку. Если прав был Декарт, говоря: „cogito, ergo sum" (я мыслю, след., существую), то не менее правильным будет сказать: „Volo, ergo sum" (хочу, след., существую). Сознательное „хочу" дано вместе с человеком и от него неотъемлемо! Опять таки, характер целей и волевых стремлений различен у различных людей. Но в той или иной форме они присущи всякому человеку (кроме разве идиотов и психически-дефективных людей). Если история человечества есть в значительной степени результат эмоций и чувств, то известная доля исторических событий может и должна быть объясняема, как результат воления и волевых действий. Если в прошлом роль последних была сравнительно незначительна, то по мере поступательного хода истории значение и роль волевой деятельности ростут. Спрашивается, что же служит доказательством наличности такой потребности у человека? Ответ гласит: постановка людьми осознанных целей, воспринимаемых ими в качестве целей тесно

---

[1]) Я здесь не хочу пускаться в анализ психологической природы воли. Под ней я понимаю совокупность специфических переживаний, «имеющих характер «активности» в смысле особого качества самого переживания решимости (что нибудь сделать или воздержаться от чего либо)... Некоторые переживания, напр. ощущение тепла, холода, зубной боли, восприятие выстрела кажутся нашему самонаблюдению чисто пассивным переживанием чего то наличного; другие переживания представляются нам, как активные стрем-

связанных с интимнейшими сторонами их „я“ и потому важных и ценных для того, кто их ставит, с одной стороны. С другой—борьба людей с теми, кто препятствует достижению таких целей, или, когда они достигнуты, борьба с теми, кто мешает их дальнейшему выполнению, кто угрожает или препятствует осуществлению соответственных волевых актов.

В той или иной форме такие осознанные воления, не сводимые к желаниям, вызываемым другими потребностями, были и остаются свойственными человеку. Таково воление, связанное с целью поддержания достоинства собственного „я“, „чести“, „доброго имени“ [1]), таково воление „власти“ над другими, воление „славы“, воление „превосходства над другими“, „популярности, авторитета“, одобрения, уважения“; к этой же категории фактов относятся далее: воление „справедливости“, „добра“, „нравственности“, „подвига“, „жертвы“ „долга“ и т. д. Все эти воления отличны прежде всего от стремлений, вызываемых чисто биологическими потребностями: воление „славы“ или „поддержания доброго имени“ не есть ни потребность удовлетворения голода, ни инстинкта размножения, ни самозащиты (в биологич. смысле), ни движения, ни других биологических импульсов. Отличается оно и от потребности удовлетворения интеллектуальных запросов и чув-

---

ления нашего я, направленные на вызов, создание чего либо в ближайшем или в дальнейшем будущем. Только эти (последние) своеобразные (могущие быть познанными и отчетливо различаемыми лишь путем внимательного самонаблюдения и внутреннего сравнения) переживания с чисто-активным характером и следует относить к классу «воли», исключая все прочее из этого класса» (рефлексы, инстинкты, чувственн-эмоц. состояния и познават. элементы). *Петражицкий*. Введение. 169.

Теперь спрашивается, каковы же черты волевого акта, отличающие его от других стремлений? На этот счет, как известно, существует ряд теорий. Правильным мне представляется такой ответ. Волевой акт отличается от других стремлений тем, что 1) он сопровождается представлением определенной, сознанной цели (в силу этого все бессознательные импульсы и влечения не относятся к волению); 2) тем, что он представляется ближайшим образом связанным с идеей нашего «я», с интимнейшими и ценнейшими свойствами этого «я», воспринимаемыми как его сущность, как его ядро. (В силу этого отпадают от воления все стремления, где этой теснейшей связи нет, где она не переживается нами).

Эти две основных черты, плюс своеобразное переживание активности, усилия, отличают воление от других стремлений и влечений, осложненной комбинацией коих оно является. Акты, сопровождающиеся таким переживанием воления, я называю волевыми актами.

См. близкую к очерченной теорию *М. Дугалла*: Основн. пробл. соц. психологии, гл. IX. *Hobhouse*. Mind in Evolution. Lond. 1901. 313. *Parmelee*. Op. cit. 311—312. Само собой разумеется, что воление, как и всякое явление, детерминировано.

[1]) См. анализ понятия чести у *Н. Н. Розина:* Оскорбление чести. 1910 113—128 и Passim.

ственно-эмоциональных (пассивных) переживаний... Возникнув на почве биологических потребностей эти воления выросли в своеобразный вид потребностей, отличающихся от всех их. Поэтому, приходится их выделять в самостоятельную группу [1]).

В той или иной форме эти потребности свойственны большинству людей... Напр. защита „чести", „доброго имени", или волевая потребность „одобрения" другими проявляется в течение всей истории... Месть за оскорбление чести в первобытных группах, поединки и турниры рыцарей средневековья, борьба из за „местничества" в нашей истории, современные дуэли и суды чести—все это ряд фактов, вызванных к жизни этой потребностью... Желание побороть в схватке противника, победить в турнире соперника, „прославить свое имя" физической силой, ловкостью, хитростью, художественным даром, научным трактатом, артистической игрой, красотой движений или лица, пышным костюмом, выделиться пред другими своей роскошной обстановкой, чистокровными лошадьми, какой либо эксцентричностью (Герострат, из за увековечения имени сожигающий храм), и т. д. и т. д.—все это разные виды деятельности, вызванной на почве воления „славы" [2]).

Защита „святое святых" своей души в виде норм нравственности и права; жертвование собой во имя исполнения долга, борьба с теми, кто нарушает правовые и нравственные заветы (преследования и наказание преступников) — опять таки категория фактов, подпадающих под факты, вызванные этой потребностью. Почти все акты, связанные с „долгом" и „моральным долженствованием" — целиком вызваны ею же. Борьба за власть, за утверждение своего „я", принимавшая и принимающая на протяжении истории самые

---

[1]) *Ross и Stuckenberg* выделяют «эготическое» желание, близкое к этой потребности. «Эти желания (egotic desires), пишет Ross, суть требования «я» (self), а не требования организма. Они заключают стыд, тщеславие, гордость, зависть, любовь к свободе, к власти, к славе. Типом желаний этого рода является честолюбие».

Ross. Foundations of Sociology. 1905. 169.

[2]) Более слабой формой этого воления служит желание «одобрения» другими и «известности». Jl bisogno che l'individuo prova di essere ben accetto alla collettività, di conseguirne l'approvazione, è sentimento (не точное выражение. П. С.) potentissimo», правильно говорит *Pareto*. Op. cit. 594, т. I.

«Знаменательной формой социального воления является та, которая толкает известных индивидов желать «известности» (notoriété), т. е. желать, чтобы другие знали или «замечали» их, чтобы они «говорили, спорили, шумели» о последних».

Waxweiler. Op. cit. 159. В наше время это желание «известности» приняло гипертрофические размеры: люди малюют себя, надевают странные костюмы (футуристы), выкидывают самые эксцентрические поступки для того, чтобы быть «замеченными», чтобы вызвать шум и т. д.

различные формы, начиная от примитивного: „моему ндраву не препятствуй“, от элементарных: „не смей мне перечить“, „не возражать“, и кончая борьбой за политическую и духовную власть,за гегемонию „я“ над сотнями тысяч людей—опять таки явления, выросшие на почве удовлетворения этой потребности [1]).

К этому же разряду фактов относится большинство случаев, где один человек обращается к другому с категорическими, ультимативными приказами и запретами... „Приказываю делать то-то“, „Запрещаю поступать так-то“, эти факты, в тысяче форм встречаемые на каждом шагу, весьма часто представляют акты, вызванные потребностью волевой деятельности...

Ограничиваюсь данным сжатым наброском основных потребностей человека. Различаясь по содержанию в каждом данном случае все десять классов перечисленных потребностей в той или иной форме свойственны большинству людей.

Резюмирую.

Потребности человека: 1) удовлетворения голода и жажды, 2) половая (размножения), 3) индивидуальной самозащиты 4) групповой самозащиты, 5) движения, 6) дыхания, обмена веществ, сна, разряжения избыточной энергии (игры) и др. физиологич. потребности; 7) потребность общения с себе подобными, 8) интеллектуальной деятельности, 9) чувственно-эмоциональных переживаний и 10) волевой деятельности.

Напоминанием этих общих свойств и ограничимся в характеристике индивида, как элемента системы взаимодействия.

§ 4. Акты (действия), как элемент явлений взаимодействия.

I. Акты людей, как раздражители.

Обратимся ко второму элементу системы взаимодействия—*к актам или движениям взаимодействующих индивидов*. Как не раз уже было отмечено, взаимодействие людей характеризуется тем, что здесь переживания и поведение одних людей обусловливается существованием и поведением других. Иными словами, *в явлениях взаимодействия раздражителями для участвующих в нем индивидов являются другие индивиды.*

---

[1]) С этой точки зрения прав *Н. К. Михайловский*, подчеркнувший важность «борьбы за индивидуальность», как прав и *Ницше*, указавший на волю к власти, как волю отличную от приспособления. См. *Михайловский*: «Борьба за индивидуальность» и «Патологическая магия». *Ницше*: «По ту сторону добра и зла», § 252 и «Генеалогия морали». § 12.

Человеческий организм непрерывно получает множество раздражений от окружающей его среды,—раздражений, заставляющих его непрерывно реагировать на них теми или иными движениями, сознательно или бессознательно направленными на установление равновесия между организмом и средой. Это равновесие требуется интересами сохранения жизни. Всякий организм в течение своего существования представляет из себя подвижное равновесие. Раздражители среды чрезвычайно разнородны. Они относятся и к неорганическому миру, и к миру органическому. Внешние, неорганические раздражители, по классификации Давенпорта, распадаются на такие: „1) химические раздражители, 2) вода, 3) (density of medium) плотность среды, 4) молярные агенты, 5) тяжесть, 6) электричество, 7) свет, 8) теплота.“ Ферворн делит их на 5-ть основных групп: 1) механические, 2) химические, 3) тепловые, 4) световые, 5) электрические [1]).

Непосредственное изучение таких раздажителей и вызываемых ими реакций в область социологии не входит. Точно также не входит в эту область и изучение раздражений и реакций, вызываемых *биологическими раздражителями*, т. е. другими организмами. Паразиты, живущие на теле человека, комары, мошки, мухи, собаки, дикие звери, короче множество организмов, с которыми так или иначе приходится соприкасаться человеку, несомненно являются для него раздражителями. Но изучение их, как и вызываемых ими реакций, не составляет непосредственную задачу социологии. Последняя изучает только явления человеческого взаимодействия, т. е. такие отношения, где „раздражителями“ людей выступают люди же, где изменение переживаний и действий одного индивида вызываются прямо или косвенно другим или другими индивидами.

Человек, как живое существо, непрерывно действует, постоянно совершает те или иные поступки, движения, акты... Эти движения и акты доходят до другого человека, в качестве раздражителей, и заставляют его в той или иной форме реагировать на них.

Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас, в течение каждого дня, встречается с множеством людей, получает раздражение от множества действий других индивидов и принужден ежеминутно в той или иной форме реагировать на них. Каждый из нас, иными словами, погружен в человеческое

---

[1]) См. *Verworn*: General Physiology, London, 1899. 348—349.

море, волны этого моря непрерывно ударяют об наш организм в виде слов, прикосновений, движений, ударов, поступков, воспринимаемых органами зрения, слуха, обоняния, осязания, и всем телом, и заставляют нас, в свою очередь, непрерывно реагировать на них: словами, движениями руки, ног, всего тела, рядом усилий, поступков, короче—множеством актов, простых и сложных, тяжелых и легких, мучительных и приятных и т. д., и т. д.

Таким образом, *ближайшими средствами раздражения, исходящими от человека к человеку, являются поступки или акты поведения людей.* В этом смысле они могут быть названы элементами системы взаимодействия.

Такое выделение их в качестве элементов рекомендуется еще и по следующим соображениям. Громадная роль, которую играет человек, в качестве раздражителя, обусловливающего переживание и поведение других людей, была бы значительно меньшей, если бы мы мысленно представили себе человека подобием мраморной статуи, неспособной на движения и поступки. В этом случае, он, как раздражитель, играл бы роль не большую, чем те памятники в городах, мимо которых мы проходим каждый день. Они возбуждают наше любопытство в первый раз, быть может заставляют один—два раза остановиться около них, осмотреть и „полюбоваться" ими и... только... Потом, ставши привычными, они перестают быть раздражителями. Совсем иначе обстоит дело, когда перед нами живая статуя, человек или множество людей, вечно что-то делающих и своими действиями „раздражающих" наши органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, всю нашу рецептивную систему в виде внешней поверхности нашего организма. В этом случае мир людей представляет perpetuum mobile, непрерывно испускающий волны раздражителей и непрерывно заставляющий нас реагировать на эти раздражения.[1]

Акты или поступки людей, играющие роль непосредственных раздражителей, по своему конкретному виду бесчисленны и недоступны хотя бы приблизительному описанию и характеристике. Однако, эта конкретная разнородность не мешает подвести их под немногие общие рубрики. Эти рубрики могут быть различными, в зависимости от того, какой принцип мы кладем в основу классификации поступков. В нижеследующем я дам несколько подразделений актов, которые нужны будут для дальнейшего.

II. Акты делания и неделания.

Человек может раздражать других людей: 1) или тем, что он совершает ряд движений, *делает что-либо* (в узком смысле), или 2) тем, что он не совершает ряда движений, *не делает что-либо*, воздерживается от движений.

Так, один человек может „оскорбить" другого и вызвать у последнего ряд поступков либо тем, что он говорит оскорбительные слова (делание), либо иногда тем, что он „презрительно молчит" (внешне остается пассивным, неделание). Поведение X-а может привести его к тюрьме (т. е. обусловить вмешательство полиции и судей) либо за делание чего либо, напр., за убийство, либо за неделание чего-либо, напр., за „бездействие власти" или за неисполнение тех поступков, которые он должен был выполнить.

С этой точки зрения, следовательно, все поступки человека можно разделить: 1) *на акты делания*, 2) *на акты неделания*.

Под первую категорию подпадут все двигательные действия человека, начиная с движений отдельных органов: (дрожание или иннервация мускулов, поворот глаз, те или иные мимические движения, движения головы, рук, ног, отдельных групп мускулов и т. д.) и кончая комплексом движений всего организма или целой цепью поступков: передвижения всего организма, ходьба, бег, акты чтения, письма, переноса грузов, сложнейшие движения, составляющие ту или иную работу, иногда продолжающиеся в течение дней и недель с теми или иными перерывами.

Под вторую категорию подпадут так называемые акты *воздержания и терпения*, внешне лишенные двигательного характера или дающие двигательные эффекты в самом минимальном и малозаметном размере. Таковы акты: терпеливого перенесения ударов, акты воздержания от активного отпора, от словесного реагирования на брань, от утилизации того или иного соблазнительного предмета, напр., аппетитной пищи, и т. д.

Конечно, это деление условно и относительно. Акты воздержания и терпения представляют также делание в широком смысле. Но некоторое значение оно имеет с точки зрения раздражительных эффектов. Человек для человека является раздражителем не только тогда, когда он что-либо делает, но и тогда, когда он выполняет акты воздержания и терпения. Нередко молчание одного человека влияет на другого бесконечно сильнее, чем делание чего либо, напр., словесное реагирование. Часто акты терпения являются

более действительными раздражителями поведения и переживаний других людей, чем акты делания в узком смысле. Эту эффективность актов терпения прозорливо усмотрел Достоевский. „Пред иною мыслью станешь в недоумении, говорит у него старец Зосима, особенно видя грех людей, и спросишь себя: взять ли силой али смиренною любовью. Всегда решай: „возьму смиренною любовью“. Решишься так раз на всегда и весь мир покорить возможешь. Смирение любовное—страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего“ [1]). Здесь под „смиренною любовью“ разумеются именно акты терпения [2]).

Следовательно, первая группировка актов человека будет такова:

I. поведение: акты, как раздражители:
- акты делания
- акты неделания, распадающиеся на
  - акты терпения,
  - акты воздержания.

III. Акты продолжительно влияющие и имеющие мгновенное влияние. Акты интенсивно-влияющие и имеющие слабое влияние.

Рядом с этой группировкой целесообразно указать и на другую, на группировку актов с точки *зрения интенсивности и продолжительности влияния их на поведение других людей.* Из обыденной жизни мы знаем, что не все наши акты одинаково сильно действуют на других людей и обратно, не все акты других людей одинаково интенсивно и продолжительно влияют на нас. Одни акты почти не оказывают никакого влияния, другие действуют чрезвычайно сильно; эффект одних поступков испаряется мгновенно или быстро после их совершения, эффект других дает себя знать (действует) иногда в течение всей жизни, хотя сами акты перестали совершаться уже давно.

От того, что мой собеседник провел рукой по своей бороде, мое поведение мало изменится. Иначе будет обстоять дело, если он бросится на меня с ножем или предложит мне, скажем, миллион рублей. Первый акт его может пройти мимо меня, вторые могут заставить меня чреагировать резвычайно сильно; они решающим образом могут повлиять на мое поведение и с точки зрения интенсивности раздражения,

---

[1]) Братья Карамазовы. СПБ. 1895. т. I. 379—80.

[2]) Подробнее о делении актов на эти группы см. *Петражицкий*: Теория права. т. I, 71 и сл., т. II, 431 и сл.

вызванного ими, и с точки зрения его продолжительности. Удар ножем, продолжающийся минуту, может сделать меня калекой на всю жизнь (напр., слепым), миллион рублей может перевернуть весь уклад моей жизни; результаты влияния таких актов могут быть весьма продолжительными, иногда—пожизненными и даже—выходящими за пределы жизни.

Еще яснее это различие обусловливающего влияния актов с точки зрения их интенсивности и продолжительности проявляется в таких фактах, как половое совокупление или ряд поступков, в своей совокупности составляющих заключение брачного договора.

И первый, и второй комплекс поступков принадлежат нормально к тем, которые чрезвычайно интенсивно и весьма продолжительное время влияют на поведение одной или обоих сторон. Особенного внимания заслуживает здесь продолжительность влияния. Акты совокупления для женщины нормально влекут за собой зарождение, роды и появление нового существа, т. е. целый комплекс следствий, развивающихся в течение месяцев и годов, часто решительно изменяющих всю жизнь женщины; иными словами, они оказывают влияние на поведение индивида долгое время после совершения самого акта.

Акты брачного договора сохраняют обычно пожизненное влияние: индивиды, их совершающие, благодаря этим актам, обусловливают переживания и поступки друг друга весьма продолжительное время. Сами акты, вызвавшие это влияние, уже давно умерли, супруги могут жить в различных государствах и, однако, акты эти продолжают сохранять свое обусловливающее действие.

К этой же категории принадлежит и множество других действий, напр., акты приобретения права собственности, обряды крещения, поступления в партию, продажи себя в рабство, объявления себя вассалом какого либо феодала, акты принятия наследства, совершения преступления и т. д.

Короче, *ряд самых разнообразных поступков, начиная с таких, как ранение или изувечение другого человека, и кончая такими, с виду казалось бы незначительными актами, как тот или иной взгляд, жест, слово и т. д.* (вспомним историю Данте и Беатриче) *могут оказывать на других свое обусловливающее влияние долгое время после того, как эти акты совершились.*

Какие именно акты и когда являются такими—это зависит от множества условий: времени, места, индивидов, значения актов и т. д. [1]).

В противоположность таким актам другие поступки имеют только мгновенное влияние: по совершении акта их влияние быстро испаряется. Они перестает действовать. Таковы, напр., акты торговца, продавшего мне пачку папирос; заплатив деньги я взял папиросы и ушел, забывши и о торговце, и об его актах. Таково множество актов—раздражителей, которые ежедневно влияют на нас, но влияют мгновенно: в течение дня мы воспринимаем множество раздражений в виде актов пожимания нашей руки, приветствия, взглядов слов, фраз, прикосновений, движений и т. д. Но большинство их очень быстро теряют свое влияние: пожав руку, обменявшись обыденными фразами, схватив чужой взгляд, отстранив или отстранившись от прикасающагося к нам индивида, мы через минуту забываем об этих раздражениях, перестаем с ними считаться; и объективно они перестают на нас действовать. Поистине было бы ужасом, если бы каждый акт—раздражитель сохранял свое раздражающее влияние длительное время: такой пытки не могла бы выдержать никакая нервная система.

Какие акты и для кого являются такими—это опять таки зависит от множества условий, о которых говорить здесь не будем.

Важно отметить лишь самое деление. Оно, как увидим ниже, имеет громадное значение в общественной жизни и способно объяснить многие загадки, которые без этого обстоятельства были бы мало понятными.

Резюмирую.

II. Поведение: акты, как раздражители, распадаются на акты
- а) оказывающие *интенсивное* обусловливающее влияние на переживания и поведение других.
- в) оказывающие *незначительное и ничтожное* влияние на переживания и поведение других.

III. Поведение: акты, как раздражители, распадаются на акты
- а) продолжающие оказывать обусловливающее влияние на поведение и переживания других *долгое время после их совершения (иногда действующие пожизненно).*
- в) теряющие свое влияние *очень быстро* после их совершения (иногда мгновенно).

---

[1]) Все существующие на этот счет теории-моралистов (напр., Бентам и утилитарианисты), экономистов, психологов и социологов—неверны. Они скорее дают принципы должного, а не теорию сущего.

Чаще всего (но не всегда) актами, действующими долгое время после их совершения, являются акты интенсивно влияющие, и наоборот: акты, оказывающие незначительное интенсивное влияние редко бывают поступками, длительно определяющими поведение и переживания другого человека.

IV. Акты, сопровождаемые сознанием и бессознательные.

Коснемся кратко [1]) поступков человека и с третьей точки зрения—с точки зрения сложности того нервного механизма, который функционирует при их выполнении, с одной стороны, и с точки зрения сопутствования этих актов психическими (сознательными) переживаниями—с другой.

С этой точки зрения все акты человека могут быть разделены на две основные группы: 1) *на акты, сопровождаемые сознанием,* 2) *на акты бессознательные.* К второй группе отойдут все те поступки и реакции, которые носят название рефлексов, инстинктов и вторично автоматических актов, или по терминологии других физиологов: рефлексов безусловных и условных [2]).

Под рефлексами в обычном смысле слова разумеются явления стереотипного, получаемого по наследству реагирования на внешний раздражитель (напр., чихание, отдергивание руки при уколе).

Под инстинктами разумеются также шаблонные, наследственные и бессознательные акты поведения, отличаемые рядом исследователей от рефлексов либо в силу большей их сложности, либо в силу того, что нервный механизм при их совершении иной, либо в силу того, что рефлексы суть реакции отправления органов, а инстинкты—реакции поведения всего организма. Другие исследователи принципиально не отличают их от рефлексов, называя те и другие безусловными рефлексами (напр., школа Павлова) [3]).

Под вторично автоматическими актами разумеются акты, бывшие некогда, при начале их возникновения, *сознательными,*

---

[1]) Подробно речь об этом пойдет в последующих отделах данной работы.

[2]) См. выше, стр. 64 и сл.

[3]) См. подробно о рефлексах и инстинктах: *В. Вагнер*: Биолог. основ. сравнит. психологии, т. II. 3 и сл. стр. *Parmelee*: op. cit. гл. VIII, XI и др. *Морган:* Привычка и инстинкт. СПБ. 1899. 1 по 26 стр. Цитир. статьи и работы: *Павлова, Зеленого, Бехтерева, Болдуин:* Духовное развитие детск. индивидуума и челов. рода. т. I и т. II. passim.

но затем в силу многочисленного повторения сделавшиеся привычными, автоматическими, бессознательными [1]).

Таковы основные группы актов, не сопровождаемых сознанием или актов бессознательных.

Противоположностью им служат акты, сопровождаемые сознанием. Они не наследственны, не шаблонны, изменчивы и индивидуальны. Главную группу их составляют акты *целевые* или *целеполагательные*, имеющие так называемую целевую мотивацию.

Нет сомнения в том, что у человека даны акты обоих категорий.

Множество постоянно выполняемых нами актов совершаются бессознательно. При обжоге руки мы моментально отдергиваем руку, при неожиданном появлении автомобиля—отскакиваем, при приближении руки другого к глазу—жмурим глаза, „при падении на кровать машинально протягиваем руки" [2]) и т. д.

Сплошь и рядом целый ряд сложных движений производится нами „машинально", бессознательно; таковы акты: письма для человека, привыкшего писать, акты разговора—самого подбора слов; некогда каждая буква требовала полного внимания при ее начертании; при обучении иностранному языку вначале каждое слово при разговоре требует сознания, мы с большим усилием их подбираем; после достаточного числа повторений и опытов рука „сама выводит буквы", слова сами идут на язык. Таковы далее акты: управления велосипедом, (у опытного велосипедиста), передвигания ног при ходьбе, бессознательного надевания перчаток при выходе из дома [3]), бессознательнаго протягивания руки при встрече с знакомыми, бессознательного почесывания зудящего места, и т. д.

Короче, каждый из нас, в течение дня, совершает множество действий, не сопровождаемых сознанием, начиная от простых рефлексов (чихание, дыхание, мигание, кашель, рвота, издавание звуков и т. п.) и кончая сложным комлексом актов (напр., машинальное шествие по улицам, машинальное раздевание и одевание, машинальное управление лодкой, машинальный разговор с кем-либо, когда „мысли заняты другим предметом" и т. д.).

---

[1]) См. о них: *Морган*. Привычка и инстинкт. Passim. *Вагнер:* Op. cit., т. II, гл. VI. Подробно с рефлексами, инстинктами и сознательными актами мы будем иметь дело в «Социальной механике».

[2]) *Дарвин*. О выражении ощущений у человека и животных. СПБ. 1899. 23.

[3]) *Дарвин:* Op. cit. 21—26.

На ряду с такими бессознательными актами каждый из нас совершает множество *действий, сопровождаемых сознанием*, и в частности действий *целевых*.

Таковы акты: *бесцельного*, но сопровождаемого сознанием бранного ответа на брань другого (ответная брань вызывается не мотивом „для того, чтобы", а мотивом „потому что"); бесцельного, но сознательного хлопания в ладоши после прекрасно спетой арии, сознательного осенения себя крестным знамением, или произнесения фраз, „нельзя делать того-то" или „следует делать то-то", часто не зная цели: почему нельзя и почему следует это делать. Такие акты сознательны, но бесцельны.

Что касается целевых актов—то их множество, начиная с простого акта целевого вдевывания нитки в иголку и кончая такой сложной цепью целевых поступков, как действия кого либо (рабочего, изобретателя, ученого и т. д.), временами в течение годов работающего над осуществлением той или иной цели (напр., над изобретением, созданием научного труда, окончанием университета, получением диплома и т. д.).

Как увидим, это подразделение актов имеет важное значение для понимания явлений взаимодействия. Люди обусловливают поведение и переживания других не только сознательными, но и бессознательными актами.

Резюме:

Поведение. Акты	I. Бессознательные		рефлексы, инстинкты, вторично-автомат. акты.
	II. Сознательные, в частности целевые.		

Ограничимся этими подразделениями актов [1]).

---

[1]) Данное подразделение актов на бессознательные и сознательные частью сходно, частью отличается от классификации актов *Парето*, данной в его капитальном труде: Trattato di sociologia generale. 1916 г.

Его классификация для нас пригодится в «Соц. механике». Поэтому воспроизведем ее здесь и дадим необходимые пояснения.

Парето различает: 1) действия логические (azioni logiche) и 2) действия нелогические (azioni non logiche).

Под первыми он понимает «действия, которые логически соединяют акт с целью (которые имеют целевой характер) не только с точки зрения субъекта, выполняющего акт, но и с точки зрения тех, которые имеют познание более широкое, т. е. акты, где субъективная цель совпадает с объективным результатом акта».

§ 5. Проводники, как элемент явлений взаимодействия.

I. Поняте проводников взаимодействия и их роль.

Третьим основным элементом явлений взаимодействия, мы признали: *проводники раздражений, по которым взаимныс акции и реакции взаимодействующих индивидов передаются друг другу, или выражаясь языком энергетики, по которым энергия, в частности, психическая энергия, передается от индивида к другому.*

Под вторыми, не-логическими действиями, он разумеет все остальные акты человека, не входящие в первую группу. Не логические акты делятся на различные виды.

Схема.

Роды и виды.	Имеет ли акт логическую цель? Об'ективно	Суб'ективно.

1-ый класс. Действия логические.

Об'ективная цель тождественна с целью суб'ективной

	Да.	Да.	(Напр. действия ученых).

2-ой класс. Действия нелогические.

Об'ективная цель отличается от суб'ективной.

1° род.	Нет.	Нет.	(Акты вежливости, Приказ Евиода: не мочиться в устье реки, впадающей в море).
2° —	Нет.	Да.	(Магические акты и акты религиозного обряда).
3° —	Да.	Нет.	(Инстинкт. действия животных и человека).
4° —	Да.	Да.	(Акты частного предпринимателя в капитал. обществе, где его суб'ективные цели не совпадают с об'ективным результатом).

См. Pareto. Trattato. т. I. 65 и сл.

Легко видеть, что эта классификация, имея ряд плюсов, имеет и минусы. Во первых, говорить об объективной цели, по меньшей мере, неточно. Можно говорить об объективном результате акта и о несовпадении субъективной цели акта с его объективным результатом, но нельзя говорить об объективной цели. Такой нет, ибо никто эту цель не ставит. Поэтому под логическими актами следовало бы разуметь акты, где субъективная цель акта и его объективный эффект совпадают.

Так как, далее, нет акта, который не имел бы какого-либо объективного эффекта, то 1 род 2-го класса актов—не существует. Он ошибочно введен.

Эта проблема требует весьма тщательного и детального изучения. Она имеет, как я постараюсь показать, громадное значение для понимания явлений социальной жизни. Это тщательное изучение требуется еще и потому, что социологи почти совершенно не затрогивали этого вопроса.

Чтобы взаимодействие между индивидами было возможно, для этого требуется, помимо наличности индивидов и их способности реагировать на раздражения, наличность: 1) *особых аппаратов* у членов взаимодействия, позволяющих им *воспринимать* идущие от других раздражения, иначе *аппаратов-восприемников*; 2) *способность или возможность индивидов посылать в той или иной форме раздражения или стимулы;* иначе—возможность быть источником раздражений и наличность *аппаратов-раздражителей*; 3) наличность *аппаратов реакции,* позволяющих им „отвечать“ на эти раздражения.

В предыдущем мы видели, что такие аппараты имеются у человека. Прекраснейшим *аппаратом-восприемником служит нервная система* человека, ее рецепторные, воспринимающие органы. Мы видели, что они идеально чувствительны ко всяким раздражениям и, кроме того, являются идеальными анализаторами, разлагающими комплексы раздражений на их элементы.

Мы видели также, что человек обладает и *аппаратами раздражителями.* Таким аппаратом является весь организм человека, представляющий своеобразный авто-мотор, и ряд его органов, позволяющих ему двигаться, совершать акты делания и не делания..

Тот же организм и его органы являются и *аппаратами реакции на раздражения.* Благодаря этим аппаратам человек обладает способностью совершать *акты, движения, поступки,* которые и служат конкретными орудиями раздражения и реакций.

В силу наличности центральной нервной системы, главную функцию которой справедливо видят в ее интегрирующей роли[1]),весь организм человека представляет координированный

Пример, указываемый Pareto (приказ Езиода), имеет цель(именно не мочиться в устье реки), хотя и не указывает мотивов этого акта. Поэтому он отходит ко 2^0 роду 2-го класса. Частью сюда же, частью в 3^0 и 4^0 роды войдут акты, совершаемые под давлением обычая, правил вежливости и т. д.

С этими поправками классификации Парето приемлема и в свое время как ее, так и выводы, делаемые из нее итальянским социологом, мы используем.

[1]) Согласно Sherrington'у существуют различные формы интегрирования животного организма. Таково, *механическое* соединение клеток тела в единую массу посредством мускулов, соединительной ткани и т. д. (Механическая интеграция). Такова далее интеграция, осуществляемая *химическими* агентами,

сложный механизм, обладающий прекрасными аппаратами—восприемниками, аппаратами—раздражителями и аппаратами реагирования [1]).

устанавливающими связь между различными частями организма (напр. циркуляция крови). Но самым важным интегрирующим агентом является нервная система, прямо обусловливающая поведение организма и связывающая его в единое целое. В своей интегрирующей роли нервная система «действует через живые ряды неподвижных клеток, вдоль которых она чрезвычайно быстро посылает волны физико-химических возмущений (disturbance) и они действуют, как определенные силы на те отдаленные органы о которые в конечном счете эти волны ударяются» (impinge). См. *Sherrington*: The Integrative Action of the Nervous System, New-York., 1906. 3—4.

[1]) *Jennings* прекрасно отметил зависимость богатства и разнообразия движений организма, его action system, от структуры организма. Эта последняя обусловливает число и формы действий, которые данный организм может выполнить, т. е. предопределяет его формы поведения. Так, action system парамеции чрезвычайно примитивна; вся она сводится к спиральным движениям, состоящим из трех элементов: движения вперед, поднятия вверх по продольной оси тела и наклонения вниз. При такой структуре естественно и action system примитивна, поэтому-чрезвычайно беден данный организм и аппаратами раздражения, восприятия и реакции.

См. *Jennings*: Behavior of the lower organisms. New-York. 1906. 107 и сл.

Исходя изъ этой мысли Parmelee правильно отмечает превосходство строения позвоночных и, въ частности, строения человека в этом отношении. «Структура, а тем самым и формы поведения —action system—позвоночных таковы, что делают возможными в чрезвычайной степени индивидуальные модификации поведения. Скелет или костная система, дающая устойчивость (rigidity) организму, у позвоночных находится внутри, а не снаружи, как у беспозвоночных; это дает большую свободу движенiй позвоночным, которые более легко могут сгибаться, перемещать себя и принимать более разнообразные положения, чем беспозвоночные. Далее, почти вся внешняя поверхность организма позвоночных покрыта чувствительной тканью (нервная система), которая позволяет им получать больше раздраженiй, чем беспозвоночным, покрытымъ снаружи твердой, нечувствительной материей. Позвоночные имеют структуру, характеризующуюся двусторонней симметрией. В подобном организме передние сегменты, которые обычно идут первыми, когда животное двигается, получают больше впечатлений, чем остальные сегменты. Голова и мозг их таким образом приобретают громадные размеры, которое характеризует позвоночных и дают им власть в управлении поведением». Прибавьте къ этому, сосредоточение моторных центров, управляющих движениями рук, ног, рефлексов, связанных с носом, губами, глоткой и т. д. в головном мозгу и само строение этих органов, позволяющих позвоночному, в особенности человеку, производить тончайшие и искуснейшие движении, напр., движения при письме. Если учесть все эти структурные условия и зависящие от них формы поведения, то станет вполне понятным указанное в тексте совершенство человеческого механизма и его органов: аппаратов восприятия, раздражения и реагирования. См. *Parmelee*: Op. cit. 126—128; 269—273.

См. о томъ же *П. Л. Лавров:* (А. Доленги): Важнейшие моменты в исторiи мысли (М. 1903), где этот крупнейший русский социолог внимательно и с редким проникновением оценил и определил все эти условия. Стр. 1—147. Тому же вопросу посвящен почти весь 1-ый том его: «Опыта истории мысли» (Загран. издание).

Однако, наличности этих аппаратов недостаточно, чтобы обеспечить взаимодействие между индивидами. Не говоря уже о психическом взаимодействии, (о которомъ речь пойдет ниже), чисто *физическое* взаимодействие людей имело бы весьма ограниченный, случайный и незначительный характер, если бы не было *проводников* взаимодействия. Без проводников оно возможно лишь тогда, когда организмы, в данном случае люди, *непосредственно соприкасаются друг с другом, когда они пространственно близки и смежны.* В этом случае оно возможно: человек может ударить другого и переменить таким образом его положение; ударом или иным прикосновением он может вызвать ряд реактивных движений со стороны другого человека. Если даже учесть наличность у человека так наз. distance-receptors, органов восприятия раздражений, идущих издали (органы зрения, слуха, обоняния),—то и при этом условии взаимодействие носило бы весьма ограниченный характер и исчерпывалось бы если не непосредственной, то весьма незначительной пространственной близостью. При этих условиях человек может быть раздражителем другого *лишь на том растоянии, на каком его видит этот другой, или на каком он слышит его голос.* И только... Конкретно это значило бы следующее: пространство в одну версту или немногим более было бы границей возможности взаимодействия; за пределами такого пространства люди не могли бы влиять другъ на друга, ибо прямое прикосновение было бы невозможно, глаз за пределами его не можетъ видеть другого индивида и разбирать его движений, слух лишен возможности схватывать голос сочеловека, разделенного таким расстоянием, обоняние на этом пространстве бессильно улавливать запахи, издаваемые последним. Короче, люди были бы совершенно разобщены друг с другом и не имели бы никакой возможности влиять один на другого.

Таким образом *без проводников самое незначительное пространство ставило бы непреодолимые препятствия для возможности взаимодействия.*

То же следует сказать и *о времени.* Без проводников абсолютно невозможнымъ было бы взаимодействие между двумя или большим числом лиц, не находящимися *в данный момент* в непосредственной пространственной близости. Чтобы они могли влиять друг на друга, они оба должны быть в данном месте, *в одно и то же время.* Если А пришел бы туда пять-десять минут спустя после ухода В, взаимодействие не могло бы иметь места. В там уже не было бы, а раз его нет и проводников нет, то eo ipso о взаимодействии речи

быть не может. Само собой разумеется в этом случае немыслимым и абсолютно невозможнымъ было бы взаимодействие между живыми и умершими, между прошлыми, настоящими и будущими поколениями..

После этих замечаний легко понять, каким мизерным, слабым, случайным, кратковременным и ничтожным было бы даже чисто физическое взаимодействие между людьми *при отсутствии проводников.*

О психическом взаимодействии при этом условии трудно даже мыслить. Трудно мыслить потому, что психические переживания без проводников вообще не могут передаваться. „Душа" человека есть замкнутая монада. Любая мысль, любое психическое переживание заключены в «душе» переживающего. В чистом своем виде они не могут ни выразиться во вне, ни объективироваться, ни передаться другому, ни восприниматься последнимъ.

Выше мы видели, что психику другого в чистом виде мы не можем ни воспринять, ни выявить, а воспринимаем уже нечто не психическое,—ее материализированные проявления, ее символы, внешние акты. Это значит, что без проводников психика абсолютно не передаваема. Даже прямые физические прикосновения, посредством которых другому „передают" те или иные психические переживания (напр., жесты ласки, движения угрозы, „приветливая улыбка", „поцелуй любви" и т. д.) даже они являются не прямой передачей психики, а передачей опосредствованной, передачей чрез проводники, каковыми в данном случае являются тела соприкасающихся людей и движения их органов. Здесь передача опосредствованна потому, что жесты поглаживания или движение мускулов лица, составляющее улыбку, или определенные внешние движения, называемые поцелуем, сами по себе, очевидно, не являются психическими переживаниями, а представляют чисто физические явления, воспринимаемые органами чувств [1]).

Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: a) *сначала дано психическое переживание в субъекте*; b) *затем оно „превра-*

---

[1]) Прекрасным подтверждением сказанного могут служить автобиографии глухо-слепо-немых, в частности, Е. Кей. Она получила возможность сколько нибудь сложного психического общения лишь после того, как найдены были пути и средства для единообразного истолкования внешних актов, ею получаемых от других, в частности от воспитательницы, и актов, от нее исходящих.

См., автобиографию Е. Кей и записки ее воспитательницы. См. статью *Рагозиной* о ней, в приложениях к «Ниве» за 1904 г.

*

щается“ в непсихическую форму, в то или иное внешнее явление, в раздражитель (мимика, движения, слова, жесты, знаки и т. д.) с) *этот раздражитель, действуя на другого субъекта, вызывает в нем ряд психических переживаний, т. е. приобретает снова психическую природу.* Без средняго члена психическое общение между A и B невозможно. Примеры: N. N. сейчас мыслит, что „S углов треугольника равна 2d“; пока он ничем „не выразил“ свою мысль,—мы не знаем, о чем он думает. N. N. говорит ряд звуков: „S углов треугольника равна 2d“. Мысль „превратилась“ в звук—в колебание воздушных волн, т. е. в чисто физическое явление. Мы воспринимаем этот ряд звуковых раздражителей—проводников—и они возбуждают в нашем сознании суждение о сумме углов треугольника. Мне сейчас грустно. Пока я молчу, пока у меня нет „грустного вида“, „печального взгляда“, вздохов и т. д., пока нет внешних проявлений грусти,—мое душевное состояние не известно никому. Чтобы другие могли его узнать, оно должно так или иначе выразиться во вне; должны быть проводники. Вне их оно не познаваемо другими и не передаваемо им [1]).

Вывод из всего сказанного тот, что *один индивид не может ни воспринимать прямо психику другого, ни познавать ее непосредственно, ни возбуждать в другом те или иные психические переживания без посредства тех или иных внешних, непсихических феноменов. „Общение душ“ всегда совершается чрез посредство непсихических агентов или проводников. Без последних психическое взаимодействие абсолютно немыслимо* [2]).

Итак *при отсутствии проводников* невозможным становится ни сколько нибудь длительное, интенсивное и значительное *физическое* взаимодествие, невозможным делается и *психическое* взаимодействие. Незначительное пространство и время кладут предел первому, „самозамкнутость души“ делает невозможным второе.

Между тем из фактов обыденной жизни мы знаем, что *люди взаимодействуют друг с другом и физически, и психически, несмотря на громадные расстояния, отделяющие их друг от друга и несмотря на громадное время, лежащее между ними.* Я взаимодействую с моим другом, живущим в Аме-

[1]) Выражения «передача» психических переживаний, конечно, образные выражения; точнее они означают: возбуждение в других субъектах путем внешних раздражителей тех или иных психических переживаний; в данном случае—познавательных переживаний, касающихся психики других людей.

[2]) См. подробнее об этом: *Сорокин*: Символы в обществ. жизни. Изд. Наука и Жизнь. 6—13. Преступление и кара, подвиг и награда. 25 — 40. См. выше, стр. 57 и сл.

рике. Сегодня я получил от него письмо; этот „раздражитель“ заставил меня выполнить ряд актов: написать ответ, сходить в магазин и купить для него нужную книгу, идти на почту. Письмо его, кроме того, меня „страшно обрадовало“. Короче, мой друг, живущий в Америке, определенным образом обусловил мои переживания и поступки. Такой факт, согласно определению, составляет явление взаимодействия.

Таких фактов, как известно, ежечасно совершается бесконечное множество. Ученые, журналисты, газетчики, промышленники, правители и т. д., сплошь и рядом разделенные громадным пространством, общаются и взаимодействуют друг с другом.

Из тех же фактов обыденной жизни известно, что *люди могут находиться в процессе взаимодействия, несмотря на время, лежащее между ними.* Вчера ко мне заходил дворник, и не застав меня дома, передал прислуге, чтобы я представил карточку об явке на учет. Сегодня мне пришлось почти целый день провести в хлопотах по этому делу. Это значит, дворник обусловил мое поведение и переживания, несмотря на то, что я его не видел и пришел к себе несколько часов спустя после его посещения.

Больше того, *может быть взаимодействие между живыми и мертвыми.* Спенсера и Маркса уже нет в живых. Между тем они продолжают влиять на множество людей нашего времени и влияние их едва ли скоро прекратится и в дальнейшем. Своими работами, дошедшими до нас в виде книг, они вызывают ряд переживаний и действий у многих лиц. Умерший г. X. своим завещанием обусловливает ряд переживаний и действий у многих индивидов: наследников, душеприкасчиков, нотариусов, судей, членов университета, которому он завещал свою библиотеку, членов приюта, в пользу которого он сделал отказ, и т. д.

Из этих фактов ясно, что *фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия людей.*

Сказанное вызывает вопрос: *как такие факты возможны? Благодаря каким условиям люди могут взаимодействовать и чрез пространство и чрез время?*

Ответ дан уже выше: *таким условием является наличность проводников взаимодействия, проводников, передающих членам системы взаимодействия их взаимные акции и реакции.*

Спрашивается, что следует разуметь под ними и каковы их основные виды?

Под проводниками взаимодействия я разумею все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.

Так, в указанных примерах, такими проводниками являются: письмо, т. е. клочек бумаги с определенными значками, написанными рукой моего друга; книга, фиксирующая мысли Спенсера и Маркса; завещание, написанное или продиктованное умершим; слова, т. е. комплекс звуков, переданные дворником прислуге, и, чрез ее посредство, опять таки звуковым способом дошедшие до меня.

Из сказанного легко понять, что в своем конкретном виде проводники чрезвычайно многочисленны и разнородны.

Прежде, чем классифицировать их, остановимся предварительно на одном, двух вопросах, связанных с функцией проводников.

Конкретно механизм взаимодействия рисуется таким образом.

1) Индивид(ы) совершают те или иные акты.

2) Эти акты вызывают те или иные изменения во внешнем мире: изменяют состояние материальных предметов (напр., оставляют следы на земле) или приводят в движение эти последние или различные виды энергии.

3) Материальные предметы и виды энергии, двигаясь или будучи передвинуты, входят в соприкосновение с организмом других людей. Тот же итог получается, когда другие люди сами подходят к неподвижным материальным предметам, измененным действиями (работой) первых индивидов. (напр., соприкосновение людей с неподвижным столбом с надписью: „Здесь езда воспрещена“, при приближении их самих к последнему; соприкосновение Робинзона с следами дикарей, оставленными на песке).

4) Соприкасаясь, эти проводники раздражают воспринимательные органы (рецепторы) других людей, воспринимаются ими, чрез проводниковые части нервной системы передаются в центр последней (здесь, при сознательных переживаниях разлагаются) и в итоге, благодаря эффекторам

5) вызывают различные реактивные акты.

Краткая схема всего процесса взаимодействия, следовательно, будет такой:

Индивид А.	Акт — раздражитель А; ⟶ проводник; ⟶ акт — восприятия и реакция В.	Индивид В.

В тех случаях, когда процесс взаимодействия двусторонний (не только А влияет на В, но и В влияет на А), та же схема примет такой вид:

Индивид А.

Акт — раздражитель А; ⟶ проводник;
⟶ акт — восприятия и реакция В, являющаяся для А
акт ⟵ проводник ⟵ актом — раздражителем,
восприятия и реакция А.

Индивид В.

В том и другом случае промежуточным этапом процесса взаимодействия явится проводник, передающий раздражение, исходящее от индивида к другому. Это раздражение он передает благодаря тому, что входит в соприкосновение с аппаратами—восприемниками других людей. Это соприкосновение, в свою очередь, достигается либо тем, что a) *проводник, приведенный в движение актом-раздражителем, двигается сам* (напр., воздушные волны, приведенные в движение голосом А, двигаясь, ударяют в орган слуха В, камень, брошенный А, двигаясь, ударяет в В) либо тем, что b) *проводник передвигается другими* (напр., А передал письмо почтальону С, С передал его D, D передал Е и Е, наконец, передал письмо адресату В), c) либо, наконец, тем, что *другие люди, двигаясь сами, соприкасаются с неподвижным проводником*, видом материального предмета, на котором отразились акты и действия людей. (Напр., туристы и посетители музеев, двигаясь сами, входят в соприкосновение с неподвижными египетскими пирамидами, созданными трудом древних египтян, с рядом картин, неподвижно висящих в музее,—результатом работы—цепи действий—художников и т. п).

Из сказанного уясняется тот способ, каким проводники передают акты одних людей другим.

Второй вопрос, которого необходимо теперь же коснуться, это двойная роль проводников. Она находится в связи с тем, что взаимодействие людей носит не только физический, но и психический характер. Этот факт вызывает собою следующие двойные функции проводников: будучи по своей природе всегда физическими явлениями, в одних случаях они влияют, как чисто физические реагенты; действие их на людей ограничивается исключительно их физическими эффектами; никакого другого значения и смысла они не передают и не вызывают.

В других случаях их роль не ограничивается чисто физическим раздражением, вызываемым их физическими свойствами. Помимо физических эффектов в этих случаях

они вызывают еще ряд определенных психических переживаний. Их главный эффект в этом случае состоит не в физических воздействиях, оказываемых ими на людей, а в тех психических пертурбациях, которые они вызывают въ сознании последних. Говоря коротко, в одних случаях *проводники* являются чисто физическими раздражителями. В других—не только физическими, но и *психическими*. В первых случаях они проводники физического (бессознательного) общения людей; в других—проводники психических, (сознательных) переживаний. Конкретные примеры уяснят в чем здесь дело.

Легкий удар палкой или мечем способен вызвать раздражение и ту или иную реакцию, в силу своих чисто физических свойств: прикасаясь к телу А эти проводники (палка и меч) раздражают рецепторы, и вызывают тот или иной ответный акт. Взаимодействие в этом случае носит чисто физический характер. Проводники выступают в роли чисто физических раздражителей.

Этот же факт—движение удара при тех же проводниках (мече и палке)—может иметь совершенно иное значение. Из истории нам известно, что в средние века, при посвящении человека въ рыцари, его легонько ударяли мечем; в древней Индии, при посвящении раджи, жрецы ударяли его палкой. В этом случае жест удара и проводники выступают уже в другой роли: в *роли передатчиков психических переживаний*—идей, чувств, эмоций и волений; их физические эффекты в этих условиях отходят на второй план; на первом месте стоят передаваемые проводниками психические эффекты: удар мечем посвящаемого рыцаря символизировал собой возведение его в высокое звание рыцаря и признание за ним высоких качеств, связанных с этим званием; нечто подобное знаменовал собой и обычай удара раджи при его „восшествии на престол".

Второй пример. Лоскут красной материи, вывешенный кем либо на улице, способен сам по себе быть раздражителем: в нереволюционное время, в нереволюционной стране он способен сам по себе привлечь внимание проходящих людей, как явление необычное, остановить их, вызвать вопросы: что это значит? зачем вывешено? и т. д. В этом случае он действует как чисто физический раздражитель, подобно тому, как красный цвет раздражает быка при „бое быков"...

Иными словами, *индивид вывесивший его, может обусловить поведение других людей чисто физическими свойствами* данного проводника.

Тот же лоскут красной материи может, в качестве проводника, играть совершенно иную роль: быть проводником или символом революционных идей, мыслей, настроений и решений, эмблемой и сигналом восстания, символом разрушения данного строя, короче—символическим проводником определенных психических переживаний...

В этом случае, *индивид, выкинувший красный флаг, обусловливает и влияет на поведение других не столько физическими свойствами проводника, сколько тем символическим значением, который проводник должен передать, „сигнализировать" другим людям.*

Еще пример. Предположим, что двое русских солдат, военнопленных, бегут из Германии и останавливаются для передышки в лесу. Находясь там, они слышат голоса людей. (Это значит, что разговор других людей приводит в колебание воздушные волны, последние двигаются и ударяют в органы слуха и воспринимаются в виде звуков обоими беглецами). Раздражение, переданное звуковым проводником, само по себе, *как физический реагент*, способно повлиять, на поведение солдат: возбудить тревогу, беспокойство, заставить их не двигаться и т. д. Но помимо этой чисто физической роли звук может повлиять на поведение их более решительно, если они *понимают немецкий язык*; в этом случае они могут понять: что и о чем говорят эти люди, издающие комплекс звуков; что знаменуют собой их слова. В этих условиях звук передает психические переживания, намерения, мысли и хотения говорящих; он выступает опять в роли символов или сигналов душевных переживаний. Он обусловливает поведение солдат не столько в качестве физического реагента, сколько в качестве символа психических переживаний; и нужно ли говорить, что в этой последней роли его влияние будет более решительным.

Приведенные примеры достаточно отчетливо уясняют двойную роль, играемую актами людей и проводниками: *в одних случаях они выступают в чисто физической роли*: влияние и обусловливание поведения людей в этих условиях покоится на чисто физических свойствах и физических эффектах, производимых проводниками; в других случаях те и другие выступают в роли передатчиков психических переживаний; здесь они служат символами или сигналами последних; их влияние на поведение людей в этом случае объясняется не столько их физическими свойствами, сколько тем психическим значением, которое они „символизируют", „сигнализируют", передают, „выражают".

Будем называть проводники первого рода простыми „*физическими проводниками*“; проводники второго ряда— „*проводниками — символами, проводниками — сигналами*“, выражающими то или иное *психическое состояние.*

В процессе человеческого взаимодейства большинство проводников являются проводниками - сигналами. В чисто физической роли они выступают гораздо реже.

В связи с проводниками - символами необходимо коснуться одного, дополнительного условия, требующегося для того, чтобы символическое взаимодействие между индивидами было возможно. Проводники физические раздражают индивидов своими прямыми физическими свойствами. Для восприятия их не требуется никакого толкования, никакой психической однообразности. Камень, брошенный А и ударяющий В, своим механическим действием (удар, больранение, пролом кости и т. д.) заставляет В так или иначе реагировать на раздражение. Прикосновение льдом само по себе, как физической раздражитель, действует на индивида и вызывает ту или иную реакцию.

Иначе обстоит дело с проводниками сигналами. *Для того, чтобы те или иные проводники могли функционировать, как проводники-сигналы*, помимо других условий: восприятия их рецепторами, наличности сознания у индивидов и т. п.,— *необходимо еще одно дополнительное условие: наличность более или менее однообразного проявления (символизирования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами, что в свою очередь дает возможность правильного, однообразного толкования этих символических раздражений каждому из них.*

Если этого условия нет—то функционирование тех или иных проводников, в качестве проводников символических, становится почти невозможным.

Остановимся подробнее на сказанном.

Почему необходимо, чтобы взаимодействующие субъекты одинаковым образом выражали одни и те же психические переживания? — Потому что психика, прежде чем перейти к другому, как было показано выше, „овеществляется“, символизируется и только в виде внешнего раздражителя дана другим членам общения. Если же этот символ—раздражитель у одного означает одно переживание (напр. звуковой проводник-символ „тополь“ означает у одного вид дерева), а у другого звук „тополь“ означает уже не дерево, а напр., кошку (вид животного) и так же обстоит дело и с другими звуками— проводниками, то, очевидно, наши собеседники никогда не „поймут“ друг друга и взаимодействие между ними,

по крайней мере, путем речи,—не будет возможно. Простейшими примерами такой невозможности служат факты, когда два иностранца, напр., русский и англичанин, „разговаривают“ между собой, не зная языка своего собеседника. Каждому известно, что из этого разговора ничего не получается: один говорит „про попадью, а другой про попа“. Спрашивается, почему же они „не понимают„ друг друга?—Ответ ясен — потому что звуки-символы того и другого не тождественны. Оба собеседника могут быть знаменитыми учеными, могут иметь прекрасный слух, прекрасное зрение и т. д.—но тем не менее ни тот, ни другой не поймут друг друга. Если они кое-что и поймут, то скорее из движений, из мимики, из характера восклицаний, а не из слов. Стоит, однако, только допустить, что и другие проводники-символы неодинаково толкуются ими и мы принуждены будем думать, что психическое взаимодействие между нашими собеседниками будет невозможным. Прекрасный художественный образец такого непонимания, вызванного на почве неодинаковой мимической символизации в взаимодействующих субъектах, дан Гюго в его романе „Человек, который смеется“.

Вероятно, всякий помнит знаменитую сцену из этого романа, в которой „вечно-смеющийся“ человек сыплет громы и проклятия, преисполнен глубокого негодования—а остальные не только не думают, что он и в самом деле негодует, но напротив—думают, что он смеется и говорит все эти бичующие слова лишь „шутки ради“. Недоразумение это, как известно, вызвано было исключительно тем, что у человека, во время его речи, было „смеющееся“ лицо [1])...

То же самое может быть сказано и о любом виде проводников-символов. Если бы кто-нибудь, „беззаботно смеялся“ и „весело улыбался“ тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакал бы тогда, когда ему весело, плясал бы тогда, когда он в отчаянии, с сжатыми кулаками, с стиснутыми зубами бил бы кого-нибудь в знак того, что он его любит и ласкает — то, очевидно, его психика была бы для нас terra incognita и мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что „чужая душа-потемки“ и что разгадать подлинные ея переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим напр., в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов, (поступков обвиняемого) рисуют совершенно противопо-

[1]) Вторым примером может служить сцена «Смейся паяц» из оперы «Паяцы»

ложные картины психических переживаний подсудимого. Прекрасный пример сказанному дают „Братья Карамазовы“ в той главе, где одни и те же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокурором и защитником.

После сказанного не трудно согласиться с тем, что если бы у индивидов, постоянно соприкасающихся друг с другом и обладающих даже высокой психической жизнью, формы ее символизации и объективации были совершенно различны, то правильного психического общения, надлежащего функционирования проводников - символов между ними быть de facto не могло бы. Каждый из них был бы для других каким-то живым непонятным существом, двигающимся, действующим, шумящим, но... и только... Таким образом— одним из необходимых условий для возможности функционирования проводников - сигналов является наличность одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными людьми; где этой тождественности нет, хотя бы и была на лицо высокая психика и „воспринимающие аппараты“, невозможно и функционирование проводников-сигналов.

Теперь перейдем к классификации проводников взаимодействия.

II. Классификация проводников взаимодействия.

По физической природе проводников, с одной стороны, и по характеру рецептивных органов, воспринимающих их, с другой, обе категории проводников распадаются на:

1) проводники *звуковые*, представляющие колебания воздушных волн, воспринимаемые нашими органами *слуха*. Таковы: речь, восклицание, пение, музыка, шорох и другие комплексы звуков.

2) *Световые*, частным случаем которых являются проводники *цветные*, представляющие колебание эфирных волн, воспринимаемые нашими органами *зрения*. Таковы: железно-дорожные сигналы (цветные, светящиеся огни фонарей), трамвайные огни, буквы, надписи, рисунки, значки и т. п.

3) *Механические* проводники, своим прикосновением к нашему телу и к покрывающим его разветвлениям нервной системы передающие нам ряд раздражений, идущих от других людей. Важнейшим органом восприятия их являются органы осязания. Таковы: прикосновение палкой, удар, производимый брошенным камнем, поглаживание, щекотание, укол и т. д.

4) *Тепловые* проводники, представляющие колебание эфирных волн, и действующие на всю чувствительную поверхность тела. (Обжог, ошпаривание, прикосновение льдом, холодным предметом и т. д.).

5) Проводники *двигательные* по своей природе представляющие вид физической энергии, энергию работы, воспринимаемые частью всем организмом, а главным образом органами зрения (жесты, движения, мимика, передвижения авто-моторов и т. д).

6) Проводники *химические*, главными видами которых являются ряд химических реагентов, действующих на физиологическое состояние организма и на органы *вкуса* и *обоняния*. Таковы: вкусовые вещества, вещества душистые, лекарства, яды и т. п.

7) Проводники *электрические*.

8) Проводники *вещественно-предметные*, представляющие комплекс физико-химических свойств (материя, цвет, форма и т. д.), в своей совокупности составляющих тот или иной „предмет" и воспринимаемые рядом органов чувств. Таковы, напр., кресты, гербы, знамена, одежда и т. д.

Легко видеть, что эта классификация проводников логически очень груба. Она исходит не изъ одного, а изъ многихъ классификационных критериев. Но я здесь не преследую цели логических упражнений по части создания формально безукоризненных классификаций. Моя цель иная—указать наиболее важные виды проводников взаимных акций и реакций людей, играющих значительную роль в процессе человеческого общения. Этой цели указанный перечень въ значительной степени удовлетворяет [1]).

Очертим теперь подробнее каждый из этих видов.

---

[1]) Из этого простого перечня уже видно, что чрезвычайно узко смотрят на явления общения людей те, кто единственным средством общения их считает язык.

Примером такой узкой и неверной теории может служить книга *Маевского: La théorie de l'homme et de la civilisation.* Для него цивилизация или «réalité D» представляет совокупность индивидов, связанных между собою языком; путем его передаются восприятия, мысли, чувства и воления не только живущих поколений, но и исчезнувших; таким образом, говорит автор, создается между людьми психическое единство, отличающее человека от животных. «Язык образует сущность и материю цивилизации («réalité D»); la mort des langues est la mort des nations». См., *Majewski*: La theorie de l'homme. Paris. 1911 г. Passim.

Не трудно видеть, что автор дает узкую и въ этом смысле ошибочную теорию.. Во первыхъ, помимо языка или звукового проводника—процесс общения людей осуществляется рядом других средств,—проводников: световых, двигательных, механических, предметных и т. д.; во вторых, сводить всю цивилизацию к языку дело весьма трудное и неосуществимое: фабрики, ма-

А) *Звуковые проводники* являются одними из самых важных по своей роли в явлениях человеческого взаимодействия. Они выступают и как чисто физические проводники, и как проводники—сигналы. В качестве первых они фигурируют, как шумы, шорохи, звуки ударов, и т. д., поскольку последние не являются проводниками—символами. Так, когда мы неожиданно слышим шум или шорох, мы настороживаемся, прислушиваемся, короче,—совершаем те или иные акты—реакции. В качестве яркого примера раздражения и влияния звуковых проводников в их чисто физической роли приведу такой факт. Мари Жаель изучала энергетическое влияние звуков, независимо от их ассоциативной роли (т. е. символического значения). „Ш. Фере, субъектъ, музыкально-глухой, должен был поднимать средним пальцем правой руки гирю в 3 кило, проделывая это определенное число раз подряд, до полного изнеможения. Под влиянием определенных звуковых возбуждений гиря казалась ему легкой, и он мог поднимать ее большое число раз подряд; под влиянием квинты (la—mi) Фере мог произвести (в 16 опытах) 850 поднятий; под влиянием же уменьшенной квинты онъ не могъ произвести более 50 поднятий. Разница на полтона превращает сильного человека в слабого" [1]). Здесь звук явился проводником взаимодействия между Мари Жаель и г. Фере. Онъ действовал только как физический реагент. Итогом его действия явились реакции Фере в виде поднятия гири и различное число этих поднятий в зависимости от различных звуков.

Как и большинство других проводников звуковые проводники нормально выступают в качестве проводников сигнальных, выражающих и воспринимаемых в качестве символов психических переживаний. Главнейшими видами звуковых проводников-сигналов являются: речь, музыка и др. выразительные звуки.

Звуковые символические проводники в виде языка, речи, являются важнейшим и основным способом передачи раздражений и психических переживаний от индивида к индивиду. Без них психическое общение людей было бы чрезвычайно

шины, музеи, храмы, школы и другие предметы материальной культуры нельзя называть языком. Между тем, едва ли их можно выбросить из той сферы явлений, которая называется цивилизацией; в третьих, не исчерпываются явлениями языка и сами процессы общения или взаимодействия: если социология хочет объяснить общественное поведение людей, то она должна учитывать все виды взаимных раздражителей, которыми люди обусловливают взаимное поведение и благодаря которым их группа образует коллективное единство. См. подробнее, об этом ниже, в главе, посвященной разбору других социологических теорий, и в гл. о социальн. группировке.

[1]) *G. Bohn*: La nouvelle Psychologie animale, Paris, 1911 г. 166—168.

затруднено. Они дают возможность передавать другим сложнейшие и тончайшие душевные движения. Общественная жизнь людей, взятая в целом, похожа на громадный и непрерывно циркулирующий поток слов и их сочетаний, идущих от человека к человеку, от одних к другим. Звуки—символы, в виде слов, непрерывно соединяют людей между собою, передают раздражения, вызывают эффекты.

Любая фраза, любое слово похоже наэлектрический ток, возникающий между людьми, дающий им возможность влиять друг на друга и обусловливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны. „Слово может убить человека". Не даром в ряде религий, как напр., в браманизме, слово превратилось в магическую силу, управляющую миром и даже волей богов. Не даром и в евангелии апостолъ говорит: „В начале было слово и слово было к богу и бог был словом". Когд мы слышим ряд звуков-символов: „Мне грустно", „Я ненавижу Х—а", „Спенсер был великим мыслителем", „К оружию, пролетарий!", „Долой", „Да Здравствует",—„Вперед", „Пли" и т. д., мы тем самым воспринимаем ряд раздражений, доходящих до нас в виде звука, и передающих нам идеи, настроения и воления других лиц. Посредством звуковых проводников люди регулируют свое взаимное поведение. Когда мы хотим вызвать у других те или иные поступки, или удержать их от совершения каких либо актов—мы пользуемся почти всегда звуковыми символическими проводниками: „Сделай то-то", „Не смей дедать того то", „Ни с места!", „Руки вверх", „Пли", и т. д.—таковы наши обычные способы передачи волевых решений. Звуковыми же символическими проводниками чаще всего пользуемся мы для передачи наших настроений, чувств, и эмоций. Пример: „И скучно, и грустно, и некому руку подать". „Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье". „Здравствуй племя, молодое, незнакомое". Эти слова—проводники известных настроений, передающие психику их говорящего и влияющие на психику людей, их воспринимающих.

Нечего и говорить, что слова же чаще всего употребляются и для передачи идей.

Любая встреча людей, всякий разговор между ними, любое собрание: научная лекция, политический митинг, парламентские, судебные и всякие иные заседания, религиозная проповедь, взаимодействие учителя с учениками, разговоры в семье, на рынке и т. д.—все это иллюстрации функционирования звуковых-проводников и их социальной роли.

Благодаря гибкости, легкости, передаваемости этих проводников—символов они стали наиважнейшим способом общения людей друг с другом. Их гибкость проявляется не только в том, что существует множество слов, т. е. комбинаций звуков, для передачи самых различных переживаний и явлений. Но эта гибкость выражается еще и в ряде сопутствующих явлений: Дарвин вполне правильно замечает, что голос действует, помимо содержания слова, еще своей силой, высотой и тембром [1]).

Таков первый и главный вид звуковых сигнальных проводников.

Вторым важным видом их является музыка, т. е. опять таки определенное сочетание звуков,—аккордов,—производимых одними людьми, „перелетающих" къ другим, и возбуждающих въ последних ряд переживаний и настроений. Когда кому либо грустно, он может передать свое настроение „песней без слов", может, напр., подойти к роялю и играть „Осеннюю песню" Чайковского или „Лунную сонату" Бетховена. Его акты состоят в определенных ударах по клавищам рояля, удары приводят в определенное колебание воздушные волны, последние ударяют в наши органы слуха, воспринимаются нами, и в итоге—передают нам или возбуждают в нас определенные комплексы душевных переживаний.

Таким образом, благодаря звуковым проводникам одни люди взаимодействуют с другими.

По своей природе звуковые, символические проводники в виде музыки больше приспособлены и пригодны для передачи чувств, эмоций и настроений, чем для передачи идей или волевых решений. Вот почему они чаще всего употребляются для эмоционально-чувственного общения, чем для общения волевого или идейнаго. Всякий концерт, всякий сеанс музыки с этой точки зрения представляет картину людей, объединяющихся в одно эмоциональное целое посредством музыкально-звуковых проводников. Эти проводники переносят или передают настроения от одной „души" к другой, связывают их взаимными нитями, и в итоге определенным образом дают возможность влиять и на психику, и на поведение присутствующих. Хороший пианист или музыкант в этом случае представляет собою магического монтера, который, сидя за роялем, мгновенно связывает себя звуковыми проводниками со всеми слушателями и, играя на кла-

---

[1]) См. Дарвин: О выражении ощущений. 1899 г. 41—57.

вишах инструмента, по существу играет на человеческих душах: его душевные движения передаются движениями пальцев по клавишам, удары рождают звуковые волны, последние вызывают волны психических переживаний...

Одни из этих волн вызывают подавленное состояние, грусть, горе, отчаяние, (напр., похоронные марши), и соответственные движения, другие—радость, веселье, безоблачность, легкость и надлежащие внешние акты. Возбуждающее или угнетающее влияние музыки, говорит Ж. Бон, известно с давних пор. „Помимо похоронных маршей, которые сопровождаются подавленным состоянием, горестными переживаниями, и медленной походкой, имеется и музыка возбуждающая, заставляющая оживленно двигать ногами в танцах, которые иначе, как под музыку и представить себе нельзя“ [1]).

Таков второй вид звуковых проводников.

Помимо речи и музыки звуковые проводники функционируют в бесконечном множестве других форм. Удар пушки в Петрограде означает, что сейчас 12 часов, свисток паровоза сигнализирует, что он отправляется, гудок фабрики выражает начало или конец смены, рожек автомобиля или звонок трамвая „предупреждает“ об опасности, удары колокола „объявляют“ о начале обедни или утрени, звон тарелок свидетельствует о близком обеде. телефонный звонок дает нам знать, что кто-то хочет говорить с нами, дверной звонок сигнализирует, что кто-то идет и т. д. и т. д. [2]).

Таковы основные виды звуковых проводников, передающих раздражения одних другим, связывающих взаимодействующих людей в коллективное единство, являющихся непрерывно возникающими и вновь обрывающимися связями или „соединительными проводами“ системы взаимодействия...

В) Перейдем теперь к беглой характеристике *световых и цветных проводников*. Они, подобно звуковым, выступают в роли и чисто физических проводников, и в роли проводников-сигналов, передающих душевные движения. Свет, как чисто физическое явление, может быть раздражителем и может влиять на поведение. Индивид А, зажегший в темноте спичку, одним физическим действием света, может влиять на поведение другого: привлечь его внимание, дать ему воз-

---

[1]) *G. Bohn*: Op. cit. 166—168.

[2]) Отсюда легко понять значение языка для объединения индивидов в одну группу. Люди, говорящие на одном языке, имеют в своем распоряжении прекрасный проводник, посредством которого они легко могут «соединяться», общаться и понимать друг друга. Люди разноязычные такого проводника не имеют; поэтому они лишены одной из наиболее важных социальных нитей, связывающих их в одно целое.

можность ориентироваться в окружающей обстановке, короче—определенным образом обусловить поведение. В этом примере свет является физическим проводником раздражения, исходящего от А и передаваемаго В. То же можно сказать и о цвете [1]).

Как выше было указано, цвет и свет функционируют в социальной жизни главным образом, как проводники-сигналы. В этой роли они, на ряду с звуковыми сигнальными проводниками, являются наиважнейшим и наичаще практикуемым способом передачи раздражений и психических переживаний от одних людей к другим... Наряду с звуками люди для своего общения чаще всего пользуются этими проводниками.

Первым и самым важным видом свето-цветовых проводников является письменность. Под ней в широком смысле слова следует понимать все значки, фигуры и буквы, начерчиваемые людьми в целях передачи другим тех или иных переживаний. Письменностью будет: и буквы, написанные черным по белому, и иероглифы, и клинообразные значки древних ассириян, и символические, примитивные знаки первобытных людей, и условные знаки, в роде, △, □, употребляемые в геометрии, короче все то, что фиксируется человеком на тех или иных предметах (стена, бумага, свое тело и т. д.) с помощью свето-цветных знаков, в целях выражения различных душевных переживаний—идей, представлений, чувств, явлений и т. д. [2]).

В этом смысле письменностью будут: и татуировка своего тела, употребляемая „дикарями“ для выражения того, что он принадлежит к такой-то группе, и знаки, делаемые, напр. Айно, на своих стрелах для того, чтобы дать знать другим, что животное, в котором найдена стрела с определенным

---

[1]) Надлежащий материал читатель может найти в книге *A. Giard*: Facteurs primaires de l'èvolution. G. Loisel, гл. I. 1—27; въ работах по терапии; см. напр.; *Мезерницкий*: Физиотерапия. СПБ. 1916 г. статьи: Палладина Мезерницкого, Шенка, Бехтерева; в работах Леба о тропизмах и таксисах и т. д.

Подробное изучение социальной роли и соответствующих социальных эффектов звука, света, теплоты, электричества и др. космических факторов в данную часть работы не входит. Оно будет предметом «социальной механики». Здесь же автор касается их только, как проводников взаимодействия, представляющих составную часть последнего.

[2]) Письменность в нашем смысле сходна с понятием «Bildende Künst», даваемым Verworn'ом. «Die» bildende Kunst «in engeren Sinne dagegen ist die Fähigkeit, Bewusstseinsvorgänge durch bleibende Mittel optisch wahrnehmbar zu machen. Die bildende Kunst umfasst daher die Zeichenkunst, die Malerei, und die Schreibkunst. Выпадают только пластика и барельефная орнаментика, относящиеся к предметным проводникам, но входящие в понятие «bild. Kunst» См. *Verworn*: Die Anfänge d. Kunst 1909. 4—5.

знаком, было ранено владельцем этой стрелы, а потому последний имеет право на часть добычи [1]), и примитивные рисунки, делаемые примитивными людьми на своем оружии [2]), и насечки, делаемые современными народами на пограничных деревьях или в лесу, и доска, с нарисованной на ней указующей рукой, и т. д. и т. д.

В культурном мире самым распространенным видом свето-цветных проводников являются книги, пергаменты и рукописи. Каждая книга представляет собою не что иное, как конденсированный комплекс свето-цветных проводников. Она проводит мысли и настроения их автора к читателю. Первый фиксировал их рядом движений в форме значков на бумаге. Эти значки, приходя в соприкосновение с читателем, передают ему переживания и мысли автора книги, и в итоге—в той или иной форме обусловливают переживания и поведение читателя. Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться, как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой, посредством книг, ежедневно сотни людей „соединяются" с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу.

Легко понять, поэтому, ту громадную роль, которую играют свето-цветные проводники в явлениях человеческого общения. Без преувеличения можно сказать, что человек, впервые напавший на мысль использовать их для общения с другими, был величайшим изобретателем и революционером. Само собой понятным становится и то громадное значение, которое сыграло открытие книгопечатания и всякий технический прогресс в этой области для судеб человеческой культуры.

„Чем выше поднимается человеческая культура, тем более зависимой становится она от результатов работы предыдущих поколений, тем сильнее нуждается она в средстве, которое сохраняло бы опыт предыдущих поколений и делало бы возможным его использование; таким средством является

---

[1]) См., напр., *Pilsudski:* Les signes de propiétë des Aino в Revue d'ethnografie et de sociologie, март—апрель, 1912 г. «Pendant les chasses où plusieurs personnes tiraient sur un ours, les signes sur les flèches pouvaient servir â decouvrir qui avait tiré le premier, qui avait visé le plus juste et à qui, par conséquent, devait revenir les meilleures parties de la bête comme le coeur, la poitrine, le foie etc. Далее Пилсудский весьма рельефно показывает, что «знак собственника стрелы играет огромную роль и всегда принимается во внимание».

[2]) См. материал и знаки в книге *M. Verworn:* Die Anfange der Kunst, Iena, 1909. См. великолепные рисунки в кн. *Spencer and Gillen:* The northern tribes of central Australia. London. 1904,—*Обермайер*: Доисторический человек. Изд. Брокг.—Ефрона.

*

письменность (die Schrift), справедливо говорит Данцель. Ее применение покоится на способности человека употреблять вместо предметов их знаки. Уже в тоне и в жестах, в языке и в мимических движениях человек использовал применение символов. Но влияние их становится несравненно более значительным в письменности в силу того, что здесь и мышление прикрепляется к постоянно-пребывающим символам, освобождающим мысль от ее мгновенного чувственного бытия... Социальная роль письменности, как средства для сохранения духовного богатства (geistiger Inhalte), становится особенно важной в силу того, что она представляет прекрасный орган, который гарантирует продолжение общественной жизни, выходящей за пределы жизни индивидуальной. Она является посредником общения между пространственно разделенными, она является связью между давно исчезнувшими, современными и будущими поколениями. Чрезвычайно отчетливо эту функцию письменности характеризует T. Mauthner, говоря: „Представим себе на минуту, что во всех культурных странах вдруг все письменные знаки, их употребление и книги навсегда уничтожены, но устная речь осталась; это было бы похоже на сохранение одного зубчатого колеса в часовом механизме нашей культуры; гибель письменности в конце концов превратила бы нашу цивилизацию в руину, похожую на те искусственные часы на старых соборах, которых никто не может завести, ибо заводной ключ их потерян“ [1]).

Каждый значек, каждая буква, (напр. значек „*а*“ для звука „а“), как и их комплексы, соединяемые в слова (напр., „с о ц и о л о г и я“), и в целые фразы, являются таким образом видами свето-цветовых депеш или проводников, передающих раздражения от одних индивидов к другим.

Помимо письменности в узком смысле этот вид проводников функционирует в тысяче форм. Таковы значки, употребляемые в геометрии: △, □, ○ и т. д. Такова фигура круга ○, изображающая солнце. Кривая линия передает представления грациозности и гармоничности, ломаная — неуравновешенности, резкости, грубости и т. д. и т. д.

Вторым *основным видом свето-цветовых проводников взаимодействия является живопись*; она существует в виде картин и рисунков. Эти последние представляют не что иное, как виды свето-цветовых проводников. Возьмем для примера Левитановскую картину: „Над вечным покоем“. Ее автора уже нет в живых. Но благодаря этой картине, физически представляющей комплекс цветных пятен, расположенных

([1]) См. J. *W. Danzel*: Die Anfänge der Schrift, Leipzig; 1—2, 1912.

в определенном порядке и имеющих определенную форму, автор продолжает взаимодействовать с нами, передавать и возбуждать в нас определенные переживания и акты. Картина соединяет нас с ним, как соединяет многих из нас друг с другом в общности настроений и переживаний. Она опять похожа на соединительную телефонную станцию, от которой идут свето-цветные проводники к человеческим „душам". То же представляет собою и всякая картина, всякий рисунок, начиная от наивных мараний ребенка и первобытного человека и кончая гениальными творениями великих мастеров.

Свето-цветные проводники выступают в обыкновенной жизни и в тысяче других форм, в виде светящихся фонарей на мачтах пароходов, путем которых одни люди дают знать другим о том, что плывет пароход, в виде „световых эффектов" в пьесе, предназначенной для вызова „светлого настроения". Свет играет громадную символически-передаточную роль в религиозном культе (свечи, паникадила, благословение светящимися дикириями и трикириями, предшествование свечи выходу жрецов, священников и „религиозных реликвий"); и в повседневной жизни людей. На каждом шагу встречаемся мы с этими проводниками: начиная с открыток, носящих название „язык цветов", употребляемых влюбленными „барышнями и молодыми людьми" для объяснений („роза означает пылкую любовь", „лилия — чистоту и невинность" и т. д.) те же проводники выступают: в виде красных знамен, выражающих революционные идеи и стремления, в виде государственных флагов, в виде цветных огней трамвая и железнодорожной сигнализации, в виде определенных цветных галунов, указывающих соответственные ведомства, в виде чернил, красок и карандашей, которыми мы делаем знаки, в форме цветов различных тканей, обычно символизирующих то или иное переживание (напр., подвенечное платье полагается белое — знак чистоты невесты, одежда монаха черная — знак его отречения от мира) и т. д. и т. д.

Будет вполне правильным, если я скажу, что каждый человек, со времени своего появления, оказывается окруженным звуковыми и свето-цветными проводниками, непрерывно передающими ему тысячи волн, идущих от других людей, влияющих на него и вызывающих у него реакции.

С) Третьим *основным видом проводников являются проводники двигательные.* Они могут быть чисто физическими, своим физическим эффектом возбуждающими других людей,

и проводниками символическими, влияющими на людей тем, что выражают то или иное психическое переживание. Движения человека, воспринимаемые органами зрения, сами по себе достаточны, чтобы быть раздражителем других людей. Если же за этими движениями кроется то или иное значение, они становятся раздражителями весьма действеными. В нашей жизни мы постоянно пользуемся этими проводниками-раздражителями. Вместо слов: „убирайтесь вон!“ люди часто ограничиваются жестом, состоящим в поднятии руки с указательным пальцем, направленным на дверь; вместо „да“ мы часто ограничиваемся легким движением головы вперед, вместо „нет“ — покачиванием головы слева направо и обратно; свое бессилие мы выражаем пожиманием плечами, свою привязанность и любовь — объятиями и поцелуями, свой гнев — сжатием кулаков и жестами угрозы; довольство и радость выражаются движениями улыбки и прыганием, горе — соответственной позой и медленными движениями, приветствие — снятием шапки, словом — ряд сложных переживаний выражаются соответственными мимическими движениями.

Как эти, так и более сложные движения, являются символическими проводниками, нитями, связующими психику одних с психикой других. С физической стороны эта связь состоит в том, что определенные переживания сопровождаются или объективируются определенными выразительными актами; эти последние раздражают органы зрения и в итоге вызывают в сознании перципиента надлежащие душевные переживания и вместе с ними надлежаище эффекты в поведении. Весьма часто эти двигательные проводники сплетаются в целую систему и передают довольно сложные события и явления. Образцом их могут служить известные всем пантомимы, даваемые в цирках, пантомимы — обряды первобытных людей (напр. „медвежьи драмы“ остяков, изображение кенгуру австралийскими негритосами и т. п.). В наше время видом двигательных проводников могут служить кинематографические сеансы. Здесь на полотне двигательные проводники вместе с цветовыми передают нам ряд сложнейших событий: драм, комедий, трагедий и т. д. По своему существу картины, развертывающиеся на полотне, с их движущимися фигурами, жестикулирующими, убивающими, спасающими, целующими друг друга представляют довольно яркий пример двигательных проводников. Взрывы смеха, те или иные возгласы возмущения, которые нередко раздаются в зрительном зале, наконец, сам факт посещения

кинематографов публикой достаточно определенно говорят что цвето-двигательные проводники являются довольно пригодным средством для взаимных общений людей.

Дальнейшим ярким примером этих проводников может служить язык жестов, употребляемый детьми, глухонемыми и чрезвычайно развитый в примитивных обществах [1]). Здесь движения пальцев и лица служат главным средством взаимодействия [2]).

Хотя двигательные проводники, в силу ряда условий, не играют столь важную роль, как проводники звуковые и цвето-световые, однако и они достаточно распространены во всех сферах человеческой жизни. Ряд двигательных символических проводников, в виде обрядов, мы встречаем и в религиозной жизни [3]) и в правовой [4]), и в военной [5]), и в публичной, и в частной жизни. Все почти обряды, церемонии, публичные парады, смотры, двигающиеся процессии, демонстрации — политические, религиозные, военные, частные, свадебные, похоронные, карнавальные, святочные и т. д. — все они представляют в том или ином виде функционирование двигательных проводников.

К этому же типу должны быть отнесены и такие явления, как молчаливая игра детей в лошадки, в солдатики, и т. д.

После сказанного читатель сам подберет сколько угодно примеров двигательных проводников.

---

[1]) См. об этом *Levy-Brühl*: Les fonctions mentales dans les sociétés inferieures. Paris. 1912, 175 и сл.

[2]) Употребление выразительных движений известно и в мире животных. См. *Дарвин*: О выражении ощущений. Гл. IV—V.

[3]) См. учебники богослужения и богословия, объясняющие смысл религиозных обрядов и культа.

[4]) См. *Chassan*: Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1847. Passim и 54 — 56. 123 — 125 и др. Шассан удачно показывает переполненность права, в особенности древнего, самыми различными символами, т. е. проводниками правового общения. «Чтобы быть понятым и соблюдаемым грубым сознанием примитивных людей, право нуждалось в чувственных образах, в живых, двигательных представлениях, и в физических знаках, которые кидались бы в глаза и действовали на воображение. Эти реальные или фиктивные знаки получили имя символов». Стр. I. Об употреблении двигательных символов в праве см. также *Петражицкий*: Теория права, т. I, 54. — 57.

[5]) См. *Lieutenant Jaray*: Du formalisme au «Débrouillez-vous». Paris. 1910 г. изд. Chapelot. Здесь автор ярко характеризует символически-проводниковую роль таких обрядов, как: корректное ношение формы и охрана чести мундира, как le pas cadencé dans certaines circonstances, как salut au drapeau, prestation de serment des officiers, reconnaissance des grades devant le front de la troupe, remise des decorations nationales, revues et défilés и т. д.

D) Коснемся кратко проводников *механических, тепловых, химических и электрических.* Их социальная роль не столь важна, как предыдущих проводников. Это объясняется отчасти тем, что они чаще всего функционируют в роли чисто *физических, а не сигнальных проводников.* Передавая раздражение, исходящее от одних лиц другим, они влияют на поведение других не столько тем, что сигнализируют переживания других людей, сколько своим чисто физическим эффектом.

Примером *механических проводников* могут служить: явления удара камнем, брошенным одним индивидом в другого, удара пулей, выпущенной из ружья одного в другого, удара палкой, прикосновения колющим или иным предметом, щипки, явления хирургических операций [1]), рвание волос, нанесение ран, различные способы телесного повреждения и т. д.; наряду с этими одиозными механическими проводниками сюда же отходят: ласковое поглаживание любимого человека, прикосновение к нему рукой или каким либо предметом и целый ряд посредственных и непосредственных механических раздражений одних людей другими, раздражений, передаваемых обычно посредством тех или иных материальных проводников. „Поцелуи, пожимание руки, и т. д. суть пережитки первобытных средств, путем которых индивиды познают друг друга (Гиддингс)“ [2]). Нормально, кроме таких механических проводников, как пули, снаряды, бомбы или таких проводников, как вода, наводняющая местность, благодаря разрушению плотины, механические проводники передают раздражения в сравнительно ограниченных пространственных пределах, т. е. индивид может механически раздражать другого на сравнительно небольшом пространстве. При более значительной пространственной раздельности обычно функционируют другие, более пригодные и действенные проводники.

E) Сказанное о механических проводниках применимо и к проводникам *тепловым.* И последние функционируют преимущественно, как проводники чисто физические. В роли проводников-сигналов они функционируют реже. Примерами тепловых проводников могут служить: явления поджога,

---

[1]) «Все болезни, которые излечиваются при применении механических приемов, называют хирургическими». См. H. *Tillmanns*: Руководство общей хирургии. М. 1910. Стр. 1.

[2]) «Начиная со второго месяца, говорит Болдуин, ребенок узнает в темноте прикосновение матери или кормилицы. Он различает способы держания его, качания, которые характеризуют различных лиц». *Baldwin*: Social- and ethical interpetations. 1897. 7.

когда индивид, чаще всего с злостными намерениями, поджигает дом, здание или лес и через посредство этой стихии обусловливает поведение других людей. И обусловливает, временами, весьма решительно: богатые становятся бедными, счастливые несчастными, здоровые больными, живые мертвыми. Дальнейшим примером их могут служить: явления центрального отопления; при такой системе отапливания квартир одни люди, если не прямо, то косвенно, могут весьма значительно влиять на поведение других (напр., хозяин дома или кочегар на жильцов дома); тепло и здесь служит проводником раздражений, идущих от одних к другим; теплота же может служить проводником влияния одних людей на других в таких явлениях, как движение паровозов и пароходов, где машинист и кочегар могут весьма определенно влиять на состояние и судьбы пассажиров. К этой же группе проводников относятся: обусловливание переживаний и поступков одних лиц другими посредством ошпаривания кипятком, или прикладывания льда (к больным), посредством поставления людей в среду с слишком холодной или жаркой температурой, и т. д.

F) Следующим видом проводников взаимодействия являются *проводники химические*, опять таки обычно выступающие в роли чисто физических проводников, а не проводников—символов. Их роль в передаче раздражений, исходящих от одних и влияющих на других людей, покоится на их химических свойствах. Люди, желая определенным образом повлиять на поведение или состояние другого (напр., желая вылечить больного, сделать приятное другу или неприятное врагу и т. д.), обращаются к этим химическим реагентам и, утилизируя их в качестве посредников, тем самым влияют на других. След., эти химические реагенты, придя в соприкосновение с другими, проводят, передают им раздражения, идущие от первых. Так, доктор, прибегая к лекарству, влияет на поведение и состояние больного [1]), X, поднося коробку конфет У, влияет на переживания последнего, преступник, подсыпая яд в пищу своего врага, часто вызывает его смерть, повар, заменяя здоровые продукты вредными, обусловливает поведение и здоровье своих клиентов; купец, продавая прогнившие консервы, способствует эпиде-

---

[1]) «Действие лекарств, т. е. совокупность порождаемых ими в организме явлений, почти всегда коренится в *химическом* (воздействии данного вещества) на внутренний состав тканевых элементов... Вызываемые лекарствами физиологические явления—функция сил лекарства и сил животной клетки». См. *Д-р Б. Шапиро:* Фармакология. Харьков. 1912. 5, 9.

миям; негр, распространяя специфический запах, заставляет отстраняться от него слишком щепетильных людей; тот же эффект вызывает человек, от которого въ силу ли болезни или его социальной невоспитанности исходит дурной запах [1]) и т. п. Во всех этих случаях, как и в сотне других, ряд химических реагентов являются проводниками, передающими акции одних другим и вызывающими реакции последних...

G) В роли чисто физических же проводников обычно выступают и проводники *электрические*. Посредственно, как мы знаем, электричество играет колоссальную роль в процессе современного общения людей: оно двигает громадный механизм фабричных машин, передвигает поезда, трамваи, передает депеши и т. д. Короче, его роль в этом отношении огромна. Но как проводник, в более узком смысле слова, здесь употребляемом, оно находит ограниченное применение; примерами его могут служить явления электролечения, раздражения путем прикосновения тока, нагревания посредством электрических подушек и т. д....

H) Что касается, наконец, *предметных* проводников, то таковые выступают и в чисто физической, и в символической роли. Строго говоря большинство указанных выше проводников были предметными проводниками, ибо и световые, и звуковые, и химические проводники обычно даны в виде тех или иных предметов. Если они были выделены отдельно, то для того, чтобы подчеркнуть ту сторону предмета, которая служит передатчиком раздражения. Электрическая лампочка, помещенная на вершине мачты, является проводником в системе взаимодействия не потому, что она лампочка, а потому, что она светит.

В отличие от предыдущих проводников, *предметные проводники функционируют именно как предметы. В них важно не то или иное отдельное свойство* (свет, звук, теплота, форма и т. д.), *а совокупность всех свойств.*

---

[1]) «Я был сотни раз свидетелем, говорит Houzeau, как индейцы и негры Америки по запаху узнавали друг друга в темноте».

Houzeau. Etudes sur les facultès mentales des animaux. T. II. 1872. 91—92.

«И ощутил Исаак запах одежды Иакова (в которую оделся Исав) и благословил его», говорится в Библии. (Бытия, XXVII, 27).

«У жителей Филип. островов чувство обоняния развито в такой степени, что они могут только по запаху носов. платка узнать, кому он принадлежит. Ряд племен (Читтагонга и др.) вместо «поцелуй меня», говорят: «понюхай меня».

См. множество др. фактов у *Спенсера:* Основ. социологии. т. II. СПБ. 1898. 118—119.

Наибольшее значение они имеют в качестве проводников-сигналов. Примерами таких проводников могут служить: государственные гербы, скипетр, держава, зерцало; религиозные реликвии: крест, потир, сосуд, дарохранительница; военные реликвии: знамя, мундир, шпага; семейные реликвии: фамильное кольцо, фамильный сервиз, фамильные бриллианты; к этой же категории принадлежат музейно-исторические предметы: древняя утварь, одежда, кубки, украшения и т. д. Наконец, к *предметным же проводникам нужно отнести* и всю почти *„материальную культуру", все предметы, созданные или преобразованные деятельностью людей*: дома, храмы, дворцы, памятники, средства передвижения, предметы домашней обстановки и т. д.

Проводниковая роль их состоит в том, что одни люди, воздействуя на мир материальных предметов, оставляют на нем следы своей деятельности. Другие люди, входя в соприкосновение с этими предметами, воспринимают их в качестве раздражителей, и в итоге такого раздражения так или иначе реагируют на них. Следовательно, во всех подобных случаях предметные проводники являются настоящими посредниками между людьми: одним они дают возможность запечатлеть, закрепить результаты своей работы, своих актов; другим, для которых они являются раздражителями, воспринять эти результаты и реагировать на них. С этой точки зрения к предметным проводникам могут быть причислены и люди посредники, передающие раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов то, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому, их можно называть двигательно-предметными проводниками. Примером других предметныхъ раздражителей может служить материальная обстановка города: дома, улицы, развалины, мостовые, церкви, музеи и т. д. Сколько людей, попадая с простора широких полей в каменные колодцы, ступая на землю города, скованную камнем и железом, из храбрых становились боязливыми, из сильных слабыми, терялись и внутренно съеживались. Как много существует людей, душа которых стонет под тяжестью этого железо-бетонного колосса, высоких небоскребов и кирпичных стен. Не мало людей, у которых материальный мир города вызывает проклятия и чувство гнева [1]), словом—способность города, как предмета, возбуждать раздражение в людях несомненна. Сказанное выше уясняет, почему город в этом случае может и должен считаться предметным раздражителем.

---

[1]) См. психологию таких людей в «Проклятии зверя». Л. Н. Андреева.

Когда мы входим под своды старой башни, или в старый храм, или видим развалины старого замка—они возбуждают в нас ряд переживаний: представления и настроения широким потоком наполняют нашу душу, вызывают образы старого, воскрешают лиц, когда то тут живших и действовавших, короче—определенно влияют на наши переживания и поступки. „Там, где люди молчат, говорят камни“. Это влияние обусловливается тем, что они являются застывшими памятниками поведения, работы и жизни других людей. Это значит, что они играют роль проводников между нами и последними.

Наиболее типичным движимым предметным, проводником являются *деньги*. Эти предметы, в виде звонкой ли монеты или кредитных знаков, или чеков, непрерывно обращаются в мире людей, непрерывно функционируют в качестве предметных проводников. Индивид, пересылая другому деньги, воздействует на последняго весьма решительным образом. Они функционируют обычно в качестве проводника-символа, но в силу их „пустоты“, в силу того, что они являются мерой всех вещей, они могут выражать собой самые разнородные вещи, могут побуждать к самым различным поступкам, оставаясь тождественными самим себе и не теряя своей проводниковой роли. Они передают и благодарность убийцы своему помощнику за содействие, и благодарность спасенного рисковавшему собой спасителю; они побуждают и на акты геройства, и на акты преступления; владеющий ими может использовать их как проводников лучших и высочайших переживаний и как проводников отвратительных и самых низких намерений.

Словом—деньги, в силу особой их природы, являются предметным проводником-бланкетным, годным для передачи весьма многочисленных психических переживаний [1]).

Еще рельефнее эта проводниковая роль предметов выступает в случае семейных, религиозных и государственных реликвий: семейная реликвия, напр., локон матери, это священный предмет; передавая его из поколения в поколение тем самым передают раздражитель, который будет говорить: и о славе семьи, и о ее чести, будет вызывать упреки в душе недостойного потомка, гордость в душе достойного; короче—этот локон является подлинным проводником, соединяющим прошлое с настоящим, настоящее с будущим. То же, mutatis mutandis, можно применить и

---

[1]) См. подробнее *Зиммель:* Filosophie des Geldes. Leipzig. 1900. Особенно т. I. Passim. См. также. *Рыкачев.* Власть денег.

ко всем остальным предметным проводникам. Собственник в древности, передавая другому кусок или горсть земли, передачей этого предмета знаменовал передачу права собственности. Кольца, которыми обмениваются жених и невеста, передают мысль, что они скрепляют себя на веки. Влюбленный, отсылая любимой букет цветов, передает посредством их свои переживания: любовь, обожание, преклонение и т. д. Командир полка, присылая опозорившему мундир полка офицеру револьвер, посредством его передает ему приказ застрелиться. Ключи от города, передаваемые победителю побежденными, знаменуют собой передачу города во власть первого. Знамя полка, захваченное неприятелем, символизирует гибель и конец соответственной воинской части.

„Домик Петра Великого" является предметным проводником, соединяющим многих посетителей с прошлым и друг с другом.

Кремль и Иван Великий играют роль проводников весьма многих и сложных переживаний, идей, чувств, эмоций, волений и т. д. То же можно сказать об „Иверской Богоматери", мощах святых, Василии Блаженном, памятниках и др. предметных проводниках.

Ограничиваюсь набросанными штрихами в характеристике основных форм проводников взаимодействия. Каждый из них редко выступает в чистом виде: так или иначе они смешиваются друг с другом; часто один и тот же проводник может быть рассматриваем с одной стороны, как звуковой, с другой — как предметный (напр., грамофон). Но это слияние для нас здесь не важно: важно было дать понятие о проводниках и их роли. А эта цель предыдущими строками, надеюсь, достигнута. Из этой характеристики следует, во-первых, что *проводники взаимодействия действительно составляют элемент системы взаимодействия*, во-вторых, *что они действительно существуют, как физические реальности*, в-третьих, *становится ясным тот механизм, посредством которого одни индивиды, разделенные от других пространством и временем, могут взаимодействовать друг с другом, т. е. быть функционально связанными в своих переживаниях и поступках*, наконец, *в-четвертых, сказанное раскрывает структуру системы взаимодействия, как коллективного единства, структуру не в переносном, символическом смысле, а в самом реальном значении этого слова*. Индивиды, их акты и проводники, как будет указано ниже, в своей совокупности образуют действительный механизм, имеющий весьма сложное строение.

III. Цепь проводников. Люди, как контактные звенья цепи проводников.

Для более детального понимания способов общения между индивидами необходимо дополнить сказанное о проводниках нижеследующими соображениями. В предыдущем я очертил лишь *простые проводники*. В своем анализе я исходил из молчаливой предпосылки что один индивид передает другому раздражение посредством одного проводника — светового, звукового, механического, предметного и т. д.

Между тем вполне мыслимо — (в фактической действительности весьма часто так и бывает), что раздражение одного индивида передается другому не с помощью *одного* проводника, а посредством *комбинации их, посредством целой цепи проводников*. Первый случай можно сравнить с простым воротом или колесом, второй — с целой системой зубчатых колес, где движение или поворот одного колеса задевает и приводит в движение второе колесо, это — третье и т. д., пока движение не дойдет до конечного пункта и не выразится, напр., в передвижении часовой стрелки. Подобное весьма часто происходит и в явлениях взаимодействия людей. Раздражение, исходящее от одного индивида, сначала передает один проводник, в дальнейшем это раздражение переходит к другому проводнику, от этого к третьему и т. д., пока, наконец, не дойдет до человека-адресата. Простейший пример такой цепи проводников представляет следующий факт. X, разделенный большим пространством от Y, хочет сообщить последнему о смерти их друга. Пользуясь тем, что в место, где живет Y, отправляется M, он просит его, по прибытии в место жительства Y, передать ему эту весть. M прибывает туда и пишет письмо Y, в котором сообщает о смерти его друга. Письмо доходит до последнего и передает ему ту весть, которую хотел сообщить X. В этом примере мы имеем следующие стадии: 1-ая — раздражение или акты X передаются сначала *звуковым* проводником г-ну M, 2-ая: — M передвигается в качестве самодвижущегося „*предметного проводника*“ с одного места на другое; 3-я: фиксирование известия на письме означает замену предметного проводника *свето-цветовым*, который и передает в конце концов известие адресату Y.

Схема: Индивид X { 1) звуковой проводник ⟶ 2) предметный ⟶ 3) свето-цветовой ⟶ } Индивид У.

Второй пример: А диктует телеграмму (звуковой проводник). Секретарь ее записывает (свето-цветовой) и уносит на почту (двигательно-предметный). Телеграфист ее телеграфирует (электро-двигательный). На станции получения телеграмма фиксируется в виде знаков на бумаге (свето-цветовой) и в итоге — в виде свето-цветового проводника доходит до адресата В.

Схема: А { 1) звуковой ⟶ 2) свето-цветовой ⟶ 3) двигательно-предметный ⟶ 4) электро-двигательный ⟶ 5) свето-цветовой ⟶ } В.

Из этих примеров становится ясным, что разумеется под цепью проводников или их комбинацией. Из обыденного опыта каждый знает, что процесс взаимодействия весьма часто осуществляется именно с помощью такой цепи проводников. В этой цепи сплошь и рядом в качестве промежуточных звеньев ее выступают люди (секретарь, телеграфист, почтальон, г. М. и т. д.), которые, являясь сами проводниками, в то же время осуществляют *контакт* между двумя различными проводниками, (напр., посредником-проводником между звуковым и свето-цветовым проводником в предыдущем примере является секретарь, в первом примере — г. М.), которые без „контактной“ роли этих людей часто не в состоянии передать один другому раздражение, — не в состоянии соединиться друг с другом. (Напр., без секретаря звуковой проводник не мог бы трансформироваться в свето-цветовой, слова в значки, — в буквы телеграммы).

Благодаря этой контактной роли людей-проводников одни проводники могут соединиться или трансформироваться в другие. В итоге вся цепь их представляется в виде отдельных звеньев, где между двумя звеньями проводниками вкраплены в виде проводников и контакторов люди, роль которых в этом случае тождественна с ролью телефонистки, соединяющей двух абонентов, желающих переговорить друг с другом. Контактная роль людей проводников выступает особенно резко в явлениях взаимодействия между людьми, разделенными пространством и временем. Раздражение, передаваемое из Америки в Европу, часто должно пробежать длинную цепь проводников с целым рядом людей контакторов. Раздражение, идущее от давно умершего человека, напр., Дарвина, точно также доходит до нас посредством целой цепи проводников со множеством людей-контактных

звеньев этой цепи. В итоге сказанного понятным становится, как совершается взаимодействие между людьми и почему оно возможно в случаях пространственной и временной разделенности индивидов.

Г.г. органицисты искали в свое время соединительную ткань общества. Если бы был какой-нибудь прок от таких аналогий — такую ткань было бы нетрудно указать: она дана в виде совокупности проводников и совокупности проводниковых цепей, только что очерченных. Но во избежание недоразумений будем избегать таких, к тому же не очень удачных сравнений. Никакой соединительной ткани в явлениях взаимодействия нет. А есть в них вполне реальный элемент в виде проводников взаимодействия, очерченных выше. Они, если угодно, в этой системе играют роль и соединительной ткани, и нервной системы, но беда в том, что эта ткань и система составлены не из клеток, а из физико-химических явлений. (Кроме людей-проводников контакторов). Поэтому подобные аналогии теряют всякую почву [1]).

IV. Проводники взаимодействия и так называемая „Материальная культура“.

Предыдущий анализ явлений взаимодействия дал такие результаты: во всяком явлении взаимодействия неизбежно даны три основных элемента: 1) индивиды, по меньшей мере, два, 2) их акты, как раздражители и как реакции на эти раздражения; 3) проводники, как средства передачи раздражений от одних индивидов к другим. Следовательно, те же элементы должны быть даны и во всяком социальном явлении.

---

[1]) Для целей социальной механики небесполезно будет заметить здесь, насколько процесс взаимодействия и его характер зависят от проводников и их цепи. Раздражение, идущее от индивида, как видим, весьма часто принуждено пробегать целый ряд проводниковых звеньев, с вкрапленными между ними людьми-контакторами. В этом пути оно стоит в полной зависимости от характера и свойств проводников. Последние «случайно», особенно при контактных звеньях, могут изменить природу и характер раздражения. То же изменение раздражения происходит и в силу полиморфизма индивидов: каждый человек воспринимает раздражение по своему и передает его по своему. В результате этого раздражение может дойти до адресата совсем не в том виде, в каком оно должно было бы дойти. Отсюда—явления «недоразумений» между людьми, подчас имеющие роковой характер для них. Отсюда—явление гетерогении целей, отмеченное Вундтом; отсюда «социология слухов»; и т. п. Это явление объясняет эволюцию и формацию догм, легенд, учений и т. д. сопровождаемых любопытной социальной рефракцией. Об опытах, поставленных автором в этой области, и подробности проблемы будут изложены в «соц. механике».

Приглядываясь к фактам сосуществования людей мы видим, что всюду эти элементы на лицо. При чем *то, что часто называют „материальной культурой“*, как следует из сказанного, *представляет ничто иное, как совокупность физических и символических проводников взаимодействия.*

Все то, что разумеется обычно под этим именем, сводится фактически к тому или иному виду очерченных проводников. Дома, музеи, храмы, здания университетов и школ, картины, книги, рукописи, утварь, железные дороги, телеграф, телефон, средства производства, орудия, оружие и сами действия людей и т. д. и т. д., короче все, к чему прикоснулась рука человека, все, на чем запечатлены результаты деятельности, труда, работы людей, все это служит и может служить проводниками взаимодействия, все это входит в одну из тех групп проводников, которые очерчены выше. *Проводники (соотв. материальные элементы) являются элементом взаимодействия (соц. явления), имманентно ему присущим, от него неотрываемым.* Вот почему взаимодействие людей неразрывно связано с этими материальными элементами; вот почему последние неизбежно участвуют в явлении взаимодействия и неизбежно возникают из него. В этом отношении действительно можно сравнить людей с полипами: как жизнь последних неизбежно влечет за собой выделение и образование коралловых рифов [1]), так и всякое взаимодействие людей включает в себя материальные элементы, в виде проводников, и неизбежно порождает в своем процессе возникновение все новых и новых слоев „материальной культуры“, новых и новых проводников. Слой за слоем, при продолжении взаимодействия, оседают они, накопляются и в итоге создали и создают вокруг взаимодействующих людей новую среду,—отличную от космической, среду социально-техническую, среду „материальной культуры“, как застывший результат взаимодействия человеческих полипов. Мы все живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Каждую минуту она передает нам раздражения, исходившие от когда-то живших поколений, и весьма определенным образом обусловливает наши переживания и поступки.

---

[1]) В этом смысле правильно сравнение *Уорда:* «Der menschlichen Polyp ist beständig dabei, ein Korallenriff zu bauen, auf dessen oberstere Fläche die letzte Generation lebt und baut. Die Generationen leben und sterben, aber sie lassen das Resultat alles dessen, was sie während ihrer Lebenszeit vollbracht haben, zurück. Dieses Resultat ist ein dauernder Teil des grossen Meeresgrundes der menschlichen Errungenschaft. Mit der Zeit bilden diese aufeinander folgenden Schichten, eine auf die andere gebaut, den Grundfelsen der Zivilisation». *Ward:* Reine Soziologie. Innsbruck. 1907. 19—20.

Поскольку этот факт хочет подчеркнуть Дюркгейм, он прав, говоря: „общество (читай социальное явление. П. С.) состоит не только из индивидов; в него входят также и материальные элементы, играющие существенную роль в общественной жизни. Часто социальный факт материализируется до такой степени, что становится элементом внешнего мира. Например, определенный архитектурный тип (предметный проводник с нашей точки зрения. П. С.) будет явлением социальным, он частью воплощается в домах, в различных зданиях, которые раз уже они выстроены, становятся самостоятельными реальностями, не зависимыми от индивидов. То же самое относится к путям сообщения и транспорта, к инструментам и машинам, к письменности и т. д. Социальная жизнь, которая, таким образом, как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах, тем самым внедряет в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне“ [1]).

Вот почему нельзя социальное явление—факты взаимодействия—мыслить состоящим только из индивидов, или из одной психики, или как исключительно материальные предметы. Взаимодействие без людей и их актов немыслимо; но оно невозможно и без проводников, т. е. материальных элементов. Все три указанные выше элемента: люди, их акты и проводники (материальные явления и предметы: свет, звук, электричество, теплота, химические реагенты, предметы)—все они являются необходимыми составными частями явлений взаимодействия. Отсюда же следует, что нельзя людей отделять от их актов, те и другие—от проводников, и ограничивать понятие ли общества, или социального явления или культуры, одним из этих элементов. Все они одинаково необходимы для явления взаимодействия и только в своей совокупности образуют его [2]).

---

[1]) *Дюркгейм:* Самоубийство. СПБ. 1912. 426.

Ту же мысль — о присутствии материальных элементов-проводников в социальных явлениях, и об имманентном возникновении их из процесса взаимодействия людей, подчеркивает и Зиммель. «Культура возникает—это решающий момент для ее понимания—при слиянии двух элементов, из которых ни один не имеет на нее больше права, чем другой: субъективной души и объективного продукта духа (более точно будет сказать: деятельности взаимодействующих людей и объективных продуктов — проводников, — участвующих в взаимодействии и имманентно возникающих из него. П. С.) объекты эти сами—дух (деятельность, психическая деятельность, в частности. П. С.) ставший в этических, интеллектуальных, социальных и эстетических, религиозных и технических формах предметом».

Зиммель. Понятие и трагедия культуры. Логос. 1911—12. 4—5. См. passim.

[2]) Отсюда следует, что нельзя вполне обособлять изучение «материальной культуры» (совокупности проводников) от деятельности людей, создав

Весьма важно усвоить себе эту неразрывность трех элементов взаимодействия. В ряде вопросов, в частности, в вопросе о реальности или номинальности общества, только при сознании необходимости всех этих элементов для бытия социального явления возможно правильное решение ряда проблем. Иначе—мы впадем в те же ошибки, в которые впадали весьма многие социологи.

Таковы в основных чертах понятие, строение и основные виды проводников, как элемента системы взаимодействия.

Резюмирую:

1) *Под проводниками взаимодействия разумеются все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.*

2) По *характеру эффектов, вызываемых проводниками с одной стороны, и по характеру передаваемых ими раздражений—с другой, они делятся на: 1) чисто физические проводники и 2) проводники-символы* или *проводники—сигналы.*

3) Для *функционирования проводников, в качестве сигнальных или символических передатчиков раздражения, необходимо дополнительное условие: однообразное выражение психических переживаний и однообразное толкование их взаимодействующими индивидами.*

4) По *своей физической природе и в зависимости от органов восприятия, на которые они действуют, можно различать проводники: звуковые, свето-цветовые, двигательно-мимические, механические, тепловые, химические, электрические и предметные.*

5) Если *раздражение от одного индивида к другому передается с помощью одного проводника—мы имеем простой проводник. Если с помощью многих—мы имеем цепь проводников.*

6) В *цепь проводчиков, в качестве звеньев-контакторов, часто входят люди. Иногда их контактная функция бывает необходима для того, чтобы раздражение могло передаться от одного звена проводниковой цепи другому.*

ших ее в процессе взаимодействия и могущих взаимодействовать только благодаря материальным проводникам; тем более нельзя делать то и другое предметом изучения особых наук, напр., первую предметом «истории культуры или цивилизации», а вторую предметом «исторической социологии», как предлагает, в частности, *В. О. Ключевский.* См. *Ключевский.* Курс русской истории. М. 1908. 4—6.

Такой разрыв неразрывных элементов одного явления делает невозможным правильное познание социального явления, как невозможно правильное познание любой машины, изолированной на ея части. Ни материальную культуру (проводники), ни деятельность людей при таком разрыве мы не можем правильно понять, изучить, а тем более изучить закономерности соц. явления.

*

7) *Проводники, составляя необходимый элемент явления взаимодействия и имманентно возникая в его процессе, образуют в своей совокупности то, что носит название материальной культуры.*

V. Взаимоотношение переживаний и проводников.

1. *Проблемы.*

Для правильного понимания ряда вопросов, с которыми придется иметь дело дальше, и для познания явлений общественной жизни, теперь же целесообразно хотя бы кратко остановиться на ряде проблем, связанных с проводниками.

Эти проблемы таковы: 1) *Какова та общая почва, которая делает проводники необходимым элементом явлений взаимодействия;* 2) *Как возникают проводники;* 3) *Почему для выражения того или иного психического переживания употребляется такой, а не иной символический проводник;* 4) *Могут ли проводники сами по себе обусловливать поведение и переживания людей и если да, то как и почему это возможно?*

2. *Причины появления проводников.*

Попытаемся кратко ответить на эти вопросы.

Что касается первого из них, то решение его дано было выше. Мы видели, что без проводников чисто физическое взаимодействие людей обречено было бы на ничтожные качественные и количественные размеры, психическое же общение их было бы абсолютно невозможным. Поскольку ряд условий поставил и ставит человека в необходимость жить в среде подобных ему существ (каковы эти условия, см. ниже, в гл.: „Как образуются коллективные единства“, подробно о причинах зарождения первичного общения людей будет говориться в соц. генетике,) постольку он должен был взаимодействовать с сочеловеками; а раз взаимодействие было неизбежностью (и не только физическое, но и психическое), то неизбежным было и появление проводников: без них, как я старался показать, никакое психическое и сколько-нибудь значительное физическое взаимодействие были и остаются невозможными.

В этом общая почва и причина появления проводников и, в частности, символических проводников.

3. *Как возникают проводники. Безсознательное и сознательное их возникновение.*

Перейдем теперь ко второму вопросу. Имеются ли какие либо различия в происхождении проводников.? Такие раз-

личия несомненны. По способу их возникновения все проводники взаимодействия можно разделить на две группы: 1) *на бессознательно установленные*, и 2) *появившиеся сознательно*. В первом случае разумеются те проводники, которые возникли бессознательно (инстинктивно, рефлекторно) и стали проводниками помимо воли и желания людей. Ко вторым те, которые созданы человеком сознательно, намеренно, целеполагательно. Возьмем для примера звуко-двигательные проводники. Если кто нибудь возьмет лягушку и положит ее, скажем, за рубашку молодой девушки, то такой „опыт“ вызовет с ее стороны вполне определенную реакцию: девушка будет кричать („ай“, „ах“, и другие „крики ужаса“), будет махать руками и делать ряд движений, выражающих тот же „ужас“. Мы имеем на лицо ряд двигательно-звуковых проводников, передающих нам душевное состояние девушки помимо ее воли и сознания. Ряд этих движений, криков и восклицаний „ужаса“ ею производится бессознательно, инстинктивно. Здесь она не выбирает звуки и движения. Они совершаются ею импульсивно, без всякого контроля сознания. Проводники (звуки и движения) здесь возникают спонтанно, рефлекторно.

Совершенно иной будет картина, если мы возьмем, напр., актера, стремящегося изобразить ужас. Его движения, мимика, слова, интонация, стремящиеся вызвать эффект ужаса, „заучены“, сознательно установлены, преднамеренно обдуманы. Очень часто они бывают плодом долгой и тщательно продуманной тренировки. В первом случае проводники возникли бессознательно, во втором—сознательно.

Возьмем второй пример, более крупный. Сравним, напр., возникновение таких „естественных языков, как русский, французский, английский, и возникновение такого „искусственного“ языка, как эсперанто. Первая группа языков (звуковых проводников), как доказывает языкознание, возникла самопроизвольно и бессознательно: нельзя здесь говорить о том или ином лице, как о творце языка; нельзя говорить и о том, что он возник путем намеренного, сознательно-целеполагательного творчества: никто заранее не выдумывал все слова, никто не изобретал нарочно грамматику языка; последний возникал медленно, из бессознательных восклицаний, междометий и криков, постепенно усложняясь и изменяясь в течение ряда веков. Почему, напр., мысль „солнце“ выражается в русском языке звуками: „с+о+л+н+ц+е“, в французском звуками: „le s+o+l+e+i+l“ и т. д. мы не знаем и не можем говорить, что кто то сознательно установил такую связь между пережи-

ванием представления: „солнце“ и соответственными звуками. Позже, конечно, язык обогатился рядом слов, выражений и терминов, установленных сознательно, путем усилий и целевых изобретений отдельных лиц [1]) (напр., специальная научная терминология). Но общий строй языка и огромное большинство его слов не представляют результата сознательно умышленного творчества.

Иное по своему происхождению представляет такой комплекс звуковых символических проводников, как „искусственный“ язык эсперанто. Творцами его являются отдельные лица. Слова, грамматика, строй эсперанто созданы умышленно, установлены сознательно, в целях изобретения наипростейшего, общечеловеческого звукового проводника.

Третий пример. Человек, идущий по песку, напр., преступник, очень часто вопреки своему желанию, оставляет отпечатки своих ног. Эти отпечатки являются комбинацией предметных и свето-цветных проводников, возникших вне, а часто и помимо его воли. Оставленные им следы могут дать другому человеку основание думать, что по песку проходил человек, (вспомним Робинзона, увидевшего на песке следы дикарей и по этим следам заключившего об их появлении на острове), агенту полиции они будут путеводной нитью для отыскания преступника и т. д. Рядом с таким случаем может быть и иной: человек для тех или иных целей может сознательно „запечатлеть“ свои следы на песке. В первом случае мы имеем бессознательно возникшие проводники (следы), способные передать другому ряд тех или иных действий, во втором—сознательно-возникшие. намеренно и обдуманно созданные человеком.

Из этих примеров ясным становится двоякое возникновение проводников и, в особенности, проводников символических.

При этом следует различать первоначальное возникновение проводников и дальнейшее применение их. Может

---

[1]) Хотя и здесь индивид. творчество слов далеко не всегда бывает сознательным. *Smith* говорит, что индивидуальное изобретение новых слов часто бывает «в разговоре, когда говорящий, вероятно, даже сам не сознает, что он создал новое слово; но воображение слушателя поражено и последний повторяет новое выражение до тех пор, пока оно не станет шаблонным; и если новое слово соответствует реальной нужде и дает имя безыменной идее или предмету—оно имеет шансы на жизнь. Таково чаще всего возникновение новых слов в арго и др. народных наречиях».

Smith: Jhe English Language. London. Williams, and Nergate. 109—110.

быть так, что тот или иной проводник первоначально возник бессознательно, но в дальнейшем люди могут сознательно применять его для передачи переживаний. Напр., язык, как было указано выше, возник и сложился бессознательно. Но в последующем, его утилизация (напр. иностранцами) может быть вполне сознательная. Кто либо в порыве ярости может бессознательно схватить первый попавшийся под руку предмет, напр., камень, и запустить им в раздражающего его индивида. После, наученный опытом, он может прибегать к этому механическому проводнику раздражения уже сознательно, с определенной целью. Издавание стона при боли—проводник возникший бессознательно. На этой основе ряд лиц, желая симулировать боль, могут сознательно издавать стоны. Бессознательно возник и ряд мимических движений, напр., улыбка. В повседневной жизни мы часто встречаемся с фактами, где люди намеренно улыбаются, „строят обворожительные улыбки".

Может быть и обратно: проводники, созданные намеренно, в дальнейшем, могут утилизироваться людьми бессознательно. Актер или лектор могут сознательно создать ряд звуковых и мимически-двигательных проводников (слова, фразы, тон, манера держаться, характер жестов etc.) для наилучшей передачи своих мыслей и переживаний, для получения максимального эффекта. Если такие „заученные" шаблоны игры и чтения лекции будут часто повторяться, то в конце концов они станут бессознательно-привычными. И актер, и лектор будут пользоваться такими, когда-то созданными сознательно проводниками, механически, по привычке. Последние станут второй их натурой [1]). Целый ряд

[1]) Согласно Дарвину способы выражения ощущений (способы пользования проводниками) возникли также по одному из указанных способов. Выразительные движения, издавание звуков и т. д. по Дарвину возникли либо в силу его 3-го начала, либо целеполагательно. 3-е начало гласит так: «Известные движения, которые мы признаем за выражение известных душевных настроений, составляют непосредственный результат строения нашей нервной системы и с самого начала были всегда независимы от воли и в знач. степени независимы от привычки». Они являются прямым эффектом развиваемой в избытке нервной силы». Таково, напр., происхождение издавания звуков. При болевых, радостных, яростных возбуждениях нервной системы «возбужденные, т. е. непроизвольные и бесполезные сокращения мышц груди и глотки могли впервые повести к издаванию звуков». А потом уже, в силу привычки, «голос стал употребляться обыкновенно как только те же ощущения, или чувствования появлялись вновь, при совершенно различных условиях или в слабейшей степени».

Здесь мы имеем такую схему возникновения издавания звуков: 1) возбуждение нервн. системы и звуковой рефлекс; 2) повторение и привычка; 3) сознательная утилизация этого проводника. Другие выразительные дви-

жестов, выражающих те или иные переживания, сначала бывают преднамеренными актами: жесты молитвы (складывание рук и поднятие глаз кверху), жесты приветствия, (снимание шапки, пожимание руки, реверанс), хорошие манеры и т. д. Этим жестам обучают, для своего выполнения в первые разы они требуют внимания и сознания; позже, после ряда повторений, такие жесты (двигат.-мимич. проводники) становятся привычными и совершаются бессознательно, машинально [1]).

Сказанное уясняет, что по способу возникновения и физические и символические проводники делятся: 1) *на возникшие и возникающие сознательно*, 2) *на возникшие и возникающие бессознательно. Каждый из проводников, возникших одним из указанных способов, в дальнейшем может рядом лиц применяться сознательно, другими бессознательно, в одних случаях человек будет пользоваться ими целеполагательно, в других помимо воли и даже вопреки ей.*

жения возникли иначе: «Ряд выразительных движений» совершался сначала произвольно, для определенной цели, чтобы избежать опасности, освободиться от чего либо неприятного или удовлетворить какому либо желанию» Потом уже, в силу привычки, они могли сделаться рефлекторными, бессознательными. Схема: 1) сознательное возникновение; 2) повторение; 3) бессознат. шаблон, рефлекс.

См. *Дарвин:* О выражении ощущений у человека и животных. Спб. 1899, 32, 42, 176—8.

Однако, Дарвин, как впрочем и сам он сознается (см. 149 стр.), здесь пользуется множеством терминов, совершенно неопределенных. Поэтому весьма трудно точно уяснить его взгляды и удалить ряд противоречий из его положений.

[1]) Теория о двояком—сознательном и бессознательном—возникновении символических проводников разделяется *Г. Спенсером.* «Обыкновенно предполагают, пишет этот великий мыслитель, что обряды (т. е. различные символ. проводники) устанавливаются сознательно, как символы почтения или уважения. Но мнение, будто первоб. люди обдуманно заключали обществ. договоры, имеет так же мало основания, как и то, будто первоб. человек обдуманно создавал и усвоивал символы». Далее Спенсер иллюстрирует свою мысль на примере возникновения языка и письменности. «Слова составлялись невзначай, случайно, либо путем звукоподражания, либо помощью звукового воспроизведения качеств предмета. Первобычный египтянин никогда не задумывался над отысканием знака (свето-цвет. проводника. П. С.) для изображения звука; его летописи возникли подобно тому, как возникают теперь летописи северо-амер. индейцев,—путем изображения в грубом виде тех событий, память о которых он желал сохранить». Потом уже отсюда возникла письменность. Заключение: «самопроизвольно выражающиеся эмоции порождают формальные обряды». Рядом с этим Спенсер не отрицает и случаи сознательного установления обрядов (ряда символ. проводников).

См. *Спенсер:* Основ. Социологии. Т. II. 117—118. См. всю блестящую главу об «Обрядовых учреждениях». Здесь дано множество фактического материала, подтверждающего выставленные положения.

Таково вкратце решение второго из поставленных вопросов.

4. *В силу каких условий определенные переживания выражаются определенными проводниками.*

Теперь спросим себя: *почему то или иное психическое переживание выражается посредством такого, а не иного символического проводника? Почему та или иная мысль передается таким, а не иным способом? Чем обусловливается связь между характером психических переживаний и характером символических проводников, об'ективирующих первые во вне или передающих эти переживания другим индивидам?*

Исчерпывающе ответить на эти вопросы едва ли мы можем. Относительно ряда символических проводников, возникших бессознательно, затеряны вехи, указывающие на их происхождение. Но все же мы можем формулировать ряд общих положений, до известной степени объясняющих нам природу связи между определенными психическими переживаниями и внешними символами—проводниками, объективирующими эти переживания.

Три основных правила, частично относящиеся к этому вопросу, были даны Ч. Дарвином. Я не буду приводить их, в том или ином виде они войдут в формулируемые ниже принципы [1].

В качестве общих принципов, объясняющих нам связь между определенными психическими переживаниями и символическими проводниками, объективирующими последние, можно указать *пять классов условий*, а именно: 1) *целевое, намеренное изобретение ряда символических проводников, диктуемое различными осознанными и обдуманными мотивами*; 2) *условия, вытекающие из анатомо-физиологической структуры человеческаго организма, в частности, рефлекторные и инстинктивные акты и выразительные звуковые и двигательные проводники, вызываемые прямым действием возбужденной нервной системы*; 3) *условие сходства;* 4) *условие временной или пространственной смежности*; 5) *условия возникновения условного рефлекса, в частности—одновременность восприятия двух или большего числа раздражений.*

Большинство из этих условий могло бы быть сведено к последнему условию, которое, до известной степени, поглощает их, но в интересах ясности я кратко рассмотрю каждое из них отдельно.

---

[1]) См. *Дарвин:* О выражении ощущений. 14—41.

А) *Целевое изобретение символических проводников.* В ряде случаев, особенно в области науки, мы видим определенное, целевое творчество сигнальных проводников, диктуемое ясно осознанными, обдуманными соображениями. Так, в математике мы имеем ряд знаков и выражений, в роде знаков диференциала или интеграла, треугольника, синуса, косинуса, тангенса, знаков минуса, плюса, равенства, неравенства и т. д.. Аналогичное видим и в других науках, напр. „явление М.“, „факт С“., специальные термины для выражения тех или иных понятий, напр. изобретение Контом слова: „социология“, Сент-Иллером: „Экология“, термин: „капитал“ в политической экономии, определенную, латинскую номенклатуру в систематике животных и растений и т. д. Здесь всюду новые, условные термины изобретаются нарочито, чтобы обозначить новое явление, отделить его от смешения с другими, и т. п.

Такие, умышленно создаваемые символические проводники имеются и в других областях человеческой деятельности. Здесь, в каждом данном случае объяснение характера проводников приходится искать в осознанных мотивах, диктующих выбор и изобретение таких, а не иных символов-проводников для сигнализирования тех или иных психических переживаний..

В) *Символические проводники, обусловливаемые анатомо-физиологической структурой организма, в частности, инстинктивные и рефлекторные акты.*

Выше я указал, что характер и богатство актов, в том числе и выразительных движений, зависит от Action—Systeme данного организма, который, в свою очередь, обусловлен характером анатомо-физиологического строения и свойств организма.

Ряд внешних актов, сигнализирующих те или иные импульсы, предопределен строением организма и наследственно-полученными вместе с последним рефлективно-инстинктивными актами.

Не будь у человека столь удачной и совершенной организации—многие из его актов не могли бы иметь места. Мы видели выше, что анатомо-физиологическое строение парамеции предопределяет бедность ее движений: вперед, вверх и вниз—вот и все комбинации действий, которые она в состоянии выполнять. Иное мы видим у человека. Одно обладание конечностями, не говоря уже о других свойствах организма, в частности обладание таким тонким орудием, как руки, дает потенциально человеку богатые возможности для

использования их в целях сигнализации своих переживаний. И действительно, не говоря уже о глухо-немых, у первобытных народов мы видим широкую утилизацию рук для языка „жестов“. „В примитивных обществах, действительно, язык жестов. (le langage par gestes, sign-languáge) является обычным языком„ говорит Леви-Брюль, резюмируя данные Рота, Спенсера и Гиллена, Gason'a, Hagen'a, Fischer'a, Dobrizhoffer'a и др. этнографов и этнологов [1]).

„Большинство нисших обществ имеет два языка, язык слов (orale) и язык жестов“. Чтобы понять психику (mentalité) первобытных людей, нужно расшифровать движения их рук,— движения, где язык и их мысли неотделимы друг от друга. Отсюда смелое выражение, но выражение весьма знаменательное, о „ручных понятиях“ („consepts manuels“). Прогресс цивилизации есть продукт взаимного влияния руки на интеллект и интеллекта на руку“. Ручные жесты кладут ясный отпечаток на всю психику первоб. людей [2]).

Не будь соответственной анатомо-физиологической конструкции организма, не было бы рук, а при их отсутствии не могло бы быть и языка жестов. То же применимо и к речи. Не будь такого устройства гортани и соответствующих частей организма, которые дают человеку возможность издавать звуки и разнообразить до бесконечности их характер, не могли бы возникнуть и звуковые проводники. То же применимо и к другим проводникам.

Но анатомо-физиологическое строение организма обусловливает характер проводников, в особенности звуко-двигательных, и в более узком смысле. Как известно, пчелы, муравьи, шмели, ласточки, бобры и др. животные совершают ряд весьма сложных движений, в виде постройки сот, муравейника, гнезда, плотин и т. д. Временами эти акты виртуозно-тонки и сложны. Когда то думали, что такие акты совершаются ими сознательно. Теперь не думают так: современная био-психология выяснила, что все эти акты совершаются ими рефлекторно-инстинктивно, без всякого участия сознания или разума; они наследственно передаются вместе с организмом и представляют одно из свойств анатомо-физиологической структуры последнего [3]).

---

[1]) *Levy-Brühl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris 1912. 175 и сл.

[2]) *Levy-Brühl:* Op. cit. 149.

[3]) См. подробно у *Вагнера*: Биологич. осн. сравн. психологии. Т. I и II, а также Нов. идеи в биологии». Сб. № 6 «Био-психология.

Хотя у человека, с ростом умственных или разумных способностей, инстинкты постепенно разрушаются, однако, наличность наследственно-полученных рефлексов и инстинктов (напр., полового, голода, самозащиты)—несомненна. В силу этого ряд движений, в том числе и выразительных актов, частью прямо, частью косвенно предопределены наследственно полученными рефлексами и инстинктами.

Ряд мимически-двигательных проводников, сигнализирующих переживания отвращения, (жесты отталкивания и надлежащие выражения лица,) гнева, страдания и боли, ужаса, ярости, страха, удивления, любопытства, презрения и т. д. предопределены наследственно-полученными рефлексами и инстинктами [1]).

Это значит, что *ряд перечисленных переживаний сигнализируется такими, а не иными звуковыми и двигательно-мимическими проводниками* (напр. боль—стонами, криками, корчами и „страдательным выражением лица", страх—дрожью мускулов и побледнением, радость—смехом и улыбкой и т д.) *в силу того, что такова наследственно полученная, обусловливаемая строением организма, связь между этими переживаниями и сопровождающими их „внешними выражениями". Будь строение и расположение, напр., мускулов лица, иное, будь анатомическое строение челов. организма и его физиологические процессы иными, иными были бы и эти выразительные жесты, движения и звуки.* Значит, во всех подобных случаях характер выразительных движений и актов обусловлен прямой биологической конструкцией организма.

Частным случаем этого общего условия является формулированный Дарвином и Г. Спенсерон „*принцип прямого действия возбужденной нервной системы на тело, независимо от привычки*". „Когда чувствующие центры сильно возбуждены, нервная сила развивается в избытке и передается в определенных направлениях, зависящих от взаимной связи нервных клеток, в отношении мышечной системы направление зависит от движений, которые обыкновенно выполнялись" ([2]).

---

[1]) См. подробное описание «внешних выражений» этих и ряда других переживаний и соответственные фотографии у *Дарвина:* О выражении ощущений у человека и животных». М. Изд. Лепковскаго. Приводимые им фотографии лиц, выражающих эти переживания, весьма эффектны и красноречивы. См. также *Бехтерев:* «Мимика и ее биологическое значение. Вестн. Знания. 1910 г. О роли рефлексов и инстинктов в этом отношении см. *Mc. Dougall*: Основн. пробл. соц. психологии. Гл. II—V., а также *Ellwood*; Role de l'instinct dans la vie sociale. Revue intern. de sociologie. 1914 г. 313—343.

([2]) *Дарвин:* О выражении ощущений. М. Изд. Лепковского. 38.

Примером такого прямого влияния нервной системы на тело и на „выразительные движения“ может служить быстрое поседение человека при сильном нервном потрясении, сопровождаемом переживаниями страха или горя. Другим примером может быть дрожание мышц, при сильном возбуждении нервной системы, сопровождаемом переживаниями горя, страха, радости, озноба, лихорадки и т. д. [1]).

Дальнейшими примерами служат: корчи человека, стоны, крики и зубовный скрежет при сильной боли; обильное выделение пота в тех же случаях, краснение лица, расширение ноздрей и усиленное, судорожное дыхание при переживании ярости и т. д. [2]).

Здесь мы видим ряд внешних актов человека—(мимика, движения, звуки), передающих нам ряд психических переживаний.

Связь между последними и внешними актами-проводниками объясняется прямым влиянием возбужденной нервной системы на тело, влиянием, импульсивно, самопроизвольно вызывающим эти внешние выражения внутренних состояний... В данном случае функциональная связь между известными внутренними переживаниями и объектирующими их во вне „выразительными актами“ (проводниками) покоится на прямом влиянии возбужденной нервной системы на тело, влиянии, обусловливаемом биологической организацией нервн. системы и тела. Иными словами, здесь связь покоится на чисто биологических свойствах человеческого организма.

Шекспир (цитируемый Дарвином) весьма тонко изобразил эту имманентную связь сильных переживаний при возбужденной нервной системе и сопровождающих первые внешних актов. Норфольк, в „Генрихе VIII“ (акт III, сц. 2) говорит о кардинале:

„Волнением каким-то странным мозг
Его объят. То он кусает губы,
То вздрогнет вдруг, то станет неподвижно,
И устремит глаза к земле; потом
Вдруг проведет по голове рукою,

---

[1]) Я здесь имею в виду только связь внешних символических актов с теми или иными психическими переживаниями. Сказанное поэтому не следует толковать в том смысле, что я контра теории Джемса-Ланге, эмоцию и психические переживания считаю за причину, а физиологические процессы—за следствие. Это совсем другой вопрос; его нам придется подробно рассмотреть в другом месте.

[2]) См. факты у *Дарвина*: Op. cit. 38 и след.

Начнет ходить поспешно, или вновь
Останется недвижен; после сильно
Бьет в грудь себя иль возведет глаза
На небеса. Да, странных положений
Не мало он при нас переменил".

Таков первый принцип связи ряда внешних символических актов и выражаемых ими переживаний [1]). Конечно, „любопытствующие" могут итти дальше и спрашивать: а почему возбужденная нервная система вызывает именно такие, а не иные выразительные движения? На это ответим: ignoramus. Для нас достаточно, что такая связь есть; за остальным „любопытствующих" отсылаем к метафизике.

Открытие этой связи между внешними выразительными актами и внутренними переживаниями, в свою очередь, породило и порождает сознательное использование этой связи для целевой установки символических проводников. Желая символизировать боль—актеры на сцене и актеры в жизни намеренно скрежещут зубами, намеренно стонут, кричат, корчатся. Желая выказать ужас—взъерошивают „волосы дыбом", вздрагивают, желая выказать страх—дрожат и т. д.

Короче, *естественная самопроизвольная связь сильных переживаний и сопутствующих им внешних актов служит основанием для искусственного, намеренного „символизирования" дей-*

---

[1]) *Г. Спенсер* в цитированной уже главе об-обрядовых учреждениях», дает множество доказательств непроизвольного возникновения многих обрядов под влиянием ряда сильных эмоций или возбужденнаго состояния нервной системы. Так, обычай обнюхивания, как выражение взаимного уважения, возник, по его мнению, из таких явлений, как инстинктивное обнюхивание овцой ягнят в поисках своего ягненка. В силу частого повторения он у ряда первоб. народов стал способом распознавания индивидов, далее—символическим жестом привязанности, в конце концов,—жестом приветствия и уважения.

Так же самопроизвольно зародились и жесты поцелуя и объятий. Их биологические корни даны в таких явлениях, как «поцелуи» голубей, лизание коровой теленка, лизание рук собакой, и т. д.

В итоге: «из поцелуя, как естественного знака привязанности, развивается и тот поцелуй, который, как способ выражения привязанности, доставляет удовольствие тому, кого целуют, и тем склоняет его в пользу целующего. Из этого, очевидно, возникают, как части церемониала, целование ног, рук, одежды». Так же самопроизвольно возник обряд объятий. В силу строения человека, при ряде возбуждений нервн. системы, сопровождаемых переживаниями любви и привязанности, непроизвольными являются движения объятия, напр., обнимание матерью своего ребенка. И чем сильнее чувство—тем обычно сильнее объятие. Отсюда возникли символич. двигательные проводники ряда переживаний: объятие, как выражение дружбы, любви, знак покорности и т. д.

См. *Спенсер:* Основ. Социологии. 118—120 и сл.

ствительно или мнимо переживаемых состояний путем тех же внешних актов.

С. Условие сходства. Следующим принципом, отвечающим на вопрос: почему те или иные переживания „выражаются" путем таких, а не иных символов-проводников, служит психологический *принцип ассоциации по сходству.* Сущность его состоит в том, что образ или представление какого либо предмета спонтанно вызывает представление, сходное с ним целиком или сходное частично.

Портрет человека вызывает представление о самом человеке; увидев индивида, похожего на Сократа, мы вспоминаем и о самом Сократе. Представление о спиральной линии вызывает представление о штопоре. Слово „коса", в смысле волос, благодаря звуковому сходству, вызывает представление „косы", как сельско-хозяйственного инструмента, и „косы", как части берега, вдающейся в реку.

Природа многих символических проводников, передающих определенные переживания—представления, чувства, воления, *обусловлена именно этим принципом-ассоциации по сходству: ряд предметов „передаются" символическими проводниками, сходными в том или ином отношении с этими предметами или их свойствами.*

Следующие примеры разъяснят, в чем здесь дело.

Мысль осел выражается египтянами словом: „ео". Разве это слово не подражание реву осла? Звуковой символический проводник „ео", сходный с ревом осла (ассоциация по сходству), сигнализирует мысль или представление об осле. Приведем ряд других примеров: кошка (по-китайски) „мау", соловей (по-персидски) „буль-буль", муха (по-австралийски) бумбероо", барабан (по-санскритски) „дунду", флейта (по-гречески) „улюле", колокольчик (по-якасаски) „ква-ля-кваляль" и т. д. [1]) Аналогичные факты можно наблюдать и среди детского мира. Дети весьма часто „называют" вещи, бессознательно следуя тому же принципу сходства. Петух „ символизируется" ими звуками: „кукурекку", кошка —„мяу, мяу", колокол—звуками „бом-бом" и т. д.

У Кароадов Бразилии, как и у ряда др. первоб. народов „основное свойство предметов часто выражается звукоподражательными словами", говорит Powers. (См. материал у Леви-Брюля: Les fonctions mentales, 192).

Во всех этих примерах представления о ряде предметов выражены путем звуковых проводников, сходных с звуками, которые издают эти предметы.

---

[1]) Беру примеры из «Антропологии» *Тейлора.*

„Минорная музыка“ состоит из аккордов похожих на стоны, нытье, плачь, рыдание и т. д. „Мажорные“ аккорды похожи на звуки, издаваемые при веселых переживаниях. Нетрудно далее показать, что и художественные метафоры часто строятся на том же принципе сходства. „И чудится, будто весь он из стекла“. Вода блестит, „как полоса дамасской стали“. (Из „Днепра“ Гоголя). „Горькая судьбина“, „Ясное солнышко“ (обращение к человеку) „Золотой мой“ и т. д. Повсюду здесь играет роль принцип сходства.

Аналогичное можно наблюдать и в области свето-цветных проводников. Здесь ряд предметов изображается путем знаков, сходных в том или ином отношении с этими предметами. Так, солнце изображается знаком ○, треугольник—знаком △, квадрат—□; иероглифическая письменность особенно много дает таких знаков, сходных по форме с символизируемыми путем их предметами. Явления, связанные с кровью, (революция, палач и т. д.) сигнализируются красным цветом. На этом же принципе сходства покоится и ряд картин. Художник, желая передать те или иные переживания путем свето-цветных символ. проводников, не может игнорировать принцип сходства: образы, им рисуемые, должны быть сходными в том им ином отношении с тем, что он хочет сигнализировать. Иначе его картина останется непонятой.

Сама *письменность*, как свето-цветной проводник, зародилась собственно говоря из знаков, сходных с обозначаемыми ими предметами. Первобытная письменность—это ряд картин, изображающих то или иное животное, ту или иную сцену. Письменность возникла по типу летописей североамериканских индейцев,—„из изображений картин в грубом виде тех событий, память о которых они желают сохранить“, правильно говорит Спенсер; „по мере расширения процесса записывания событий, рисунки, сокращенные и обобщенные, все более и более утрачивали сходство с предметами и действиями, пока, наконец, под влиянием потребности выразить собственные имена, некоторые из этих последних стали изображать фонетически и создали т. о. знаки звуков.

В наше время мы достигли той ступени развития, когда, как доказывает это стенография, специальные знаки сознательно избираются, как символы специальных звуков“ [1]). Таким образом, сама письменность возникла на почве ассоциации сходства: первоначально письменные знаки были ри-

---

[1]) *Спенсер*. Осн. соц., т. II. 118. См. также: *Danzel*: Die Anfänge der Schrift. 1912 1—9.

сунками, сходными с изображаемыми ими предметами и событиями [1]).

То же можно сказать и о мимически-двигательных символах-проводниках. Ряд символических жестов, выражающих переживания, продиктованы тем же принципом сходства надлежащих переживаний и их внешней объективации. Отвращение к чему либо сигнализируется жестом отталкивания: руки с обращенными наружу ладонями протягиваются вперед, вся фигура человека изображает желание отстраниться от отвратительного объекта [2]). Противоположны жесты подзывания к себе кого-либо. Они состоят в движении руки к себе, с обращенными к себе ладонями рук. Поза и жесты как бы притягивают, подзывают, приближают к человеку нужное ему лицо или предмет.

Принцип сходства обнаруживается и в ряде других, более сложных символических жестов. Приведем ряд примеров. В деспотиях, как известно, простые смертные подходят к своим королям не просто, а часто ползут на животе, подражая движениям собаки. „В Тонга-Табу туземцы оказывают своему верховному вождю самое высокое уважение: они падают ниц перед ним и кладут его ногу на свои шеи“ [3]). Здесь рабская покорность выражается путем собачьих движений или путем ряда символических актов, прямо и непосредственно выражающих подчиненность: „вам незачем покорять меня—я уже покорен, всецело нахожусь в вашей власти и кладу ваши ноги на шею“, вот что говорят эти двигательно-мимические проводники. Та же рабская покорность „сигнализируется“ далее актами, прямо сходными с тем, что бывает при подлинном рабстве. В Библии читаем: „И опоясали слуги Венадада чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли к царю Израильскому“ [4]), так сигнализировалась покорность. „Перуанцы для выражения своего смирения связывали себе руки и обматывали

---

[1]) См. первоб. рисунки—они же и первичные письмен. знаки—у *Verworn'a*: Die Anfänge der Kunst. 1909. «Письменность развилась из фигуральных знаков, из пиктографических изображений». Verworn: 5.

[2]) *Дарвин:* О выражении ощущений. Изд. Лепковского 19. «Я заметил, что люди, описывая ужасное зрелище, часто на мгновение зажмуриваются или трясут головою как бы для того, чтобы не видеть или отогнать прочь нечто неприятное». См. там же другие факты.

[3]) *Спенсер:* Осн. Соц. II. 144. «В Дагоме лица, приближающиеся к королю, либо ползут как змеи, либо тащутся на коленях». Там же. 176.

[4]) 3-я Кн. Царств, XX, 32. Клиффорд в «Генрихе VI» Шекспира говорит про сдавшуюся толпу мятежников. «Войска сдались с петлей на шее, ждут они смиренно от вас решенья жизни или смерти». Ч. II, д. IV, сц. IX.

вокруг шеи веревку. Здесь добровольно налагались те узы, которые в древние времена носили пленные, приведенные с поля битвы“ [1]). Здесь принцип сходства ясен. Не менее ясен он и в ряде религиозных и простых пантомим. „Медвежьи драмы“, разыгрываемые, напр. остяками, или „мистерии“ в честь кенгуры или другого тотемического животного, разыгрываемые австралийскими негритосами, представляют ряд подражаний движениям медведя и кенгуру, изображаемых людьми [2]). Смирение выражается поклоном, падением ниц [3]), покорность—коленопреклонением или падением ниц, ограждение себя силою креста—крестным знамением, фиксирующим крест на теле человека и т. д. Переживание, что человек вбирает в себя свойства и качества другого человека „сигнализируется“ рядом дикарей обрядом буквального пожирания такого человека [4]); мысль, что данный человек победил врага, сигнализируется показыванием его скальпа; власть, желая сигнализировать смертную казнь над кем-либо, которого фактически нельзя повесить или сжечь, часто вешает и сжигает вместо человека его образ или изображение [5]). Можно указать и более сложные „обряды“, основанные на том же принципе сходства сигнализирующих жестов с теми событиями, которые сигнализируются. Так, у ряда первобытных народов, напр. у ведда Цейлона, у меланезийцев и др., право пользования определенной территорией передается другому путем буквальной передачи первым второму какого-либо материального предмета: камня, горсти земли, зуба и т. д. [6]).

„Старинная церемония ввода во владение леном производилась в Шотландии следующим образом: поверенный сюзерена наклонялся и, взявши в руку камень и пригоршню земли, вручал их поверенному нового вассала, передавая этим лен в его действительное, полное и вещественное вла-

---

[1]) *Спенсер:* Op. cit. 174. Те же двигательные символы покорности постоянно упоминаются Цезарем: sub jugum missum.

[2]) См. факты у *Levy-Bruhl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris. 1912. 262 и сл.

[3]) «И поклонился Иаков до земли семь раз, подходя к брату своему». Бытия. XXXIII, 3.

[4]) См. факты у *Спенсера*: Op. cit. 135.

[5]) То же мы наблюдали и теперь. Во время годовщины революции на площади сжигались изображения буржуазии, попов, царей и т. д. Как видим, в сигнализации переживаний мы ушли очень недалеко от средневековых инквизиторов, за неимением еретика, сжигавших его изображение.

[6]) См. *N. Ivanitzki:* Sur un mode primitif d'attestation de la personnalité collective в Archives Sociologiques (Ваксвейлера). Bulletin № 22; 348.

дение“. Афиняне символизировали подчинение персам посылкою в Персию воды и земли. Желая сигнализировать полную отдачу себя в распоряжение другого человека, люди отдают вместо целого часть тела, напр., локон волос. Так поступают данники по отношению к владыке на ост. Фиджи. Так же поступают и люди любящие друг друга [1]).

Нетрудно показать роль принципа сходства и в области *предметных символических проводников*. Возьмем для примера скипетр и державу, как предметные символы, изображающие власть императора. Мысль о том, что царь держит в своих руках все царство и землю, здесь сигнализируется шаром, сходным с землей. Обратите далее внимание, хотя бы на кокарды и значки ведомств и учебных заведений. Кокарда инженера и технолога изображает молот и топор, психоневролога—чашу с змеями мудрости; в кокарде моряка присутствует якорь, сельско-хозяйственника — серп и коса, артиллериста—пушки, лесника—ветки деревьев, в советской кокарде России фигурируют серп и молот и т. д. Без коментариев роль принципа сходства здесь ясна. Пойдем дальше и возьмем уже не кокарды, а другие ведомственные предметные символы, хотя бы одежду. Неизбежным аттрибутом военной формы является оружие (шашка, шпага, револьвер, раньше—латы, шлем, кольчуги, палаш etc), одежды духовного лица христианской религии—крест, дворянина (служилое военное сословие)—шпага, каторжника—„бубновый туз“ и т. д. В тысяче других форм—то же можно наблюдать всюду. „Убивший медведя (у шошонов) получает звание воина и только тот, кто совершит этот акт, имеет право носить высшие знаки отличия, ноги и когти своей жертвы“. Сходны с этими аттрибутами и другие аттибуты: скальпы, зубы, голова, челюсти и др. части тела убитых врагов, носимые рядом диких народов [2]).

Не буду приводить других примеров. Сказанное показывает, что связь между рядом двигательно-мимических символов и передаваемыми ими событиями покоится на принципе сходства [3]).

---

[1]) *Спенсер:* Op. cit. 138—139 и сл.

[2]) См. *Спенсер:* Op. cit. 130—132 и др.

[3]) См. множество фактов символических обрядов в области права, покоющихся на том же принципе сходства у *Chassan:* Essai sur la symbolique du droit. 1847. Passim.

Петражицкий: Теория права. Т. I. 54—57. В области военных обрядов у *Jaray:* Du formalisme au «Débrouillez-vous». Paris. 1910. В области религиозных и др. явлений у *Schlesinger'a:* Geschichte des Symbols. Berlin. 1912. Passim и особенно III-я часть.

*

Тот же принцип сходства играет роль и в более крупных предметных символах. Возьмем для примера здание храма. Загляните в учебники богослужения и там вы найдете полное разъяснение вопросов, почему архитектура храма такова, а не иная. Крестообразное очертание фундамента храма означает крест, обращение алтаря на восток—символ того, что с „востока нам свет возсия", купол храма—означает небесный купол, звезды на нем—небесные звезды, одна глава церкви, символизирует Христа, пять глав—Христа и 4-х евангелистов и т. д.

Всюду здесь мы видим связь по сходству между символом проводником и „сигнализируемыми" им событиями или переживаниями.

То же, хотя и не в столь резкой форме, можно подметить и в других зданиях, как предметных проводниках [1]).

Не останавливаясь подробнее на дальнейшем подтверждении означенной роли принципа сходства, сказанного достаточно, чтобы признать, что *связь между определенными проводниками-символами и сигнализируемыми ими событиями, предметами и переживаниями в ряде случаев действительно вызвана и обусловлена фактом сходства тех и других.*

D) Условие временной и пространственной смежности.

Дальнейшим принципом, объясняющим, почему ряд переживаний—представлений предметов, событий, тех или иных чувств, волений и т. д.—сигнализируется теми, а не иными символическими проводниками, служит принцип пространственной смежности. Для изображения многих событий, предметов и явлений, переживаемых человеком, утилизируются часто такие слова, жесты, предметы и др. проводники, которые по времени или пространству смежны с изображаемыми ими явлениями. Иными словами, именно пространственная или временная смежность символа-проводника с изображаемым им явлением служит обстоятельством, обусловливающим его применение для выражения соответственных переживаний.

Примеры разъяснят изложенное положение. Знак креста или крест в христианской религии является проводником, „сигнализирующим" и сущность христианства, и принадлежность к этому вероисповеданию, и страдание.

---

[1]) См. материал у *Schlesinger'a:* Geschichte des Symbols. 1912. Ч. III, гл. Symbolik in der Baukunst.

Если спросить себя: почему крест (в виде ли знака или предмета или крестного знамения или слова „к+р+е+с+т") сделался в христианстве символом таких явлений, то ответ будет гласить так: крест пространственно был смежен с телом распятого Христа. Образ последнего механически вызывает представление креста; святость первого в силу пространственного соприкосновения представляется сообщившейся второму.

Крест непроизвольно ассоциируется с Христом, непроизвольно „замещает" христианство, непроизвольно (в силу той же простр. близости) становится „сигналом", конкретным знаком страдания Христа, а позже и страдания вообще. Отсюда—появление креста, как символа всех этих явлений. „Он несет свой крест с терпением", „на его долю выпал тяжелый крест", часто слышим мы в жизни. (Звуковой проводник). Крест в виде знака христианской религии фигурирует в книгах, на иконах, на одежде. Крест в виде предмета (деревянный, золотой, железный) выступает и на крышах церквей, и на могилах, и на домах, и на теле человека (шейные кресты) и т. д.

Этот пример показывает, как обстоятельство *пространственной смежности* может обусловить появление того или иного символического проводника для сигнализирования или выражения тех или иных переживаний.

Это значение пространственной смежности особенно резко выступает в мире первобытных людей. Согласимся-ли мы с Леви-Брюлем в том, что мышление первобытного человека не похоже на наше и управляется законом „соучастия" (loi de participation), или не согласимся, но наблюдения над первобытными народами показывают, что пространственная или временная смежность играет большую роль среди них в этом отношении. Так, ряд наблюдателей рассказывают нам, как в Новой Гвинее портрет королевы Виктории, занесенный туда Эдельфельтом в момент, когда там разразилась эпидемия плеврита, стал для туземцев одновременно и причиной и символом плеврита. Этим объясняется, почему они потребовали уничтожения этого портрета [1]).

Близкий к этому факт рассказывает и Pechuël-Loesche [2]).

Аналогичное мы наблюдаем и в наши дни. В силу смежности двух предметов мы часто замещаем название одного

---

[1]) См. *Levy-Bruhl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris 1912. 71—72.

[2]) *Levy—Bruhl:* Ibíd. 70—71. Там же, см. др. факты.

другим: название содержимого—именем или признаком содержащего или обратно; вместо „коньяк“ часто говорят „три звездочки“, „Ласточка“, вместо „шампанского“—„редерер“, вместо „сочинений „Спенсера“ говорят просто „Спенсер“, вместо „шоколад“—„Гала-Петер“, вместо „я еду в театр“—„я еду в оперу“, вместо „Совет Депутатов“—„Смольный“, вместо „Украина—Скоропадия“, вместо „Россия—Совдепия“; такие словесные замещения предметов их частью (всегда смежной с ними) или одного предмета другим, временно или пространственно смежными с первым—постоянны в нашей речи и объясняются именно этой смежностью.

Не буду останавливаться подробнее на дальнейшей иллюстрации положения смежности. Приведенные примеры достаточно точно разъясняют выставленное положение, а затем, как сейчас мы увидим, *принцип смежности, как в значительной мере и другие три начала, поглощаются более общим законом—законом образования условных рефлексов.* Поэтому нет необходимости подробнее трактовать о роли смежности в интересующей нас сейчас проблеме: связи между определенными переживаниями и определенными символическими проводниками, объективирующими эти переживания. Все, что будет сказано о законе образования условных рефлексов, все это будет применимо и к принципу смежности.

Е. Условия возникновения условного рефлекса, в частности, одновременность восприятия двух или большего числа раздражений.

Под *условным рефлексом* разумеется не наследственная, а приобретенная при известных условиях реакция организма на определенный раздражитель. Он отличается от *безусловного рефлекса;* под последним разумеют наследственно установленные, постоянные реакции организма на то или иное раздражение среды.

Так, при раздражении пищей полости рта собаки секреторные органы последней всегда реагируют на это раздражение определенно, в форме отделения слюны. Такая реакция собаки на действие пищевого раздражителя врождена, безусловна, она наступает всегда, как только дан этот пищевой раздражитель. Связь между раздражителем в виде пищи и рефлексом слюноотделения безусловна. Поэтому и рефлекс школой Павлова назван безусловным. Иное представляет, напр., раздражение звуком или светом. Эти раздражители не вызывают слюноотделения. Следовательно, связь между

ними и рефлексом слюноотделения не врожденна, не наследственна. Нормально такие раздражители являются для реакции слюноотделения раздражителями индиферентными, не вызывающими, в отличие от пищевого раздражителя, выделения слюны. Однако, при известных условиях и эти индиферентные раздражители могут вызывать реакцию слюноотделения, иными словами, может установиться условная, временная связь между данными раздражителями и организмом, который на действие первых будет реагировать условным рефлексом слюноотделения [1]).

Спрашивается, при каких же условиях организм собаки начинает реагировать слюноотделением на такие, напр., индиферентные раздражители, как звук или свет? Иначе, как устанавливается условный рефлекс? Опыты Павлова, Бехтерева, их учеников, как и ряда американских био-психологов, выяснили этот вопрос весьма точно.

„*Всякий раз, как какой-нибудь индиферентный раздражитель* (в данном случае звук или свет П. С.). *совпадает во времени с действием раздражителя* (в данном примере пищевого, П. С.), *вызывающего определенный*, (безусловный) *рефлекс* (в данном случае реакцию слюноотделения: П. С.), *то после одного или нескольких таких совпадений, он сам—этот индиферетный раздражитель, — вызывает тот же рефлекторный эффект*“ [2]).

Таков закон образования условных рефлексов. Так, если *одновременно* с кормлением собаки мы будем зажигать электрическую лампочку, след., одновременно будут действовать пищевой—(безусловный) и световой (индиферентный) раздражители, то после нескольких повторений достаточно будет зажигать одну электрическую лампочку, чтобы вызвать у собаки рефлекс слюноотделения. В силу одновременного действия индиферентного с неиндиферентным раздражите-

---

[1]) См. обусловных и безусловных рефлексах (терминология школы Павлова). *Павлов:* Настоящая физиология головного мозга. *Зеленый:* Психические реакции животных, как объект естествознания. Природа. 1913. Октябрь. *Его же.* Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9. *Бехтерев.* Общ. осн. рефлексологии.

[2]) *Павлов* Ibid. «Природа»: 1917. Январь 31. *Бехтерев* и его школа условные рефлексы называют сочетательными. «Сущность образования сочетательных рефлексов заключается в том, что, если с основным раздражением вызывающим обыкновенный (т. е. безусловный по терминологии Павлова П. С.) рефлекс, совпадает или ему несколько предшествует другое раздражение, неспособное вызывать рефлекса, то после нескольких повторений вышеуказанный рефлекс вызывается не только обычным для него раздражителем, но и сочетаемым с ним первоначально индиферентным для него внешним раздражением». *Бехтерев*: Общ. осн. рефлексологии. 86.

лем, первый становится „условным" раздражителем и начинает вызывать тот же рефлекс, что и безусловный раздражитель. Свет связывается с последним и теряет свой характер индиферентности. Вместо света можно таким раздражителем сделать и звук. Если одновременно с поступлением пищи в рот производить последний (напр. звонить в колокольчик), то после ряда повторений один звук будет вызывать у собаки ту же реакцию слюноотделения. Вместо света и звука можно брат и любой индиферентный раздражитель. Итог получится тот же самый. Далее, можно комбинировать сами эти условные раздражители. Когда, напр.-„воспитан" условный рефлекс слюноотделения на свет, то звоня в колокольчик одновременно со светом, можно образовать новый условный рефлекс на почве старого условного же рефлекса. „Одновременное действие на животное двух раздражителей ведет к одновременному возбуждению нервов—зрительного (при зажигании лампочки) и слюноотделительного, что в свою очередь ведет к образованию между ними связи. Связь эта такого рода, что в дальнейшем возбуждение (опред. характера) одного только зрительного нерва ведет так же к возбуждению слюнного центра, а это последнее, передаваясь в слюнную железу, вызывает слюноотделение" [1]). Таков механизм условных (ассоциативных) рефлексов. Множество опытов было произведено рядом исследователей и над другими животными и всюду этот механизм образования условных рефлексов находил подтверждение.

Отметим далее факт „угасания" условного рефлекса, отличающий его от безусловного. „*Главное свойство условного рефлекса — способность исчезать в том случае, если мы будем повторно его вызывать, не сопровождая тем безусловным реф лексом, на почве которого он возник.* Предположим, напр, что мы сделали определенный звук возбудителем слюнного условного рефлекса, раздражая им собаку одновременно с вливанием ей в полость рта соляной кислоты (Безусловный раздражитель). Будем теперь многократно повторять этот звук, но при этом не вливать кислоту. При первом испытании звук вызовет сравнительно значительное слюноотделение, при втором — меньшее, при третьем — еще меньшее и т. д. до полного исчезновения рефлекса. Употребляя принятый в лаборатории Павлова термин, условный рефлекс „угасает" [2]).

---

[1]) *Зеленый*: Психич. реакции животных. Природа. 1913. Октябрь.

[2]) *Зеленый*: Соврем. биология и психология. Нов. ид. в фил. Сб. № 9. 61—62.

То же самое применимо и к человеку. Зеленый отчасти прав, говоря: „Не есть ли вся жизнь человека появление и угасание ряда рефлексов, вызываемых множеством космических, биологических и социальных раздражителей. Педагоги, обучая детей, с физиологической точки зрения, занимаются ничем иным, как образованием у них ассоциативных реакций“ [1]).

„Как известно, дитя успокаивается, как только губы его коснутся груди матери и оно начинаеть сосать (безусловный рефлекс); впоследствии же его успокаивает уж одно приближение к нему матери“ [2]). Таков простой пример образования условного (сочетательного по терминологии Бехтерева) рефлекса в мире людей: одновременное действие раздражителя в виде груди матери, прикасающейся к губам ребенка, и образа матери—сочетаются и в итоге одного появления и приближения матери достаточно для успокоения ребенка.

Примеров таких условных рефлексов в поведении человека можно привести сколько угодно. „Допустим, что человек однажды был испуган накинувшейся на него собакой. Он испытал при этом эмоциональную реакцию, сопровождающуюся сильным сердцебиением, и этого достаточно, чтобы вслед затем один лай собаки (т. е. раздражение, одновременно действовавшее с нападением и видом собаки. П. С.), вызывал у него приступы сердцебиения. В другом случае человек испытал тошноту, взяв в рот испорченное мясо, издававшее зловонный запах. (Здесь дано одновременное действие безусловного раздражитель в виде испорченного зловонного мяса, вызывающего рефлекс тошноты, с раздражителем условным, в виде зрительного восприятия мяса, П. С.). Потом уже одного вида мяса достаточно, чтобы вызвать явления тошноты“ [3]).

После сказанного легко понять, что наше поведение „полно“ условными рефлексами. Обильное выделение слюны и сосание под ложечкой при звуке тарелок в столовой, бег детей в класс при звуке звонка, открывание двери или подход к телефонному аппарату при том же звуковом раздражителе, совершение крестного знамени верующими при ударе церковного колокола, вытягивание солдата во фронт при встрече с генералом, отдание военными чести при встрече друг с другом, пожимание руки при встрече с знакомыми,

---

[1]) *Зеленый.* Психич. реакции животных.
[2]) *Бехтерев*: Op. cit. 86.
[3]) *Бехтерев*: Op. cit. 87.

коленопреклонение публики в церкви при выходе даров, вставание публики в суде при словах суд. пристава: „Суд идет", и т. д., короче множество наших актов представляет не что иное, как ряд условных рефлексов, образовавшихся тем же путем, как и описанные выше условные рефлексы.

Таково их понятие и механизм образования.

Я позволил себе сравнительно подробно остановиться на них потому, что в интересующей нас сейчас проблеме закон их образования имеет громадное значение. К нему, до известной степени, сводятся все три формулированные выше положения.

Этим я хочу сказать, что *связь между рядом переживаний и объективирующих их во вне символических проводников во множестве случаев объясняется теми же обстоятельствами, которые обусловливают собой возникновение условных рефлексов.*

Как видно из предыдущего при образовании условных рефлексов имеет значение следующее обстоятельство: *одновременное действие двух или большего числа раздражителей*, из которых *один* должен быть *безусловным раздражителем*, т. е. должен вызывать определенный рефлекс (напр. пищевой раздражитель и рефлекс слюноотделения), обусловливаемый всем анатомо-физиологическим строением организма. Но его место может заступить и готовый уже условный рефлекс, ибо новый условный рефлекс может быть воспитан на старом условном рефлексе, (напр. звуковой на световом, то же условном). Вот это-то условие и объясняет нам, почему во множестве случаев ряд переживаний сигнализируется такими, а не иными проводниками (словами, жестами, рисунками и т. д.) Это условие является общим случаем, частичными видами которого являются и условие сходства, и условие смежности, рассмотренные выше.

Мы видели, напр., что ряд названий осла, флейты, соловья и т. д., представляет подражание тем звукам, которые данными предметами издаются. После сказанного будет понятно, почему такие звукоподражательные названия появились: зрительный образ осла, соловья и др. предметов воспринимался *одновременно* со слуховым раздражением, исходящим от данных предметов. Эти звуки сочетались с надлежащим зрительным образом. Каждый раз, когда нужно было обозначить эти предметы, звуковые сигналы, похожие на звуки, издаваемые этими предметами, и служили простейшим средством для этого.

Не требует больших комментариев и подведение связи по смежности под закон образования условных рефлексов.

То, что смежно, обычно воспринимается одновременно (крест и распятый Христос). При таком одновременном восприятии смежных предметов в ряде случаев символ одного предмета может служить заместителем другого.

Приведем несколько фактов, указывающих на роль, которую играют условия образования временных рефлексов в возникновении символических проводников, передающих психические переживания тех или иных событий, процессов, предметов etc.

Ряд звуковых символов-проводников возник именно так, как возникают условные рефлексы. „Никто не сомневается, что речь возникает из примитивных звуков, называемых междометиями, как: „ох, ах, ух, ой, ай, гм, нну, увы" и проч., говорит Бехтерев, но эти звуки первично представляют собою обыкновенные звуковые рефлексы, происходящие при определенных нормальных и болезненных состояниях и состояниях большой усталости. Воспроизведение этих-то рефлексов при известных условиях и образует примитивную символическую речь, состоящую из сочетательных звуковых рефлексов, в виде междометий, из которых затем развивается членораздельная человеческая речь" [1]).

Возьмем в качестве других примеров такие слова, как „жук, жужжать, камыш, шелест, гром, звон, аукать", и т. д. Все эти символические звуковые проводники опять таки выражают такие явления, составной частью которых служат звуки, воспринимавшиеся *одновременно* с этими явлениями, звуки, воспроизводимые этими словами.

Обратимся к мимическим проводникам. И здесь для объективирования ряда переживаний служат такие мимические движения, которые воспроизводят движения, переживавшиеся и воспринимавшиеся при известных душевных состояниях.

Когда нам весело, мы смеемся и улыбаемся, когда печальны—плачем (слезы); эта одновременность известных переживаний и их внешних проявлений в итоге обусловила выражение радости„ беззаботным смехом", горя—„слезами" и т. д.

Чтобы не уйти далеко в сторону я ограничусь более подробным рассмотрением образования слов (звуковых символов) и жестов там, где условия наиболее ясны и просты, а именно среди примитивных народов. Все сказанное об этих символ. проводниках с соответственными изменениями будет применимо и к другим проводникам.

---

[1]) *Бехтерев:* Ibid. 86—87.

Все исследователи языка первобытных народов в один голос утверждают: 1) что „языки низших обществ всегда выражают их идеи объектов и действий так, как эти предметы и события воспринимаются глазами и органами слуха"; 2) что в силу этого здесь нет слов и жестов для выражения идей и переживаний абстрактных, а есть слова и жесты только для передачи абсолютно-конкретных, единичных вещей и событий; отсюда—богатство первобытного языка существительными, предлогами и глаголами; 3) что здесь весь язык представляет картинное воспроизведение, как бы рисунок, предмета или события. Поэтому в большом употреблении и хорошо развит язык жестов [1]).

Эти положения для нас важны. Они, как сейчас увидим, служат доказательством того, что двигательные знаки и слова возникли именно согласно закону образования условных рефлексов.

Начнем анализ с такого факта. Parkinson сообщает, что у туземцев архипелага Бисмарка нет слов для родовых явлений; напр., нет слов для выражения того или иного цвета—черного, белого и т. д. „Цвет всегда указывается следующим образом: сравнивают предмет с другим, цвет которого вообще принимается за тип. Говорят, напр., это вида или цвета ворона. Одного термина для обозначения черного цвета вообще нет. А есть ряд терминов для обозначения этого цвета. „Так слово kotkot (вòрон) служит для обозначения „черный". Все то, что черно, в частности блестяще черно, называется этим словом kotkot (вóрон); в других случаях употребляется для обозначения „черный" термин toworo, обозначающий обугленные орехи алеритов; далее термин luluba, что значит черная грязь в болотах, dep—обозначающй черную обгорелую смолу дерева канари (l'arbre canari). Все эти слова служат для обозначения черного цвета: так же обстоит дело и для всех других цветов: белого, зеленого, красного, голубого и т. д." [2]).

Вдумаемся немного в этот факт. Что значит, что „черное" выражается словом „вòрон", или словом „обугленный орех". Почему именно эти, а не иные слова употребляются для выражения понятия „черноты"? Это значит, что признак черноты воспринимался одновременно с восприятием „ворона" или „черного обугленного ореха". Иными словами „ворон" и „чернота" воспринимались одновременно. Отсюда

---

[1]) См. *Levy-Brühl:* Les fonctions mentales. 175 и сл. Здесь недурно обоснованы эти положения и приведено много фактического, хорошо проанализированного материала.

[2]) *Parkinson:* Dreissig Jahre in der Südsee, p. 143—145. Цитирую по указ. книге Леви-Брюля. 191 стр.

вывод: для обозначения черноты стал употребляться термин „ворон“, или термин „черная грязь болот “ именно потому, что чернота воспринималась вместе с вороном и черной грязью. Как видим, данный факт прямо подтверждает роль и значение одновременного действия раздражителей, на почве которого возникают условные рефлексы. Он говорит о том, что мало развитая психика *имеет склонность выражать переживания того или иного явления, свойства или предмета посредством терминов, которые обозначают предмет, явление или свойство, воспринимавшееся одновременно с данным свойством или явлением.* Черное воспринималось вместе с вороном, болотной грязью; отсюда термины „ворон“, „болотная грязь“ для обозначения черноты.

Из этого примера видна вся важность этого условия—*одновременности* восприятия нескольких явлений, предметов или свойств.

Весь язык первобытных людей, еще не способных абстрагировать, переполнен такими фактами. Они говорят нам, как и почему в ряде случаев определенные переживания (представления предметов, явлений, действий и т. д.) символизируются такими, а не иными словами. В языках примитивных людей еще ясно сохранилась роль, которую играет одновременное восприятие двух или большого числа раздражений в деле сигнализирования душевных переживаний.

Возьмем другой пример. Как я уже сказал, у примитивных групп, на ряду с речью, весьма сильно развит и постоянно практикуется „язык знаков“, язык двигательно-мимических проводников, подобный языку глухонемых. „Если речь их описывает и рисует в самых мельчайщих деталях положения, движения, расстояния, формы и контуры, то язык жестов целиком состоит из таких средств выражения“, говорит Леви-Брюль [1]).

„Этот язык жестов, описывает Рот, представляет реальное и живое единство; не отдельный изолированный жест, а сложный более или менее длинный комплекс жестов, нераздельно взятых, выражает полный смысл двигательной фразы. Вне этого комплекса отдельный жест непонятен. Так, жест „бумеранг“ может выражать не только идею самого предмета, но в то же время, смотря по „контексту“, идею убить кого-либо им или его сделать, или его украсть и т.д.“ [2]).

„С другой стороны, „идеограммы“, служащие для обозначения существ, объектов, актов, представляют почти всегда

---

[1]) *Levy-Bruhl:* Op. cit. 180.

[2]) Roth: Ethnological Studies; цитирую по Леви-Брюлю. 180.

исключительно моторно-двигательные описания (descriptions motrices). Они воспроизводят или положения, или знакомые движения существ (четвероногих, птиц, рыб etc.), или движения, употребляемые для того, чтобы овладеть ими, использовать предмет, сфабриковать его... Напр., для обозначения *дикобраза* жесты руки описывают с точностью его любопытную манеру раскапывать землю и отбрасывать ее в сторону, его иглы, его манеру выпрямлять и подымать свои уши. Чтобы обозначить *воду*, „идеограмма" жестов показывает, как ее пьют туземцы, как опи зачерпывают ее в руку. Для выражения „*ошейник*" обе рули охватывают шею, подобно ошейнику; этот жест сопровождается жестом завязывания ошейника сзади и т. д." [1]).

Из этих фактов видно, как вначале символизировались те или иные переживания. Они ясно говорят, что *представления ряда предметов* (дикобраза, воды, ошейника) *сигнализируются жестами, подражающими тем движениям и свойствам этих предметов, которые были восприняты одновременно восприятием этих предметов.* Образ дикобраза был воспринят одновременно с его ощетиниванием или раскапыванием последним земли, восприятие воды сопровождалось одновременно с ее зачерпыванием рукой и т. д., поэтому понятие дикобраза сигнализируется жестами, изображающими ощетинивание, вода сигнализируется жестом ее зачерпывания и питья, ошейник—жестом сжимания руками шеи и т. д.

Этим же принципом объясняется и та черта первобытных языков, что здесь есть термины только для конкретных, единичных предметов или действий и нет терминов общих. Дикарь не говорит „черное", не говорит „сосна—вообще" или „походка—вообще", а черное он изображает терминами „ворон", „грязь"; место „сосны--вообще" занимают термины: „та сосна", „такая-то сосна"; вместо „походки—вообще" он говорит: „походка маленького человека, члены которого двигаются быстро во время ходьбы", „походка с шатанием и колебанием, как у слабого человека", „походка человека с длинными ногами, который забрасывает их вперед" и т. д. до тридцати трех и больше наречий для „изображения" одного термина „походки" [2]).

Chamberlain приводит итоги прямого наблюденія у народа kitonaga, живущего в Британской Колумбии, итоги чрезвычайно показательные в этом отношении. *Вишня прерий* называется у них agketlmak. Тем же именем они окрестили

[1]) *Levy-Brühl:* Op. cit. 180—181.
[2]) См. *Westermann:* Grammatik der Ewesprache, цит. Леви-Брюлем. 184—185.

ряд плодов, введенных европейцами, напр., сливу, персики и др., в силу того, что все они характеризуются наличностью косточек внутри фрукта, (par rapport au noyau, qui caractérise tous ces fruits). Плоды розового куста прерий (Rosa pisocarpa) у них называется goltwa. „То же имя они дали яблоку, персику, сливе, груше, томату в силу красноватой округлости (rotondité rougeátre) всех этих фруктов. Апельсин они назвали gowitlka goltwa, т. е. большой „плод розового дерева". Муку они назвали kammugtlu amak, т. е. „белый ил" ("белая земля"), ассоциировав субстанцию муки с белым илом берегов, озер и рек. Точно также термином „солнца" они назвали „часы" (сходство часового лица с обычным изображением солнца, тот и другой измерители времени). Именем колыбели (berceau) они назвали и clóture, (ограда, забор) и entrave (путы, повязки, пеленки) [1]).

Эти факты не требуют комментариев: настолько ясна здесь роль исследуемого нами условия.

Во всех этих примерах, взятых из языка звуков и жестов первобытных людей, как и в сотне других тождественных фактов [2]), чрезвычайно ясно выступает исследуемая нами роль одновременности восприятия двух раздражений в определении характера сигналов, для сигнализации тех или иных переживаний.

В языке более развитых народов роль этого условия не так заметна. Здесь уже появились абстракции, наслоения и т. д. Однако и здесь в метафорах и поэтических образах влияние условия одновременности двух или бо̀льшего числа раздражений на характер сигнальных проводников ясна. Возьмите для примера такие выражения, как „полынь" для обозначения горя, „туча черная"—для обозначения тоски, „зорюшка ясная" для сигнализации ясного, светлого настроения, „безоблачно и светло было на душе", „то-то режет мне слух", „от того-то коробит меня" и т. д. В происхождении всех этих примеров, как и в сотне других, не трудно констатировать влияние очерчиваемого условия одновременности восприятия нескольких раздражений. В силу того, что горечь воспринималась одновременно с полынью, полынь стала сигнальным проводником горечи, а потом и горя и т. д.

Аналогичные факты мы наблюдаем на наших глазах. Так, значения существ, объектов, актов, представляют почти всегда

---

[1]) См. *Chamberain:* L'association des idées chez un peuple primitife. Bull. et Mem. de la Société d'Antrop. de Paris. 1909. № 2. 132—134.

[2]) См. факты у Леви Брюля. Гл. IV. 151—203.

с изображаемыми им героями „дна“, последних стали называть „героями Горького“; в силу того, что последние ездят больше на товаро-пассажирских поездах, эти поезда получили прозвище „Максим Горький“. Так как многие из новоиспеченных комиссаров пьянствовали (одновременное восприятие пьяного человека и комиссара), то появился термин „накомиссариться“, т. е. быть пьяным. В силу тех же условий возник термин „викжелять“ и т. д.

Все сказанное о звуковых и двигательно-мимических проводниках применимо и к другим видам проводников. Ограничиваюсь приведенными фактами. Они достаточно четко поясняют и подкрепляют выставленные положения. Кто хочет бо̀льшего материала, тот, учитывая сказанное, найдет его в изобилии в цитированных работах.

Резюмирую. Мы поставили вопрос: *почему, в силу каких условий такие-то переживания сигнализируются посредством таких, а не иных проводников и ответили на этот вопрос так: 1) ряд связей между многими переживаниями и символическими проводниками пока нам не известен, не расшифрован. 2) ряд символов-проводников созданы целеполагательно, с определенными нарочитыми целями, 3) ряд переживаний выражается путем тех, а не иных проводников в силу того, что такая сигнализация наследственна, рефлекторна, инстинктивна; 4) частным случаем этого факта является условие прямого влияния нервной системы на „выразительные движения“. 5) Дальнейшими важными условиями в этом отношении являются: а) условие сходства переживаемого явления или предмета и сигнализирующего его символ. проводника; б) условие пространственной или временной смежности, с) обстоятельства образования условных рефлексов, в частности, одновременное восприятие двух или большего числа раздражений,—условия, до известной степени абсорбирующие и условие сходства, и условие смежности.* Таков краткий ответ на поставленный вопрос.

5. *Рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания.*

Теперь спросим себя: влияют ли проводники сами по себе на поведение человека? Раз появившись, оказывают ли они, так сказать, в силу собственных свойств, то или иное влияние на поведение и, особенно, на психические переживания людей?

Этот вопрос приходится ставить и решать потому, что, как увидим сейчас, не коснувшись его, мы рискуем многое

не понять ни в поведении людей, ни в явлениях взаимодействия, ни в т. н. социальных фактах и процессах.

Ответ на этот вопрос будет положительный. Он гласит: *проводники, в особенности символические проводники, не только сами зависят от поведения и психических переживаний людей, но, раз возникнув, оказывают громадное рикошетное влияние и на психику индивидов, участвующих во взаимодействии.*

Постараюсь кратко доказать и разъяснить этот тезис, при чем более подробно остановлюсь на рикошетном влиянии проводников на психические переживания людей.

А) *Общее рикошетное влияние.*

Прежде всего проводники обусловливают поведение и психику людей, так сказать, *механически*. Это в особенности имеет значение в применении к *предметным* проводникам. Мы видели выше, как в процессе взаимодействия ряд переживаний человека и его акты (работа, действие, труд) частью механически, частью сознательно приводят к возникновению множества предметных проводников. Эти предметные проводники, накопляясь из года в год, из поколения в поколение, образуют собою то, что называется „материальной культурой“ (См. выше). Вот *эта-то материальная культура, представляющая совокупность проводников, механически, просто в силу своего существования, обусловливает собой поведение и переживания людей.* Факты.

„Социальная жизнь, (читай: явления взаимодействия. П. С.), которая таким образом как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах (читай—в проводниках), тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и *начинает воздействовать на нас извне*, говорит Дюркгейм. Пути сообщения, которые построены были раньше нас, придают ходу наших дел определенное направление, позволяя нам сообщаться с той или иной страной. Вкус ребенка формируется, приходя в соприкосновение с памятниками национального вкуса, заветами предыдущих поколений. Иногда даже мы видим, что такие памятники (проводники. П. С.) в течение долгих веков предаются забвению. Затем в то время, когда воздвигшие их нации уже давно погасли, они снова показываются на свет божий и снова начинают свое существование в среде нового общества. Это и является характерной чертой того очень редкого явления, которое носит название Возрождения. Возрождение означает, что социальная жизнь после того, как она долгое время была как бы упакована и пребывала в скрытом состоянии, вдруг пробуждается, меняет интеллектуальные и моральные точки зрения наро-

дов, которые сами не содействовали ее выработке. *Сознания этих народов чувствовали бы и думали совсем иначе, если бы это воздействие не совершилось.* То же самое может быть применено и к тем определенным формулам, в которых заключаются догматы веры, или положения права, *когда они фиксируются во вне, в какой нибудь священной форме* (в форме к.-н. проводников. П. С.).

Юридические отношения совсем не одинаковы в тех случаях, когда имеется *писанное право*, и в тех случаях, когда его нет. Там, где существует выработанный кодекс, юриспруденция более урегулирована, но менее гибка, законодательство более стройно, но и более неподвижно. Материальные формы, в которые оно облекается, нельзя, поэтому, считать чисто словесными сочетаниями не имеющими никакого значения, это — действующие реальности, что доказывается теми результатами, которые бы отсутствовали, если бы этих реальностей (проводников П. С.). не существовало“ [1]).

В этой цитате из Дюркгейма в общих чертах достаточно рельефно выделено рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания людей. Проводники, созданные в процессе взаимодействия, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм жизни, и оказывают на нас свое влияние. Выражаясь туманным языком Зиммеля можно сказать: „вещи (созданные человеком) не абсолютно покорны нашим целям. Каждый объективный дух (читай — проводник) обладает своей логикой. С той минуты, как исключительно силой нашей внутренней самочинности, уже созданы первые начала права, искусства и нравов, мы уже выпускаем из рук всю дальнейшую нить их развития в отдельные объективные образования. Так, техника, послушная своей логике, развивает утонченность за утонченностью. Вся чрезмерность специализации, столь тягостная теперь во всех отраслях труда и все растущая под демоническим гнетом собственной закономерности труда, представляет собой опять таки частный случай всеобщего рока элементов культуры: объекты (проводники) имеют свою логику развития, уклоняющую их от совпадения с личным развитием человеческой души“ [2]).

---

[1]) *Дюркгейм*: Самоубийство. Изд. Карбасникова. 1912. 426—427.

[2]) *Зиммель*: Понятие и трагедия культуры. Логос. 1911—12. 15—21. Этот факт констатирован и субъективным опытом великих людей. „Когда из общего правильного принципа выводишь следствия, писал *Гельмгольц*, то постоянно наталкиваешься на поразительные результаты, которых ты не предполагая. И. т. к. следствия развиваются не по произволу автора, а по своему

Совокупность проводников, в силу их существования, механически обусловливают наше поведение и переживания: мы вынуждены двигаться по тем путям сообщения, которые создались без нас, жить среди зданий города или деревни, выделенных в виде коралловых рифов предыдущими поколениями человеческих полипов, воспринимать те знаки, картины, звуки и т. д., в которых застыли переживания других людей, молиться в зданиях, созданных до нас и без нас и т. д. Окруженные со всех сторон бесконечным множеством проводников мы, подобно губке, вбираем, впитываем в себя, часто помимо нашей воли и вопреки ей, те раздражения, которые испускают из себя эти застывшие проводники. Временами, как в путях сообщения, они диктуют нам линию нашей дороги, иногда, как в жилищах, они предопределяют характер того ящика, в котором нам суждено жить, часто, сами по себе, одним своим видом (напр., старая башня, Миланский Собор, Исакий и т. д.), они уже действуют на нас, вызывают одни переживания, гасят другие и т. д.

Подойдем к этому вопросу ближе.

Возьмем для начала анализа мимически-двигательные проводники, в виде жестов. Если в ряде случаев психические переживания привели к созданию тех или иных жестов, сигнализирующих их во вне, то спрашивается: *как влияет хотя бы механическое совершение этих жестов на психику человека и влияет ли оно вообще?*

В настоящее время не может быть двух ответов на этот вопрос. Если теория Джемса-Ланге относительно взаимоотношения эмоций и физиологических процессов в ряде пунктов ошибочна, то в одном отношении она несомненна; а именно, в *признании влияния физиологических процессов на душевные переживания*. Ланге прав говоря, что психический „страх“ не объясняет, отчего люди бледнеют, дрожат и т. д. Между тем, „уничтожьте у испуганного человека все физические симптомы страха, заставьте его пульс биться покойно, верните ему твердый взгляд, здоровый цвет лица, и т. д.; что тогда останется от страха“. То же применимо и к другим эмоциям [1]). Чисто физические причины могут вызвать,

---

собственному закону, то часто я находился под таким впечатлением, как будто переписываю не свою, а чужую работу“. „После подобные замечания о собственой жизни математ. формул сделал великий Г. Герц“. *В. Оствальд*: Великие люди. СПБ. 1910. 271.

[1]) См. *Ланге:* Душевные движения. 1896. Изд. Павленкова. 57 и сл. Своим предшественником Джемс - Ланге имели *Де-Ламетри*, чрезвычайно резко подчеркнувшего зависимость душевных явлений от физиологич. процессов. См. его «Человек—Машина». СПБ. 1911. 62 и сл.

*

изменить и угасить эмоции: вино вызывает веселье, гашиш—необузданность, мухоморы—ярость, рвотный камень—угнетение, те же эффекты могут иметь болезни вазо-моторной системы и т. д. Отсюда определение эмоций: как более или менее неясного сознания (спутника) о вазо-моторных явлениях, происходящих в организме; и определение Джемса, гласящее: „телесные изменения непосредственно следуют за восприятием возбуждающего факта и наше чувствование тех же самых изменений в то время, как они происходят, есть эмоция“ [1]). Отсюда их выводы: человек смеется не потому, что ему весело, а потому ему весело, что он смеется; человек плачет не потому, что ему грустно, а ему грустно потому, что он плачет и т. д.

Если не всегда [2]), то в ряде случаев такие, казалось бы, парадоксальные положения правильны. В применении к нашему вопросу они гласят: *механическое воспроизведение двигательно мимических (жестов) и звуковых проводников (звуков), сигнализирующих определенные переживания, часто имеет рикошетное влияние на психику, вызывая, укрепляя и угашая соответственные переживания.* Часто достаточно рассмеяться, чтобы вызвать „веселое“ настроение; достаточно принять грустную позу, чтобы создать „грустное“ настроение; достаточно воспроизвести акты и мимику гнева, чтобы придти в ярость. В ряде случаев теория Джемса—Ланге действительно правильна. Как говорит Fastrez: „положение, слова, акты имеют не прямое, но реальное и глубокое влияние на нашу манеру мыслить, чувствовать, хотеть“ [3]). Это положение признано множеством авторов: „Акты, которыми объективируются известные чувства (sentimenti), укрепляют их и могут

---

[1]) *Ланге:* Op. cit. 20 и сл. *Джемс;* статья в Minde, за 1884 г.

[2]) *Морган,* конечно, прав, указывая на то, что в такой абсолютной форме эта теория неприемлема. Ряд животных при чувствовании одной и той же эмоции, напр., страха, проделывают самые разнообразные движения: бежат, летят, притворяются мертвыми и т. д., что не могло бы быть, если бы эмоции были только отраженной тенью телесных процессов. И обратно, одно и то же «выражение» эмоции (один и тот же акт). может соединяться с различными эмоциональными состояниями». Олень опускает рога и в состоянии полового возбуждения, и в «отчаянии», при преследовании собак и т. д.

Морган: Привычка и инстинкт. 187—193 и сл. Но отсюда не следует, что данные положения теории Джемса-Ланге совершенно ошибочны или сколько-нибудь похожи на те пародии, которые создали критики этой теории, пародии, в роде: мы не потому покупаем зонтик, что боимся промокнуть, а мы боимся промокнуть потому, что покупаем зонтик!! Для таких пародий теория не дает ни малейших оснований.

[3]) См. *Fastrez:* Les rites militaires в Bulletin mensuel Ваксвейлера. № 11, 1911 г. 167.

вызвать последние, когда они отсутствуют, говорит Парето. Общеизвестен психологический факт, что если определенная эмоция обнаруживается путем определенного физического состояния, то может случиться, что лицо, ставящее себя с эти физическия условия, тем самым вызовет в себе соответственные эмоции“ [1]).

Payot в своей книге: „Education de la volonté“ пишет: „Наиболее глубокие психологи - практики, занимавшиеся воспитанием чувств, как Игнатий Лойола и Паскаль, рекомендуют внешние акты веры, как лучшие средства для поставления души в соответственное религиозно—аффективное состояние. Известно, что в состоянии гипнотического сна, принятие пациентом соответственной позы является всемогущим средством для вызова в нем соответственной эмоции. Какова бы ни была эмоция (passion), которую хотят внушить пациенту, когда мускулы необходимые для этой эмоции приведены в действие (sont mis en jeu), эмоция сама собой появляется. Dugald Steward рассказывает, как Burke уверял, что часто гнев зажигался в нем по мере того, как он воспроизводил внешние знаки этого аффекта. Разве собаки, не только молодые, но и старые, играя борющиеся друг с другом, не начинают в конце концов сердиться не на шутку? Разве смех и слезы не заразительны? Китайский церемониал, предназначенный для того, чтобы укрепить идею авторитета, разве не был сознательно изобретен Конфуцием, который, как и Лойола, был убежден, что жесты укрепляют и усиливают соответственные чувства? Разве католическая торжественность, с ее церемониалом, основанным на глубоком знании психологии, не пригодна для того, чтобы производить сильнейшее впечатление на души, даже мало верующие?“ [2]).

Точно также *Waynbaum* доказывает, что механический акт смеха увеличивает нашу субъективную веселость. „Если думают о чем либо веселом и если не хотят дать свободу веселому настроению, то обычно воздерживаются от смеха, чтобы не усилить свое веселое настроение. Можно иметь идею радости, не желая ее развивать или выражать. В таких случаях, чтобы ее атрофировать, делают отчаянные усилия, чтобы не рассмеяться. Это отлично доказывает, что механический или физический акт смеха, когда радостная эмоция уже существует, увеличивает и питает радость“ [3]).

---

[1]) *Pareto:* Trattato di sociologia generale. T. I. 556. 1916 г.
[2]) См. *Payot:* Education de la volonté. 61—62 и всю III гл. Paris. 1907.
[3]) *Waynbaum:* La Phisionomie humaine, 62.

То же говорит и *Paul Levy* в своей книге: L'education de la volonté, (стр. 95—96).

„Мы печальны? Песенка, которую мы сначала будем напевать против сердца, незаметным образом возбудит в нас переживание радости. Очень часто наиболее действенное, что мы можем сделать, чтобы трансформировать себя, это поставить себя в условия, которые нас принуждали бы приобрести известные привычки. Важно только начать, остальное само приложится. Неважно, любим ли мы то, что делаем. Важно делать, а кончим мы тем, что полюбим дело". „Между идеей и ее физическим выражением существует постоянная и столь интимная связь, что нельзя влиять на одного из них, не влияя на другого. Выполняемый акт рикошетом укрепляет произведшую его идею. Пусть симулируют внешний перевод идеи и идея, как бы слаба она ни была до того момента, проснется, укрепится и примет определенные очертания" [1]).

Таких фактов можно привести множество. В частности многие из актеров, механически повторяя символические жесты героев (напр., короля Лира), кончают тем, что и в самом деле начинают испытывать соответственные переживания [2]).

Из этих фактов следует, что *двигательно-мимические проводники (жесты) оказывают в ряде случаев сильнейшее рикошетное влияние на психику: повторяя механически эти жесты или принимая механически соответственную позу, мы можем вызвать и укрепить соответствующие им переживания. Принимая противоположную позу или выполняя противоположные определенным переживаниям жесты, мы можем атрофировать, „загасить", „подавить" эти последние.*

---

[1]) *P. Levy:* L'education de la volonté, 95—96. 87.

[2]) К тому же разряду фактов принадлежит психическая деформация, связанная с выполнением определенной профессии (т. е. с совершением определенных актов). «Продолжительное выполнение известной профессии, говорит Langerock, создает в индивиде деформацию его психики, в частности, деформацию в здоровой оценке значения его деятельности в социальном труде группы, к которой он принадлежит» Она создает вид профессиональной идиосинкразии, появляющейся помимо сознания. В итоге ее создаются профессиональные психологические типы солдата, матроса, монаха, преступника, судьи и вырабатывается l'esprit de corps.

См. *Langerock:* Professionalism: a study in professional deformation. Amer. journ. of Sociology. T. XXI. 30—44.

У *Д. Лондона* есть характерный рассказ на эту тему. Молодой буржуазный социолог систематически перевоплощается в зависимости от того, когда и где он находится. Когда он живет в «обществе», он мыслит буржуазно, отрицает социализм и защищает интересы капитала. Когда делается рабочим, в целях лучшего изучения вопросов труда, он помимо своей воли становится социалистом и защитником интересов труда. Рассказ был напечатан в «Летописи», если не ошибаюсь, за 1916 г.

Таков вывод в применении к двигательно-мимическим проводникам. То же применимо и к другим проводникам—звуковым, предметным и т. д. Человек, выступающий в определенной общественной роли, напр. в роли жреца, вождя, судьи, облачаясь в свою символическую одежду, надевая на себя соответственные аттрибуты (напр., судейскую цепь, священное облачение, парадный мундир и т. д.), окруженный предметными проводниками (обстановка храма, судебного зала, парламента и т. д.), часто совершенно трансформируется и перестает походить на самого себя, каким он бывает в частной жизни, вне этих аттрибутов.

Губернатор, король, жрец, комиссар имеют одно „я" в частной жизни и трансформируются в совершенно нового человека—и по манерам, и жестам, и голосу, и переживаниям, отличного от первого „я",—когда они находятся „при исполнении своих служебных обязанностей". В первом случае они бывают просты, вежливы, искренни, сердечны, во втором—появляется важное лицо, властные движения, чопорность, напыщенность; сентиментализм и мягкость заменяются формализмом, сухостью и порой бессердечной жестокостью. В летописи судов известны случаи, где человек, бесжалостно выносящий самые суровые приговоры, беспощадно обрекавший свои жертвы на смерть, на пытки, придя домой, избавившись от влияния символических проводников, снявши знаки судейского достоинства, часто плакал горячими слезами над бессердечностью судей; рвал на себе волосы и кончал с собой [1]). Как простой смертный он был милосерд, но как только надевал свои „символы"—он, помимо своей воли, в силу магического влияния символ. проводников, изменялся. „Fiat justitia et pereat mundus"—такой становилась его психология в последнем случае.

Из истории мы знаем ряд подобных фактов. Робеспьер, как известно, был главным вдохновителем террора. При исполнени своих оффициальных обязанностей он был беспощаден. В частной жизни он был сентиментальнейшим и чувствительнейшим человеком, плакавшим над романами Бернардэна Сен-Пьера.

С этой точки зрения не случайным является факт установления культа, обрядов, слов, форм одежды и т. д., фигу-

---

[1]) См. психологию таких судей в «Пятой язве» *Ремизова*. «Судья перестает быть человеком, пока он сидит на судейском стуле». «Он—не погрешающий орган законодательства, он — язык, но не он разум, не он воля разум—закон». *Герцен*:

Собр. сочинений. Ред. Лемке. т. V. 27.

рирующих во всех сферах общественвой жизни—в области религии, права, военной, педагогической, политической, и т. д.

Возьмем для примера предметный символ—проводник, в виде мундира. Гюйо прав, говоря: „не только профессия, но и сам мундир имеет важное гипнотическое могущество и не без основания законодатели всегда придавали громадное значение мундиру и форменной одежде. Не простое ребячество побудило их установить форму. Одежда, правда, не делает монаха, но уважение к монашеской одежде много значит в поведении монаха“ [1]).

„Лицо, одетое в форму, замечается; оно принимает, так сказать, манеры, соответствующие его форме“, справедливо говорит Fastrez, „Идея уважения, говорит он же, которое в военной сфере должно оказываться по адресу высшего начальника, породила акты уважения: приветствие, отдание чести. В силу обратного действия, акты уважения укрепляют идею уважения. Мы все знаем, что если лицо высшего ранга требует, чтобы мы держались на почтительном расстоянии, и если мы приближаемся к нему с соблюдением определенного церемониала, то мы бессознательно начинаем уважать его. Обратный эффект вызывает акт, выполняемый небрежно. Отдание чести, совершаемое небрежно, почет, оказываемый без усердия, ослабляет и саму идею почета и уважения. Как говорит П. Симон: Внешние знаки уважения и почета являются несомненно могущественными средствами внушения, которые запечатлевают уважение в организме. Начальники всех степеней не имеют лучшего средства укрепить свой авторитет, как требовать, чтобы им оказывали все знаки почета, присвоенные им по закону. Отказываясь от них они рискуют породить фамильярность и мало по малу подорвать уважение, почет и подчинение со стороны подчиненных“ [2]),

После сказанного не будет парадоксом положение: перемените у ряда индивидов форму, лишите их внешних символических знаков—погон, мундира, шпаги, креста, медалей и т. д.—и вы перемените их психику. Сколько лиц—политических заключенных—чувствовали эту перемену переживаний, когда на них надевали арестантский бушлат. Сколько военных генералов, офицеров „мгновенно перерождались“, когда с них срывали погоны и одевали их в штатскую одежду. Оголите деспота—и вы сделаете его жалким и простым смертным. Окружите, оденьте простого смертного пышными зна-

---

[1]) *Гюйо*: Education et hérédité. 28.

[2]) Fastrez: Op cit. 167-11-12.

ками достоинства—и перед вами родится властный, самоуверенный, гордый самодур или властелин.

То же применимо и к звуковым символам. Возьмите для примера титулы: „Ваше сиятельство", „Ваше превосходительство" и т. д. [1]).

Сколько людей „перерождалось духовно", получив титул „Его превосходительства", „графа" или „князя". Как много простых смертных начинали себя чувствовать иначе, после того, как они становились „гофмейстерами" или „губернаторами". Как приятно ласкал слух многих чиновников титул: „Ваше Превосходительство", почтительно произносимый швейцаром—психологом.

Не буду приводить других фактов.

На основании сказанного мы можем спокойно ответить на поставленный вопрос: „*да, символические проводники оказывают рикошетное влияние на психические переживания.*

Но сказанным это влияние не исчерпывается. Оно более значительно, чем кажется с первого взгляда. Постараюсь кратко показать, в чем здесь дело

В) Фетишизация проводников и рикошетное влияние проводников-фетишей.

Говоря это, я разумею явления *фетишизации символических проводников.* Возьмем для примера стяг полка или красный флаг. Это, по своей природе, простой предметно-цветовой проводник: кусок материи, прикрепленный к палке. Но, фигурия долго в качестве эмблемы полка, его чести и достоинства, или в качестве эмблемы революции,—ее ценности, святости и т. д.—он непроизвольно начинает казаться чем то самоценным, святым и самодовлеющим. Вначале флаг сам по себе бесценен. Но, часто выступая в роли символа, он как бы „впитывает", „вбирает в себя", ценность тех переживаний, символическим проводником коих он является; он становится самоценностью, самодостаточным фетишем. В нем перестают видеть просто тряпку, а начинают приписывать ему, как таковому, особую ценность. Это подтверждается тем, что люди умирают за флаг—на поле сражения, на баррикаде, умирают, чтобы не отдать его врагу [2]). В психике людей исчезает мысль, что флаг сам по себе — ничто, что его ценность—производная ценность. Эта мысль невольно замещается другой, состоящей в приписывании флагу само-

---

[1]) См. материал у *Спенсера*: Осн. соц. т. II гл. VIII: Титулы.

[2]) «На вопрос: «Что такое знамя?» французский солдат отвечает: «Знамя это то, за что разбивают головы».

Fastrez: Les rites militairs. 167—3.

ценности. Короче говоря, *флаг, как и всякий символический проводник, при частом фигурировании в роли эмблемы, становится самодостаточным и самодовольным фетишем.* В такой роли он гипнотизирует людей, решительным образом деформирует их психику. Люди готовы и умирать, и убивать за флаг [1]). И это наблюдается не только среди диких народов, но и среди современных. Пойдите для опыта в заседание Петроградского Совета Депутатов и попробуйте, ничего не говоря, сорвать флаг и начать его разрывать, и вы убедитесь в правильности сказанного: если вас самих не разорвут, то можно ручаться, что вы попадете в руки «чрезвычайки» и не скоро из этих рук выйдете, (а может быть и совсем не выйдете). *Этот процесс фетишизации символических проводников наблюдается во всех сферах общественной жизни и на всех ея ступенях, меняются только объекты — фетиши.* Один фетишизирует портрет царя, другой — портрет Ленина, австралиец—кусок дерева, социал-демократ—портрет Маркса; верующий—имя святого, революционер—имя „интерционала". Suum quique.

Фетишизировались и фетишизируются и предметные, и двигательно—мимические, и звуковые, и свето—цветные и другие символические проводники.

Примером фетишизации «*предметных проводников*» могут служить: обоготворение в религии кусков дерева (австралийские чуринги), камней, скал, растений, животных (тотемические животные, почитание быков, крокодилов, ибисов в Египте и т. д), предметов, в роде флага, знамени, гербов, «судебных зерцал», орденов, амулетов, мундиров («честь мундира»), икон, крестов, статуи Мадонны, папской туфли, мощей и бесчисленного множества всяких «реликвий» во всех областях жизни.

Фетишизм товара и денег, указанный Марксом, есть только частный случай общего закона фетишизации всех проводников [2]).

Примером фетишизированных *мимически-двигательных* проводников могут служить жесты и акты: крестного знамения,

---

[1]) Вспомним проблему офицерских погон нашего времени. Фетишизация погон заставляла одних убивать, других—умирать за погоны.

[2]) *Зиммель.* Понятие и трагедия культуры. 20. «Фетишизм товара, которым Маркс характеризует хозяйственные объекты в эпоху товарного производства, есть лишь частный мофидицированный случай общей судьбы нашей культуры».

коленопреклонения, отдания чести, салютования знамени [1]), парадов, принятия позы „во фронт“, присяги, клятвы, обряды посвящения (в рыцари, в духовный сан и т. д.) „таинства“ брака (венчания), миропомазания, причащения и т. д.

Если бы эти и сотни подобных двигательно-мимических обрядов не фетишизировались, им не приписывалась бы магическая сила (напр., жесту крестного знамени, присяге и т. д). за неисполнение их не карали бы, не посылали бы на смерть или в тюрьму, не приписывали бы определенным обрядам способность передавать особую благодать или вызывать гром, дождь, засухи и т. д. (обряды посвящения, существующие во всех группах, начиная с первобытных и кончая современными) и т. д. На каждом шагу и теперь мы можем наблюдать, как верующий, осеняя себя крестным знамением, искренно убежден, что этим актом он ограждает себя от всех нечистых сил. В катехизисе читаем, что обрядами посвящения посвящаемому в священники передается власть и право „вязать и отпускать грехи“. История уголовного права полна примерами, где лиц, нарушивших присягу, отправляли на тот свет и т. д.

Еще резче и яснее выступает это фетишизирование жестов и актов-обряда в глубокой древности. Здесь „церемониал“ гораздо более развит и более формален. В средние века „на отказ исполнить требуемые обрядности смотрели, как на мятеж. О таитянах мы читаем, что почти каждый шаг их в жизни связан с обрядами... До какой степени в уме жителей Сандвичевых островов идеи о проступке ассоциируются

---

[1]) *Fastrez:* Op. cit. *167.* Salut au drapeau a la plus grande puissance de suggestion. Le drapeau, qu'une compagnie d'escorte, avec la musique, est allée prendre chez le chef de corps, est présenté au régiment rassemblé. Les clairons sonnent: Au drapeau. La musique joue l'air national... C'est. un rite expressif, qui fait vibrer le sentiment patriotique, et exalte l'esprit de corps... Puis, quand la sonnerie vibrante retentira, chacun, frémissant d'emotion. cherchera la vision de soie glorieuse et le Drapeau, symbole désormais compris de tous, accomplira ce prodige que lui seul est capable de réaliser: deux mille hommes, au méme instant, ayant la même pensée, et ce même serment montant de tous les coeurs sur toutes les lévres: Nous jurons de ne jamais t'abandonner, de te suivre partout, et de donner, s'il le faut, notre vie pour toi.

Не менее верно Fastrez описывает фетишистическую психологию других военных, двигательно-мимических проводников или обрядов, напр., «вставание во фронт». «Это обряд повиновения, уважения. Унтер-офицер это чувствует: недовольный позой подчиненного и с целью аргументирования, он в конце концов напоминает свой авторитет словами: «Во фронт, солдат»! Такая сцена обычна. Вставание «во фронт», («смирно») становится символом, материальным выражением дисциплины».

Ibid. 167

с понятием о нарушении правил церемониала, доказывается следующим постановлением: „кто произведет шум в день табу, тот да будет предан смерти... Правила св. Колумбана гласили: „Кто не произнесет amen или benedicite, кто станет разговаривать во время еды, кто забудет перекрестить ложку или фонарь, когда его зажигает младший брат, тот да будет подвергнут шести или двенадцати ударам плети“ [1]). А вот еще более красноречивые факты В Уганда сановник, не отдавший поклона или „выставивший на один дюйм свою голую ногу в то время, когда должно сидеть скорчившись или завязавший свое твиди противно правилам, наказуется смертной казнью“. У китайцев, сиамцев, японцев и множества других народов мы встречаем ту же фетишизацию обрядов [2]).

То же явление фетишизации на каждом шагу можно встретить и в применении *к звуковым проводникам*—словам и их комплексу. Определенные слова, фигурируя часто в роли символического проводника, неразрывно связываются с сигнализируемыми ими переживаниями, как бы впитывают в себя свойства последних, и в итоге становятся всемогущими и самоценными фетишами. Им начинают приписывать магическую силу, временами столь значительную, что в ряде религий, напр., в веддийской (брахман), в Авесте и почти во всех исторических религиях, слову (брахман) приписывают силу, управляющую не только явлениями природы, но и волею богов.

Чем иным, как не фетишизированными звуками являются: магические *формулы заклинания, заговоры и молитвы.*

Им приписывается самодостаточная магическая сила. Верили и верят, что достаточно произнести определенные слова, чтобы вызвать желаемый эффект. Слово, как слово, начинает почитаться и уважаться.

Это явление общее в первобытных группах. Здесь „*всякому словесному выражению приписывается мистическая сила*“.

---

[1]) *Спенсер:* Осн. соц., т. II. 113—115.

[2]) См. *Спенсер:* Op. cit. 229. У него же множество аналогичн. фактов. 111—234... Много материала дает также Pareto. Имеется, говорит он склонность у человека, «в силу которой определенные предметы и акты облекаются таинственным могуществом, часто неопределенным и плохо представляемым. Проявлением его служат: магические операции, вера в амулеты, клятва, ордалии» и т. д. Амулеты употребляются: и для вызова страсти, и для лечения болезней, и для охранения себя от опасности. Платку, одежде или мощам святого приписывается чудодейственная сила. См. у него же др. факты.

Pareto: Trattato di Sociologia generale. т. I. 487 и сл.

„Отсюда следует, что факт произнесения слова не может быть явлением безразличным: одного факта произнесения слова достаточно, чтобы вызвать или уничтожить грандиозные и важные явления“[1]). Отсюда—запрет произносить опред. слова женщинам и детям; отсюда существование „секретного языка“ в первобытных группах, открываемого лишь посвященным, и множество других правил, касающихся употребления слов.

„На охоте нужно остерегаться произносить имя животных; на рыбной ловле—имя рыб“... „У жителей Малайских островов большое количество слов подлежат запрету в применении к королю: нельзя о нем говорить, что он ест, спит, сидит, существует... Когда король умер—нельзя произносить его имени“, и т. д.

„То, что доказывает ценность и мистическое могущество слов, как слов, это чрезвычайно распространенный обычай употребления при религиозных и магических церемониях песен и формул, смысл которых потерян и непонятен, как слушателям, так и тем, кто их произносит“[2]). Такие магические формулы обычны среди первобытных групп.

Отсюда станет понятным, почему произнесение слова или имени начинает казаться тождественным с вызовом того явления или существа, имя которого произносится, почему, напр., определенным числам приписывается ряд свойств (счастливые и несчастливые дни)[3]), почему из за имени могут быть споры, выростающие в большие общественные события. Вспомним хотя бы историю возникновения раскола и роль, которую сыграло здесь имя Христа („Iисус“ и „Исус“), вспомним совсем недавний спор на Афоне, перешедший в войну „монахов“ „имяславцев“ с монахами, „христославцами“.

Разве возможны были бы акты добровольной готовности умереть за имя „Исус“—с одной стороны, и отправить других людей на костер за то же имя—с другой (сожжение и самосожжение раскольников), если бы имя не превращалось в фетиш? Разве возможно было бы появление и существование „заклинаний“, „заговоров“, „молитв“, если бы не

---

[1]) *Levy-Brühl:* Op. cit. 199 и сл. 8

[2]) *Levy-Brühl:* Ibid. 202—204. B. *Spenser and Gillen:* The norther n tribe of central Australia. London. 1904. 286, 462, 460, 606. и др.

[3]) См. множество любопытных фактов относительно магического влияния чисел у *Pareto:* Op. cit. 504 и сл. Il nome puo essere vincolato alle cosi senza motivo sperimentale, misteriosamente». Примером его могут служить мистическое соединение определенных явлений с определенными числами. Такими фактами служат мистическая теория чисел пифагорейцев, роль числа 3 в религиозных догматах (триединство бога и т. д.) См. также: *Levy-Brülh:* Op. cit. 235—257. Puissance mistique des nombres.

было того же фетишизирования звуков? Разве и теперь, на каждом шагу, мы не наблюдаем ту же фетишизацию слов, в разной степени? Издевательство над чьим-нибудь именем воспринимается нами, как издевательство над самим предметом, обозначаемым им. Произнесение ряда звуков, называемых „неприличными“ (напр., матерщина, „непристойные песни“ и т. д.), карается уголовным законом и вызывает общественную реакцию... Произнесение звуков: „долой царя“!—в прошлом, а теперь: „долой советскую власть“! навлекало и навлекает весьма тяжкие кары, вплоть до расстрела [1]).

Больше того: фетишизация слова сказывается и в том, что часто бывает достаточно разным явлениям дать одно имя, чтобы эти явления стали рассматриваться, как что-то единое. Достаточно какой-либо абстракции дать имя, чтобы она стала объективной реальностью для многих. Парето прав, говоря: „Высшая степень персонификации существует там, где дается имя абстракции, однообразию, чувству и таким образом последние трансформируются в объективных индивидов. Затем персонификация прогрессирует, превращается в антропоморфизм. Присоединяя к таким персонификациям признаки пола—ее делают еще более конкретной. Такие персонификации рождаются в сознании сами собой, помимо участия сознания“. „Язык есть лучшее средство для подобных персонификаций и часто достаточно дать имя аггрегату абстракций, чтобы трансформировать его в объективную реальность“ [2]). На этой почве возник антропоморфизм. Фетишизированием же слов объясняется появление и существование таких божеств, напр. в Риме, как боги и богини: Fortuna, Victoria, Aequitas, Bonus Eventus, Concordia, Copia, Disciplina, Fama, Felicitas, Fides publica, Gloria, Honos, Juventus, Libertas, Mens, Pax, Fietas, Prosperitas, Providentia, Salus Generis Humani, Sanctitas, Virtus“ [3]). Парето прав, когда говорит, что подобная фетишизация персонифицированных словом абстракций продолжается и поныне. Как римляне персонифицировали путем имени ряд абстракций, так же персонифицируются теперь новые божества: Progresso, Democrazia, Pacifismo,

---

[1]) См. ряд процессов, оканчивавшихся смертной казнью за произнесение аналогичных фраз во время франц. революции 1789 г.
«Революц. трибунал.» Изд. Былое. 122 и сл.

[2]) *Pareto:* Op. cit. т. I. 545—46.

[3]) См. *Toutain:* Les cultes païens dans l'emp. rom., т. I, 415—416, «Если мы исключим двух богинь—Fortuna и Victoria,—остальные абстрактные божества, имена которых мы открыли в документах эпиграфических суть следующие», и далее Toutain перечисляет приведенные в тексте имена.

Patriotismo, Socialismo, Интернационал и т. п. [1]) множество других „сущностей“.

Не буду приводить других примеров фетишизации звуковых проводников.

Все сказанное о предыдущих проводниках применимо и ко всем остальным (свето-цветным и т. д.) символическим проводникам, вплоть до фетишизации людей. Надругательство над изображением святого верующим воспринимается, как кощунство; оно вело и ведет, как известно, к актам геройства, самопожертвования, вплоть до готовности умереть за это изображение.

Свето-цветной проводник стал фетишем. Такое же фетишизирование свето-цветн. проводников можно встретить и среди атеистов-социалистов. Разорвать портрет Маркса перед глазами социал-демократа, портрет Ленина—в собрании коммунистов, значит совершить кощунство с их точки зрения. Факт фетишизации проводников однороден в том и другом случае; различны только формы [2]).

Все сказанное применимо и *к людям*-символическим проводникам. Фетишизация их—факт общеизвестный, существующий с первых времен жизни человечества до наших дней. Выступая часто в роли символа-проводника определенных переживаний, человек становится фетишем, живым божеством, всемогущим властелином. В нем как бы теряется все обычно человеческое; в глазах людей он становится богом.

Такое фетишизирование людей обычно в древних обществах: Вот его образчик. Зулусы обращаются к королю с гимном: „О Pedsuln! царь царей, царь небес. Что сильные земли в присутствии нашего великого царя! Что становится с си-

---

[1]) См. *Pareto:* Op. cit. 546 и сл. См. у него же другие тождеств. факты. Passim. т. I.

[2]) В этом отношении прав *Парето* говоря, что сущность явления, как в этих, так и в других подобных случаях тождественна. «Культ христианской религии теперь пал, но зато возрос культ святых социалистов, святых гуманитаристов, и особенно культ бога—Государства и бога—Народа. Нет разницы по существу между праздником в честь католического святого и праздником в честь Руссо, устроенным французами, на который Франция ассигновала 30,000 лир. Конечно, для гуманитариста католический святой—мошенник (birba), а Руссо—исключительный человек; для католика же наоборот. Но эта-то противоположность оценок и доказывает тождество психологии и чувств обоих. Церковные процессии пали, но зато возросли кортежи, манифестации, демонстрации. Энтузиазм христианской религии заменился энтузиазмом «социализма», «гуманитаризма», «патриотизма», «национализма», религией Dio-Popolo, и т. д.

Pareto: Trattato di sociologia generale. T. II. 247.

лой лесов перед великим Слоном! Своим хоботом он отсекает ветви деревьев. Его дыхание на лице врагов, как огонь, падающий на высохшую землю. Враги пожираются огнем пред лицом царя царей. Будучи сам отцом огня он подымается в небесную лазурь; он посылает свои молнии в облака и принуждает дождь спуститься с них. Горы, леса и вы, зеленеющие поля! Услышьте голос сына Маггобана, царя неба!“ [1]) Ново-Зеландские туземцы обращаются к своему вождю со словами: „приди к нам, бог“!

Такие явления в древности обычны. Они не исчезли и позже; изменились только формы. Культ римских императоров, культ „непогрешимого папы“ (даже такого, как Борджиа), культ королей, „не могущих желать вреда народу“, культ императоров „благочестивейших, самодержавнейших, великих, христианских, христолюбивейших“ и т. д.—все это явления однородные—явления фетишизации людей. Существуют они под иной формой и в наше время и не только среди реакционеров, но и среди революционеров и социалистов“ [2]).

Все вышесказанное делает несомненным факт фетишизаии цсимволических проводников.

---

[1]) *М. Ковалевский:* Социология, т. II. 194—195. См. там же другие аналог. факты.

[2]) Беру в качестве примера передовую статью «Красной газеты» 1919 г. № 57. Вот что мы там читаем по поводу приезда Ленина в Петроград. «Вождь вождей, духовный отец и действенный основатель Третьего Интернационала—среди нас... Товарищ Ленин! Кто может спокойно произнести это имя? Одни дрожат в бессильной злобе и ненависти. Другие в безграничной любви и преданности» и т. д.

Стоит прочесть множество *коммунистических приветствий вождям,—Ленину, Троцкому, Зиновьеву,—чтобы воочию видеть, как совершается* на наших глазах фетишизация людей самыми крайними социалистами.

Наши коммунисты в этом отношении не представляют исключения. Вот что пишет *R. Michels*, в своей известной работе о политических партиях: «В 1864 г. жители рейнской области встречали Лассаля, как бога. Когда Fasci, эти первые организации сельских рабочих, образовались в Италии, мужчины и женщины имели почти сверхестественную веру в вождей движения. Смешивая по своей наивности социальный вопрос с религиозными обрядами, они в их манифестациях часто несли крест рядом с красным знаменем и с флагами, на которых были написаны изречения Маркса. В Голландии уважаемый Domela Nieuwenhuis, выйдя из тюрьмы, получил почести, которых никогда не удостоивался суверен. Предметом идололатрии служил на севере Франции марксистский пророк Жюль Гэд. То же наблюдается и в Англии. Обожание вождей сохраняется и после их смерти. Наиболее великие из них канонизируются (sanctifiés). Даже К Маркс не избег этой участи социалистического канонизирования и фанатическое рвение, с которым некоторые марксисты защищают его в наше время, чрезвычайно близко к идолопоклонству.

R. Michels: Les partis politiques, Paris. 43—46.

Теперь *легко понять огромное, рикошетное влияние их на психику и поведение человека.* Одного факта фетишизации их достаточно было бы для утвердительного ответа на поставленный нами вопрос. Мудрено ли поэтому, что символ. проводники могут праведника сделать злодеем, верующего—неверующим, „Иван Ивановича, который и мухи не обидит",—беспощадным инквизитором, сентиментального Робеспьера—безудержным террористом, слабого и ничтожного человечка—властным, неограниченным деспотом, слабого—сильным, кроткого—необузданным и т. д. и т. д.

Таков вкратце ответ на поставленный выше вопрос.

Явление взаимодействия состоит из трех элементов: индивидов, их актов, и *проводников.*

Из всего сказанного о последних вытекает их важность, их значение и их роль в явлениях взаимодействия. Тезис, утверждавший важность проводников, выставленный в начале их анализа, едва ли может подлежать сомнению.

На этом мы и закончим сравнительно беглый анализ элементов взаимодействия.

Из всего сказанного следует: *Раз явление взаимодействия состоит из этих трех элементов, то всякое общественное явление, представляющее комплекс явлений взаимодействия, тем самым должно содержать все указанные элементы.*

ГЛАВА V.

Классификация форм взаимодействия.

В предыдущем мы в основных чертах охарактеризовали основные элементы системы взаимодействия: 1) индивидов, 2) их акты, 3) проводников взаимодействия. Теперь мы можем перейти к изучению основных видов и форм последнего.

Подобно тому, как анатом или гистолог, давши анатомию клетки, переходит к описанию видов и форм клеток, так и мы теперь можем спросить себя: каковы основные виды взаимодействия?

Конкретных форм взаимодействия весьма много: взаимодействие взрослого и ребенка, жертвы и преступника, начальника и подчиненного, мужа и жены, предпринимателя, и рабочего, и т. д.—все это различные виды взаимодействия. В социальной действительности таких различных форм—бесчисленное множество. Описывать их всех—нет никакой возможности. Отсюда естественным является вопрос: нельзя ли это конкретное безграничное многообразие подвести под ряд немногочисленных, доступных обозрению категорий? Нельзя ли выделить если не все, то хотя бы основные виды взаимодействия?

Желание это законно. Больше того: оно в той или иной степени должно быть удовлетворено.

Как и всякое явление—факты взаимодействия можно классифицировать разно, в зависимости от критерия классификации. В нижеследующем, в целях разностороннего освещения явления, я попытаюсь дать различные классификации взаимодействия.

Согласно с элементами взаимодействия можно классифировать виды взаимодействия в зависимости: *1) от количества и качества взаимодействующих индивидов; 2) в зависимости от характера актов и 3) в зависимости от характера проводников.*

§ 1. Виды взаимодействия в зависимости от индивидов.

I. В зависимости от количества индивидов.

В зависимости от *количества* индивидов можно различать случаи взаимодействия: 1) *между двумя индивидами,* 2) *одним и многими* (лектор и аудитория, актер и зрители, вождь и солдаты etc.), 3) *между многими индивидами с той и другой стороны или между двумя группами индивидов* (схватка полка с полком, взаимодействие профессиональных групп, государств, наций и т. д.).

С количественной стороны все процессы взаимодействия входят в одну из этих групп.

Легко видеть, что типы взаимодействия второй и третий могут быть разложены на ряд взаимодействий первого типа, т. е. на множество взаимодействий одного с одним. Комбинируя и слагая каждую пару таких взаимодействий, со всеми их свойствами, мы можем получить любую форму взаимодействия второго и третьего типа.

Это деление имеет не только формальное значение. Количество взаимодействующих индивидов, независимо от их качества, само является весьма важным условием, придающим ряд свойств процессу взаимодействия и играющим, как увидим в свое время [1]), колоссальную роль в явлениях общественной жизни и поведения людей [2]). Взаимодействие двух резко отличается от взаимодействия трех, от общения одного и многих и одной группы с другой группой. Каждый из этих процессов, даже при предпосылке качественной однородности индивидов, будет иметь свои специфические черты, не имеющиеся в других процессах взаимодействия.

II. В зависимости от качества индивидов.

В зависимости от качества индивидов процессы взаимодействия распадаются на самые различные виды.

Качество их имеет громадное значение для характера и свойств взаимодействия. Ross правильно отмечает тот

---

[1]) Влияние количества индивидов, в связи с плотностью и густотой населения на социальную жизнь и поведение людей, будет трактоваться в «соц. механике».

[2]) См. для примера далеко не исчерпывающие суть дела работы: *Simmel*: Soziologie. 47—133, *Coste*: Les principes d'une sociologie objective и *Его же*: L'expérience des peuples и др.

*

факт, что новейшая социология, в отличие от старой, начинает „объяснять определенные социальные группировки, оппозиции и социальные взаимоотношения прирожденными различиями индивидов“. „Первые социологи, говорит он, совершенно игнорировали качественные различия народонаселения. Конт не учитывал их совершенно. Теперь социолог, пытающийся объяснить социальные явления, поражается разнообразием реакций, несходных ответов на сходные стимулы, данные в группе. Здесь существуют контрасты набожного с ненабожным, смотрящего назад (традиционалиста) с смотрящим вперед, любителя риска с человеком, боящимся риска и т. д. Народонаселение может казаться серым лишь издали; вблизи же оно оказывается многоцветным; группируя сходных со сходными мы получаем самые различные виды контрастов и эффектов“ [1]).

В настоящее время мы имеем ряд теорий, учитывающих качественное различие индивидов и пытающихся тем или иным различием их объяснить ряд социальных явлений. Так, проф. Thomas различием *пола* объясняет многие свойства мужчин и женщин, а соответственно,—и многие социальные явления. Аммон, Лапуж, Closson и Ripley ряд свойств взаимодействия и социальных процессов выводят из различия *рас*. Brooks Adams, Patten, Giddings, Ratzenhofer и др. дают нам теории *психологических типов*, историю социальной борьбы последних и общественные явления, обусловленные преобладанием того или иного типа в истории Англии, Америки и др. стран [2]).

Не входя по существу в рассмотрение этих теорий (они составят предмет „Соц. Механики“) отметим только, что важнейшее значение имеют здесь формы взаимодействия между лицами, принадлежащими,

к: a) одной семье,	к: a′) разным семьям
b) одному государству	b′) » государствам
c) одной расе	c′) » расам
d) » языковой группе	d′) » языковым группам
e) одному полу	e′) » полам
f) » возрасту	f′) » возрастам
m) сходным по профессии, степени богатства, религии, объему прав и обязанностей, по политической партии, по научным, художественным, литературным вкусам и т. д.	m′) различных по профессии, по имущественному положению, религии, объему прав, по партии и т. д.

---

[1]) *Ross:* Foundations of sociology. 293.

[2]) См. изложение вопроса у *Ross'a:* Op. cit. 290 и сл.

Сходство или различие взаимодействующих индивидов в одном из этих отношений имеет громадное значение для характера взаимодействия [1]).

Взаимодействие между однородными единицами и по своим свойствам, и по результатам будет носить совершенно иной характер, чем между единицами разнородными [2]).

Степень однородности и разнородности, конечно, вещь относительная. Она может быть большей и меньшей. Она может быть обусловлена физическими и биологическими условиями (рост, цвет кожи, пол, возраст, степень здоровья, и т. д.), может состоять и в психо-социальных различиях (культурный и первобытно-неразвитой человек, люди высшей и низшей касты, сословия и класса, люди, говорящие на одном языке и на разных, люди одной и различных социальных групп, люди одних убеждений: религиозных, политических, научных, правовых, эстетических и т. п. и различных убеждений, словом—люди социально-сходные в большей или меньшей степени и социально несходные.

Все эти сходства и различия чрезвычайно сильно влияют на взаимоотношения индивидов, на процесс взаимодействия и на характер групп, образуемых индивидами.

Степень различия иногда, казалось бы, самая незначительная, является непреодолимым препятствием для установления социально солидарного единства. Так, напр., различие по кровному происхождению, языку и религии, как мы знаем, часто в истории, особенно на ее первичных ступенях, было одной из важных причин, вызывавших смертельную борьбу между различными индивидами.

Ряд различий часто ведет к тому, что несходных индивидов люди перестают считать подобными себе существами, поэтому и поведение их по адресу таких „чужаков" принимает совершенно иной характер, чем по адресу „своих", признаваемых подобными себе. Этот факт послужил поводом к тому, что ряд социологов стали считать социальным явлением только взаимоотношения сходных между собой индивидов: единиц, обладающих „сознанием рода" (Гиддингс), людей, эктивирующих друг с другом (Болдуин, Зво-

---

[1]) См. об этом т. II данной «Системы социологии».

[2]) *Giddings* правильно говорит: «Индивиды радуются своему сходству. Белый радуется белым, и часто испытывает неприятные чувства к черным, с которыми приходится ему вступать в контакт. Сходство в верованиях и убеждениях вызывает симпатию, несогласие и несходство—ссору» и т. д.

См. *Giddings:* Elements of Sociology. 1912. 4.

ницкая) [1]) и т. п. Ниже я покажу, что в таком понимании социального явления кроется узость, что Гиддингс переоценивает роль сходства (like—mindedness), что оно не может быть принято, но вместе с тем роль сходства и несходства индивидов такие теории подчеркивают достаточно ясно [2]).

Далее степень сходства и различия дает себя знать и в вопросах социальной солидарности, и социальной дифференциации, и в формах властвования и эксплоатации одними других, и в множестве других социальных явлений. Сложный социальный аггрегат, составленный, напр., из лиц разных рас, при прочих равных условиях, будет резко отличаться от аггрегата, составленного из индивидов одной расы. Социальная группа, состоящая из лиц одного пола (мужские и женские монастыри, Запорожская сечь и т. д.) при прочих равных условиях даст ряд явлений, которых не имеет группа, состоящая из представителей разных полов, и обратно— лишена будет ряда свойств, имеющихся у второй.

Исследование любой социальной группы требует прежде всего познания количества и качеств индивидов, ее составляющих. Вне этого—нельзя понять ни истории, ни судеб данной группы. Нельзя понять потому, что *характер и свойства взаимодействия функционально связаны с характером и свойствами взаимодействующих центров.*

Это положение близко к аксиоме: оно представляет почти очевидную истину. В самом деле, свойства и характер взаимодействия между камнями будут совершенно отличны от свойств и характера взаимодействия между организмами, напр., между двумя птицами или двумя позвоночными. Если

---

[1]) См. *Giddings:* Основы социологии и Elements of sociology. 1912, гл. 1. *Болдуин*: Духовное развитие и Interpretation, *Звоницкая:* Социальная связь. Опыт теоретической социологии. Киев, 1914.

[2]) Возьмем для примера такое различие, как цвет кожи. Известно, что в Америке он является причиной «проклятого» расового вопроса. Несмотря на все теории гуманизма, равенства и т. д., между белыми и черными в Америке и Африке, в силу различия цвета кожи, продолжает царить полная отчужденность и скрытый антагонизм. Согласно с Cromer'ом и другими исследователями этого вопроса Callaway пишет: «Белые христиане категорически отказываются общаться и дружить с черными христианами. Чем это объяснить? Чем вызвано такое различие? Это не отчужденность чистого и грязного человека, культурного и варвара; нет, основанием такого явления служит инстинктивный цветной предрассудок: (an instinctive colour prejudice). Это та инстинктивная антипатия, которая объясняет, почему простой англичанин не сядет за один стол с чистым и прекрасно одетым черным человеком» (негром).

См. *Callaway:* Colour antipathies, в The East and the West. 1910, № 1. Эта цитата отлично уясняет, какое громадное значение для социальных явлений имеют сходства и различия взаимодействующих индивидов.

в первом случае почти все взаимодействие ограничивается отношениями тяготения, то во втором—на лицо: ряд движений, совершающихся не в силу только принципов инерции и тяготения, но в силу целого ряда других условий; явления взаимных акций и реакций, в виде, напр., борьбы, или полового спаривания, или кормления детеныша и т. д. и т. д.. Истинность этой теоремы сохраняет свое значение и в более частных случаях: взаимодействие двух мужчин неизбежно будет носить во многих отношениях иной характер, чем взаимодействие мужчины и женщины, общество детей (как система взаимодействия) будет резко отличаться от общества взрослых, взаимодействие „барчука" и оборвыша даст иную картину, чем взаимоотношения двух „барчуков", отношения двух европейцев будут иными, чем отношения европейца и готтентота и т. д. *Эту теорему мы находим у Спенсера в виде положения: „характер агрегата зависит от характера единиц, его составляющих"* [1]).

Из этой общей теоремы, в качестве частного случая, вытекает положение: *Характер и свойства взаимодействия людей друг в другом функционально связаны с характером и свойствами взаимодействующих людей.*

§ 2. Виды взаимодействия в зависимости от характера актов.

В зависимости от характера актов, которыми взаимодействующие индивиды раздражают друг друга и реагируют на эти раздражения, процессы взаимодействия могут быть группируемы на сотни и тысячи способов. В нижеследующем я бегло остановлюсь лишь на нескольких подразделениях, диктуемых задачами дальнейшего анализа.

---

[1]) См. *Спенсер:* Введение в изучение социологии. гл. III. Критика, которой подвергают это положение Сигеле, Де Грееф, Тард, Гумплович и Росс, не затрагивает его существа, а касается лишь неправильных выводов из него, гласящих: 1) что *свойства* общества представляют простую *сумму* свойств составляющих его индивидов; 2) что общество поэтому может быть рассматриваемо, как увеличенная *копия* индивида.

Для всякого вдумчивого читателя совершенно ясно, что эти положения совершенно отличны от нашей теоремы и из нее не вытекают. Если уровень ртутного столбика в термометре мы назовем функцией давления атмосферы, то из этого вовсе не следует, что ртутный столбик есть копия давления атмосферы, или представляет *сумму* свойств последней. К сожалению Г. Спенсер сам отчасти виновен в том, что дает основание для такого истолкования указанной в тексте его теоремы. См. *Сигеле*: Преступная толпа. Спб. 1896 г. 1—17. Ross: Foundations of sociology. 1905. 116—148.

I. Типы взаимодействий в зависимости от актов делания и неделания.

При анализе актов было указано их разделение на акты *делания и неделания* (воздержания и терпения).

С этой точки зрения взаимодействие между двумя сторонами может дать такие формы:

1) А может что либо делать. В может отвечать на это также актами делания. А ударяет В. В отвечает ударом, бранью, бегством и др. актами делания на действия А. *Взаимодействие принимает форму обмена актами делания с той и другой стороны.* Акт-раздражитель и акт-реакция— представляют акты делания.

2) А может что либо делать. В может реагировать на это активным терпением и перенесением действий А или воздержанием от отпора актам последнего. А бьет В, В терпеливо переносит удары А. (Напр., рабовладелец и раб). *Взаимодействие принимает характер обмена актами делания, с одной стороны, и актами терпения или воздержания с другой.* „Акт-раздражитель“ — делание, „акт-реакция“ — неделание.

3) А может воздерживаться от чего либо, напр., от посягательств на жизнь В, или от доставления последнему определенной вещи (денег и др. предметов). В на это реагирует актами делания. (Напр., благодарит А за то, что он пощадил его жизнь или принуждает А отдать ему деньги). *Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания (воздержания, терпения), с первой стороны, и актами делания, с другой.* „Акт-раздражитель“ — неделание, „акт-реакция — делание.

4) А может воздерживаться от делания чего-либо. В может реагировать на это актами воздержания или терпения с своей стороны. Так, А может молчать. На его молчание В реагирует также молчанием. А воздерживается от битья В. В воздерживается от битья А.

Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания с обоих сторон. „Акт-раздражения“ и „акт-реакций“ представляют акты неделания. Таковы основные типы взаимодействия в зависимости от характера актов делания и неделания, которыми обмениваются взаимодействующие индивиды. Под эти случаи можно подвести все формы взаимо-

действия людей, рассматриваемые с точки зрения актов делания и неделания [1]).

II. Взаимодействие одностороннее и двустороннее.

Односторонним я называю такое взаимодействие, где переживания и поведение одной стороны зависят и обусловливаются другой стороной, но переживания и поведение последней не зависят от первой.

Схема одностороннего взаимодействия: „*А является раздражителем для В*; *В не является им для А*“.

Иллюстрация. Х влюблен в г-жу У, не ведающую об существовании Х-а. Х узнает, что У сегодня едет в театр. Желая видеть ее—Х едет туда же. Акт г-жи У—отправление в театр—совершается независимо от влияния и поведения Х-а, акты же последнего обусловлены поведением У: она едет и Х едет; если бы она не поехала—и Х не поехал бы.

Второй пример. Взаимоотношения арестованного „контрреволюционера“ и членов всевластной чрезвычайной комиссии. В этих взаимоотношениях, как показывают недавние факты, судьба первого всецело зависела от последних; они могли его освободить, держать в тюрьме и расстрелять; судьба же самих членов комиссии в ряде случаев совершенно не зависела от поведения и желаний их жертвы. Третий: взаимодействие Х-а, копирующего, подражающего манерам У-а при отсутствии обратного влияния Х-а на У-а. В общественных взаимоотношениях людей дано не мало таких форм одностороннего взаимодействия. Если не в абсолютном, то в относительном смысле они весьма часто выступают в явлениях подражания и властвования; в отношениях: господина к рабу, власть имеющего к подчиненному, сильного к слабому, победителя к побежденному, человека, от которого зависит удовлетворение просьбы, к просителю, деспота к подчиненным, высшей касты к нисшей, часто в отношениях учителя к ученику, воспитателя к воспитаннику покровителя к клиенту, сеньора—к вассалу, короче *всюду, где есть состояние односторонней зависимости*, *где дано нера-*

---

[1]) Легко видеть, что данное деление представляет измененное деление актов и взаимоотношений, данное Л. Петражицким (facere—accipere, nonfacere—non pati, facere—pati). Изменения вызваны тем, что здесь акты рассматриваются не с правовой точки зрения и задания иные, чем те, которые имелись у Л. И. Петражицкого. См. *Петражицкий*. Теория права. Т I. 71 и сл., т. II, § 32.

венство сил или прав, где судьба и жизнь одних поставлена в одностороннюю зависимость от воли или каприза других [1]).

Внешними признаками таких односторонних процессов взаимодействия служит часто тот признак, что одна сторона „просит“, „умоляет“, „смиренно бьет челом“, „позволяет себе всенижайше и почтительнейше ходатайствовать“ и т. п., а другая „соизволяет“ „делает милость“, „приказывает“, „повелевает“, „решает“, „постановляет“ и т. п. Такие явления мы встречаем в т. н. властных отношениях. „Власть есть возможность не только самому действовать, но и определять чужие действия, определять чужое поведение“ [2]). Это определение власти вполне совпадало бы с понятием одностороннего взаимодействия, если бы к нему было добавлено указание на независимость поведения властвующей стороны от подвластной. Мы могли бы, поэтому, пользоваться термином „властных отношений“, но так как термин власти избит и понимается в разных смыслах, и так как им обычно обнимается не весь класс соответственных явлений, то предпочтительнее этим термином не пользоваться.

Рядом с односторонним взаимодействием дано взаимодействие *двустороннее*, где переживания и поступки индивидов взаимно обусловлены. Их схема такова: „А раздражитель для В; В раздражитель для А“.

Примеры: X соглашается доставить У-ку пуд муки, если У доставит X-у 10 фунтов сахару. Продавец отпускает товар, покупатель платит деньги. Здесь совершение или несовершение акта одной стороной обусловлено действиями другой стороны и обратно. Явления свободного договора, купли-продажи, акты, изучаемые обязательственным правом, явления товарищества, взаимопомощи, словом все взаимоотношения людей, где они выступают свободными и равноправными субъектами, дают множество взаимоотношений, принадлежащих к категории двусторонних взаимодействий. Между этими типами распределяются все виды взаимодействия.

III. Взаимодействие длительное и временное.

Далее можно различать взаимодействие временное, которое возникает и быстро исчезает, и взаимодействие длительное, где индивид, в течение продолжительного времени, обу-

---

[1]) К этому типу взаимодействия относятся те формы общения, которые *Зиммель* называет отношениями Über-und Unterordnung. См. Soziologie: Гл. 3.

[2]) *Магазинер:* Лекции по государств. праву. 1919. 18.

словливает переживания и поведение другой стороны или они обусловливают себя взаимно.

Это длительное взаимодействие временами тянется в продолжении всей жизни взаимодействующих индивидов. Примером первого типа может служить взаимодействие между покупателем и продавцом. Совершив акты купли-продажи тот и другой перестают взаимодействовать. Связь на несколько минут вспыхнула и угасла. К этому же типу взаимодействий относятся множество обыденных взаимоотношений: кратковременная встреча незнакомых лиц в дороге, в трамвае, в театре и т. д., встреча, не оставляющая никаких следов, где, разойдясь, забывают о новых знакомцах.

Ко второму типу относятся: взаимоотношения супругов, отношение раба и господина, взаимоотношения родителей и детей, короче — все взаимные акции и реакции двух или большего числа индивидов, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени *непрерывно* обусловливаются в своих переживаниях и поведении другой стороной.

В тех случаях, где индивиды живут вместе, такое длительное взаимодействие понятно. Таков, напр., случай, когда два индивида живут совместно, бок о бок, и находятся в процессе постоянного обмена своими акциями и реакциями. Понятно оно даже и тогда, когда два индивида живут, хотя в раздельности, но, благодаря проводникам, продолжают обмениваться акциями и реакциями (письма, телеграммы, посылки, и т. д.).

Теперь спрашивается: возможно ли такое длительное взаимодействие в том случае, когда, напр., один индивид живет в Австралии, а другой в Европе, и когда между ними нет никаких внешних признаков взаимодействия: ни прямо, ни путем проводников они не передают раздражений друг другу?

Как бы с первого взгляда не казалось странным, однако, на этот вопрос следует ответить положительно. Муж годы может жить в Австралии, а жена—в Европе, целые годы они могут не давать друг другу никаких вестей, и, однако, могут взаимодействовать друг с другом, т.-е. обусловливать взаимное поведение: напр., удерживать от актов нарушения супружеской верности, от флирта, от женитьбы или выхода замуж, короче—от целого комплекса поступков, которые в противном случае были бы совершены. Такие случаи поэтически изображены Кольриджем, в его „Кристабель“.

„Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранят:
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят.—
Их бездна с ревом разлучает
И гром разит и потрясает—
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
Следов того не истребили,
Чем некогда другу другу были".

Эмигрант может быть на целые годы заброшен в чужую страну и оторван от своей родины, от партии, от близких друзей и знакомых. И, однако, сознание своей принадлежности к определенной партии, к определенной группе, может тем или иным образом влиять на его поведение: вызывать одни поступки, удерживать от других, обусловливать ряд переживаний и т. д.

Спрашивается: как и чем объяснить такие факты? Как возможно такое взаимодействие, где нет, казалось бы, никаких проводников взаимных акций и реакций?

Не являются ли они каким-то странным и непонятным исключением? Вопрос этот имеет тем большее значение, что он применим не только к явлениям сейчас указанным, но и ко *всякому длительному взаимодействию*, даже к такому, где взаимодействующие индивиды живут бок-о-бок: ведь и последние, живя вместе, не непрерывно соприкасаются друг с другом; каждый день, в известные часы, они расходятся, обмен актами на эти часы прекращается, ни прямо, ни чрез проводники они в эти часы не действуют друг на друга. Между тем, раз мы говорим о длительном взаимодействии, то разумеем, что оно *непрерывно* в продолжении своего существования, что оно если не кинетически, то потенциально существует каждую минуту и влияет при надлежащих случаях на поведение сторон или стороны. Если бы оно было прерывным, мы не имели бы длительного взаимодействия: оно распадалось бы на множество кратковременных процессов последнего; таким образом, само различение кратковременного и длительного взаимодействия теряло бы всякую почву.

Под длительным взаимодействием разумеется взаимодействие непрерывное, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени или пожизненно влияют друг на друга. Стало быть вышепоставленный вопрос: как возможно длительное взаимодействие при раздельности и изолирован-

ности индивидов—имеет значение и для всех длительных процессов взаимодействия.

Ответ на эти вопросы дан выше. Супруги, из которых один живет в Австралии, а другой в Европе, в течение ряда лет не обменявшиеся никакими вестями, могут тем не менее быть в состоянии длительного взаимодействия, т. е. в течение ряда лет обусловливать взаимное поведение, в силу того, что, как показано было выше, среди актов поведения людей *есть акты, способные влиять длительное время после их совершения.*

Всякое длительное взаимодействие обычно и состоит из одного или ряда таких актов, имеющих продолжительный эффект. Сам акт, породивший это длительное влияние, давно уже исчез, он мог быть минутным, но его результаты могут быть длительными и пожизненными. Акты заключения брака нормально принадлежат к числу таких поступков [1]).

Раз совершенные они продолжают жить и влиять на поведение человека, как влияет раз полученная чахотка, как влияют наследственно - полученные склонности, как влияют на женщину акты совокупления. Подобно тому, как удар ножом может оставить пожизненные следы, в виде, напр., лишения зрения или повреждения мыслительных способностей, которые могут обусловливать собой поведение индивида в течение его жизни, так же и ряд раздражений может оставить физио-психические следы (в виде переживаний: долга, обязанности, права, правомочия и т. д.), которые изгладить бессильны „и гром, и вихрь, и град, и летний зной, и зимний хлад". Они определенным образом будут влиять долгие годы или всю жизнь: напр., удерживать от нарушений супружеской верности, вызывать переживания любви к возлюбленной, любви к своим товарищам по партии, чувство горечи при унижении родины и т. д.

Следовательно, ответ на вопрос: как возможно длительное взаимодействие, когда между взаимодействующими индивидами долгое время нет обмена акциями и реакциями — гласит: оно возможно в силу того, что некогда одна или обе стороны совершили ряд актов, которые принадлежат к числу раздражителей, обладающих способностью влиять на поведение другого долгое время после совершения самих актов и вызванных ими реакций. Сказанное дает ответ и на второй вопрос: длительное непрерывное взаимодействие между двумя индивидами, живущими совместно, но не непрерывно обменивающимися взаимными акциями и реакциями,

---

[1]) См. выше о делении актов, стр. 105 и сл.

(отъезд одного на несколько дней, разлучение их по тем или иным поводам, вообще все те промежутки времени, когда по разным причинам они оказываются изолированными), возможно в силу того, что акты раздражители не теряют своего влияния мгновенно, а продолжают действовать длительно и после своего окончания; продолжение влияния таких актов заполняет промежутки времени от одного акта-раздражителя до другого и делают таким образом возможной непрерывность взаимодействия.

Вот почему поведение раба обусловлено поведением господина и тогда, когда раб не видит и не воспринимает непосредственно и чрез проводников актов раздражителей, исходящих от первого. Вот почему поведение и переживания детей или супругов обусловливаются родителями или супругом и тогда, когда их нет налицо, когда они в отлучке, в отъезде и т. д. Ряд „следов", оставленных их действиями в „душе" или в нервной системе первых, продолжает влиять на поведение и переживания детей и супругов: удерживать от одних поступков, побуждать к другим, давать импульсы к третьим и т. д.

Если бы этих „следов" или последствий акта раздражителя не было, не могло бы быть длительного взаимодействия, особенно при продолжительной пространственной разделенности взаимодействующих лиц. Раз их поведение не обусловливается другой стороной, то нет и взаимодействия. Раз супруг, живущий годы вдали от супруга, нарушает супружескую верность, нисколько не считается в своем поведении с волей другого, и при том изолирован и не сносится с последним, то в таких случаях нет взаимодействия: супруги друг для друга как бы не существуют или существуют так же, как существуют сотни Иванов и Петров, которые нас не знают, которых мы не знаем и с которыми у нас нет связи.

Таково основное условие, делающее возможным непрерывное длительное взаимодействие.

Эта длительность и непрерывность поддерживается рядом других условий, но об них речь пойдет ниже [1]).

---

[1]) Dupréel выдвигает иную теорию для объяснения длительных взаимодействий. Он объясняет их тем, что длительные взаимодействия сохраняются и существуют в силу того, что они влекут взаимозависимости не только между взаимодействующими, но и между ними и другими лицами. Tels rapports sociaux en entraînent d'autres, entre ceux qu'ils unissent et les autres membres de la Société où ils vivent. Напр. брак вызывает социальные отношения не только между брачущимися, но и между другими лицами—их современниками. Такие отношения, говорит он, можно назвать дополнительными (complémentaires) *Dupréel*: Le rapport social. 33.

IV. Взаимодействие антагонистическое и солидаристическое.

По направлению и взаимоотношению актов взаимодействующих лиц можно различать взаимодействие 1) антагонистическое и 2) солидаристическое.

Но что нужно понимать под каждым из них? Эти термины весьма часто употребляются, но редко в них отдают отчет. Частое употребление превратило их в неопределенные кляксы, понимаемые в самом различном смысле [1]).

Условие, указываемое Дюпреелем, является важным благоприятствующим длительности взаимодействия условием, но оно не в состоянии объяснить его. Мы можем представить обоих супругов живущими в обществе людей, которым не известны их Status familiae, и однако взаимодействующими. И обратно: если бы не было актов с длительными последствиями, никакие комплементарные отношения не в состоянии были бы сделать длительное взаимодействие непрерывным.

[1]) Вполне основательны замечания *Парето* по этому поводу. «Термины, говорит он, благодаря способу их употребления, теряют в конце концов всякое значение. Таков, напр., модный в настоящее время термин «солидарность». Этим термином так злоупотребляют, что его начинают применять ко всему. Протекционисты, напр., взывают к солидарности. Они утверждают,что протекционные права создают солидарность между хозяином и рабочим. Бедные невинные души! лишь любовь к солидарности заставляет их требовать, чтобы их сограждане платили им дань! Мне пришлось слышать, как очень образованный человек утверждал в публичной речи, что «наука не заслуживает своего имени, если она не развивает чувств солидарности». В таком случае геометрия не наука, ибо трудно приписать ей хотя бы малейшее влияние на «солидарность». В какой публичной речи, начиная с тоста и кончая речью министра, не встретится слово «солидарность». Люди, которые его употребляют, повидимому потеряли всякое чувство смешного. Надо переделать Тартюфа. Будьте уверены, что в наше время Тартюф стремился бы соблазнить Эльмиру и ограбить простака Оргона во имя солидарности».

Pareto: Le peril socialiste. 1900. 26. См. его же: Trattato di sociologia generale: 1916. т. I. 197 — 330 и passim, где автор беспощадно критикует и осмеивает ряд моднейших понятий, в роде «солидарности» «госпожи природы», «прогресса» «демократии» и т. д., показывая неточность, разнородность и бессодержательность подобных терминов, потерявших всякое точное значение от их постоянного употребления. Не менее правильны замечания *Giard'a* по поводу противоположного термина: антагонизма и «борьбы за существование». «В настоящее время, говорит он, приписывают словам жизненной конкуренции, естественного отбора и т. п. какую-то магическую добродетель. Светские люди, в особенности литераторы, которые, за редкими исключениями, говорят обо всем этом без предварительного изучения и не понимая истинного смысла явлений, философы и метафизики и даже ученые считают объясненным явление, раз указано на атавизм или борьбу за существование, в особенности, когда указано по-английски, Struggle for life. Struggle for life! Ничто не сопротивляется этому: «Сезам! Откройся!» который должен открыть нам все тайны биологии и социологии».

A. Giard Facteurs primaires de l'evolution (Librairie Croville-Morant). XII.

Условимся поэтому, в каком смысле будут употребляться эти термины здесь.

А) *Под антагонистическим взаимодействием* я разумею такое взаимодействие, где один или оба индивида стремятся произвести действие в некотором отношении противоположное тому, которое стремится произвести другая сторона [1]). Говоря иначе, антагонизм взаимодействия дан тогда, когда одна сторона стремится побудить другую сторону на такие акты, которые другая сторона совершить не хочет или совершению которых она противится.

Примеры: А хочет съесть хлеб; В противится этому и препятствует А выполнить свое желание.

А двигается в одном направлении; В двигается в противоположном. Сталкиваясь они препятствуют двигаться друг другу.

Общая схема: А, стремясь совершить акт Х, находит препятствие со стороны В, стремящегося совершить акт non—Х.

В обыденных сношениях людей дано множество антагонистических взаимодействий. Конкретные формы их бесчислены. Начиная от смертельной схватки двух лиц, борьбы не на жизнь, а на смерть целых групп, проходя чрез явления конкуренции, гнета, порабощения, эксплуатации и кончая такими явлениями, как спор (религиозный, политический судебный, научный и т. д.) антагонистические взаимодействия принимают самые разнообразные виды.

В социологической литературе мы имеем ряд попыток дать классификацию антагонизмов или конфликтов. Так, Тард делит все конфликты на: конфликты *ряда* (напр., эволюция и контр-эволюция), конфликты *степени* (увеличения и уменьшения роста, повышение и понижение какого либо явления, напр., преступности, браков, рождений и т. д.), конфликты *смысла* (конфликт стремлений двух сил, борющихся за власть, жизнь и влияние). Конкретными формами конфликтов смысла являются: борьба, конкуренция и спор [2]). Для наших целей эта классификация мало пригодна. Конфликты ряда и степени, собственно говоря, трудно отнести к явлениям антагонистического взаимодействия людей. Они имеют в виду скорее противоположение мировых явлений вообще, а не человеческих акций и реакций.

Более пригодна и отвечает сути дела классификация Ю. Делевского. Он различает антагонизмы: 1) *односторонние*

---

[1]) Сравни *Делевский*: Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. Спб. 1910. 1.

[2]) *Тард*: Социальные Законы. Спб. 1906. 45—83.

и двусторонние. Односторонними являются те, где только одна сторона грозит интересам другой стороны, (напр., волки интересам овец); двусторонними те, где обе стороны грозят интересам друг друга (напр., антагонизм двух хищников) 2) *безусловные и условные.* Первые даны там, где одна сторона стремится физически уничтожить другую, вторые там, где интерес одной стороны не требует уничтожения другой. Таковы явления: гнета, порабощения, эксплуатации или судебной тяжбы. Если обе стороны требуют уничтожения другой, такой антагонизм будет *абсолютным.* 3) *По характеру антагонизирующих групп* можно различать антагонизмы: племенные, национальные, расовые, государственные, династические, классовые, сословные. религиозные и т. д. 4) *По интересам* антагонизмы распадаются на экономические, политические, идеологические и т. д. [1]).

Рядом с этими формами антагонизма важно выделить ряд других форм, исходящих из других принципов класификации.

Прежде всего можно различать антагонизмы: *сознательные и бессознательные.* Первые даны тогда, когда сами взаимодействующие индивиды сознают, что их стремления противоположны. Примерами этого типа могут служить: взаимодействие преступника, желающего убежать, и надзирателя, стремящегося недопустить бегства; взаимодействие насильника и жертвы, когда стремления того и другого осознаны; взаимодействие двух врагов, борющихся за жизнь, двух соперников, осознавших противоположность своих целей, желаний, стремлений и интересов.

Под бессознательными антагонизмами следует разуметь те конфликты стремлений, которые объективно даны, но субъективно антагонистами не осознаны. К этому именно типу принадлежат большинство антагонистических взаимоотношений животного мира. Там осознания интересов, целей, стремлений нет. Однако, антагонизмы поведений и актов (рефлективных и инстинктивных) даны. Таковы взаимоотношения: кошки и мыши, волка и овец, двух хищников, борющихся из-за добычи, короче—множество явлений, объединяемых термином борьбы за существование (борьба двух организмов за питание, за воздух, поедание друг друга, паразитизм и т. д.).

---

[1]) См. *Делевский*: Соц. антагонизмы. 14—16; 53—54. См. также перечень антагонизмов, даваемый *Savornan*: Les antagonismes sociaux. Scienzia. 1914 г. I—VII. 138—146.

Такие бессознательные антагонизмы имеются и в взаимоотношениях людей. Не каждый антагонизм осознан последними. Часто интересы и стремления людей объективно противоположны, но эта противоположность не сознается. Таковы, напр., интересы предпринимателя и рабочего, брамина и судры, раба и господина, двух конкурентов и т. д. Каждый из них весьма часто стремится к таким результатам, достижению которых препятствует другой или осуществление коих другой аннулирует своими действиями. Мешает и анулирует при отсутствии сознания о противоположности стремлений.

Далее, можно и должно различать антагонизм: 1) вытекающий из *сходства индивидов* в том или ином отношении (напр., конкуренция двух лиц одной профессии, претендующих занять одно и то же вакантное место; конкурренция двух мужчин из-за одной женщины) [1]); 2) антагонизм, вытекающий *из различия взаимодействующих индивидов* в том или ином отношении (напр., расовые антагонизмы, антагонизм двух политических противников—реакционера и революционера, антагонизм пролетария и капиталиста и т. д.).

По количеству взаимодействующих лиц может быть антагонистическое взаимодействие: а) *между двумя лицами* (судебный поединок, смертельная схватка, спор, конкуренция двух лиц), в) *между одним и многими* (деспот и подчиненные, стремящиеся свергнуть его, политический оратор и собрание, враждебно настроенное к нему, предприниматель, стремящийся понизить плату и рабочие, стремящиеся повысить ее и т. д.), с) *между группами взаимодействующих индивидов,* (антагонизмы двух племен, родов, государств, классов, церквей, литературных, художественных групп, акционерных компаний и т. д.).

Конкретными формами (диагностическими симптомами) антагонистического взаимодействия являются факты: *смертельной схватки (войны), борьбы, противоположности* движений, *конкуренции, спора* (судебного, религиозного, политического, научного и т. д.), *вражды, насилия, принуждения* и т. д. Всюду, где даны подобные явления между взаимодействующими индивидами, тем самым дано антагонистическое взаимодействие [2]).

---

[1]) Отсюда ясна ошибка Гиддингса, считающего, что сходство индивидов всегда влечет их солидарность, а несходство—их антагонизм. См. *Giddings:* The elements of soc. 1912. 53 и сл.

[2]) О соц.-роли антагонизмов и борьбы см. Annales de l'Institut intern. de Sociologie, т. XI, посвященный этой проблеме.

По потребностям, вызывающим антагонистическое взаимодействие (двух, одного и многих, многих с многими), можно различать антагонистическое взаимодействие, возникшее на почве удовлетворения потребности голода, размножения, самозащиты, общения, идейных запросов, чувственных переживаний, волевых потребностей.

В) Противоположностью антагонистическому взаимодействию является взаимодействие солидаристическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона стремится побудить другую на такие акты, которые стремится совершить и другая сторона.

Пример: А хочет есть; Б предлагает ему свой хлеб. А хочет двигаться по направлению *mn;* Б предлагает подвести А.

Общая схема: А, стремясь совершить акт X, находит поддержку, содействие со стороны В.

Как и в случае антагонистического взаимодействия здесь можно различать солидаристическое взаимодействие: *одностороннее, и двустороннее, бесусловное*, когда все стремления А и В совпадают, и *условное*, когда совпадение стремлений частично; по характеру солидаризирующих групп можно различать: солидарность семейную, племенную, сословную, классовую, государственную и т. д. Далее, как и в антагонизмах, можно различать солидарность: *сознательную и бессознательную* [1]), *солидарность двух, одного и многих, многих и многих.*

Рядом с этими формами солидарности следует отметить 1) *Солидарность, вытекающую из сходства взаимодействующих индивидов.* („Механическая солидарность", по терминологии Дюркгейма), 2) *Солидарность, вытекающую из различия индивидов*, в частности из *несходства их общественно-технических функций* (Солидарность „органическая" по Дюркгейму, основанная на разделении общественного труда) [2]).

Обе формы были отмечены еще Аристотелем. „Дружба, говорит он, дает место многим рассуждениям. Согласно мнению одних, она состоит в некотором сходстве: те, кто сходны, любят друг друга; отсюда пословица: подобный сходится с подобным и ворона ищет ворону. По мнению других, наоборот, все те, которые похожи меж собой, не любят друг друга. Есть другие объяснения, которые ищут выше и берут из рассмотрения природы. Так, Эврипид

---

[1]) О последней см. *Кропоткин*: Взаимная помощь, как фактор эволюции М. 1918.

[2]) Вопреки Giddings'у такая имеется.

говорит, что высохшая земля влюблена в дождь и что мрачное, отягощенное дождем небо с любовным бешенством кидается на землю. Гераклит утверждает, что соглашают только противоположное, что гармония родится из различий, что разногласие—закон всякого становления" [1]).

Развивая эти положения Дюркгейм показал, что есть два вида солидарности: одна, основанная на сходстве индивидов („мы любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует как мы"). Другая, основанная на различии индивидов, вытекающем из разделения труда: различие и несамодостаточность индивидов влекут за собой потребность в других, взаимозависимость от них. Эта взаимозависимость связывает индивидов друг с другом и в итоге—вызывает уважение к непохожим на нас индивидам. Первая солидарность по Дюркгейму была развита в первобытных обществах, вторая—в современных, основанных на разделении общественного труда. Это значит, что с ходом истории „механическая" солидарность постепенно замещается органической. Так ли обстоит дело—не будем решать здесь. Не будем решать здесь и того, какое из сходств—сходство ли по биологической конституции, или по крови, или по мировоззрению и взглядам имеет наибольшее значение, или значение каждого из этих сходств различно в различные эпохи. Все это сложные вопросы, которые будут решаться в следующих частях социологии. Здесь, в пределах аналитики, достаточно констатировать эти формы [2]).

По потребностям, вызывающим солидаристическое взаимодействие, можно различать солидарные взаимоотношения, возникшие на почве удовлетворения голода, половой потребности, потребности самозащиты, движения, отдыха, общения, идейных запросов, чувстенно-эмоциональных переживаний и волевой деятельности.

Внешними проявлениями солидарных взаимодействий служат: факты взаимопомощи, кооперации, подражания, общества и индивиды преследующие одну цель, согласно желающие, согласно-мыслящие и согласно действующие, отсутствие насилия, принуждения и карательных мер в взаимоотношениях людей друг к другу.

---

[1]) Этика Никомаха, VIII, 1. 1155а. 32. Цитирую, за неимением под руками Аристотеля, по Дюркгейму. Раздел. общ. труда. 42.

[2]) См. подробно о них у *Дюркгейма:* Разделение обществ. труда. Passim. *Bouglé:* Revue général des theorie récentes sur la division du travail. L'annee sociol, T. 6. 73—122.

Спрашивается: не нужно ли, рядом с антагонистическим и солидаристическим взаимодействием, выделить само собой напрашивающееся взаимодействие нейтральное? Можно было бы его определить, как взаимодействие, где одна сторона и не содействует, и не препятствует актам и стремлениям другой стороны. Однако, достаточно небольшого размышления, чтобы придти к выводу, что такого нейтрального взаимодействия нет. Возьмем пример, согласный с этим определением нейтрального взаимодействия. А хочет есть; В не препятствует и не содействует стремлению А, Он предоставляет совершение акта силам и усмотрению А.

Что значит этот факт? Он означает не нейтральное взаимодействие, *а отсутствие взаимодействия.* Ни поведение А, ни поведение В в данном случае не обусловлены существованием и поведением другой стороны; они не оказывают друг на друга никакого влияния. Если же оказывают, если, напр., А умоляет В помочь ему, а В остается нейтральным, то в конечном счете взаимодействие становится либо антагонистическим (напр., А негодует на В за его „бесчувственность", В негодует на А за его „назойливые приставания"), либо солидаристическим. (Напр., А благодарит В за его невмешательство, В признателен А за то, что тот обошелся без его помощи, оставил его в покое и т. д.).

Тот же вывод мы получим и во всех подобных случаях.

Из сказанного легко понять, что в группах взаимодействующих индивидов всегда существовали и существуют взаимодействия того и другого типа. Неправы те, кто в явлениях человеческой истории видят только борьбу и антагонизмы, кто основным фактором эволюции считали и считают борьбу за существование. Но не правы и те, кто держался и держится противоположной точки зрения. Антагонизм и солидарность—явления кореллятивные и относительные. Одни и те же индивиды в одном отношении могут быть антагонистами (напр., по религиозным убеждениям), в другом — солидаристами (напр. в деле преследования общего врага, добывания хлеба и т. д.). В борьбе одной группы с другой—индивиды различных групп находятся в антагонистическом взаимодействии друг с другом, но в силу этого взаимоотношения индивидов в пределах каждой группы дают взаимодействие солидарное: борьба нескольких лиц против общего врага есть взаимная помощь этих лиц друг другу [1]).

---

[1]) См. об этом *Лавров:* Гос. элемент в будущем обществе. 17 и сл. Лондон. 1876.

И в прошлом, и теперь не было и нет ни одной социальной группы (семьи, рода, племени, государства, класса и т. д.) где не было бы тех и других взаимодействий. Есть группы, где преобладают антагонизмы, есть группы, где преобладают солидарные отношения, но рядом с ними всегда существовали и существуют в первом случае солидарные отношения, во втором—антагонистические.

Существует ли историческая тенденция роста одного и падения другого?

На этот счет, как известно, в социологии существует два течения. Одни, напр., Тард и Спенсер, думают, что человеческий мир стремится к равновесию, к постепенному установлению царства солидарности. Другие, напр., Ratzenhofer и Гумплович, считают явления антагонизма неизбывными для человечества. Не будем здесь разбирать, которое из этих течений правильно. (Это составит тему „Генетической социологии"). Заметим только, что ответ, данный на эти вопросы Россом, представляется мне правильным. Он гласит: „люди не перестанут бороться до тех пор, пока они будут считать себя более близкими или имеющими большее единство интересов с *некоторыми* из их сограждан, чем со всеми остальными" [1]).

V. *Взаимодействие шаблонное и нешаблонное.*

Присматриваясь к взаимоотношениям людей мы видим, что в одних случаях эти взаимоотношения носят шаблонный характер, в других — это свойство отсутствует. В первых случаях обмен акциями и реакциями носит однообразную, стереотипную форму. Так, стереотипны и шаблонны в нормальных условиях акты, регулируемые правом. Формулы и нормы права указывают этот шаблон поведения в тех или иных случаях; таковы, напр., взаимные акции и реакции индивидов, составляющие обряд заключения брака, совершения купчей крепости, приобретения права собственности; шаблонны взаимоотношения начальника и подчиненного, лица, нанятого в услужение, и того, кто его нанял; шаблонно взаимодействие сторон на суде и сторон с органами суда. Шаблонны отношения в области savoir-vivre, профессиональной практики и т. д. Короче, множество взаимоотношений индивидов совершается более или менее шаблонно, однообразно, согласно определенным нормам, обычно указывае-

---

[1]) *Ross:* Foundations. 290.

мым оффициально — правовыми кодексами, обычаем, религиозными заповедями, конвенционально-житейскими правилами и т. д. Другие взаимоотношения такого шаблона не дают. Они изменчивы и неустойчивы. Сегодня они совершаются так, завтра иначе. Таковы чаще всего те взаимоотношения, которые еще не вылились в определенную правовую норму или обычай, которые не успели еще застыть и кристаллизоваться в определенные формы.

Такими нешаблонными отношениями обычно служат отношения новые, возникающие в новых условиях и в силу этого отношения не повторявшиеся, не ставшие привычными.

Шаблонные же формы взаимодействия почти всегда представляют взаимоотношения повторявшиеся часто.

Их путь возникновения обычно таков. Там, где взаимодействие и сосуществование индивидов не слишком кратковременно, а длительно или постоянно, там взаимоотношения их мало по малу кристаллизируются и шаблонизируются [1]). Иными словами они организуются. Оседая в определенной форме эти взаимоотношения повторяются, повторение актов делает их привычными, привычка становится обычаем—неосознанным шаблоном, обычай с осознанием его превращается в юридическое правило — в осознанный шаблон. Совокупность таких осознанных шаблонов поведения в определенной сфере (напр., в области семейных отношений, в области приобретения, владения, пользования и распоряжения вещами, в области управления и т. д.), можно назвать *институтом* (семейным, собственности, управления и т. д.). Система институтов поведения образует то, что носит название *организации* „общества". Таким образом схема образования шаблонных взаимодействий и организации „общества" такова: *1) акт, 2) его повторение (привычка), 3) обычай, 4) юрид. правило, 5) институт, 6) организация* [2]).

Не шаблонные отношения — это отношения новые, не успевшие еще пройти эти стадии.

---

[1]) Почему это происходит — другой вопрос, который мы здесь не будем затрагивать. Скажем только, что этот процесс шаблонизирования—процесс весьма сложный, факторы шаблонизации многочисленны. Здесь играют роль импульсы симпатии, стадности, самозащиты, внушения, верования, обычаев, религии и т. д.

См. об этом Ross: Social Control. 1904. New-York. Passim.

[2]) См. подробнее об этом у *Waxweilera*: Avant-propos в Bullet. mensuel Социол. института Сольвея, 1910 г. № 1. Схема: acte,— habitude,—usage,—régle,—institution, указывает этапы возникновения «социальной организации».

См. также *Сорокин*, Преступление и кара, гл. VII. Как возникает и изменяется организация группы.

Конечно, это деление относительно. Но оно дает себя знать во многих явлениях, в частности, в свойствах взаимодействующих групп и в характере переживаний индивидов, сопровождающих подобные взаимоотношения.

Так, сообразно степени шаблонности взаимодействия можно различать различные виды человеческих групп. Отсутствием шаблонности взаимодействия характеризуется *толпа и публика*, как формы человеческих групп. *Толпа*—это случайное сборище индивидов, сборище — аморфное, не имеющее никакой организации, никакого „костяка" в взаимных отношениях. Она бесформенна, беспорядочна, подвержена случайным импульсам. В таком собрании нет ни председателя, ни порядка заседания, ни правил, регулирующих выступления и речи членов толпы. Все кричат, шумят, „галдят". Словом—она представляет подобие бесскелетной протоплазмы, лишенной шаблона взаимоотношений. *Публика*—та же толпа, но не собранная в одном месте, а толпа распыленная, состоящая из гетерогенных лиц, разделенных друг от друга, однако, соприкасающихся (напр., чрез газету) друг с другом и влияющих один на другого.

Следующей ступенью, с зачатками шаблонности взаимоотношений, является такая группа, как *массовый митинг*. Последний представляет собрание гетерогенных лиц, но собрание не вполне бесформенное. Здесь обычно имеется председатель, есть известный порядок в выступлениях ораторов, соблюдаются некоторые правила взаимоотношений. В толпе царят одни эмоции, холодного разума почти нет. В собраниях, подобных массовому митингу, есть уже зачаток организации и разума.

Иную картину дают группы и собрания „*организованные*", состоящие из членов, созванных для спокойного и делового обсуждения того или иного вопроса, об'единенных общностью цели или интереса. Таковы, с одной стороны, заседания парламентов, ряда представительных собраний, членов того или иного общества (научного, промышленного, литературного, городской думы и т. д.). Здесь царит шаблон. На лицо председатель и президиум, порядок заседания предусмотрен „наказом" или уставом; каждое выступление, характер речи, порядок спора, баллотировки и т. д.—все предусмотрено и совершается согласно строгому, определенному регламенту. В подобных группах, а равно и во всех *постоянных организованных ассоциациях* (семья, коллегии, гильдии, братства, секты, партии, трэд-юнионы, церкви, академии, научные общества, государственные группы и т. д.) царит

шаблон в взаимных отношениях, существует порядок, дисциплина и т. д. Они подобны высоко-развитому организму, обладающему твердым костяком, устойчивой и упругой формой. Здесь чувства—эмоции играют второстепенную роль. Доминирует „холодный разум“ [1]).

Коснемся кратко вопроса о взаимоотношении антагонистического и солидаристического взаимодействия—с одной стороны, с другой — шаблонно-организованного и нешаблонно-дезорганизованного: *не всякое шаблонное взаимодействие будет солидаристическим.* Не всякое „организованное“ взаимодействие будет солидарным. Взаимодействие должника и кредитора, палача и жертвы, преступника и надзирателей может быть шаблонным, организованным, т. е. может совершаться по определенной, установившейся форме; но было бы ошибкой, если бы мы считали такое шаблонное взаимодействие солидаристическим.

Эти примеры показывают, что *может быть дана группа шаблонно-взаимодействующих индивидов*, напр., (организованный коллектив государства), *но в то же время группа антагонистическая.* Другие формы шаблонного взаимодействия бывают солидарными. Совокупность таких лиц составит *организованно-солидаристическую группу.*

Точно также и неорганизованное взаимодействие может быть и солидаристическим, и антагонистическим. Сообразно с этим и группы нешаблонно взаимодействующих лиц могут дать неорганизованные коллективы и солидаристические (напр., неорганизованная толпа одинаково настроенных лиц), и антагонистические (напр., неорганизованная толпа, составленная из враждебных друг другу лиц).

Этот факт необходимо было подчеркнуть по двум мотивам: 1) в виду частого отождествления организованной группы с солидаристической, неорганизованной — с антагонистической, 2) в виду того, что в социальной жизни, как увидим ниже, особенно важную роль играют группы организованные и в то же время солидарные.

Шаблоны поведения дают себя знать и в иной форме. Они обычно представляются в виде императивов, повелительно требующих подчинения.

Уклонение от следования им весьма часто переживается как нарушение этих императивов, как нечто „недозволенное“, „преступное“, „недопустимое“, „оскорбительное“ и т. д.

---

[1]) См. подробнее об этом у *Ross*'a: Foundations. 116 — 148. *Gardner*: Assemblies. Amer. journ. of sociology, т. XIX. 530—555.

Напротив, следование шаблонам взаимодействия воспринимается как „должное", „дозволенное", как нечто „нормальное", иными словами, как „исполнение долга" или „использование своего права" [1]).

Таково чаще всего (но не всегда) взаимоотношение шаблонных форм взаимодействия и форм „правового поведения", с одной стороны, неисполнение шаблонов и „недозволенного", „преступного" поведения—с другой...

VI. Взаимодействие сознательное и бессознательное.

В зависимости от деления актов на сознательные и бессознательные, взаимодействие двух или большего числа лиц может принимать различные формы. *1) Оно может быть сознательным с той и с другой стороны. 2) Оно может быть бессознательным с обоих сторон. 3) Оно может быть сознательным раздражением с одной стороны, и бессознательной реакцией—с другой. 4) Оно может быть бессознательным раздражением—с одной стороны, и сознательной реакцией—с другой.*

Таковы основные типы взаимодействий с этой точки зрения. Дадим краткие пояснения.

Люди, входящие в систему взаимодействия, раздражают (обусловливают) переживания и поведение других членов этой системы не только своими сознательными актами, но и актами бессознательными. А, не заметивший кланяющегося ему В и не ответивший на его привет, часто у В может вызвать переживания и поступки, выражаемые словами: „ишь, загордился, не хочет и кланяться". Человек, по рассеянности толкнувший другого и не извинившийся, нередко вызывает со стороны последнего словесную реакцию брани, а временами—и более ощутительные формы ответа (контр-толчек, удар и т. д.). Ребенок, бессознательно рвущий попавшую ему в руки книгу, часто вызывает у родителей и старших ряд реакций, в виде отнятия этой книги у ребенка, в виде брани, в виде ударов, постигающих невинного виновника.

На ряду с этими случаями обусловливания поведения одних людей другими, случаями, где *одна сторона действует сознательно, а другая бессознательно, даны явления взаимодействия, где обе стороны действуют бессознательно* и, *тем не менее, обусловливают поведение другого.* Простейшие примеры такого рода дают дети. Плач одного ребенка часто вызывает плач другого. Мать во сне может нечаянно удушить (благо-

---

[1]) См. подробнее *Сорокин.* Op. cit. Passim.

даря стечению обстоятельств) спящего с ней рядом ребенка. Зевок г. А совершенно бессознательно вызывает зевание сидящих с ним людей. (Сюда же относятся все факты бессознательного взаимного подражания). А и В при встрече нередко пожимают друг другу руки бессознательно: один машинально, по привычке, протягивает руку, другой также машинально пожимает. „Рассеяный“ г. А надевает калоши В, В машинально надевает калоши А. Пьяный доктор вместо одного лекарства может дать другое больному, лежащему без сознания, и т. о. отправить его на тот свет или значительно ухудшить положение и поведение пациента. Истерические крики припадочного при известных случаях—в толпе, в театре, в собрании,—могут, в силу бессознательного подражания, вызвать истерику у ряда других лиц.

Наконец, *явления сознательного взаимодействия со стороны всех взаимодействующих индивидов известны каждому*. А и В, заключающие договор, согласно которому А должен вырыть канаву, а В уплатить 100 руб. денег, совершенно сознательно предопределяют поведение друг друга. X, вступающий в брак с г. У., этим решением предопределяют взаимно свои переживания и характер поведения на большой промежуток времени. Лица, сознательно вступающие в партию, этим самым обязуются подчиняться директивам ея центра, т. е. реагировать на ряд явлений так, как прикажет центральный комитет партии.

Оппоненты при политических и научных спорах взаимно обусловливают ряд действий и переживаний друг у друга. Эти и подобные факты известны каждому из личного опыта и наблюдения.

К числу тех же случаев, где раздражителями другого или других людей являются сознательные акты взаимодействующего индивида, должны мы отнести и тот разряд фактов, *где обоими сторонами действия совершаются сознательно, но цели каждого индивида различны*. Пример: Г-жа А едет на концерт, желая послушать знаменитого пианиста. Г. В., влюбленный в А, едет на концерт, желая там встретиться с А. И тот, и другой индивид предпринимают ряд действий сознательно, но цели этих действий совершенно различны. Однако, факт взаимодействия налицо: сознательные действия А явились „раздражителем“ для В и побудили его предпринять ряд актов, которые без этого раздражителя не были бы выполнены.

А вскакивает в трамвай, сознательно расчитывая приехать на нем поскорее домой. Вагоновожатый, подчиняясь приказу,

пускает трамвай чрезвычайно медленно. Действия того и другого сознательны, но цели их различны. Несмотря на это, сознательные действия вагоновожатого определенным образом влияют на поведение и переживания А...

Из этих примеров, число которых можно увеличить по желанию, видно, что к сознательным актам взаимодействия относятся и те случаи, где цели индивидов совершенно различны. В своем месте мы увидим, что подобные явления служат одним из условий так называемой гетерогении целей.

Соответственно с сказанным взаимодействие индивидов дает такие типичные случаи:

1) Индивид А сознательно совершает акт-раздражитель. В сознательно реагирует на него. Начальник командует: „пли", солдаты стреляют.

2) А бессознательно совершает акт. В сознательно реагирует на раздражение. Ребенок плачет. Мать подходит и дает ему грудь.

3) А сознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А замахивается, желая ударить В. В бессознательно поднимает руку для защиты.

4) А бессознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А зевает, в силу подражения зевает и В.

В этой схеме первый тип подразделяется на подвиды:

I a) А и В сознательно обусловливают поведение друг друга, зная о взаимных целях и преследуя общую цель: А, В, С, Д, стремящиеся перенести бревно. Все организованные общества, состоящие из членов, преследующих общую цель (научные общества, партийные комитеты, акционерные компании, кооперативные объединения, секты и т. д.).

I b) А и В знают о взаимных целях, но цели эти разные: преступник убегает от преследующего его сыщика, сыщик— гонится за ним.

Акты того и другого сознательны. Взаимные цели известны. Но цели противоположны.

Таковы же собрания из лиц противоположных партий, антагонистических научных, религиозных, классовых и т. д. течений. Борьба двух лиц, двух групп, схватка двух полков, сознательно стремящихся уничтожить друг друга и т. п.

I c) А и В не знают целей друг друга, но цели эти объективно тождественны. А, желая помочь С, приносит ему деньги. В, желая помочь С, но не зная, что А уже „выручил" С, приносит ему деньги. С отказывается от денег В. Здесь А и В совершают свои действия сознательно. Цели их объективно однородны. Субъективно они не известны

взаимно. А, однако, своим актом определенно вызвал ряд актов со стороны В. (В получает обратно деньги и покупает себе книги, чего он не сделал бы сейчас, если бы деньги остались у С). Таков же ряд действий различных партий, рабочих групп, научных и религиозных течений, преследующих однородные цели, но не осведомленных друг о друге.

I d) А и В не знают о взаимных целях и цели эти разные.

Г-жа X является на концерт, желая встретить С. В, влюбленный в X, едет на концерт, желая встретить X. Г-жа X — не знакома с В. В не знает цели X.

Оба предпринимают свои поступки сознательно. Оба преследуют разные цели. Взаимодействие дано: акты г-жи X явились раздражителем для г. В и вызвали со стороны В ряд поступков, которых иначе он не совершил бы. Таковы все антагонистические процессы, борьба враждующих партий, религий, профессий, научных течений и т. д., где борющиеся группы не осведомлены друг о друге и не знают, что они борются за противоположные или разные цели.

Таковы основные случаи комбинаций актов-раздражителей и актов-реакций с точки зрения их сознательности и безсознательности. Общественные процессы в конечном счете представляет ничто иное, как комбинации этих типов.

VII. Взаимодействие интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое.

Рассмотрим более подробно формы психического общения. Психология учит, что всякое психическое переживание представляет единый процесс, где имеются и познавательные, и чувственные, и волевые элементы. Однако, это обстоятельство не мешает психологии в целях анализа разлагать психическое переживание на эти элементы и указывать, какой из них в том или ином отношении является преобладающим.

Так же может поступать и социолог. Несомненно, все виды психического взаимодействия представляют собой одновременно обмен и познавательными переживаниями (ощущения, представления, понятия, образы, идеи), и чувственно-эмоциональными (боль, наслаждение, эмоции: любви, страха, гнева etc), и волевыми (решимость сделать то-то, не сделать то-то [1]). Возьмем простой пример: научную лекцию.

---

[1]) Это тройное деление элементов психических переживаний не имеет для нас принципиального значения. Оно может быть заменено и четверным делением, предлагаемым Л. И. Петражицким, с специальным выделением эмоций, как пассивно-активных переживаний в особый класс.

Здесь лектор является центром, от которого посредством звуковых проводников (слов) идут волны идей, в виде развиваемых им теорий. Аудитория их воспринимает. Но только ли идеи она получает и только ли идеи идут от лектора? В большинстве случаев нет: лектор не только излагает и доказывает теорию, но весьма часто рядом с этим он негодует и осмеивает противников, восхищается таким-то ученым, временами опытный лектор „освежает" внимание аудитории смешным замечанием и анекдотом, порой он „увлекается", доходит до „экстаза", время от времени он ударяет по кафедре и т. д. Слушатели таким образом воспринимают не только идеи и образы, но и эмоции. В свою очередь и от них к лектору идут ряд эмоций, чувств, настроений, обнаруживаемых то смехом, которым аудитория реагирует на отдельные „смешные" места лекции, то апплодисметами, то шиканьем, то тем или иным восклицанием, и т. д. В ряде собраний, особенно политических (митинги, политич. лекции, заседания парламентов, советов, и т. д.), это эмоциональное взаимодействие выступает настолько резко, что доводит до побоищ и кулачных потасовок [1]).

Рядом с познавательными и чувственнно-эмоциональными элементами здесь обычно бывают и волевые. Ученый, а тем более политический оратор или парламентский деятель, излагая ту или иную проблему, сплошь и рядом выводит из нея практически волевые нормы, призывая к одному, запрещая другое, порицая третье в выражениях: „должен", „не должен", „хорошо", „плохо", „постараемся сделать то-то", „будем приветствовать то-то", „долой!", да здравствует" и т.д. Как в данном примере, так и в большинстве других взаимодействий, индивиды обмениваются и идейными, и волевыми, и чувственно-эмоциональными переживаниями. Процессы взаимодействия, где взаимодействующие обменивались бы только идеями, или только чувствами, или только волениями — чрезвычайна редки, если они вообще существуют [2]).

---

[1]) Весьма хорошим материалом для этой цели могут служить недавние заседания, в роде демократического совещания, предпарламента, заседания Советов, как до октябрьского, так и после октябрьского переворота. Крики: «долой!», «вон!», «мерзавцы» «сволочь», «селедочники», «предатели» и т. п. выявления эмоций были обычными в этих заседаниях. См. соответственные газетные отчеты.

[2]) Отсюда следует, что неправы те, кто подобно *Baldwin*'у «материей» социального процесса считают только идеи (thoughts). The matter of social organization consists of thoughts; by which is meant all sorts of intellectual states, such as imaginations, knowledges, and informations. См. *Baldwin*. Social and ethical interpretations. New--York. 1897. 487.

Однако, это не мешает все же различать ряд типичных форм взаимодействия с преобладанием того или иного из этих элементов. Иными словами, можно найти процессы взаимодействия, где „материей" обмена служат преимущественно познавательные элементы психических переживаний: представления и идеи. Будем называть их интеллектуальным *взаимодействием*. Таковы: заседания научных обществ, научные лекции, чтение научных книг, научные кинематографические сеансы, общение учителя и учеников; к разряду их же должны мы отнести и большинство сложных комплексов взаимодействия, которые происходят в стенах учебных заведений: университетов, политехникумов, специальных технических школ; кружки самообразования, репетиторство, и вообще все те общения, которые возникли и служат в целях углубления или популяризации науки и просвещения, или в целях спокойного обсуждения того или иного вопроса.

Рядом с такими интеллектуальными процессами взаимодействия существуют и другие, где главной „материей" обмена служат чувства-эмоции, или чувственно-эмоциональные переживания. Будем называть их *чувственно-эмоциональными процессами взаимодействия*. Примерами их являются: публика, присутствующая на концерте, взаимодействие публики цирковой, созерцающей борьбу или опасные трюки, публика кулачных боев, публика боя быков и боя древних гладиаторов.

Сюда же относятся процессы общения между людьми, собравшимися на бал, танцевальный вечер, на игрища; дальнейшими видами чувственно-эмоционального взаимодействия являются: похоронные и свадебные процессии, панихиды и поминки по умершим, скачки, игры, футбольные состязания, военные парады, пляски, поэзовечера, религиозные радения хлыстов, ряд религиозных обрядов. Чувственно-эмоциональное взаимодействие царит и в таких случайных сборищах,

---

Как видно из приведенного факта и как показывает ежедневное наблюдение, «материей» соц. организации являются и идеи, и чувства, и воления. Неприемлем и второй тезис Болдуина, гласящий, что идеи имеют наибольшее значение из всех остальных элементов психики. См. ibid. 490. В данном случае едва ли не более прав Парето, выступающий с обратным тезисом; согласно Парето идеи — это только род феерического покрывала чувств, (Sentimenti), они—как покрывала воздушны, легки и колеблются от малейшего движения чувств. Собственная роль первых незначительна, если не ничтожна. См. *Pareto*: Trattato di sociologia generale, т. I и II. Имеется известная доля истины и в утверждении Н. И. Кареева, что «сами мнения или идеи получают значение социальных факторов лишь тогда, когда утрачивают свой созерцательный характер, т. е. входят в сферу волевых процессов». См. Н. Кареев: О значении психологии для общ. наук. Оттиск из «Вест. Психологии». 4. Подробнее ниже.

как толпа, как пьяная компания собутыльников, как группа лиц—участников половой оргии и т. д.

Во всех перечисленных явлениях люди обмениваются не столько идеями или волениями, сколько чувствами и эмоциями. Симфония или танцы идей не передают и не возбуждают; они ничему не научат в смысле знаний; если они и вызывают кой-какия представления и мысли, то самые смутные, не связанные друг с другом и мало определенные. Иначе обстоит дело с чувствами-эмоциями. В таких процессах взаимодействия индивиды возбуждают в других именно симфонию чувств и эмоций, начиная с простых, грубых и примитивных и кончая тончайшими переживаниями под влиянием звуков и аккордов музыки [1]).

Наконец, можно привести не мало типичных соединений людей, где главным предметом взаимного обмена или „материей" взаимодействия служат *волевые решения*, передаваемые от одних к другим. Такие процессы взаимодействия можно назвать волевыми. Сюда относится большинство соединений, где одна или обе стороны декретируют поведение другой стороны. Взаимодействие отца и ребенка, воспитателя и воспитанника, где один из них говорит другому: „Не смей", „не тронь", „не плачь", „сделай то-то", "не делай того то", взаимодействие командира полка и солдат, где командир командует: „пли", „равняйся", „поворот направо", взаимо-

---

[1]) Вопреки *Болдуину* (см. пред. примечание) *Тард* вполне правильно указывает, что «материей» социальн. процессов являются не только идеи, но и намерения, верования, желания, чувства и эмоции. Но он впадает в противоположную крайность, склоняясь к мысли, что передаваться от индивида к индивиду всего легче могут чувства и эмоции, ощущения же и образы не могут передаваться или передаются с трудом... «Заразительностью, говорит он, обладают вовсе не ощущения, как таковые, и не образы, возникающие из этих ощущений... Легко передаются от человека к человеку не ощущения, а эмоции, потому что в состав большей части эмоций или чувств входит, как нечто подразумевающееся, значительное число суждений и намерений, представлений и целей... Поэтому *чувства* играют в интерпсихологии такую же роль, как ощущения в психологии отдельной личности» и т. д.

Тард: Теория псих. воздействий: Русск. высш. школа 1905 г. 16—17 и сл. Только что сделанный перечень форм интеллектуального взаимодействия показывает, что Тард ошибается, поскольку он склонен недооценивать или отрицать данность интеллектуального общения и взаимодействия. Приходится писать «поскольку он склонен», потому что терминология Тарда самая сбивчивая, неточная и дает возможность понимать его так и иначе.

Вообще следует признать, что всякая попытка считать «материей» общения лишь один из элементов психической жизни, ошибочна. Такая узость объясняется, повидимому, тем, что такие социологи не хотят видеть всех типичных форм общения, а видят, подобно Болдуину и Тарду, лишь общения какого-либо одного типа.

действие начальника, приказывающего подчиненному сделать то-то; взаимодействие толпы и вожака, где вожак предлагает что-либо выполнить, напр., поджечь дом, убить того-то; взаимодействие банды преступников, совокупно совершающих преступления (явления соучастия), взаимодействие группы лиц, переносящих тяжесть, взаимодействие комиссара, принуждающего крестьян платить подати или выдать хлеб, короче, тысячи случаев совместного достижения целей, явлений регулировки воли и поведения других, актов принуждения или побуждения сделать что-либо или воздержаться от чего-либо, — все они представляют процессы взаимодействия преимущественно волевые.

Как выше было указано, такое деление типов взаимодействия не имеет абсолютного значения, но относительное значение оно сохраняет. Доминирующее значение того или иного элемента в процессе взаимодействия проявляется частично и в той внешней обстановке, в которой эти взаимодействия происходят. Внешние условия, напр., чувственно-эмоционального взаимодействия довольно резко отличаются от обстановки интеллектуального общения. Обстановка бального зала, похоронной процессии, цирковой арены и т. д. направлена на взаимное возбуждение эмоциональной стороны. Гром музыки, конфетти, серпантин, бальные платья, декольте, или траурные ленты, заунывные аккорды похоронного марша, и т. п., все это направлено на разжигание эмоций и чувств, на то, чтобы эмоциональное состояние людей обострить, усилить в той или иной мере. Иное наблюдается в процессах интеллектуального общения. Здесь почти всегда музыка отсутствует. Сознательно или безсознательно здесь все направлено к тому, чтобы сделать „ровными“ эмоциональные переживания, чтобы удалить все, что рассеивает внимание и мешает спокойному и правильному восприятию идей.

Волевые взаимодействия внешне представляют комбинацию условий и обстановки первых двух. Временами, когда воля уже решила, что делать, для укрепления решимости привлекаются и музыка и другие „возбуждающие“ средства (напитки пред боем, пред совершением преступления, дробь барабана и т. д.). Иногда же волевые взаимодействия протекают в обстановке близкой к условиям взаимодействия интеллектуального. Это тогда, когда сознательную волю другого (а не бессознательный импульс) надо направить, когда надо помочь ей сделать выбор и вынести решение. Хотя и в таких случаях есть ряд отличий: место сердечных

излияний и выражений чувства, (в стихах, в прозе, в любовных письмах, в сердечных объяснениях и т. д.) как это в той или иной форме происходит при обмене эмоциями, место длинной цепи идей и суждений, стремящихся доказать что-либо и апеллирующих только к истине, в волевых общениях занимают одни императивы, одни приказы, большею частью краткие, ясные, точные, требующие не признания истинности или ложности, не изливяня чувств и эмоций, а повиновения и исполнения: „пли", „не смей", „прочь", „не убий", „не укради", „сделай то-то", „не делай того-то", вот обычный лексикон волевых взаимодействий. Временами и его не бывает: место слов в этих случаях просто занимают волевые действия. Рядом с этим здесь наблюдаются и другие черты. Группа эмоционально взаимодействующих лиц обычно безформенна, подвержена панике, ея поведение капризно, в ней легко разражаются „скандалы", психическая атмосфера накалена, каждую минуту здесь могут произойти эксцессы.

Иное представляет группа интеллектуальная. Она тверда и шаблонна. Скандалы и эксцессы здесь редкость, игры страстей нет. Поведение ея не случайно, оно спокойно и планомерно. Царит холодный разум, который часто совершенно депрессируется в эмоциональных собраниях.

Волевые собрания занимают среднее положение. Когда решение воли готово—собрание спокойно единообразно вотирует или осуществляет волевое задание. Когда решения еще нет—место действий занимают прения, иногда спокойные, иногда—при противоположности волений—накаляющие чувства и превращающие собрание в тип эмоционально-чувственного общения.

Это самые общие различия. Они тоже относительны. Но относительность их не обозначает их ничтожности.

§ 3. Виды взаимодействия в зависимости от проводников.

I. Формы взаимодействия в зависимости от природы проводников.

В зависимости от характера проводников можно различать взаимодействие *звуковое*, прежде всего *словесное*. Выше было указано на то, что такое взаимодействие составляет самый распространенный вид взаимодействия, которым люди пользуются на каждом шагу. Группа лиц, говорящих на одном языке, этим проводником связывается в одно коллек-

тивное целое. Знание языка дает им возможность, подобно радио-телеграфным аппаратам, схватывать волны раздражений, идущих друг от друга, и давать ответные звуковые радио-телеграммы. Лица, не знающие этого языка, похожи на аппараты, лишенные восприемных механизмов; они не в состоянии улавливать символически-словесные волны раздражений. Они тупы и нечувствительны к последним и не могут посылать правильные ответные „телефоно-граммы". В силу этого они могут быть в гуще звуковых раздражений и, тем не менее, последние могут проходить „мимо их ушей" или раздражать их только в качестве физических проводников.

Отсюда легко понять громадное значение языка в деле создания коллективных единств, укрепления и поддержания социальных связей. Звуковой проводник является связью в самом буквальном значении слова. Лица, говорящие одним языком, абоненты одной — самой удобной, самой дешевой и самой распространенной в мире телефонной сети. В каждую минуту, без всяких усилий и без помощи телефонной барышни, они могут „соединяться" друг с другом. Лица, не знающие языка, в эту сеть не входят: для соединения с другими, говорящими на иных языках, им пути заказаны. Примерами групп, об'единенных связью языка, служат все огромные соединения лиц, говорящих на одном языке („все говорящие на русском языке, все говорящие на английском, все говорящие на французском и т. д.). Эта соединительная роль языка подмечена была давно. Не даром же многие выдвигали и выдвигают язык, как конститутивный признак национальности, недаром она служила и служит основанием социальной группировки лиц в разные единства и ассоциации. Не будем пока говорить о национальности [1]). Ограничимся констатированием звуковой формы взаимодействия и громадной соединительно-связующей роли звуковых проводников. Она, действительно, может служить основанием социальной группировки. Все сказанное об языке, с соответственными изменениями, применимо и к другим звуковым проводникам и звуковым формам общения (музыка, пение и т. д.).

---

[1]) Национальность, как увидим, в аналитике сложных социальных агрегатов, представляет mixtum compositum, состоящий из ряда лиц, объединенных многими и разными в различных случаях связями.

См. *Сорокин:* Проблема соц. равенства. II. 1917, ст. Национальность, национ. вопрос и соц. равенство.

*

B) Второй формой взаимодействия в зависимости от проводников является *свето-цветовое взаимодействие* (взаимодействие путем книг, газет, писем, телеграмм, рисунков, картин и т. д.). Все сказанное о звуковом взаимодействии применимо и к данному проводнику. Люди, знающие и понимающие свето-цветные проводники (умеющие читать и писать), об'единены друг с другом этими проводниками, имеют в своем распоряжении прекрасный „соединительный аппарат“ и потому составляют коллективное единство, в которое не входят и не могут войти люди, не понимающие этих цветных знаков. Для них последние—„книга за семью печатями“. Они не связаны ими, не восприимчивы к раздражениям, идущим из книги, и не реагируют на них. „Они имеют глаза и не видят“, как люди, не понимающие языка, „имеют уши и не слышат“. Для них — они непонятный и неизвестный шифр. Пользование различными видами шифра может служит дальнейшим примером свето-цветового взаимодействия.

На том же основании, на каком звуковое символическое взаимодействие может служить основанием для группировки индивидов в ряд коллективных соединений („русско-говорящие народы“, „английско-говорящие народы“ и т. д.), на том же основании и свето-цветовое взаимодействие дает почву и принцип для объединения лиц, участвующих в таком взаимодействии, в особые коллективные единства. („Грамотные“ и „безграмотные“, „группы пишущие и читающие по-русски“, „по-немецки“ „по-французски“ „по-английски“. Подписчики „Нового Времени“, „Речи“, „Правды“, „Дня“, „Воли Народа“ и т. д.; лица, пользующиеся таким то шифром; художники — „символисты“, „реалисты“, “футуристы“, „кубисты“ и т. д.).

C) Лица и группы, пользующиеся „языком жестов“, языком движений и мимики, могут служить типом *двигательно-мимического взаимодействия* (первобытные люди, глухонемые, члены тайной организации, употребляющие для взаимного распознавания особые жесты, знакомые, снимающие при встрече шапки, военные, отдающие честь друг другу и т. д.). Все сказанное о предыдущих типах взаимодействия с соответственными изменениями применимо и к данному виду общения.

D) Индивиды, применяющие для передачи своих переживаний предметно-символические проводники, дают тип *предметно символического общения*. Таково общение командира, награждающего орденом подчиненного или вручающего знамя

полку, с последними; побежденных, вручающих ключи города или подносящих „хлеб-соль“ победителю, с этим последним; священика, дающего св. дары причащающемуся; генерала, срывающего погоны или ломающего шпагу расжалованного офицера; общение всех людей, передающих друг другу деньги, чеки, монеты, кредитки и т. д., и, наконец, общение посредством предметов материальной культуры вообще.

E) Общение, производимое путем обнюхивания друг друга (практикуемое первобытными людьми), путем тех или иных химических реагентов, может служить примером „химического взаимодействия людей“, или лучше — *взаимодействия посредством химических реагентов.*

Таковы: общение врача, дающего лекарство пациенту, с этим последним; матери, дающей молоко грудному ребенку, с ребенком; отравителя, дающего яд, с своей жертвой, прислуги ресторана, приносящей съестное блюдо, с клиентом и т. д.

F) Примерами *механического взаимодействия* служат факты: драки, физические схватки, войны, обмен физическими (а не символическими) актами: поцелуя, ударов, поглаживания, щекотания, вырывания волос, нанесения ран и т. д. Сюда же могут быть отнесены и акты „полового общения“, „общения“ посредством пуль, камней, стрел и т. д. Короче — все те явления взаимодействия, где люди раздражают друг друга путем „механических проводников“.

G) Примерами *теплового взаимодействия* служат: взаимодействие машиниста или кочегара, регулирующего температуру вагонов или комнат с центральным отоплением, и пассажиров вагона или жителей дома, взаимодействие человека, разводящего костер для согревания путников, палача, сожигающего или обжигающего жертву, с последней и т. д.

H) Примерами *электрического взаимодействия* служат все явления общения, где один раздражает другого путем электричества (лечение электричеством, электрический массаж и т. д.). Более важна роль сложного электро-звукового или электро-цветового взаимодействия (общение путем телефона, телеграфа и т. д.).

Таковы основные виды взаимодействия людей в зависимости от природы проводников взаимодействия. Чаще всего, конечно, практикуется общение путем сложного сочетания различных проводников.

Пользование ими, как видим, создает ряд настоящих связей между людьми, объединяет их в одно коллективное целое и служит основанием для группировки их в различные коллективные единства.

II. Взаимодействие посредственное и непосредственное.

Под непосредственным общением я разумею все те случаи взаимодействия, где взаимодействующие люди обходятся без посредников-людей, где обмен раздражениями не требует других индивидов для передачи раздражений и реакций.

Под *посредственным взаимодействием*, наоборот, понимается такое, где акт-раздражитель (и реакция) достигает адресата лишь при помощи других людей, функционирующих в роли проводников—контакторов.

Оно может быть таким, где взаимодействующие индивиды знают о существовании друг друга, и таким, где этого знания нет.

Примерами первого служат: личное объяснение X-а и У-ка, непосредственный разговор между ними, передача с рук на руки письма, предмета и т. д. Примерами второго—все виды взаимодействия, не обходящиеся без людей-посредников. Таковы: передача письма чрез почтальона или посыльного, передача слов, вещей, предметов чрез третьих лиц и т. д. Сюда же относятся и те случаи общения, где взаимодействующие индивиды, пользуясь посредничеством людей-контакторов, могут обусловливать поведение друг друга, *не ведая о взаимном существовании*. Таково, напр., в современном хозяйстве взаимодействие потребителя с производителем, совершающееся обычно чрез ряд посредников—торговцев. Тот и другой могут не знать друг друга, хотя и обусловливают взаимные переживания и поступки; таково взаимодействие членов правительства могущественного государства и подданных другого слабого государства, судьба которых часто решается первыми (напр., судьба подданных России и главарей парижского конгресса сейчас) помимо их ведома, знания и т. д.

Посредственное взаимодействие обычно дано при взаимодействии лиц, разделенных пространством или временем. При таких именно условиях чаще всего функционируют люди в качестве проводников-контакторов, передающих раздражения одних другим.

Очерченными видами взаимодействия ограничимся в характеристике главных форм взаимодействия, выделенных в зависимости от: 1) количества и качества индивидов, 2) характера их актов и 3) природы проводников общения [1]).

---

[1]) Ряд социологов дают иную, более сложную классификацию форм деятельности людей и форм взаимодействия. Так, *Waxweiler* различает такие формы соц. деятельности (activités sociales); activites: 1) conjonctives, 2) protectrices ou nocives, 3) competitrices, 4) divulgatrices, 5) grégaires, 6) répétitrices, 7) iniciatrices, 8) acquisitives, 9) sélectives. *Waxweiler:* Esquisse. гл. VII. *Ross*, в качестве «социальных отношений», выделяет такие типы, как: Fellowship, Reciprocity, Suretyship, Discipleship, Agency, Patronage, Clientage, Pupilage, Vassalage, Slavery. *Ross*: Foundations. 98. *Giddings* различает нижеследующие основные формы «практической деятельности socius'a: 1) Appreciation, 2) Utilization, 3) Caracterization, 4) Socialization, плюс—сложные формы: 1) Экономическая, 2) правовая, 3) культурная. По методам деятельности первые четыре формы распадаются на ряд видов, каковы: реагирование на стимул, подражание, изобретение, нападение, приспособление, ассимиляция и т. д. См. *Giddings:* The elements 35—52.

В своей «Индуктивной социологии» Гиддингс различает: 1) культурную мысль (Cultural thought) и культурную деятельность, 2) экономическую мысль и экономическую деятельность, 3) морально-правовую мысль и морально-правовую деятельность, 4) политическую мысль и политическую деятельность. *Giddings:* Inductive Sociology. 164. *Де-Роберти* различает: 1) научную мысль и деятельность, 2) философско-синтетическую, 3) символически-эстетическую и практическую, распадающуюся на эконом., политич., и юридическую. *Де-Роберти:* Новая постановка основн. вопр. социологии. Passim. Sociologie de l'action. 1908 г. 163—304. *Де-Грееф* различает семь основных видов деятельности. См. выше. Чрезвычайно дробный перечень дает *Hayes*. См. Hayes. Op. cit. 394—396.

Не указывая других примеров, из сказанного видно, что в этом вопросе мнения социологов чрезвычайно разнородны. Такое разнообразие объясняется различием заданий, преследуемых каждым социологом.

Легко видеть, что каждая из этих классификаций не полна и в известной мере «случайна».

Не трудно видеть и то, что большинство указанных в этих перечнях форм входит в те или иные из указанных мной рубрик. Так, напр., деятельность вредящая или соперничающая представит одну из форм антагонистич. взаимодействия, товарищество, взаимность и т. п. войдут в формы солидарного взаимодействия. Стадность, подражание и т. д. будут видами бессознательного общения. Изобретательная, инициативная, «избиратательная» деятельность будут видами сознательного общения.

Если автор в очерченном перечне не дал более подробной классификации, то потому, что здесь она излишня и только загромождала бы изложение. Более подробная классификация форм деятельности индивида будет дана в свое время в «Соц. механике».

ГЛАВА VI.

Явление взаимодействия, как коллективное единство.

§ 1. Явление взаимодействия, как коллективное единство или реальная совокупность.

Явление взаимодействия людей дано тогда, когда психическое состояние, или внешнее поведение, либо, наконец, то и другое одного или одних из них могут быть рассматриваемы, как функция существования и состояния другого или других индивидов, таково данное выше определение явлений взаимодействия.

Из этого определения следует, что один или одни индивиды могут влиять на поведение и состояние психики другого или других, могут вызывать — намеренно или ненамеренно — изменения в области психических переживаний и в области внешних движений других индивидов. Взятое в целом, явление взаимодействия представляет таким образом определенную систему, где в течение процесса взаимодействия существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия: поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (обусловливающего) индивида влекут за собой те или иные изменения в поведении и состоянии его контр-агента. Такая зависимость может быть и взаимной... Образно говоря, взаимодействующие индивиды представляются как бы связанными друг с другом веревкой. Движения одного, в силу этой связи, „дергают“ другого и обратно.

Такая тесная функциональная или причинная взаимозависимость между центрами взаимодействия дает основание для того, чтобы рассматривать явление взаимодействия в качестве особого *коллективного единства или коллективной индивидуальности.*

Основанием для этого, как только что было сказано, являются *причинные или функциональные отношения*, данные между взаимодействующими индивидами, выделяющие их из множества других индивидов в особое явление, отграниченное от всех остальных... Спрашивается, достаточно ли такой основы для того, чтобы образовать из ряда взаимодействующих индивидов коллективное единство?

Ответ может быть только положительный. Для объективного исследователя такое основание является достаточным и необходимым основанием. Больше того, оно *единственное основание для образования всякого реального коллективного единства.* Там, где нет этой тесной функциональной или причинной связи, там нет и коллективного единства, а есть простая пространственная близость и сосуществование ряда отдельных единиц или единство не реальное, а мнимое. Так, не являются коллективным единством: куча песку, штабель дров, груда кирпичей или ряд холмов. Не составляют коллективного единства и ряд индивидов, не оказывающих друг на друга никакого влияния [1]).

Правильно говорит по этому поводу *Зигварт*, рассматривающий эти последние явления, в качестве *„внешнего и случайного единства"*. „Когда мы говорим о куче песку, о куче дров, о группе деревьев, о ряде холмов и т. п., то пространственное сосуществование отдельных штук или индивидуумов в этом числе и группировке не определено никакою, в них самих лежащей, необходимостью и между ними существует лишь такое отношение, какое могло бы быть также *между какими угодно другими вещами*" [2]).

Иначе совсем обстоит дело в том случае, когда в основе коллективного единства лежит принцип причинного или функционального отношения. Здесь единство *не внешнее*, а

---

[1]) Не составляют реального коллективного единства и «единства формальные» или «телеологические». Общность цели ряда лиц, не взаимодействующих друг с другом, ничуть не превращает их в коллективное целое: каждый из них остается изолированным от других, а совокупность их представляет единство фиктивное, мнимое, подобное, напр., фиктивной группе «прямоносых» или «детей в возрасте 1-го года» в данном населении. Только тогда, когда появляются причинные отношения между ними, только тогда телеологическое единство становится единством реальным. Но для бытия последнего телеологизм не необходим и недостаточен. Вот почему излюбленное немцами выделение телеологических и формальных единств представляет бесплодную операцию, ничего не дающую для познания явлений.

См. напр., *Еллинек:* Право совр. гос-ва. СПБ. 1903. 110—112.

См. ниже §. О соц. реализме и номинализме, и во II т. § «О мнимых и реальных коллект. единствах».

[2]) *Зигварт:* Логика. СПБ. 1908, т. II, вып. I. 226.

внутреннее, связь *не случайная*, а *функциональная* (причинная). Пространственная близость является основой единства внешнего и случайного: достаточно песчинки или поленья оторвать друг от друга, напр., раскидать по земле, т. е. пространственно отделить их, и от коллективного единства не останется ничего. Иначе обстоит дело в явлениях взаимодействия. В предыдущем мы видели, что здесь пространственная близость не является условием единства: взаимодействующие индивиды могут взаимодействовать и при пространственной *раздельности*. Пространственная раздельность в единствах, основанных на причинных отношениях, не препятствует их бытию. Совершенно правильно говорит *Зигварт* и по этому поводу. „Другие коллективные понятия имеют основой своего единства *причинное отношение* (безразлично, будет-ли это зависимость от одной причины, или взаимодействие), которое связывает отдельные раздельные единства, безразлично, полагается ли при этом вместе с тем пространственная отграниченность целого или нет. Так, коллективное понятие солнечной системы постепенно прогрессировало от простого единства суммы к причинному единству. Так, простое генеалогическое понятие семьи покоится лишь на причинном отношении единого происхождения от общего родоначальника. Так, в коллективном понятии леса может быть включен причинный элемент зависимости произрастания его составных частей друг от друга“ [1]).

Правда, тот же *Зигварт* далее указывает возможность *телеологического* единства. Но из его же анализа следует, что это не необходимое и не достаточное условие для образования коллективного единства. „Телеологическое рассмотрение общества и государства, говорит он, *не исключает каузального рассмотрения, а напротив, требует его*“ [2]).

---

[1]) *Зигварт:* Ibid. 226.
[2]) *Зигварт:* Ibid. 227.

Как видно из указанного в этом пункте я схожусь с *Б. А. Кистяковским*, совершенно верно видящим в явлении взаимодействия достаточные и необходимые условия для образования kollektivwesen. «Поленицу дров, пирамиду из шаров или кучу песка нельзя рассматривать, как коллективное существо, хотя они и обладают в пространстве реальным единством и наши пространственные восприятия позволяют нам представлять их, как единые вещи. Между составными их частями нет реальных взаимоотношений, они об'единяются простым сложением и, в силу этого, мы вынуждены видеть здесь только суммы». Совершенно иначе обстоит дело с лесом или солнечной системой: здесь дано взаимодействие между членами; поэтому они являются подлинными коллективными существами. *Kistiakowski:* Gesellschaft und Einzelwesen. 1899. 131—133. Аналогично смотрит на дело *Зиммель*. «Для меня несомненно, что существует только одно основание, которое придает соеди-

Итак, наличность тесной функциональной связи между взаимодействующими индивидами является вполне достаточным основанием для рассмотрения явлений взаимодействия, как *коллективного единства, как особой „реальной совокупности“*.

Раз совокупность взаимодействующих индивидов составляет коллективное единство, то, сообразно выделенным формам взаимодействия, можно различать следующие виды коллективных единств.

I. В зависимости *от количества индивидов*: 1) коллективное единство двух, 2) коллективное единство многих с определенным одним центром, связывающим всех взаимодействующих индивидов, 3) коллективное единство сложное, составленное из взаимодействия двух групп, из которых каждая является коллективным единством 1-й степени. В зависимости от *качества индивидов* могуть быть коллективные единства самые разнородные; в частности, составленные из сходных (односемейных, одногосударственных, однорасовых, однополых, одновозрастных и т. д.) и несходных индивидов (разносемейных, разногосударственных, разнорасовых и т. д.).

нению (отдельных единиц), по крайней мере, относительную объективность это—взаимодействие частей».

Зиммель: Социальная дифференциация. М. 1909. 18.

А. А. Чупров, соглашаясь с тем, что причинные взаимоотношения должны лежать в основе коллективных единств или «реальных совокупностей», считает, однако, этот признак не вполне достаточным: для образования последних мало простого взаимодействия, говорит он, нужно еще, чтобы это взаимодействие было длительным и прочным. Именно эта длительность и прочность отношений взаимодействия между членами солнечной системы заставляет не считать членом этой системы находящуюся в ея пределах комету, хотя в это время «между нею и остальными членами системы устанавливается такое же взаимодействие, как между землей, юпитером, солнцем» и т. п.

Поэтому «я в основу понятия реальной совокупности принимаю наличность между отдельными единицами, в нее входящими, такого рода взаимодействия, которое способно обеспечить длительное существование вещи».

А. А. Чупров: Очерки по теории статистики. 1909. 77—80.

С Чупровым нельзя вполне согласиться: во-первых, само понятие длительности относительно и поэтому мало пригодно служить отличительным признаком реальной совокупности; во-вторых, оно скорее пригодно для выделения видов реальных совокупностей, (реальные совокупности временные и постоянные), а не для конституирования их рода; в третьих, не является убедительным указание на комету и солнечную систему: в тот момент, когда комета находится в пределах этой системы и взаимодействует с ея членами, она несомненно составляет члена этой совокупности и продолжает быть членом ея все время, пока она взаимодействует с солнцем и планетами солнечного мира. Когда она уйдет из этого мира и перестанет взаимодействовать—она перестает быть и членом последнего. Это возражение подтверждает, а не отрицает правильность защищаемой здесь точки зрения.

II. *В зависимости от характера актов* коллективные единства: 1) активные, активно-пассивные, пассивно-активные и пассивные; 2) односторонние и двусторонние, 3) длительные и временные, 4) антагонистические и солидаристические, 5) шаблонные (организованные) и нешаблонные (неорганизованные), 6) сознательные (в частности, целевые) и бессознательные, 7) интеллектуальные, эмоциональные и волевые.

III. *В зависимости от проводников коллективные единства*: 1) связанные звуковыми проводниками, 2) свето-цветовыми, 3) двигательно-мимическими, 4) химическими, 5) механическими, 6) тепловыми, 7) предметными, 8) электрическими, 9) коллективные единства: посредственные и непосредственные.

Отсюда следует определенный методологический вывод: Он гласит: *Первым шагом к анализу строения всякого народонаселения (любой страны, любой эпохи) является анализ его с точки зрения количества и качества составляющих его индивидов, характера их взаимоотношений и проводниковых связей.* Не отдав себе отчета в этих вопросах невозможно понять ни истории, ни судеб данного населения [1]).

Такой анализ—не все. Он лишь первый шаг. Но без такого шага обойтись нельзя.

Ограничимся полученным результатом. Он подытоживает наш анализ. Взяв явление взаимодействия, мы разложили его на части, рассмотрели эти части и теперь снова замкнули разорванный круг, придя к выводу, что эти части составляют особое целое—коллективное единство.

Полученный результат дает возможность перейти „на второй этаж" анализа социальной структуры. Начав с индивида и его взаимоотношений мы пришли к понятию коллективного единства. Теперь мы могли бы оставить в стороне взаимоотношения *индивидов* и перейти к изучению взаимоотношений *коллективных единств*; их градации, их скрещивания, их кумуляции, их расслоения. Мы могли бы приступить к исследованию взаимодействия *не лиц, а групп или реальных совокупностей*. Эти последние, в свою очередь, мы могли бы разделить на ряд категорий по степени сложности, начиная от коллективных единств простых и кончая сложными социальными телами, составленными из ряда простых групп. Таким путем мы последовательно перешли бы от аналитики простых социальных структур к аналитике слож-

---

[1]) Вполне правильно поступает Giddings, уделяя большое внимание анализу народонаселения с точек зрения весьма близких к указанным. См. *Giddings*. Основ. социологии, The Element of soc. и Inductive sociology.

ных социальных образований. Из сказанного становится ясной та логическая последовательность, которая лежит в основе нашей работы; рассеивается возможное недоумение многих, которым, быть может, показалось странным, почему мы свою социологию начали с анализа столь „не социальных“ (с шаблонно-диллетантской точки зрения) явлений, как индивиды, их акты и проводники. Теперь, вероятно, каждый поймет, что без анализа и изучения „первого этажа“ нельзя приступать к анализу „второго“.

Но прежде, чем перейти к решению указанных вопросов, мы должны рассмотреть еще несколько проблем, связанных с бытием простых социальных явлений, проблем необходимых для того, чтобы расчистить путь для анализа сложных социальных структур.

§ 2. Социологический реализм и номинализм.

Раз мы пришли к выводу, что явление взаимодействия представляет коллективное единство, то встает вопрос о реальности этого коллективного единства. Этот вопрос гласит: *суть-ли коллективное единство или общество*[1]) *реально существующее явление или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие?*

Как известно, этот вопрос встал давно и вызвал большие споры. Эти споры не заглохли и в наше время.

Основные ответы на этот вопрос вылились в два течения. Первое из них можно охарактеризовать, как течение социологического реализма, второе — как течение социологического номинализма.

Сущность ответа первого течения состоит в утверждении, что *общество есть реальность sui generis, отличная и даже независимая от реальности составляющих его индивидов;* общество имеет свое существование, свои функции, свои органы, короче — оно живет, как всякое подлинно существующее явление, говорят нам „реалисты“.

Такова суммарная характеристика социологического реализма.

При более детальном рассмотрении его мы видим в нем определенные оттенки и градации.

Крайнюю позицию в социологическом реализме занимали органицисты, т. е. сторонники органической школы в социологии.

---

[1]) Пока я употребляю термин общество в смысле всякой группы взаимодействующих индивидов.

Они утверждали, что общество не только есть реально существующее явление, но что реальность его такова же, как и реальность всякого организма, ибо общество само представляет организм. Как всякий организм, общество имеет свое физическое тело, свою энергию и свое коллективное сознание. Как всякий организм оно рождается, растет, существует и умирает. Как всякий организм оно имеет свои органы и клетки. Такими клетками являются индивиды. Как в организме каждый орган выполняет свои функции, так и в обществе надлежащие органы выполняют свои. Словом—общество есть подлинно реальное существо, независимое от составляющих его индивидов, имеющее и физическое и психическое бытие [1]).

В менее отчетливой и резкой форме тезисы социологического реализма поддерживаются и рядом других социологов. Таковы, напр., Гумплович, Дюркгейм, Позада, Де-Роберти, Изулэ, Эспинас, Фуллье, Гирке и др. Приведем несколько примеров. „В человеке мыслит совсем не он, но его социальная группа, пишет Гумплович. Разве мыслит, чувствует, имеет вкус индивид? Нет! не индивид, а социальная группа“ [2]). „Мы считаем отдельными реальными элементами в социаль-

---

[1]) Ограничиваюсь этой суммарной характеристикой органической школы. Более подробное изложение ее истории — весьма древней — ея тезисов и параллелей завело бы нас в сторону. «Что такое общество»—вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого же начала, пишет *Спенсер*. Пока мы не решили—смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие (entity) или нет?» Указав далее на спор реализма и номинализма Спенсер отвечает. «Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity)... Но решившись смотреть на общество, как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь—что же это за предмет». Название следующего параграфа дает ответ на этот вопрос. Он гласит: «общество есть организм». *Спенсер*: Основания Социологии. т. I., 277—278. Спб. 1898. *Лилиенфельд* настаивает прямо на «l'identité absolue» общества и организма. Согласно ему общество—конкретный организм. 1-й том его: Pensées sur la Science Sociale de l'Avenir прямо озаглавлен: «Общество, как реальный организм (Митава. 1873) См. резюме его взглядов в статье *Lilienfelda* в Annales de l'Institut intern. de Sociologie. т. IV 196—236. Здесь, однако, Лилиенфельд вводит уже ряд оговорок в признание тождества организма и общества (См. 227 стр.), тем не менее, основное положение об обществе-организме остается незатронутым. (См. 212 стр.). См. Ст. *Новикова* в тех же Annales. т. IV. 169—196. Les Sociétés sont des êtres vivants», резюмирует он свои взгляды. Стр. 196.

Краткую историю органич. школы см: у *Ferrière*. L'organisme social. Revue intern de sociol. 1915. №№ 5 и 6. Более краткие характеристики ее читатель найдет у *Кареева:* Введение в изучение социологии. 1907 г. гл. IV., у *Барта*: Философия истории, как социология. Спб. 1902. гл. IV, у *Хвостова:* Социология. гл. I.

[2]) *Гумплович*: Основы социологии. СПБ. 1899. 264—66.

ном процессе не отдельных лиц, а социальные группы" [1]). Общество или разряд социальных фактов „составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящихся *вне* индивида и одаренных принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним", пишет Дюркгейм. Социальным является „всякий образ действий...' имеющий *свое собственное* существование, независимое от его индивидуальных проявлений" [2]). „Над индивидом есть общество. Оно не есть воображаемое и номинальное существо, а система действительных сил". „En résumé, la société n'est nullement l'être illogique ou alogique, incohérent et fantasque qu'on se plaît trop souvent à voir en elle. Tout au contraire, la conscience collective est la forme la plus haute de la vie psychique, puisque c'est une conscience de consciences" [3]). Отсюда, постоянное употребление Дюркгеймом и его школой терминов, в роде: „коллективное сознание", „коллективные представления" и т. д.

„Достойным нашего времени, действительно обоснованным нашим миросозерцанием, действительно прогрессивным является только воззрение, которое выработал германский дух в многовековой борьбе, читаем мы у Гирке; над человеческими индивидами продолжают существовать человеческие союзы разного порядка и ранга — реальные существа исторической действительности, социальные организмы с головой и прочими органами, из коих каждый на своем месте участвует в общей жизни целого" [4]).

„Общества человеческие нам представляются, как нечто целое, имеющее собственные цели, как сущности, как живые существа", пишет Posada [5]).

„Без всякого сомнения общества суть живые существа. Общество есть живое сознание или организм идей", говорит Эспинас [6]).

В таком же стиле характеризируют надиндивидуальную реальность общества Драгическо, Де-Греф, Изуле, Фулье, и др. социологи. Едва ли не самой последовательной попыткой систематического построения общества, как подлинной психической реальности, является попытка Boodin'а, недавно сделанная им на страницах „Американского журнала социо-

---

[1]) *Gumplowicz:* Der Rassenkampf. 1883. 39—40.

[2]) *Дюркгейм:* Метод социологии. Изд. Иогансена. 10—19.

[3]) *Дюркгейм:* Les formes element. de la vie religieuse. 1912. 633—635. Еще резче этот взгляд им подчеркивается в «Самоубийстве» См. 1—8 и passim. СПБ. 1912 г.

[4]) *Gierke:* Deutsche Privatrecht. т. I, 1895 г. 468.

[5]) *Posada:* Les sociétés animales. Annales. т. III. 271.

[6]) *Espinas:* Sociétés animales. 2 ed. 527—530.

логии". В своей статье Boodin последовательно доказывает существование подлинной социальной души (social mind). Его основной тезис гласит: „What I wish to show is that there is a genuine social unity, distinct from what we call the unity of individual experience, and if not more real, at least more self-sufficient that this. „Вместо того, чтобы отправляться от постулата изолированного духа, как делала психология в прошлом, стараясь затем объяснить возможность познания одной души другою путем аналогии, мы должны отправляться от постулата междусубъективной духовной непрерывности (the postulate of intersubjective continuity), как элементарного факта". Далее Boodin конструирует эту междусубъективную психическую реальность, как вид энергии, подобный электричеству, указывает, как она диффундирует от индивида к индивиду, словом — дает реставрацию гегелевского всемирного Духа, приспособленную к современному состоянию знания [1]).

В смягченном виде реставрацию органической теории и ее учения о реальности общества дает в своем недавнем труде *Феррьер*, утверждающий, что зерно органической теории было здоровым зерном. Очистив его от шелухи мы найдем, утверждает он, что общество действительно представляет реальность sui generis, сходную во многих отношениях с организмом.

1) Живой организм стремится сохраниться и увеличить свою мощь, ибо жизнь — сила, которая, по Бергсону, „toujours cherche à se dépasser elle même". Таково же и общество. 2) Организм в лице „я" стремится вечно прогрессировать. К тому же стремится и общество. 3) Прогресс организма состоит в одновременной дифференциации и интеграции. В этом же состоит и прогресс общества [2]).

Таковы вкратце различные оттенки социологического реализма.

Социологический номинализм, в противоположность социологическому реализму, утверждает: 1) что единственно реальны индивиды, составляющие общество, 2) что вне индивидов, как реальности, нет никакой другой реальности; с удалением индивидов от общества не остается ничего, *3) что нет общества, как реальности, ни в смысле физического тела, ни в смысле*

---

[1]) *Boodin:* The existence of social minds. Amer. journ, of sociology, т. XIX, № 1, 9, 15 и сл.

[2]) См. *Ferriére:* La Loi du Progrès en biologie et en sociologie. 1915. III-я часть. Passim.

особого от сознания индивидов надиндивидуального сознания или коллективной души.

Таковы основные тезисы социологического номинализма.

Наиболее ярким представителем его в последнее время был Г. Тард. Он отрицает прежде всего реальность общества, как организма, или как реальность физического тела. „В итоге, говорит он, понятие социального организма принесло пользу только натуралистам, которым оно внушило клеточную теорию, физическое разделение труда и другие ясные и проникновенные мысли. Но поскольку полезно социологизировать биологию, постольку бесполезно и вредно биологизировать социологию". „Органицизм не только неверен, говорит он далее, но он опасен. Если я не вижу его услуг, то я отлично вижу заблуждения, которые он усилил. Прежде всего к ним относится тенденция создания социологической антологии, конструирования сущностей в качестве вещей, постоянного употребления слов, в роде „социальный принцип", „душа толпы" или других смутных понятий в роде „социальной среды" в смысле биологической метафизики, быть может наихудшей из всех метафизик" [1]).

Из этого отрывка уже ясна позиция Тарда. Еще более рельефно она выясняется из следующей цитаты, направленной против Дюркгейма. Является заблуждением утверждение, говорит он, „что социальный факт, поскольку он социальный, существует *вне всех своих индивидуальных проявлений*. Но, к несчастью... Дюркгейм возвращает нас в самую глубину схоластики. Социология не то же самое, что антология. Признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что „отбросив индивидумов, получим в остатке общество". Если отбросить профессоров, не представляю себе ясно, что останется от университета, кроме одного названия, которое не выражает ничего, если оно никому неизвестно со всей совокупностью традиций, с ним связанных. Уже не возвращаемся ли мы к реализму средних веков" [2]).

„Чем может быть общество, если мы отвлечемся от составляющих его индивидов?", спрашивает Тард и отвечает:— ничем. В основе Дюркгеймовской точки зрения он видит предрассудок, состоящий в том, что комбинация элементов может быть отлична от суммы последних. Эта точка зрения, приложимая в химии и биологии, по Тарду неприложима

---

[1]) *Tard:* La théorie organique des sociétés. Annales. т. IV. 238—239.
[2]) *Тард*: Социальная логика. СПБ. 1901. 2.

к социологии: в последней при удалении индивидуального исчезает и социальное. В обществе нет ничего, что в частичном виде не существовало бы в индивидах, в качестве достояния живущих и умерших поколений [1]).

Из других лиц, близких к позиции номинализма, отметим *Duprat*. В своей работе: Science Sociale et démocratie он отказывается признать самостоятельную реальность общества в смысле физического тела — организма — и в смысле психического единства — „социального сознания или коллективной души",—отличной от сознания индивидов. На 46 стр. этой работы он едко высмеивает органическую школу, как представительницу социологического реализма, приписывающую обществу физическую реальность организма. „Mentalisez" d'abord un organisme; remplacez la cellule purement biologique, qui n' est qu'une abstraction, par une synthèse d'atomes psychiques ou de monades; superposez à la vie la conscience, ici tout à fait obscure et là plus claire; puis „socialisez" ce que vous venez de „mentaliser" ainsi; donnez à chaque élément psycho-physiologique une tendance à la vie en commun, à l'association, donnez à l'agrégat un gouvernement, une sorte de monarque avec l'âme, dont la sensibilité, l'intelligence, la volonté seront les ministres... и т. д. Qu y'aura donc gagné la science? Ne resultera-t-il pas une plus grande obscurité encore de ces analogies parfois forcées". 46—47.

Равным образом Duprat отказывается признать и „социальное сознание" общества, отличное и независимое от сознаний индивидуальных. „La conscience sociale n'a jamais pu vivre que dans des consciences individuelles". Если он и соглашается употреблять этот термин, то только постольку, поскольку он обозначает "синтезы социальных понятий, распространенных среди всех социальных существ, в которых он и получает субъективное бытие в одних более ясное, в других более смутное". Ни о каком социальном сознании, помимо индивидуального сознания, не может быть и речи [2]).

Весьма близкой к социологическому номинализму, но в значительной мере свободной от его недостатков, является „русская суб'ективная школа", в лице *П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева.*

Их отрицательное отношение к социологическому реализму выразилось в резкой и по существу правильной критике органической школы; во-вторых,—в страстной защите

---

[1]) *Тард:* Les deux éléments de la sociologie. В Etudes de psychologie sociale. 69—75. Paris. 1898.

[2]) *Duprat:* Science Sociale et Démocratie. 1900. 59. 68—69.

личности, как верховной этической ценности (в суб'ективной школе); в третьих,—в тщательном анализе понятия индивидуальности (особенно Н. К. Михайловским) и в доказательстве, что из всех возможных индивидуальностей (от атома до вселенной) человеку надлежит остановиться на личности, как подлинной социальной индивидуальности: только она— подлинная реальность, действующая, мыслящая, страдающая и наслаждающаяся; только она — не абстракция; только она и ея судьбы—могут быть правильным критерием прогресса и т. д.

По времени, по блеску и глубине аргументации русская суб'ективная школа должна быть поставлена во главе критиков социального реализма. Если я типичным выразителем социального номинализма ставлю Тарда, а не эту школу, то потому, что социологи этой школы не были последовательными номиналистами и свободны, как увидим сейчас, от ошибок последнего [1]).

Спрашивается, которое из этих двух направлений мы должны признать истинным? Прав, ли социологический реализм или социологический номинализм?

Для того, чтобы и постановка вопроса и ответ на него были вполне ясны, необходимо удалить из проблемы многозначные и неопределенные термины или условиться об их смысле. Таким термином служит термин: „реальность“. Человеку, немного знакомому с философией и гносеологией, известна многообразность содержания, вкладываемого в это слово различными философами и теоретиками познания. Не условившись относительно его значения, мы неизбежно впадем в двусмысленности и неясности. Весь спор социологического реализма и номинализма в значительной степени основан именно на двусмысленности и неодинаковом понимании термина „реализм“ и его производных.

Поэтому поставим вопрос о природе реальности коллективных единств или обществ несколько иначе.

Спросим себя, правы ли реалисты, утверждая, что общество, как реальность sui generis, существует *независимо* и *вне* составляющих его индивидов?

---

[1]) См. *Лавров:* «Исторические письма», «Задачи понимания истории», «Важнейшие моменты в истории мысли» и «Собрание сочинений» вып. VIII; *Михайловский:* «Что такое прогресс», «Борьба за индивидуальность», «Патологическая магия», «Дарвинизм и обществ. наука», «Статья о Дюркгейме и др. *Кареев:* «Теория личности Лаврова». «Введение в изуч. социологии», Экономический матер. и закономерность соц. явлений: 112, и «Общие основы социологии». 1919.

*

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный: никакая конкретная вещь не может существовать *вне и независимо от ея элементов:* отнимите от воды ея элементы—кислород и водород—и воды не будет; отнимите от организма его клетки — и организма не будет; отнимите от солнечной системы ея членов—и солнечная система исчезнет. Отнимите от общества его элементы—индивидов—и общество исчезнет. Без индивидов — общества людей не создашь, как без элементов любой вещи нельзя создать эту вещь.

Это так ясно и очевидно, что настаивать на этом трюизме нет надобности. Вот почему реалисты, утверждающие, подобно Дюркгейму и другим, что общественный факт может иметь свое собственное существование, независимо от индивидов и вне их находящееся, если буквально понимать их выражения, проповедуют чистый абсурд. Они похожи на людей, которые „из-за леса не видят деревьев“ и кроме того утверждают, что лес может существовать и без деревьев. Вот почему в этом пункте Тард вполне прав, когда говорит: „признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что „отбросив индивидуумов получим в остатке общество“.

Спросим себя далее, правы ли реалисты, утверждая, что есть „коллективная душа“ или „коллективное сознание“, имеющее свое собственное бытие, независимое от сознания и души составляющих общество индивидов?

Если буквально понять такие утверждения (а реалисты дают достаточно поводов для такого буквального понимания), то ответ опять таки может быть только отрицательным. Правда, выражения: „душа общества“, „душа народа“, „народный дух“ и т. д. фигурируют постоянно. Но значит ли это, что есть какое-то „сознание общества“, или „душа общества“, *независимые* от сознания составляющих общество индивидов или имеющие свое собственное существование, вне существования индивидуальных душ?

Ответ дает „метод вычитания“. Отнимите от этой „коллективной души общества“ „души“ *всех* составляющих его индивидов, вычтите из „социального сознания“ сознание *всех* его членов, бывших и сущих, и вы получите пустое место. „Социальное сознание“ исчезнет; оно исчезнет как психическое переживание, как суб'ективный факт, ибо некому будет переживать его; оно исчезнет как об'ективный вид энергии, ибо вне индивидов психическая энергия проявляться не может; оно исчезнет как физиологический процесс, ибо не будет никакой нервной системы; оно не будет и не

может существовать как физическое явление или как физический предмет. Неизвестно, где и как оно будет локализовано; короче, в этих условиях оно теряет все эмпирические свойства бытия. Этого достаточно, чтобы признать его несуществующим. Те, кто с этим выводом не согласились бы, должны показать, как и в какой форме могло бы существовать это „сознание общества“ вне и независимо от сознания всех составляющих общество индивидов. Думаю, что никакого modus vivendi его они в этих условиях не докажут.

Все сказанное относится и к нео-гегелевской концепции Boodin'a с его постулатом междусуб'ектной духовной непрерывности и к концепциям, подобным теории Фулье [1]). Слова можно выдумывать разные. Но нужно, чтобы эти слова что-нибудь значили. Перефразируя Дюпра можно так охарактеризовать приемы Фулье, Boodin'a и др.: „Одухотворите или припишите сначала сознание всему междупланетному пространству; замените простой атом духовной и сознательной монадой; заместите сознанием все элементы неорганического мира; затем „социализируйте“ их по рецепту „психизирования“; придайте каждому „напсихизированному“ элементу мира тенденцию к коллективной жизни, к ассоциации, присоедините к этому высшие управляющие центры сознания, подобные монарху и т. д... и в таком случае вы получите просто и без всякого труда не только междусуб'ектную душу и коллективное сознание, но все, что угодно: бога, чорта, всемирный дух, логос, „сознание вообще“, „мировой разум“, „всемирное сознание“, „атомную душу“ и множество других „безличных личностей“, „деревянных желез“, „черных белизн“ и прочие логически-нелепые, эмпирически-абсурдные понятия. Ценность их будет такова-же, как ценность „деревянного железа“. Место таким приемам в сфере телепатии, теософии и мистицизма, а не в системе науки.

„Нет никакого основания предполагать, что общество представляет великое существо, которое обладает самосознанием в форме некоторого мистического процесса мышления, отличного и независимого от мышления, совершающе-

---

[1]) «Мир можно определить как организм, который стремится выработать в себе сознание и волю, как республику, которая стремится реализовать себя путем собственной идеи».

Фулье: La science sociale contemporaine. Paris. 1880. 413.

С таким же правом можно было бы мир назвать монархией, приписать ему стремление к хорошим нарядам, отождествить мир с кошкой, собакой и с чем угодно.

гося в мозгу составляющих его индивидов", правильно говорит Гиддингс [1]).

Но если основные тезисы социологического реализма, понятые в их буквальном смысле, не могут быть приняты, то спрашивается: приемлемы ли тезисы социологического номинализма, взятые опять таки в их буквальном смысле? Можем ли мы поддерживать положение, что *общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих индивидов, равно простой сумме индивидов? Можем ли мы, далее, согласиться с Тардом, что в обществе нет ничего, что не существовало бы в индивидах*?

Достаточно небольшого размышления, чтобы сказать: non possumus.

Равно ли общество, как совокупность взаимодействующих индивидов, простой сумме последних, это зависит от смысла, придаваемого „сумме индивидов:" если под суммой индивидов разумеются индивиды *взаимодействующие*, тогда сумма их равна обществу или коллективному единству, ибо сумма *взаимодействующих* индивидов сама составляет „общество". Если же под суммой индивидов разумеются индивиды *не взаимодействующие*, изолированные, отделенные друг от друга, как Лейбницевские монады или две сардины, закупоренные в двух разных коробках, тогда сумма индивидов не равна обществу. Не равна по очень простой причине: по той, что в первом случае изолированые индивиды *не взаимодействуют*, во втором взаимодействуют. В последнем случае присоединяется *новое условие*, — взаимодействие, — которого нет в первом. В силу этого добавочного условия создается ряд явлений, которого нет и быть не может при его отсутствии. Его наличность превращает простую сумму индивидов в общество, в коллективное единство. Пример из химии рельефнее выразит суть дела. Равна ли сумма кислорода и водорода воде? Если они не взаимодействуют, то, очевидно, не равна: простая сумма изолированных кислорода и водорода не составит воду. Если же они взаимодействуют (при надлежащих условиях), то эта взаимодействующая сумма „индивидов", называемых кислородом и водородом, составит воду, т. е. явление весьма существенно отличающееся от простой суммы кислорода и водорода, отдельно взятых.

Сказанное дает ответ и на второй поставленный вопрос. Как вода — результат взаимодействующих кислорода и водо-

---

[1]) *Giddings: The elements.* 119.

рода — резко отлична от каждого из элементов, порознь взятых или их простой суммы, так и коллективное единство, как совокупность взаимодействующих индивидов, обладает рядом свойств, процессов и явлений, которых нет и быть не может в простой сумме изолированных индивидов. Тот, кто, подобно Тарду, утверждает обратное, похож на человека „из-за деревьев не видящего леса, леса, как общества взаимодействующих деревьев, отличного от простой суммы не взаимодействующих древесных едениц [1]).

Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: *ни то, ни другое из этих двух течений не приемлемы.* Каждое из них, в пылу спора, выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. *Общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности* sui generis *оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не „вне“ и „независимо“ от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов.* Термины, подобные „социальному сознанию“ „душе

---

[1]) «Массовый элемент для понятия леса — необходимый, но недостаточный элемент, справедливо говорит Морозов. Лес не есть простая совокупность древесных растений, а есть ассоциация, сообщество древесных пород, т. е. такое множество, в котором растения проявляют не только индивидуальную жизнь, но общественную, обнаруживая друг на друга разнообразные влияния и порождая новые социальные явления, *которые изолированно растущим деревьям не знакомы и не свойственны.* Лес есть только такое множество древесных пород, в котором обнаруживается взаимное влияние деревьев друг на друга».

Морозов: Лес как растительное сообщество. СПБ. 1913. 1, 17, 22—23. Здесь же весьма отчетливо показаны те явления, которые (борьба за существование, дифференциация, господство и угнетение и т. д.) свойственны лесу и не свойственны изолированным деревьям. См. также: *Сукачев*: Введение в изучение растит. сообществ. Passim. *Варминг*: Ойкологич. география растений. М. 1901 г. Введение и главы о лесе. Поэтому глубоко ошибочными приходится признать следующие слова *Н. И. Кареева*: «Лес деревьев не составляет общества и нахождение дерева среди других деревьев ничего не прибавляет к его природе; оно остается тем же в лесу, чем было бы одиноко-стоящим далеко от других деревьев». *Кареев*: Общие основы социологии. П. 1919. 13. Дело обстоит как раз наоборот.

Прибавьте к этому неизбежные результаты взаимодействия людей: наличность проводников, их постепенную консолидацию и наслоение, в итоге образующих целый материально-существующий мир, материальную культуру, и ошибочность номинализма станет очевидной.

народа", „национальному духу" и т. д. могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле они не соответствуют действительности [1]).

Научно-допустимыми они являются лишь тогда, когда хотят выразить своеобразность психической жизни взаимодействующих индивидов, отличную от психических переживаний суммы изолированных людей. С таким содержанием они приемлемы. Но во избежание недоразумений предпочтительнее не употреблять их.

Таков наш ответ на поставленный в начале параграфа вопрос. Следует ли его квалифицировать как социологический реализм или же он представляет форму номинализма — предоставляем решать любителям: важна не номенклатура, а содержание ответа [2]).

---

[1]) Правильно говорит *П. Л. Лавров:* «процесс сознания всегда индивидуален и иным быть не может». Опыт истории мысли. Женева. 1894. 1425.

[2]) Довольно близки (но не вполне) к этим положениям взгляды *Ваксвейлера* по этому вопросу, резюмируемые им в положении: L'espèce est; l'organisation sociale est... mais... on ne peut les observer que dans les individus. См. у него же критику персонифицирования абстракций; в роде: «социальной группы», «общества» и т. д. 260—270.

Близки к ним и взгляды *Е. В. Де-Роберти*, в отличие от школы Дюркгейма, не субстанционализировавшего явления общественности. «Сущность абстрактного социального явления или общественности, говорит он, мы видим в особом процессе взаимодействия, зарождающемся и развивающемся между нервномозговыми энергиями»!

Де-Роберти: Нов. постановка основн. вопр. социологии. 267.

Выше я указал, что в данном пункте изложенные положения сходны в значительной степени с соответственными положениями русской субъективной школы.

ГЛАВА VII.

Условия (факторы) возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств.

§ 1. Условия (факторы) возникновения коллективных единств.

В предыдущем мы видели, что группа взаимодействующих индивидов образует коллективное единство или реальную совокупность.

Естественно встает вопрос: что же, какие условия заставляют индивидов взаимодействовать? Почему они притягиваются друг к другу, а не отталкиваются? Что связывает их взаимно, прикрепляет друг к другу и заставляет взаимодействовать, т. е. образовывать коллективные единства?

Иными словами из сказаннаго естественно вытекают вопросы: *1) как образуются коллективные единства, 2) как они сохраняются, 3) как и когда они уничтожаются, перестают существовать.*

Вопрос о том, *как образуются коллективные единства* означает: *в силу каких условий возникает взаимодействие между двумя или большим числом индивидов.* Решение последней проблемы означает и решение первой.

Дедуктивно можно предвидеть, что таких искомых условий будет множество. Для того, чтобы возникло взаимодействие между индивидами, нужно только, чтобы они могли оказывать одностороннее или двухсторонее влияние друг на друга. Такое влияние возникает прежде всего при *пространственной* близости индивидов друг к другу. Следовательно, *все факторы или условия, вызывающие это пространственное соседство, eo ipso могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

Во вторых, мы видели, что взаимодействие может происходить и при пространственной раздельности индивидов. Необходимо лишь, чтобы между ними были проводники, которые передавали бы раздражения, исходящие от одних

индивидов другим. Отсюда следует, что *все условия, вызывающие или благоприятствующие установлению проводников взаимодействия, могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

В третьих. При прочих равных условиях чем чаще индивиды будут встречаться друг с другом, тем вероятнее, что они будут вступать во взаимодействие: оказывать один на другого влияние и вызывать ответные реакции. Отсюда следует, *что все факторы, благоприятствующие этой частоте встреч и соприкосновений человеческих единиц, будут или могут быть и факторами, вызывающими процессы взаимодействия между ними, т. е. образование коллективных единств.*

Эти положения дают нам руководящие указания для разрешения поставленной проблемы. И пространственная близость индивидов, и установление проводников взаимодействия между ними, и частота встреч людей друг с другом могут вызываться условиями: *1) космическими (физико-химическими), 2) биологическими и 3) социально-психическими.* Остановимся на каждой из этих групп [1]).

I. *Космические факторы образования коллективных единств.*

Взаимодействие людей может быть вызвано чисто космическими условиями, определяющими скопление людей в одном месте; таковы, температура, свет, звук и ряд других космических процессов. Так, понижение *температуры* в одном месте может заставить людей стремиться к такому пункту, где эта температура была бы более благоприятной для человеческого организма [2]). В зимние морозы на улицах города мы видим, как люди, лишенные почему либо возможности пользования теплым кровом, сбираются около уличных костров; огонь „тянет", „притягивает" людей к себе. Около таких костров завязываются разговоры между незна-

---

[1]) Как видно из постановки вопросов, в данной главе я не решаю проблему первичного происхождения и развития «общественности» вообще, а занимаюсь кратким анализом вопроса: в силу каких вообще условий люди вступают в взаимодействие? Какие условия благоприятствуют возникновению последних? Вопрос же о первичном происхождении и развитии «общественности» будет трактоваться в «Генет. социологии», хотя нижеследующие положения применимы и к этому вопросу.

[2]) Сходное явление видим в мире животных, напр, тараканов. Теплая температура кухни заставляет их скопляться в кухне, около плиты, печки и т. п. Падение температуры заставляет их разбегаться и менять холодное место на теплое.

комыми людьми, происходят знакомства, начинается обмен взаимными акциями и реакциями и т. д., т. е. возникает ряд процессов взаимодействия или коллективных единств. В летние жары мы видим обратное. Здесь жар гонит людей в места теневые, прохладные, к берегам моря, реки, озера, где можно выкупаться. Купальные места, пляжи и т. п., в этих случаях становятся общепритягательными пунктами. Благодаря жаре, люди собираются в одном месте, входят в пространственную близость и дают в результате процессы взаимодействия. То же наблюдаем тогда, когда люди, спасаясь от дождя, собираются под одной крышей или деревом... В этих условиях возникшие процессы общения бывают кратковременными: они возникают и быстро исчезают. Но сейчас нас интересует не длительность их, а способ их возникновения.

Достаточно однако представить данную космическую причину постоянной, чтобы взаимодействие стало длительным. Жители ночлежек, пригнанные туда космическими условиями,—жаром, холодом, дождем, часто пользуясь ими, входят в более тесное общение друг с другом и нередко образуют длительное взаимодействие [1]). Лесные люди, проводящие зиму в лесу (изготовление леса, охота и т. д.), при отсутствии многих избушек, принужденные собираться на ночь в одной баньке, знакомятся друг с другом и взаимодействуют в течение длительного времени — всего зимнего периода... Частые встречи людей в местах купанья нередко ведут к взаимным знакомствам, к дружбе, к взаимодействию, временами продолжающемуся всю жизнь [2]). Такую же „притягательную" силу может иметь и *свет*. Многие из людей не выносят темноты. Последняя „гонит" их туда, где светло. Будет ли таким светом единственная свеча вагонного корридора, сбирающая вокруг себя пассажиров, или свет костра, к которому на подобие бабочек притягиваются люди, или „маячащий огонек" домика, неожиданно показавшегося заблудившемуся в темноте путнику, или свет уличного фонаря, около которого часто сбираются и группируются люди—все равно; здесь свет, как космическое условие, „притягивает" к себе людей, сплошь и рядом совершенно чуждых, и заставляет

---

[1]) См. пьесу «На дне» М. Горького, рисующую ряд взаимодействий, возникающих между обитателями таких жилищ, поставленными волею судьбы в пространственную близость друг к другу.

[2]) Подтверждением этому служат обычаи флирта, любовных историй, браков и т. д., часто берущих свое начало в «случайных встречах» на пляже, под кровом, защищающим от дождя, в постоялом дворе, куда зашли «согреться», «обсушиться», «отдохнуть» и т. д.

их вступать в взаимодействие друг с другом, часто минутное, временами длительное, ведущее к дружбе, к ненависти и т. д. Влияние света проявляется также и в том, что днем, с наступлением света, поток взаимодействия бьет бесконечно интенсивнее, чем ночью. Наступление последней, т. е. угасание естественного света кладет конец и множеству процессов взаимодействия. С рассветом последние вновь оживают.

Возьмите далее такое космическое условие, как *вода*. В местах, не богатых источниками *воды* (оазисы в пустыне, деревни и города, с малым количеством колодцев или удобных мест на реке, где можно было бы захватить воду, стирать белье и т. д.), последние служат притягательным пунктом, собирающим около себя людей, заставляющим их встречаться друг с другом, входить в общение, короче—образовывать то мгновенные, то длительные коллективные единства.

Если же взять сложные космические условия, то роль их в деле возникновения коллективных единств станет очевидной. Из истории нам известно, что первые поселения людей, как и современные скопления их, тянутся вдоль берегов рек, озер или морей. Не только в прошлом, но и теперь еще, взглянув на карту населенности различных территорий земли, мы видим, что наиболее населенными являются полосы земли, тянущиеся вдоль источников воды (реки, озера, ручьи, моря и т. д.) [1]).

Та же карта убедит нас в том, что области с слишком низкой или высокой температурой (полюсы, пустыни и т. д.), наиболее слабо населены [2]). Возьмите далее такие космические условия, как рельеф (гористость, долинность и т. д.) земной поверхности. Опять таки и здесь места „удобные“ для жизни—защищенные от ветров, от сирокко, не трудные для подъема, богатые запасами пищи, питья, и т. д.—были и остаются пунктами, притягивавшими к себе людей, ставив-

---

[1]) *Ключевский:* Курс рус. истории. М. 1908. 67.

«По большим рекам, как главным торговым путям, сгущалось население; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города. Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения» и т. д.

Обермайер: Доисторич. человек. Изд. Брок-Ефрон. 126.

«Наши отдаленнейшие предки жили в непосредственной близости рек, доставлявших им в изобилии рыбу».

«В Европе плотно населенными являются плодородные долины: По—в Италии, Рейна—в Германии, Сены—во Франции, Темзы—в Англии. В Азии миллионы людей Индии и Китая сконцентрированы в долинах Ганга, Инда и Желтой реки».

Giddings: The elements. 19.

[2]) См. статист. таблицу у *Майра:* Статистика и обществоведение. т. II. 71. 1901.

шими их пространственную близость друг к другу, заставлявшими их чаще встречаться, словом, содействовавшими возникновению коллективных единств.

Без всякого умысла, без всякой цели, космические условия „механически" сталкивают людей друг с другом и вызывают у них взаимные акции и реакции, т. е. взаимодействие.

Не учитывая этих космических условий мы не в состоянии понять степень населенности различных областей земли ни в прошлом, ни теперь. Гиддингс прав, говоря: „общества мы находим лишь там, где физические условия страны и климата благоприятны группированию живых существ в обширные аггрегации... Больше, чем половина земли, неблагоприятна скоплению населения. Горы, пустыни, тропические джунгли, холодные области полярных зон представляют области, малодоступные для сосредоточения населения". Далее Гиддингс дает обзор населенности различных областей Америки, Азии и Африки, вполне подтверждающий это положение [1]).

И температурные условия, и свет, и распределение воды и суши, и рельеф земной поверхности, и климат, и плодородие почвы, и ея минералогическое и геологическое строение и т. д.—все это ряд условий, заставляющих людей концентррироваться в определенных местах и тем самым вызывающих процессы взаимодействия, т. е. образование коллективных единств.

Возьмем для примера такой фактор, как богатство почвы золотом или др. ценными продуктами. „Тысячи людей, до сих пор не знакомых друг с другом, не имевших никаких сношений, были внезапно брошены в одно место", говорит Borthwick об внезапном скоплении людей в Калифорнии, вызванном открытием богатых золотых розсыпей [2]). „В 1860 г. наблюдалось массовое стечение семейств в области месторождения масла (into the oil fields) в Пенсильвании. В 1877 г. в Колорадо возник город (Leadville) с невероятной быстротой. В 1889 г., 50.000 „boomers" нахлынули в один день в Oklahoma; в 1893 г. та же сцена повторилась с 90 000 подобных искателей счастья. Космополитический город Иоганесбург, с 50.000 жителей, вырос в 7-мь лет в безлюдной степи Трансвааля, в центре золотых месторождений Африки" [3]). Подобное происходило и в прошлом.

---

[1]) *Giddings:* Op. cit. 18 и сл. Хорошей иллюстрацией сказанного служат географич. карты населенности земного шара.

[2]) *Borthwick:* Three Years in Kalifornia. 1857. 382. См. рассказы *Дж. Лондона,* рисующие ряд взаимодействий—трагических и идиллических—между слетевшимися на золото человеческими светляками.

[3]) *Giddings: The elements.* 25—26.

„Еще одна причина заставляла людей шелльской эпохи селиться на плоских, усеянных камнями берегах рек, читаем мы у Обермайера; там они находили во множестве необходимый для них кремень, из которого они выбивали топоры и др. каменные орудия“ [1]). „Многие города во все периоды истории возникали поблизости к горным или иным земельным богатствам“ [2]).

То же применимо и к ряду других космических условий. Они „механически“ притягивают людей в определенные места, сталкивают их друг с другом, заставляют их, помимо воли и целей последних, взаимодействовать и образовывать то временные, то длительные коллективные единства.

И чем ниже мы будем спускаться по лестнице культуры, тем „социализирующая“ роль космических условий будет значительнее; первобытные люди находились и находятся от них в гораздо большей зависимости, чем мы. Они не располагали и не располагают, как культурные люди, возможностью создавать вокруг себя искусственную среду, делающую их в значительной степени независимыми от космических условий и процессов. Отсутствие одежды и теплых жилищ, ряда технических средств для соответственного изменения рельефов поверхности, для регулирования течения источников и рек, для создания света в темноте, и т. д.— все это делало их „рабами“ космических условий. Холод неизбежно гнал их в те места, где была естественная теплота, жажда—к источникам воды, темнота—к источникам света, необходимость передвижения—к естественным водным путям сообщения [3]), бесплодность территории—в места плодородные, жара—в места прохладные и т. д. и т. д.

В пункты, благоприятные для жизни, в силу указанных условий, механически стягивались индивиды, входили в пространственную близость и в виде ли борьбы или мирного сожительства между ними возникали явления взаимодействия.

„Условия, благоприятствовавшие охоте и рыболовству, приводили банды незнакомых и чуждых друг другу дикарей в соприкосновение и вызывали хроническую вражду. Ужасные битвы между Алгонкинами и Ирокесцами до заселения

---

[1]) *Обермайер:* Ibid. 126.

[2]) *А. Вебер:* Рост городов в 19 столетии. СПБ. 1903. 166.

[3]) «Замечаем, что появление значительн. торгового города среди племени зависело от географич. положения последнего: такие города возникали среди населения, жившего по главным торговым линиям Днепра, Волхова и Зап. Двины» (Киев, Новгород и др.).

Ключевский: Op. cit. 161—162.

Северной Америки европейцами были следствием их тяготения к долине Могавка. Долины Delaware, Огио, Миссисипи, Колумбии и Колорадо были постоянно центрами подобных процессов стечения и ареной истребительных войн" [1]) „Вдоль рек постройка плотин была первым поводом для принудительной кооперации. В Египте и Китае—древних монархиях—забота о воде и ея регулировке имела громадное значение для формирования государства" [2]).

Этот факт отмечен и статистиками. „Влияние естественного фактора большого плодородия почвы вообще обнаруживается в более сильной степени плотного населения и наоборот. Такая пропорциональность между густотой населения и качеством почвы в бассейнах отдельных рек выступает с тем большей ясностью, чем менее сильны влияния промышленного развития, нарушающие эту закономерность", читаем мы у Майра. При чем само влияние экономического развития в „значительной мере обусловливается естественными факторами — наличностью водяной силы, запасов камен. угля и минералов, а также благоприятным положением естественных путей сообщения" [3]). „Население естественно стремится в долины, т. к. они отличаются плодородием, защищены от крайностей температуры и являются центрами торговли, говорит Майо-Смит. Реки—естественные дороги, поэтому население прежде всего водворяется вдоль рек и города возникают по их берегам.

Берега океана и изрезанная береговая линия с хорошими гаванями привлекают в виду своих коммерческих преимуществ. Горы безплодны, холодны и недоступны. Поэтому они становятся убежищем побежденных народов и естественной крепостью независимых племен, но не могут прокормить многочисленное население. В истории мы находим множество примеров этих общих влияний. Долины Нила, Евфрата, Тигра были очагами древних цивилизаций. Большинство цветущих городов Греции находилось на морском берегу. Средневековые итальянские и германские торговые города находились большей частью на судоходных реках или у моря. История Соединенных Штатов представляет яркий пример влияния рек и долин на рост (правильнее: на концентрацию и расселение. П. С.) населения. Когда в 1790 г. состоялась первая перепись, 95% населения жили на атлан-

---

1) *Giddings*: Op. cit. 26—27.
2) *Ross:* Social Control. 50.
3) *Майр:* Статистика и обществоведение, т. II. СПБ. 1901. 71.

тическом побережье, средняя ширина населенной прибрежной области была 255 миль. С того момента она стала распространяться по долине Могавка, к Огайо и по большой Аппалачской долине. Главный поток населения стремился вниз по р. Огайо, а затем вверх по Миссури, Арканзасу и Красной реке" [1]).

Таких подтверждений можно привести сотни и тысячи.

Вот почему как относительно глубокого прошлого так и настоящего времени с полным правом можно говорить о „социализирующем" влиянии космических условий, рассматривать их, как факторы образования человеческих соединений и ассоциаций [2]).

Говоря так, я, разумеется, в понятие коллективного единства не ввожу никакого нормативного момента. Оно

---

[1]) *Р. Майо-Смит:* Статистика и социология. М. 1900. 366—367.

[2]) Здесь то же самое можно сказать о человеке, что *Пармели* говорит о факторах животных ассоциаций. «Определенные внешние силы собирают животных в одно место... Напр., животные, обитающие в воде, тянутся к той ее сфере, где температура воды наиболее благоприятна для жизненных процессов. Если эта сфера мала, большое количество животных окажется в тесной близости один к другому. Давление воды может сыграть такую же роль. Таким же образом влияет и локализация пищи. Если пища определенного вида животных распределена на небольшом пространстве, члены вида будут принуждены встречаться и жить вместе в силу потребности в пище». Вот почему он правильно выделяет Environmental forces, как the factors of social evolution.

См. *Parmelee*: Op. cit. 330, 391—395.

Такими же «механически-социализирующими» космическими условиями служат в ряде случаев: свет, притягивающий животных, в роде бабочек и т. д., к центру света (явления полож. светового тропизма), цвет и т. д. См. о тропизмах работы Леба, опыты Hessa и американских исследователей животного поведения. См. *Hess*: Ueber Lichtsinn und Farbensinn in der Tierreiche. Die Umschau, XIV. 1910. 934—947, 976—979. *Садовникова:* Новейшие исследования американцев по зоопсихологии. Природа. 1916. № 11. *Вагнер:* Биопсихология. Т. I. 187—222. *Леб.* Значение тропизмов для психологии. Нов. идеи в филос. Сб. № 8.

Более ярко «социализирующая» роль косм. условий в животном мире выступает в таких явлениях, как источники воды, притягивающие животных к себе для утоления жажды; территории, обильные пищей, собирающие в пространственной близости животных и вызывающие среди них взаимные акции и реакции борьбы, хищничества, взаимопомощи и т. д. (пример: свалочные места, привлекающие множество воронов), берега, удобные для постройки гнезд (напр, стрижиных гнезд), и т. д. Все эти, как и ряд других условий, заставляют животных входить в соприкосновение друг с другом и в той или иной форме взаимодействовать.

Влияние тепла на концентрацию животных в одном месте легко может быть констатировано на тараканах. «Общества» тараканов локализованы обычно в теплых местах: около печек, духовок, в кухне и т. п. Прекращение топки плиты и падение кухонной температуры в течение весны и лета в 1919 г., повело за собой (по наблюдениям автора) эмиграцию тараканов из кухни и равномерное рассеяние их по другим комнатам.

означает простой факт взаимодействия в вышеопределенном значении термина. Если взаимодействие это конкретно выразится в борьбе совокупно собравшихся индивидов, перед нами, согласно определению, будет коллективное единство, антагонистическая ассоциация борющихся индивидов [1]).

Сказанное показывает, что *космические условия вызывают скопление индивидов в пространственной близости друг к другу, заставляют их сталкиваться и соприкасаться друг с другом, т. е. вызывают процессы взаимодействия между ними, превращающие взаимодействующих индивидов в коллективные единства. Вот почему можно говорить о „социализирующей" роли космической среды. Отсюда же следует, что процессы взаимодействия между людьми возникали и возникают чисто механически, без всякого „договора", целевых соображений, умышленного стремления к объединению, без всяких сознательных намерений, взаимных симпатий или стадных инстинктов, короче без всего того, о чем нажужжали нам уши многие государствоведы и социологи, как об необходимых, якобы, условиях образования общества. И в мире людей, и в мире животных общение, понимаемое в смысле взаимодействия, может быть вызвано и создано механически, действием одних сил космической среды.* Эллвуд прав, отмечая эту роль космических условий, на ряду с биологическими, в процессе образования соц. групп. „Когда живые существа приводятся в тесную пространственную близость и остаются в такой близости, говорит американский социолог, они входят в взаимодействие на почве питательного и воспроизводительного процесса. Условия пищи т. о. доставляют физический базис для взаимоотношений между организмами, которые потом превращаются в взаимодействие психическое" [2]).

Процесс образования коллективных единств, как видим, не требует всего того, что считалось необходимым многими.

---

[1]) Эта роль космических условий косвенно отмечена *П. Л. Лавровым.* «Человек нашел в земной коре слои соли для питания, слои глины для посуды. Для битв между людьми нашлись твердые камни и металлы. Был готов материал для храмов будущим богам, для дворцов будущим владыкам... В глубоких рудниках и в громадных массах красивых камней существовали уже места, где поколения рабов должны были тратить свой труд... В редких россыпях алмазов и золота прятались уже самые энергичные орудия борьбы за обогащение» и т. д. Все эти места сосредоточия: соли, глины, твердых камней, золота, алмазов, были притягивающими центрами, собиравшими около себя человеческих особей и прямо или косвенно вызывавшими процессы взаимодействия.

А. Доленги: Важн. моменты в истории мысли. 17—18.

[2]) *Ellwood:* The origin of Society. Amer. journ. of Sociologie. T. XV, 394—404.

В ряде случаев „общество“ может быть создано одними физико-химическими условиями. Они играли роль в происхождении первичных „обществ“ и продолжают играть эту роль и теперь. Такова первая категория факторов образования коллективных единств [1]).

II. Биологические факторы образования коллективных единств.

Следующим разрядом условий, вызывающих возникновение процессов взаимодействия, служит ряд биологических условий. В общем и целом эти условия сводятся к фактам *нуждаемости одного организма в другом в силу различных обстоятельств.* Эта нуждаемость заставляет организмы приходить друг с другом в соприкосновение, в пространственное соседство, встречаться и входить в общение. Такое соприкосновение диктуется организмам необходимостью сохранения последних, сохранения вида и удовлетворения тех биологических потребностей, без удовлетворения которых организм не может жить, как не может существовать и весь вид животных.

Потребность питания. Чтобы организм мог существовать— он должен удовлетворять *потребность питания.* На почве удовлетворения этой потребности организмы принуждены соприкасаться друг с другом и образовывать ряд разнородных и сложных процессов взаимодействия — то коротких, то длительных. Многие животные питаются животными же организмами... Отсюда вытекает необходимость для первых входить в соприкосновение со вторыми хотя бы для того, чтобы пожрать их. На этой почве устанавливается ряд про-

---

[1]) Сделанная суммарная характеристика имеет своей задачей только указать на роль космических факторов в деле возникновения коллект. единств. Но она не преследует нисколько задачи изучения того влияния, которые космические факторы оказывают на человеческое поведение и обществ. жизнь... Эти вопросы будут подробно изучаться в «Социальной механике».

Указанная социализирующая роль космич. факторов находит подтверждение и в работах, посвященных изучению роли географических условий в жизни людей.

Много материала в этом отношении читатель найдет в работах *Ратцеля*: Антропогеография. Его же: Le sol, la société et l'état. (L'année sociol. T. III. 1—14). *Hayes*: Effects of geogr. conditions upon soc. realities (Amer journ. of. soc., т. XIX. 813—824), *Brunhes*: La géografie humainc, Paris, 1912, *Vallaux:* Géografie sociale, 1911, *Demolins*: Comment la route crée le type social, т. I и II (Librairie de Paris), *Semple:* Influences of Geographic Environment. New-York. 1911. *Л. Мечников:* Цивилизация и великие историч. реки Франц. изд. Paris. 1889 г. и др.

цессов взаимодействия между теми и другими, называемых некоторыми исследователями словом „предатизм“ [1]). Такие явления мы наблюдаем и в мире растений, и в мире животных, и в мире человека. Волки и другие хищные звери (львы, тигры и т. д.) принуждены „рыскать“ и искать себе добычу в виде других животных; след., в той или иной форме взаимодействовать с ними. На почве той же потребности питания вырастают такие „коллективные единства“, как напр., взаимодействие между муравьями и травяными вшами, которые воспитываются первыми для того, чтобы быть сожранными. Формой предатизма в мире людей служат взаимоотношения человека и домашних животных (свиней, овец, кур, кроликов и т. д.). На почве того же питания далее вырастают такие животные „ассоциации“, как явления *комменсализма*, (напр. взаимоотношения организма и внутренних червей, обитающих в нем и абсорбирующих пищу, перевариваемую первым), явления *паразитизма* (взаимодействие организма и паразитов, живущих за счет первого), явления *мутуализма* (взаимодействие насекомых, питающихся паразитами других организмов), явления *симбиоза* — взаимодействие двух или большего числа организмов, образующих подобие единого организма, напр., водоросли и грибы, образующие лишайники) [2]).

Кроме того, потребность питания заставляет организмы встречаться друг с другом в поисках пищи, и, таким образом, вступать в ряд процессов взаимодействия, особенно в областях, богатых пищей и добычей.

Тоже самое наблюдается и в человеческом мире. И здесь потребность питания была могучим „социализирующим“ фактором. В поисках пищи люди стекались в места богатые питательными продуктами, входили в соприкосновение друг с другом и образовывали в итоге ряд коллективных единств. Берега морей, рек, озер, богатых рыбой, были притягательными центрами, куда влеклись индивиды, и вступали друг с другом или в солидарное, или в антагонистическое взаимодействие. Леса и территории, изобиловавшие животными, потребляемыми в пищу, играли и играют ту же роль.

Это явление продолжает наблюдаться и теперь. Сколько мгновенных и длительных взаимодействий происходит и сейчас в местах, пригодных для охоты, рыбной ловли, бога-

---

[1]) См. напр. Waxweiler. Esquisse. 44.

[2]) См. об явлениях «слагаемости жизни» (симбиоза) *Арциховский*: Индивидуальность и сотрудничество» (Природа. 1916. № 7—8). *Эспинас:* Животные общества. *Perrier:* Les colonies animales et la formation des organismes. 1898.

*

тых естественными произведениями земли: фруктами, грибами, ягодами, и другими питательными растениями. Биологический фактор голода сталкивал людей друг с другом, заставлял их входить в общение,—убивать друг друга из-за пищи, соединяться в кооперацию для более успешной охоты или ловли и т. д.

Тот же фактор в древности, во времена людоедства, заставлял людей искать себе подобных, хотя бы для того, чтобы полакомиться человеческим мясом, или отнять у других пищевые запасы, которыми они обладали.

Эта „социализирующая“ роль инстинкта питания проявляется и в наше время. По прежнему *центры, где можно удовлетворить голод и жажду,—рестораны, столовые, кафе, трактиры, чайные, продовольственные лавки, рынки и т. д.— служат местами, куда каждый день стекаются человеческие единицы, входят друг с другом в общение, знакомятся, встречаются и часто образуют длительные союзы дружбы, товарищества, любви и т. п.* Сколько „коллективных единств“ зародилось на почве случайной встречи за завтраком или обедом! Как много людей, входящих в ресторан незнакомыми, выходило оттуда друзьями, товарищами, супругами, любовниками или обратно—смертельными врагами... Сколько общественных дел зародилось на почве случайного общения за столиком кафе или ресторана. Сколько знакомств возникло и возникает ежедневно на рынке, в столовой, в продовольственном хвосте и т. п. Сколько коопераций самых разнообразных зарождается в целях удовлетворения голода путем совместных усилий, начиная с бунта голодных, разбивающих лавки, и кончая „закупочными отрядами“ и продовольственно-реквизиционными отрядами нашего времени.

Биологический фактор голода „механически“, без всякой цели и намерения, сталкивает людей друг с другом, заставляет их входить во взаимодействие и образовывать коллективные единства самого различного вида.

Потребность половая. Вторым „социализирующим“ биологическим фактором является *потребность половая.* Удовлетворение ее диктуется той же биологической необходимостью: интересами самого организма и всего рода или вида животных. Необходимость удовлетворения этой потребности заставляет организмы искать другие организмы, входить с ними в соприкосновение и образовывать временно или на долгое время „реальные совокупности“. Иными словами, половая потребность (и в мире животных, и в мире людей) пространственно сближает организмы, влечет их друг к другу и дает в итоге ряд „ассоциаций“...

Биологи, в роде Гертвига, окрестили даже особым именем „полового сродства", подобного химическому сродству, эту притягательную силу полового инстинкта. „Под именем полового сродства, говорит он, я разумею взаимные влияния, производимые сродными в половом отношении клетками таким образом, что помещенные на определенном расстоянии друг от друга, клетки притягиваются, соединяются, смешиваются подобно двум химически сродным веществам" [1]).

Это „половое сродство" имеет одинаковое значение и для многоклеточных организмов. Благодаря ему и на почве его организмы притягиваются друг к другу на всех ступенях органической лестницы, начиная с коньюгации простейших, идя чрез явления общения животных в периоды спаривания и течки и кончая длительными супружескими союзами ряда высших организмов, союзами часто продолжающимися в течение всей жизни.

Нужно ли говорить, что ту же „социализирующую" роль играет половой инстинкт и в человеческом мире [2]). Если бы люди были самыми антисоциальными существами, то и тогда этот инстинкт заставлял бы их встречаться друг с другом и вступать во взаимодействие. Сколько временных и длительных союзов возникало и возникает между людьми на этой почве, начиная с „свободных" союзов ночного гуляки и проститутки и кончая супружескими пожизненными союзами. Сколько самых различных процессов взаимодействия вызвано им к жизни: явления умыкания и похищения женщин, явления их купли, поступления мужа в род невесты для ея выкупа путем работы (Іаков, отрабатывающий Лию и Рахиль у Лавана [3]), явления половых оргий, религиозный гетеризм, многоженство, многомужество, изнасилования женщин или мужчин, любовные связи и влюбленность, драки и соперничество из-за обладания женщиной или мужчиной, (вспомним миф о Трое и Троянской войне, вызванной борьбой из-за Елены, похищение сабинянок и т. п.), супружеские союзы, явления проституции, множество переживаний, связанных с этим инстинктом, и т. д, и т. д. Иными словами, этот инстинкт в тысяче форм заставляет людей вступать

---

[1]) *Гертвиг:* La cellule et les tissus, 282. Цитирую по *Waxweiler*'у, Esquisse: 47.

[2]) Много материала дает в этом отношении *Дарвин;* См. его «Происх. человека и половой отбор». Passim. Гл. VIII и сл.

[3]) *Mazzarella* в своей ст. «О юридич. положении старшего брата матери в материнских обществах» приводит 130 народностей, у которых существует такой обычай.

в общение с индивидами другого пола; эти связи, как зубчатые колеса, влекут солидарные или антагонистические взаимодействия с другими лицами, на его почве ежедневно возникает множество длительных и мгновенных соединений, союзов, ассоциаций, короче — ряд коллективных единств. Всюду половой фактор играет роль условия, сталкивающего людей друг с другом. Сколько трагедий, комедий, драм и идиллий рождается ежечасно на его почве.

В громадной роли его в деле образования коллективных единств—едва-ли можно усумниться.

В связя с ним и на его почве возникли добавочные биологические условия, являющиеся в свою очередь факторами образования процессов взаимодействия. Я разумею—*явления размножения, супружеские отношения и отношения родительские.*

Размножение организмов — результат полового общения— является „социализирующим" биологическим фактором в силу того, что оно означает увеличение числа организмов. Увеличение последних в пределах той же территории, равносильно пространственному сближению организмов, с одной стороны, с другой — увеличивает частоту встреч и соприкосновений организмов друг с другом. А все это вызывает ряд взаимодействий, (коллективных единств), которые при отсутствии этого фактора не могли бы иметь место [1]). Таким образом размножение—чисто биологический фактор—является условием, благоприятствующим и создающим процессы общения организмов. Результаты его влияния чрезвычайно многочисленны и важны: обострение борьбы между организмами, кооперация их деятельности, эмиграция и иммиграция и целый ряд других общественных явлений вызваны им к жизни.

Сказанное о мире животных применимо и к человеку. И здесь размножение — фактор, создающий коллективные единства. В областях с более плотным населением, напр.,

---

[1]) *Дарвин:* Происх. человека и половой отбор. Изд. Лепковского. 31. «Известно, что у цивилизованных народов, при благоприятных условиях, как, напр., в Соединенных Штатах, население удвоивается в течение 25 лет; а по вычислению Эйлера оно может удвоится даже в течение 12 лет с небольшим. Таким образом, оказывается, что при первом масштабе размножения настоящее население Соединенных Штатов, в 30,000,000 душ, могло бы покрыть в 657 лет всю сушу земного шара так густо, что приходилось бы по 4 человека на каждый квадратный ярд поверхности». «По вычислениям Герм. Импер. Статист. бюро количество населения в современных территориальных границах Империи с 1816 г. по 1895 г. возросло с 24,833,000 до 152,247,000 т. е. со 100 до 210». «Население Европы в течение 87 л. 19-го столетия почти удвоилось».

Майр. Статистика и обществоведение, т. II. 59, 61. СПБ. 1901.

в городах, по сравнению с селами, число процессов взаимодействия, благодаря плотной населенности, безконечно больше, чем в деревнях.

Территория города, так сказать, насыщена человеческими индивидами. При всем желании избежать блиского соприкосновения с ними здесь нельзя этого достигнуть: куда ни повернись — везде найдешь людей. В силу этого, процессы взаимодействия здесь возникают ежеминутно. Коллективные единства рождаются „пачками". Общение людей принимает характер ключом бьющего потока... Всевозможных единений—обществ, союзов, ассоциаций—здесь безконечно больше, чем в деревнях или в областях с редким населением... Социальные эффекты этой плотной населенности, сводящейся в конечном счете к размножению (ибо без него не могло бы быть и „тяги к городам", т. к. некому было бы тянуться), грандиозны и разнородны [1]). Тысячи и десятки тысяч самых разнообразных общественных явлений вызваны им к жизни. Иными словами, размножение механически порождает „общества" и ассоциации. Его „социализирующая" роль несомненна.

Супружеские отношения. Они представляют явление, возникшее на почве и в связи с удовлетворением половой потребности. И в мире животных, и в мире человека половое общение ведет довольно часто к созданию длительного взаимодействия между представителями различных полов.

Это означает, что половая потребность вызывает к жизни ряд коллективных единств, существующих продолжительное время.

Родительский инстинкт. Он стоит также в связи с половым инстинктом. Вместе с супружескими отношениями он является биологическим фактором создания ассоциаций. При чем его „социализирующая роль" состоит уже не только в том, что он, как и половой инстинкт, сталкивает механически индивидов и заставляет их взаимодействовать. Но подобно фактору половому, супружескому и фактору раз-

---

[1]) Снова оговариваюсь, что здесь я очерчиваю лишь роль размножения в деле возникновения коллективн. единств, а не изучаю его различные социальные эффекты. Это составит предмет изучения «Социальной механики».

Материал читатель найдет: у *Коста:* в «Princ. d'une soc. objective и Expérience des peuples», *Ковалевского:* Экономический рост Европы; *Дюркгейм:* Разделение общ труда; *Simmel:* Soziologie, 47 — 133, *Доленги:* Важнейшие моменты в истории мысли. 22—43, *Бугле:* Эгалитаризм. СПБ. 1904. *Нитти:* Народонаселение и общ. строй. 1898 г. *Н. Кондратьев:* Фактор размножения в социологии М. М. Ковалевского. Сборн. памяти М. М. Ковалевского, в курсах по демографической статистике и т. д.

множения он определенным образом воздействует и на переживания организмов: на почве этих условий возникают первые начатки того, что зовется обычно симпатией, солидарностью, „сознанием рода“ и стадным инстинктом... Длительная связь между продолжительно взаимодействующими на биологической почве организмами порождает связь не только механическую, но и более живую: организмы начинают притягиваться друг к другу, переживать нечто подобное удовольствию от общения, нуждаться один в другом, короче—между ними возникает и внутренняя связь, у людей—связь психическая. Если не вполне, то частично прав Сутерланд, выводящий „социальность“ из родительского инстинкта“ [1]).

Совокупному действию полового, супружеского и родительского факторов обязаны своим бытием ассоциации, образуемые супругами, с одной стороны, родителями и детьми—с другой и—в человеческом мире—соединения родственников,—с третьей [2]).

---

[1]) См. *Сутерланд*: Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПБ. 1900.

Ошибка *Сутерланда*, как в свое время мы увидим, заключается в том, что он считал родительский инстинкт и семью источниками всех более широких общественных ассоциаций. К тому же мнению, повидимому, склонялся и *Дарвин*. «Что касается побуждения, заставляющего некоторых животных соединяться обществами, пишет Дарвин, и помогать друг другу, то в большинстве случаев его можно объяснить чувством удовольствия или наслаждения, которое они испытывают при удовлетворении своих инстинктов, или же чувством неудовольствия, которое остается обыкновенно после неудовлетворения их»... Это наслаждение от общения Дарвин в дальнейшем сводит, как и Сутерланд, к родительскому инстинкту. «Наслаждение, доставляемое обществом, проистекает, вероятно, от расширения родительской или детской любви, так как общественное чувство, повидимому, развивается у молодых животных, остающихся долгое время при своих родителях»...

Дарвин: Происхождение человека. 81.

[2]) В настоящее время, вопреки Сутерланду и Дарвину, следует думать, что более широкие ассоциации животных и человека не имеют своим источником семью, как продукт факторов: полового, родительского и супружеского. Семья, являясь социализирующим фактором, с одной стороны, с другой—заключает в себе ряд условий, препятствующих расширению ассоциации. Таковыми служат: явления борьбы из-за самок, ревность, семейный эгоизм и т. п. Они антагонистичны с интересами более широкой ассоциации. «Семейный эгоизм, говорит Эспинас, тем более повелителен, что он имеет в качестве центра более обширное «я»... Коллективное сознание племени не могло при своем возникновении иметь более опасного врага, чем коллективное сознание семьи... Единственный переход от семьи к племени заключается не в отношениях отца с матерью и родителей с детьми, а во взаимоотношениях детей друг к другу. Даже при возникновении семья и племя антагонистичны; они развиваются в противоположном направлении. Подлинный элемент племени — индивид и любовь существа к себе подобным, как к таковым, или симпатия—вот источник коллективного сознания».

Эспинас: Des sociétés animales. 1878. 469—470.

Таким образом, эти чисто биологические условия—опять таки без всякого целеполагания и воли—создавали и создают целый ряд процессов взаимодействия, то сравнительно непродолжительных, то весьма длительных [1]). Влиянию их человечество обязано безконечно численными союзами, коллективными единствами или процессами взаимодействия, которые носят название семьи, союза супругов, родителей и детей, союза родственников; им же оно обязано множеством взаимоотношений, непрерывно порождаемых семейно-супружеско-родственными отношениями. Помимо того, как

Этот же антагонизм семьи и более обширной ассоциации был ярко и выпукло очерчен *Н. К. Михайловским* в его «Борьбе за индивидуальность» и «Патологической магии».

Тот же факт подчеркивается *Petrucci*. «Семья не играла важной роли в образовании обществ. Клан мог иногда образоваться путем расширения семьи, но в ряде животных видов, как и у человека, не всегда прямая линия родства была основой группы. Временами группа могла образоваться только путем исчезновения семьи. Существует антагонизм между этими двумя элементами. Имеются многочисленные факты из жизни млекопитающих, где самки, после оплодотворения, собираются в одну группу, а самцы образуют самостоятельную ассоциацию. Ассоциация существует, семья же не существует. Семья поэтому не может рассматриваться, как социальное единство. Не группа семейств создала Общество».

Petrucci: Les origines naturelles de la propiété. Bruxels, 1905. 225—226.

То же говорят и *Кропоткин*, и *Ллойд Морган*, и *Parmelee*. См. *Кропоткин:* Взаимная помощь, как фактор эволюци; М. 1918. 66—67. *Morgan:* Animal Behaviour. London. 1908. 231.

Parmelee: The science of human behavior. 401—406.

Подробно этот вопрос будет трактоваться в Генетич. социологии.

[1]) Длительность родительских забот об потомстве и их интенсивность, как известно, регулированы естественным подбором. Как прекрасно показал это Сутерланд, они стоят в обратной пропорциональности с количеством потомства. Чем последнее многочисленнее, тем больше шансов, что и при малом уходе некоторые экземпляры из него выживут. Вот почему, поднимаясь по органической лестнице, мы видим одновременно и уменьшение числа потомства и увеличение качества и продолжительности родительского ухода за потомством. Так «средняя ежегодная цифра яиц семидесяти пяти видов рыб равняется 646.000, у амфибий эта средняя у двадцати видов уже не более 441 яиц, класс рептилий в лице 39 видов дает только 17, птицы в среднем дают до 5 яиц в год на каждую самку, млекопитающие—в среднем 3,2 детенышей ежегодно на самку; для высших видов животных эта цифра в среднем равняется 1,3 ежегодно, тогда как для обезьян и людей она не превосходит единицы на каждые два года». Параллельно с этим падением цифры потомства растут и родительские заботы.

См. *Сутерланд*: The origin and Growth of the Moral Instinct. London. 1898. T. I. 41.

См. внимательный анализ «кривой материнского чувства» у В. Вагнера: Био-психология. Т. I. 374—435.

Основное положение Вагнера таково: «Совокупность инстинктов, составляющих «материнство», представляет собою равнодействующую двух сил, двух борющихся индивидауальностей (интересов самки и интересов потомства), под контролем естественного отбора». 382 стр.

было подчеркнуто, эти факторы были „социализирующими“ факторами и в смысле приучения животных к общественному бытию, внедрения в них навыков и привычек „общественных животных“, и зарождения „социальных чувств и переживаний“.

Инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Из дальнейших биологических факторов, способствующих возникновению ряда процессов взаимодействия или коллективных единств, упомянем инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Эти потребности, данные вместе с организмом, обусловливают дальнейшую нуждаемость одного организма в другом или в других.

Именно на почве этих инстинктов, создавшихся под влиянием естественного отбора, возникли, повидимому, сообщества, более широкие, чем семья, данные в ряде животных видов (птицы, обезьяны и т. д.).

Соединение ряда особей в более или менее постоянное коллективное единство, как показали исследования Дарвина, Кропоткина, Л. Моргана и др., было выгодным условием самосохранения—и индивидуального и группового—в борьбе за существование.

„Многие виды животных общественны, говорит Дарвин. Известны случаи, что разнородные виды держатся вместе, как, напр., некоторые американские обезьяны или соединенные стаи галок, ворон и скворцов. Самая обыкновенная услуга, оказываемая друг другу высшими животными,—это предупреждение о грозящей опасности, которая выслеживается соединенными силами всех... Каждому охотнику известно, как трудно приблизиться к животным в стаде или кучке. Кролики громко стучат о землю задними ногами для предупреждения товарищей: то же делают овцы и серны. Многие птицы и млекопитающие ставят часовых... Общественные животные оказывают друг другу много мелких услуг... Лошади чешут, а коровы лижут друг у друга зудящие места... Животные оказывают друг другу и более важные услуги; так, волки и некоторые хищные животные охотятся сообща и помогают один другому при нападениях на добычу... Общественные животные взаимно защищают друг друга... Известно, что общественные животные чувствуют взаимную привязанность, которая неизвестна взрослым необщественным животным“... [1]) В этом отрывке из Дарвина рельефно указаны плюсы, даваемые „общественностью“ в борьбе за

---

[1]) *Дарвин:* Происхождение человека. 77—78.

существование... Эти положения легли в основу известной работы П. А. Кропоткина: „Взаимопомощь как фактор эволюции“, где, помимо всего прочего, чрезвычайно рельефно выделены те преимущества, которые дает соединение особей для выживания и особи, и вида [1]). Вообще, как правильно отмечают Л. Морган и Пармели, ассоциации или общественные соединения образовались там и у тех животных, которым стадная жизнь в общем была „выгодна“, т. е. помогала выживать в борьбе за существование, и обратно, они не развились у тех животных, которым „общественность“ не давала преимуществ в борьбе за жизнь [2]).

Это дает ответ на вопрос: почему развилась „общественность“ у человека? „Человек весьма социален потому, что он слаб в сравнении с многими видами, угрожающими ему; потому, что его детеныш (young) родится вполне беспо-

---

[1]) Есть русский перевод. Изд. Знания и издание «Научно-анарх.-библиотеки». 1918. 15 и сл.

[2]) Отсюда следует, что нельзя полагать, будто бы постоянная совместная жизнь—«общественность»—всегда выгодна для всех животных видов, как отчасти полагает *П. Кропоткин:* См. «Взаимная помощь». 1918. 15 и сл. 210. Равным образом, нельзя думать, как утверждает *Е. В. Де-Роберти*, что интеллектуальная эволюция совпадает и параллельна с «общественно-стадной» эволюцией, что чем выше на органической лестнице животное, тем оно «общественнее», что степень психического развития животного пропорциональна степени его «социабельности». *Пармели* резонно утверждает, что «социальная эволюция не вполне коррелятивна с органической и интеллектуальной эволюцией», что «филогения животных обществ и филогения органических видов не вполне гомологичны и не вполне параллельны, хотя некоторое совпадение и есть».. Отсюда его теорема: the controlling factor in determining whether association is to exist and the extent to which it is to exist is its utility for survival. Видам, которым общественность была полезна,—у тех она развилась; видам, которым она была вредна, напр., хищникам, изолированно способным получить больше пищи и т. д.,—у тех она не развилась. *Parmelee:* Op. cit. 391—392.

То же весьма рельефно подчеркивает и *Л. Морган.* «Утверждение, что наиболее приспособленные животные суть и наиболее социальные, что социабельность главный фактор эволюции, что несоциальные животные вымирают —не может быть принято без оговорок зоологом. Какие основания имеем мы утверждать, что уединенные осы менее приспособлены, чем социальные осы? Можно ли думать, что несоциальный тигр менее приспособлен, чем социальный шакал? И можно ли думать, что тигры вырождаются? Вырождаются ли хищные птицы? Ответ во всяком случае тот, что социальные и несоциальные животные одинаково приспособлены к их особенным условиям жизни».

Morgan: Animal Behaviour, 1908. 229. Тот же факт правильно отмечает и *Аммон.* См. *Ammon:* Les Bases naturelles de l'Ordre Social. Paris. 1900. 40. Отсюда, конечно, не следует, что «общественность» всегда полезна даже и для тех животных, у которых она развилась. Формулированная общая теорема, как указал Дарвин, «не мешает думать, что иногда социальный инстинкт гипертрофируется и становится вредным».

мощным и остается таким долгое время; потому, что он обладает высоко развитой нервной системой, которая служит основой высокого умственного развития, делая таким образом возможным интенсивное психическое общение; из последнего, в свою очередь, следует значительное наслаждение, соединение усилий и взаимопомощь в форме социального разделения труда, облегчающего удовлетворение голода и других необходимых потребностей жизни"[1]). Если бы этих выгод ассоциации не было—не развилась бы и „социальность" человека. Инстинкты индивидуального и группового самосохранения обязаны своим происхождением действию естественного отбора, являлись и являются факторами, не только механически сближающими индивидов друг с другом, но и создающими из них коллективное единство, связанное внутренними связями, взаимным тяготением подобного к подобному.

Эти „социабельные" связи, выражающиеся в стремлении быть вместе и тянуться друг к другу, вступать один с другим в взаимодействие, некоторыми исследователями, в частности, Ваксвейлером, окрещены были именем „*социального сродства*" (l'affinité sociale). Под последним, в отличие от финалистических концепций, он понимает „состояние физической чувствительности организма, делающего его способным реагировать на раздражения других индивидов того же вида, без разделения пола"[2]). Иными словами, „социальное сродство" представляет совокупность реакций организма, вызываемых другим организмом в силу сходства их организации или строения. *Из этого сходства вытекает взаимное тяготение человека к человеку, потребность получать раздражения от „подобных себе" и отвечать на них.* Ваксвейлер называет эту потребность в других абсолютной необходимостью для человека. Несомненно, в этом есть преувеличение; едва-ли также большой научный выигрыш представляет и вся конструкция „социального сродства", но одно несомненно: в деле развития человеческой „социабельности" колоссальную роль сыграли инстинкты индивидуального и группового самосохранения, в свою очередь, созданные под влиянием естественного отбора.

Эти же биологические факторы в различных формах вызывают и теперь образование коллективных единств. Группа путешественников, подвергшаяся нападению, сбли-

---

[1]) *Parmelee:* Op. cit. 393.
[2]) *Waxweiler:* Esquisse. 55.

жается, соединяется и совокупными силами отбивается от нападающих; в случае той или иной опасности многие, чуждые друг другу люди соединяются в одно целое и образуют единую группу; объединение людей в постоянные и длительные—оборонительные и наступательные союзы,—начиная с соглашения двух-трех лиц, решающихся совместно нападать или защищаться и кончая соглашениями городов [1]), областей, государств — все эти процессы взаимодействия представляют явления, возникшие на почве этих биологических условий. Они не только сталкивали людей друг с другом, но и вызывали определенный порядок и организацию в их взаимоотношениях. „Ведение войны, правильно говорит Ross, вызывало первую кооперацию и было матерью дисциплины. Древние германцы жили в абсолютной личной независимости. Тем не менее, когда они вступали на путь войны, они выбирали вождя и давали ему право жизни и смерти" [2]).

Из других биологических условий, способствующих возникновению процессов взаимодействия, следует указать *на ряд условий, связанных с анатомо-физиологическими свойствами организма.* Я разумею здесь ряд условий, благоприятствующих установлению проводников взаимодействия между организмами. Эти проводники, как показано было выше, в свою очередь дают возможность взаимодействовать организмам при некоторой пространственной раздельности. В числе этих биологических условий заслуживают упоминания: a) способность и потребность организмов двигаться и благодаря движению приходить в соприкосновение с другими организмами, b) способность их издавать звуки, запахи и органами зрения воспринимать движения других организмов. Издавание звуков и восприятие их другими дает возможность общения на расстоянии. Это явление наблюдается в ряде животных видов помимо человека. У человека, как известно, оно вылилось в такие психо-социальные явления, как речь, музыка и ряд других звуковых символических проводников. У животных общение путем звуков также имеет место [3]). Это значит, что анатомо-физиологические

---

[1]) Одной из основных причин возникновения городов, как известно, была потребность безопасности. Город был прежде всего укрепленным местом, городищем. Он «служит сельским жителям убежищем в случае нападения врага. Временные переселения сельских жителей в городище превращались в постоянное жительство в нем,—их привлекала сюда безопасность». *И. Кулишер*: Лекции по ист. эконом. быта. II. 1918. 109—110.

[2]) *Ross*: Soc. control. 50. New-York. 1904.

[3]) См. *Дарвин*: О выражении ощущений у человека и животных. Спб. 1899. 41—57.

свойства организма дают возможность устанавливать коллективное единство, которое без них установиться не могло бы.

c) Такую же роль играет издавание запаха. Известно, что многие животные узнают друг друга по запаху. Выше цитировалось, что то же явление наблюдается у людей.

d) Наблюдается в животном мире и пользование мимически-двигательными проводниками. (Приподымание кожных покровов; напр. волос, раздувание тела, закладывание ушей назад и т. д. [1]).

Эти биологические свойства организма в человеческом мире послужили основой для целого ряда социально-психических условий взаимодействия, давших человеку возможность бесконечно увеличить и углубить общение с себе подобными путем пользования проводниками взаимодействия. Все сказанное выше о роли и формах последних следует учесть здесь. Огромное значение проводников в деле расширения и углубления взаимодействий в конечном счете покоится на анатомо-физиологических свойствах организма. Не будь этих свойств—невозможным было бы и пользование проводниками; следовательно, взаимодействие носило бы гораздо более ничтожный характер, а это означало бы, что и коллективные единства возникали бы реже; при некоторой же пространственной и временной раздельности организмов, возникновение их было бы вообще невозможным.

Не останавливаясь на других биологических факторах, вызывающих или способствующих появлению процессов взаимодействия, т. е. образованию коллективных единств, из сказанного мы видим, что биологические факторы нельзя игнорировать в этом отношении. *Они играют и продолжают играть „социализирующую" роль либо тем, что механически сближают организмы животных и людей, заставляют их стекаться в одном месте, искать друг друга для удовлетворения потребностей и входить в общение, либо тем, что, механически связывая индивидов на почве чисто биологических потребностей, они в то же время способствовали появлению и росту „социабельности" в смысле взаимного тяготения индивидов друг к другу, в смысле потребности в себе подобном, в смысле „социального сродства"*.

Все сказанное означает, что ряд *процессов взаимодействия — коллективных единств—возникали и возникают без всякой предумышленной цели, без всякого сознательного и целеполагательного стремления к другим, без всяких соображений о пользе,*

---

[1]) См. *Дарвин:* Op. cit. 47—71.

моральности или выгодности объединения. Коллективные единства, вызываемые к жизни космическими и биологическими условиями, — т. е. условиями бессознательными — служат доказательством ошибочности тех теоретиков „происхождения общества“, которые полагают, что „общество всегда возникает целеполагательно, что оно всегда требует надлежащей воли людей, что для возникновения его необходимо сознание, целевое объединение усилий и т. д.

Мы видели, что „общества“ могут возникать и без этих условий...

III. Социально-психические факторы возникновения коллективных единств.

В предыдущем мы видели, как ряд различных космических и биологических условий может вызвать процессы взаимодействия между людьми. Само собой разумеется, что эти условия далеко не исчерпывают собой поводов, заставляющих людей входить в общение друг с другом и образовывать временные или длительные, солидаристические или антагонистические, коллективные единства. В человеческом мире большинство их действует посредственно, преломившись и видоизменившись чрез социально-психическую среду индивидов. Главными же условиями, вызывающими процессы общения людей друг с другом, являются условия, вытекающие из самого сосуществования людей друг с другом, иными словами, условия, где причины возникновения взаимодействия исходят прямо и непосредственно от людей, как существ, одаренных психикой, сознанием и т. д. Такие условия, имеющие обычно психическую природу, я называю социально-психическими факторами возникновения взаимодействия...

В основе их лежат потребности: общения с себе подобными, потребности психического обмена идеями, чувствами, волениями людей друг с другом, потребности столь же реальные, как и потребности биологические [1]).

Пусть каждый мысленно проанализирует ряд процессов общения, в которые он вступал в течение дня. Проанализировав их, он увидит, что большинство процессов взаимодействия, в которых он принимал участие, вызваны были условиями социально-психического характера. Нуждаемость одного человека в других, заставляющая его вступать

---

[1]) См. выше, стр. 91 и сх.

во взаимоотношения с ними, здесь диктуется уже иными потребностями, чем потребности чисто биологические.

Каждый из нас в течение каждого дня встречается частью по своему желанию, частью помимо желания, нередко — вопреки желанию с множеством лиц и групп. С утра мы идем на службу и встречаемся там с товарищами по работе... Характер службы, а следовательно и встреч, предопределен здесь не космическими и биологическими условиями непосредственно, а условиями сосуществования людей. Когда нам нужны знания — мы идем в школу или на лекцию или в библиотеку и вступаем там в общение с другими людьми. Когда мы хотим удовлетворить религиозную потребность — мы идем в церковь, в среду одинаково-верующих. Когда нарушено наше правовое сознание — мы идем в суд или обращаемся к людям, могущим защитить наши права. Когда мы хотим т. н. эстетических переживаний, мы идем в театр, в кино, на концерт. Нужда в „приличной" одежде заставляет нас обращаться к портному. Потребность в ряде вещей — гонит нас в магазин. Потребность повеселиться гонит одних в притон, других к „теплой компании" собутыльников и сокартежников, третьих—на жур-фиксы и вечера, четвертых— в интимный кружок друзей... Влюбленность заставляет влюбленного искать встречи с тем, кто является адресатом нежных чувств, ненависть — помнить и искать врага. Политические взгляды обусловливают влечение индивида к своей группе и посещение митингов, партийных собраний и т. д. Профессия накладывает свой штамп на наши интересы, а эти последние определяют с кем мы будем встречаться и с кем нет... Когда нам нужна газета, мы вступаем в общение с газетчиком, нужно нам переехать — мы обращаемся к извозчику, нужно перенести наши вещи—мы вступаем во взаимодействие с посыльщиком; для отправки писем идем на почту и т. д. Из подобных встреч и общений mutatis mutandis состоит наш день. Перечисленные поводы большинства общений и коллективных единств, возникающих ежедневно, являются поводами не космического и биологического, а социально-психического порядка, вызванными к жизни сосуществованием людей и имеющими характер социально-психический.

Именно они являются причинами, вызывающими большинство общений и процессов взаимодействия между людьми, ими главным образом предопределяется возникновение коллективных единств различного порядка.

Как я уже сказал, *ряд взаимодействий каждого из нас зависит от нашей воли*: мы сознательно предвидим, стремимся

и реализуем их. Таковы все взаимодействия („общества“, „ассоциации“ „союзы“ и т. д.) преднамеренно и целеполагательно организуемые индивидами. Таковы условленные встречи, свидания и общения. Другие *процессы взаимодействия завязываются помимо нашей воли, непреднамеренно, нецелеполагательно.* Выйдя на улицу, я совсем не имел в виду встретить г. X. Столкнувшись с ним в трамвае, мы разговорились и условились встречаться там-то и тогда-то. Вот обыденный пример непреднамеренного возникновения „общества“. Скандал на улице собирает вокруг себя толпу проходящих. Смотря по важности события эта толпа может рассеяться быстро, но может превратиться и в весьма сплоченное единство, действующее однообразно, вызывающее ряд крупных эффектов (напр. сопровождение виновников к органам власти, прямое линчевание или избиение тех или иных лиц, разгром лавок и магазинов, демонстрация с выражением тех или иных требований и т. д.). Вот второй пример „стихийного“ образования „реальной совокупности“. Легко видеть, что такое „самопроизвольное“ зарождение коллективных единств происходит на каждом шагу.

Наконец, *ряд процессов взаимодействия и коллективных единств сплошь и рядом образуется вопреки воле и желанию взаимодействующих единиц.*

Преступник совсем не хочет взаимодействовать с представителями правосудия. И, однако, такие нежелательные „общества“, состоящие из представителей власти – судей—и преступников, обычное явление. Два лица совсем не желают встречаться друг с другом и, однако, такие встречи происходят. Такие нежелательные взаимодействия могут быть не только временными, но и длительными. „Постылые“ друг другу жених и невеста, объединяемые в супружеский союз волею родителей, могут служить примером нежелательного, длительного „общества“. Соединение в одной камере члена союза русского народа и социалиста, считаемого „контрреволюционером“, соединение в наше время весьма частое, может служить вторым примером такого „общества“ [1]).

---

[1]) Из этих примеров, число которых можно увеличить ad libitum, и которые каждый может наблюдать ежедневно, следует наивность и ошибочность «мудрых» теорий многих юристов, в роде Иеринга, утверждающих, что всякое общество возникает целеполагательно, преднамеренно и сознательно. Мы видим, что эти «мудрые» теории совершенно неверны. Не говоря уже о соединениях, образуемых космическими и биологическими условиями, где по сути дела не может быть речи о целеполагательности, даже не все «ассоциации», вызываемые к жизни социально-психическими условиями, возникают сознательно, преднамеренно и целеполагательно. Поэтому грубой

И не следует думать, что такие взаимодействия и коллективные единства, возникающие вопреки воле части ли или всех индивидов, составляющих последние, представляют редкое явление. Напротив, они весьма часты. Все коллективы, возникающие *принудительно, в силу насилия в той или иной форме*, являются коллективными единствами, возникающими по такому типу. Принудительный набор ряда лиц в армию, набор, имеющий своим результатом возникновение взаимодействия между солдатами одного полка, роты и батальона; насильственное завоевание и подчинение одной страны или народа другим, имеющее своими следствием возникновение взаимодействия между победителями и побежденными; принудительное объединение ряда разнородных лиц в одну социальную группу (напр., объединение „буржуев" в рабочие роты), и т. п. — все это формы возникновения взаимодействия помимо и вопреки желанию части или всех взаимодействующих единиц. Отряд солдат, вопреки их воле, насильственно посылаемый для усмирения или водворения порядка в определенную область и принужденный, таким образом, вступать в карательное взаимодействие с жителями данной области; девушка, вопреки ее воли принуждаемая кем-либо удовлетворять похоть третьего лица и вступать с ним во взаимодействие; мальчик, вопреки его воле, отдаваемый в услужение третьему лицу и вступающий таким образом с ним во взаимодействие и тысячи других аналогичных явлений, все это формы возникновения взаимодействия и образования коллективных единств вопреки воле одной или обеих сторон.

Легко видеть, что конкретных, социально-психических условий возникновения коллективных единств многое множество. Ими могут быть любые акты других людей. Перечислить все эти условия невозможно. Упомянем лишь об основных.

Вспоминая сказанное выше о потребности *умственных запросов, чувственно эмоциональных переживаний и волевой деятельности*, мы можем видеть в этих потребностях одни из основных социально-психических факторов, заставляющих людей взаимодействовать друг с другом. Ряд общений вызывается необходимостью *удовлетворения интеллектуальной потребности*. Таковы коллективные единства, образуемые учи-

---

ошибкой приходится считать утверждения, подобные положению *Еллинека*: «ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека», положение, которое, кстати сказать, противоречит другим положениям того же автора. См. *Еллинек*: «Право совр. государства. 30».

телем и школьниками, аудиторией и профессором, читателем и писателем и т. д., короче все взаимодействия, сознательно или бессознательно предназначенные для удовлетворения этой потребности [1]).

Вторым важным социально-психическим фактором образования коллективных единств является *потребность чувственно-эмоциональных переживаний*, толкающая людей друг к другу, заставляющая их искать адресатов „любви", „гнева", „симпатий", „ненависти" „обожания" и др. чувств. Мы видели, что эта потребность толкает людей в театр, на музыку, на танцы, в цирк, кабак и в другие места, где можно получить сильные или не сильные эмоциональные переживания.

Третьим важным социально-психическим условием, которому обязаны своим возникновением множество процессов общения, служит потребность *волевой деятельности*, как таковой. Ряд конкретных форм общения, вызываемых этой потребностью, был указан выше.

Из дальнейших крупных условий социально-психического порядка, заставляющих людей вступать в процессы взаимодействия, *является техническое разделение труда*. Иными словами—*разнородность* социальных функций, выполняемых различными индивидами. В силу социального разделения труда каждый из нас не является самодостаточной еденицей, способной удовлетворить все свои нужды. Мы не можем быть одновременно и сапожником, и пекарем, и слесарем, и священником, и земледельцем, и ткачом, и артистом, и ученым, и т. д... Каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он принужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие. Иными словами, *социальная разнородность индивидов*, вот одна из существенных причин, гонящих одних лиц к другим и заставляющих их „связываться" друг с другом [2]).

Исследования Бюхера показывают, что в настоящее время техническое разделение труда приняло колоссальные размеры и чем далее, тем более растет. Число различных профессий сейчас достигает до 10.000 тысяч. С 1882 по 1895 г. появилось до 4.000 новых профессий. По исследованиям Petrenz'a в Лейпциге с 1830 по 1860 г. было 25 основных

---

[1]) См. выше §, «потребности человека».

[2]) См. об этом: *Дюркгейм:* Разделение общ. труда. Одесса. 1900. *Зиммель:* Социальная дифференциация. 1909. Москва. *Bouglé:* Revue générale des theorie rècentes sur la divis. du travail. L'année sociol, т. 6.

*

профессий и 68 подпрофессий. В период же с 1860 по 1895 соответственные цифры возрасли до 42 и 176 [1]).

При таком колоссальном росте технического и отчасти общественного разделения труда, естественно, индивид нуждается в других индивидах; для удовлетворения одних нужд он должен итти к одним индивидам, для удовлетворения других—к другим, и т. д. Говоря коротко, здесь *несходство функций, выполняемых индивидами, или социально-технический полиморфизм, служит силой, которая притягивает людей друг к другу, заставляет входить во взаимодействие и связывает их в коллективное единство* [2]).

Говоря словами Дюркгейма здесь „личность не в состоянии одна удовлетворить себя... Таким образом создается весьма сильное чувство состояния зависимости, в котором находится личность“ [3]). Эта зависимость гонит ее к другим

---

[1]) См. *Bouglé:* Revue genérale... sur la division du travail. L'année sociologique. T. 6. 85.

[2]) В данном случае социально-технический полиморфизм служит аналогом биологического полиморфизма и связанного с ним физиологического разделения труда в обществах муравьев, пчел, ос и т. д. Здесь полиморфизм различных групп этих животных (пчела—«царица», «трутни», «пчелы-работницы») является связью, объединяющей их в коллективное единство. «Разделение труда, основанное на полиморфизме, вызывает высокую степень взаимозависимости в муравьиных обществах, говорит Пармели, и играет важную роль в социальной жизни муравьев».

Parmelee: Op. cit. 340—341.

Точно также и социально-технический полиморфизм людей вызывает тесную взаимозависимость людей и заставляет их общаться друг с другом.

Отсюда, однако, не следует, как полагает Дюркгейм, чтобы взаимодействие, возникающее на почве разделения труда, было всегда «солидарным», безконфликтным, морально-положительным. («Органическая солидарность» Дюркгейма). Ничуть. Нужда в сапогах меня заставляет вступить в общение с сапожником, нужда в костюме—итти к портному, но если сапожник сошьет мне скверные сапоги, портной - скверный костюм, или они возьмут задаток и ничего не сошьют, то конфликтов и антагонизмов может быть сколько угодно. То же бывает и во всех других случаях общения на этой почве. Вот почему ошибочно придавать этой взаимозависимости морально-солидарный характер. Она может быть безконфликтной, но может быть и конфликтно-антагонистичной. Дюркгейм бессознательно придал своей конструкции нормативно-оценочный характер.

См. об этом правильные замечания *Н. К. Михайловского:*

«Итак, разделение труда по малой мере не всегда является источником и мерилом солидарности». *Михайловский:* Отклики. 87.

См. также: *М. Ковалевский:* Соврем. социологи. 154 и сл.

[3]) *Дюркгейм:* Op. cit. 180. См. также: *Richard:* La Sociologie générale et les lois sociologique. 1912. Главы, относящиеся к анализу «Société».

Рост разделения труда делал и делает необходимым обмен, обмен порождал и порождает необходимость встреч и взаимодействий. Немудрено поэтому, что образование и рост городов, т. е. мест с плотным и многочисленным населением, с интенсивным взаимодействием, вызван был тор-

личностям и заставляет вступать в общение, то длительное, то кратковременное.

Второе важное, социально-психическое условие, притягивающее индивидов друг к другу, противоположно указанному. Его можно было бы определить, как *социально-психический мономорфизм* или конформизм. Сущность его состоит в положении, что индивиды, сходные друг с другом, взаимно-притягиваются. Люди, однородные с нами по языку, по мировоззрению, по идеалам, по внешнему виду, говоря коротко, сходные с нами и по внешнему облику и по внутренним свойствам, близки к нам. Это сходство служит как бы притягательной силой, влекущей нас к социально-сходным индивидам. Дети ищут общества себе подобных детей [1]). Люди ищут общества подобных себе людей. Между двумя европейцами взаимно-притягательная сила гораздо больше, чем между европейцем и варваром. Люди одного социального положения понимают друг друга лучше, чем индивиды различных социальных классов, групп, сословий, профессий и т. д. Similia similibus curantur. Люди, настроенные с нами в унисон, ближе нам, чем люди, отличные от нас. Первых мы называем „своими", „ближними", вторые — чужды и далеки от нас. Между социально-однородными еденицами скорее устанавливается внутренняя, интимная связь, чем между социально-разнородными. Вот почему социально-мономорфные индивиды ищут и предпочитают быть в обществе себе подобных: буржуа предпочитает быть в обществе сходных с ним по положению и взглядам людей, чиновники тяготеют к чиновникам, интеллигенты к интеллигентам, рабочий к рабочему, революционер к революционеру, верующий к одинаково верующему, футурист к футуристу, ученый к группе ученых, художник—к художникам и т. д.

говлей.. «С точки зрения времени наиболее раннюю экономическую силу, создавшую концентрацию избыточного земледельческого населения, представляет торговля—и в действительности, без промышленности и торговли не могли возникнуть маленькие и большие города, ибо они предполагают не земледельческое население, которое покупает их съестные припасы.. Специализация функций или разделение труда в его широком смысле.. вызывает широкий обмен продуктов и расширение торговых центров».

Вебер: Рост городов в 19 столетии. 164—165. «Город возникает только там, где, в связи с огороженным местом. находится рынок... Здесь устанавливается специализация», см. *Кулишер.* Лекции по ист. экон. быта. 109—114.

[1]) «Ребенок симпатизирует естественно подобным себе, у которых он находит потребности аналогичные своим, те же желания, ту же жажду движений, то же стремление к ласкам. Быть сходным—значит уже любить».

Compayré: L'evolution intell. et morale de l'enfant. Paris. 1896. 108.

В первом случае, при социально-техническом полиморфизме, людей гонит к другим и связывает с ними необходимость в другом, проистекающая из разделения труда. Здесь тянет к другим, заставляет вступать в общение с ними, сходство с последними.

Этот факт взаимного притяжения социально и психически сродных индивидов в различной форме отмечен множеством исследователей... Одни, как, напр., *М Дауголл*, видят в нем проявление стадного инстинкта. „Стадный инстинкт животного получает удовлетворение только в присутствии подобных ему существ и чем больше подобия, тем полнее удовлетворение... Совершенно то же наблюдается у людей... Соединение сходных элементов в обществе происходит именно потому, что мы чувствуем неодинаковое влечение ко всем социальным аггрегатам, но получаем наивысшее удовлетворение стадного импульса в обществе наиболее сходных с нами людей. У некультурных народов мы обыкновенно встречаемся с общинами одного и того же племени и с племенами, плотно спаянными кровной связью, которые живут на смежных землях... Та же тенденция обнаружилась в создании (в Соед. Штатах) обширных, ограниченных известной местностью общин из выходцев европ. государств. В наших больших городах она проявляется выделением населения сходной расы, сходных занятий и социального уклада“ [1]).

Waxweiler отмечает это явление, конструируя понятие „социального сродства“, в силу которого сходные индивиды взаимно притягиваются. Основой его служит „сходство организации“, или „впечатление этого сходства организации, которое делает возможными междуиндивидуальные реакции“ [2]).

Тот же факт отмечает Petrucci под названием: „La recherche des semblable“ [3]).

Дюркгейм это явление называет „механической солидарностью“. „При сходстве, говорит он, все члены группы индивидуально притягиваются друг к другу, потому что они сходны“ [4]).

---

[1]) *М. Дауголл:* Основн. проблемы соц. психологии. М. 1916. 220—221.

В свое время мы разберем, почему неправильно называть это явление стадным инстинктом.

[2]) *Waxweiler:* Esquisse. 56—57. См. также § 21. «Индивид, реагирующий сходно с другим, является индивидом, который «оказывается», «признается» с известной стороны в этом другом». 137.

[3]) *Petrucci:* Origine polyphyletique.. des societé animales. Brussels. 1906. 79.

[4]) *Дюркгейм:* Разд. общ. труда. 83 и сл.

[Из сказанного следует, что Дюркгейм не вполне был прав, предполагая, что «механическая солидарность» исчезает и целиком замещается «органической солидарностью». Наблюдение показывает, что первая продолжает существовать, но только приняла иные формы].

Гиддингс этот факт определяет термином „сознание рода“. „Наше поведение относительно лиц, в которых мы чувствуем подобие себе, совершенно основательно инстинктивно отличается от нашего поведения относительно других, которых мы считаем менее похожими на нас“.

[Факт констатируется верно, но термин „сознание рода“ неясен и неудачен.

См. критику его в II т., в гл. „Обзор и критика главн. соц. теорий“] [1]).

Парето отмечает это явление в качестве bisogno di uniformita. (Потребности в сходстве). Такая потребность существует и в мире животных и в мире людей. У варваров она интенсивнее, чем у культурных. Проявлениями ея служат „сходство, получаемое индивидом путем действия на самого себя“, в частности подражание; далее, „сходство, налагаемое на других“. Человек не только подражает другим, чтобы быть похожим на них, но желает, чтобы и другие делали тоже самое и походили на него. Нарушение или неисполнение этого желания вызывает враждебность. Особенно сильна эта потребность сходства в логической области. Раньше несходство убеждений и верований вело к костру, к наказаниям. То же частично наблюдается и теперь: мальтузианцев, напр., и теперь сажают в тюрьму; лиц, не сходных по политическим, научным, религиозным и т. п. воззрениям, точно также продолжают карать. „Bisogno di uniformita, говорит Парето, несмотря на новые формы, осталась той же... Исчезла потребность религиозного однообразия, но возросла потребность экономического, социального и гуманного сходства“. (Труд, вознаграждение, объем прав и т. д.). Древний запрет религиозного разномыслия при свободе пить вино теперь местами заменен свободой религиозных убеждений и запретом употребления вина и т. д. [Это положение Парето, как видим, противоположно Дюркгеймовскому тезису о падении „органической солидарности“. Я думаю, что в данном отношении прав Парето, а не Дюркгейм]. [2]).

Та же потребность в сходстве и в сходных себе констатирована опытами *St. Hall* и *Small*'я в Соед. Штатах, произведенных над юношами. Она выражается „в инстинктивном желании юноши сходствовать с идеями и суждениями другого“. It expresses itself in an extreme reluctance to dissent

---

[1]) *Гиддингс:* Осн. Социологии 1898. 19—20. См. его: Elements of sociology. Passim.

[2]) *Pareto:* Trattato di sociologia generale. 1916. т. I, §§ 1115—1133, т. II. 248—259.

from the opinions or purposes of others, especially adults. It often prompts people to say what they think will please and to even diverge from the truth to gratify friend. Some carry their self-abnegation so far that, divining, by a rapport that seems almost mystic, the lines of tastes and likes they develop almost a passion fort saying only what ministers to these" [1]).

То же проявляется и в подражании, изученном Тардом и Болдуином [2]).

На почве разделения труда и социального сходства возникают непрерывно сотни и тысячи процессов взаимодействия, а, следовательно, и коллективных единств...

Из других важных условий, вызывающих взаимодействие, следует особо упомянуть *роль символов-проводников*. Всякое обогащение человечества новым символическим проводником, всякое усовершенствование технических средств общения —явления, обязанные своим бытием точному знанию и другим социальным условиям, — влечет за собой возникновение множества процессов взаимодействия, бесконечное увеличение взаимодействия и качественно, и количественно... Изобретение *языка* (звуковой символической проводник) было одним из величайших факторов создания необъятного количества коллективных единств. Изобретение *письменности* (свето-цветовой симв. проводник) было вторым таким фактором.

Изобретение *книгопечатания* вызвало и вызывает к жизни ежеминутно сотни тысяч взаимодействующих процессов читателей с авторами книг, подписчиков с газетой и т. д. Всякое техническое усовершенствование в этой области играло, играет и будет играть колоссальную роль в деле возникновения коллективных единств.

Изобретение телефона, телеграфа, радио-телеграфа, железных дорог, мотоциклетов, аэропланов, автомобилей, пароходов и т. д. было чудесным и могучим фактором, вызвавшим и вызывающим к жизни ежесекундно тысячи и миллионы взаимодействий.

Не будь их — каким жалким и бедным было бы взаимодействие людей! Сколько взаимодействий не возникает благодаря одному временному прекращению телефонного общения в большом городе.

---

[1]) *St. Hall.* Adolescence. New-York. 1904. т. II. 374—375.

[2]) См. *Тард:* Законы подражания. Passim. *Болдуин:* Духовное развитие детск. индивидуума и челов. рода, т. I. (Моск. книгоиздательство) 115 и сл. Ряд авторов, в роде *Паланта,* называют его законом соц. конформизма. См. *Палант,* Очерк. социологии. 100—109.

Легко себе представить жалкое состояние челов. взаимодействия при отсутствии этих факторов-проводников.

Поэтому *все то, что ведет к улучшению существующих или к изобретению новых символических проводников (напр., эсперанто, если оно привьется), все это является и факторами возникновения взаимодействия людей.*

Само собой разумеется, однако, что к этим основным условиям не сводятся все, социально-психические условия, вызывающие общение людей и образование взаимодействующих соединений. Последние, как указал я выше, могут быть вызваны любым поступком, любым актом других людей... Слова любви и ненависти, акты нападения в роде удара, акты приветствия, в роде снятия шляпы, короче, всякий поступок сочеловеков, может быть раздражителем, вызывающим реакцию с нашей стороны и влекущим за собой возникновение взаимодействия.

Таковы в суммарных чертах социально-психические факторы образования процессов взаимодействия и коллективных единств.

Подведем итоги сказанному.

1) *Процессы взаимодействия людей, а, следовательно, и образование коллективных единств, могут быть вызваны условиями: a) космическими, b) биологическими, c) социально-психическими.*

2) *Они вызывают эти процессы либо тем, что механически (пространственно) сближают индивидов друг с другом и заставляют их входить во взаимодействие, либо тем, что, в силу биологической нуждаемости одного организма в другом, толкают организмы друг к другу и принуждают их входить в общение, либо тем, что, в силу космических и биологических причин, они вызывают частоту встреч и соприкосновений индивидов, либо, наконец, в силу социально-психических условий, гонят одного человека к другому на почве удовлетворения социально-психических потребностей и разделения труда, притягивают социально-сходных индивидов друг к другу, и тысячью других способов сталкивают их друг с другом и заставляют взаимодействовать.*

3) *Возникновение взаимодействия означает и образование коллективных единств, то длительных, то мгновенных, то солидаристических, то антагонистических, то связанных внешними узами взаимной нуждаемости, то связанных общностью переживаний и т. д.*

4) *Всюду здесь взаимодействие и коллективное единство понимается в смысле данного выше определения и лишено всякого нормативно-телеологического оттенка.*

Критические замечания.

Очерченная теория плюралистического возникновения коллективных единств заставляет признать совершенно ошибочными все „монистические теории“ возникновения „общества“ и сложных социальных соединений. в роде: государства, рода, касты, класса, церкви и т. п., сводящие факторы образования последних к одной какой либо причине...

Если простейшие социальные явления обязаны своим бытием многим причинам, то тем более это имеет значение для сложных социальных соединений.

Этот тезис избавляет меня от необходимости подробной критики этих теорий.

1) Неверна теория *Гобино*, признающая такой причиной *единство крови или расы*. Это только один и то не важнейший фактор, вызывающий возникновение общения людей друг с другом.

2) Неверна теория *Ад. Смита*, *Сутерланда* и др., признающая источником общества *симпатию* и видящая первый ея прообраз в родительских заботах о потомстве. Люди и животные вступают в взаимодействие друг с другом не только из-за симпатии, но и из ненависти, не только в силу эмоциональных условий, но и в силу множества других обстоятельств. Сама симпатия, чтобы возникнуть, требует уже общения и взаимодействия. Сама она продукт, и сравнительно поздний, процессов общения, а не их причина.

3) Неверна теория *Гиддингса*, являющаяся модификацией теории Ад. Смита. „Сознание рода“ или социальное сходство только одна из причин, заставляющих и людей и животных общаться друг с другом, встречаться, сталкиваться, взаимодействовать. Само „сознание рода“, поскольку под ним разумеется не так наз. „стадный инстинкт“, а социально-психическое сходство, могло появиться только после длительного и разнородного общения с себе подобными и от себя отличными. Посему, искать в нем источник „общества“ все равно, что искать причину в одном из следствий.

4) Столь же одностороння теория, усматривающая фактор соединения людей *„в удовольствии общения“*, в *„удовольствии кооперации“* и т. д. „Товарищеский аппетит (fellowship), правильно говорит Ross, может об'единить десяток или сотню людей; но он бессилен об'единить десятки тысяч и миллионы. Любовь может создать семью, дружеский союз и церковь; но она ли является архитектором городов, общин и государств? Удовольствие товарищества, удовольствие общения—

роскошь; и если люди образовали группы под влиянием конфликтов, то, столь же верно, что страх, голод и жадность в большей степени, чем социабельность, привели их к жизни в группах. Не притяжение сходного к сходному, но война и ея ужасы побуждали их объединяться в агломераты общин. Группы возникли очень рано, образовались раньше, чем социализирующие силы могли выполнить свою работу“ [1]).

5) Одностороння и неверна теория *П. А. Кропоткина*, видящая основной фактор образования соединений *во взаимной помощи*. Это только один из факторов, вызывающих взаимодействие и животных, и людей. И первые, и вторые входят в соприкосновение друг с другом не только для взаимной помощи, но и для взаимной или односторонней борьбы и причинения вреда. Лев ищет добычи и входит с ней в соприкосновение; паразиты взаимодействуют с организмом, которым они живут и взаимодействуют с ним временами весьма длительно. Люди общаются друг с другом и взаимодействуют опять таки не только на почве взаимопомощи, но и взаимоистребления и взаимоугнетения (войны, драки, взаимодействие капиталиста и рабочего, рабовладельца и раба, угнетенного и угнетателя и т. д.).

Даже сами явления общения, в смысле гармонической, интимной связи, возникают не только на почве взаимопомощи, но и в силу других перечисленных выше условий.

6) Неверна теория чисто *инстинктивного возникновения явлений общения*, поддерживаемая, в частности, *М. Дауголлом* и *Petrucci* (Теория стадного инстинкта). Она неверна, во-первых, потому, что по ряду оснований можно усумниться в самом существовании стадного инстинкта, как инстинкта. Во-вторых, как и все „монистические“ теории она видит только один фактор возникновения коллективных единств тогда как в действительности их множество.

7) Все сказанное применимо и к таким теориям, как *теория подражания Тарда и Балдуина*, видящая фактор образования „общественности“ в подражании, как теория *социального принуждения Дюркгейма*, *теория симбиоза или социального психизма Изуле и Де-Роберти* и т. д.

8) Еще более нелепыми должны быть признаны теории, видящие исключительный источник общества в чисто сознательно-волевых актах людей, как *договор* (*Руссо* и др.), как *общая цель* (Иеринг, Макаревич и др.). Они нелепы не только в силу их односторонности и фактической неверности, но и в силу „логического круга“: чтобы общество могло возник-

---

[1]) *Ross:* Foundations. 270.

нуть, нужен договор или соединение целей; но чтобы возможен был договор или единство цели, нужно уже общество.

Все эти, как и ряд других „монистических“ теорий, односторонни, учитывают только один из многих факторов, и потому неверны; кроме того они „загрязнены“ привнесением нормативно-оценочных элементов в понятие возникновения общества и общественности.

9) Неверны далее и все „монистические“ теории, сводящие происхождение сложных коллективных единств, в роде государства, рода, класса, сословия, касты, католической церкви и т. д. к одному какому либо фактору.

Неверны, напр., теории *Гумпловича и Оппенгеймера*, видящие источник происхождения государств в насильственном подчинении одной группы другою [1]).

Может быть когда либо такое возникновение государства было, но оно не может быть общим правилом. Да и сомнительно, чтобы государство возникло только благодаря данному фактору [2]).

„Причины образования больших госуд. территорий бывают вообще весьма различные и в каждом отдельном случае представляют собою более или менее своеобразные комбинации“, справедливо говорит *Н. И. Кареев*. И далее, не менее правильно он указывает в качестве таких факторов условия: географические, этнографические, династические, политические, коммерческие, национальные, вероисповедные и т. д. [3]).

Не менее правильно говорит по этому поводу и *Еллинек*. Процесс превращения орд, племен и семей в государства... „мог быть достигнут самыми разнообразными путями, и представляется весьма маловероятным, чтобы процесс образования государств повсюду был один и тот же. Здесь могут быть установлены только самые общие типы. Так, напр., можно утверждать, что общая опасность вызывала совместную борьбу, что т. о. сперва возникли организации ad hoc, которые затем, повторяясь, получили постоянный характер. Или — что к более тесному объединению побуждала необходимость искать новых мест для охоты или пастбищ, а также стремление соединенных племен к при-

---

[1]) См. *Гумплович:* «Осн. социологии». 179 и сл. *Oppenheimer:* «Der Staat». (Frankfurt a. M.) 8—9.

[2]) См. критику данной теории: *Ковалевский:* «Соврем. социологи». СПБ. 1905. 98—133. Его же: «Социология», т. II, гл. VIII *Лазаревский:* «Русск. гос. право». П. 1917. 29.

[3]) См. *Н. Кареев:* «Зап.-Европ. абсолютная монархия». 1908. 93—95.

обретению собственности путем грабежа. Далее можно установить, что возникновению прочных союзов содействовали, между прочим, примитивные религиозные представления" и т. д. [1]).

На основании всего сказанного нельзя согласиться с *Я. М. Магазинером*, примыкающим к марксистско-монистической теории происхождения государства („государство обязано своим возникновением перевороту в эконом. условиях родового общества") и находящим плюралистическую точку зрения Еллинека „принципиально неправильной". Он думает, что „должны были быть некоторые принципиально общие условия" для возникновения государства, что „такой всеобщий институт, как государство, не мог образоваться в силу причин принципиально различных и потому в большей или меньшей мере случайных" [2]).

Во-первых, различность причин нельзя отождествлять с случайностью. Это очевидно. Во-вторых, сам переворот в экономич. условиях и происхождение земельн. собственности—результат действия многих причин [3]).

В третьих, фактическое исследование показывает, что прав Еллинек, а не Я. М. Магазинер [4]).

В-четвертых, теория Магазинера—осколок теории единообразного развития различных народов и государств. На этот счет я могу лишь процитировать слова Дюркгейма, достаточно основательно „разнесшего" такие теории. „Ничто не дает основания полагать, что различные типы народов развиваются в одинаковом смысле; они идут различными путями. Развитие человечества д. б. изображаемо не под формой прямой линии, но как дерево с различными и многочисленными ветвями [5]).

То же говорит и *Росс*. „Ранняя предшественница социологии, философия истории, считала, что судьбы частных обществ, напр., Сицилии или Польши, суть только часть единого могущественного процесса. Она думала, что жизнь человечества может быть подведена под одну формулу. Но позже мы нашли множество независимых течений цивилизации, как Перу, Камбоджа, Китай, Ашантии, Дамарас,

---

[1]) *Еллинек:* «Право совр. госуд». СПБ. 1903. 172.

[2]) *Я. Магазинер:* «Лекции по гос. праву». 1919. 38—38.

[3]) См. об этом *Ковалевский:* «Социология». Т. II, гл. VI и VII.

[4]) См. *Ковалевский:* «Социология», т. II, гл. VII: «Генезис полит. союзов, различных видов начальствования и госуд. власти», где достаточно основательно показана и ошибочность марксистской концепции и плюрализм факторов происхождения госуд. власти.

[5]) См. рецензию Дюркгейма на Вундта. «L'année sociol» т. XII. 50—61.

Банту, Ацтеки, Япония и т. д., каждое из которых имеет свое собственное течение и свою собственную судьбу. Имеется множество специальных течений, каждое со своим собственным уклоном и водоворотами, которых не найти в Ниле Европейской цивилизации". Отсюда, доказывает далее Росс, следует ошибочность попытки установления параллельных законов возникновения и развития обширных обществ, взятых в целокупности (государств, наций и т. д.). Такие законы будут неизбежно ложными. „Можно ли думать, спрашивает Ross, что общая социальная эволюция одна и та же для всех народов? Нет. Развитие отдельных институтов в большей или меньшей степени было *многолинейным* и всякая попытка установить в каждой сфере социальной жизни одну типичную последовательность изменений обречена на неудачу". „Ошибка здесь лежит в том, что берут (для установления законов) слишком громадные единства. Открыть законы возникновения или последовательности мы можем только перейдя к мелким сериям трансформаций, повторно совершающихся в жизни отдельного общества... Только мелкие явления часто повторяются. Отрава социологии состояла в оперировании широкими единствами, в сравнении сложных коллективов оптом вместо сравнения мелких фактов в деталях. Вместо обобщения на почве немногих громадных и фантастических сходств (напр., английской и французской революции, узурпации Цезаря и Наполеона, классического и соврем. общества) следует делать обобщения на почве многочисленных, мелких и точных сходств. Социология, чтобы достичь общих истин (законов), должна перейти от масс к молекулам" [1]).

В силу всего сказанного утверждение Магазинера, как и многих других сторонников единообразного происхождения государств и других сложных социальных групп, приходится признать „отрыжкой" старой философии истории, сданной в архив с ее мнимыми единообразными законами.

Неверны и другие „монистические" теории: фантастическая теория договора, (Руссо, Гоббс), теория чисто естественного (космического) происхождения государства, (Аристотель), теория чисто искуственного его происхождения, обусловливаемого *целью* роста и развития des rein Menschlichen in einer Nation" (Фихте), или с целью проявления нравственного духа (Гегель). Неверны и другие „монистические"

---

[1]) *Ross:* Foundations of Soc. 75—76, 61. То же говорят *Тард*: «Соц. законы» Гл. I и passim. *Pareto:* «Op. cit». т. I, 120—121. *Waxweiler:* «Bullet. mensuel» Сольвеевск. института. 1910 г. № 1. 5. *Steinmetz:* ст. в Z'année sociol., т. 6 и др.

теории. Все они одинаково однобоки и пытаются уложить сложную действительность в „прокрустово ложе“ своей теории. То же приходится сказать и о большинстве „монистических“ теорий, объясняющих возникновение церкви, касты, сословия, национальности, класса и т. д. одним каким либо фактором, начиная с таких наивных теорий, как, напр., объяснение возникновения религии сознательной выдумкой попов с целью получения „земных благ“ и кончая такими „прозаическими“ теориями, как теории, сводящие возникновение таких сложных коллективов к действию чисто экономических факторов [1]).

Пора бы перестать рассматривать сложные исторические процессы, как уравнение с одним неизвестным. Конечно, такое упрощение делает чрезвычайно легкой работу анализа социальных явлений. Но не всякая простота — святая. Бывает и простота иная. Выражаясь точнее и мягче — такое упрощение ошибочно и неверно.

Рядом с этой ошибкой „монистичности“ следует указать и другую ошибку теорий государствоведов и др. теоретиков, пытающихся объяснить происхождение государства и других обширных ассоциаций.

Обычно центр тяжести таких теорий лежит не в том, чтобы объяснить: почему на определенной территории люди живут вместе? почему они общаются друг с другом? Почему они тяготеют друг к другу, а не разбегаются в разные стороны? а в том: как и почему в среде сосуществующих людей возникает „порядок“, „организация“, „шаблон взаимоотношений“ и „власть“?

Сам факт сосуществования и взаимодействия людей, их тяготение друг к другу, такие теории находят чем-то само собой понятным, не нуждающимся и не заслуживающим никакого объяснения. На этой проблеме они совершенно не останавливаются или, в лучшем случае, ограничиваются шаблонным повторением традиционной формулы Аристотеля: „человек есть общественное животное“.

Между тем, ответ на первые вопросы гораздо важнее, чем на вторые. Важно понять: почему люди взаимодействуют, почему масса людей живет вместе, а не разбегается в разные стороны, почему в данном месте есть народонаселение (population). Если это будет понято, если нам дано будет

---

1) Достаточный конкретный материал для критики таких теорий дается в книге *М. М. Ковалевского*: «Социология, т. II и «Современные» социологи». Критику марксистской теории происхождения государства» см. у *Н. И. Лазаревского*. Op. cit. 31—34.

народонаселение, то объяснить: как и почему в этом народонаселении возникает „порядок, *организация, власть и т. д.,— не представляет большого труда.*

Не представляет большого труда потому, во-первых, что само понятие „порядка“ (order, l'ordre) „организации“ и т. п.— весьма относительно. Оно, как блестяще показал Бергсон, имеет смысл постольку, поскольку противополагается идее „беспорядка“, „дезорганизации“. Эти же последние, в итоге анализа, означают просто иной порядок, иную организацию... и только, а не нечто противоположное порядку. „*При тщательном анализе идеи беспорядка, мы видим*, заключает Бергсон, *что она ровно ничего из себя не представляет; тем самым исчезают и задаваемые ею проблемы*“ [1]. Поэтому, раз дана будет совокупность сосуществующих людей,—всегда будет дан тот или иной порядок, та или иная организация. Раз даны будут бревна и кирпичи—всегда можно построить то или иное жилье. Быть может оно и будет плохим, но, как известно, и „социальный порядок“ никогда не был идеальным. Но если не будет кирпичей, бревен и др. материала, тогда жилья не выстроишь. Во всякой среде индивидов, сосуществующих и взаимодействующих *длительное* время, всегда устанавливается тот или иной порядок, шаблон, организация. Но никакой порядок и организация не были бы возможны, если бы не было сосуществующих и общающихся людей, если бы последние отскакивали друг от друга, как шарики с однородным электричеством. Вот почему центр тяжести происхождения сложных и обширных соединений (государств, племен, родов и т. д.) лежит не в объяснении возникновения порядка и власти, а в раскрытии причин: почему люди связаны друг с другом, почему они тяготеют взаимно, почему они общаются, почему не бегут друг от друга, а живут скученно, вместе.

Очерченное выше представляет попытку дать ответ на эти вопросы. Что касается проблемы возникновения порядка, то ниже кратко мы затронем ее.

§ 2. Условия (факторы) сохранения коллективных единств.

Одни из процессов взаимодействия, возникнув, быстро исчезают. С их исчезновением распадается и возникшее коллективное единство. Таковы акции и реакции двух индивидов, (встречи на улице, в трамвае, в лавке и т. д.), которые,

[1]) *Бергсон:* «Творч. эволюция». СПБ. Изд. Семенова. 197. См. всю III гл., посвященную анализу безпорядка.

обменявшись актами или выполнив известное дело, расходятся в разные стороны, забывают друг о друге, короче— перестают влиять и обусловливать взаимное поведение. Такова толпа, собравшаяся на улице вокруг какого либо события, которая чрез несколько минут рассеивается.

Рядом с такими „мгновенными" коллективными единствами есть другие, которые, возникнув, не исчезают быстро, а продолжают существовать весьма длительное время, временами целые десятки лет.

Иными словами, здесь процессы взаимодействия между рядом лиц, возникнув, длятся, продолжают жить и существовать. Таковы коллективные единства, называемые семьей, пожизненной дружбой двух или бо́льшего числа индивидов, „вечной любовью"; таковы, далее, сложные коллективные единства, называемые церковью, государством, классом, кастой и т. д...

Всюду здесь индивиды, составляющие такие длительно существующие группы, взаимодействуют друг с другом, обусловливают поведение один другого, короче — образуют весьма длительную реальную совокупность.

Спрашивается: *как возможны такие длительные процессы взаимодействия? В силу каких условий или факторов коллективные единства не распадаются, а продолжают существовать?*

Постараемся разобраться в этом вопросе. Свой анализ опять будем вести путем наблюдения простейших случаев взаимодействия. Выводы, полученные таким путем, применимы будут и к сложным „обществам", к обширным скоплениям населения.

Вопрос, как сохраняются коллективные единства означает: в силу каких условий раз возникшее взаимодействие двух или большего числа индивидов продолжается?

Таких условий опять таки множество. Всякая попытка свести их к одному условию была бы непростительным симплицизмом, однобоким упрощением и искажением действительности.

В целях отчетливости эти условия, определяющие продолжительность взаимодействия, можно разделить опять на те же основные группы: *1) на факторы космические, 2) биологические, 3) социально-психические.* Остановимся на каждой группе.

I. Космические факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективного единства.

Продолжительность взаимодействия людей и животных прежде всего может быть вызвана „механически“, рядом физико-химических или космических условий...

Простейшим примером таких явлений служат факты, где два или большее число индивидов, в силу космических причин, принуждены оставаться в пространственной близости друг к другу. Робинзон и Пятница—иллюстрация сказанного. Брошенные волею стихии на уединенный остров, они volens-nolens принуждены были встречаться и взаимодействовать друг с другом. Робинзон и дикари — вторая иллюстрация сказанного. Переходим от этих воображаемых фактов— к реальным. История знает ряд случаев, являющихся результатом кораблекрушений, аналогичных истории Робинзона и Пятницы. Ряд лиц забрасывались стихией на изолированные острова и принуждены были взаимодействовать друг с другом... Это взаимодействие временами продолжалось довольно долгое время и нередко из механической связи превращалось в связь внутреннюю, подобную дружбе Робинзона и Пятницы. Еще пример.

„Когда ганзейский корабль, вышедший в море, пройдет бывало пол дня, капитан обыкновенно собирал на палубе весь экипаж и пассажиров и обращался к ним с следующей речью. „Так как мы теперь находимся в воле Бога и волн, то мы должны быть равны друг другу. И так как мы окружены бурями, волнами и разбойниками, то мы должны поддерживать строгий порядок и... избрать тех, которые займут судейские места“. Вслед за тем выбирались фогт и скабины“. [1]).

Здесь в возникновении и поддержке взаимодействия играют роль на ряду с другими и космические факторы: пространственная близость индивидов, заставляющая их соприкасаться, космические опасности, заставляющие их соединять усилия для борьбы с ними...

Из этих примеров мы видим, что здесь „связью“, скрепляющей индивидов, являются связи космического порядка, механически вынуждающие индивидов общаться друг с другом и составлять солидарное ли или антагонистическое коллективное единство.

Такая механически-связывающая роль прямо или косвенно осуществляется рядом космических условий. Местность, богатая пищей, прибрежная полоса реки или моря,

---

[1]) Цитирую по *Кропоткину:* «Взаимн. помощь». 1918. 127—128.

удобная для жизни и сообщений, места, обильные теми или иными продуктами природы, полезными или нужными человеку, (хорошие пастбища, леса, изобилующие дичью или съедобными животными, месторождения золота, пещеры, удобные для жизни первобытных людей, плодородная, черноземная почва и т. п.),—все эти космические условия не только заставляют людей стягиваться в эти места и вступать во взаимодействие, но они же часто служат причинами, побуждающими их оставаться в таких местах надолго или „навсегда". Притягивая к себе, связывая с собой индивидов, такие места связывают друг с другом и „притянутых" лиц. Люди, которые остаются в пространственной близости друг к другу, не могут не встречаться и не общаться друг с другом. Иными словами, не могут не составлять длительного коллективного единства...

Если не прямо, то косвенно эту механически-связывающую роль космические условия играли и играют во множестве случаев... Самые места человеческих поселений—сел, городов, деревень, монастырей и т. д.,—т. е. скопления людей в пределах определенной территории, были обусловлены весьма часто именно космическими факторами. Индивиды, в начале механически привлеченные в одно место, продолжая оставаться бок о бок друг с другом, сближались, механическая связь космических условий превращалась в связь психическую, в итоге, в процессе десятилетий, образовывалось тесное, социально-сходное коллективное единство.

Быть может всего рельефнее выступает роль космических факторов в значении *территории* для существования продолжительного взаимодействия. Эта механически-связывающая роль территории столь значительна, что государствоведы до сих пор считают территорию одним из „элементов" государства. Она мыслится как бы составной частью государственного коллектива. Конечно, элементом государства территория не является, но что она прямо или косвенно в ряде случаев играет роль механической связи между индивидами, составляющими население государства, это стоит вне сомнения. Этот факт отметил и Зиммель, говоря, что в ряде случаев (но не всегда) „непрерывность социальных форм" обязана своим существованием „постоянству территории, на который живут члены данного социального коллектива" [1]).

[1]) См. *Simmel:* Comment les formes sociàles se maintiennent. L'année sociologique. T. I. 76.

*

Правда, как верно указывает тот же Зиммель, одна территория не всегда достаточна для сохранения идентичности социальной формы: „Когда народ изгнан или покорен народом победителем, мы говорим: государство изменилось, хотя территория и осталась той же“ [1]); но роль территории, благоприятствующую сохранению социальных форм, при наличности других условий, не отрицает и Зиммель; она несомненна и с нашей точки зрения. Больше того, определенные качества территории, как я указал сейчас, в ряде случаев, могут быть достаточными условиями для сохранения возникшего процесса взаимодействия.

Эта роль ея особенно рельефно выступает в тот период истории людей, когда образовывались т. н. „*территориально племенные общества*“... Члены различных родов, вначале социально-гетерогонные, привлекались рядом космических условий в пределы определенной территории; оседая на ней, они входили в близкое взаимодействие, и в итоге составляли „единое социальное тело“, скрепленное не только механическими, но и психическими связями, тело, носящее название „территориально-племенного общества“.

В той или иной форме ряд космических условий может благоприятствовать продолжению взаимодействия и в иных, частью указанных выше, формах.

Правда, на это можно возразить, что сами по себе космические условия не в состоянии вызвать, а тем более поддерживать существование взаимодействия, что, в частности, пространственное соседство двух или большего числа индивидов еще недостаточно для того, чтобы взаимодействие между ними продолжало существовать: две статуи могут целые века стоять рядом, но от этого они не превратятся в коллективное единство. Да, две статуи не станут, конечно, взаимодействовать. Но люди не статуи. Один вид сочеловека в пустынной местности вызывает ряд переживаний и поступков в другом человеке; длительная же пространственная близость, вызываемая рядом космических условий, неизбежно заставляет чуждых друг другу людей соприкасаться друг с другом и вступать в те или иные взаимоотношения... А затем уже, на почве этих взаимоотношений, в силу свойств человека, возникают связи иного порядка— биологического и социально-психического. Без наличности космических условий не могли бы возникнуть последние... (Связь чувств, идей, интересов и т. д.).

---

[1]) *Simmel:* Ibid. 76.

Вот почему *роль космических условий в деле поддержания взаимодействия сказывается в двоякой форме: а) иногда пространственно сближая людей и вызывая длительное соседство их, прикрепляя их к одному месту, они механически прикрепляют их друг к другу, непосредственно поддерживают длительное их взаимодействие; в) рядом с этим, они косвенно способствуют существованию коллективного единства:* вызываемые ими частые встречи, вначале совершенно чуждых друг другу людей, с течением времени нередко ведут к тому, что механически связанные друг с другом индивиды становятся связанными органически и психически: между ними возникает симпатия, ненависть, общность интересов, единство переживаний и т. д., которые затем уже сами заставляют людей взаимодействовать друг с другом.

II. Биологические факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективных единств.

Если космические условия в ряде случаев способны поддерживать взаимодействие, то из этого не следует, что они достаточны во всех случаях, или, что они являются важнейшими условиями продолжительности коллективных единств. Несравненно более важную роль в этом отношении играют факторы биологического порядка. Эти последние многочисленны и разнородны. Остановимся здесь только на некоторых. Характеристика их роли в этом отношении может служить характеристикой и других биологических факторов, обусловливающих продолжительность взаимодействия и существования коллективных единств.

Те же биологические условия, которые вызывают взаимодействие организмов и людей, могут обусловить и продолжительность последнего.

Таковы потребности питания, половая потребность, потребность самосохранения и т. д.

Потребность питания как в ряде животных видов, так и в мире людей, заставляет их соединять свои усилия для добывания средств существования. Ряд „коопераций" для охоты, рыбной ловли, собирания дико растущих семян, а в более новое время—ряд организаций для добывания и производства питательных продуктов, в конечном счете, обязаны своим существованием данной потребности. Она не только вызывает взаимодействие, но и поддерживает его. В конкретных формах роль рассматриваемого биологического условия выступает в тысяче форм. Длительное взаимодействие молоч-

ницы и хозяйки дома, поставщика хлеба, зелени, и мяса и того, кому они поставляются; взаимоотношение хлебного торговца и его постоянного покупателя; хозяина или агента столовой, ресторана и их постоянных клиентов; коллективное единство, образуемое постоянными посетителями постоялого двора, трактира, чайной и владельца или прислуги последних; взаимодействие „нахлебника“ и его хозяев, кормилицы и ребенка, потребителя водки, вин, чая, кофе, пива—и лиц, продающих эти продукты, короче, сотни различных постоянных взаимодействий существуют благодаря именно данному фактору.

Каждому известно, что весьма часто подобные взаимоотношения являются длительными. Хозяева „питательных“ центров (столовых, ресторанов, пивных, трактиров etc.) имеют своих постоянных клиентов, последние имеют свои постоянные и „любимые“ питательные центры. Это постоянство, как известно, часто ведет к связям весьма „интимным“ между тем и другим: хозяин или поставщик знает своего покупателя или клиента, он ему верит в долг, старается „уважить“ его, нередко между тем и другим возникает „настоящая дружба, „солидарность“ и т. д. То же самое происходит весьма часто и со всеми лицами, соприкасающимися друг с другом на почве удовлетворения голода и жажды. Взаимные завтраки и обеды, общие кутежи, совокупные банкеты и пиршества часто сближают и соединяют людей в длительные коллективные единства: собутыльники, сотрапезники становятся коллегами, ищут друг друга для общей попойки или обеда, делаются индивидами, привязанными друг к другу... Не будь этого биологического условия—не возникли и не существовали бы все подобные явления. Питание и жажда здесь служат связями, прикрепляющими индивида к индивиду, устанавливающими между ними нити, связывающие их друг с другом.

Я указал только немногие из взаимоотношений, длительно существующих на этой почве. Нужно ли говорить, что в конкретной действительности их сотни и тысячи. Социологи почему то до сих пор не занялись изучением социализирующей роли питания. Быть может потому, что подобные факты столь обычны, что, как все, находящееся под глазами, они просматриваются и не замечаются. Жаль, ибо такие то мелкие взаимоотношения и составляют подлинную ткань крупных социальных событий. Едва ли будет пародоксом, если я скажу, что часто хороший обед или блюдо, которым хозяин дома угощает своих гостей, связывает последних

с первым гораздо большей солидарностью, чем самые пламенные речи о солидарности. Недаром же и в жизни, и в романах, дома, признаваемые „общественными центрами", всегда фигурируют в качестве домов гостеприимных, их хозяева—в качестве хлебосолов, их кухарки и повара—в качестве знатоков своего дела... Такие дома притягивают к себе, в них постоянно бывают, с ними все „поддерживают знакомство". Не будь в таких домах „обильного угощения" очень многие из них перестали бы играть роль центров общества, перестали бы потому, что „многих" одними баснями не кормят. Речи, разговоры и общение - вещь хорошая: но не для всех притягательная... Для ряда людей, не только в наши голодные времена, но и во времена более сытые,—помимо речей нужно еще нечто „более существенное": одним—хороший ужин, другим—стакан хорошего вина.

Едва ли мне нужно приводить дальнейшие факты для доказательства положения, что *взаимодействие может длительно существовать и поддерживаться биологическим фактором питания*. Таких фактов столь много, они столь легко могут быть констатируемы каждым, что дальше настаивать на этом излишне.

Дальнейшим биологическим условием, способным выполнять ту же функцию, является *половая потребность*. Она не только вызывает возникновение ряда взаимодействий, но во многих случаях она же достаточна и для продолжения этого взаимодействия, иными словами, для длительного существования возникшего коллективного единства взаимодействующих единиц. Простейшие и наиболее „биологические" факты такого рода дают взаимоотношения индивидов, связанных друг с другом чисто половыми вожделениями. Проститутка и ея „постоянный гость", индивид и его любовница, пожизненные союзы двух лиц, связанных лишь удовлетворением полового импульса, таковы классы явлений, где половая потребность функционирует в указанной роли. Такие длительные союзы обязаны своим бытием именно этому фактору. И не следует думать, что последний может связывать надолго только людей неразвитых и некультурных. Наблюдение показывает, что такие связи могут объединять людей, выдающихся по своим умственным свойствам. Взаимоотношение Руссо и его жены, особы совершенно чуждой Руссо по укладу и развитию,—исторический пример такой чисто биологической постоянной связи. Она была единственной нитью, которая заставляла Руссо взаимодействовать с Терезой. Аналогичные факты можно наблюдать весьма часто.

На почве этой потребности рождается и существует множество длительных взаимоотношений индивидов разного пола, начиная от связей, прикрепляющих влюбленного к субъекту другого пола, и кончая семьей, как пожизненным союзом супругов Всюду она служит тем „обручем“, который связывает двух или большее число индивидов и мешает „разрыву“ образуемого ими коллективного единства Иными словами, она заставляет в той или иной форме продолжать общение их друг с другом. Она тянет их друг к другу, тянет чисто импульсивно, как тянет железо к магниту.

„Не призывай... И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать,
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать...
Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб —
Порой — слуга, порою—милый,
И вечно раб“...[1]), таково поэтическое выражение

этой тяги индивидов друг к другу, вызываемой рассматриваемым биологическим фактором.

Само собой разумеется, что роль его не ограничивается чисто половым тяготением людей друг к другу. Взаимодействие на этой почве весьма часто вызывает появление иных, чисто психических связей, когда взаимодействующие превращаются не только в „едино тело“, но и в „един дух“; к чисто биологическим „обручам“ присоединяются в таких случаях обручи психические: чувства симпатии, любви, нежности, уважения, обожания и т. д., появляющиеся на почве действия полового фактора. Иллюстрацией такой трансформации данной биологической связи в психо-социальную может служить поговорка: „стерпится—слюбится“. Брак, вначале соединяющий индивидов только биологически, потом нередко превращается в „духовное сродство“ их. Связь, соединяющая любовников чисто биологически, нередко ведет к „гармонии душ“, к чисто психической привязанности их друг к другу.

---

[1]) *Блок:* Servus—reginae. Стихотворения. Кн. 1-ая. М. 29.

В чисто-ли биологической форме, или в форме, осложненной добавочными психическими связями, появившимися на ее почве, половая потребность является условием, поддерживающим бытие коллективного единства во множестве случаев. Самым рельефным проявлением этой роли ее служит *семья, как союз супругов*. Семейное коллективное единство обязано своим бытием именно данному фактору. Вне его и без него—семейные союзы не могли бы ни возникнуть, ни существовать. Это подтверждается, в частности, и тем, что непригодность одного из супругов к супружеской жизни, т. е. условие, мешающие удовлетворению половой потребности, служит даже в современных гражданских кодексах поводом, достаточным для расторжения брака, т. е. исчезновения коллективного единства семьи. Далее, эта „связывающая" роль половой потребности в семейных союзах подтверждается и тем, что крепкими и продолжительными нормально являются те семейные союзы, где половые потребности супругов взаимно удовлетворяются. Если такого удовлетворения нет, — возникают „измены", „разрывы" и крушения семейных ассоциаций. Последние становятся хрупкими, легко распадаются и легко исчезают.

Так как семейные коллективные единства служат видом наиболее частых и наиболее важных ассоциаций, то отсюда следует и вся важность данного биологического условия в рассматриваемом отношении. „Цементируя" семью, вызывая и поддерживая взаимодействие лиц различного пола, половой фактор является тем самым одним из наиболее могучих условий, поддерживающих существование коллективных единств вообще.

Однако, этими многочисленными фактами не исчерпывается „цементирующая" роль полового фактора в деле укрепления и продолжения процессов взаимодействия. На его почве возникает ряд новых факторов, игравших и играющих колоссальную роль в этом отношении. Из них на первом месте стоит *факт единства крови и взаимоотношения, возникающие из физиологического, кровного родства.*

Это явление представляет *одно* из производных факта полового общения и связано с ним непосредственно. Поэтому „цементирующая" роль первого относится и ко второму.

Эта цементирующая роль „кровной связи" громадна. Она связывает в одно целое группы индивидов (кровных родственников), она притягивает друг к другу и образует из них продолжительное коллективное единство. С самых древних времен кровная связь была одной из наиболее дей-

ственных и важных „социализирующих“ связей. Она объединяет в одно целое родителей и детей, она связывает дедов и внуков, она вызывает и поддерживает существование коллектива, составляемого из родственников по крови. Она давала и дает семейным коллективам возможность существования, превосходящего продолжительность индивидуальной жизни, продолжающегося временамя сотни лет, становящегося „вечным“, „бессмертным“. Благодаря ей отец живет в сыне, в сыновьях и внуках этого сына и т. д. Генеалогия рода есть ни что иное, как взаимодействие ряда поколений, создающееся на почве единства крови. *Единство крови* было и остается условием, необходимым для существования множества процессов взаимодействия и бытия коллективных единств. Оно было и остается одним из важнейших критериев социальной группировки. Благодаря ему ряд индивидов „притягиваются“ и прикрепляются друг к другу, взаимодействуют один с другим, чего не было бы, если бы данного фактора не существовало. Индивиды, совершенно чуждые друг другу, взаимодействуют — помогают, видятся, поддерживают знакомства, — считают друг друга „своими“, только потому, что они едины по крови. Представим себе, что в один прекрасный день „единство крови“ перестало существовать и потеряло свое значение; — какой катаклизм социальной группировки получился бы в итоге такого исчезновения! Сколько „близких“ друг другу лиц оказались бы вполне чуждыми! Сколько коллективных единств моментально бы рассыпалось! Сколько процессов взаимодействия перестало бы существовать! Изменился бы весь уклад общественной жизни.

Лица, придававшие значение единству крови, физиологической связи, (расе) в деле создания общества были бы правы, если бы подчеркивали значение этого фактора. Ошибка их заключается в том, что они делают его единственным цементом, связующим группу. Такой взгляд, конечно, не приемлем.

Зиммель, в цитированной статье о способах сохранения социальных форм, в статье, указывающей только немногие факторы этого сохранения, не мог обойти молчанием эту „цементирующую“ роль кровного родства. „Фактор гораздо более действенный, чем территория, говорит он, это связь физиологическая, образуемая отношениями кровного родства вообще“ [1]). В ряде случаев она является последним прибежищем, ultimum refugium социальной связи и непрерывности.

---

[1]) *Simmel:* Comment les formes sociales se maintiennent. L'anuée soc. т. I. 77.

Так, напр., когда немецкая корпорация (цех) выродилась и внутренне ослабела, она тем строже оградила себя извне; появилось правило, что только сын мастера, его зять, муж его вдовы могут стать мастерами.

Цементирующая роль кровного единства проявляется особенно ярко *в расовых взаимоотношениях*. Благодаря этому биологическому условию индивиды, принадлежащие к одной расе (к одной крови), взаимно притягиваются и образуют расовое коллективное единство,—с одной стороны, с другой—взаимно отталкиваются индивиды, принадлежащие к различным расам. Это в один голос утверждают почти все исследователи расовых взаимоотношений в Америке. Назвать белого „негром“, говорит Stephenson, это значит оскорбить его и дать повод для судебного иска. И юридически (в 26 государствах), и фактически смешанные браки между различными расами воспрещены. Негры не могут ни садиться, ни собираться вместе с европейцами в ресторанах, в кабачках, в театрах, на концертах, в церкви и т. д. Даже в тюрьмах преступников различных рас сажают и содержат отдельно [1]).

На чем же покоится вся эта регламентация? На внешнем признаке, отвечает автор, *на цвете кожи*. Цвет кожи служит признаком расовой принадлежности, признаком африканской крови, определяющим отношение к нему белых и отношение к нему „своих“. Для объединения негра с первыми различие крови служит препятствием, объединение со вторыми оно вызывает, с первыми этот фактор разъединяет, со вторыми связывает [2]).

В той или иной форме в явлениях социальной группировки единство крови играло и играет громадную роль. Раньше, человек чужой крови механически считался врагом, иноземцем, лишенным покровительства законов. В менее острой форме это различие крови в сотнях видов дает себя знать и по ныне: различие белой и черной кости, желание избежать смешения крови, аристократизм семейного происхождения от крови знаменитых предков, инстинктивное стре-

---

[1]) См. *Stephenson*: Race distinctions in American low. New-York. Appleton. 99 и сл. См. также цитированную выше статью *Callaway*: Colour antipathies.

[2]) Эта роль расы в социальной группировке Соединенных Штатов столь сильна, что преодолеть расовый антагонизм бессильны даже такие учреждения, как федеральный суд и конгресс Соединенных Штатов. «Under the schadow of the statutes and the constitution, the legislatures and courts of the states have built up a mass of race distinctions which the Federal courts and Congress, *even* if so inclined, are impotent to attack, говорит тот же автор. *Stephenson*: Op. cit. 11.

мление к единокровным индивидам, и т. д.—все это проявления данного фактора. „Единокровных“ он цементирует, разнокровных—разъединяет.

Частным случаем „цементирующего“ влияния единства крови является и *взаимодействие родителей и детей.* Те и другие обычно живут вместе. Взаимодействие между теми и другими интенсивно и длительно, нормально—пожизненно. Если спросим себя: чем вызваны устойчивость и длительность таких союзов, состоящих из родителей и детей, то ultima ratio их будет тот же биологический фактор единства крови. Он „роднит“ и „объединяет“ их, он делает их близкими, им вызваны заботы родителей о детях и детей о родителях; он служит фундаментом, на котором вырастают другие, психические связи. Он является „паром“, заставляющим сына, разъединенного от родителей, стремиться к ним, посылать им заработок, защищать их и то же делать родителей по адресу детей.

Не менее четким проявлением той же роли данного фактора служит *единство и связь евреев.* Разбросанные по всему миру, распыленные между различными народами, члены этого коллектива, тем не менее, не утратили своей связи Они взаимодействуют друг с другом, помогают один другому, выручают друг друг из бедствий, коллективно и сплоченно защищают свои права. Я ничуть не намерен преувеличивать значение социально-психических связей в сохранении единства евреев: религии, языка, навыков и т. д. Но одних их было бы мало и недостаточно для сохранения этого единства: в основе их должна лежать и лежит биологическая база единства крови и происхождения, база, в большинстве случаев легко узнаваемая по ряду внешних черт, характерных для еврея.

Из всех этих фактов становится бесспорной изучаемая роль биологического фактора единства крови в деле поддержания возникших процессов взаимодействия (коллектив ных единств).

Из дальнейших биологических условий, играющих ту же роль, упомянем про потребность *самосохранения*, потребность, имеющую природу биологического инстинкта.

Это условие опять таки не только порождает, но и поддерживает существование возникших коллективных единств. В силу этой потребности ряд индивидов объединяется в коллективы для общей защиты от нападения. Такие коллективы многообразны и разнородны: заговор двух лиц для нападения на кого либо, шайка разбойников, дающая друг

другу клятву помогать и выручать своих членов из беды, группа террористов или членов каморры, единообразно действующая и защищающая своих сотоварищей, караван путешественников по диким и опасным местам, соединяющийся для отражения общей опасности, два города, области, государства, заключающие оборонительные и наступательные союзы и т. д.—все эти коллективы в конечном счете возникают на почве этого инстинкта. Наличность той или иной опасности, угрожающей ряду лиц, объединяет последних; это объединение существует или может существовать временами очень длительно, все время, пока существует опасность, пока последняя не устранена. Нередки случаи, что связь, вызванная общей опасностью, порождает добавочные психические связи, которые еще более скрепляют возникшее коллективное единство и трансформируют его из биологического в социально-психическое. Такой пример дают те случаи, когда один индивид спасает другого от опасности: между ними подобное взаимодействие нередко вызывает пожизненную дружбу, питаемую со стороны спасенного переживаниями признательности, благодарности, любви, уважения и т. д.

Из других биологических факторов остановимся на явлении *повторения одних и тех же актов, вызывающего в итоге привычку.* Это условие одно из важнейших, играющее громадную роль не только в деле поддержания возникшего взаимодействия, но и во всей социальной жизни людей...

Ряд актов общения, повторяясь много раз в силу тех или иных причин, в результате приобретает силу привычки, влекущей нас к продолжению взаимодействия в силу инерции, без всяких других причин и условий... Коллективное единство, однажды возникшее и существующее определенное время, по истечении известного числа повторений взаимодействия, далее может существовать инертно, вплоть до того момента, когда какая-либо сила не заставит к привычке присоединить новое условие для поддержания разрывающейся связи взаимодействующих единиц .. [1]) Инертная сила повторения ряда актов известна. Достаточно сказать, что многочисленная и однообразная реакция человека на тот или иной раздражитель механически, спонтанно будет вызывать эту

---

[1]) Как и при характеристике других факторов возникновения и поддержания коллективных единств здесь, при характеристике аналогичной роли привычки, я ограничиваюсь лишь краткими штрихами. Роль привычки в социальной жизни людей и влияние ее на поведение последних будут изучаться в «Соц. механике».

реакцию, как только будет дан соответственный раздражитель. Иными словами, повторение создает привычку, привычка создает шаблоны действия, спонтанно заставляющие нас поступать согласно этим шаблонам... В этом смысле привычку можно не в переносном, а в буквальном значении этого слова назвать биологической инерцией.

На роли повторения зиждется то, что называется социальной организацией. Повторение акта, говорит Ваксвейлер, делает его привычкой (habitud); привычка переходит в обычай (usage); обычай—в социальную или правовую норму; норма — в социальный институт. Совокупность последних и составляет социальную организацию. Таким образом происхождение последней следует схеме: *повторение, — привычка, — обычай, — правило — институт* (acte — habutude, — usage,— regle,— institution) [1]).

Не анализируя значения привычки и констатируя только ее инертную силу—перейдем прямо к характеристике ее цементирующей роли...

Эта роль ея наиболее ярко проявляется во взаимодействиях, вызванных определенными причинами, но продолжающих существовать и после исчезновения последних.

Ряд взаимодействий между людьми часто возникает в силу той или иной причины, напр., половой потребности, страсти, любви, единства цели и т. д. Нередко, по истечении времени, эти причины отпадают: страсть исчезает, половые стремления гаснут, единство цели гибнет, дружба остывает, социально-психический конформизм уменьшается, взаимозависимость, порождаемая разделением труда, исчезает и т. д. И, однако, взаимодействие, порожденное ими, продолжает существовать и после гибели причин, его вызвавших. Подобно раковине, лишенной породившего ее животного, оно механически живет и существует. Лица, которых когда-то страсть бросила друг другу в объятия, продолжают встречаться друг с другом и после исчезновения страсти.

Люди, сблизившиеся друг с другом в силу сходства идей, мыслей и настроений, продолжают быть друзьями и после того, как это сходство исчезло.

Взаимодействие покупателя с определенным торговцем продолжается и после того, как причины, вызвавшие это взаимодействие, исчезли: оно продолжается просто в силу инерции, по привычке...

---

[1]) См. *Waxweiler:* Avant-propos в Bulletin mensuel Социол. Института. 1910 г: № 1. I—IX. См. о повторении и привычке подробнее: *Сорокин.* Преступление и кара. 251—310. 196—205.

Ряд лиц, вступивших в политическую партию, в силу согласия с ее программой, остаются в ней долго и после того, как это согласие исчезло.

По привычке мы продолжаем встречаться с рядом лиц, с которыми встречаться мы привыкли, хотя причины, вызвавшие первые встречи, и отпали. По привычке мы ходим в церковь, в которую привыкли ходить, хотя наша вера и погасла.

По привычке мы делаем те или иные благотворительные взносы, хотя и не верим больше в спасительность филантропии. По привычке живет и существует супружеский союз, хотя и исчезли те нити, которые когда то связали супругов в одно целое. По привычке мы посещаем ряд собраний, хотя они и перестали интересовать нас...

Короче говоря, привычка часто является той нитью, которая мешает разрыву индивида с другими. Нередко она и только она связывает ряд индивидов и поддерживает существование коллективного единства...

Человек, запивший с горя и вошедший членом в компанию собутыльников, часто продолжает пить и общаться с собутыльниками и после того, как горе прошло. Многократное повторение актов потребления алкоголя сделало его привычным пьяницей...

Такова же часто история „привычного преступника". Привычка, как груз, тянет его на дно, повелительно принуждает его продолжать привычные акты и привычные общения... То же можно сказать о привычном картежнике и привычной проститутке.

Многочисленное повторение тех или иных актов, тех или иных взаимодействий, входит в плоть и кровь взаимодействующих; оно способно делать святого преступником и преступника святым. Воздержание от кражи, от курения, от взятки, от проституции один, два, три, много раз способно „отучить" человека от этих актов. И обратно—нарушение норм: „не убий", „не укради", „не бери взяток", „не проституируй себя", „не кури",—один, два, много раз делает честного человека привычным взяточником, вором, не курящего—курильщиком, человека—палачом, убийцей и т. д. Повторение акта вызывает изменение убеждений, модифицирует совесть, трансформирует верования. Трудно убить человека в первый раз. Трудно выйти на улицу для проституции сначала... Не мало угрызений совести вызывает первая взятка. Но когда человек убил 20—30 индивидов, убить 31-го ему ничего не стоит. Когда девушка не раз прини-

мала „гостя“—дальнейшие приемы покупателей тела будут происходить без особых угрызений совести, без стыда и колебаний... Человек, принимавший взятки не раз, будет принимать их и дальше, по привычке, как нечто нормальное. Палач, повесивший ряд жертв, дальше будет вешать их без „страха и сомнений“ [1]).

Первые расстрелы чрезв. комиссии не без угрызений и колебаний приводились в исполнение их агентами,—с одной стороны, с другой—вызывали громадное возмущение и протесты народной и общественной совести. Дальше события пошли обычным путем: расстрелы стали бытовым явлением. Без всякого колебания люди расстреливались и продолжают расстреливаться пачками... И это перестало волновать индивидов нашей Республики... К смертным казням „привыкли“. Привыкли и исполнители, из коих многие когда-то яростно протестовали против смертной жизни; „привыкли“ жертвы, привыкло и общество. Остроумные люди говорят, что не следует пугаться ада: человек привыкнет и к геенне огненной и будет чувствовать себя великолепно в этой среде... Возможно, что они правы; по крайней мере в их пользу говорит создавшаяся привычка расстрелов со стороны одних и привычка спокойно относиться к ним со стороны других.

Раз так происходит с актами человека вообще — то же самое происходит и с актами взаимодействия одних людей с другими. Многие из последних продолжительно существуют лишь в силу биологического фактора привычки.

С теми или иными изменениями сказанное о рассмотренных биологических условиях можно применить и к другим условиям того же порядка, вызывающим и обусловливающим сохранение коллективных единств.

Теперь следовало бы перейти к краткому очерку социально-психических условий, поддерживающих продолжительное бытие различных единений и союзов. Но прежде чем это сделать, коснемся кратко еще одного условия, частью биологического, частью социально-психического порядка.

Когда мы говорим о продолжительном взаимодействии или существовании коллективного единства, мы мыслим таковые *непрерывными* в течение всего времени их существования. Иными словами, длительное взаимодействие А и В означает, это они взаимно или односторонне обусловливают поведение и переживания друг друга все время, *непрерывно*,

---

[1]) См. подробнее: *Сорокин*. «Прест. и кара». 196—205.

пока это взаимодействие длится. Спрашивается: *как возможна эта непрерывность.*

Указанные факторы продолжительности существования взаимодействия представляются действующими не непрерывно, а только моментами. Половая потребность, как и все биологические, космические и социально психические факторы, действуют, так сказать, *толчками, время от времени, а не в каждый данный момент*. Между тем процессы взаимодействия, вызываемые ими, мы считаем непрерывными. Чем же об'яснить такую непрерывность? Ответ на этот вопрос был дан выше, в параграфах, посвященных изучению длительного и кратковременного взаимодействия. [1]). Этот ответ гласил: *непрерывность взаимодействия об'ясняется свойством определенных актов, обладающих способностью влиять долгое время после их совершения.* Мы видели тогда, что определенные акты похожи на толчки. Подобно тому, как предмет, приведенный в движение толчком, может двигаться долго и после того, как толчек прекратился, так же и ряд актов одного индивида обладает свойством влиять на другого долгое время после их совершения.

Это явление об'ясняет непрерывность длительных процессов взаимодействия. Промежуток времени между двумя моментами действия того или иного из факторов, поддерживающих продолжительность коллективных единств, напр., двумя свиданиями влюбленных, двумя попойками кутил, двумя собраниями индивидов для отражения опасности, этот промежуток „заполняется“ свойством актов действовать известное время после их выполнения... Длительный эффект таких актов соединяет один момент с другим, заполняет „пустоту“ между ними, делает взаимодействие двух или большого числа лиц, встречающихся время от времени, непрерывным...

Иными словами, общение двух лиц, вызванное одним из рассмотренных факторов, для своего непрерывного существования (т. е. обусловливания одним поведения и переживаний другого) не требует, чтобы эти лица непрерывно, в каждый момент, были вместе и непрерывно обменивались акциями и реакциями. Непрерывность взаимодействия достижима иначе и проще: взаимное влияние их актов не испаряется сразу после совершения последних, а продолжает существовать в ряде случаев и после выполнения их... Поэтому, чтобы возможно было длительное и непрерывное

[1]) См. выше стр. 202 и сл.

взаимодействие между ними, достаточно, если они будут встречаться и обмениваться акциями и реакциями время от времени. Связь взаимодействия в промежутки между такими моментами встреч будет существовать благодаря указанному свойству ряда актов: не терять своего обусловливающего поведение эффекта непосредственно после их совершения.

Таково условие, делающее возможным *непрерывность* длительных процессов взаимодействия или *непрерывность* существования длительных коллективных единств. Оно об'ясняет нам, почему, напр., союз супругов не исчезает тогда, когда они пространственно разделены, почему научная ассоциация продолжает существовать и в промежутки между двумя заседаниями, почему связь, об'единяющая двух любовников, продолжает связывать их в промежутки между двумя любовными свиданиями и т. д.

Конечно, влияние таких актов не может продолжаться безконечно. Камень, приведенный в движение ударом, не может двигаться безконечно. Чтобы такое движение (в реальных условиях, а не в воображаемых условиях отсутствия трения и препятствий) было возможно, к одному толчку, по истечении известного промежутка, должен присоединиться второй, третий и т. д. Так же обстоит дело и с продолжительным взаимодействием. Чтобы оно длительно существовало, „толчки" в виде акций и реакций должны время от времени возобновляться.

Если члены научной ассоциации целые годы не будут обмениваться акциями и реакциями (в форме ли заседаний или путем книг, писем и др. проводников), то такая ассоциация замрет и исчезнет. Если супруги целые годы будут абсолютно изолированы друг от друга, то во многих случаях такие союзы распадутся: супруги перестанут обусловливать поведение друг друга. То же можно сказать и о других коллективных единствах.

Итак, *непрерывность процессов взаимодействия об'ясняется свойством ряда актов не терять своего влияния на поведение после совершения их.*

Длительность непрерывного существования взаимодействия и коллективных единств требует повторения время от времени акций и реакций между взаимодействующими единицами. („толчков").

Это повторение акций и реакций вызывается рядом условий, названных нами „факторами", обусловливающими продолжительное существование коллективных единств или процессов взаимодействия.

III. Социально-психические факторы, обусловливающие продолжительное существование коллективных единств.

Выше я не раз указывал, что индивиды, поставленные космическими или биологическими условиями в пространственную близость, в конце концов, об'единяются не только „механически", но на почве этих „механических" связей с течением времени между ними устанавливаются связи иные, *социально-психические*. При частом столкновении индивидов, при их пространственной близости, такие дополнительные связи психического порядка возникают спонтанно, неизбежно...

Спрашивается, как это возможно?

В настоящее время мы можем указать ряд форм, об'ясняющих возникновение таких социализирующих психических связей между лицами, поставленными в пространственную близость друг к другу.

Первой такой формой является *процесс психического взаимозаражения, внушения и подражания*, возникающий в толпе, т. е. в случайном сборище разнородных лиц, находящихся в близком пространственном соседстве один к другому. Исследования Н. К. Михайловского, Тарда, Лебона, Росси, Сигеле, Вигуру и Жукелье, Гарднера, Sidis'а и др. достаточно ясно осветили этот вопрос.

„Когда определенное число лиц собирается вместе, говорит Gardner, психический процесс каждого модифицируется; мысли, чувства и поведение каждого становятся иными, чем если бы он был один". В таком сборище возникает и ростет взаимная психическая диффузия, доходящая до полного депрессирования „я" и превращающая толпу в подобие единой, коллективной души, одинаково мыслящей, чувствующей и действующей [1])

В толпе, говорит Лебон, устанавливается „вид коллективной души, которая заставляет всех ее участников чувствовать, мыслить и действовать отличным образом, чем каждый из них чувствовал, мыслил и действовал бы, если бы он был один". Отсюда получается общность переживаний, верований, чувств, скрепляющая в одно целое гетерогенных участников сборища. [2]).

---

[1]) См. *Gardner:* Assembly. Amer. journ. of soc. т. XIX. 530—555.

[2]) См. *Le Bon:* Psychologie des foules. 1895. Passim.

К таким же выводам, как известно, пришли и Михайловский, и Тард, и Сигеле, и Росси [1]).

Ряд лиц, в частности Бинэ, Вигуру и Жукелье эти вопросы иследовали экспериментально. Бинэ ставил свои опыты над детьми. Итог этих опытов он формулирует так... „В силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению" [2]) Исследования Вигуру и Жукелье, в частности над заразительностью зевания, подтверждают то же положение „одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный..: Мы присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в омнибусе одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров" [3]).

В силу каких причин происходит такое заражение, что здесь нужно отнести на долю физиологии и что на долю психологии—не будем решать здесь. Здесь важно лишь одно, а именно: *простой факт стечения людей в одно место, их взаимная пространственная близость, имеет своим результатом появление и рост взаимного психического заражения (внушения и подражания), вызывающего психическое единство участников толпы или сборища, иными словами, устанавливающего между ними психические связи, превращающие их в резонаторы друг друга* [4]).

Такова одна из форм психических связей, возникающих при пространственной близости индивидов. Само собой разумеется, что психическое „социализирование" не исчерпывается такой формой. Она—одна из многих форм и далеко не главных. Сводить все психические связи к ней, как это делает Ле-Бон, и думать, что единство верований и убеждений сводится к факту внушения и подражания, как думает Тард, нельзя. Такие процессы, правильно указывает *Ross*, „явления временные и редкие" [5]). Рядом с ними между индивидами, стоящими друг к другу в пространственной близости, устанавливаются разнородные, иные психические процессы, которые могут их привязывать друг к другу, т. е. заставлять взаимодействовать друг с другом. В одних случаях такими психическими связями могут служить симпатия,

---

[1]) См. *Михайловский*: Герои и толпа. Еще о героях и толпе. *Тард*: Законы подражания. L'opinion et la foule. 1898 г. *Сигеле*: Прест. толпа. *Rossi*: Psic logia collettiva.

[2]) *Binet:* La suggestibilite. Paris. 1900. 209 и сл.

[3]) *Yigouroux et Juquelier:* La contagi n mentale. *Paris*, 1905. 27.

[4]) См. о том же *Ross:* Foundations 256 и сл., 4 гл. Мов mind. B. Sidis: The Psychology of Suggestion. New. York. 1898. Passim.

[5]) *Ross:* Op. cit 260.

любовь, взаимопомощь, удовольствие общения, общая цель и т. д., возникающие в процессе общения, в других—ненависть, злоба, потребность мести, желание извлечь выгоду и т. д.

Как ниже будет указано, людей связывают друг с другом, т. е. заставляют взаимодействовать не только положительно-благожелательные вожделения и чувства, но и переживания злостные, враждебные, либо с одной, либо с обеих сторон.

Говоря образно, можно сказать: поставьте людей в пространственную близость, заставьте их встречаться друг с другом, а там остальное само приложится: между ними неизбежно возникнут психические связи и процессы общения, которые под той или под другой формой будут прикреплять их друг к другу, заставят общаться и взаимодействовать...

В такую пространственную близость, мы видим, люди часто ставятся рядом космических и биологических условий. На их почве в этих случаях возникают добавочные, социально-психические связи, которые в дальнейшем приобретают самостоятельное значение факторов, поддерживающих существование коллект. единства.

Что касается этих социально-психических условий, связывающих ряд взаимодействующих индивидов в коллективное единство, то таких условий множество. Факторы, вызывающие возникновение взаимодействия, обычно, служат и факторами, поддерживающими его дальнейшее существование. Общую характеристику их я дал выше.

Конкретно их множество. Такими связями, цементирующими коллективное единство, могут быть. *идеи, чувства—эмоции и волевые импульсы*. Ряд коллективных единств существует благодаря *потребности идейного обмена* одних людей с другими. Такими коллективами являются множество ассоциаций, начиная с группы крестьян, собирающейся „покалякать" друг с другом у ворот дома, и кончая научными обществами, обществами религиозными, политическими, юридическими и другими.

Ряд коллективов продолжают существовать благодаря *потребности чувственно эмоционального* обмена людей друг с другом. Эта потребность создает и поддерживает ряд ассоциаций, начиная с „короборри" австралийцев и кончая обществами, подобными обществу любителей музыки, балов, танцев и т. д.

Ряд коллективов продолжает существовать благодаря главным образом *единству волевых, целевых устремлений индивидов*. Такими ассоциациями являются множество коллективных единств, начиная с соединения нескольких индивидов

для переноски тяжестей, для выполнения того или иного дела, неосуществимого путем индивидуальных усилий, и кончая обширнейшими союзами — тред-юнионами, трестами-синдикалистскими и профессиональными организациями, союзами государств и „Интернационалом". Единство цели и волевых устремлений связывает здесь множество индивидов в коллективное взаимодействующее единство.

Однако, редко бывает, чтобы социально-психические связи были только идейными, или только чувственно-эмоциональными, или только волевыми связями.

Чаще всего, в каждом длительном процессе взаимодействия выступают все эти социально-психические переживания. Научное „общество" не есть группа индивидов, обменивающихся только идеями. Одновременно они обмениваются и чувствами, и волениями. То же можно сказать и о любом процессе общения. [1]).

Выделять тот или иной из этих элементов можно только относительно.

Когда я пишу: „*потребность* идейного или чувственно-эмоционального или волевого общения", то употребляю термин „потребность" не в переносном, а в буквальном смысле.

Как выше было показано, *такие потребности нам даны вместе с человеком. Они столь же реальны, как и потребности голода, самозащиты, размножения и т. д.*

Человек нуждается в человеке для обмена мыслями, чувствами, волениями. Он импульсивно стремится „поделиться своими переживаниями" с другим. Идея — как бы примитивна она не была, — повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку. Переживания радости, горя, печали, страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека „излить" ее другому, горе требует утешения, страх, колебание—требует успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся „выйти" за пределы индивидуальной души и делают необходимым обмен с другими индивидами. И чем они острее, чем интенсивнее, тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими [2]).

---

[1]) См. об этом выше, стр. 221—222.

[2]) *Ross*, правильно говорит, что потребность в себе подобных «проявляется, как craving for the presence of one's kind, distress at being left alone, nostalgia after separation from mates, and a capacity for social pleasure indicated by mirth, laughter, and festal impulses. They lead to social amusement, play, games, dancing, feasting and intercourse.

Ross: Soc. control. 14.

Невидимыми, но действенными связями эти потребности об'единяют людей и притягивают их взаимно, подобно невидимой, но действенной силе магнита, притягивающего железо.

Смотря по идеям, наиболее интересующим ряд лиц, мы имеем ассоциации, обменивающиеся знаниями, относящимися к миру физических, химических, биологических, исторических и др. явлений. (Лекции, заседания и „Общества любителей“ физики,— химии,— ботаники, зоологии, истории, языковедения, социологии и т. д.). Совокупность идей и переживаний религиозных об'единяет и поддерживает коллективное единство верующих, составляющих церковь. (Церкви — католическая, православная, секты хлыстов, молокан и т. п.).

Совокупность идей политических, излагаемых кратко в программе партии, вместе с чувствами и волениями, соответствующими этой программе, составляет коллективное единство политической партии (коллективное единство партий: большевиков, меньшевиков, социалистов - революционеров, монархистов и т. д.).

Совокупность идей, относящихся к иным явлениям, об'единяет индивидов в множество других коллективных единств.

При чем следует подчеркнуть, *что процессы идейного взаимодействия могут возникать и существовать не только тогда, когда идеи однородны, но и тогда, когда они разнородны и противоположны.* В любом научном обществе участвуют члены различных идейных школ и течений. Больше того, весьма часто наиболее живым и деятельным является то общество, где не все мыслят в унисcон, где есть разногласия и противоположности мнений. В этих случаях прения принимают более живой характер, само общество энергичнее функционирует, его заседания вызывают бо̀льший интерес в членах, чаще посещаются и т. д.

Нередко на почве антагонизма идей возникают и более острые формы антагонистического взаимодействия, об'единяющие индивидов в продолжительное, антагонистическое коллективное единство. Простейший пример такого рода явлений — спор двух противников, доводящий до драки, свалка в парламенте между членами различных партий. Более широкими и продолжительными видами коллективных единств, образуемых и поддерживаемых антагонизмом идей и убеждений, могут служить: коллективное антагонистическое единство (взаимодействие) никониан и раскольников, многолетняя борьба между ними, сопровождавшаяся заточе-

нием раскольников в тюрьмы, их ссылкой и сожжением [1]), вторым еще более широким и весьма длительным взаимодействием, вызванным и поддерживаемым антагонизмом идей и верований, служит коллективное единство католиков и еретиков, преследовавшихся первыми (взаимодействие „святой инквизиции" и ея верных с вальденистами, альбигойцами, катарами и др., выражавшееся в войнах, преследованиях, сожжениях еретиков и т. д.) [2]), религиозные споры и войны, об'единявшие надолго противников в коллективное единство (напр., борьба католицизма с протестанством) и т. п.

В данных, и в множестве других примеров цементирующими связями, пригвождающими антагонистов друг к другу, служат антагонистические убеждения.

Подобно им *чувства и воления — сходные и различные каритативные и одиозные,—могут играть роль таких связей, сцепляющих в коллективное единство—солидарное или антагонистичное—ряд индивидов и заставляющих их длительно взаимодействовать.*

Люди притягиваются и „пригвождаются" друг к другу не только любовью, симпатией, благожелательным отношением, но и одиозными переживаниями: ненавистью, враждой, страхом, угрозой и т. д. Роль благожелательных чувств и эмоций, (симпатия etc) в деле поддержания солидарных коллективных единств, общеизвестна. Но почему-то не желают видеть, что процессы взаимодействия, взаимное притяжение друг к другу индивидов вызываются не только благожелательными, но и злостными переживаниями. Множество примеров такого явления дают факты кровной мести. Известно, что в древности она носила обязательно-религиозный характер. Ненависть к врагу заставляла взаимодействовать с ним: искать его, следить за ним, и такое взаимодействие продолжалось до уничтожения обидчика; убийство его, в свою очередь, вызывало месть со стороны его рода; и так род с родом враждовал и воевал (взаимодействовал) временами целые десятилетия [3]), порой до истребления одной или обоих сторон [4]). Это значит,

---

[1]) Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения—группа взаимодействующих раскольников и никониан—суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация.

[2]) См. *Г. Ли:* История инквизиции. т. I. СПБ. 1911. Passim.

[3]) См. факты: *Ковалевский*: Современый обычай и древний закон. М. 1886. т. II 1—17 и сл. *Makarewicz*: Einfuhrung in die Philosophie d. Stratrechts 1906. 246 и passim. *Steinmetz*. Etnolog. Studien. т. I 299—334 и 260—406 *Сорокин*: Преступление и кара. Там же указана литература о кровной мести.

[4]) *Steinmetz*: Особенно внимательно исследовавший эпоху кровной мести ставит вопрос: продолжительна ли месть дикарей, и отвечает на этот вопрос положительно. См. 303 стр. 1-го тома Ethnolog. Studien zur ersten

что связью, объединявшей в коллективное единство антагонистически взаимодействовавших индивидов, были чувства эмоции и воления злобы, ненависти, вражды, а не чувства благожелательные [1]). Отсюда видно, что связями, об'единяющими индивидов в коллектив. единство, заставляющими их взаимодействовать, могут быть не только симпатия и пр. благожелательные эмоции, но и эмоции одиозные. Такие коллективные единства индивидов, объединяемых в одно взаимодействующее целое злостными чувствами и переживаниями, существуют во множестве форм и видов, то мелких и незначительных, то крупных и грандиозных. Взаимодействие тюремщика и заключенного, преступника и ищущих его органов власти (последнее взаимодействие согласно законам о давности может продолжаться десять, пятнадцать и двадцать лет, смотря по тяжести преступления), коллективные единства, образуемые победителями и побежденными, рабами и рабовладельцами, предпринимателями и рабочими, рядом воюющих народов и государств, временами антагонистически взаимодействующих друг с другом в течение ряда лет, десятилетий и даже столетий (вспомним столетнюю войну, войны Наполеона, современную войну, тянувшуюся $4^1/_2$ года и т. п.)—все эти факты служат примерами коллективных единств или длительных процессов взаимодействия, вызываемых и поддерживаемых злостными и враждебными друг другу переживаниями. Здесь в качестве цемента, объединяющего индивидов в одно взаимодействующее целое, выступают не альтруизм, не сострадание, не симпатия, а самые враждебные и злостные переживания [2]).

Entwicklung der Strafe. 1894, где приводится список народов, у которых месть интенсивна и продолжительна. Она, как подчеркивает и М. Ковалевский, переходит от поколения к поколению и становится наследственной. «Die Blutrache bleibt nicht auf die Geschlechter, welche die Selbe anfingen, beschränkt, говорит Штейнметц, она продолжается из рода в род, от поколения в поколение bis die Fehde endet «faute de combattants», bis eine Gruppe völlig aufgerieben oder erniedrigt wurde. То же констатируют и все почти исследователи кровной мости. *Steinmetz*: 395—396.

[1]) Конечно, г. г. нормативисты в таком взаимодействии не захотят видят коллективное единство. Не будем спорить о словах: важна лишь причинная зависимость между поведением индивидов. Она здесь несомненна. Остается ее констатировать. Я это и делаю. Антагонистическое взаимоотношеиия для меня составляют столь же важные социальные явления, как и взаимоотношения солидаристические и не вижу оснований, почему они не должны изучаться социологом. См т. II, главу, посвященную критике теории соц. явления, в том числе и критике теорий нормативно-оценочных.

[2]) Отсюда следует, что глубоко односторонни и потому ошибочны теории, полагающие, что индивиды могут притягиваться к индивидам только благожелательными переживаниями, что социально-психическими связами могут

В течение долгого времени они могут быть „обручами", связывающими в одно взаимодействующее единство множество лиц. Не будь их—взаимодействие между ними исчезло бы, а вместе с его исчезновеинем рассыпалось бы и коллективное единство, образуемое ими. Больше того, история учит нас, что нередко на почве таких антагонистических связей постепенно выростали связи иные, связи солидаристические. Наблюдающееся в истории расширение социально-замиренных кругов, расширение, начавшееся с мирных групп в 40—100 человек и окончившееся замиренными государственными союзами, насчитывающими десятки миллионов людей, это расширение „солидарных" социальных групп, как я старался показать в другой своей работе, происходило именно на почве антагонистического взаимодействия, питаемого злостными переживаниями, поддерживаемого беспощадными карами и наградами. „Как возможно было это расширение замиренных социальных кругов? Как возможно это слияние абсолютно враждебных групп в одно солидарное социальное единство?... Единственно возможный ответ на поставленный вопрос гласит: расширение социально-замиренных кругов возможно лишь благодаря соединенному мотивационно-дрессирующему влиянию наказаний и наград. Без этих рычагов подобное расширение сферы „мира" немыслимо и невозможно... Как совершалось обычно слияние групп? Путем войн. А что такое война?—Коллективное наказание одной группы другою... Когда один народ (в особенности в прошлом) при столкновении побеждал другую группу, то ассимиляция победителем побежденного в большинстве случаев совершалась не в силу добровольного подражания, а подражания вынужденного: нравы, обычаи, законы и институты победителя-народа усваивались побежденным народом не без давления кар и наград. Исключительно благодаря этому давлению в первое время побежденные выполняли предписания и обычаи победителя; но, повторяя много раз предписанные шаблоны победителя, побежденные незаметно привыкали к ним и, после достаточного числа повторений, эти шаблоны теряли характер чуждости и становились „своими", добровольно выполняемыми" [1]).

быть только связи переживаний благожелательных друг к другу. Пример. «Везде, где социальная связь существует, есть и симпатия». Звоницкая. Опыт теорет. социологии. 220. См. во II т. «Системы» главу, посвященную критике теорий соц. явления. Мы видим, что дело обстоит далеко не так.

[1]) *Сорокин*: Прест. и кара. 235—236. См. также всю главу: Социальная роль кар и наград. То же говорит и *Штейнметц*. В древности «без агрессив-

И объединение ряда народов в государство [1]), и объединение ряда индивидов в одну религию, и объединение их едиными обычаями и нравами и т. д., совершалось именно указанным, принудительно-злостным и карательным путем [2]).

Социальная связь, объединявшая гетерогенные и враждебные группы лиц, в таких случаях была вначале связью злостных переживаний, выражавшихся в беспощадных карах и принудительных мерах, накладывавшихся одними на других. Потом, после долгой карательной дрессировки, эти связи постепенно трансформировались в связи солидарных чувств и переживаний [3]).

Внешним симптомом этой „цементирующей“ роли антагонистических переживаний служит *принуждение и насилие*, выступающее в роли социальной связи, мешающей распаду данного коллектива и прекращению взаимодействия между его членами. Сколько „обществ“ существует только благодаря такому принуждению, выражающемуся в беспощадных карах! Сколько государств, составленных из разнородных центробежных групп, сохраняет свое единство только благодаря тому же принуждению. Что связывало Финляндию с Россией, чехо-словаков и итальянцев Австрии с Австрией, Ирландию с Англией, колонии европейских государств с их метрополиями, как не то же *принуждение и насилие*. Отнимите принуждение — и эти коллективные единства рассыпятся, как доски бочки, связываемые в одно целое обручами. Такими именно обручами являются принудительно карательные меры; а существование последних, как было показано мной в другой работе, служит симптомом наличности

вности немыслимо никакое расширение группы». *Steinmetz*: Die philosophie des Krieges 1907. 23. См. также: *Vaccaro*: Les bases sociologique du droit et de l'Etat. 1898 90, сл. и Passim Его же. Genesi e funzione delle leggi penali. 1908 г. Passim. *Oppenheimer*: Der Staat. Frankfurt am Main 8 и сл.

[1]) *Oppenheimer*. Der Staat 8—9. «Der Staat ist seiner Entstehung nach ganz und seinem Wesen nach auf seinem ersten Daseinsstufen fast ganzeine gesellschaftliche Einrichtung, die von einer siegreichen menschengruppe einer besiegten menschengruppe aufgezwungen würde mit dem einzigen Zwecke, die Herschaft der ersten über die letzte zu regeln und gegen innere Aufstände und aü ssere Angriffe zu sichern».

«Современная государственная власть не чужда и часто принудительного основания». *Лазаревский*. Op cit 13.

[2]) См. факты и литературу в *моей* книге: Преступление и кара 216—247, в моей статье: Законы развития наказаний. Нов. идеи в правов. Сб. № 3.

[3]) «Not the attraction of like for like, говорит Ross, критикуя «сладкие» теории, сводящие социализирование к симпатии, к удовольствию общения и т. д., but war or the dread of war has instigated that unceasing agglomeration of communities revealed in history. Groups arise too soon, form before the natural socializing forces have done their worke. *Ross*. Op. cit. 270.

антагонизма идей, чувств и волений, верований и желаний, антагонизма поведения различных индивидов. Чем более антагонистичны последние, тем острее принуждение, тем беспощаднее кары, стремящиеся „склеить“ центробежные социальные группы, поддержать существование внутренно антагонистического коллективного единства [1]).

Я несколько подробнее остановился на антагонистических переживаниях, как факторах, обусловливающих длительное существование коллективных единств, потому, что весьма часто социологи, изучающие „социальную связь“, считают, что такой связью могут быть только солидарные и благожелательные идеи, чувства, воления—вообще благожелательные переживания. Из сказанного мы видим, что „социальной связью“ могут быть и бывают и противоположные переживания—переживания злостные. Общение людей поддерживается не только любовью и симпатией, но и злобой, враждой и борьбой.

Очертив социально-психические связи по их психической природе, теперь подойдем к тому же вопросу с несколько иной точки зрения. В ряду множества социально-психических условий, вызывающих взаимодействие, мы выделили, как условия особенно важные, явления взаимозависимости людей, на почве общественно-технического разделения труда (социального несходства), и явления тяги людей друг к другу, вызываемой их сходством в том или ином отношении.

Эти социально-психические условия служат весьма важными факторами в деле поддержания возникших процессов взаимодействия, в деле продолжительного сохранения коллективных единств.

Выше была указана эта *связывающая роль разделения труда*. Индивид с индивидом, группа с группой принуждены поддерживать взаимодействие (составлять длительное коллективное единство) в силу несамодостаточности каждого индивида или группы таковых, вызванной разделением труда. Для удовлетворения множества потребностей мы принуждены вступать во взаимодействие с рядом лиц: голод гонит нас к тем, кто изготовляет пищу, потребность в одежде—к портному, потребность в сапогах — к сапожнику, потребность знания — к учителю, потребность восстановления права — к судье, потребность в религиозных переживаниях—к священнику и к верующим, потребность в музыке—на концерт и т. д. и т. д.

---

[1]) См. об этом *Сорокин*: Преступление и кара. 423—493.

Взаимозависимость, порождаемая разделением труда, повелительно заставляет нас общаться с рядом лиц, та же взаимозависимость вызывает общение одних групп с другими (явления торгового, экономического, идейного, религиозного и т. п. взаимодействия страны с страной, области с областью государства с государством и т. д.) [1]).

Эту цементирующую роль разделения труда прекрасно выяснил Дюркгейм в своей работе „О разделении общественного труда". В ней он показал, что социальные эффекты разделения труда далеко не исчерпываются экономической выгодой последнего и теми следствиями, которые указывались обычно экономистами „Наиболее поразительное действие разделения труда не в том, пишет Дюркгейм, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает людей солидарными. Роль его во всех этих случаях не просто в том, чтобы украшать или улучшать существование общества, но в том, чтобы сделать возможными общества, которые без него не существовали бы" [2]). Вопреки многим лицам Дюркгейм показал, что разделение труда не разъединяет людей, а связывает их: связывает не только объективно, но и субъективно; различие индивидов, подобно различию супругов, требует их взаимного дополнения. Эта взаимная необходимость вызывает взаимное уважение, органическую солидарность их друг с другом. В силу разделения труда индивидуальные сознания освобождаются от коллективного сознания, но вместе с тем индивиды сохраняют потребность друг в друге, равенство прав, взаимное уважение и т. д.

Такова объединительная—не только объективная, но и субъективная—роль разделения труда [3]).

---

[1]) Эта необходимость взаимодействия социальных групп, порождаемого разделением труда, отлично выясняется современным положением России: мы воочию убеждаемся, к каким тяжелым результатам ведет изоляция и блокада России: голод, тиф, паралич промышленности, расстройство транспорта, ростущий недостаток в тканях, в продуктах фабрично-заводской промышленности, короче—прогрессивно ростущие обеднение и обнищание страны, таковы результаты изоляции. Такое положение дел, естественно, заставляет быть сговорчивыми самых непримиримых людей и искать путей к возобновлению порванной связи с другими странами и государствами Если бы не было разделения труда и происходящей из него несамодостаточности даже государственных союзов,—не было бы ни роста обнищания, ни желаний вновь связаться с миром.

[2]) *Дюркгейм*: Разд. общ. труда. 47 и passim.

[3]) Как я уже отмечал выше—эти субъективно-моральные эффекты (солидарность) разделения труда спорны и следуют из него далеко не всегда. Это частично признает и сам Дюркгейм, говоря, что они могут быть только при ряде условий, а именно: 1) при свободе выбора профессии, иначе нет при-

Считая эти субъективно-моральные результаты, в виде солидарности, спорными и не всегда данными [1]), мы не можем усумниться в объективно-объединительной, „связывающей, роли разделения труда. Взаимозависимость индивидов, порождаемая дифференциацией, „прикрепляет“ индивида к индивиду, делает их взаимно-необходимыми и заставляет их взаимодействовать друг с другом. И очевидно, чем более прогрессирует разделение труда, тем эта необходимость становится острее, тем с большим числом „специалистов“ мы принуждены встречаться, тем общение будет интенсивнее, а социальная группировка сложнее.

Противоположным условием, вызывающим продолжительное взаимодействие, является *социальное сходство индивидов*. Благодаря ему не только возникают, но и существуют возникшие коллективные единства, оно прикрепляет индивидов субъективно. Выше было показано, что „мы любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует, как мы“. Мы стремимся к подобным себе, и ищем их общества. „Моты не ищут компании скупцов; прямые и открытые характеры не ищут скрытных и лицемерных; доброжелательные и мягкие люди не чувствуют никакой склонности к грубым, и недоброжелательным лицам“ [2]).

звания к ней и индивиды будут выполнять плохо свою функцию, 2) при равенстве условий конкуренции (иначе вместо свободы и солидарности получится антагонизм и борьба), 3) при известной социальной структуре общества, которая заставляла бы индивидов соблюдать свои обязательства. См. *Дюркгейм:* Разд. общ. труда. 283—320.

Такие условия чаще всего отсутствуют. Вот почему прав Бугле, говоря: «Дюркгейм открыл нам не столько то, что разделение труда вызывает на самом деле, сколько то, что оно должно было бы вызывать; не столько его необходимые результаты, сколько его идеальные эффекты». *Bougle:* Revue générale des théories récentes sur la divis. du travail. Anneè soc., т. 6. 107—108.

[1]) См. подробности у Дюркгейма, Бугле и Зиммеля: «Соц. дифференциация».

[2]) *Дюркгейм:* Op. cit. 42.

Таким образом дана тяга подобного к подобному. Отличной от нее является тяга индивидов друг к другу, обладающих взаимно дополняющими различиями. Это случаи субъективно-объединяющей роли общественного разделения труда, случаи временами данные, но не всегда следующие из него. Так, «теоретик часто имеет склонность к практическим людям, к здравому смыслу, робкий—к людям отважным и решительным, слабые—к сильному и наоборот... Вот почему мы ищем в наших друзьях недостающих нам качеств. Соединяясь с ними мы... чувствуем себя менее несовершенными. Т. о. создаются маленькие ассоциации друзей, где каждый имеет свою роль: один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет—и именно... это разделение труда вызывает отношения дружбы». *Дюркгейм:* Op. cit. 42—43.

Сходные индивиды обычно (но не всегда) [1]) стремятся к сходным. Это сходство имеет различные степени, начиная с более или менее полного сходства и кончая частичным сходством... Сообразно с ним и люди группируются в те или иные сходные коллективы.

Так, люди сходные по религиозным верованиям, притягиваются друг к другу и образуют коллектив верующих—церковь или секту.

Люди сходные по языку чувствуют себя (ceteris paribus) более близкими друг к другу, чем с теми, кто говорят на ином языке.

Люди сходные по научным школам, художественным течениям, литературным направлениям обнаруживают ту же тягу друг к другу и составляют коллективные группы единомыслящих.

Ту же объединяющую роль играют: сходство целей, сходство социального положения (аристократы обычно взаимодействуют с аристократами, буржуазия с буржуазией, трудовые группы с трудовыми), сходство профессий (профессиональные союзы и организации) сходство нравов, вкусов, одежды, короче—ряд сходств, начиная с важных и крупных и кончая мелкими и ничтожными.

Всюду фактор социально-психического сходства притягивает индивидов друг к другу, побуждает их взаимодействовать, „поддерживать знакомства", солидарно чувствовать, одинаково реагировать, словом,—составлять коллективное единство [2]).

Говоря о социально-психических факторах, поддерживающих существование коллективных единств, нельзя не

---

[1]) *Гиддингс* ошибается, считая это правило абсолютным и признавая «сходство—необходимым условием солидарности и социализации». Двое мужчин, сходных в том, что оба они влюблены в одну женщину, далеко не всегда солидарны друг с другом. Ошибается он и в том, что из сходств наиболее важным во все времена он считает Mental and Moral Resemblance. См. *Giddings*: The Elements. 53 и сл.

[2]) Эта тяга сходного к сходному весьма рельефно между прочим проявлялась в средневековых городах. Эти города, как известно, подобно древнему Новгороду и Пскову, делились на «концы». Каждый такой «конец» и отдельные улицы населен был главн. обр. людьми одной профессии или ремесла или цеха. Так было в среднев. городах Европы, в Германии, в Лондоне, в Венеции, то же мы видим и у нас, в Новгороде и Пскове. Это явление в менее резкой форме наблюдается и теперь. Большие города теперь имеют кварталы, где живет гл. обр. буржуазия, кварталы и улицы преимущественно с рабочим населением, кварталы и улицы, населенные гл. обр. учащимися и т. д. См. подробнее об этом у *Maunier:* L'origine et la fonction èconomique des villes. Paris. 1910. 122 и сл.

упомянуть про объединяющую роль *символических-проводников*. Что ряд коллективных единств или процессов взаимодействия обязан своим сущесвованием проводникам, что только благодаря им индивиды пространственно и временно разделенные могут взаимодействовать, что в силу их данности взаимодействие людей принимает интенсивные—качественно—и обширные—количественно—размеры, что пользование общим языком, письменностью, жестами объединяет участников в одну группу, скрепляет их в одно целое,—это само собою следует из того, что выше было сказано о роли символических проводников в деле общения людей.

Эта роль проводников, как я старался показать, громадна. Не будь их—взаимодействие людей было бы ничтожным и жалким.

Отсюда следует: чем более насыщена известная территория различными проводниками—звуковыми, световыми, цветовыми, предметными, двигательными и т. д.—тем взаимодействие людей более интенсивно, тем оно способно чаще возникать и продолжать существование [1])

Но не об этой социализирующей роли символических проводников я намерен говорить здесь. В данном случае я имею в виду более тесную социализирующую роль их, основанную на *рикошетном влиянии символов-проводников на психику людей*.

---

[1] Отсюда следует, что эту степень интенсивности взаимодействия можно объективно определять: 1) количеством писем и телеграмм, падающим в среднем на индивида данной территории или государства, 2) количеством митингов, лекций, публичных заседаний, бывших в течение, напр., года в данном районе, 3) количеством телефонных абонентов и разговоров, 4) количеством верст протяжения железно-дорожных рельс и поездов по ним проходящих, 5) количество газет и их подписчиков, 6) количеством библиотек, их абонентов и числом взятых книг, 7) количеством музеев и их посетителей, и т. д. Чем соответственные цифры будут выше, тем взаимодействие будет интенсивнее. Такая «социометрия» была бы более правильной, чем «социометрия» Коста.

Насыщенность определенного пространства проводниками — с другой стороны, означает сокращение самого пространства. Пункты территории, связанные друг с другом множеством соц. проводников (жел. дорог, телефонов, телеграфа и т. д.) гораздо ближе друг к другу, чем те же пункты, не связанные проводниками. Расстояние между Петербургом и Парижем в данное время сократилось в несколько десятков раз, по сравнению с расстоянием между ними в 18 и в нач. 19 в. Иными словами—географическое пространство и геогр. карта земли не совпадают с социальным пространством и с соц. картой земли. В бумагах *Н. Н. Кауфмана*, по сообщению *Р. М. Орженцкого*, имеется такая сравнительная—социальная и географическая—карта. Она чрезвычайно ярко иллюстрирует сказанное и наглядно показывает роль проводников в деле сокращения пространства и интенсифицирования взаимодействия.

Выше мы видели, что символы-проводники являются объективированием и выявлением психических переживаний. Но видели также, что и сами они оказывают известное, рикошетное влияние на психику [1]).

Все сказанное там применимо и здесь, в явлениях социального объединения.

И здесь, *коллективное единство, образуемое рядом взаимодействующих индивидов, обычно объективируется в форме тех или иных символов-проводников, выражающих это единство во вне.*

Эти символы-проводники в таких случаях становятся внешними выразителями такого единства, сигнализирующими всем природу и характер последнего. Каждый индивид, связывая себя с данным символом-проводником, тем самым связывает себя и со всеми индивидами, связывающими себя с тем же проводником-символом. Конкретных форм таких символических проводников, сигнализирующих, „овеществляющих" то или иное коллективное единство, много.

Таковы, прежде всего, *символические звуковые проводники, в виде имен и названий.* „Россия", „Англия", „Петербург", „Интернационал" и т. д.

Таковы далее *лозунги* „Пролетарии всех стран соединяйтесь", „В борьбе обретешь ты право свое", „Самодержавие, православие и народность" и т. п.

Этими символами-проводниками объективируется во вне целый ряд психических переживаний и обозначается совокупность индивидов, объединенных теми или иными связями единства и сходства. Другой формой такого символизирования единства являются *свето-цветные символические проводники:* таковы национальные цвета флагов, символизирующих коллективное единство государства, таковы флаги и знамена боевых полков, как символы последних; таковы красные ленты, красные флаги, как символы революционных идей, чувств и волений, объединяющих в одно коллективное целое ряд индивидов.

Таковы далее *грамоты, перегаменты и листы, на которых* „запечатлены" те или иные взаимоотношения индивидов и групп, образующих то или иное единство (договоры государств, вступающих в союз, грамоты, гарантирующие права и вольности того или иного народа, договоры частных лиц, вступающих в те или иные обязательственные отношения и т. д.) Особенно важную роль в этом отношении играют *газеты и журналы.* Газета, сам факт ее существования,

---

[1]) См. выше, стр. 176 и сл.

служит соединительным звеном, объединяющим множество подписчиков, не знающих друг друга. Недаром газетное название часто служит символом целой общественной группы.

Коллективное единство, образуемое студентами учебного заведения, объективируется часто в их *форме и кокардах*; то же происходит с чиновниками одного ведомства, с солдатами, офицерами и генералами; (формы ведомств, мундиры полка, погоны, эполеты, красные лампасы и т. д.); принадлежность к духовному званию символизируется одеждой духовенства, принадлежность к женскому полу выражается женским костюмом, к мужскому — мужским.

В роли таких символов, сигнализирующих то или иное коллективное единство, выступает и ряд других *предметов*: корона, скипетр и держава символизируют единство государства и неограниченность власти главы последнего; ряд религиозных реликвий символизируют единство церкви.

Ряд предметов, составляющих имущество того или иного коллектива, символизирует единство последнего („Учреждения", universitas bonorum, как юрид. лицо).

Весьма часто такими символическими выразителями единства являются *те или иные лица*: государственный коллектив „представляется", „символизируется" его главой — монархом, президентом, или группой верховных правителей (парламентом); единство церкви „представляется" патриархом, папой или синодом, коллективное единство армии — ее главнокомандующим и т. д.

Связь, объединяющая ряд индивидов в одно коллективное единство, весьма часто выражается и *жестами*: таково „отдание чести" друг другу членами армии, таково приветствие в виде снимания шапки и кивка головой, выполняемого лицами знакомыми и т. д.

Говоря коротко, *единство коллектива может объектироваться самыми различными символическими проводниками*.

Напомнив этот факт теперь, я напомню и другой: *частое фигурирование тех или иных проводников в роли символов определенных переживаний постепенно превращают их в фетиш, в самоценность, в нечто такое, что само по себе ценно, свято и имеет социально-психическую значимость*.

То же наблюдается и относительно символов социального единства.

Раз коллективное единство группы символизируется в том или ином предмете или лице, и раз этот предмет или лицо приобретает характер фетиша, то данность и существование такого символа рикошетом влияет на психику членов группы,

укрепляет в них связи единства, вызывает переживания сопринадлежности к единству, короче—становится гипнотическим фокусом, point fixe этого единства.

Единство группы, само по себе трудно схватываемое, трудно уловимое, отождествляется с ее символом. Отношение к этому символу и связь с ним заменяет отношение единства и связь членов группы друг с другом. Индивид или предмет замещает в этом случае группу.

Иными словами, *здесь символ единства помогает реализации и существованию единства социальной группы путем притягивания членов последней к себе, путем связывания их с собою, путем живого овеществления и воплощения этого единства; связывая членов группы с собою, он связывает их и друг с другом.*

Здесь отнесение себя к одному и тому же центру, в виде символа, связывает всех, стоящих к этому центру в одинаковом отношении. Подчиненность одному и тому же главе государства связывает друг с другом всех подчиненных. Верование в одного и того же Бога-Иегову, Христа и т. д.— связывает в одно единство всех одинаково верующих. Снятие шапки и крестное знамение при виде иконы связывает в одно единство всех, подобным образом реагирующих на этот символ.

„Отдание чести" одному и тому же знамени, связывает в одно единство всех, кто эту честь отдает. Ряд лиц, непосредственно друг с другом не связанных, но связанных с одним и тем же символом, оказываются связанными и друг с другом.

Короче—*связь многих индивидов с одним и тем же символом связывает их друг с другом.* Вот почему Зиммель прав, говоря: „Подчинение группы одной личности имеет своим результатом прежде всего объединяющее влияние на группу". Прав, он говоря, что своим сохранением социальная форм часто обязана тому, что ее единство символизируется в одной личности, в ее главе [1])

---

[1]) *Simmel*: Soziologie 141—142. *Simmel*: Comment les formes sociales se maintiennent. L'année. т. I 79. Такое символизирование группы в одном лице, говорит Зиммель, представляет громадную выгоду для сохранения единства группы, во первых тем, что т. о. «воля группы приобретает централизованное выражение или тело», во вторых тем, что в случае если группа стоит в оппозиции к ея главе, то эта оппозиция всех членов группы к главе последней об'единяет снова членов друг с другом. «Если совокупная оппозиционность к кому либо является могучим средством для объединения множества индивидов или групп в одно целое, то она укрепляет единство группы и тогда, когда общим противником группы является глава последней». То же

*

Таким же образом в эпоху феодализма связь—подчиненность — ряда вассалов одному сюзерену, связывала и вассалов друг с другом. Одинаковое отношение к одному лицу, напр., к предку, связывает и всех индивидов, признающих это лицо своим предком. Почитание одного и того же предмета—иконы, креста, государственного герба, красного флага, семейной реликвии и т. д. связывает в одно единство и всех почитателей.

Как я уже сказал, в качестве таких объединяющих символов могут выступать различные символические проводники.

Ими могут быть *отдельные лица*, как обстояло дело в только что приведенных примерах. Ими могут быть *группы лиц*. Коллективное единство группы в таких случаях сохраняется „благодаря органу, составленному из многих лиц“, „группа объективируется в другой группе: церковь воплощается в духовенстве, политическое общество—в администрации, армия—в командном составе“ и т. д. [1]); связь индивидов с этой символической группой — „органом“ — заменяет связь их друг с другом, делает эту последнюю более конкретной, ощутимой, вещественной [2]).

В других случаях таким символом единства могут *быть вещи*. „Другое средство для объективирования социального единства, говорит тот же Зиммель, это инкорпорировать, овеществить это единство в безличных вещах (не имеющих собственников!) Роль таких вещей особенно рельефна в институте „имущества мертвой руки“. Распоряжаться единолично никто им не может. Благодаря определенному положению такого имущества в пространстве, оно является как бы point fixe, к которому тяготеют все сособственники. Поэтому такой

наблюдается и в области религиозных коллективных единств. Так, напр., Vertragsverhältnis zu Iehova всех евреев представляет die eigentliche Kraft und Sinn der nationalen Zusammengehörigkeit».

Simmel: Soziologie. 142—144. «Le royauté parait ainsi toujours comme le foyer unique où tous les rayons politiques viennent se reunir», тонко характеризует объединяющую роль англ. короля в старой Англии, М. Я. Острогорский, *M. Ostrogorski:* La démocratie et les partis politiques. 1912. 5.

[1]) *Simmel:* Comment les formes se maintiennent. 83—84.

[2]) Помимо таких объединяющих эфектов символизация группы в меньшей группе имеет своим результатом и другие объединяющие функции. При отсутствии такого символического органа группа не гибка, в ней трудно достижимо моральное и физическое единство; нельзя легко и быстро добиться решений: раз каждый член равноправен другому, то veto одного может парализовать волю большинства, без такого «органа» невозможно продуктивное использование коллективных сил и т. д.

См. *Simmel:* Comment... 87—89.

институт представляет не только источник материальной выгоды, но и гениальный прием для сохранения единства группы [1]). Такую же объединяющую роль играют имущества групп, которые, по уставу этих обществ, запрещено делить между членами последних, и которые, в случае распадения общества, должны передаваться другому обществу, преследующему аналогичные цели.

Связывающую роль выполняют и другие символические предметные проводники. Возьмем *мундир*. „Люди того же ранга, одетые одинаково, познают, что они все равны и все солидарны: человек компрометирующий свой мундир, компрометирует и всех, кто его носит", совершенно верно говорит P. Simon ([2]). Здесь мундир выступает в роли связывающего символического проводника: он является центральной точкой, к которой тянутся нити всех носящих мундир. Соединяясь с ним, эти последние оказываются связанными и друг с другом. Нижеследующая схема иллюстрирует сказанное. *А* в этой схеме служит симолическим проводником единства (человек, мундир, группа лиц, крест, флаг, герб, имя и т. д.).

B, C, D, E, F, G, и т. д. изображают индивидов, стоящих в сходном отношении к символу (отношение подчинения, почитания, ношения одной формы, любви, ненависти к *А*). Схема показывает, что, будучи связаны с А все эти индивиды, чрез А, оказываются связанными и друг с другом. Члены одной религии, одного полка, ведомства, государства, рода, партии и т. д. могут не знать друг друга, но, будучи связанными с одной символической Point fixe, они оказываются связанными и друг с другом.

Символ проводник напоминает в таких случаях центральный узел множества нитей, сходящихся в нем, или передаточный пункт, воспринимающий раздражения от одних и передающий их другим.

Зиммель отметил объединяющую роль только немногих из таких символов-проводников. Фактически их бесчисленное множество: им может быть любой символический проводник. Так, символический звуковой проводник: „русский", связывая с собой множество индивидов, связывает их и друг с другом. Такую же роль могут играть лозунги и названия,

---

[1]) Simmel: Comment.. 82—83.
[2]) *P. Simon*: Instruction des officiers. 403.

напр., „коммунист“, „либерал“ [1]) и другие звуковые символические проводники. Символический цветовой проводник, в виде красного флага, в виде газеты, связывая с собой пестрый агломерат людей, связывает их и друг с другом. Предметный проводник в виде креста, вызывая крестное знамение у ряда незнакомых между собой лиц, объединяет их в одну группу. Такую же роль могут играть любые вещи, фигурирующие в роли тех или иных символов. Одинаковая оценка какой-либо картины или книги,—связывает и делает сродными различных челов. единиц. Предмет, напр. значок союза русского народа,—ненавидимый многими индивидами, устанавливает соединительные нити между ними. Определенные двигательные проводники, напр., отдание чести, связывает тех, кто этот жест выполняет [2]).

Не буду приводить дальнейших примеров. Из сказанного ясна цементирующе-связывающая роль проводников-символов. Краткая формула этой объединяющей роли символов-проводников такова: *связывая с собой ряд индивидов, они связывают их друг с другом; фиксируя на себе психические переживания одних лиц, они, в качестве передаточного пункта, дают возможность передавать их другим лицам; связывая с собой ряд индивидов, они делают „осязаемой“, наглядной, вещественной связь последних друг с другом.*

Такова эта роль—роль громадная (хотя обычно и не замечаемая социологами)—символов-проводников в деле поддержания бытия коллективных единств.

Чтобы оценить эту роль, достаточно будет сказать, что ряд разнообразных сложных коллективных единств, существующих в течение десятилетий и столетий, считается нами за нечто единое, тождественное самому себе, в значительной степени благодаря указанной роли символических проводников. Не будь последних—мы не считали бы за нечто единое ряд разнородных по своему характеру групп, живших в различные времена. Возьмем для примера коллективное единство, называемое словом „Россия“ или „Петербург“ или „Петербургский Университет“. Одним и тем же

---

[1]) Comme on ne pouvait pas aisément etablir l'unité dans les esprits sur le fond des problèmes on s'attacha à rallier les electeurs autour da la raison sociale du parti, autour de son enseigne et de sa vieille renommée, правильно говорит М. Я. Острогорский, указывая на одно из зол совр. партий. *Ostrogorski:* La démocratie et les partis politiques. 621. 1912.

[2]) Пример. «Когда уличные статуи Гермеса были низвергнуты, все афиняне были приведены в ужас и ярость. Они думали, что все они должны погибнуть, ибо кто-то низвергнул изображение бога и т. о. оскорбил его». *Bagehot:* Physic and Politics. 103. 1873.

именем „Россия“ мы называем тот комплекс явлений, какой представляла „Россия“ времен Грозного, и тот комплекс явлений, который она представляет в наше время. Мы не только называем то и другое одним именем, но больше того: мы при этом мыслим, что „Россия“ нашего времени есть продолжение или развитие „России“ Грозного, что по существу тот и другой комплексы нечто единое, тождественное, что коллективное единство „Россия“ 1919 года есть продолжение коллективного единства „России“ времен Грозного. То же относится и к другим коллективным единствам, как „Франция“, „Католическая церковь“ и т. д.

Несмотря на то, что индивиды, составлявшие коллективное единство „России“ времен Грозного, и индивиды, составляющие „Россию“ 1919 г., совершенно различны, как различна и организация их взаимоотношений, мы, тем не менее, мыслим, что они являются членами одного единства „России“, что коллективное единство последней остается тождественным самому себе или, как выражается Зиммель, „*социальная форма „России“ остается идентичной самой себе при смене составляющих ее индивидов*“.

Такие представления столь привычны для нас, что мы даже не видим мистицизма, а временами и объективной ошибочности их [1]).

В самом деле: какие основания имеются для того, чтобы мыслить Россию 1919 г. как нечто единое с „Россией“—Грозного, как продолжение последней?

Разве то, что мы называем „Россией“ или „Петербургом“ теперь, не отличается резко от того, что называлось „Россией“ или „Петербургом“ 200 лет тому назад? Изменились люди, те,

---

[1]) Затрагиваемый здесь вопрос—гораздо сложнее: он тесно связан с основными понятиями логики и философии, ибо составляет часть более общей проблемы—проблемы бытия и становления, вечно пребывающего и вечно изменяющегося. «Понятие изменения мы можем мыслить лишь при наличности в этом изменяющемся чего то неизменного: «того, что изменяется». История философской мысли дала 3 решения этой проблемы. Первое гласит: существует только неизменное, само в себе пребывающее бытие. Изменение, бывание—одна видимость (Парменид, Зенон, deus—Спинозы). Второе решение: «Все течет—παντα ρετ. Существует только вечное становление, вечное изменение. Нет неизменного бытия, (Гераклит, Гегель) Третье решение: существует и бытие, и становление. Атомы неизменны, но их комбинация, их сочетание, вечно меняется. (Демокрит и теория атомизма; «неизменная форма» и «текучее содержание» неокантианства). См. такую философскую постановку этой проблемы у *Зиммеля*: Hauptprobleme der Philosophie. 1911 г. гл. II; см. также *Сорокин*: Обзор теорий и основн. проблем прогресса. Нов. идеи в соц. Сб. № 3.

Подробно об этом придется говорить в «Социальной Генетике». Здесь же автор берет только одну сторону этой сложной проблемы для иллюстрации развиваемой в тексте мысли.

кто составлял население „России“ или „Петербурга“ умерли. Изменилась материальная обстановка. Ни по территории, ни по зданиям, ни по всему материальному быту „Россия“ наших дней и „Россия“ времен Ивана Грозного не тождественны. Не тождественны они по организации и духовной культуре. Старые боги умерли, на их место появились новые. Взгляды, привычки, идеи, верования, желания, взаимоотношение индивидов, социальная группировка их—все они не одинаковы в современной „России“ и „России“ времен Грозного.

Иными словами—объективно эти две „России“ явления разнородные, между ними объективно лежит пропасть.

И, однако, такое отождествление мы постоянно производим и не только в применении к „России“, но и в применении к „Германии“, „Франции“, „Англии“, и т. д. Комплекс явлений, известный под именем Германии, времен Цезаря или Тацита, Англии 10 в., Франции эпохи Людовика IX, „католической церкви“ времен Григория VII и т. д., мы считаем как нечто тождественное с современный Германией, Францией, Англией, католической церковию, чем то таким, продолжением чего служат последние коллективы.

Если спросить себя: какими обстоятельствами вызваны такие представления, то ответ будет гласить, что в *ряду этих обстоятельств весьма важную роль играют символические проводники*.

Такое отождествление имеет известные объективные основания. Они сводятся к тому, что индивиды, ряд поколений, живших со времен Грозного на территории „России“, *находились между собой в более тесном взаимодействии*, чем, напр. с индивидами поколений, населявших территорию „Франции“, Британии или Америки. Поколения, жившие на территории России, сильнее влияли на последующие поколения, заселявшие тот же район, более интенсивно обусловливали поведение последних, накладывали на них более сильный и определенный штамп. Вот почему они более тесно связаны друг с другом и могут быть выделены (кроме каких либо самоедов или тунгузов, слабо или совсем не взаимодействовавших с населением „Европейской России“ или Западной Сибири) в особое коллективное единство. Основанием его служит более интенсивная степень взаимодействия [1]). Эта большая интенсивность взаимодействия обусловливалась и обусловливается множеством причин.

---

[1]) См. об этом *Сорокин*: Система социологии. Т. II, гл. I и II-я.

Прежде всего тем, что в любой момент среди населения, заселявшего область „России“ одновременно существовали, поколения дедов, отцов и детей. Все три поколения взаимодействовали друг с другом; взгляды, привычки, вкусы, обычаи, короче — поведение старших передавалось младшим; отцы были копией дедов, дети — отцов и т. д.

Таким образом, в силу традиции, устанавливалось между ними большее или меньшее сходство: сходство языка, верований, обычаев, уклада жизни, словом—сходство поведения. Место выбывающих „дедов“ замещали „отцы“, место отцов — „дети“, место последних—новое поколение. Таким путем создавалась непрерывность в движении и смене населения. Эта непрерывность и сходство поведения разных поколений служат основными условиями для анализируемого отождествления „России“ Грозного с „Россией“ Екатерины, с „Россией“ 1919 г. [1])

К тому же итогу ведут и ряд других сходств, сводящихся к сходству проводников. Прежде всего сходство *по имени* (звуковой проводник). Коллективное единство эпохи Грозного, и коллективное единство 1919 г.—называются одним именем „Россия“. Это тождество имени гипнотизирует. *Две величины, порознь носящие одно имя, невольно начинают считаться тождественными.* Выше было указано, что иногда достаточно бывает дать разным явлениям одно имя, чтобы эти явления стали мыслиться, как нечто единое [2]). Благодаря тому, что самые различные индивиды, составлявшие поколения, жившие на территории „России“, назывались и называются „русскими“, а их совокупность „Россией“,— в силу этой связи их с одним названием, они оказываются связанными и друг с другом. „Две величины порознь равные

---

[1]) «Поскольку государство есть совокупность людей, связанных в одну общую организацию, признается, что государство продолжает свое существование, пока держится та же организация (быть может с некоторыми частичными изменениями), несмотря на то, что одни поколения сменяют другие, и что территориальный состав государства также меняется, так формулирует это условие *Н. И. Лазаревский.* В этом отношении имеется полная аналогия между государством и организмом, который тоже признается нами продолжающим свое существование, несмотря на то, что весь материальный состав его мог измениться».

Н. Лазаревский: Русск. гос. право. 3—4.

[2]) Кто наблюдал за психикой солдатских масс в 1917 г., тот не мог не заметить следующего факта: под влиянием агитации большевиков, окрестивших одним именем «корниловцев» и сторонников и противников ген. Корнилова (напр., с.-р-ов и меньшевиков) солдаты искренно считали и тех и других «корниловцами». То же наблюдалось и в применении к терминам «контрреволюционер», «белогвардеец», «саботажник» и т. д.

третьей (одному имени)—равны между собою". Не называй „Россию" Грозного и современную „Россию" одним и тем же именем „Россия",—такое отождествление не имело бы места[1]). Больше того: это называние одним именем нередко имеет своим результатом включение в состав того или иного коллектива таких групп, которые объективно на это включение права не имеют. Так, в состав „России", как коллективного единства индивидов, включаются и те индивиды или группы их, которые заселяют северо-восточные части Азии (напр., чукчи, тунгусы, олюторы, коряки, югакиры) и которые весьма слабо связаны с остальными членами единства „России".

Рядом с именем ту же роль играют и другие проводники напр., *сходство языка.* Раз различные поколения говорят одним и тем же языком, напр., русским,—то это влечет за собой уравнение и сближение одинаково-язычных лиц и поколений. Множество лиц, говорящих одним языком, стоящих к этому проводнику в одинаковом отношении, оказываются связанными друг с другом, мыслятся, как нечто единое.

Ту же роль играют „*предметные проводники*": территория, города, деревни, „Иван Великий", „Москва", „Василий Блаженный", всевозможные реликвии, „церкви", „иконы" и т. д. Человеческие полипы времен Грозного оставили после себя ряд „коралловых рифов", т. н. „материальную культуру", которая определенным образом влияет на поведение позднейших поколений и связывает их друг с другом. *Все эти бесчисленные „исторические памятники", связывая с собой каждое поколение, связывают тем самым и последних друг с другом.* Благодаря им давно ушедшие поколения, запечатлевшие следы своей деятельности в форме таких матери-

---

[1]) Подтверждением этому служит, напр., Италия. Она имеет не меньше прав для отождествления себя с древним Римским государством, чем Россия 1919 г. на отождествление с «Россией» Грозного. И однако, в силу того, что население соврем. Италиии называет себя popolo italiano, а не populus romanus, что само государство носит название Италии, а не civitas Romana, в силу такого «маленького обстоятельства» Италия не мыслится, как нечто тождественное с древним Римом; не считается она и непосредственным продолжением древне-римского государства.

Второй яркий пример даст история коммунистической партии в России. Хотя за годы войны (отчасти и ранее), позиция и тактика ленинцев весьма резко отличалась от тактики социал-демократов, однако, они считались социал-демократами, так как носили такое имя. Только со времени переименования себя в «коммунистов» и отказа от названия «социал-демократов» для многих стала ясной «не социал-демократичность» большевиков, их разрыв с социал-демократией и глубокие отличия от последней.

альных памятников (города, селения, здания, утварь, одежда, книги, дороги, возделанные поля, и т. д.) непрерывно воздействуют на последующие, взаимодействуют (хотя и односторонне) с последними, словом—составляют коллективное единство. Не будь этих проводников—такого коллективного единства ряда поколений, называвших себя „русскими“, такого отождествления „России“ Грозного с „Россией“ 1919 г., не могло бы быть. Каждый из этих комплексов в этом случае представлялся бы чем-то различным, оторванным один от другого; короче говоря—различные „русские“ поколения в этом случае представляли бы не нечто единое, а были бы membra disjecta различных социальных тел.

Отсутствие проводников и единого имени означало бы отсутствие „соединительных тканей“ между этими, объективно—различными комплексами. В этом случае люди не считали бы их чем-то единым, не думали бы, что „Россия“ наших дней суть продолжение „России“ Грозного, что современная Англия, Франция, Германия суть продолжение „Англии“ 10 в., Франции Людовика IX, Германии времен Тацита. Отнимите эти проводники и их объединяющую роль — и большинство подобных единств рассыплется, люди перестанут считать их чем-то единым.

Из этих штрихов достаточно ясной становится „объединительно—передаточная“ роль проводников.

Из сказанного попутно выясняются и основные условия существования подобных сложных коллективных единств. Как видно из предыдущего, такими объективными условиями являются: наличность более интенсивного взаимодействия между членами данного единства, выделяющего их из среды других индивидов земного шара [1]). К этому основному условию присоединяются условия дополнительные, где колоссальную роль, благодаря рикошетному влиянию проводников на психику, играют эти последние.

Что касается факторов, вызывающих взаимодействие между различными поколениями таких исторических единств, как „Россия“, „Франция“ и т. д., и факторов, обусловливающих продолжительность бытия таких коллективов, (длительность взаимодействия), то в общем и целом эти условия те же, что и очерченные выше [2]).

---

[1]) Отсюда следует: там где нет этой интенсивности взаимодействия, там объективно отсутствует почва для выделения исторически длительного коллективного единства.

[2]) Из сказанного следует, что мы признаем возможность существования таких длительных коллективных единств. В предыдущем кратко

Таковы вкратце основные факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективных единств. Они объясняют нам, *почему раз возникшее взаимодействие не разрывается, почему люди остаются прикрепленными друг к другу, почему* они *не „отскакивают“ друг от друга; почему, иными словами, общественная жизнь людей существует.* Эти факторы служат как бы *соединительными цепями*, прикрепляющими человека к человеку. Они—*скрепы*, не позволяющие людям отрываться друг от друга, а группе совместно живущих людей—отталкиваться и рассыпаться подобно шарикам однородного электричества по лицу земли.

указаны объективная почва их существования (более интенсивное взаимодействие) и субъективные условия, в силу которых—иногда согласно с объективностью, а иногда—вопреки ей,—люди считают различные комплексы тождественными, продолжающими и развивающими один другого (единство имени, сходство территории, языка, мат. культуры, нравов, обычаев и т. д.). Но было бы ошибкой, если бы нашу мысль истолковали в смысле *Зиммелевского* положения: *«возможности социальных форм, остающихся идентичными самим себе, в то время, как их члены меняются».* (См. *Simmel:* Comment... Passim).

Такую возможность я отрицаю. Иными словами, если возможно думать, что «Россия» времен Грозного и «Россия» 1919 г. суть различные стадии единого коллектива, составляемого непрерывно меняющимися индивидами, то отсюда ничуть не следует, что «социальная форма» России осталась неизменой, «идентичной» самой себе.

Социальная «форма»—не бутылка, которую можно наполнить любой жидкостью и которая, тем не менее, будет всегда оставаться идентичной. Здесь «форма» определяется характером индивидов, составляющих данное единство. Если меняются индивиды—меняется и форма. «Россия» времен Грозного и «Россия» нашего времени—два совершенно различные единства, две совершенно различные (а не тождественные) «социальн. формы». То, что обозначалось термином «Петербургский университет» при Николае I, и то, что обозначается им теперь,—два совершенно различные и мало похожие друг на друга коллектива: различны-профессора, число и качество студентов, характер преподавания, взаимоотношения учащих и учащихся и т. д. Сходным осталось разве одно имя и здание Университета, да и оно изменено позднейшими ремонтами и пристройками. Говорить о тождественности «социальн. формы» Петроградского Университета при изменении составляющих его индивидов, с об'ективной точки зрения невозможно. *Раз изменяются индивиды, образующие коллективное единство, меняется фактически и «форма» последнего.* Ибо вне индивидов-нет социальных форм, ибо соц. формы—это взаимоотношения индивидов. А т. к. совершенно сходных индивидов нет, то при изменении их не может быть и тождественных соц. форм.

Это положение применимо ко всем коллективным единствам, начиная с «католической церкви» и кончая каким-нибудь маленьким обществом «любителей ораторского искусства» или коммерческим обществом: «Волга», «Саламандра» и т. д. Ни одно из них, при смене их членов, не остается тождественным. Разница между ними лишь в большей или меньшей быстроте изменения этих форм. Любое общество, любая партия изменяют свои «формы» с изменением их членов. Правда, их устав, их программа, конституция государства могут остаться неизменными. Но наивным был бы тот человек,

Мы видим, что здесь, как и при возникновении взаимодействия, действуют не одна, а множество условий. Эти условия взаимно переплетаются друг с другом, одни подкрепляют другие и в итоге создают возможность существования и продолжения раз возникшего коллективного единства. Всякие попытки свести эти факторы к одному условию должны быть признаны неверными и ошибочными. Как возникновение коллективных единств вызывается рядом космических, биологических и психо-социальных факторов, так же и сохранение их обусловливается действием многих сил.

Что это так,—подтверждается и исследованием „скреп" обширных и численных скоплений населения, составлявшего в своей совокупности ряд исторических аггрегатов. Таково, напр. население тотема, рода, территориально-племенного общества, средневекового города—государства, современного государства и т. п. И здесь индивиды, составляющие население этих обширных аггрегатов, прикреплены друг к другу не одной связью, а многими. И здесь, „проволоки", связывающие их друг с другом, заставлявшие их жить рядом, взаимодействовать и мешавшие им отрываться друг от друга, многочисленны и разнородны.

который, основываясь на неизменности программы эс-эров с 1904 г., заключил бы отсюда, что не изменилась и «форма» партии. Не менее наивным было бы заключение того, кто, основываясь на неизменности конституционных статутов и биллей Англии и декларации прав Соед. Штатов, заключил бы отсюда, что «политическая форма» Англии и Соед. Штатов за 19 и 20 в.в. осталась неизменной. Знатоки дела заставят такого человека сознаться в своей ошибке.

То же применимо и к любому коллект. единству. Вот почему формулировка Зиммеля: «как существуют и сохраняются идентичными самим себе социальные формы в то время, как их члены меняются»—объективно несуразна. Несуразна потому, что идентичные самим себе социальные формы при изменении индивидов—невозможны. Это Contradictio in adjecto, продиктованное гипнозом философии «неизменной формы» и «текучего содержания» или гипнозом рикошетного влияния проводников. В первой главе данной работы я указал на незаконность применения «воззрительных» аналогий к социальным отношениям.

Здесь видим неудачливые плоды такого оперирования, плюс—подпадение Зиммеля под гипноз общих имен и названий. Исторически — длительное коллективное единство может обозначать для нас лишь совокупность индивидов, живших в различные времена и связанных друг с другом—и в пространстве и во времени, более тесным взаимодействием, (т. е. сильнее обусловливавших взаимное поведение) и только... Ни о каком сохранении идентичных социальных форм, или идентичности организации при смене составляющих их индивидов—не может быть и речи. Это,—остаток органической концепции общества, незаконно живущий даже в тех умах, которые, как Зиммель, отрицательно относятся к существу последней... Частично эта ошибка сказывается и в приведенной выше цитате Н. И. Лазаревского. Такие метафоры—от лукавого.

Самый краткий обзор связей, заставлявших их жить совместно и делавших их сложным коллективным единством, подтвердит правильность сказанного [1]).

Тотемическая группа. В тех австралийских группах, которые были описаны рядом лиц, и в частности Б. Спенсером и Гилленом, мы встречаем упоминания следующих факторов, обеспечивающих сохранение совместного существования их членов: a) *территория* [2]): как вся тотемическая группа, так и ее части, кочуют обычно в пределах более или менее определенной территории. b) *Ряд космических условий*, вызывающих плодородие почвы, расцвет растительности и т. д.; ими обусловливается, помимо других причин, собрание частей всей тотемической группы на *короборри*, обычно совпадающее с временем расцвета растительности и созревания питательных продуктов. Здесь космические условия выступают (на ряду с другими) в качестве факторов, притягивающих друг к другу обычно разделенные части всей тотемической группы, и мешают разрыву этих частей друг с другом. c) *Ряд биологических условий*: поиски пищи, общая охота, рыболовство, собирание семьян, удовлетворение половых потребностей, инстинкт самосохранения, выражающийся в конфликтах, в „отряде мстителей", в нападении и защите. d) Ряд *социально-психических условий*: сходство верований, в частности верование в единого тотемического предка, (общий символ), система тотемического родства, сходство языка, обычаев, нравов и т. д. Ряд символов-проводников—единая чуринга, татуировка, имя и т. д. Разделение труда: a) между полами, b) между возрастными группами, c) между отдельными членами группы (вождь, чародей и т. д.)

Короче, в той или иной форме мы встречаем почти все перечисленные нами факторы [3]).

---

[1]) Нижеследующее отвечает на вопрос: что прикрепляет и прикрепляло друг к другу индивидов, составлявших население тотема, рода, государства и т. д., что заставляет их взаимодействовать друг с другом и жить совместно. Что же касается самого понятия тотема, рода, государства и т. п., их отличительных и характерных признаков, их строения, то эти вопросы, совершенно отличные от первых, будут предметом анализа во II т. «Системы социологии».

[2]) «Там, где тотемические подразделения на лицо, там площадь, занятая всем племенем, разделена на районы, границы которых хорошо известны членам отдельных родов». *Ковалевский*: Социология, т. II. 125.

[3]) См. для примера *B. Spencer and* Gillen: The northern tribes of central Australia. London. 1904. Этой именно сложностью связей, вызываемых различными факторами, объясняется трудность систематической классификации тотемических группировок, о которой упоминают эти авторы. «We can divide the tribes, so far as their systems of social organisation are concerned,

Родовой союз. Что касается факторов, поддерживавших существование агрегата, известного под именем рода, прикреплявших его членов друг к другу, то множественность связей, объединявших в родовой коллектив индивидов, — следует прямо из того определения, которое дают роду такие компетентные исследователи, как М. М. Ковалевский.

„Мы должны признать родом всякую совокупность семей, пишет он, правильно или неправильно считающих себя связанными *узами крови* (все равно—по отцу или по матери), *культом общих родственников*, *единством имени*, *коллективною ответственностью*, как уголовною, так и гражданскою, иногда и *общей собственностью* или точнее, *нераздельным пользованием*". [1]) Здесь из самого определения рода видна разнородность и многочисленность факторов, вызывающих разнородность связей, объединяющих членов рода в одно единство: тут *и единство крови* (биолог. фактор), и *культ предков* (соц.-псих факт.), и неразделъное пользование, в частности, *территорией* рода (космич. фактор) и *единое имя* (фактор символический—частный вид соц.-псих. сходства), и объединение *для защиты и нападения* [2]) (основа-биологич. фактор самосохранения); изучая род, мы видим и другие связи, вызванные другими факторами: взаимозависимость порождаемую *разделением труда* (глава рода и остальные члены, зародыши политической группировки, дифференциация по возрасту, полу и т. д.) и др; короче, и род, как совокуп-

---

into two main groups, *tough it must be rememberëd that this is only a rough grouping, taking this one feature as its basis*». Говоря далее, что каждая из двух главных групп распадается на восемь подклассов и пытаясь группировать их в родственные «nation» авторы пишут: it is not always possible to do this sastifactorily, as there must inevitably be a certain amount of cross division according to the standart which adopted. Thus, for example, if we take the organisation and method of counting descent as a standart, the, Binbinga fall into the Warramunga group, and yet, apart from this one feature and in respect of their customs and beliefs, they are without doubt most closely associated with the Mara group».

Spencer and Gillen. Ibid. 74—75.

Естественно, при такой сложности и различии объединяющих связей, трудно провести какую бы то ни было не пересекающуюся классификацию соц. группировки; вполне правы авторы, подчеркивая условность избранного ими критерия группировки.

Все указанные связи, порождаемые рядом перечисленных факторов, можно найти в любой компететной характеристике тотемического «общества». См. для примера *Ковалевский*: Социология, т. II., гл. V, VII и VIII.

[1]) *Ковалевский.* Социология т. II. СПБ. 1910. 94.

[2]) *Ковалевский*, Op. cit. 138. «Прочным основанием к признанию земельных районов общим владением является *факт защиты этих районов родами* от всякого вторжения».

ность взаимодействующих индивидов, связывается в коллективное единство не одной связью, порождаемой одним фактором, а множеством связей, вызываемых различными факторами [1]).

Территориально-племенная община. Коллективное единство обозначаемое этим именем, подобно предыдущим коллективным единствам, опять таки составляло коллективное целое благодаря действию многих факторов, а не одного. Взаимодействие, возникшее между членами такой группы, поддерживалось: *космическими условиями*, державшими индивидов бок о бок в пределах определенной территории, общность и единство которой „заступили место уже угасавшего представления об общем по крови происхождении" [2]), биологическими условиями самозащиты и защиты своих владений [3]), *совместной обработкой* земли, и социально-психическим сходством, принуждением, налагаемым одними членами на других, общей охотой и общественными пирами (фактор голода,

---

[1]) См. ряд других факторов в характеристике родового общества, данной М. М. Ковалевским. Op. cit. 91—113, а также 180 и сл. Конкретным примером правильности сказанного может служить древне-славянский род. У *В. О. Ключевского* мы находим указания на такие связи, объединявшие и обусловливавшие существование славянского рода, как коллективного единства. «Родовой союз держался на двух опорах: на *власти* родового старшины и на нераздельности родового *имущества*». Однако, в дальнейшем Ключевский присоединяет к этим двум условиям множество других... «Родовой *культ*, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры... Родичи хранили родовые *обычаи* и *предания*»... Они имели общие *верования*... «Были отдельные *волхвы*, которые имели большое влияние на народ». Была общая *территория*. «Придорожные столбы, на которых стояли сосуды с прахом предков — это межевые знаки, охранявшие *границы родового поля или дедовской усадьбы*». *Общее происхождение и единство крови*, отсюда — единство имени: Жидчичи, Мирятичи, Дедичи, Дегостичи». Играл свою роль и *инстинкт самохранения*. «Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на Империю смыкал их в военные союзы». Не могло дело обойтись и без участия *половой* потребности: «Бесовские игрища», умычки, борьба на этой почве, позже — выкуп. «Умычка, вено, привод невесты все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами, подготовлявшими сближение родов... Родственники жениха и невесты становились своими людьми, свояками... Значит, брак уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды».

Не перечисляя других фактов, отсюда мы видим, что в деле поддержания единства рода играли роль почти все перечисленные мною факторы.

Ключевский. Курс. т. I. 124, 136—143 и др.

[2]) *Кропоткин*: Взаимная помощь. 95 и сл. «Вместо прежних союзов по крови выростали земельные союзы». «Земля» отождествляется с ее обитателями».

[3]) *Кропоткин*: «Деревенская община была главным оружием варваров в их тяжелой борьбе с враждебной природой». 102.

сближавший членов общины) [1]), не говоря уже о психич. факторах—потребности умственного, чувственного, эмоционального и волевого общения, разделению труда, сходству политических, религиозных и др. убеждений, сходству нравов и обычаев, ряду конфликтов, вызывавших борьбу индивидов и вмешательство других для решения спора и т. д.

Короче—и здесь коллективное единство связывается не одним, а многими обручами, вызываемыми действием ряда указанных выше факторов [2]).

Средневековый город — государство. Существование данного коллективного единства, связь его членов,—населения, поддерживалось также множеством факторов, Что связывало в одно целое членов средневекового города? Что заставляло их взаимодействовать друг с другом? Целый ряд условий. Вот некоторые из них: „со-прикасательство" (co-jurations) в определенной территории, защищенной городскими стенами, взаимопомощь в борьбе за освобожденпе и за свободу, борьба—частью взаимная, частью—с общими врагами, разделение труда между гильдиями и цехами, сходство членов одной гильдии или цеха, общие вечевые собрания и симпатия членов гильдии друг к другу, общие трапезы, из года в год устраивавшиеся гильдиями, территориальные союзы домохозяев, составлявших улицу, приход, „конец" и т. д. Такие факторы, как половая потребность, уплотнение, получавшееся в результате размножения и т. п., само собой разумеются...

Современное государство. К тем же выводам придем, рассмотревши связи, прикрепляющие друг к другу население

---

[1]) «При всяком удобном случае, как напр., в дни поминовения предков во время религиозных празднеств, при начале и конце полевых работ, а также по поводу таких событий, как рождение, свадьбы, похороны, община собиралась на обществ. «пир». *Кропоткин.* Op. cit. 100—101.

[2]) Беру в качестве примера древние славянские территориальные союзы, образовавшиеся на месте разложения родов. Ключевский дает указания на ряд перечисленных связей, объединявших членов территориальной общины в одно коллективное единство. Таковы: совместная защита и нападение («продолжительная борьба с Византией завязала военный союз и сомкнула восточное славянство в нечто целое»), территория и др. космические условия, «племена — полян, древлян, северян и т. д.—поселились по речным бассейнам», «пространства, удобные для промыслов, не шли обширными сплошными полосами, удобные места являлись отдаленными друг от друга островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы ставили свои одинокие дворы»... Из этих дворов выросли городища. Из совокупности их — города, в роде Киева, род—заменяется территориальным двором; общие верования, брак и взаимодействие, вызываемые половым фактором, общность обычаев, правовых воззрений, власть, обмен и разделение труда и т. д.

См. *Ключевский.* Ibid. 124, VIII и IX лекции.

современного *государства.* Уже в обычном, шаблонном определении последнего виден плюрализм связей, объединяющих в одно государственное единство множество индивидов. „Юридическими элементами, составляющими государство, являются коллективность, территория, на которой живет эта коллективность, и правительство, выражающее волю этой территориальной коллективности“ [1]). Уже в этой, неразвернутой формуле содержится указание на связи: территориальную, принудительную, проистекающую из общ. дифференциации, и солидаристическую, объединяющую множество граждан в одну „нацию“ (выражаясь языком Дюги). Если, следуя тому же Дюги (в этом отношении и другие государствоведы согласны с ним) мы расшифруем, что кроется под термином солидарной связи, то увидим здесь: и связь „подчинения одной политической власти“, и „связь расы (единства крови) и языка“, и „связь религии“, и „принцип естественных границ“ [2]), и „общность традиций, потребностей и стремлений“ и т. д. [3]). Если же расшифровать в свою очередь связи, составляющие суммарное понятие территориальной связи и связи властвования, то плюрализм факторов существования государственного единства, будет бесспорным.

Не останавливаясь подробнее, мы можем прямо сказать, что тот же плюрализм факторов мы найдем и при беглом анализе связей, обусловливающих единство других сложных коллективов.

И здесь взаимодействие между членами таких коллективных единств возникает и поддерживается многими, а не одним фактором. Комбинируясь различным образом, давая первенствующее значение то одному, то другому, эти факторы редко действуют изолированно, а почти всегда совокупно.

Произведенный самый беглый и поверхностный обзор ряда коллективных единств подтверждает сказанное. Вместе с этим он подтверждает правильность плюралистической теории факторов возникновения и сохранения коллективных единств, т. е. длительных процессов взаимодействия [4]).

---

[1]) *Дюги.* Констит. право. М. 1908. 58.

[2]) *Дюги:* Op. cit. «Конфигурация территории, конечно, облегчила известные национальные формации». 103.

[3]) См. *Дюги.* 101—106. «Эти различные факторы бесспорно действовали или сообща или в раздельности, но ни один из них не был достаточно силен, чтобы создать самостоятельно национальную солидарность», довольно верно говорит Дюги. 102.

[4]) Этот беглый и поверхностный анализ «связей» тотемического и родового общества, территориальной общины, государства—города и совре-

Сохранение коллективных единств и переход от неорганизованного взаимодействия к организованному.

В предыдущем речь шла о тех условиях, которые прикрепляют индивидов друг к другу и заставляют их взаимодействовать. Теперь обратим внимание на факт, связанный с продолжительным сохранением коллективного единства, на факт *организации последнего*.

Всякое длительно-существующее коллективное единство, по мере своего существования, из безформенного становится оформленным, из нешаблонного—шаблонным, из беспорядочного—упорядоченным, короче—из неорганизованного—организованным.

Подобно тому, как насыщенный раствор соли, оставаясь в покое долгое время, кристаллизуется, так же постепенно шаблонизируется и длительно-существующая группа: неустойчивые и нешаблонные взаимодействия становятся устойчивыми, повторяющимися, упорядоченными.

В коллективном единстве устанавливается равновесие, требуемое необходимостью приспособления людей друг к другу при совместном сосуществовании.

менного государства имел своей задачей только показать плюрализм разнородных связей, объединяющих их население в один аггрегат. Само собой разумеется этот анализ не представляет решение проблемы: какие же именно связи объединяют каждое из этих единств и какая из них является главной в том или ином случае. Решение этой задачи не входит в пределы даннной главы.

Анализу структуры населения сложных соц. аггрегатов посвящен II-й том «Системы социологии». Здесь же отметим только, что большинство ходячих теорий, посвященных этому вопросу поверхностно и негодно.

«Социальная химия» продолжает топтаться на месте и стоит на уровне средневековой алхимии, верившей в существование «филофского камня». Социологии и государствоведы все еще продолжают искать едины монистический «философский камень». Жаль. Пора бы с такими упрощенными «монизмами» покончить и перейти к скромному изучению многообразных социальных связей и форм взаимодействия, с одной стороны; с другой—к детальному изучению группировки населения... Это дало бы, быть может, менее поэтичные, но более реальные научные результаты и для понимания самих коллективов, и для понимания их длительного существования. Пока же г. г. социологи вот как обясняют сохранение коллективных единств: «Соц. группа, какова бы она ни была, с яростью отстаивает свое существование. Она проявляет для своей защиты и расширения жадность, коварство, упорство, и жестокость, чуждые индивидуальной психике. Прибавьте к этому лицемерие.., Общество бессознательно стремится к самосохранению. Оно лжет, убивает, ворует, узурпирует... Оно есть и всегда будет эксплуататором, узурпатором, тираном» и т. д.

Палант. Очерк социологии. 83—84.

Чем это лучше описания Гоббсовского «Левиофана»! Не спорю, то и другое поэтично... Но... самые поэтичные стихи, никем, кажется, не считаются за научные теоремы... Пора бы покончить с поэзией в социологии: от нее страдают и поэзия, и социология.

Порядок установления организации группы совершается двояким путем: *бессознательным и сознательным*.

В первом случае он происходит по указанной выше схеме: 1) *акты взаимодействия,—2) их повторение,—3) обычай,—4) юридическое правило,—5) юридический институт, как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений* (семейный институт, институты собственности, власти, наследования, суда и т. д.), *социальная организация*, как совокупность юридических институтов данной группы населения.

Таковы основные этапы установления организации в этом случае. Так именно устанавливался порядок в древних группах населения, в древних государствах, в древних „обществах".

По тому же типу очень часто устанавливается организация и теперь, в ряде групп, члены которых поставлены в необходимость взаимодействовать друг с другом.

Толпа детей, приведенных в школу и незнакомых друг с другом, вначале представляет неорганизованный коллектив. По мере встреч и общений „детский коллектив" организуется, выделяются „коноводы", „камчатники", устанавливаются нормы взаимоотношений, управляющие и управляемые, детская аристократия и демократия. Без всяких конституций и уставов одни начинают повелевать, другие—подчиняться, появляются нормы товарищеского поведения (обязанность подсказывания, шпаргалок, взаимных предупреждений об опасности и т. д.). Словом, неорганизованная группа детей скоро становится организованным школьным государством, законы которого возникают явочным путем без предварительно обдуманного и вотированного договора, устава и конституции.

Из частого повторения определенных взаимоотношений возникает социально-правовая организация группы.

То же происходит и в сотне других случаев во всякой совокупности длительно-взаимодействующих индивидов.

При *сознательном установлении организаци*, процесс ее рождения короче. Примером возникновения организации по этому типу может служить открытие или основание любого современного общества: научного, экономического, литературного и др. Ряд лиц, желающих открыть его, заранее вырабатывают „устав" общества и, по выполнении всех формальностей, общество сразу рождается на свет организованным. Устав указывает цели и задачи общества, условия его членства, права и обязанности членов, правление и т. д.

Этот путь установления организации, очевидно, возможен в среде культурной, приобревшей навыки socius'а, сообщественника, имеющей общие задачи и цели и хотящей их достигнуть путем коопераци и усилий.

Таковы два пути возникновения организации в любом длительно-существующем коллективном единстве.

Иными словами, *организация—постоянное и неизбежное следствие всякого длительного существования коллективного единства.*

Это не значит, что она возникает безболезненно, и обязательно должна быть во всякой группе взаимодействующих людей. Нет! Люди могут взаимодействовать и тем не менее их коллектив может не быть организованным. Неустойчивость отношений, отсутствие обязательных норм поведения и разделения функций, словом—неорганизованность взаимоотношений может существовать; но она ведет к конфликтам, к нескончаемой взаимной войне, к невозможности мирной производительной работы, в конечном итоге—*к частичной или полной гибели группы.* Посему, обычно такой коллектив не имеет длительного существования: он или распадается или гибнет.

Но и там, где коллектив стал организованным, процесс шаблонизации или организации был и обычно бывает процессом мучительным, вызывающим колоссальное число жертв и устанавливающимся после долгой борьбы и тяжелых конфликтов. Чтобы люди перестали убивать друг друга, нужны были бесконечные убийства; чтобы научились уважать права другого, нужны были бесчисленные нарушения этих прав; чтобы они привыкли исполнять обязанности, нужна была жестокая дрессировка путем „бичей и скорпионов". Вся история человечества есть сплошное дрессирование людей и приучение их к упорядоченной совместной жизни [1]).

Не только в прошлом, но и теперь, сохранение организации любой группы (кроме немногих „обществ свободно хотящих людей"), совершается не без жертв, не без принуждения в различных формах. Обычным способом поддержания организованного шаблона взаимоотношений служит принуждение в форме: *исключения* непокорных членов из группы, принудительного *подчинения* их установленному порядку и, наконец, в форме *наказания*, начиная с смертной казни и кончая штрафами, порицанием и выговором. Возьмете ли вы семью, или церковь, или государство, или партию, или

[1]) См. об этом *Сорокин*: Преступление и кара. Кн. II. и III.

любое организованное единство,—всюду порядок поддерживается путем таких мер; в любой из этих групп имеются свои „протестанты“, „преступники“, „еретики“, „бунтовщики“, не подчиняющиеся порядку; и любая из них практикует указанные методы поддержания порядка:- исключение, принуждение, наказание в различных формах.

Из этих замечаний видно, что возникновение организации в группе не представляет особой проблемы. Оно—имманентный результат длительно существующего коллектива (если он не погиб или не распался). *Факторы возникновения и сохранения коллективных единств являются и факторами, вызывающими их организацию.* Ross, посвятивший возникновению организации или „социальному контролю“ целую монографию, указывает в общем те же самые условия, которые очерчены и нами, как условия возникновения и сохранения взаимодействия; таковы: симпатия—следствие половой потребности и родит. инстинкта, потребность общения с подобными (социабельность), самосохранение и его рефлексы в виде „справедливости“, обществ. дифференциация, обществ. мнение, внушение и подражание, обычаи, религия, принуждение и т. д. [1]).

Повторяя сказанное выше, центр тяжести проблемы приходится видеть не в том, как и почему возникает организация группы, а—в том, почему люди взаимодействуют и живут совместно. Раз это условие есть и раз в этом взаимодействии они не уничтожают друг друга, та или иная организация—плохая или хорошая—устанавливается и существует.

§ 4. Условия (факторы) распадения и разрушения коллективных единств.

Там, где люди сосуществуют друг с другом, там постоянно происходит не только возникновение процессов взаимодействия, но и их распадение. То, что называют общественной жизнью людей, представляет непрерывный поток возникновения процессов взаимодействия, сохранения их более или менее продолжительное время и распадения. На место распавшихся коллективных единств приходят новые и рано или поздно снова распадаются. В этом отношении общественная жизнь людей похожа на волнующийся океан: океан

---

[1]) См. *Ross*: Social Control. A Survey of the Foundations of Order. New—York. 1904.

остается „вечным“, но отдельные его волны возникают, растут, пенятся и в итоге исчезают... Такими волнами в сосуществовании людей являются отдельные процессы взаимодействия, отдельные коллективные единства. Они подобно волнам возникают, длятся более или менее продолжительное время и исчезают, давая место новым „волнам“, новым процессам взаимодействия, а море общественной жизни, составляемое этими отдельными процессами взаимодействия, остается вечным. На место одних высохших потоков взаимодействия и составляемых ими коллективных единств появляются новые и продолжают наполнять необъятный бассейн океана общественной жизни.

Расмотрев факторы возникновения и сохранения процессов взаимодействия или коллективных единств, рассмотрим теперь, в силу каких условий процессы взаимодействия разрываются, иными словами, в силу каких факторов исчезают коллективные единства, в силу чего их члены перестают взаимодействовать и разбегаются в разные стороны.

После всего сказанного легко понять, что вопрос о факторах разрушения коллективных единств равнозначен вопросу— *какие условия вызывают прекращение возникшего взаимодействия двух или большего количества людей.*

Все то, что ведет к изоляции взаимодействующих индивидов друг от друга, все это является условиями прекращения взаимодействия или факторами распадения коллективных единств.

Из существа дела ясно, что таких условий множество.

Очертим их бегло. Сообразно с предыдущим в качестве таких факторов распадения коллективных единств мы можем выделить ряд условий *космического, биологического и социально-психического порядка.*

I. Взаимодействие между A и B, или A и рядом других лиц (а след., и образуемое ими коллективное единство) может прекратиться в силу *смерти* A, или смерти A и B или смерти части или всех членов данного коллективного единства. Непосредственное взаимодействие между супругами прекращается в силу смерти одного или обоих супругов [1]); короче говоря, простейшим видом изоляции взаимодей-

---

[1]) Всюду пока речь идет о непосредственном взаимодействии лиц; взаимодействие между живым и мертвым, обусловливаемое наличностью проводников, есть уже явление иного порядка... Здесь на место смерти людей нужно подставить гибель проводника (напр. гибель от пожара знаменитой Александрийской библиотеки или иного проводника). Его гибель делала невозможным и взаимодействие между живыми и мертвыми.

ствующих индивидов является смерть части или всех членов данного коллективного единства.

Исследуя причины смерти мы можем прекрасно убедиться в плюрализме факторов разрушения коллективных единений или прекращения процессов взаимодействия.

Смерть взаимодействующего индивида может быть вызвана действием *космических сил.* (Удар молнии, разрушение корабля волнами моря, смерть от „солнечного удара“, смерть от огня, смерть от оборвавшегося куска скалы, смерть от наводнения, вулканического извержения, от холода и т. д.).

Смерть индивида может произойти и от ряда *биологических условий.* (Смерть от ужаления змеи, от нападения зверя, от укуса того или иного ядовитого животного, от расхищения пищи другими организмами, от заражения организма смертельными микробами: чумы, холеры, тифа, от отравления организма гнилой мясной пищей, смерть от дряхлости, смерть—как неизбежный конец всякого организма и т. д.). Наконец, смерть индивида может быть вызвана множеством *социально-психических условий.* (Смерть от отравления человека человеком, различные виды убийства и смертной казни, истощение организма от голода, вызванного рядом социальных условий, смерть от „ужасной вести“, самоубийство, вызываемое рядом социально-психических факторов в роде: горя, проигрыша казенных денег, несчастной любви, потери чести, позора, психозов и т. д. и т. д.).

Этот беглый анализ причин смерти с достаточной несомненностью показывает плюрализм факторов разрушения коллективных единств и прекращения непосредственного взаимодействия: эти факторы, вызывая смерть членов взаимодействия, тем самым вызывают прекращение взаимодействия и распад коллективности.

Но само собой разумеется, что *для исчезновения последних вовсе не нужно физической гибели взаимодействующих индивидов. Достаточно, если в силу тех или иных причин они будут изолированы друг от друга, перестанут влиять своими актами один на другого, иначе—перестанут „раздражать“ друг друга.*

Обращаясь к факторам, вызывающим такую изоляцию, мы опять таки встречаемся с факторами и космического, и биологического, и социально-психического порядка.

Кораблекрушение, вызванное бурей, может забросить близких лиц, бывших на корабле, в разные стороны. Оставаясь живыми, эти члены коллективности, тем не менее, будут лишены возможности взаимодействовать и общаться друг с другом. Наводнение, заливающее водой данный

район, часто имеет своим последствием бегство взаимодействующих индивидов в разные стороны и их временную или длительную изоляцию. Вулканическое извержение может иметь те же результаты. Буря, рвущая телеграфные или телефонные провода, может на время прервать общение индивидов друг с другом. Такие же результаты могут иметь снежные заносы, наводнения, ледоход, пожары, портящие железнодорожные пути и вызывающие прекращение общения одних людей с другими.

Изоляции и рассеянию коллективного единства благоприятствуют и другие, менее катастрофические космические процессы. Так, постепенное высыхание определенного района может вызвать разрыв коллектива, его населяющего, и переселение отдельных его членов в разные пункты [1]; такие же эффекты может вызвать общее понижение температуры (вспомним ледниковый период), или медленное, но неуклонное оседание почвы, неурожай, вызванный космическими причинами, и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы признать *„изолирующую“ роль космических факторов.*

II. Та же изоляция и прекращение взаимодействия могут быть вызваны и *рядом биологических условий.* Так, нашествие саранчи, опустошившей поля и сделавшей невозможным существование всей группы в данном месте, может вызвать ее распад и эмиграцию индивидов в разные стороны. Интенсивная эпидемия может дать те же результаты. Заразная болезнь одного из взаимодействующих индивидов может на время или надолго разорвать с ним общение остальных членов коллектива (так, напр., сифилис влечет за собой развод и разрыв супружеского единства; такие же последствия вызывала и продолжает вызывать, напр., проказа: вспомним историю праведного Иова! временную изоляцию вызывают: холера, тиф, скарлатина и т. д.).

---

[1]) Так, ряд лиц, напр. *П. Кропоткин*, космическим процессом высыхания почвы Средней Азии объясняют «великое переселение народов». «Ученые еще не согласились между собой насчет тех причин, которые около 2000 лет тому назад двинули целые народы из Азии в Европу и вызвали великие переселения варваров, положившие конец Зап.-Римской империи. Географу, однако, представляется одна возможная причина. Причина эта — высыхание, продолжающееся и поныне... С подобным явлением человек не мог бороться. Когда обитатели Сев.-Зап. Монголии и Вост. Туркестана увидели, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься к низменностям и теснить на Запад обитателей этих низменностей». *Кропоткин*: Взаимная помощь. 94.

Распад коллективного единства может быть вызван и *инстинктом самосохранения* [1]): таким примером может служить паническое бегство членов группы при наличности опасности, угрожающей их жизни (напр. бегство солдат при мнимой угрозе неприятеля, распадение каравана в пустыне при нападении зверей, паническое бегство цирковой толпы в случае освобождения тигров из клетки и т. д.).

К тому же результату — ведет вместе с другими социальными условиями—и *осознанный* инстинкт самосохранения, заставляя сознательно удаляться из мест, грозящих жизни индивидов, и порывать со многими коллективными единствами, членами коих они были. В итоге, ряд коллективных групп могут распасться. Так, в эпохи революций, гражданской войны, политических неурядиц, множество лиц, в целях сохранения жизни, эмигрирует из родной страны, порывает связь с рядом групп, вследствие чего множество коллективов распадается. Что это так, подтверждается и статистикой эмиграции. Так, иммиграция в Соед. Штаты резко упала за годы гражданской войны. С 427,833 эммигрантов в 1854 г. цифра последних упала до 89,007 в 1862 г. [2]) „Поднявшись в 1860 г. до 105,162 чел., в 1861 г. население Нью-Иорка, вследствие возгоревшейся междуусобной войны, спустилось до 65,539, а в 1862 г. до 76,306 человек“ [3]). Максимум эмигрантов из Германии пришелся на годы с 1845 — 1854. „В продолжение этих 10 лет в Соед. Штаты прибыло (значит из Германии убыло) 1,226,936 немцев. Все это жертвы экономических и политических неурядиц. Что политические причины влияли на увеличение эмиграции, можно видеть из того, что количество эмигрировавших достигло максимума в годы начинавшейся реакции“ [4]).

Такую же „разрушительную“ роль могут сыграть ряд других биологических процессов организма—импульс голода, половой инстинкт, дряхлость, болезни и др. В одних случаях они вызывают возникновение процессов взаимодействия, в других — их распадение. Так, *голод* может разорвать семью и бросить одних членов ее в поисках средств существования

---

[1]) Он наблюдается и у обществ животных. «Гиббоны живут группами; но как только появляется опасность, все разбегаются, кто куда, не заботясь о других». То же наблюдается и у ряда других животных, живущих обществами. *Waxweiler*: Esquisse d'une Sociologie. 59.

[2]) *Майо-Смит*: Статистика и Социология. 342.

[3]) *Филиппович*: Эмиграция, в сб., «Народонаселение». М. 1897 г. 242.

[4]) *Филиппович*: Ibid. 241—292.

в Америку, других в Азию. Подтверждение этого положения дает, между прочим, и статистика эмиграции. Рост эмиграции из данной страны означает рост разрыва и распадения коллективных единств. С эмиграцией членов тех или иных групп связи между ними и группами слабеют, весьма часто — совершенно порываются. „Неурожай в Европе в 1827 г. вызвал усиленную эмиграцию. Неурожай в Соед. Штатах в 1837 г. вызвал ослабление эммиграции в 1838 г. Великий Ирландский голод 1845 — 46 г. г. повел за собой громадное движение эмиграции, усиленное неурожаем в Германии в 1853 г.“ [1]).

Половой инстинкт часто служит фактором разрыва целого ряда коллективных единств, начиная с супружеского союза и кончая рядом дружеских ассоциаций. Половое влечение и измена супруга нередко влечет распадение семьи (развод-отлучение от стола и ложа и т. д.), половая близость дочери к кому-либо часто сопровождается ее изгнанием из семьи, ревность, возникающая на этой почве, делает врагами друзей и навсегда разрывает дружеский союз, соперничество двух самцов из-за самки или двух самок из-за самца нередко имеет те же последствия и т. д. *Старость или немощность* организма временами влекут те же результаты: друзья и деловые люди реже и реже начинают заходить, видаться, переписываться и вообще общаться со стариками и больными, сами последние не в состоянии бывать у других, связи становятся более слабыми и в итоге часто обрываются.

Голод может сделать врагами двух близких людей на почве недостатка пищи. Эта враждебность может иметь своим результатом „разрыв“ дружбы и общения. Те же конечные результаты голод может вызвать и в сотне других форм [2]).

---

[1]) *Майо-Смит*: Статистика и социология. 342. До 60-х г. г. 19 ст. «увеличение эмиграции совпадало с повышением цен на хлеб». *Майр*: Статистика и обществоведение. Т. II. СПБ. 1901. 486. «Наивысшего развития эмиграция из Ирландии достигла после сильного голода, в 1846 г.». *Филиппович:* Эмиграция; в сб. «Народонаселение и учение о народонаселении». М. 1897 г 241.

[2]) Влияние голода на рассеяние населения, а след., на прекращение ряда процессов взаимодействия, мы видим сейчас воочию. Пункты России, напр., Петроград, неблагоприятные в продовольственном отношении, пустеют; люди, подобно тараканам, лишенным пищи, из Питера уезжают. Множество коллективов прекращает существование. Общественная жизнь Петрограда замирает. Пункты же, благополучные, в смысле продовольствия, притягивают людей; (юг России, хлебные губернии, деревни по сравнению с городами) их население растет. Число процессов взаимодействия увеличивается. Появляется множество коллективных единств. В силу этого, весь темп общ. жизни в таких местах становится быстрым, живым, интенсивным.

У первобытных людей нередко стариков оставляют на произвол судьбы: племя уходит на новое место, старики покидаются на прежнем, т. е. связи последних с другими членами племени разрываются.

Тот же разрыв или общее ослабление взаимодействия эти факторы могут вызвать и постепенно: болезни, голод, половые излишества и половые антагонизмы, постепенно ослабляя организмы, делая их менее деятельными и активными, могут убить, „заглушить" самую потребность общения с себе подобными, сделать невозможными многие процессы взаимодействия и постепенно подорвать „базу" коллективных единств. В итоге, ряд процессов взаимодействия прекратится, ряд других будет вести жалкое существование, третьи—трансформируются и т. д. [1]).

Вообще говоря: *невозможность удовлетворения основных биологических потребностей* (*питания, размножения, самозащиты, движения и др.*) *в среде данных групп вызывает уход из них членов и распадение самих коллективов.*

III. Перейдем к факторам *психо-социальным.* Выступая в самой различной форме, они дают множество условий, вызывающих прекращение взаимодействия и коллективных единств. Распоряжение „власти", закрывающее неугодное ей общество или ассоциацию, приказ цензора, прикрывающего газету и прекращающего взаимодействие ее сотрудников и читателей, полиция, разгоняющая митинг или собрание, нашествие неприятеля, вызывающее распад ряда коллективных единств и бегство их членов в более безопасные территории, волнения народа, разрывающие ряд

---

[1]) Иллюстрацией сказанного может служить современное состояние России. Сколько процессов взаимодействия перестало существовать благодаря голоду. Сколько коллективных единств распалось. Аудитории высших школ пустуют. Большинство научных обществ бездействут. «До науки ли, когда жрать нечего!» такова стереотипная формула, объясняющая эти распады. Ряд супружеских, дружеских и семейных союзов разорваны: одни из их членов остались в Петрограде, другие разбрелись по России в поисках хлебных мест. Общее ослабление и истощение организмов сделало энергичных людей апатичными: нет в них больше того интереса к «высоким материям», который был в сытое время. Нет энергии для того, чтобы передвинуть себя в другой конец города.

Аналогичные же результаты дают холера, тиф, оспа и др. «вечные спутники» голода и полного расстройства общественного механизма. К тем же результатам голод ведет и иными механическими путями: время, которое раньше употреблялось для заседаний, творчества и т. д., теперь уходит на бесчисленные очереди, начиная с очереди за хлебом и кончая очередью на расстрел... Едва ли нужно иной более рельефной картины реального значения биологических факторов в рассматриваемом отношении.

ассоциаций, ссора и антагонизмы, вызванные разными поводами, отчуждающие многих близких, экономические и политические кризисы, [1]) служебные обязанности, заставляющие индивида уехать в далекие от близких места, „несчастная любовь“, побуждающая человека изолировать себя от адресата любви, чтобы забыть о нем, преступление, изолирующее преступника и механически путем заключения его в тюрьму, и морально—путем „разрыва“ с ним „честных“ людей, и множество других причин и условий социально-психического порядка могут вызвать и вызывают распад и исчезновение коллективных единств.

Вообще говоря, невозможность удовлетворения минимума социально-психических потребностей (интеллектуальной, чувственной и волевой деятельности) в данных условиях влечет за собой отрыв большей или меньшей части членов данного населения от ряда коллективов (их выход из групп, „разрыв“, удаление и т. д.), что в итоге ведет к распадению ряда коллективных единств. Здесь вполне применимы слова Садлера и Филипповича о причинах эмиграции. „Едва ли можно представить себе такую причину, которая, влияя на образ действий человека, не оказывала бы вместе с тем влияния на эмиграцию (распадение коллективов. П. С.) населения. Честолюбие, погоня за наживой, обманутые надежды, потеря доброго имени, жажда приключений, любовь к путешествиям, дурные страсти принимают участие в ряду причин эмиграции (след., и распадения реальных совокупностей. П. С.) на ряду с религиозным и политическим гнетом и затруднениями экономического характера. Все, что способствует разрыву связей с привычным существованием в кругу семьи и с местом, в котором человек родился, все это способствует эмиграции (и обратно: условия, способствующие эмиграции, способствуют и разрыву связей и распаду коллективов. П. С.). По мере того, как иностранные государства (или иначе, коллективы. П. С.) приобретают все более и более преимуществ, каковы, напр. лучшие полит. учреждения, обще-культурные успехи и т. д., увеличи-

---

[1]) Так, напр., экономический кризис 1873 г. в Соед. Штатах вызвал падение эммиграции с 459,803 в 1873 г. до 138,469 в 1878 г. То же понижение эммиграции наблюдалось и в 1894 г., вызванное кризисом 1893 г. С улучшением экономических условий увеличивалась и кривая эммиграции.

См. *Майо-Смит*. Op. cit. 342. Та же статистика эмиграции показывает, что экономические кризисы в стране обычно сопровождаются ростом эмиграции из нее. См. *Филиппович*: Op. cit. 242, 246—249.

вается притягательная сила новых стран (и групп) в глазах людей, связи которых с родиной (с группой, членом которой они были) порываются в силу каких бы то ни было причин“ [1]).

В одних случаях коллективы уничтожаются *по добровольному желанию* всех или части его членов. Таковы, напр. закрытие того или иного „общества“ по постановлению большинства членов последнего. Таков „развод“ супругов по одностороннему или обоюдному согласию, развод, влекущий прекращение семейного союза.

Таково добровольное разделение группы на части [2]).

В других случаях этот распад совершается *помимо или вопреки воле и желанию взаимодействующих индивидов*. Примеров этого типа бесконечно много. Закрытие „общества“ (научного, литературного, порнографического, домов терпимости и т. п.) органами власти — один пример такого типа... Закрытие газеты — другой. Полицейские, растаскивающие двух дерущихся и изолирующие их в участки, третьи лица, освобождающие жертву от насильника, разрыв супружеского союза по воле третьих лиц, нашествие неприятеля, прекращающее существование множества коллективов, социальные события, забрасывающие одних членов семьи в одни места (напр., в Сибирь), других — в другие (напр. в пределы Советской России) и т. д. — все это дальнейшие примеры длительного или временного разрыва связи взаимодействия, помимо и вопреки воле взаимодействующих единиц.

В сложной и пестрой обстановке сосуществования людей фактораами распада коллективных единств и прекращения взаимодействия могут быть самые разнородные явления.

В одних случаях таким фактором может быть *социально-психическое сходство индивидов*, вынуждающее их—по своей ли воле или воле третьих лиц, на короткое или длительное время — прекратить взаимодействие. Так, лица, одинаковые по своим политическим взглядам, часто разобщаются и изо-

---

[1]) *Филиппович*: Op. cit. 247.

[2]) Пример. «И был спор между пастухами скота Авраамова и пастухами скота Лотова. И сказал Авраам Лоту: Да не будет раздора между мной и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево... И отделились они друг от друга... И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую. Авраам стал жить на земле Ханаанской»... *Бытие*, гл. 13...

Такова же эмиграция квакеров из Англии в Америку, удаление плебеев на свящ. гору и т. д.

лируются друг от друга по воле власти. (Один ссылается в Нерчинск, другой—в Туркестан). Двое или бо̀льшее число мальчиков не по летам зрелых, волею родителей часто разобщаются, чтобы „помешать их взаимному растлевающему влиянию друг на друга". Члены одного религиозного братства или политической партии нередко добровольно изолируют себя друг от друга, отправляясь проповедывать евангелие Христа или евангелие Маркса в разобщенные друг от друга местности. Люди одной профессии, не находя соответственного приложения сил и труда в данном районе, принуждены бывают разбредаться по разным углам вселенной и прекратить взаимодействие друг с другом [1]). К тому же разрыву взаимодействия часто ведет и *социально-психическое несходство* в той или иной форме. „Что общего между поэтом, всецело преданным своей мечте, ученым, погруженным в свои изыскания, рабочим, проводящим жизнь в вытачивании булавки, земледельцем за сохой, купцом у конторки".

Часто их соединяет лишь взаимозависимость, вытекающая из разделения труда. Поэт нуждается в хлебе, который он покупает у купца, тот в свою очередь получает его от крестьянина; последнему нужна булавка, рабочему — книжка поэта. *Но как только*, в силу тех или иных причин, *взаимо-*

---

[1]) Как известно аналогичный факт был отмечен *Дарвином* в «Происхождении видов». Соперничество между двумя организмами тем сильнее, чем они сходнее. Имея те же потребности, преследуя те же цели, они повсюду оказываются соперниками. Результатом такого положения дел является или обострение борьбы между ними, либо разделение и эмиграция части из них в другие районы.

«Люди подвержены тому же закону, пишет *Дюркгейм*. В одном и том же городе различные профессии могут существовать, не будучи вынуждены вредить друг другу, т. к. они преследуют различные цели. Солдат ищет военной славы, священник—морального авторитета, госуд. человек—власти, промышленник — богатства, ученый — научной славы. Но чем более сближаются функции, тем более между ними точек соприкосновения, тем более они расположены к борьбе. Они не могут благоденствовать одни без ущерба для других. И принуждены тем сильнее конкурировать друг с другом, чем они более подобны».

Выходом отсюда является: или обострение борьбы, или разделение труда, или эмиграция и распадение группы сходных индивидов. *Дюркгейм*: Разделение общ. труда. 213 — 214.

Как общее правило это положение Дюркгейма неможет быть принято: вместо соперничества и обострения взаимной борьбы сходство профессии выливается теперь в профессион. союз, депрессирующий взаимную борьбу его членов и заменяющий ее взаимной помощью. Но в ряде случаев указанное обострение конкуренции или вынужденная эмиграция сходных по профессии индивидов несомненно имеет место.

зависимость исчезает — эти разнородные индивиды взаимно *отталкиваются* друг от друга и прекращают взаимодействие...

Аналогичное наблюдается и в других подобных случаях. Аристократ, любезно принимавший ростовщика в минуты нужды, выгоняет его вон, когда он не нуждается в деньгах последнего. „Барин“ охотно взаимодействует с „мужиком“, когда он зависит от него, и прекращает это взаимодействие, когда нет нужды в последнем.

Люди, „прикованные“ друг к другу взаимозависимостью или принуждением, исходящим от одной стороны или третьих лиц, отталкиваются друг от друга, как только взаимозависимость или связи принуждения исчезают. Примером массового распадения принудительных союзов, при отпадении физического или психического принуждения, служат *массовые разводы и разрывы супружеских связей*, имеющие место теперь, после декрета о свободе разводов. Газеты запестрели объявлениями о расторжении браков; соответствующие учреждения не успевают выносить надлежащих решений в виду громадного наплыва разводящихся...

Такими фактами полна совместная жизнь людей... Подобно тому, как социальное сходство и социальное различие индивидов может быть факторами распадения коллективного единства, *так и самые противоположные психические переживания при разных условиях могут привести к тому же результату.*

Обычно думают, что только антогонистические чувства — злобы, вражды, ненависти, отвращения — ведут к разрыву социальной связи. Чувства же благожелательные — любовь, симпатия, обожание, преклонение и т. п., — не могут вести к разрыву общения.

Мы видели выше ошибочность взгляда, что злостные чувства не могут притягивать людей друг к другу, мы видели, что такие факты бывают и весьма часто. Точно также, *не только злостные, но и благожелательные переживания могут вести к разрыву общения и распаду коллективного единства.*

В древности, многие христианские матери любили своих детей; но побуждаемые этой любовью, они „посвящали их Богу“, отдавали в монастырь и разлучались с ними временами навсегда. Лиза из „Дворянского гнезда“ несомненно любила героя этого романа; но во имя любви к нему она и „порвала с ним“, уйдя в монастырь и изолируя себя от него.

На днях мне пришлось наблюдать аналогичную историю: девушка, страдавшая истерией, опасаясь этого недостатка, во имя любви к жениху, сознательно порвала с ним. „Без-

успешно влюбленные“ часто бегут от того, в кого они влюблены, и т. о. сознательно изолируют себя от последних. Люди, искренно симпатизирующие другим, но страдающие теми или иными пороками, во имя пользы и интересов симпатизируемых, часто изолируют себя от последних, чтобы не оказать на них вредного влияния.

Все это, казалось бы, мелкие факты. Но не встречаются ли они на каждом шагу? И не из таких ли мелких фактов создается основная ткань социальных событий? Если бы поближе присматривались к таким „обыденным“, „мелким“ фактам, то, вероятно, не появилось бы многое множество социологических теорий, совершенно не соответствующих действительности.

Далее, *распад ряда коллективных единств может быть вызван уменьшением и атрофированием проводников общения людей друг с другом.* Стоит себе представить на один момент, что люди лишились бы вдруг речи, книг, телефонов, телеграфа, железных дорог, автомобилей и других средств общения.

Какая катастрофа разразилась бы в итоге такой потери! Мир взаимодействия людей, похожий при их наличности на могучий непрерывно бурлящий водопад, сразу превратился бы в жалкое, засохшее русло маленького ручья, в котором лишь местами остались бы затянутые плесенью лужицы воды.

Потеря речи равносильна была бы смерти сотен миллионов ежеминутно возникающих коллективных единств [1]). Исчезновение книг и письменности имело бы своим результатом тот же эффект. Впрочем, к чему такие гипотетические случаи. Всякий знает, что прекращение телефона или телеграфа на сутки „убивает“ тысячи общений, изолирует тысячи индивидов, приостанавливает функционирование сотен ассоциаций и обществ. Всякое, малейшее ухудшение в сфере символических проводников—самым чувствительным образом отражается на существовании и жизни процессов взаимодействия [2]).

Вот почему *все то, что способствует такому атрофированию символ. проводников (падение знания, деятельность* власти,

---

[1]) Частично, но не вполне, прав по этому *Majewski*, говоря: «la mort des langues est la mort des nations».

Не вполне потому, что оставались бы еще другие проводники.

Majewski: La théorie de l' homme et de la civilisation. 1911 г.

[2]) Хорошую иллюстрацию к сказанному опять-таки дает современное состояние России. Теперь каждый знает, что значит хорошее функциониро-

эконом. бедность, и т. д.), *все это вместе с тем служит и фактором разрушения коллективных единств.*

Символические проводники могут вести к тому же результату и иначе. Выше мы видели, что ряд символических проводников играют объединяющую роль тем, что, связывая с собой ряд лиц, они связывают их и друг с другом. *Когда гибнет или разрушается такой объединяющий символ-проводник (лицо, вещь, звук etc.), может распасться и коллектив индивидов, связанных друг с другом чрез посредство такого проводника-символа...* Смерть руководителя научного кружка часто распыляет его учеников, составлявших при нем коллективное единство. Гибель главы государства временами ведет к распадению государственного коллектива на части. Уничтожение религиозной реликвии, напр., мощей или „чудотворной иконы", перестает собирать в данное место толпу богомольцев и верующих. Исчезновение имущества „мертвой руки" прекращает существование коллектива лиц, взаимодействовавших друг с другом чрез его посредство.

Уничтожение кастовой или сословной, или ведомственной форменной одежды „убивает" множество взаимодействий, которые возникли бы при ее наличности. Удаление главы секты или течения — часто влечет распыление его последователей и поклонников. Гибель правительственного органа того или иного коллектива и невозможность его замены (напр., государств. власти) может повлечь за собой и распадение данного коллектива на части.

Останавливаюсь на этом в очерке факторов разрушения процессов взаимодействия и коллективных единств... Нет сомнения, что я указал только некоторые из них, далеко не исчерпав всех. Но исчерпать их и невозможно. Достаточно поэтому сказать, что такими факторами могут быть множество условий космического, биологического и социально-психического

вание железнодорожного движения, телеграфа, телефона, трамвая, книгоиздательского и газетного дела и т. д.

Мы возвращаемся к средним векам. Научные и др. общества фактически умерли. Аудитории лекций пустуют. Книг нет. Общение людей механически атрофируется. Сколько процессов взаимодействия не может реализоваться благодаря тому, что нельзя послать телеграмму, нельзя переслать письмо, нельзя поехать; сколько коллективных единств скончалось благодаря смерти трамвая; сколько книжных и газетных взаимодействий умерло благодаря тому, что нет бумаги, не на чем печатать, а если и есть на чем, то не дают печатать.

Короче—поток человеческого взаимодействия во всех формах высыхает в пределах России. Если прогресс высыхания будет длиться и дальше—одичание людей не будет неожиданностью.

порядка. Предыдущее едва ли позволяет сомневаться в плюрализме факторов, принимающих участие в прекращении процессов взаимодействия. Для большей наглядности я брал нарочно самые „обыденные и мелкие“ факты. Эти мелкие явления гораздо яснее выявили нам сложность сил и факторов распада коллективных единств, чем факты „громадные“, не поддающиеся анализу в силу своей громадности и сложности.

Если бы социологи и историки чаще приглядывались к окружающим их обыденным фактам, а „не парили в воздусях“ огромных агломератов, недоступных наблюдению, не поддающихся анализу и потому обрекающих социолога на чистое умозрение, — они не построили бы многих монистических теорий „падения Римской империи“, „вырождения и гибели нации“, распада государства и т. д. Не создали бы они в этом случае и „монистических“ теорий падения тотемического, родового общества, сословий и каст, территориальной общины и гильдии, церкви и крепостничества. *Как возникновение и сохранение, так и распадение коллективных единств представляли и представляют уравнение со многими, а не с одним неизвестным.*

Заключение.

На этом мы и кончим очерк теории факторов и вместе с тем 1-ый том „социальной аналитики“.

Предметом его было изучение строения простейшей и родовой модели социального явления. Таковым мы признали взаимодействие двух индивидов. Дав понятие взаимодействия, мы разложили его на составные элементы,—индивиды, акты и проводники,—и рассмотрели последние. Вслед за этим мы очертили основные формы взаимодействия. Все это с логической необходимостью привело нас к понятию взаимодействия, как коллективного единства. Рассмотрев в связи с этим вопрос о реальности этого единства, мы перешли к естественно вытекавшему отсюда вопросу: что же заставляет индивидов взаимодействовать друг с другом; какие условия их взаимно притягивают, „пригвождают“ друг к другу, и отрывают друг от друга.

Дав ответ на эти вопросы мы замкнули разорванный круг взаимодействия, получили понятие социальной группы и этим закончим изучение строения отдельных волн необъятного моря общественной жизни.

Теперь мы можем перейти ко второй стадии изучения строения социальных явлений: мы можем теперь изучать уже строение и состав не отдельных волн, а самого общественного моря, как совокупности этих волн. От взаимоотношений индивидов мы можем теперь перейти к изучению взаимоотношений социальных групп. Население, покрывающее обитаемые территории земли, будет этим морем. На какие слои и социальные группы оно распадается? Каковы общие принципы этого расслоения? Каковы виды и конкретные формы этого расслоения? Каковы in concreto важнейшие социальные группировки: элементарные, кумулятивные и др.? Каков с этой точки зрения „химический состав“ любого населения, как сложного социального аггрегата?

Каков состав множества соц. групп, выделяемых в общежитии: класса, национальности, касты и т. п.? Каковы,

основные виды сложных соц. аггрегатов (обществ) и как следует их систематизировать? Каково положение индивида в среде населения? Как совершаются в последнем перегруппировки и циркуляция индивидов от слоя к слою? Какие реакции соединения и разложения представляют изменения состава населения? и т. д. Наконец, каково взаимоотношение развиваемых здесь положений к другим социологическим теориям? Таковы вопросы, с которыми придется иметь дело во II т. „Соц. Аналитики". Данный том был лишь подготовкой к нему. Конкретное „распластание" населения на его естественные (а не мнимые) слои—такова основная задача „Аналитики сложных соц. аггрегатов". Начав изучение соц. явления с простого взаимодействия людей, мы логически пришли к этой задаче. Путь для ее решения расчищен. Остается приступить к ней. Попыткой распластания населения на его естественные слои и попыткой создания „социальной химии" и явится печатающийся II-й том „Аналитики", как продолжение данного тома.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

Гл. IV. Анализ элементов взаимодействия.

Гл. V. Классификация форм взаимодействия.

5316

Цена 150 руб.

Склад издания в магазинах Т-ва «КОЛОС».
Петроград. Литейный, 23. Москва. Б. Никитская, 22.

To Professor E. C. Hayes
with respect and gratitude
Author.

THE SYSTEM OF SOCIOLOGY

BY

PITIRIM SOROKIN.

Professor of Sociology in the University of Petrograd.

Vol. II.

SOCIAL ANALITICS.

PART II.

The structure of complex social aggregates.

PETROGRAD.
„KOLOS".
1920

ПИТИРИМ СОРОКИН.

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ.

Том II.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

ЧАСТЬ II.

Учение о строении сложных социальных аггрегатов.

ПЕТРОГРАД.
Издательское Т-во „КОЛОС“.
1920.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Преступление и кара, подвиг и награда. С пред. М. М. Ковалевского. СПБ. 1914 г. Ц. 2 р. 75 к. (распр.)

Система социологии. Т. I. П. 1920. Ц. 150 р.

Элементарный учебник общей теории права. Ярославль. 1920. Ц. 60 р.

Общедоступный учебник социологии. Ярославль. 1920.

2-я Государственная типография. Красная, 1.

Другу жене.

Предисловие.

Данный том „Системы социологии“, представляя самостоятельное целое, служит непосредственным продолжением 1-го тома „Системы“. Последний был посвящен анализу строения простейшего (родового) социального явления. Этот том имеет своим об'ектом анализ строения сложного социального аггрегата, каковым является население, как всего земного шара, так и отдельной населенной территории последнего. Там пришлось изучать междуиндивидуальные отношения; здесь исследуются отношения междугрупповые. Там я занимался „анатомией социальной клетки“, здесь—анатомией многоклеточного социального тела. Этим заданием продиктовано содержание II-го тома „Системы социологии“.

В первых главах очерчиваются общие основы социального расслоения населения на реальные коллективы, устанавливаются основные понятия и исходные принципы.

Следующие главы посвящены учению об элементарных группировках и характеристике важнейших из них.

Дальнейшие главы—учению о кумулятивных группах.

За ними идет учение о сложных социальных аггрегатах и их систематике.

Каждая последующая глава вытекает из предыдущей и логически связана с ней. Все вместе они составляют одно неразрывное целое, в котором одно звено нельзя раз'единить от остальных.

В дальнейшем я останавливаюсь на изучении отражения социальной группировки в психике и поведении индивида. Определив раньше группу в терминах индивидов, теперь последнего я определяю в терминах группы. Рядом с этим я затрогиваю ряд проблем, вытекающих из анализа строения населения. Вопросы, не связанные непосредственно с проблемой структурного анализа, как и в I томе, исключены из содержания II-го тома. Только в главе, трактующей явления социальных перегруппировок, затронуты вопросы социальной динамики, но и то лишь постольку, поскольку они

нужны для более отчетливого понимания структуры сложных социальных аггрегатов.

Заключительная глава „Социальной аналитики“ посвящена обзору и критике понятий социального явления. Она указывает пункты сходства и различия моей теории социального явления и его строения от соответственных теорий других социологов.

Таково содержание данного тома. Руководящие методологические начала, положенные в его основу, указаны были в предисловии к I тому. Как и там, я старался наблюдать явления, а не оценивать их, изучать факты, а не философствовать, иметь дело с явлениями „предметного“ характера—с поведением людей, а не с одними „психическими реальностями“.

В заключение одно замечание. Книга писалась и выходит в исключительную эпоху—в эпоху великих социальных перегруппировок и сдвигов.

Страсти накалены до максимума. Чувствительность людей доведена до высшего напряжения. При таких условиях безоценочные замечания и положения данного тома легко могут быть восприняты одними как похвала, другими как порицание. Одни найдут книгу слишком „правой“, другие—слишком „левой“. Во избежание таких кривотолков считаю необходимым указать, что такой подход к книге в корне неверен. Похвала или порицание, „подрывание“ или „укрепление“, не входили и не входят в задачи данной книги. Работая над ней, автор следовал одному основному императиву: *изучать сущее таким, каково оно есть, и говорить то, что ему кажется истинным, не считаясь с тем, понравится ли эта истина кому-нибудь или не понравится, будет ли она „истиной приятной“ или „неприятной“, „окрыляет ли она кого-нибудь или „подрезывает крылья“.*

Многие из истин подрезали крылья заветным идеалам самого автора. Если он имел силу расстаться с чудесными иллюзиями своего „святая святых“, так с чужими иллюзиями и подавно не станет кривить душой.

Этим я не хочу сказать, что взгляды, развитые здесь, имеют гарантию истинности (увы! humanum errare est и „Синяя Птица“ Истины достается немногим!). Но хочу сказать, что содержание книги продиктовано не мотивами подрывания чего-либо или политической полемики с кем-нибудь, а представляет безкорыстный поиск истины и изложение результатов этого поиска. Очень может быть, что многое, что я считаю истинным, пред судом более полного коллективного опыта окажется ложным. Может быть... и к этому должен быть готов всякий исследователь. Но это должно быть доказано опытом, наблюдением и др. методами исследования явлений и научной критики, а не... не „помава-

нием“ на „правизну“ или „левизну“, „благонадежность“ или „неблагонадежность“ автора.

В другой стране и в спокойное время эти строки были бы излишними.

В России же, где „неприспобляющаяся“ социология всегда оценивалась с точки зрения колебания основ существующего строя, а основными „научными“ аргументами были: тюрьма, ссылка и каторга,—в такой стране эти строки уместны и необходимы. Позволительно выразить весьма скромное пожелание, чтобы не существовавшая у нас свобода социологической мысли из „чаемого и ожидаемого“ превратилась, наконец, в реальный факт. Этого требуют интересы развития социологии вообще и русской социологии, в частности.

Своевременный выход дальнейших томов „Системы социологии“ будет зависеть не столько от автора, сколько от общих условий страны и состояния типографского дела в России.

Автор.

Петроград. 1920. Март.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

Часть II.

Глава I. Общие основы социальной группировки индивидов.

§ 1. Переход к аналитике сложных социальных аггрегатов и предварительное понятие последних.

В первом томе „Социальной аналитики“ был дан анализ структуры простейшего социального явления. Приняв за элементарную форму социального явления факт взаимодействия двух или большего числа индивидов, мы разложили его на элементы: рассмотрели основные свойства этих элементов-индивидов, их акты и проводники; очертили основные виды взаимодействий и в итоге—совершенно последовательно—пришли к выводу, что всякая совокупность взаимодействующих индивидов представляет коллективное единство или реальную совокупность. Этим выводом мы замкнули разорванный в начале анализа круг явлений взаимодействия и получили возможность перейти ко второй стадии анализа структуры социальных явлений: к изучению взаимоотношений уже не индивидов, а коллективных единств. Иными словами, мы получили возможность перейти к аналитике сложных социальных образований. Получив этот вывод, мы рассмотрели условия, вызывающие скопление индивидов в одном месте, их сосуществование рядом друг с другом и их новую изоляцию, т.-е. условия возникновения, существования и распадения коллективных единств. Глава, посвященная этому вопросу, показала те „нити“, которые сводят, прикрепляют индивидов друг к другу, и условия, разрывающие эти нити. Таким образом, мы получили понятие коллективных единств, с одной стороны, и понятие населения, с другой.

Теперь мы можем броситься в пестрое, шумное и необ'ятное море человеческого населения, живущего на земле, и можем попытаться „распластать“ его строение, разложить это сложное тело на ткани и рассмотреть, как эти ткани складываются, как из волн получается море, иначе, на какие цепи и хороводы коллективов разлагается как все человечество, так и любое население какой-либо территории. Начав с простейшего факта и проанализировав его элементы, мы шаг за шагом шли к более сложным образованиям. Подобно биологу, начинающему анатомию организмов с клетки и ее элементов, переходящему затем к анатомии тканей и органов, как определенного сочетания клеток, мы, закончив анализ простейшего социального явления, теперь переходим к анализу сложных социальных тел—населения; говоря образно—к

анализу социальных тканей, органов и многоклеточных организмов. Легко понять отсюда, насколько ошибочны и однобоки те социологи, которые подобно Гумпловичу, видят об'ект социологии в изучении взаимоотношения *групп, а не индивидов*, и изучение взаимоотношений последних исключают из области социологии. „Мы считаем, говорит Гумплович, отдельными реальными элементами в социальном процессе природы не отдельных лиц, а социальные группы; в истории мы будем исследовать, таким образом, не закономерное поведение индивидов, отдельных лицъ, но если так можно выразиться, закономерное движение групп“ [1]).

Такое заявление равносильно заявлению биолога, который стал бы утверждать, что биологу для познания строения и функций сложного организма необходимо считать элементами последнего ткани, а не клетки, что изучение последних должно быть исключено из области биологии.

Такая попытка отбросила бы биологию назад, в до Шванновский период, и, конечно, в итоге не дала бы никаких научных результатов: без изучения клетки и ее свойств нельзя понять строения и жизни сложного организма. То же и в социологии. Не изучив элементов явления взаимодействия—индивидов, акты и проводники,—мы не можем понять не только социальные явления, но не в состоянии понять даже природу любой социальной группы [2]). Тем менее мы можем понять взаимоотношения групп.

В противоположную ошибку впадают те, кто вне индивидов не хочет знать и видеть ничего, те, кто „из-за деревьев не видит леса“, как коллективного единства взаимодействующих деревьев, отличного от простой совокупности последних. Их ошибка заключается в том, что они путают „сумму“ индивидов с коллективным единством взаимодействующих индивидов, резко отличным от простой их совокупности [3]). Они подобны биологу, который изучение организмов ограничил бы изучением одной клетки и отказался бы от изучения многоклеточных организмов. Правильный путь заключается в пути, которым мы шли: начав с простейших элементов явления взаимодействия, мы последовательно пришли к понятию коллективного целого (реальной группы) и теперь можем перейти к анализу взаимоотношения реальных коллективов, из совокупности которых составляются сложные социальные тела.

Сложный социальный агрегат, как комплекс простых коллективных единств.

Всякое население, состоящее из множества сосуществующих индивидов, распадается, как увидим ниже, на ряд коллективных единств, то об'емлемых одни другими, то существующих рядом (рядоположных), то пересекающихся друг с другом. Иными словами, всякое сложное общественное соединение (население) распадается на ряд коллективных единств или групп, каждая из ко-

[1]) *L. Gumplowicz:* Der Rassenkampf. Insbruck. 1883. 39—40.

[2]) См. критику теории Гумпловича у *Ross*'a, Foundations. 4. См. ниже, главу, посвященную обзору и критике социолог. теорий.

[3]) См. *Сорокин:* Система социологии. Т. I. § о социологическом реализме и номинализме.

торых разлагается на очерченные выше элементы любого коллективного единства: индивиды, акты и проводники.

Как правильно говорит Майр, „массы людей, а вместе с ними массы единичных действий и длящихся результатов этих действий, фактически существуют друг подле друга не как отдельные, лишенные взаимной связи, атомы. *Внешняя* группировка их дается уже общностью времени и пространства. Но кроме того элементы этих коллективностей вступают в разнообразные, внутренние отношения друг к другу, всё усложняющиеся, по мере роста культуры, но замечаемые, хотя и в минимальном об'еме, даже на самых первобытных ступенях человеческого существования. В разных видах и степенях... встречаются такие соединения человеческих масс, стоящие над отдельными индивидами и включающие их в себя в многообразных сочетаниях“ [1]).

Это значит, что всякое население, даже первобытных времен, не представляет образования, прямо распадающегося на индивидов, что члены его не все с одинаковой силой притягиваются друг к другу или одинаково прочно связаны друг с другом; значит, что всякое население распадается на ряд коллективов, члены которых более тесно связаны между собой, чем со всеми другими единицами населения. Оно подобно куску слюды, легко расслаивающемуся по отдельным слоям. Частицы слюды не одинаково прочно связаны друг с другом: по линии расслоения они легко расслаиваются, в пределах каждого слоя — они крепче сцеплены взаимно. *Всякое население представляет сложный социальный аггрегат, состоящий из совокупности взаимодействующих лиц, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число коллективных единств (слоев), которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов.* Коллективные единства в таких сложных социальных аггрегатах занимают как бы промежуточное положение между индивидом и всем сложным аггрегатом или совокупностью изучаемого населения („целым обществом“). Ниже мы увидим, что совместно живущие индивиды, составляющие население любой территории и любой эпохи, всегда представляют сложный соц. аггрегат, т.-е. соединение, распадающееся на ряд элементарных и кумулятивных групп. Ограничимся пока этим определением сложного соц. аггрегата.

Строение населения в разные исторические эпохи различно по степени сложности, как различны по степени сложности многоклеточные организмы. Одни из последних состоят из небольшого числа клеток, сгруппированных в небольшое число тканей и органов. Другие организмы, наоборот, очень сложны: число клеток, из которых они составлены, велико; соединения их в ткани и тканей в органы—многочисленны и разнородны. То же можно сказать и о населении. Население, составляющее первобытную тотемическую или родовую группу, образно говоря, похоже на сравнительно несложный многоклеточный организм: оно распадается на сравнительно небольшое число коллективных единств; иными словами, индивиды, составляющие

---

[1]) *Майр*: Статистика и обществоведение. СПБ. 1899. Т. I. 6—7.

это население („это общество"), группируются в небольшое число простых или элементарных групп, из сочетания и кумуляции которых и составляется вся сложная группа („тотемическое общество"). Иную картину дает, напр., население большого города нашего времени. Население Парижа или Лондона, Петрограда или Москвы, образует сложнейший социальный аггрегат, составленный из множества причудливо и сложно переплетающихся друг с другом элементарных коллективных единств. Индивиды, составляющие это население, распадаются на множество элементарных группировок или коллективов, последние то заключены одни в других, то живут рядом, то пересекаются, то кумулируются и комбинируются самым различным образом, и в итоге, в своей совокупности, дают сложнейший по своему строению социальный аггрегат, составляющий население этих городов. Для того, чтобы распутать сложный клубок переплетений и сплетений коллективных единств друг с другом, для того, чтобы удачно „распластать" сложный социальный аггрегат на составные ткани—коллективные единства, составляющие последний,—чтобы понять его строение, необходимо подробнее остановиться на тех условиях, которые лежат в основе бытия коллективных единств в среде других коллективов. Только поняв эти основы мы получим возможность успешного разрешения только что указанных проблем.

§ 2. Реальные и мнимые коллективные единства (группировки). Функционально-причинные взаимоотношения (взаимодействие). как основа соц. группировок или соц. расслоения.

Итак, всякий сложный социальный аггрегат, всякое население, представляет из себя соединение ряда простых коллективных единств, составленных из взаимодействия двух или большого числа индивидов. Отсюда сам собой следует вопрос: *каковы же те условия, которые дают возможность в одном и том же населении* („обществе") *существовать и сосуществовать ряду коллективных единств? Почему эти последние не сливаются в одно коллективное единство? Если они не сливаются, то на основе чего в этом населении мы можем выделять различные коллективные единства или элементарные группировки индивидов?* Эти вопросы приходится ставить потому, что, выражаясь шаблонным языком, одно и то же „общество" или, точнее, одно и то же население, занимающее определенную территорию, не представляет совокупности лиц, одинаково связанных друг с другом и одинаково обусловливающих взаимное поведение. Даже из обыденного опыта мы знаем, что оно распадается на ряд групп и коллективов (напр., семья, класс, секта, партия, профессиональный союз и т. п.), члены которых более тесно связаны друг с другом, чем с остальными людьми, составляющими данное население. Больше того, ниже мы увидим, что одни и те же индивиды сплошь и рядом образуют не одно, а несколько отличных друг от друга коллективных единств. Такое более тесное тяготение одних индивидов к другим из среды данного населения будем называть *социальной группировкой индивидов.*

При таких условиях естественно встает вопрос: *как это возможно*, как в одном и том же населении может сосуществовать ряд коллективных единств или более тесных группировок индивидов.

Ставя эти вопросы я разумею *реальные, а не мнимые коллективные единства*. Под мнимыми реальными совокупностями или мнимыми коллективами я разумею такие совокупности, которые искусственно создаются нами, где об'единяются в одну категорию люди, de facto не связанные друг с другом; напр., в каждом населении можно выделить группу лиц с прямыми носами, группу—с вздернутыми носами, и группу—с горбатыми носами. Выделив их можно произвести статистический учет числа членов каждой группы, их процентное отношение ко всему населению и т. д. В итоге мы получаем три *мнимых группы*: а) группу прямоносых, в) группу вздернутоносых и с) группу горбатоносых. Каждая из этих групп будет мнимой, ибо обладание одинаковой формой носа ничуть не влечет за собой большую обусловленность и большую связанность таких лиц друг с другом. Они об'единены нами искусственно, по чисто внешнему признаку, не влекущему за собой никаких реальных взаимодействий лиц с одинаковыми носами. Короче—такая группа лиц не составляет подлинного коллективного единства или реальной совокупности.

Совершенно отличны от них реальные коллективные единства, образованные из двух или большего числа взаимодействующих лиц. Мы видим что они являются действительным единством, отличным от простой суммы лиц. Только такие реальные коллективные единства интересуют социолога. *Б. А. Кистяковский* и *А. А. Чупров* совершенно правильно подчеркивают эту разницу между Kollektivbegriff и Kollektivding (Кистяковский), между мнимой и реальной совокупностью (Чупров). „Между единичными явлениями, об'единяемыми в статистическую совокупность, пишет Чупров, может не быть фактического взаимодействия: они об'единяются нами по произвольным критериям ради целей исследования, а не стоят друг с другом в реальной связи. Когда всеобщая перепись населения 27 янв. 1897 г. сообщает нам, что в Европ. России насчитывается 168,682 мальчика в возрасте от 2 до 3 месяцев, то в одну группу об'единяются младенцы, в действительной жизни ничем друг с другом не связанные. В основу образования группового понятия полагается при этом не наличность каких бы то ни было реальных отношений между об'единенными единицами, а обладание известным (общим) признаком . . . . Таким совокупностям, создаваемым нами и не существующим вне нашего сознания, могут быть противопоставлены совокупности реальные, созидаемые жизнию. Между грудными младенцами Европ. России нет иной связи, кроме той, которая порождается нашими статистическими таблицами; деревья в лесу стоят в прочных взаимоотношениях друг к другу и образуют нечто единое, независимо от того, подвергаются они об'единению в групповое понятие или нет. Разница между этими двумя типами совокупностей бросается в глаза“. [1]).

[1]) *Чупров*: Очерки по теории статистики. 75—76. *Kistiákowski*: Gesellschaft und Einzelwesen. 130 и сл. 1899

Мнимые коллективные единства для нас не интересны и бесплодны [1]). Если основой или признаком их выделения может служить любой признак, начиная от формы носа и цвета глаз и кончая фасоном каблуков и брюк, то для анализа структуры социальных агрегатов такие признаки не дают ничего: не все, носящие одинаковые брюки, взаимодействуют друг с другом, обусловливают взаимное поведение, не все связаны друг с другом и образуют реальное коллективное единство.

Раз мнимые коллективы отпадают, то спрашивается: каков же тот признак, который позволяет нам сказать: вот эта группа лиц из данной совокупности населения составляет коллективное единство, а эта группа сосуществующих индивидов такого единства не составляет? Если в одном и том же населении даны многие коллективные единства, то как и почему это возможно?

Ответ на эти вопросы предрешен всем предыдущим. В основе самого понятия взаимодействия и коллективного единства лежит *принцип функциональной или причинной связи взаимодействующих индивидов*. Только он дает основание для бытия коллективных единств, только он составляет конститутивный признак последних. С точки зрения этого принципа рассматривали мы явления возникновения, существования и исчезновения коллективных единств. Они возникают с появлением функциональной связи переживаний и поведения (с появлением взаимодействия) индивидов; существуют—пока эта связь длится, и распадаются,—когда эта связь разрывается, т. е. когда взаимодействие исчезает.

Легко понять, что *этот же принцип функциональной связи дает возможность существования ряду коллективных единств в одном и том же населении*. Различная степень его интенсивности об'ясняет нам возможность концентрического сосуществования ряда коллективов в одном и том же скоплении людей Его характер об'ясняет нам рядоположное и пересекающееся сосуществование реальных групп в одной и той же среде. *Степень интенсивности функциональной связи и ее характер,—такова основа возможности сосуществования* ряда коллективных единств в одном и том же населении. Иными словами, проблема социальной группировки индивидов в ряд коллективных единств может и должна быть разрешаема на почве того же *функционального обусловливания одними индивидами поведения и переживаний других индивидов*. Только этот принцип каузальной связи, а не нормативно-телеологические принципы или чисто внешние, случайно взятые статистические признаки, могут служить базой для понимания социальной группировки людей и для анализа сложных социальных соединений. Первый дает критерий для выделения реальных коллективов,

---

[1]) Вот почему, как увидим ниже, весьма многие классификации социальных групп придется признать ошибочными, ибо они имеют дело с мнимыми, а не с реальными коллективными единствами. Выделение таких мнимых коллективов дает весьма мало для познания взаимоотношений коллективов, структуры сложных социальных агрегатов и причинного понимания социальных процессов. См. ниже §: классификация социальных группировок. В других отношениях такой статист. учет. очень ценен, но для нашей цели он мало продуктивен.

вторые обычно ведут к выделению коллективов мнимых. Первый заставляет изучать причинные социальные процессы, вторые, особенно нормативно-телеологические принципы,—суб'ективные продукты собственной фантазии. Они часто заставляют допускать причинную связь там, где ее нет, и отрицать ее там, где она дана.

Ограничимся этими замечаниями и перейдем к более детальному рассмотрению намеченных вопросов.

§ 3. Интенсивность взаимодействия и градация коллективных единств.

На земном шаре живет множество людей. Но не все люди находятся между собой в одинаково интенсивном взаимодействии, т. е. не каждый из людей в одинаковой степени обусловливает поведение всех остальных и не в одинаковой степени обусловливается всеми в своем поведении и переживаниях. Поведение какого-либо китайца или негритоса совершенно не влияет на мое поведение, как и мое поведение совершенно не обусловливает их поступков. Степень интенсивности взаимодействия между нами равна нулю. Взаимодействия нет или оно столь ничтожно, что может быть приравнено к нулю. Рядом с такими индивидами существуют индивиды, поведение которых не остается для меня безразличным, как и мое поведение не вполне безразлично для них. Между моим поведением и поведением таких индивидов существует функциональная связь. Мы друг друга обусловливаем в своем поведении и переживаниях. Так, болезнь моего друга заставила меня бросить работу и заняться устройством его дел, ссора с г. X „выбила меня из колеи“, постановление моих коллег побудило меня идти на заседание, приказ комиссара принудил меня явиться на учет, „национализация“ издательства—расстроила мои планы, неожиданные изменения в судьбе близких мне лиц повлекли за собой неожиданное изменение моего поведения и т. д... Словом, между моим поведением и поведением таких лиц есть функциональная связь: их поступки влияют на мои, мои акты влияют на их поведение.

Эта функциональная связь может иметь различные степени интенсивности. В одних случаях эта интенсивность будет ничтожной или весьма незначительной. Поведение многих индивидов обусловливает наше поведение, но обусловливает весьма слабо и редко. В других случаях, поведение некоторых лиц весьма резко отражается на нашем поведении, и обратно, их поведение очень сильно обусловливается нашими поступками. Если в первом случае только некоторые из актов этих людей „задевают“ нас, и „задевают“ редко, то во втором случае большинство актов таких индивидов может отражаться на нашем поведении, и обратно—большинство наших поступков не проходит бесследно для них. Примером такой тесной функциональной связи может служить связь поведения членов единой семьи. Поведение (и переживания) детей

обычно весьма сильно влияют на поведение (и переживания) родителей, и обратно; поведение (и переживания) одного супруга весьма резко обусловливают поведение (и переживания) другого.. Каждый поступок члена семьи (болезнь, ушиб, плач, провал на экзамене, потеря места, тот или иной успех в жизни и т. д.) обычно отражается на поведении (и переживаниях) остальных сочленов; судьба каждого из них отражается на судьбе остальных, словом—взаимообусловленность их поведений бывает обычно весьма тесной и постоянной.

Отсюда видно, что интенсивность функциональной связи между поведениями индивидов, иными словами—интенсивность взаимодействия, может иметь самые различные степени, начиная с слабой, случайной и редкой, и кончая связью весьма тесной, действующей постоянно и длительно. Эту связь можно сравнить с веревкой, связывающей взаимодействующих индивидов. В одних случаях эта веревка столь длинна и связанные ею индивиды столь независимы друг от друга, что только некоторые из их поступков натягивают веревку и „дергают“ остальных связанных с ними людей: в других случаях—в случаях более тесного взаимодействия—веревка очень коротка: каждый шагъ, каждый поступок одного индивида „задевает“, „дергает“ и обусловливает поступки остальных; все они оказываются весьма тесно взаимосвязанными... В третьих—никакой веревки между индивидами (напр., мной и жителем Таити) нет.

Идеально тесной функциональной связью было бы такое взаимоотношение поведения взаимодействующих людей, где малейшее движение и переживание одного из них отражалось бы на поведении и переживании других. Такое коллективное единство было бы тождественно высоко-развитому организму, где изменения, испытываемые одной частью организма, отражаются на всем последнем, и обратно.

Выше было указано, что взаимодействующие индивиды составляют коллективное единство; они выделяются из среды других, сосуществующих индивидов, не находящихся с ними во взаимодействии, как особое коллективное целое. Указанная сейчас различная степень взаимодействия дает основание для градации коллективных единств. Подобно тому, как наличность взаимодействия выделяет взаимодействующих людей из среды остальных, так *различная интенсивность взаимодействия служит об'ективной почвой для появления и существования многих коллективных единств среди одного и того же населения*. Предположим, что перед нами 100 взаимодействующих друг с другом индивидов. Наличность взаимодействия между ними выделяет их из среды остальных людей, как особое коллективное единство. Теперь предположим, что из этих 100 индивидов 25 человек находятся между собой в более тесном взаимодействии, чем с остальными. Этот факт влечет за собой выделение их из среды остальных 100 человек в качестве нового коллективного единства, так сказать, коллективного единства в квадрате. Основание для такого выделения тоже, которое заставляет совокупность клеток нашего тела счи-

гать единым, целостным организмом или из коллективного единства солнечной системы выделять в качестве „коллектива в квадрате“ землю с ее спутником луной, т. е. более тесная степень взаимодействия. На том же основании из этих 25 индивидов можно выделить новое коллективное единство— единство в кубе,—если между поведением некоторых членов из этих 25 человек существует более тесная функциональная связь, чем между поведением их и поведением остальных.

Таким образом различная степень взаимообусловленности поведения (и переживаний) сосуществующих индивидов влечет за собой появление и существование целой пирамиды коллективных

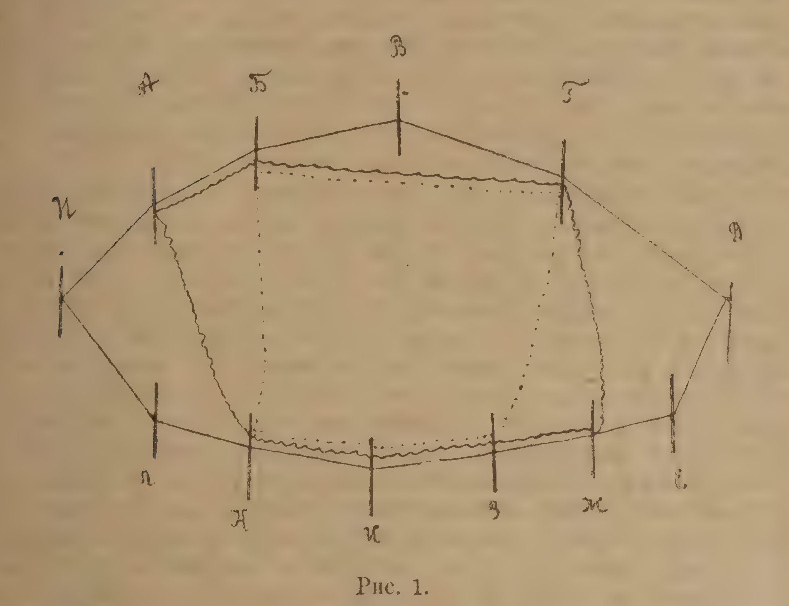

Рис. 1.

единств в пределах одного и того же количества индивидов (населения).

В силу каких причин возникает эта большая степень взаимообусловленности поведения — сейчас для нас не важно. А важно одно, что степень этой взаимообусловленности является достаточным основанием для появления и существования целой лестницы коллективных единств: важно то, что одни и те же индивиды, в силу различной интенсивности взаимодействия между ними, могут образовать не одно, а ряд коллективных единств, заключенных одно в пределах другого.

Схематически это можно изобразить так (см. рис. № 1). Пусть А. Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, представляют индивидов, взаимодействующих друг с другом и составляющих коллективное единство. В пределах его индивиды А, Б, Г, Ж, З, И, К, об‘единенные добавочными связями, составляют новое коллективное единство (показанное волнистой линией). В пределах последнего индивиды Б, Г, З, И, К, еще интенсивнее обусловливающие взаимное

поведение, составляют новое коллективное единство, единство в 3-й степени (показанное линией, состоящей из точек).

Эта схема упрощена. Действительность в этом отношении сложнее, но суть дела она передает правильно.

Всматриваясь в окружающие нас явления, мы видим, что такая градация коллективных единств действительно существует. Так, общее собрание какого либо общества (напр., с'езд советов) выделяется из среды остальных людей, как особое коллективное единство. Из среды этого коллективного единства (напр., совета депутатов) выделяется коллективное единство в квадрате—исполнительный комитет. Между членами последнего степень взаимообусловленности поведения (и переживаний) более тесная, постоянная и длительная, чем между ними и остальными членами с'езда советов. Из среды исполнительного комитета, в свою очередь, выделяется новое коллективное единство (в кубе), президиум, поведение членов которого еще теснее взаимообусловлено, чем поведение их и остальных членов исполнительного комитета.

В тысяче различных форм то же явление мы встречаем всюду. Так, члены одного государства выделяются нами в качестве коллективного единства, из среды других индивидов земного шара. Основанием для этого служит то, что поведение их всех в той или иной степени взаимно обусловлено. Они связаны общей нитью отношений, указанных в законах данного государства. Но степень взаимозависимости их далеко не одинакова. В общем и целом, напр., жители одного города или члены одной профессии находятся между собой в более тесной взаимозависимости, чем с остальными индивидами, живущими в данном государстве. Они об'единены не только связями принадлежности к государству, но и связями территориального или профессионального единства. Это дает основание для выделения их в особое единство. Вот почему мы рассматриваем таких индивидов в качестве реальной совокупности, образующей „государство в государстве" или более тесное коллективное единство профессии, жителей города в пределах более обширной реальной совокупности—государства. На этом градация не останавливается. Рабочие одной фабрики сильнее обусловливают взаимное поведение и переживания друг друга, чем остальные члены рабочего класса, не работающие на данной фабрике. Они об'единены, помимо связей госудаства и класса, еще связями, вытекающими из принадлежности к одной фабрике. Отсюда следует, что они могут образовать новую реальную совокупность уже в пределах одного рабочего класса. Далее рабочие данной фабрики, члены одной семьи, об'единены еще теснее, чем они и остальные рабочие. Значит, они образуют новое коллективное единство, еще более тесное, чем единство рабочих фабрики Морозова и К°, чем единство рабочего класса, чем единство членов государства.

Разобранная градация, конечно, только примерная. В действительности, в современных условиях она более сложна и многочисленна. Но важно было указать общий принцип и основание выделения таких коллективных единств. Из сказанного мы видим, что в основе их лежит степень *функциональной или причиной взаимо-*

зависимости между членами данного коллективного единства. Это условие служит основанием *градации ряда коллективных единств в пределах одной общей реальной совокупности взаимодействующих индивидов.*

Таково первое основание группировки сосуществующих индивидов в ряд коллективных единств. Оно указывает об'ективную почву, вызывающую реально существующие об'единения индивидов то в более, то в менее тесные группы и коллективы.

Оно же дает нам об'ективный критерий для проверки действительности существования любого выделяемого публикой коллективного единства. Дело в том, что в общежитии часто выделяются в качестве реальных мнимые коллективные единства, которые реально не существуют или существуют не в той форме и об'еме, в каком отмечается этот факт обычным мнением (см. выше § 2) Вот и встает вопрос: существует ли de facto отмечаемое обычным мнением коллективное единство? Не является ли оно мнимым, существующим лишь на словах или на бумаге? Если между членами такого единства действительно дана тесная взаимообусловленность поведения, то реально такое единство существует, хотя бы оно и не отмечалось никем. И обратно, если этой тесной взаимозависимости между поведением членов выделяемой группы нет, нет в действительности и соответственного коллективного единства, хотя бы о нем трубили на всех улицах и перекрестках. Таков ответ, получаемый на основании указанного критерия. С этой точки зрения коллективное единство русского государства фактически об'нимает далеко не всех индивидов, живущих на его территории. Связь ряда групп, напр., чукчей, олюторов, части тунгусов, формально считаемых подданными России, с остальными членами последней столь слаба, взаимная обусловленность поведения их столь ничтожна, что такие группы не являются абонентами коллективной системы взаимодействия называемой „Россией". Судьбы последней мало отражаются на них, и обратно—их судьбы не влияют на поведение и переживания остальных членов „России".

Призрачным и мнимым с этой точки зрения должны мы признать напр., и существование 1-го Интернационала, как коллективного единства, обнимавшего пролетариев всех стран. Такое единство существовало лишь в весьма ограниченном об'еме, обнимая небольшую группу лиц; оно было штабом без армии; в качестве единства рабочих всех стран оно существовало лишь на бумаге, ибо функциональная взаимозависимость поведения рабочих всех стран от директив комитета 1-го Интернационала тогда de facto не существовала: большинство пролетариев не ведало об самом существовании „интернационала", директивы, шедшие из центра последнего, или не доходили до пролетариев, или не вызывали никакого эффекта в поведении большинства рабочих, короче—интенсивного взаимодействия между пролетариями всех стран не было.

Иным рисуется положение дела теперь. Рабочие ряда стран начинают выступать, как коллективное целое. Поведение рабочих одной страны обусловливается поведением пролетариев других стран. Лозунги, идущие из центров рабочих организаций, подобно

электрическому току, приводят их к согласованной координации поведения. Эти факты служат бесспорным показателем образования нового коллективного единства, составляемого пролетариями многих стран.

Точно также в настоящее время можно говорить и о *всем человечестве*, как коллективном единстве. Можно говорить потому, что в общем и целом, в данное время взаимообусловленность поведения народов, живущих на различных материках земли, в той или иной степени существует. События, происходящие в Австралии, отражаются на других материках земли; судьба одного народа определенно влияет на судьбы других народов. Война 1914—18 г. г. не прошла бесследно ни для одного народа; она задела все человечество и отдельные группы. Словом сейчас „контакт" и взаимодействие всего человечества (хотя и в разной степени) — факт. Земля, опутанная телеграфом, радио, телефоном, железными дорогами, в атмосфере которой реют аэропланы, по водам которой плавают большие и малые суда, эта земля стала территорией единого реального коллективного единства—человечества. Последнее из мнимого, несуществовашего коллективного существа становится единой реальной совокупностью, подобием Контовского „Великого Существа" или Паскалевским „единым человеком".

Не то было в прошлом. Тогда „человечество", как единый коллектив, не существовало. До открытия Америки Колумбом европейцы и туземцы Америки были жителями разных планет, не только не обусловливавших взаимные судьбы, но даже не ведавших о взаимном существовании. Весьма слабой, близкой к нулю была связь и между обитателями других материков. Тогда „человечество" было мнимым коллективом.

Теперь—положение изменилось. Конечно, современная связь всего человечества еще очень слаба, она еще очень далека от Контовского идеала или „великого организма". Но все же начала этой взаимосвязанности даны и нет сомнения, что с ходом истории интеграция человечества будет прогрессировать...

То же самое можно применить и ко всякой коллективности. Если между поведением ее членов дана та или иная степень взаимообусловленности, такая коллективность de facto существует. Если последней нет—нет и коллективного единства. Чем теснее взаимодействие, тем—ceteris paribus—сплоченннее будет группа, и обратно.

Таково первое основание бытия коллективных единств и соц. группировки индивидов.

§ 4. Социальная разнородность процессов взаимодействия и социальное многообразие коллективных единств. Сложность социальной группировки. Принадлежность каждого индивида к ряду коллективных единств.

В предыдущем было указано одно из условий, лежащих в основании градации коллективных единств или группировки индивидов в ряд коллективов. Оно делает для нас понятным существование ряда „концентрических" реальных совокупностей в пределах

одной и той же группы индивидов. Оно об'ясняет нам, почему в пределах коллективного государственного единства могут существовать более тесные коллективные единства жителей определенного района. (напр. губернии), в пределах этого единства — реальные совокупности еще более узкого об'ема (напр., уезда, волости, деревни, конца деревни, дома, семьи) и т. д.

Теперь подойдем к этому вопросу с иной точки зрения. В предыдущем мы обращали внимание только на одну сторону дела: *на степень интенсивности взаимодействия*. Мы сознательно игнорировали характер и содержание последнего. Мы брали его „бесцветным“. Мы учитывали лишь степень функциональной взаимообусловленности поведения взаимодействовавших единиц.

Если бы социальная группировка сводилась только к этой интенсивности — картина социального расслоения населения была бы относительно проста.

Из массы людей выделялись бы в качестве особых коллективных единств только те группы, члены которых были бы связаны различными по интенсивности связями. Все индивиды, связанные одинаковой по интенсивности связью взаимодействия, в этом случае образовали бы одно коллективное единство.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Наблюдение показывает, что *индивиды, одинаково интенсивно обусловливающие взаимное поведение, могут образовать не одно, а несколько отдельных коллективных единств*. Одинаково интенсивно могут обусловливать свое поведение и члены политической партии, и члены единой религиозной секты, и члены полного товарищества на вере, связанные круговой ответственностью. Степень интенсивности взаимодействия во всех трех случаях может быть одинаковой; но из этого не следует, что все эти три коллектива будут тождественными или что все они составят одно коллективное единство. Поводы, условия, содержание и характер каждой из этих групп — разные, друг с другом не совпадающие. Этот пример показывает, что принцип интенсивности взаимодействия недостаточен для об'яснения сложной картины группировки индивидов в те или иные единства. Он лежит в основе всех группировок; он составляет необходимую предпосылку бытия всякого коллективного единства; но он недостаточен для об'яснения всей сложности соответственных явлений. Для того, чтобы понять последнее, необходимо обратить внимание не только на степень интенсивности взаимодействия, но и на содержание или социально-психическую природу последнего. *Одинаковая интенсивность взаимодействия может быть вызвана самыми различными условиями и может вытекать из различных поводов: религиозных, экономических, семейных, научных и т. д.* Нитями, скрепляющими индивидов друг с другом, могут быть нити самой различной природы: единство верований, сходство политических воззрений, подчиненность одним законам и органам власти, принадлежность к одной семье и т. д. Поведение индивида может быть обусловлено его начальством,—с одной стороны, членами его семьи — с другой, ближайшими друзьями — с третьей и т. д. Мы можем гипотетически допустить, что и начальство, и семья, и друзья

одинаково обусловливают его поведение, но было бы большой ошибкой, если бы отсюда мы сделали вывод о равнозначности всех этих взаимодействий. Одна и та же степень интенсивности взаимодействия может существовать и между членами религиозной группы, и в акционерной компании, и в касте привилегированных, и в других, разнородных по своей природе коллективах. Если игнорировать эти условия, характеризующие социально—психическую физиономию коллективного единства, если ограничиваться только степенью взаимообусловленности поведения индивидов, тогда картина социальной группировки была бы проста. Все ассоциации людей с одинаковой степенью взаимодействия (в данном примере религиозная община, акционерная компания, каста и семья) тогда составили бы одну группу.

Легко понять, что такая картина давала бы слишком упрощенную географическую карту социального поля. Она была бы похожа на географическую карту земной поверхности, дающую представление только о высоте места над морем. Мы знаем, что не все места, находящиеся на высоте 1000 футов над уровнем моря, сходны по своему геологическому строению и природе флоры и фауны. Чтобы иметь более точное представление о земной поверхности—одной карты рельефа мало.

То же применимо и здесь. Если интенсивность взаимодействия является основным условием, позволяющим выделить группу взаимодействующих лиц из среды других, то это одно измерение не об'ясняет еще всей сложности социальных группировок или расслоений населения. „Рельефная карта“ социального мира должна быть „окрашена“ сообразно природе тех отношений, которые характеризуют каждую группировку.

Для правильного познания социальной действительности необходимо учитывать характер тех связей, которые об'единяют взаимодействующих индивидов, и природу тех отношений, которые „окрашивают“ процесс взаимодействия, или лежат в его основе.

Эта социальная разнородность процессов взаимодействия влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами — с одной стороны, с другой—принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей.

Таким образом необходимой базой бытия любого коллективного единства, образуемого рядом индивидов, служит наличность более тесного взаимодействия между ними, выделяющего их из среды других индивидов.

Где такой базы нет-там реально нет и коллективного единства: оно в этом случае мнимое.

Но формы коллективных единств не ограничиваются коллективными единствами с большей и меньшей степенью взаимообусловленности поведения их членов. Помимо такого их подразделения коллективные единства распадаются на множество видов в зависимости от природы тех социальных отношений, которые лежат в их основе. Не только коллективы с различной степенью взаимодействия, но и реальные совокупности с одинаково интенсивным взаимодействи-

ем могут распадаться по своему социально—психическому характеру на ряд форм и видов.

В результате такого положения дел создается причудливо—сложная картина группировки индивидов в коллективные единства. Проиллюстрируем эти положения.

Представим себе группу людей, напр., в 100 человек. Если бы все эти 100 единиц во всех отношениях были сходны, напр., принадлежали по подданству к одному государству, по религии—к одному вероисповеданию, по языку, который они считают своим,—к одному языку, по классовому положению—к одному классу, по партийной принадлежности—к одной партии и т. д., то в итоге получилась бы сравнительно простая картина. Каждая из перечисленных связей—связь по подданству, по религии, по языку и т. д.,—об'единяла бы все 100 единиц в одну реальную совокупность. Если бы эту реальную совокупность мы изобразили в виде круга, то получился бы ряд кругов, каждый из которых состоит из 100 одних и тех же индивидов. Круг из 100 индивидов, об'единенных связями подданства, новый круг из тех же 100 человек, об'единенных одинаковой религией; новый круг из тех же 100 единиц, говорящих на одном и том же языке, и т. д. Но так как эти разнородные связи об'единяли бы одних и тех же людей, то эти круги были бы одинаковые по пространственному размеру и при наложении друг на друга слились бы в один круг. В этом случае эти 100 индивидов похожи были бы на одинаковые части бочки, скрепленные разноцветными, но одинакового размера обручами: обручами подданства, религии, языка и т. д. В итоге они составили бы сильно сплоченное самыми разнородными связями *одно коллективное единство*. Каждый из 100 членов входил бы в этом случае *в одну* реальную совокупность, состоящую из одних и тех же единиц.

Схемой такого положения дел является простой круг.

Но каждый из нас знает, что действительность такой простой картины не дает. Если такое однообразие и сходство индивидов когда—нибудь существовало, то оно существовало в глубокой древности, да и то под вопросом. В настоящее время его нет. Теперь совместно живущие индивиды обычно различаются друг от друга множеством связей и множеством свойств. *Индивиды различаются по расе, полу, возрасту, подданству, религии, богатству, профессии, партии и т. д.* Это множество различающих свойств вызывает различия в поведении людей, многообразные антагонизмы и солидарности, притяжения и отталкивания, словом многообразие социальных группировок. Это различие их обусловливает многообразие и причудливое „пересечение“ кругов, изображающих образуемые ими коллективные единства.

Для иллюстрирования этого положения воспользуемся нашим примером. В предыдущем случае мы предположили, что все 100 индивидов однородны—и по подданству, и по религии, и по языку и т. д.

Теперь предположим, что из этих 100 совместно живущих индивидов часть, напр. 75 человек, являются русскими *подданными*,

а 25 человек иноземцами, напр., румынскими подданными. Если они по территоральному признаку, влекущему взаимодействие их друг с другом, составляют одну реальную совокупность, то по признаку подданства они образуют уже не одно коллективное единство, а два. 75 человек русских подданных войдут в коллективное единство, образуемое всеми русскими подданными, 25 румын составят часть коллективного единства, образуемого всеми румынскими подданными. Если изобразить коллективное единство по признаку подданства кругами, то эти круги при наложении друг на друга не сольются. Они будут различными и будут составлять часть других более обширных кругов, изображающих реальные совокупности всех русских подданных и всех румынских подданных. Представим далее, что 50 человек из 75 русских подданных и 15 человек из румын являются *по религии* православными; 15 человек русских подданных и 5 румын—католиками, 10 русских и 5 румын—протестантами. Это значит, что по религиозному взаимодействию они составят новые коллективные единства, уже не одно, не два, а *три*: 1) коллективное единство *православных*, составляющее часть коллективного единства всех православных, 2) коллективное единство *католиков*, которые войдут в круг, символизирующий реальную совокупность всех католиков, 3) коллективное единство протестантов, которые будут связаны взаимодействием со всеми протестантами.

Мало того, легко видеть, что *линии раздела между коллективными единствам по религиозной связи пройдут совершенно иначе, чем линии раздела по подданству.*

В последнем случае они прошли так, что об'единили в одно коллективное единство 75 индивидов—русских и 25 индивидов румын. Теперь они проходят совершенно иначе: в одну реальную совокупность „православных“ связи религиозного взаимодействия об'единили 65 индивидов, (50 русских и 15 румын), в другую реальную совокупность „католиков“ они соединили 20 членов из 100, в том числе 15 русских и 5 румын; в третье единство „протестантов“ они об'единили 15 человек: 10 русских и 5 румын. Легко видеть, что в этом случае круги, которыми мы захотели бы изобразить эту группировку, не только не совпали бы с кругами, изображающими группировку индивидов по подданству, а неизбежно были бы различны и пересеклись бы друг с другом.

Представим себе далее, что 40 человек из русских подданных, в том числе 35 из русских православных и 5 из русских—католиков родным языком считают русский язык, 20 человек из них—родным считают язык украинский, 15—польский, 5 человек из 25 румын считают таким языком французский, остальные 20—румынский. Таким образом связь по языку группирует эти 100 индивидов в новые реальные совокупности и опять по новым линиям, не совпадающим ни с линиями группировки по подданству, ни с линиями группировки религиозной. Получаются в данном случае не одно, не два, не три коллективные единства, а пять: 1) группа, говорящая обычно по русски, 2)—по украински, 3) по польски, 4) по французски и 5) по румынски.

Но по содержанию процессы взаимодействия не исчерпываются взаимодействием, обусловливаемым принадлежностью к одному подданству, к одной религии, к одному языку. *Таких условий, вызывающих разнородность процессов взаимодействия, а тем самым и характер группировок индивидов в реальные совокупности, чрезвычайно много*; ими являются, напр., и экономические интересы, и профессия, и партийная принадлежность, и семейные связи, и жительство в данном районе уезда или города, и принадлежность к тому или иному обществу: научному, эстетическому, промышленному, спортсменскому, и прикрепленность к тому или иному ко-

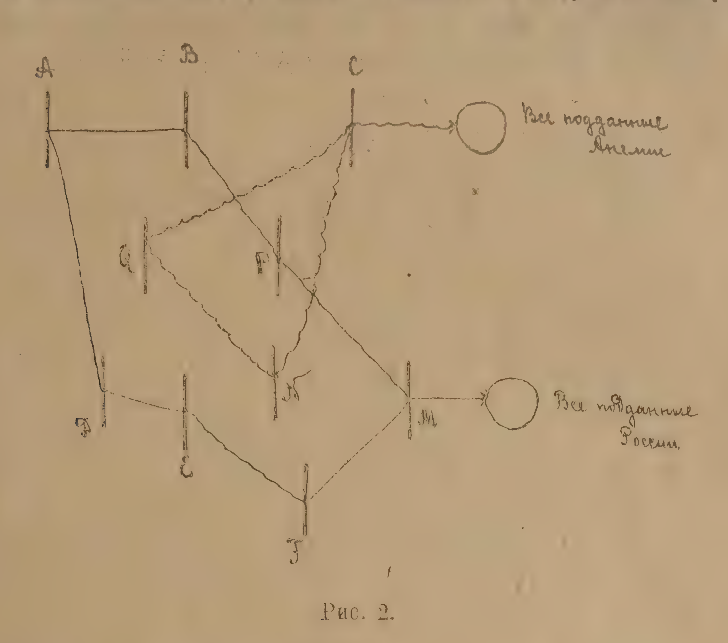

Рис. 2.

оперативу, и принадлежность к подписчикам того или иного журнала и т. д. и т. д., короче, группировка одних и тех же индивидов в современном населении в те или иные коллективные единства возможна и происходит по десяткам и сотням линий.

В итоге, легко себе представить, какую сложную сеть, какой причудливый узор образуют собой линии, отмечающие эти группировки индивидов в те или иные коллективные единства (расслоение населения)! Если бы мы попробовали начертить схематично все те группировки (различные реальные совокупности), которые вызываются различным содержанием связей взаимодействия в современном населении, в свою очередь, покоющемся на биологических и психосоциальных различиях людей, то получилась бы картина чрезвычайно сложная и запутанная.

Попробуем, однако, проиллюстрировать сказанное схемами, изображающими действительность в упрощенном виде. Возьмем для простоты десять индивидов. Рисунок 2-ой (см. рис. № 2) изображает их группировку по подданству. Из него видно, что по связи

подданства эти десять индивидов составляют два коллективные единства. Индивиды А, В, Р, М, F, Е, D (русские подданные) составят одну реальную совокупность,—часть более обширной реальной совокупности, обнимающей всех русских подданных (это изображено стрелкой и кругом); индивиды Q, N, С составят другое коллективное единство (напр. английских подданных),—часть более обширного единства, составляемого всеми английскими подданными.

По религиозным связям или религиозному взаимодействию эти же индивиды дадут уже иную группировку (иные системы взаимодействия или коллективные единства), отличную от предыдущей. Так индивиды А, В, С, D, Р, (православные) составят одну систему или единство, составляющее часть всех православных.

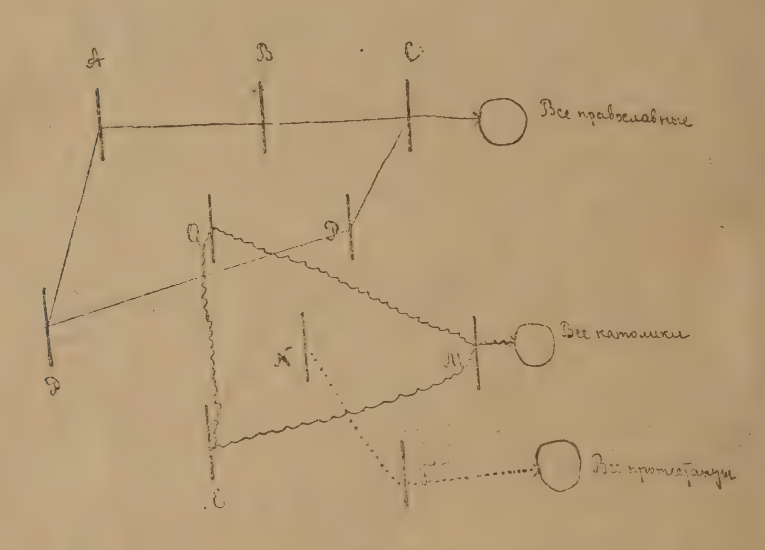

Рис 3.

Индивиды Q, Е, М—другую систему (католики), составляющую часть всей группы католиков. Индивиды N. F—третью систему (протестантов), часть всего аггрегата протестантов (См. рис. 3).

По родному языку они распадутся на новые группы, линии раздела которых пройдут иначе, чем предыдущие разграничительные линии.

Индивиды А, Q, М, Е (считающие родным языком русский язык) составят одно единство; В, С, F, N (родной язык французский)—другое; D, Р—третье и т. д. (См. рис. № 4).

Если в дальнейшем проследить группировку (расслоение) этих десяти индивидов по другим признакам—по экономическим интересам, профессии, политическим партиям, к которым они принадлежат, по семейной принадлежности, по кооперативам, к которым они прикреплены, по спортсменским, научным, художественным и промышленным обществам, членами коих они состоят и т. д. и т. д.,

то каждая из этих группировок даст в современном обществе иную картину, чем все остальные. „Рисунок“ пограничных линий группировки каждый раз будет иным. В одном случае он об'единит одних индивидов, в другом — других, в третьем—третьих. Каждый раз комбинация будет своеобразной и свяжет индивидов с новыми группами, частью коих они будут.

Из этих схем видно, что одни и те же индивиды могут составить и составляют фактически множество реальных совокупностей или систем взаимодействия. Мир взаимоотношений людей похож на калейдоскоп, где каждое сотрясение дает новую картину из одних и тех же элементов. Сеть связей взаимодействия, данных в любом скоплении людей, чрезвычайно сложна и многообразна:

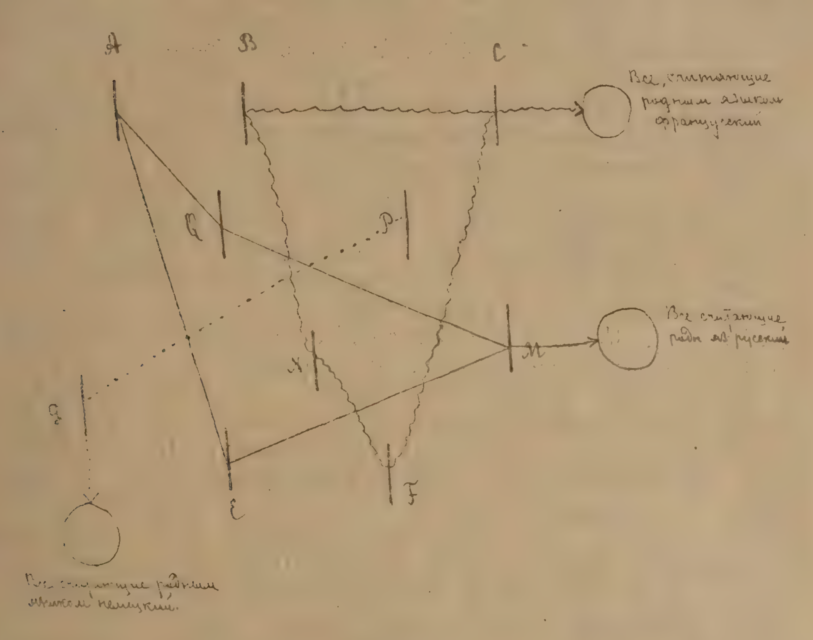

Рис. 4.

с одной точки зрения, напр., религиозной, она проходит чрез одних индивидов из данной их совокупности, с другой—напр., по языку, чрез других из той же совокупности, с третьей—чрез третьих и т. д. Как в калейдоскопе при каждом повороте зритель видит новый рисунок, так в одной и той же совокупности индивидов, жительствующих вместе, токи взаимодействия проходят по различным линиям, в зависимости от характера связей.

Религиозный аспект дает одну сеть, экономический—другую, семейно-родственный—третью, и т. д.

Сети взаимодействий между одними и теми же людьми становятся похожими на сети телефонных соединений в каждый данный момент. И здесь число абонентов постоянно, но не все они соединены друг с другом в каждую минуту. Сейчас включены в сеть и

разговаривают абоненты A, B, D, F, M,... N; чрез минуту один из них раз'единились и включились новые; в итоге сеть соединений проходит чрез абонентов B, C, Д, E, M,... Q; в следующий момент — эта сеть снова изменилась и проходит уже чрез абонентов A, C, F, M, N, P, R, T и т. д. То же происходит и между людьми. И здесь связи взаимодействия, возникающие между ними, из одних и тех же индивидов составляют различные коллективные единства, соединяющие их в одном отношении и разделяющие в другом. Рабочий-католик и капиталист-католик по религиозной связи войдут в одну систему взаимодействия. Они же по экономическим интересам или партийной принадлежности обычно оказываются в системах различных и друг другу часто враждебных. Большевик и монархист по партийной связи находятся в двух различных системах взаимодействия; по семейной же связи они могут быть членами одной и той же семьи. В предыдущих схемах (см. схемы) индивиды A и Q по подданству оказываются в различных системах; или, выражаясь образно, оказываются абонентами различных телефонных сетей: первый является абонентом общества „Русские подданные", второй абонентом общества: „Английские поданные". По религиозным связям они оказываются абонентами опять-таки различных систем: первый членом общества „православные", охватывающего всех православных; второй членом общества „Католики". По языку, напротив, они оказываются абонентами „одного и того же общества": „Общества русско-говорящих людей". Когда пускается ток, напр., приказ о мобилизации общества „Русские подданные", он соединяет A с *B*, *P*, *M*, *F*, *E*, *Д* и со всеми членами этого общества, но оставляет невключенным в сеть этих абонентов Q, N, C и всех лиц, не подданных России. Когда пускается ток общества: „Православные", (напр. призыв патриарха к защите православной веры), он затрагивает A и соединяет его с B, C, P, Д и со всеми абонентами этого общества, т. е. со всеми православными; но он не задевает и оставляет в стороне невключенными: Q, M, E, — с одной стороны, и N, F, — с другой. Когда начинает работать общество: „Люди, считающие своим языком русский язык", тогда A и Q, как и индивиды M, E, вместе со всеми, говорящими на этом языке, оказываются включенными в одну систему; другие же индивиды, с которыми A был абонентом одной и той же системы по отношениям подданства и религии, оказываются невключенными в эту последнюю сеть.

Таким образом социально-психическая разнородность отношений, лежащих в основе взаимодействия, вызывает, помимо принципа интенсивности взаимодействия, распадение сложных аггрегатов на ряд коллективных единств, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Ряд индивидов оказывается способным группироваться в многочисленные и самые разнородные системы взаимодействия. Линии этих группировок, подобно разноцветным нитям, вычерчивают причудливейшие рисунки, в своей совокупности образующие весьма пестрый и запута́нный узор расслоения в пределах сложного социального аггрегата (населения).

Обратной стороной такого явления служит тот факт, что в этих условиях каждый индивид нашего времени оказывается членом не одного, а множества коллективных единств. Пользуясь нашим сравнением мы можем сказать, что каждый из нас является абонентом целого ряда систем взаимодействия, составляемых из большего или малого числа индивидов. Схематически это можно изобразить (См. рис. № 5). так. Если А представляет индивида, то он оказывается членом целого ряда соединений или систем взаимодействия: по семейной связи он связан с одной группой лиц и взаимодействует с нею; по подданству он является уже абонентом гораздо более обширного соединения, носящего имя государства; далее по ряду связей но является членом ряда других групп: церкви, профессии, определенного города или села, определенного кооператива, того или иного кружка, клуба или компании и др. систем взаимодействия,

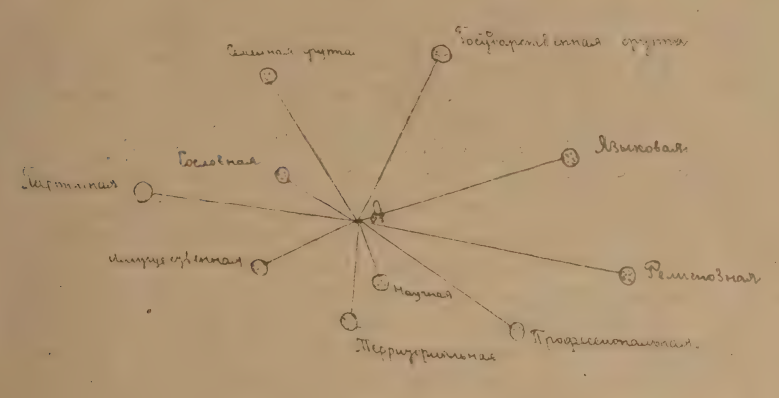

Рис. 5.

друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих.

В этом случае А действительно похож на телефонного абонента, который соединяется то с одной, то с другой, то с третьей реальной совокупностью или, вернее говоря, с лицами, составляющими эту совокупность. Он представляет как бы центр, от которого и к которому идет множество проводников от всех лиц, входящих в ту или иную систему взаимодействия. Эти провода то соединяются с А, то вновь размыкаются. В один момент он соединен с группой, изображающей семью, и действует, как член семьи, в другой момент — с группой лиц, составляющей церковь, и действует как православный, в третий момент, как гражданин того или иного государства и т. д.

В таком же положении находится и каждый индивид. Конечно, число систем взаимодействия, членом коих является каждый человек, не одинаково для каждого индивида: один состоит абонентом весьма значительного количества систем взаимодействия, другой является участником меньшего количества групп. Но можно утверждать смело, что *в наше время всякий индивид включен в целый ряд систем взаимодействия или* реальных совокупностей, с каждой

из коих он связан и, как часть, влияет на судьбы всей совокупности, т. е. всех входящих в нее индивидов, и обратно, каждая реальная совокупность, абонентом коей он является, влияет на него и так или иначе обусловливает его поступки и переживания.

Таково положение индивида в среде его подобных. И такова суммарная характеристика строения сложного социального аггрегата.

§ 5. Система социальных координат, определяющих положение индивида в социальном пространстве, его социальный вес, характер и поведение.

Эта принадлежность индивида к ряду систем взаимодействия представляет собой сложную совокупность координат, определяющих и характеризующих его социальное положение и его социальную физиономию. Подобно тому, как положение точки определяется указанием ее пространственного отношения к осям абсциссы и ординаты, так и социальное положение индивида (а в значительной мере и его поведение) определяются указанием тех систем взаимодействия (коллективных единств или социальных групп), членом коих он является, и той роли, которую он играет в каждой из этих систем. Само собой разумеется, социальная система кординат гораздо сложнее системы координат двух или трех измерений. Выражаясь образно, это будет система координат n измерений. Связь индивида с каждой из многих реальных совокупностей, членом которой он состоит, будет играть роль одного измерения. Таких реальных совокупностей будет множество; поэтому и социальная система координат, определяющая социальное положение индивида, будет системой многих измерений.

Определение положения, занимаемого индивидом в этой системе координат, является обычным методом характеристики социального положения, социальной физиономии и общественного веса данного индивида. Перефразируя известную пословицу, можно сказать, *„скажи мне, участником каких реальных совокупностей ты являешься и какую роль занимаешь в каждой из них, и я скажу тебе, кто ты“.*

Любой индивид социально стоит столько, сколько стоят группы, к которым он принадлежит, и место, занимаемое им в каждой из них. Если эти группы влиятельны (напр. государство) и если он там является не десятой спицей в колеснице, то и общественный вес его будет значителен. Если же сама группа будет не влиятельной (напр., общество лыжного спорта), то будь индивид ее председателем, удельный общественный вес его (если он не играет роли в влиятельных группах), будет ничтожным.

И действительно, в обычной жизни самым употребительным методом характеристики того или иного неизвестного нам индивида служит сознательное или бессознательное применение „метода социальных координат“. Применение его мы наблюдаем во множестве фактов, начиная с „визитных карточек“, где кратко обозначается, членом каких коллективных единств данный инди-

вид является („Член Академии наук“, „профессор университета“, „редактор такой-то газеты“, „секретарь профессионального союза“, „управляющий фабрикой или заводом“, „присяжный поверенный“, „Председатель Губисполкома“ и т. д.) и кончая разговорной характеристикой данного лица, сводящейся к указанию тех групп, участником коих он состоит („Он русский и православный, молодой человек, из фамилии Ивановых“, „служит в таком-то ведомстве“, „занимает такой-то пост“, „дворянин“, „женат“, „по партии кадет“; „секретарь общества любителей охоты и гребного спорта“, и т. д., вся эта характеристика представляет ничто иное, как указание на ряд социальных групп, к которым этот индивид причастен, иначе—определение его места в системе социальных координат). Если такая характеристика будет полной и исчерпывающей, т. е. с исчерпывающей полнотой даст нам перечисление тех реальных совокупностей, к которым индивид прикосновенен, и той роли, которую он там играет, то такая характеристика даст нам достаточно полное определение социального положения данного индивида.

По характеру соответственных реальных совокупностей и его роли в них мы можем составить себе довольно ясное и отчетливое представление об общественном весе данного лица, об его литературных, религиозных, политических и эстетических взглядах и вкусах, об ряде других свойств, определяющих его социальный характер, физиономию и поведение.

Чем дифференцированнее и сложнее та человеческая среда, среди которой данный индивид живет, и чем более индивиды отличаются друг от друга, тем система характеризующих индивида социальных координат будет сложнее и подробнее [1]).

В первобытных группах, где разделение труда и общественная дифференциация невелики, где все члены группы имеют сходные религиозные, правовые и др. взгляды и вкусы, где обычаи, нравы и поведение членов одинаковы, достаточно сказать, членом какого тотема, какого половой и возрастной группы в пределах тотема индивид является, чтобы тем самым дать довольно полную социальную характеристику, „визитную карточку“ индивида. Сказав об нем, что „X является членом группы камиларои, мужчина и полновозрастный“, раз мы знаем, что представляет собой племя камиларои, мы тем самым даем полную характеристику данного индивида, ибо этими „тремя измерениями“ (указанием тотемической группы, пола и возраста) мы определяем и дальнейшие его свойства: его религия будет такой же, как и у всех членов камиларои, его правовые, нравственные и эстетические вкусы и склонности те же, что и у других членов этого племени, и т. д.

Здесь характеристика индивида, в виду недифференцированности первобытной группы, исчерпывается тремя—четырьмя измерениями, т. е. указанием трех—четырех коллективных единств, к которым он сопричастен.

---

[1]) В свое время мы увидим, что рост социальной дефференциации и рост оригинальности, своеобразия индивидов причинно связаны друг с другом. См. Draghicesco: Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale Paris. 1904. Passim и гл. об отношении психологии и социологии.

Иначе обстоит дело в современной дифференцированной сочеловеческой среде, где индивиды не похожи друг на друга, где каждый из них своеобразен и оригинален. Здесь, в виду ее дифференцированности, — системы „трех-четырех“ измерений обычно слишком мало. Сказать о ком либо, что „он русский, мужчина, совершеннолетний“,—значит сказать слишком мало. Чтобы иметь более или менее ясное представление о человеке, об его „социальной физиономии“, нужен еще ряд добавочных координат. Это тем более необходимо, что здесь „могут складываться самые необыкновенные комбинации: в странах, где установлена всеобщая воинская повинность, человеку, духовно и социально стоящему на высшей ступени, приходится подчиняться унтер-офицеру“[1]).

Поэтому ограничиться указанными „тремя измерениями,“ плюс четвертое—он „солдат“—слишком мало. Солдатом, русским, совершеннолетним может быть и безграмотный и Менделеев, и крестьянин и дворянин, и нищий и миллионер, и коммунист и монархист, и Иванов и Петров, и атеист и раскольник, и т. д. Чтобы иметь сколько нибудь определенное представление об индивиде, к этим координатам необходимо добавить ряд новых координат, указывающих, к каким системам взаимодействия — по сословию, профессии, религии, партии, экономическому положению, образованию, семье и т. д. индивид принадлежит. Только при такой полной и сложной системе координат социальная физиономия индивида в дифференцированных группах будет определена; только в этом случае его „визитная карточка“ для нас будет много говорящей.

Правда, и здесь эту систему координат можно сделать простой и немногочисленной путем перечисления немногих:—двух—трех социальных групп,—принадлежность к которым уже предполагает принадлежность к ряду других коллективных единств. Так, читая на чьей либо визитной карточке, что он “профессор Московского Университета“ или „священник такой-то церкви“, или „капитан такого-то полка“, мы на основании этого „измерения“ решаем, что эти индивиды русские по подданству, мужчины, совершеннолетние и грамотные. (Ибо до недавнего времени, нельзя было быть русским профессором, русским священником и русским капитаном, не будучи русским по подданству, мужчиной по полу, грамотным и совершеннолетним). Но, во первых, такая сокращенная система социальных координат является сокращенной только внешне; во вторых, даже и она не дает нам сколько-нибудь полной характеристики индивида: сказать об индивиде, что он „профессср Московского Университета“—все же мало; кое что эта координата дает, но далеко не все. Профессор чего? какого предмета? К какой партии принадлежит? Женат или холост? К какой семье, к какой фамилии он относится? К какому научному, религиозному, и эстетическому толку причисляется? Каким весом пользуется в научных сферах и т. д.?—все это вопросы, на которые „одно указанное измерение“ (принадлежность к группе профессоров) не дает ответа, и ответ на которые нужен для сколько-нибудь полного представления об индивиде... Вот почему в дифференцированной социальной среде

---

[1]) *Зиммель*: Соц. дифференциация. 155—156.

социальная система координат, определяющих общественное положение, социальную физиономию и поведение индивида, неизбежно становится сложной, многочленной, состоящей в указании ряда коллективных единств, в которых индивид участвует [1]).

Ограничимся пока сказанным. Эти положения ниже найдут развитие и подтверждение.

§ 6. Критика старой теории общественной группировки.

В целях правильного понимания предыдущего, как и последующего, здесь же необходимо подробнее остановиться на нарисованной картине соотношения коллективных единств или социальной группировки индивидов.

Старые социологи рисовали дело так: перед нами существует „единое общество". Этому „единому обществу" они противопоставляли индивида, личность. Иногда, говорили они, индивид солидарен с обществом, иногда—он антагонизирует с ним. „Интересы общества и личности солидарны", говорят нам одни. „Интересы личности и общества противоположны", „между ними существуют—антиномии" говорят нам другие [2]). Отсюда—проблема личности и общества, одно время весьма сильно занимавшая умы социологов.

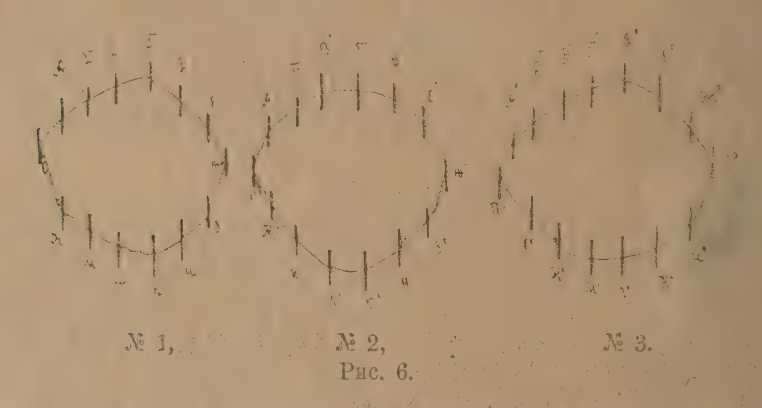
---

[1]) Таково общее правило. Исключением являются лишь немногие выдающиеся личности, но и то скорее исключением кажущимся. Имя „Льва Толстого", Менделеева, Вильсона, Достоевского, Дарвина и др. говорит само за себя. Эти лица получив известность, представляют, так сказать, „самодостаточные величины," одни имена которых дают достаточную характеристику данных лиц. Но легко понять, во первых, что мы составляем об них представление по их работам или трудам, которые говорят нам, к какой социальной группе в том или ином отношении они себя причисляют (к какому религиозному, нравственному, научному, партийному, литературному течению принадлежат и какое положение занимают в каждой из этих групп) значит они сами устанавливают свое положение в сложной системе социальных координат. Место рекомендации здесь занимает „саморекомендация" путем своих работ; иными словами и здесь не обходится дело без сложной системы социальных координат; во вторых—одного знакомства с литературными работами или общественными трудами данных лиц для характеристики их все же недостаточно. Зная Менделеева, как химика, прекрасно изучив его химию, мы знаем об его личности мало, как о человеке. Чтобы знать об нем больше, нам необходимо иметь сведения, к каким социальным группам он принадлежал в течение своей жизни и какую роль он в них играл. Без этих знаний, которые обычно даются в биографиях и автобиографиях известных лиц, мы слишком мало будем знать о Менделееве, как о человеке. То же относится и ко всем выдающимся именам. Всякая биография и автобиография, дающие нам понятие о жизни и характере индивидов, представляют ничто иное, как перечисление различных социальных групп, членом и участником которых данное лицо состояло в течение своей жизни („родился в таком-то городе, в такой-то семье, учился там, был председателем или деятельным работником в такой-то группе и т. д.—вот обычный материал curriculum vitae"). След, и в этих случаях нет исключения из общего правила.

[2]) См., напр., *Михайловский*: Что такое прогресс; Борьба за индивидуальность; *Палант*: Les antinomies entre l'individu et la société, Paris, Alcan, 1913.

Из этих положений вытекало, что между индивидом и „обществом, как целым," нет никаких посредствующих групп. что первый принадлежит и может принадлежать только к единому обществу, а не ко многим, что его социальное положение определяется системой *одного измерения*—принадлежностью к одному определенному „обществу", а не системой координат многих измерений. Само это „единое общество" рисовалось в форме какого то круга, внутри которого живут—то солидаризируясь с ним, то антагонизируя, составляющие его индивиды. Вся поверхность земли, с этой точки зрения, представлялась разделенной на ряд территорий, каждая из которых была занята „единым обществом", причем границы этих обществ пересекаться не могли, пространственно эти „единые общества" совмещаться не могли, т. е. на одной и той же территории не могли существовать два „единых общества".

На одном полюсе социологи видели „единое общество" (или „общество, как целое"), на другом—личность. Образно дело рисо-

№ 1, № 2, № 3.

Рис. 6.

валось так: дано на определенной территории (напр., в границах России, Франции, Англии) множество индивидов. Эти индивиды связаны друг с другом социальной связью и в своей совокупности составляют „единое общество", как целое, напр.. русское общество, в отличие от английского. Индивид, как единица, временами противостоит этому „обществу", временами солидарен с ним.

В итоге получалась довольно простая картина, резюмируемая в положении: „общество и личность"... Схемой таких представлений может быть такой рисунок (см. рис. № 6). Дано „единое общество" № 1, в котором все члены принадлежат только к нему и не входят ни в какое другое общество. Каждый из индивидов, напр. А, противостоит всем остальным, образующим „общество". Рядом с таким „обществом № 1" даны непересекающиеся с ним „общества № 2, № 3" и т. д., в которых опять повторяется та же антиномия или гармония „личности и общества" [1]).

В основе таких представлений лежали определенные хотя и не всегда осознанные предпосылки, а именно: *1) предпосылка*

---

[1]) Такова напр., концепция *De Greef'a* в его: La Structure Generale des Sociétés., т. I, II, III, 1908.

пространственно-территориальной несовместимости многих „обществ“, заимствованная у государствоведов; 2) предпосылка единой социальной связи, 3) предпосылка, состоящая в том, что индивид может принадлежать только к одному „обществу“, а не ко многим, и 4) предпосылка существования „общества вообще“.

В настоящее время, как эти предпосылки, так и очерченное представление о существовании какого-то „единого общества“ или „общества, как целого“, должны быть сданы в архив. Быть может в отдаленные времена, когда люди жили островками на поверхности земли, когда одна группа людей, сожительствующих вместе, была отделена от других групп огромными пространствами, когда они абсолютно не соприкасались друг с другом и были совершенно изолированы,—в такие времена, быть может, и существовало нечто подобное тому, что рисует очерченная теория „единого общества“. Но с момента, когда китайские стены, изолировавшие одну такую группу от других, пали, когда между ними установилась диффузия, возникли сношения и обмен (в форме торговли, военных действий, умыкания женщин, мирных сношений и т. д.), когда появилась социальная дифференциация, с этого времени такие понятия и представления становятся ошибочными и несоответствующими действительности...

Иными словами, я утверждаю, что: 1) *неверна предпосылка территориальной несовместимости или непроницаемости многих „обществ“ или „коллективных единств“*, 2) *неверна предпосылка единой социальной связи*, 3) *неверно, что индивид принадлежит к одному обществу*, 4) *неверно, что существует какое-то единое общество, гармонизирующее или противостоящее личности.*

Вся предыдущая концепция—продукт поверхностного анализа явлений и сознательная или бессознательная „отрыжка“ органической теории общества...

Эти выводы следуют из всего предыдущего. Они же следуют и из того, что будет сказано ниже. Постараемся кратко показать это. Начнем с рассмотрения предпосылок.

Государствоведы нас учат, что на одной и той же территории два государства несовместимы. Такое положение имело бы значимость, если бы группировка индивидов в коллективные единства исчерпывалась государственной группировкой, если бы „общество“ отождествлялось с государством. Но, во-первых, и в применении к государству этот принцип территориальной несовместимости двух государств не всегда верен: я разумею явления союзных государств. (См. ниже § о государственной группировке). Во-вторых, нужно быть слепым, чтобы не видеть, что группировка индивидов в государственные коллективы есть лишь *одна* из многих видов группировки их в другие единства. Помимо государственных групп существуют коллективы: религиозные, профессиональные, партийные, рассовые, языковые, границы которых не совпадают с границами государственной группировки: одно и то же государство состоит из лиц, принадлежащих к различным церквам, и обратно: лица, принадлежащие к одной религии, со-

стоят подданными различных государств. То же применимо и к остальным группам.

Думать, что социальная группировка индивидов исчерпывается государственной группировкой, или социальное расслоение населения исчерпывается расслоением его по государствам, значит утверждать нелепость (см. ниже).

Отсюда следует, *что на одной и той же территории существуют и могут существовать не одно, а ряд коллективных единств, друг с другом не совпадающих.* Так, на территории России, как политического единства, сосуществуют множество коллективов или „обществ“, то заключенных в пределах этой территории, то пересекающих ее и выходящих за ее пределы; таковы коллективы: „православные“, „католики“, „протестанты“, члены которых состоят абонентами „обществ“: „католическая церковь“, „православная церковь“ и т. д., обществ, отличных от общества „Русское государство“ и не совпадающих с ним и сосуществующих на одной территории с последним. Таковы коллективы: „поляки“, „украинцы“, „черемисы“, „евреи“ и т. д., опять-таки сосуществующие с „Россией“, в пределах „России“, то включенные в территорию русского государства, то выходящие за его пределы. Таковы далее коллективные единства: партийные (напр., коммунисты, социалисты, монархисты, республиканцы и т. д.), профессиональные союзы и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы признать тезис пространственной несовместимости или „непроницаемости“ двух групп ложным. Если этот тезис частично применим к некоторым однородным группировкам, в частности к государственным, то он совершенно ложен в применении к разнородным группировкам. В этом смысле Зиммель прав, говоря:

Gewisse Verbindungstypen können ihrer ganzen soziologischen Form nach sich nur so verwirklichen, dass innerhalb des Raumgebietes, das von einem ihrer Exemplare erfüllt wird, für kein Zweites, Platz ist. Von andern dagegen kam eine beliebige Zahl—soziologisch gleich gearteter—denselben Umfang erfüllen, indem sie gegenseitig gleichsam permeabel sind; weil sie keine innerliche Beziehung zum Raum haben, können sie auch nicht in raümliche Kollisionen geraten. Примером первой группы Зиммель указывает государство, примером второй—церковь [1]).

Перейдем ко второй и третьей предпосылке. Раз существует „единое общество“, противостоящее личности, то естественным выводом отсюда является положение, что индивид может принадлежать лишь к одному этому „единому обществу“, что он не может принадлежать к многим обществам. Другой стороной этого положения является утверждение, что социальная связь, соединяющая индивида с обществом, является связью одного измерения, что он может быть относим лишь к одному обществу.

---

[1]) *Simmel:* Soziologie. 617—618. См. всю главу: Der Raum und räuml. Ordnungen der Gesellschaft.

Вышесказанное о принадлежности индивида ко многим коллективным единствам, друг с другом не совпадающим (к семье, к государству, к церкви, к профессион. союзу etc.) делает критику этих положений излишней.

Мы видим, что система социальных координат не является системой одного измерения, а системой многих измерений. Индивид оказывается принадлежащим не к какому-то „единому обществу", а к множеству систем взаимодействия или коллективных единств. Он связан нитями взаимодействия не с каким-то „единым обществом", а с множеством групп, образующихся в силу различной интенсивности взаимодействия между различными индивидами и в силу различности содержания и характера процессов взаимодействия. Сами эти коллективные единства взаимодействующих

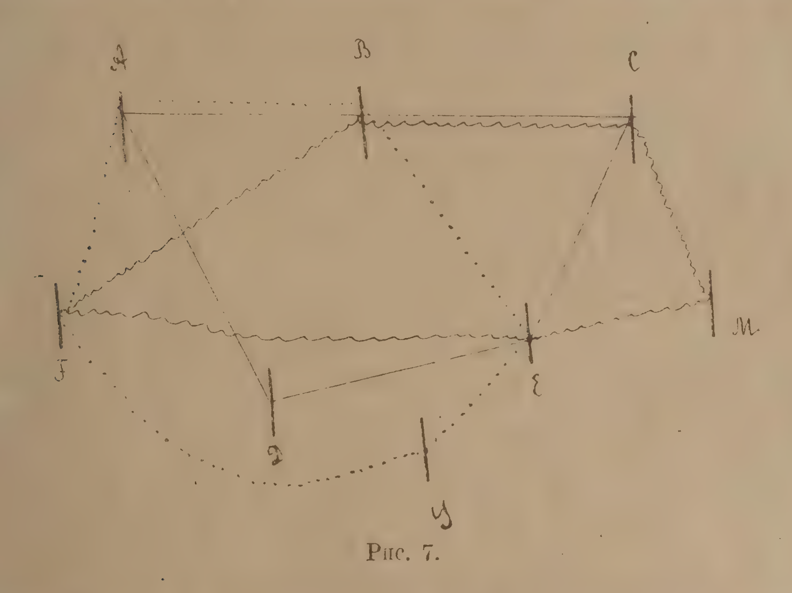

Рис. 7.

индивидов не представляются кругами, не пересекающимися друг с другом, не совмещающимися в едином пространстве, а кругами, пересекающими друг друга, образующими чрезвычайно пестрый узор и сосуществующими в пределах одного и того же пространства. Схемой такого представления будет не рисунок, приведенный выше, а рисунок совершенно иной (см. рис. № 7).

Схема. Пусть A, B, C, D, E, F, G, M представляют ряд индивидов, живущих совместно, в пределах одной территории (население). Они, как было указано выше, образуют не „единое общество", не одну систему взаимодействия, а несколько. Так, по связям подданства A, B, C, D, E (русские подданные) составят одну систему (она изображена линией ABCDE), куда остальные индивиды не входят. По профессии эти же индивиды дадут уже иную картину. Так, A, B, E, G, F по профессии рабочие фабрики (связь изображена пунктирной линией) составят иную систему взаимодействия. По религии распределение получится иное. B, C, M, E, F

(православные) составят новую группу (связь изображена линией ломаной).

Из этой упрощенной схемы видно, что одни и те же индивиды, комбинируясь разно, дают ряд „обществ", а не одно, что на одном и том же пространстве может существовать и существует не единое общество, а множество обществ, что индивид, напр. А, принадлежит не к одному, а к ряду „обществ". Вот почему ложна очерченная выше старая теория общественной группировки. Вот почему приходится сдать в архив представление о каком-то едином обществе. Мы видим из этой схемы, что такого „единого общества вообще" нет. А есть ряд систем взаимодействия. Какую из этих трех систем взаимодействия (означенных в схеме) образуемых индивидами, мы назовем „единым обществом": политическое ли коллективное единство (система, образуемая А. В, С, Д, З,) или религиозное (общество, образуемое В, С, М, Е, Г, Д), или профессиональную группу („общество", образуемое А, В, З, G, F)? Если каждое из них нельзя свести к остальным, если каждая из этих систем взаимодействия не совпадает с остальными, то где же и в чем же искать это „единое общество"? Если одну из этих группировок мы назовем „единым обществом", то какое право имеем мы игнорировать другие? Почему тогда и эти другие не назвать также „едиными обществами"? А если это мы сделаем, то в итоге получаем множество „единых обществ", т. е. противоречим своей исходной посылке: данности какого-то единого общества.

Скажут, что за пределами или позади всех этих частичных группировок все же есть и существует „единое общество". Но где оно и в чем оно проявляет свое бытие? спрошу я в ответ на такое возражение. Если исчерпаете все подобные „частичные" группировки, то позади их или под ними вы не получите никакого „единого общества вообще", ничего, кроме пустого слова.

Росс, довольно здравый наблюдатель социальной действительности, не вполне еще порвавший (в отличие от Баксвейлера, Дюпрееля и др.) с иллюзией „единого общества", все же принужден был заявить следующее: „Старое онтологическое понятие об обществе, говорит он, закрывало наши глаза на ряд мелких групп, которые лежат между индивидом и целым обществом, групп, борющихся с последним за верноподданство индивида". Сообразно с этим он второй основной тенденцией современной социологической мысли считает тенденцию: „смотреть на общество, как на театр борьбы между классами, корпорациями и партиями за победу их соответственных интересов" [1]).

Как видно отсюда, Росс правильно отметил эту тенденцию, но остановился на полдороге: он все же допускает существование какого-то „единого общества", общества, как целого, позади этих „мелких и частных" групп. Пред'идущий анализ делает это допущение излишним и ошибочным.

Позади множества частных групп или систем взаимодействия не приходится искать никакого „общества-как целого" или „общества, вообще".

[1]) Ross: Foundations. 272 и сл.

На это могут возразить, что все же позади этих частных группировок есть „единое общество". Таковым, скажут, являются все сосуществующие вместе индивиды (население). Несмотря на ряд дифференцирующих моментов, об'единяющих индивидов, живущих в пределах одной территории, в различные не совпадающие друг с другом коллективы, все они, тем не менее, образуют нечто единое, составят „общество-вообще". На это я спрошу в свою очередь: а как велика должна быть территория, на которой живут эти индивиды, чтобы составить это таинственное единое общество? Составят ли его индивиды одного дома, одной улицы, одной деревни, одного города, уезда, губернии, государства или всего земного шара? Если нельзя остановиться на территории одного дома, то где резоны, что население одной губернии или государства может составить искомое единое общество? Мало того, чем мы будем руководствоваться при проведении территориальных границ, превращающих совокупность сожительствующих вместе индивидов в „целое общество"? Если возьмем критерий политических границ, (уезд, губерния, государство), то мы видели, что они являются границами относительными и не совпадающими с границами группировок по другим принципам-религиозному, партийному, профессиональному и т. д. С таким же правом можно взять за критерий и эти последние принципы. А в таком случае мы снова приходим к плюрализму обществ.

Далее, сама групировка по территориальному соседству,—общности постоянного местожительства, как увидим ниже, есть одна из частных групировок в ряду многих других.

В итоге *„общество вообще" может означать лишь всякую совокупность сосуществующих и взаимодействующих людей, всякое население, члены которого имеют общение между собою и только. Это значит*, что общество в смысле населения служит отправным пунктом анализа, а не его конечным результатом, оно нерасчлененный комплекс явлений, который должен быть разложен, а не конечная цель иследования.

Отсюда, как более подробно покажем ниже, следуют выводы.

1) С критикуемым *представлением „общества" и традиционный теорией социальной группировки приходится покончить.*

2) *Ошибочно противопоставлять личность какому то „единому" обществу*, как это делают многие еще и теперь [1]). (См. ниже §§. Общество и личность, и начало главы: Обзор и критика основных теории социального явления).

Сообразно с этим и проблема групировки индивидов принимает совершенно иной вид. Индивиды больше не представляются в виде лиц, связанных друг с другом *единой* веревкой единого общества и в своей совокупности образующих „единое общество".

Картина, говоря образно, будет совершенно иная. Она будет похожа на множество столбов, спутанных друг с другом многими рядами проволоки или проводов. Один ряд проводов соединяет одни столбы, другой ряд—другие, частью входящие в первую сеть, ча-

---

[1]) См., напр. *П. И. Новгородцев*: Об общественном идеале. М. 1917 г. *И. Гессен*: Искания обществ идеала П. 1919 г.

стью — новые, третий ряд проводов соединяет опять новые столбы, часть из которых входит в первую и вторую сеть, часть не входит ни в ту, ни в другую; далее идет четвертый, пятый, шестой ряд проводов и т. д. Каждый ряд проводов (связей взаимодействия) дает сеть, отличную от других сетей, образуемых другими рядами проводов. В совокупности своей все эти ряды проводов образуют сложнейшую и запутаннейшую совокупность систем взаимодействия, друг с другом не совпадающих, и друг друга пересекающих. Один и тот же столб А одним рядом проводов окажется связанным с одними столбами: с В, С, Д... другим рядом проводов - с другими., с С, З, М. третьим—с третьими: с Д, М, Н, О... Если допустим, что эти столбы двигаются, то движения (поведение) каждого столба будет представлять равнодействующую движений различных систем взаимодействия (образуемых первым, вторым, третьим и т. д. рядами проводов, соединяющих различную совокупность столбов), с которыми он соединен. Его движения будут отражаться на столбах, с которыми он связан различными рядами проводов, и обратно, движения столбов, входящих в различные системы взаимодействия, с ним связаные, будут отражаться на его поведении. В одних случаях, когда все столбы, соединенные с ним первым рядом проводов, и образующие первую систему взаимодействия, и все столбы второй, третьей и т. д. систем взаимодействия, с которыми он связан вторым, пятым, седьмым рядом проводов,—устремятся в одну сторону, туда же устремится и он, в других, когда одна система взаимодействия будет тянуть его вправо, а другая влево—столб будет разрываться на части и т. д. *Такова упрощенная „механическая" модель социальной группировки индивидов или соотношения множества систем взаимодействия в современной среде сосуществования и взаимодействия людей.*

Подставьте в эту модель вместо столбов людей—и вы получите приблизительное представление социальной группировки людей в коллективные единства.

В итоге сказанного мы видим, что как вся обычно рисуемая картина социальной группировки индивидов, так и предпосылки, лежащие в ее основе, неверны. Существует множество „обществ" или коллективных единств, и нет никакого „общества вообще". Удалите эти „частные" группировки и за ними или позади их вы не получите никакого „общества - вообще", противостоящего индивиду, а только простую сумму индивидов. Ограничимся пока этими замечаниями. Ниже, в §§ о взаимоотношении личности и общества, а равно во вступительных замечаниях к главе, посвященной обзору и критике главнейших теорий социального явления, эти соображения будут дополнены.

Раз не приходится искать „единого общества", а дано множество обществ или систем взаимодействия, то сам собой встает вопрос: какие же из этих группировок наиболее важны и социально действенны.

Перейдем к решению этой проблемы.

§ 6. Важнейшие социальные группировки и линии социального расслоения населения.

Критерии социального могущества групп.

Из предыдущего следуетъ, что всякое население, заселяющее ту или иную территорию, не представляет собой однородную, „серую" массу, члены которой одинаково крепко связаны друг с другом, а распадается на множество коллективных единств. Как правильно говорит Bentley, „само общество представляет ничто иное, как комплекс групп, из которых оно состоит" и реально „является лишь массой людей и ничем больше" [1]).

Подобно слюде, легко расслаивающейся на ряд пластов, и население расслаивается на множество слоев или соц. групп, с тем различием от слюды, что слои здесь идут не только горизонтально, но и вертикально, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронизывая другъ друга.

Обратной стороной этого явления служит тот факт, что каждый человеческий атом оказывается членом, „абонентом", не только одного, а множества социальных групп.

Констатируя эту сложность строения населения, теперь спросим себя: *нельзя ли эту чрезвычайно численную множественность социальных групп, на которые распадается население, свести к небольшому числу главнейших коллективных единств? Нельзя ли из неограниченного множества последних выделить основные?*

Мы видели, что линии социального расслоения на коллективные единства чрезвычайно многочисленны и образуют в своей совокупности пестрое и сложнейшее кружево. Изучать все эти мельчайшие и многочисленные линии расслоения—нет возможности. Социолог пока что не может составить детальнейшей социологической карты, которая указывала бы линии всех коллективных единств, на которые распадается население, начиная от таких коллективов, как „кружок любителей фотографии" и кончая государственными или классовыми группами. При данном состоянии науки необходимо упрощение и экономия сил. Не малым шагом вперед, по сравнению с концепциями старой социологии, будет, если социолог попытается указать *важнейшие* социальные группы, на которые расслаивается население. Ценным приобретением науки будет, если ему удастся составить социологическую карту строения населения, указывающую хотя бы только „губернские и уездные" линии расслоения населения, без указания сел и деревень. Короче, перед нами стоит задача выделения важнейших групп, на которые расслаивается население.

Попытаемся решить ее. Какие группы из множества коллективов, на которые распадается население, наиболее важны, это зависит от критерия важности. Наш ответ на этот вопрос предрешен всем предыдущим: раз мы изучаем реальные коллективные единства, раз мы стремимся познать функциональные и причинные

---

[1]) *Bentley*: The process of government. 1908. 222.

отношения в социальных процессах, то, очевидно, наиболее важными для нас будут те группировки, *которые наиболее могущественны, которые оказывают наибольшее „давление“ или влияние на ход общественных процессов и на судьбу населения вообще. Иными словами те, которые играют значительную историческую роль.* Группы в других отношениях, быть может, очень важные, но в смысле социальной действенности—влияния на ход событий и судьбу населения—имеющие ничтожное значение, такие группы для нас совершенно не интересны. Как социальная сила, они не имеют значения. Таков общий ответ на поставленный вопрос. Он суммарен и не вполне точен. Спрашивается: *какие же именно группы являются наиболее могущественными?* Нельзя ли указать ряд условий, наличность которых служит порукой социальной могущественности группы?

Так как социальные процессы, в конечном счете, совершаются чрез людей, создаются их поведением, то, очевидно, *наиболее могущественными будут те коллективные единства, которые наиболее интенсивно влияют (обусловливают, изменяют) на поведение людей.* При прочих равных условиях из двух групп более могущественной будет та, которая *наиболее интенсивно обусловливает поведение равного количества людей,* а из двух групп, одинаково интенсивно влияющих на поведение индивидов, более могущественной будет та, которая обусловливает *поведение большего числа человеческих единиц.* Если представим себе две группы, из которых одна чрезвычайно слабо — и количественно, и качественно— влияет на поведение 5,000 людей, не предопределяет его в ту или иную сторону, а другая, напротив, своими действиями заставляет эти 5,000 индивидов вести себя совершенно определенно, совершать одни акты и воздерживаться от других, то, очевидно, вторая группа является „фокусом сил“ более могущественных, чем первая. Ее давление на ход общественных процессов будет более значительно, чем давление первой. Если предположим, далее, две группы, одинаково интенсивно влияющие на поведение людей, но с тем различием, что первая обусловливает поведение 50 человек, а вторая—поведение 50,000, то, очевидно, социальная роль их будет далеко не равной. Так, банда разбойников, состоящая из 50 индивидов, может чрезвычайно интенсивно обусловливать поведение своих членов. Но, в виду того, что она немногочисленна, в виду того, что она является unicum'ом, общее влияние ее на судьбу населения и на ход истории будет безконечно меньшим по сравнению с влиянием, скажем, такой же банды разбойников, так же сильно влияющей на поведение своих членов, но состоящей из 50,000 членов.

Сказанное означает, что конкретно могущество каждой группы может быть определяемо в двух плоскостях: 1) в сфере обусловливания ею поведения своих членов, ее „абонентов“, и 2) в сфере обусловливания поведения других индивидов, не являющихся ее участниками. Чем сильнее и продолжительнее принадлежность к определенной группе влияет на поведение, переживания и вообще судьбу ее членов, с одной стороны, с другой, чем сильнее давление всей

группы на поведение всего населения, т.-е. лиц, не входящих в ее состав, или на поведение иных групп, тем, ceteris paribus, группа будет могущественнее, тем большим фокусом исторических сил она является, тем интенсивнее она обусловливает своим поведением судьбу населения и ход исторических событий вообще. Если группа интенсивно обусловливает поведение своих членов, (напр., маленькая секта), но имеет ничтожное влияние на поведение других групп, т.-е. населения вообще, то ее социальное могущество будет ничтожным. Она явится фокусом сил, поле действия которых весьма узко. Если же принадлежность к группе предопределяет поведение ее членов в весьма слабой степени или не предопределяет вовсе, то такая группа—мнимая группа, она будет давать столь слабые токи, что они не в состоянии будут приводить в действие человеческие машины. Таким образом, *общими условиями могущества социальной группы служат*: 1) *влияние и обусловливание ею, в силу принадлежности к числу ее членов, поведения последних*; это необходимое условие для того, чтобы группа была фокусом сил; 2) *влияние ее на поведение членов других груп, т.-е. населения вообще*. Без первого условия группа вообще не может быть действенной. Без второго условия район влияния испускаемых ею сил будет ограниченным. Из двух групп, одинаково интенсивно обусловливающих поведение своих членов, более могущественной (ceteris paribus) будет та, об'ем влияния которой на другие группы и на жизнь населения вообще будет значительнее качественно и количественно.

Из сказанного видно, что в основу важности группы я кладу принцип *действенности функциональной связи поведения одних индивидов с поведением других*.

Сделаем теперь еще один шаг. Спрашивается, какая же социальная группа является группой, имеющей наибольшее влияние на поведение других групп (их членов) и на судьбу всего населения, иными словами на ход истории вообще?

Из многих условий, имеющих значение в этом отношении, наиболее важны следующие признаки: 1) *количество членов группы*, 2) *степень распространенности данной группировки*, 3) *степень ее солидарности*, 4) *степень ее организованности и* 5) *имеющийся в ее распоряжении технический аппарат воздействия на поведение людей. При прочих равных условиях из двух группировок, одинаково интенсивно обусловливающих поведение и переживания своих членов, более могущественной (след., более сильно влияющей на поведение других группировок) будет та*: 1) *число членов которой больше*, 2) *которая наиболее распространена*, 3) *члены которой более солидарны*, 4) *которая наиболее организована и* 5) *обладает более совершенным техническим аппаратом*.

Дадим необходимые комментарии. Если мы имеем две группировки, одна из которых охватывает 10 человек, а другая 1,000,000, то, при прочих равных условиях, „могущество“, а след., и степень общественного влияния второй группировки будет гораздо значительнее, чем первой. Поведение 10 человек мало изменит ход социальных событий, поведение 1,000,000 может дать „историче-

ское событие". Забастовка 10-ти человек пройдет бесследно для хода общественной жизни, забастовка 1,000,000 рабочих (ceteris paribus)—„общественное событие". С этой точки зрения важность маленькой секты и важность государства, одинаково интенсивно обусловливающих поведение своих членов, не равны: государственную группировку мы должны признать более важной, ибо она охватывает и обусловливает поведение гораздо большого числа лиц, чем секта; в силу этого и влияние государственной группировки на судьбу других группировок и на ход истории будет более значительным [1]).

Перейдем к комментированию второго условия: распространенности группировки. По существу это условие сводится к первому,— к численности членов данной группировки. Суть дела в следующем. Может быть группа, напр., семья, состоящая из малого числа членов. Согласно сказанному, социальную важность семейной группировки мы должны были бы признать незначительной. Но так как семейная группировка оказывается весьма распространенной, так как семей, построенных на сходных социально-правовых началах, оказывается множество, а не одна или немного, так как совокупность семейственных группировок охватывает огромное количество индивидов, гораздо большее, чем число индивидов, охватываемое той или иной сектой или партией или даже совокупностью последних (ибо далеко не все люди входят в ту или иную партию, тогда как почти все люди являются членами той или иной семьи,) то ceteris paribus, семейную группировку мы должны признать более важной, т. е. сильнее обусловливающей поведение других групп и всего населения, чем группировку партийную или сектантскую. Влияния партий можно избежать. Влияние семьи обычно неизбежно. Не все люди входят в ту или иную партию. Почти все люди состоят членами семьи. В партийную „переделку" индивид поступает взрослым. В семейную—с момента рождения: здесь он формируется, получает сознательную или бессознательную обработку (воспитание, обусловливающее на всю жизнь его вкусы, убеждения, симпатии, словом—поведение и переживания индивида.) Влияние *каждой отдельной* семьи на поведение и судьбы других коллективных единств незначительно, но влияние *совокупности семейств*, образующих семейную группировку,—огромно. Совокупность лиц, являющихся членами множества семейств, громадна. Вся семейная группировка похожа на громадное войско, состоящее из множества отдельных групп; хотя в этом войске нет главнокомандующего и единого штаба, но, тем не менее, оно в ряде случаев, когда задеваются семейные интересы, в силу сходства организации, действует солидарно и однообразно. Все группы защищаются против общего врага или солидарно отражают нападение не семейных групп на семейный

---

[1]) В этом смысле заслуживают полного внимания соображения *Коста*, касающиеся численности группы, как одного из условий ее силы и могущества.

См. *Coste*: L'expérience des peuples. Passim. 591—610; Les principes d'une sociologie, гл. XV.

институт. Как видно из сказанного распространенность семейной группировки, в конечном счете, есть иное выражение ее численности. Условие распространенности группировки сводится к первому условию, к условию многочисленности членов данной группы.

Перейдем теперь к комментированию третьего условия: к солидарности. Что следует понимать под солидарным поведением взаимодействующих лиц—указано было выше. (См. т. I, гл. V, § антагон. и солидарное взаимодействие). Легко понять, что из двух групп, одинаковой численности и сходных во всех других отношениях, более сильной будет та, члены которой солидарнее действуют. В группе, где члены антагонизируют друг с другом, где между их поведением постоянны конфликты, борьба, в такой группе силы ее членов будут сгорать в процессе внутреннего трения; они будут взаимно уничтожать друг друга и потому не будут в состоянии оказывать значительного влияния на другие коллективные единства,—на людей, находящихся вне пределов данной группы, не состоящих ее членами, т. е. на жизнь всего населения. Иначе обстоит дело в группе солидарной. Здесь (ceteris paribus) силы ее членов не уничтожаются во взаимной борьбе, а все они единодушно и согласованно направлены в одну сторону, к достижению общих заданий; все они дают кинетическую энергию действия, обращенного за пределы группы—на судьбу и поведение других групп и других людей, не являющихся ее участниками. Естественно, что влияние такой реальной солидарной совокупности на поведение и судьбы других коллективных единств будет гораздо значительнее, чем влияние такой же, но антагонистической группы. Энергия последней исчезает в внутренней борьбе, энергия первой вся направлена на борьбу с другими коллективными единствами. Сказанное делает излишними дальнейшее комментарии [1].

Перейдем к четвертому условию—*к организованности.*

В свое время было указано, что *организованность* (*шаблонность*) *группы и ее солидарность*—явления различные. Организованное коллективное единство может быть и солидарным, и антагонистическим. И обратно, солидарные и антагонистические группы могут быть и организованными, и неорганизованными. Так, государственное коллективное единство может быть организованным, в нем может существовать порядок, шаблон взаимоотношений, исполнение своих функций каждым из членов государства потому, что граждане государства солидарны, стремятся к общим целям и одинаково сознают необходимость исполнения своих обязанностей, соблюдения порядка и правовых норм. Тот же порядок может существовать в государстве (фактически чаще всего так и бывает) при наличности антагонизма между членами в силу принуждения, угроз, наказаний и насилия, производимого органами власти над

---

[1]) *Спенсер*: Осн. соц. т. II, 429 и сл. „Из двух племен или из двух больших общин, одинаковых по численности, характеру и условиям, победа будет на стороне той, в которой все способные члены соединяются в общем действии, а не на стороне той, в которой этого нет. Это предложение почти трюизм“, правильно говорит Спенсер.

непокорными гражданами. Нарушение организации и порядка, вытекающее из антагонизма, здесь депрессируется принудительными мерами. Благодаря им, несмотря на внутри государственные антагонизмы, государственный коллектив остается обычно организованным. То же можно сказать и о неорганизованных коллективах. Так, беспорядочная толпа может состоять из лиц, антагонизирующих друг с другом. Толпа же может состоять и из лиц, солидарных между собою, охваченных одним порывом, одним стремлением.

Для влияния любой группировки на поведение и судьбу других коллективов важны не только степень обусловленности ею поведения своих членов, не только численность (распространенность) этих последних, не только их солидарность, но и *степень рациональной организованности их взаимоотношений.*

По целесообразности и рациональности организованность соц. группы может иметь *различные степени*, начиная с *спонтанной организованности*, никем сознательно не устанавливаемой, но само собой вытекающей из сходства положения индивидов, этим сходством побуждаемых к совместным действиям, направленным к достижению общих заданий, (такова, напр., организованность семейной группировки—всех семейств,—заставляющая членов множества семей одинаково реагировать без всяких директив центральной власти, каковой здесь нет), и кончая *организованностью целеполагательной, обдуманной.* Внешним симптомом этой более высокой организованности коллективного единства служит обычно наличность в нем определенных норм поведения, во первых, во вторых, как следствие этого явления, наличность того или иного *правительственного центра*, регулирующего согласно с нормами поведение членов группы и дающего директивы. Таким правительственным центром является в государственных группах—государственная власть со всеми своими агентами, в партии—центральный комитет, caucus, boss, machine с своими подчиненными органами, в профессиональных об'единениях—правление профессионального союза или центральный орган профессиональных синдикатов и конфедерации, в церкви—синод, патриарх, папа с подчиненными агентами, в семье—глава последней и т. д. Эти правительственные центры социальных групп играют роль руководителей и агентов центральной электрической станции, обслуживающей множество абонентов: они дают токи, пробегающие по всей сети данного коллектива и „дергающие“ абонентов последнего, т. е. членов данной группы.

Иными словами, общим признаком более высокой организованности того или иного коллектива служит факт распадения его членов на две группы: *управляющих и управляемых.* Такое распадение—общий признак организованных групп, как длительно существующих, так и кратковременных. Если, напр., группа бастующих рабочих является организованной группой, то в ней налицо должен быть свой правительственный центр, в виде комитета или лица, руководящих забастовкой. В противном случае, забастовка носит „стихийный“, мало-организованный характер, и группа бастующих представляет группу плохо организованную.

Таков четвертый признак социальной действенности или важности коллективного единства.

Значение его, как увидим ниже, особенно резко проявляется в тех коллективных единствах, (напр. в расовых коллективах) которые потенциально могли бы иметь колоссальное влияние на жизнь и судьбы населения, но фактически играют гораздо более скромную роль в силу своей неорганизованности или в силу малой и нерациональной организации. Организованность целеполагательная, проявляющаяся в существовании правительственного центра, дает при одинаковой затрате сил больше эффекта, чем организованность спонтанная; первая более важна с точки зрения влияния группы. Однако, в ряде случаев, нам придется учитывать и спонтанно организованные группы.

Из двух одинаково численных и солидарных коллективных единств (ceteris paribus) более влиятельной будет та, которая организована, по сравнению с той, которая не организована. Толпа, одинакова солидарно настроенная, но неорганизованная (напр., многотысячный митинг), где члены действуют в разброд, где дисциплины нет, где нет разделения функций, где каждый действует как попало, где одни „рвутся в облака", другие „пятятся назад", а третьи „тянут в воду", такая толпа, несмотря на солидарное настроение, несмотря на сильное обусловливание поведения своих членов, может быть легко разбита и побеждена гораздо меньшей, но дисциплинированный, организованной толпой, в виде небольшого отряда полиции или войск, в котором организация высока, где дано разделение функций, имеется общий план действий и точно выполняемый шаблон поведения каждого солдата или полицейского.

Н. И. Лазаревский прав, указывая на то, что власть количественно слабее народа, но сильнее его качественно, благодаря организованности своих агентов. „Король один или даже со всей армией слабее всего народа, но, правильно подчеркивает он далее, дело в том, что король со своей армией или даже с одной полицией является силою, действующею планомерно, совместно, тогда как народ, поскольку он не повинуется властям, действует вразброд. Конечно, никакой армии не хватит для того, чтобы подавить отказ всего населения повиноваться правительственным властям, и нет той физической силы, которая могла бы вынудить исполнение приказов властей, если бы население государства в один прекрасный день все, скопом, решило этих приказов отныне не исполнять. Но такого скопа в действительности никогда не бывает: власти организованные, совместно, согласно действующие имеют перед собой разрозненно действующих обывателей" [1]).

Из сказанного ясно значение этого условия. При прочих равных условиях из двух групп более важной будет та, которая более организована, т. е. члены которой обнаруживают бо́льшую согласованность поведения и единство действия. В силу сказанного

---

[1]) Н. И. Лазаревский: Русск. гос. право. 14. Тот же факт в области партийной жизни подчеркивает М. Я. Острогорский. Une poignée d'hommes suffit à faire une puissance organisation embrassant des milliers d'electeurs. *M. Ostrogorski.* La démocratie et les partis politiques. 1912. 157.

социально-важными групировками являются только группировки, организованные в указанном смысле слова.

Говоря об организованности я включаю сюда и *рациональность* последней, т. е. организованность, дающую возможность достигать максимум целевого эффекта при минимуме сил и траты энергии. А так как подобный максимум эффекта требует для своей возможности координации поведения *на основе точного знания*, то значит *условие рациональной организованности в скрытом виде включает в себя и условие знания, количественную и качественную величину последнего, имеющуюся в данной группе.*

Отсюда следует, что, напр., профессионально-классовая групировка рабочих, весьма численная, потенциально солидарная, реальной силой становится лишь тогда, когда между рабочими одной или близких професий всего мира, сначала спонтанно (стихийные рабочие движения), потом сознательно устанавливается взаимодействие, когда это взаимодействие становится организованным рационально, т. е. когда возникает рациональная согласованность действий „пролетариев всех стран", появляется правящий центр их и т. д. Пока последнего условия нет, социальная важность данной групировки (потенциально огромная) фактически невелика [1]).

---

[1]) Как видно из сказанного, наши критерии „социального могущества" той или иной групировки частично сходны, частично отличны от критериев „могущества", данных Костом в его „социометрии". Последний попытался дать об'ективный масштаб „могущества государств, измеряемый сравнением элементов населения последних". Критериями могущества государств Кост берет: 1) численность населения, 2) плотность последнего, измеряемую отношением населения городов: (столиц и городов с населением не менее 50,000) к остальной массе населения. Чем более многочисленно население, тем могущество государства значительнее. Чем большей является плотность (в указанном значении), тем могущество больше. Последнее условие важно потому, что „полмиллиона или миллион жителей, соединенных в центре страны, могут сделать больше, чем в 25-30 раз большее, но распыленное население деревень". Комбинируя эти критерии Кост, сначала в "Об'ективной социологии", а потом в „Опыте народов" дает такую сравнительную таблицу могущества государств. (Франция принимается за 100).

Государства	Столицы.	Города с нас. 50,000	Насел. дерев. и мал. город.	Госуд. Могущество.
Велико-Брит.	145	281	76	155
Россия	50	164	307	136
Германия	66	201	133	121
Франция	100	100	100	100
Ам. Соедин. Штаты	69	279	138	70 или 74 и т. д.

См. *Coste*: L'expérience des peuples. 1900. 602 стр. Ср. *Coste*: Les principes d'une soc. obj. 172-174. Как было указано критиками Коста раньше (См., напр., Steinmetz: Classification des types sociaux. L'annèe sociologique, т. III. 83 и сл.) и как мы знаем теперь (после войны), данная таблица ошибочна. (Россия, напр., по Косту оказывается более могущественной, чем Соед. Штаты Америки).

Костом здесь не учтены (помимо других условий: степени культурности, экон. мощи страны и т. д.) ни организованность, ни степень солидарности, ни ряд других условий, которые для решения его конкретной задачи ему необходимо было учесть. Для нас, ставящих иные задачи и исходящих из принципа: *прочих равных условий*—эти препятствия отпадают и существенно важным являются только пять указанных условий.

Наконец, пятым условием могущества группы является *технический аппарат* воздействия на поведение, находящийся в ее распоряжении. Под ним я понимаю совокупность всех тех средств, которые позволяют группе или ее агентам воздействовать на поведение других людей. К таким техническим средствам относятся: деньги, агитация, печать, (газеты и т. п.) телеграф, телефон, транспорт, оружие, живая сорганизованная сила людей, (войско) и т. п.,—с одной стороны, с другой,—те знания, навыки и уменье, которые дают возможность изобретать и наиболее продуктивно использовать все эти средства. [1]) Этот технический апарат, иными словами, сводится к совокупности *проводников* (См. 1-ый том), которыми располагает группа для распространения „волн" своих директив и для подчинения им поведения максимума лиц. Это условие столь ясно, что не требует больших комментариев. Очевидно, из двух групп, напр., двух партий (при прочих равных условиях) более влиятельной будет та, которая располагает лучше поставленной печатью (листовками, газетами, брошюрами, книгами etc), имеет в своем распоряжении телеграф, почту, автомобили, деньги, оружие, сорганизованную боевую силу, с одной стороны, с другой—более богата „техническими силами", т. е. специалистами разных родов: хорошими агитаторами, пропагандистами, ораторами, знатоками боевого дела, талантливыми журналистами, организаторами в той или иной отрасли и т. д.

Численная, солидарная, но бедная техническими средствами группа, всюду (и на поле битвы, и на поле политики, и в области всех форм челов. деятельности) будет разбита группой, не более ее численной и солидарной, но имеющий лучший технический аппарат. Эта истина теперь усвоена почти всеми политическими группами, почему они и стремятся прежде всего поставить на надлежащую высоту свою технику [2]).

Из сказанного ясны критерии социальной важности групировки. *Чем сильнее принадлежность к той или иной группе обусловливает поведение ее членов, во первых, чем сильнее вся группа влияет на поведение других групп* (их членов), *во вторых, т. е. чем она организованнее, численнее, солидарнее и богаче техникой тем ceteris paribus социальная роль группы в среде других групп значительнее, тем большее значение она играет в ходе социальных событий и в истории человечества.* Отсюда вывод: в состав важных элементарных со-

---

[1]) Bentley правильно подчеркивая важность техники для социального могущества группы, понимает под ней: blows, bribes, allurements of one kind and another and arguments also; он более удачно, чем Кост, определяет условия могущества группы. Сила последней, по его мнению, зависит: 1) от числа членов группы, 2) от „степени интенсивности интересов, дающих группе эффективность в ее деятельности при столкновении с другими группами", 3) от техники, в указанном смысле. Как видим, критерии Bentley сходны с моими, но не вполне: им не учтено условие организованности группы. См. *Bentley*: The process of government. 1908. 215—217.

[2]) Такие стремления, помимо государственных и церковных групп, особенно резко бьют в глаза в современных партийных группах. „Техника", "machine", для современных партий—основное условие их успеха См. *Острогорский*: Op. cit. Passim. У нас интересный материал в этом отношении дает „техника" коммунистов.

циальных коллективов не могут войти те коллективы, которые не удовлетворяют этим условиям; т. е. коллективы, состоящие из небольшого числа членов, нераспространенные, несолидарные, не организованные, и не обладающие техникой. Социальная роль таких группировок будет незначительной по сравнению с ролью и влиянием группировок, удовлетворяющих очерченным условиям. Таковы руководящие принципы, по существу своему об'ективные, а не суб'ективные, для решения социальной важности той или иной группировки индивидов в колективные единства.

Пользуясь ими перейдем к выделению наиболее важных социальных группировок.

Легко понять, что, *конкретно последние будут разными для разных времен и народов.* Наиболее действенные (с указанной точки зрения) групировки в современной культурной человеческой среде иные, чем в среде зулусов, ашантиев или корейцев.[1]) Дать конкретную классификацию группировок, приложимую ко всем временам и народам, задача безнадежная и по природе своей невыполнимая. Общим здесь является лишь указанный принцип важности группировки, а какие группировки, на основании этого принципа, будут наиболее важными в древнем Риме или Греции, в кастовой Индии или в Англии 16 в., в арабском Халифате или в современной Америке,—это quaestio facti. В каждом данном случае аналитик-социолог, пользуясь очерченными руководящими принципами, должен сделать фактическое исследование изучаемой человеческой среды.

§ 7. Элементарное коллективное единство [элементарная социальная группа], кумулятивное коллективное единство [или кумул. соц. группа] и сложный социальный аггрегат. [население].

Установив критерии могущества или силы коллективов, на которые распадается население, мы могли бы теперь перейти к конкретному выделению наиболее важных в указанном смысле социальных групп или линий расслоения населения. Изучение их дало бы нам знание строения населения, в основных чертах познакомило бы нас с его „химическим составом“ и позволило бы с некоторым приближением ориентироваться в безконечно-пестрой картине переплетающихся и скрещивающихся коллективных единств, данных в среде любого, в особенности же, современного населения т. н. „культурных стран“. Вместе с этим, *знакомство с наиболее могущественными коллективами, в которые группируются индивиды, помогло бы нам понять ход общественных процессов, ибо последние представляют собой равнодействующую взаимных давлений и взаимных отношений этих, наиболее действенных социальных*

[1]) *Giddings* ошибается, утверждая, что групировки лиц сходных по воззрениям и морали были и остаются наиболее важными. В одни эпохи моральное и ментальное сходство играет большую роль, в другие—сходства по расе, профессии и т. п. имеет несравненно бо́льшее значение, чем сходство первого рода. См. *Giddings*: The Elements of soc. 4-5.

групп. Отклонения от этой равнодействующей, вносимые в ход событий поведением и давлением второстепенных и неважных социальных коллективов, столь незначительны, что могут игнорироваться. С другой стороны, *изучение более важных групп помогло бы нам понять поведение и судьбу каждого индивида, ибо отношение к ним человеческого атома и составляет основные линии системы социальных координат, определяющих его социальную физиономию, удельный вес и все его поведение.* Если более могущественными группами являются те, которые наиболее интенсивно обусловливают поведение и переживания людей, то жизнь и поведение индивида, очевидно, могут рассматриваться как равнодействующая влияний и давлений тех основных групп, под действием которых индивид был и находится, „абонентом" коих он состоял и состоит. Индивид,—его „душа", его идеология, переживания, поведение и жизнь, как увидим ниже,—похож на полотно, в котором отражается социальная группировка и социальное строение населения. Каковы будут последние, таковым будет и индивид. Его „душа"—маленький микрокосм, отражающий тот социальный макрокосм, среди которого он жил и живет. Его поведение—равнодействующая тех императивов и „токов", которые исходят из важнейших социальных групп, вольным или невольным „абонентом" коих он состоит.

Оставляя доказательство этих положений до последующих глав, в целях более убедительного подтверждения их, с одной стороны, с другой, в целях более точного понимания строения населения, сейчас, до выделения конкретных наиболее важных группировок, я должен ввести два—три понятия, без которых эти цели недостижимы, как недостижим и точный анализ структуры населения вообще.

К числу таких понятий относятся прежде всего понятия: 1) *элементарного коллективного единства* (*или группы*, 2) *кумулятивного коллект. единства* (*или группы*), 3) *сложного социального агрегата* (*или населения вообще*). Поясним аналогией смысл и цель введения этих понятий. Предположим, что мы хотим познать строение и состав какой нибудь части земной коры, напр., берега такой-то реки. Если мы не знаем, что такое химический элемент, что такое химическое соединение, что такое минерал и что разумеется под породой, то мы не сумеем разрешить нашу задачу; не сумеем ни понять, ни разложить сложный комплекс тел, каковым с химической точки зрения является берег реки, на его составные элементы. Наличность же понятий химического элемента, химич. соединения, минерала и породы позволяет геологу, минералогу, петрографу или химику довольно легко и точно определить строение и состав берега. Для этой цели им достаточно указать: 1) какие породы входят в его состав (напр., кристаллические или осадочные); 2) какие виды пород в нем главенствуют (напр., известняки, песчаники, глины и т. д.) 3) каков минералогический и химический состав каждой породы (напр., химический состав известняка, песчаника, конгломератов и т. д.) Разлагая сложный комплекс тел на более простые составные части и дойдя до химиче-

ских элементов, исследователь строения и состава земной коры вполне удачно решает свою задачу. Без таких приемов и понятий, напротив, ему было бы невозможно удовлетворительно разрешить ее.

В таком же положении находится и социолог. Население представляет сложный комплекс тел, составленный, подобно берегу, из множества „пород", химических соединений и элементов. Для понимания его строения необходимо суметь разложить его на пласты—на более простые тела, эти последние—на элементы. Этим заданием и вызвано введение указанных понятий: элементарной группы, группы кумулятивной и сложного социального аггрегата. Каждое из последующих понятий разлагается на предыдущее: явление, означаемое термином сложного социального аггрегата, (население) распадается на кумулятивные и элементарные группы; кумулятивная группа—на элементарные (подобно, скажем, породе, распадающейся на род простых и сложных химических тел, а эти последние—на составные химические элементы).

В основе такого различения лежат следующие факты. Какое бы население, занимающее ту или иную территорию, мы не взяли, оно состоит из ряда индивидов, не похожих друг на друга. Каждый индивид представляет индивидуальность, отличную по своим биологическим, психическим и социальным чертам (по расе, полу, возрасту, силе, здоровью, психическому темпераменту, по умственным, нравственным и др. свойствам) от всех других индивидов. *Человеческие индивиды не тождественны, не равны, а гетерогенны* [1]) *Констатируем этот факт.*

Но рядом с ним констатируем и другой. Он состоит в том, *что степень различия или гетерогенности одного индивида от другого варьирует.* „Если индивиды, составляющие социальный аггрегат, не вполне тождественны друг с другом, тем не менее, в конкретных случаях возможно группировать их согласно большей или меньшей гетерогенности, которая существует между ними по отношению к их физическим, психическим, интеллектуальным и др. свойствам. Опыт показывает, что различия индивида от индивида могут варьировать от едва заметного минимума до максимума, доступного вульгарному наблюдению. Отсюда следует возможность, на основе данного критерия класификации, выделять различные группы, или классы, или слои индивидов, составляющих данный аггрегат, таким образом, что гетерогенность индивидов, принадлежащих к одной группе, или к классу, или к слою, будет значительно меньшей, чем гетерогенность индивидов, принад-

---

[1]) См. мою Систему социологии. т. I. § полиморфизм индивидов „Индивиды, правильно говорит Sensini, гетерогенны, под какой бы точкой зрения—физической, психической, интеллектуальной и т. д.—их не рассматривали". „Piaccia, o non piaccia a certi teorici, sia di fatto che la societa umana non è omogenea, che gli uomini sono diversi fisicamente, moralmente, intellettualmente", говорит и Парето. См. *Sensini*: Teoria dell'equlibrio. Rivista ital di sociol. 1913. 556. *Pareto*: Trattato. т. II. 468. См. также: *Steinmetz*: L'avvenire della razza. Riv. it. soc. 1910. 485 и сл. *Niceforo*: Il progresso. Riv. it. soc. 1911. 546. См. § § о полиморфизме индивидов в Esquisse d'une sociologie Ваксвейлера, в The science of human behavior Пармели и др.

лежащих к различным группам, или классам, или слоям" [1], правильно говрит Sensini. Добавлю к этому, что в силу гетерогенности индивидов и ее варьирования не только существует возможность конструирования различных групп или слоев в среде данного населения (иногда мнимых, а не реальных), но в силу этих условий индивиды действительно группируются в различные реальные коллективы и расслаиваются на ряд слоев или групп. Если бы все они были тождественны друг с другом, или все в одинаковой степени различались один от другого, то сила их сцепления была бы одинаковой, они, так сказать, с одинаковой силой притягивались или отталкивались друг от друга. В этом случае распадение населения на множество групп не имело бы места. Но так как этого тождества индивидов нет, так как их отличие друг от друга варьирует, то неизбежным результатом такого факта является их группировка в различные коллективы, или расслоение всего населения на множесто реальных групп. Se le diversita tra gli uomini costituiscono, come realmente avviene, un fatto costante, la formazione di gruppi con coscienza, occupazioni, interessi speciali e l'opposizione tra i vari gruppi costituiscono fatti costanti e immutevoli, правильно говорит Niceforo [2]). Раз различны индивиды, они неизбежно распадутся на ряд групп; раз даны различные группы, то тем самым даны различные формы деятельности этих групп и различные групповые интересы, ибо „нет группы без ее специфического интереса". [3]) Отсюда различная степень притяжения и отталкивания индивидов, различная степень их взамодействия: отсюда—тот пестрый узор социального расслоения, который мы очертили выше.

Но раз гетерогенность индивидов может варьировать, значит могут варьировать по своей глубине и силе и линии социального расслоения, значит по своей сложности и строению группы могут иметь различный характер. Одни индивиды могут быть сходными с другими только в каком *либо одном* отношении (напр, в отношении пола, или расы, или религиозных верований, или языка), различаясь в остальных отношениях друг от друга.

В таком случае *их общий интерес или связь, об'единяющая их, исчерпывается одним общим интересом,* тем, который вытекает из указанного их сходства. Так как во всех остальных отношениях они гетерогенны, то следовательно, и интересы, и стремления их в этих отношениях будут различными. Следовательно, об'единение или сцепление их в одну группу в таких случаях вызывается и основывается только на *одном общем сходстве.* Они представляют группу, как бы об'единенную только *одним* обручем. В других случаях дело может обстоять иначе. Ряд индивидов может быть сходным *не в одном* каком либо отношении, а *в двух, трех и больше.* Напр., ряд лиц может быть сходным: и по языку, и по религии, и по профессии, и по имущественному положению

---

[1]) *Sensini*: Teoria dell equilibrio di composizione delle classi sociali. Riv. it. di soc. 1913. 556-57.

[2]) *Niceforo*: Op. cit. 546.

[3]) *Bentley*: Op. cit. 211.

(напр., группа татар по языку, магометан по религии, грузчиков по профессии, бедных по доходу). В таком случае они имеют два, три и больше общих интереса, ряд общих стремлений и желаний, вытекающих из ряда общих сходств; их об'единение в одно целое и их сцепление вызывается здесь уже не одним условием, а рядом условий. Группа, ими образуемая, похожа на бочку, скрепленную не одним обручем, а двумя, тремя и большим числом обручей *Сила их взаимного сцепления в этом случае будет* (*ceteris paribus*) *гораздо большей, чем сила сцепления первой, „однообручной“ группы. От остальной массы людей их будет отделять трещина более глубокая, чем в первом случае.* Они будут более монолитны и гомогенны. Первая „однообручная“ группа имеет простое строение, вторая—сложное. Первая неразложима далее. Вторая разлагается как бы на ряд скумулировавшихся простых групп; первая похожа на химический элемент; вторая—на химическое соединение.

Первая похожа на простое социальное тело, вторая—на сложное.

Очевидно, что смешивать и отождествлять друг с другом такие „однообручные“ группы, и такие „двуобручные“ и вообще „многообручные“ коллективы нельзя. По природе они—различны, как отлично простое химическое тело от сложного. Различными будут и их социальные эффекты, и их деятельность. Вот почему, в целях более точного познания строения населения, необходимо проводить различие между ними. Только тогда, когда мы сумеем познать, на какие „однообручные“ и на какие „многообручные“ группы распадается население, только тогда мы получим правильное представление об его строении и составе.

После сказанного понятны основания, заставляющие меня ввести различие элементарных групп, кумулятивных групп и сложного социального аггрегата.

Очертим теперь кратко, что мы понимаем под каждой из этих групп.

Под элементарным или простым коллективным единством я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, об'единенных в одно взаимодействующее целое каким либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки. Такова, напр., группа лиц, об'единенных в одно целое сходными религиозными верованиями, или сходной профессией, или принадлежностью к одному полу, или к одному возрасту, или к одному государству, или к одному языку. Каждая такая взаимодействующая группа, составленная из лиц, сходных *в одном* каком либо отношении, в силу этого сходства считающих себя сродными, и имеющими общие интересы в данном отношении, составит элементарное коллективное единство или элементарную социальную группировку: религиозную (единоверующие), профессиональную (профессиональная группа), однополовую, одновозрастную, одногосударственную и т. д.

Под кумулятивной социальной группой я понимаю совокупность взаимодействующих лиц, связанных в одно взаимодействующее целое не одним, а двумя, тремя или рядом сходных элементарных признаков. Так, одна и та же группа лиц может при-

надлежать не только к одной религии, но и к одному государству, и к одной профессии. След., такая группа лиц представляет из себя кумулятивную, религиозно+государственно+профессиональную группу (напр, рабочие одной профессии+православные+русские). Она об'единена не одной, а тремя скумулировавшимися связями, поэтому она не элементарная, а сложная социальная группа. Такой группой будет всякая совокупность взаимодействующих лиц, об'единенных в одно целое двумя или большим числом элементарных сходных признаков. Она представляет как бы бочку, доски которой скреплены не одним, а двумя или большим числом обручей.

Как видно из сказанного, различие между элементарным и кумулятивным коллективом не зависит от числа членов последнего, а исключительно от числа об'единяющих в одно целое признаков.

Что касается, наконец, *сложного социального аггрегата, то он представляет из себя соединение лиц, заключающее в себе два или большее число различных элементарных коллективных единств, или два или большее число различных, кумулятивных групп, или и элементарные, и кумулятивные коллективные единства.* Иными словами, сложный социальный аггрегат всегда распадается на два или большее число различных элементарных или кумулятивных групп, или тех и других. Таким сложным социальным аггрегатом фактически является *всякое население*, занимающее ту или иную общую территорию. Так, жители одной деревни представляют сложный социальный аггрегат, ибо население деревни включает в себя ряд отдельных семейств (два или большее число элементарных семейных группировок), нередко оно распадается на группы богатых и бедных (новая элементарная группировка), часто жители одной деревни различаются по профессиям (напр, лица, работающие на фабрике и не работающие на ней) и т. д. Словом. даже население деревни распадается на ряд различных элементарных, а нередко и кумулятивных социальных групп. В силу сказанного, оно представляет не элементарную, и не кумулятивную социальную группу, а сложный социальный аггрегат. Если же взять население губернии или государства или большого города, то оно вне всякаго сомнения составит сложный социальный аггрегат; только степень сложности его строения будет безконечно большей, чем строение первого сложного социального аггрегата, какой представляет из себя население деревни. [1])

---

[1]) Отсюда следует, что не совсем прав Монье, видящий отличие города от деревни в том, что „город представляет сложную группу“ (complex community), составленную из ряда простых групп (семейств, професиональных групп и т. д.), а деревня и остальное, не городское население—простую группу. Как видно из сказанного и как увидим ниже, всякое население культурных стран нашего времени. в том числе и население деревень, не является простой, элементарной группой, а представляет собой сложный аггрегат или complex community. Различие деревни и города в этом отношении различие не абсолютное, а относительное, не качественное, а количественное: население города, как и население деревни.—сложный социальный аггрегат, но первый более сложен, чем второй. Это косвенно признается, в конце концов, и Монье. См. *Maunier*: The definiton of the city. Am. j. soc. v. 15, 536-548. Его же: L'origine et la fonction economique des villes. Paris. 1910.

Из сказанного следует, что любое население мы представляем, как сложный, социальный агрегат, распадающийся на ряд элементарных и кумулятивных групп. Оно расслаивается прежде всего по линиям элементарных коллективов. Когда несколько линий элементарного расслоения сливаются вместе и идут по одному и тому же пути, рядом с трещинами элементарного расслоения образуются более глубокие трещины кумулятивного расслоения, составленные слиянием двух или большего числа трещин элементарного расслоения. Один и тот же индивид может быть абонентом ряда различных элементарных единств и вместе с тем ряда кумулятивных групп; напр., *A* может быть „абонентом“ элементарного единства: a), „руское государство“, b) не совпадающего с ним другого элементарного колектива: „православная церковь“, c) третьей элементарной языковой группы: „черемисов“ и т. д. Но вместе с этим *A* будет членом кумулятивной группы: „русско-поданные+православные+черемисы“, группы отличной от всех указанных элементарных групп, ибо не все русские подданные—православные, не все они говорят на черемисском языке, не все православные — русские подданные (напр., румыны или болгары), не все черемисы—православные. Со всеми русскими подданными *A* связан как бы одной связью—единоподданства; одной связью—единоверия он связан и со всеми „абонентами“ общества: „православная церковь“, одна связь соединяет его и со всеми, говорящими по черемисски. С лицами же, подобно ему, принадлежащими одновременно и к „России“, и к „православной церкви“, и к „черемиско-говорящей группе“, он соединен тремя проводами, об‘единен с ними тремя, а не одним обручем.

Сказанное отчетливо уясняет различие между: элементарной группой, кумулятивной группой и сложным социальным аггрегатом. Оно показывает, что таким путем можно создать настоящую „социальную химию“, позволяющую с достаточной точностью определить „состав“ и „природу“ любой сложной социальной группы: для этого нужно разложить ее на элементарные группы и определить, из кумуляции каких элементарных групп она образована,

Из сказанного же следует—и в этом мы убедимся из дальнейшего,—что без разложения любого населения на составляющие его элементарные и кумулятивные группы невозможно понять его строение и состав.[1]) Без различения этих понятий мы рискуем заблу-

[1]) Sensini полагает, что социальное расслоение на элементарные группы не существенно и редко основывается на элементарных признаках. Социальные группы, говорит он, non sono basati giammai su un carattere „elementare“ qualsiasi, ma sempre su qualcuno di quei caratteri, che dicemmo „composti“. Теоретически, продолжает он, конечно возможно группировать индивидов по элементарным признакам, но такие элементарно-гомогенные группы non trovano riscontro negli aggruppamenti vari offertici dai casi concreti. *Sensini:* Ibid. 567.

С этим нельзя согласиться. Из дальнейшего мы увидим, что различных форм элементарных групп существует многое множество, это раз. Во вторых, без изучения элементарных групп невозможно понять кумулятивные группы. В третьих, сам Sensini признает существование и важность таких элементарных (с моей точки зрения) групп, как группы имущественные, профессиональные, расовые и др. И понятие класса он конструирует не иначе, как путем кумуляции ряда элементарных признаков. Ibid. 565—7 и passim.

диться в сложном море социальных соединений.[2]) Установление же их, наоборот, облегчает познание строения и состава сложных социальных аггрегатов, т. е. населения.[3])

Таковы вкратце эти три понятия. Ограничимся пока приведенными прелиминарными определениями. Ниже они найдут достаточно полное развитие.

Указав критерии важности или социального могущества коллективных единств, введя понятия: элементарной группы, группы кумулятивной и сложного социального аггрегата, теперь мы можем сказать, что *задача изучения строения и состава населения сводится: 1) к учению о важнейших элементарных группах, или элементарных линиях социального расслоения, 2) к учению о важнейших кумулятивных группах, или кумулятивных линиях соц. расслоения, 3) к учению о сложных социальных аггрегатах.* Займемся сначала краткой характеристикой каждой из этих групп. Когда это „анатомо-морфологическое" описание будет закончено, мы получим возможность перейти к рассмотрению явлений социальной перегруппировки, общественных „сдвигов" и „землетрясений" и к ряду других явлений, в достаточной мере важных и интересных. Этим закончим вводную главу „Аналитики населения" или „сложных социальных аггрегатов" и перейдем теперь к учению об „Элементарных группировках".

---

²) Отсутствие этого деления служит одной из причин неудачи работы Де-Грефа, посвященной структуре общества. При трехтомном об'еме ее она не дает ничего, кроме банальностей для познания структуры общества. См. *De-Greef:* La structure gènèrale des société т. I, II, III. Paris. 1908.

³) Замечу кстати, что по этому же пути идут и исследователи растительных аггрегатов. В русской и отчасти в иностранной литературе различаются: 1) „растительное сообщество", под которым разумеется совокупность сосуществующих и взаимодействующих растений, покрывающих определенную территорию, так сказать, растительное население, 2) растительная ассоциация (формация), под которой разумеется „сообщество имеющее одну и ту же внутреннюю организацию, один и тот же социальный строй и характеризующееся сходным видовым составом".

См. *Сукачев:* Введение в учение о растит. сообществах. 1915. 61 и сл., 138—139. *Варминг:* Ойкологич. география растений. 1901. 115—150. Иная терминология дается у *Дильса:* Ботанич. география. 1916. 62.

Понятие растит. сообщества тождественно с нашим понятием сложного соц. аггрегата, понятие растит. ассоциации представлает нечто среднее между элементарной и кумулятивной группой.

Глава II. Учение об элементарных социальных группах.

§ I. Литературные справки.

Несмотря на большую важность обсуждаемой проблемы вопрос о важнейших элементарных коллективных единствах систематически в социологической литературе почти не ставился. Такое положение дела об'ясняется многими причинами, в частности, тем, что сициологи до сих пор мало занимались анализом структуры населения, не проводили различия между элементарными группировками, кумулятивными коллективами и сложными социальными агрегатами. Не различая этих образований, довольствуясь поверхностными ходячими и общими представлениями, они естественно обходили молчанием эту проблему или же ограничивались случайными замечаниями, брошенными ad hoc—по тому или иному поводу.

Приведем ряд данных, рисующих положение дела.

Прежде всего естественно было бы ждать, что проблема важнейших элементарных группировок найдет свое решение у тех лиц, которые, подобно Дюркгейму и Зиммелю, много занимались явлениями социальной дефференциации. Но у этих авторов мы не находим ни систематической постановки проблемы, ни ее систематического решения. Зиммель совершенно не затрагивает вопроса. Дюркгейм мельком затрагивает его в своем „Методе социологии", говоря о социальных сегментах, и мимоходом ad hoc в „Самоубийстве" дает такой конкретный перечень основных группировок. „Кроме общества религиозного, семейного, политического, говорит он, существует еще одно, о котором до сих пор у нас еще не было речи: это—общество, которое образуют, соединившись между собою, все работники одного порядка, все сотрудники в одной функции, это—профессиональная группа или корпорация".[1]) В другом месте[2]) он выделяет еще одну группировку или „общество" по характеру цивилизации. Вот и все, что мы находим у него по этому вопросу. Ниже мы увидим, что религиозной, политической, семейной и профессиональной группами не ограничиваются важ-

[1]) *Дюркгейм:* Самоубийство. 522.
[2]) L'annèe sociologique. т. XII. 46—50.

ные элементарные группировки населения, во первых, во вторых — группировка по характеру цивилизации отнюдь не элементарна, а представляет кумулятивную группировку. Спенсер точно также не ставит и не решает этого вопроса expressis verbis.. Но подразделение коллективов, изучение эволюции которых составляет содержание его II-го тома „Оснований социологии",[1]) представляет своего рода фактическую классификацию основных социальных групп, существующих в пределах „общества". Она такова: 1) Домашние учреждения (семейный коллектив), 2) Обрядовые учреждения. 3) Политические учреждения (политическая группировка), 4) Церковные учреждения (религиозная группировка), 5) Общественные профессии (профессиональная), 6) Промышленные учреждения (классово-экономическая группировка).

Легко видеть, что здесь: 1) в виду иных заданий включены явления, которые к группировкам не относятся и не представляют коллективных единств (обряды), 2) перечень обнимает далеко не все важные группировки, 3) такая группировка, как классово-экономическая, как увидим ниже, представляет не элементарное, а кумулятивное коллективное единство.

Столь же случайны перечни основных видов общества или социальных групп, даваемые рядом других социологов и представителей общественных наук. Так, напр., Де ля Грассери различает группировки: 1) расово-кастовую, 2) классовую, 3) профессиональную, 4) партийную [2]). По поводу ее заметим: 1) нельзя отождествлять расовое и кастовое расслоение. Рассовая группа является группой элементарной, как увидим ниже. Кастовая же группа— группа сложная: члены одной касты связаны друг с другом не только расовым сходством (иногда его даже не бывает), но и рядом других сходств: единством профессии, религиозных верований, правовых ограничений или привилегий, единством территории, единством языка и т. д. Каста—это кумулятивная группа. Далее, если бы каста равна была расовой группе, то отсюда следовало бы, что существует несколько тысяч различных рас, ибо число различных каст в Индии не менее 3.000, в свою очередь, делящихся на подкасты, из которых одни охватывают до 5.000.000 членов, другие только до 14 семейств [3]). Такого количества рас пока не насчитывал ни один антрополог; 2) ниже мы увидим, что и класс представляет не элементарную, а кумулятивную социальн. группу, 3) профессиональной и партийной группировками далеко не исчерпываются основные элементарные коллективы. Р. Вормс различает группировки: 1) этническую, 2) территориальную, 3) профессиональную, 4) классовую, 5) по симпатиям [4]). Группировка по

---

[1]) См. *Спенсер*: Осн. Соц., т. II. Passim.

[2]) См. ст. *Де-ля Грассери*: в Revue intern. de sociologie. 1903. 577—578.

[3]) См. Shridnar *V. Ketkar*: The History of Caste in India. 1909 г. Ithaca. Passim. См. также *Bouglé*: Essais sur le régime des Castes 1908 г. и особенно статистический материал, собранный и обработанный Risley в Census of India. Традиционное представление о четырех основных кастах, взятое из „Законов Ману", не соответствует действительности. См. ниже § о кастах.

[4]) *R. Worms*: Philosophie des sciences sociales. 1907. т. III. 64—65.

симпатиям—неопределенна и неизвестно что означает. Классовая—не элементарна. Остальные дают перечень только части группировок, а не всех важнейших.

А. Кост в пределах „общества“ различает такие разряды функций, а соответственно и разряды осуществляющих эти функции групп: 1) группы, выполняющие функции управления (война, управление, законодательство, правосудие), 2) группы производящие (промышленность, торговля, ремесла, земледелие и т. д.), 3) группы доктринальные, выполняющие функции просвещения и воспитания (наука, религия и т. д.), 4) группы солидарные: семья, каста, класс, партия, ассоциация [1]). Здесь первые три группы выделены на основании признака профессии и потому в своей совокупности являются лишь видами профессиональной группировки. Последняя группа дает смешение разнородных групп, об'единенных в один разряд чисто внешним признаком солидарности: если и семья, и каста, и класс, и партия солидарные группы, то чем же они отличаются друг от друга? Вопрос только поставлен, а не решен Костом. Затем, каста и класс—группы кумулятивные, а не элементарные. Семейная и партийная группировки—совершенно разнородные и потому об'единять их в одну рубрику нельзя. В итоге—классификация неудачна.

Л. Гумплович дает следующую классификацию „обобществляющих моментов“, а соответственно и социальных групп. Он делит их на три основных класса: 1) группы, об'единенные „материальными“ связями (общее местопребывание, кровная связь, родство), 2) группы, об'единенные экономическими связями (по сословию, имуществу, по профессии), 3) группы, об'единенные нравственными связями (язык, религия, наука, искусство) [2]).

Основной грех этой классификации, характеризующий и понятие „расы“ у Гумпловича, состоит в том, что он дает перечень не элементарных (однородных) групп, а кумулятивных. Далее, он отождествляет в одно целое группировки совершенно разнородные, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие. Так, напр., группа лиц, об'единенных общим местопребыванием, далеко не всегда является группой единокровных или родственных лиц. Возьмите население деревни, население города. В одной деревне и в одном городе живут лица, не связанные друг с другом по крови. И обратно, лица единокровные часто живут в различных местах, отделенные друг от друга большим пространством. Вот почему нельзя рассматривать группу, об'единенную общностью местожительства, как группу родственную, и обратно. Точно также не совпадают группировки по сословию, имуществу и профессии. Могут быть лица односословные, но по имущественному положению находящиеся одни в группе богатых, другие—в группе бедных. Дворянин может быть по профессии и помещиком—землевладельцем, и писцом в канцелярии, и рабочим, и ученым. Равным образом, совершенно разнородны (см. ниже) группировки по языку, по

---

[1]) *A. Coste:* L'expérience des peuples. 16.
[2]) *Гумплович:* Осн. социологии. 233—234.

религии, по степени образования и т. д. Нельзя поэтому смешивать и отождествлять их.

Словом, перечень Гумпловича дает не элементарные, а кумулятивные группы и вдобавок лишь некоторые, произвольно выхваченные из числа последних.

Столь же малоудачны перечни групп или коллективных единств, даваемые, напр., М. И. Туган-Барановским, считающим важнейшими группировками нашего времени группировки: 1) классовые, 2) партийные, 3) национальные, 4) религиозные [1]) (то же смешение кумулятивных и элементарных группировок, плюс—учет только немногих из них).

По тем же основаниям неудачна классификация Парето, выделяющего группировки: по семейным и родственным связям, по классу и по местожительству [2]) с одной стороны, с другой—группировки управляющих и управляемых.

Еще более неудачны те теории, которые разлагают население на небольшое число слоев, согласно одному какому-либо признаку. Таковы, напр., теории Гобино, Аммона и др., склонных считать, что расслоение населения исчерпывается распадением его на *расовые* коллективы; такова теория марксизма, разлагающая население только на *классы* и, повидимому, склонная к признанию классового расслоения исчерпывающим социальное расслоение населения, данным во все времена и, во всяком случае, основным [3]). Таковы же многочисленные теории, учитывающие только национальное, или имущественное, или какое-либо другое расслоение (см. ниже).

Все эти теории однобоки и неверны. Если бы дело обстояло так, как они рисуют, явление социального расслоения было бы просто; соответственно простыми и понятными были бы и социальные процессы.

Но, увы! такие представления о строении населения стоят на уровне „химии" Фалеса, утверждавшего, что „все—вода". Группировка индивидов в коллективные единства далеко не исчерпывается только расовым, или только классовым, или только национальным и т. д. расслоением. Она бесконечно сложнее: все нижеследующее будет доказательством этого положения.

Разновидностью этих „монистических" теорий являются традиционные теории расслоения населения, преподносимые многими государствоведами. Загипнотизированные Его Величеством—Государством, они чрезвычайно просто решают дело: население с их точки зрения распадается на государство, с одной стороны, на „общество"—с другой. Такова сущность подобных теорий. Приведем пример. Одни из государствоведов, напр., Еллинек и Чичерин, решая нелепо поставленную проблему взаимоотношения „общества" (какого?!) и „государства", говорят нам: „понятие общества в самом тесном смысле обнимает *все общественные группы за исклю-*

---

[1]) *Туган-Барановский:* Основы полит. экон. 503—519.
[2]) *Парето*: Trattato. I. § 1015 и сл.; т. II. § 2025 и сл.
[3]) См., напр., Манифест коммун. партии. Одесса. 1905. 11, 18.

чением государства" [1]), или „общество, как совокупность частных отношений, заключающая в себе и частные союзы, противополагается государству, как единому целому. Такова единственная теоретически правильная точка зрения" [2]).

Легко видеть всю наивность и „пустоту" таких определений. Мы видели (и увидим ниже), что никакого „общества", как целого, нет; что то, что эти писатели называют „обществом", представляет просто население, из которого выкроена государственная группировка. Выкроив ее, они покрыли все население термином „общества" и почили на этом. Между тем, это население de facto представляет не нечто единое, а распадается на множество различных коллективов (религиозные, профессиональные, расовые, имущественные и т. д.), каждый из которых является группировкой sui generis, не совпадающей с другими и имеющей не меньшее значение, чем расслоение населения по государственным коллективам. Такое противопоставление „государства" „обществу" имело бы смысл, если бы все эти разнородные группы, об'единяемые термином „общества", представляли нечто единое, тождественное по своей природе. Мы знаем и убедимся далее, что такое допущение неверно. Расовое расслоение (и группа) не совпадает с религиозным; последнее—с профессиональным; все эти группировки отличны от партийной, языковой и др. групп. С таким же правом, теоретик религиозных или языковых групп, идя по пути таких государствоведов, мог бы выкроить из населения религиозную или языковую группу, противопоставить ее нерасчлененному населению и назвать эту нерасчлененную массу „обществом". В этом случае, в pendant к проблеме: „государство и общество" мы имели бы проблемы: „церковь и общество", „языковая группа и общество" и т. д. Смешивать в одну кучу разнородные группы, на которые, помимо государственных групп, расслаивается население, прикрыв их одним именем „общества", это значит соединять несоединимое, отождествлять разнородное; ничего кроме пустого слова „общество" от такой операции мы не получим. Не видно также, почему в этом случае из кучи разнородных группировок выделяется государство? Раз уж устраивается „вселенская смазь" всех группировок в одну кашу „общества", нужно и государственные коллективы свалить в ту же кашу, ибо государственная группировка не больше отличается от остальных, об'единяемых в „общество", чем профессиональная группировка отличается от религиозной и расовой.

Другие, как, напр., часть социалистов, Л. Штейн и Гнейст, впадают в ту же ошибку, выделяя государство, как определенную, властную, административно-политическую организацию из „общества", как „системы зависимости одних от других, проистекающей из неравномерного распределения имущества" [3]).

---

[1]) *Еллинек*: Право соврем. государства. СПБ. 1903. 58—61.

[2]) *Чичерин*: Курс госуд. науки. М. 1896 г. ч. II, 3 и сл. См. также: *Balicki*: L'Etat comme organisation coercitive de la société. Paris. 1896 г. 21.

[3]) См. изложение вопроса в ст. *В. М. Гессена*: „Общество". Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрона, СПБ. 1897 г., т. XXI, А. 630—31. *Лазаревский*. Русск. гос. право. 16—17.

Здесь опять таки все группировки, на которые расслаивается население, кроме государственного расслоения, смешиваются в одну кучу „общества“ и вдобавок эти разнородные единства почему-то считаются вызванными только неравномерным распределением благ. Первое положение—неверно: это следует из только что сказанного. Неверность второго положения увидим из последующего [1]).

Третьи, на почве иллюзий „единого общества“, впадают в еще более грубую ошибку. Они не противопоставляют „государство—обществу“, а по просту отождествляют их и говорят, что государственная группа и есть „общество“ [2]).

Если такое утверждение означает, что население расслаивается только по линиям государственной принадлежности,—оно в корне ошибочно: самое поверхностное наблюдение показывает, что оно расслаивается по множеству других линий (религиозной, классовой, имущественной, национальной и др.), отличных от государственного расслоения.

Отсюда следует, что такие теории представляют не решение проблемы социального расслоения населения, но прямое ее непонимание. Они кончают там, откуда следует начинать. Вместо распластания населения на важнейшие слои они нам преподносят единое общество—государство и считают дело решенным. А куда вы дели, спросим мы их, такие коллективы, как „пролетарии всех стран“ или „капиталисты всех стран“? как „католическая церковь“, „польская национальность“, „желтая раса“? и т. д.,—коллективы, пограничные линии которых идут совсем иначе, чем линии государственных „обществ“ и выходят за пределы последних.?

Почему же умалчивается о таких „внегосударственных“ обществах? Почему только государству наклеивается ярлык „общества“? В угоду чему сложная действительность социального расслоения подменяется причесанной и простенькой картиной распадения населения на „единые общества“—государства?

Четвертые, как, напр., Н. И. Лазаревский [3]), не отрицают, что, помимо государства, существует ряд других обществ и расслоений. Но, гипнотизируемые Его Величеством—Государством, они изображают дело так, что все эти негосударственные группы, по милости государства, ютятся под его крылышком, в его пределах, с его соизволения и согласия. По их словам, „в государственную организацию... входят составными элементами и все эти (не государственные) более мелкие общественные организации“. Государственный коллектив, в таком изображении, становится похожим на громадный сарай, под крышей которого ютятся другие, не государственные—группы и, вдобавок, по мере сил, стараются укрепить и поддержать государственную организацию [4]).

---

[1]) См. его критику у R. von—*Mohl'я*: Staatswissenschaften u. Gesellschaftswissenshaften. т I. 1851.

[2]) См., напр., *Тахтарев*: Общество и государство. 1918 г. 9—10, 44—45.

[3]) *Лазаревский*: Русск. гос. право. 16—17.

[4]) *Лазаревский*: Ibid. 17—18.

Нужно ли говорить, что и такие теории неверны. Неверно, во-первых, что „негосударственные организации входят составными элементами в госуд. организацию“ и заключаются в ее пределах. Такие коллективы, как католическая или буддийская церковь, как „интернациональное об'единение рабочих“, как „желтая раса“, как „международный союз капиталистов“, как „польская национальность“ не умещались и не умещаются в пределах государства, а выходят за его пределы. Неверно, далее, что они стараются поддержать и укрепить государство. Часто бывает обратное. Часто интересы таких коллективов идут в разрез с интересами государства. Мы увидим, что „право, создаваемое общественными организациями“, сплошь и рядом, не только не „восполняет права, установленного законами государства“, как думает Н. И. Лазаревский, но идет наперекор последнему, стремится разрушить его (право и цели революц. партий, профессионально-синдикалистских организаций и т. д.) и само государство. Вот почему нельзя держаться и этой точки зрения. Она результат того же государственного гипнотизма, ослепляющего исследователя, заставляющего его смотреть на остальные группировки, как на что-то второстепенное, мелкое, и смешивать их все в одну кучу пред лицом „Его величества—государственного Левиафана“. Результатом того же гипноза является связываемое с этим положением представление будто-бы право всех этих внегосударственных соединений существует и может существовать лишь постольку, поскольку государству благоугодно признать это. Это иллюзия. Если право государства противоречит праву этих обществ, то часто первое гибнет при столкновении с последним [1]).

Пора от этого гипноза отделаться и усвоить более реалистическую точку зрения на вещи. А она такова, что: 1) государство—только одна из многих группировок, 2) что остальные группировки не абсорбируются ею и не совпадают с государственной, 3) что каждая из этих остальных группировок—явление sui generis и одна на другую не сводимы; 4) поэтому, нельзя „общество—вообще“ заменять государством, 5) Нельзя, выделив государство, остальные разнородные группировки об'единять одним термином „общество“ и противополагать их, как нечто единое, государству. Каждая из них отлична от другой, посему нельзя их ни покрывать одним словом, ни подводить под общую крышу государства. Так дело обстоит сейчас; так же оно обстояло и в прошлом.

Эти положения частично усматривал Р. фон—Моль, подвергший критике концепции, подобные Штейновской. Он правильно указал на то, что основанием общественной группировки является не только экономический момент, но также религия, образование, общность местожительства, происхождения и т. д. Сообразно с этим, сам Моль дает перечень таких группировок: 1) государственная, 2) семейно — кровная, 3) общественно—привилегированная

---

[1]) См. об этом: *Cruet*: La vie du droit et l'impuissance de loi. Paris 1908. Passim.

4) профессиональная, 5) по степени богатства, 6) религиозная [1]. Этот перечень довольно близок к делу. Его минус лишь в том, что он дает перечисление не всех важнейших группировок.

Довольно удачна классификация элементарных группировок, встречающаяся у Ю. Делевского. Он различает группы: половые, возрастные, расовые, национальные, государственные, классовые, кастовые, сословные, религиозные, идеологические [2]. Ошибка здесь в смешении элементарных и кумулятивных групп.

Более подробно на вопросах социальной группировки и строении населения останавливаются американские социологи. Некоторые из них дают весьма подробную классификацию коллективных единств, составляющих в своей совокупности сложный социальный аггрегат. „Само по себе понятие населения слишком общее и не далеко уведет нас в описании социальной организации. Необходимо сразу приступить к его классификации“, правильно говорит Мейо—Смит и дает далее такую классификацию населения.

„1. *Демографические классы.* Индивидуумы, из которых состоит население, различаются по полу, возрасту, семейному состоянию и физическому здоровью“.

„2. *Социальные классы.* Они могут быть дифференцированы сообразно религиозному исповеданию, экономическому положению, (пауперы), степени образования (безграмотные), этическому поведению (преступники), занятию (профессиональные классы) или общественному положению (высшие и низшие классы)“.

„3. *Этнографические классы.* Люди различаются по расе, крови и национальности“ [3]. Отсюда следует, что Майо—Смит различает группировки: 1) по полу, 2) по возрасту, 3) по семейной принадлежности, 4) по степени здоровья, 5) религиозную, 6) по богатству, 7) по образованию, 8) по моральности, 9) по профессии, 10) по правовой привелигированности или обделенности, 11) по расе, 12) по крови, 13) по национальности.

Как увидим ниже, эта классификация группировок в общем и целом удачна. Необходим к ней лишь ряд сравнительно небольших поправок. 1) Ее необходимо дополнить: напр., у него нет группировки по государственной принадлежности, одной из самых важных группировок. 2) Кое что отсюда необходимо исключить. Так, коллективное единство физически—здоровых,—единство мнимое. Мнимое потому, что обладание одинаковой степенью здоровья не влечет за собой более тесного взаимодействия сходных в этом отношении лиц.

Для других целей учет физически здоровых играет большую роль, но для нас, исследующих здесь наиболее важные реальные, а не мнимые коллективные единства, такая мнимая совокупность не имеет значения. Необходимо далее исключить группировку по крови, ибо она является дубликатом группировок расовой и семей-

---

[1]) См. *Mohl*: Staatswissenschaften u. Gesellschaftswissenschaften. Gesch. u. Literat der Staatswiss., т. I 1851.

[2]) *Делевский*: Соц. антагонизмы. Гл. II.

[3]) *Майо—Смит*: Статистика и социология. М. 1900. 12—13, 16.

ной; приходится исключить и группировку по национальности, как кумулятивную, а не элементарную. Наконец, можно не вносить в число важнейших группировок группировку по степени моральности. Во первых, этот признак неопределенен. Какая сторона поведения здесь учитывается: степень ли социабельности, или характер обычаев, нравов и права? Если последнее, то какие именно черты нравов и обычаев? Если же понимать моральные коллективы в смысле коллективов преступников (шаек и банд воров, грабителей, убийц и т. д.), то в нормальное время такие коллективы редко бывают столь численными и организованными, чтобы играть большую роль в среде других крупных элементарных единств, чтобы влиять на исторические судьбы населения.

Не мало вопросами строения населения (demotic composition) занимается и Гиддингс. В своих работах „Элементы социологии“ и „Индуктивная социология“ он дает два различных перечня основных группировок, на которые распадается население. „Строение населения, говорит Giddings, всегда представляет смешение различных более или менее несходных элементов, различающихся по органической природе, по возрасту, полу, и родству (Kinship“ [1]). Далее он в качестве коллективных единств выделяет группы, образуемые лицами: 1) сходными по органическому строению (силе, росту, здоровью), 2) одного пола, 3) одного возраста и 4) родственные. Эти последние распадаются на подгруппы по признаку близости: a) единокровных, b) родственных, c) однонациональных, d) потенциально однонациональных, e) этнически одноpасовых, f) по языку однорасовых (glottic Race), g) антропологически однорасовыхъ (Cephalic Race) [2]) m) человечество.

Легко видеть малую пригодность этого перечня для интересующего нас вопроса. 1) Человечество уж никак не может считаться элементом или составной частью населения. 2) Некоторые группировки дублируются: группировка цефалически-однорасовых людей представляет лишь частный случай группировки лиц, сходных по биологической организации. То же следует сказать и о группировке по полу и возрасту в их отношении к группировке по органическому строению. 3) Понятие национальности и расы совершенно неопределенно и перепутано у Гиддингса. 4) Потенциально-национальная группа—мнимый, а не реальный коллектив. 5) Нет ряда важных группировок. 6) Не проведено различия между группировками элементарными и кумулятивными. В другом месте Гиддингс дает иную классификацию социальных классов.

„Не все люди, говорит он, ассоциируются с одними и теми же индивидами или не со всеми в одинаковой степени... Социальное население всегда дифференцировано на классы. Имеется три основных первичных класса населения, а именно: 1) *здоровые, жизненные классы* (vitality classes), 2) *персональные классы* (personality classes) и 3) *социальные классы*“. Классами второго порядка, неосновными, являются: 1) *политические классы* (управляющие и управляемые), 2) *индустриальные классы* (эксплоатирующие и

[1]) *Giddings:* Inductive sociology. 1901. 46—47. Его же Elements. 54.
[2]) *Giddings*: Ind. sociology 47—54. The elements. 54.

эксплоатируемые), 3) *экономические классы* (богатые и бедные). Основные классы даны во всяком населении, вторичные лишь в развитых обществах.

Жизненные классы распадаются на три группы: a) наиболее жизненный класс, дающий минимум смертности, максимум рождаемости и высшую степень здоровья и умственной силы; b) средний жизненный класс, c) и низший жизненный класс.

Персональные классы по степени таланта и способностей распадаются также на три группы: a) гении и таланты, b) люди средней умственной и нравственной силы, c) умственно и телесно дефективные.

Социальные классы по степени социабельности и альтруизма распадаются на четыре группы: a) социальных, b) не-социальных, c) псевдо-социальных и d) антисоциальных (преступники).

Если, наконец, из жизненного, персонального и социального класса возьмем высшие их виды, т.-е. лиц и наиболее здоровых, и наиболее гениальных, и наиболее социальных, то мы получим особую социальную группу: истинную социальную аристократию, избранное подлинное меньшинство (The True Elite), группу великих людей, имеющую колоссальное значение для прогресса общества [1]).

Очерченная интересная теория для нашей цели совершенно непригодна. Она дает перечень не реальных коллективов, а мнимых коллективных единств. Понятие élite, социальных избранников у Гиддингса ясно, но беда в том, что человечество пока еще не имело реальной совокупности или профессионального союза гениев и великих людей. Точно также, люди не группируются в тесные коллективные единства по признаку здоровья или гениальности или социальности. Ценное во многих отношениях деление Гиддингса для нашей цели бесполезно.

Довольно детальную классификацию типичных группировок дает Ross. Вот она: 1) „Случайные группы (толпа, публика). 2) Естественные группы (семья, родственники, община). 3) Сходные (likeness) группы: касты, классы, секты, партии, профессии, нации) 4) Заинтересованные (interest) группы: племена, государства, конфедерации, гильдии, корпорации. 5) Функциональные группы: целевые ассоциации, социальные органы. 6) Авторитеты. 7) Иерархии“ [2]).

Эта классификация, составленная, правда, в иных целях, столь пестра, невыдержана и запутана, что непригодность ее ясна сама собой. Поэтому критические замечания излишни.

Еще более детальную классификацию „составных частей или органов общества“ мы находим у Blackmar'а. Принципом деления он берет „социальную функцию или специальную службу каждого органа“. Вот она (с сокращениями). I) „Поддерживающие (sustaining) органы: производящие группы, добывающие, обрабатывающие, транспортирующие, обменивающие. II) Продолжающие жизнь обще-

---

[1]) *Giddings*: Elements. 103—118. Эта схема чуть-чуть видоизменена Giddings'ом в его Inductive Sociology. См. 249—265.

[2]) *Ross*: Foundations. 98.

ства группы: семья, медицинские и санитарные общества. III) группы, выполняющие функцию общения: печать, телефонно-телеграфные коллективы. IV) Культурные группы: церковь, воспитательные учреждения, научные общества и т. д. V) Регулирующие и защитительные системы: государство (законодательные, судебные, административные учреждения и т. д.), свободные ассоциации (рабочие союзы, филантропические ассоциации, политич. партии и т. п." [1]).

Эта классификация, представляющая детализацию системы органов общества, как организма, данную Спенсером [2]), не дает ответа на исследуемый нами вопрос. Она говорит о другом. Поэтому ее мы можем оставить в стороне.

Bentley, попытавшийся дать „об'ективную социологию“ и об'яснить все социальные явления, как „результат взаимоотношений групп, вопреки ожиданию, ограничивается простым заявлением, что групп существует множество, и затем переходит к изучению т. н. „политических групп“ [3]).

Точно так же поступает и Sensini. Правильно критикуя однобокие теории политических историков, видящих только политико-государственные коллективы, теории экономистов, видящих только экономико-имущественное расслоение, теории расовые, профессиональные и т. д., страдающие той же однобокостью, и, признавая далее многолинейность социального расслоения, Sensini, однако, не дает общей теории социального расслоения и ограничивается анализом класса, как сложной, экономико-профессионально-политической группы [4]).

У ряда лиц, напр., у Мазареллы, мы встречаем ad hoc данную такую теорию группировок: 1) тесная семья, 2) семейная община, 3) gens, 4) корпорация, 5) общество, 6) каста, 7) деревня (villagio), 8) citta (город), 9) дистрикт, 10) государство [5]).

Данная для целей анализа строения населения Индии, она, тем не менее, неудачна. Как видно из определения самого Маццареллы—семья, семейная община и gens—это виды одной и той же группировки, отличные друг от друга только количественно. Корпорация и каста у него почти сливаются. Villagio, citta, дистрикт и государство различаются почти исключительно по территориальной величине. Нет множества других расслоений. В итоге, как общая схема группировок, таблица Маззареллы негодна и неудачна. То же приходится сказать и о множестве „ходячих“ теорий, в изобилии даваемых в курсах права, государствоведения, в исторических работах, с их различениями: „тотемических“, „родовых“, „территориально-племенных“, „государственных“, „национальных“ и т. п. групп. Такие „ходячие“ теории в лучшем случае неполны, а чаще всего, совершенно неопределенны и лишены на-

---

[1]) *Blackmar*: Elements of Sociology. 1905. 92—93.
[2]) *Спенсер*. Осн. соц. т. I, часть II.
[3]) См. *Bentley*: The process of gouvernement. гл. VII.
[4]) *Sensini*: Op. cit. 573, 567.
[5]) *Mazzarella*: Le forme di aggregazione sociale nell'India. Riv. it. Soc. 1911. 178.

учного содержания [1]). Ряд социальных группировок мы встречаем обычно в курсах демографической статистики. Так, напр., у Майра мы находим группировки населения: по полу, возрасту, по продолжительности жизни, по физическим недостаткам, по семейному состоянию, по вероисповеданию, по национальным и племенным различиям, по месту рождения, по оседлости, по грамотности, по профессии, по преступности [2]).

Эти группировки более удачны. Их недочеты с интересующей нас точки зрения в том, что они не дают ряда важных группировок, играющих громадную роль (напр., у Майра мы не находим: ни расовую, ни имущественную, ни партийную, ни об'емно-правовую и др. группировки); с другой стороны, они рядом с реальными группами дают и группы мнимые (напр., „по продолжительности жизни", по „физическим недостаткам" и т. п.) Очевидно, что эти коллективы не реальные, в указанном выше смысле, а чисто-мнимые, статистические. Будучи важными в других отношениях, для нас, изучающих реальное расслоение населения, такие мнимые группы не интересны.

Ограничимся приведенными литературными справками. Число их можно было бы увеличить весьма значительно, если бы преследовать задачу полного изложения этого вопроса. Но такая „библиография" излишня. Она ничего не даст. Ниже, при анализе понятия класса и в главе о „Систематике обществ", мы встретимся еще с множеством теорий, относящихся к этому вопросу. На основании сделанного обзора, плюс того материала, который будет приведен там, мы убедимся, что в этом вопросе социальная мысль ушла очень недалеко: большинство представителей соц. дисциплины даже не ставит этого вопроса и ограничивается общими, ходячими фразами, научная ценность коих равна нулю; другие только мельком задевают проблему; третьи очень немногие — хотя ставят и решают ее систематически, однако, эти решения вызывают серьезные возражения. Такое состояние вопроса делает весьма вероятными ошибки всякого исследователя этих проблем. В этом обстоятельстве—извинение тех ошибок, которые, вероятно, будут иметь место в нижеследующей классификации важнейших реальных элементарных группировок населения современных цивилизованных стран.

Теперь, руководствуясь очерченными выше принципами, перейдем к перечню важнейших элементарных группировок, на которые расслаивается население т. н. культурных стран.

§ 2. Основные элементарные группировки (линии элементарного расслоения) населения т. н. „культурных стран".

Под элементарной группой следует разуметь реальную совокупность лиц, об'единенных в одно взаимодействующее целое ка-

[1]) См. ниже, гл. «Систематика сложных социальных агрегатов". и гл. „Уч. о кумулят. группах".

[2]) См. *Майр*: Статистика и обществоведение, т. II. Спб. 1900. 93—213: *Его же*: Statistik und Gesellschaftslehre, т. III, вып. I—IV и *Schnapper-Arndt*. Sozialstatistik, 1908. Passim.

ким либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки, так гласило данное выше определение элементарного коллектива. Иными словами, элементарная группа, это *совокупность взаимодействующих лиц, сходных в одном каком либо отношении.* Это сходство влечет за собой сходство их интересов в данном отношении, сходство их стремлений и деятельности в этой сфере, словом, служит условием их сцепления и об'единения в одно солидарное целое, отделяющее их, как коллективную единицу, от остальных членов населения. В своей совокупности они образуют как бы абонентов одной системы взаимодействия, связанных друг с другом одним рядом проволоки.

Это определение элементарной группы достаточно точно. Некоторую неясность составляет в нем лишь понятие *элементарности* сходного признака, вызывающего взаимное притяжение и об'единение в одну группу ряда лиц, сходных по этому признаку друг с другом. Насколько элементарен прост и неразложим должен быть этот общий признак? *Всякое ли сходство в физическом, интеллектуальном, моральном или социальном отношении индивидов может служить условием, вызывающим об'единение сходных лиц в одну элементарную реальную совокупность?* Напр., может ли сходство формы носа, или одинаковость роста, или цвета волос вызывать взаимное притяжение сходных в этом отношении индивидов друг к другу и их об'единение в реальный элементарный коллектив? Обычное наблюдение дает отрицательный ответ на этот вопрос. Мы не видим в социальной жизни реальных групп, составленных из лиц „прямоносых" или „горбоносых", не видим „обществ людей ростом в 1,7 метра", не находим групп или „ассоциаций рыжеволосых", не наблюдаем „Союза холериков или флегматиков", не констатируем и „ассоциаций или групп любителей фетровых шляп". Если иногда в виде исключения какие либо чудаки основывают „клуб толстяков", то такой факт представляет чрезвычайно редкое явление, во первых, во вторых, такие ассоциации столь малочисленны и являются такими исключительными unicum'ами, что социальная роль их ничтожна, давление, оказываемое ими на поведение людей и ход событий, близко к нулю. Поэтому, такие группы, как нулевую социальную силу, мы можем вполне игнорировать.

Эти обычные наблюдения говорят за то, что *не всякий элементарный признак сходства вызывает об'единение в одно солидарное целое сходных лиц.* Сказанное о признаках роста, цвета волос, формы носа, фетровых шляп и т. д., вполне применимо и к целому ряду других элементарных сходств индивидов друг с другом. Целая масса таких сходных признаков не влечет за собой сцепления и об'единения сходных в отношении их индивидов в элементарную реальную группу.

Рядом с такими фактами мы наблюдаем и иные. Если возьмем, напр., такие признаки сходства ряда индивидов, как сходство *профессии*, или *религиозных верований*, или *имущественного положения*, или *пола*, или *подданства* и др., то мы видим, что они играют иную роль: *они действительно вызывают сцепление, при-*

тяжение и об'единение в одну солидарную группу сходных в этих отношениях индивидов. Доказательством тому служит существование: профессиональных союзов и синдикатов, католической или православной церкви, группы богатых или бедных, женских ассоциаций и лиг, государственных групп: России, Англии, Франции и т. д. Вывод отсюда гласит: *одни из элементарных признаков сходства нейтральны и не вызывают образования из сходных в этом отношении человеческих единиц социальной группы; другие, напротив, не нейтральны, а действенны: сходство в отношении их вызывает группировку индивидов в одно реальное целое.*

Теперь, спрашивается: *какие же именно элементарные сходства относятся к числу последних признаков?*

Общий и точный ответ на этот вопрос, при данном состоянии науки, едва ли возможен: вопрос почти не изучен. Можно дать в виде гипотезы те или иные положения. Можно, напр., сказать, что к таким признакам относятся лишь те, обладание которыми тесно связано с удовлетворением основных потребностей человека и определенным образом обусловливает его поведение по адресу других людей и других по адресу первого. Но эта и все подобные гипотезы столь общи, так мало „об'ясняют“, что я предпочитаю, вместо таких „гаданий“ и „болтовни“, иной, более верный путь—*путь наблюдения подлинной картины социального расслоения.* Не будем гадать, „конструировать“ и дедуцировать, а попытаемся смотреть и наблюдать те твердые линии социального водораздела, те трещины социального расслоения, которые даны в окружающем нас мире людей. При этом будем концентрировать наше внимание или зрение на линиях расслоения, во первых, достаточно *глубоких* (ибо мы изучаем только важнейшие элементарные групировки), во вторых, достаточно определенных, „*твердых*“, обозначенных более или менее точными „вехами“—признаками, а не расплывающихся в неопределенные и неясные штрихи или углубления. Мы сейчас находимся в положении географа, задачей которого является нанесение на карту точного чертежа русла рек и водоразделов, а не решение вопроса: почему здесь река повернула направо, а не налево, почему этот приток впадает здесь, а не там. Эти вопросы можно решить лишь имея точный чертеж реки, а не до этого. У нас же пока что нет даже такого чертежа. Когда он будет, когда мы набросаем карту социальных водоразделов, тогда в „социальной механике“, быть может, с большим успехом мы сумеем ответить и на эти: „почему“.

Какие же результаты дает это наблюдение? *Какие признаки индивидов оно дает в качестве „вех“, указывающих наиболее важные линии элементарного расслоения населения? Иными словами, обладание какими признаками вызывает притяжение и групировку сходных в отношении этого признака индивидов в колективные единства?*

Главнейшими из таких „признаков—вех“ являются для современного населения Европы, Америки и т. н. „культурных стран“ признаки: 1) *расовый,* 2) *половой,* 3) *возрастной,* 4) *семейной принадлежности,* 5) *государственного подданства,* 6) *языка,* 7) *про-*

фессии, 8) имущества (богатства или бедности) 9) об'ема прав (привилегированности или обделенности), 10) территориальной принадлежности, 11) религии, 12) политической партии, 13) ряд признаков психическаго характера и, рядом с ними, множество других более мелких признаков, вызывающих мелкие группировки, не относящиеся к числу важнейших. Отдельно от этих групп то же наблюдение показывает нам небольшое число отдельных индивидов, „великих людей", вкрапленных в население, образно говоря, целой головой возвышающихся над остальной массой людей. Но они вкраплены изолированно, а не составляют реальной группы „великих".

Такова та картина, которую дает наблюдение. Сказанное означает, что *к числу важнейших (т. е. наиболее могущественных) элементарных групп, на которые расслаивается современное население „культурных стран", относятся группировки: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковая, 7) профессиональная, 8) имущественная, 9) об'емно-правовая, 10) территориальная, 11) религиозная, 12) партийная, 13) психо—идеологические* (порядок их перечня не означает их относительной важности он вызван, как увидим ниже, иными соображениями).

Таков конкретный ответ на поставленный выше вопрос. Таковы наиболее влиятельные элементарные группы, на которые расслаивается население.

Предвижу заранее ряд „недоумений" и возражений по поводу этого перечня. Некоторые из них постараюсь парировать теперь же [1]).

— „В ряду ваших группировок нет группировок классовой и национальной и возможно еще ряда важных социальных групп", таково возможное возражение.

— Да, нет, отвечаю. Но нет потому, что класс, национальность и еще многое множество других групп относятся не к числу элементарных, а кумулятивных групп. Об них речь пойдет в учении о кумулятивных группах.

— „Вы называете указанные группировки и их признаки элементарными. Но разве такой признак, как государственное подданство или раса, а равно и другие, относятся к числу элементарных? Разве они неразложимы на ряд других более простых признаков? Каждая из очерченных элементарных групп не является ли скорее кумулятивной группой"?

— Отвечаю. Очень может быть, что указанные элементарные признаки могут быть разложены на более простые. Но пока что я не вижу путей для такого разложения; если же и вижу, то они, в конце концов, приводят к столь мелким элементарным свойствам индивидов, что последние из числа „действенных" переходят в число „нейтральных", т. е. таких, которые подобно признакам формы носа, цвета волос, окраски шляпы или росту, не вызывают сцепления и об'единения индивидов. В итоге, идя черезчур далеко по пути детализирования элементарных признаков, мы оказываемся „у разбитого корыта", т. е. вместо ряда важнейших групп, на

[1]) Часть этих возражений была высказана после моего доклада в Русском Социологическом Обществе имени М. М. Ковалевского.

которые расслаивается население, попадаем в море изолированных индивидов, в безпоряке мелькающих перед нами. Вместо изучения пластов социального тела мы оказываемся лицом к лицу с грудой индивидуальных песчинок, взаимоотношения и сцепления которых нам непонятны. Таковы одни мотивы, препятствующие дальнейшему разложению указанных элементарных связей. Признавая относительную их сложность все же я называю их элементарными потому, что, они достаточно определенны и ясны, во вторых, несводимы друг на друга (доказательства ниже), в третьих, комбинируя их мы можем получить любую кумулятивную группу, т. е. любое сложное социальное тело. Следовательно, они выполняют все функции элемента по отношению к сложному телу и потому могут быть названы элементарными, в отличие от кумулятивных.

— В вашем перечне нет fundamentum divisionis; он пестр и нелогичен, могут, далее, возразить любители формальный логики и всяких fundamentum'ов, плохо понявшие их смысл.

Отвечаю. Fundamentum'ом деления служит принцип элементарности. Признаки: расовый, семейный etc.. служат differentia specifica .Sapienti sat.

— „Не лучше ли было бы классифицировать элементарные группы в зависимости от тех потребностей, которые лежат в их основе? Напр., на группы, удовлетворяющие потребность питания, (хозяйственные), потребность размножения (семейные), потребность самосохранения (государственные), потребности моральные (правовые группы), потребности идейные (церковь, партия etc) и т. д?". могут возразить иные.

— Такая классификация мыслима, но ее плюсов я не вижу, за то вижу ряд существенных минусов. Она будет неизбежно суб'ективной и очень условной, ибо, пока что, нет сколько-нибудь общепринятой классификации человеческих потребностей [1]). А главный недостаток такого приема заключается в том, что он не способен дать нам соответствующую действительности картину социального расслоения. Не способен потому, что одна и та же потребность обслуживается фактически не одной, а несколькими группами, и обратно, одна и та же группа обслуживает не одну, а несколько потребностей. Так, потребности психического или идеологического характера обслуживаются не одной какой либо группой, а рядом групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Они обслуживаются: и религиозной группой—церковью, и научным обществом, и политической партией и профессиональными об'единениями. Каждая из этих группировок не совпадает с другой. В социальной действительности они гетерогены и не тождественны. Между тем, исходя из принципа потребности, нам пришлось бы смешать все эти различные группировки в одну и исказить таким образом, в угоду „принципу", реальную картину социального расслоения. И обратно, одна и та же фактически существующая группа обслуживает не одну, а ряд потребностей; кто может сказать, что семья удовлетворяет только

[1]) См. *Сорокин*: Система социологии. т. I. § потребности человека.

половую потребность, что государство обслуживает только потребность самосохранения, как полагают некоторые, что церковь или партия выполняют только функции удовлетворения психических запросов людей [1])! То же, mutatis mutandis, можно сказать и о всякой важной группе. Исходя из принципа потребностей нам и здесь снова пришлось бы исковеркать факты и свести функции каждой группы к удовлетворению одной какой либо потребности. Это было бы новым искаженпем социальной действительности. Вот почему, „логические" классификации элементарных групп, исходящие из принципа ли потребностей, или из какого-либо другого „принципа", внешне могут выглядеть очень „причесанными" и „приглаженными", но с точки зрения соответствия фактам они неизбежно будут негодными.

Этих соображений достаточно, чтобы „отвести" такие возражения.

Указанный перечень основных элементарных групп или линий социального расслоения таков, а не иной потому, что такова социальная действительность, потому что таковы реальные, а не мнимые, не „методологические" группировки людей в обусловливающие их поведение коллективы. Почему эти линии дифференциации проходят так, а не иначе? Почему, напр., сходство по подданству или профессии, по богатству или расе, а не по обычаю брить усы и бороду или не по цвету волос делает сходных лиц солидарными, об'единяет и сцепляет их в одно единство? Почему именно вокруг этих, а не иных сходств скопляются и оседают человеческие опилки?—все это, вопросы важные, но не подлежащие обсуждению здесь. Это вопросы социальной механики, а не аналитики. Как бы мы их не решали, но факт остается фактом: именно вокруг указанных „сходств—вех", как магнитных центров, скопляются и оседают человеческие опилки, именно отношение к ним представляет совокупность координат, определяющих положение „социальной точки"—индивида—в социальном пространстве. Поскольку мы сейчас чертим социологическую карту общественных водоразделов, наша задача, подобно задаче географа, состоит лишь в том, чтобы эту карту начертить правильно. А почему линии социальных возвышенностей и долин или линии социальных рек и ущелий проходят так, а не иначе,—это вопросы пока что чуждые компетенции географа—социолога.

Как указано выше, перечисленные линии элементарного социального расслоения представляют лишь важнейшие линии, указывающие так сказать, только губернские—наиболее могущественные—группировки. Рядом с ними существует множество мелких групп, множество „уездных и волостных" линий дифференциации. Было бы еще лучше, если бы социолог мог дать не только суммарную, но подробную карту социального расслоения, указывающую все мельчайшие группы и союзы. Но при данных условиях—такая задача пока что неосуществима. Она возможна только тогда, когда имеется уже правильная „суммарная" карта. Ее пока еще нет. Поэтому большим шагом вперед будет, если социология, су-

[1]) См. *Hayes*: The classification of soc. phenomena. Am. j. soc. 100—101.

мевшая покончить с иллюзиями „единого общества", сможет дать правильную суммарную карту. Остальное с течением времени приложится само собой.

Таково понятие элементарной группы и основные—наиболее могущественные—элементарные группировки населения нашего времени, устанавливаемые по более или менее „четким" и твердым вехам—признакам, а не по расплывчатым понятиям в роде „зоны культуры", или „характера цивилизации", и не по дедуктивно созданным конструкциям и принципам. Нижеследующее покажет, что эти группировки действительно удовлетворяют очерченным критериям могущественных групп, что они действительно оказывают давление на ход общественных процессов и влияют на судьбу населения вообще, что они не совпадают друг с другом, что они представляют важнейшие коородинаты, определяющие поведение и социальную физиономию индивида, что они действительно достаточно четки и определенны, и, наконец, что любая кумулятивная группа представляет определенное соединение,—кумуляцию,—тех или иных очерченных элементарных групп.

Элементарные группировки закрытые, открытые и промежуточные. Социальные группы и монистические идеологии.

Прежде чем перейти к характеристике этих выделенных элементарных групп укажем еще на одно подразделение последних, частично связанное с могуществом, а затем имеющее значение для понимания строения населения.

Необходимо различать элементарные социальные группы *1) закрытые, 2) открытые и 3) промежуточные.*

Под закрытыми группами я разумею такие, принадлежность к которым не зависит от воли индивида. Он к ним оказывается прикрепленным помимо его согласия, а часто и вопреки последнему. Закрытость может иметь различные степени и формы. Совершенно закрытой мы должны считать такую группу, добровольный вход и выход из которой невозможны. Она оказывается похожей на стену, замыкающую индивида со всех сторон и не позволяющую ему выйти из нее. Хочет или не хочет он, но сбросить с себя цепи данной группы, отрешиться от связи с ней он не может. Так, принадлежность каждого из нас к тому или иному расовому или половому коллективу не зависит от нашей воли: не от нас зависит, мужчинами, или женщинами, белыми или черными мы рождаемся. Вне нашей воли находится и освобождение и выход из такой группы: нельзя из мужчины стать женщиной, из белого—негром, или обратно, нельзя освободиться и от тех свойств, которые передаются вместе с полом или расой. Можно проклинать себя за то, что родился женщиной или черным, но эти проклятия не помогут стереть свою принадлежность к тому или иному полу, к той или иной расе. Круг замкнут. Группа замкнута.

В данном случае замкнутость вызвана *биологическими* условиями. Но она может быть создана и *социальными* отношениями. При-

мером относительно замкнутой социальной группы может служить государство.

Вход и выход из государственного подданства оказываются почти закрытыми: не от нас (за небольшими исключениями) зависит, подданными какого государства мы рождаемся: далеко не от нас зависит и перемена подданства. Участие в государственном коллективе оказывается предрешенным. Разрезать „пуповину", соединяющую нас с ним, мы часто бессильны.

То же применимо, напр., и к такой группе, как семья.

Все эти закрытые и полузакрытые группы характеризуются тем, что свободная диффузия и циркуляция индивидов не в пространственном смысле, а в смысле перемены принадлежности к ним и вытекающих отсюда взаимоотношений *из одной закрытой группы в другую аналогичную или невозможно* (циркуляция из расы в расу, из пола в пол) *или затруднена до чрезвычайности* (перемена подданства, семьи). В лучшем случае здесь остается узенькая щель, игольные уши, через которые удается пройти немногим „*верблюдам*".

Особой разновидностью закрытых групп следует считать *наследственно-закрытые группы*. Под ними я разумею те закрытые группы, где принадлежность родителей к этой группе вызывает за собой принадлежность к той же группе и их детей. Не все закрытые группы наследственные. Так половая группа закрыта, но не наследственна, ибо родитель отец может иметь потомство в виде дочерей, а не сыновей. Государство близко к типу наследственных закрытых групп. Здесь подданство отца, как общее правило, предрешает и подданство детей. Такой же наследственно закрытой группой является, напр., каста.

Под открытими группами я разумею те, принадлежность к которым зависит от воли индивидов, вход и выход из которых свободны. Циркуляция индивидов между такими группами совершается легко, двери их открыты настеж: хочешь войди, хочешь выйди. Примером таких групп могут служить многие „общества любителей" (научные, художественные, филантропические, спортсменские и т. п.), политические партии и т. д. Участие в них—дело желания. Оно не предрешено. Оно не принудительно. Циркуляция свободна. Стен и закрытых дверей нет..

Между этими группами закрытыми и открытыми размещается множество *промежуточных форм*, одни из которых приближаются к закрытым, другие к открытым. Таковы, как увидим ниже, в наше время группы профессиональные, имущественные, об'емно-правовые и другие.. Большинство элементарных и кумулятивных групп фактически принадлежит к числу промежуточных форм с приближением то к закрытым, то к открытым. Одни из них более близки к закрытым группам, другие к открытым. Все они характеризуются тем, что вход и выход из них не вполне закрыты и не вполне свободны. Они как бы имеют маленькую щель, через которую индивиды могут диффундировать, входить и выходить из группы.

Какие из групп принадлежат к данному типу—это вопрос факта в каждом данном случае.

Примером их в наше время служат, напр., большенство профессиональных групп. Теоретически выбор профессии в наше время свободен. И некоторая свобода здесь действительно есть. Но далеко не та, которая представляется с первого взгляда. Хотя в отличие от таких групп, как каста, пол, раса, к которыми человек прикреплен, выйти из которых, как общее правило, он не может, перейти *из касты в другую он не в состоянии, циркуляции здесь нет*, [1]) хотя в отличие от них выход из профессиональной группы,—перемена профессии,—зависит от воли индивида, но в ограниченной мере. В одних профессиях—в большей, в других—в меньшей. Далеко не все, желающие стать инженерами, врачами, землевладельцами, профессорами, чиновниками, рабочими и т. д., делаются ими и в самом деле. С другой стороны, сколько лиц, желающих переменить опостылевшую им профессию, продолжают заниматься ею до самой смерти. Некоторая щель (разная для разных профессий), дающая возможность циркулировать из одной профессиональной группы в другую есть, но эта щель в общем узка, циркуляция слаба, а диффундируют через нее немногие и сравнительно медленно. Подтверждением промежуточности профессиональной группы служит далее и *ее наследственно полузакрытый характер.* [2]).

„Теоретически, говорит Майр, человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее, сын земледельца обыкновенно становится земледельцем же, сын промышленника—промышленником. И здесь индивидуальная свобода более или менее подчинена постоянным или изменчивым внешним условиям“ [3]). То же в значительной мере можно сказать и о дру-

[1]) Редким исключением из этого правила являются случаи извержения из касты или государства, а равно и перемена подданства последнего; но извержение из касты означает не переход в другую, а просто „поставление вне закона“. Перемена подданства хотя в ряде случаев и возможна, но как исключение и то мало зависящее от воли индивида.

[2]) Было бы весьма ценно изучить подробно размеры и характер этой циркуляции для разных профессий и эпох. К сожалению, вопрос почти не исследован. Некоторое представление дают размеры циркуляции в группе германского пролетариата (без высших служащих.) „Для германского пролетариата весь годовой прилив лиц, впервые делающихся рабочими, для 1911 г. 1,638 тыс. чел., для 1912 г.—1,711 тыс., для 1913—1,707 тыс., значит, ежегодно вливается в пролетариат заново около 11-ой части его состава (9,26%) причем 1,281 тыс. идет на пополнение годовой убыли, 426 тыс.—на рост. Сама же убыль на три четверти (505 тыс. мужчин и 480 тыс. женщин) вызывается иными причинами, (чем смертность и инвалидность): замужеством, продвижением на высшие социальные ступени и солдатчиной. Если бы пролетариат не рос., то весь его состав обновлялся бы заново каждые 15 лет. Средняя продолжительность пребывания наемным рабочим 15 лет означает (фактически), что половина работает по 30 лет, другая по 7½ лет.“ *М. Лурье.* (*Ю. Ларин*): Состав пролетариата. П. 1918. 5—6.

Таковы размеры професс.-пролетарской циркуляции в Германии. Само собой разумеется, что эти данные колебаются в зависимости от характера профессии, стран и времени. Одна и та же професия, в эпохи революции напр., может дать показатели циркуляции иные (обычно более высокие), чем в периоды мирные Мной предпринято сейчас. чрез Социолог. Институт, исследование профессион. перегруппировки населения Петрограда за годы революции). Вообще здесь масса интересных проблем, изучение которых было бы очень важно.

[3]) *Майр*: Закономерность в общественной жизни. М. 1899. 232. Тот же

гих группировках, включенных мною в эту категорию: группировке по степени богатства, религии [1]), по месту постоянного жительства, по об'ему прав и обязанностей и т. д. Все они фактически являются промежуточными группировками. Конечно, с поступательным ходом истории профессиональная, религиозная, имущественная и др. группировки делаются более подвижными; эта подвижность особенно возрастает в эпохи переходные, революционные, или за годы войны, но в общем и целом, как показывает статистика народонаселения, до сих пор они представляют полусвободные, мало зависящие от воли индивида группировки.

Следует помнить, что *принадлежность различных конкретных группировок к тому или иному типу—явление исторически изменчивое.* Так, профессиональная группировка в кастовой группе принадлежит к группировке „закрытой“, в современном „обществе“— к группировке частью „полузакрытой“, частью—„открытой“.

Там индивид, родившийся в касте носильщиков воды из источника А“, оказывается прикрепленным к своей профессии: он может быть только „носильщиком воды из источника А“. Перемена профессии (касты) для него невозможна. В наше время выбор профессии теоретически зависит от воли индивида: ни юридических, ни моральных ограничений для перемены профессии нет. Но фактически, как увидим ниже, эта свобода выбора и перемены профессии оказывается очень ограниченной. Точно также, принадлежность к определенной церкви в полицейском государстве является независящей от воли индивида. Его религия предписана государством, он обязан так верить, как приказывают. Это значит, что религиозная группировка индивидов в таком государстве близка к закрытому типу.

факт констатирует и специальная работа *F. Chessa:* La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino Bocca. 1912. Наиболее наследственными профессиями, согласно Chessa, являются те, которые требуют большей технической опытности и капитала или связаны с корпоративным духом (lo spirito di corpo) и с специальными гарантиями продолжительности и непрерывности занятий. Новые экономические условия уменьшают наследственность профессии. См. также: *Ghent:* Mass and class. 1909. 41 и сл.

Что касается ученых, то исследования *Де-Кандолля* показали, что из ста иностранных сочленов французской академии 10 проц. распределялись между классами рабочих и крестьян, 30 проц.—между дворянством и богатой буржуазией, 60 проц. принадлежали к среднему сословию.

Во Франции те же цифры таковы: 23 проц., 35 проц., 42 проц. „Класс рабочих и крестьян—самый многочисленный во всех странах. Он составляет в общем $^2/_3$ или $^3/_4$ населения. Между тем из этого класса выходит наименьшее число ученых“. *De-Candolle.* Histoire des savants. 273. Цитирую по *Вольтману:* Полит. антропология. Спб. 1905. 225. По вычислениям *Ларина,* цифры потомственного, наследственного пролетариата в Германии равняются 79 проц. мужского поколения, и 66,8 проц.—женского. *Ларин:* Jbid. 15—16.

[1]) *Майр:* Op. cit. 220—221. „Статистич. данные очень убедительно доказывают, что одно из очень важных социальных отличий индивидов (религия) зависит не от их собственной воли, а от воли других лиц“.

Так в Баварии в 1840 г. католики составляли 71,08 всего населения, протестанты—27,45; в 1871 г. те же цифры таковы: 71,28 проц. католиков, 27,61 проц. протестантов. Исключениями служат эпохи религиозных гонений.

В государстве же правовом, провозгласившем принцип религиозной свободы, право принадлежать к любому вероисповеданию или не принадлежать ни к какому, в таком государстве религиозная группировка отойдет к группировкам полузакрытого или открытого типа.

Ниже мы увидим значение этого подразделения для понимания строения населения и социальных перегруппировок. [1])

Пока же отметим, что закрытость и открытость группы стоит в некоторой функциональной или кореляционной (в смысле Пирсона) связи с могуществом групп.

Раз наиболее важными группировками индивидов в коллективы являются те, участие в которых наиболее решительно обусловливает переживание и поведение индивидов, с одной стороны, с другой, которые оказываются наиболее численными, распространенными, организованными и солидарными, то очевидно, *наиболее важными с этой точки зрения будут то группировки, те системы взаимодействия, участие в которых является неизбежным для индивида, независящим от его воли и желания*; иными словами *те коллективы, в которые он попадает с момента своего рождения и влияния которых он не может избежать при всем своем желании.*

Раз каждый индивид проходит чрез горнило их влияния, следовательно, такая группировка наиболее *численна или наиболее распространенна*. Так, почти все индивиды по своем появлении на свет оказываются членами той или иной семьи, того или иного государства; поэтому эти коллективы состоят из большого числа членов (государства) или оказываются весьма распространенными (семья), так что в своей совокупности охватывают опять таки большое число людей.

Раз каждый индивид проходит чрез сферу их влияния, это значит, что эти коллективы существуют длительно, а раз они существуют длительно,—то, след. являются коллективами *организованными*, обладающими прочным, осевшим шаблоном взаимоотношений, определенным порядком и теми или иными правительственными органами. Раз индивид испытывает на себе их влияние, раз они являются первыми скульпторами, формирующими человека „по своему образу и подобию", внедряющимп в него определенные навыки и убеждения, вкусы и верования, желания и стремления, то индивид, помимо его воли, впитывает в себя атмосферу таких коллективов, их стремления и интересы, становится подобным членам, составляющим такие коллективы, т. е. вольно-ли или невольно становится *солидарным* и кровно связанным с ними.

Вот почему такие коллективы, принадлежность к которым обычно не зависит от воли индивида, к которым он оказывается прикрепленным с момента своего рождения, вход и выход из которых несвободны, циркуляция—невозможна, такие группы являются обычно и наиболее численными, распространенными, организованными и солидарными, т. е. наиболее важными. Это *группировки закрытые или близкие к ним.*

[1]) См. гл. „Социальные перегруппировки".

Следующей категорией будут группировки *промежуточного, полусвободного—полузакрытого типа*, участие в которых теоретически зависит от воли индивида, фактически же эта воля оказывается предопределенной рядом условий, в частности группировками первого типа. Эти последние обычно предопределяют: будет-ли индивид участвовать в такого рода полусвободных ассоциациях и если да, то в каких именно.

Третьей категорией являются группировки *открытого* типа, участие в которых представляется зависящим от воли индивида. Принадлежность к ним дело его доброй воли. Он может участвовать в них, может и не участвовать. Опять таки принадлежность или не принадлежность к группировкам этого типа и к каким именно, предопределяется влиянием группировок первого и второго типа. Влияния группировок первого типа,—в современных условиях—не избегают почти никто; небольшой доле людей удается избежать влияния группировок второго типа. Несравненно большим является процент лиц, не участвующих в группировках открытого типа и не испытывающих на себе их влияния. В силу этого они обычно не столь численны, как группировки 1-го и 2-го рода. В силу этого их влияние обусловлено группировками последними. Такова связь закрытости с важностью и влиятельностью группы.

Выделенные три типа группировок, как указано, не *отделяются абсолютно резко друг от друга*. Абсолютная закрытость группы и абсолютная ее открытость—это два логических полюса, служащие вехами для характеристики группы. *Фактически же последние почти все принадлежат к числу промежуточных форм, варьируя по степени своей близости к абсолютно закрытой или открытой группе*. Логически закрытость группы может колебаться от безконечности (абсолютная закрытость) до нуля (абсолютная открытость). Фактически любая группировка (за частичным исключением расовой, половой и возрастной) только относительно закрыта или открыта. Но эта относительная степень закрытости, однако, имеет большое значение в вопросах социальных перегруппировок, подвижности, сложности и эластичности строения социального аггрегата. Вот почему, введение этих понятий имеет raison d'être, несмотря на относительность степени их закрытости или открытости

К числу *закрытых из выделенных элементарных групп современного населения т. н. культурных стран относятся группировки*: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная.

К числу относительно открытых: 1) партийная, 2) ряд группировок психического (идеологического, чувственно-эмоционального и волевого) характера.

К числу промежуточных групп с приближением то к закрытым, то с открытым принадлежат группировки: 1) семейная 2) государственная 3) языковая, 4) профессиональная, 5) имущественная, 6) территориальная, 7) религиозная, 5) об'емно-правовая.

Таковы важнейшие элементарные группировки по типу закрытости или открытости, имеющиеся в населении современной

Европы, Америки и „культурных“ областей других материков. Конечно, и здесь закрытость той или иной группы, как увидим ниже, значительно варирует от места к месту. В каждом данном „клочке населения“ она должна фактически изучаться. По как общая приблизительная схема только что перечисленная классификация целесообразна и помогает ориентировке исследователя. Ниже, в главе об социальных перегруппировках, будут даны основания этой схемы и детально рассмотрены затронутые вопросы.

Теперь мы можем перейти к характеристике каждой из элементарных группировок. Но предварительно одно критическое замечание.

Критические замечания.

Как видно из всего предыдущего, я настаиваю на многолинейности элементарного расслоения населения. *В этом смысле моя теория плюралистична и противоположна всем монистическим теориям, защищающим то или иное однолинейное расслоение „общества“*. Согласно им социальное расслоение представляет довольно простую картину: оно исчерпывается или расслоением по расам, или государствам, или полу, или профессиям, или классам и т. д. Не критикуя специально такие „монистические“ теории (ибо все предыдущее и последующее служит сплошной их критикой) я обращу внимание читателя лишь на один факт: на то, что *каждая из выделенных линий элементарных групп вызывает появление на свет соответственной „идеологии“ со стороны своих монистических адептов.* Говоря словами Маркса: „социальное бытие важной элементарной группы“ определяет собой социальное сознание, и вызывает на божий свет монистические идеологии, стремящиеся возвести эту группу на степень основной и единственной и потому игнорирующие существование других групп. Упуская из виду сложность и плюралистичность социального расслоения авторы таких „идеологий“ видят, сообразно с своими вкусами, только одну группу, гипертрофируют ее значение и не дооценивают или игнорируют существование других группировок. В социологической литературе имеются самые разнообразные образцы таких „идеологий“; есть идеологии расовых групп, половых, профессиональных, имущественных, государственных, партийных и т. д. Каждая из таких однобоких теорий стремится доказать исключительное значение соответственной группировки, наделяет ее „сверхестественными“ свойствами и рисует дело так, как будто бы существует только данная группировка, а других нет, если же они и есть, то представляют нечто несущественное, третьестепенное. Бытие государственных групп дало жизнь таким однобоким идеологиям государства [1]).

---

[1]) Эта черта выступает не только в „юридических теориях“ государствоведов, но и в т. н. научной истории. Если последняя перестала быть историей царей и полководцев, то до сих пор она представляет по существу историю государственных группировок. Курсы истории сводятся к изложению, гл. обр., истории государств и их взаимоотношений. История

Расовое расслоение дало жизнь расовым „идеологиям", страдающим той же однобокой слепотой и видящим только расовое расслоение (Гумплович, Аммон, Лапуж, Гобино и др.). Идеологи профессионального расслоения создали идеологию профессиональных групп и самым серьезным образом (в лице синдикалистов) доказывают нам, что професиональные группы *все*, остальные—*ничто*, что они абсорбируют все другие группировки. То же применимо к идеологиям других коллективов (имущественных, об'емно-правовых, национальных, классовых и т. д.). Каждая из них рисует свою группировку, как абсолютного монарха. Каждая из них изображает человека, как существо „одного измерения;" как члена только одной коллективности. Государствоведы думают, что связи индивида исчерпываются его подданством, что государственный коллектив может обслуживать и удовлетворять все запросы человека: и научные, и религиозные, и профессиональные, и партийные, и имущественные и т. д., что ему не зачем „абонироваться" в другие, внегосударственные коллективы. Синдикалисты, как идеологи профессиональных групп, пытаются растворить индивида в профессиональной группе (в „ассоциации производителей") и доказывают, что индивиду незачем быть абонентом внепрофессиональных коллективов. Ассоциация производителей дает ему все. Националисты уверяют нас, что положение индивида вполне определяется выяснением его отношения к нации и т. д.

Эта „однобокость" характерна. Нет надобности ее критиковать отдельно. Все предыдущее и все последующее является сплошной критикой таких монистически—нелепых теорий.

Будучи неверными с точки зрения сущего, эти однобокие теории не могут служить основанием для реформы „общества" и с точки зрения должного. Их апологеты воображают, что, изменив надлежащим образом излюбленную ими группировку, они создадут „идеальное общество" и вырвут с корнем все антагонизмы, неравенства и общественные бедствия. „Измените семью—и вы измените всю судьбу населения; из несчастного сделаете его счастливым, из вялого—энергичным, из раздираемого междоусобиями—солидарным!" говорят нам идеологи семейной группировки. „Измените государственную группировку, перемените внутри государственную конституцию,—и остальное все приложится!" говорят нам идеологи государственных систем. „Замените все группировки—группировкой профессиональной, „ассоциациями производителей," и вы создадите идеальное общество: наступит земной рай согласия, „мир и в человецех благоволение!" говорят нам синдикалисты. „Уничтожьте классы—и получите социалистическое общество равных, солидарных и святых людей!", уверяют нас идеологи классовой группировки. То

других группировок населения или совсем не излагается в общих курсах или излагается случайно, как что-то не важное, не существенное. „Всеобщая история", перестав быть историей царей, стала историей государств. Это шаг вперед, но только шаг. Для своей научности и полноты она должна сделать дальнейшие шаги: стать историей не только государственных коллективов (России, Англии, Франции и т. д.), но и всех других, внегосударственных групп и расслоений. Только тогда она будет полной, всесторонней, а не однобокой историей.

же делают и теоретики других группировок. Каждый из них мнит себя обладателем волшебного рецепта, врачующего все болезни общества и открывающего двери земного рая.—Но, увы! волшебные лекарства, врачующие все болезни, бывают только в сказках. Если бы расслоение населения ограничивалось только семейным, или только государственным, или только профессиональным и т. д. расслоением, эти доктора были бы правы. Но так как дело обстоит иначе, так как система социального расслоения многолинейна, то изменение одной группировки не уничтожает значения других группировок, не избавляет население от других антагонизмов, не элиминирует другие виды неравенств, словом, не может дать идеального общества.

А для того, чтобы засыпать все трещины расслоений, чтобы изменить всю систему группировок, необходимо *полное тождество или полная биологическая и соц.—психическая гомогенность людей*, ибо „раз люди гетерогенны *физически*, они должны различно и чувствовать (sentire); раз они чувствуют различно-они различно будут мыслить и судить. Те же, кто различно мыслит и судит, различно будут и *действовать*“. А раз так, то неизбежным результатом различного поведения людей будет и различное сцепление, притяжение и отталкивание, т. е. образование ряда групп, а вместе с ними—и ряда антагонизмов. [1])

Очевидно, что полная гомогенность людей—факт маловероятный. И в будущем люди будут гетерогенны. Следов., расслоение населения в той или иной форме будет и в будущем, ergo—надеяться на полное исчезновение антагонизмов едва ли приходится.

Вне же изменения всей системы социального расслоения изменение отдельной группировки неспособно дать нам идеальное общество „земного рая“.

Измените организацию семьи, согласно рецепту школы Ле-Плэ; этим кое-чего достигнете; но только кое-чего, а не все. Перекройте карту государств и измените их конституции; кое-что таким путем получите, но, конечно, не получите „земного рая“, не уничтожите другие виды неравенства и антагонизмов (напр., профессиональные, расовые, имущественные, религиозные, половые, и др.). Замените территориально-государственные коллективы профессионально-классовыми, по рецепту синдикалистов и социалистов. В итоге наступят кой-какие изменения, но подлинного „братства, равенства и свободы“ вы не получите; не получите потому, что помимо профессиональной группировки и расслоения, останется ряд других расслоений населения; члены его попрежнему будут неравными (напр., по расе, по религии, по государственной принадлежности, по привилегиям, по уму, по экономич. положению и т. д.) будут антагонизировать друг с другом, будет борьба, грызня, взаимное „об'егоривание“ и т. д. Словом, до „земного рая“ далеко. Измените строение современных партийных групп, замените по рецепту М. Я. Острогорского современные „партии omnibus“, с их широковещательными программами, обещающими всем „веру-

---

[1]) *Niceforo*: I progresso. 546. См. *его же*: Anthropologie die Nichtbesitzenden Klassen, Lipsia—Amsterdam. 1910 г. Passim.

щим" и наивным людям молочные реки с кисельными берегами замените их конкретными, однопунктными лигами и ассоциациями—и кое что получите. Но не столь многое, как думает уважаемый автор „Демократии и политических партий".

Только тогда, когда *вся система социального расслоения* будет кардинально изменена, только тогда была бы возможна реализация „идеального общества" равных, свободно-хотящих и солидарных людей.

Уничтожьте одно расслоение—останутся другие. Вдавите, как в резиновом шаре, одну форму неравенства и антагонизма, они выпятятся в другой форме. Так было. Так и есть. И напрасно думают „идеологи" соответственных группировок своим рецептом „спасти мир". Быть может, кой-какие улучшения они и сделают, но и только: волшебные двери земного рая своим „Сезам! Откройся!" они не откроют. Переменится декорация мировой сцены, но трагикомедия человечества будет продолжаться.

„Идеологи" этому не поверят. Как все сектанты, они слепы на один глаз и верят, что „Велик Аллах и Магомет (Маркс, Сорель, Гобино, Ле-Плэ, профессора гос. права и др.) пророк его". Так всегда бывает. Но нам интересны не их заблуждения, а факты и явления. Последние же таковы, какими указаны, а не таковы, какими приятно воображать их „идеологам".

Само разноречие их, факт выдвигания в качестве главного расслоения различными идеологами различных группировок,—говорит косвенно против критикуемого „монизма" г. г. монистических идеологов.

Все последующее более подробно подтвердит эти положения.

Теперь перейдем к краткой характеристике каждой из основных элементарных групп.

§ 3. Характеристика важнейших элементарных групп.

Начнем эту характеристику с групп относительно закрытых.

Расовая группировка.

Одной из важных линий расслоения населения является расслоение его на *расовые* коллективы. Под последними следует разуметь реальные группы, составленные из совокупности лиц, сходных по своим расовым свойствам. Иными словами, расовые признаки являются признаками не нейтральными, а действенными, благоприятствующими сцеплению и об'единению в одно солидарное целое сходных по расе лиц.

Но что следует понимать под расой и расовыми признаками? Так как эти термины страшно избиты и употребляются в самом различном смысле, то необходимо условиться относительно их содержания. Под расой, следуя Морселли, Серджи и большинству антропологов, я понимаю *„более или менее численную совокупность индивидов, сходных между собой по телесному строению или об-*

ладающих сходными морфологическими и физиологическими признаками, передаваемыми по наследству [1]) Из этого определения следует, что под расой нужно понимать „естественную группу" в чисто зологическом смысле, а под расовыми признаками— чисто биологические признаки, без всякой примеси социально-психических свойств. Отсюда вытекает недопустимость смешения расовой группы с такими группами, как „народ", „национальность", „нация" и т. п., с группами, характеризуемыми обычно по своим социально-психическим чертам, [2]).

Отсюда же следует безсодержательность и ошибочность тех расовых теорий, которые под расовыми признаками понимают не только, и даже не столько биологические-морфолого-физиологические признаки, сколько те или иные социально-психические свойства. Такие лица смешивают расовый тип, как чисто зоологическую разновидность, с типом социальным, совершенно отличным от первого и имеющим иные корни. [3])

Существование рас, в указанном смысле, не подлежит сомнению. Все человечество с этой морфолого-зоологической точки зрения распадается на небольшое число основных расовых групп, каждая из которых, в свою очередь, делится на ряд видов и подвидов. [4]) Не пускаясь в детали, просто констатируем этот факт.

---

[1]) *Morselli*: Le razze umane e il sentimento di superiorità etnica. Riv. it. soc. 1911. 325. *Его же*: Antropologia generale. Torino 1910. *G. Sergi*: L'umanita dal' punto di vista antropologico. Riv. it. soc. 1911. 415-420.

Сходные определения дают и другие антропологи. *Топинард* называет расу „наследственны типом". *Катрфаж* определяет ее, как „аггрегат индивидов, сходных друг с другом, принадлежащих к одному виду, получающих и передающих наследственным путем свойства первоначальной семьи".

[2]) См. резонные замечания по этому вопросу у *Морселли*. Op. cit. 325-6, 347 и др.

[3]) Примером таких „винигретных" теорий рас может служить понятие расы Гумпловича. Он расовыми признаками считает: и общность крови, и сходство языка+религии,+профессии+соседство и т. д. Трудно изобрести большую мешанину. См. *Гумплович*: Rassenkampf., гл. о сингенизме. Майо-Смит точно также путает расу с национальностью. Гиддингс рядом с единством крови признаком расы считает единство языка и традиций. (Более правильно его понятие Chromatic и Cephalic Race. См. *Майо-Смит*: Статистика и социология. 16. *Giddings*: Elements. 54. Inductive socilogy. 1901. 53-54. В тех же грехах частично повинны *Steinmetz*, *Ploetz* и др. См. *Steinmetz*: L'avvenire della razza. Riv. it. soc. 1910. 490. *Ploetz*: Die Begriffe Rasse und Gesellschaft, в Archiv für Rassen—und Gesellschaftsbiologie. г. 1. 1904 Немало таких же ошибок имеется в статьях, данных в *Papers on inter-racial problems*, представляющих доклады, сделанные на первом расовом конгрессе 1911 г. London. 1911 г. *Майр* прав, говоря, что при таком смешении биологических и социальных признаков „приходят к построению трудно определимого и расплывающегося в безконечном разнообразии форм понятия расы, никоим образом не удовлетворительного в научном отношеніи, при котором совершенно устраняется первоначальное антропологическое основание". *Майр*: Стат. и обществоведение. т. II. 123.

[4]) См. деление рас на категории: „протоморфных, архиморфных и метаморфных" у Морселли, см. классификацию Серджи и др. *Morselli*. Op. cit. 329. *Sergi*: Hominidae. L'uomo secondo le origini, l'antichità, le variazioni, la distribuzione geografica. Torino. 1911. См. др. классификации и их историю в „Антропологии" *Топинара* (пер. Мечникова), у *Ранке*: Человек. т. II. СПБ. 1901. 290 и сл., в ст. *Коропчевского* в II. т. Народоведения *Ратцеля* СПБ. 1902. 819 и сл.

Рядом с ним констатируем и другой: *это относительное постоянство и устойчивость расовых признаков, их медленную и трудную изменяемость.* Расовые признаки—наследственны. Под влиянием социальных условий непосредственно они мало изменяются. Изменение их возможно глав. обр. биологическим путем, т. е. путем скрещивания или смешения крови, дающим человеческие гибриды. „Совокупность физических и связанных с ними умственных свойств, которыми отличаются друг от друга естественные разновидности или расы человека, не неизменны, ибо в таком случае невозможно было бы образование рас высших или арчиморфных (arcimorfe): они могут изменяться под постоянным воздействием геофизической среды, режима жизни, смешения рас; *но требуются всегда многие и многие века и тысячилетия, чтобы совершилась такая трансформация.* Я не знаю ни одного случая трансформации человеческой расы в течение одного или двух поколений, исключая явлений скрещивания. Жизненная среда расы не может быстро изменить ее физические и умственные свойства. Что касается влияния воспитания и соц. среды, то абсурдно ожидать изменений в физических свойствах расы в короткий период одного или двух поколений... Правда, в наше время как будто бы изменения свойств того или иного народа довольно часты и совершаются легко; но научное наблюдение доказывает, что такие явления принадлежат к истории народа и нации, как психо-социальных продуктов, а не к явлениям изменения рас в собственном смысле, как продуктов естественных или биологических“, [1]) таково краткое и точное решение поставленного вопроса.

Правда, не так давно работы американской комиссии под председательством Boas как будто бы поколебали этот взгляд. Эта комиссия была учреждена в 1907 г. в Вашингтоне. Ее задачей было решение вопроса: насколько расовые признаки изменяемы под непосредственным воздействием социальной среды. Результаты работ комисии были опубликованы [2]) и дали такие выводы. Изучению были подвергнуты, с одной стороны, евреи—иммигранты в первый год их пребывания в Америке и после 10-лет жизни в этой стране и их дети; с другой стороны, иммигранты—сицилианцы и их дети. Евреи представляют тип брахицефалов, сицилианцы-расовый тип долихоцефалов. В результате изучения комиссия пришла к выводу, что черепные показатели тех и других, под влиянием сходной социальной среды, сближаются: евреи-брахоцефалы приближаются к сицилианцам—долихоцефалам, последние—к евреям—брахоцефалам. Это значит, что расовые признаки легко изменяются под непосредственным воздействием социальной среды, что они вовсе не так устойчивы, как принято было думать. Легко понять „революционность“ таких выводов, ставивших антропологию и биологию вообще вверх ногами. Понятен и шум, вызванный такими выводами. Но внимательное изучение опубликованных работ

---

[1]) *Morselli*: Le razze umane. 331-32, 341 и др.

[2]) См. Changes inbodily Form of Dessendents Immigration. (Вашингтон, 1910). и Abstract of the Reports in Changes in bodily Form Descendents of Immigrants. (1911 г.).

комиссии Boas показало, что ее „революционные" выводы основаны на грубейших ошибках. В частности, известный итальянский антрополог, проф. Sergi, подверг работы комиссии разрушительной критике, не оставляющей „камня на камне" от выводов комиссии. Он показал, что черепные показатели евреев колеблются и вне Америки: среди евреев Европы имеются и dolico-meso, brachi и iperbrachicefali, что евреи, родившиеся в Америке, просто воспроизводят цефалические формы евреев Европы; абсурдность выводов комиссии следует уже из того, что черепные изменения, даже при принятии гипотезы о наследственности приобретенных свойств, должны быть сначала у родителей, а потом уже у детей: по работам же комиссии выходит, что изменяются прямо черепа детей и т. д. [1]) В итоге, выводы комиссии не только не поколебали, но наоборот, подтвердили устойчивость и медленную изменяемость расовых признаков. Более или менее быстрое изменение их, повидимому, возможно только чисто биологическим путем скрещивания разнорасовых особей, если оно имеет место и если скрещиваются не слишком гетерогенные расы. В последнем случае возможна бесплодность, ибо „существуют гибриды бесплодные, умирающие без потомства" [2]).

Итак, мы определили понятие расы, констатировали существования различных рас, указали на медленную изменяемость расовых признаков. Теперь мы должны показать (и это наша главная задача), что *расовые признаки относятся к числу не нейтральных, а действенных, что они вызывают сцепление и об'единение однорасовых лиц в одну группу и отщепление разнорасовых лиц друг от друга; короче, что в ряду других линий расслоения населения имеется расслоение его по расовым линиям, что существуют расовые группы, как реальные, а не мнимые коллективные единства.*

Перейдем к подтверждению этих положений. Прежде всего замечу, что не все расовые признаки, важные для зоолога и антрополога, важны для социолога в интересующем нас отношении. *Не все они одинаково „действенны" по их влиянию на притяжение однорасовых и отталкивание разнорасовых лиц.*

Для социолога в этом отношение важны лишь те расово антропологические признаки, которые сами бросаются в глаза и сразу же позволяют определить „свой или чужой по расе данный индивид". Люди—не присяжные антропологи, не носят с собой антропологические циркули, не измеряют продольный и поперечный диаметр черепа и не производят химический анализ крови. Вот почему многие антрополого-расовые признаки, важные для специалиста-антрополога [3]), в деле социальной группировки играют ничтожную роль. К играю-

---

[1]) См. *Sergi*: Infuenza dell' ambiente sui caratteri fisici dell' uomo. Riv. it soc. 1912. 16-24.

[2]) *Sergi*: L'umanita dal punto di v. antrop. 418.

[3]) Хотя, как правильно замечает *Лавров*, „современной этнологии... приходится еще оставаться при тех же немногих основных типах человека, которых различали уже очень давно наблюдатели, лишенные всех точных, научных пособий: цвет кожи и косозубие остались главными признаками этнологич. группировки". *Лавров*: Опыт. 639.

щим роль принадлежат только те анатомические отличия, которые без всяких измерений и аппаратов „сами бросаются в глаза“ всем смертным и позволяют им сразу же определять расовое сходство или различие их с самими собой.. К таким признакам относятся: цвет кожи, без всякого труда позволяющий определить членов „белой“, „черной“ „краснокожей“ и „желтой“ расы, разрез глаз, характер волос, форма носа, короче совокупность „воззрительных“ расовых признаков, позволяющих без всяких аппаратов, измерений и анализов сказать: „это еврей“, „это—кавказец“, „это—негр“, „это—китаец, японец или кореец“, и т. д. [1]).

Эти „бросающиеся в глаза“ анатомо—расовые черты и дают основание для группировки расово сходных в единые коллективы. *Сходные по таким расовым признакам взаимно притягиваются, несходные взаимно отталкиваются. Сходство в этом отношении вызывает особую солидарность однорасовых, различие—их отчужденность, проявляющуюся как в мягких формах „чуждости“, так и в острых формах расового антагонизма и борьбы.*

Таков основной тезис. Попытаемся кратко подтвердить его.

Этот факт следует прежде всего из простых дедуктивных соображений. Они таковы. Если люди различны по своему физическому строению, отсюда следует различие их по ряду психических свойств, ибо, мы знаем, что „психика связана с физикой“. Niceforo прав, говоря: Poichè gli uomini sono tra loro *fisicamente* diversi, debbono anche diversamente *sentire*. Coloro che sentono diversamente, debbono anche *pensare e giudicare* diversamente. Coloro, infine, che pensano e che giudicano diversamente, *agiscono* diversamente. Abbiano detto: *agiscono*. Eccoci dunque all'uomo sociale, cui si giunge attraverso l'uomo fisiologico, l'uomo mentale. Ed ecco gli uomini aggrupparsi tra loro lasciandosi guidare dalle affinità di sentimento di pensiero, di azione. Ecco formarsi i gruppi sociali, ognuno dei quali ha una fisionomia propria e un proprio compito. Ed ecco, ancora, scatenarsi tra questi gruppi la lotta e le opposizioni, poichè tra gruppi interamente omogenei (o quasi), ma l'uno dall'altro dissimli, nascono necessariamente quelle opposizioni nel sentire, nel giudcare, nel occuparsi, nell'agire, che nascono tra dissimili individui [2]). Эта цепь силлогизмов безукоризненна и неоспорима. Раз люди различны физически, они будут различно чувствовать, оценивать, мыслить, действовать. Раз будут эти различия—неизбежной будет и группировка сходных между собой лиц в одну группу, различных—в различные группы. Каждая из групп будет иметь свою физиономию и формы поведения. Раз даны различные и несходные между собою группы, тем самым даны и антагонизмы между ними, раз даны последние—дана и борьба их друг с другом. На тот же факт указывают и другие антропологи. „Между физическими и моральными свойствами расы существует причинная связь.. Предположение, что гражданственность и культура (civiltà) образуются

---

[1]) Cornejo прав говоря: „С точки зрения исторической и социологической старая классификация рас по цвету наиболее полезна и практична“. *Cornejo:* La race. Revue de soc. 1911 г. 164.

[2]) *Niceforo*: Il progresso. Riv. it. soc. 1911. 546.

и существуют сами собой, без надлежащего этнического (расового) фундамента, на котором и из которого они возникают, равносильно допущению появления цветка, выросшего на неостывшей еще вулканический лаве“ [1]). Можно отвергать, и не без некоторого основания, конкретные выводы, сделанные из этого положения Лапужем, Аммоном, Реймером, Вольтманном и др. [2]), но отрицать связь физических свойств с психическими не приходится. Раз первые различны, различными будут и вторые. А раз те и другие различия даны, дано и расслоение на различные группы. Раз дано последнее, ergo дана почва для внутри расовой солидарности и разнорасовых антагонизмов, т. е. дана группировка индивидов в расовые и реальные коллективы. Таковы дедуктивные соображения, подтверждающие существование расовой группировки.

Но подтверждается ли она фактами? Дает ли себя знать в той или иной форме? Ответ приходится дать положительный. *В тысяче форм, как мелких, так и крупных, она проявляет свое бытие. Тысяча фактов говорит о том, что при прочих равных условиях однорасовые индивиды притягиваются друг к другу, объединяются в одно солидарное целое, а разнорасовые отталкиваются и склонны антагонизировать друг с другом. Иными словами, расовое расслоение и группировка индивидов в расовые реальные коллективы действительно существуют.*

Это явление констатируется множеством исследователей.

„Люди одной и той же расы не испытывают при сближении того впечатления чуждости, противуположения, которые чувствует черный человек при виде белого, волосатый айнос, встречая безбородого китайца“, правильно говорит П. Л. Лавров [3]).

Не менее правильно указывает на то же и Ross. „Цвет, говорит он, есть выдающаяся черта, и цветной контраст почти всегда служит препятствием для социально—благожелательных чувств и преградой для брака. В древней Индии, как и на нашем юге, цвет повидимому был основой для каст. Впечатление (Shock), которое испытывает человек при восприятии лица иного цвета, еще более укрепляется, когда цветной контраст ассоциируется с умственными, моральными и социальными различиями. Каждая раса вырабатывает свой идеал личной красоты на основе ее отличительных черт и люди иной расы кажутся ей безобразными и отталкивающими“ [4]).

Росс же метко указывает и на формы ругани, подтверждающие то же явление. Формы ругательств, в роде: niggers, greasers, roundheads, fuzzy—wuzzies, red—necks, paleface, red—haires devils, brown—monkeys, redskins и т. д. говорят о тех чертах, какие

---

[1]) *Morselli*: Op. cit. 329—32, 348.

[2]) См. *Lapouge*; Les sélections naturelles. Paris 1896 г. *Ammon*: Die Gesellschaftliche Ordnung und ihre natürlichen Grundlagen; 1900. Критику их см. у *Ж. Фино*: Агония и смерть человеч. рас. М. 1913. *Его же*: Préjugé des races. Alcan. Но Фино впадает в обратную крайность.

[3]) *Лавров*: Опыт ист. мысли. Женева. 1894. 601. „Белый рад, что люди около него белые. Белые не всегда испытывают приятные чувства к черным, с которыми им приходится входить в контакт“. *Giddings*: The elements. 4.

[4]) *Ross*: Foundations. 264.

„бросаются в глаза“ и отталкивают. Аналогичные ругательства, начиная с „эфиопа“ и „арапа“, существуют и у нас.

„Внешние знаки несходства, естественно, наиболее сильно поражают сознание (senses) и между ними цвет кожи, в силу своей наглядности, представляет телесный признак, вызывающий сильное нерасположение и предрассудки. Каждая раса привыкла к собственному цвету кожи, и отличный от него цвет кожи возбуждает в ней отвращение, страх и ярость“, говорит Thomas и приводит более, чем достаточное число фактов, подтверждающих это положение. Белый человек внушал, по свидетельству Ливингстона, отвращение жителям Африки. Дети черных туземцев, встречая белых из экспедици Ливингстона, бежали в ужасе, женщины прятались. Одна австралийка, родившая ребенка от белого мужа, окуривала его и чернила, чтобы придать ему черный цвет. То же констатировано в ряде других случаев На малайском архипелаге среди желтых туземцев желтый цвет сравнивается с золотом.

У каждой расы идеалом красоты являются типы, отчетливо воплощающие в себе физические черты этой расы [1]). Даже искусственные меры для увеличения красоты говорят о том же. „Темные расы чернят свою кожу, широконосые расы стараются сделать свой нос еще шире, белые женщины употребляют пудру“ [2]).

О том же расовом отвращении говорят и другие, более резкие факты. Китайцы называют белых „чужими дьяволами“ [3]). У ряда примитивных народов дети, родившиеся от разнорасовых родителей, рассматривались, как „монстры“. Дарвин говорит, что дети первых белых поселенцев Австралии, родившиеся от их связи с туземными женщинами, убивались чистокровными черными туземцами. Индейцы Калифорнии присуждали к смерти туземок, выходивших за белых или допускавших адюльтер с ними, а дети их убивались „без всякого угрызения совести“ [4]). „Наилучшей классификацией рас, с точки зрения расовой антипатии, является поэтому группировка людей согласно их цвету. Цвет, конечно, может сопровождаться другими разнообразными различиями, но он всегда представляет постоянное и устойчивое свойство. С этой точки зрения даны расы: белая—а не кавказская, желтая—а не китайская или японская, черная, а не негритянская. Антипатия между этими основными группами и их подразделениями была и остается фундаментальной“ [5]).

После сказанного не мудрено, что расовые различия в истории людей вызывали ряд группировок их в расовые коллективы и нередко служили основой для появления ряда социально—психи-

---

[1]) *Thomas*: The significanceof the orient for the occident. Am. j. soc., т. 13. 730—31.

[2]) *Weatherly*: Race and mariage. Am. j. soc. т. 15., 440.

[3]) *Tenney*: The sign. of the orient. Am. j. soc. т. 13. 744. То же подчеркивает и Пржевальский в своих отчетах о путешествии по Китаю. См. *Путешествия Пржевальского*. СПБ. Изд. Сойкина т. I. 180. 130.

[4]) *Weatherly*. Ibid., 434.

[5]) *Stone*: Is race friction between blacks and whites in the Unit St. crowing and inevitable. Am. j. soc., т. 13. 679.

ческих слоев и дифференциаций. Ту роль, которую приписал им Гумплович, можно считать преувеличенной [1]), но вместе с тем несомненно, что нередко они являлись одним из различий, лежавших в основе появления каст. Санскритское название касты: varna означает цвет. The principle upon which the system (of caste) rests is the sense of distinction of race indicated by difference of colour... The race sentiment.. supplied the motive principle of cast... and.. has tended to preserve in comparative purity the types which it favors" (отсюда—абсолютный запрет смешанных браков между кастами, как „essential and most prominent characteristic of caste"). говорит нам такой компетентный исследователь Индии, как Risley [2]).

Отсюда понятно, что как в прошлом, так и теперь различие расовых признаков давало и дает себя знать, как *только различные расы приходят в соприкосновение и принуждены жить бок о бок.* Появляется расовой антагонизм, расовая борьба и расовая эксплуатация. Проф. Kelly Miller прав говоря: „Где достаточно различные расы приходят в контакт, там неизбежно возникают серьезные проблемы расового антагонизма. Американский негр может говорить на том же языке, иметь те же обычаи, ту же религию, которые свойственны его белым сотоварищам, но все это ничуть не поможет подняться ему в области социального равенства, которое является определенным свидетелем подлинного равенства. Без него невозможны фактически и все формы равенства".

Подтверждением этому в наше время служат прежде всего Соединенные Штаты С. Америки. Наблюдая расовые взаимоотношения, американские социологи формулировали суть дела в коротком положении. Оно гласит: „Когда две расы входят в соприкосновение, слабейшая раса обречена или на уничтожение, или на подчинение или на смешение" (extermination, subordination, or amalgamation) [3]).

Расовый вопрос здесь стал „проклятым вопросом". Казалось бы, в такой передовой стране, как Америка, расовые предрассудки не должны иметь места. Действительность говорит иное. Согласно данным Cromer'a, Stephenson'a, Callaway, Ross'a, Tillinghast'a и др., расовое расслоение населения здесь носит резкий и неоспоримый характер. Отчужденность рас дает себя знать всюду. Юридическое и фактическое запрещение браков между белыми и черными, отдельные кабаки, театры, кафе, скетинг-ринки, школы, церкви и даже тюремные камеры для белых и черных, отталкивание их как в публичной, так и в частно-правовой сфере, ряд ограничений для негров и всех, у которых оттенок кожи дает основание подозревать примесь африканской крови (a visible and distinct admixture of African blood), и т. д. и т. д.,—[4]) все это факты, бесспорно говорящие о расовом расслоении. Это расслоение

---

[1]) См. его *Rassenkampf.*
[2]) *Risley*: General Report of the Census of India. 1901. 556, 489, 496.
[3]) *Mc Kenzie*: The assimilation of the amer. indian. Am. j. soc. 19 т. 762-
[4]) См. подробности у Stephenson'a: Race distinctions in Amer. law. Нью Иорк. Appleton. 11. 99. 16 и passim.

столь интенсивно, что все попытки Американского Высшего Федерального Суда бороться с ним не дали существенных результатов. Quid leges sine moribus! Белый, в особенности англо-саксонец, не сядет за один стол с негром, как бы чисто последний не был одет. Оба они могут принадлежать к одному государству, к одной религии, к одной профессии и классу, тем не менее, „цветной предрассудок" заставляет их отталкиваться друг от друга. [1])

Уничтожение рабства негров ничуть не ослабило этого антагонизма. „Для американца пропасть между белым и черным теперь больше, чем когда бы то ни было ранее... Европа не подозревает, что никогда еще антагонизм между белыми и черными не был таким ожесточенным и резким, не сопровождался такой ненавистью, как теперь... Личная антипатия к черным носит характер эстетической антипатии, отвращения". Многие, „веря в отвлеченного негра, питают отвращение к запаху конкретного негра". „О социальном сближении (белых и черных) нет и речи. Ни в одном клубе, ни в одном частном доме, ни в одном обществе нельзя встретить негра.. Ни в одну гостиницу для белых, ни в один ресторан, театр или спальный вагон нет доступа черным. При этом под понятие негра здесь подводятся люди, лицо которых так же бело, как и лицо янки, и у которых, быть может, только кончики пальцев свидетельствуют о происхождении от африканской расы". У негров, в свою очередь, „чувство своей неспособности к успешной борьбе за существование переходит неизбежно в ожесточенную ненависть к белым" [2])

Со времени уничтожения рабства негров этот антагонизм не только не уменьшился, но по единогласному мнению всех почти исследователей он возрос. A. Stone свой доклад об этом вопросе начинает с указания митинга 17 дек. 1855 г., когда было об'явлено „о смерти расового предрассудка", и сопоставляет его с ноябрьским митингом 1907 г., созванным „для протеста против the steady and wide increase of race prejudice in America". 52 года показали не смерть, а рост расового предрассудка". Освобождение негров не помогло его уничтожить. Мнение Джеферсона о том, что негры никогда не сравняются с белыми в Америке и слова Аврама Линкольна, сказанные делегации негров, оказались пророческими [3]).

Доклад Stone, читанный в Американском Социол. Об-ве, и все прения по его поводу, рост антагонизма рас в Америке делают несомненным. Как докладчик, так и оппоненты, все не отрицают этого факта. Почти все они далее констатируют, что этот антагонизм—

[1]) См. факты у Stephenson'а; см. также: Ross: The causes of race superiority, в Анналах Амер. Акад. полит. и соц. наук, июль, 1901 г. Tillingshast: The Negro in Africa and in America. 1902 г.

[2]) *Г. Мюнстерберг*: Американцы. М. 1906 г. т. I. 226—238.

[3]) Вот они. You and we are different races. Your race is suffering. But even when you cease to be slaves, you are yet far removed from being placed on an equality, with the white race.. On this continent, not a single man of your race is made the equal of a single man of ours. Go where you are treated the best, and the ban is still upon you. Цит. по ст. *Ston'а*: 691.

не экономического характера, что он не следствие рабства, а носит совершенно самостоятельный характер [1]).

Положение столь пессимистично, что и докладчик, и многие из участников прений не видят почти никакого выхода или находят его в таких мерах как... введение кастового строя или восстановление рабства негров [2]) или полное разделение белых и черных.

Тоже приходится сказать и о взаимоотношении белых и индейцев. The indians to day are still a broken and beaten people, scattered and isolated, cowed and disheartened, confined and restricted, pauperized and tending to generacy. They are a people without a country, strangers at home, and with no place to which to flee, так рисует их положение Mc Kenzie.[3]).

Физическое, расовое различие белых и черных, с одной стороны, белых и желтых (японцев и китайцев), с другой, препятствует их ассимиляции. Огромная, ассимилирующая сила С. А. С. Штатов, превращающая белых эмигрантов из Европы уже на втором поколении в американцев, оказывается бессильной по отношению к черным, желтым и краснокожим обитателям заатлантической республики. „Главное препятствие для ассимиляции негров и монголов заключается не в их психических, а в их физических признаках. Препятствие не в Японской психике (mind), а в японской коже. The jap is not the right color“ [4]). „Африканцы (негры) только частично ассимилировались и они не могут быть абсорбированы, говорит Чарльз Адамс. Они остаются чужим элементом в политическом теле, гетерогенной субстанцией, которая не может быть ни ассимилирована, ни выброшена вон“. То же в применении к индейцам говорит и F. Mc Kenzie. The indians are not assimilated, категорически утверждает он. [5]).

Не имея возможности подробно излагать бесчисленные факты расового расслоения в Америке, я просто ограничусь указанными фактами и свидетельствами, прибавив к ним два-три явления, где это расслоение дает себя знать достаточно рельефно. Одним из таких фактов являются браки. Проявлением расового антагонизма в этой области служит прежде всего факт юридического запрета браков между черными и белыми. Страна демократии в этом отношении напоминает настоящую страну каст. Как здесь, так и там, браки между белыми и черными запрещены. В шести штатах Сев.-Амер. Республики браки между белыми и неграми запрещены

[1]) The friction (между белыми и черными) is graving and inevitable, говорит докладчик. Undoubtely race prejudice is growing, говорит *Todd*. Friction and conflict are inevitable, говорит *Gardner*. То же говорят *Willcox* и др. См. *Stone*: Race friction. 677 и passim. Прения по его докладу, в том же 13 т. Амер. журн. соц., 820—840. См. так же: *F. Quillin*: The Color Line in Ohio (1913).

[2]) Там же. 691, 820, 823 и др. См. также: *Weatherly*: Race and mariage. т. 15. Ам. ж. соц. 433—53.

Mecklin: The philosophy of the color line. Ам. журн. соц. т. 19. 343—357. *Park*. Racial assimilation. Амер. ж. соц. т. 19. 606—622.

[3]) *Mc Kenzie: Op. cit. 769.*

[4]) *R. Park:* Racial assimilation in secondary groups. 610—11.

[5]) *Mc Kenzie*: The assimilation of the american indian. Am. j. soc., v. 19. 769.

их конституциями; в двадцативосьми—специальными биллями; в двадцати штатах только нет таких запретных законов; из них в 10-ти позже хотели ввести их, но эти попытки удалось ануллировать в 1913 г. „National Association for the Advancement of Colored People“. Законы, запрещающие такие браки, суть не leges imperfectae, а законы, снабженные санкциями в виде: наказаний (напр., 5096 ст. Угол. кодекса Алабамы за брак, адюльтер или половую связь белого человека с негром или потомком негра до третьего поколения включительно карает тюремным заключением от двух до семи лет), или об'явления брака недействительным [1]). Факт этот столь красноречив, что он не требует дальнейших комментариев. Но и там, где юридического запрета нет, число разнорасовых браков, сравнительно с однорасовыми, весьма невелико [2]). Ряд исследований указанных в тексте авторов констатируют редкость равнорасовых браков по сравнению с однорасовыми [3]).

„Но, могут сказать, что все эти предрассудки живы только в „буржуазных слоях“. Увы! Нет. По сообщению Stephenson'а негры оказывается исключенными и не допускаются в рабочие тред-юнионы. Это явление говорит о том, что расовое расслоение дает себя знать и в пролетарской среде. О том же говорит и характерное явление нового времени—явление „рабочего протекционизма“, состоящее в исключении, недопущении и изгнании из ряда стран, в частности, Австралии, Новой Зеландии и ряда штатов Америки, рабочих определенной, в частности, желтой расы (китайцев, японцев и др.). Это преследование последних за последние десятилетия, как известно, вылилось в форму ряда законов. (Immigration Restriction Amendement Act 31 дек. 1906 г. и др.) [4]). Антагонизм рабочих Америки, Австралии и др. стран с „желтыми пролетариями“—не мало волнует Америку за последние годы. Он приобрел острые формы и до сих пор неразрешен. Могут сказать, что в основе его лежат экономические причины. Очень может быть, но важно для нас то, что линии этого антагонизма про-

[1]) См. подробно об этом *A. Jenks*: The legal status of negro-white amalgamation in the United States. Amer. j. soc., 1916. March. 666—675., *Stephenson*: Op. cit.

[2]) См. *F. Savorgnan*: Il fattore confes. nella scelta matrimoniale. Riv. it. soc 1913. 153. *Его же*; Gli indici di omogamia delle razze e delle nazionalita.. в трудахъ юрид. фак. университета Кальяри (я ее не имею под рукой)- *Weatherly*; Race and marriage. *F. Hoggan*: The american negro and race blending, в The Social. Review 1909. Октябрь. *Майо-Смит*: Статистика и социология. 120.

[3]) Подчеркиваю *разнорасовых*. Не следует путать расу с народом, с національностью и т. д. Что применимо к последним, то не применимо к первым. Поэтому статистика смешанных браков, произведенная в Minneapolis'е и приведшая к результату, что „сила этнического сцепления вполне нарушается после третьего поколения и после этого процесс смешения входит в полную силу“, что из 80,000 населения Minneapolis'а ни один из индивидовъ на четвертом поколении не оказался происходящим от чистокровных родителей, не говорит против указанного положенія; не говорит потому, что здесь дѣло идет о браках не между различными расами, а о бракахъ между различными „народами“ белой расы См. *A. Jenks*: Ethnic Census in Minneapolis. Amer. j. Soc., v. 17. 776 и сл.

[4]) См. интер. работу *G. Prato*: Il protezionismo operaio. Torino. 1910 г.

ходят *по расовым линиям.* Экономически, казалось бы, интересы белого американского рабочего и китайского кули не более антагонистичны, чем первого и других белых американских рабочих. Однако, последние стараются сплотиться в одно целое, а между белыми и желтыми рабочими существует отчужденность и борьба. Линии ее проходят по линии расового расслоения. Очень может быть, что в основе ряда правовых ограничений негров лежат то же экономические причины. Но почему опять таки эти ограничения связываются с расовыми признаками, а не с иными? Почему линия обделенности идет по линии расовой [1]). Если вместе с Chessa полагать, что в основе этой „ориентофобии" и „монголофобии" лежит сознательная или бессознательная экономическая политика американской буржуазии, то почему последняя направляется по расовому руслу: не все ли равно для капиталиста какого пролетария: черного, желтого или белого он будет эксплоатировать? Почему, далее, тред-юнионы находят возможным не допускать в свои союзы всех негров и желтых вообще? Как бы мы не пытались об'яснить все эти факты, расовый момент из этих об'яснений элиминировать не удается. Он дает себя знать во всех областях американской жизни и отмахнуться от него не приходится [2]).

То, что наблюдается в Америке, имеет место и в Африке между белыми и черными христианами. There is an absolute and almost bitter refusal on the part of white christians to mingle in any kind of fellowship with black christians, пишет Callaway. We ask, Why is this? We are forced then, to the answer that the reason of the cleavage between black and white is to be found in *an instinctive colour prejudice* [3]).

Эти и множество других фактов и свидетельств говорят, что расовое расслоение населения на реальные коллективы действительно существует, что сходство расовых признаков притягивает, разнорасовых отталкивает. Не будет поэтому удивительным, если негр-капиталист и негр-рабочий, в силу расового сходства, будут иногда более солидарными между собой, чем белый и черный рабочий друг с другом.

Расовое расслоение приобретает еще бо́льшее значение потому, что *расовая групировка часто кумулируется (как увидим ниже) с другими группировками* [4]). В результате этого, помимо биологических различий, одни расы становятся привилегированными, другие—обделенными, одни расы—экономически богатыми, другие—бедными, одни—эксплуатирующими, другие—эксплоатируемыми. На

---

[1]) См. доводы Stone и участниковъ преній, основательно показывающих неэкономическую природу расового конфликта в Америке.

[3]) См. *A western view of race question,* в Аннал. Амер. Акад. Полит. и Соц. наук, XXXIV, 2. 49 и сл., дающій интересн. анкетный материал. Этот материал говорит, что „расовый предрассудок" живъ и пока что действенен.

[2]) *Colawoy:* Colour antipathies, в The East end the West. 1910. № 59—61.

[4]) «Где расы различаются определенными внешними признаками, там дан постоянный физический субстрат, на котором и вокругъ которого стремятся аккумулироваться всевозможные раздражения и антагонизмы, увеличивающие силу и об'ем этого различия». R. Park. Op. cit. 611.

расовых различиях таким образом наростает ряд новых психо-социальных различий. От этого расовое расслоение становится еще глубже, расовые антагонизмы—упорнее и острее, расовая рознь—ощутимее. Без первых, т. е. расовых различий в таких случаях не было бы и вторых. Раз даны первые—появляются и вторые. Свидетельством тому служат касты Индии, многие сословия, в основе образования которых в ряде случаев лежало именно расовое различие высших и низших каст и сословий. Правда, Л. Уорд думает, что классовое расслоение вызвано чисто искусственными условиями, а естественное, природное неравенство, в том числе и расовое, вовсе не ведет к социальному неравенству. Если первая половина этого утверждения относительно верна в том смысле, что в основе классовой дифференциации лежат ряд не только рассовых признаков, а признаков иных (Уорд неправильно их сводит к одной войне), то совершенно ложной является мысль, что „естественное“ т. е. биологическое, в том числе и расовое неравенство людей вызывает только „горизонтальную“, а не „вертикальную“ дифференциацию, что оно дает только положительные результаты и не ведет к социальному неравенству [1]).

Как правильно указывают Морселли, Ничефоро и как говорит все предыдущее, биологические (в том числе и расовые) различия индивидов в большинстве случаев вызывают различия социально-психические. На почве первых наслаиваются вторые; „естественное“ неравенство в той или иной форме неизбежно вызывает и социальное неравенство (не словесное, а фактическое). „Горизонтальная“ дифференциация неизбежно выливается в „вертикальную“. Положение Уорда, ничем к тому же не подкрепленное, неверно. История показывает нам, что на расовом различии оседали ряд других различий и вызывали, как в Индии, так и сейчас в Америке, в Африке, превращение расовых групп в касты, в сословия, в группы с совершенно различным об'емом прав и обязанностей.

В итоге такой кумуляции создается т. н. „расовая психология“, проявляющаяся, в частности, „в расовой гордости“, в сознании превосходства своей расы над другими, в пренебрежении, презрении и т. п. к другим расовым группам. Интересы таких расовых групп становятся гетерогенными, часто противоположными. От этого антагонизмы их не уменьшаются, а увеличиваются.

Так называемые „высшие“ расы начинают смотреть на „низшие“, не как на людей, а как на вид каких-то животных, с которыми позволительно обращаться как угодно и делать что-угодно. История колонизаций и „культивирования“ диких рас полна такими фактами: туземцев истребляли, убивали, уничтожали на все лады, не чувствуя угрызений совести и укоров [2]). Целые народы, принадлежащие к иным расам, были уничтожены.

Эта история продолжается и до сих пор, (вымирание фиджий-

---

[1]) См. *Ward:* Social classes in the light of modern sociol. theory. Am. j. Soc. v. 13. 617—627.

[2]) См. факты у *Энгельгардта:* Прогресс, как эволюция жестокости. Изд. Павленкова.

цев, готтентотов, австралийских негритосов, чукчей и т. д.) [1]. Уничтожаемые и эксплоатируемые расовые группы, в свою очередь, платят за это ненавистью, враждой и другими злостными актами. Раз, далее, выделились такие расовые группы с их особыми обычаями, образом жизни, то „нет ничего удивительного, что обычаи одной рассы (не похожие на обычаи другой), разсматриваются другой расой с отвращением, с подозрением, с иронией, как нечто постыдное". Безпартийная и об'ективная оценка их является лишь результатом сравнительного синтеза и философского настроения, а эти условия далеко не всегда имеются в массах. Вместе с тем, „абсурдно думать, что расовые группы могут иметь чувства универсальной симпатии ко всем непохожим на них человеческим группам" Для этого требуется такая степень развития, какая пока массами недостигнута. Вот почему до сих пор живо „инстинктивное чувство отвращения различных расовых групп, представляющее результат естественного отбора в процессе эволюции. Вот почему все идеи о равенстве рас, вся уравнительная работа социальных сил, не разрушили еще расового расслоения". „Действительность сильнее идеала и все попытки привести современные нации и расы в состояние взаимной гармонии и солидарности сводятся пока к пожеланиям и пророчествам незначительного меньшинства и к мирному арбитражу, ограниченному разногласиями ничтожной важности" [2]).

Все сказанное говорит о *существовании расового расслоения в населении и о действенности влияния расовых признаков в явлениях социальной группировки.*

С точки зрения индивидуальной это означает, что *расовые свойства индивида или принадлежность его к определенному расовому коллективу являются одной из важных координат, определяющих его поведение и судьбы.* Частью сознательно, а главным образом бессознательно, расовая природа человека во многом предопределяет его поведение, его физиономию, его симпатии и антипатии, чувства и темперамент, верования и стремления. В ряду основных групп, толкающих человека в том или ином направлении, равнодействующей чего и является его поведение, расовая группа является одной из сил, требующих учета. Без него мы рискуем построить неверную равнодействующую. Там же, где расовая принадлежность осознана, где расовая группа уже организовалась, она дает ряд императивов поведения своим членам; влияя на их поведение тем самым расовая группа влияет на ход событий. „давит" на другие: государство, семью, церковь и т. д. В этих случаях она выступает уже как крупная социальная сила. История человечества сообщает нам не мало фактов, в виде явлений войн между различными расами, потрясавших жизнь населения, влиявших на все другие группы и направлявших в определенную сторону течение истории [3]). Для такой роли расовая группа потенциально обладает

---

[1]) О вымирании фиджийцев см. *Triggs*: The decay of aborig. Races, в Open Court. 1912. Октябрь.

[2]) *Morselli*; Op. cit., 337—338, 339.

[3]) См. об этом *Гумплович*: Raffenkampf 1883., хотя Гумплович, по обычаю всех „монистов", преувеличил значение расового расслоения и его социальные эффекты.

всеми данными. 1) Характер расовых свойств, так сказать, „изнутри“ индивида влияет на его поведение: последнее представляет в известной степени функцию первых. Освободиться от этого влияния нельзя, ибо нельзя освободиться от своей анатомо-физиологической организации. Потенциально расовая группировка может быть одной из самых сильных, ибо количество членов основных рас громадно. „Из 1480 миллионов населения земного шара монголы составляют 40%, кавказцы—20%, малайцы и эфиопы по 15%, краснокожие только долю процента“ [1]). Однако, для того, чтобы сила ее развернулась фактически, необходимы дополнителные условия, которые далеко не всегда на лицо. Такими условиями служат: *возникновение взаимодействия* между всеми однорасовыми индивидами, без чего рассеянные и изолированные члены одной расы не составляют даже реального коллективного единства (группы); во вторых, превращение коллективного единства расы в *организованное* единство с наличностью центрального руководящего органа и с согласованностью поведения однорасовых людей. Без этих условий расовая группировка не может иметь того громадного влияния, которое ей свойственно потенциально. Но коль скоро они даны, положение дела меняется.

Группировка может приобрести огромное значение и опрокинуть другие, в частности, государственные группировки. Это случается обычно тогда, когда однорасовые лица, в силу разных причин, приходят во взаимодействие, когда среди них вспыхивает зачаток организации и когда они встречаются с лицами иных рас.

Судьбы семейств, государств и др. группировок в таких случаях начинают зависеть от поведения и взаимоотношений расовых коллективов.

Если расовая группировка не всегда играла значительную роль, то отчасти потому, что не было на лицо указанных условий.

Тем не менее, давление стихийно-ли солидарных или сознательно—организованных расовых групп на все другие, основные группы, прямо или косвенно существует. *Расовые группы оказывали и оказывают давление на семейную группировку*: каждая раса имела и имеет тип семьи, соответственный ее свойствам. В наше время это влияние расы на семейный институт проявляется: в стремлении избегать смешанных браков; иногда расовые группы expressisverbis запрещают смешанные браки, иногда то же декретируется государством, где главенствует какая либо одна раса [2]). Расовая группировка давила и давит *на государственные коллективы*: в прошлом это давление проявлялось в ряде войн между различными расами, организованными в политические союзы, в уничтожении одной расовой группой государства другой группы, в изменении об'ема и организации государства и т. д. В более позднее время влияние расовых групп на политико—государственные органиции выразилось в разрушении, уничтожении и изменении „белой расой“ множества мелких государств колонизированных ею низших рас (туземцев Афри-

---

[1]) *Майо Смит*: Op. cit. 310.

[2]) См. об этом Weatherley: Op. cit. Stephenson: Op. cit и Jenks: The legal status.

ки, Америки, Австралии, Азии). Эти явления не исчезли и теперь. Различные расы стремятся организоваться и теперь в различные государственные тела. Государства, составленные из различных рас, раздираются (вплоть до Соед. Шт. Америки) рассовыми антагонизмами, нередко вызывающими прямо или косвенно войну (напр., война за освобождение негров) или же стремление одной расы политически отделиться от другой (напр., проэкты выделения негров в самостоят. государство); различные расовые группы здесь давят на государство и заставляют его видоизменять свою политику сообразно этому давлению. (Напр., National Association for the Adv. Colored People в 1913 г. заставила 10 штатов Америки отменить законы, запрещающие браки между черными и белыми).

При столкновении друг с другом государства, составленные из разных рас, не могут без борьбы слиться и ассимилировать одно другое. Между ними неизбежной становится борьба. Владимир Соловьев, быть может, не так далек был от истины, когда в „Оправдании добра“ указывал на грядущие междурасовые войны. Сейчас происходит лихорадочная организация „желтой расы“.

Монголоиды, под предводительством Японии, снова выступают на сцену. Симптомом служит возникшая проблема „желтой опасности“. У белой расы появляются могучие конкуренты. И можно пророчествовать не без оснований, что в грядущем войны белой и желтой рас вновь потрясут мир, разрушат ряд государств, перекроят политическую карту земного шара, т. е. снова и снова окажут давление на судьбу многих государственных союзов.

Влияют расовые группы и на *об‘емно-правовое расслоние населения*. Привилегированность одних слоев населения и обделенность других до сих пор совпадала с расовой дифференциацией; историки каст утверждают, что кой-где кастовое деление на высшие и низшие касты имело своим основанием расовое различие членов этих каст. Обделенность негров и их недавное рабство, а равно обделенность „кули“ по сравнению с белыми пролетериями, говорит о том, что и об‘емно правовая группировка стоит в связи с расовыми признаками. Эта связь существует и потому, что, как увидим ниже, для того, чтобы попасть в „привилегированные или в обделенные“ нужно обладать рядом свойств, в числе которых не малую роль играют и расовые свойства.

То же можно сказать о влиянии расовых групп *на имущественную группировку населения*. Для того, чтобы очутиться в группе богатых или бедных, нужны определенные свойства при каждом строе. Эти свойства зависят от расовых свойств. Возможность инфильтрации в слой богатых в той или иной степени всегда зависит от них. Вот почему характер имущественного расслоения населения прямо или косвенно зависит от расового состава социального аггрегата [1]). То же mutatis mutandis можно сказать о *давлении расовых групп на церковь, партию, профессиональные и др. группы*.

Судьба самой расовой группы зависит от других, но и сама она влияет и влияла на эти другие. Взаимозависимость их была и остается.

---

[1]) См. *Niceforo*: Antropologie d. Nichtbesit-zenden Klassen. 1910

По своему характеру, *расовая группа принадлежит к числу закрытых*: не от нашей воли зависит, членами каких рас мы рождаемся и вне нашей воли стоит возможность перехода из одной расы в другую; при всем желании, мы не можем „совлечь с себя расового человека", выключить себя из абонентов той расы, членом которой мы родились и включить себя в число „абонентов" другой расы. Это „свыше наших сил". Этим как увидим ниже, об'ясняется малая подвижность расовых группировок, медленность колебания об'ема расовых групп, словом сравнительная устойчивость и постоянство расового расслоения.

Резюмирую. Мы определили понятие расовой группы. Констатировали существование различных рас в среде членов Homo sapiens. Констатировали устойчивость расовых свойств. После этого мы поставили вопрос: существует ли расслоение населения на ряд реальных (а не мнимых) расовых коллективов? Являются ли расовые признаки „магнитными полюсами", притягивающими друг к другу лиц однорасовых и отталкивающими разнорасовых? Ряд соображений и фактов привели нас к положительному ответу. Они показали нам, что расовое расслоение существует, что оно играло и играет значительную роль в поведении членов расы, в судьбах других групп и населения вообще и, наконец, в ходе исторических процессов. Заключительные соображения показали нам, что потенциально расовая группировка могла бы иметь громадное влияние, но это влияние не всегда столь велико, ибо не всегда на лицо взаимодействие членов одной расы и организованность расовых групп. В заключение я указал на закрытость расовой группы и ее малую подвижность.

Этим ограничимся в характеристике расовой группировки населения.

Группировка половая.

Остановимся кратко на расслоении населения по полу. Что индивиды делятся на два пола, это не подлежит сомнению. Но является ли половой признак-признаком, влекущим за собой об'единение однополовых лиц в солидарное коллективное единство? Вызывает ли он группировку индивидов в реальные совокупности, имеющие свои собственные интересы и оказывающие давление на другие группы? Выступают ли половые коллективы на исторической сцене в качестве самостоятельной „военной группы" и имеется ли там, в ряду многих фронтов, фронт борьбы и соглашений половой группы с другой половой группой и половых групп с неполовыми коллективами? Иными словами, представляют ли половые группы „историческую силу" и влияют ли они своим поведением на судьбу других групп, на судьбы населения вообще и на ход общественных процессов? Ответ приходится дать положительный.

Половые признаки принадлежат сами по себе к числу признаков, оказывающих влияние на все поведение человека. Обладание ими влечет за собой ряд свойств и функций—и физиологических, и психических,—специфически свойственных только женщине, или

только мужчине. Они накладывают печать на всю природу человека и чрез это придают всему поведению мужчины или женщины определенное направление. Различие анатомического строения организма разных полов влечет различие ряда физиологических процессов, различие тех и других вызывает различие ряда психических процессов в области восприятий, чувств-эмоций, волений и суждений: все эти различия неизбежно сказываются в различии поведения, а следовательно, обусловливают несходство интересов, желаний и стремлений лиц разных полов. Раз дано это несходство, тем самым дана почва для половых противоречий и антагонизмов; для борьбы и оппозиции одного пола с другим. А раз даны эти антагонизмы, то, след., даны условия для группировки лиц в половые коллективы, для специфической солидарности и сцепления однополовых лиц, для отталкивания и борьбы в ряде случаев лиц и групп разного пола.

Женщины, как женщины, несмотря на все различия в других отношениях (по государству, религии, расе, профессии, имущественному положению и т. д.) имеют ряд общих, специфически женских интересов, вызывающих женскую солидарность sui generis, побуждающих их к сходному поведению и противопоставляющих их мужской половине. То же применимо и к мужчинам. Правда, эти другие различия (по подданству, по классу, расе, профессии, религии и т. д.) могут депрессировать, подавить эту солидарность однополовых лиц, могут помешать ее прямому проявлению. Но из того факта, что битюг не может сдвинуть с места воз с 5,000 пудов груза, не следует, что сила битюга равна нулю, а следует только, что в данном случае его сила депрессирована большей силой, действующей в обратном направлении. То же применимо и к случаям мнимой „бездейственности“ солидарности и сцепления, вытекающего из полового сходства. При прочих равных условиях, судьбы населения и ход общественных процессов будут далеко не одинаковыми в двух группах с различным процентным отношением мужчин и женщин в их населении. С этой точки зрения заслуживают полного внимания попытки статистиков, направленные на изучение полового состава населения и его вариаций. Проф. *Thomas* довольно удачно показал нам те социальные эффекты, которые были вызваны различием мужчины и женщины, вытекающим из их полового различия. Большая энергия мужского организма с первых же моментов истории вызвала у него тенденцию к „расходованию энергии“; меньшая энергия женского организма вызвала у него тенденцию „сбережения энергии“. Мужской организм оказался более приспособленным к активным, боевым и буйственным формам деятельности (охота, война etc.), женский—к методически-умеренным формам активности; отсюда—большая вариабельность мужчин, проявляющаяся в большем проценте гениев, идиотов и сумасшедших, и меньшая вариабельность женщин, не отклоняющаяся резко от нормального типа. Эти различия в дальнейшем легли в основу социально-психической дифференциации мужчин и женщин и вызвали общественное и техническое разделение труда между ними. Одним из резких его проявлений служит „паразитар-

ный“ образ жизни, который усвоила женщина в определенную эпоху истории, в свою очередь, повлиявший резко на ее интеллектуальные и моральные качества [1]) и т. п.

Опираясь на чисто биологические различия можно, таким образом, настаивать на существовании половых группировок, как реальных коллективов, вытекающих из них антагонизмов половых групп и важной социальной роли последних.

Занятые лица (активно участвующие).	Мужчины.		Женщины.	
	Общая цифра.	На 1000 всех лиц муж. п.	Общая цифра.	На 1000 всех лиц жен. п.
Профессион. классы (госуд., общ. церк. служба, военная и т. д.)	520,900	37	252,743	17
Домашняя прислуга	140,773	10	1,759,555	118
Торговля	1,364,377	97	35,358	2
Земледелие и рыболовство	1,284,919	92	52,026	4
Промышленность	5,495,446	391	1,840,898	123
Незанятые (пассивно участвующие)	5,246,486	373	11,004,044	736
Всего вообще	14.052.901	1.000	14.949.624	1.000

Эти факты, однако, станут бесспорными, если принять во внимание следующее обстоятельство. *Половые различия послужили и служат основной для установления ряда социально-психических различий между разными половыми группами. Существование первых вызвало „наростание“ на них новых несходств между полами; эти несходства еще более углубили трещину полового расслоения, обострили интересы и увеличили антагонизмы половых групп.* Иными словами, половая гетерогенность людей вызвала к жизни ряд новых гетерогенностей; половой признак скумулировался и кумулируется с другими признаками, увеличивавшими силу-сознательной или бессознательной—борьбы половых групп и укреплявшими

[1]) См. *W. J. Thomas*: Sex and Society. Chicago. 1907, ст. „Органически различия двух полов“ и passim.

основы их реального бытия. Так, половая дифференциация вызвала *различие профессий* мужчины и женщины; на долю мужчин выпадали в разные периоды одни профессиональные функции, на долю женщин—другие. [1])

Не только в прошлом, но и в настоящем участие мужчин и женщин в различных профессиях резко отлично. Приведу для иллюстрации данные, указывающие на мужчин и женщин, занятых в разных профессиях в Англии по цензу 1891 г. (См. таблицу на 106 стр.).

Если взять более детальную таблицу, то это различие станет еще более ярким. Так, напр., внутренней защитой (воен. и полиц. функции) оказывается занято 126 473 мужчин, женщин—ни одной и т. д. Как видно отсюда, различие профессиональных занятий обоих полов до сих пор громадно [2]).

С женской половой группой, сочеталась, далее, *обделенность в правах*, с мужской—*привилегированность*; женщины оказались подвластными, мужчины—властителями (patria potestas, manus mariti etc.) Эти различия, в свою очередь, вызвали ряд новых в области социальной, умственной и нравственной; гипертрофировали у каждой половой группы одни черты и атрофировали другие.

Специфическое интересы половой группы не стали исчерпываться интересами, вытекавшими из ее половых свойств; к ним присоединились, таким образом, ряд новых интересов. К антагонизмам, вытекавшим из половых интересов, присоединились новые, психо-социальные антагонизмы. В результате, расслоение на половые группы приобрело более четкие и резкие формы; солидарность и сцепление однополовых лиц в реальные коллективы получило новые основы; новые поводы получили и антагонизмы разных половых групп.

При таких обстоятельствах, естественно, что все иные силы, действовавшие в направлении депрессирования полового расслоения (группировки: государственные, религиозные, расовые и т. д.), не могли зарыть трещину последнего и помешать половой группировке проявить себя кинетически.

И действительно, история человечества с первых ее моментов, свидетельствует нам о существовании половых групп, как реальных коллективов, об антагонизмах—сознательных и бессознательных—разнополовых об'единений, о борьбе их—скрытой или явной—друг с другом. Эта борьба половых групп составляла и составляет до сих пор один из „фронтов" в ряду многих других фронтов истории.

Уже в „тотемическом обществе" мы находим существующим расслоение на половые группы. Мужчины составляют одну реальную совокупность; женщины—другую. Группы резко отличаются друг от друга по социальному положению, по профессиональным функциям, по об'ему прав и обязанностей, по имущественному положению, по характеру психической жизни. Они составляют как бы два народа, живущих в пределах одной группы. Мужчины при-

---

[1]) См. *Maroi*: Il lavoro della donna nella sua evoluzione. Riv. ital. soc. 1914. 54-70. *Lapie*: La femme dans la famille. 1906. *Schreiner*: Woman and labour. London. 1911.

[2]) *Майр*: Ст. и общ. II. 199-200.

вилегированы во всех отношениях, женщины—обделены и подвластны первым. Они эксплуатируются мужской половиной, считаются „нечистыми", подавлены и забиты [1]).

С тех пор в любом населении, в любой период истории, в той или иной форме, мы находим половые коллективы, как результат полового расслоения. Мужская и женская половина любого социального аггрегата находятся в скрытом или явном антагонизме по ряду поводов и отношений. Не всегда этот антагонизм выплывает на поверхность социального моря в виде урагана или социальной бури, но он всегда существует и проявляется в тысяче мелких, ежедневных столкновений и борьбе между индивидами разных полов, начиная с конфликтов детей и с „семейных сцен" и кончая более обширными и видными всем явлениями, носящими название „женского движения", „женскаго вопроса", „борьбы за равноправие женщин", „суффражизма" и соответственных многочисленных женских коллективов, с одной стороны, с другой—множеством явлений, где мужская половина,—сознательно или бессознательно,—борется и утверждает свое господство и привиллегии за счет женской половины во всех областях жизни: (запрещения женщинам занимать ряд профессий и должностей, ограничения личных и имущественных прав женщин, узаконение их эксплуатации, препятствование умственному развитию женщин, недопущение их к выполнению публично-правовых функций т. д.). Такая „партизанская" война этих двух групп заполняет человеческую историю. Многие ее не видят, благодаря ее „партизанскому" характеру. Мужские и женские группы, в отличие от ряда других группировок, обычно борются между собой не в форме немногочисленных громадных армий, централизованных и об'единенных под главенством единого штаба,—центральной власти группы—а в форме множества дробных, мелких отрядов, сражающихся друг с другом на всей территории населения.

Но этот факт говорит не об отсутствии расслоения и не об его бездейственности, а только об отсутствии централизованной организации половых групп. Несмотря на этот недостаток, историческое влияние этой группировки было и остается значительным. Если оно редко проявляется в виде могучих и бурных общественных движений, то зато оно действует непрерывно, постоянно, невидимо и незримо, на каждом шагу; подобно тихой реке оно сносит песчинки с одного места, накапливает их в другом и таким путем непрерывно меняет русло общественных процессов, давит на другие коллективы, на поведение и судьбы населения вообще. С этой точки зрения влияния половой группировки не избегает никакая крупная группа: ни семья, ни государство, ни профессиональные об'единения, ни религиозные, партийные, расовые и др. группы. Так или иначе каждая из них испытывает давление половых групп.

[1]) См. *B. Spencer and Gillen*: The northern tribes of Central Australia, гл. III, XI и др., The native Tribes of Central Australia. Lond... 1899. *Шурц*: Altersklassen und Männerbunde. 1902.

Но иногда половая группировка проявляет себя и в формах широкого общественного движения. Примером его может служить т. н. „женское движение“, ставшее социальным явлением последних столетий. Женщины, до сих пор обделенные в правах, с ростом их сознания, начинают организовываться в обширные и многочисленные группы, сознательно координировать свое поведение, сознательно стремиться к общей цели—уравнения прав с мужской половиной. От стихийной и неорганизованной борьбы в форме множества мелких отрядов они переходят к организованной борьбе, об'единяют эти отряды в обширные лиги и армии и начинают атаку цитадели мужских привилегий по всем правилам военного искусства. Параллельно с этим меняется и „техника“ средств борьбы. К старым техническим средствам воздействия женских половых групп на мужские: к нежному или строгому воздействию жены на мужа, любовницы—на любовника, матери—на детей, к использованию тех или иных мужских слабостей, к укорам и истерикам, к влиянию салонов и будуаров и т. п. „домашним“ техническим приемам воздействия, теперь присоединяются более совершенные и могучие технические средства: женская печать и агитация, бомба и бойкот, организация и пропаганда, об'единение для завоевания влиятельных мест и власти и использование их для разрушения мужских привилегий и улучшения своего положения. И мы видим, как в силу роста организации половых групп более резко и наглядно проявляется их влияние на социальную жизнь. С половыми группами начинают „заигрывать“ вожаки партий и кабинета министров, религиозные пастыри и профессиональные организации, экономические организации и моральные ассоциации.

Это значит, что половая группировка, в форме ли многочисленных дробных и неорганизованных групп или в форме организованных более или менее крупных союзов (напр., женские с'езды, клубы, союзы охраны материнства, взаимопомощи женщин, „Высших женских курсов“, редакций женских журналов и газет, „союзов хозяек“, „союзов работниц“, „лиги равноправия“, „лиги суфражисток“ и т. д.) является одной из основных группировок населения, взаимная борьба которых друг с другом и с другими не половыми группами представляет одну из сил, равнодействующей которых служат исторические процессы. Давление половых групп вносит ряд отклонений в поведение и судьбы населения; в сложном параллелограмме исторических сил половые группы были и остаются одной из этих сил, требующих учета. Если верно положение, что история человечества есть история борьбы классов, то не менее верно утверждение, что она есть борьба половых групп.

С индивидуальной точки зрения это означает, что *принадлежность индивида к тому или иному полу является одной из основных координат, определяющих „социальную физиономию“ индивида, его положение, как социальной точки в социальном пространстве, и влияющих на его поведение.* „Пол“ влияет инстинктивно, бессознательно, извнутри, на поведение индивида. „Пол“ влияет часто и сознательно, путем императивов поведения, исходящих из центра организованных половых групп. Когда мужчины, в „молчаливом

комплоте", вводили и укрепляли свои привилегии, они действовали под воздействием своего пола, воздействием, часто несознаваемым. Когда женщины пытаются сбросить „тиранию мужчин", ими опять-таки управляет—сознательно или спонтанно—их „пол". Не учтя влияние половой группы, мы рискуем не понять „кривую" поведения и жизни индивида.

По своему характеру *половая группировка принадлежит к числу закрытых*. Не от нашей воли зависит: мужчинами или женщинами мы рождаемся [1]) и не в нашей власти переменить наш пол. Группа закрыта.

Переход из одной в другую невозможен. Этим, как увидим в свое время, об'ясняется устойчивость процентного отношения полов в населении, малая подвижность в изменении об'ема половых групп, медленность половой перегруппировки и т. д.

Ограничимся сказанным в характеристике полового расслоения.

Группировка возрастная.

Все сказанное о половой группировке с соответственными изменениями применимо и к группировке возрастной. Наличность в каждом населении лиц различного возраста—факт общеизвестный. Различие анатомо-физиологической структуры разновозрастных лиц также не подлежит сомнению. Не подлежит ему и связанная с возрастом психо-социальная гетерогенность людей. „Детство—беззаботно, юность—неопытна и подвержена увлечениям, старость—осторожна и хладнокровна", в этих и подобных вульгарных поговорках отразилась эта психо-социальная гетерогенность людей разного возраста. Кто в юности не увлекался! Кто не влюблялся! Кто не делал ряда „ошибок" и „неосторожоостей!" И те же лица, с переменой возраста, трансформируются из племянника Адуева в дядюшку Адуева, служащего продолжением первого. Эта Гончаровская „Обыкновенная история" вечна. Это значит, что *возрастной признак причинно связан с рядом психо-социальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а чрез них—и на все его поведение, а чрез поведение—и на всю социальную жизнь*.

Но является ли возрастной признак „магнитным полюсом", заставляющим сцепляться друг с другом одновозрастных лиц в солидарное целое и отталкиваться, быть чуждыми или антагонистичными, лиц разного возраста? Служит ли возраст „вехой", указывающей на новую линию расслоения населения в возрастные реальные группы, линию sui generis, не совпадающую с другими?

Ряд соображений говорит за положительное решение этих вопросов. Если у каждого возраста есть свои интересы, отличные и часто противоположные интересам других возрастов, то тем самым

---

[1]) О причинах, обусловливающих рождение мальчиков или девочек, см. *C. Gini:* Il sesso dal punto di vista statistico. Le leggi della produzione dei sessi. Milano. 1908.

сходство возраста может и должно служить основой для возрастной группировки и для антагонизмов различных возрастных групп. Если, далее, различие возраста вызывает различие поведения одного и того же человека, делает лиц определенного возраста более приспособленными для одних функций, лиц другого возраста — для других, то, очевидно, биологический признак возраста, подобно половому и расовому, может служить основой для наслоения ряда психо-социальных различий между разновозрастными группами, может сыграть роль предмета, опущенного в насыщенный раствор соли, на котором и по форме которого эта соль будет оседать.

Иными словами, с возрастом может скумулироваться ряд других различий: профессиональных, об'емно-правовых, имущественных и т. д. Возрастная дифференциация могла сделаться и сделалась основой для дальнейшей социально-психической дифференциации. Так и случилось, так обстоит дело и теперь. Проиллюстрирую сказанное на профессиональном различии разновозрастных лиц. По данным 1882 г. возрастной состав лиц в Германии, занятых в разных профессиях, был таков.

ВОЗРАСТ.	Сельск. и лесное хозяйство.	Промышленность, горн. дело, строит. промыслы	Торговля, обращение, содерж. гостин. и т. д.	Изменчивая наемн. работа.	Военн. служба и администрация.	Гражд. служба и своб. профессии.
Ниже 15 лет.	3.5	2.3	1.0	1.3	0.0	0.7
15—20 . .	18.3	17.4	10.6	7.8	3.6	6.5
20—30 . .	22.2	27.6	22.7	17.9	89.4	23.0
30—40 . .	16.2	21.7	24.2	21.9	4.7	24.1
40—50 . .	15.8	15.3	20.1	20.6	1.5	19.3
50—60 . .	13.1	9.4	12.9	17.0	0.6	14.6
60—70 . .	8.5	5.0	6.7	10.7	0.2	8.9
и выше . . .	2.4	1.3	1.8	2.8	0.0	2.9
Итого . .	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0 [1])

Отсюда видно, что лица ниже 15 лет вообще не занимаются почти никакой профессиональной работой. Военные и административные профессии оказываются занятыми почти исключительно лицами от 20 до 30 лет и т. д.

В силу этих психо-социльных различий понятно, что тяга и солидарность одновозрастных (ceteris paribus) должна стать еще

[1]) *Майр*: Ibid, 198.

более интенсивной, антагонизмы разновозрастных — еще более острыми.

Так должно быть и так действительно есть. Самое обыденное наблюдение показывает нам эту тягу сходно-возрастных друг к другу, своего рода „возрастный тропизм“ (подобный „расовому и половому тропизмам“). Взгляните на картину какого-либо семейного празднества или другой обыденной аггрегации разновозрастных лиц. Вы видите сразу влияние возрастной „вехи“: дети спонтанно соединяются с детьми и обособляются в особую группу, молодежь (юноши и девушки)—в свою, старики и полновозрастные—в свою. Одна группа принимается за свое дело (игры), другая за флирт, или что-нибудь другое, третья—за зеленый стол и карты. В той или иной форме подобные явления „возрастного тропизма“ мы можем наблюдать в тысяче случаев. Коллективы: „детей школьного возраста“, „союза молодежи“, „учащихся средних учебных заведений“ и т. д.—с одной стороны, коллективы взрослых лиц, вызванные интересами взрослых: „избирательные собрания“, „пьяная компания собутыльников“, заседание парламента, конгресс партии и множество других собраний, союзов, ассоциаций и групп, состоящих только из взрослых лиц, все это различные проявления возрастного расслоения населения на многочисленные и малочисленные реальные коллективы.

Эти результаты обыденного наблюдения подтверждаются изучением истории человечества. Расслоение на возрастные коллективы мы находим в самых примитивных аггрегатах. Таково разделение их на группы: неполновозрастных, полновозрастных и стариков; неполновозрастные лишены почти всех прав, старики, напротив, привилегированы во всем. Заслугой Шурца является выяснение значения этой группировки и доказательство положения, что в ряду многих исторических антагонизмов занимал и занимает свое место антагонизм различных возрастных групп [1]). В ряду форм борьбы многих социальных групп на историческом поле военных действий была и остается, — явная или тайная, сознаваемая или нет, — вечная борьба „отцов и детей“. Подобно половой группировке эта борьба различных возрастных групп редко ведется в форме немногих, но громадных по числу возрастных армий, находящихся под командованием своего главного штаба. Она обычно носит „партизанский“ характер. Сражается (чаще всего не сознавая этого) множество возрастных небольших отрядов друг с другом. Но сражение это идет непрерывно. Оно не умолкает. Оно не прерывается в истории населения. И подобно непрерывно текущей реке, неустанно подтачивает одни социальные институты, возводит другие, видоизменяет третьи. Каждая возрастная группа имеет свои интересы и старается осуществить их, хотя бы и в ущерб другим возрастным классам. Обделенные, в свою очередь, сознательно или стихийно стремятся и стремились бороться с привилегированными возрастными группами. Привилегированность обычно

---

[1]) См. *Schurz*: Alterklassen und Männerbunde. 1902. Passim.

выпадала и выпадает отчасти на долю взрослых и старых, обделенность—на долю молодых.

Интересы старшей возрастной группы продиктовали некогда право жизни и смерти над малолетними, существующее и существовавшее в ряде древних и примитивных аггрегатов. Интересы возрастной группы вызвали jus vitae ac necis римского pater familias над детьми и лишение последних имущественных и личных прав. Что все это, как не свидетельство существования возрастного расслоения населения. А право родителей и старших продавать в рабство детей, запреты малолетним жаловаться на старших и родителей, внушения молодежи жить „по обычаю дедов, прадедов и старших", вплоть до современного лишения лиц, не достигших определенного возраста, избирательных и других публичных и частных прав, все эти факты, которыми полна история, что все это, как не специально-правовые эффекты деятельности возрастных групп! И обратно, рост прав „детей", наблюдающийся и бывший у ряда народов (ограничение права отцов убивать детей, продавать их в рабство, признание за детьми в Риме ряда имущественных прав: peculium castrens, quasi castrens, bona adventitia, bona materni generis и т. д. и аналогичные же явления у других народов), что все это, как не проявление роста силы более молодых возрастных групп, как не свидетельство их победной борьбы с более старшими возрастными коллективами. Линии этой борьбы, линии изменения этих привиллегий и обделенностей не шли и не идут ни по расовой, ни по половой, ни по государственной, ни по классовой, ни по имущественной и др. линиям социального расслоения. Они не ими вызваны, не ими изменяются, не ими и могут об'ясняться. Все эти и аналогичные явления, все эти передвижения прав и обязанностей, связанных с возрастом, вызывались деятельностью возрастных групп. Возрастная группа—их творец. Она заводила те пружины, которые вызывали эти эффекты. Ее, благодаря партизанскому образу войны возрастных групп, часто не видят. Но она была и существует. Существует и действует, как крупная социальная сила, хотя и распыленная на мелкие группы. По числу своих членов она громадна. Но ей недоставало планомерной организации и потому кинетическая энергия ее была гораздо меньше потенциальной.

Больше того. Возрастная группа дает себя знать и в процессах, не имеющих с первого взгляда прямого отношения к возрастным антагонизмам. Более внимательное изучение ряда революций и реформаций показывает, что в сложном комплексе острой борьбы различных социальных групп, которую представляют собой эпохи переломов, если не прямо, то косвенно, проявляется и возрастное расслоение. В общем и целом, *эпохи революций—это эпохи доминирования более молодых возрастных групп;* они являются главными деятелями и сторонниками радикальных реформ, из них вербуются партизаны нового порядка, из их же рядов выходят и лидеры движения. „Отцы и деды" в общей массе оказываются на обратной стороне баррикады. В эпохи консервативные, спокойные и реакционные дело обстоит наоборот: лидерами, правителями, вла-

стителями в такие эпохи обычно являются старики. B. E. Gowin достаточно основательно указал на это явление[1]).

Средний возраст лидеров десяти крупнейших реформационных движений гораздо ниже возраста лидеров эпох спокойных и консервативных. В протестантской реформации, в эпоху ее максимальной активности, средний возраст лидеров последней был равен 38 годам, в пуританской революции 1640 г.—40 годам, в Американской революции—38 годам, в начале франц. революции 1789 г. средний возраст одиннадцати лиц, сделавшихся ее лидерами, равен был 34 г.; лидеры антирабского движения в Америке имели средний возраст в 41 г.,

лидеры возрождения Японии имели средний возраст в 38 л.
„ пробуждения Китая „ „ „ „ 38 „
„ Турецкой революции „ „ „ „ 32 г. и т. д.[2])

Не указывая здесь других доводов просто скажем, что в общем и целом лидеры и рыцари социального новаторства в большинстве случаев бывают ставленниками молодых возрастных групп. Сказанное показывает, какова косвенная роль возрастных групп в крупных и сложных социальных процессах.

Предыдущее об'ясняет, почему возрастную группировку я ввел в число важных элементарных групп.

С индивидуальной точки зрения *принадлежность к определенному возрасту служит одной из существенных координат, определяющих положение индивида в среде населения, его соц. физиономию, вес и поведение.* (Недаром, даже в паспортах и во всех бумагах на ряду с полом, подданством, профессией и т. д. считают обязательным обозначать возраст или год рождения индивида). Возраст, как и все биологические условия, влияет на поведение человека, так сказать, „изнутри“. Императивы поведения возрастной группы носят, главн. образом, инстинктивный характер. Иногда, организованная возрастная группа действует на своих членов и извне, давая им те или иные директивы поведения.

По своему характеру возрастная группировка принадлежит к числу *закрытых.*

Таковы вкратце три основных биологических координаты: *раса, пол и возраст*, являющиеся основами или вехами расслоения населения на могущественные элементарные группы, своим давлением оказывающие влияние на судьбу других групп, судьбы населения вообще и ход общественных событий.[3]).

---

[1]) См. *B. Gowin:* Correlation between Reformative Epochs and the Leadership of Young Men. 1909.

[2]) См. также *I. Ash:* What makes a people lethargic or energetic. Am. j soc., v. 19, 374—375.

[3]) Группировки по полу и возрасту здесь интересуют нас лишь постольку, поскольку они представляют реальные, а не мнимые коллективные единства. Само собой разумеется, что этой стороной важность полового и возрастного состава населения не исчерпывается. Даже тогда, когда лица сходного пола или сходного возраста не образуют широких, организованных, реальных коллективов, простой факт процентного отношения мужчин

Семейная группировка.

В предыдущем мы рассмотрели группировки населения, вызываемые чисто биологическими различиями индивидов. Теперь перейдем к изучению расслоений, порождаемых социально-психическими условиями или социально-психическим несходством человеческих атомов. В ряду их одной из важных линий социальной дифференциации современного населения культурных стран на реальные группы является группировка их в семейные коллективы. *Под семьей мы понимаем (применительно к современному населению) легальный союз (часто пожизненный) супругов, с одной стороны, союз родителей и детей, с другой, союз родственников и свойственников, с третьей.*

Самый поверхностный взгляд на современное население свидетельствует нам, что множество индивидов, составляющих последнее, расслаивается на громадное число таких семейных групп. Вся масса социального тела—населения—как бы прорезана множеством трещин семейного расслоения. Признак семейной принадлежности индивидов служит могучим условием, об'единяющим в одно солидарное целое „абонентов" одной семьи. Семейная принадлежность является важнейшей социальной координатой, характеризующей социальное положение индивида в социальном пространстве и обусловливающей линию его поведения. Иными словами семейная группировка представляет одну из важнейших элементарных группировок. Для этого она обладает всеми данными. Во первых, *ее влияние на поведение индивидов громадно и избегнуть этого влияния удается немногим.* С самого рождения мы оказываемся прикрепленными к той или иной семье. В семейную группу человек вступает для „переработки" с момента своего появления на свет. Она является первым его скульптором, придающим ему

и женщин, детей, взрослых и стариков в составе данного населения оказывает на жизнь и судьбу последнего немалое влияние. Социальная и политическая организация населения, характер соц. институтов, течение общественных процессов в группах с преобладающим мужским населением будут иными, чем в группах с преобладающим женским населением. Не безразличным фактом будет и возрастной состав населения группы. Изучение влияния этих условий, однако, не составляет задачи данной части социологии. Она будет подробнее рассмотрена в „Соц. Механике". Обширный материал в этом отношении дается статистикой народонаселения, изучающей его строение не столько с точки зрения расслоения населения на реальные коллективы, сколько с точки зрения процентного состава населения, независимо от того, образуют ли однородные лица реальные совокупности или нет.

См. *Майр:* Обществоведение и статистика, т. I и II. (Третий том—на немецком языке).

Его же: Закономерность в обществ. жизни. *Oettingen:* Moralstatistik. 1882 г.

Майо-Смит: Статистика и социология. Сборник: *Народонаселение.* М. 1897 г.

Schnäpper-Arnd: Sozialstatistik. 1908 г. Курсы по демографической статистике: Benini, Левассера и др., соотв. статьи в „Бюллетенях Междунар. Статист. Института".

основные социальные формы, первым учителем и воспитателем. Семейная атмосфера— первая атмосфера, раздражениям которой он подвергается; подвергается тогда, когда организм похож еще на „чистую доску“, когда он наиболее пластичен, когда каждое „раздражение“ оставляет глубокие, часто пожизненные следы. Изгладить письмена, вписываемые семьей в чистую книгу—родившегося человека,—трудно, почти невозможно. Отсюда понятно громадное влияние семьи на поведение и характер личности. Отсюда же следует и социальное влияние семей: раз чрез „семейное горнило“ проходят все, раз семья представляет „первую мастерскую“, куда попадают для переработки только что родившиеся люди, то очевидно, общественная жизнь людей в значительной мере является функцией организации семейного института. Если плох будет последний,—плохими будут и выпускаемые им на житейский базар товары — люди; раз плохими будут люди, неважной будет и социальная группа, образуемая ими, след., незавидной будет и общественная жизнь, создаваемая ими. Как видим, принадлежность к семье оказывает колоссальное влияние на жизнь и поведение индивида. Во вторых, *семейная группировка распространена*. Хотя каждая семья охватывает небольшое число членов, но так как семейных групп, построенных на сходных началах, не одна, не две, а множество, то, в *своей совокупности, семейная группировка охватывает колоссальное число индивидов, гораздо большее, чем число лиц*, охватываемых совокупностью, напр., политических партий. Многие лица—большинство—не состоят абонентами никаких партий, абонентами той или иной семьи являются все. Это значит, что в своей совокупности семейная группировка имеет громадное число членов. *Поскольку же семьи организованы на сходных началах, семейная группировка, как таковая, имеет свои интересы, свойственные не отдельной семье, а всем семейным группировкам вообще.* Эти интересы отличны от интересов несемейных группировок (напр., церковной, государственной и т. д.) и часто противоположны последним. Когда они задеваются последними, тем самым затрагиваются интересы всех индивидов, как *членов семьи*, и вызывают со стороны их отпор всем попыткам, направленным против интересов семейной группировки. Семейная группировка в таком случае выступает как целое, выступает стихийно, в силу сходства организации ее отдельных отрядов—отдельных семейств. Необ'единенная под властью одного штаба, одного правящего семейного центра, составленная из множества мелких партизанских отрядов—отдельных семейств—,она, тем не менее, начинает защищаться и нападать, как нечто единое, при столкновениях с другими несемейными коллективами. В третьих, семья *коллектив организованный*. Она имеет совершенно определенные устои и сформированный скелет. В четвертых, она *коллектив глубоко солидарный*. Принадлежность к одной семье сплачивает и солидаризирует ее членов в большей степени, чем в какой бы то ни было другой группе. Члены семьи становятся поистинне единым телом и единым духом. Что касается *технических средств* воздействия семейной группировки на людей, то, уступая многим

группировкам в одних отношениях (у семейной группировки нет своей армии, нет единого штаба, нет специально семейной печати: газет, журналов, etc.,) она имеет по сравнению с ними ряд плюсов в других: чрез посредство каждой семьи она влияет непрерывно на своих членов—словами, примерами, семейным убеждением, принуждением и наказанием, внедрением определенных заветов, привычек, правил, верований, обычаев, вкусов, симпатий и антипатий, влияет с первых дней детства ежедневно и ежечасно, в течение всей жизни индивида. Результат такой техники решающ и могуч.

В силу этих условий семейная группировка одна из наиболее могущественных групп. Она оказывает могучее давление на все другие—не семейные—группировки. От характера семейной организации зависят исторические судьбы населения, общественная жизнь людей, организация сложного социального аггрегата и течение общественных процессов. Если характер семейной организации зависит во многом от расовых свойств людей, то сама она, вылившись в определенные формы, обусловливает характер других социальных группировок. Выяснение этого вопроса составляет заслугу школы Ле Плэ, Анри-де Турвилля и их последователей.

Основная аксиома школы Ле Плэ и Анри де Турвилля такова: *„человеческие общества (население. П. С.) имеют такую организацию и такой уклад частной и публичной жизни, какие соответствуют той организации, которую их семейный организм получил от способов добывания средств существования“.*

Спрашивается, почему же семье придается такое значение? Потому, отвечают представители этой школы, что основной функцией семьи служит „обезпечение вечности расы и жизненных рессурсов“ [1]), потому, что „семья представляет наиболее простую, наиболее элементарную группу, под которой социальная жизнь не существует, не может быть продолжаема и передаваема“, потому, что „семья является элементом, в пользу которого функционирует весь социальный организм и на котором отражаются все соц. явления“ [2]).

Сам *Ле Плэ* видел основную функцию семьи в передаче молодым поколениям отцовского наследства. Сообразно с этим по способу передачи наследства он делил семьи на три типа: Famille patriarcale 2) Famille-souche и 3) F. instable. Его последователи вскрыли ошибочность положения своего учителя и основной признак семейной организации стали усматривать не в способе передачи наследования, а *„в характере воспитания молодых поколений“*. Почему же этой черте в организации семьи придается столь важное значение? Потому „что воспитание необходимо не только для добывания средств существования, для способов есть и одеваться самостоятельно, но его целью служит подготовка детей к жизни в группах, образованных с целью добывания средств существования, т. е. подготовка их к жизни в обществе“ [3]). „Каждая

---

[1]) *R. Pino*: La classification des espéces de la famille etablie par Le Play est-elle-exacte? в Science Sociale. 19 Annee. 1-er Fascicule. 44—45.

[2]) *Demolins*: Comment en analyse et comment on classe les types sociaux, в том же номере Science Sociale. 75.

[3]) *Pino*: Op. cit. 58.

семья воспитывает своих детей согласно условиям окружающей ее среды", т. е. так,—как требуют этого способы добывания средств существования, в свою очередь, обусловленные характером среды.

Сообразно с организацией семейного воспитания дается новая (3-х или 4-х—членная) классификация типов семьи. 1) *Семья патриархальная*, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине (в мире, в коммуне), под авторитетом главы семейства, приучающая их жертвовать всем для общины и целиком зависеть от нее. Здесь индивидуальность подавлена, инициативе личности не дается никакого простора, вся жизнь ее регламентирована. Из лона такой семьи выходят индивиды без воли, без инициативы, лишенные самостоятельности, целиком полагающиеся не на себя, а на общину. Таковы семьи первобытных кочевников. Сообразно с этим и вся группа получает характер ленивой, вялой, апатичной группы востока [1]).

Демолен так характеризует этот тип семьи и соответственный тип „народа" (населения). Это „тип общинно-семейной формации, характеризующийся группировкой нескольких семейств у одного домашнего очага. К этому типу принадлежат отсталые народы Азии и Вост. Европы. Там при устройстве своего положения дети расчитывают не на самих себя, а на семейную общину, которая удерживает их в своей среде и заботится о всех их нуждах. При таких условиях потребность в личном образовании чувствуется весьма слабо". Царствует традиция. Нет инициативы. При столкновении с другими индивидуалистическими народами такие народы обычно побеждаются [2]).

2) Разновидностью патриархальной семьи служит семья *квазипатриархальная* (fausse-famille-souche), приучающая молодые поколения к величайшим жертвам для сохранения отцовского очага, вплоть до целибата (безбрачия), лишь бы жить в семейной общине или коммуне под властию наследника. Когда необходимость заставляет молодежь эмигрировать—она сохраняет связь с очагом, дает ему весь избыток заработка и обычно рано или поздно снова возвращается под домашний кров. Хотя здесь в личности воспитывается больше инициативы, чем в семье патриархальной, но все же она ничтожна, индивид живет традицией, под чужой опекой.

3) *Семья партикуляристская* (*или souche*), *построенная на индивидуальном начале*. Она приучает молодые поколения полагаться не на других, не на общину, не на семью, а только на самих себя. Индивидуальной инициативе дается здесь неограниченный простор. На первом плане—личность. Она организатор и хозяин всех общественных группировок, она творец частной и публичной жизни. Из такой семьи выходят энергичные, неутомимые, творческие личности. Народ, имеющий такую организацию семьи,—народ непобедимый, завоеватель и покоритель всех других. Такой народ служит типом народа, у которого индивид торжествует над государством. Последнее играет в его жизни, в орга-

---

[1]) *Pino*. Op. cit. 58 и сл.

[2]) *Демолен*. Аристократическая раса. СПБ. 1906. 58.

низации частного и публичного уклада, второстепенную роль. Первое место принадлежит не бюрократии, не чиновничеству, не органам власти, а обществу и общественному мнению [1]).

Демолен так характеризует этот тип семьи и соответственный тип народа. Это „тип индивидуальной (самодовлеющей), формации— высший тип, где каждая отдельная личность освободилась уже от власти семейной общины и от зависимости от общинного государства. Чистейшим обрасцом такого типа являются расы—скандинавская и англо-саксонская. Здесь каждый человек при устройстве своей жизни расчитывает не на семейную общину, давно развалившуюся, ни на общину государственную, располагающую, благодаря слабой централизации, небольшим количеством мест, а на самого себя, на свою инициативу, знание, энергию и предприимчивость".

Таким типом народов, по его мнению, являются Англо-Саксы. Отсюда их превосходство над другими народами. „Если превосходство Англо-Саксов над другими народами не провозглашается открыто, пишет Демолен,—сам француз,—то во всяком случае оно несомненно чувствуется всеми . . . На всем земном шаре мы не можем сделать, шага, чтобы не встретиться с Англичанином . . . Мы везде видим гордо развевающийся английский флаг. Англо-Саксы выжили нас (французов) из Северной Америки, из Индии и Египта. Из Канады и Соед. Штатов они повелевают всей Америкой, из Египта и Капа распоряжаются Африкой; из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец вершат дела Европы и всего мира. Достаточно небольшой группе представителей этой расы поселиться на какой либо точке земного шара, как здесь сейчас же начинает бить родник новой жизни. Со сказочной быстротой изменяя внешний облик страны, Англо-Саксы формируют новые челов. общества, столь превосходящие нас совершенством своего устройства, что они имеют полное право прилагать к нам полупрезрительную кличку „старого света" . . . Констатируя это превосходство англо-саксов (которое вполне подтверждается и текущими событиями, где Англичане и Американцы диктуют миру свою волю) Демолен. в цитируемой работе об'ясняет, чему они обязаны этим превосходством. Ответ гласит—семейной организации индивидуалистического типа и соответственной организации воспитания.

„Мы наполняем воздух жалобами, мы плачемся, ищем виновных . . . вместо того, чтобы последовать их примеру" . . . Далее Демолен чрезвычайно экспрессивно характеризует семейно-общественное воспитание детей у англо-саксов. 1) Родители здесь не считают детей собственностью и стараются возможно раньше отделить их от себя и предоставить им независимость. 2) С детьми здесь обращаются как с взрослыми. 3) При воспитании принимаются запросы не той жизни, которой жили родители, а новой, стоящей пред детьми. 4) При воспитании обращается внимание на развитие физич. сил в форме игры. 5) Дети с малых лет ставятся в соприкосновенне с действительностью. 6) Они приу-

[1]) *Pino.* Op. cit. 59 и сл.

чаются к ручному труду. 7) Отцы и дети соперничают в знании хорошо проверенных новостей и фактов (Отсюда „характер английских и американских газет столь же похожих на наши, как день на ночь. В них нет ни длинных теорет. рассуждений, ни переливания из пустого в порожнее, а одни только факты, факты и факты“). 8) Здесь нет злоупотребления родит. авторитетом. 9) „Наконец, самое важное—дети знают, что родители не будут заботиться об устройстве их судьбы“ и т. д. “Итак, судите, сравнивайте, решайте—что нам делать, заканчивает Демолен эту характеристику. Я сделал попытку показать вам те скрытые пружины, которые двигают собою расу наиболее сильную и грозную для старых и стареющихся народов. Эта раса совершает нашествие на весь мир и это нашествие представляет своего рода чудо, т. к. завоеватель не располагает ни большою армиею, ни сильною обществ. властью. Он приходит не как Германец с огромными батальонами и усовершенствованным орудием, а один с мирною сохою. Его презирают, потому что не знают, что такое соха и что значит этот человек!“ (Знаменательные слова, как будто написанные сегодня!) [1]).

Сходно характеризуют и американцев ряд исследователей, в числе их проф. Мюнстерберг.

Основную черту их характера немецко-американский профессор видит „в потребности самоопределения“, в сильной индивидуальной воле. „Исходным пунктом и конечным выводом самоопределения служит правило: не ожидай, чтобы другие о тебе заботились, тебя опекали и преследовали твои интересы, полагайся на собственное суждение и на собственные силы; ты можешь все сделать не хуже других, если постараешься, и нет такой цели, которая для тебя была бы слишком высока. Этим духом проникнут всякий американец. С самого раннего детства это направление каждый день ему внушалось, и каждое учреждение страны его укрепляло. Ближайшим результатом этого является такое развитие духа инициативы, какого нет ни у одного из остальных народов, и вместе с тем—оптимизм, вера в свои силы. Робость—этого слова нет в лексиконе американца. Все должно иметь возможность развиваться собственными силами. В каждом деревенском парне и городском мальчишке имеется гордое сознание, что только от него зависит, сделается ли он президентом Соединенных Штатов или нет. [2])“ „Американец рано приучает детей думать об экономической независимости: сыновья даже состоятельного человека должны начинать с маленького содержания и собственными силами добиваться большого [3])“.

4) *Семья неустойчивая* (F. instable), воспитывающая молодые поколения без уважения к авторитету, но и без приучения к самостоятельности. Она не делает их способными к чему либо определенному, но и не неспособными ко всему. В ее воспита-

---

[1]) Демолен: Аристократ. раса. 1—4, 58—59, 66—42 и Passim.

[2]) *Г. Мюнстерберг*: Американцы. М. 1906 т. I 68—69. См. весь т. I и т. II.

[3]) Там же гл. II, 210.

тельной системе нет ни приучения к подчинению, ни к инициативе. Индивид воспитывается, как будущий чиновник государства; надежды его возлагаются на государство и он сам полагается на его теплые места. В итоге получается общество неустойчивое подверженное политическим страстям с бездеятельной общественной мыслию и с развитым, централизованным, государственным аппаратом. Таковы Франция, Германия и другие государства Западной Европы [1]).

По *Демолэну* это „тип общинно-государственного строя (уклада), характеризующийся тем, что здесь место распавшейся общины-семьи заняла община-государство. К этому типу принадлежит бо̀льшая часть народов Зап. Европы, в частности Франция и Германия. Здесь молодежь при устройстве своего положения расчитывает на государство, т. е. на те места, которыми последнее располагает в администрации и в армии. Для получения этих мест необходимо выдержать экзамены, которые... вызвали появление на божий свет особой образовательной системы, известной под именем „накаливания" и способствовали развитию особого типа школы—огромных пансионов, на 500-1000 человек, где молодые люди, кроме искусственной, напоминающей собой тюремную, жизни, подвергаются особой тренировке. При этом внимание и помыслы учеников и учителей устремлены на один только момент—экзамены. Заботы обо всей остальной жизни возлагаются на государство" [2]).

Таковы основные типы семьи и таковы соответствующие им типы народов, согласно учению школы Le Play. Из сказанного мы видим, что основной тезис ее может быть формулирован так: ***какова семейная организация населения, в частности, характер воспитания молодых поколений в семейном коллективе, таковой будет социальная и политическая его организация и его исторические судьбы.***

Если в этом тезисе есть преувеличение, то признание преувеличения не лишает значения это положение. А оно говорит о том, что семейная группировка является одной из самых важных и решающих социальных группировок.

Любой из важных социальных коллективов не избегает влияния семьи и постоянно находится под давлением семейной группировки.

[1]) *Pino*: Ibid. 60 и сл.

[2]) *Демолэн*: Арист. раса. 58-59. См. там же прекрасную характеристику французской, германской и английской школы.

Для более подробного знакомства с теорией Ле-Плэ, и его последователей, увы! у нас мало известной, см. *Vignes*: La science sociale d'aprés les principes de le Play et de ses continuateurs, т. I и II. 1897; ряд номеров журнала „La science sociale, книгу *Демолэна*: Comment la route crée le type social. Его же: Les Francais d'aujourd'hui. 1898 г. монографии Pino, Rousiers и др. Замечу в скобках, школа заслуживает полного внимания всех, изучающих явления соц. жизни. По иронии судьбы у нас на нее обратила свое внимание не интеллигенция, а такие лица, как Победоносцев, издавший одну из глав цитир. работы Демулэна. Между тем, знакомство с ее работами многое уяснило бы и в истории нашей обществ. мысли (См. напр. ст. *Demolins'a*: Les causes endémiques du nihilisme russe, в Science sociale. 2-e année. T. III. 5-e livraison), и помогло бы понять, почему мы так легко стали „коммунистами" и чем по своей природе является наш коммунистич. строй.

„Строение семьи и семейственных отношений, правильно говорит И. А. Покровский, затрагивает самые разнообразные интересы—интересы самих членов семьи, интересы различных обществ. групп, интересы государства, наконец, интересы религии, церкви". [1]) В столкновениях и взаимной борьбе различных коллективных индивидуальностей семья была и в значительной степени остается одним из самых устойчивых, влиятельных рыцарей, которые борются без шума и без эффекта, но борются упорно, отражают нападения других коллективов и сами, подобно упругой стальной пружине, переделывают организацию и линию поведения других единств. В самые острые периоды общественных кризисов, когда революция, казалось, не оставляла камня на камне от других коллективов, семейный институт не испытывал почти никаких изменений. Серьезно задевать его основы не решались самые радикальные новаторы, а если такие попытки и были, то обычно они оставались безуспешными. Такова была напр., судьба lex Julia et Papia Poppaea, пытавшегося установить всеобщую брачную повинность, столь же безуспешной долгое время была борьба церкви против невенчанных браков, совершенно безуспешными (de facto) были попытки церкви и государства бороться против разводов: если католическая церковь с виду и победила в этой борьбе, запретивши разводы, то только с виду, ибо „разлучения от стола и ложа", т. е. фактический развод, были все время.

„Маленькая монархия" римский семьи была самостоятельной державой даже для римского государства," говорит Покровский, [2]); то же применимо и ко всякой другой семье. Естественно, что и русская революция, перевернувшая вверх дном многое, института семьи почти не задела. Если она и внесла сюда кое что (я разумею декреты о разводах и о секуляризации брака), то лишь детали: а привились и прививаются эти реформы лишь постольку, поскольку отвечают назревшим запросам самого семейного института.

Семья не только упорно сопротивляется давлению других социальных коллективов, но, в свою очередь, давит на последние, приспосабливая их к своему укладу и запросам. И государственная, и церковная, и партийная, и всякая другая организация ежечасно и ежеминутно должны считаться с семейным укладом своих членов, приспосабливаться к интересам семьи и к ее требованиям. В тех случаях, когда требования первых коллективов резко коллидируют с требованиями семейного эгоизма, наступает борьба между семейной и остальными социальными коллективами. Из этой борьбы нередко семья выходила победительницей. Вспомним хотя бы разложение той государственно-политической группировки, которая носит название рода. Как известно, это разложение было вызвано—в ряду других причин—появившимся антагонизмом запросов семьи и рода. Род пал и из борьбы семья вышла окрепшей и обновленной. В других случаях борьбы семьи с другими коллективами последние хотя и не распадались, за то принуждены были приспосабливать свое законодательство, свои институты к назревшим

---

[1]) *И. Покровский*: Основ. пробл. гражд. права П. 1917. 146.

[2]) *Покровский*: Ibid. 147.

требованиям семьи. История норм, регулирующих заключение и расторжение брака, права и обязанности супругов, их взаимоотношения, взаимоотношения родителей и детей, формы наследования, [1]) весьма наглядно рисует этот процесс давления семейного коллектива на государство и приспособление институтов последнего к требованиям первого. П. Л. Лавров прав, говоря: „Семья подчиняется государству лишь в силу своих эгоистических интересов, которые считает лучше охраненными при существовании крепкого политического союза, чем вне его; и вызывает его потресение, как только считает свои интересы расходящимися с задачами государства или недостаточно им охраненными“ [2]).

Из краткого очерка воззрений школы Ле Плэ мы видели, что характер семейной организации в значительной мере обусловливает характер государственной организации людей, характер организации других группировок и судьбу населения вообще.

Подчеркивая влиятельность семьи на другие коллективы я этим не хочу сказать, что это влияние исключительное (в этом ошибка Ле Плэ и его школы), что оно является самым сильным, и что семья сама не подвержена влиянию и давлению других коллект. единств. Несомненно обратное. И семья находится под постоянным давлением других соц. группировок. Под этим давлением хоть и медленно, но все же она принуждена трансформироваться и приспособляться к требованиям других соц. коллективов. Ошибочно было бы думать, что давление государственной группировки не оказывает никакого эффекта на конституцию семьи. Раз между ними дано *двустороннее взаимодействие*, eo ipso, давление государства не пропадает бесследно. То же применимо и к давлению других важных соц. групп: церкви, партии, профессиональной группы и т. д. Роль государства и церкви в деле изменения форм семьи и брака—сама собой очевидна. Издавая законы (напр., о запрете невенчанных браков, о разводе, об имущественных отношениях супругов и детей и т. д.) под давлением семьи, они этими законами, в свою очередь, давили на нее и способствовали ее трансформации [3]).

---

[1]) Достаточно для этого познакомиться хотя бы с новейшими проектами гражданского кодекса и с их об'яснительными записками.

[2]) Собр. соч. П. Л. Лаврова. Вып. V. 43. П. 1918. См. также. *Михайловский*: Борьба за индивидуальность; главы, посвященные борьбе семьи за свою индивидуальность. Фактический материал победоносной борьбы семьи в ее единоборстве с государством дан *J. Cruet*, в его: La vie du droit et l'impuissance des lois. Paris. 1908 г. См. гл. Le droit sexuel et familial dans la vie et dans la textes. 125-137.

[3]) См. об этом *И. Покровский*: Op. cit., гл. X. Там же приведены и мотивы новейших гражданских кодексов, характеризующие отношение к семье государства. Как пример влияния государства на семью может быть указан факт роста разводов у нас, после декрета 20 декабря 1917 г. Этот декрет, как известно, чрезвычайно облегчил расторжение брака. Его результатом явилось чрезвычайно быстрое повышение кривой разводов. По г. Москве соответственные цифры за 1918 г. таковы. Подано заявлений о разводе.

В январе 1918 г. (сразу же после издания декрета) . . 98,
„ феврале „ „ „ „ „ . . 384

Последняя происходила хотя и медленно, но все же происходила и происходит. И в настоящий момент мы присутствуем при очередном кризисе семьи, дающем себя знать во многих формах. Семья, не без давления государства и др. коллективов, начинает трансформироваться и терять ряд своих основных функций. Она ослабляется, как принудительный союз супругов, основанный на власти мужа, она ослабляется, как авторитарный союз родителей и детей, основанный на власти первых; ограничиваются ее воспи-

В марте 1918 г. (сразу же после издания декрета) . .	384
„ апреле „ „ „ „ „ . .	1053
„ мае „ „ „ „ „ . .	980
„ июне „ „ „ „ „ . .	804
„ июле „ „ „ „ „ . .	611
„ августе „ „ „ „ „ . .	507
„ сентябре „ „ „ „ „ . .	343
„ октябре „ „ „ „ „ . .	436
„ ноябре „ „ „ „ „ . .	384
„ декабре „ „ „ „ „ . .	365

(*Гойхбарг*. Еще о браках и разводах. Пролетарская революция и право. 1919 г. № 2-4. *Его же*: О браках и разводах. Там же. 1918 г. № 5-6).

Эта таблица показывает зависимость процессов, происходящих в сфере семейной группы, от других групп, в данном случае, от государства: изменение норм развода удалило припятствия, бывшие раньше: это сразу же проявилось увеличением числа разводов, т. е. разрывов семьи, как союза супругов.

Но та же таблица говорит и о другом: о том, что влияние государства, как и других коллективов, не всемогуще, а относительно; оно будет действенным лишь постольку, поскольку вводимые реформы соответствуют запросам самой семьи. Достигнув максимума в апреле, кривая разводов дальше идет на понижение. Декрет о разводе сыграл роль разреза гнойного нарыва, который назрел раньше в семье. Под его влиянием нарыв лопнул и пошло быстрое очищение семейного организма. Когда главная масса „гноя“ была выброшена, процесс стал ослабляться и чем далее, тем он совершается медленнее. Декрет остается тем же, но обращение к нему реже и реже. Если бы не было „нарыва“, он с самого начала бессилен был бы вызвать какие бы то ни было эффекты.

Иную картину дает кривая „светских“ браков, в отличие от церковных. Потребность секуляризации брака давно уже назрела. Декрет 20 дек., 1917 г. дал ему выход. И с тех пор кривая „светских“ браков растет непрерывно. Этот факт говорит о глубоких корнях этой реформы и об изжитости церковного брака. Вот цифры гражданских браков по г. Москве, за 1918 г.

	гражданских браков	
январь	„	8
февраль	„	9
март	„	77
апрель	„	120
май	„	214
июнь	„	232
июль	„	331
август	„	347
сентабь	„	524
октябрь	„	1248
ноябрь	„	1497
декабрь	„	1040 (не по всем участкам г. Москвы).

(*Гойхбарг*: Ibid. 84).

тательски-опекунские функции, атрофируется она, как хозяйственный центр [1]).

Легко понять после сказанного, почему семейная группировка может и должна быть признана одной из важных; почему ее нельзя игнорировать и почему сдвиги, происходящие в организации семьи, не могут не вызывать чреватых последствий во всех областях обществ. жизни и в судьбах других коллективов. Изучение этих сдвигов не входит в пределы соц. аналитики. Они будут предметом других частей социологии.

По своему характеру *семейная группа в одних отношениях является группой закрытой* (не от нашей воли зависит, членами какой семьи мы рождаемся, и вполне освободиться от влияния семьи—производительницы, оказывавшегося на нас с первых дней рождения, мы не можем), *в других — группой промежуточного типа*: выход замуж, брак, разводы и т. п. представляют явления частичной инфильтрации и частичной дефильтрации индивидов из семьи в семью. Добровольное и полное „выключение и включение" индивидов из „абонентов" семьи-производительницы невозможно. Но возможна циркуляция—включение и выключение—из добавочных семейных групп, в число абонентов которых индивиды попадают благодаря браку, усыновлению или узаконению и др. явлениям. Это обстоятельство, как увидим ниже, придает своеобразную форму явлениям семейной перегруппировки.

Государственная группировка.

Следующей важной элементарной группировкой индивидов является группировка их в государственные коллективы. Такими коллективами служат те системы взаимодействия, которые носят название: „России", „Англии", „Франции", „Германии" и т. д. Каждый из таких государственных коллективов представляет сложную и организованную систему взаимодействия. Она охватывает обычно большое число „абонентов" — подданных, — имеет особый правительственный центр—государственную власть, регулирующую взаимоотношения своих абонентов в сфере поведения, нормируемого законами государства.

Каковы же эти взаимоотношения, в своей совокупности образующие систему взаимодействия, носящую название государства? Иными словами, что отличает государственные коллективы от других социальных группировок? Не ставя своей задачей решение этого вопроса (для нашей цели достаточно указать пальцем на то, что мы разумеем под государством — им будет система взаимодействия, носящая название: „Англии", Франции" и т. д.) заметим, что отличительные признаки государства, указываемые обычно государствоведами, неудачны. Они не позволяют отчетливо выделить государственные коллективы от других.

---

[1]) См. *Сорокин:* Кризис современной семьи. „Ежемесячн. журнал". 1916 г. №№ 2 и 3.

Государство обычно определяют, как организованный народъ, занимающий определенную территорию и подчиненный суверенной или верховной госуд. власти. Сообразно с этим, „элементами" государства считают: территорию, население и госуд. власть. Основной же характерный признак государства, отличающий его от негосударственных коллективов, усматривают в наличности суверенной или первоначальной или непроизводной власти [1].

Легко видеть неудачность таких „конструкций". Что указание на население, территорию и власть, т.-е. правящий центр, как на „элементы" государства, не может служить искомым разграничительным признаком, это очевидно: *почти все организованные коллективы состоят из этих „элементов"*. Возьмете ли вы церковь, как организованную систему взаимодействия, вы там найдете: 1) население—верующих „абонентов" церковной системы; 2) территорию, которую церковь занимает своими учреждениями и членами (напр., территория католич. церкви обнимает границы Италии, Испании, Португалии, Франции, части Швейцарии, Польши и т. д.); 3) церковную власть, издающую свои законы и регулирующую поведение своих „абонентов", в лице папы, патриарха, синода, со всеми их агентами. То же применимо и к политической партии (населене—члены партии, власть—центр. комитет партии, территория—границы распространенности данной партии), к профессиональному об'единению (население — члены проф. союзов, напр., Всеобщей Конфедерации Труда, власть — Бюро Конфедерации, конституция—Устав Конфедерации, территория—места, занятые ее учреждениями и подчиненные ее влиянию) и т. д. [2]).

Подобные „конструкции" государствоведов об'ясняются очерченной выше концепцией „единого общества". Они полагают, что индивид может быть „абонентом" только государственной системы взаимодействия, что последняя способна удовлетворить всем его запросам и регулировать все его поведение во всех сферах последнего. Отсюда тезис: население — элемент государства; отсюда государство, как монопольная компания, абсорбирующая целиком население. Мы видели ошибочность такой концепции. Индивид—абонент не только „государственной акционерной компании", но и многих других „компаний" (церкви, партии, проф. союза, национальности и т. д.). Он не монопольный об'ект регулировки госуд. власти, но является об'ектом регулировки и других „властей". Это значит, что и население, как совокупность индивидов, не является монопольным достоянием „государственного общества". Оно—достояние ряда других коллективов или систем взаимодействия, отличных от государства. Оно—„элемент" всех тех „систем взаимодействия", абонентом (участником) коих оно является, и централь-

---

[1]) См. курсы госуд. права. Напр., *Лазаревский*: Op. cit. 2—10. *Дюги:* Констит. право. 24—27; 58—64, 98 и сл. *Еллинек*: Право современн. государства. 114. *Магазинер*: Лекции по гос. праву. 2—3. 15—27 и гл. VIII.

[2]) Лазаревский прав говоря: „Конечно, в каждом государстве есть и народ и есть власть, но они есть и в церкви, и в семье. Народ и власть не являются отличительными признаками государства". *Лазаревский*: Op. cit. 46.

ные органы коих регулируют, каждый в своей сфере, его поведение.

Эти положения — простой вывод из того факта, что в наше время индивид является членом не одного общества, а многих обществ. Этот же факт, как мы видели, является обратной стороной многолинейности социального расслоения и сложности системы социальных координат, определяющих положение индивида в среде населения.

Те же соображения применимы и к территории. Обычно думают, что территория принадлежит только государству, что только гос. власть может действовать на пространстве ее территории. Юридическая фикция! скажем мы в ответ на это. Пользуясь раньше указанной моделью, телеграфными столбами и проволоками, мы можем довольно точно представить себе подлинное положение дела. Ряд столбов, занимающих одну и ту же территорию, может быть охвачен не одной сетью проволок, а рядом их, образующих многоэтажный ряд сетей. На одной и той же территории, между одними и теми же столбами, может существовать не одна система проволочной сети, а две, пять, десять и больше. И странно было бы говорить, что эта территория принадлежит только одной из этих сетей, напр., нижней. Она в такой же степени принадлежит и всем другим сетям, скрепляющим эти столбы. То же применимо к взаимоотношению территории и госуд. системы взаимодействия. Да, последняя локализуется на определенной территории и занимает определенную часть земной поверхности. Но на той же территории, как в примере со столбами, локализуется ряд других систем взаимодействия, которые существуют не вне времени и пространства, „абоненты" которых — „население", живут на земле, учреждения которых имеют материальную природу. И как странно думать, что территория принадлежит, „составляет элемент" только одного ряда проволок, скрепляющих столбы, так же странно полагать, что территория, на которой локализуется множество систем взаимодействия, население которой является „абонентом" ряда коллективов помимо государства, принадлежит, „составляет элемент" только „государственной абонементной сети" [1]).

---

[1]) См. правильные соображения по этому вопросу у *Лазаревского*: Op. cit. 42—46. По отношению к территории все коллективные единства могут быть разделены на две группы: 1) *локализованные* в пределах определенной территории и потому имеющие определенные пространственные границы; 2) *не локализованные* в пределах определенной территории и не покрывающие ее сплошь, „абоненты" которых рассеяны в различных местах. Группы последнего рода не имеют определенных территориальных границ. К числу первых групп принадлежат: современные государства (но не древние, напр., древняя Греция, германские племена и т. п.), ряд цеховых и профессиональных групп средневековья („концы" и „улицы" городов, занятые определенными цехами, гильдиями, etc.) и т. д. К числу вторых групп принадлежат, напр., современные партии, религиозные союзы современных городов и т. д. Отсюда видно, что территориальный признак — частный признак, не характеризующий природу государства, не всегда ему свойственный и присущий на ряду с ним другим коллективам.

См. относительно этого деления правильные соображения у *R. Maunier* The definition of the city,

Многие лица, особенно теоретики социализма, синдикализма и анархизма, отличительную черту государственного коллектива усматривают в *принудительности*. „Когда одна группа лиц может сделать свою волю обязательной для другой, когда личность закрепощается обществу, независимо от своего согласия, то мы имеем перед собою государство, и насколько в данном обществе существует обязательное подчинение одной его доли другой, настолько в него входит государственный элемент“, читаем мы, напр., у Лаврова [1]. „Сила, происшедшая из общества (с непримиримыми экономическими интересами П. С.), но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство“, говорит Энгельс; далее он указывает территориальность и принудительность гос. власти, как отличительные черты государства [2].

Не трудно видеть, что и принудительность не может служить отличительным признаком государственного коллектива. „И помимо государства существуют союзы, принадлежность к которым принудительна; семья, земство“, правильно указывает Лазаревский [3]. В населении, где отсутствует свобода религии, принудительной является принадлежность к определенной церкви (вероисповеданию), (cuius regio, eius religio); принудительна принадлежность к касте и к множеству других негосударственных коллективов. Абсолютно не зависит от нашей воли принадлежность к той или иной расовой, половой, возрастной и языковой группе.

Равным образом, не является специфической чертой государства наличность *принудительной власти*, стоящей *над* населением, и принудительных мер, практикуемых ею для сохранения „государственного порядка“. То же, как увидим ниже, свойственно большинству организованных внегосударственных групп. Раз в группе совершилось расслоение на правящий центр и управляемую массу, тем самым правящий центр (будет ли им папа и синод в церкви, правление синдиката в профессион. союзе, центральный комитет в партии и т. д.)—механически оказывается *над* управляемыми и использует ряд принудительных мер для сохранения единства и порядка группы. Власть и „дисциплинарно-принудительные“ меры главы семейства по адресу домочадцев, церковной власти — по адресу верующих (епитимии, штрафы, выговоры, порицания, отлучения и кары инквизиции), меры партийной власти по адресу непокорных членов партии (выговоры, штрафы, порицания, исключения из партии и сотни других принудительно-дисциплинарных мер“, применяемых во всех партиях, и особенно, в наше время, в партии коммунистов), скрытое или явное насилие над членами профессиональных союзов со стороны их власти,—все это бесспорное проявление принудительных мер со стороны власти внегосударств. союзов. Всюду „правящие“ правят „управляемыми“ путем насилия и хитрости. Различны только их пропорции. А суть всюду одна и та же. Вот почему нельзя видеть в принудитель-

---

[1]) *Лавров*: Госуд. элемент в будущем об—ве. 1876. Лондон. 12—13.

[2]) *Энгельс*: „Происхождение семьи, частной собственности и государства. 6-ое немецк. изд. 177—78 и сл.

[3]) *Лазаревский*: Op. cit. 2—3.

ности специфическую черту государства. Это принужден признать, напр., и сам П. Л. Лавров. „Все политические союзы, образовавшиеся для борьбы с госуд. властью, были организованы на чисто госуд. начале (т. е. на принуждении. П. С.), часто даже с большим проявлением власти, чем в государстве, против которого боролся союз... Госуд. элемент (т. е. принуждение) проникал и все планы рабочей социалистической организации, до сих пор предложенные" (и проекты: Маркса-Энгельса, и Лассаля, и даже проекты анархистов [1]).

Отсюда ясно, что не приходится видеть в принудительности специфический признак государства. Принудительность свойственна большинству организованных коллективных единств. „Общество свободно-хотящих людей", обходящихся без принуждения, пока является большой редкостью.

Единственным отличительным признаком государства является *суверенность госуд. власти или первичность, самоуправомоченность последней*. Но и эти признаки, как известно, очень условны. Есть ряд государств (напр., средн. государства, „союзное государство" и т. д.) несуверенных. Остается признак первичности власти, ее самоуправомоченности. К этому признаку, как к ultima ratio, обычно и прибегают государствоведы для отделения государства от других коллективов. Но и этот критерий весьма непрочен. Дело в том, во-первых, что в истории мы имели ряд коллективов, которые, как, напр., католическая церковь, обладали и суверенной и первичной властью: не государство дало власть римскому папе и римской курии. Поэтому, будучи последовательными, мы принуждены были бы говорить о католическом государстве, чего государствоведы не делают. Такую же роль играл и ряд других коллективов, напр., средневековые цехи и другие сословные коллективы (сословные суды, собрания сословных чинов и т. д.). Больше того, и в современной жизни имеется сколько угодно коллективов, обладающих первичной властью, полученной ими не от государства, а часто помимо и вопреки государству: не государство снабдило домовладыку властью в семье, а она выросла сама; не государство уполномочило и уполномочивает патриарха или священника властью „вязать и решать грехи", „накладывать эпитимии", „отлучать от церкви", издавать декреты, регулирующие религиозную жизнь людей; ни папа, ни патриарх не рассматривают себя, как приказчиков государства; даже не последнее дает им это высокое звание. Еще менее обязана своим бытием государству власть центрального комитета политической партии или рабочего синдиката. Эти коллективы обладают властью не только помимо, но сплошь и рядом вопреки воле государственной власти [2]). Скажут на это:

[1]) *Лавров*: Op. cit. 14—15. Не представляет отсюда исключения и проект „разрушения государства", предложенный Н. Лениным. „Разбить, сломать" государство у него означает только... переменить правителей и оставить принуждение во всей силе.

См. *В. Ильин*: Государство и революция. 1918. 17, 19, 75, 93—94 и др.

[2]) См. напр., историю рабочего движения, в частности: *Н. Критская* и *Н. Лебедев*: История синдик. движения во Франции. М. 1908.

„все же, чтобы пользоваться властью, они должны быть признаны государством: государство, если не дает им власть, то, по крайней мере, санкционирует фактическую власть“. Но легко понять, что санкционирование факта не превращает имеющуюся уже власть из первичной в производную; далее, такое санкционирование далеко не всегда имеет место: государственная власть едва ли когда-либо санкционировала политику партий, направленную против данной власти и, однако, такие партии были, есть и будут. „Правительство государства едва ли когда-либо давало свою санкцию на об'явление экономической или политической забастовки; и, однако, такие забастовки своею властью постоянно об'являются и проводятся политическими партиями, рабочими союзами и т. д. Это значит, что ряд коллективов обладает властью первичной, не только не производной от государства, но не нуждающейся даже в его признании.

Правда, на это могут сказать, что государственная власть, признавая принудительную власть и регулировку за другими коллективами, „просто не замечает этих отношений и не считает нужным их как-либо регулировать; но она всегда имеет право это сделать, если признает нужным. И так как в современном обществе *всякая принудительная власть* возможна лишь постольку, поскольку она допускается государственными законами, можно говорить, что *всякая* принудительная власть основана на законе и таким образом получается от государства“ [1].

Это традиционное положение государствоведов — фикция. Оно говорит о должном, а не о сущем. Если бы *всякая* принудительная власть основывалась на законах государства, то значит и власть разбойника над жертвой или власть партии, низвергающей законы государства и госуд. власть, тоже основана была бы на низвергаемом законе государства и воле низвергаемой власти. Затем, сейчас мы видим, что множество коллективов обладает властью независимо и даже вопреки государству. В третьих, государство имеет право регулировать что угодно, вплоть до течения небесных светил. Но *может ли* оно это сделать и делает ли оно это?—that is the question. Приписывать себе какие-угодно правомочия может кто угодно; но суть дела в том, состоянии ли приписывающий реализовать их и реализует ли их фактически. На бумаге государственная власть—„суверенна, вездесуща, всемогуща, вечна и едина“, но только на бумаге. Эти и подобные положения—фикции. Если бы дело обстояло так, то из общественной жизни давно исчезли бы все оппозиционные партии, прямые мятежники, революционеры и события, вызываемые ими наперекор госуд. власти и временами кончающиеся ее падением. Исчезли бы потому, что какая же власть не стремилась и не хотела бы искоренить всех недовольных ею, обезвластить всех оппозиционеров, уничтожить неприятные ей организации и т. д. И, однако, никакому правительству это не удавалось и не удастся.

Не удается потому, что фактически гос. власть и не всесильна, и не может лишить власти все негосударственные кол-

[1]) *Лазаревский*: Op. cit. 5.

лективы, если бы и хотела, и не является вовсе источником власти негосударственных коллективов [1]).

Не желая быть парадоксальным, можно с большей основательностью утверждать, что *власть внегосударственных коллективов в огромном большинстве случаев создается вопреки воле госуд. власти и вопреки ее противодействию.*

Это значит, что и признак верховенства, первичности власти не может служить признаком, отличающим госуд. коллективы от других, внегосударственных. Тем самым теряют свое значение и традиционные определения государства.

То, что носит название государства (коллективы: „Англия“, „Франция“, „Китай“ и т. д.), *представляет особую организованную систему взаимодействия индивидов, обычно живущих на одной территории, которая состоит из совокупности отношений, указываемых и регулируемых т. н. „Основными законами“ и „Сводом законов“, именуемых „законами государства“.* Через эти отношения индивиды, принадлежащие к одному государству, оказываются взаимно связанными и выступают в качестве абонентов одной и той же системы взаимодействия, центром которой служит гос. власть, регулирующая эти отношения [2].

Каковы же именно эти отношения, в совокупности составляющие государственную сеть или систему взаимодействия? Согласно определению, *решение этого вопроса дают законы данного государства.* („Свод Законов“ Англии, Франции, России и т. д.). Все отношения, перечисленные там и указывающие надлежащее поведение индивидов во всех перечисленных случаях, и составят в своей совокупности государственную систему взаимодействия или государственный коллектив. Каковы они in concreto в каждом данном случае, это questio facti, решаемое на основании изучения свода законов. Нам нет надобности перечислять эти отношения; это дело курсов государственного права. Для нас достаточно отметить, что

---

[1]) Это принуждены признать, в конце концов, и сами государствоведы Лазаревский несколькими страницами ниже говорит: „право обществ. организаций существует“, „госуд. законы, которые противоречат последнему, во многом остаются мертвой буквой“, „говорить о всемогуществе (госуд.) закона, конечно, неправильно“...

Лазаревский: Op. cit. 26—27.

Гораздо рельефнее указанные в тексте положения выдвигаются работами противников государства, анархистами и синдикалистами. См. напр., *М. А. Бакунин:* Государственность и анархия. 1919 г. *Лавров:* Госуд. элементу в будущем об-ве. Лондон 1876. *Кропоткин:* Речи бунтовщика и „Хлеб и воля“. М. 1919 г. *Малатеста:* Анархизм. П. 1919 г. *Ж. Грав:* Будущее об-во. 1907 г. *Э. Реклю:* Эволюция, революция и идеал анархизма. М. 1917. *Пуже:* Основы синдикализма, в сб. Синдикализм. СПБ (год изд. не указан). *Сорель:* Размышления о насилии, пер. под ред. Фриче, работы: *Лагарделя, Берта, Лабриолы,* и др. теоретиков синдикализма.

[2]) Для правильного понимания всего сказанного государство следует представлять не как материальный предмет, состоящий из территории и населения, а как сеть взаимодействия sui generis, обслуживающую множество индивидов, которые в то же время являются „абонентами“ ряда других сетей, или систем взаимодействия, отличных от государства (как отлична телефонная сеть Петрограда от электрической сети „Общества 1886 г.)“. Одни и те же жители Петербурга могут быть абонентами той и другой сети и многих других „обществ“.

эти взаимоотношения „абонентов“ госуд. коллектива охватывают ряд важных сторон поведения последних. Рядом с этим мы можем отметить и другой факт: эти отношения, образующие госуд. систему взаимодействия, *не одинаковы in concreto в разных государственных коллективах или в одном и том же государстве в различные эпохи.*

В одних государствах система государственного взаимодействия охватывает множество сфер поведения ее „абонентов“ и разбухает до чрезвычайных размеров. В таких государствах законы и власть последних пытаются нормировать чуть не все взаимоотношения индивидов, чуть не все поведение их до мелочей, и мешают населению „абонироваться“ в другие общества. В других государствах, напротив, система государственного взаимодействия образуется из меньшего числа взаимоотношений: законы и „директора государственной системы“ (гос. власть) здесь нормируют только некоторые стороны поведения ее „абонентов“ (подданных). Другие стороны поведения и взаимоотношений здесь находятся вне госуд. системы, они предоставляются регулировке других, внегосударственных коллективов (церкви, партии, проф. союзу, ряду „частных“ обществ, воле индивида и т. д.).

Иными словами, *об'ем и конкретный состав отношений индивидов, образующих систему госуд. взаимодействия, исторически изменчивы, не представляют постоянной величины и колеблются в зависимости от времени и места.* Система государственного взаимодействия Франции или Франция, как государство, в эпоху полицейского абсолютизма была иная, чем в эпоху 19 века. В первый период она имела страшно разбухший характер, в 19 в. она об'емно уменьшилась. То же применимо и к другим государствам. Подтверждением этому служит изучение *„кривой“ вмешательства госуд. законов и госуд. власти в жизнь населения, с одной стороны, с другой, фактическая смена тех отношений или сфер поведения членов государства, которые входили в состав гос. системы и централизованно регулировались госуд. законами и гос. властью.*

Бывали группы населения и эпохи, где „кривая“ государственной регулировки жизни населения достигала необычайной высоты и об'ема. Государство, в лице органов госуд. власти, пыталось вмешиваться во все стороны жизни населения, пыталось регулировать все сферы поведения индивидов. Оно предписывало им все и вся; что индивиды должны делать, как делать, как думать, как верить, что любить, что ненавидеть, как одеваться, чем питаться, и т. д. Примерами таких эпох и групп могут служить: деспотически — коммунистические государства древняго Египта, Перу, Спарта, множество диких государств, абсолютистско-полицейское государство и др. Такого же рода расширение государственного вмешательства в жизнь населения мы наблюдаем и в последние годы: это вмешательство, начиная с 1914 г., возросло во всех государствах и выразилось в множестве явлений государственного социализма и в Германии, и в Англии, и в Франции, и в др. воюющих странах. В России оно достигло максимума. В ней коммунизм установил всестороннюю опеку населения органами государ-

ственной власти. „Недреманное око“ государственных диктаторов нам декретирует: где и как мы должны жить, что делать, чем питаться, во что одеваться, что иметь, сидеть на месте или выезжать, какую квартиру занимать, как верить, как думать, что писать и издавать, какие газеты читать и т. д. Словом, установилась та же опека, которая была и в Перу, и в Спарте, и в эпоху полицейскаго государства [1]).

---

[1]) Что здесь явления однородные наглядно доказывается сличением режимов древних военных деспотий и современного „Советского строя“. Беру для примера сокращенное описание социально-политического уклада Перу. Переставив в нем номенклатуры, мы получаем строй похожий на наш в ряде пунктов. Вот оно. Верховная государств. власть здесь была центром системы, „контролировавшей всю жизнь. Она была сразу и военной, и политической, и судебной главою: нация состояла из рабов (этой власти) и эти рабы носили звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательною для всех податных; те из них, которые прослужили указанные сроки, отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства. (Чем не трудовая армия! П. С.) В армии были начальники над десятками, сотнями, тысячами. Параллельной регламентации было подчинено и государство вообще: все жители, расписаные по группам, были подчинены управлению чиновников... Шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих и докладывавшие о них, имели также свою организацию. Все было подчинено госуд. надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за пахотой, посевом, жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался. Но за то для тех, кто путешествовал по общественным надобностям („по командировкам“ П. С.), существовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждою народа. Сверх этого контроля внешней жизни, существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях, так, чтобы судьи могли входить и выходить свободно, а судьи эти надзирали за тем, чтобы дом, одежда, домашняя утварь содержалась в порядке, чтобы за детьми был надлежащий надзор. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной и выработанный гос. организации. Все чины гражд., религ. и военного классов были свободны от налогов, за то земледельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии, (красноармейцев. П. С.) должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Третья часть земель всей империи шла на поддержание гос. строя. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, работники должны были обрабатывать земли солдат, находившихся на службе. Кроме того, они должны были платить подать одеждою, обувью, оружием. Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми сообразно с их семейным положением. Точно также и относительно продуктов от стад. Это было следствием принципа, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости гос. власти. Т. о., личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию гос. власти; люди, не служившие в армии, но жившие под такой же строгой дисциплиной, как и армия, были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в продолжение всей своей жизни к наивозможно большему выполнению воле гос. главы и к наивозможно меньшему действию по своей собственной воли. Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений и их торговля почти не выходила за пределы простого обмена с'естными припасами“.
Спенсер: Осн. Социологии. т. II. 435—436. См. там же описание коммунист. государств Спарты, древнего Египта и др. См. также *Martens*: Un grand Etat socialiste au XV siècle. Constitution historique, sociale et politique du royaume de Tahuantinsuyu, Etat des Incas sur le haut plateau de l'Amerique du

Рядом с такими эпохами гипертрофии государственного вмешательства или разбухания гос. сети взаимодействия, пытающейся уничтожить все негосударственные системы, имелись эпохи и народы, где это вмешательство было сравнительно ничтожным. Эти эпохи наступали обычно вслед за эпохами всестороннего государственного вмешательства. Личность и население об'являло бунт против госуд. деспотизма, сбрасывало его опеку и провозглашало: никакой госуд. опеки! Долой всесторонне госуд. вмешательство! (Laissez faire, Laissez passez). Да здравствует свободное усмотрение личностей! Свобода слова, печати, мысли, собраний, союзов, неприкосновенность личности! и т. д. Такие эпохи не раз переживались одним и тем же народом. Не мало имелось и имеется народов с весьма мало централизованной и мало вмешивающейся в жизнь населения гос. властью.

Вывод из сказанного: об'ем государственной регулировки и вмешательства в жизнь населения или об'ем и состав гос. системы взаимодействия — величина непостоянная. Он колеблется в зависимости от эпохи и населения. То он достигает апогея, то падает до сравнительно ничтожных размеров.

Это означает, что *система взаимодействия, именуемая государством, вовсе не представляет чего-то постоянного. Отношения индивидов, образующие эту систему, количественно меняются*: то она обслуживает множество потребностей своих „абонентов" (в эпохи ее разбухания) и последние принуждены обращаться к ней по множеству поводов; то, напротив, она сокращает свое обслуживание до минимума; ее абоненты обращаются к ней и она, в лице власти, к ним, только по определенным немногочисленным поводам. В первом случае, отношения, образующие ее, составляют густую сеть, опутывающую индивидов со всех сторон: они шагу не могут сделать, чтобы не „задеть" проводов госуд. системы, в виде бесчисленного множества законов государства. Во втором случае, сеть системы госуд. взаимодействия немногочисленна, редка. Множество действий индивидов ее не задевают, не приводят в движение, не вызывают реакции со стороны центральной гос. станции и ее отделений, в лице верховных и подчиненных агентов гос. власти. Соответственно и законы таких государств не пытаются регулировать все стороны поведения населения.

Отсюда вывод: *предполагая совокупность взаимоотношений членов населения величиной постоянной, мы можем сказать: чем более развита сеть взаимоотношений, образующих госуд. коллектив, тем менее развиты сети других, внегосударственных систем взаимодействия и само число последних, и обратно.* Чем больше сфер поведения своих абонентов обслуживает и регулирует госуд. коллектив, тем меньше отношений остается на долю регулирования внегосударств. коллективов, тем меньшим делается число их „абонентов" и тем реже последние обращаются к центрам таких ко-

Sud. Paris. Giard et Brière, 1910. Поучительно также сравнить современный строй с строем государства иезуитов. Вывод отсюда тот, что в нашей коммунистической новизне во многом старина слышится и старина довольно древняя. См. также: *Erman*: Ägypten u. ägypt. Leben im Altertum, 180-186 и др.

лективов. Если государство регулирует все стороны поведения индивидов, то внегосударственным „акционерным обществам“ нечего делать. Для их бытия и функционирования нет почвы. Если же государство берет на себя нормирование только некоторых сфер поведения, то другие сферы последнего делаются об'ектом регулировки других, внегосударственных „обществ“. Это значит: там, где государство разбухло и вмешивается во все стороны поведения, там мало других влиятельных коллективов, обществ, самодеятельность подавлена, частному почину и частным ассоциациям нет простора. Царит централизация, госуд. деспотизм и оффициальный бюрократизм. И обратно. Спрашивается: *от каких причин зависит это колебание кривой госуд. вмешательства*?

Я не могу здесь подробно останавливаться на этом вопросе. Замечу лишь, что ответ, данный на этот вопрос Г. Спенсером, представляется довольно правлильным. Спенсер, в качестве такой причины, указывает *военное или мирное состояние населения*. Народы, постоянно воюющие, имеют сильную госуд. власть, вмешивающуюся во все области жизни подданных. Народы мирные, не воинственные, напротив, имеют слабую госуд. власть. Первые неизбежно получают принулително коммунистический уклад; вторые—индивидуалистический. У одного и того же народа в эпохи войн вмешательство гос. власти, т. е. разбухание госуд. системы и государственная коммунизация растут, в эпохи мирные—падают.

Такова суть спенсервского ответа. И прошлое, а в особенности настоящее время, годы войны, спенсеровский диагноз блестяще подтвердили. Рост государственного вмешательства за эти годы,—несомненный факт. Российский государственный коммунизм и абсолютизм нашей гос. власти не есть нечто случайное или исключение, а частное и наиболее резкое проявление роста государственного социализма во всех странах, вызванного войною. Милитаризм—отец принудительного социализма или коммунизма, т. е. государственного абсолютизма. Последние—детища войны... Такова общая и основная причина колебания кривой государственного вмешательства. Отсюда следует прогноз: если военное состояние страны или ряда стран будет длиться, область госуд. вмешательства в форме гос. социализма или принудительного коммунизма будет расти. Если военное состояние заменится мирным—эти явления будут падать [1])

[1]) См. подробно теорию *Спенсера* в его: Осн. Социологии. т. II., гл. XVII—XIX части V, и гл. XXI—XXIV. ч. VIII. Эта теория, до сих пор не достаточно оцененная, заслуживает полного внимания. Спенсер предвидел и современный рост госуд. социализма и коммунизма. „Все эти совокупно действующие причины должны в скором времени привести к переходу самогосподства в господство общины, ограниченное при коллективизме, и полное при коммунизме: иного вывода, повидимому, сделать нельзя. Каким образом совершится надвигающийся переворот, этого сказать нельзя; т. о. создается государство, в котором ни один человек не будет иметь возможности делать то, что ему нравится, но всякий обязан делать то, что ему прикажут. Уделом тех, которые обладают свободой и недостойны ее, будет полное лишение свободы. Они были взвешены на весах и найдены слишком легкими.“ Там же, далее, он указывает, что такой этап будет переходным, а не вечным. Ib. 704—705 и вся гл. „Ближайшее будущее“,

Л. Мартов и др., выясняющие причины роста большевизма, но суще-

Меняются исторически и сферы поведения, регулируемые государством, т. е. отношения, входящие в систему гос. взаимодействия и образующие ее. Некогда регулирование взаимоотношений пострадавшого и преступника было частным делом. Они не входили в систему гос. взаимодействия. Государство не вмешивалось в эту область. Позже дело суда и наказания оно об'явило своей монополией, т. е. эти отношения вошли в сеть государственной системы. Некогда религиозные убеждения были предметом государственной регулировки; государство предписывало: как верить (вспомним cuius regio, eius religio). Позже религиозные убеждения стали делом совести каждого. До настоящего времени государство мало вмешивалось в экономические отношения индивидов. Оношения производства, обмена и распределения материальных благ были предоставлены воле индивидов, и других коллективов, как и отношения, возникающие на почве частой собственности. Теперь они вошли в состав отношений, образующих государственную систему, оно взяло их в свое веденпе: путем социализаций, национализаций и т. д. оно само начинает централизовано регулировать всю экономическую жизнь заменяя своей волей волю частых лиц [1]).

ству повторяют теорию Спенсера, без упоминания ее автора. См. *Л. Мартов*: Мировой большевизм. *Мысль*. 1919 г. Апрель.

Почему милитаризм ведет к разбуханию государственной системы, к росту принудительного коммунизма, — ответ я дам в „Соц. Механике.“ Здесь же замечу только, что причины, указаные Спенсером, верны, но не исчерпывают вопроса. Помимо причин, очерченых им, милитаризм ведет к коммунизму—абсолютизму и в силу других условий, в частности, в силу гибели лучшей, наиболее энергичной, здоровой, трудоспособной и волевой части населения на войне, особенно на войне длительной. Она уносит лучшую часть населения. Остаются и выживают люди 2-го и 3-го сорта: менее здоровые, менее волевые, менее независимые, которые менее способны бороться за личную свободу против государственной опеки, и потому более легко подчиняются произволу властителей. С этой человеческой слякотью последние могут делать, что угодно, не встречая энергического отпора. Слякоть будет роптать, но ропот не перейдет в восстание, а если и перейдет, то даст только неорганизованные вспышки, легко подавляемые властью. После двух трех неудачных попыток слякоть покорно наденет ярмо и примирится с своей долей. От такой слякоти и потомство в общем будет второсортное, а это обстоятельство еще более благоприятствует росту госуд. опеки.

См. на этот счет ряд правильных соображений у *D. Jourdan*: La moisson humaine. Essai sur la décadance des races. Rev. int. soc. 1911. 673—712.

Само сабой разумется, что здеѣ всюду речь идет о *государственом, т. е. принудительном коммунизме и социализме*. Иное дело—свободная, *добровольная* кооперация и социализация (т. е. подлинный социализм). Она, как правильно подчеркивает тот же Спенсер, следует иному пути развития; она противоположна принудительному социализму и ничего общаго с ним не имеет.

[1]) По представлению многих социалистов, особенно марксистского толка, сущность социализма сводится к указанному переходу экономич. отношений (производство и распределение) из сферы вне государственной, децентрализованной регулировки, в сферу государственного, централизованного управления. Вот весь смысл, который вкладывают они в социализм, сводя последний к формуле „обобществления средств и орудий производства“. К этому же сводится и то, что В. И. Ленин называет первичной стадией коммунизма. См. Ильин. Гос-во и революция 86 и сл. Это обобществление фактически, как у нас, сводится к огосударствлению экономики и... только,

Таким образом, исторически меняются и сферы поведения, входящие в систему госуд. взаимодействия и централизованно регулируемые директорами госуд. власти. [1]) Они то попадают в эту систему, то выпадают из нее и становятся элементами других,— внегосударственных—систем взаимодействия. Соответственно с этим меняются и те нити, из совокупности которых образуется сеть государственной системы или природа государства.

Имеется ли в этой изменчивости какая либо постоянная тенденция? Правы ли Спенсер, анархисты и синдикалисты, настаивающие на том, что с ходом культуры область вмешательства государства, а соответственно, и система госуд. взаимодействия будет падать и сокращаться? Или правы их противники, этатисты, утверждающие обратное [2])? Можно ли думать, вместе с Покровским, что взаимоотношения индивидов в сфере духовных ценностей все более и более выпадают из сети госуд. системы и личность здесь становится все более и более свободной от опеки гос. власти, тогда как в сфере экономической госуд. вмешательство все более и более растет и экономические взаимоотношения все более и более включаются в систему государственного взаимодействия [3])? Мы не будем здесь решать эти сложные вопросы: они составят предмет „Генетической социологии". Заметим лишь, что ни один из этих тезисов не приемлем: все они черезчур просто решают дело и, как всегда, представляют выражение главн. образом личных симпатий и антипатий, голос желаний автора, а не констатирование реальных процессов [4]).

Нужно ли говорить, что такое понимание социализма превращает последний из великого идеала в маленькую, очень маленькую реформу, полезность которой для рабочих, вдобавок, очень сомнительна и сводится часто, как у нас, к перемене вывески: „Табачная фабрика Лаферм" на вывеску „1-я Госуд. табачная фабрика" и c'est tout. „Огосударствление экон. деятельности, правильно говорит *Леоне*—это капитализм второй степени и может совпадать с мерами полицейского характера".. „Абсурдная попытка использовать гос. власть для реорганизации общества и хозяйств жизни—концепция невежеств. фальшивомонетчиков—стала теперь миражем социалистич. партий" Он же правильно указывает и на минусы такого огосударствления производства. Нельзя не подписаться под его критикой, нельзя не признать слишком плоским такой социализм.

См. *Э. Леоне*: Синдикализм. Изд. Доров. и Чарушн. 93—99. 110—136 и др. См. *также Бакунин*; Государственность и анархия. 1919 г. 237—8 и др. в особенности взгляды Прудона, развиваемые синдикалистами. См. *Proudhon*: Idée génerale de la revolution en XIX siècle. Paris. 1873. 99 и сл, 259. *Sorel*: L'avenir soc. de syndicats. Paris. 1900. *Lagardelle*: Soc. ouvrier, в Mov. soc. 1904. Июнь.

Ошибки самых синдикалистов укажем ниже, в § о „профессион. группировке".

[1]) См. подробнее об этом *П. Покровский*: Основн. проблемы гражд права. Гл. I, IV, VII, XVII, и XVIII.

[2]) См. подробно об этом: *А. Мишель*: Идея Государства. Passim. Изд. Библ. самообразования. *Спенсер*: Личность против государства. *Кропоткин*: Речи бунтовщика. 1919 г. *Бакунин*: Государственность и анархия. 1919 г. *Новгородцев*: Об обществ. идеале. M. Leroy: Les transformations de la puissance publique. Paris. 1907 г. и нижеуказанную литературу синдикалистов. *Лавров*: Госуд. элемент в буд. об-ве.

[3]) *Покровский*: Ibid. гл. IV и XVIII. *Его же*. Государство и человечество. М. 1919.

[4]) Из сказанного следует, что горячий спор защитников и противников государства по существу сводится к спору о том, ведению ли госу-

Из сказанного выше вытекает, что *государство*, как система взаимодействия sui generis, *является системой действенной, весьма решительно обусловливающей поведение индивида, влияющей на другие коллективы и на судьбу населения в целом.* Не только в периоды своего „разбухания“, но и в периоды падения своего вмешательства в жизнь населения, государство было и остается силой, с которой принуждены считаться все остальные группировки. Это следует и из того, что *оно удовлетворяет выставленным выше критериям социальной действенности группы в среде других групп.*

Во первых, *государство в весьма сильной степени обусловливает поведение своих членов.* С момента рождения человек, помимо его воли, оказывается прикрепленным к той или иной государственной системе; „не по своей воле каждый из нас родился в данном государстве и пока он находится в его пределах, он подчинен госуд. власти. И выехать из государства человек может только в‘ехав в другое“ [1]).

Уйти из под влияния государства, освободиться вполне от его регламентации, личность не в состоянии. С рождения до смерти государство, подобно невидимому духу, всюду следит за индивидом

дарственной системы подлежит регулировка взаимоотношений населения или ведению другой негосударственной коллективности. В большинстве случаев борьба против государства сводится к тому, чтобы выключить из его сети ряд взаимоотношений и передать, включить их в сеть других коллективов. Примерами таких антигосударственников могут служить синдикалисты. Положения их, в роде Сорелевского, повторяющего Прудоновское: „Ni hiérarchie, ni état“, или в роде положения Леоне: что „манчестерская школа вполне сходится с синдикализмом в отрицании государства“ есть по существу требование замены государственной регулировки регулировкой синдикатов, как системы взаимодействия однопрофессиональных производителей. Остается и опека, и правящий центр, но они принадлежат не государственной власти, а правящему центру синдикальной организации. По существу здесь не упраздняется ни опека, ни власть, ни иерархия, а только заменяются одни их формы другими. (См. ниже профессион. группировку).

См. напр., сб. „*Синдикализм*“. СПБ. ст. *Пуже*, 8, 9, 24, 25, ст. *Медведева*, 56, 57. *Сорель*: L'avenir socialiste des syndicats. 1900. 49. *Леоне*: Синдикализм. Изд. Доров. и Чарушникова. 93—99, 110 и др. *Лагардель*: Революц. синдикализм во Франции. Сб. Вопросы момента. 1906. 235: *Козловский*: Новые веяния в социализме. М. 1908. гл. V. *Критская* и *Лебедев*; Op. cit. Passim. *Чернов*: Теоретики романск. синдикализма. М. 1908. XLV и сл. LVII и сл., CLII и др. *П. Луи*: Ист. синдикализма во Фрации. М. 1908., гл. XIV. *Сталинский*: Нов. точение в социализме. 1907. 31 и сл.

Иначе смотрят на дело анархисты. Их отрицание государства абсолютно и не представляет замены одного опекуна другим. Но зато оно для данного и ближайшего времени утопично. См., напр., *Кропоткин*: Речи бунтовщика. 6 и сл. 73-121 и др. 1919. *Бакунин*: Государственность и анархия. 1919 г. Passim. *Э. Реклю*: Op. cit. 30, 46. и др. работы анархистов.

Что касается социалистов, то часть из них, напр., П. Лавров и др. близки к анархо-синдикалистам, марксисты же, следуя Марксу позднейшего периода, в общем являются прямыми сторонниками государства. См. изложение вопроса у *Лаврова*: Гос. элемент. Лондон. 1876 г. и у *Новгородцева*: Об обществ. идеале. 273-418.

[1]) *Лазаревский*: Ibid. 2.

и ему сопутствует. Родился человек—оно тут и „санкционирует" чрез своих агентов его рождение; женится человек—оно снова тут. Умер человек—оно и тут присутствует и отмечает его смерть. Чрез своих многочисленных агентов оно вмешивается чуть не в каждый акт человека, вплоть до самых скрытых и интимных поступков. Своими законами и приказами своих чиновников оно указывает нормы поведения, должное, дозволенное и преступное. Токи, идущие от органов госуд. власти, постоянно „дергают" индивида. Если он добравольно не хочет следовать указаниям власти, его заставляют это делать принудительно. Скрепляя с собой всех подданных государства, органы госуд. власти тем самым скрепляют их и друг с другом. Человек, с момента рождения, дышет воздухом госуд. системы, последний помимо его желания проникает в плоть и кровь индивида, формирует его по своему образу и подобию. В моменты же гипертрофии гос. власти и ее опеки, государство налагает столь сильный штамп своего влияния на членов, что это влияние оказывается решающим. Монополизируя печать, пропаганду, мораль и литературу государственная власть творит по своему образу и подобию своих абонентов. Следя назойливо, бесстыдно, чрез своих агентов, за подданными, она руководит их поведением. Издавая бесчисленное множество норм, она заставляет считаться с ними всех и каждого. Действуя то силой, то хитростью, она удаляет с арены жизни одних, убивает в тюрьмах других, изгоняет третьих, насильственно заставляет повиноваться ей четвертых, околпачивает „лисьим хвостом" пятых, возвышает на вершину общественной лестницы угодных ей лиц, словом, влияет на поведение населения решающим образом.

Во вторых, государственные коллективы обычно состоят из большого числа членов. В третьих, *они организованы вообще и располагают богатым аппаратом* „техники" для воздействия на другие группы и население. В их распоряжении многоэтажная, иерархическая лестница агентов власти, во главе с центральными директорами государственной компании, управляющими механизмом гос. машины. На лицо разделение функций и специализация (органы законодательства, суда и управления). Имеется кодекс законов, указывающих поведение подданных, к услугам государства— деньги, телеграф, печать, почта и др. средства организованного воздействия на население. Для непокорных государство располагает армией и полицией. Все его агенты представляют организованную армию, где каждый знает свое дело и функции. Короче— государство отлично организованный и технически оборудованный коллектив. Наконец, принадлежность к одному и тому же государству вызывает *особый вид солидарности между его членами,* носящий название *патриотизма.* Положительным или отрицательным является этот факт—это дело вкуса. Но факт существования такой солидарности, отличной от других ее форм, бесспорен. Вся история государств и в особенности история междугосударственных войн свидетельствует об этом. Герцен не так далек от истины, когда говорит, что „отечество с ревнивым патриотизмом, этой свирепой добродетелью, пролили вдесятеро больше крови, чем все

пороки вместе"[1]). Этого факта не могут отрицать и противники патриотизма. И та страстность, с которой они борются против него, лучшее доказательство существования государственной солидарности[2]). Не только в прошлом, но и в наше время, как показала война 1914—18 г. г., эта государственная солидарность продолжает существовать. „Священное единение классов", провозглашенное за эти годы, сотрудничество различных групп в государстве, вплоть до социалистических партий и той же синдикальной организации французских рабочих,—достаточное подтверждение сказанного. Государственное об'единение не изжило еще себя и не скоро изживет. Вопреки Энгельсу, государство долго еще не будет сдано в музей древности. Если это случится когда нибудь, то тогда, когда будут сданы туда и классовые, и профессиональные, и синдикальные, и партийные союзы. Не раньше[3]).

Отсюда понятна громадная роль государственных коллективов в среде других коллективных единств. Государство влияет и может влиять и на семью, и на церьковь, и на партии, и на профессиональные организации и т. д. История эволюции каждой из этих групп достаточно ясно говорит об этом. Влияя на государство, они, в свою очередь, испытывали на себе его влияние и продолжают его испытывать. Взаимозависимость их влияния несомненна. Конкретные факты для подтверждения излишни, ибо история любой из этих соц. групп есть сплошное доказательство сказанного. Мудрено ли поэтому, что история человечества заполнена взаимодействием (то антагонистическим, то солидарным) государств друг с другом, с одной стороны, и государств с другими негосударственными коллективами, с другой. *Борьба государств с другими государствами, государств с негосударственными коллективами составляла и составляет один из важнейших фронтов на военном поле истории.* Она составляет значительное содержание последней. В историческом процессе развития населения мы видим, как государства то солидаризируются, то воюют друг с другом; рядом с этим видим, как государство то входит в союз с теми или иными внегосударственными группировками (с церковью, с семьей, с профессиональной группой, с языковой группой и т. д.), то начинает бороться с ними. То, что называют наукой истории, представляет в огромной своей части рассказ об этих взаимоотношениях государств друг к другу и к внегосударственным системам взаимодействия.

Сказанное об'ясняет также, почему императивы поведения, *исходящие* от центра гос. власти, подобно электрическому току, дергают и приводят в движение множество абонентов государствен-

[1]) Герцен: Сочинения. т. III. 159. Изд. Павленкова.

[2]) См. напр., сборник „Синдикализм". 24-26, 56-57 и указанные выше работы синдикалистов.

[3]) *Жорес* прав говоря: „парадоксу, направленному против идеи отечества, я никогда не придавал серьезного значения. Отечество не представляет собою изжитую идею: она лишь изменилась и углубилась".

Жорес: Новая армия. П. 1919. 236. См. далее критику Марксова положения: „у рабочих нет отечества". 279 и сл.

ной системы. Под их влиянием последние образуют один механизм, планомерно действующий, направляемый единой волей к той или иной цели. Встречаясь с императивами других групп, в которых участвует индивид, госуд. императивы временами укрепляют их, когда они солидарны, временами ослабляют или побеждают императивы других коллективов, когда они друг другу противоречат, временами побеждаются сами. Короче говоря, группировка индивидов в единое государственное целое является одной из наиболее важных.

Влиятельная роль государственной группировки в ряду других группировок столь значительна, что она многих мыслителей привела к ряду фикций, гипертрофирующих это влияние и изображающих его в таких терминах, в каких „Катехизис Филарета" характеризует свойства Бога [1]). Если поверить таким теоретикам, то приходится думать, что существует только одна группировка—это государственная, что она всемогуща и всевластна, что государство всемогуще, что оно кого угодно и что угодно может согнуть в бараний рог, что оно исключительно собственною волею творит закон и право, словом, что оно все, а остальные социальные единства—нуль, нечто несуществующее или безконечно слабое.

Нужно ли говорить, что такая концепция—мираж и однобокая идеология государственного фетишиста. Что государственная группа есть лишь одна из группировок,—это следует из всего предыдущего и последующего. Что она не вечна—это доказывается гибелью государств и постоянной сменой госуд. власти. Что она проницаема даже на пространстве госуд. территории, это следует из того, что рядом с ней существовали и существуют множество других организаций. Что она не всегда высшая власть, это доказывается фактами господства религиозной власти (напр., католич. церкви в средние века) над нею, что она не всемогуща, это следует из постоянного бессилия госуд власти, сознающей свое бессилие и потому не ставящей себе непосильных задач, а часто неспособной осуществить и те задачи, которые она себе ставит. Тот же факт доказывается бессилием госуд. законов, когда они наталкива-

---

[1]) Пример. „В пределах государства *нет власти выше*, чем власть государственная". Она является „*первоначальною*, ни от кого не заимствованною властью, с принципиально *безграничною* компетенцией". „Права ее *не ограничены* ничьей чужою властью". „*Все власти исходят* от суверенной гос. власти или признаны ею". „Она является *единой*". „Будучи единой, власть является вездесущею", „непроницаемою". Кроме того она всемогуща; „она может сделать все, что фактически в силах выполнить народ данного государства". Она вечна. „За ней признается как бы юридическое бессмертие", „государство, в идее, бессмертно и вечно". Она „неделима, неотчуждаема и непогашаема".

Магазинер: Лекции. 116-132. Ср. *Дюги*: Конст. право. 150 и сл., *Еллинек*: Op. cit. гл. 14-я.

Чем эта характеристика гос. власти отлична от филаретовского определения божества, гласящего: „Бог есть дух вечный, всеблагий, всеправедный, вездесущий, всемогущий, неизменяемый, вседовольный и всеблаженный"! Может быть, в царстве идей Платона и имеется государство и такая госуд. власть, но на земле пока что такого государства и власти не было и нет. Они—плод юридических фикций.

ются на сопротивление других коллективов [1]) То же доказывается и гибелью государств при столкновении с другими негосударственными единствами.

Фактами разрушения государственных группировок под напором группировок иных (напр., расовых, национальных, религиозных профессионально-классовых и т. д.) полна история. Погибли государства древнего Востока, включавшие в себя группировки разноязычные, разнонациональные. В средние века государственные группировки de facto были подавлены, депрессированы более могучей группировкой религиозной, в частности, католической. В это время верховенство и всевластие государства существовало только на бумаге, да в умах некоторых современных юристов, упорно предпочитающих иметь дело не с реальными фактами, а с фикциями.

В более позднее время, напр., в 19 стол., государственная груп-

[1]) Если бы гипертрофическая оценка могущества государственного коллектива ограничивалась одними фикциями догматиков, беда была бы не велика Но, увы! „разсудку вопреки" на ту же позицию фактически становятся и те, кто с виду часто отрицает государство,—многие революционеры, а на деле верят в его всесилие. Фактически они самые горячие идолопоклонники государства. Они, не менее догматиков, верят в всемогущество и чудодейственную силу государства. Этим суеверием вызвано их стремление к захвату государственной власти. Они мнят, что, овладев рулем государственной машины и пустив ее в ход, они чрез посредство всесильного государства могут совершить чудеса и перекроить жизнь населения как им будет угодно. Отсюда лозунги: „Завоевание власти", „диктатуры пролетариата или революционеров" и т. д. К числу таких фетишистов всемогущества государства принадлежат и коммунисты. Забывая изречение Тацита: Quid leges sine moribus они до сих пор еще, повидимому, не отказались от своего фетишизма и все еще надеются путем давления всесильной государственной машины перекроить жизнь населения. Действительность жестоко мстит за такой фетишизм, беспощадно разрушает такие иллюзии. Веря в всемогущество государства, они надеются чрез его посредство осчастливить подданных Р. С. Ф. С. Р. Подданные „от счастья" вымирают. Фетишисты уверяют, что им удалось и удается улучшить жизнь. Жизнь понизилась до уровня варварства. Органы власти поют гимны свободному труду. Свободного труда не стало, воцарилось государственное рабство и крепостничество („трудовая повинность" etc.) Путем государственной машины они стараются уничтожить войну и водворить мир. Действительность преподносит им войну без конца и края. Они верят, что чрез государство они разрушат гидру капитализма. Увы! капитализм в самых низких и отвратительных формах расцвел, за то хозяйство целиком разрушено. Надеялись водворить равенство. Вместо равенства действительность преподнесла такое неравенство, такую безправность большинства и привилегированность меньшинства, такое изобилие „ленных прав", такую феодальную иерархию, какая едва ли имелась до революции. Беспощадными расстрелами надеялись воспитать честность агентов власти, искоренить взятки, продажность и т. д. Расстрелы шли, а взятки процветали, да еще как! Не будем приводить дальнейших примеров. Их тысячи.

Лучшего опыта, доказывающего иллюзорность всемогущества государства и его власти,-не нужно. Практика нашей револ. власти—опыт неоспоримый, красноречивый, произведенный в широких размерах. Социология могла бы быть благодарной за такой эксперимент, если бы он не был оплачен ценой жизни, страданий и лишений сотен тысяч. Но раз он произведен, не учесть его было бы преступлением пред наукой и человечеством. Результат его гласит: государство далеко не всемогуще. История и жизнь населения зависят не только от государства, но и от других, негосударственных групп. Используя госуд. власть, кое что можно достигнуть, но не все. Пора перестать фетишизировать силу государства.

пировка подвергалась аттаке со стороны национальной группировки и в ряде случаев не без успеха. (Образование единой Германии из множества государств, выделение Болгарии из государства Турции, возрождение Италии, в наши дни образование Венгрии, Финляндии, Польши и т. д. из Австрийской и Российской государственной группировки.)

В наше время, опять таки не без успеха, с государственной группировкой начинает конкурировать т. н. классовая группировка. (Интернациональное об'единение рабочих и т. д.)

Как положение, что „государство-всевластная организация", так и положение, что „государство—единственный творец права",—представляют фикции юристов, но не формулировку реальной действительности. Критика, которой подверг эти фикции Cruet, во многих отношениях правильна.

Cruet весьма метко иронизирует над такими юристами—догматиками. N' osant s'echapper hors des textes, pour saisir le mond social dans toute son étendue, dans toute sa compléxité et-dans tout movement, il (юрист—догматик) en arrive à chercher la sourse unique du droit, non dans la societè, s'organisant d'elle même, mais dans les rouages de l'Etat, specialement investis avec un monopole theoriqument exlusif, de la haute mission de frapper les règles officielles du droit consacré.

Из этой оптической иллюзии, говорит далее Cruet, родилась и другая, это иллюзия всемогущества государства, его неограниченного суверенитета и представление о государстве, как об единственном источнике права. L' Etat-Dieu vivant!

Но, правильно указывает Cruet, им сразу же приходится расплачиваться за эту иллюзию новыми ошибками.

Приписав государству всемогущество и неограниченное верховенство, отдав индивида в абсолютную власть государства, юристам—догматикам «а posterior приходится снова отвести для личности маленькое скромное место, но место надежное в государстве или под государством в форме неот'емлемых прав человека, в форме „прав естественных", т. е. единственно несуществующего в природе права», ибо в противном случае личность оказалась бы совершенно безправной, а позитивное право превратилось бы в частный случай force majeure.»

Выходит в итоге логический абсурд: неограниченный, суверенитет государства существует. (1-ое положение).

Неограниченный суверенитет государства ограничен неот'емлемыми правами личности. (2-ое положение).

Où est la souveraineté? Il n ' y a pas de souveraineté, иронически заключает автор.

Далее, Cruet подобно Л. Петражицкому, фактически показывает, что оффициальное право не исчерпывает собой всего права: помимо его действует множество правовых норм, созданных помимо и даже вопреки государственной власти и не санкционированных ею; что само оффициальное право создавалось и творится в значительной степени не государством и его законодательными органами, а судьей и юриспруденцией во первых (интерпретации понтификов

и преторское право Рима, гражданское право мусульман, созданное и живущее помимо Корана, а judge-made law Англии и т. д.), во вторых, право созданное и создаваемое нравами и рядом не госуд. организаций, трансформирующее оффиц. право и его низвергающее или превращающее в мертвую букву (напр., право, сделавшее Англию констит. страной без конституции, право, сделавшее неприменимыми французские конституций 1791 г, 1793, III-го й VIII г. г., хартия 1814 и 1830 и др., право революций и т. п.).

Общий вывод Cruet гласит: le droit (оффиц. право государства) ne domine pas la société, il l'exprime. Правилен его вывод и по адресу догматики:

La science se fait par l'hypothèse, mais elle n'est pas fait d'hypothèses, ni a fortiori de fictions (каковыми являются фикции госуд. догматики) directement contraires a la realité, et par la même inutilisables dans la société pratique.

Сам Cruet впал в обратную ошибку, сводя „на нет“ роль государства и права. Но его критика указанных положений догматики госуд. права—вполне правильна. [1]

Не умаляя значения госуд. коллективов в ряду других социальных групп мы, тем не менее, не можем подписаться под чистыми фикциями юристов—догматиков.

Такой же однобокой идеологией являются лозунги антигосударственников, видящих в государственном коллективе все зло и чающих путем уничтожения государства уничтожить неравенство, угнетение, эксплуатацию, словом, создать земной рай. [2]) Эти лица, подобно идеологам и положительным идолопоклонникам государства, находятся под тем же гипнозом государственного левиафана. Они сходны с теми, кто, в преклонении пред государством, думает, что достаточно изменить формы политической организации государства, напр., ввести республиканскую форму правления вместо монархической или наоборот, чтобы сделать население счастливым, чтобы ввести царство божие на земле.

Последние ошибаются потому, что ремонт государственной организации не равносилен ремонту всех систем взаимодействия, в которые группируется население. Последние останутся и при „починке“ гос. сети взаимодействия; след., такая починка есть частичная починка *одной из многих* систем взаимодействия, а не капитальное изменение всех систем взаимодействия. В лучшем случае она даст кой какие изменения, в худшем, при неизменности организации других группировок, она будет ничтожной реформой на бумаге, бессильной сломить сопротивление других коллективов. [3])

То же применимо и к анархо-синдикалистам. Уничтожение государства не уничтожает еще другие формы исследуемого нами

[1]) См. *Cruet*: la vie du Droit et l'impuissance des Lois. Paris. 1908. 1-10, 336 и passim.

См. также *Петражицкий*: Теория права. Главы, посвященные характеристике неоффициальных видов права, и см. интересные соображения у *M. Bourquin*, в ст. Les transformation du concept juridique de l' État. Bullet. de l' Jnst. de sociol. Solvay. 26 дек. 1913 г.

[2]) См. работы синдикалистов и анархистов, указанные выше.

[3]) См. об этом *Pareto*. Trattato. т. II. 597 и сл.

расслоения и вытекающих из него многообразных форм неравенства, угнетения, борьбы и эксплуатации. Угнетение меньшинством большинства свойственно не только государству, но и *всякой организованной соц. группе* (партии, церкви, семье, професс. союзу, расе и т. д. См. ниже группировку по об'ему прав). С уничтожением государства последние остаются. След., останутся и все формы зла, с которым они борются. Если же, подобно синдикалистам, мы присвоим синдикатам функции государства, то переменим только название.

И апологеты государства, и его противники оба приписывают государству слишком исключительную роль. Пора от такого идолопоклонства отказаться.

Языковая группировка.

Рядом с предыдущими расслоениями выступает группировка индивидов в коллективные единства по *языку*, который они считают своим. Выше была указана соответственная форма взаимодействия и ее скрепляющая роль [1]. Сходство языка служит магнитным полюсом, притягивающим людей друг к другу и дающим основание для группировки „одноязычных" лиц в единые группы, для деления людей на „своих" и „чужих" в новом направлении. Говорящие на одном языке считаются „своими", говорящие на разных языках „чужими". Таковы коллективы, образуемые „русскоговорящими", украинско-говорящими лицами, „поляками", „англо-говорящими народами" и т. д. Это расслоение населения по языку должно быть отличаемо от группировки по *государственной и расовой принадлежности*. Люди, говорящие *на разных языках* (напр., великоруссы, малоруссы, поляки, финны, черемисы, зыряне, татары и т. д.) часто принадлежат к одному государству [2], люди, говорящие *на одном языке*, часто *принадлежат к разным государствам* (напр., англичане и американцы, украинцы России и Галиции, поляки России, Австрии и

[1]) См. т. I, стр. 126 и сл.

[2]) Так, в Европ. России (без Финляндии) подданные расслаивались по языку на следующие основные группы, (в %) по переписи 1897 г.

Языки.	
Руский	73.34
Польский	7.65
другие слав. языки	0.21
Романск.	1.10
Германский	1.69
Латышский	2.99
еврейский	4.84
другие индо-европ. языки	0.17
Финно-угорские	3.32
Тюрко-татарские	4.50
другие	0.17 [1])

Annuaire international de statistique. La Haye. 1916. 145. См., там же языковый состав населения всех государств Европы. 143-145. См. так же *Майр:* Статистика и Обществов. II, 161 и сл. *Майо-Смит*: Стат. и соц. 310 и сл.

Германии, валлонцы Бельгии и французы). Точно также люди *по расе могут быть сходными, но по государственной принадлежности различными* (напр., негры С. А. Соед. Штатов, других Америк. государств, негры Африки, принадлежащие частью к Англии, частью к Франции. „Белые“ России, Англии, Франции и т. д. „Желтые“ Китая и Японии). И обратно, *люди разной расы могут принадлежать к одному государству.* (Напр., Россия или С. А. Соед. Шт. включают в число своих подданных людей самых различных рас). Наконец, *отличаются между собой расовая и „языковая“ группировки.* Китайцы и Японцы говорят на разных языках, а принадлежат к одной „желтой“ расе. Евреи составляют одну расу, а говорят на разных языках. Различные группы одной „черной“ расы по языку распадаются на ряд групп. Про „белых“ уж и говорить нечего. И обратно, *люди разных рас могут говорить на одном и том же языке.* Вот почему *нельзя смешивать и сваливать в одну кучу эти совершенно различные группировки, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие.* Линии языкового расслоения населения не совпадают со всеми другими линиями дифференциации. Начиная с Гумпловича в этом смешении и в отождествлении совершенно не совпадающих группировок повинны многие [1].

„Язык, правильно говорит Каутский, составляет первую, необходимую предпосылку всякой совместной деятельности. Люди, не понимающие нашего языка, люди, с которыми мы не можем об'ясниться, стоят вне круга нашего общения (последнее положение, как мы видим, не совсем точно. П. С.), по отношению к ним мы чувствуем себя общественно связанными со всеми теми, которые говорят на нашем языке, каков бы ни был их характер и их социальное положение. На чужбине национальное (читай: языковое. П. С.) различие часто оказывается могущественнее, чем самая резкая классовая противоположность: немецкий рабочий, попадающий во Францию, не зная ни слова по французски и не имея возле себя товарищей по классу, говорящих по немецки, будет себя чувствовать среди французских пролетариев заброшенным и одиноким, несмотря на всю интернационалистскую классовую сознательность, и он с радостью будет приветствовать первого попавшегося немца, который его окликнет, если бы даже то был эксплуататор, которого он на родине ненавидел от всей души“ [2]. Эта важная роль языка в социальной группировке следует уже из того, что ряд теоретиков „национальности“, как указано будет ниже, язык считают основным признаком последней. Важность, приписываемая ими национальной группировке, относится по существу очень часто к „языковой“ группировке. Недаром же Н. К. Михайловский писал: „есть только один элемент национальности, который в принципе всегда соответствует интересам народа. Это — язык“ [1]). Недаром И. С. Тургенев писал о том, что в дни сомне-

---

[1]) См. ряд правильных соображений о различии расовой и языковой группировок у *Ратцеля:* Народоведение. т. I. СПБ. 1902. 30 и сл.

[2]) *Каутский:* Национальные проблемы. 1918. 28.

ний и тяжелых переживаний у него есть одно утешение и одна надежда, это „великий, могучий, свободный русский язык“. Эта роль языка в деле социальной группировки выступала и выступает в различных формах. Явления борьбы за равноправие языка в школе, в суде и т. д., иногда неточно называемые борьбой за национальную автономию, за „равноправие национальности“, представляют весьма часто проявление именно языковой группировки. Во всяком случае, неизбежным и основным требованием равноправия национальности служит требование равноправия языка. „Национальное возрождение и пробуждение“ обычно начинается с возрождения своего языка и литературы на родном языке. Не будь языковой группировки и фактора языка мы не имели бы в огромном большинстве случаев национальных проблем и национальных группировок. Так называемая „национальная группировка“ на современной карте земного шара (карта народностей) в огромном большинстве случаев представляет по существу „языковую“ группировку. Удалите последнюю и большинство „национальностей“ исчезнет. Карта „народов“ будет совершенно иной. Нет надобности, после всего сказанного в I томе „Системы социологии“ о роли языкового проводника, о форме языкового взаимодействия, указывать на то, что язык неразрывно связан с формами нашего мышления и нашей душевной жизни.

Больше того, группировка по языку является формальным и твердым признаком расслоения населения и его группировки по характеру цивилизации. Люди и группы, говорящие одним языком, обычно имеют и одну культуру: сходный быт, нравы, традиции, сходные формы мышления, короче—сходную духовную и материальную культуру. „Все народы, говорящие индо-европейским языком, имеют и общий фонд идей и учреждений“, правильно говорят Дюркгейм и Мосс [2]). Линии языкового расслоения являются вехами, указывающими расслоение по культуре, по характеру цивилизации, по духовному сходству и различию индивидов. Вот почему *группировка по языку должна иметь значение более важное и более содержательное, чем то, которое указывается одним формальным признаком языка.* Сходство языка могло установиться лишь в результате долгой совместной жизни, в результате длительного общения лиц, следствием чего и явилось это сходство. А такая длительная совместная жизнь неизбежно влекла за собой сходство быта, нравов, обычаев, убеждений, верований и чувств., т. е. сходство „культуры“. Вместе с этим она делала судьбы совместно живущих людей сходными; интересы их—общими, об'единяла их против общих врагов и заставляла солидарно защищаться. Иными словами, создавала общие традиции, внедряла сознание о своем единстве и т. д.

Легко понять поэтому, что языковый признак служит признаком

---

[1]) *Михайловский*: Записки профана, полемика с Н. Ч. и с „Неделей“. См. о роли языка *Лавров*: Опыт истории мысли. 601 и след.

[2]) *Дюркгейм и Мосс*: Civilisation et types de civilisation. L'année soc., т. XII, 47.

гораздо более глубокого сходства, чем формальное сходство языка. *Язык—это твердая веха, указывающая расслоение по культуре, по традициям, по быту и нравам.* Солидарность одноязычных лиц суть солидарность лиц одной культуры, одного социально-психического покроя; отталкивание разноязычных индивидов—отталкивание лиц, принадлежащих к гетерогенным сферам культуры.

Нет надобности доказывать, что среди других группировок группировка индивидов в одноязычные коллективы занимает почетное место и в ряде случаев может получить перевес над остальными группировками. Девятнадцатый век, стоящий под знаком „национальных“ движений, (об‘единение Германии, которое в наши дни продолжается в виде тяготения немецкой Австрии к Германии, об‘единение Италии, Румынии, Славян и т. д.) лучшее доказательство важности языковой группировки, ибо „национальные движения“ 19 века были в огромном большинстве случаев ничем иным, как стремлением к об‘единению в одно политическое тело „одноязычных“ индивидов и разложением государств, составленных из „разноязычных“ индивидов. Этот процесс продолжается и в наши дни (Чехославия, об‘единенная Польша, об‘единение Румынии и т. д.).

Смысл всего сказанного тот, что общность языка служит тем условием, которое вызывает притяжение „одноязычных лиц“, содействует превращению распыленных индивидов в согласное, организованное единство, иными словами, благоприятствует созданію *особой солидарности между одноязычными лицами.*

Так как во многих случаях языковая группировка охватывает громадное число лиц, так как, далее, сходство языка является твердым признаком сходства нравов, обычаев, общности „культуры“ и т. д., так как языковая группировка принадлежит обычно к числу промежуточных группировок близких к закрытым (за редкими исключениями—„многоязычные полиглоты“—не от нас зависит, какой язык для нас будет родным, привычным),—отсюда следует важность и действенность этой группировки. Она потенциально могла бы играть громадную роль. Но этому часто мешало отсутствие централизованной организации одноязычных лиц. С появлением последней социальная роль языковой группировки сразу возрастает. Свидетельством этому служит „национальное“ движение 19 и 20 в. Несмотря на разные препятствия, одноязычные лица, разорванные другими группировками (напр., государственной) на части, стремятся слиться в одно коллективное единство и действовать солидарно, разноязычные—наоборот. Посему, *ceteris paribus*, государства, состоящие из разноязычных народов, менее прочны, чем государства, состоящие из одноязычных народов. Такие явления, как распадение разноязычной России нашего времени, как распадение разноязычной Австрии, как об‘единение Германии в 60-70-х годах, как тяготение немецкой Австрии к слиянию с Германией, как об‘единение Италии и т. д., представляют ничто иное, как победоносную борьбу языковой группировки с государственной, как опрокидывание и переделку последней в

пользу первой. А такими фактами, как известно, история богата. 19 и 20 в.в. обнаруживают тенденцию, указанную Блунчли: каждая языковая группа стремится стать государством.

„Самоопределение народов“,—лозунг нашего времени, есть иная редакция указываемой тенденции „самоопределения языковых групп“.[1]) Оно, вопреки многим ортодоксам, не изжито и часто конкурирует с классовым расслоением. И не без успеха, чему свидетельством служат переживаемые нами годы.

Группировка профессиональная.

Выше было указано, что профессиональная группа принадлежит к числу промежуточных групп. Несмотря на свой промежуточный тип она в наше время является одной из самых важных группировок, весьма решительно обусловливающих поведение индивида— с одной стороны, с другой—играющей, особенно в наше время, колоссальнейшую роль в среде других соц. расслоений.

Под профессией здесь я разумею обычное длящееся занятие индивида, дающее ему средства к существованию[2]). Бывают, конечно, случаи, когда индивид по источнику дохода принадлежит к одной социальной группе, по своей же обычной деятельности относится к другой (напр., богатый землевладелец, фактически сам не ведущий свое хозяйство, а занимающийся, скажем, наукой), но такие раз'единения занятий, дающих средства к существованию, и постоянных занятий индивида, представляют сравнительно редкое явление, и потому здесь мы можем пройти мимо них. Обычно профессиональные занятие, служащее источником дохода, является и главной деятельностью индивида. Иными словами, источник дохода и социальн. функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию.

Но если бы даже индивид имел два различных источника дохода (напр., земельную ренту и гонорар за чтение лекций), то это означало бы только то, что индивид имеет две или большее число профессий. Подобно „двойноподданным“ есть индивиды, совмещающие в себе две и большее число профессий. Такая „многопрофессиональность“ (развитая в наши дни „совместительства“) ничуть не изменяет дальнейших положений. Она требует лишь, чтобы такие лица относились не к одному, а к нескольким профессиональным коллективам.

В первом томе „Системы социологии“ мы исследовали рикошетное влияние акта на психику и поведение человека. Мы видели, что *выполнение того или иного акта рикошетом влияет на весь физический и духовный уклад человека, деформирует его организм, психику и поведение*[3]), *приспосабливает их к выполняемой функции*. На этом факте покоится то громадное влияние, которое имеет профессиональ-

[1]) См. об этом: *Miller*: The rising national individualism. *Thomas*: The prussian—polish situation. Am. j. soc., т. 19, 592-605, 624-639; *Majewski*: La thèorie de l'homme et de la civilisation. 1911.

[2]) Ср. *Майр*: Статистика и обществоведение т. II. 186. СПБ. 1900.

[3]) См. Система соц., т. I, § о рикошетном влиянии проводников.

ная деятельность на все поведение и уклад человека. *Она механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом—всю его природу.* Это значит, что индивиды, имеющие сходные профессии, при всех своих различиях будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии. И обратно, сходные во многих отношениях индивиды неизбежно будут расходиться во многом, если их профессии различны. Сходно-профессиональные неизбежно будут во многом солидарны, разнопрофессиональные лица будут иметь ряд различий и антагонизмов. Какова профессия человека, такова его психология и идеология. Этим об'ясняется различие психологических типов священника и солдата, рабочего и банкира, профессора и земледельца, скотовода и фармацевта. Профессия каждаго из них навязывает им свою „точку зрения", под которой они воспринимают мир явлений и реагируют на раздражения. Если аптекарь смотрит на мир под углом зрения „унций", то прокурор воспринимает его sub speciae статей кодекса, священник—под точкой зрения принципов религии, солдат—дисциплины и военного дела и т. д. То же применимо к их интересам, убеждениям, вкусам и всему миро-и жизне-ощущению.

Эта деформирующая роль профессиональной деятельности исследована и единогласно констатирована множеством самых разнородных исследователей.

Маркс и школа марксистов с полным основанием указывают на профессиональное „бытие, определяющее собой сознание", идеологию человека. Марксисты и не марксисты в различии профессий ищут основы классового антагонизма и классовой борьбы. Ряд лиц, в частности проф. Hoxie, дали нам конкретную характеристику такой роли профессии. Фабричный рабочий, говорит Hoxie, по своей профессии „связан со средой, в которой господствуют слепые физические и механические силы. Он работает над инертным материалом физическими инструментами, действующими благодаря его мускульной силе или машинной энергии, идущей от некоторого видимого физического источника. Он работает, чтобы произвести видимое физическое изменение в своем материале. Он видит, что результат работы находится в пропорции с израсходованной физической силой и что тождественные результаты всегда следуют за тождественной физической комбинацией сил. Другими словами, он видит, что незыблемые законы характеризуют мир материальных вещей, образующих столь важную часть окружающей его среды". Это царство необходимости и физической силы, независимо от сознания рабочего, отражается и на всей его психике. Раз отношения человека к материалу воспринимаются как строго детерминированные, то „весь его профессиональный опыт учит, что столь же детерминировано и отношение человека к человеку". Тот же опыт учит его и тому, что законы этих отношений, подобно машине, слепы и аморальны. Вся психология рабочего в силу этого становится механической; все его мировоззрение проникается детерминизмом.

Иная среда окружает предпринимателя или „денежного работника“. Мир биржевого дельца—это мир людей. Физическая среда влияет на него уже посредственно, чрез людей, его агентов. В этой среде господствует психическая и умственная энергия. Ему приходится иметь дело не с незыблемыми законами физических явлений, а с изменчивой человеческой волей. „Личность, индивидуальные способности, моральная или легальная сила и слабость—вот то, что здесь определяет результаты. Поэтому, он неизбежно начинает мыслить в терминах этих и сходных духовных сил. He grows animistic, theistic, legalistic. Acquisition, authority, legality come for him to be the dominant and final sanction. Отсюда—различный взгляд того и другого на процесс производства. Для рабочего производство—это физическая трансформация, производитель—он сам, он же, как трансформирующий агент, поэтому и имеет право собственности на вещь; право собственности предпринимателя кажется ему в силу эттого противоестественным. Противоположна точка зрения предпринимателя. Для него рабочий только один из винтиков машины, столь же мало, как машина, имеющий право на вещь. Творцом ее является он сам, как психический агент. Отсюда—противоречие их интересов, их взглядов, их поведения; отсюда—и антагонизм того и другого, их взаимное непонимание.

Различие профессий ставит их в диаметрально противоположную среду. Различие этой среды и профессиональной работы противоположным образом деформирует их психику и мироощущение; эти последние вызывают различие стремлений и интересов; отсюда—классовая борьба, как неизбежный результат [1]).

То же явление деформирования профессией психики и поведения людей констатируется и множеством других исследователей.

Школа Ле Плэ, в частности Демолэн, показала, что постоянное из поколения в поколение выполнение определенной профессии создает настоящий „социальный тип“, часто принимавшийся за тип расовый. Таковы социальные типы Оверньянца, Провансальца, Корсиканца; таковы же исследованные им типы „степных народов“, „народов тундры“, „горцев“ и т. д. [2]) Veblen исследовал зависимость характера людей от характера их постоянной профессиональной работы и пришел к выводу, что эта зависимость очень тесная. Психический склад (формы мышления, желаний, вкусов политических симпатий и т. д.) финансового дельца иной, чем простого рабочего, не в силу мудрости первого и его узкого эгоизма, как думают многие, а в силу различия профессий первого от второго. Консервативность высших классов—следствие того же условия. Склонность рабочих к социализму—опять таки продукт их профессии [3]).

Работы Бебеля, ряда криминалистов (Колаяни, Герц, Тард, Фойницкий, Гернет и др.) и в особенности Mrs. Stetson показали, что

---

[1]) См. *K. Hoxie*: Class conflict in America. Am. j soc., т. 13, 776—781.

[2]) См. прекрасные работы *Demolen'a*: Les français d'aujurd'hui. Les types sociaux du midi et du centre 1898. *Его же*: Commentla route creele type social. т. I и II. Его же: Аристократическая раса.

[3]) См. *Veblen*: The Theory of leisure Class. 1899. Его же: Industrial and Pecuniary Employments в Public. of Amer. Econ. Assoc., 1901, Февраль.

многие отличительные черты женщины обязаны своим бытием не ее биологическому отличию от мужчины, а ее социальному положению, в частности, ее профессиональным занятиям, обусловленным социальными причинами. Недопущение женщины к ряду работ, практиковавшееся в прошлом и отчасти теперь, зависимость ее от мужчины, изолированность ее от общества и заключение в стенах очага, ограничение ее работы „кухней и пеленками" и т. д.—все это вызвало в ней гипертрофию „женственности", „материнства", ограничило ее умственный кругозор, наложило на нее печать консерватизма, словом профессия деформировала все существо женщины [1]).

Langerock в своей интересной статье конкретно обрисовал процесс деформации человека под влиянием его профессиональной работы [2]).

К близким результатам пришли Шмоллер и Bauer. Благодаря разделению труда и различию профессий, говорит первый, создаются особые психологические профессиональные типы. Люди постепенно приспосабливаются к своей профессии, вырабатывают определенные физические и психические свойства и наклонности; создается определенный профессиональный тип воспитания и образования вкусов и привычек, интересов и убеждений. Шмоллер роль профессии считает столь важной, что профессию кладет в основу образования классов [3]).

Сходно смотрит на дело и А. Bauer. Характер профессии, говорит он, деформирует тело, манеры, жесты, физиономию и психику, дает определенные убеждения, верования и интересы. У лиц однопрофессиональных вырабатывается сходное поведение, они притягиваются друг к другу и в силу сходства, и в силу общности интересов, и в силу общности верований, желаний и стремлений [4]).

Одним из многих подтверждений этого общего явления служит тот факт, что развитие и распространение социалистической идеологии в среде рабочих совершается тем легче, чем дольше данный рабочий остается рабочим. Так, распространение социал-демократических воззрений „оказывается связанным не с возрастом рабочего, а скорее с прочностью и длительностью принадлежности его к рабочей среде и с его из нее происхождением". Этим об'ясняется, почему германская социал-демократия рекрутирует своих членов главн. обр. из среды „потомственных, вечных" пролетариев. [5]) Чем дольше человек выполняет определенные функции пролетария, тем глубже и сильнее влияет на него про-

[1]) См. *Бебель*: Женщина и социализм. (Есть ряд рус. переводов). *Фойницкий* Женщина—преступница. *Гернет:* Преступление и борьба с ним. 369—372. Изд. „Мир." *Sletson:* Women and Economics. 1899.

[2]) См. *Langerock:* Professionalism: a study in proffession. deformation. Amer. j. of soc. XXI т. 30—44.

[3]) См. *Schmoller*: Grundriss der Volkswirtschaftslehre. т. I, 1901. 391—411, т. II, 1904. 496—557.

[4]) См. A. *Bauer:* Les classes sociales. Paris. 1902. 32 и сл.; См. также *Бюхер*: Возникнов. Народ. Хозяйства. СПБ. 1907. II. 92—93. 102

[5]) *Лурье*: Состав пролетариата, 8—9. II. 1918.

фессия, тем сильнее она трансформирует его душу, тем резче „профессиональное бытие рабочего определяет его сознание“, его идеологию и психику. То же применимо и к другим профессиям.

Наконец, то же говорят нам и многочисленные теоретики профессионального движения рабочих, в особенности идеологи рабочего синдикализма. Они совершенно правильно учли громадное влияние профессии на интересы и идеологию лиц, на все поведение людей *и не без основания выставили сходство профессионального положения, как фундамент для организации рабочих.* „Производитель (в применении к рабочим) есть основа всего, читаем мы у Пуже. Он выполняет ту органическую, существенную функцию, благодаря которой и может общество продолжать свое существование. *Его совместная работа с другими производителями, деятельность которых совершается в точно таких же условиях*—в области промышленности, ремесла и прочих форм труда,—*и создает те узы солидарности,* которые охватывают все человечество. Совершенно неизбежная и логически необходимая общность между производителями воплотилась *в группировке по производствам,* которая и есть краеугольный камень общества. Совпадение интересов и общность стремлений между производителями, группирующимися соответственно их профессиональной деятельности, никогда не были столь осязательны, как в наше время“. Далее Пуже указывает, что другие группировки, в частности семейная и государственная, не могут и не должны иметь такое значение, как группировка профессиональная. Государственно-патриотические „узы, соединяющие людей, родившихся случайно, в пределах случайных границ данной (госуд.) территории, восхвалялись (буржуазией), как самые священные“. Но доказывает он далее, такая связь (по „отечеству“, „государству“) связь случайная, не имеющая никакого значения для пролетариев, не имеющих отечества. Отсюда выводы синдикализма: долой государство! и да здравствуют профессиональные ассоциации рабочих. *„Профессиональная группировка, читаем дальше у Пуже, не есть результат искусственной культуры; она зарождается сама собой и развивается фатальным образом в любой среде.* Она встречается в древности, в средние века и в наше время. Профессиональные ассоциации имеют интенсивную жизнеспособность. Уничтожить их немыслимо“.[1]). То же говорят нам и другие теоретики синдикализма. Все они в один голос подчеркивают, что основной группировкой является группировка людей по *профессиям,* ибо сходство профессии вызывает сходство интересов, последние—сходство желаний и стремлений. Связь по профессии—связь глубокая, коренная, основная, а не случайная связь по государству, или легкая призрачная связь по сходству идеологий и политических партий [2]). Отсюда — отрицание синдикалистами государства,

---

[1]) *Пуже*: Основы синдикализма, в сб. „Синдикализм“. СПБ. Год не указан. 22—3, 29 и др.

[2]) См. *Ф. Пелутье*: История бирж. труда. П.—М. 1919. *Критская и Лебедев*: Ист. синд. движ. во Франции М. 1908 г. гл. IV, VI и VII. Указанные выше работы: *Сореля, Лагарделя, Леоне, Козловского, П. Луи, Прудона,*

политических (в том числе и социалистических) партий, патриотизма, [1]) идеологии и т. д. „Не сознание определяет бытие, а соц. бытие—сознание“.—Этот тезис Маркса они истолковали в смысле положения: не государственная принадлежность, не сходство идеологии или партийной принадлежности вызывает сходство интересов и солидарность, а напротив—сходство профессии рабочих делает их солидарными по интересам, желаниям, стремлениям и взглядам. Последнее является необходимой, достаточной и единственной основой их об'единения в синдикаты производителей и делает излишними, вредными все другие группировки и соединения. Профессиональные синдикаты и группировка по профессиям—вот то, что должно заменить собою все другие группировки и расслоения. На этом принципе и построена „Всеобщая конфедерация труда“ во Франции.

Как видно из сказанного, в теории и практике синдикализма, профессиональное расслоение нашло чрезвычайно резкое, ясное и отчетливое выражение. Значение его здесь выявилось во всю свою величину.

Дальнейшие доказательства важности этой группировки излишни. Теперь понятно, почему профессиональное сходство служит магнитным полюсом, притягивающим друг к другу однопрофессиональных лиц и отталкивающим друг от друга лиц различных и далеких профессий. *В ряду многих солидарностей создается профессиональная солидарность, как солидарность sui generis, об'единяющая сходно профессиональных в один коллектив, с общими интересами, с общими задачами, с согласованным поведением.*

Подтверждением этому служит вся история. Группировка индивидов в профессиональные коллективы — явление весьма древнее. Ее мы находим в т. н. кастовом обществе (см. ниже анализ касты), в Египте, в Риме (collegia fabrorum, pistorum etc.), в средние века (корпорации, цехи, гильдии, Zunft, Gilde, Innung, Amt) [2]) и в новое время.

В настоящее время трудно найти профессию, начиная от наиболее квалифицированной и кончая профессией чернорабочего, члены которой не были бы об'единены в профессиональные коллективы. Ученые и писатели, врачи и инженеры, духовенство и банкиры, торговцы и рабочие, крестьяне и журналисты, тюрьмоведы и учителя, домашняя прислуга и дворники и т. д., все, хотя и в различной степени, об'единяются в профессиональные союзы и ассоциации. При этом одновременно замечаются две черты. Во-первых,

Чернова, Сталинского и др. Кроме того, *Сорель*: Соц. очерки соврем. экономии. М. 1908 где в V гл. „Введения“ чрезвычайно рельефно выделена роль рабочей профессии и рабочих поселков в деле формирования психики и идеологии рабочих. *Sorel*: Les illusions du progres. 1911. Paris. *Berth*: Les mefaits des Intellectuels 1914. Paris. Сборн. ст., Профессион. союзы во Франции. Ст. *Дельзаля, Гриффюэля, Пуже, Лагарделя. Новомирский*. Из программы синдик. анархизма. Гол. Труда. 1907 г.

[1]) См. в особенности *Griffuelhes*: L'action syndicaliste. Paris. 1908. 38—39.

[2]) См. *Магайм*: Профессиональные рабочие союзы. СПБ. 1905. *Mommsen*: De collegiis et sodaliciis Romanorum. Киль. 1843. *Святловский*: Проф. раб. союзы. СПБ. 1908. 1—20.

с ростом технического разделения труда, вызывающего рост различных профессий, число их увеличивается, происходит их дифференциация [1]. С другой стороны, профессиональные группы, сходные или близкие по профессии и поэтому имеющие однородные интересы, не остаются изолированными друг от друга, а взаимно притягиваются, об'единяются, интегрируются. Сходные профессиональные союзы сливаются в федерации, федерации — в синдикаты, последние — в конфедерации. В итоге вырастают громадные, сознательно, а не стихийно организованные профессиональные об'единения, перерастающие границы государств, превращающиеся в могущественные социальные группы. Это в особенности относится к профессиям, насчитывающим большое число членов. К последним относятся профессиональные союзы лиц, занятых в сельском хозяйстве и в промышленности. Лица этих разрядов до сих пор составляют большинство населения, как показывает статистика [2].

Если допустить, что степень организованности каждой из таких групп одинакова, то очевидно, *социальное могущество профессиональных групп, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, будет (ceteris paribus) гораздо более значительным, чем других проф. коллективов.* Первые обнимают не менее $^3/_4$ населения. Рядом с этим следует заметить, что в *этих профессиях большинство приходится на долю лиц, живущих продажей своего труда (наемных рабочих) или лиц, не эксплоатирующих чужого труда* (крестьян, живущих своим трудом). В Германии, напр., в 1895 г. рабочие в сельском и лесном хозяйстве составляют 67,7% из каждых 100 человек, занятых в этой отрасли в промышленности — 71,9, в торговле — 52,7, итого — 67,7, т. е. громадное большинство [3].

Раз эти профессии столь численны и раз организованность их стала расти, то нечего удивляться замечающемуся в наше время росту силы рабочих профессиональных об'единений и социальному давлению, оказываемому ими на ход событий. Тред-юнионы в Англии и Америке, профессиональные союзы рабочих в Германии, Всеобщая конфедерация труда во Франции и т. д., — примеры таких могущественных рабочих профессиональных коллективов. Еще до войны международные профессиональные рабочие союзы обнимали не менее 9 миллионов членов. В наши дни мы видим, что федерирование их идет дальше, перерастает государственные границы и выливается в все растущую международную профессиональную организацию рабочих. То же применимо и к другим профессиональным об'единениям, составляемым совокупностью лиц, — *крестьян*, — живущих личной обработкой земли, *землевладельцев*, живущих земельной рентой, *капиталистов*, живущих доходом с финансового, торгового или промышленного капитала [4]. Все они

---

[1]) По подсчету *Бюхера* число различных профессий в наше время не менее 10,000. См. *K. Bücher*: Etudes d'histoire. Paris. Alcan. 294. *Bouglé*: La démocratie devant la science. 1904. 149.

[2]) См. *Майр*. Bb. II, 196 и сл. См. ниже § о профес. перегруппировках.

[3]) *Майр*: Ibid. 197.

[4]) О предпринимательских союзах см. *Гольдштейн*: Синдикаты и тресты. 1912. *Каминка*: Предпринимательские союзы. 1909.

в большей или меньшей степени переросли государственные границы и стали международными. Международные формы приняли и союзы ученых, писателей, агрономов, врачей и т. д. В итоге человечество, как видим, раскалывается на ряд профессиональных слоев. Выросли и выростают громадные и могущественные профессиональные коллективы. Наиболее численные из них вступают в единоборство с другими могущественными группировками, в том числе и с государстенной, — и борются не без успеха. Борьба антагонистических профессиональных групп друг с другом, и с враждебными каждой из них не профессиональными группами выдвигается на первый план; отзвуки ее начинают наполнять мир; последний „дрожит от этой борьбы". Судьба каждой группы и всего населения сильнее и сильнее начинает зависеть от поведения профессіональных групп. На ряду с лозунгами: „русские об'единяйтесь!", „англичане, об'единяйтесь!", — с лозунгами государственной группировки, — все сильнее и сильнее начинают звучать лозунги иные, профессиональные: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Капиталисты всех стран, соединяйтесь!" и т. д. Человечество раскалывается не только на государственные коллективы, но и на международные профессиональные слои. Последние начинают отодвигать на второй план первые; интересы внегосударственных профессиональных групп и императивы поведения, даваемые ими, начинают конкурировать с интересами государственных коллективов и императивами поведения последних. Технический аппарат профессиональных групп становится богаче: в своем распоряжении теперь они имеют: деньги, печать, школы, и... даже свою вооруженную силу [1]), т.-е. почти все, что составляет „технику" государства. Мудрено ли поэтому, что давление их на социальную жизнь весьма значительно и конкуренция их с другими группами, в частности, с государством, не безуспешна.

То же явление мы встречаем не только в международном масштабе, но и в пределах одного и того же государства. Теория и практика профессиональных рабочих об'единений, особенно во Франции, совершенно определенно ставит своей задачей замену государственной группировки группировкой профессиональной. „Революционный синдикализм... проводит в жизнь классовую борьбу в ее чистом виде, пишет один из теоретиков синдикализма. Лагар-

---

[1]) Что профессиональные организации капиталистов и землевладельцев богаты деньгами, имеют свои газеты, субсидируют и подкупают другие, организуют в наше время свои „отряды охраны" и свою „гвардию", широко используют все формы агитации и пропаганды чрез кинемо и церкви, школы и партийные митинги и т. д., — это не подлежит сомнению. По тому же пути идут и рабочие профессиональные организации. Они также стараются сосредоточить в своих кассах максимальную сумму денег, иметь своих агитаторов, организаторов и пропагандистов, свои газеты и журналы, школы и институты, вплоть до своей „рабочей гвардии". Богатства английских тред-юнионов известны. Касса французской конфедерации труда обладает также солидными капиталами. В Германии freie Gewerkschaften в 1908 г. обладали капиталом в 7,5 миллионов марок, Christliche Gewerkschaften — 4.599,000 марок и т. д. (См. *A. Thal:* Le syndicalisme allemand в Grande Revue, 1911 г. 10 марта). Словом, и в техническом отношении профессиональные группы достаточно хорошо оборудованы.

дели... В противоположность административному и парламентскому государству, рабочий класс образовывал органы, приспособленные к его борьбе: синдикаты, федерации синдикатов, биржи труда... Прогресс *этого государства в государстве* ознаменовывается расширением его функций и учреждений в ущерб функций и учреждений буржуазного мира. Таким образом рабочая организация, отнимая от буржуазного государства все, что есть в нем полезного, будет расти до тех пор, пока она не вытеснит окончательно старые формы государства. Итак, рабочую борьбу, как ее понимают французские синдикалисты, можно свести к следующему правилу: *присвоить синдикатам* (т.-е. профессиональным об'единениям рабочих. П. С.), *являющимся органом рабочего движения, все функции, касающиеся рабочего мира, отобрав их у государства*" [1]).

Как правильно говорит И. А. Покровский „профессиональные организации выдвигаются на роль единственного властного органа, долженствующего уничтожить и заменить собою нынешнее государство... Вместо безвластия анархизма, синдикализм во главу угла ставит власть этих профессиональных организаций" [2])...

„Государство будущего не может быть ничем иным, как организацией труда и трудящихся... Синдикальная организация представляет нам план нового жизненного устройства". Она возьмет в свои руки все производство, все самоуправление, воспитание и образование населения [3]). „Синдикаты — это зародыш будущего строя. Им, и никому другому, предстоит организовать и дисциплинировать производство, свободное от всякой опеки человеческой власти" [4]).

Синдикат должен стать „целостным и синтетическим органом, охватывающим всю личность рабочего, как гражданина, выполняющего политические функции, как экономического человека, добывающего ежедневный хлеб, как индивидуума, имеющего собственную личность", говорит Лабриола [5]).

Словом, синдикалистско-профессиональная группировка в идеологии теоретиков синдикализма должна стать основой будущего общества; все остальные группировки обречены на гибель и сломку. Только она одна будет жить и гарантирует осуществление земного рая на земле, уничтожение эксплуатации, свободу, мир и блаженство. Таковы широкие задания синдикализма — идеологии профессиональной группировки.

---

[1]) *H. Lagardelle*: Революц. синдикализм во Франции. Сборн. Вопросы момента. М. 1906. 235. О синдикализме и професс. группировке см. также *В. Чернов*: Основн. вопросы пролетарского движения. Собр. сочинений. Passim. П. 1918.

[2]) *Покровский*: Осн. пробл. гражд. права. 143—144.

[3]) *М. Медведев*: Всеобщ. конфед. труда. Сб. Синдикализм. 60—61.

[4]) *Леоне*: Синдикализм. 38—39, 109, 113.

[5]) См. о широких заданиях синдикализма заменить професс.-синд. группировкой государственную и другие в указанных выше работах синдикалистов, в частности у *Сореля*: L'avenir social des sindicats. 32 и сл. Резолюции, прения и постановления по этому вопросу см. в книге: *Пеллутье*: Ист. бирж труда, в кн. *Критской* и *Лебедева*, в указ. раб. *П. Луи*, *Траутман. Эттор*.—Производств. синдикализм. П. 1920. Отзвуком этих теорий служит теория *Дюги*, данная в его: Le droit social, le droit indiv. et la transformatiou de l'etat. 1908 г.

Из всего сказанного следует, что: 1) *население действительно расслаивается по линиям профессии и группируется в профессиональные об'единения,* 2) *что эта группировка была и имеется,* 3) *что она порождает, в силу рикошетного влияния профессии, солидарность sui generis между однопрофессиональными лицами, вызывает сходство интересов, желаний и стремлений последних и раз'единяет лиц, принадлежащих к антагонистическим профессиям,* 4) *что профессиональные соединения играли и играют свою роль в истории, влияли и влияют на судьбы населения и на поведение других соц. групп,* 5) *что это влияние возрастает с увеличением организации профессиональных об'единений, особенно тех, которые насчитывают громадное число профессий.*

В ряду многих фронтов, данных на поле истории, борьба профессиональных групп друг с другом, а равно и с вне-профессиональными коллективами составляла и составляет, особенно в наше время, один из самых важных фронтов. Тот или иной исход борьбы на этом фронте неизбежно отражается и на судьбе других коллективов, на поведении и жизни всего населения целиком. Вот почему нельзя игнорировать этого расслоения, вот почему синдикалисты правильно нащупали почву для об'единения рабочих.

Но, отдавая должное профессиональной группировке, я не могу не подчеркнуть снова, что *это все же не единственная, а одна из многих группировок.* Синдикалисты ошибаются, думая свести к ней все группировки. Они, как и все „косоглазые" идеологи того или иного расслоения, впадают в ошибку однобокости. Мы видели, что идеологи семьи готовы видеть в семье альфу и омегу всех групп; еще резче то же проявилось с идеологами государства. То же происходит и с теоретиками синдикализма. Все они переоценивают значение излюбленной ими группировки, и недооценивают или даже не видят другие расслоения и другие „сети взаимодействия". Все предыдущее, как и все последующее, служит доказательством неверности такого монизма. Да, семейное расслоение есть, но помимо его есть и другие, отвечаю я идеологам семьи. Да, государственная группировка имеется, но помимо ее имеются и другие. Да, расслоение по профессиям дано, но рядом с ним даны и другие линии расслоения, не менее важные и несводимые к первой. Всякая попытка свести расслоение к одному типу—с точки зрения сущего — не верна и ошибочна. Поскольку синдикалисты грешат этой ошибкой — неверны и их построения. Но не правы ли они, указывая, что в будущем синдикально-профессиональная группировка вытеснит все остальные? Не приходится ли согласиться с ними в том, что профессиональная группировка— патентованное средство для осуществления земного рая, для уничтожения эксплуатации человека человеком, для водворения равенства и исчезновения злобы, вражды и угнетения большинства меньшинством?

Многое в их критике „демократии", „призрачного равенства", „государства", политических партий и т. д. правильно. Но их собственные рецепты, увы! не столь абсолютны, как они думают.

Нельзя, во первых, думать, что профессиональные об'единения

могут уничтожить другие группировки, в том числе и государственную. Мы видели и увидим ниже, что территориальное соседство, лежащее в основе государственной группировки, так же фатально, как и профессия, вызывает солидарность sui generis лиц, живущих на одной и той же территории. Общность местожительства не исчезнет и в будущем. След., не могут исчезнуть и те общие интересы и солидарные связи, которые этой общностью вызываются. Мы видим далее, что „патриотизм“ далеко еще не изжит и едва ли он скоро исчезнет. Последняя война едко насмеялась над самими синдикалистами, оказавшимися в рядах „социал-патриотов“. А куда вы денете языковое расслоение? Почему скинута с весов расовая группировка, которую до сих пор не может депрессировать профессиональное сходство (исключение негров из тред-юнионов)? Ниже мы увидим, что сходство профессии не исключает несходства однопрофессиональных лиц по богатству, по религии, по об'ему прав, по политической идеологии и идеологии вообще.

Раз претендуют доказать, что профессиональное об'единение вытеснит все другие, то должны показать: как, в силу чего, могут быть засыпаны все только что перечисленные трещины расслоения населения? Ничего подобного синдикалисты не попытались сделать. Факты, социальная жизнь, не в их пользу. След., их положения остаются чистыми пожеланиями, а не доказанными теоремами.

Больше того. Те смутные эскизы будущаго общества, которые рисуют они, дают полное основание утверждать, что их рецепт негоден ни для осуществления земного рая, ни для уничтожения эксплуатации, ни для водворения равенства, ни даже—для уничтожения государства.

Почему? Потому что если бы профессиональная группировка была проведена до конца, то это не уничтожило бы другие формы расслоения и неравенства. Если бы, далее „производитель“ попал под полную опеку синдиката, который бы стал регулировать все его поведение,—и как гражданина, и как производителя, и как духовную личность,—то это означало бы закрепощение человека синдикату, поглощение личности кастой, новым Левиафаном, пожирающим подобно старому абсолютистскому государству человека и делающим его „пальцем от ноги“. Такое „синдицирование“ индивида было бы простой заменой государства новым, носящим название „синдиката“ [1]). Под новыми ярлыками здесь дана была бы весьма почтенная старина. Такая перемена вывесок вряд ли представляет очень большую реформу, если бы даже она была осуществима. Но она неосуществима. В современной сложной социальной среде никакая группировка, никакой коллектив не может взять на себя обслуживание всех нужд человека: и экономических, и духовных. Для этого требовалось бы, чтобы все члены синдиката одина-

[1]) Такое синдикальное государство во многом смахивало бы на Р. С. Ф. С. Р., в основу которой на бумаге положены принципы, близкие к синдикализму. Как и синдикалисты, создатели Р. С. Ф. С. Р. отрицательно относятся к государству. На деле же из их рецептов создалось такое всепожирающее госуд. чудовище, которому мог бы позавидовать любой идеолог государства. См *В. Ильин*: Государство и революция. 1908.

ково веровали, одинаково думали, имели сходные политические убеждения, тождественные научные знания и вкусы, одинаковый уровень развития и т. д., словом, чтобы они были тождественны друг с другом во всех отношениях. Это утопия. Если же этого тождества не будет, если одни из членов синдиката будут позитивистами, другие—мистиками, одни—реалистами, другие—футуристами, одни—религиозными, другие—атеистами, одни—пассифистами, другие—милитаристами, одни—неграми, другие—белыми, одни—богатыми, другие—бедными, одни—управляющими, другие—управляемыми, и т. д., то как один и тот же синдикат может обслуживать все эти разнообразные вкусы и потребности своих членов! Если не может, то как помешает он им „абонироваться" членами в вне-синдикальные группы и общества, сообразно желаниям каждого? Если принудительно запретит, то это будет деспотизм. Если не запретит, то значит другие, внепрофессиональные ассоциации, будут существовать. А раз они даны, значит синдикаты не могут абсорбировать все другие группировки. Для этого, повторяю, необходима полная тождественность индивидов друг с другом. Такое допущение—утопия. А раз другие группировки будут жить, след., будут даны и другие формы неравенства.

Мало того. Поскольку синдикалисты, в отличие от анархистов, допускают власть, деление членов на правящее „инициативное меньшинство" и на „управляемую, пассивную" массу, тем самым они вводят *резкое неравенство управляющих и управляемых*. А раз эта дифференциация дана, из нее даны и неизбежные следствия: угнетение, насилие или одурачивание „инициативным меньшинством" управляемого большинства, эксплуатация первыми вторых, борьба их друг с другом, словом, то же, что и было. Вместо равенства под новым именем вводится старое неравенство. (См. ниже, § о группировке по об'ему прав).

Не останавливаясь на критике синдикализма [1]) скажем снова то, что сказали раньше: кое-что предлагаемые ими рецепты могут улучшить и изменить. Но только кое-что.

Ни эксплуатации, ни ряда бедствий они уничтожить не могут, ввести земной рай—не в состоянии, равенства—то же. Чтобы достижение таких эффектов было возможно, необходимо уничтожение *всех основных линий расслоения, очерчиваемых здесь*. Рецептами синдикалистов большинство их даже не затрогивается. Вотъ почему своими „всеисцеляющими" рецептами они могут тешить себя, но достичь поставленных великих целей они бессильны.

Их ошибка—ошибка всех однобоких идеологов, видящих только одно расслоение и гипертрофирующих его значение. Профессиональная группировка очень влиятельна, но не всемогуща и не является вовсе панацеей от всех общественных бед и зол.

Не гипертрофируя значения профессиональных коллективов и указывая на ошибки синдикалистов, мы тем не менее, как видно

---

[1]) См. на этот счет правильные во многом крит. замечания: *Плеханова*: ст. в „Совр. мире" за 1907 г. *В. Чернова*: Теоретики романск. синдикализма. *Сталинского*: Op. cit.. *П. Юшкевича*: Теория и практика синдикализма, *Новгородцева*: Об общем идеале. *П. Струве*: Facies hippocratica и др.

из сказанного, придаем им громадное значение. Переживаемые события подтверждают их историч. влияние на судьбы населения. То, что часто относится в обычном словоупотреблении к классовому движению, в значительной своей части представляет проявление профессиональной группировки людей, данной частью в форме сознательно организованных профессион. об'единений, а еще в большей мере—в стихийном единообразии поведения сходно-профессиональных лиц, диктуемого сходством профессии и вытекающим отсюда сходством интересов, убеждений, стремлений и идеологий.

Группировка по степени богатства и бедности.

Дальнейшим видом социального разслоения является группировка индивидов по имущественному положению в коллективы богатых и бедных [1]). Расслоение по этой линии было дано в прошлом, существует оно и теперь. По своему характеру оно принадлежит *к типу промежуточных: в одних странах оно более приближается к закрытым группам, часто наследственным, в других—менее.* Это значит, что богатство или бедность индивида зависят не вполне от его воли. Кто не желал бы быть богатым и, однако, такое желание удается осуществлять лишь немногим „счастливцам"! Циркуляция от слоя бедных в слой богатых относительно слаба и неинтенсивна (кроме отдельных эпох). Бедняк, желающий перескочить, проникнуть в группу богатых, в большинстве случаев, оказывается перед закрытыми дверями, открыть и войти в которые он не может. Мало того, богатыми, как правило, рождаются, а не делаются. Дети богачей, как норма, в силу института наследования становятся богачами, дети бедняков — бедняками. Исключения есть, иногда они весьма значительны, но они остаются исключением, а не правилом. (См. ниже, § об имущ. перегруппировках).

Далее, эта *группировка, особенно бедняков, весьма многочисленна.* Члены одной и той же имущественной группы, как увидим, фатально становятся солидарными во многом, члены разных имущественных групп—фатально антагонистами. Богачи тянутся к богачам, бедняки—к беднякам. Сходство имущественного положения порождает стихийную организованность поведения сходно-имущественных лиц. Когда эта стихийная организованность принимает форму целеполагательной, рациональной организации, с центральным правительством, тогда социальное влияние бедных, весьма многочисленных по числу членов групп, из потенциального становится кинетическим, приобретает громадную силу и начинает интенсивно влиять и на судьбу других коллективов, и на всю жизнь населения вообще.

По этим основаниям эту группировку приходится отнести к числу важнейших и могущественных.

---

[1]) Для простоты я говорю о группах богатых и бедных; фактически дана, конечно, многоэтажная градация имущественных слоев.

Спрашивается, однако, представляет ли эта группировка расслоение sui generis, не сливается ли она с одной из указанных выше? — Нет. Что коллективы „богатых“ и „бедных“ отличны от группировки государственной, языковой, расовой и др., это ясно и не требует доказательств. *Но не совпадает ли данное расслоение с профессиональным?* Ниже при изучении кумулятивных групп мы увидим, что *имеется особое «сродство» между некоторыми профессиями и богатством или бедностью; они легко вступают в «химическое соединение» друг с другом. Но, вместе с тем, то и другое расслоение не совпадают, их линии, временами сливаясь, в общем идут по своим, различным путям.* Это значит, что по профессии люди могут принадлежать к одному коллективу, по имущественному положению быть в совершенно различных слоях; и обратно, лица, сходные по имущественному положению, по профессии могут быть членами совершенно различных профессий. Все инженеры или все адвокаты по профессии члены одной профессии. Но это не мешает тому, что одни инженеры получают сотни тысяч дохода, другие—умирают с голоду или всю жизнь перебиваются кой как. Одни адвокаты зарабатывают громадные деньги, другие—гроши. То же применимо ко всем профессиям. И обратно, богачами или бедняками являются лица самых различных профессий. В группу богачей входят: и землевладельцы, и предприниматели, и купцы, и инженеры, и адвокаты, и чиновники, и писатели, и политики, и крестьяне, и даже рабочие и т. д. То же применимо и к беднякам: и здесь то же имеется смесь лиц, принадлежащих к самым различным профессиям. Рабочие квалифицированные или усердные, получающие бо́льший доход по сравнению с неквалифицированными или неумелыми, по имущественному расслоению могут очутиться в разных группах. То же применимо и к крестьянству. Этого достаточно, чтобы признать *различие профессионального и имущественного расслоения.* То и другое—явления различные. Ниже, из исследований Д'Эта, Декампа, Шмоллера мы увидим эмпирико-статистическое подтверждение этого факта.

Одним из выводов этого положения и в то же время подтверждением его является тот факт, что между однопрофессиональными лицами, но стоящими в разных имущественных группах, может быть, в силу этого различия, ряд антагонизмов. Богатый рабочий часто оказывается более солидарным с предпринимателями, чем с рабочими бедными. История английских тред-юнионов знает не мало антагонизмов такого рода. Бедный предприниматель часто легче солидаризируется с рабочими, чем с богатыми предпринимателями. Богатый инженер и бедный инженер обычно оказываются по „различным сторонам баррикады“. То же применимо и к другим однопрофессиональным лицам. Этим объясняется часто наблюдающееся, напр., в среде рабочих, неодинаковое отношение к одному и тому же явлению: к премиальной системе, к войне (рабочие оружейных и пороховых заводов материально заинтересованы в росте вооружений, остальные рабочие заинтересованы в их сокращении), и т. п. [1]).

---

[1]) См. об этом *Сталинский*: Нов. теч. в социализме. 1907. 27—28.

Лица, согласно Марксистской теории классов принадлежащие к одному классу, напр. пролетарий—рабочий и пролетарий—инженер, весьма часто, в силу различия величины доходов, оказываются в различных лагерях. Последний более солидарен с капиталистами, чем с рабочими. Особенно резко значение этой группировки проявилось в деревне. Крестьяне более зажиточные („кулаки“ по модной терминологии) и крестьяне менее зажиточные („деревенская беднота“ по той же терминологии), т. е. лица одной и той же профессии по своим политическим симпатиям и антипатиям, по оценке политики коммунистов и. т. д., оказались в противоположных лагерях. Это было учтено и властью. Недаром же она ввела „комбеды“ и подняла гонение на „кулаков“.

Это подразделение было вызвано ничем иным, как степенью зажиточности обеих групп. В настоящее время эта линия сменилась тенденцией соглашательства с „средним крестьянством“ [1]).

Это значит что сходство по профессии или по другому признаку (по госуд. принадлежности, по религии, по партии, по расе и т. д.) ничуть еще не гарантирует полную солидарность сходных лиц и невозможность между ними антагонизмов. Имущественное различие может уменьшить или ограничить их солидарность и вызвать между ними ряд конфликтов, ряд несходств, ряд различий в поведении и в идеологии. И обратно. Богатство может вызвать борьбу между членами одной группы и солидаризировать членов разных групп, одинаково обезпеченных (Отсюда понятной становится чрезвычайная сложность „системы социальных координат“, характеризующей строение населения, поведение и положение индивида. Чтобы понять последнее, надо учесть связи его с всеми основными группами, а не только с одной из них. Да, уклад и поведение индивида обусловливаются напр. его профессией; но так как он по другим связям принадлежит к ряду других групп, отличных от профессиональной, то эти группы, в свою очередь, влияют на его поведение и идеологию, отклоняют индивида от пути, диктуемого профессией последнего, вносят в него коррективы: в итоге, поведение и идеология индивида представляют *равнодействующую* всех основных групп, участником коих он состоит, а не следствие влияния какой-либо одной группы.)

Как сейчас увидим, сходство имущественного положения и степени дохода влечет за собой целый ряд сходств в других отношениях, создает общность интересов обезпеченных между собой и

[1]) См. речь Ленина на 8 с‘езде коммунистов. Изв. В. Ц. И. К. 1919. № 68.

„Еще Энгельс устанавливал деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное“, говорил Ленин, и сообразно с этой теорией предлагал: с кулаками бороться, бедноту—поощрять, с середняками хранить мир.

Само это подразделение покоится, в конечном счете, не на чем ином, как на степени зажиточности, ибо в процессе производства все они занимают одинаковое положение („мелкие буржуи“), их профессии—тождественны, единственное различие—степень богатства.

Такие факты прекрасно подтверждают самостоятельность и значение рассматриваемой нами группировки, и вместе с тем показывают, насколько недостаточна теория единой классовой группировки.

бедных друг с другом, словом, вызывает солидарность между одинаково богатыми или одинаково бедными лицами, и антагонизм между людьми различного имущественного положения. В других отношениях и по другим признакам люди одинакового имущественного положения могут резко различаться друг с другом, входить в состав различных коллективных единств (быть членами различных профессий, государств, религий, языковых групп и т. д.), но раз они принадлежат к одной имущественной группе—между ними будет ряд точекъ соприкосновения, ряд общих интересов и стремлений, вызываемых сходством имущественного положения. И обратно, люди, сходные в других отношениях (напр., принадлежащие к одной религии, государству, профессии, и т. д.), раз они принадлежат к резко отличным друг от друга имущественным группам, они неизбежно антагонизируют друг с другом, имеют почву для взаимных конфликтов, вражды, зависти, эксплуатации и борьбы.

Богатство для бедняка является ощутимым, „бросающимся в глаза" признаком различия социального положения богача от его собственного положения. Массы в истории не представляли и не представляют теоретиков-марксистов, которые, подобно Каутскому, анализировали бы „положение данного лица в процессе производства" и на основании этого анализа решали бы: „буржуем" или „пролетарием" является данное лицо. Массы имеют свою логику, более простую и, пожалуй, более верную: раз человек богат, значит—он буржуй, „значит он не наш"—такова эта логика масс. Всякий внимательный наблюдатель мог констатировать эту логику во время революции. Часто приличный костюм служил здесь достаточным поводом для отнесения прилично-одетых лиц к „буржуям" и для враждебных актов по их адресу... Недаром же появился обычай маскировки: богатые люди стали одеваться à la пролетарий, чтобы избавить себя от многих неприятностей и злостных выходок бедняков.

Общественная мысль давно уже констатировала и оценила это расслоение на богатых и бедных.

„Государство, читаем у Платона, представляет из себя как бы два государства. Одно составляют бедные, другое—богатые, и все они живут вместе, строя друг другу всяческие козни". То же противоположение мы находим у Мен. Агриппы, Саллюстия и др. „Всюду неимущий относится к собственнику с завистью и недоброжелательством. Он жаждет всеобщего переворота; мятеж и возмущение питает его, ему нечего опасаться потерь, так как бедноте терять нечего". [1])

Это противоположение, копией которого является современный лозунг: „пролетариату терять нечего, кроме цепей, а завоевать он может весь мир", проходит чрез всю последующую историю и отмечается множеством лиц в качестве основного и главного социального расслоения. Больше того, ряд теоретиков класса видят в дифференциации населения на богатых и бедных чуть ли не единственную дифференциацию и готовы все исторические события объ-

[1]) Цитирую по *Пельману*: Ист. антич. коммунизма и социализма. СПБ. 1910. 605, 560, 556. См. там же множество аналогичных противоположений.

яснять как результат борьбы богатых и бедных. Классификация социальных классов множества лиц сводится ни к чему иному, как к простому указанию этой группировки. Таковы перечни классов: Платона, М. Агриппы, Саллюстия, Ж. Мелье, Вольтера, Рейналя, Консидерана, Анфантэна, Годвина, Холла, Томпсона, и др: а в наше время—Э. Бернштейна. [1])

Такая оценка важности этой группировки—не случайна. Она имеет глубокие основания. Борьба богатых и бедных действительно составляла и составляет одно из основных содержаний истории. Антагонизм их был и остается одним из самых упорных и жестоких антагонизмов. Ошибка таких лиц лишь в том, что они имеют тенденцию сводить к этой группировке все другие и не видят или не хотят видеть, что помимо ее есть ряд других группировок и других антагонизмов, что история не сводится к борьбе богатых и бедных и не исчерпывается ею, словом грех в несчастном упрощении действительности и в злосчастном монизме. Все сказанное выше, как и все последующее, говорит о невозможности и недопустимости такого монизма и упрощения.

Выше было указано, что сходство имущественного положения, несмотря на ряд различий в других отношениях, влечет за собой ряд сходств в образе жизни, в вкусах, в убеждениях, в интересах и в поведении людей. *Подобно профессии та или иная степень богатства или бедности налагает общий штамп на одинаково-богатых людей (или одинаково бедных), делает их „близкими", „своими" друг к другу и создает между ними солидарность.*

И обратно, различие имущественного положения вызывает пропасть между людьми, вызывает ряд различий в образе жизни, в поведении, во вкусах, в интересах, создает враждебность и взаимное отталкивание.

Не говоря уже о перечисленных писателях, эта истина подтверждается и рядом современных исследователей. Больше того. В настоящее время мы имеем ряд работ эмпирически, путем изучения действительности, подтверждающих этот факт.

„Богатые, говорит Шеффле, об'единяются в одно целое общими интересами владения и привилегированностью господства. Невладеющие же сплачиваются борьбой за заработную плату и общей ненавистью против собственности; оба класса организуются в этой борьбе и никогда эта организация не была более грандиозной и планомерной, чем в наше время". [2])

Ряд исследователей, в частности D' Aeth, и отчасти Шмоллер, своими работами показали нам, что одинаковое имущественное положение (одинаковая степень дохода) влечет за собой сходство „уровня жизни", быта, обстановки, вкусов и обычаев, несмотря на то, что в других отношениях люди могут принадлежать к самым различным социальным коллективам. Анализируя строение современного

[1]) См. *Пельман*: Ист. ант. коммунизма и социализма. *P. Roger*: Ta théorie de la lutte de classes à la veille de la revolution. Revue d'économie politique. 1911. № 5. *С. И. Солнцев*: Общественные классы. Томск. 1917. *Бернштейн*: Классы и классовая борьба. Изд. Карчагина. 14 и passim.

[2]) *Schäffle*: Bau und Leben des sozialen Körpers. Tübingen. 1896 г. т. I. 93.

английского населения D'Aeth делит его на семь слоев по характеру standart of life, в свою очередь определяемого по величине дохода. Первый класс—это люди, получающие в среднем 18 шиллингов в неделю. Одинаковость дохода влечет за собой сходство в образе жизни и в поведении. Жилище таких лиц—подвальные помещения или грязная комната в плохих кварталах: непостоянная работа; заработок пропивается. Второй класс—люди с доходом 25 шиллингов в неделю. Жилище их—небольшая квартира. Привычки—несколько перемен платья, манишка и воротничек. Сюда относятся: клерки, мелкие приказчики, низшие служащие и т. п. Третий класс—лица с доходом в 45 шиллингов в неделю. Жилище—домик из 5 комнат. Чисто. Имеется гостинная. Привычки—домашний сервированный стол, визиты по праздникам. Интеллигентны. Ясный ум. Серьезное отношение к делу. Состав—квалиф. рабочие, чиновники, клерки, старшие приказчики и т. д. Четвертый класс—имеет „стандарт" в 3 фунта в неделю. Хорошая, комфортабельная квартира. Изящная одежда. Привычки—есть мальчик—лакей. Читают газеты и журналы. Интересуются обществ. жизнью. Претендуют на остроумие. Окончили техническую школу и т. д. Состав: лавочники и торговцы, инженеры, крупные клерки, коммерческие агенты, учителя, священно-служители и т. д. Пятый класс—лица с доходом в 300 фунтов в год. Квартира в 48 ф. стерл. в год. Визиты. Поздний обед. Карты. Тонкие манеры. Претензия на знание. Развито чувство самоуверенности и достоинства. Следят за обществ. и научной жизнью. Образование—классич. гимназия. Состав: мелкие промышленники, либеральные профессии и т. д. Шестой класс: стандарт—600 фунт. в год; жилище 60-80 ф. в год. Образование—университет. Привычки—светский и культурный образ жизни. Участие в обществ. делах и т. п. Состав: лица своб. профессий, крупные чиновники и т. д. Седьмой класс: лица с доходом в 2000 фунтов в год и выше. Высшее образование. Влиятельная обществ. роль. Состав: хозяева фабрик, крупные частные посты, хорошо оплачиваемые и т. д. [1]).

Изъ сказанного видно, что сходство в величине дохода вызывает действительно ряд сходных привычек, вкусов, быта, обстановки и поведения между одинаково богатыми лицами, хотя бы они принадлежали к различным профессиям, религиям, к различными языковым группам и т. д. Данныя D'Aeth'а были потверждены позднейшим исследованием того же явления Декампом. Несколько иначе классифицируя социальные слои, Декамп более подробно и ясно очерчивает сходство привычек, образа жизни и поведеня лиц, обладающих одинаковым доходом. Так, напр., „низший средний класс", составленный из лиц, имеющих небольшой капитал и состоящий из мелких хозяйчиков, технических служащих, учителей, фермеров, клерков, бухгалтеров, комми-вояжеров, пасторов и т. д. (как видим, лиц самых различных профессий и групп), обычно учится и кончает secundary school; образование продолжается до 14—15 лет; до 18—19 идет практическое обучение в технической

[1]) См. *D. Aeth*. Present tendencies of class differentiation. The Sociological Reviw. 1910. №4. 267—276.

школе. С 18—19 лет они начинают самостоятельную жизнь. В таких семьях имеется прислуга. Читаются газеты и журналы. В специальных вопросах интеллигентны. Приличная квартира. Муж занимается „министерством иностранных дел“, жена ведет хозяйство. Состоят членами того или иного клуба. Под старость обычно живут на ренту. Подчинены традициям и т. д. [1]).

Шмоллер, изучая классовое строение германского населения, в итоге приходит к величине дохода, как к основному явлению, лежащему в основе этого расслоения. Различая четыре основных класса, к первому он относит лиц с доходом в 8—9000 марок или с имуществом выше 100,000 марок. Этот класс состоит из крупных земельных собственников, крупных предпринимателей, важных чиновников, врачей, рантьеров и художников. Ко второму классу относятся средние чиновники, землевладельцы, капиталисты и ряд лиц либеральных профессий с доходом в 2700—8000 марок или с имуществом от 60000 до 100.000 марок. К третьему лица с доходом в 1800—2700 марок, к четвертому—индивиды с доходом ниже 1800 марок [2]).

Опять таки и здесь, между лицами, принадлежащими к одной имущественной группе, несмотря на то, что по профессии, по жительству, партии, религии и т. д., они принадлежат к различным социальным кругам, тем не менее имеется тождество интересов, общность многих стремлений, значительное сходство образа жизни, вкусов, обычаев, поведения, словом,—особая солидарность, вытекающая из одинакового имущественого положения. Те же мнения подчеркиваются и рядом других писателей, как Гобло, Оверберг, Л. Штейн, Бюхер, Смолл, Визе, видящих в различии богатства основной принцип классового расслоения общества [3]).

В историческом процессе борьба богатых и бедных была и остается одним из самых упорных антагонизмов. То, что часто называется классовой борьбой, в значительной степени сводится к борьбе коллективов бедноты и богачей.

Так как эти коллективы численны (особенно коллектив бедных), так как сходство имущественного положения спонтанно влечет за собой сходство интересов и солидарность членов одного имущественного слоя, то эти условия делают понятной социальную важность такой группировки. Когда же к этим условиям присоединяется организация, в особенности организация бедноты, то антагонизм бедных и богатых принимает вид методической борьбы, часто оттесняющей на задний план действенность всех остальных группировок. Почти во всякой значительной борьбе социальных групп—будет ли сю борьба плебеев с патрициями, или восстание рабов, или такие движения, как восстание Уатта Тейлора и „жакерия“, или ряд революций, в роде великой французской революции, и

[1]) См. подробнее *P. Descamps:* La Hierarchie des classes en Angéleterre. Paris. 1911. La Science Sociale. 26—e Année., 86 Fasc.

[2]) *Schmoller:* Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Göttingen. 1897. 28 31 u passim.

[3]) См. подробнее об их мнениях у *Солнцева:* Общественные классы. 286—334.

последующих вплоть до русской революции 1917—19г.г. борьба богатых и бедных составляла и составляет одно из основных содержаний этой борьбы.

В переживаемой нами революции борьба богачей с бедняками представляет главный фронт борьбы различных групп населения. Основное содержание ее составляет прежде всего примитивное уравнение богатства в форме отобрания их (вплоть до мебели, белья, с'естных продуктов) от „буржуев" (т. е. зажиточных и богатых людей) и раздела их между неимущими—беднотой. (Потребительский коммунизм). Основным условием, определявшим положение каждого по ту или по сю сторону баррикады, у нас было прежде всего условие бедности или богатства. Бедные, частью сознательно, частью бессознательно, оказались на стороне Советской власти, богатые—на стороне ее противников. Это происходило и в городе, и в деревне, и в отдельных областях России. И сама политика Советской власти представляла главным образом „ставку на бедноту". Отсюда—систематическое углубление ею пропасти между богатыми и бедными: преследование первых и разжигание аппетитов отбирания и раздела у вторых, создание и поощрение „деревенской бедноты", „городской бедноты", „домкомбедов"; отсюда постоянное употребление термина „бедноты" и его производных („Деревенская беднота",—название газеты, „бедняк", „бедные" фигурируют во всех статьях и брошюрах; фразы, в роде следующей: „С тех пор, как беднота дерзнула на то, чтобы взять власть в свои руки"[1]) обычны в литературе большевиков, и т. д.). Словом, наша революция была главным образом борьбой бедноты с богачами, стихийной попыткой произвести передел и уравнение имущественных благ., попыткой осуществления потребительского коммунизма, способной дать только временные эффекты и неспособной достигнуть действительного имущественного уравнения [2]).

[1]) Известия П. Сов. Р. и К. Депутатов. 1919. № 162.

[2]) Это мы теперь видим воочию. Примитивный передел и уравнение, как и следовало ожидать, вызвали только всеобщее обеднение, с одной стороны, и перегруппировку богачей и бедняков, с другой; имущественнаго же равенства они не дали. Многие из бывших богачей стали бедняками, зато многие из бедняков стали богачами,—новоиспеченными буржуями, только более хищными, наглыми и дикими, чем старая буржуазия.

Повидимому, более действительной мерой для имущественного уравнения является производительный коммунизм,—„обобществление средств и орудий производства". В нем, как известно, многие видели и видят волшебное средство от всех общественных бедствий. После всего сказанного выше нет надобности доказывать утопичность такой веры. Что *при данных условиях* его положительные эффекты ограничены, это признают такие лица, как В. И. Ленин. „Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма (состоящая в обобществлении средств производства) дать еще не может; различия в богатстве останутся и различия несправедливые", говорит он. Неравное распределение продуктов потребления останется: останется и „буржуазное государство без буржуазии". Как видим, лидер коммунизма далек от того, чтобы считать из'ятие средств производства из частной собственности всеисцеляющим пластырем. Но он полагает, что все же эта мера „делает невозможной эксплуатацию человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства в частную собственность".

См. *В Ильин:* Государство и революция. 87—89.

Я сомневаюсь и в этом. В среде социализированных людей обобще-

Нет надобности говорить, что эта борьба будет продолжаться и в будущем, до тех пор, пока будет существовать само расслоение населения на неодинаковые по богатству социальные слои. Уменьшается ли это расслоение, происходит ли с поступательным ходом истории процесс экономического уравнения населения — вопрос, который не подлежит решению в „Соц. аналитике“. Им мы займемся в „Социальной генетике“. (См. ниже § об имущественных перегруппировках).

Группировка по месту постоянного жительства.

Следующей самостоятельной группировкой является группировка по месту постоянного жительства. Она не сливается со всеми остальными и отлична от них [1]). По своему характеру она также принадлежит к типу промежуточных группировок. Значение ее ясно само собой. Люди, живущие в одной местности,—в деревне, в городе, в одном округе,—несмотря на множество различий между ними, не могут не иметь ряда общих интересов, вытекающих из совместной постоянной жизни в данном месте. Космические и биологические условия (напр., наводнение, ураган, отсутствие воды и света, эпидемии и т. д.) угрожают одинаково всем индивидам данного места; часто всех же задевает и ряд социальных условий (напр., отсутствие больницы, школы, церкви в данном месте, объявление ее на осадном положении, лишение ее прав самоуправления и т. д.). Индивиды, живя совместно, волей-неволей должны постоянно сталкиваться и неизбежно принуждены быть солидарными во многих отношениях. Жизнь в данном месте вызывает особый местный солидаризм, „местный патриотизм“, часто привязанность к данному месту, короче—особое коллективное единство, основанное на общности территории постоянного местопребывания. Территориальное соседство неизбежно вызывает солидарность sui generis

---

ствление средств производства может дать такой эффект. В среде же людей, социально невоспитанных, с доминирующими эгоистическими аппетитами „социализация средств производства“ (фактически огосударствление их) не способна уничтожить ни эксплоатацию людей друг другом, ни имущественное неравенство. То и другое останется. Прибавится к этому только падение производительности, расстройство эконом. жизни и общее обеднение. Русская революция—доказательство. Опыт проделан—пора учесть его результаты. А они — налицо. Уменьшилось ли имуществ. неравенство? Уменьшилась ли эксплоатация человека человеком? Общая бедность? А как обращаются совнархозы и госуд. агенты с рабочим? Лучше ли, чем обращался с ним капиталист? Не переходим ли мы от Совнархозов к системе частных подрядов, т. е. к худшей форме капитализма? Наконец, тезис: „прилежный рабочий должен быть обеспечен лучше, чем нерадивый, „красующийся“ в тезисах Ц. Ком. к партийному с'езду— не суть ли все это свидетельство крушения уравнительных тенденций коммунизма? Опыт сделан. Не учитывать его итогов—нельзя. А они очень красноречивы. Вся „социализация“ свелась к перемене вывески „фабрики Лаферм“ на вывеску „1-ая госуд. табачн. фабрика“. Синдикалисты и анархисты вполне правы, критикуя „спасительность“ этого излюбленного рецепта.

[1]) См. об этом *R. Woods:* The neighborhood in social reconstruction. Am. j soc. т. 19. 577 и сл.

между соседями, при всех их различиях. *В силу соседства они неизбежно будут иметь ряд общих интересов, общих сходств и привычек* [1]). Самый заядлый эгоист не может чувствовать себя безопасным в среде, где свирепствует эпидемия, где царствует голод, где разгуливают разбойничьи банды, где идет война, где дороги не устроены, воды нет, больниц нет и т. д. Несмотря на различия, все жители одной территории заинтересованы в том, чтобы в данном месте дороги были устроены, чтобы было освещение, больницы, школы, хороший воздух, здоровая вода, достаточное количество продовольствия, личная безопасность и т. д.

Далее, живя бок-о бок, они не могут не сталкиваться между собой, не могут не взаимодействовать. Постоянно встречаясь они не могут не зависеть друг от друга, не перенимать взаимно (сознательно и безсознательно) ряд черт, привычек, нравов, обычаев, воззрений. Они дышут одним воздухом, впитывают в себя одну и ту же местную — моральную и социальную — атмосферу. Из'ять себя от влияния данной среды никто не может. В итоге, из самых разнородных лиц, при долгом сожитии бок о бок, образуется группа, сходная по своим чертам, „местный тип", отмеченный колоритом данного места. Таковы исследованные Демоленом типы оверньца, бретонца, провансальца. Таковы в России типы „ярославца", „помора", „сибиряка" и т. д. И такая группа неизбежно во многом будет солидарна друг с другом. Территориальное соседство было причиной образования из лиц разных родов и групп так наз. „территориально-племенного общества". Составленное вначале из лиц гетерогенных, волею судьбы поставленных в необходимость жить рядом, это общество из враждующего и пестрого конгломерата, постепенно стало организованным, солидарным территориально-племенным обществом, явившимся базой для возникновения государственной организации. Соседство сгладило их различия, содействовало развитию общего языка, общих воззрений, обычаев, норм поведения; сделало необходимым общую организацию и общую власть, словом, создало особую территориально-связанную группу, с своей властью, с общей культурой, с особой солидарностью, носящей название местного патриотизма [2]).

---

[1]) См. *Woods*. Ib.

[2]) См. *Woods*. Ibid. Хотя территориальная группировка и лежит в основе государственной и даже произвела последнюю, однако, они различны и далеко не всегда совпадают теперь. В Петрограде, напр., теперь (террит. группа) имеются лица, принадлежащие к самым различным государствам. Территориально они связаны, во многом солидарны друг с другом (и русские, и китайцы, и немцы, и итальянцы, живущие в Петрограде, все сейчас заинтересованы, напр., в том, чтобы был свет, ходили трамваи, был хлеб, вода, топливо и т. д. и образуют одно единство,) по госуд. же принадлежности они „абоненты" самых различных систем, часто враждебных друг другу. Часто, далее, люди, живущие на границах государств, составляют одно территориальное общество, вызываемое соседством, хотя по государственной принадлежности они оказываются в разных системах, часто воюющих друг с другом. Государственная связь лица сохраняется и тогда, когда он оторван от него и живет в пределах чужого государства, территориальная связь в таких случаях часто прерывается.

Отсюда легко понять ошибку синдикалистов, пытающихся свести „на нет“ значение территориальной группировки, смешиваемой ими с государственной. „Говорят, что отечество—это совокупность традиций и наследие народа, что это часть нашей планеты, что это место, где живут, обеспечивая удовлетворение необходимых потребностей, читаем мы у Гриффюэльса. Но моральные традиции нашей страны и ее наследие ускользают от меня, за невозможностью их воспринять и понять (ошибка: начиная с языка, на котором пишет автор, и кончая множеством традиций и взглядов, каждый человек воспринимает, часто помимо воли и желания, это „наследие и традиции“. Они всасываются с молоком матери и сохраняются: их имеет всякий человек, в том числе и Гриффюэльс, часто даже не подозревая об их существовании. П. С.); ни малейшая часть почвы мне не принадлежит, и жизнь, которая для меня создалась, далека от того, чтобы дать мне необходимое удовлетворение. Я чужд всему, что составляет моральное проявление моей нации. (Крепко сказано. Вы чужды языка террит. группы, где вы родились и выросли? Чужды ее литературы? Чужды ее революц. традиций? Чужды ее обычаев и матер. культуры? Чужды всей техники? позвольте вам не поверить. П. С.). Я не обладаю ничем (то же крепко сказано. Комната, где вы живете, создана не вами; лампа, которая горит у вас, водопровод, которым вы пользуетесь, тротуары, по которым ходите, больницы, в которые вы являетесь, школа, где вы учились, книги, которые вы читаете, и т. д. и т. д. не созданы ли они территориальной группой, среди которой вы живете и не обладаете ли вы этими и тысячами других благ? П. С.). Я должен продавать свой труд, чтобы удовлетворить самые скудные потребности (это делают тысячи других лиц, живущих с вами рядом, на одной территории. П. С.). Я не могу быть патриотом“.[1] (Хорошо; но следует ли отсюда, что вы, как и все ваши соседи, не заинтересованы в том, чтобы ваше место жительства имело школы, больницы, дороги, электричество, пищу, канализацию, топливо, чтобы у вас можно было безопасно ходить по улице, не подвергаясь грабежу, насилию и убийству, следует ли отсюда, что вы не заинтересованы в том, чтобы шайка разбойников, именуемая войском другого государства, не врывалась в ваше место жительства, не жгла дом, где вы живете и т. д. Если вы ответите, что „да“, „следует“, я вам не поверю; если ответите: „нет, не следует, это совсем другое дело, чем патриотизм“, я отвечу: „вы—патриот своей территории“, и буду прав. П. С.). В ту же ошибку впадают и другие синдикалисты, в отрицании значения государственной группировки (что то же неверно) отрицающие, в силу смешения, и значение территориальной группировки и вытекающей отсюда солидарности в форме „местного патриотизма“. „Родина“, „отечество“ (в смысле территории, где человек родился, рос и жил) не были и не являются пустым звуком для людей. „О, родина святая! какое сердце не дрожит тебя благословляя“. „Люблю отчизну я, но странною любовью... Не победит ее рассудок мой...

[1]) *Griffuelhes*: L'action syndicaliste. Paris. 1908. 38—39. См. те же положения у *Пуже*. Op. cit. 25. У *Леруа*: Transformations. 278.

Но я люблю, за что?—не знаю сам, ее степей безмолвное молчанье, разливы рек ее, подобные морям"... Эти и подобные слова—не „буржуазная ложь", а искреннейшее проявления чувств, свойственное тысячам людей. Быть может с точки зрения синдикалистов—это плохо; но отрицательная оценка факта не уничтожает самого факта. А он несомненен.

Дальнейшим подтверждением того же факта служит явление „тоски по родине". Территориальная привязанность здесь выступает особенно резко. Индивиды, отлученные от родной территории, тоскуют по ней и стремятся возвратиться туда. R. de la Grasserie называет такое явление именем „ностальгии". „Ностальгия, говорит он, это мучительная страсть возврата, вид психической болезни, часто вызывающей болезнь физическую; она заставляет человека стремиться в свою страну, к своему родному колоколу и ничто не может удовлетворить его, пока он не вернется туда". Де ля Грассери приводит достаточно фактов, подтверждающих существование такого стремления, в свою очередь, говорящего о привязанности к родной территории [1]).

Такой территориальный патриотизм свойственен не только буржуазии, но и социалистам, и синдикалистам. „Мы живем и боремся на этой земле, чтобы сделать наше отечество, нашу родину, нашу, быть может, более, чем вашу, такой, чтобы было приятно жить в ней и для последнего из нас. Это—наше стремление и потому мы будем бороться до последнего издыхания всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами против всякой попытки оторвать от нашего отечества кусок земли". „Я сам бы взял ружье для борьбы за независимость отечества". Эти слова принадлежат не „буржую", а Бебелю [2]). Не выражен ли в этих словах, если не государственный, то территориальный патриотизм? Не являются ли они проявлением любви к родине? А каково было поведение социалистов всех стран за годы войны? А что делали французские синдикалисты? Не входил ли Жуо, секретарь „Конфедерации Труда", в состав Министерства? „Гони территориальный патриотизм в дверь, он влетит в окно". Факты упрямы. Быть может такие факты, развеявшие, как дым, слова, подобные цитированным строкам Гриффюэльса, отрицательны. Но они несомненны. Отмахнуться от них нельзя. Гегелевское „тем хуже для фактов" не поможет. Больше того. Гриффюэльс и др. не видят, что сама „Федерация Бирж труда", образующая секцию „Всеобщей конфедерации", построена на территориальном принципе и представляет совокупность *коллективов территориальных*. „Биржи труда" об'единяют не однопрофессиональных рабочих, а рабочих всех профессий, живущих в одной территории.

И никто другой, как синдикалист Лагарделль, прекрасно охарактеризовал важность территориальной группировки. „Из всех связей, которые соединяют людей между собою, говорит он, *связи по местностям являются самыми сильными*. Одно и то же место-

[1]) См. *R. de la Grasserie:* De la nostalgie et des instincts contraires. Revue de sociol. 1911. 574. 564—610.

[2]) Из речи *Бебеля* в рейхстаге, в зас. от 7 марта и 10 дек. 1904 г.

жительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Рабочие одного и того же города, но принадлежащие к различным профессиям, имеют гораздо более точек соприкосновения, чем рабочие одинаковых профессий, но разбросанные по разным городам. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, участие в одном и том же местном учреждении—благотворительном, самообразовательном или увеселительном, придают им общий характер, создающий живую связь" [1]. Отлично сказано! Лучшей отповеди Гриффюэльсу не нужно.

Как известно, группировка по месту жительства в течение всей истории была одной из главных. Она лежит в основании государственной группировки, в делении госуд. территории на округа: губернии, уезды, волости, деревни и т. д. Местная группировка лежит в основе деления населения на избирательные округа, в явлениях подсудности, обладания или лишения прав самоуправления (места, лишенные земств etc) и т. д.

Она же дает себя знать и в пределах одной группировки. Так, профессиональная группировка распадается, в свою очередь, на ряд группировок по месту жительства. Это последнее условие, как известно, лежит в основе бирж труда („секции федерации бирж труда"), являющихся составной частью „Всеобщей конфедерации труда" во Франции [2]. „Рабочие союзы охватывают вначале отдельные местные группы, а затем расширяются и получают склонность охватить всех рабочих этой отрасли в данной местности, а затем и в данной стране" [3]. То же применимо и к соединениям всех других родов. В древности же, как мы знаем, принцип общности территории лежал в основе территориально-племенного общества и являлся главным связующим звеном между членами последнего [4].

Словом, в ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту общего жительства, дающая основание для особой группировки, не совпадающей с остальными, и являющейся одной из важных социальных координат, определяющей поведение и переживания совместно живущих индивидов.

Группировка по об'ему прав и обязанностей (по социально-правовому неравенству).

Группировкой sui generis, не совпадающей с предыдущими, является группировка индивидов в коллективы по об'ему прав и обязанностей. В общем своем виде эта группировка распадается на коллективы:—*привилегированных, составляющих высший со-*

[1]) *Лагарделль:* Op. cit. 216—217. См. также весьма резонные соображения на этот счет у Жореса. *Ж. Жоресс:* Новая армия. II. 1919 г. 236—37, 279 и сл., у *Сореля:* в предисл. к книге Гатти: Социализм и аграрный вопрос. М. 22—24, у *Чернова:* Теоретики романск. синдикализма. CLXXIX.

[2]) См. *Лагарделль:* Op. cit. Passim.

[3]) *Святловский:* Op. cit. 218.

[4]) См. о значении этой пространственной группировки у *Зиммеля* в „Соц. дифференциации".

циальный ранг, и обделенных, дающих низший социальный ранг. Привилегированные образуют солидарное коллективное единство; такое же единство составляют и „обделенные“. Лица, чуждые друг другу в других отношениях, но одинаково обделенные в правах, делаются друг другу „близкими“, „своими“, связываются общностью интересов и общим антогонизмом по адресу привилегированных. То же применимо и к группе лиц, входящих в круг „привилегированных“. Первые, в частности, стремятся к уравнению своих прав со вторыми, вторые—к защите своих привилегий. „Человек, имеющий титул, высокий пост, почетную должность стремится сохранить и передать их своей семье, если он в состоянии это сделать“, правильно говорит Ross [1]).

Не трудно видеть своеобразие этой группировки и ее несовпадение в настоящее время с предыдущими, в частности, с нередко отождествляемыми с нею группировками по профессии и по богатству. Лица одной и той же профессии могут принадлежать к различным социальным кругам по правовой привилегированности или обделенности. Так, в нашем недавнем прошлом и дворянин, и крестьянин могли быть рабочими, учителями, предпринимателями, землевладельцами по профессии; но это тождество профессии не мешало учителю-дворянину или землевладельцу-дворянину принадлежать к группе привилегированных—к дворянскому сословию,—иметь ряд правовых привилегий, которых не имел учитель—крестьянин и землевладелец—крестьянин. И еврей, и русский могли принадлежать к одной профессии, напр., быть наемным рабочим, но это не мешало первому быть обделенным в праве передвижения („черта оседлости“), а второму обладать этим правом. И православный, и раскольник могли принадлежать к одной и той же профессии, (быть крестьянином, рабочим etc.), но второй принадлежал к группе обделенных в сфере религиозных прав,—в праве свободного исповедания и распространения своей религии, свободного отправления культа etc., первый—к группе привилегированных. Жители Кавказа и Зап. губерний и жители центральной России могли принадлежать к одним профессиям, но первые огулом были обделены по сравнению со вторыми в праве самоуправления, в форме земских учреждений. Недавно и негр, и англичанин могли принадлежать к одной профессии; но первый был рабом, второй—свободным гражданином. То же относится к ряду случаев у нас в эпоху крепостного права. И обратно, люди могут принадлежать к разным профессиям и тем не менее оказаться в одном социальном ранге по об‘ему прав и привилегий.

Ряд писателей совершенно правильно отметил это различие группировки по профессии и по об‘ему прав и обязанностей или, как некоторые из них выражаются, по социальному рангу.

К числу таких писателей принадлежат все те, которые различали *„техническое разделение труда“ и социально-юридическое расслоение населения.* В русской литературе заслуга этого разли-

[1]) *Ross:* Class and caste. Amer. j. of soc., т. XXIII, 67.

чения принадлежит Н. К. Михайловскому [1]). В основе профессионального расслоения лежит именно техническое разделение функций. С ростом промышленной жизни число технических операций в области производства все более и более растет, число профессий все более и более увеличивается. Напр., с 1882 г. по 1895 г. в области германской статистики профессий появилось новых 4.000 профессий [2]). Но из этого вовсе не следует, что так же развивается и социально-юридическое или об'емно-правовое расслоение населения. Увеличение числа профессий вовсе не означает появление новых 4.000 слоев, различных по об'ему прав и обязанностей. Так обстояло бы дело там, где профессиональное и об'емно-правовое расслоение были слиты, где принадлежность к определенной профессии тем самым обозначала бы и принадлежность к определенному об'емно-правовому слою. Такое положение дела мы находим в кастовом строе. Здесь, действительно, техническое разделение труда совпадает с об'емно правовым. Принадлежность к профессии жреца (брамина) или воина (кшатрия) совершенно точно предопределяет круг прав и обязанностей того и другого. Но с падением кастового режима эти две группировки диссоциировались, раз'единились. Теперь лица одной профессии могут иметь и de jure, и de facto различный об'ем прав, и обратно, лица одной об'емно-правовой группы могут иметь различные профессии. Рост технического разделения труда не только не влечет увеличения числа об'емно-правовых групп, но скорей, наоборот, уменьшает число последних. Бугле прав, говоря: „западные общества, где техническая специализация стремится дойти до бесконечности, как будто задались задачей постепенного уничтожения всех социально-юридических различий: по мере развития уравнительных идей барьеры, разделявшие плебея от патриция, раба от свободного, черную кость от белой кости, постепенно отпадают или опускаются. Это значит, что современный юридический режим, (или современное об'емно-правовое расслоение. П. С.), внутри которого смешиваются различные технические формы разделения труда, оказывается целиком противоположным режиму каст. В нем никакое предыдущее юридическое положение не предопределяет профессии и обратно, профессия не предопределяет юридического положения. Наследственности профессий нет. Теоретически все профессии открыты всем". Le fils n'importe qui peut devenir n'importe quoi" [3]). Отсюда ясно различие профессиональной и об'емно правовой группировок. Правильно подчеркивает это различие Вормс. Профессии, говорит он, расположены как бы рядом друг с другом; социальные же группы по об'ему прав как бы лежат одни над другими (superposées); так, рабочий, мастер и директор фабрики принадлежат к одной профессии. К одной же профессии принадлежат: солдат,

[1]) См. *Михайловский*: Что такое прогресс. Дарвинизм и общественная наука, Борьба за индивидуальность и статью о Дюргейме. См. также: *Е. Колосов*: Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского, изд. „Общ. пользы", где это разделение проведено весьма четко и ясно.

[2]) *Bouglé*: La démocratie. 149. *Бюхер*: Возникнов. Н. Хоз. П. 100.

[3]) *Bouglé*: Ibid. 152.

унтер-офицер и офицер. По по социальному рангу они делятся иначе: солдат и рабочий очутятся в группе низшего ранга, офицер и директор войдут в состав высшего ранга. Первые обделены в правах по сравнению со вторыми, вторые привилегированы. Деление по профессиям горизонтальное, по социальному рангу—вертикальное [1]). Тот же факт подчеркивается и рядом других лиц, напр., Пешем, Пираром и др. [2]).

Ниже мы увидим, что между определенными профессиями и об'емно-правовыми группами есть связь: ряд профессий сродственны и легко соединяются с привилегированной группой, другие—с обделенной, но это обстоятельство не мешает им быть в целом группировками различными.

Отлична группировка по об'ему прав и обязанностей и от группировки по степени богатства. Права и привилегии богатого дворянина не были равны правам богатого купца—не дворянина. Первый имел ряд привилегий, которых не имел последний. И обратно. Нередко, какой-нибудь швейцар министерства обладал богатством более значительным, чем директор департамента этого министерства. По степени же прав, по социальному рангу, первый принадлежал к группе обделенных, второй—к высшим ступеням социальной лестницы. Титулярный советник по богатству часто входил в более высокую группу, чем действительный тайный советник; в группировке же по об'ему прав и привилегий он оказывался в гораздо более низкой группе, чем второй. По степени богатства часто подчиненные и управляемые бывают более обеспечены, чем начальствующие и управляющие; по социальному рангу взаимоотношение их обратное. „Бедный дворянин и богатый крестьянин,—обычное явление“, говорит Fahlbeck [3]). Словом, одинаково богатые далеко не всегда принадлежат к одной и той же группе по об'ему прав и привилегий, и обратно, принадлежащие к одной и той же группе по привилегированности или обделенности далеко не всегда бывают одинаково богаты [4]).

[1]) См. *R. Worms*: Philosophie des sciences sociales. 1907. III. 66 и сл.

[2]) См. изложение их взглядов у *Солнцева*: Обществ. классы. 254-265.

[3]) *Fahlbeck*: Les classes sociales. Bullet. de l'ins. int. de statist., т. XVIII, I livr. 198.

[4]) Отсюда следует, что *R. Worms* и *Pareto* не вполне правы, отождествляя группировку по богатству с группировкой об'емно правовой. „В последнем счете, говорит Вормс, социальный ранг все же определяется экономическим принципом“. „Классы, называемые *высшими*, суть классы обычно и наиболее богатые“, говорит Парето. *Worms*: Op. cit., III. 275. *Pareto*: Syrtémes socialistes, т. I. 8. *Sensini* прав, указывая на то, что такое совпадение не всегда имеет место. Подтверждение этого факта дает и Колабинская, исследовавшая фактический состав правящего класса Франции с XI века до франц. революции. В нем занимали влиятельные места индивиды не только богатые, но и люди бедные. „Pour nous rapprocher encore plue de la réalité nous ajouterons (к богатым индивидам, составлявшим правящую аристократию) certains individus que nous pourrons reconnaitre comme ayant des qualités éminentes dans leur classe, indépendemment de la richesse, et qui font incontestablement partie de la classe gouvernante“.
См. *Sensini*: Teoria dell'equilibrio 607. *Kolabinska*: La circulation des élites en France depuis la fin du XI siécle jusqu'à la grande révolution. Losanna. 1912. 8.

Торгово-промышленники, в ряде остальных государств, напр., в России до революции 1917 г., по богатству занимали высшую ступень денежной иерархии, но об'ему привилегий дворянское сословие было выше их. То же относится и к Франции конца 18 века. Французская революция 1789 г. была в значительной мере борьбой „третьего сословия", имущественно более обеспеченного, чем феодальное дворянство, за уничтожение привилегий последнего и уравнение прав буржуазии с французским дворянством [1].

„В современном обществе идет борьба не только между богатыми и бедными классами, правильно говорит М. И. Туган-Барановский, но и между классами одинаковой имущественной состоятельности. Борьба между землевладельческой аристократией и буржуазией сыграла чрезвычайно важную роль во всей новейшей истории Зап. Европы, хотя и землевладельцы, и буржуазия принадлежат к числу имущих классов" [2].

Из сказанного мы видим, что группировка по социальному рангу или привилегированности и обделенности не совпадает вполне ни с группировкой по профессиям, ни по богатству взятых в раздельности. Но может быть она представляет их соединение? Бугле думает, что привилегированность или социальный ранг лица вытекают из его социальной функции и *профессии*, с одной стороны, с другой—*из богатства*, которым оно обладает. „Обычно допускается, что более почетно и благородно быть адвокатом, чем регистратором (greffier), хозяином кузницы, чем кузнецом, доктором, чем ветеринаром. Существует, таким образом, в наших обществах иерархия функций, определяющих социальное положение индивида. Но только ли функция определяет последнее?.. Если не трудно сохранить социальный престиж, ничего не делая, то весьма трудно сохранить его, не обладая ничем. Не значит ли это, что социальный престиж всего чаще вертится вокруг богатства? И обладание богатством не является ли чаще всего, в свою очередь, результатом привилегии? Если некоторые лица зарабатывают их капиталы работой, то большинство не получает ли их по наследству? Какая пропасть между тем, кто находит около своей колыбели полный мешок золота, и тем, кто находит только пустую котомку. Правильно говорят, что один принадлежит к классу привилегированных, другой к классу обделенных. *Власть буржуазии в современном обществе покоится, в конечном счете, на соединении высших социальных функций с громадными капиталами.* Она класс владеющей и в то же время класс правящий; ее моральные преимущества всего чаще вытекают из экономических привилегий" [3].

В переводе на наш язык эта цитата гласит: группировка по привилегированности и обделенности (об'ему прав) представляет не элементарную, а кумулятивную группировку,—сложное тело— составленное из соединения элементарных группировок: имущественной+профессиональной. Если бы дело обстояло так, то, очевидно, я сделал большую ошибку, поместив об'емно правовую группировку

[1]) Сродство между богатством и привилегированностью есть (см. ниже гл. о кумул. группах), но оно не равно тождественности обоих группировок.

[2]) *Туган. Барановский.* Основы полит. экон. 515.

[3]) Bouglé: La démocratie. 91—92.

в число элементарных, а не кумулятивных групп. Однако, такой ошибки нет. В чем же дело? Поясню мою мысль примером. Химики считают воду, H_2O, сложным телом, состоящим из соединения водорода и кислорода. Отсюда следует, что вода, вне соединения H_2 и O, не может быть дана: ни кислород один или в соединении с иными элементами, кроме H_2, ни водород один или в соединении с иными элементами, кроме O, дать воду не могут. Если бы группа привилегированных, „высших“ по социальному рангу, представляла собой кумулятивную группу, составленную из кумуляции: богатства и определенных профессий, то (подобно воде) вне такой кумуляции мы не должны были бы находить группу привилегированных. Между тем, дело обстоит иначе. Часто мы видим, как одно богатство вызывает привилегированность богатых. Иногда, одна профессия (занимаемый пост) вызывает привилегированность чиновника. Это значит, что в отличие от воды, которой не может быть вне H_2O, привилегированность существует без одного из тех элементов, которые по Бугле представляют ее составные части. Такой факт сводит на „нет“ химическую формулу привилегированности, данную Бугле. Мало того. Ниже мы увидим и из опыта это знает каждый, привилегированость (или обделенность) могут связываться не только с профессией и богатством, но и с другими признаками, напр., с расой. Негр, занимающий пост одинаковый с англичанином, равный с ним по богатству, в общем будет котироваться англо-саксами Америки гораздо ниже, чем второй. Второй, в силу расовых свойств, будет привилегированнее первого в ряде отношений. Такую же роль может сыграть пол или религия. Мало ли в истории фактов, начиная с наших раскольников, где лица одной и той же профессии, одного имущественного положения, (напр., купец-православный и купец-раскольник) в ряде прав, касающихся отправления культа, вовсе не были равны-православный купец был привилегированным, раскольник обделенным.

Такую же роль может сыграть государственная принадлежность. Ряд лиц, живущих в одном государстве, при равенстве богатства и профессии, далеко не всегда бывают равными по об‘ему прав, если они принадлежат к разным государствам. Подданые иных государств не имели и не имеют обычно ряда прав избирательных, которыми обладают подданные данного государства, часто ограничены в праве сделок, в приобретении собственности, и в ряде других личных и имущественных прав. То же можно сказать, напр. о территориальной принадлежности, грамотности, возрасте и др. условиях. Все они влияют на об‘ем привилегированности. Каждое из них при известных условиях может послужить и служило основой привилегированности или обделенности. (См ниже, гл. о кумулятивных группах). А все это говорит о том, что привилегированность далеко не всегда представляет соединение богатства и профессии, что она существует и вне этих условий, что она встречается в соединении с расовой, половой, государственной, религиозной и др. группировками. А раз так, то значит она имеет бытие sui generis, отличное от каждой из этих групп. В силу этого самостоятельного бытия она и может „кумулироваться“ со многими из них. Вне его—такой

картины не могло бы быть. Ниже мы увидим, что группировка по об'ему прав принадлежит к числу весьма гибких, подвижных, летучих группировок; она, подобно некоторым химическим телам, легко вступает в соединение с рядом других элементарных группировок и дает богатый комплекс сложных кумулятивных групп.

А все это говорит против теории Бугле и против кумулятивной природы об'емно правовой группировки. *Она существует, как элементарная группировка* sui generis, *отличная от других очерченных*. Другое дело вопрос: *со всеми ли группировками она одинаково легко вступает в соединение.* Не обладают ли особым сродством признаки богатства и привилегированности, бедности и обделенности? Не влечет ли часто обладание определенными профессиями привилегированность, другими обделенность? В силу этого: не находим ли мы чаще всего кумулятивные группы: богато+привилегированных, бедно+обделенных или кумулятивные группы, составленные из лиц определенных профессий, обделенных, лиц других профессий, которые в то же время привилегированы. Это другой вопрос, гласящий: с какими элементарными группировками всего легче и чаще кумулируется группировка по привилегированности и обделенности? Какие „химические соединения“ она чаще всего дает? Мы увидим, что с этой точки зрения взгляды и Вормса, и Парето, и Бугле и др., имеют резоны, но это ничуть не влечет за собой ни отождествления об'емно правовой группировки с другими элементарными, ни конструирования ее, как группировки кумулятивной. Такой подход противоречит фактам и влечет за собой (как увидим при анализе класса) ряд нелепых выводов и ошибок.

В настоящее время почти во всех культурных странах провозглашено юридическое равенство всех перед законом. Лозунг égalité красуется на фронтонах общественных зданий. „Люди равны, „демократия—это равенство,“ слышим мы всюду. Если поверить этим словам, то можно подумать, что об'емно—правового расслоения нет совсем, что оно изжито, что привилегированность и обделенность канули в Лету. Но тот, кто поверит этому, ничего, кроме своей наивности и близорукости, этим не засвидетельствует. Это значит, что *равенства нет и теперь, что об'емно—правовое расслоение в тысяче форм продолжает существовать, что деление на привилегированных и обделенных, а следовательно и их антагонизмы, благополучно здравствуют.* „Мы слышим часто, что в современных обществах „нет больше классов“. Все граждане равны перед законом. Они пользуются одними и теми же политическими правами. Они имеют свободный доступ к одним и тем же функциям. Общество не имеет больше ясно выраженную иерархию, все граждане оффициально помещены на одном и том же плане... Фактически же глубокие различия продолжают разделять их... Несмотря на юридическое и официальное равенство, наше общество выступает как бы разделенным на два мира: один темный и тусклый, другой—блестящий и сверкающий“ [1]) „Хотя у современных цивилизованных народов право не только не устанавливает каких либо границ между классами, но даже не

[1]) Bouglé: La démocratie. 91—92

признает в какой бы то ни было форме существования самих классов, тем не менее, они продолжают существовать фактически", правильно говорит Sensini [1]).

Фактически различие по об'ему прав и обязанностей существует в тысяче форм; таковы: неравное распределение предметов первой необходимости и комфорта, лишение значительной части населения *избирательных прав*—активных и пассивных, связываемое то с полом, то с возрастом, то с безграмотностью (Италия), то с имущественным цензом; ограничение *религиозных* прав, в частности свободы верований и отправления культа, обделенность ряда лиц в праве *передвижения* (черта оседлости), в *праве самоуправления* (области и группы, лишенные права автономии), неравенство в сфере прав, относящихся *к свободе слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенности личности*, ограничения в сфере общественного пользования *родным языком*, множество ограничений, относящихся к совершению граждански—правовых сделок и т. д., вплоть до ограничений, лишающих человека (преступника) *всех прав состояния* и нередко *ставящих его вне закона, т. е. лишающих его даже права на жизнь.*

Еще яснее своеобразие этого расслоения выступит, если мы возьмем любую организованную группу. Возьмем-ли мы государство, или церковь, или партию, или профессиональное об'единение, или семью, или другой организованный коллектив, в каждом из них мы увидим расслоение на *управляющих или властвующих, на управляемых или подвластных*. Это деление—иная редакция деления на привилегированных и обделенных. Госуд. власть с своими агентами в государстве, папа, патриарх, синод с своими агентами в церкви, центральный комитет с лидерами—в партии, правление профессионального союза в синдикате, главнокомандующий и его агенты в армии, отец семейства в семье, люди, задающие тон, в научном, в литературном и в др. обществах, все они составляют верхний слой управляющих в каждой группе, права которых и de jure, и de facto не равны правам подвластных, управляемых, в пределах каждой из них. Первые составляют верхушку пирамиды, вторые—ее основание. Первые привилегированы, вторые обделены.

Всюду, где дано такие расслоение на управляющих и управляемых, всюду где дана иерархия, та или иная табель о рангах, тем самым дано очерчиваемое об'емно—правовое разслоение на привилегированных и обделенных, высших и низших.

„Изменяясь по форме, правильно говорит Парето, социальная иерархия существовала и существует во всех обществах, которые провозгласили и провозглашают равенство индивидов." Феодализм и олигархия продолжают жить и в науке, и в искустве, и в политике, и в администрации, и среди разбойничьих банд, и среди общества равных [2]).

Такое разделение, как я сказал, дано во всякой широкой организованной группе. Везде есть „начальствующие" и „подчиненные". Правда, часто они титулуются не так. Часто „властвующие" назы-

[1]) Sensini Op. cit 571,
[2]) Pareto. Trattato. I. 500 и сл.

ваются „уполномоченными“ „представителями“. „депутатами“ „избранниками“, „выполнителями воли избирателей“ и т. д. Но наивным был бы тот человек, который поверил бы этим словам и стал бы думать. что и в самом деле „управляющие“, избранники и т. д. равны остальным членам, управляемым. Ни в одной группе. пока что, фактического равенства не было и нет. *Равенство миф, пока не осуществленный.* ***Быть может в том и состоит трагедия людей, что без организованности социальные группы не могут существовать длительно; раз дана организованность—дано деление на привилегированно-правящих и обделенно-управляемых; это значит*** дано неравенство или об'емно правовое расслоение. Раз дано последнее—даны и его неизбежные следствия: эксплуатация и угнетение правящими подвластных, использование власти первыми для своих целей и нужд, об'егоривание управляемых, правление от имени народной воли вопреки воле и желанию управляемых и т. д. Такова величайшая трагедия человеч. истории.

Так было во всех группировках в прошлом, так обстоит дело во всех сколько нибудь численных организованных группах и теперь. „Все то же, то же вновь до ныне и от века.“ *Об'емно-правовое расслоение или социально-правовое неравенство не только не изжито, но оно вылезает отовсюду и во всех группах.*

—„А партии и группы, ставящие на своем знамени требование равенства? а социалистические партии? А синдикальные об'единения? А народоправства и демократические государства? разве все это не группы, где социально-правовое равенство осуществлено? Разве есть здесь деление на привилегированно-властвующих и обделенно-управляемых? Разве „не народную волю“ выражают избранники народа и народная власть? Разве не стремления избирателей выражает „лидер партии“? разве можно говорит об олигархии и феодализме в пределах социалистических партий? Разве равенство здесь не осуществлено?—скажут мне „чистые сердцем“.

Amico Platosed veritas amicissima, скажу я в ответ. Увы! ни в одном из обширных и организованных обществ. требующих или провозглашающих „равенство“, его нет. Нет его в социалистических партиях, нет в демократиях, нет и в синдикальных союзах. нет его пока что нигде. Всюду об'емно -правовое расслоение пока что живо и здравствует. Всюду управляющие эксплуатируют и „водят за нос“ управляемых. Между „деспотом Божиею милостию“. депутатом и министром „волею народа“, лидером или центральным комитетом партии социалистов, коммунистов и др. партий, правлением синдиката, избранного волею рабочих, разница не принципиальная, а чисто количественная, разница в степени. Все они эксплуатируют управляемых, все они их об'егоривают, но одни больше, другие меньше Одни управляют преимущественно путем *насилия*, другие *путем хитрости и обманов*. Методы одни и те же, но пропорции их разные.

Эта горькая истина, увы! бесспорна. Свидетельств — сколько угодно. Доказательств более, чем достаточно.

Приведем некоторые. Для краткости ограничусь немногими, отсылая за дальнейшими фактами к указанным работам.

Что *госуд. власть, т. е. группа властителей, правящая божьею милостию, привилегирована по сравнению с подданными скотами, эксплуатирует их и водит за нос, это не требует доказательств. Иначе, повидимому, обстоит дело с выборным, „представительным“ правительством, управляющим волею народа.* Многие наивно думают, что в демократиях, в „народоправствах“ осуществлено „самоуправление народа, для блага народа и через посредство самого народа.“ Увы! такие представления утопия. Более правильны те воззрения, которые к слову „демократия“ или „выборное правление“ присоединяют прилагательные: „плутократический“ „демагогический“ или „олигархический“. Быть может здесь привилегированность мягче, чем в деспотиях, но что она существует— это несомненно. Суть дела чрезвычайно ярко вскрывается в нижеследующих строках, взятых из работ анархистов. Важно здесь не то, что так думают анархисты, а то, что положение дел на самом деле таково, как они его изображают. Они сжато характеризуют то, что существует в действительности и что констатировано множеством вдумчивых наблюдателей без различия партий.

„Представительному правительству присущи все недостатки правительства. Знаменитые слова Руссо о правительстве вообще применимы к нему, как нельзя лучше. «Чтоб можно было передать свои права выборному собранию, говорит он, оно должно состоять из ангелов. Да и у них выростут рога и когти, как только они примутся за управление людьми, этим стадом скотов!»

„*Представительное правительство*, называется ли оно парламентом, конвентом, Советом Коммуны или каким—нибудь другим именем, назначено ли оно префектами Бонапарта или архисвободно избрано населением восставшего города — всегда стремится, подобно деспотам, расширить свои права, вмешиваясь во все проявления жизни, заменяя законами свободную инициативу отдельных лиц и групп. Оно забирает в свои когти человека с самого детства и ведет его до могилы от закона к закону, от угрозы к наказанию... Приходилось ли вам слышать, чтобы выборное правительство об'явило себя некомпетентным по какому либо вопросу? Подчинять своим законам все проявления челов. деятельности,—вот цель государства и правительства. Правительство стремится распространить свою власть. Парламентское правительство не составляет исключения, крайний бюрократизм — характеристика представительного правительства. Сначала века идут разговоры о децентрализации, а (парламентарное) правительство усиливает централизацию и социал-демократы, ослепленные правительственными предрассудками, мечтают о дне, когда они будут в берлинском парламенте заведывать организацией производства и потребления всей Германии.

Спасает ли нас представительное якобы миролюбивое правительство от войн? Конечно нет! Никогда не истребляли друг друга с такой яростью, как при представительном режиме.“

„Недостатки представительных собраний покажутся нам вполне естественными, если мы вспомним, как набираются их члены. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов. Везде повторяется гнусная комедия, не стану рассказывать, как

агенты и избирательные комитеты проводят своих кандидатов, как они направо и налево раздают обещания: в собраниях сулят политические реформы, частным лицам—места и деньги; как они проникают в семьи избирателей и там льстят матери—хвалят ребенка, ласкают собачку. Как они рассыпаются по ресторанам, заводят между собою вымышленные споры, завязывают с избирателями разговоры, стараясь, подобно шулерам, поймать их на слове... Как после всех этих махинаций кандидат заставляет себя просить и, наконец, появляется среди „дорогих избирателей“ с благосклонной улыбкой на губах, со скромным взором и вкрадчивым голосом,—совсем как старая мегера“.

„Не стану перечислять лживых програм—одинаково лживых, будь они опортунистическими или социал-революционными, программ, которым не верит ни один из кандидатов, защищающих их с жаром, с дрожью в голосе.. Не стану приводить сметы расходов по выборам: списков расходов избирательных агентов, в которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разные сладости, купленные кандидатом для „дорогих детей“ избирателей....

„Но довольно, оставим эту грязь!.. Обман, клевета, лицемерие, ложь, самые низкие проявления человека—зверя—вот картина страны во время выборов“ [1])

Я сделал эту выписку потому, что здесь сжато очерчено то, что делается на самом деле. Множество других лиц, начиная с Прудона и кончая синдикалистами и такими „академическими“ исследователями, как М. Я. Острогорский, Pareto, G. Mosca, R. Michels и др., с фактами в руках подверждают набросанную картину. Все они в один голос утверждают, что демократические правительства—правительства плутократические; правя от „имени народа“ они сплошь и рядом правят вопреки интересам народа. Пропасть между правящими и управляемыми существует. Избираются обычно не лучшие и честные люди, а наиболее безпринципные. „При современной системе постоянных партий, с их программами omnibus, кандидат или депутат становится неизбежно шарлатаном. Не только в сфере политической он должен быть видом доктора de omni re scibili et quibusdam aliis, имеющим готовое решение всех возможных проблем, но он должен ручаться за решение этих проблем в самый кратчайший срок. Он должен давать обещания направо и налево, и так как невозможно их выполнить, он становится профессиональным лжецом“, политическим Дон Жуаном [2]).

Кропоткин прав, говоря: „таково положение дел, и оно не *изменится, пока люди будут назначать себе начальников и терпеть их господство*. Создайте общество из свободных и вполне равноправных рабочих, и в тот день, когда они захотят избрать себе правителей,—у них повторится та же гнусная комедия. Может

[1]) *Кропоткин*: Речи бунтовщика. М. 1919. 79-83. См. всю гл. о „представительном правительстве.

[2]) *Ostrogorski*: La démocratie et les partis politiques. 1912. 652. Здесь же см. описание всех избирательных махинации и плутократизма демократ. правительств.

быть будут больше подносить телячьих окороков, но ложь и лесть останутся в силе". [1])

Чем больше выборных инстанций, тем большим мошенником должен быть избранный, ибо тем больше он должен лгать и обманывать, раздавая обещания направо и налево, говорит Парето.

Испорченность и своекорыстность *всякого* правительства—не случайный факт. „Этики думают, заключает он, что испорченность правительства и его плутократизм—случайны, что они—результат захвата власти „бесчестными" людьми. Но дело обстоит не так. Не случайно власть достается человеку, а по выбору, как следствие организации" [2]).

Всякое правительство эксплуатирует в свою пользу и в пользу своих сторонников управляемых. Одни, подобно Цезарю, Сулле, Августу прямо и грубо раздают достояние граждан своим преторианцам и клиентам; другие, подобно демократическим политиканам, с большим или меньшим искусством распределяют его между своими сторонниками путем синекур, протекционизма и т. п. мер. О всяком правительстве, наказывающем мародера, можно сказать: I maggiori ladri il piccolo conducono (in carcere)—„Большие разбойники ведут в тюрьму малого". И это можно сказать о всяком правительстве, ибо „люди, которые правят, какова бы ни была форма правления, имеют в среднем определенную склонность использовать их власть для ее сохранения и злоупотреблять ею для приобретения личных выгод и доходов" [3]).

Отсюда вывод: режим, в котором „народ" выражает свою подлинную „волю", суть только жалкое пожелание, не наблюдавшееся никогда в действительности. Un reggimento in cui il „popolo" esprima il suo „volere"—dato e non concesso che ne abbia uno—senza clientele, nè brighe, nè consorterie, esiste solo come pio desiderio di teorici, ma non si osserva nelle realta, nè nel passato, nè nel presente, nè nelle contrade nostre, nè in altre".

Посему и „демократическая эволюция" состоит лишь в том, что демократическое правительство управляет главн. образом путем хитрости, обмана, синекур, клиентелы и протекций, а не исключительно путем голого насилия,—главного орудия управления не демократических правительств. Феодальные правительства средневековья правили, т.е. эксплуатировали население гл. обр. посредством силы вассалов, современные же демократии, являясь экономическим феодализмом, управляются главн. обр. махинациями, состоящими в искусстве политич. клиентелы. [4])

---

[1]) *Кропоткин*: Ibid. 84. См. тут же весьма меткую и правильную критику всего парламентарного режима. См. обоснованное подтверждение этих положений у *Pareto*: *Trattato*; т. II, 597 и сл. См. также работы синдикалистов, указанные выше, те места, которые посвящены критике парламентаризма и демократии.

[2]) *Pareto*: Ibid. 635, 641.

[3]) Илюстрацию к сказанному из деятельности современного социалистич. правительства Германии дает *Радек*, в ст. „*Прогнивший режим*", вскрывающий коррупцию „правящей клики" (дело Парвуса, Склярца, Штрауса) Известия Ц. И. К. 1920. № 65. Подобная коррупция, однако, свойственна в той или иной форме всякому правительству.

[4]) *Pareto*: 618-635.

Сказанного достаточно, чтобы считать ложью разговоры о равенстве в демократии, об отсутствии здесь расслоения на привилегированно-правящих эксплуататоров и эксплуатируемых, обделенно-подвластных.

Но может быть этих явлений нет и быть не может *при революционном правительстве, при „диктатуре пролетариата“*? Может быть здесь имеется подлинное равенство и правительство —приказчик, а не эксплуататор народа? Увы! И это мечты.

Тот же П. А. Кропоткин, М. Бакунин и ряд других авторов совершенно верно характеризуют и здесь положение дела. Вот его суть.

„Революционное правительство!“ Как странно звучат эти два слова.. Они противоречат друг другу, взаимно уничтожаются. Революция—это отрицание правительства, этого синонима порядка. И, тем не менее, нам беспрестанно говорят об этом „белом дрозде!“ Далее, Кропоткин анализирует „революционное правительство“ Парижской коммуны, избранное архисвободно, и оказавшееся негодным. Любое „революционное правительство“ „превращается в парламент со всеми недостатками буржуазных парламентов. Это „револ. правительство“ становится непреодолимым препятствием для революции, и народ должен отставить тех, которых он еще вчера приветствовал, как своих избранных. Но это уже не так легко. Новое правительство успело организовать целую иерархию администраторов для расширения своей власти и подчинения себе народа, теперь оно уже добровольно не уступит своего места. Стремясь удержать власть, оно... готово противопоставить силу силе, и, чтоб его свергнуть, надо снова взяться за оружие, произвести новую революцию. И вот революция распалась!.. Революция и правительство несовместимы“.

„Та партия, говорят они-(ревнители“ революц. правительства) которая свергнет правительство, захочет сама занять его место. Она захватит власть в свои руки и будет действовать революционным путем. Она примет все меры, чтоб обеспечить успех восстанию... Всем, кто не захочет признать ее власть—гильотина; всем, будь они из народа или буржуазии, которые откажутся подчиняться ее приказам,—тоже гильотина!“. „Вот как рассуждают будущие Робеспьеры, едко иронизирует Кропоткин по поводу таких оправданий, которые из великой эпохи (франц. революции) запомнили лишь период упадка и речи прокуроров республики“.

„Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какой-нибудь партии. Мы знаем, что революция и правительство несовместимы. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были ее намерения, ведет к смерти революции. Мы знаем, что идея *диктатуры есть зловредный продукт правительственного фетишизма, который всегда стремился увековечить рабство*... Давно пора распроститься с мыслью о революц. правительстве, неоднократно обманувшею нас. Пора понять, что правительство не может быть революционным. Нам говорят о конвенте. Но конвент, подобно всем правительствам,

был исключительно препятствием для созидательной работы народа". [1]).

Мудрено ли поэтому, что П. А. Кропоткин не без основания высмеивает идеалы революционной диктатуры, лелеемые многими социалистами, и характеризует их, как „нечто среднее между идеалом Бисмарка и идеалом портного, который мечтает получить место призидента в Соед. Штатах" [2]).

„Между революционною диктатурою и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке, не менее правильно говорит и Бакунин. В сущности же они представляют обе одно и то же *управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционны*, имея, как та, так и другая, результатом непосредственным и непременным *упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономическаго рабства народных масс*... Доктринерные революционеры, хотящие основать свою собственную диктатуру, всегда были и будут не врагами, а самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящих властей, пот. что желают занять их место". Вот почему Бакунин называет величайшим реакционером Робеспьера, „восстановителя общественных и реакционно-гражданских порядков во Франции", как таким же реакционером он считает Маркса и марксистов, мечтающих о диктатуре [3]).

В этих строках вскрыта сущность революционной диктатуры и показана вся утопичность чаяний, ожидающих от нее уничтожения дифференциации на эксплоатирующее правящее меньшинство и эксплоатируемое управляемое большинство. „Рев. диктатура" не уничтожает трагедии „молота и наковальни", а только переменяет актеров.

Что это так, это следует прежде всего из слов самих диктаторов и идеологов революционной диктатуры. Во первых, по мнению Маркса, Энгельса и Ленина, революционная диктатура означает «*государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат*» [4]). Раз есть *господствующий* класс, то значит есть и *подчиненный* класс; след., равенства нет, след., трагедия „молота и наковальни" не уничтожена; переставлены только актеры, и пьеса продолжает разыгрываться. Во вторых, идеологи революц. диктатуры ошибаются, утешая себя тем, что при такой диктатуре управляет большинство над меньшинством. Это фактически невозможно. „Семеро капралов и один рядовой" бывают только в сказках. Если властвует, выполняет правительственные функции боль-

---

[1]) *Кропоткин*: Речи бунтовщика. 109—117. Доказательства суждения о конвенте читатель найдет в книге того же автора: *Великая французская революция*. М. 1919 г. Passim XXXVI гл.

[2]) *Кропоткин*: Речи. 117—118. См. всю гл. о „революционном правительстве", блестяще вскрывающую суть всякой „революц. диктатуры".

[3]) *М. Бакунин*: Государственность и анархия. 1919 г. 239—240. 233 и passim.

[4]) См. *В. Ильин*: Гос-во и революция. 25.

шинство, то кто же будет содержать его и кем оно будет управлять? Если самим собой, то не нужно было бы совсем „правителей“, и чиновничьего персонала. Если же другими, то „управляющие“ (не на словах, а на деле) никак не могут быть в большем числе, чем подвластные. Они неизбежно составляют и составляли меньшинство. А раз так, то к ним вполне применимы слова Энгельса о чиновниках. „Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, *как органы общества, над обществом.* Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников“ и т. д. Это применимо ко всем чиновникам, вплоть до чиновников диктатуры. Наша диктатура достаточно красноречиво говорит об этом.

Что это явление возвышения правящих лиц над обществом неизбежно, следует из слов самого же В. И. Ленина. На 95 стр. его книги мы читаем: „*Все* граждане (в коммунист. госуд-ве) превращаются *в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие.* Все граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного „синдиката“[1]).

Одно из двух: или *все* граждане *самоуправляются*, тогда не нужно никакой власти, никакой диктатуры, тем более „вооруженной“, тогда нет никакой „службы по найму“. Если же все „граждане должны служить по найму, и именно „у вооруженных рабочих“, если последние будут нанимать, производить „учет и контроль их“ (См. 95, 93, 96 стр.), то значит нет самоуправления, а есть управление, нет равенства, а есть начальство (да еще вооруженное!); значит, последнее будет „нанимать“ граждан, а граждане становятся „служащими“ вооруженных правителей; граждане будут работать, а вооруженные диктаторы — „учитывать, контролировать“ и править. Чем же эта картина отлична от вечной картины „молота и наковальни“! Чем отличаются такие „вооруженные рабочие“ от всякого начальства? Только кличкой, больше ничем. В. И. Ленин невольно нарисовал картину верную и точную. Снимите кличку и перед вами картина самого буржуазного государства: по одну сторону все управляемые граждане, по другую—управляющее меньшинство, которое (будьте покойны!) сумеет эксплоатировать управляемых по всем правилам морали „волчьего зуба и лисьего хвоста“.

Пробежите всю историю, и вы не найдете ни одного случая, где диктатура „волею народа“ не была бы диктатурою над народом. Диктатуры пролетариата фактически всегда были диктатурой над пролетариатом. Всюду забравшее власть меньшинство отделялось от управляемых, создавало себе, своим клиентам и сторонникам привилегии, объявляло преступниками всех несогласных с ним и посылало их на эшафот, без различия класса, партии, имущественного положения и т. д. Так было и так есть.

Русская социальная революция—не является исключением из этого правила. Она оправдала все те опасности, на которые указывали анархисты. Уничтожила ли она расслоение управляющих

[1]) *Ильин:* Ibid. 95.

и управляемых?—Нет. Это признают и сами диктаторы.—По словам В. И. Ленина коммунизм не уничтожил буржуазии, а создал новых „буржуев -коммунистов“. То же в одной из своих речей принужден был признать и Зиновьев.

Уничтожила ли наша „диктатура пролетариата“ привилегии правящих и обделенность управляемых? Увы! Нет. Старая трагикомедия продолжается. Вместо равенства выросло во всем грандиозное неравенство, начиная с пирамиды „категории“ и кончая правами на жизнь, на личные блага: материальные и духовные (свобода мысли, слова, печати, неприкосновенность жизни и т. д.).

Сколько появилось всяких „ленных прав“ для различных групп населения сообразно их близости к властителям.

Быть может правит большинство?— Правит коммунистическая партия. Число ее членов в Петрограде не превышает сейчас и не превышало 16.920 [1]). 16.920 человек на миллионное население столицы—центра коммунизма! Если таково отношение властителей к подвластным в столице, то каково же оно во всей стране! По подсчету коммунистов все число членов их партии не превышает 600.000. О каком же большинстве здесь может быть речь!

Но может *быть этой пропасти и всех ее результатов нет в среде социалистических партий, ставящих своим лозунгом „равенство“?* Быть может здесь нет проблемы молота и наковальни? Увы! Она налицо и здесь. И здесь мы имеем царство феодализма и олигархии. С одной стороны—правящие привилегированные (лидеры, члены комитетов), эксплуатирующие управляемых, предпринимающие от их имени акты, сплошь и рядом идущие в разрез с желаниями последних, с другой стороны—это „водимое за нос“ большинство, такова картина „равенства“ в социалистических партиях. Последования Острогорскаго, Роб. Михельса, Gaetano Mosca, Фурньера, Reid'a, Pareto, Webb'ов, Сореля, Лагарделя и др. нарисовали нам такую вакханалию олигархизма в этой среде, что после появления их работ все красивые иллюзии приходится отбросить.

„Лидеры социалистов рассматривают массы, как пассивный инструмент в их руках, как ряд нулей, которые служат только для того, чтобы придать большее значение цифре, стоящей налево“ (т.-е. самим лидерам), так красноречиво характеризует положение дела Fournière, один из социалистов [2]). М. Я. Острогорский вскрыл нам во всей полноте ту же картину. Он показал нам, что партиями управляет меньшинство, Caucus, Boss, Machine. „Горсточка людей достаточна для того, чтобы создать могущественную организацию, обнимающую тысячи избирателей“ [3]). Во всех партиях Англии и Америки, в том числе и в рабочих, и в социалистических, все вершит маленькая группа лиц, (Caucus) или одно лицо (Boss), накладывающих на всех членов дисциплину, „водящих последних за нос“, делающих личную карьеру через партии, игно-

---

[1]) П. Правда. 1920. № 65. Ст. *В. Васильевского*.

[2]) См. *E. Fournière*: La Sociocratie, 1910 г. 117.

[3]) *Ostrogorski*: La démocratie. 157.

рирующих de facto волю большинства, изгоняющих из партии всех, осмеливающихся несоглашаться с ними, представляющих в большинстве лиц низкопробных, лицемеров и т. д. [1]). Ни о каком равенстве или отсутствии деления на правящих и управляемых не может быть и речи. Еще более яркую картину феодализма и олигархии специально в социалистических партиях вскрыл нам итальяно-немецкий синдикалист R. Michels в своей работе. Я отсылаю сомневающагося читателя к этим работам. Прочтя их он убедится, что я не занимаюсь клеветой, а говорю то, что есть на самом деле [2]).

Но быть может нет таких явлений в самих синдикалистских организациях? Не они ли всячески разоблачают политиканствующее меньшинство социалистических партий? Не они ли критикуют руководящую интеллигенцию? Не они ли противопоставляют синдикаты партиям и указывают, что таких явлений нет в первых?

Увы! Синдикалисты, указывая в чужом глазу сучек, не видят у себя бревна. Вся их идеология „сознательного меньшинства", все их учение о „селекционизме", вся их теория о насилии представляет такое бревно. Как не раз уже было отмечено, синдикалисты реформировали учение Ницше о сверхчеловеке. Их теория „инициативного меньшинства", имеющего право насильственно вести за собою большинство, есть перелицованная идеология абсолютизма и деспотизма. Суть та же, только актеры другие.

Какой идеолог абсолютизма и привилегированного меньшинства не подпишется под следующими фразами синдикалистов, доказывающими их отличие от демократии с ее принципом большинства.

«Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства. Не масса, тяжелая и неповоротливая, должна здесь высказываться, чтобы начать борьбу, как это имеет место в демократиях; не число здесь составляет закон и не количество является правилом, а образуется избранная (кем? самими? П. С.) группа (une élite), которая, в силу своего качества, увлекает массу и направляет ее на путь борьбы" [3]). „В отличие от

---

[1]) Такое явление было и в первом Интернационале, после Гаагского конгресса 1872 г. См. *Лавров*: Очерки по истории интернационала. 18 и сл. П. 1919. Вот, напр., характеристика Labour Party. „Malgré ses apparences démocratiques elle est dirigée par un petit comité, par un cercle intime, et il impose une discipline rigoureuse tant dans le pays q'u à la Chambre, où n'entrent que des candidats qui ont été agrées par le comité central de Londres et qui se sont engagés par écrit à voter selon le mot d'ordre du parti et non selon leurs lumières... En attendant, le Labour Party n'aura donc fait qu ajouter aux deux caucus existants (либералов и консерваторов), un troisième caucus, sans avoir affecté profondement la vie intérieure de partis".

Ostrogorski: Ibid. 154. См. всю книгу и в особенности 614—705 стр.

[2]) См. *R. Michels*: Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Democratie. Leipzig. 1910 г. Passim. *Pareto*: Trattato. т. I и II. *Borgata*: Democrazia ed oligarchia nelle organizzazione democr. Rivista ital. di sociologià. 1912. 664 и сл. Ряд данных того же рода дает работа: *Webb*'ов: Industrial democracy. 1897. *G. Mosca*: Elemente di scienza politica. 1896. *Reid*: Memoires of sir Weinyss Reid. 1905 г. См. далее работы синдикалистов: *Сорели*, *Лагарделя*, *Берта*, *Леонс*, *Лабриолы* и др., безпощадно вскрывающих эти черты в политических партиях социалистов.

[3]) *Lagardelle*: Le socialisme ouvrier.

безсознательного большинства демократии и догмы народн. суверенитета синдикализм противопоставляет этой догме права индивидов и принимает во внимание только воления, выраженные ими. Если проявленные воления весьма малочисленны, это жаль, но это не может служить основанием для аннулирования их мертвым весом (желаний) несознательных лиц" [1]).

„Какой деспот, какой тиран, какой диктатор, начиная с Суллы или Цезаря и кончая Кромвелем, Робеспьером, Наполеоном, Колчаком и др., не подписался бы подъ этими словами! Кто из них, в оправдание своей тирании, не сказал бы, что если слишком малочисленны лица, желающие добровольно итти за „ними, это жаль, но это не может служить основанием для аннулирования их диктатуры и тирании!"

Синдикалисты замкнули круг, идущий от абсолютизма чрез демократию к новому абсолютизму; чрез отрицание последней и реставрацию культа „героев" они снова возвращают нас к абсолютизму, к учению о привилегированном меньшинстве, „во имя блага большинства" (какой же деспот не говорит этих традиционных слов), насилующих это большинство и властвующих над ним. Наглядный пример того, к чему практически приводит такой культ меньшинства, дает следующее голосование на Амьенском конгрессе.

„Голосовали *против* заключений доклада *шесть* синдикатов, включающих 2696 членов (каждый синдикат имеет один голос, независимо от числа его членов).

Голосовали *за*: шесть синдикатов, имеющих всего 196 членов.

„Не правда ли? любопытный итог? 196 человек имеют такой же вес, как 2696 членов" [2]).

Это ли не старый путь абсолютизма и излюбленный способ деспотического управления. Если вы имеете силу—берите власть и делайте с „коснеющей в невежестве массой" что угодно. Все оправдано. Круг замкнут: от абсолютизма чрез демократию снова к абсолютизму.

После сказанного легко понять, что и здесь не приходится искать равенства и отсутствия расслоения на правящее привилегированное меньшинство и обделенное большинство. Синдикализм не только не уничтожает этой трещины, но он дает ей оправдание, служит ее идеологией.

После этого легко понять тот крик отчаяния, который вырывается из уст наиболее искренних социалистов. „Почему это насильственное меньшинство ведет социалистическую партию туда, куда она не хочет итти? От самого крайнего анархиста до самого настоящего парламентария все мы влачим одну цепь, цепь страха, что мы не окажемся достаточно передовыми. И все мы бежим вперед, бледные, растерянные в революционной панике, которая была бы смешна, если бы пропасть не была близка. Вернемся все к нашей обязанности—к служению демократии. А если нет, будем

---

[1]) *Pouget*: La Confederation général du Travail. Paris. 2 изд. 7. См. также: *Сорель*: Размышления о насилии. Passim.

[2]) *Чернов*: Теоретики романского синдикализма. CLXI—CLXII.

ждать жандарма!“ [1]) Синдикалисты, как видим, путь для появления жандарма уже расчистили.

Мало того. Синдикалистам свойственны все недостатки критикуемых ими социалистических партий. Признавая вполне правильным положение синдикалистов, что „всякое представительство есть измена“ (ogni rappresentanza è sempre tradimento), R. Michels говорит, что и сами они подвергаются той же опасности, ибо синдикаты основаны на том же принципе представительства. Кассир забастовочного комитета, секретарь синдиката, участник заговора, глава баррикады могут предать и вызвать разрушительные эффекты более легко, чем социалистический депутат или коммунальный советник. Далее, они так же легко подвержены „обуржуазению“, как и лидеры политических партий, ибо l'imborghesimento et il traviamento nascono dalla delegazione, а принцип делегации свойственен и партии, и синдикату“. Без организации синдикаты не могут существовать. Где дана организация, там дано представительство, институт делегации. Где дан последний, там дана олигархия, деление на управляющее, привилегированное меньшинство, и управляемое обделенное большинство. Таким образом, la democrazia produce il dilemma dell'oligarchia. *L'oligarchia è necessaria ed è fatale.* Ovunque vi sono le masse organizzate, ivi si impone la necessità di procedere per mezzo di delegazione. Chi dice organizzazione, dice differenziazione, dice un pugno di capi che parlano ed agiscono in nome dei tanti. Появляется неизбежно una minoranza condottiera и una maggioranza condotta. А дальше все идет заведенным порядком: „*вожди, сегодня являющиеся слугами их избирателей, трансформируются в абсолютных повелителей последних* (in loro padroni assoluti), *теоретически смещаемых и отзываемых, фактически же оказывающихся неотзываемыми в течение всей жизни*“. Эта несменяемость их об'ясняется консервативностью масс, мешающей смене их вождей „суверенными и автономными массами“. Если и бывает смена, то она означает только замену одного повелителя другим. В результате, и синдикальные вожди, вышли ли они из рабочих, или, как чаще бывает, из буржуазных рядов, неизбежно становятся олигархами; представители — пролетарии этой опасности подвергаются в еще большей степени [2]). В лучшем случае мы получаем только un cambiamento dell'oligarchia e non la fine definitiva del sistema [3]). Отсюда видно, что и синдикализм обладает теми же недостатками, которые он вскрывает у социалистов. И тут, и там, об'емно-правовое расслоение, олигархизм, неравенство, — неизбежны, фатальны, как фатальны они во всякой сколько-нибудь численной организованной группе. „Биологическое и социологическое исследование коллективной жизни устанавливает неизменяемый и постоянный

[1]) *Fournière*: La crise socialiste. Paris. 1908. 365. 371.

[2]) См. *R. Michels*: La crisi psicologica del socialismo. Riv. ital. soc. 1910. 365—376. *Его же*: Der konservative Grundzug der Partei-Organisation. Monatschrift fur Soziologie. 1909. Апрель · Май. *Его же*: Zur Soziologie d. Parteiwesens. 1910,

[3]) La crisi. 375.

факт социальной жизни: физические и интеллектуальные различия людей; меньшинство „наиболее приспособленных“, обладающих специфическими свойствами; невозможность триумфа всех; фатальность триумфа „наиболее приспособленных“, следовательно, немногих; всегда имелись и будут подвластные; всегда были и будут властители (maestri e padroni). Nel trionfo dei pochi e nella organizzazione gerarchica degli umani volori sta uno degli immutabili fatti in cui l'uomo sempre si imbatte quando — come il pescatore della legenda—esso si tuffa sotto l'inganevole superficie delle cose, e nell'ascoso seno dello oceano ricerca il fondo, e trova un mondo matteso [1].

В человечестве мы не видали и не видим ни одной, сколько-нибудь численной организованной группы, где не было бы деления на привилегированных и обделенных, на правителей и управляемых. Против этой фатальности не спасает ни социализм, ни синдикализм, ни демократия, ни коммунизм. Все революции, пытавшиеся водворить равенство, только меняли роли акторов, но трагедию неравенства не уничтожали. „Кто был ничем, после революции часто становился всем“, но под ним снова оказывался некто обделенный, новое „ничем“, которое в один день восставало против бывшего „ничем, теперь ставшего всем“, сбрасывало его, само становилось „всем“, под ним снова оказывалось новое ничем и т. д. Трагическая сказка „белого бычка“ или „золота и наковальни“ продолжается и до сих пор, с небольшими вариациями.

Лавров прав, говоря, что рабочее, социалистическое и синдикалистское движение вместо одной организации государственного насилия и принуждения до сих пор пыталось поставить другую. „Все политические союзы, образовавшиеся для борьбы с госуд. властью, были организованы на чисто госуд. начале, часто даже с более безусловным проявлением власти, чем в государстве, против которого боролся союз. Государственный элемент (в смысле принуждения властвующим меньшинством большинства) проникал и все планы рабочей социалистической организации, до сих пор предложенные“ [2] (коммун. манифест, лассальянцы, генер. сов. интернационала, организации анархистов и т. д.).

Итак, какую бы сколько-нибудь широкую и организованную группу мы ни взяли: церковь, государство, армию, партию, профес. союзы, вплоть до организаций социалисто-синдикалистских, провозглашающих равенство членовъ, везде мы видим расслоение на управляющее меньшинство и управляемое большинство. Раз дано это расслоение, тем самым дана в бо̀льшей или меньшей мере эксплуатация управляемых, насилие над ними, их обделение либо прямо, путем грубой силы, либо прикрыто, путем хитрости, лжы, лицемерия и обмана. „Либо волчий зуб, либо лисий хвост“, таковы вечные методы управления“ [3].

---

[1]) *Niceforo;* Il progresso. 547—48.

[2]) *Лавров*: Госуд. элемент в будущем о-ве. Лондон. 1876. 14—15.

[3]) В виде исключения бывают иногда „честные правительства“, пытающиеся управлять без насилия и хитрости. Но такие правительства импотентны и быстро низвергаются.

Легко понять поэтому, что юридические конструкции „должностных лиц“,—агентов или клиентов власти,—даваемые государствоведами и представителями административного права нашего времени, эти конструкции очень приятны и симпатичны, но, увы! они говорят больше о „чаемом и ожидаемом, чем о настоящем“.

Чиновников прошлого (агентов и органов власти) эти ученые характеризуют, как королей. „В отношении к подданному чиновники представляют короля и чрез него государство... Чиновник в отношении к подданному—это своего рода король: подданный должен безпрекословно подчиняться ему во всем, что он прикажет“ [1]). Таковы по их словам были члены правящего слоя в прошлом. За то, уверяют они нас, ничего подобного нет теперь. Теперь чиновник, власть имеющий, это социально-служебное лицо. Он тем и отличается от управляемого гражданина, что несет на себе ярмо общественного служения, от которого освобожден первый. „Существенный признак, отграничивающий понятие должностного лица от гражданина, современные административисты усматривают в мементе обязательности социального служения, выполняемого чрез посредство должностных лиц“ [2]).

Бедные президент, министр, и лидер партии! Какую тяжесть несут они! „Тяжела ты шапка Мономаха!“ Если бы поверить этим конструкциям, то можно подумать, что жертвой эксплуатации являются не управляемые, а правящие; что не первые были угнетаемы вторыми, а наоборот. Было бы очень хорошо, если бы так обстояло дело в действительности. Но увы! так не бывало и не бывает. Действительные отношения правящих и их агентов во всех организованных группах были и остаются такими, какими их рисует Mayer, а не такими, какими „конструируют“ их указанные административисты.

Так было, и так есть. „Общество свободно-хотящих и самоуправляющихся людей“ или общество, где правители были бы социально-служебными лицами, а управляемые — привилегированными дестинатарами, пользующимися безкорыстными трудами правящих —пока что миф и утопия (кроме разве немногих и немногочисленных по участникам ассоциаций).

Повторяя сказанное выше, мы можем снова подчеркнуть *трагедия человеческой истории в том и состоит, что длительно-существующие люди организуются, организуясь, они выделяют слой правящих; это выделение их означает появление расслоения на правящих и подвластных; его следствием служит захват ряда привилегий первыми и их сторонниками и обделение, эксплуатация вторых.*

Анархисты в этом правы. Чтобы избегнуть этого расслоения и его зол, нужно бесстрашно отрицать всякую власть. Анархисты в теории так и делают. Они последовательны. Остальные

[1]) *O. Mayer*: Le droit administratif allemand. т. I. 46. 1903.

[2]) *Елистратов*: Должностное лицо и гражданин. Вопр. админ. права. Вып. I, 82. См. также: *Duguit*: Traité de droit constitutionnel, т. I, 1911: 426—29, *Jèze*: Cours de droit public, 1914. 391. См. также: *Петражицкий* Теория права, т. II, § 47—50.

„освободители“ занимаются только перестановкой ролей „молота и наковальни“, а не уничтожением самого явления: поскольку они не отрицают всякую власть, постольку не уничтожают и всех последствий расслоения на правящих и подвластных. Замените госуд. власть синдикальной властью, имена переменятся, но не исчезнет ни насилующее меньшинство, ни насилуемое большинство управляемых. Операция уничтожения молота и наковальни сведется к перемене декораций и... только. Вот почему, выше было указано, что потентованное средство водворения земного рая, предлагаемое множеством спасителей, в лучшем случае представит частичный ремонт социальной храмины, но не заменит земной юдоли плача, борьбы и воздыханий божественным градом „социализированного или синдицированного Солнца“. Такие надежды пока что—утопия.

Утопией являются и мечты анархистов. Утопией потому, что их неорганизованное общество вольных людей, „без бога и без власти“, не может осуществиться в среде сосуществующих людей. Длительное сожительство последних порождает организованность общения, последнее вызывает к жизни правительство, регулятор взаимоотношений. А раз дано правительство, то даны и все те последствия, которые, по теории анархистов, фатально связаны с ним и которые они так ярко очертили.

Так было и так есть. Не будем здесь заглядывать в будущее. Скажем только: так повидимому будет, по крайней мере, еще очень и очень долго.

Итак, *расслоение на высших и низших, привилегированных и обделенных, частной формой которого является расслоение на властвующих и управляемых, во всех сколько-нибудь широких и организованных социальных группах, продолжает существовать между людьми в тысяче форм.* Это расслоение и вытекающая из него группировка людей в коллективы обделенных и привилегированных представляет расслоение sui generis, не совпадающее с другими.

В основе его лежит факт несходства людей. „Нравится это или не нравится, правильно говорит Парето, но факт тот, что человеческое общество не гомогенно, что люди различаются друг от друга физически, морально и интеллектуально; раз мы хотим изучать реальные явления, то должны учитывать это несходство“. [1])

При таком несходстве людей как ни переставляй их, неравенство, в частности, расслоение по привилегированности, в той или иной форме неизбежно выявится. Как не переставляй шары разной величины—их неравенство останется не по одной, так по другой линии.

Вот этот-то *факт привилегированности одних и обделенности других в том или ином отношении, иначе факт неравенства служит условием, вызывающим группировку индивидов в коллективы привилегированных и обделенных.* Привилегированность создает особую солидарность привилегированных, обделенность—солидарность последних. Различие первых и вторых вызывает антагонизм

[1]) *Pareto.* Jbid. II. 468.

между ними, проявляющийся как в мягких, так и в острых формах. Привилегированные стремятся сохранить свои привилегии, обделенные—уничтожить их. Сходство лиц в том или ином отношении влечет за собой сходство их интересов, вкусов, стремлений и идеологии. *Из факта привилегированности вытекают одни интересы, из факта обделенности—другие, противоположные первым.* Возьмите самую разнородную группу людей, нередко даже враждебных друг другу, наделите их рядом привилегий или обратно, обделите их в ряде прав, и вы создадите солидарность между всеми обделенными или всеми привилегированными, свяжете их связью общих интересов защиты своих привилегий или борьбы против обделенности, словом, создадите солидарное коллективное единство, члены которого будут в ряде случаев мыслить, чувствовать и действовать одинаково. Фактов такого рода—сколько угодно. Понаблюдайте за „очередями“. Когда кто либо хочет получить хлеб или билет вне очереди, такая претензия на привилегию моментально об‘единяет в одно целое всю пеструю толпу лиц, стоящих в очереди, вспыхивает единодушный протест против исключений и злостные чувства против „выскочки“. То же и всюду. Обделите избирательными правами различные категории лиц—и вы сделаете их солидарными в борьбе против обделенности, несмотря на их гетерогенность. Введите „черту оседлости“ для богача, бедняка, чернорабочего и банкира, еврея и француза,—и всех их вы свяжете этим в одно солидарное целое; все эти разнообразные лица будут единодушно бороться против такой „несправедливости“. Отсюда легко понять, что одной из связей, сплачивающих евреев в одно солидарное целое, была их обделенность в правах. Солидарность множества народностей России в борьбе за автономию и равноправие создана обделенностью их в ряде прав. И обратно, солидаризм аристократии, привилегированных во всех формах, начиная с аристократии Венеции, феодализма, дворянства и кончая аристократией комиссаро-коммунистической, есть следствие их привилегий. Пестрый конгломерат людей, наделенных ими, будет дружно и солидарно защищать их, каковы бы они не были, начиная с права внеочередного получения билета или полфунта хлеба и кончая исключительным правом выбираться в члены домкомбеда, совета, парламента, министерства. L'esprit de corps всякой аристократии—ее привилегии.

Неизбежное следствие отсюда—борьба между привилегированными и обделенными. Эта борьба происходит постоянно и принимает тысячи конкретных форм, начиная с мягких и незначительных и кончая крупными и острыми. *Типом ее может служить борьба за власть между властвующими и подвластными в государстве.* Всякое правительство со своими агентами хочет удержать власть, подвластные, обделенные, хотят сами стать на место правящих. Эта борьба постоянна и проявляется со стороны правящих в различных мерах: в подавлении мятежей, в убийстве „бунтарей“, в ссылке, в заключении, в обезврежении непокорных, порой в подкупе, в привлечении лидеров мятежа на свою сторону и т. д. Со стороны подчиненных она проявляется в их

критике власти, в борьбе за „народоправство“, за „равенство“, в проваливании кандидатов на выборах, в восстании, в мятеже, в революции, а также в стремлении стать из низших высшими, диффундировать в лагерь управляющих. [1])

Борьба правящих и подвластных в государстве, как сказано, есть лишь частный случай борьбы привилегированных и обделенных. Последняя происходит ежедневно в тысяче форм. Всюду, где мы видим борьбу *за равенство*, будет ли ею борьба за равенство в очередях, или за равенство распределения хлеба и других продуктов, или за равенство в области личных прав, всюду здесь дана борьба привиллегированных и обделенных. Борьба за всеобщее избирательное право, за неприкосновенность личности, за равное право в сфере „неот’емлемых“ (фактически всегда отнимавшихся) прав: в сфере свободы слова, печати, союзов, собраний, религии, языка, за право самоуправления, за равенство перед судом, за женское, возрастное и расовое равноправие, борьба против кастовых, рабовладельческих, сословных и классовых привиллегий, борьба против имущественных привиллегий, борьба за равенство личности, словом, все *индивидуальные и массовые движения, где дело идет о борьбе за равенство в том или ином отношении, все это различные проявления борьбы „обделенных и привилегированных“*.

История ими полна. Во всяком крупном общественном и революционном движении имеется этот вечный фронт борьбы. Борьба рабов во главе с Спартаком, народа с аристократией в Афинах, плебса с патрициатом в Риме, низших каст с высшими, крепостных с помещиками, негров с рабовладельцами, третьего сословия с феодалами, пролетариата с капиталистами и т. д. составным своим элементом имела и имеет борьбу обделенных с привилегированными. Исчезнув в одном месте этот фронт появляется в другом, перестав существовать в одной форме он воскресает в другой. И эти ricorsi не прекращаются до сих пор. Форма этого расслоения меняется, но суть его остается. [2]). *И чем резче, ceteris paribus, неравенство,*

---

[1]) Я сейчас не хочу касаться вопроса о характере и формах этой борьбы, об циркуляции и диффузии индивидов от одного слоя к другому, о вытекающем отсюда социальном отборе, о том, какие индивиды имеют шансы проникнуть в слой управляющих, и почему и т. д. Частью этих вопросов я коснусь ниже, подробно о них будет речь в „Соц. Механике“. Пока же отсылаю читателя к Лапужу, затронувшему эти вопросы в своих работах: Les selections sociales 1896 г., и L'aryen son role social, 1899, к *Аммону*, см. его; Die Gelellschftliche Ordnung und ihre Naturlichen Grundlagen 1900, и в особенности к работам Pareto, Колабинской и Sensini, более научно и правильно изследующим проблему циркуляции, ее значение для равновесия общества, передвижку социальных группировок и т. д. См. *M. Kolabinska:* La circulation des èlites en France. Lausanne. 1912. *Pareto*: Trattato т. II. 469 по 887. *Sensini*; Teoria dell'equilibrio di composizione delli classi sociali, Rivista ital. di sociologia. 1913. Сент.—окт.

[2]) Больше того. Парето прав, говоря: требование равенства в скрытом виде содержит в себе требование привилегий. „Низшие хотят быть равными высшим, но при этом не допускают, чтобы высшие были равны им“. С точки зрения логики разума—это non sens, с точки зрения логики чувств (управляющей поведением масс) это последовательно и говорит о том, что „требование равенства есть простое требование привилегий. Кто принадлежит к опред. классу и добивается равенства с другими классами, в дей-

чем сильнее его сознание, тем острее борьба, тем упорнее обделенные стремятся к уничтожению привилегий, привиллегированные—к их защите и сохранению.

Уничтожается ли и уменьшается ли с ходом истории это расслоение, т. е. увеличивается ли равенство людей, не будем обсуждать здесь. Это составит предмет исследования „соц. генетики". Замечу только, что утверждения эгалитаристов, к числу коих принадлежал и я сам [1]), если не вполне неверны, то требуют таких ограничений и оговорок, которые делают невозможными речи о прямолинейности процесса уравнения и об абсолютном росте равенства людей. История показывает нам скорее перемену форм неравенства, а не абсолютное уничтожение последнего. Исчезнув в одной форме, неравенство выпячивается в другой. Может быть, рядом с этим совершается и смягчение форм привилегированности и обделенности, но оно происходит столь медленно, процесс столь неясно выражен, что общество равных людей—равных de facto, а не на бумаге,—дело очень и очень далекого будущего [2]). Люди не перестанут стремиться к равенству, но не скоро им удастся поймать эту „синюю птицу". В момент, когда они будут думать, что вот-вот они поймали ее, она снова и снова будет выскользать из их рук, оставляя вместо себя чучело или ворону, и снова заставит ловить себя. Так было. Так есть. И так будет еще долго.

Большинство конкретных форм расслоения на привилегированных и обделенных в настоящее время принадлежит к категории *промежуточных* группировок; одни из них приближаются к типу закрытых, другие—к открытым группам. Циркуляция индивидов из группы в группу возможна, но в одних случаях она очень затруднена, в других—довольна легка.

Из различных групп привилегированных и обделенных особенно важное значение имеют те, которые охватывают большое число членов. Такими являются обычно ряд обделенных групп. Будучи солидарными внутри, они, однако, не всегда достаточно организованы. В силу этого, сепаратные движения обделенных легко подавляются

ствительности стремится получить привилегии по сравнению с последними". *Pareto*: т. I. 630. Частным подтверждением сказанного служит: „диктатура пролетариата". Пролетариат, как увидим ниже, представляет класс лиц, обделенных и подчиненных, имущественно-бедных, по профессии—фабрично-завод. рабочих, продающих свой труд. Раз он делается диктатором, т. е. властвующим, а не подчиненным, эксплоатирующим и экономически обеспеченным, а не бедным, то, очевидно, с точки зрения логики, он перестает быть пролетариатом. С момента взятия власти, „тем самым пролетариат уничтожает самого себя, как пролетариат", правильно говорит Энгельс.

См. *Энгельс*: Анти-Дюринг. 3-е нем. изд. 302— . Диктаторствующая группа и пролетариат—понятия логически несовместимые. „Диктатура пролетариата",—это логический non-sens, это „деревянное железо". И, однако, с точки зрения логики чувств, они отлично совмещаются. Требование равенства диктаторствующему пролетариату, занявшему место диктаторствующей буржуазии, ничуть не мешает сохранять свои привилегии и лишать их побежденного врага.

[1]) См. *Сорокин*: Проблемы соц. равенства. 1917 г.

[2]) Сказанное относится и к теории *Dupreel'я*, попытавшегося дать абстрактное доказательство закону равенства. См. *Duprеel*: Le raport social. Paris. 1912. 152—204.

привилегированными. Но по мере роста организации—историческое влияние таких групп на судьбы населения и других коллективов будет рости, выливаясь в формы или революций или широких общественных движений „мирной борьбы".

Группировка по религиозным верованиям.

Едва ли нужно доказывать своеобразность религиозной группировки и ее отличие от других. Не определяя здесь понятие религии и религиозной группы [1]), для нас достаточно будет „указать пальцем" на группы лиц, образующих в своей совокупности системы взаимодействия, носящие название „католической церкви", церкви православной, исламистской, буддийской и т. п., как на примеры религиозных групп или религиозных систем взаимодействия. Расслоение индивидов по таким группам не совпадает с линиями других элементарных группировок. Отлична религиозная группировка от: семейной, государственной (подданные одного государства являются „абонентами" различных религиозных систем взаимодействия, и обратно, „абоненты" одной религии—католической, православной и т. д.,—принадлежат к разным государствам) расовой, языковой, территориальной, возрастно-половой, имущественной, профессиональной, объемно-правовой и др. При „наложении" религиозного круга он не совпадает ни с одним из этих кругов. Линии религиозного расслоения идут своими путями, не совпадающими с линиями других расслоений. Некоторое сомнение может возникнуть в применении к партийной группировке. И религиозная, и партийная связь представляют, главным образом, связь идеологическую, соединение на почве сходных идей, теорий, убеждений и верований, на почве общего мировоззрения. Такой факт заставил некоторых исследователей считать партийные группы и религиозные группы за нечто однородное. Легко видеть, что для такого смешения нет оснований. Группировка индивидов в политические партии совершенно отлична от религиозной группировки. Это следует из того, что члены одной и той же религии обычно являются членами различных политических партий (напр., есть православные монархисты, кадеты, социалисты и коммунисты) и обратно, члены одной и той же политической партии обычно имеют в своих рядах лиц различных религиозных вероисповеданий (католиков, протестантов, евреев, православных, магометан, атеистов и т. д.). Не представляет исключения из этого правила и партия социалистов и партия коммунистов. Это следует прежде всего из основного принципа их программы, провозглашающего *свободу совести* и лозунг: *„религия—частное дело каждого"*. Несмотря на

---

[1]) Этим мы займемся в „соц. механике". Пока замечу, что лучшее определение религии (хотя и требующее поправок) принадлежит Дюркгейму. См. *Durkheim:* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris. 1912. См. *мои* статьи: Э. Дюркгейм о религии (Нов. идеи в социологии. № 4) и «Социологич. теория религии. Заветы. 1914. № 3.

тенденцию к атеизму, социалистические партии, вплоть до коммунизма, в конце концов, останавливаются на позиции религиозного нейтралитета, с одной стороны, с другой—принадлежность к той или иной религии не выставляют в качестве препятствия для вступления в их партию [1]). Из сказанного ясно различие партийной и религиозной группировок. Хотя, как увидим в учении о кумулятивных группах, определенные религии имеют тяготение и легко кумулируются с определенными партиями, и обратно; но это не мешает каждой из этих группировок быть группировками sui generis, отличными друг от друга.

Принадлежность к религии является одной из существенных координат, определяющих социальное положение и поведение индивида. Религиозные верования, как и другие верования, влияли и влияют на поведение людей. Не изучая здесь социальной роли религий (об этом речь пойдет в „Соц. Механике“ [2]), отметим просто данность этой группировки. *Общность религиозных верований создает солидарность sui generis между единоверцами, сближающую и об'единяющую их в единое целое, несмотря на различие их в других отношениях* (по профессии, имуществу, государству, партии и т. д.) И обратно, *различие религиозных верований способствует раз'единению индивидов, сходных между собой по другим группировкам.* Это раз'единение или отталкивание разноверных людей проявлялось и проявляется в истории в тысяче форм, начиная с ругани (напр., „еретик“, „нехристь“, „безбожник“, „выкресть“, „басурман“, и т. п.) и кончая преследованием инаковерующих, заточением их в тюрьмы, кострами инквизиции, религиозными войнами, (войны ислама, крестовые походы, походы против альбигойцев, вальденсов, вооруженная борьба католицизма с протестанством, преследование раскольников и т. д.).

Подтверждение того же факта притяжения и солидарности единоверующих и раз'единения инаковерующих, несмотря на сход-

---

[1]) *Бебель*, напр., в своей брошюре „Христианство и социализм“ об'являет их несовместимыми, „как огонь и вода“, но на Мюнхенском и Эссенском с'ездах партии, он же сказал следующее: „Велькер требует, чтобы мы ввязались в своего рода культурную войну. Но наша партия совершенно потеряла бы тогда свой характер и мы стали бы своего рода церковным собором. Каждый может верить, во что он хочет; как социал-демократ, он может быть и католиком, и материалистом, и атеистом; это никого в партии не касается... В вопросах веры мы должны соблюдать абсолютный нейтралитет и ничего иного, кроме нейтралитета“. *Protocoll über die Verhandlungen des P. T. der S. D. P. D. abgehalten zu München.* (1902 г.) *Berlin*, *1902. 244. Protokoll über... abgehalten zu Essen a. d. Ruhr. 1907. 340.* К тому же практическому итогу пришла и партия коммунистов. „Религия есть частное дело, должна быть обезпечена свобода верования“, читаем мы даже у неистового *Бухарина*. „Коммунизм не стесняет свободы религиозной совести, но и не поддерживает никакой религии“, так формулирует позицию коммунизма другой официальный комментатор коммунизма. А *Лацис* даже рекомендует „поддерживать в духовенстве то течение, которое идет на поддержку сов. власти“.

См. *Бухарин*: Програма коммунистов. П. 1919. 48. *Минин*: Религия и коммунизм. М. 1919. 9. *Лацис*: ст. в Изв. В. Ц. И. К. от 2 дек. 1919 г.

[2]) См. *Кидд*: Социальная эволюция, *Ф. де-Куланж*: Гражд. община древнего мира, Bouglé: Essai sur le régime des castes, *Дюркгейм*: Les formes elémentares и др.

ство последних по другой группировке (напр., по профессиональной), находим мы в наши времена и даже в среде, казалось бы, наиболее атеистического класса. Я говорю о пролетариате. Различие религиозных верований рабочих вызвало и вызывает в среде их особые группировки, не сливающиеся с остальными рабочими союзами и с линией политики остальных рабочих. Как известно, в Бельгии и Германии рядом с общерабочими профессиональными союзами существуют специально католические и протестантские рабочие союзы. Они не сливаются с другими профессиональными организациями рабочих, не всегда идут вместе с ними и их социалистическими устремлениями, часто отдают голоса не за социал-демократов, а за другие партии, в частности, католическую партию центра. По данным 1905 г. в Бельгии социалистические союзы рабочих насчитывали 94,151 членов, католические—17,814. В Германии конфессиональные рабочие союзы, возникшие в 90-х годах, к концу 1905 г. насчитывали около 207,000 членов [1]). В 1913 г. германские рабочие союзы дают такую картину.

Социалистические професс. союзы	2,573	тыс. чел.
Незав. союзы служащих	630	„ „
Незав союзы ж.-дор. и почт.-тел.	738	„ „
Христианские союзы (партия центра) . . .	343	„ „
Конфессион. катол. союзы (партия центра) .	283	„ „
Хозяйственно-мирные	274	„ „
Гирш-дункеровские (партия прогресс.) . .	107	„ „
Конфесс.-евангелич. (консерв. и нац.-либ.) .	81	„ „
Национально-польские	77	„ „
Незав. союзы рабочих	70	„ „
Анархо-синдикал.	7	„ „
Итого	5,391	тыс. чел. [2]).

Как видно отсюда, около миллиона рабочих состоит членами професс. союзов, в основе своей имеющих религиозный признак. Важность религиозных верований в этом отношении признают и сами социалисты. „Влияние церкви, говорит Каутский, растет... также и во многих кругах пролетариев. Число пролетариев, находящихся под клерикальным руководством, увеличивается“ [3]).

Если такие факты мы наблюдаем среди пролетариев—слоя наиболее атеистичного,—то, что же сказать о других социальных классах! Сходство религии „солидаризирует“, различие—раз'единяет. Недаром Дюркгейм, в своей прекрасной работе об „Элементарных формах религиозной жизни“, основную социальную роль религии

[1]) *Святловский* Op. cit. 57,107.

[2]) *Лурье:* Состав пролетариата. 10. То же подтверждают и др. авторы. „Католические рабочие в Германии гораздо менее протестантов доступны соц.-дем. пропаганде—религиозный интерес отталкивает их от соц.-демократии. Особенно много рабочих голосов (католиков) притягивает к себе католич. партия центра“. *Туг.-Барановский:* Основы 517,519.

[3]) *Каутский:* Очередн. проблемы междунар. социализма. 162—63. См. всю ст.: „Социал-демократия и катол. церковь“.

усматривает в создании, расширении и углублении солидарности между единоверующими. Будучи продуктом социальной жизни религия, раз появившись, сама становится одной из сил, влияющих на последнюю, и вызывающих как в поведении отдельных лиц, так и во всей общественной жизни, определенные эффекты, и эффекты весьма значительные. Одним из них является создание религиозного расслоения, установление солидарности между абонентами одной и той же религиозной системы взаимодействия и раз'единение абонентов различных церковных групп [1]). Так было в прошлом, так, до известной степени, обстоит дело и теперь. Религиозную группировку пока что со счета снимать не приходится. Принадлежность к той или иной религиозной группе—факт не безразличный для поведения индивидов: она вносит в последнее свои видоизменения, отклоняющие поведение индивида от тех направлений, которые диктуются ему другими социальными группами, к которым он принадлежит. Не учитывая этих „отклонений", вносимых религией, мы рискуем не понять поведение людей.

Больше того, не учитывая религиозной группировки мы не поймем ни хода общественных процессов, ни исторические судьбы населения вообще. Не поймем потому, что в ряду важнейших групп, из взаимоотношений которых создаются исторические события, *религиозная группировка была и остается одной из крупных сил, определявших и определяющих судьбы других важнейших групп, с одной стороны, с другой, влиявших и влияющих на жизнь и поведение населения вообще.* В ряду главнейших рыцарей (важных элементарных групп), вступающих друг с другом в борьбу и соглашения, и тем определяющих ход общественных процессов, числился и числится и тот рыцарь, который носит название религиозной группы. Он также участник исторического турнира. Выступая то защитником одних групп, то противником других, он влиял и влияет на победы и поражения других элементарных группировок, обусловливал и обусловливает в той или иной степени, и судьбу семейной, и государственной, и расовой, и имущественной, и других группировок или элементарных систем взаимодействия.

Для этого *религиозная группировка обладала всеми основными условиями влиятельной группы.*

Во-первых, *число членов важнейших религиозных групп громадно.*

Католическая церковь насчитывает около 231 миллионов членов, протестантская—143 миллиона, православная—около 100 миллионов, все христианские религии около 500 миллионов, конфуцианство—около 256 мил., индуизм—190 миллионов, магометанство—около 177 мил., иудейство—около 7 мил., политеизм—118 мил. [2]).

---

[1]) См. об этом, помимо работы *Дюркгейма*, *Кидд*: Соц. эволюция, *Зиммель*: Религия. М. 1909. *Гюйо*: Иррелигиозность будущего и др.

[2]) *Майр*: Статистика и обществоведение, т. II. 151. Каутский дает несколько иные цифры. „Три культурные общности, обнимающие громаднейшую часть мира, лучше всего разделить по религии, господствующей в каждой из них, говорит он. Мы имеем христианскую сферу культуры

Отсюда видна огромная численность важнейших религиозных групп.

Во-вторых, *религиозные группы организованы.* Каждая из них имеет свою „конституцию" и свой „кодекс законов" (символ веры, основные догмы, религиозные нормы поведения, иногда до деталей регулирующие жизнь верующих), свою власть—верховную и подчиненную, образующую весьма численный штат агентов религии (папа, синод, патриарх, далай-лама, и бесчисленное множество религиозных иерархов, правителей и чиновников—епископы, священники, жрецы, церковные служителя и т. д.); проведено здесь разделение функций и специализация, имеется богатый технический аппарат для воздействия на население и верующих (экономические рессурсы церкви, печать, пропаганда, школы, церкви, карательные меры—епитимии, отлучения, угрозы потусторонним наказанием и обещания наград и т. д.).

Все это, вместе взятое, делает религиозную группу организованной системой взаимодействия, стройной и хорошо налаженной машиной.

В третьих, *религиозные группы—группы солидарные.* Общность религии, как мы видели, создает солидарность sui generis между единоверцами.

Значит, важнейшие религиозные группы удовлетворяют всем основным требованиям исторически-влиятельного коллектива. Отсюда—неизбежный вывод: религиозные группы влияли и влияют на другие могущественные группы на судьбу населения и ход истории вообще.

Что религиозная группировка влияла на семейную,—это мы видели выше.

Под давлением первой последняя изменялась и изменяется. Церковь и религия реформировали и реформируют семейный институт (напр., борьба христ. церкви с языческими браками, с половым распутством, с полигамией, с невенчанными браками, с „незаконной" половой жизнью, и т. д.). Не учтя влияния религии мы и сейчас не поняли бы, почему христиане имеют моногамную семью, магометане—полигамическую.

Что церковь влияла на судьбы государств,—тому свидетельством ислам и средние века. Римская курия и папа здесь вершили судьбы государств и судьбы населения.

Что церковь оказывала влияние и на расовую, и на языковую, и на имущественную, и на об'емно-правовую, и на профессиональную, и на другие группировки, это также едва ли подлежит сомнению. Единоверие часто смягчало антагонизм разнорасовых или разноязыковых лиц, и обратно, разноверие вызывало антагонизм между однорасовыми и одноязыковыми группами. Влияние церкви на об'емно-правовое расслоение сказывалось и сказывается в многочисленных фактах распределения привилегий и „обделенностей", в зависимости от религиозной принадлежности лиц, в ряде

с почти 600 милл. членов, исламистскую с 250 милл. и буддистско-браманскую, насчитывающую почти 700 милл. членов". *Каутский*: Национ. проблемы. П. 1918. 37.

резких „мутаций“, когда с торжеством новой религии бывшие привилегированные, не принявшие ее, становились „обделенными“, а бывшие обделенные—последователи новой веры,—привилегированными. Церковная группировка влияла и на имущественное расслоение: характер религии вызывал и вызывает часто сосредоточение богатств в одних руках (монастырей, церквей, иерархов и агентов церкви, последователей данной религии и т. д.), и утечку их из других рук, т. е. религия определяла, из кого будет рекрутироваться слой богатых, и из кого— слой бедных. (Особенно интересны в этом отношении эпохи острой борьбы двух религий, напр., эпохи Юлиана и Константина в Риме и Византии, эпохи средневековья, реформация и т. д.).

Точно также влияла религия и на профессиональную группировку. Не учитывая роли религии мы не поймем, напр., кастовый строй с его закрытым и вечно-наследственным профессиональным расслоением [1]). Впрочем, к чему уходить далеко в прошлое. Выше мы видели, что религия влияет даже на профессиональную группировку современного пролетариата. То же приходится сказать и о влиянии религиозного расслоения на политически-партийную группировку.

Словом, религиозная группировка, испытывая сама воздействие со стороны других элементарных групп, в свою очередь, оказывала и оказывает воздействие на них. Судьбы всех их *взаимозависимы, функционально связаны*. Здесь дано *двустороннее*, а не одностороннее взаимодействие между группами [2]).

---

[1]) См. об этом: *Bouglé*: Essai sur le régime des castes. Passim.

[2]) В I томе „Социальной механики“ я покажу, что задача изучения социальной закономерности и сводится по существу к установлению функциональных взаимозависимостей, плюс—взаимозависимостей корелляционных (терминология проф. Пирсона) между различными рядами явлений. Старое учение о „первичном факторе“, как причине, и производных явлениях, как следствии, или дает частный случай функциональной связи, или является просто чепухой. Поэтому, странно читать в наше время такие заявления: „теория взаимодействия (в смысле двусторонней связи) находится в непримиримом противоречии с научно-философским понятием причинности... Для того, кто усвоил последнее понятие, ясно, насколько глубоко проникнуты метафизикой понятия „влияние“ и „взаимодействие“. *Н. Рожков*: Русская история, т. I. 1919. 12. Боюсь, что упрек Н. А. Рожкова придется возвратить по его адресу и сказать, что в своем понимании причинности и причинного анализа явлений он стоит на уровне науки лет 20—30 тому назад, а не на уровне современного научного (но не „философского“) понятия причинности.

См. *Пирсон*: Грамматика науки. Изд. Шиповник. *Мах*: Познание и Заблуждение. Пер. Котляра. 280 и сл. *Е. Е. Слуцкий*: Теория корреляции и элементы учения о кривых распределения. Киев. 1912. (Книга Слуцкого дает хороший отчет о теории и литературе (англо-американской) корреляции).

Yule: On the theory of correlation. Journal of the R. Stat. Society. v. LX. *Его же*: Les application de la méthode de corrélation aux statistiques soc. et econ. Bul. stat. XVIII. I. 537.—551.

Там же см. и литературу.

Pareto: Trattato, т. I. 1—62, т. II 479 и сл. (где дана математическая теория функциональной зависимости и ее применение в области социологии).
Sensini: Op. cit.

Не ставя своей задачей изучение религии, как фактора, и вызываемых ею эффектов (о чем речь пойдет в „Соц. Механике“), сказанного достаточно, чтобы признать: 1) *самостоятельность религиозной группировки и ее несовпадение с другими элементарными расслоениями,* 2) *социальную влиятельность религиозных коллективов на другие коллективы, на судьбу населения и на ход истории вообще.*

В ряду многих „фронтов“ истории фронт борьбы или соглашения одних религиозных групп с другими религиозными же группами, или фронт борьбы (и солидарности) религиозных коллективов с нерелигиозными группами (с семьей, с государством и т. д.) был и остается до сих пор одним из существенных „фронтов“, влиявших на другие фронты истории и на ход событий вообще. Религиозные войны и антагонизмы, борьба церкви с государством, религиозные преследования, борьба за свободу совести и за веротерпимость, крестовые походы, мирная религиозная пропаганда и т. п. крупные и „эффектные“ события, с одной стороны, существование самих религиозных групп, — с другой, бесчисленные „мелкие“ и „не эффектные“ явления, но явления, играющие важную роль (напр., зависимость рождаемости от религии, зависимость кривой самоубийств, преступлений, брачности и разводов от религии, и т. п.),—с третьей, все это делает несомненным самостоятельность и важность религиозной группировки. Императивы, исходившие из центра крупных религиозных групп (напр., от верховного имама, папы, патриарха и т. д.), как мы знаем, временами разрывали государства, единокровных делали антагонистами, друзей—врагами, чужих—своими, бедных—богатыми (и обратно), обездоленных—властителями (и обратно) и т. д.

Так было в прошлом. Так, в значительной мере, обстоит дело еще и теперь. Вопреки мнению многих „рационалистов“, религия еще не изжита и религиозная группировка еще не сдана в музей древностей. Живучесть ее в тысяче фактов дает себя знать и у нас, в наше революционное время. Надежды многих на то, что стоит „доказать“ ненаучность религии и... она исчезнет, преувеличены. Так было бы, если бы человек был существом вполне рациональным и логичным. Но, увы! (и это мы увидим в „Соц. механике“) человек еще очень далек от рациональности и логичности. Credo quia absurdum Августина является до сих пор не исключением, а нормальным явлением. Человек до сих пор представляет не столько Homo sapiens, сколько Homo credens. Меняются формы верований, но суть их остается. Посему, и религия обнаруживает живучесть несравненно большую, чем думают многие ревнители „науки“, „разума“, многие intellectuels (сплошь и рядом под видом „точных знаний“, преподносящие в свою очередь те же верования,—иные формы Credo quia absurdum,—ничего общего не имеющие с знанием и наукой!).

Не будем касаться здесь грядущих судеб религии и религиозного расслоения (об этом—в „генетич. социологии“). Пока оно живо, действенно и не может быть игнорируемо в ряду других элементарных группировок.

Партийная группировка.

Под политической партией разумеется „группировка индивидов для достижения политической цели“ [1]). Примерами таких групп могут служить у нас партии: монархистов, коммунистов, кадет, соц.-демократов, эс-эров, в Германии—группы, носящие название: социал-демократов, католического центра, либералов, в Англии партии: либералов, консерваторов, рабочая партия и т. д..

Группировка индивидов в политические партии—есть группировка sui generis, не совпадающая с рассмотренными линиями социального расслоения.

Что она отлична от группировок: семейной, государственной, расовой, языковой и возрастно-половой.—это очевидно. Что она отлична от группировки, религиозной—это мы видели выше. Более спорным, повидимому, является ее отличие от группировок имущественной, об'емно-правовой и профессиональной. Ряд лиц, особенно марксистов, склонны отождествлять партийную группировку с одной из последних. Напр., у Каутского читаем: „трем большим классам общества соответствуют и три большие партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты“. [2]) Ниже, в учении о кумулятивных группах, мы увидим, что несомненно имеется известное „сродство“ между определенными партиями, с одной стороны, и между определенными профессиями, или имущественными группами, или определенными об'емно-правовыми, с другой. Известные партии легко кумулируются с определенными, напр., бедными или обделенными или профессиональными группами. Другие, напротив, вербуют своих членов главным образом из богатых или привелигированных групп, или легко кумулируются с известными профессиями.

Константируя это соответствие, вместе с тем следует настаивать на том, что это соответствие далеко от тождества этих группировок с группировкой партийной. Линии их расслоения, сливаясь временами, в общем идут по своим путям, имеют свои „траэктории“, отличные друг от друга. [3]) Что это так, следует из того, во первых, что *в составе одной и той же партии имеются члены различных имущественных слоев, различных профессий и различных об'емно-правовых групп; и обратно: представители одного и того же имущественного слоя, одной и той же об'емно-правовой группы, одних или близких профессий, входят в состав различных партий.*

В применени к „буржуазным“ партиям это положение не может вызвать сомнения.

---

[1]) *Ostrogorski*: La démocratie et les partis politiques. 1912—642.

[2]) *Каутский*: Очередн. пробл. междунар. социализма. 15.

[3]) „Классификация Каутского, правильно говорит Bentley, может или не может быть свойственной в определенное время, определенной стране, но возводить три означенных класса и партии на степень перманентного элемента населения и приписывать их всем обществам нового времени,—это метафизика и претенциозный схематизм“. *Bentley*: The Process of government. 1908. 421.

Но оно применимо и к „социалистическим“ партиям, более однородным по составу.

В применении к германской социал-демократии, имеющей наиболее резко выраженный классовый характер, „вопрос был статистически освещен г. Бланком. Расчеты г. Бланка, относившиеся к выборам 1903 г. (исправленные и дополненные другими авторами), выяснили, что даже германская социал-демократия не может считаться вполне классовой партией—партией промышленного пролетариата, как она себя считает. С одной стороны, около трети торгово-промышленного пролетариата Германии (т. е. лица, сходные в об'емно правовом, имущественном и профессиональном отношении), голосуют не за социал демократов, а за кандидатов буржуазных партий. Особенно много рабочих голосов (католиков) притягивает к себе католическая партия центра. С другой стороны, далеко не все социал-демократические избиратели принадлежат к рабочему классу. По крайней мере полмиллиона голосов из числа поданных за социал-демократических депутатов принадлежит избирателям не рабочего класса. По крайней мере полмиллиона буржуа (т. е. лица, отличные от рабочих по имуществ., професс., и об'емно-прав. положению) голосует за ту партию, которая об'являет себя классовой партией пролетариата. Но германская соц.-демократия отличается наиболее однородным классовым сложением. Другие социалистические партии далеко отстают в этом отношении от немцев. Во многих странах социалистические партии всего более собирают голосов в тех районах, где промышленный пролетариат составляет ничтожную долю населения... Другие же (не социалистические) партии по своему классовому составу представляют нечто до того пестрое, что ни о какой однородности их классового состава не может быть и речи. И это ясно уже по огромным колебаниям числа голосов, подаваемых в разное время за ту или иную политическую партию: значительного изменения классового сложения населения страны не происходит, а между тем избиратель всей массой переходит от одной партии к другой, чтобы на следующих выборах опять вернуться к своим прежним политическим симпатиям“.

Так было и происходит в Англии и в других странах. „Все это показывает, совершенно правильно заключает Туган Барановский, до какой степени неверно обычное у марксистов отождествление политических партий с конституированными классами (т. е. с профессионально-имущественно-об'емно-правовыми группировками). Строго классовых политических партий совершенно не существует“. [1])

Тот же факт констатируют и другие исследователи вопроса. По оффициальному исследованию германскаго статистического бюро „Союзы хозяев, служащих и рабочих в 1913г.“ (изд. 1915 г.) германский пролетариат, об'единенный в профессиональные организации, принадлежит не к одной, а к ряду партий. Из 5.391 тысяч пролетариев, об'единенных в союзы, 2,573 тыс. входили в партию

---

[1]) *Туган-Барановский.* Основы. 516—517 *Blank.* Die sociale Zusammensetzung der socialdemokratischen Wählerschaft Deutschlands. Arch. f. Socialwissenschaft. 1905. кн. III.

соц.-демократов, 626 тыс.—в партию центра, 355 тыс.—в партию консерваторов и нац.-либералов, 107 тыс.—в партию прогрессистов, 7 тыс.—в об'единения анархо-синдикалистов, остальные—частью в различные, национальные, частью—в мелкие партии [1]).

Эта картина станет еще более рельефной, если учесть, что в профессиональные союзы об'единено только 27, 4% [2]) всего германского пролетариата. Из остальных 72, 6% пролетариата большая часть шла не за социалистами и по партийной принадлежности давала еще более пеструю картину. „Совокупность пролетариата, организованного в социалистические и синдикальные об'единения, едва составляет одиннадцатую часть рабочего класса", говорит R. Michels.

Эти факты достаточно определенно говорят о различии партийной группировки, со одной стороны, группировок: имущественной, профессиональной и об'емно-правовой,—с другой.

То же констатировано и рядом других исследователей. R. Michels в своей работе показал, что в составе социалистических партий имеется не мало лиц богатых и рядом с этим об'яснил причины такого явления [3]). Начиная с Жореса, Лассаля и Энгельса ряд лидеров социалистических партий принадлежал к числу лиц вполне богатых или, во всяком случае, более обеспеченных, чем большая часть пролетариата. Далее, большинство лидеров социалистических партий по профессии резко отличны от рабочих и крестьян. Ленин, Троцкий и Зиновьев, Керенский, Чернов, Гоц, Авксентьев, Дан, Мартов, Плеханов, Пешехонов, Мякотин и др. лидеры наших социалистических партий вышли не из среды рабочих и крестьян, никогда не стояли за рабочим станком или за сохой. То же приминимо к лидерам и заграничных социалистических партий. Если так обстоит дело с ядром партий, то что же сказать об ее рядовых членах [4]).

На ту же пестроту состава партий указывает и М. Я. Острогорский. Из его работы следует, что состав партий консерваторов и либералов, а равно и Labour party в Англии, рекрутировался и рекрутируется из лиц различных профессий, различных имущественных и об'емно-правовых слоев. Это следует уже из того, что для вхождения в партию достаточно заявления, плюс согласия вносить членский взнос (но фактически внесение необязательно) и плюс возрастное условие (15—16, 18—20 лет). Больше того, руко-

---

[1]) См. *Лурье*: Состав пролетариата. 10.

[2]) *Лурье*: Ibid. 9. Этот факт признает и В. Ленин, хотя цифры его не совсем, повидимому, точны. «Какова же наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов, спрашивает он. Один миллион членов партии с.-д. из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных—из 15 миллионов!» (в Германии.) *В. Ильин*: Государство и революция. 82.

[3]) См. *Michels*: Les partis politiques. (фр. пер.) 186—188.

[4]) „Все великие основатели социализма, агитаторы соц. идеи, как С. Симон, Фурье, Овен, Луи Блан, Маркс, Энгельс, Лассаль, Бакунин, и др. были выходцами из буржуазии и аристократии. Посему утверждение, что рабочее движение руководится исключительно лидерами-рабочими,—неверно" *Michels. La crisi. 374.*

водящее ядро (caucus) партии обнаруживает ту же пестроту. Caucusmen сходны разве только в том отношении, что интеллектуально они представляют посредственность, не терпят критики и независимой мысли и т. д. [1]) То же видим и в Америке. Тот же факт единогласно подчеркивают почти все теоретики синдикализма. „Я поистине изумлен, пишет Лагарделль, как могут люди, сохранившие чутье к экономическим реальностям, *сближать с классами, конгломераты людей, принадлежащих к самым различным классам*, сошедшихся со всех пунктов социального горизонта и об'единенных единственно лишь идеологической связью, каковыми является политические партии“ [2]).

То же говорят—и не без основания—и другие синдикалисты, подчеркивая, что синдикат—это об'единение классовое, партия — об'единение на почве сходства идеологии. Отсюда—их отрицательное отношение к партиям, об'единяющим разношерстную толпу людей, отличных друг от друга и по профессии, и по экономической обеспеченности, и по привилегированности и обделенности.

Различие партийной и профессиональной группировок следует и из того, что профессиональное движение шло под флагом беспартийности, что партийные и профессиональные организации—две вещи разные.

И в Англии, и в Германии, и во Франции профессиональные организации — одно, партийные — другое. Они резко различны. Английские тред-юнионы — внепартийны и отдавали голоса то за одну, то за другую партию. То же применимо, как мы видели выше, и к германским профессиональным организациям [3]). Что касается французских профессиональных союзов, то здесь внепартийность их особенно резка. Статья 1-ая статута „конфедерации труда“ гласит, что „элементы, входящие в состав конфедерации, должны находиться вне всяких политических школ“. Французский синдикализм резко враждебно относится к соединению профессиональных организаций с партийными и категорически настаивает на внепартийности первых [4]). „Как гражданин пролетарий может вести политическую борьбу вместе со всею демократией. Он совершенно свободен войти в любую политическую организацию, говорит Лагарделль. Но как производитель он не имеет другого выхода, как уйти в свои синдикаты, в свои биржи труда, создавать свои классовые институты“... „Французские синдикалисты устанавливают разницу между классом и партией, во первых, а затем между партийным и классовым организмом“ [5]).

---

[1]) См. *Ostrogorski*: Op. cit. Passim. 156 и сл. 164 и сл.

[2]) *Лагарделль*: La Confederation du Travail et le parti socialiste (M. S.) № 189—190, p. 105.

[3]) *Чернов*: Основн. вопросы пролетарского движения. См. об этом же *Туган-Барановский*: Основы. 575 и сл. Святловский: Ibid 236—8.

[4]) Этим об'ясняются жалобы даже таких лиц, как Жорэс, критикующих эту аполитичность и внепартийность позиции французской „Конфедерации труда. См. *Жорэс*: Избранные речи и статьи. СПБ. 1907. 169—174, 175—179.

[5]) *Лагарделль*: Op. cit. 254, 250 и passim. *Т. Барановский*: 288—89. См. также *Чернов*: Основ. вопр. пролет. движения, указ. выше работы: *Лебедева* и *Критской*, *П. Луи*, *Пелутье*, *Веббов* и др.

Наконец, к тому же результату приводит и наблюдение за русскими политическими партиями. Возьмите за последние десять—пятнадцать лет все русские политические партии, начиная с „союза русского народа“ и кончая социалистами и коммунистами, и вы увидите ту же пестроту. В каждой из них мы найдем лиц самых различных имущественных, профессиональных и об'емно-правовых положений. Крестьянин и помещик, рабочий и капиталист, члены „низшего сословия“ и „благородного дворянства“ входили (хоть и в разной пропорции) и в партии монархистов, и октябристов, и кадет, и прогрессистов, и социалистов... Всюду здесь была „смесь народов, лиц, племен, наречий, состояний!“ О той же пестроте партийного состава и несовпадении партийной группировки с расслоениями: имущественным, профессиональным и об'емно-правовым, говорят, как правильно указывает М. И. Туган-Барановский, чрезвычайно частые и легкие колебания массы избирателей при выборах. Как ниже мы увидим и как это понятно само собой, профессионально-имущественно-об'емно-правовой состав населения не может резко колебаться из года в год; эти группировки не столь подвижны и не могут резко изменяться в течение одного—двух годов. Между тем, партийные победы и поражения, подобно неустойчивым весам, колеблются весьма легко. В данный год население отдает свои голоса одной партии, в следующий—то же население бросается в об'ятия противоположной партии. Это явление (хотя и не ежегодно) мы наблюдаем за последние десятилетия и в Англии, и во Франции, и в Соед. Штатах, и в Германии, и в Италии, и в России и в др. странах. Особенно резко оно проявилось у нас в 1917 г. Во время первых выборов в городские и земские самоуправления выборы здесь дали полную победу социалистам-революционерам. Через несколько месяцев эс-эры потеряли половину своих избирателей. Очевидно, за 3—4 месяца имущественно-профессионально-об'емно-правовое строение русского населения не могло столь резко измениться. Партийная же перегруппировка, как видим, была коренная. Не представляет отсюда исключения и партия коммунистов. По своему составу, до последнего времени, она была также не монолитной. Несмотря на то, что она считается партией пролетариата par excellence, эта претензия требует ряда существенных оговорок. Во-первых, далеко не весь русский пролетариат (а тем более крестьянство) входило и входит в ее состав. Большая часть того и другого класса стоит вне партии коммунистов и входит или в иные партии или не состоит ни в какой. Во-вторых, ссылка на постоянство выборов в Советы за эти годы не может быть признана доводом. Не будем в научной работе лицемерить: секретом полишинеля является тот факт, что ни в Советы, ни даже в „домкомбеды“ выборов не было, а было просто замаскированное назначение (да и то не вполне: см., напр., „Инструкцию“ для выборов в „Домкомбеды“ от ноября 1919 г., где говорится: коли выберут жильцы коммуниста—выборы действительны, коли выберут не коммуниста—выборы кассируются. Откровенно и просто. То же повторялось при всех выборах. Да и о каких выборах может итти речь, когда к виску избирателя при-

ложен револьвер, а уста запечатаны, и т. д.!) Избиратели—огромная часть — или не участвовали в выборах, или терроризованные покорно выполняли приказ власти. Более важным аргументом в пользу однородного состава партии коммунистов служат опубликованные итоги анкетного материала. Согласно данным „Статистики Труда“ (№ 1—4), полученным на основе обработки 3.559 анкетных листов—членов комм. п. в Петрограде за 1918 г., из 3.559 членов рабочие и крестьяне составляли 81,5%, служащие—18,1, партийные профессионалы — 0,4% [1]). Если даже принять эти цифры за нечто, отвечающее действительности, то и то 18% членов (служащие и интеллигенты) составляют элемент, отличный от рабочих по профессии, имущественному положению и привилегированности. Но есть все основания полагать, что дело обстоит значительно иначе, чем рисуют его эти данныя. Во-первых, выводы получены только на основании ограниченного числа анкетных листов. Цифра — небольшая. Во-вторых, выводы касаются только Петрограда, где несомненно состав партии более однороден, чем во всей стране. В-третьих, и здесь, повидимому, дело обстояло иначе: если бы состав был столь однороден, то чем же вызваны были бы перерегистрации 1919 г. в Петрограде, в итоге которых, по заявлениям самих коммунистов, была исключена из партии в Петрограде чуть не половина всех членов Петр. организации („примазавшиеся“, главная часть которых падала не на рабочих). В-четвертых, кому же неизвестно, что ряд привилегий, вытекавших из принадлежности к господствующей партии, вызвал, особенно в 1918—19 гг., приток в ее ряды всех падких до „мамоны“. Все малощепетильное, привыкшее играть убеждениями с легкостью флюгера, всеми правдами и неправдами полезло в ряды коммунистов (это обычное явление — приток в ряды привилегиров. партии) и заняло в этих рядах весьма солидное место [2]). Всевозможные „спецы“, адвокаты и неудачливые журналисты, учителя и приказчики, бывшие торговцы и спекулянты, студенты и гимназисты, врачи, инженеры, лакеи и банковские служащие, вплоть до генералов и жандармов,— „все побывали тут“. Правда, их постепенно стали выкуривать. Но выкурить всех не так-то легко.

В силу сказанного, не представляет из общего правила исключения и партия коммунистов.

Все *предыдущее делает бесспорным отличие партийной группировки от других элементарных расслоений населения.*

Подобно другим группировкам, принадлежность к одной партии вызывает *особую солидарность между однопартийными людьми* или членами близких партий, с одной стороны, с другой—*антаго-*

---

[1]) П. Правда. № 286. 1919 г. По данным 1920 г. рабочих и крестьян было 82,2, служащих и интеллиг. профессий 17,8. П. Правда. 1920. № 65.

[2]) Это подтверждается косвенно и анкетой. Из 3,559 лиц, — старых большевиков, принадлежавших к партии до 1917 г., было только 18,5%, остальные 81,5% вступили в нее в 1917 и 18 гг. Не будет удивительным, если с укреплением Советской власти в партию коммунистов захотят войти новые сотни тысяч. Выросла же партия эс-эров в первые месяцы 1917 г.— в эпоху ее власти—до миллиона членов.

низм между членами различных и противоположных друг другу партий [1]). Отсюда вытекает зависимость поведения члена партии от последней. *Партийная группа в той или иной степени влияет на поведение своих членов*: она заставляет их держаться определенной линии поведения и избегать другой. Начиная с актов внесения членского взноса, посещения партийных собраний и митингов, порицания и восхваления тех или иных явлений, сообразно с приказами партий, и кончая актами выборов, отдачи своего голоса в пользу партийного кандидата, агитации и пропаганды, актами восстания и борьбы за идеалы партии,—все эти и тысячи подобных поступков вызываются фактом принадлежности к той или иной партии.

Партийная группа влияет не только на поведение своих членов, но и на поведение других коллективов, на ход общественных процессов и на судьбы населения вообще.

Это следует из того, что ряд партий имеет *большое число членов*, достигающее иногда нескольких сот тысяч. Во-вторых, из того, что *партия — группа организованная*. Она имеет свою конституцию и свои основные законы—программу партии. Эти законы, подобно „Своду Законов" госуд. группы, пытаются до деталей регулировать поведение своих членов. „Принципы или программа партии составляют догматическую веру, облеченную, подобно символу веры церкви, санкцией ортодоксии и неправоверия. Согласие с партией должно быть полное, нельзя отвергнуть из партии ни один пункт ее credo, как нельзя выбирать между догмами религии. Подобно церкви, берущей на себя заботу о всех духовных нуждах человека, партия стремится овладеть гражданином целиком. Согласие (la conformity) с credo партии становится единственным правилом политического поведения; партия сообщает, как религиозная вера, достаточную благодать и милость (la grâce) всем ее членам, настоящим и грядущим. Никакой акт партии, никакое дурное дело, совершенное ею, не может разрушить или погасить ее действенную добродетель, ни сообщить ее иной (иноверной) партии: партия управляется теологическим принципом наследственных заслуг и провинностей" [2]). Эти догмы или законы партии столь же повелительно диктуют поведение своим членам, как законы государства или догмы церкви. Пред лицом партии индивид становится ничем, он делается рабом большинства. „Гражданину... партия закрывает рот, об'являя, что его низкое (vile) мнение—есть посягательство на честь партии, на ее славное знамя, оскорбление ее правильного поведения". (Ibid. 634). Интересы партии, подчинение партийной дисциплине,—вот высшая заповедь партии, говорящая об организованности партийной группы. Другими признаками этой организованности партии служат: наличность верховной

---

[1]) Этот антагонизм различных партий столь силен, что Острогорский метко характеризует его, как „военное состояние" партии, а борьбу партий, как непрерывную гражданскую войну. Ostrogorsky. Ibid. 643, 647.

[2]) *Ostrogorsky*: Op. cit. 619.

партийной власти (центр. комитеты, лидеры партий, caucus, machine), наличность подчиненных партийных властей, ряд агентов, разделение функций между ними и т. д. Все это, вместе взятое, делает партию организованной группой par excellence [1]).

В-третьих, партия—группа *солидарная внутри*. Так как вход и выход из партий обычно свободен, вступают туда обычно добровольно, то солидарность однопартийных лиц следует уже отсюда. Но к этой естественной основе солидарности в современных партиях присоединяется множество искусственных махинаций, направленных на укрепление партийной солидарности. Агитация, пропаганда, ложь, лицемерие, синекуры и выгоды, разнообразные приемы партийных заправил и т. п.,—все это пускается в ход для надлежащей „обработки“ партийных членов. „Партия — выше всего“, „спасение и интересы партии—высший закон“, „партия—непогрешима“, — вот та идеология, к которой приучаются члены партии. Отсюда — партийный догматизм, отсюда превознесение партийной дисциплины, отсюда — недопущение свободы мысли и критики в партии, отсюда—превращение партийных членов в стадо баранов, слепо повинующихся своим лидерам и вожакам и т. д. [2]).

В итоге всего этого члены партии цементируются в одно солидарное целое, связанное естественными и искусственными узами солидарности.

Раз крупнейшие партии являются группами: численными, организованными и солидарными, тем самым они удовлетворяют условиям социально-влиятельной группировки, след., должны оказывать влияние на другие коллективы, на ход общественных процессов и на судьбу населения вообще.

Исторический процес и общественная жизнь подтверждают этот дедуктивный вывод. В странах, где партийное расслоение достаточно выявилось, влияние партий, особенно крупных, испытывают все другие группировки и все население в целом. Ни государство, ни семья, ни церковь, ни имущественные, ни профессиональные, ни расовые, ни территориальные и языковые группы не могут сказать о себе, что они свободны от давления партийных групп и не испытывают на себе их воздействия. Это так ясно, что не требует подробных доказательств. Для этой цели достаточно очертить влияние партийной группировки на государственную. Влияя на последнюю, чрез нее партийные группы влияют на все другие элементарные группировки и на судьбу населения вообще.

Принужден ли Рыцарь—Государство считаться в своих турнирах с Рыцарем—Партией? Ответ один—положительный. Факты—теория и практика т. н. парламентарных государств. Здесь государственная власть создается и низвергается ближайшим образом партиями. Директорами государственной фабрики (правительством) становятся члены победившей партии или партии, имеющей большинство в парламенте. „Суверенное государство“ оказывается зависимым от партий. Взяв в свои руки роль государственного Ле-

---

[1]) См. подробно об организации партий и партийном механизме у *Острогорского*: Op. cit. Passim.

[2]) См. факты у Острогорского и Михельса в цит. работах.

виафана, партия чрез государственную машину давит и на все другие коллективы: решает и определяет судьбы церкви и семьи, имущественных и профессиональных групп, изменяет расслоение привилегированных и обделенных, словом — в той или иной мере обусловливает жизнь и поведение всех других коллективов. „Партийное правительство“ — вот краткая сущность парламентаризма. Гамбеттовское: „on ne gouverne qu'avec son parti“, — такова иная формула парламентарных государств. Государство — Голиаф оказывается зависящим от ряда маленьких Давидов—политических партий. Эти факты общеизвестны, о них говорят все курсы „Конституционного права“. Это делает ненужным дальнейшее настаивание на этом пункте [1]). Влияя на государство и определяя линии государственной политики, партии влияют чрез него и на другие коллективы. Рядом с этим они влияют на последние и прямо, без посредства государства. Устная или печатная агитация, партийные листовки, газеты, брошюры и книги, лекции и митинги, ложь, лицемерие, насилие и т. п.—вот другие меры партийного воздействия. Пуская их в ход в пользу или против той или иной реформы, партия задевает и не может не затрагивать другие коллективы. Программа партии дает ответ на все; все, что с ней согласуется, партия будет поддерживать, что противоречит—будет разрушать. Экономическая программа партии затрагивает имущественные и профессиональные группы, политическая затрагивает государство, религиозная—церковные коллективы, правовая—об'емно-правовые, возрастные, половые и расовые группы, национальная программа — языковые группы, рабочая и земельная — профессиональные группы и т. д. Словом, партия, претендуя в своей программе дать ответ на все, не может не затрагивать других коллективов. Защищая, пропагандируя свою программу, она тем самым защищает группы, согласные с последней, критикует, подрывает и пытается уничтожить группы, ей неугодные. Как партия зависит от других групп, так и последние находятся постоянно под прессом партийного рычага. Исторические события и общественные процессы — равнодействующая взаимоотношений всех основных группировок, где свое место занимает и группировка партийная.

Влияя на другие группы, партийные коллективы тем самым влияют и на судьбу населения вообще. В странах, с развитой партийной жизнью от их влияния не ускользают ни партийные, ни беспартийные индивиды. Поведение и жизнь их в той или иной мере обусловливаются партийной группировкой. В этом влиянии партий и в их современной организации ряд исследователей видит трагический круг современной социальной жизни, основной источник ее недостатков и причину несовершенств демократии. „Индивид автономный, провозглашенный сувереном в государстве, стремится свести к себе, как к единому источнику, все отношения

---

[1]) См. подробности у *Острогорского*: La démocratie et les partis politiques, у *Джефсона*: Платформа, ее возникновение и развитие. СПБ. 1901 г., у *Ильберта*: Парламент. П. 1915, у *Соколова*: Парламентаризм, в курсах конституционного права М. Ковалевского и др.

публичной жизни, как конституционной, так и вне конституционной... Но, странное дело! Чем более он подвигается вперед, тем более он кажется приближающимся к своему исходному пункту". Вместо того, чтобы играть роль суверена, на самом деле он играет роль нуля в государстве. „Il n'exerce que le simulacre de la souveraineté dont on lui fait hommage aussi pompeusement qu'hypocritement; il n'a, en realité, aucun pouvoir sur le choix des hommes qui gouvernent en son nom et par son autorité; le gouvernement est un monopole". В силу этого, так наз. народные правительства служат не общим интересам, а интересам частным—своим собственным и своих клиентов; законодательство и администрация покупаются и продаются; публичные должности выставлены на аукционе и т. д. Общество, стремясь к максимуму счастья, максимума лиц,—не достигает своей цели. Очевидно, оно стоит на ложном пути,—такова суть этого трагического круга современной жизни [1]). Одну из основных причин его усматривают в современной организации партий. Распространение выборного начала сделало настоятельной потребность в свободных организациях, для выполнения выборной процедуры (регистрации избирателей, проверки полномочий, рекомендации кандидатов, отвода других и т. д). Партии взяли на себя роль посредника между избирателями и государством. Мало по-малу они овладели всей процедурой выборов; они, а не отдельный избиратель, стали подготовлять и решать исход последних. Группа людей, хорошо организованная, превратилась в диктаторов, в котерию, которая стала решать все и низвела влияние личности избирателя на роль нуля. Благодаря всевозможным махинациям и темным маневрам (la manipulation dans les trous et dans les coines), „интимный кружок", „горсть людей" (caucus), прокламируя „волю народа", ссылаясь на последнюю, de facto подменила и подменяет ее своей волей, общие интересы—своими интересами, суверенных избирателей — избирательными нулями. Отсюда—указанный трагизм современной общ. жизни [2]). Отсюда же и ряд других ее минусов. Во-первых, *партийный догматизм и партийное сектанство*, превращающее партию в род фанатической религиозной секты. Всякая независимая мысль, всякая критика партии душится. Свободы мысли и мнений нет. „Партия не позволяет спорить". „Дисциплина выше всего". „Во имя интересов партии все дозволено". Вместо живой, творческой мысли, воцаряется слепое сектантство, мертвая догма с верховным идолом—партийной дисциплиной. Во-вторых, *партийный отбор посредственностей и лицемеров*. Раз независимая мысль не терпится партией, то люди с творческим умом, с смелой независимой мыслью, честные с собой и с другими, или не входят в партию, или, войдя, выбрасываются оттуда, или в лучшем случае—остаются в меньшинстве. „Celui qui prend dans le caucus une attitude libre ou exprime une manière de voir personnelle s'y trouve généralement en minorité si infime qu'il n'arrive qu'à se rendre ridicule.

---

[1]) *Ostrogorski:* La démocratie. 614—615.
[2]) *Ostrogorski:* Ibid. 47—59, 618 и сл.

На-верх всплывают ничтожные люди и вместе с ними в партии начинает царствовать l'esprit de clocher étroit, mediocre, ramenant tout, hommes et choses, à sa mésure [1]). Эти посредственности, засев в центре партии, не терпят никакого противоречия. Верховным требованием их становится „подчинение воле партии", т. е. их собственной воле. Кандидат партии, осмелившийся вопреки их воле отстаивать интересы избирателей, об'является или вне партии [2]). Воля партии, воля избирателей, фактически подменяется волей этих заправил. Воцаряется олигархия посредственностей. В-третьих, в силу того, что партии, стремясь завлечь в свои сети избирателей, выставляют в своих программах множество пунктов, обещающих массе людей „молочные реки с кисельными берегами", пунктов самого различного содержания (программы omnibus), результатом такого стремления угодить всем является неопределенность, туманность, неясность и даже противоречивость программы, плюс— ее очевидная невыполнимость, плюс—смешение вопросов. „Вопросы смешиваются, как карты, и выдвигаются из множества пунктов программы то одни, то другие, по мере надобности шулерски подделывают те, которые вызывают несогласимые разногласия". В итоге, после выборов, остается подлинное мнение страны неизвестным. Место живого духа и живого единения одинаково мыслящих лиц занимает формальное об'единение вокруг печати и формального реноме партии. Партия из живого единства превращается в формальное об'единение лиц, преследующих различные цели [3]). Отсюда шарлатанство партий и невыполнение ими своих программ и обещаний. Отсюда, в свою очередь, следует падение творческого духа масс, низкая природа партийной солидарности, отсутствие равенства, безответственность партийных заправил и, наконец, подавление индивида партией, угнетение свободы мысли, общий индефферентизм, трусость и низость. Партийная солидарность при таких условиях сводится к пассивной кооперации, одухотворяемой не живым духом ассоциации, возвышающим души путем их об'единения, а простым l'esprit de corps,—общей ненавистью и презрением к врагам или фарисейским самодовольством, возбуждающим не столько коллективное сознание, сколько себялюбивую гордость, игнорирующую все побочное, вплоть до интересов истины и справедливости. Воцаряется индефферентизм и партийный догматизм. „Граждане легко голосуют за „желтую собаку", потому что она носит цвета партии. Они спокойно относятся к беспорядкам в публичной жизни, так как эти беспорядки санкционируются и покрываются партией" [4]). Граждане, убаюкивая себя мыслями о своем суверенитете, „исполнив свой долг",—опустив избирательный

[1]) Ibid. 161 и сл.

[2]) См. случай с Forster'ом, с Cowen'ом, с Чемберленом и др. „Caucus (партийные заправилы) требует политическую машину. Я человек, а не машина", ответил Cowen на требование подчинения caucus. Отказ повлек за собой (после насилия над Cowen'ом) необходимость удаления Cowen'a с политической арены. Caucus, как всегда, остался победителем. См. Ostrogorski. Ibid. 77—93.

[3]) *Ostrogorski:* Ibid. 620—21.

[4]) *Ostrogorski:* 628—630.

бюллетень, — перестают контролировать партийных дельцов. Последние, чувствуя свою бесконтрольность или зная чисто поверхностный и формальный контроль масс, забирают все в свои руки, вместо служения общим интересам начинают служить своим, из „приказчиков народа" делаются бесконтрольными повелителями. Прикрываясь волей народа они начинают сплошь и рядом действовать вопреки ей. Среди них воцаряется беспринципность, игра убеждениями, как картами. Политиканы, лицемеры, берут за правило приспосабливаться к массе в нужные моменты, лишь бы сохранить свое место и свою власть. Если нельзя взять „волчьим зубом", пускается в ход „лисий хвост". „Таковы мои убеждения, сказал один партийный оратор на избирательном собрании в Соед. Штатах, но если вы не одобрите их, я переменю их". Эта фраза метко резюмирует всю мораль партийных дельцов. Наконец, как мы видели, партия давит личность. Лицом к лицу с ней индивид оказывается нулем. Член суверенитета—гражданин-избиратель—оказывается скованным по рукам и ногам партией. Он бессилен. Он не смеет открыть рта для критики. Если откроет—изгоняется из партии, как еретик, как нарушитель великой „партийной дисциплины". Вне партии он не имеет веса В партии—уста его замкнуты. Вместо воспитания свободы партии приучают к рабству. „Жизнь партии это продолжительная школа рабского подчинения. Все уроки, которые гражданин получает здесь, суть уроки трусости и низости" (des leçons de lâcheté [1]). Идеал партии падает. Массы дурнеют. Живой дух партии заменяется партийным фетишизмом. Итог таков: „чем партия лучше организуется, тем больше она деморализуется, тем ниже падает общественная жизнь" [2]).

Таковы общественные минусы, вызываемые современной организацией партий. *Таково их общее влияние на жизнь индивида и общественную жизнь в целом*. Сказанное снова говорит за то, что партийную группировку не приходится игнорировать и исключать из числа важнейших элементарных группировок. Эти общие штрихи—несомненно верные и правильные—снова говорят о влиятельности партийного расслоения. В ряду многих фронтов истории борьба и соглашение партий друг с другом, с одной стороны, и с непартийными коллективами — с другой, в течение последних столетий составляли особый фронт, требующий учета. Пройти мимо его нельзя. Он имел и имеет свой вес в определении хода исторических событий.

Подчеркивая это влияние партийной группировки, *рядом с этим необходимо, однако, отметить, что это влияние не следует переоценивать*. Некоторые лица, в частности и неоднократно цитируемый автор „Демократии и политических партий", склонны к такой переоценке. Они впадают в общую ошибку идеологов одной группировки: подобно идеологам семейной, государственной, профес-

---

[1]) *Острогорский:* 634.

[2]) Ibid. 642. См. факты и подтверждение всего сказанного у *Острогорского:* Op. cit. Passim. и 614—705, у *Michels*'а: Op. cit. Passim., *G. Mosca*: Elementi di scienza politica. Torino. 1896, 68 и passim, и в др., указанных выше работах.

сиональной и др. группировок, они готовы все плюсы и минусы общественной жизни сводить к влиянию партий и ими об'яснять ход истории. Все предыдущее говорит об ошибочности такой переоценки. Несомненно, партийная группировка имеет влияние, но рядом с нею действует ряд других не менее влиятельных группировок. *Партийное влияние—одно из многих, и то едва ли первостепенное.* Несмотря на кажущуюся исключительную влиятельность, партийная группировка ограничена в этом отношении уже потому, что она группировка открытая или весьма близкая к открытым. Раз вход и выход из нее свободны, то численность ее членов или сочувствующих ей сохраняется и может сохраняться лишь до тех пор, пока политика партии в общем и целом совпадает с аппетитами, желаниями и вожделениями масс. В такой период партия „разбухает", в ее ряды происходит наплыв, ее численность ростет. Как только политика партии начинает расходиться с этими аппетитами масс, как только последние „на опыте" убеждаются в этом расхождении или в об'ективной вредности партийных принципов, наступает иной период, период „худания" партии, ее падения: массы перестают ей сочувствовать и поддерживать, начинается коллективный исход из рядов партии, число ее членов падает, в ней остается только ядро со своими ближайшими агентами. Потеря членов равносильна для партии потере ее социальной силы. Итогом ее служит или провал партии на выборах, а вместе с ним и потеря партией власти, или,—в эпохи вооруженной и насильственной диктатуры какой-либо партии,—вооруженное низвержение партийного деспотизма. Правда, благодаря хорошей организации партийного ядра, благодаря умелой политике хитрости и обмана, плюс — обладанию вооруженными силами и аппаратом, партия может сохранить свое влияние на некоторое время и при малом числе членов, и при расхождении ее политики с чаяниями и желаниями масс. Это время может быть более или менее длительным в зависимости от целого ряда условий. Но при всем том конечный итог один: или мирно, путем выборов, партия с вершин власти будет низведена на роль ничтожной общественной силы, или тот же результат наступит в итоге вооруженного восстания против диктатуры такой партии. Одна организованность партийной группы при этих условиях спасти ее не может. Не может спасти ее еще и потому, что в такие периоды „худания" партии, вместе с исходом из нее масс, уменьшается и солидарность внутри партии: растут в ее среде разногласия, обостряется внутрипартийная борьба, а это, в свою очередь, уменьшает силы партии и ее влияние.

К тому же выводу приводят и другие соображения. Прежде всего то, что все партии, в своей совокупности, охватывают далеко не все население. Не все люди входят в партии, не все проходят чрез горнило их влияния. Даже в странах с развитой партийной жизнью бо́льшая часть не только всего населения, но даже избирателей, остается вне партий. Так, в Англии, по свидетельству М. Я. Острогорского, „пропорция лиц, связанных с организациями партий, не превышает 8—10 процентов на каждую сотню избира-

телей". На партийных же собраниях едва бывает и половина этого числа [1]). Легко понять, что такое условие уменьшает вес партийной группировки. В то время, как семейная, государственная и др. закрытые и полузакрытые группировки охватывают почти все население, сети всех партий уловляют лишь 8—10 процентов избирателей.

Большинство населения живет не абонируясь в партийные системы взаимодействия. Поэтому, когда пускается ток из центра партий, он может приводить в действие лишь часть, а не все население. Следует, далее, учесть и тот факт, что партия начинает воздействовать на людей не с первых моментов их жизни, а обычно—в годы юности и зрелости. Она не столько формирует человека, сколько берет его готовым, уже сформированным. В отличие от семьи, государства и др. групп, человек поступает в партийную переделку не сразу. Не столько партия готовит человека, сколько человек, сформированный вне партии и не партией (а другими группами), в итоге избирает ту или иную партию. Влияние последней есть равнодействующая влияния тех групп, которые были „пестунами" и „воспитателями" человека с первых моментов его жизни. Каковы были последние, тако ой будет и партийность человека. Правда, с момента появления и конституирования партии, она сама становится „центром сил", но количество и качество этих сил, как мы видели, зависит от других групп.

Сказанного достаточно, чтобы признать переоценку влияния партий, а тем более,—приписывание им исключительной социальной роли, ошибочными. Партийную группировку можно сравнить с кавалерией. Аттаки и действия ее эффектны и красочны; в подходящие моменты они вызывают большие пертурбации в стане врага; но итог и сила кавалерийской аттаки зависит от артиллерии и пехоты. Если она будет поддержана последними, то результаты аттаки будут существенными; если нет — они исход боя решить не способны.

Вот почему предлагаемые рецепты,—сами по себе очень резонные,—улучшения и изменения партийной организации, могут дать те или иные улучшения, но они не являются всеспасающими лекарствами, исцеляющими население от всех бедствий. Одним из таких рецептов является предложение М. Я. Острогорского, сводящееся к замене современных партий с их универсальными программами omnibus, ассоциациями индивидов *ad hoc*, в виду *одной, совершенно определенной и ясной цели*. „Мудрое и справедливое решение социальных вопросов, говорит он, встречает одно из главных препятствий в современном режиме партий, в политическом торгашестве, заботящемся только о своей лавочке". „Партия должна перестать быт амальгамой групп и индивидов, об'единенных в фиктивном согласии и должна стать ассоциацией, однородность (и солидарность) которой гарантируется единственной целью. Le parti qui maintenait ses membres comme dans un étau, une fois qu'ils y étaient entrés, ferais place à des groupements qui se

[1]) *Ostrogorski:* Ibid. 156.

formaient et se reformeraient librement, selon les problèmes changeants de la vie et les jeux d'opinions que ceux-ci ameneraient. Des citoyens qui se seraient séparés sur une question feraient route ensemble sur une autre question"[1]). Такова суть предлагаемой им реформы.

Плюсы ее ясны и бесспорны. Замена „твердых", „закостенелых" партий с их универсальными программами, такими временными ассоциациями ad hoc, преследующими достижение одной определенной цели, ведет: 1) к большей эластичности соц. жизни и соц. группировок, 2) уничтожает войну и военное состояние между партиями, 3) ведет к разрушению партийного фетишизма, 4) развивает и повышает сознательное отношение граждан к общественным делам и к вотированию (ибо одна конкретная цель понятна всем, тогда как длинные партийные программы вносят в головы масс только путаницу, туманность и возможность „морочить их" партийными дельцами), 5) уничтожает подавление личности партией и партийное рабство, 6) заставляет вождей такой ассоциации более добросовестно исполнять свои обязанности, ибо облегчает контроль за их действиями, 7) тем самым уменьшает партийное лицемерие, партийную олигархию, морализирует политиков, освобождает и уравнивает личности, словом—всесторонне оздоровляет общественную жизнь и массы. „Из'ятый из-под морального принуждения, производимого на него традицией „партии", пришедший (débarassé) в себя от кошмара формальности (de la regularity), давившей его воображение, гражданин, которого до сих пор мы видели согнутым пред числом (courbé devant le nombre), устрашенным и испорченным (lâche), сможет выпрямиться и получить доверие к самому себе"[2]). Примером таких ассоциаций могут служить Tariff—Reforme League, Budget League в Англии и др.

Вполне присоединяясь к этим положениям и признавая (см. ниже), что такая трансформация партий должна неизбежно наступить, тем не менее, я не могу думать, что такая реформа даст подлинный *habeas animum*, о котором говорит М. Я. Острогорский. Завоеванию habeas animum она будет способствовать; но не уничтожит ни других форм олигархии и неравенства, ни ряда социальных расслоений, лежащих вне области партийного расслоения, ни антагонизмов и борьбы, вытекающей из вне партийных и даже не идеологических группировок и расслоений[3]). Впрочем, это признается и самим автором „Демократии и политических партий", ибо предлагаемая им реформа, по его словам, не гарантирует полное уничтожение формализма, а только его уменьшение; она не превратит человека из существа, руководимого слепыми импульсами и чувствами, в существо вполне рациональное, но будет способствовать росту разума и влиянию рациональных мотивов на поведение масс[4]). Против этих положений не приходится возра-

[1]) *Ostrogorski:* Op. cit. 647 - 648.
[2]) Ibid. 650 и сл.
[3]) См. об этом *Wallas*: Human nature in politics. 1908.
[4]) *Ostrogorski:* Ibid. 715.

жать. Они правильны. Но из них то и следует, что улучшение партийной организации может дать ограниченные эффекты.

Довольствуемся сказанным в характеристике партийной группировки.

Группировки в зависимости от характера и содержания психических, идеологических, чувственно-эмоциональных и волевых запросов личности и остальные свободные группировки.

Ряд очерченных выше группировок, само собой разумеется, не исчерпывают всех линий расслоения населения. Помимо их в населении нашего времени имеется множество более мелких групп, в которые об'единяются индивиды и в которые они входят в качестве вольных абонентов.

Из таких групп упомянем прежде всего ряд об'единений психического характера. Хотя религиозная, партийная и отчасти языковая групировки носят также психический характер, однако психические группы ими не исчерпываются. Ряд познавательных, чувственно-эмоциональных и волевых запросов личности не находит в этих группах полного удовлетворения, с одной стороны, с другой—требования самой социальной жизни заставляют создавать целый ряд ассоциаций, отличных от религиозных и политико-партийных коллективов. Можно быть католиком или протестантом, но это ничуть не мешает принадлежать, напр., к „обществу ревнителей физики или истории". Можно быть социалистом или консерватором, но это не исключает возможности быть футуристом или натуралистом в искусстве. Среди лиц разных религий и разных партий имеются члены „вегетарианского союза", или „нео-мальтузианской лиги", или «общества защиты детей" или „любителей музыки или гребного спорта". Словом помимо расслоения населения на религиозные и политико-партийные группы имеется еще множество групп sui generis, отличных от первых. Если каждая из них и не играет столь важную роль в социальной жизни, как предыдущие, то все же некоторую роль они играют и для полноты картины общественного расслоения (а соответственно, и для полноты системы социальных координат) заслуживают упоминания.

В применении к ним можно то же сказать, что и к предыдущим группировкам, а именно: *сходство лиц в интеллектуальном отношении* (в об'еме и качестве знаний и верований), *в чувственно-эмоциональном и в волевом делает их в общем и целом солидарными друг с другом и преднамеренно ли, или непреднамеренно, вызывает единство действия, сходные акции и реакции с их стороны, иными словами, это сходство (в той мере, в какой они сходны) заставляет их стремиться друг к другу, одинаково мыслить и желать, одинаково веровать и действовать.*

Это вызывается тем, что, как увидим в „Соц. Механике" [1]),

[1]) См. также *Сорокин:* Учебник социологии. 1920. Гл. о соц-псих. факторах.

знания (точные и об'ективно-истинные идеи и их комплексы) и верования (идеи об'ективно-ложные, но суб'ективно кажущиеся истинными), чувства и воления влияют на наше поведение и определенным образом обусловливают наши акции и реакции. Одинаковые знания, верования, чувства—эмоции и воления (ceteris paribus) вызывают одинаковые эффекты в поведении разных лиц, увеличивают социальный конформизм и солидарное тяготение подобных к подобным, с одной стороны, с другой — отталкивание, отслоение, антагонизм и борьбу несходных лиц друг с другом.

Примерами таких коллективов могут служить прежде всего *научные и наукообразные общества, ассоциации и об'единения*. Таковых в каждом культурном населении не мало. Научные общества и ассоциации физиков, химиков, ботаников, зоологов, математиков, геологов, астрономов, психологов, философов, экономистов, историков, социологов, юристов и т. д. и т. д., примеры таких ассоциаций. Всевозможные „кружки для самообразования", школы и университеты, академии и научные институты, лиги знания и популяризации последнего,—другие примеры таких научных и наукообразных об'единений. Ассоциации „позитивистов" и „мистиков", „рационалистов" и „интуитивистов", „марксистов" и „идеалистов" „теософов" и „материалистов" и ряд других идейных течений и ассоциаций,—третий пример таких группировок. Легко видеть их отличие от предыдущих крупных группировок. Они не сливаются с ними и не покрываются ими.

Конечно, социальное влияние каждой из подобных групп относительно и непосредственно не столь велико, как рассмотренных элементарных коллективов. Во первых, каждая из них обнимает сравнительно небольшое число членов. Во вторых, они не имеют обычно в своем распоряжении ни вооруженных сил, ни тюрем, ни эшафота, ни других мер принудительного воздействия. В третьих, они ассоциации относительно свободные: вход и выход здесь обычно открыты для желающих лиц, интересующихся соответственными науками, желающих и могущих работать в их области. В третьих, индивиды входят в такие ассоциации уже взрослыми. Они не влияют на их поведение (кроме школы и кружков для молодежи) с ранних лет и не ставят своей непосредственной задачей (научные об-ва) перевоспитание и изменение их поведения. В силу этих условий непосредственное социальное влияние каждой научной и наукообразной ассоциации не столь велико, как очерченных элементарных групп. Но было бы ошибкой, если бы это влияние мы сочли ничтожным, в частности, влияние научных (в собственном смысле) ассоциаций и групп. В применении к ним количество членов группы заменяется, так сказать, их качеством, отсутствие непосредственного социального влияния—влиянием посредственным, проникающим во все поры общественной жизни. Давая средства подлинного воздействия на вещи—на явления природы—и воздействия прямо не столько на людей, сколько на вещи,—на внешнюю среду населения—знание и научные (а не наукоподобные) ассоциации весьма чувствительно влияют на все группировки, на судьбу

всего населения, на весь ход истории. Это влияние не заметно с первого взгляда; силы, создаваемые ими, не вызывают моментальных эффектных потрясений и переворотов, но при более вдумчивом наблюдении их работа заставляет считаться с собой всех людей. Изменяя вещи, научные ассоциации косвенно изменяют все поведение и всю жизнь населения. Примером и подтверждением сказанного может служить влияние физико-химических знаний, создававшихся и развивавшихся рядом научных групп в течение последних полутораста лет. Если бы не было соответственных знаний, развивавшихся путем научного общения лиц и групп, почти единственным источником энергии для человека была бы живая сила человека. Не имея надлежащих знаний, люди, как в древности, не сумели бы утилизировать ни силу пара, ни силу электричества, ни другие источники энергии. „Фундаментом экономического прогресса в древности является энергия рабов".

„Какую же энергию может дать человек-машина? Свободный человек в 10 час. рабочий день может произвести работу в 290,000 килограммометров, что соответствует 8 киллограмомметрам в 1 сек. или мощности в $^1/_{10}$ лош. сил. При таких условиях для движения маллетовского локомотива, развивающего 3000—4000 лош. сил, понадобился бы труд 30,000 людей, несущихся со скоростью экспресса, для электрической передачи мощности в 250,000 лош. сил от водопадов Замбези на расстояние 1100 колометров, в мины Наталя, током в 150.000 вольт, потребовалась бы работа 2,5 миллионов людей, моментально переносящихся на 1000 верст. Вся мощность энергии, благодаря знаниям утилизируемой теперь людьми, исчисляется в 20 миллиардов лош. сил. В переводе на человеческий труд это означало бы труд 200 миллиардов людей, трудящихся по 10 час. в день за совесть. „Обратив все население земли, (равное приблизительно $1^1/_2$ миллиардам) в рабов, прекратив все другие виды деятельности, мы не получим (и сотой части) той механической мощности, которая дается техникой, созданной современным физическим знанием". „В течение миллиона веков природа довела население земли до $1^1/_2$ миллиардов, а буйный разум физических наук в полтора столетия создал человеку в сто с лишним раз большее число сотрудников" [1]).

Учитывая что в наше время рост знаний совершается главным образом в процессе коллективного научного взаимодействия, совершающегося в многочисленных научных ассоциациях, последние мы можем рассматривать, как лаборатории знаний. Влияние, оказываемое знаниями на социальную жизнь,—что весьма ярко доказывается указанным примером влияния физ.-хим. знаний,—может быть относимо к влиянию научных ассоциаций и групп. Их работа незаметна с первого взгляда, но при более вдумчивом наблюдении, она оказывается действенной и достаточно могучей. Вся совокупность таких научных групп, взятая в целом, в культурном населении имеет свой удельный вес и свое значение. И чем их больше, и чем качественно они лучше, тем социальное влияние их значи-

[1]) *Н. А. Умов*: Физические науки в служении человечеству. Природа. 1913. Февраль. 149—160.

тельнее, тем более принуждены считаться с ними все группировки. 19 и 20-й век показывают, что влияния их не может избегнуть ни один из крупных элементарных коллективов. Совокупность научных ассоциаций, имеющихся в данном населении, оказывала давление на семейную, государственную, религиозную, имущественную, об'емно-правовую и др. группировки населения. В их взаимных отношениях и борьбе больше шансов на победу имели те группы, которые, при прочих равных условиях, обладали большей суммой знания, а след., более считались с данными научных об'единений. Если в течение этих столетий наблюдалось падение влияния исторических религиозных групп, то часть вины или заслуги в этом деле принадлежит и работе научных групп. Если с 17 и 18 в. в. мы наблюдаем ряд изменений в экономической области, повлекших за собой перегруппировку населения, то здесь опять таки свою роль играли научные открытия, а след., и научные ассоциации.

Не останавливаясь подробнее на доказательстве их значения ограничимся сказанным. Несомненно одно: 1) то, что группировка индивидов в научные и наукообразные соединения существует; 2) что эта группировка не совпадает со всеми вышеочерченными; 3) что она играет свою роль в определении судеб населения и влияет, если не прямо, то косвенно, на другие группировки, 4) что для ряда индивидов социальная координата, определяющая их важную роль в крупной научной ассоциации, является сущестенно важной и придает им вес подчас весьма значительный, (напр., „директор Пастеровского Института“, председатель „Лондонского Королевского Общества“, „член Французской Академии Наук“ и т. д.)

Рядом с *научными и идеологическими* группировками в современном населении существует множество группировок, вызванных к жизни *чувственно-эмоциональными потребностями* людей. Примерами их являются самые разнородные группы и общества, начиная с постоянной компании собутыльников, „любителей охоты“ или общества футболистов и т. п. и кончая множеством эстетических об'единений и течений: эстетические школы натуризма, романтизма, футуризма, кубизма; „общества любителей“ музыки, живописи, сценического искусства, балета и т. д., в которые группируются индивиды, сходные в этом отношении.

В населении культурных стран имеется множество групп такого рода. Если не все, то часть индивидов абонируется членами таких коллективов, солидаризируется друг с другом, отдает им часть времени и сил, об'единенными усилиями частично влияет на поведение не членов таких обществ и фактом участия в них сама обусловливается в своем поведении.

Далее, рядом с ними в современном населении имеется множество свободных ассоциаций (или расслоений), имеющих *волевой характер и вызванных фактом совпадения волений ряда лиц и стремления их к осуществлению совокупными усилиями определенной общей цели.* Таковы множество групп, начиная с какого-либо вольного кооператива, акционерной компании, ревнителей нео-

мальтузианства, вегетарианства, с „общества покровительства животным“, и кончая такими крупными волевыми группировками, как, напр., английская ассоциация для борьбы с рабством и работорговлей, Anti-Corn-Law League, Société pour soutenir le bill des droit, Tariff-Reform League, Budget League и др., сыгравшие колоссальную роль в ходе общественных событий [1].)

Наконец, помимо ясно выраженных группировок идеологического, чувствено-эмоционального и волевого характера, имеется множество группировок—порою мелких, порою довольно значительных—*смешанного характера*, имеющихся в населении культурных стран и особенно в населении городов. Большинство городских жителей состоят членами ряда „обществ“, союзов и клубов, начиная с какого либо „общества собирателей почтовых марок“, союза „шаляпинисток“, „собинисток“ и т. д. и кончая „союзами чудаков“ (odd fellows), клубами толстяков“ и т. д. Перечислить все эти группы нет возможности. Один простой перечень их занял бы десятки и сотни страниц [2]). Чем культурнее население, тем больше таких вольных союзов и ассоциаций, тем сложнее эта вольная группировка. Часть из них существует в границах определенного государства, часть носит международный характер (научные, художественные, моральные, экономические и др. ассоциации).

В современной Франции, писал Тэн, мы насчитываем, кроме Государства и Церкви, кроме тридцати шести тысяч коммун и 40,000 приходов (paroisses), кроме семи или восьми миллионов семейств, „миллионы сельско-хозяйственных, промышленных и коммерческих мастерских и предприятий (ateliers), сотни институтов науки и искусства, тысячи филантропических и воспитательных учреждений, сотни тысяч обществ взаимного страхования, взаимопомощи, обществ деловых или ставящих своей целью доставление удовольствий, короче, бесчисленное множество ассоциаций разного рода, из которых каждая имеет свой об'ект и, как инструмент или орган, выполняет специфическую работу“. „По мере того, как цивилизация рафинируется, число ассоциаций ростет, увеличивается их специализация, каждая из них преследует собственную цель“ [1]).

Все они, вместе взятые, образуют сложную и пеструю картину социального расслоения населения и группировок его в те или иные коллективы. Если, образно говоря, пограничные линии основных элементарных группировок представляют глубокие трещины социального расслоения, разделяющие большие массы индивидов и похожие на линии государств и губерний на социологич. карте, то пограничные линии всех последних группировок (идеологиче-

---

[1]) См. о них у *Джефсона*: Платформа, ее возникновение и развитие. СПБ. 1901, у *Ostrogorski*: Op. cit., у *Кропоткина*: Взаимная помощь, как фактор эволюции. М. 1918. 188 и сл.

[1]) См. для примера далеко не полный перечень различных обществ в энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрона, под словом: „*Общества*“. СПБ. 1897. т. XXI-а, 607 и сл. См. также Ch. *Gide*: Rapport sur l'Economie sociale, в V т. Rapports du jury intern. de l'exposition de 1900. Paris 1903.

[1]) *Bouglé*: La democratie. 154—155.

ских, чувственно-эмоциональных, волевых и смешанных), рисуются в виде множества тоненьких трещин, покрывающих частой сетью „уездных и волостных“ пограничных линий карту социального расслоения населения. Если первые являются крупными линиями системы социальных координат, характеризующей строение населения и социальное положение индивида, то последние в своей совокупности составляют множество дсбавочных координат, быть может, не столь существенных, как предыдущие, зато дополняющих эту систему и придающих ей конкретный вид и форму. Без них система социальных координат похожа была бы на голый скелет. С ними она приобретает точность, конкретность живого тела с мускулами, плотью и кровью. Без них, в ряде случаев, мы не сумели бы точно определить социальную физиономию, общественный вес и поведение ряда индивидов (напр.. Пастера или Рентгена, Менделеева или Эдиссона, Родэна или Р. Оуэна, Бетховена или Дарвина, Левитана или Толстого, ибо многие из них не занимали выдающегося „поста“ ни в государственной, ни в религиозной, ни в партийной, ни в узко профессиональной и др. группах). Они дают нам эту возможность и делают понятным подчас весьма крупный удельный вес таких лиц.

Словом, „географическая карта“ социального расслоения населения без них была бы слишком суммарной и общей. Она указывала бы только самые основные линии группировок индивидов в огромные коллективы. С ними такая карта если и далека от „пяти и десятиверстных“ карт, то все же становится достаточно подробной и точной...

Этими замечаниями и ограничимся в характеристике основных элементарных групп, на которые расслаивается население современной Европы, Америки и культурных областей остальных стран света.

Группа élites.

В предыдущем мы изучали *реальные, а не мнимые коллективные единства*. Этим об'ясняется, почему мы не выделили, в отличие от многих социологов (напр., Гиддингса и др.), в особую группу „великих людей“ или точнее тех, кто зовется по французски élites. Как выше я отметил, *група великих людей представляет фактически не реальную, а мнимую коллективность*.

Среди множества группировок в современном населении мы не находим в нем особой реальной совокупности „великих людей“, которые бы в силу своей принадлежности к выдающимся личностям были более солидарны друг с другом, чем с остальными, более тесно связаны друг с другом, чем с прочими смертными, и сильнее обусловливали свое взаимное поведение, чем поведение последних. Ни в форме ассоциации „великих людей“, ни в форме профессионального союза или цеха гениев, талантов или выдающихся лиц, ни в форме особый реальной группы „élites“, такой коллективности мы не находим. Если такая группа и выделяется обычно, то как группа мнимая, статистическая, подобная вышепри-

веденным группам „прямоносых“ или детей от 2 до 3 месяцев со времени рождения [1]).

Вот почему в ряду множества реальных группировок, на которые распадается население, не приходится искать и выделять особой реальной группы élites. Это так и следует зафиксировать.

Но если élites не образуют реальной совокупности, то из этого не следует, что они не представляют интереса для социолога и не имеют никакого значения в области изучения строения населения. Не составляя группы и не влияя на судьбу населения в качестве особой коллективности, élites, отдельно взятые, сами по себе имеют значение. Они подобны редким алмазам, ценным не потому, что они образуют мощные залежи, а в силу своих исключительных качеств и свойств. Такими алмазами среди населения и являются élites. *Если они не имеют значения как группа, то каждый из élites, индивидуально взятый, является фокусом влияния и сил, далеко превосходящих силы и влияние отдельных рядовых индивидов.* Каждый из élites является как бы конденсированной, воплощенной в одном человеке, группой, источающей от себя лучи влияния на других людей. Этим я не хочу сказать, что „история делается героями“ (все предыдущее противоречит этому; подробнее об этом в „Соц. Механике“), а хочу только сказать, что *не все индивиды по силе своего влияния на других и на ход общественных событий равны друг с другом.* Одни из них могут сказать о себе: „толпой угрюмою и скоро позабытой над миром мы пройдем без шума и следа, не бросивши векам. ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда“. Другие, напротив, вместе с поэтом, могут сказать:

„Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не заростет народная тропа. Нет, весь я не умру. Душа мой прах переживет И тленья убежит. И славен буду я...“

Одни из людей являются незначительным фокусом сил, орбита их влияния ничтожна. Они тихо живут и умирают, не оставив после себя памяти и исторического следа. Таковых огромное большинство. Другие люди, напротив, представляют фокус сил, гораздо более значительных, орбита их влияния огромна. Их дела, слова и поступки действуют иногда на поведение огромного числа людей, вносят туда ряд изменений и оставляют по себе историческую память, живущую десятилетиями и тысячелетиями. В сопоставлении *не с группами*, а с другими *индивидами*, члены elites представляют историческую силу, далеко превосходящую рядовых индивидов. Они поистинне похожи на группу, конденсированную в одном лице.

Уже с этой точки зрения изучение их необходимо. Очевидно, не вполне безразличным для строения населения и хода общественных событий будет факт наличности или отсутствия в данной среде людей того или иного количества и качества élites. Это раз.

Во вторых, élites можно сравнить с дрожжами, приводящими в брожение человеческие массы. Будучи продуктами последней и их выразителями, они, в свою очередь, раз появившись, подобно дрожжам испускают и распространяют вокруг себя будирующие

---

[1]) См. выше о реальных и мнимых коллективных единствах. Стр. 16 и сл

волны, приводящие в движение ряд сочеловеков и оказывают таким образом большее или меньшее влияние на судьбы коллективов и групп.

Чем большим (ceteris paribus) *будет количество* elites *в среде данного населения, чем сильнее будет их циркуляция в нем, тем более рыхлым и эластичным становится строение населения, тем подвижнее делаются его группировки, тем быстрее происходят в нем процессы перегруппировок.*

И с этой точки зрения изучение elites и их циркуляции имеет значение для понимания строения населения, и в особенности, для понимания ряда социальных процессов.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему я, отрицая существование группы великих людей, как реальной совокупности, тем не менее, считаю необходимым хотя бы кратко остановиться на проблеме élites.

Первый вопрос, который встает перед нами, гласит: что такое élites? кто и почему может быть назван великим человеком и отнесен к числу élites?

Большинство определений великих людей страдает суб'ективностью и потому негодно. Коммунист склонен считать великими людьми только коммунистов, монархист только монархистов, пасcифист будет протестовать против квалификации Наполеона великим человеком, добродетельный гражданин не согласится считать великим человеком какого-либо виртуоза по части убийств и преступлений. Словом, обычные понимания „великих людей“ заражены суб'ективными вкусами людей и не могут служить научным пониманием élites. Тем же грехом суб'ективности страдают и попытки научных определений. Приведем примеры. Гиддингс, напр., класс True élites (подлинных избранников) определяет, как группу лиц, наиболее здоровых и жизнеспособных биологически, наиболее гениальных по умственным качествам, и наиболее социальных по моральным свойствам [1]). Очень милое и приятное определение, только научно непригодное и суб'ективное. Научно непригодно оно потому, что едва-ли можно найти великих лиц, которые были бы и гениальны по уму, и социабельны по морали, и обладали здоровьем быка. Есть много здоровых лиц, но они не гениальны и не максимально социабельны. Есть много гениальных лиц, но они обладали болезненным здоровьем. Есть не мало лиц выдающихся по уму, но нельзя сказать, чтобы они были максимально моральны. Есть не мало лиц, социабельных до самопожертвования, но немногие из них гениальны по умственным дарованиям. Словом, если и были в истории случаи, когда в одном человеке совмещались одновременно: и максимум здоровья, и максимум ума, и максимум морали, то такие случаи исключительно редки и единичны. Я бы затруднился указать хоть один подобный пример. И конечно уж, ни Наполеон, ни Христос, ни Кант, ни Бэкон, ни Свифт, ни Р. Майер, ни Шекспир, ни Байрон, ни Робеспьер, ни Цезарь и др. к числу великих людей, согласно этому определению, не принадлежали бы: если каждый из них обладал одним из трех признаков величия, то не

[1]) Giddings: The elements of sociology. 1912. 112—118.

хватает каждому одного или двух остальных признаков. Жаль, что Гиддингс не называет хотя один конкретный пример великого человека, удовлетворяющий его определению. Впрочем, он сам в дальнейшем сводит на нет свое определение. Он включает в группу True Elite всех, кто оставил по себе память в истории [1]), значит и Наполеона, которого едва ли можно считать максимально моральным человеком, и Свифта, обманувшаго двух невест, и Герострата, известного только тем, что для своего увековечения он сжег знаменитый храм, и Торквемаду, и многое множество других лиц, совершенно не удовлетворяющих его определению.

Второй грех его определения True Elite—суб'ективность. Здоровые люди с этим определением согласятся, но больные или болезненные люди будут спорить с тем, чтобы здоровье быка было необходимым признаком великого человека. Добродетельные люди признают, что социабельность—необходимая черта великого человека. Преступники, люди эгоистичные, люди привыкшие распоряжаться чужой судьбой, едва ли подпишутся под таким определением. Подобно Штирнеру, Ницше и ряду индивидуалистов они назовут такое величие величием сердобольной бабки и.. только.

Словом, определение Гиддингса суб'ективно и не может претендовать на общезначимость. Той же суб'ективностью страдают определения Изуле и Новикова [2]) Часто под elites понимают т. н. интеллигенцию.

В русской литературе примером такого определения может служить определение интеллигенции, даваемое Ивановым-Разумником. Он всех лиц делит на два класса: на интелигенцию и мещан. А затем дает такое определение тех и других [3]). „Интеллигенция есть этически антимещанская, социологически-внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности". Мещанство тоже внесословно и т. д., но отличается от интеллигенции „отсутствием творчества и активности", „узостью, плоскостью и безличностью" [4]).

Если бы такие группы, как реальные совокупности, и существовали, определения Иванова-Разумника оставляют желать многого. Они не точны, они суб'ективны и потому научно негодны. Социологическая характеристика их бессодержательна, ибо и мещане, и интеллигенция внесословны, внеклассовы и т. д.

---

[1]) Giddings: Ib. 113—116.

[2]) „Революция пришла, чтобы заменить ложных избранников истинными", читаем мы у Изуле. Эти и подобные фразы представляют выражение собственных аппетитов автора, а не об'ективное понятие elites. С точки зрения рояллиста дело обстоит наоборот. Один будет доказывать одно, другой противоположное и друг друга убедить не смогут. См. Izoulet: La cité moderne введение. Paris, Alcan. Новиков, в Conscience et volonté sociale понимает под élite мыслительный центр общества—интеллигенцию. Понимание узкое и неопределенное, страдающее теми же недостатками, которыми страдает и определение élites—интелигенции, даваемое *Ивановым Разумником*.

[3]) *Иванов Разумник.* История русской общественной мысли. II 1918. 20 и сл.

[4]) Тамъ же. 28. 27.

В этом отношении интеллигенция не отличается от мещан, (просто потому, что „интеллигентность“ и „неинтеллигентность“ стоят в иной сфере измерения, чем „класс“, „сословие“ и т. д., как гетерогенны меры веса, длины, монетной системы. С таким же правом можно сказать, что обе группы: вне-семейны, вне-государственны, вне-рассовы и т. д.).

Еще неудачнее „этическая“ характеристика интеллигенции. Она вся состоит из общих неопределенных фраз. Интеллигенция „характеризуется творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении... к физическому, умственному и индивидуальному освобождению личности“. Красиво, но туманно. Мало прибавляет ясности и противопоставление ее мещанству, характеризуемому „отсутствием творчества и активности“ [1]).

Куда прикажете на основании такой характеристики отнести Петра Великаго, Цезаря, Робеспьера, Наполеона, Торквемаду, Лютера, Победоносцева или Бисмарка? Что они были активны и творили новые формы—это бесспорно, к „мещанам“ их отнести нельзя. Но относятся ли они к интеллигентам? Способствовали-ли они освобождению личности? Были-ли сторонниками примата личности? Куда отнести таких лиц, как Колумб или Менделеев, Ньютон или Ж.-Де Местр, Лавуазье или Магомет? Почти все они были весьма „консервативными“ лицами, некоторые—погибли как реакционеры, но можно ли сказать, что они характеризуются „отсутствием творчества и активности“? Обратимся к большинству „борцов за свободу“. Многие ли из них, все те тысячи и десятки тысяч, которые погибли в тюрьмах и на эшафоте хотя бы у нас, многие-ли из них вносили новые идеалы и новые формы? Не повторяло ли большинство из них стереотипные формулы, созданные теоретиками социализма и демократизма? Не были ли они мещанами, попугайски твердившими, подобно начетчикам, старые, стереотипные, не ими созданные слова и мысли? Не прав ли Герцен, говоря, что они „большей частью люди очень недалекие и чрезвычайные педанты; неподвижные консерваторы во всем революционном, они останавливаются на к. н. програме и не идут вперед“ [2])?

Из этих вопросов выясняется полная неопределенность формулы Иванова-Разумника. Ее можно приспособить так и так. Кроме этого недостатка, она суб’ективна. Суб’ективна потому, что „этична“ и оценочна. А где вмешалась оценка, там неизбежен произвол [3]).

Из указанных примеров ясна основная ошибка определений élites. Ошибка заключается в их суб’ективности. Наука—отрицание последней. Она должна давать об’ективные определения, в частности, и об’ективное понятие élites или великих людей. Необходи-

[1]) *Иванов-Разумник. Ibid.* 20, 27

[2]) Собр. соч. *Герцена*, т. III, 38. Изд. Павленкова.

[3]) Правильнее с этой точки зрения определение Лаврова (хотя и оно суб’ективно), гласящее „интеллигенция—это совокупность личностей,.. действующих под влиянием сознанного побуждения к развитию, каковы бы ни были их занятия и независимо от того, служат ли они прогрессивным или регрессивным началам“. *Лавров:* Опыт истории мысли. 22.

мое условие для этого—отрешение от оценок, от соображений добра или зла, пользы или вреда, похвал и порицаний, всегда суб'ективных. При таких заданиях единственно об'ективный путь для определения élites,—*это степень или ранг, занимаемый данным человеком в каждой отрасли человеческой деятельности, безотносительно к тому, безнравственна или нравственна, полезна или вредна, красива или безобразна, справедлива или несправедлива, плоха или хороша эта деятельность с точки зрения различных людей*. Воспользуюсь для пояснения моей мысли примером Парето, одного из первых об'ективных теоретиков élites. Возьмем какую либо отрасль человеческой деятельности и обозначим цифрой 10 лучшего специалиста, наиболее успешно работающего в этой сфере. Лица, менее успешно работающие, получат отметки 8, 5, 4, 2, 1, вплоть до нуля. В области зарабатывания денег человек, зарабатывающий, напр., миллионы, получит 10, зарабатывающий тысячи—6, кто зарабатывает столько, чтобы не умереть с голоду—1, кто принужден просить милостыню—получит отметку 0.

„Имеются лица, обожающие Наполеона, как бога, имеются лица, которые ненавидят его, как исключительного мерзавца. Кто из них прав? Не будем решать этот вопрос. Хорош-ли или дурен был Наполеон, но достоверно одно, что он не был кретином и не был незначительным человеком, каковыми являются миллионы людей: он имел исключительные качества, и этого достаточно, чтобы поставить его в класс élites“ [1]). Как специалист своего дѣла, по оценке специалистов же, он имеет право на высший балл.

Из этих примеров ясен метод определения élites. Ясна также и об'ективность такого метода. При чем, как резонно подчеркивает Pareto, следует учитывать *фактическое состояние*, а не состояние *потенциальное*. „Если кто-нибудь приходит на экзамен английского языка и говорит: если бы я захотел, я знал бы прекрасно английский язык; я не знаю его, потому что не пожелал изучать“; экзаменатор отвечает: „почему вы не знаете его, для меня это безразлично: вы не знаете его—и я ставлю вам нуль“. Если сходным образом говорят: „этот человек не разбойничает не потому, что он не умеет это делать, а потому, что он честный человек“. Мы отвечаем на это: „отлично, за это мы хвалим его, но как *разбойнику*, мы ставим ему нуль“ [2]).

Все лица, получающие высшие баллы в отрасли своей деятельности, признаваемые специалистами той же отрасли за исключительного дельца, и будут потенциально élites, независимо от этических и всяких других оценок.

Из сказанного понятно, что потенциально *élites могут быть в любой отрасли человеческой деятельности*, начиная с великих палачей и убийц и кончая великими учеными, подвижниками, моралистами, художниками и правителями государства. Elites могут быть в любой социальной группе, начиная с государства и церкви и кончая группами имущественными, разбойничьими и т. д.

---

[1]) *Pareto:* Trattato. II. 470—71.
[2]) Ibid. 470.

Но это лишь первый шаг. Необходимо сделать и второй. Виртуозы, как сказано, могут быть в любой сфере деятельности, начиная с виртуозных обжор и коллекционеров почтовых марок и кончая виртуозными стратегами, правителями государства, церкви и т. д. Из этой довольно многочисленной группы виртуозов нужно сделать выбор второй степени, опять таки на основе об'ективного масштаба. Каковым же должен быть последний? Для об'ективного исследователя закономерности социальных процессов таким масштабом может служить лишь один критерий: *степень влияния данного лица на поведение других людей, а чрез это—на ход социальных процессов*. Кто-либо может быть виртуозным пьяницей или коллекционером старых каблуков, но их влияние на поведение других людей будет ничтожным. Рядом с этим, виртуозы науки (Ньютон, Дарвин, Эдиссон) или государственного управления (Кромвелль, Наполеон, Петр Великий) или религиозной политики (Иннокентий III, Григорий VII) и т. п., оказывали на поведение других людей колоссальное влияние. Первые, хотя и являются виртуозами, но в виду ничтожного влияния их на поведение людей они в группу élites не могут войти. Последняя составляется только из лиц *социально-действенных, вносящих значительные изменения в поведение людей, безотносительно к тому, хорошими или плохими были эти изменения*. Спорно, положительную или отрицательную роль играли Цезарь и Марий, Торквемада и Иннокентий III, Стенька Разин и Никон, Робеспьер и Пугачев, Петр Великий и Наполеон, Магомет и Бисмарк, Шекспир и блаж. Августин, Маркс и Христос, Ницше и Руссо и т. д., но несомненно одно: *они были мастерами своего дела и провели глубокие борозды на поле истории*. Совокупность лиц, удовлетворяющих таким требованиям, и будет составлять „великих людей“ [1]). Между ними, в свою очередь, согласно тем же критериям можно провести дальнейшую градацию, разделив „великих“ на ряд слоев.

Таков единственный научный и об'ективный способ определения „великих людей“. Легко понять, что чаще всего ими будут „лидеры“ влиятельных и могущественных социальных групп: государства [2]), церкви, класса, языковой группы, имущественной, партийной, научной и т. д. Заняв в силу своих способностей место дирижера таких групп и распоряжаясь их могучим механизмом, они подобно машинисту или механику огромной машины приводили в движение сотни тысяч людей, влияли на их поведение, оказывали давление на ход общественных процессов и оставляли память о себе в летописях истории. Правильность такого понимания великих людей косвенно подтверждается и обычным мнением людей, их исторический памятью. Она отмечала и отмечает не только „добрых“ гениев, но и „злых“, не только лиц — максимально здоровых + максимально—социабельных+максимально - гениальных, по рецепту

[1]) Сравни, *Furlan*: La circulation des élites, Rev. int. soc. 1911. 387. *Kolabinska*: La circulation des élites en France. 1912. 5—6. *Sensini*. Teoria dell'equilibrio, passim.

[2]) См. об'ективное определение великих государственных людей у *Колабинской*: Цит. раб., 5—6.

Гиддингса, но всех виртуозов своего дела, влиявших на поведение людей и ход общественных событий.

Давши об'ективное понятие élites, теперь мы можем сказать, что *число élites 1-го ранга в человечестве вообще очень невелико.* По вычислениям Гальтона[1]) в 1868 г. в Англии на все население было 1250 хорошо известных людей, 520—выдающихся и знаменитых (eminent). По „Nouvelle Biographie Général" Didot со времен Перикла до 1850—70 г. из 45,000,000,000 людей, живших на земле за это время, лиц, оставивших после себя историческую память, было всего около 100,000, что дает в среднем одного élite на 450,000 или одного великого человека на полмиллиона лиц, „проходящих над миром без шума и следа" [2]).

Таково понятие élites, великих лиц, и их относительная редкость. Явления циркуляции élites я коснусь кратко ниже.

Заключительные замечания.

Таковы важнейшие элементарные социальные группировки, на которые расслаивается население нашего времени. Таковы *социальные координаты, определяющие общественное положение* индивида в этой среде. Наблюдая за своим и чужим поведением в течение ряда дней мы можем убедиться в правильности сказанного. Это наблюдение показывает нам, что *наша жизнь и деятельность сводится к постоянной циркуляции от одного элементарного единства к другим.* То мы живем и действуем, как *члены семьи,* в лоне которой мы просыпаемся утром и оказываемся в ее же лоне вечером.

[1]) См. *Galton:* Hereditary Genius. London. 1892.

[2]) См. также *Giddings:* The Elements. 115—116. Учитывая эту редкость élites, нельзя не присоединиться к следующим словам Гиддингса: „Что мы должны сказать о тех правительствах, которые в прошлом (в прошлом-ли только? П. С.) свободно уничтожали такие редкие элементы населения казнью, тюрьмой и другими путями преследовали их из за различия в религиозных или политических верованиях! Ни одна нация в мире так не уничтожала свои наиболее драгоценные богатства, как Испания, длительная инквизиция которой (уничтожившая массу élites) свела ее к интеллектуальной и моральной бедности, небывалой в челов. истории". Ibid. 115—116.

Увы! В истреблении élites повинны все правительства и прошлого, и настоящего, и консервативные, и революционные (напр., истребление Лавуазье, Шенье, Кондорсе, Гебера, Дантона и др. élites во время диктатуры якобинцев, убийство Марата, Робеспьера и др. élites консерваторами и т. д.). Правительства в той или иной степени верны себе. Если бы солнце было в их власти, то оно давно уже было бы отправлено на эшафот: одними за то, что слишком „революционно", другими за то, что „контреволюционно". Слава Богу! что солнце недосягаемо для правительств! От души хотел бы, чтобы столь же недоступны, как солнце, были и élites. С грехом пополам правительства начинают ценить музейные редкости. Не плохо бы было издать закон, ставящий élites в положение равное с музейными редкостями. Если каждого человека мы не научились еще ценить, как музейную редкость, то élites на это имеют бесспорное право. „Если они не нравятся Вам, позволю я заметить власть имущим, то поставьте их под стеклянный колпак, помешайте им развивать „вредную деятельность", но не разбивайте эти редчайшие музейные ценности всего человечества. Они ему нужнее, чем большинство из вас!"

В эти моменты мы являемся абонентами семейной группы и действуем как отец или мать, сын или дочь, супруг или брат, родственник или свойственник. Но в лоне семьи мы не проводим весь день, а тем более все дни. Почти каждый день „дела“ отрывают нас на ряд часов от семьи. В эти часы мы „раз'единяемся“ с семьей и входим в „контакт“ со множеством других коллективных единств, то мы соединяемся с *государством*, выполняя свои гражданские права и обязанности; по призыву военных властей идем на учет или отбываем воинскую повинность, по призыву судебных органов государства фигурируем в роли истца, ответчика, свидетеля, присяжного, по праву гражданина участвуем в выборах, платим налоги, вступаем в тысячи отношений с административными органами государства и т. д. То мы выступаем как *члены религии*: идем в церковь, на религиозное собрание и соединяемся с религиозной группой. Каждый день мы „идем на службу“ или посвящаем ряд часов своей *профессиональной* деятельности, дающей нам средства существования. В эти часы мы действуем, как члены профессионального коллектива. Наша партийная принадлежность если не каждый день, то весьма часто, заставляет нас „соединяться“ с партией: итти на партийное собрание, партийный митинг и т. д. Принадлежность к *группе богатых или бедных*, в свою очередь, постоянно сталкивает нас с соответственными группами лиц и заставляет нас выполнять ряд поступков, диктуемых этой принадлежностью (напр., делать визиты, бывать в обществе, вести „богатый“ и „светский“ образ жизни для богатого, делать соответствующие поступки для бедного). *Наш пол и возраст обусловливают наше половое и возрастное „общество“*. Ребенок ряд часов проводит с детьми, взрослый—с взрослыми, мужчина известное время проводит в компании друзей—мужчин, женщина—в обществе женщин. *Привилегированность или обделенность в правах*, в свою очередь, накладывают на нас свои права и обязанности и заставляют нас „соединяться“ с соответственными коллективами. Участие в том или ином научном, художественном, спортсменском обществе заставляют нас ходить на соответственные заседания, спортсменские состязания и т. д. Словом, *в течение дня мы циркулируем от одного коллективного единства к другому, то на мновение, то на ряд часов „соединяемся“ с одним, потом раз'единяемся с ним и входим в контакт с другим, за ним с третьим, с четвертым и т. д.* Волны социального моря бросают нас каждый день то к берегу семьи, то к берегу религии, то к берегу одноязыковых, то к берегу однопартийных и т. д. Мы подобны человеку, все время (кроме часов сна), проводящему в „телефонных разговорах“, то с группой А, то с группой В, то с группой С. С одними группами мы „говорим“ (общаемся) каждый день и подолгу, с другими лишь изредка и короткое время. В течение дня, иными словами, мы испытываем ряд „перевоплощений: „отец“ сменяется „военно-обязанным“, „военнообязанный“—„коммунистом“, „коммунист“—чиновником—по профессии, чиновник—членом тенисного клуба. Наше „я“ ежедневно дает десятки различных аккордов в зависимости от того, в качестве члена какой коллективности это „я“ фигурирует.

Это явление может наблюдать каждый. Оно лишний раз говорит о множественности элементарных социальных групп.

Границы каждой из этих группировок не совпадают. В существующих атласах, где даны карты государственной, религиозной, языковой (национальной) и расовой группировки, можно наглядно убедиться в несовпадении этих границ, сличив, напр., карту распределения людей по государствам, с картой распределения их по религиям, или национальностям или расам [1]). Пограничные линии группировок в каждом из этих случаев будут разными. Часть из этих групп, напр., семейные группы, расположатся внутри других, более обширных групп. Другие же группировки будут пересекать друг друга. Временами линии их могут совпадать, но в общем и целом каждая из них вычерчивает свою собственную траэкторию и идет по своим путям.

Из сказанного следует, что население как всего земного шара, так и любой его части,—любой определенной территории, в силу тех или иных оснований выхваченной исследователем, *не представляет однородно-серой массы, все члены которой с одинаковой силой тяготеют друг к другу, обладают одинаковой силой сцепления, а эта масса расслаивается на ряд слоев, распадается на ряд групп, члены которых сильнее связаны друг с другом, чем с остальными людьми.*

Сказанное дает основание и для другого вывода, оттеняющего сложность исторических событий. Если бы население расслаивалось только в одном направлении, напр., распадалось бы только на государственные или профессиональные группы, то ход исторических событий был бы относительно прост. Подобно многим „монистам" мы в этом случае сказали бы, что общественная жизнь есть результат взаимоотношения государственных или профессиональных групп или групп богатых и бедных, обделенных и привилегированных и т. д., что социальная борьба сводится к борьбе государств (или рас, как думал Гумплович и др., или классов, как думал Маркс и марксисты и т. д). Но увы! Такая простота—неверна. Дело обстоит гораздо сложнее. *В любой момент истории мы находим солидаризирование и антагонизацию не по одному фронту, а одновременно по многим фронтам.* Борьба происходит не только между государствами, или между религиозными группами, или между профессиями, или между богатыми и бедными, или между привилегированными и обделенными и т. д, словом, она идет не по одному слою, а одновременно и между государственными, и религиозными, и профессиональными, и привилегированно-обделенными, и богато-бедными и т. д. группами. Картина сражения получается весьма сложная. В борьбу двух однородных групп, напр., богатых и бедных, вмешиваются ряд других, из которых одни вступают в союз с богатыми и помогают им, другие,

[1]) См., например атлас *Петри.* С этой точки зрения весьма важно было бы составление социолого-географического атласа, дающего наглядные карты социальных группировок. Автор лишен возможности сейчас это сделать по технически-типографским условиям. Суррогатом такого атласа может служить сопоставление ряда карт в том же атласе Петри.

вместе с бедными, аттакуют богатых и их союзников. Третьи, нападают на тех и других. В итоге получается картина, напоминающая положение анархической Украины, где существуют множество воюющих групп и множество фронтов. Битва идет не только между „красными“ и „белыми“, но и между „зелеными“, „синими“, „петлюровцами“, григорьевцами“, „махновцами“. „шайками Ангела“, и множеством других групп. Что ни деревня—то особое войско. Фронтов — множество. Одни из них, напр., „зеленые“ сегодня помогают „красным“, завтра переходят на сторону „белых“, „григорьевцы“ сегодня дерутся с „зелеными“, завтра вместе с ними бьют „ангеловцев“, „махновцы“ сегодня нейтральны, завтра чуть ли не всем об'являют войну и т. д.

Таков же и „вечный фронт“ истории. Он редко, вернее никогда, не бывает одним фронтом. *На историческом поле битвы редко борются толко класс с классом, или богачи с бедняками* [1]). *Борьба идет одновременно между слоями однородной группировки друг с другом и между слоями разнородных группировок.* Сегодня церковь и государство солидарно борются против общего врага, напр., против семьи или группы бедных, завтра религиозная группировка вступает в борьбу с государственной. Сегодня богачи совместно с бедняками аттакуют привилегированных, завтра привилегированные, лишенные преимуществ, вместе с бедняками аттакуют богачей и т. д. Словом, картина „фронтов“ здесь похожа на очерченное военное состояние Украины.

Правда, не все фронты имеют одинаково важное значение во все исторические времена. Подобно тому, как в той же Украине бывали моменты, когда доминирующее значение приобретала борьба „скоропадчины“ с петлюровцами, затем борьба петлюровцев с красными, потом григорьевцев с красными, сменившаяся борьбой „деникинцев“ с красными, так и в истории: в одни моменты на первый план выступает борьба государства с государством и оттесняет на второй план другие виды социальных антагонизмов, в другие моменты—борьба церкви с государством, в третьи—борьба классов, в четвертые—борьба языковых или расовых групп и т. д. Но это доминирование не означает ни прекращения борьбы между другими группировками, ни уничтожения других фронтов, ни тем паче—вечного существования только единого фронта (напр., только борьбы классов, или только расовых антагонизмов и т. п.).

Все сказанное об антагонизмах элементарных групп применимо и к их солидаризации и к солидарным взаимоотношениям. Исторические события — равнодействующая линия, представляющая итог, результат взаимоотношений (солидарности и борьбы) ряда элементарных групп за свою индивидуальность. Отсюда вывод: *всякая попытка об'яснить исторические процессы и взаимоотношения различных слоев одной группировки* (напр., только борьбой рас, или только борьбой классов и т. д.)—*заранее обречена на неудачу.* Это—попытка решить уравнение со многими неизвестными

---

[1]) См. правильные замечания *Sensini* об односторонности и однобокости таких упрощенных представлений. Op. cit. 572—73.

с помощью одной известной величины. Это—покушение с негодными средствами.

Очерченная сложность взаимоотношений социальных групп будет еще рельефнее, когда мы учтем строение и взаимоотношения кумулятивных групп. Ограничимся пока этими замечаниями. Ниже мы подробнее остановимся на них и извлечем из сказанного ряд других выводов, а пока перейдем к изучению кумулятивных групп.

Гл. III. Учение о кумулятивных социальных группах.

§ 1. Понятие.

Подобно тому, как конкретные предметы материального мира по своему химическому составу чаще всего представляют не простые химические тела, а тела сложные, составленные из ряда элементов, так и любая совокупность взаимодействующих индивидов редко представляет собой *элементарное* коллективное единство, т. е. группу, связанную только одной однородной связью. Чаще всего бывает так, что группа сосуществующих индивидов принадлежит одновременно к нескольким элементарным единствам и охватывается не одной, а двумя или большим числом связей. Короче, в социальной действительности мы конкретно чаще встречаем не элементарные, а кумулятивные группы. Под *кумулятивной группой, напомним, разумеется совокупность взаимодействующих индивидов, связанных в одно организованное целое связями не одной, а ряда элементарных группировок.* Если индивиды А, В, С, Д... являются членами не только одной и той же религии, но и подданными одного государства, членами одной професии, принадлежат к одной и той же партии, то мы в лице их имеем кумулятивную (религиозно + государственно + профессионально + партийную) группу, составленную из кумуляции ряда элементарных группировок, об'единенную связями не только религии, но и государства, и профессии, и партии. Иными словами, все они одновременно оказываются „абонентами" не одной элементарной системы взаимодействия, а двух или большего числа систем. Таким образом население расслаивается не только по линиям элементарных группировок, но плюс—по линиям кумулятивным, образованным как бы слиянием ряда элементарных. От этого трещины кумулятивного расслоения носят обычно более глубокий характер. Они резче отделяют одну кумулятивную группу от других.

§ 2. Классификация кумулятивных групп.

В химии из соединения элементарных тел получаются сложные химические тела. В социологии из различного комбинирования и различной кумуляции элементарных группировок получаются самые разнородные кумулятивные группы.

Их множество. Чтобы не затеряться в этой пестроте явлений, необходимо так или иначе разгруппировать и выделить по ряду

признаков основные виды кумулятивных групп. Так мы поступили с формами взаимодействия людей [1]) и с элементарными группами. Так поступим с кумулятивными группами; то же сделаем и с сложными соц. аггрегатами. План анализа на первом, на втором и на третьем этажах у нас будет один и тот же.

Формы взаимодействия мы классифицировали в зависимости от свойств его элементов: количества и качества индивидов, характера актов и природы проводников.

Кумулятивные группы мы можем классифицировать в зависимости от свойств образующих первые элементарных группировок, а именно: 1) *в зависимости от числа последних* (кумуляции: двойные, тройные и т. д.) 2) *в зависимости от их характера*: государственно+религиозная, партийно+профессиональная, обделенно+половая и др. кумул. группы; 3) *в зависимости от способа их кумуляции*: кумулят. группы: открытые и закрытые, нормальные—сродственные ненормальные—не сродственные, антагонистические и солидаристические, типичные и не типичные, могущественные и не могущественные. Остановимся на каждом из этих видов.

Виды кумулятивных групп по числу и характеру составляющих их элементарных группировок.

В химии мы находим химические соединения различной сложности. Есть тела, состоящие *из двух* химических элементов, напр., H_2O (вода), *из трех*, напр., H_2SO_4 (серная кислота), *из четырех* напр.. $KHSO_4$ (кислый серно кислый калий), *из пяти* и т. д. То же мы находим и в области социальных явлений. На ряду с элементарными группами здесь мы находим кумулятивные группы различной сложности. Есть кумулятивные группы *двойного* состава, образованные слиянием *двух* элементарных группировок. Таковы, напр., государственно+религиозная группа, состоящая из совокупности лиц, принадлежащих к одному государству и к одной религии; такова государственно + языковая группа, профессионально + партийная, расово + об'емно правовая и др. Есть кумулятивные группы *тройного* состава. Таковы, напр., расово + языково + религиозная группа, состоящая из лиц, принадлежащих к одной расе, говорящих одним языком и исповедующих одну религию, такова профессионально + половая + имущественная группа, (напр., женщины, работницы табачной фабрики, получающие ничтожную заработную плату) и т. д. Подобно этому есть кумулятивные группы *четверного*, *пятерного*, *шестерного*, *и т. д. состава*, образованные кумуляцией четырех, пяти, шести и более элементарных группировок.

Таким образом *по своей сложности кумулятивные группы распадаются на двойные, тройные, четверные и т. д. группы.*

Таково первое подразделение их.

Пойдем дальше. Кумулятивные группы отличаются друг от друга не только по сложности, но *и по характеру элементарных груп-*

[1]) См. Сорокин. Система социологии т. I. гл.: Классификация форм взаимодействия.

пировок, из которых они составлены. И двойные, и тройные и четверные и более сложные группы могут быть образованы из самых различных элементарных групп. Так, двойные кумулятивные группы выступают в форме профессионально+имущественной (напр., лица одной профессии, грузчики—чернорабочие, получающие одинаковый доход—бедные), религиозно+языковой, государственно+религиозной, территориально+об'емно—правовой, профессионально+партийной и во многих других видах. Весьма разнообразны по составу скумулировавшихся элементарных группировок и *тройные* кумулятивные группы. Ими будут территориально+языково+религиозная группа, состоящая из лиц, живущих на одной территории, имеющих один язык, принадлежащих к одной церкви, профессионально+имущественно+об'емно-правовая группа, (рабочие фабрики+бедные+обделенные в правах), расово+языково+половая группа, возрастно+об'емно—правовая+профессиональная группа (дети, обделенные в ряде прав, сходные по профессии) и многие другие.

То же применимо к четверным, к пятерным, и т. д. кумулятивным группам. Словом, по характеру элементарных группировок из которых составляются кумулятивные группы, последние распадаются на множество форм и видов. Их может быть столько, сколько комбинаций, согласно алгебраической формуле сочетаний, могут быть составлены из энного количества элементарных групп. Фактически, в населении земного шара нашего времени, а тем более предыдущих эпох, мы встречаем большинство из этих возможных форм кумулятивных групп. Если взять население современного большого города, то даже здесь мы легко можем констатировать множество форм двойных, тройных, четверных и т. д. кумулятивных групп. Перечислять их здесь излишне. Но не лишне подчеркнуть открывающуюся перед нами сложность строения населения. В нем даны, как видим, не только элементарные линии расслоения, но сверх того—линии кумулятивные, расслаивающие индивидов на множество разнообразных по сложности и по составу кумулятивных групп. Население поистине становится похожим на берег реки, состоящий из множества разнородных, механически слежавшихся химических соединений, в свою очередь, составленных из разнообразной комбинации различных химических элементов. Берег—это население. Химические соединения, из смеси которых он состоит,—это кумулятивные группы. Химические элементы—это элементарные группировки. Такова паралель, уясняющая взаимоотношение населения, как сложного аггрегата, кумулятивных групп и групп элементарных.

Кумулятивные группы: закрытые, открытые и промежуточные.

Подобно элементарным группам, группы кумулятивные распадаются также на закрытые, открытые и промежуточные. *Закрытыми кумулятивными группами*, будут те, вход и выход из которых невозможны или возможны, как чрезвычайно редкое исключение. Индивид к ним оказывается прикрепленным помимо его

воли. „Выключить“ себя из числа „абонентов“ такой группы он не в состоянии. Перейти в другую (или „включить“ в число „абонентов“ другой—однородной кумулятивной группы) он не может. Сообразно с этим циркуляция индивидов из закрытой кумулятивной группы в другую закрытую (не в территориальном смысле, а в смысле выключения их из членов и включения в число членов другой группы) не имеет места или носит ничтожный характер. Закрытая кумулятивная группа похожа на стену, со всех сторон окружающую ее членов: выход для них за ее пределы невозможен, вход в ее границы для инородных лиц недоступен. „Осмоса“ чрез барьеры группы не происходит.

Как частный вид закрытых кумулятивных групп, выступают *закрытые, наследственные* кумулятивные группы; к числу их относятся те закрытые кумул. группы, где *принадлежность к данной группе родителей влечет принадлежность к ней и детей их.* Дети и de jure, и de facto не могут выключить себя из числа членов группы, к которой принадлежали их родители. Примёром *закрытой и наследственной кумулятивной* группы может служить *каста.* Как ниже увидим, каста представляет закрыто-наследственную, кумулятивную группу, состоящую из кумуляции элементарных группировок: профессиональной + религиозной + об'емно-правовой + имущественной + семейно-родственной (и иногда + расовой и языковой). Она закрыта. Не от воли индивида зависит, членом какой касты он родится... Дети родителей, принадлежащих к касте А, механически становятся членами касты А. Вход в ее пределы для инородных лиц невозможен. Открепление члена от своей касты и прикрепление к другой невозможны. (Случаи „извержения из касты“ означают „поставление вне закона“, как высшее наказание, а не перемену кастовой принадлежности). „Осмоса“ между кастами нет или он ничтожен (строгая эндогамия и т. д.). Другим примером закрытой и наследственной кумулятивной группы является в ряде случаев группа *рабов.* В определенный период Римской империи дети родителей-рабов становились автоматически рабами. Выйти из этого состояния („выключить“ себя из этого status'a) и включить себя в число „абонентов“ группы „свободных лиц“ они могли лишь в исключительных случаях. Эти маленькие лазейки (manumissio testamenta, vindicta, censo, inter amicos и др. способы), однако, были столь узки, что немногие „верблюды“ могли проходить чрез эти „игольные уши“ [1]). „Осмоса“ и циркуляции между группой рабов и другими кумулятивными группами (cives romanus и др.) почти не было. Закрытыми же кумулятивными группами были: *возрастно+об'емно-правовая группа детей* в Риме первого периода, состоящая из неполновозрастных лиц, обделенных в личных и имущественных правах; *половая+об'емно-правовая группа женщин,* чуть ли не до 19 в. обделенных в правах по

[1]) См. *Покровский:* История римского права. 1913. 294 и сл. То же применимо и к русским „обельным холопам“, т. е. к рабам „вечным, полным, потомственным и наследственным“. См. *Ключевский.* История сословий в России. 1918. 49.

сравнению с мужчинами: *расово+об'емно-правовая группа негров* (до их освобождения). Не от нашей воли зависит наш пол, раса и возраст: поскольку же с этими условиями неизбежно кумулировалась об'емно-правовая группировка, то вся соответственная кумулятивная группа приобретала характер закрытый. Кроме указанных групп в истории дано не мало и других закрытых кумулятивных коллективов.

На противоположном полюсе стоят кумулятивные группы *открытые*. Принадлежность к ним и de jure, и de facto зависит от воли индивида. Вход и выход из них свободны. Наследственной передачи этой принадлежности от родителей детям нет. Индивиды могут свободно циркулировать от одной такой группы к другой. Примером их может служить, напр., кумулятивная партийно+научная группа. Группа лиц в наше время может быть членами одной полит. партии и какого-либо научного общества. Вход и выход из такой кумулятивной группы свободны. Индивид может выйти из партии и перейти в другую, может выйти из партии и из общества, и таким образом, порвать с этой кумулятивной группой, выключить себя из числа ее абонентов. Дети таких людей и de jure не обязаны быть членами той же кумулятивной группы, и de facto не являются ими в большинстве случаев. Таких открытых кумулятивных групп в наше время довольно много. Между ними располагаются *промежуточные кумулятивные группы*. Они в своей совокупности дают градацию типов: начиваясь от групп весьма близких к закрытым (напр., сословие) они кончаются формами, близкими к открытым кумул. группам (напр., современный класс, как кумулят. полуоткрытая группа, близкая к открытой). De jure вход и выход из них свободны. Теоретически—принадлежность к ним дело доброй воли индивидов. Фактически эта свобода оказывается значительно ограниченной, циркуляция от группы к группе—стесненной. Никто не заставляет человека теперь принадлежать к какому-либо классу. Но сын пролетария становится обычно пролетарием, сын капиталиста—членом предпринимательского класса. Раз ставши пролетарием не всегда легко стать капиталистом. Исключения из этого правила есть, но, как показывает статистика, процент их ограничен. Таковы три типа кумулятивных групп с точки зрения закрытости или открытости. Ниже мы увидим значение этого деления: 1) для характеристики групп, 2) для строения самого населения. Сложный социальный аггрегат, составленный из закрытых кумулятивных групп, не эластичен, он имеет закостенелый характер, перемены в нем редки, если они бывают, то принимают остро-революционный характер, сопровождаемый кровью, насилием, жертвами. Несравненно эластичнее и гибче население, в котором мало закрытых кумулятивных групп и много кумул. групп открытых или близких к ним. Жизнедеятельность такого аггрегата принимает более ровный характер; острые кризисы, посещающие такой социальный организм, носят более мягкий характер [1]).

---

[1]) Ту же мысль Ключевский выражает словами: „уравнение сословий идет тем труднее, чем проще сословное деление, чем резче (т. е. чем за-

Указывая на это деление тут же должен подчеркнуть, что *закрытость или открытость той или иной кумулятивной группы может исторически меняться*: одна и та же кумулятивная группа в одну эпоху или в одном населении может выступать как закрытая, в другую эпоху или у другого народа она может иметь промежуточный характер или даже быть открытой. Отсюда следует, что вопрос: какие из кумулятивных групп данного населения открыты или закрыты, должен решаться на основании фактического изучения населения.

Солидарная, антагонистическая и нейтральная кумуляции элементарных группировок (внутренно-солидарные, внутренно-антагонистические и внутренно-нейтральные кумулятивные группы).

Теперь обратим внимание на новую важную черту кумуляции элементарных группировок. Кумуляция последних может быть *или солидарная, или антагонистическая или нейтральная. Под первой я разумею такую кумуляцию элемент. группировок, в которой все они дают своим членам императивы поведения, согласные друг с другом, толкающие их в одном и том же направлении. Под второй—такую, где императивы поведения кумулирующихся группировок друг другу противоречат. Под третьей—такую, где эти императивы поведения нейтральны: и не солидарны, и не антагонистичны* [2]).

Возьмем группу лиц, принадлежащих к одному и тому же государству и к одной и той же религии. Согласно сказанному мы имеем здесь сложную, государственно+религиозную группу, составленную из кумуляции государственной и религиозной группировок. Если и государственная власть и церковная власть дают этим членам одни и те же императивы поведения, если они побуждают индивидов действовать в одном и том же направлении (напр., и государство, и церковь призывают их к войне), мы имеем *солидарную* кумуляцию этих группировок. Если дело обстоит наоборот, если принадлежность к государству требует от его членов повиновения распоряжениям органов госуд. власти, а принадлежность тех же лиц к определенной церкви требует от них неповиновения госуд. власти (напр., приказ папы—Григория VII, под страхом отлучения и интердикта требующего от подданных Генриха IV неповиновения последнему, или приказ патриарха Тихона, призывавшего паству к борьбе с большевистской властью) мы имеем антагонистическую кумуляцию двух группировок.

крытее, чем более наследственно) сословное неравенство". Сословие—одна из форм кумулятивной группы, близкая к закрытой. *Ключевский*: История сословий в России. 1918. 23.

[2]) Как видно отсюда, речь здесь идет не о солидарности, антагонизме или нейтралитете двух или большего числа групп, составленных из различных индивидов, но об соответствующих явлениях в пределах одной и той же группы лиц, больше того—о солидарности, антагонизме или нейтралитете „многих душ" одного и того же индивида, образующихся в результате его принадлежности к ряду кумулировавшихся элементарных группировок.

Членами такой же антагонистической кумулятивной группы являются большевики, признающие святость обряда венчания. Партия требует от них, чтобы они при вступлении в брак не ходили в церковь и не венчались [1]), принадлежность к религии толкает их в противоположном направлении. В итоге, такие лица оказываются в безвыходном положении: их „я“ рвется на части противоположными императивами антагонистических скумулировавшихся групп, обручами которых они связаны. Они оказываются в положении лиц между двух зубчатых колес.

Теперь возьмем нейтральную кумуляцию. Классической ея формулой служит евангельское изречение: „*воздадите кесарево кесареви, а Божье—богови*“.

В применении к кумулятивной, религиозно + государственной группе эта формула рисует такое положение дел, где императивы поведения церкви и государства нейтральны, лежат в разных плоскостях и не скрещиваются: церкви нет дела до того, платит ли индивид налоги государству, и обратно, государству не интересно, постится ли, напр., индивид в среду и пятницу. Императивы обеих групп не солидарны, но и не антагонистичны. Они не скрещиваются.

Эти примеры дают достаточное понятие о каждом из очерчиваемых видов кумуляции. В истории любого народа мы встречаем множество разнообразных конкретных кумуляций каждого из этих типов. Если заняться конкретным описанием и исследованием их, то мы найдем разнообразнейшие двойные, тройные, четверные и т. д. типы антагонистической, солидарной или нейтральной кумуляции.

Характер кумуляции и поведение индивида.

По истинне можно назвать счастливыми тех лиц, которые находятся в сфере солидарной кумуляции двух или большего числа элементарных группировок, которым все они дают солидарные друг с другом императивы поведения. Их поведение будет похоже на движение шара, который рядом сил толкается в одну сторону. Такие индивиды императивами всех скумулировавшихся группировок будут толкаться в одну сторону. В их поступках мы не увидим колебаний и противоречий. Действия их будут решительными. Линия поведения последовательной. Совесть их — ясной. Угрызения и гамлетовщина им неведомы. „Столкновения обязанностей“ или „борьба долженствований“—им чужды. Таково поведение индивида в этом случае.

Совершенно иным оно будет в случае антагонистической кумуляции элемент. группировок. Здесь поведение индивида будет похоже на движения шара, толкаемого в разные стороны двумя или большим числом сил, действующих в противоположном направлении. Императивы поведения одной группировки в этих условиях будут побуждать его действовать в одном направлении, другой—в

[1]) См. в „М. Правде“ доклад г. *Ярославского* и мнение коммунист. партии, признающие „венчание“ недопустимым для коммунистов.

противоположном, одни из них будут говорить ему „да“, другие—„нет“, одни—толкать его к одним поступкам, другие—к противоположным. В итоге, все поведение индивида будет полно колебаниями, противоречиями, непоследовательностью и нерешительностью. Оно будет представлять ломаную линию, с поворотами назад, с отклонениями в сторону. Вся его психология будет отмечена печатью гамлетовщины, нерешительностью, столкновением обязанностей, моральными конфликтами, „мучениями совести“... Это будет состояние, характеризуемое кратко Шекспиром: „хочу, а вслед затем: не смею“. Такое противоречие, нерешительность и мучения совести будут особенно резкими тогда, когда императивы антагонистических группировок будут одинаково действенными, когда принадлежность к антагонист. группировкам одинаково важна для индивида. В этом случае последний будет по истинне похож на буриданова осла или обнаружит полное самопротиворечие поведения („безхарактерность“).

В случае же неравноценности борющихся императивов,—победит сильнейший, но результатом этого является обычно „разрыв“ индивида с депрессированной группировкой, его „выход“, „исключение“, „извержение“ из последней (партии, религии, профессии, имущественного слоя и т. д.).

Откладывая подробный анализ этих фактов до дальнейшего параграфа, здесь проиллюстрируем сказанное на свежем примере.

Во время последней войны нельзя было не заметить следующих фактов. Поведение одних лиц, русских по подданству, православных по религии, но не социалистов и не рабочих—по отношению к войне было последовательно. Обе эти скумулировавшиеся группировки (госуд. и церковная) давали согласные императивы поведения, требовавшие защиты государства, призывавшие к войне, провозглашавшие: „все для войны“. Поведение их было последовательно и прямолинейно. Колебаний и сомнений не было. „Государственные интересы“—вот то, что они видели и ценили. Таково было поведение „государственников“, в частности, правых партий, начиная с кадет, не входящих в группировку „интернационала“.

Последовательной была и линия большевиков, преследовавших прежде всего и больше всего интересы „интернационала“. Они были свободны от группировки государственной и религиозной; интересы последних для них не существовали. „Интересы мировой революции“—вот тот маяк, на свет которого они держали курс. Отсюда—разжигание „классовой борьбы“, подрыв „единения классов“, „братание“, проповедь пораженчества, явочного мира, октябрьский переворот, Брестский мир и т. д.

Совершенно иной была политика меньшевиков, эс-эров, кроме правых крыльев этих партий и 1-го Центр. Исп. Ком. Сов. Р. и С. Деп. Вся она была сплошным „хроманием на оба колена“. Являясь лицами, не порвавшими с государством (в отличие от большевиков), но и причастными к классовой организации пролетариата (в отличие от чистых государственников), эти группы „раздирались“ противоположными императивами той и другой группировки. Интересы государства требовали „единения классов“

и ослабления „классовой борьбы“, интересы пролетариата требовали противоположного, интересы первого заставляли проповедывать „патриотизм“, призывать к победе, укреплять армию, дисциплину, проповедывать „войну до победы“; интересы второго требовали депрессирования патриотизма, прекращения войны, поражения во имя революции и т. д. Раздираемые этими противоположными императивами, эти группы сегодня под влиянием „интернационального“ мотива давали одну директиву, завтра—под влиянием государственного—противоположную. Сегодня—укрепляли дисциплину, завтра—подрывали ее, сегодня звали к войне, завтра—к миру во что бы то ни стало и т. д.

Аналогичные же явления в меньшем масштабе можно наблюдать в поведении многих индивидов. Сплошь и рядом последние постоянно „хромают на оба колена“: подталкиваемые противоположными императивами, исходящими из ряда антагонистически скумулировавшихся коллективов, членами коих они являются (интересы семьи требуют одного поведения, напр., не рисковать собой для партийных целей, интересы партии, государства, профессии, церкви и т. д. требуют часто противоположных актов), они мечутся из стороны в сторону; под влиянием одного императива сегодня совершают один акт, завтра под влиянием противоположного—другой, противоречащий первому, или, когда императивы одинаково сильны—нерешительно колеблются, короче — представляют утлую ладью, гонимую в разные стороны противоположными ветрами или под влиянием последних безвольно кружащуюся на одном месте. Сказанное показывает зависимость поведения людей от характера кумуляции элементарных группировок. И поведение, и моральные переживания индивида в значительной мере представляют рефлекс императивов, обусловливаемых характером кумуляции.

Характер кумуляции и прочность кумулятивной социальной группы.

Обычно думают, что чем большим количеством об'единяющих нитей связаны члены той или иной группы, тем эта группа, как коллективное единство, прочнее, тем более упорно она отстаивает свое существование и свою индивидуальность. Если ряд индивидов об'единен не только принадлежностью к одному государству, но также единой религией, единым языком, единой профессией и т. д., то в силу множества этих связей такая сложная группа гораздо прочнее, крепче, гораздо сильнее сцементирована, гораздо труднее подвергается диссоциации, чем группа, об'единенная только одной связью, напр., государственной или религиозной.

Такое положение правильно, но при одном условии: *при солидарной кумуляции элементарных группировок, дающих в итоге сложную группу. Если же кумуляция последних будет антогонистической, если императивы поведения одной из кумулирующихся груп-*

пировок будут противоположны императивам другой, — такая кумуляция способствует не цементированию и сплочению группы, а ее диссоциации или разложению. В этом случае сложная группа будет „раздираться“ на части, все поведение ее будет противоречивым, нерешительным, колеблющимся. По своему строению такая сложная группа будет внутренно-конфликтной, антагонистической; ее энергия будет поглощаться и сгорать в процессе внутреннего трения. В итоге всего, рано или поздно она диссоциируется: часть ее членов, для которых более важными окажутся императивы одной группировки (напр., религиозной) не будут выполнять императивы другой (напр., партийной); другая часть поступит напротив. Первые „выйдут“ из числа абонентов партии, „порвут“ с ней, вторые „выйдут“ из числа членов религии, порвут с последней. Вся сложная группа, иными словами, диссоциируется на свои элементарные группировки, антагонизирующие друг с другом, что конкретно выразится в распаде ее, как целого, на две или большее число частей.. В отношениях с другими группами она в этом случае не будет действовать, как единое целое, а как ряд отдельных групп, действующих в различных, часто в противоположных направлениях. Возьмем для иллюстрации сказанного пример из недавнего прошлого, а именно группы лиц, входивших в состав партии с.-р. и партии меньшевиков в 1917—18 г. г. Эти группы представляли сложные группы: члены партии с.-р. и меньшевиков были об'единены кумуляцией, по меньшей мере, двух элементарных группировок: принадлежностью к одному государству (к России) и принадлежностью к одной партии с.-р. (соответственно—к партии меньшевиков). Кумуляция государственной и партийной (социалистической) группировок по существу своему была антагонистической. Интересы государства требовали укрепления „священного единения классов“, ослабления классовой борьбы, укрепления дисциплины в армии, ослабления революции и т. д. Все это было необходимо для более успешного ведения войны, „войны до победы“, диктовавшейся интересами государства. Иного поведения требовали интересы партийной, социалистической группировки.

Социализм меньшевиков и эс-эров—интернационален. Эта группировка преследует интересы рабочего класса или трудового народа: не интересы государства, а интересы классовые преследовались социализмом. Интересы государства для последнего—дело третьестепенное. Они имеют значение лишь постольку, поскольку способствуют победе интересов международного пролетариата. Достижение последних требовало „углубления революции“ там, где интересы государства требовали „обмельчания“ последней, первые требовали разрыва „священного единения классов, вторые—его укрепления; первые диктовали „войну войне“, вторые—„войну до победы“; первые декретировали „мир хижинам и войну дворцам“, вторые—войну немцам, без различия хижин и дворцов, и мир внутри своего государства.

Словом, кумуляция этих двух группировок: государственной и партийно-социалистической была антагонистичной. Члены партии,

об'единенные ими, разрывались на двое. Что же в итоге мы видим? Во первых, непоследовательность и „хромание на оба колена“ всей политики обоих партий; во вторых, постепенную диссоциацию кумулировавшихся антагонистических группировок и соответственное распадение той и другой партии на части. Почти с самого начала революции партия с.-р. распадается на три части: выходят из нее „левые эс эры“, порывающие с государственностью и встающие на путь „интернационализма“, выходят „правые эс-эры“, основывающие свой орган: „Волю народа“, определенно защищая примат государственных интересов („социал-патриоты“); остается „центр“, ведущий неустойчивую, вялую, самопротиворечивую политику, лишенную всякого стержня, балансирующую между „интернационализмом“ и „государственностью“. Сложная группа, каковой была партия, диссоциировалась и распалась на части. Совершенно тождественной была судьба соц.-дем. партии. С самого начала революции мы видим, как она расслоилась на ряд групп: вышли из нее „интернационалисты“ с „Новой жизнью“, вышло „Единство“, вышли „меньшивики-оборонцы“ с „Днем“, и остался „центр“ меньшевиков, подобно „центру“ эс-эров качавшийся от „государственности к интернационалу“ и обратно.

Таких фактов в истории народов и государств можно указать сколько угодно. Особенно богаты ими средние века, где часто выступает антагонистическая кумуляция государственной и религиозной группировок; богато ими и наше время с его разнородными антагонистическими кумуляциями группировок государственной, профессиональной, по степени дохода, по об'ему прав и расовой.

Вот почему, сама по себе кумуляция ряда элементарных группировок, об'единяющих одних и тех же индивидов, еще ничуть не предрешает крепости и прочности *сложной* группы, составленной из скумулировавшихся элементарных группировок. Чтобы была на лицо прочность сложной группы необходима *солидарная* кумуляция последних. *Чем солидарнее действуют скумулировавшиеся элементарные группировки, чем более солидарные императивы дают они скумулированным индивидам, тем более крепкой и нерасторжимой будет такая сложная группа, тем труднее она подвергается разрыву.* В этом случае прочность сложного социального тела обезпечена. Оно не легко распадается, оно упорно будет отстаивать свою целостность; такое тело временно можно разорвать, можно его физически уничтожить, но раз'единенные части неуклонно будут стремиться к соединению; вопреки всем препонам, всем препятствиям, единство такой группы будет воскресать. Счастливы те группы и те народы, которые представляют сложное социальное тело, составленное из солидарной кумуляции ряда элементарных группировок: их поведение твердо, их прочность велика, они имеют все шансы на сохранение своего лица и своей целостности. Иная судьба ждет те народы, которые представляют сложную группу, составленную из кумуляции антагонизирующих группировок. Раз'едаемые их борьбой, они вечно будут „хромать на оба колена“ и в итоге или распадутся сами или придут к тому же концу от малейшего внешнего толчка. Таков очередной

вывод, вытекающий из развиваемого анализа простых и сложных социальных тел.

„Нормальные" и „ненормальные" кумулятивные группы.

Указывая на самое разнообразное сочетание по числу и характеру кумулирующихся элементарных группировок и, соответственно, на разнообразие кумулятивных групп, на их антагонистический и солидарный характер, в связи с последним теперь я должен обратить внимание читателя на следующее в высшей степени важное обстоятельство. В химии мы встречаем самое разнообразное сочетание элементов в сложные тела. Но рядом с этим та же химия дает нам типичные, чаще встречающиеся сочетания каждого элемента с другими элементами, напр., группу соединений кислорода с другими элементами, группу соединений водорода, азота и т. д. У каждого химического элемента существует „избирательное химическое сродство" к определенным другим элементам, с которыми он легко вступает в реакцию соединения и потому дает часто встречающиеся определенные сложные тела.

Аналогичное мы наблюдаем и в социологии. Хотя элементарные группировки могут кумулироваться самым различным образом, но не все они одинаково легко вступают в соединение друг с другом. Здесь также имеется свое „избирательное сродство". Группировка А легко кумулируется с группировкой В, и потому кумулятивная группа АВ часто встречается. Но та же группировка А очень трудно кумулируется с группировкой Д и потому мы редко встречаем кумулятивную группу АД. Кумуляция первых, так сказать, естественна: группировки А и В взаимно притягиваются, обладают „социологическим сродством". В силу этого они устойчивы и не легко разлагаются. Кумуляция вторых,—А и Д—противоестественна; они отталкиваются; потому они редко дают соединения и соединения эти легко диссоциируются.

Назовем кумуляцию перваго рода *нормальной*, кумуляцию второго рода—*ненормальной*. Соответственные кумулятивные группы назовем *нормальными* и *ненормальными*. Так, группировка богатых легко кумулируется с группировкой привилегированных. Люди богатые обычно являются (или de jure или de facto) привилегированными по об'ему прав и социальному рангу. Так дело обстоит теперь, так же в значительной мере оно обстояло и во все эпохи. Эта кумуляция нормальна. Обе группировки обладают взаимным „избирательным сродством". Такой же нормальной является кумулятивная группа „бедно+обделенных". Иное представляет собой кумуляция группировок „богатой" и „обделенной" по об'ему прав. Эти группировки не притягиваются взаимно. Группа „богатых" редко принадлежит к группе „обделенных". Если такие факты и бывают—то они исключение или временное явление, которое скоро заменяется переходом богатых в группу привилегированных, а бедных—в группу обделенных. Так было напр., во Франции в конце 18 в. с „третьим сословием". В „реакции перемещения"

богатого „третьего сословия“ из группы „обделенных“ в группу „привилегированных“, собственно говоря, и состояла сущность Великой Французской революции 1789 г. Словом, кумуляция „богатых“ и „обделенных“, а след., и группа: „богато+обделенных“ не нормальна. Эти две группировки не обладают взаимной притягательной силой, они редко кумулируются, поэтому—такия группы: „обделенно+богатых“ редкое явление в истории. То же применимо к кумуляции „бедных“ и „привилегированных“. Она также не нормальна и является редким историческим исключением. Из этих примеров ясно *понятие* нормальной и ненормальной кумуляции, а соответственно, и *нормальных и ненормальных кумулятивных групп.*

Систематическое изучение нормальных кумулятивных групп имеет колоссальное значение для структурного анализа населения, а равно и для решения ряда важнейших проблем социологии, в частности, проблемы „классификации обществ“. Оно дает почву для существования настоящей „социальной химии“. К сожалению, однако, социологи не только не решили эту задачу, но они даже ее не ставили. Неизбежным результатом такого положения дел является диллетантизм в анализе ряда проблем, имеющих отношение к структуральным вопросам; ошибочность в решении многих важных вопросов социологии, и довольствование ходячим представлением „класса“, „касты“, „национальности“, „рода“, „сословия“ „племени“ и других, как увидим сейчас, кумулятивных групп.

Общий характер данной работы мешает автору дать здесь же систематическую теорию и характеристику главнейших нормальных кумуляций (подобно химику, дающему в химии описание основных соединений водорода, азота, кислорода и др. химических соединений). Такая задача, в виду полной ее новизны, требует целого тома, который совершенно нарушил бы архитектонику „общего курса социологии“.

Приходится поэтому удовольствоваться здесь двумя—тремя примерами, лишь иллюстрирующими, а не излагающими и тем более не исчерпывающими сути дела. Но эти примеры покажут, сколько новых вопросов встает перед исследователем при первой же попытке анализа нормальных кумулятивных групп и какой своеобразный свет кидают они на строение „общества“ в различные исторические эпохи и на самый процесс истории.

Продолжим для ясности аналогии с химическими соединениями. Подобно тому, как одни химические элементы имеют ряд соединений, обладают „богатым химическим сродством“ и легко соединяются со многими другими элементами, (напр., кислород, водород, азот и др.) а другие, напр., золото, соединяются лишь с немногими (относительно) элементами, так и здесь, *одни элементарные группировки легко кумулируются с рядом других элементар. группировок, а другие—вступают в соединения лишь с очень немногими.*

Примером первых группировок может служить группировка *по об'ему прав.* Это чрезвычайно подвижная группировка, легко кумулирующаяся со многими другими. В современной человеческой

среде, а тем более в истории, мы встречаем самые разнообразные соединения этой группировки с другими. Возьмем ее *привиллегированность.* Это условие кумулировалось в истории и с определенной *государственной* группировкой. Подданные ряда государств, особенно государств—победителей, часто делались привилегированными, тогда как подданные государства побежденного становились часто обделенными по сравнению с первыми. Временами, особенно в древности, эта обделенность была абсолютной: члены побежденного государства попадали в полную власть победителей (omnia in victoria lege belli licuerunt), превращались в рабов, в безправных судр.

Такими фактами полна история. Они означают, что в таких явлениях мы имеем дело с *кумуляцией государственной и об'емно-правовой группировок*, данной нам в форме группы лиц, об'единенных принадлежностью к определенному государству и связанной с нею принадлежностью к группе привилегированных, с одной стороны, и группы лиц, связанных принадлежностью к определенному государству (обычно побежденному) и связанной с нею принадлежностью к коллективу обделенных — с другой. Таковы были, напр., въ древнем Риме, группы: 1) cives Romani, полноправных римских граждан, 2) cives sine suffragio, граждане покоренных Римом civitates, 3) граждан, принадлежавших к подданным civitates foederatae-peregrini и 4) peregrini dediticii. Первые — граждане Рима — были максимально привилегированными, последние—максимально обделенными [1]). Отсюда видно, как принадлежность к определенному государству влечет за собой привилегированность или обделенность, как в итоге кумуляции государственной и об'емно-правовой группировок образуются кумулятивные государственно + об'емно-правовые группы (государственно + привилегированные и государственно + обделенные). Такие же группы на заре русской истории составляли варяги—пришельцы и туземцы — обитатели русской равнины. Первые, бывшие вначале абонентами другого государства, образовали привилегированную, правящую группу, вторые—в общем обделенную [2]). Примером такой же государственно + об'емно-правовой группы могут служить подданные Великобритании и подданные Египта до его формального присоединения, французы и подданные Марокко, недавно русские подданные и подданные Бухары или Хивы, подданные Англии и подданные Персии и т. д.

Для краткости такую кумулятивную, государственно + об'емно-правовую группу можно было бы условно изобразить значками: „Г. О-П", а ее виды значками: „Г. О-Пп" и „Г. О-По", т.-е. „привилегированная, государственно + об'емно - правовая группа" и „обделенная, государственно + об'емно-правовая группа". Как сказано, такими кумулятивными группами полна история.

Дальнейшим видом соединения группировки *об'емно-правовой является ее кумуляция с группировкой по степени богатства.*

---

[1]) См. характеристику прав каждой группы у *Покровского*: История римского права. 1913. 72 и сл.

[2]) См. *Ключевский*: История сословий в России. 1918. 41 и сл.

Группа лиц богатых обычно является и группой привилегированных, группа бедных въ то же время обычно является и группой обделенных. Мы имеем, значит, кумулятивную „богато+привилегированную группу“ и кумулятивную „бедно+обделенную группу“. Такими кумулятивными коллективами кишит история. Они существовали с самых первых ступеней истории человечества, существуют и до сих пор.

Уже в относительно примитивных обществах богатство в том или ином виде является условием, влекущим за собой привилегированность наиболее богатых. „У танклитов дворянство порождается имущественным благосостоянием, а не рождением... У такули старейшиной мог сделаться каждый, который устроит пиршество для всего селения... У чинок начальники над селениями выбирались преимущественно за их богатство... У киргизов богатые приобретают известный перевес в советах над самыми заслуженными стариками... У коряков богатые пользовались своего рода властью над бедными... У овахереро кто не имеет скота, не пользуется уважением“ и т. д. [1]).

То же мы видем и позже. „Княжие мужи“, „бояре“, „лучшие, вятшие люди“ в древней Руси были наиболее привилегированными и наиболее богатыми. „Могущественное и властное положение лучших людей обусловливалось прежде всего их обеспеченным и независимым имущественным положением; все они богатые люди, землевладельцы и рабовладельцы“ [2]).

То же мы видим и в Риме. Наиболее привилегированными здесь были нобили и всадники, т.-е. крупнейшие представители земельной и денежной аристократии [3]).

Так же было и всюду. Так обстоит дело и теперь. Вормс и Бугле правы, говоря: „если не трудно сохранить социальный престиж, ничего не делая, то крайне трудно сохранить его, не обладая ничем. Что иное это означает, как не то, что соціальный престиж всего чаще вертится вокруг богатства? И обладание богатством, в свою очередь, не является ли обычным результатом привилегии? Если кой-кто зарабатывает свои капиталы трудом, то огромное большинство лиц не получают ли их по наследству и не обладают ли им на основании подлинного права рождения? Какая пропасть между тем, кто находит около своей колыбели туго набитый кошелек, и тем, кто находит только пустую суму! Справедливо говорят, что первый принадлежит к классу привилегированных, второй—к классу обездоленных“ [4]).

Мудрено ли поэтому, что почти всегда и всюду наиболее привилегированными были богатые и привилегированные—богатыми. Это нормальная кумуляция. Если же исключения из этого правила и были, то как исключения и притом очень не длительные. Больше того, если в силу тех или иных причин правящая, наиболее привилегированная группа почему-либо стала беднеть (как, напр.,

---

[1]) *Ковалевский*: Социология. Т. II. 188 и сл. Там же др. факты.
[2]) *Дьяконов*: Очерки общ. и гос. строя древней Руси. 1910. 82—83.
[3]) См. *Покровский*: История Римск. права. 1913. 84—85, 191.
[4]) *Бугле*: La démocratie. 92.

феодальное дворянство Франции в 18 в. или русское дворянство в конце 19 в. и в начале двадцатого) [1]) и рядом с ней появилась группа более богатая, хотя и не столь привилегированная, это значит появились две ненормальные группы (привилегированно—бедная, обделенно + богатая). Это значит, что *должна произойти социальная „реакция перемещения“*, в результате которой обе ненормальные кумуляции должны разложиться и образовать кумуляции нормальные, т.-е. наиболее богатые должны стать привилегированными, более бедные—обделенными. Произойдет ли эта реакция в форме острой революции, как было во Франции, где богатое „третье сословие“, бывшее „ничем“, в итоге стало „всем“, или в форме военного разгрома и грабежа бедными победителями богатых побежденных, как было, напр., в Англии, где земли побежденных англо-саксонских старшин Гаральта были розданы норманнам—сподвижникам Вильгельма Завоевателя и т. о. последние стали и привилегированными и богатыми [2]), или в России в эпоху Грознаго, разорившаго старое боярство и роздавшего его земли опричнине, или в форме мирной, но такая „реакция перемещения“ неизбежна. Притянет ли злато привилегию или привилегия, в форме хотя бы военного меча, злато,—все равно; важно лишь одно, что сочетания богатства и привилегированности, бедности и обделенности естественны, обратные—неестественны. Если последние образовались—они должны разложиться. *Население, имеющее такие ненормальные группы, неизбежно должно ждать реакции перемещения.* Так было до сих пор; так обстоит дело и теперь. Богатая группа, если она остается богатой, в конце концов становится привилегированной; привилегированная группа, если она хочет оставаться привилегированной, должна быть богатой. Иначе ей грозит декаданс, все равно, сейчас ли она силою оружия, путем восстания, захватила власть или давно уже пользуется ею. Если правящий класс, выдвинутый восстанием бедноты, упрочивает свое положение, то всегда при условии превращения его в богатый класс (путем напр., грабежа земель, капиталов и т. д. и распределения богатств между своими сторонниками и членами). Здесь привилегированность притягивает к себе, хотя бы чарами оружия и насилия, богатство. В других случаях богатство притягивает к себе привилегированность и власть, т.-е. сами богатые низвергают тем или иным путем обедневший привилегированно-правящий класс и становятся на его место.

Такова суть этой реакции. История богата такими реакциями перемещения. Конечный итогъ их всегда один: разложение ненормальных групп и образование нормальных; баланс истории всегда точен, а до путей, средств и жертв ей нет никакого дела.

Кумулировалась и кумулируется часто *об'емно-правовая группировка с расовой*: одни расы были привилегированными, другие—

---

[1]) Постепенно терявшее земли, а вместе с ними и богатство. См. цифры в ст. *Zolotareff*: Propriété foncière dans 50 gouvernements de la Russie. Bullet. Stat., v. XVII. 176—208.

[2]) См. *Ковалевский*: История аристократии. СПБ. 1914. 19.

обделенными. В пределах каждой расы единорасовый становится привилегированным, чужерасовый—обделенным. При столкновении и пространственном соседстве разных расовых групп одни расы делаются привилегированными, другие—обделенными. Так было и так есть.

Фактов такого рода мы видели не мало при характеристике расовой группировки. Группа негров в Америке не только элементарная группа, отличающаяся от белых по расе, но в то же время она и группа обделенная, более низкая по сравнению с белыми, т.-е. кумулятивная, расово + об'емно правовая (обделенная) группа; расовой + привилегированной кумулятивной группой является и группа белых.

Кумулировалась об'емно-правовая группировка с языковой. Напр., многие инородцы России, вплоть до украинцев (черемисы, вотяки, татары и др. языковые группы), до революции представляли языково + обделенную группу, великороссы—языково + привилегированную, „господствующую народность". История разных народов богата такими группами. Они есть и теперь.

Кумулировалась об'емно-правовая группировка и с религиозной. Напр., „православные" Россіи до революции 1905 и 1917 гг. были группой „религиозно + привилегированной", раскольники, сектанты и язычники составляли группы „религиозно + обделенные". Такие группы имеются и теперь.

Кумулировалась об'емно-правовая группировка и с семейной. Примером такой кумулятивной группы могут служить группа „потомственных рабов", в силу происхождения от рабов-родителей делавшихся рабами, т.-е. обделенными в правах [1]); ordo equester в Риме [2]), „служилые люди по отечеству" в Московском государстве (до уничтожения местничества) [3]), „потомственное дворянство", императорские и королевские семейства,—все последние группы представляют кумулятивные, семейно + привилегированные группы, где факт происхождения от семьи неизбежно влек привилегированность. Все потомственно-наследственные по привилегиям или по бесправію семейные группы представляют такие семейно + об'емно-правовые кумулятивные группы. В той или иной форме такие группы существуют и ныне.

Кумулировалась и кумулируется об'емно-правовая группировка и с профессиональной.

В истории мы находим множество видов профессионально + об'емно-правовых кумулятивных групп. Одни профессии влекли за собой привилегированность, другие—обделенность. Так, профессия брамина в кастовом обществе неизбежно давала ему „высочайшее место на земле и все, что существует в мире, делала собственностью брахмана". Профессия шудры обязывала его „безропотно

---

[1]) См. о рабстве в Риме *Покровский*: История рим. права. 288 и сл. См. о „холопах" в Руси у *Ключевского*: Ист. сосл. 48—82. *Дьяконов*: Очерки. 111 и сл.

[2]) *Покровский*: Там же: 85.

[3]) См. *Ключевский*: Op. cit. 98. *Дьяконов*: 260 и сл.

служить трем кастам" [1]). В ряде примитивных групп профессия воина делала его привилегированным. Военный вооруженный класс, как на заре нашей истории, так и в начале истории многих государств, в силу своей профессии неизбежно делался правящим и максимально привилегированным классом [2]). На связь профессии с об'емом прав или с социальным рангом указывает и само слово „чин", как показатель социального ранга. Слов „чин" (от чинить — делать, „учинить" — сделать) обозначал какую либо деятельность, профессию. В „этом смысле „чином" называлась группа лиц определенной профессии" [3]).

В итоге, занятие определенной профессии давало „чин" уже в смысле об'ема прав, в смысле „почетного титула или звания", определяло социальный ранг лица, его привилегии или обделенности. Градация чиновных групп Московской Руси: чинов думных, чинов служилых, а в пределах первой группы градация: бояр, окольничьих, думных дворян, в пределах служилых чинов градация: стольников, стряпчих, и т. д. [4]) — эта градация и соответственные должностные группы, расположенные в иерархическом порядке по об'ему привилегий и почетности, представляют примеры кумулятивных профессионально + об'емно-правовых групп. Табель о рангах Петра и созданные ею группы представляют дальнейшие примеры профессионально + об'емно-правовых групп. „Четырнадцать классов, (созданных этой табелью) не были простыми чинами или служебными отличиями, не соединенными с определенными должностями, как теперь: к каждому классу отнесена была одна должность или целая группа равностепенных должностей". Занятие определенной должности, согласно этой табели и указу 16 янв. 1721 г., автоматически давало определенный об'ем привилегий и определенный социальный ранг [5]).

Аналогичные явления дает история других государств. Все должностные права и привилегии и соответственные группы должностных лиц представляют кумулятивные группы указанного состава. Но такие группы существуют в множестве форм и помимо чиновно-должностных групп, регламентированных в иерархическом порядке правовыми нормами государства. Само население любой страны, даже самой передовой, согласно своим воззрениям располагает профессии по степени почетности и привилегий в известном иерархическом порядке. „Почет, которым известные группы граждан окружаются, гарантирует им исключительное социальное

[1]) Законы Ману: С.П.Б. 1913. Гл. I, стихи:. 87-91.

[2]) См. *Ключевский*: Ист. сословий. Лекция V.

[3]) *Дьяконов*: Очерки. 286.

[4]) См. *Ключевский*: Там же. Лекции X и XI. *Дьяконов*: Очерки. 287 и сл.

[5]) *Ключевский*: Там же. 221—222. Напр., все лица, занимающие должности первых восьми рангов, автоматически становятся лучшими и старшими дворянами „во всяких достоинствах и авантажах, хотя б они и низкой породы". Согласно регламенту 1721 г. профессии: банкира, доктора, аптекаря, шкипера, живописца, ювелира, художника и ученого автоматически делали соответственных лиц членами первой гильдии регулярных граждан со всем об'емом прав этой гильдии. См. *Платонов*: Лекции по русской истории. 1917. 511.

влияние и проявляется в повседневной жизни если не в форме привилегий в собственном смысле, то, по меньшей мере, в несомненных преимуществах. Чем вызывается такой почет? С одной стороны, несомненно их профессиональным занятием. Признается вообще, что профессия, напр., адвоката более почетна и благородна, чем профессия регистратора (greffier), профессия доктора более высока, чем ветеринара... Таким образом в современных обществах устанавливается как бы иерархия занятий, определяющих социальное положение индивида“ [1]). В той или иной форме такая иерархия занятий, а следовательно и соответственные профессионально + об‘емно правовые группы, имеются в любом населении, не исключая даже таких демократических стран, как Соединенные Штаты. Сев. Америки. И здесь, при всей распространенности взгляда, что „не место (не профессия) красит человека, а человек место“, имеется деление занятий на постыдные или низкие и почетные, и соответственная кумуляция привилегий, почета, уважения или пренебрежения, унижения и обделенности с теми или иными профессиями.

„Американец принципиально считает всякий честный труд пристойным для всякого человека. Но на практике дело обстоит не совсем так, как в теории: банкир не желает сделаться комми-вояжером; комми-вояжер—трактирщиком; трактирщик—чистильщиком улиц; и не желает не только потому, что работа менее приятна, но и потому, что она менее почетна... Действительное отвращение существует только по отношению к таким работам, сущность которых основана на непосредственной личной зависимости; такова, напр., работа прислуги... Из всех личных услуг самою унизительною является чистка сапог“ [2]).

После сказанного легко понять, что профессионально + об‘емно-правовые группы существовали и существуют в тысяче форм [3]).

Кумулировалась об‘емно-правовая группировка и с половой. Мужчины почти всегда в общем были половой + привилегированной группой, женщины—половой + обделенной. (Безправие женщин в примитивных группах, manus mariti, власть patris familiae над ними и т. д.; даже в наше время процесс эмансипации женщин далеко еще не закончен.) [4]).

Кумулировалась об‘емно-правовая группировка и с возрастной. Группы детей и неполновозрастных в примитивных обществах представляли кумулятивную, возрастно + обделенную группу, группы стариков—возрастно + привилегированную; то же было в древнем Риме, где дети вначале не имели ни личных, ни имущественных прав, то же было в древности у нас, то же мы видим и в прошлом других народов [5]). И сейчас еще определенный возраст является условием для ряда прав политических (напр., для активного и

[1]) *Bougle*: La démocratie. 91—92.

[2]) *Мюнстерберг*: Американцы; т. II. 202—204.

[3]) См. ряд соображений об этом у *Fahlbeck'a*: Les classes sociales. 195—196. Bullet de l' Inst... statist, т. XVIII. I.

[4]) См. Spencer and Gillen: Op. cit.

[5]) См. *Spencer and Gillen*. Цитир. работы. *Schurz*: Die Alterklassen und Manerbunde. *Сорокин*: Преступление и кара.

пассивного права голоса в выборах, для занятия определенных должностей и т. д.), прав гражданских, с одной стороны, с другой— условием ряда преимуществ, напр., при совершении преступлений (невменяемые до 10-ти лет, полувменяемые и т. д.). Словом, в ряде форм возрастно + об'емно-правовые группы существуют и до сих пор.

Кумулировалась и кумулируется об'емно правовая группировка и с партийной. В странах с развитой партийной жизнью принадлежность к числу членов правящей партии обычно дает ряд самых разнообразных привилегий ее членам, начиная с привиллегий на занятие должностей и кончая привилегированным положением в отношении множества материальных и духовых благ [1]). Примером такой партийно + привилегированной группы сейчас является наша коммунистическая партия, примерами „партийно + обделенных" групп служат: монархисты, кадеты, „социал-предатели", обделенные и в праве свободы слова, печати, собраний, вплоть до права на жизнь.

Кумулировалась и кумулируется об'емно-правовая группировка и с рядом других группировок; напр., с группировкой *по образованию* (в Италии право участия в выборах имеют только грамотные, право на занятие ряда должностей у нас давал только диплом окончания высшего учебного заведения и т. д.); *с группировкой территориальной* (напр. население определенных мест России было лишено права земского самоуправления, права участия в выборах и т. д.); *с группировкой по моральным признакам* (преступники, лишенные всех прав состояния во все эпохи у всех народов и т. п.) и с другими группировками.

Таковы важнейшие двойные соединения (кумуляции) об'емно-правовой группировки с другими [2]).

Из этого перечня видно, что соединений или кумуляций об'емно— правовой группировки множество, что она легко вступает в брак с самыми различными группировками и дает в итоге богатую группу об'емно-правовых соединений или кумуляций. Это богатство ее соединений станет еще рельефнее, если учесть не только двойные кумуляции, как это сделано сейчас, но кумуляции тройные, четверные и т. д.

Другие элементарные группировки дают меньшее число кумуляций. Они легко кумулируются или обладают „социальным сродством" с меньшим числом элементарных группировок; по адресу других они нейтральны и не проявляют тенденции к слиянию с ними. Соответственно и число кумулятивных групп, даваемых ими, более ограничено. Примером таких группировок могут служить группировки *половая и возрастная.*

И та и другая легко сливаются с группировками: *об'емно-пра-*

[1]) См. *Ostrogorski*: La démocratie et les partis politiques. *Мюнстерберг*: Американцы. т. I. Гл. о партиях и passim.

[2]) Из этого перечня видно, сколько „окопов" и „траншей" нужно одолеть и сравнять, чтобы установить полное равенство людей. После этого, понятен будет читателю тот пессимизм, в смысле наступления фактического равенства, который выражен был выше.

вовой и профессиональной. Рядом с этим они дают иногда соединения *с имущественной и партийной группировками.* Но этими кумуляциями и исчерпываются двойные кумулятивные группы, образуемые ими.

Примеры *об'емно правовой+половой* кумулятивной группы и возрастно+об'емно-правовой группы были указаны выше. Таковы, напр., женско+обделенная в правах группа, состоящая из женщин, обделенных в правах по сравнению с мужчинами, и мужско+привилегированная группа, составленная из мужчин. Как выше было указано, такие группы мы встречаем и среди населения „дикарей", и в древнем Риме, Греции, и в средние века, и в новое время в странах, где эмансипация женщин еще не закончена. Примерами *возрастно+об'емно-правовых групп* могут служить: группы малолетних и неполновозрастных в ряде примитивных „обществ", отчасти группы filii u filiae familias в Риме, составленные гл. обр. из лиц более молодого возраста и бывшие бесправными (personae alieni juris). То же наблюдалось и наблюдается во множестве других социальных аггрегатовъ. Молодой возраст обычно вел к неполноправности, зрелый и старый возраст, напротив, вел к привилегированности, особенно в древних и примитивных аггрегатах („геронтократия"). Здесь это явление выступает не только в том, что старшие по возрасту группы максимально привилегированы, но и в том, что верховными вождями чаще всего избирались старики и полновозрастные [1]).

Рядом ст акими кумулятивными группами в истории мы встречаем группы: *полово+профессиональные:* „женско+профессиональные" группы, где принадлежность к женскому полу влекла и влечет за собой недоступнось для женщин ряда профессий (напр., профессии: офицера, генерала и военные вообще, профессии жреца, священника, пастора, профессии министра, депутата и высшие правительственные профессии вообще, профессии адвоката—в ряде стран, и т. д. Раньше женщинам недоступно было гораздо большее число профессий), и прикрепленность их к ряду специфически женских профессий (профессии, связанные с кухней, пеленками, домашним хозяйством etc); мужские+профессиональные группы (напр., армия, группы высшего чиновничества, жреческая коллегия, etc.), состоящие из мужчин, профессия которых доступна только мужскому полу, а не женскому [2]).

Возрастная группировка давала и дает соединения с группировкой профессиональной. Примерами таких кумулятивных со-

[1]) См. материал в указанных работах *Шурца, Спенсера и Гиллена, Ковалевского,* в „Этнографии" *Харузина* и в др. работах по т. н. „первобытной культуре У жителей огненной земли, напр., „старики пользуются нравственным авторитетом. Молодые люди считают для себя законом слово старика... У австралийских племен руководство делами принадлежит людям возрастным. Они образуют особый совет стариков, под наименованием „тэнди". Гауит пишет, что „здесь авторитет человека растет вместе с возрастом. Как общее правило власть связана с возрастом". У Ирокезцев „хозяйством заведует совет стариков" и т. д. См. *Ковалевский:* Социология. т. II. 184—1 6.

[2]) См. факты *J. Thomas:* Цит. раб., *Бюхер:* Возникновение нар. *хозяйства.* СПБ. 1907. т, I, 28 и сл. 50, т. II. 36 и сл.

зрастно+профессиональных групп могут служить группы детей, которым по физическим и социальным условиям недоступен ряд профессий (напр., профессии судьи, жреца, профессора, фабричного—рабочего в странах, запрещающих труд малолетних до определенного возраста—и т. д.); группы полновозрастных и стариков, выполняющих определенные профессии, недоступные для лиц, не имеющих соответственного возраста. (В наше время профессии: депутата, судьи, жреца, адвоката и множество других профессий, недоступных лицам, не достигшим определенного возраста либо по физическим условиям, либо по условиям социально-юридическим)

Кроме этих кумуляций *половая группировка иногда дает кумуляцию с группировкой партийной* (женские лиги с определенной политической программой), *возрастная + с группировкой имущественной* (напр., дети в ряде примитивных групп или в древнем Риме сами по себе не имели никаких имущественных прав: „все, что они приобретали, делалось eo ipso собственностью их paterfamilias") [1]).

Таковы важнейшие двойные соединения, которые давали и дают группировки половая и возрастная. К другим элементарным группировкам они относятся нейтрально и не дают сколько-нибудь значительных соединений с ними. Нельзя говорить, напр., о специальной кумулятивной „религиозно+женской" или „государственно+мужской" группе, как нельзя говорить и о „старческо+языковой" [2]) или „детско+расовой" кумуляции. Нельзя говорить потому, что история не дает нам религии, членами которой были бы только женщины или мужчины, или государств, абонентами которых являлись бы только мужчины, или групп стариков, имеющих специфически старческий язык, неизвестный детям, или рас, составленных только из детей и т. д. То же применимо к отношению половой и возрастной группировок к остальным группировкам. Это означает, что *половая и возрастная группировки не обнаруживают специфического сродства к группировкам: государственной, расовой, языковой, территориальной, религиозной и к другим, кроме очерченных выше.* Первые относятся ко вторым нейтрально и потому не дают резко очерченных и крупных соответственных кумулятивных групп.

Отмечу сейчас кратко основные двойные, „нормальные" кумуляции, которые дают другие элементарные группировки.

Государственная группировка кумулировалась и кумулируется с 1) *об'емно-правовой* (см. выше); 2) *с религиозной* (*государ-*

---

[1]) *Покровский:* История рим. права. 303. То же имеет место и в наше время. Исследование Бертильона по статистике наследств во Франции показало, что всего богаче (и потому всего больше оставляют наследств) французы в возрасте от 50 до 70 лет. „Умершие моложе 25 лет редко оставляют наследство. По мере того, как мы переходим к более старшим возрастам, пропорция наследств растет, так как собственность приходит с возрастом путем ли наследования или путем работы. Между 50 и 70 годами три четверти умерших обладают каким либо имуществом. Затем пропорция несколько уменьшается и падает вдвое после 80 лет" *Bertillon:* Statistique des successions en France et á l'étranger. Bull. l'Inst. inter. stat., v. XVIII, II. 369—70.

[2]) Чрезвычайно редким исключением служат лишь случаи „тайного языка" в некоторых примитивных группах, доступного одним старикам. См. *Levy-Brüle:* Les fonctions mentales dans les sociétés inferieures. 1912. 199 и сл.

ственно+религиозные кумул. группы); примером их могут служить древние теократические государства, где подданные определенного государства должны были принадлежать и принадлежали к определенной „государственной" религии. Инаковерующие подданные в государстве не терпелись. Если они и были, то преследовались. Такую же группу составляло население полицейско-абсолютистских государств, имевших установленную государственную религию и не допускавших свободы религии [1]) (вспомним: cuius regio, eius religio и т. д.). В настоящее время эта кумуляция в значительной мере диссоциировалась. Она жива лишь в государствах отсталых, где имеется обязательная для всех подданных государственная религия.

3) Кумулировалась и кумулируется *государственная группировка с территориальной*, давая в итоге *государственно+территориальные группы*. Такие группы обычны в истории: население большинства современных государств представляет примеры таких государственно+территориальных групп. 4) *Кумулировалась государственная группировка и с расовой*, (по воззрительным расовым признакамъ) давая *государственно+расовые кумулятивные группы*. Примерами их служит множество социальных аггрегатов, население которых принадлежит к одному государству и к одной расе. В наше время примерами таких кумулятивных групп могут служить: население Японии, Швеции, Норвегии, Германии и т. д. 5) Нормальной является и *государственно+языковая* кумулятивная группа, состоящая из подданных одного государства, имеющих один язык, а в силу этого и сходную культуру. Таково, напр., население Норвегии, Швеции, Франции и Германии (после выделения поляков).

Таковы важнейшие двойные нормальные соединения, даваемые государственной группировкой.

Расовая группировка давала такие нормальные двойные кумуляции: 1) *расово+об'емно-правовую* (см. выше), 2) *расово+государственную* (только что указана выше), 3) *расово+языковую*, составленную из лиц, принадлежащих к определенному подвиду расы, имеющих свой язык (напр., зулусы, ашантии, бушмены, фиджийцы), 4) *расово+территориальную*, состоящую из лиц одной расы, занимающих сплошь определенную территорию (такие группы в чистой форме были многочисленны в прошлом, когда при отсутствии интенсивного общения групп не имело места сосуществование различных рас в пределах одной территории; теперь последнее явление в значительной мере диссоциировало расово+территориальные кумуляции, однако они продолжают еще жить, ибо расовая карта земли показывает, что и до сих пор огромные территории занимаются исключительно одной расовой группой, и до сих пор каждая раса (белая, желтая, черная) имеет свою определенную область локализации, где индивиды других рас тонут в массе расы, занимающей это пространство) [2]), 5) *расово+религиозную* (в прошлом, теперь

---

[1]) См. материал у *Руффини*: Религиозная свобода. СПБ. 1914 г. *Ч. Ли*: История инквизиции, т. I и II. *Ширяев*: Религиозные преступления. 1909. *Познышев*: Религ. преступление. 1906 г.

[2]) См. *Sergi*: *Hominidae*. L'uomo secondo le origini, l'antichita, le variazioni, la distribuzione geografica. Torino. Bocca. 1911 г.

в значительной мере эта кумуляция диссоциировалась—но еще жива; примером могут служить евреи, как расовой тип, имеющий свою религию), 6) отчасти *расово+партийная*, данная в форме лиц определенной расы, организованных в одну расовую политическую группу с определенной программой, отстаивающей интересы данной расы (напр., негров), 7) *расово+имущественную* (богатые и бедные расы), 8) *расово+профессиональную* (многие кастовые группы Индии, каждая из которых имеет определенную кастовую профессию и вместе с тем принадлежит к разным рассовым типам) [1], в настоящее время большая часть таких групп диссоциировалась). Таковы главнейшие двойные нормальные кумуляции, даваемые расовой групировкой.

Языковая группировка давала такие главнейшие двойные кумуляции: 1) языково+об'емно правовую, 2) языково+государственную, 3) языково+расовую (см. выше), *4) языково+территориальную* (большинство групп, занимающих сплошь определенную территорию, говорящих на одном языке и, след., имеющих сходную культуру; таковы: черемисы, зыряне, поляки, украинцы, великороссы, эсты, латыши, литовцы и т. д.), *5) языково+религиозную*, (социальные аггрегаты, состоящие из лиц одноязыковых и одноверующих; большое число таких групп было в прошлом, когда различные языковые группы имели свои собственные религиозные верования; теперь эта кумуляция в значительной мере диссоциировалась; примерами таких групп в наше время могут служить, напр, вотяки, самоеды и др. инородческие группы, сохранившие свой язык и свои верования); 6) *языково+партийные* (напр., „польское коло", и др. „национальные" партии в бывшей Австрии, в Германии и т. д.)

Религиозная группировка кумулировалась с следующими группировками: 1) с об'емно-правовой, 2) с государственной, 3) *с расовой, 4) с языковой*, (см. выше), *5) с партийной* (напр., партия „католического центра", „партия евангелистов", „партия христианского социализма" и т. д.), 6) *отчасти с имущественной* (христианство-религия бедных в древности и первые христиане были в огромной своей части религиозно+бедной групной; позже, с огосударствлением христианства, оно давало своим адептам, особенно церковной иерархии, ряд материальных выгод и делало их богатыми по сравнению с адептами языческих и преследуемых религий) и 7) *отчасти с профессиональной* (религиозно+профессиональные группы священников, жрецов и т. д., с одной стороны, с другой—те профессиональные группы, напр., члены парламента в Англии, для занятия которых нужна принадлежность к определен-

---

[1]) Ряд различных каст Индии происходит от различных расовых групп, The principle upon which the system (of caste) rests is the sense of distinctions of race indicated by difference of color). Это расовое различие каст сохраняется благодаря абсолютному запрету смешанных кастовых браков (абсолютной эндогамии) Essential and most prominent characteristic of caste is the absolute prohibition of mixed marriages". *Risley:* General Report of the Census of India. 1901. 556. 496 и др. К этому присоединилось разделение каст по профессиям: каждая каста имеет свою специфическую профессию. В итоге такой кумуляции мы получаем расово+профессиональную группу.

вой религии, с третьей—религионо+профессиональные союзы рабочих, напр., католиков в Германии, 8) временами *с территориальной* (территориально+религиозная группа, состоящая из лиц, живущих на одной территории и исповэдующих одну религию. В настоящее время она в значительной мере диссоцировалась. Пример: население киевской Руси. [1])

Имущественная группировка встречается в форме следующих, двойных нормальных кумулятивных групп: 1) *имущественно+об'емно-правовой* (см. выше). 2) *временами, имущественно+расовой* 3) *изредка имущественно+религиозной* (см. выше) 4) *весьма часто имущественно+профессиональной* (профессиональные группы, хорошо оплачиваемые и имеющие громадный доход, напр., профессии банкира, предпринимателя, крупного землевладельца, министра, и т. д. и профессиональные группы, плохо оплачиваемые, напр., профессии чернорабочего, пролетария, мелкого земледельца-собственника, мелкого арендатора и т. д.; [2]) 5) *имущественно+партийной* (политические партии, защищающие главным образом интересы богатых лиц и состоящие преимущественно из последних, партии аграриев и капиталистов; „октябристы", „торгово промышленная партия", партия кадет, у нас; и политические партии, защищающие преимущественно интересы бедняков,—пролетариата и мелкого крестьянства, - напр., рабочие и социалистические партии; указанное выше положение Каутского, что каждому классу соответствует своя партия в категорическом виде неверно, но оно верно в том смысле, что между определенными имущественными слоями и определенными партиями, напр., между бедными и социалистическими партиями имеется особое сродство; они легко кумулируются и дают в итоге определенную, бедно+социалистическую или богато+консервативную кумулятивную группу.), 6) иногда *имущественно+возрастной* (см. выше) 7) временами *имущественно+территориальной* (жители определенной територии — плодородной или богатой ископаемыми металлами и минералами—в общем более богатые, чем жители другой местности).

Территориальная группировка давала . и дает такие двойные кумуляции: 1) *территориально+об'емно-правовую*, 2) *территориально+государственную*, 3) *териториально+языковую*, 4) *тер-*

---

[1]) „В то время, как княжеская власть на Руси была еще очень слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства—церковь была едина, и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви". *Платонов*: Лекции по Русской Истории. 84.

[2]) Бугле правильно указывает на то, что „царство буржуазии в современных обществах покоится в конечномъ счете на алльянсе высших функций (профессий) с громадными капиталами; она является классом владеющим и в то же время управляющим; ее морально-политические преимущества всего чаще спаяны с экономическими привилегиями. Этим об'ясняется, почему наши общества, несмотря на легальное и оффициальное равенство, оказываются как бы разделенными на два мира: один из них мрачен и тускл, другой —заимствующий свой блеск от золота, вокруг которого он вертится и к которому тяготеет, блестящ и ослепителен—мир труда и мир капитала". *Bouglé*: La democratie. 92 См. также *Fahlbeck*: Les classes sociales. *Бюхер*: Возникн. нар. хоз., II. 91 и сл.

риториально+расовую, (см. выше) 5) *территориально+профессиональную* (население территории с развитием экономической жизни и с ростом разделения труда все более и более специализируется в тех профессиях, которые соответствуют естественным свойствам территории: жители плодородных равнин становятся преимущественно земледельцами, жители районов, богатых углем, золотом и др. минералами, в общем занимаются добыванием и обработкой ископаемых богатств; жители степей, богатых травой, становятся скотоводами и т. д.) [1]) 6) *территориально+религиозную* (см. выше), 7) *иногда территориально+имущественную* (см. выше), 8) *территориально+партийную* (территориальные партии, состоящие из лиц, защищающих интересы той или иной местности, напр., интересы южных штатов Сев. Америки или интересы Северных Штатов пред и во время гражданской войны за освобождение негров).

Профессиональная группировка, помимо перечисленных кумуляций (*профессионально+об'емно-правовой, проф.+имущ-ой, проф.+территориальной, проф.+половой, проф.+возрастной, проф.+расовой* См. выше,) встречается в таких соединениях: профессионально+партийной группы (напр., рабочие+социалистические партии или Labour Party в Англии), *профессионально+религиозной* (напр., профессиональные католические союзы рабочих в Германии).

Партийная группировка, как видели, кумулировалась и кумулируется с группировками: 1) *профессиональной*, 2) *об'емно правовой*, 3) *имущественной*, 4) *временами с религиозной*, 5) *иногда-с территориальной*, 6) *с расовой*, 7) *с языковой*, 8) иногда с *половой*. (см. выше) *Семейная группировка*, если взять ее в форме основных типов семьи, согласно классификации школы Ле-Пле, кумулируется с группировками: 1) *государственной* (население Англии, Соед. Штатов Сев. Америки, Норвегии и Швеции, принадлежит к семейному типу индивидуалистической формации, население Франции и др. европейских государств к типу ложно-индивидуалистической формации и т. д.), 2) если взять семейный институт с других точек зрения, напр., с точки зрения многоженства, то семейная группировка кумулируются *с религиозной* группировкой (напр., моногамная семейная группировка легко соединяется с христианством, полигамная — с магометанством). 3) Если взять семейную группировку с точки

---

[1]) См. *Demolen*: Comment la route cree le type social. т. I и II. *Simple*: Influences of Geographic Environment. 1911 г. и др. Этот процесс в последнее время имеет место и по отношению к городам. И здесь отмечается тенденция к „возможно целесообразнейшему распределению и географическому сосредоточению отдельных отраслей промышленности", вызывающая специализацию городов. Так, „изготовление воротников и манжет. (в Соед. Штат. Сев. Америки) почти целиком сосредоточено в Штате Нью-Йорк, а в нем самом 85,3% сосредоточено в Трои, от чего самое место сказывается на 68,7% специализированным, т. е. 68,7% всех занятых в нем рабочих принадлежат к названной отрасли промышленности. Перчаточное производство на 64,9% сосредоточено в том же штате, в частности в Гловерсвиле, который от того на 74,9% специализирован. Железное и стальное производство сосредоточено на 54,% в Пенсильвании, убой скота сосредоточен на 40,1% в Иллинойсе и т д. См. сб. „*Большие города*". СПБ. Изд. Просвещения. *Вентин*: Эконом. значение больших городов. 97-98. См. также: R. *Maunier*. La distribution geografique des industries. Revue Soc. 1908. июль.

зрения правил брака, напр., правил, запрещающих экзогамию, то семейная эндогамическая группа может, как в Индии, легко слиться *с расовой* группировкой и дать в итоге группу, об'единенную не только связью кровного родства, но и единством и чистотой расовых признаков. Отмечу далее довольно часто встречающиеся кумуляции: 4) *семейно+языковую*, составленную из совокупности семейств, имеющих сходную организацию семьи и принадлежающих к одной языковой группе, 5) *семейно+территориальную* (совокупность семейств, сплошь занимающих определенный район и имеющих одинаковую организацию; напр. мормоны в Штате Ута, об'единенные кроме того общей религией). По отношению к другим группировкам семейная группировка в смысле семейной формации определенного типа нейтральна, ибо в состав группировки богатых или бедных, группировки профессиональной и др., входят семейные формации разного типа. Нельзя сказать напр., что индивидуалистическая формация семьи легко кумулируется с такой то профессией, а патриархального типа—с иной; если подобное „сродство“ и есть, то оно косвенно и слабо выражено.

Таковы основные нормальные (хотя и не в одинаковой степени) двойные кумуляции важнейших элементарных группировок. Из этого краткого перечня видно *громадное разнообразие „химического состава“ различных двойных групп, с одной стороны, с другой—чрезвычайная сложность строения населения.* Вместо традиционной простой картины распадения населения на небольшое число групп, слоев или классов, мы получили несколько десятков различных по „химическому“ составу социальных групп двойной сложности. Мы видели, что каждая элементарная группировка дает несколько химических двойных соединений, а все вместе-довольно большое число двойных кумулятивных групп, весьма значительно отличающихся друг от друга и потому не допускающих смешения или отождествления их друг с другом, как это делается обычно. Нельзя, напр., смешивать профессионально+об'емно-правовую группу с профессионально+имущественной, а тем более—профессионально+религиозную с религиозно+языковой (как нельзя смешивать CO с CO_2 или H_2O с CO в химии). Они так же отличны друг от друга, как CO отлично от CO_2 или H_2O от CO [1]). Между тем такое смешение—общее явление, и не только в работах генерализирующих социологов, но и в работах историков, анализирующих состав и строение населения определенной страны в определенную эпоху. В итоге получаются расплывчатые, неопределенные характеристики, четкость линий социального расслоения населения не дается, и вся картина социального строения населения становится туманной и неясной. Нет слов, традиционный прием прост, он не требует трудного „химического анализа“ по очерченному методу, но, к несчастью, не всякая простота спасительна.

---

[1]) Отсюда уже понятна необходимость детального анализа и сложность его при классификации сложных социальных аггрегатов („обществ“), отсутствующая почти во всех таких классификациях и делающая их совершенно ненаучными, как увидим ниже. См. гл.: Систематика сложных соц. аггрегатов (обществ).

Сложность строения населения станет еще большей, если учесть, что двойными кумуляциями дело не исчерпывается. Рядом с ними даны и существуют нормальные кумуляции *тройные*, *четверные* и т. д., а соответственно-нормальные кумулятивные группы тройного, четверного и еще более сложного состава. В итоге—население, особенно больших современных городов, превращается в социальное тело чрезвычайной сложности; точный анализ его строения—в задачу весьма и весьма трудную. По иного пути для приобретения научных данных нет: легкие пути не вели и не могут привести к желанной цели.

Сейчас я должен был бы хотя бы кратко перечислить важнейшие нормальные кумуляции тройного, чётверного и т. д. состава. Но я эту задачу здесь не буду решать: 1) Этот сухой перечень отнял бы много времени и места, а дал бы в силу своей краткости немного; 2) подробный анализ вышел бы за рамки „Общей системы социологии"; ему место в специальной монографии; 3) из очерченного метод анализа ясен и он может быть использован самим читателем. В интересах экономии времени и места будет лучше, если вместо такого сухого перечня всех тройных, четверных и т. д. кумуляций, я в связи с типичностью группы остановлюсь более подробно на анализе двух-трех кумулятивных групп двойной и тройной сложности, играющих особенно важную роль в наше время. Такой прием покажет и плюсы того пути, которым я иду, и состав этих групп, и „алхимическое состояние" социологии и социальных наук в вопросах структурного анализа населения.

Кумуляции типичные и не типичные для различных эпох и стран.

Перечисляя нормальные кумуляции я брал примеры из различных эпох и народов. Анализ основных элементарных и нормальных кумулятивных групп необходим для познания строения населения любого изучаемого времени и места. Без изучения этих явлений мы лишены возможности сколько-нибудь точно познать „химический состав" и социальное строение изучаемого „общества". Но такой анализ не все. В целях более точного познания структуры изучаемого населения исследователь должен дать ответ еще на один вопрос, а именно: *какие кумулятивные группы типичны и характерны именно для данного „общества"*.

Дело в том, что *нормальные кумулятивные группы различны для различного времени и места*. В одну эпоху мы находим одни кумуляции, в другую—другие. Так, напр., в наше время мы находим такую кумулятивную группу, как определенная открытая, солидарная, *профессионально+партийная* коллективная совокупность, носящая название рабоче-социалистического коллектива. Она представляет собой соединение двух группировок: профессиональной (фабричные наемные рабочие) и партийной, а именно, социалистической. Ряд лиц, принадлежащих к профессии наемных рабочих, работающих на фабриках и заводах, принадлежит в то же время к коллективному единству социалистической партии. Число таких лиц, как известно,

в настоящее время громадно. Такая профессионально+партийная група сейчас начинает играть громадную общественную роль и служит „знамением времени". 100—150 лет тому назад, напротив, подобная кумулятивная група или совсем не существовала или существовала в столь ничтожном об'еме, что не играла никакой социальной роли. Она типична для второй половины 19 в. и 20 века, и не типична для средних веков и позднейшего времени, вплоть до 19 столетия. То же, как увидим ниже, применимо и к другой кумулятивной групе нового времени, известной в общежитии под именем промышленного пролетариата. И обратно, для прошлых времен, напр.; для средних веков, типичны такие кумуляции, которые в настоящее время диссоциировались и перестали быть „знамением века". Так, средние века характеризуются наличностью кумулятивной закрытой *государственно+религиозной* групы. Члены одного государства должны были принадлежать и принадлежали обычно к одной определенной религии, признанной и санкционированной властью, принадлежность к которой была обязательной. За небольшими исключениями подданные государств того времени были связаны двойной связью: государственно+религиозной. Для инаковерующих", „еретиков" не было места под солнцем. Они преследовались и уничтожались.

„Религия есть то, чему государство дозволяет верить, суеверие то, чему верить оно запрещает", так характеризовал положение дела Гоббс.

Для современных государств, провозгласивших принцип свободы совести и равенства религий, такая кумулятивная група не типична. Сейчас жители одного и того же государства могут принадлежать и фактически принадлежат к различным религиям, вплоть до религии атеизма. Кумуляция религиозной и государственной групировок начинает рассасываться и в значительной мере уже диссоциировалась...

Так называемый кастовый строй характеризуется наличностью каст. *Каста представляет не что иное, как солидарную, закрытую, наследственную кумулятивную групу, составленную из кумуляции групировок: семейно-родственной + профессиональной + религиозной + общинно-правовой + имущественной + отчасти расовой и языковой*, при *отсутствии значения групировки государственной*. Такова „химическая формула" состава кастовой групы, как типичной для т. н. кастового режима. Подтвердим кратко сказанное. Что для бытия касты никакую роль не играет государственная групировка и политическая организация—это в один голос утверждают почти все исследователи каст. „В Индии нет никакого зародыша государства... Сама идея публичной власти совершенно чужда Индии" [1].

[1]) Bouglé: Not sur le droit et la caste en Inde. L'annee sociolog. т. X. 156. „Все правительства, каковы бы они ни были, всегда покоились на поверхности индусского мира". (Ne semblent jamais reposer que sur la surface du monde hindou). „Так как индусы живут изолированно, заключенные в пределах их каст, то они кажутся созданными для того, чтобы быть подчиненными всем, не ассимилируясь в то же время ни с кем и не дозволяя никому об'единить себя. Il manque a l'Inde la Cité. Une organisation proprement politique n'a pas été donnée à la société hindoue, et la tradition religieuse a pu la

Что каста в числе своих элементов имеет семейно-родственную группировку—это то же несомненно. По определению Ketkar'a (автор—индус) каста, прежде всего, группа, состоящая из тех, „кто родился в ее пределах от членов касты и включает в себя всех, имеющих такое рождение“, „членам касты неумолимым законом воспрещено жениться на членах иных каст или выходить замуж за за пределы своей касты“ (to marry outside the group [2]).

Наряду с семейно-родственной группировкой каста является группировкой религиозной. „Каста — в значительной степени дело религии“. „Касты располагаются по рангу, прикрепляются к своим ранговым местам и удерживаются на них только чувствами набожного уважения (dè respéct pieux) или священного ужаса (d'horreur sacrée). „У индусов нет различия jus и fas. Все поглощено религией“ [3]).

„Одной из главных связей членов касты, говорит Ketkar, является религия, делающая их всех учениками браманов [4]).

Сама семья уже представляет религиозный институт. La famiglia ristretta viene costituita mediante il matrimonio, atto che presenta un carattere essenzialmente religioso, говорит Mazzarella [5]).

Далее, каста есть группировка профессиональная и закрытая Каждая каста имеет свою профессию. Индивид здесь прикреплен к последней, переменить ее он не может, она наследственно передается от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. ad infinitum. Этот факт опять таки единогласно подтверждается всеми исследователями. Le caste sono aggregati sociali che hanno il privilegio di monopolizzare ereditariamente l'esercizio determinate occupazioni, говорит Мазарелла. Ibid. 199. Он настолько бесспорен, что имеются даже работы, пытающиеся сами касты рассматривать, как нечто идентичное с гильдиями (теории Nesfeld'a, Senart'a) и видеть в различии профессий источник происхождения каст [6]).

Такая односторонность, конечно, неверна. Но вместе с тем несомненной является прикрепленность касты к определенной профессии. Сколько каст в Индии, столько и профессий. Сообразно с этим традиционное 4-х членное деление каст, взятое из „Законов Ману“, фактически неверно. Профессий, а соответственно и каст, в Индии гораздо больше. Ketkar насчитывает их не менее [illegible]00.

---

dominer tout entiere“. Ibid. 156. Исключением является утверждение Mazzarella о наличности государственной организации в Индии в эпоху Нарады. Но определение государства, даваемое Мазареллой столь широко, что под него подойдет любая организованная группа, раз, во вторых, и у Мазареллы видно, что государственная группировка в Индии играла второстепенную роль.

См. Mazzarella: Le forme di aggregazione sociale nell India. Riv. it. soc. 1911. 216—219

[2]) Ketkar: The History of Caste in India. 1909. 15. „Одним из основных внешних признаков кастовой связи является intermarriage и совместное вкушение пищи“. Lyall: Asiatic Studies. 1882. То же говорит и Bouglé. Essais sur le regime des Castes. 1908. 27—28.

То же Risley: General Report of, the Census of. India. 1901—496.

[3]) Bouglé, Op. cit. 148—150 См. его: Essais. Passim.

[4]) Ketkar: Ibid. 18 и сл. То же подчеркиваетъ и *Lyall*: Asiatic Studies, 5—6, 47 и др.

[5]) *Mazarella*: Ibid. 184.

[6]) См., напр., *Senart*: Les castes dans l'Inde. Paris. 1896 г.

То же подтверждают и другие исследователи каст, а равно и статистическое исследование индусского населения [1]).

Далее, каста как семейно+религиозно+профессиональная кумулятивная группа является в то же время и об'емно—правовой группой. Профессия неразрывно здесь связана с об'емом прав и социальным рангом. Каждая каста имеет свой ранг и свой об'ем прав. Брамины, как представители касты и профессии священников, имели максимум прав и привилегий, точно фиксированный в праве и резко отличающийся от об'ема прав других профессий (каст). За ними шли кшатрии (воины), за воинами—вайсии, за вайсиями—бесправные судры (ремесленники), назначением которых было служение высшим кастам. Словом, здесь профессиональная и об'емно правовая группировки были слиты, были неразрывными [2]).

„Le caste, определяет Mazzarella, это устойчивые и автономные социальные агрегаты, юридически связанные иерхической связью" (legati fra loro da un vincolo gerarchico). Сущность постановлений о них Нарады, Брихаспати и др. древних сводов Индии сводится к следующему: 1) „существуют четыре основные касты, члены которых называются браманами, кшатриями, вайсиями и судрами. 2) каждая из предыдущих каст в этом порядке более высока и привилегирована, чем последующая 3) особенно высоко положение—юридическое и социальное—браманов, 4) *существует узкое соответствие между природой и об'смом прав, принадлежащих членам*

---

[1]) См. указанные работы Ketkar'a, Bouglé, Senart'a и в особенности Risley: The tribes and castes of Bengal (1896) и многотомную сводку исследования Индии Census of India, в особенности т. 1 и т. VI. 1901 г. Каста—это „milieu professionnels", говорит Bouglé. Note. 152. „Сын кузнеца здесь может быть только кузнецом. Сын воина—только воином. Сын священника только священником." Bouglé. La democratie. 151.

[2]) Беру для простоты 4-х членное деление Законов Ману.

Законы Ману. Труды Об-ва русских ориенталистов. № 1. СПБ. 1913. Гл. I, стихи 87—91.

„Для сохранения вселенной, он, пресветлый, назначил особые обязанности и занятия для тех, которые произошли из его уст, рук, бедр и ног. Брахманам он назначил обучение Веде и изучение, жертвоприношение для своей собственной пользы и для других, давание и принимание милостыни, кшатрію он повелел охранять народ, давать дары, предлагать жертвоприношения, изучать Веду и воздерживаться от привязанности к чувственным наслаждениям. Вайсию пасти скот, давать дары, торговать, ссужать деньги и обрабатывать землю. Одно только занятие владыка предписал Шудре—безропотно служить этим другим трем кастам".

„Далее Брахман, появляясь на земле, занимает высочайшее место на земле... Все, что существует в мире, есть собственность брахмана; вследствие превосходства своего происхождения брахман действительно имеет право на все это". Ст. 99—100. См. далее конкретный перечень прав и обязанностей брахмана. Стихи 101 и сл., гл. 2 и passim; См. passim об обязанностях и правах других каст. См. также др. религиозно-правовые своды: *Apastamba*, *Vishnu*, *Narada* и др., в издании *Sacred Books of East*. Детальный юридический анализ кастового строя дает в своей многотомной работе *Mazzarella* Studi di etnologia giuridica (особ. т. т. III—V), но ее я сейчас не имею под рукой. „Брамины, подчеркивает Bouglé неразрывность профессиональной и об'емно-правовой группировок, это выполнители одних и тех же обрядовых действий, комментаторы одних и тех же откровений, это прирожденные священники, воплощающие один и тот же идеал, пользующиеся одним и тем же престижем (об'емом прав. П. С.) и проходящие одну и ту же школу. Посвящение их—второе рождение". Bouglé. Not. 151—152.

каждой касты, и положением, занимаемым этой кастой в кастовой иерархии" [1]).

К этим кумуляциям обычно присоединялась группировка по степени *имущества* [2]), плюс—в начальный период образования каст, группировки *расовая и языковая*. Если теории каст, пытающиеся в каждой касте видеть отдельную расу, неверны, тем не менее есть истина в утверждении, что четыре основные касты законов Ману соответствуют четырем цветам рас, что сама замкнутость касты по крови и бракам произошла не без влияния расового различия и в, свою очередь, вела и ведет к созданию особых по расе и биологический конституции типов [3]).

В итоге, как видим, каста представляет сложный социальный монолит, члены которой были связаны рядом перечисленных связей. Пока антагонизм этих группировок не проявился, каждая каста представляла крепко—сколоченное тело, члены которого настолько тесно обусловливали взаимное поведение, а каждая каста—поведение других каст, что недаром исследователи, в роде Bouglé, прямо говорят, что каждая каста является как бы единым телом. En réalité de Brahmanisme n'est rien moins qu'un corps [4]).

Такова каста, как *типичная* для определенного места и времени кумулятивная группа. По своему составу она отлична и от сословий и гильдий, и цехов, и таких организаций, как организации иезуитов, друидов и др.

Для иных времен и народов—каста не типична. Ее, как определенной кумулятивной группы, мы в иные времена не находим.

Падение кастового режима означало ничто иное, как диссоциацию такой кумуляции, как постепенное разложение слитых в одно целое группировок. Для нашего времени в европейских странах кастовая кумуляция не типична.

И обратно, помимо *профессионально+партийной* кумулятивной группы (социалистическіе рабочие партии), типичной именно для нашего времени в передовых странах, наблюдаются ряд других кумулятивных групп, типичных для 19-го и отчасти 20 века. Одной из них является *государственно+территориально+языковая* кумулятивная группа, часто фигурирующая под именем „национальной". Весь 19 век стоит под знаком „национального движения". Это движение в ряде случаев состояло ни в чем ином, как в фактах кумуляции территориально+языковой и государственной группировок. Таковыми были факты: об'единения территориально+одноязыковых немцев, расчлененных до 60-х и 70 годов на ряд государств, в одно государство—в Германскую Империю; в слиянии тех же кумуляций (обратной стороной которого было разложение государств, составленных из разноязыковых групп) состоял про-

---

[1]) Mazzarella. Op. cit. 200 и сл. См. также Бугле. La democratie. 150 и сл.

[2]) См. Mazzarella: Там же, 202—203.

[3]) Этого не отрицают и противники расовой теории каст, напр., *Бугле*. Он сам подчеркивает orgueil du sang дважды рожденных (браманов). „Они—экземпляры благороднейшей расы par excellence и образцы чистоты арийской крови, говорит он. Note., 152. Essais 133—135. См. о значении расовой и языковой группировок у Ketkar'a. См. вышеприведенную цитату из Risley.

[4]) *Bougle*: Note, 151.

цесс образования Италии, выделения из Турции балканских народов и образования Болгарии, Сербии, и Черногории, тот же процесс продолжается и в наши дни: распадение Австрии и образование кумулятивных. территориально+государственно+языковых групп: Венгрии, Чехо-Словакии, и немецкой Австрии, стремящейся слиться с Германией; распадение России и образование территориально+государственно+языковых коллективов: Польши, Финляндии, Эстонии, Грузии и т. д. Словом, 19 и 20 века представляются переполненными фактами разрыва и распада государств, состоящих из разноязычных групп и образования новых кумулятивных тел в виде групп государственно+территориально+языковых (отсюда теория Блюнчли: об однонациональных, в данном случае, об одноязыковых государствах).

Наряду с такой кумулятивной группой есть ряд других, столь же типичных для населения Европы 19 и 20 века. Одной из них является та группа, которая носит название „класса".

Ниже я остановлюсь на анализе „химического состава" национальности и класса, а пока приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять, что следует понимать под типичными и не типичными для данного времени и места кумулятивными группами, характеризующими строение населения.

§ 3. Алхимическое состояние социальных наук в вопросах структурального анализа.

Из очерченной выше теории элементарных и кумулятивных социальных групп следует, что по своему составу социальные группы, как коллективные единства, весьма разнообразны и многочисленны. Нет никакой возможности свести их к небольшому числу социальных соединений. Второй вывод из развитых положений тот, что для определения той или иной сложной группы необходимо и достаточно ответить на вопросы: 1) *из кумуляции каких элементарных группировок составлена изучаемая группа* (представляет ли она кумулятивную группу: двойную, тройную и т. д., и какую именно); 2) *является ли она кумулятивной группой закрытой, открытой или промежуточной*; 3) *представляет ли она кумулятивную группу нормальную или ненормальную*; 4) *является ли она кумулятивной группой солидарной, антагонистической или нейтральной*; 5) *типична она или не типична для данной страны и эпохи.*

Ответив на эти вопросы мы получим точную и определенную характеристику природы данной группы, ее состава, характера и содержания. Иными словами, решение этих вопросов дает нам ясную формулу „химического состава" данного коллектива.

Систематическое применение данной схемы при структуральном анализе групп позволяет, с одной стороны, ввести большую точность, стройность и определенность в номенклатуру социальных групп, с другой—создать научную классификацию социальных соединений или социальных групп, с третьей—покончить с тем

хаосом и полной неразберихой, которые царствуют сейчас в социологии и в общественных науках в области названий и систематики сложных коллективов.

В этом отношении современные общественные науки представляют поистине печальное зрелище. В работах и историков, и юристов, и социологов, и экономистов, и этнографов постоянно фигурируют множество групповых терминов, смысл и содержание которых или неизвестны, или каждым понимаются по своему, или толкуются вкривь и вкось. И такое явление наблюдается не в отношении каких-нибудь второстепенных групп, а в отношении групп основных, кардинальных. В итоге все построения исследователей неизбежно оказываются неопределенными и неясными; структура группы-неизвестной; механизм взаимоотношений групп и механизм общественных процессов—нераскрытыми.

Чтобы не быть голословным обвинителем, постараюсь сейчас подтвердить это обвинение на нескольких весьма красноречивых примерах, в частности, на анализе понятия „национальности“ и „класса“. Этот анализ воочию покажет: алхимическое состояние общественных наук в вопросах структурального анализа, раз: необходимость покончить с таким состоянием, два; плодотворность развиваемого нами метода и теории, три: „химический состав и строение этих двух групп, четыре: детальнее вскроет перед читателем „сущность“ очерченных положений, пять. Этих мотивов достаточно, чтобы об'яснить и „оправдать“ введение данного параграфа в курс „системы социологии“.

Обратимся теперь к подтверждению наших обвинительных пунктов. Трудно найти работу по общественным наукам, в которой не употреблялись бы термины: *„народ“*, *„племя“* *„род“*, *„тотем“*, *„сословие“*, *„нация“*, *„культурная или цивилизованная группа“* *„национальность“* *„класс“*, *и т. п.*, *не говоря уже о термине „общества“*. Они постоянно фигурируют, как нечто вполне ясное, вполне определенное, значение которых всем известно и даже не возбуждает вопроса. Между тем—и это, вероятно, удивит многих,— все эти термины и обозначаемые ими группы представляют сплошной икс, или нечто столь неопределенное и туманное, что о научности их едва ли может итти речь.

Что такое „народ“? Какая это группа? Каков ее состав? Каковы ее характерные черты? Говоря нашей терминологией мы спрашиваем: элементарная ли это или кумулятивная группа? Если элементарная, то какая? Если кумулятивная, то из кумуляции каких группировок она составлена? Открытая она или закрытая, нормальная или нет, солидарная или антагонистическая? Типичная или не типичная?

Стоит поставить эти вопросы, чтобы сразу же „огорошить“ многих. Большинство исследователей (не говоря уже об житейской терминологии) пользовалось и пользуется термином „народ“, как чем то само собой разумеющимся. Государствоведы часто само государство определяют с помощью „народа“. Историки пишут историю различных „народов“. В общежитии постоянно говорят, напр. о „русском народе“, об „американском народе“ и т. д. Между тем

у большинства исследователей мы напрасно стали бы искать ответов на поставленные вопросы, касающиеся состава „народа", как социальной группы. А для точности эти ответы необходимы. Что, напр., следует разуметь под „русским народом?" "Следует ли под ним разуметь всех подданных России (т. е. элементарную государственную группу [1]), и черемисов, и татар, и украинцев и самоедов? Если так, то, очевидно, ни черемисы, ни татаре, ни киргизы не представляют отдельных „народов". А если они не являются „народами", то что же это за группы? Каким термином следует их окрестить? Если же под „русским народом" следует разуметь не всех подданных России, а только „русских", „великороссов", то встают вопросы: какую социальную группу представляют собой великороссы, как „народ?" Элементарную, кумулятивную и какую именно? Короче, каков состав социальной группы, называемой „народом"? Увы! на эти вопросы мы напрасно стали бы искать ответа у большинства лиц, оперирующих термином „народа". Больше того, одни и те же лица употребляют его в различных и часто противоположных значениях: то в значении подданных одного государства (в значении элемент. госуд. группы), то в значении группы языковой (черемисский, татарский, латышский, зырянский, англо-саксонский, негритянский, венгерский и др. „народы"), то в значении группы кумулятивной того или иного состава, часто различного у одного и того же автора [2]). Словом, „народ"—карди-

---

[1]) Так и понимают этот термин одни из государствоведов. „Народом масса становится лишь посредством об'единяющей ее организации", читаем мы у *Еллинека*. Право Совр. Гос.-ва 91. Но какой организации—ответа нет. Другие поступают проще, не давая никаких пояснений „народа". См. *Лазаревский*. Рус. Госправо 46. Третьи ограничиваются положениями мало содержательными и темными в роде: „народ представляет некоторый самодовлеющий социальный организм". Темно и не ясно. См. *Магазинер*: Лекции по госуд. праву. 14. Четвертые, как Дюги, конструируют народ, как кумулятивную группу, составленную из кумуляции ряда группировок: госуд. рас. язык. религ., присоединяя общность традиций, потребностей и стремлений, но такую кумуляцию считают только примерной. См. *Дюги*: Конституц. право. 102—104.

[2]) Примеров такого совершенно различного содержания, вкладываемого в этот термин одним и тем же автором, можно было бы привести десятки. Ограничиваюсь одним—двумя примерами. *С. Ф. Платонов* под народом древней, Киевской Руси понимает кумулятивную группу, но в одном случае—одного состава, в другом—через 9 стр., другого. На 92 стр. его „*Лекций по русской истории*" мы читаем: народ Киевской Руси представлял совокупность лиц, „об'единенных одной династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания". Такова первая формула „народа". На 100 стр. читаем: „долгое совместное жительство, единство племени, языка и религии делали из русских славян—один народ". Первая формула народа гласит, что это кумулятивная: 1) государственная (династия)+религиозная языковая+племенная (об племени сейчас пойдет речь), самосознающая группа. Вторая формула народа дает значительно иной его состав. Согласно ей народ—это кумулятивная: 1) территориальная+племенная (?)+языковая+религиозная группа. Как видим, на протяжении 8 стр., даются две различные формулы народа. Хороша точность! Недурна социальная химия! Если так оперируют с „народом" крупнейшие историки, то что же сказать об операциях „малых" ученых, обывателей, газетчиков и т. д. Что сказали бы химики, если бы их коллега углекислым газом стал называть и CO, и CO_2 и H_2SO_4!

нальный термин истории и общественных наук, — представляет кляксу, содержание которой или неведомо, или разно понимается разными авторами, или разно понимается одним и тем же автором.

Рядом с народом постоянно употребляется термин „*племя*". Что такое „*племя*"? Что это за группа, элементарная, кумулятивная и какая именно?

Поставьте эти вопросы и поищите у историков и других обществоведов формулу племени—и у большинства вы не найдете ничего, или найдете нечто совершенно неопределенное, или не только неопределенное, но разно-и-противоречивое, часто у одного и того же автора [1]). Нам говорят, например, о „территориально-племенном обществе". Но следует ли разуметь под ним элементарную территориальную группу в указанном выше смысле, или группу кумулятивную и какую именно (территориально + государственную, территориально + языковую, или еще более сложную, напр., территориально + государственно + языковую, или территориально + расово + языково + религиозную и т. п.), мы напрасно стали бы искать ответа. Такие вопросы обычно даже не ставятся или в лучшем случае ad hoc бросается два-три штриха и тем дело ограничивается [2]).

Легко понять, что при таких условиях понятие „племени" превращается в туманное пятно, неизвестно что означающее. А потому и все разговоры о „племени", „племенной связи" (как в указанной цитате из курса С. Ф. Платонова) и т. д.—все становится неопределенным, неведомо что означающим и неизвестно что характеризующим... Очевидно, что такие операции и построения не могут считаться научными.

Рядом с племенем обычно употребляется „*род*", как социальная группа sui generis. Говорят об роде, „родовой связи", „родовом обществе", „родовом укладе", часто противополагают „род" „племени". „тотемической группе" и т. д. Если „племя" и „народ" кажутся относительно неопределенными, то „род" для многих понятие вполне ясное. Но, увы! Так кажется только с первого взгляда. При большем знакомстве с „родом" дело меняется. Вместо критики я могу предоставить слово М. М. Ковалевскому— человеку много поработавшему в этой области. Цитата из его социологии сделает мою критику ненужной. Вот она. „Вероятно я удивлю многих из моих читателей следующим заявлением: вопрос о происхождении рода и его первоначальном характере

---

[1]) Напр., в „Лекциях" *С. Ф. Платонова* термин „племя" применяется чуть ли не ко всем группам. „Племенем" называются: сарматы, роксаланы, аланы, вестготы, остготы, гунны, славяне, и среди них племенем же обозначаются: поляне, древляне, дреговичи и т. д.

Племя же составляют и арийцы вообще; племенем называются литовцы и их ветви: жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и т. д. Словом, все группы составляли племя. Не слишком ли много „племен" и не обозначаются ли одним термином совершенно разнородные группы? (напр., с одной стороны арийская группа вся, с другой — кривичи и ятвяги): См. Лекции, 48—56 и др.

[2]) Что, напр., представляли из себя по своему составу группы, называемые „племенами": „кривичей", „полян". „древлян". „веси", „мери", „чуди"—единому богу ведомо. То же применимо и ко всем „племенам".

принадлежит к числу открытых, т. е. таких, которые еще ожидают решения. Как! скажут мне, разве не установлено, что род,— это агломерат лиц, происходящих от одного родоначальника... Да, таково именно, ходячее понятие. Его можно встретить в большинстве сочинений по истории права. Оно без дальнейших комментариев попало в те толстые и запутанные руководства, в которых под именем энциклопедии законоведения резюмируется вся гипотетическая часть нашей науки“ [1]).

Весьма часто говорят о *группах, принадлежащих к одному типу культуры или цивилизации*; соответственно с этим выделяют *„народы различной культуры и цивилизации“*, *особую группировку „по характеру цивилизации“* и т. д. [2]). Легко понять, что и такие группы в силу неопределенности и различного понимания этих терминов, представляют группы мало определенные и нечеткие. Даже там, где авторы пытаются точно определить понятие группы по характеру цивилизации, и там, благодаря не различению ими элементарных и кумулятивных групп, получается определение, далекое от ясности. Примером таких определений (не говоря уже о неясном понятии „зон культуры“ Ратцеля) может служить определение Дюркгейма и Мосса, выдвинувших его не так давно. Государственные, хорошо очерченные группы, имеющие определенную территорию и т. д., говорят они, не представляют единственную и высшую форму социальной группировки. Рядом с ними была и есть группировка иная, не сливающаяся с первой, пересекающая ее и выходящая за пределы государственных границ. Она живет своей, над и вне государственной жизнью. Таковы социальные группы, говорящие одним языком, имеющие одинаковые учреждения (напр., матриархат, тотэмизм и т. д.), одинаковую религию, однородную технику и т. д. Политически каждая из таких групп может принадлежать к разным государствам, по цивилизации же она составляет единое целое, одну группу. Такая группировка по цивилизации „существует не в качестве изолированных фактов, а в качестве сложной и солидарной системы; не будучи ограниченной пределами определенного политического организма, она вместе с тем, оказывается локализованной во времени и в пространстве. Такой системе фактов, имеющей свое единство, свою форму бытия, надлежит иметь и свое имя; таким именем всего лучше будет имя цивилизации“. Соответственная группировка населения будет группировкой по характеру цивилизации, представляющей „вид моральной среды, в которую погружено известное число наций; частной ее формой будет всякая национальная цивилизация“ [3]).

Дюркгейм и Мосс по сравнению с совершенно неясными понятиями „цивилизации“ дают относительно более определенное ее понятие и понятие соответственной группы. Но они делают только

[1]) *Ковалевский*: Социология, т. II. 91 и сл.

[2]) См. материал у *Лаврова*: Цивилизация и дикие племена. СПБ. 1904. См. „зоны культуры“ *Ратцеля*: Народоведение, т. I. 28.

[3]) *Durkheim et Mauss*: Civilisation et types de civilisation. L'année sociolog. т. XII, 46 - 50.

первый шаг, не делая дальнейших. Из их определения мы видим, что группу по характеру цивилизации они конструируют, как кумулятивную (языковую+религиозную и т. д.). Но они не дают точного ответа на вопрос: из каких же именно элементарных групп составляется кумулятивная „цивилизованная группа“ определенного типа? Перечень их начат, но не докончен. Ответ „смазан“. Анализ не довершен. Очевидно, далеко не одинаковыми будут группы, представляющие кумуляцию группировок: в одном случае: языковой+религиозной, в другом—семейной+идеологической+религиозной, в третьем: языковой+расовой+профессиональной и т. д. Неопределенность формулы авторов дает возможность все эти разнородные сложные группы назвать группировкой по характеру цивилизации, т. е. называть одним термином совершенно разнородные явления. Прием, очевидно, не допустимый в науке и ведущий к ряду ошибок. В итоге—все построение падает и не может быть признано удачным.

Из этих примеров ясно хаотическое состояние социальных наук в интересующем нас отношении. Мы видим, что самые „ходовые“ термины лишены точного содержания; мы видим, что наука оперирует неизвестными величинами, выдавая их за известные; не трудно понять отсюда, что и построения, воздвигнутые на этих иксах, неизбежно должны оказаться зданиями, сооруженными на песке. В этом мы еще более убедимся при анализе „национальности“ и „класса“. А пока сказанное заставляет притти к двум выводам: 1) *в виду полной ненаучности традиционных терминов, обозначающих различные социальные группы, нужно или выбросить за борт науки все эти термины, или условиться об их точном содержании.* 2) *В первом случае они вполне могут быть заменены на основе развитой теории употребляемыми нами терминами* (группы элементарные, кумулятивные, их дальнейшие подразделения); *во втором, для придания „народу“, „роду“ и др. традиционным терминам определенности неизбежно будет в той или иной форме итти тем же путем, каким шли и мы; если не в деталях, то в принципах различать группы, выделенные нами (прежде всего элементарные и кумулятивные) их виды, подвиды и свойства; т. е. по существу расстаться с беззаботными операциями над неведомыми иксами и заняться более научной работой. Иного пути для научного прогресса в области структурального анализа групп мы не видим.* Указываемый же нами путь, хотя и труден, но способен дать большие результаты.

И тот, и другой вывод говорят о необходимости разлуки с старыми традициями и о необходимости перехода на новые научные рельсы, основная линия которых развита в данной работе.

Для большей убедительности сказаннаго перейдем теперь к анализу „национальности“ и „класса“. Он в своем роде будет поучительным.

§ 4. Что такое национальность.

(Анализ того, что называется национальностью).

О национальности, особенно в последние годы, трубят на всех улицах и перекрестках. Но что разумеется под ней—знают очень немногие. А те, кто знают, не согласны друг с другом, а если и согласны и пытаются дать точное ее определение,—никак не могут удовлетворительно решить свою задачу. Их определения или расплывчаты или негодны. „Нация—как Протей, который ускользает между пальцами всякий раз, когда мы хотим его схватить“, так характеризует положение дела К. Каутский [1]).

Для подтверждения сказанного сделаем беглый обзор главнейших теорий национальности.

Начнем с той категории теоретиков национальности, которые говорят, быть может, и верное, но никому не понятное. Что же они понимают под национальностью? А вот что... „Всякое национальное бытие... в своих последних пределах должно мыслиться одним из многочисленных проявлений абсолютнаго“. Мы должны понимать эту войну не как войну против национального *духа* нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего *национальным* сознанием Германии“, и исказившего „метафизическую основу“ немецкой национальности... Такую „болтовню“ я не понимаю. Впрочем, я понимаю одно, что в эти фразы можно всунуть любое седержание. Так пишут философы *(Франк)*. А вот и другой пример из *П. Струве*.

Национальность это—„существо мистическое“, „сверхразумное и внеразумное“. Или национализм представляет... деятельное отрицание (Св. Софии). А „София„ — это „тот мир вечных идей или первообразов, которые были положены Богом в основу творения“; это—„тварь в современной и окончательной форме, тварь—как она должна быть в вечности, тварь—какой ее хочет Бог“ (Е. Трубецкой). Вот еще пример: национальность—это „своеобразная материальная субстанция, обладающая таинственной силой создавать из себя общность национального характера“ (*Блунчли*). В этом же роде пишут *Гегель*, *Аксаков* и др. „Нация — рационально неопределима. В этом идея нации имеет аналогию с идеей церкви“ *(Бердяев)*.

Не буду больше приводить примеров. Процитированное достаточно говорит за себя тем, кто в суждениях и в словах привык искать смысла.

Посмотрим теперь, что говорят те, которые не тонут в фразах и слова которых понять не трудно. Публицисты, ученые и теоретики этого класса вполне правильно в нации или в национальности видят не метафизический принцип, не какую-то таинственную „вне и сверхразумную сущность“, а *группу или союз людей*, обладающих теми или иными признаками, иначе говоря, об'еди-

---

[1]) См. *Каутский:* Национальные проблемы. 1918 г. 17.

ненных той или иной связью. *Каковы же*, спрашивается, эти признаки?

Рассмотрим бегло выдвигавшиеся принципы.

а) Одним из таких признаков, по мнению многих лиц, является „*единство крови*“, или иначе, *единство расы*. Корни этой теории уходят далеко в прошлое. В ней повинны многие ученые, начиная с языковедов, в роде Ф. Боппа, и кончая сторонниками графа Гобино-Аммона, Лапужа, Вольтмана, Реймера и лицами вроде историка Трейчке и его ученика генерала Бернгарди.

Указываемый признак единства крови и единства расы, как критерий национальности, решительно не годен. Когда мы говорим: „Иванов и Петров — одной национальности“, то, конечно, не потому, что мы исследовали химический состав их крови, установили черепные показатели того и другого, изгиб носа, разрез глаз и т. д., а по каким-то иным основаниям, ничего общаго неимеющим с теорией единства расы. Это раз. Во-вторых, если бы дело обстояло так, то мы имели бы не национальную группировку, а расовую. В третьих, на этом основании нельзя было бы говорить об американской и английской нации, ибо по расе они однородны. И обратно, следовало бы говорить о чернокожей, белокожей, длинноголовой или круглоголовой национальности, чего эти теоретики не делают.

в) Многие исследователи (в том числе и Каутский) [1]), видят отличительный признак национальности в *единстве языка*. Люди, говорящие одним языком, принадлежат к одной национальности, таково основное положение этого течения. Данная теория национальности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако, от этого она не становится еще истинной.

Если бы дело обстояло так, то — национальность совпадала бы с языковой группировкой; в этом случае лучше было бы ее так и называть.

Если бы далее, язык был таким решающим признаком, то тех лиц (а таковых не мало), которые одинаково хорошо и с детства владеют несколькими языками, пришлось бы признать денационализированными, а след., венгерцы, владеющие венгерским и немецким языками, не могли бы считать себя венгерской национальностью. То же относилось бы и ко всем „многоязычным“ лицам и народам. Во-вторых, люди, обычно принадлежашие к различным нациям [2]), напр., англичане и американцы, раз они говорят на английском языке, должны были бы составить тогда английскую нацию; американской нации, как не обладающей собственным языком, тогда не могло бы быть. И обратно: туринец, сицилиец и миланец не могли бы принадлежать к одной итальянской нации, т. к. их говоры весьма далеки друг от друга. В третьих, если даже и принять этот признак, то мы не избавляемся этим от целого ряда противоречий и сомнений. Первое сомнение гласило бы: *насколько расходящимися должны быть языки или наречия*, чтобы

---

[1]) См. *Каутский*: Op. cit. 25 и сл.

[2]) В дальнейшем автор употребляет термины: „нация и национальность“ как тождественные.

язык, а соответственно и народ, говорящий им, могли быть признанными в качестве самостоятельных национальных единиц? Если это *расхождение должно быть основным*, тогда пришлось бы признать, напр., национальностью только славянство, и об'единить в эту национальность такие группы, как великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т. д. Каждый из этих народов в отдельности не мог бы составить национальность, ибо языки их более или менее близки. То же нужно было бы сказать и о французах, итальянцах и румынах, как единицах, говорящих на языках родственных. И они порознь тогда не могли бы называться нацией и национальностью, а должны были бы составить одну „романскую“ национальность. В итоге мы получаем картину, решительно расходящуюся с обычным пониманием этого термина.

Если же это различие языков должно быть *незначительным*, то мы попадаем в новую крайность. Почему тогда это различие не уменьшить и вместо русского, польского, украинского языков или наречий, не считать таким достаточным различием простое отличие говоров. Логических препятствий для этого нет. Тогда вместо русской, польской и украинской национальности из одной великорусской народности выкроились бы нижегородская, ярославская, московская, вологодская и др. национальности. Термин „язык“,— не есть нечто абсолютно определенное и сплошь и рядом подменяется терминами „наречие“, а иногда и „говор“. Как видим, и здесь нет спасения.

Наконец, если бы все дело было в языке, то едва ли можно было бы говорить о русской национальности, или о национальности бельгийской или английской. Поляк, малорусс, еврей, черемисс, калмык, вотяк, молдаванин и т. д. в этом случае не могли бы говорить о „русском патриотизме“, о „русском отечестве“, считать себя по национальности „русскими“ и наклеивать на себя значек „России“, как того единства, к которому они себя относят. То же относится к Англии или Бельгии, в состав которых входят народы, говорящие на самых различных языках. А между тем в речах и статьях текущего момента говорится именно и главным образом не о черемисском, вотяцком или калмыцком патриотизме и национальности, а именно о русской, не о валлонской или фламандской, а о бельгийской и т. д.

Эти краткие штрихи показывают, что на почве одного языка национальность или сольется с языковой группой или представит из себя нечто совершенно неопределенное, раз языковый признак, взятый в основу, не будет логически проводиться.

с) То же можно сказать и о всех других признаках, выдвигавшихся в этой области. Таким признаком не может быть ни *религия*, ибо люди, относящие себя к одной национальности, сплошь и рядом исповедуют различную религию, и обратно, люди, принадлежащие к одной религии, сплошь и рядом являются представителями различных наций. Не является искомым признаком и *общность экономических интересов*, так как очень часто (если не всегда) экономические интересы русского рабочего меньше противоречат экономическим интересам немецкого пролетария, чем

русского капиталиста. Не могут быть искомым признаком нации и *единство правящей династии* или, как указывают многие,— „*единство исторических судеб*". Последние—весьма изменчивы и текучи. Сегодня они об'единили в одно целое греков, сербовъ, болгар и черногорцев против турок, а завтра те же „судьбы" раз'единили союзников и сделали их врагами. Сегодня они об'единили русских с союзниками, завтра — с германцами против союзников.

Но может быть искомым критерием служит *единство морали, права и нравов*? Увы! нет! Кому же не известно, что разница между русским крестьянином и русским „барином" в этом отношении гораздо большая, чем между русским барином и „немецким" аграрием.

Тогда быть может искомый икс заключается в *единстве мировоззрения, в единстве философии*? Опять-таки нет. Мировоззрение русских социал-демократов и немецких социалистов, или немецких философов и русских философов, нередко сходно, а по национальности они относят себя к различным центрам и недавно стояли во враждебных нациях.

Поищем еще других признаков. Некоторые указываютъ на *единство культуры* [1]), как на отличительную черту национальности. Но разве это „туманное пятно" не состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь? Выбросьте из „культуры" язык, религию, право, нравственность, „экономику" и т. д., и от „культуры" останется пустое место.

d) Есть еще одна попытка установить понятие и сущность национальности путем подчеркивания психологической природы этого явления. Национальность, говорят сторонники этой теории, это „*сознание своей принадлежности к определенному политическому телу*, вызываемое различными причинами — религиозными, экономическими, правовыми, единством языка, исторических традиций, и т. д. [2]).

Если вдуматься в это определение, то мы видим, что здесь центр тяжести лежит в психологическом отнесении себя к тому или иному обществу или группе. Но ясно, что и это определение только ставит, а не решает вопрос. Пример: я, как журналист, отношу себя к определенному социальному телу—к моей редакции (группе людей), как православный—к определенной церкви (тоже группе), как „подданный" России—к русскому государству (тоже группа), как говорящий на русском, эскимосском, французском и английском языках я отношу себя ко всем лицам, говорящим на них (то же группы) и т. д. Во всех случаях у меня налицо „сознание своей принадлежности" к той или иной группе. Которая же

---

[1]) См. напр. *О. Бауэр*: Национ. вопрос. СПБ. 1909. См. критику его концепции у *Каутского*: Op. cit. 18 и сл. Определение Бауэра, говорит верно Каутский, или „столь обще-расплывчато, что в нем нет никакого указания на то, чем собственно нация отличается от других общественных образований или же оно просто не согласуется с фактами".

[2]) Напр., *Лавров*: Опыт истории мысли. 620. *Ковалевский*: Ст. в „Истории нашего времени". *Лазерсон*: К междунар. постановке еврейского вопроса. 1917. 12 и сл.

из них будет моей нацией? Которое из этих „сознаний“ будет моим „национальным“ сознанием? Какие именно интересы из перечисленных я должен считать „национальными?“ В отдельности, повидимому, ни одна из этих связей не есть национальная связь, а вместе взятые, оне не покрывают друг друга и противоречат одна другой. Это определение, кроме того, тавтологично: национальность здесь определяется чрез национальное сознание. Получается idem per idem. Теория неверна.

В итоге, *как видим, ни одна из теорий не удовлетворяет и не знает, что такое национальность* [1]).

Еще хуже обстоит дело с теми определениями национальности, примером которых может служить следующее определение. B. Brugi; национальность—это „совокупность индивидов одного и того же народа, об'единенная в единое тело и сохраняющая *это единство, проявляющееся в форме родины или нации*“. [2]) *Здесь и* тавтология (национальность определяется чрез нацию), и ряд иксов в роде „народа“, и ряд пустых фраз, в роде „единого тела“. Короче—определение может служить примером, как не надо определять явление.

Что же мы имеем в итоге обзора: во первых, *ряд образцов бессодержательной болтовни* (дефиниции Франка, Струве, Бердяева, Блунчли, Brugi) без всякого смысла. Не будем на них останавливаться. Во вторых, *полное разноречие мнений: каждый автор дает свое определение национальности. В третьих, одни из авторов конструируют национальность, как элементарную группу, то как расовую, то как языковую, то как религиозную и т. д.* т. е. указывают одну из выделенных нами элементарных групп; никакой элементарной национальной связи sui generis, отличной от очерченных выше элементарных групп, они не указывают и не могут указать. Но раз национальность отождествляется с языковой или расовой или с другой элементарной группой, тогда ее и следовало бы называть языковой или расовой группой, а не придумывать для этого термин „национальность“. Это было бы точнее и правильнее. Далее, в этом случае необходимо быть последовательным: раз под национальностью разумеются напр., языковые группы, тогда нельзя говорить о русской национальности вообще или о национальности бельгийской или американской или еврейской, или австрийской, ибо нет русского языка, а есть великорусский, отличный от украинского, черемисского и др., языков подданных России, нет бельгийского языка, а есть французский и фламандский, нет теперь еврейского языка, (древнееврейский язык не употребляется), нет американского языка, а

---

[1]) Сказанное относится и ко всем тем теориям, которые определяют национальность, как „коллективную душу“ и т. д. Ведь и церковь и редакция, и класс, и каста—то же „коллективные души“. Что же является характерным для „национальной коллективной души?“ — Ответа на этот вопрос нет, если не считать пустые слова. См. обзор других, столь же неудачных определений национальности в „Средн книг“ *Рубакина*, т. III, 100 и сл. и в Verhandlungen des Zweiten Deutsch. Soziologentages. 1913 И тут, и там—постоянное смешение государства, родины, национальности, народа, etc, будто это вещи однородные.

[2]) B. *Brugi*: Realta sociale e metafisica. politica. Riv. ital. soc. 1911. 169—170.

есть английский и т. д. Этой последовательности, однако, не видно у соответственных авторов. Отождествив в начале национальность с языковой группой они, сбиваемые ходячими воззрениями, быстро забывают свое определение и в итоге начинают говорить и об американской, бельгийской и др. „национальности“, не имеющих своего языка, т. е. сами себе противоречат. То же применимо к расовой теории национальности и к другим определениям, понимающим ее, как элементарную группу. Ища специфически национальную связь они ее не находят, берут вместо нее расу или языковую или государственную или религиозную группы, а затем сбиваются с исходных рельсов и кончают противоречием себе. Таковы „злоключения“ этой группы теорий. В четвертых, *другие авторы конструируют национальность, как группу кумулятивную*. Но и данные теории неудачны: 1) они либо тавтологичны 2), либо неопределенны, ибо не указывают, из кумуляции каких элементарных группировок состоит национальность, как сложное тело; а не давая такой формулы они в сущности не дают ничего. В пятых, и элементарные, и кумулятивные теории национальности грешат еще одним великим грехом: *они собственно не пытаются научно определить и выделить особый вид социальной группы, называемый ими национальностью, а пытаются найти определение, согласное со всеми ходячими понятиями национальности, определение, в которое укладывалось бы все то, что Ивану, Петру и Павлу угодно будет окрестить термином „национальность“*. Их понятие национальности определяет *не столько социальную группу*, сколько разные значения, придаваемые *слову: „национальность“*. Нужно ли говорить, что такая задача не разрешима, что она похожа, на решение квадратуры круга. В общежитии термином национальность называются самые различные группы: Иван прилагает этот термин к одной группе, Павел—к другой, совершенно—отличной, Петр—к третьей, Федор—к четвертой. Найти определение, согласующее все эти разные смыслы „национальности“, очевидно, невозможно. И не только невозможно, но и безполезно, ибо такое определение дало бы в лучшем случае *словарь*, показывающий разные значения термина национальность, которые угодно было придать ему Ивану, Петру и всякому встречному, а такой словарь ни на йоту не познакомил бы нас с социальной реальностью; далее, такое определение было бы в корне ненаучным; *элементарное правило научного метода гласит: сходные вещи следует обозначать сходными терминами или знаками, различные явления—различными*; а такое „определение—словарь“ одним т рмином национальность обозначало бы ряд разнородных явлений, часто противоположных друг—другу.

Теоретики национальности, гипнотизируемые обычным словоупотреблением, собственно так и поступали. Отсюда их злоключения, заставлявшие одних противоречить себе, других—сравнивать нацию с неуловимым Протеем (легко ли уловить и согласовать всякий смысл, который вздумается придать национальности любому человеку), третьих — апеллировать к мистичности и т. д.

Самое поверхностное наблюдение показывает, что *в общежитии термином „национальности“ называются социальные группы самого различного состава.* В одном случае национальностью называют кумуляцию группировок А, В, С., в другом—кумуляцию А, М, N, в третьем, В, Д, К, Е и т. д. (Извольте, совмещайте все такие житейские применения термина!). Так, в общежитии национальностью называются и евреи, и французы, и немцы, и татары и т. д., между тем легко видеть, что эти группы имеют далеко не одинаковый состав.

„Национальность“ еврейская представляет кумуляцию ряда группировок, отличную от тех, из кумуляции которых состоит „национальность“ русская или французская. Основными элементарными группировками, (элементарными связями), из кумуляции которых составляется „национальность“ еврейская (или связи еврейской национальности) служат группировки: расовая, религиозная, местами группировка обделенных в правах (черта оседлости etc.), местами группировка по фактической привилегированности, (напр. сейчас у нас). плюс ряд других об'единяющих моментов: общность исторических судеб, сходство психологического уклада, представляющего результат расового сходства и сходства социальных условий и т. д.

Для еврейской национальности не играют никакой роли группировки: территориальная, государственная и языковая (т. к. современные евреи не имели своего государства, своей территории и своего языка).

Из иных элементарных группировок составлены „национальности“ французская или немецкая. Если для бытия еврейской национальности не играют никакой роли или имеют весьма малое значение группировки: государственная, территориальная и языковая, то для бытия французской и немецкой национальностей эти группировки играют громадную роль: обе эти „национальности“ представляют прежде всего кумуляцию группировок государственной, языковой и территориальной. Отнимите у немца или француза их язык, удалите государственную группировку (Германию и Францию) и территорию—и от той и другой национальности останется пустое место. Французская или немецкая национальность, лишенная французского или немецкого языков, не имеющая своего государства, как политической группировки французов или немцев, и своей территории—это нечто малопонятное и трудно мыслимое. Конечно, этими элементарными группировками не исчерпываются составные группировки, из кумуляции которых составляются указанные „национальности“; в число первых входят: и общность исторических судеб, и некоторая общность религии (религиозн. группировка), хотя религиозная группировка для существования французской и немецкой национальностей гораздо менее важна, чем для еврейской и др., но главными группировками для франц. и немецк. национальности являются языковая, территориальная и государственная. Из этих примеров видно, что элементарные группировки, из кумуляции которых составлены сложные группы евреев, французов и немцев,—не одни и те же, а разные. То же

мы получим и во всех других случаях. „Национальность“ татар представляет кумуляцию элементарных группировок, отличную от тех, из кумуляции которых составляется национальность английская. „Национальные связи“, об'единяющие в одно „национальное“ целое венгров, отличны от тех, которые превращают совокупность поляков в одну сложную группу: польскую национальность и т. д.

Ограничимся сказанным. Из него видно, что *именем „национальности“ покрываются ряд различных, гетерогенных групп.* Иными словами, существует только термин „национальность“, и нет соответствующей ему определенной, однородной социальной группы. *„Национальность“ такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений, об'единяемых одним термином „овощи“ в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином „дичь“, в зоологии,* „бутерброд“, как химический элемент, в химии. Отсюда понятным становится, почему безплодны были попытки установления точных признаков национальности, ибо невозможно в научном определении совместить тысячи разных и часто противоречивых значений термина „национальность“, придаваемых ему в общежитии.

Сказанное уясняет, что эти попытки не могли и не могут получить удачное решение; они обречены на неудачу, как обречены на нее попытки систематика зоолога, который захотел бы установить видовые признаки разношерстной совокупности животных, об'единяемых в обывательский класс „дичи“, или попытки систематика—ботаника, который предпринял бы установку признаков „овощей“, как однородного вида растений. Фактически мы знаем, что под той и под другой группой об'единены животные и растения самых различных видов, родов, семейств и т. д. Мы знаем и то, что современные ботаники и зоологи таких нелепых попыток не делают. В социологии, увы,—они еще существуют. Пора бы от них отучиться. Можно смело заверить, что они и впредь окажутся безуспешными.

Элементарное правило науки гласит: одним термином следует обозначать явления тождественные. Разнородные же явления необходимо обозначать терминами различными. Отсюда вывод: *раз термином „национальность“ в общежитии обозначаются разнородные по своему составу кумулятивные группы, то, очевидно, такое состояние не может долее продолжаться.* Оно в корне не научно. Выход из него может быть двоякий: *или необходимо выбросить за борт науки сам термин „национальность“, как совершенно испорченный, или придать этому термину определенный смысл, т. е. обозначать им кумулятивные группы определенного состава.* И тот, и другой выход одинаково законны. Чаще всего термином национальность покрываются кумулятивные, закрытые или близкие к ним, *территориально+языковые+государственные или стремящиеся стать государственными группы.* Как выше было отмечено, тенденция к слиянию территориально+языковой и государственной группировок—знамение времени для 19 и 20 в. Политико-государственная карта мира в течение

этих столетий стремится трансформироваться именно в этом направлении. (Образование Греции, Италии, Балканских государств, об'единение Германии в 19 в., образование независимой Финляндии, Венгрии, Чехо-Словакии, Польши в наше время, принцип „автономии национальностей“, выдвинутый за время войны рядом народов и партий, Вильсоновскими 14 пунктами, русской революцией, создание еврейского государства в Иерусалиме, образование Армении, Эстонии, Латвии, тяготение немецкой Австрии к слиянию с Германией, общее увеличение автономии „территориально+языковых групп“, переводящее их фактически на положение членов союзного государства—все это факты кумуляции территориально+языковой+государственной группировок). В силу этого, *такая почти закрытая, территориально+языково+государственная кумулятивная группа является для нашего времени группой нормальной, солидарной и типичной*. На этом основании можно было бы ее условно назвать термином „национальности“. Но тогда, очевидно, этот термин следует прилагать с одной стороны ко всем группам такого состава, с другой, его нельзя прилагать к группам иного состава, хотя бы в общежитии они и назывались „национальностью“. Тогда не нужно совершенно считаться с обычным словоупотреблением „национальности“, обозначающим самые разнородные группы этим термином. Таковы два возможных выхода. Во избежание путаницы, пожалуй, предпочтительнее первый выход, т. е. *полное удаление национальности из терминологии социальной науки*. Таковы результаты анализа национальности и неизбежно вытекающие из него выводы.

§ 5. Что такое социальный класс.

(Анализ того, что называется классом).

Класс наделал своим теоретикам не меньше хлопот, чем национальность. И в этом случае попытки „схватать этого Протея“ оказались не более успешными: „класс“ либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, пойманный, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможным отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок. Несмотря на весь шум, поднятый вокруг „класса“, несмотря на то, что выражения: „класс“, „классовая борьба“, „классовое общество“, „классовые интересы“ и т. д. теперь не повторяют разве одни безгласные младенцы, все же точного понятия „класса“, как социальной группы, нет. Нет его и у марксистов. Хотя термины „пролетариат“, „буржуазия“ и т. п. теперь читаем всюду, но, увы! что такое пролетариат и что такое буржуазия,—пока никому, в том числе и писателям коммунистических газет и брошюр, не ведомо. Если же и ведомо, то соответствующие определения—спорны.

Здесь мы наблюдаем то же, что наблюдали и в проблеме национальности, а именно: 1) В термин „класс“ различными учеными и политиками вкладывается самое разнородное, сплошь и рядом, противоположное содержание. 2) У большинства лиц, употребляющих этот термин, нет совершенно сколько-нибудь точного понятия класса. 3) Многие понимают под классом одну из элементарных группировок, отмеченных выше (чаще всего группировку по профессиям, или по степени богатства, или по об'ему прав). Но, давши такое определение, авторы очень быстро забывают его и в дальнейшем применяют этот термин к самым разнородным группам. 4) Другие лица „класс“ конструируют, как кумулятивную (на нашем языке) группу. Но, не проводя различения элементарных и кумулятивных коллективов, не указывают точно „состава“ класса, т. е. составляющих его элементарных группировок. Поэтому определения их смутны и не точны. Далее, эти авторы не последовательны. В третьих, как и в национальности, термин „класс“ применяется к весьма разнородным по своему составу кумулятивным группам. Подтвердим сказанное беглой литературной справкой.

Приведем прежде всего таблицу, показывающую, на сколько классов и на какие именно распадались и распадаются „общества“ по мнению ряда теоретиков класса. Эта таблица уже достаточно красноречива. Вот она:

1) *Платон, М. Агриппа и Саллюстий различали классы:* 1) богатых и 2) бедных [1]).

2) *Ж. Мелье, Вольтер и Рейналь:* 1) богатые и 2) бедные.

3) *Гельвеций:* 1) угнетаемые и 2) угнетающие.

4) *Кондильяк:* 1) собственники и 2) наемные рабочие.

5) *Кене:* 1) класс собственников, 2) класс производительный, 3) класс бесплодный, непроизводительный.

6) *Кантильон:* 1) собственники, 2) предприниматели, 3) рабочие.

7) *Тюрго:* 1) праздные, 2) трудящиеся.

8) *Минье:* 1) привилегированные, 2) буржуазия, 3) народная масса (низшие).

9) *Гизо:* 1) собственники, живущие нетрудовым доходом, 2) собственники, живущие своим трудом, 3) класс, не имеющий собственности.

10) *Л. Блан:* 1) буржуазия, 2) народ.

11) *С. Симон:* 1) идейные вожди, 2) собственники, 3) несобственники. Другое деление: 1) командующие классы и 2) подчиненные.

12) *Анфантэн:* 1) владеющие и 2) невладеющие.

13) *Консидеран:* 1) богатые и 2) бедные.

---

[1]) Таблица составлена на основании работ: *Пёльмана:* История античного коммунизма и социализма. СПБ. 1910 г. *Picard Roger:* La théorie de la lutte des classes à la veille de la revolution. Revue d'économie politique. 1911 г. № 5. *С. И. Солнцев:* Общественные классы. Томск. 1917. К этим работам, в особенности к работе С. И. Солнцева, автор отсылает за подробностями.

14) То же под разными именами дают: *Рейно*, *Леру*, *Прудон*, ***Видаль*** и др.:

1) трудовые и 2) капиталистические,
1) пролетариат и 2) буржуазия,
1) работники и 2) хозяева,
1) рабочие и 2) капиталисты.

15) *Годвин*, *Холл* и *Томпсон*: 1) богатые и 2) бедные; 1) капиталисты и 2) рабочие.

16) *А. Смит*: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие.

17) *Спенсер*: 1) низшие, 2) средние и 3) высшие. То же. *F. Chessa* [1]).

18) *Гумплович*: 1) дворянство, 2) буржуазия, 3) крестьянство.

19) *Шмоллер*: 1) крупные предприниматели, 2) средние предприниматели, 3) мелкие хозяева, 4) крупное чиновничество, либер. профессии, частно-служащие, 5) рабочие.

20) *Аммон*: 1) предприниматели, 2) крестьяне и 3) рабочие.

21) *Боэр*: I. Правящие классы: 1) законодатели, 2) судьи, 3) главы государства, 4) представители исполнит. власти, 5) армия, 6) представители духовной власти, 7) представители руководящей интеллигенции. II. Управляемые классы: 8) крестьяне, 9) рабочие, 10) предприниматели, 11) торговцы и финансисты, 12) занятые в транспорте, 13) бедняки, 14) преступники [2]).

22) *Блондель*: 1) победители и побежденные, 2) господа и рабы, 3) богатые и бедные.

23) *Ковалевский* (для России): 1) городской и сельский пролетариат, 2) крестьяне-общинники, 3) сельское духовенство, 4) мелкие собственники, 5) купцы и промышленники.

24) *Зомбарт*: 1) юнкерство, 2) буржуазия, 3) мелко-буржуазное мещанство, 4) пролетариат.

25) *Д'Эт*: 7-мь классов в зависимости от Standart of life.

26) *Бюхер*: 6—8 соц.-профессиональных классов.

27) *Оверберг*: 1) собственники, 2) пролетариат, 3) средний класс,

28) *Ш. Жид*: 1) актив. капиталисты, 2) пассивные капиталисты, 3) самостоятельные производители, 4) наемные рабочие, 5) чиновники.

29) *Маркс*: по толкованию одних (напр., Оверберга и Каутского) три класса: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие; по толкованию других (напр., Солнцева), два: капиталисты и рабочие.

30) *Каутский*: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие, плюс—промежуточные классы [3]).

31) *Туг.-Барановский*: 1) аристократия (землевладельцы), 2) буржуазия, 3) пролетариат, плюс—мелкая буржуазия, крестьянство [4]).

---

[1]) *Chessa*: Le classi medie. Riv. it soç. 1911. 62—83.

[2]) См. *A. Bauer*: Les classes sociales. Paris. 1902. 142 и сл.

[3]) См. *Каутский*: Очередн. проблемы междунар. социализма. СПБ. 1906. 13—14 и сл.—в Agrarfrage, см. гл. Bauer und Proletarier.

[4]) *Туган-Баран*. Основы. 503 и сл.

32) *Чернов*: 1) землевладельцы, 2) капиталисты, 3) рабочие [1]).

Останавливаюсь на этих примерах. Сделанная сводка весьма красноречиво показывает, какая разноголосица царит в вопросе: на какие классы распадается „общество“ и сколько их. Эта разноголосица была бы бесконечно бо́льшей, если бы излагать не основные классовые подразделения, а все главные детали классовой группировки каждого автора.

Из этой же таблицы следует и разнородность тех критериев, которые кладутся в основу классового деления. В этом отношении мы видим, что все теории делятся на две основные группы: 1) теории „монистические“, выделяющие класс на основании одного признака, след., изображающие его, как элементарную группировку, 2) теории „плюралистические“, выделяющие класс на основании многих признаков, след., считающие его сложным социальным телом [2]).

С. И. Солнцев различает, по меньшей мере, 9-ть основных групп, исходящих из 9-ти различных признаков класса. Эти группы таковы.

1) „естественно-органические учения об общественных классах (на основе естественно органического *отбора*“). Теории Спенсера, Аммона и др. селекционистов.

2) „расовые теории общественных классов (на основе различия *рас*)“. Гумплович, Ратценгофер и др.

3) „теории общественных классов на основе разделения труда и образования *профессий*“. Боэр, Шмоллер и др. (Шмоллеровская теория de facto плюралистическая, ибо класс по Шмоллеру—сложная группа, представляющая кумуляцию элементарных группировок: расовой, профессиональной и по доходу [3]).

4) „Теория исторических наслоений и воплощений (на основе различных *хозяйственных систем*)“. Зомбарт, Ганзен.

5) „Теории общественных классов на основе различия *социального ранга*“. Вормс, Пэш, Пирар и др.

6) „Теория Standart of life (на основе различия *уровней жизни*“). Д'Эт, Декамп и др.

7) „Теории общественных классов на основе имущественных различий (теории *богатства*). Л. Штейн, Бюхер, Визе, Оверберг, Гобло и др. [4]).

---

[1]) *Чернов*: Социалист. этюды. М. 1908 г. 287—358. Иначе в: „Крестьянин и рабочий, как экономич. категории. П. 1917. Здесь: 1) трудовые и 2) нетрудовые классы.

[2]) В неразличении теорий этих двух типов недостаток работы *С. И. Солнцева*, ошибочно отнесшего такие „кумулятивные“ теории, как теория классов Шмоллера, Оверберга, Д'Эта и др. к типу „монистических“. См. *Солнцев*: Op. cit. 151 и сл.

[3]) „Отвлекаясь от модифицирующих элементов (в качестве основы образования классов), мы получаем: расу, разделение труда и образование профессий, а также и распределение дохода“, пишет Шмоллер. См. *Schmoller*: Grundriss der Volkswirtschaftslehre, Leipzig. 1901. т. I. 395. Определение класса, даваемое им на 392 стр., еще сложнее.

[4]) Опять-таки и теории Де-Кампа, и Д'Эта, и Бюхера, и Оверберга — теории плюралистические.

8) „Распределительные теории общественных классов (на основе *отношений распределения*)“. Лориа, Жид, Чернов, Делевский, Каутский, Туг.-Барановский и др.

9) „производственные теории обществ. классов (на основе *отношений в производстве*)“. Гент, Богданов, Маркс, Энгельс и Солнцев [1].

Из этой сводки, как и из предыдущей видим, что по конструкции одних авторов класс представляет *элементарную* (на нашем языке) социальную группу (таковы теории классов: *расовая*, *профессиональная*, *социального ранга* (об'ема прав), и по *величине богатства*.)

Другие авторы конструируют класс, как *группу кумулятивную* (по нашей терминогии), образуемую кумуляцией ряда условии. Таковы по существу теории Шмоллера, Д'Эта, Декампа, Оверберга Бюхера, распределительная и производственная теории классов [2].

Приведенные справки достаточно убедительно подтверждают выставленное выше положение, что сколько—нибудь общепризнанного понятия класса нет, что здесь царит „хаос мнений“.

Однако, этот хаос представлял бы пол-беды, если бы сами мнения были сколько нибудь отчетливы и соответствовали действительности. Но и этого сказать нельзя. Определения класса, в большинстве случаев, тягучи, неопределенны, неясны. Мало того: редкие из теоретиков последовательны и свободны от грубейших ошибок.

Попробуем бегло доказать эти „обвинительные пункты“.

Начнем с теорий, конструирующих класс, как *элементарную группу*. Главнейшие из них сводятся к четырем видам, отождествляющим класс: *с расовой группой* (Гумплович, Ратценгофер, Аммон, Гобино и др.), *с группой профессиональной* (Боэр и частично Шмоллер), *с группой социального ранга* (об'ема прав, Вормс, Пэш, Пирар, Гельвеции, С. Симон, Блондель, отчасти Спенсер и др.), и *с группировкой по величине богатства* (Платон, Мелье, Вольтер, Гизо, Анфантэн, Консидеран, Годвин, Томпсон, Бернштейн, Парето, Штейн, частично, Бюхер и др).

Как видно отсюда, эти теории отождествляют класс с одной из очерченных нами элементарных группировок. Само по себе ничто не мешает последние называть классами. Важно лишь, чтобы при этом не делалось ошибок по существу. А такими ошибками страдают все эти четыре типа классовых теорий.

Первая ошибка заключается *в их непоследовательности и самопротиворечии*. *Расовая теория* классов в лице Гумпловича,

---

[1]) *Солнцев*: Op. cit. 152.

[2]) Классификация теории классов, данная *С. И. Солнцевым* в его ценной работе, страдает большой неустойчивостью и неопределенностью. Так, первая группа теории, в частности теория Аммона, может быть вполне причислена к расовой теории. Различие той и другой не в принципе классового деления, а в способе возникновения классов. Столь же условно подразделение 6, 7 и 4 теории. Большинство этих теорий плюралистические теории или на языке Солнцева—эклектические. Поэтому, в дальнейшем я буду отступать от его классификации.

Ратценгофера [1]), Аммона и др., не говоря уже о фактической ея ошибочности, непоследовательна прежде всего в самой терминологии. Если классовая группировка совпадает с расовой, то следует говорить о классах „белокожих", „чернокожих", „краснокожих" и т. д., или о социальных классах „круглоголовых и длинно-головых", а не о классах: дворян, буржуазии и крестьянства, как делает Гумплович, и не о классах: привилегированных, бесправных и среднем классе, как делает Ратценгофер. Давая такой перечень классов эти авторы тем самым достаточно красноречиво свидетельствуют свою непоследовательность и самопротиворечие. Дальнейшая критика их в этом отношении излишня [2]).

Столь же непоследовательны и теоретики класса, как *профессиональной группы*. Боэр, наиболее подробно развивший эту теорию и определяющий класс, как группу лиц, принадлежащих к одной и той же профессии [3]), сразу же, при конкретном расчленении классов, соскакивает с своих рельс. Как deus ex machina у него неожиданно появляется деление классов „на правящих и подчиненно—управляемых", т. е. деление, исходящее уже не из профессии, а из об'ема прав. В дальнейшем непоследовательность Боэра выступает еще рельефнее. Раз в основу класса положен признак профессии, казалось бы,—нельзя в один класс об'единять лиц самых различных профессий. Между тем, напр., в его 7-м классе мы находим: учителей, историков, журналистов, проповедников, публицистов, политических деятелей, ученых, философов, поэтов, и артистов, т. е. лиц самых различных профессий. Не единство профессии, а принцип степени образования, вот то, что лежит в основе об'единения этих лиц в один 7-ой класс. Столь же невыдержаны и другие классы Боэра.

Тем же самопротиворечием страдает и классовая теория *социального ранга* (об'ема прав). Если последовательно ее проводить, то можно говорить только о классах социально-высших (привилегированных) и социально—низших (обделенных). Между тем Пирар, отчасти Вормс, и др., говорят об аристократии, буржуазии и пролетариате, как классах, т. е. дают перечень классов мало согласующийся с их основным принципом. Далее, сам, этот принцип оказывается чем то весьма близким к принципу величины богатства „В последнем счете [4]), говорит Вормс, ранг определяется экономическим принципом": авторы с рельс „соц. ранга" с'езжают на рельсы величины богатства, т. е. группировки совсем иной, чем первая. Таким образом, само понятие ранга, как правильно указывает Солнцев,

---

[1]) См. *Gumplowicz*: Razzenkampf. Passim. *Ratzenhofer*: Die soziolog. Erkenntnis. 1898. Passim.

См. изложение и критику теорий у *Солнцева*: 173 и сл.

[2]) Нет надобности указывать на то, что и само понятие „расы" у них неопределенно, что класс они не различают от сословия и др. социальных групп, что сама расовая теория происхождения общественного неравенства узка и однобока и т. д.

[3]) См. *Bauer*: Op. cit. 234.

[4]) *Worms*. Op. cit. т. III. 275.

у них остается совершенно неопределенным[1]). В итоге вся конструкция приобретает смутный и неточный характер, и какая бы то ни было выдержанность исчезает.

Эта непоследовательность выступает и в теории класса, кладущей в его основу *величину богатства*. Не буду здесь останавливаться на таких „кумулятивных“ теориях, как теория Бюхера и др. Они по существу класс рассматривают, как сложное социальное тело. Но если взять более выдержанные теории Шеффле, Л. Штейна, Оверберга, Бернштейна и др., то и здесь легко констатировать то же соскакивание с своих рельс. Так, Л. Штейну для определения пролетариата приходится указывать не только на отсутствие богатства, но и образования. Далее ему пришлось различать общественные и экономические классы, а сообразно с этим дать перечень общественных классов, не вполне согласный с исходным принципом. У Оверберга чистота теории загрязнена уже тем, что признав в одном месте богатство единственной основой классового деления, в другом месте он вводит ряд добавочных условий, каковы раса и разделение труда. Еще более запутывает он свои взгляды при развитии взглядов относительно социальной функции классов. Здесь место богатых и бедных (буржуазии и пролетариата) занимает различение высших и низших классов. Далее, неожиданно, в качестве среднего класса вырастает у него класс *интеллигенции*, т. е. социальная группа, выделенная уже совсем по новому принципу, а не по признаку богатства. Те же „соскакивания“ с своих рельс находим мы и у других теоретиков этого течения [2]).

Таков первый грех этой группы теорий, рассматривающих класс, как элементарную группу.

Вторым, *более важным грехом их является симплицирование действительности*. Выше мы видели, что и расовая группировка, и профессиональная, и по об'ему прав, и по богатству, отдельно взятые, являются лишь *одной из многих* элементарных группировок, далеко не исчерпывающих все линии социального расслоения и далеко не всегда и не перманентно играющих первостепенную роль. В силу этого, выделяя *только* одну из многих группировок и называя ее классом, эти теории упрощают действительность и заставляют думать, что только выделяемое ими расслоение населения и существует. Больше того, многие из этих авторов expressis verbis подчеркивают такую мысль. Нет надобности говорить, что такие „монистические“ представления об линии социального расслоения ложны[3]). Из этой то монистической однобокости и вытекает их непоследовательность и самопротиворечие, констатированное выше: так как группировка людей в элементарные коллективные единства идет, как показано выше, не по одной, а по многим линиям, то „монистические“ теоретики класса, встав на позицию однолинейного расслоения общества, под напором слишком очевидных фактов

---

[1]) Солнцев. Op. cit. 253—254.

[2]) См. изложение теорий и в общем правильные критич. замечания у *Солнцева*. Op. cit. 286—334.

[3]) См. прав. замечания *Sensini*: Цит. раб. 570 и сл.

принуждены, вопреки своим определениям, соскакивать с рельс, вводить контрабандой другие признаки и в итоге—противоречить себе и делать неясным все свое построение.

Третий грех этой группы теорий—ее поверхностность и недальнозоркость. Он состоит в том, что *за пределами элементарных групп критикуемые теоретики не видят кумулятивных социальных тел, познание которых весьма важно для понимания строения „общества“*. Как в химии важно знание не только элементарных химических тел, но и их соединений, так и в социологии важно изучение не только элементарных, но и кумулятивных групп, в особенности групп типичных, нормальных и солидарных. Данные же авторы, помимо того, что из многих элементарных группировок, не сводимых одна на другую, видят только одну, совершенно не подозревают о существовании кумулятивных групп; они не только не решают этой проблемы, даже ее не ставят.

Сказанного достаточно, чтобы признать „алхимическими“ все теории класса, пытающиеся рассматривать его, как одно из элементарных коллективных единств.

Теперь перейдем к той группе теорий, которые конструируют класс, как *кумулятивную группу*, т. е. под классом разумеют группу лиц, об'единенных в одно целое не одним однородным признаком (напр., единством расы, или профессии, или об'емом прав и т. д.), но рядом признаков, скумулировавшихся вместе и делающих эту группу (класс) сложным коллективным единством.

Прежде всего покажем, что и в этой группе теорий царит „хаос мнений“. Беру для начала определение класса Шмоллера. Класс, по его мнению, это группа сходных индивидов и семей, об'единенных в одно целое „не сродством или соседством, а общей профессией, трудовой деятельностью, владением, образованием, нередко политическими правами не в целях ведения общих хозяйственных дел, а в целях укрепления сознания своей общности для преследования общих интересов“ [1]). В другом месте он говорит, что основой образования классов служит „раса, образование профессий и распределение дохода“ [2]). По Шмоллеру, след., класс есть солидарная кумулятивная группа, составленная из кумуляции элементарных группировок: профессиональной + по степени образования + по об'ему прав + по величине и характеру дохода (1-ое определение); по второму определению класс представляет кумуляцию группировок: рассовой + профессиональной + по величине и характеру дохода.

Один и тот же автор, как видим, на пространстве трех страниц дает два совершенно различных определения класса. В итоге—все понятие класса становится расплывчатым и неопределенным. „Социальная химия“ получается довольно шаткая.

Беру второе определение класса, даваемое Бюхером. Его понятие „социально-профессиональных классов“ очерчивает класс, как кумулятивную группу, составленную из кумуляции группировок:

---

[1]) *Schmoller*: Grundriss der Volkswirtschaftslehre, т. I, 1901, 392.

[2]) *Schmoller*. Op. cit. 395.

имущественной+(ея следствие) профессиональной [1]). Мы получаем новую формулу химического состава класса.

Беру третье определение. Оно дается Декампом. По его мнению, (а также и по мнению Д,Эта) классом является группа лиц, имеющих одинаковый „уровень жизни“, хара̀теризуемый величиной дохода, образованием, профессией и т. д. Класс по Декампу означает кумуляцию группировок: имущественной+профессиональной+образовательной [2]). Еще новая формула.

Обратимся к „распределительным“ (по терминологии Солнцева) теориям классов, ищущим основы класса в отношениях распределения. Вот теория Лориа, устанавливающего два основных класса: собственников и несобственников по принципу, обладает ли человек собственностью или нет. Казалось бы вполне определенная и выдержанная теория. Но так как строго проводя этот принцип мы придем к довольно неожиданным выводам, мало отвечающим действительности (напр., крестьянин, обладающий куском земли, „куда и курицу выпустить нельзя“, окажется в одном классе с крупными землевладельцами и капиталистами, и след., всегда должен был бы быть солидарным с ними, что представляет явную нелепость), то Лориа сразу же вынужден выделять два „средних“ класса: мелких собственников и независимых ремесленников. Это значит, в основу классового деления вводится уже новый принцип: а именно: *величина собственности и дохода*, т. е. величина богатства. В дальнейшем, разделяя класс на подгруппы, он вводит ряд новых признаков. Но и сказанного достаточно, чтобы признать, что класс по Лориа это кумулятивная группа, составленная из кумуляции группировок: качественно+количественно доходной. Все лица, получающие одинаковый по величине доход, плюс—качественно однородный (напр., земельную ренту или процент на капитал) составят один класс.

Ш. Жид, исходящий из тех же основ, дает уже не 4, а пять или шесть классов.

По Чернову класс в социологическом смысле, это группа лиц, об'единенных не одним, а совокупностью признаков: об'ективно-материальных по источнику дохода (земельная рента, прибыль и заработная плата), политико правовых (организованность), и психологически-суб'ективных (классовое сознание [3]). Таким образом здесь класс конструируется как кумулятивная группа, составленная из довольно странных группировок: по величине дохода+по его качеству+по степени организованности+по наличности классового самосознания.

По Туган-Барановскому класс характеризуется одинаковыми

[1]) *К. Бюхер.* Возникновение нар. хоз. т. II 101—107 и сл.

[2]) См. *Солнцев*: Op. cit. 273 и с 266—286.

[3]) См. *Чернов*: Социалист. этюды. М. 1908. 287—358. *Его же*: Разделение об-ва на классы. Русск. Бог. 1909, кн. 5. Выделяя здесь три основных класса, в своей брош. „Крестьянин и рабочий, как экон. категории“ (П. 1917), он дает иное двухчленное деление, различая классы: а) трудового народа, живущего своим трудом и не эксплоатирующего других (крестьяне, рабочие и труд. интеллигенция) и в) класс эксплуататоров (капиталисты и землевладельцы). Стр. 1—8 и сл.

отношениями присвоения + общим антагонизмом + общим экон. интересом. Исходя из этого он дает пятичленную классификацию классов [1]).

Приведенный обзор кумулятивных теорий рисует нам весьма ярко „хаос мнений“ и самопротиворечий у одних и тех же авторов. Дополним картину краткой характеристикой воззрений Маркса и марксистской школы, в концепции которых понятие „класса“ играет громадную роль. Казалось бы, здесь мы должны были найти особенно отточенную и отделанную формулу класса. Но увы, изучение соответствующих работ рисует нам весьма печальную картину.

Напрасно было бы искать точного понятия класса у Маркса и Энгельса. Они постоянно употребляют этот термин, но употребляют его в самых различных смыслах. В ряде мест они употребляют его в весьма широком смысле, обнимающем и сословие, и касту, и профессию, и цех и т. д. Так в „Манифесте коммунистической партии“ мы читаем: „*Вся история борьбы общества была до сих пор историей борьбы классов.* В исторические эпохи, предшествующие нашей, мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, целую лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов. В средние века появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крепостные. *И в каждом из этих классов* существуют еще особые подразделения. Выросшее на развалинах феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых“ и т. д. [2]).

В других своих работах они понимают класс в узком смысле и отличают его от каст, сословий, и профессий [3]). Рукопись III-го тома „Капитала“, как известно, обрывается как раз на начатом анализе понятия класса. При таком неразборчивом и самопротиворечивом орудовании термином „класс“ довольно трудно ждать точности и ясности. И действительно, их нет. Они отсутствуют в такой мере, что сами марксисты спорят даже о таких вопросах, как количество классов, выделявшихся Марксом и Энгельсом. Одни из них, как Каутский и Оверберг, думают, что Маркс различал три основных класса, другие, как Солнцев, полагают, что только два. Напрасный спор! Ибо при неразборчивом употреблении этого термина Маркс дает почву для того и другого мнения.

Но, быть может, несмотря на такое „вольное“ оперирование термином „класса“, все же у Маркса есть точное, законченное и стройное понятие класса? „Чтобы правильно определить взгляды Маркса, необходимо не считаться строго с Марксовой терминологией“, уверяет нас С. И. Солнцев, и тогда мы получим „наиболее

---

[1]) См. *Т.-Барановский*: Основы пол. экон. 503—522.
[2]) Манифест Коммун. партии, Изд. Буревестник. Одесса. 1905. 11, 18.
[3]) См., напр. *Маркс*: Капитал., т. III, СПБ. 1896. 734. *Маркс*: Нищета философии. русс. пер. 1886 г. 147 и др. См. подробный анализ Марксо-Энгельсовского понятия класса у *Делевского*: Соц. антагонизмы. 83 и сл.

полное и богатое по своим идеям учение об обществ. классах, построенное на производственной основе“ [1]). Увы! Читая Солнцева мы не можем согласиться с этим. Что дает нам в этом отношении Маркс? По словам самого же Солнцева, примыкающего к взглядам Маркса, ни больше, ни меньше, как следующие самые общие и неясные положения. 1) Основой класса служат производственные отношения, 2) Из них вытекает классовый антагонизм, 3) классовая борьба, 4) отношения господства и подчинения [2]). Этого мало, слишком мало для точного понятия класса. Комбинируя эти признаки мы никак не можем узнать, какая же группа людей может называться классом. Не можем узнать потому, что, во первых, само понятие „производственных отношений“—совершенно неопределенное и неясное, во вторых, неясно поэтому и понятие класса; не помогает его уяснению и классовая борьба, ибо антагонизмов и борьбы, как мы видели, много: есть антагонизм государства с государством, религиозной группы с другой, профессии с профессией, богачей с бедняками, партии с партией, и т. д. Который же из этих антагонизмов будет классовым? Если бы понятие класса было определено точно, то может быть и можно было бы выделить специфической классовый антагонизм. Этого нет. Ссылка на туманную кляксу „производственных отношений“ ничему не помогает. Собственная терминология Маркса, называвшего классовой борьбой и борьбу каст и сословий, и профессий и т. д., совершенно запутывает дело. Указание же на отношения господства и подчинения эту запутанность доводят до предела. В истории мы наблюдаем господство одной государственной группы над другою, одной церкви над другими, одной касты над остальными, одних профессий над другими и т. д.; суть ли все это „классовое господство и подчинение“? Если да, тогда не приходится ли говорить об английских и китайских, православных и штундистских, мужских и женских, браминских и шудровских, министерских и врачебных и т. д. „производственных“ классах? Не становится ли тогда „класс“ синонимом всякой группы? Если же все эти „господства и подчинения“ не суть „классовое господство и подчинение“, то каков же специфический признак последняго? Если выбросить все эти „элементарные“ антагонизмы, господства и подчинения, то не останется-ли от классовых антагонизмов и классового господства пустое место? Я думаю, да, и подтверждением мне служит тот факт, что ни Маркс и Энгельс, ни марксисты, ни сам Солнцев ответа на эти вопросы не дали, и не дают. Вот почему при всем желании я не могу согласиться с тем, что у Маркса и марксистов есть ясное понятие класса [3]).

Лишней порукой в правильности этого положения служит понятие класса самого автора работы об „Обществ. классах“. У него нет сколько-нибудь точного понятия класса. Все, что мы находим

---

[1]) *Солнцев*: Ibid. 376 и 374.

[2]) *Солнцев*: Ibid. 379, 389.

[3]) Bentley вполне прав, говоря: He (Маркс) was unable with all his mental agility to work out a klear statement of what he meant by klass. *Bentley*: The process of government. 465—8.

в его ценной монографии, сводится к следующему: 1) Класс—это категория экономическая. 2) Он вырастает на основе социально-производственных отношений. 3) Отличается от сословия. 4) Классовое деление сводится к дифференциации двух слоев: „одного, вкладывающего в обществ. производство свою рабочую силу и труд, другого—не работающих, но лишь распоряжающихся рабочей силой и продуктом производства“ [1]). Неужели же это отрывочное перечисление отдельных признаков может почитаться за формулу класса? Сколько здесь иксов! Первый икс — „категория экономическая“. Термины: „экономика“ и „экономический“—термины совершенно неопределенные и понимаемые на тысячу ладов. Солнцев не дает, однако, никаких раз'яснений этого слова. Второй икс—„производственные“ отношения—фраза, однородного прочного смысла которой нет ни у Маркса, ни у политико экономов. Третий икс—отличие от сословия: в одном месте (стр. 22) Солнцев резко отличает класс от сословия, в другом месте (стр. 27) говорит „в период простого товарного производства классовая борьба выступает в форме борьбы сословий“. Столь же туманно отличие класса от профессий. Под четвертый признак подойдет и каста, и профессия, и сословие, и взаимоотношение социальных групп в любом обществе, вплоть до социалистического. Рабы „вкладывают в общ. производство свою раб. силу и труд, а надсмотрщики распоряжаются рабочей силой и продуктом производства“. Значит ли это, что есть „класс“ рабов и класс надсмотрщиковъ? Крестьяне добывают своим трудом хлеб, а агенты компрода и реквизиционные отряды распоряжаются продуктом производства крестьян. Значит ли это, что есть класс крестьян и класс „компродно-реквизиционный?“ Можно ли на том же основании выделять в особый класс директоров фабрик, управляющих заводами, правление акционерных компаний и т. д.?

Этих замечаний достаточно для оправдания моего „скептицизма“. Последний еще более оправдывается, когда я обращаюсь к другим марксистским теоретикам класса, в частности к К. Каутскому.

Каутский считает признаками класса: „общность источников дохода, вытекающую отсюда общность интересов и общую противоположность их интересам других классов“ [2]). В этой конструкции класс более широкое понятие, чем профессия, хотя профессия и составляет один из элементов класса. С этой точки зрения существуют три основных класса: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Но легко понять, что на основании признаков Каутского число классов получается гораздо большее: не только интересы капиталистов противоречат интересам рабочих, но, как сам он признает, сплошь и рядом интересы промышленного капитала противоречат интересам денежного или торгового капитала и т. д. Чтобы избежать этого противоречия Каутский вводит понятия промежуточных классов, подклассов и вторичных классовых

---

[1]) *Солнцев*: Ibid. 22—28.

[2]) *Каутский*: Очередные проблемы междунар. социализма. СПБ. 1906. 13—14 и всю ст. о „Классовых интересах“.

подразделений, в итоге чего понятие класса теряет всякую определенность, исчезает всякая граница между классом и профессией [1]): неизвестно, где кончаются „промежуточные и побочные классы и подклассы“ и где начинается профессия [2]). Еще яснее искусственность и неопределенность понятия класса, даваемого Каутским, выступает там, где он пытается конкретизировать свои положения и определить классовую природу пролетариата и крестьянства.

В своей работе „Agrarfrage“, в главе: „Bauer und Proletarier“ *Каутский*, пытаясь выделить класс пролетариата, указывает следующие четыре признака пролетариата, как класса: 1) важную роль пролетариата в процессе производства, 2) пролетариат является неимущим только по отношению к средствам производства, 3) пролетариат является работником не на индивидуальных, а на общественных средствах производства, 4) пролетарий отделен от домашнего обихода своего патрона, вне работы он принадлежит только самому себе. *Чернов* вполне резонно критикует эту концепцию пролетариата и указывает — с одной стороны, ее неопределенность, с другой — ее „противоестественность“. С точки зрения первого признака трудно отличить крестьянина от рабочего, ибо и первый играет важную роль в процессе производства. С точки зрения второго признака — этой границы также нельзя провести: если обладание домом для собственного пользования по Каутскому не превращает пролетария в буржуа, то почему обладание огородом или клочком земли для собственного пользования делает крестьянина „мелким буржуем“, как утверждает тот же Каутский? Под третий признак подойдут не только пролетарии, но и все кооператоры, работающие на общественных средствах производства. Согласно четвертому признаку из пролетариата исключаются: домашняя прислуга, сельско-хоз. рабочие и т. д. „Но, изгнавши из рядов пролетариата (и прислугу, и рабочих худож. промышленности, и пролетария-интеллигента, и батраков и т. д.) добился ли Каутский своей основной цели? спрашивает Чернов. Получил ли он в итоге массу вполне однородную с одинаковыми интересами и социальной психологией? Нет“. В класс пролетариата, согласно этим признакам, входят управляющий заводом, директор акционерн. компании и фабрики и т. д. Но ясно, что эти группы весьма отличны и по интересам, и по психологии от рабочих, „это— заправские буржуи“...

Еще более неопределенно понятие крестьянского класса, даваемое Каутским. В итоге, как видим, попытка Каутского дать понятию класса монолитно-точное содержание кончается крахом [3]).

---

[1]) См. *Каутский*: Op. cit. 14 и сл. То же возражение применимо и к конструкции *Туган-Барановского*. См. Основы полит. экономии. 503—522.

[2]) Особенно резко эта неясность выступает в анализе Каутским классового положения „мелкой буржуазии“ и интеллигенции. См. Ibid. 15, 23 и др.

[3]) См. *Каутский*: Agrarfrage, ук. глава. *Чернов*: Крестьянин и рабочий, как эконом. категории. II. 1917. 7—22 и passim.

Недостатки теории Каутского были признаны и др. марксистами. Вот почему некоторые из них, в частности Бернштейн, выдвинули совершенно иной критерий для понятия класса. Таким критерием по Бернштейну служит степень имущественной обеспеченности, величина дохода разных групп населения [1]).

Этот критерий ясный. Но он сводит понятие класса к элементарной группировке богатых и бедных. Против него ничего нельзя было бы возразить, если бы Бернштейн был последователен. В этом случае можно говорить о классах богачей и бедняков, но нельзя говорить о классах землевладельцев, капиталистов и пролетариев. Это раз. Во-вторых, к такой теории класса применимы все указанные возражения против теорий, конструирующих класс, как элементарную группу.

В итоге мы видим, что и у марксистов напрасно было бы искать точного понятия класса [2]). А сообразно с этим мы не обладаем точными признаками ни класса буржуазии, ни класса пролетариата.

Мы пробежали ряд кумулятивных теорий класса. Любителю разнообразия мнении изучение их доставит большое удовольствие. Искатели неясных, туманных и самопротиворечивых теорий точно также найдут здесь достаточно материала.

Было бы скучно и бесполезно останавливаться на критике каждой из очерченных конструкций. В пределах общей системы социологии эта задача излишня. В связи с развиваемой теорией социальной группировки вполне достаточно общих замечаний, указывающих суть дела. Эти замечания сводятся к следующему.

Основной грех всех этих теорий заключается в *неразличении элементарных и кумулятивных группировок*. Если конструировать класс, как элементарную группу, тогда, согласно сказанному выше, термин класса будет прикреплен лишь к одной из многих элементарных группировок. Тогда, далее, нельзя рассматривать какую бы

[1]) См. *Бернштейн*: Классы и классовая борьба. Изд. Карчагина. 1906. 14 и passim.

[2]) Если у ученых теоретиков марксизма мы находим неясность мнений по этому вопросу, то что же говорить про рядовых, русских марксистов-коммунистов. Следя за их речами и статьями, приходится констатировать полный сумбур мнений по вопросу о классе и об отличительных признаках буржуазии и пролетариата. Рабочих вообще они считают пролетариями, но в ряде случаев рабочие Обуховского, Путиловского и др. заводов, неугодившие власти, превращались в „шкурников“, в „буржуев“, в „кулаков“ и „белогвардейцев“. Крестьяне — вообще считаются „мелкими буржуями“, но в ряде случаев они неожиданно возводятся в звание „честных пролетариев“. Вот пример, взятый из „Правды“. „Беспартийные красноармейцы Петрогр. гарнизона состоят из рабочей молодежи и из *середняков-крестьян*. Вся эта масса *честные пролетарии*, только часто заблуждающиеся, непонимающие еще многого“. *П. Правда*. 1919 г. № 162. Так пишется в „лейб-органе“ партии. И таких „перлов“ можно найти сколько-угодно. Извольте после этого искать точных признаков „пролетариата“ и „буржуазии“. В качестве последней инстанции поневоле придется обратиться к какому-либо храброму комиссару, от компетентного мнения которого будет зависеть: „буржуй вы или пролетарий“, отнесут вас к третьей, к второй или к первой категории.

то ни было из них — как группу типичную для нашего времени, придется расстаться и с обычными делениями классов. Человек, признающий классом расовую группу, может говорить лишь о „белых“, „черных“ и „желтых“ классах, а не о богатых, бедных, пролетарских или буржуазных. Теоретик, отождествляющий класс с профессией, обязан будет говорить о классах врачей, инженеров, агрономов, учителей, землевладельцев и т. д. Классов будет столько, сколько профессий или основных видов последних. Сторонник класса, как имущественной или об'емно-правовой группы, должен будет говорить о классах богачей и бедняков, привилегированных и обделенных, а не о буржуазии или пролетариате. Такие конструкции возможны; но они не исчерпывают совершенно всех элементарных группировок населения, а учитывают только одну из них. Однобокость — неизбежный результат такого подхода к делу. Игнорирование кумулятивных групп — второй итог такого понимания класса.

Таким образом и по существу, и по медологическим требованиям такие теории класса приходится отвергнуть.

Переходя к кумулятивным теориям классов мы видели, что этот термин различными авторами, а иногда одним и тем же автором прилагается к кумулятивным группам самого различного состава. Как и при анализе национальности мы убедились в том, что *одним и тем же именем „класса“ покрываются самые разнородные по своему составу и строению группы.* Один называет классом кумуляцию группировок A, B, C., другой—B, D, E, F, третий—E, M, N, J и т. д. Словом, социологический состав социального тела, называемого классом, каждым представителем социальной химии определяется по своему, несходно с другими.

Такая научная анархия, очевидно, не может долее продолжаться. С ней необходимо покончить. Однородные по своему составу группы необходимо называть одним термином, разнородные — разными. Выход рисуется сам собой: *надо или элиминировать из области науки такой испорченный термин, как „класс“, или придать ему вполне определенное значение.* Оба выхода допустимы. Если встать на второй путь, то спрашивается *какого же рода кумулятивная группа должна обозначаться этим термином?* Руководящими указаниями здесь являются следующие соображения: классом пытаются обозначить какую-то *типичную* для нашего времени сложную группу, это раз. Во вторых эта кумулятивная группа, повидимому, играет громадную роль в общественных процессах. Если ошибочными приходится считать приведенные формулы классов, то социолог не может считать простой случайностью громадный шум, поднятый вокруг класса в теории и практике 19 и 20 в. в. „Нет дыму без огня“. Этот шум не случаен. Он симптом или отражение каких-то об'ективных сдвигов, происшедших и происходящих в группировке населения за эти столетия. Теоретики, резко выдвинувшие на очередь проблему классов, правильно учуяли эти сдвиги, хотя, как мы видели, и не сумели вполне точно теоретически формулировать их.

Итак перед нами задача: *отыскать кумулятивную группу,*

типичную для нашего времени, солидарную внутри, антагонизирующую с другими такими же кумулятивными группами, и играющую колоссальную роль в общественных событиях 19 и 20 веков.

Не воспроизводя пути решения, дадим сразу ответ на этот вопрос. *Искомой группой является кумулятивная., нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, типичная для нашего времени группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной, 2) имущественной, и 3) об'емно-правовой. Совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по об'ему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально+имущественно+социально-правовые интересы, составит класс.* Именно, такой кумулятивной группой чаще всего является та группа, которая обозначается термином „пролетариат", или та, которая называется „буржуазией". Взаимоотношения таких, именно, кумулятивных групп играли и играют колоссальнейшую роль в социальных событиях 19 и 20 в. в.

Дадим теперь необходимые комментарии, раз'ясняющие определение.

Выше мы видели, какое громадное влияние оказывает на всю физическую и духовную природу людей, на все их поведение профессия, степень экономического положения и об'ем прав. (См. выше), Если принадлежность к каждой из таких групп весьма сильно деформирует природу и поведение человека, то эта деформация будет безконечно сильнее, когда сливается влияние всех этих трех группировок, когда они солидарно толкают человека в одном и том же направлении. Лица, об'единенные всеми тремя связями, будут притягиваться друг к другу безконечно сильнее. Группы, резко отличные друг от друга сразу по всем этим трем признакам, будут отталкиваться и антагонизировать гораздо интенсивнее, чем группы, отличные друг от друга только по профессии, только по имуществу, или только по об'ему прав. Каждая из них внутри себя будет единым монолитом, с одними интересами, убеждениями, взглядами, образом жизни и поведением, вызываемыми сходством этих трех координат. Различные в этих отношениях группы становятся друг для друга существами разных планет. Отсюда следует „действенность" сходства по этим признакам и колоссальная сила их в скреплении сходных лиц и в отталкивании несходных. Если такие группы охватывают большое число лиц, плюс—становятся организованными. (солидарность их членов, их интересов и поведения—неизбежное следствие сходства профессии,+имущ. положения+об'ема прав), то легко понять колоссальную социальную силу таких групп [1]).

Такие профессионально+об'емно-правовые+имущественные кумулятивные группы были даны и в прошлом. Но здесь они, подобно касте. или обрастали соединением других группировок (расовой, языковой, религиозной, государственной и т. д.), вследствие чего состав их был иной и потому в чистом виде в форме широких

[1]) См. *Sensini*: Op. cit. 565 и сл.

групп они не существовали, или они были более закрыты, подобно сословию или римскому status libertatis и civitatis, огражденным юридическими барьерами, и потому отличались от класса, как юридически не закрытой группы и фактически более открытой, чем первые; сами профессии таких кумулятивных групп были иные, чем теперь; (напр., профессиональные группы фабричных рабочих появились только в 18 в.); или наконец, в прошлом такие группы в чистом виде не существовали в качестве многочисленных групп и потому не играли большой роли.

По этим признакам современный класс, как нормальная, полузакрытая, не имеющая юридико-религиозных барьеров, солидарная группа, состоящая из кумуляции группировок: профессиональной + объемно правовой + имущественной (достаточные, но и необходимые условия), отличается от своих „аналогов" в прошлом и типична для нашего времени.

Изучение строения населения и тех групп, которые под именем класса играют громадную роль в общественной жизни, вполне подтверждает сказанное.

Возьмем для примера ту группу, которая называется часто пролетариатом. Совершенно игнорируя обычное словоупотребление и анализируя соответственную группу в ее реальных проявлениях, мы видим, что она действительно представляет группу указанного состава. То же применимо и к другой кумулятивной группе— „капиталистов".

Проиллюстрирую сказанное на кратком анализе „химического состава" пролетариата. Сказанное об нем mutatis mutandis применимо и к другим классам.

Какими свойствами характеризуется группа, носящая название пролетариата? Прежде всего эта группа лиц сходных *по профессии*. Ядро пролетариата составляется из лиц, занятых главным образом *физическим* [1]) трудом на фабриках и заводах, продающих свою мускульную энергию и живущих заработной платой. Вокруг этого ядра оседают другие наемные рабочие (батраки, прислуга etc.), живущие также продажей мускульной энергии, но работающие вне фабрик и заводов. Дальше находится слой лиц „интеллигентных профессий", работающих на фабриках, заводах, и вне их, но подобно первым группам продающих свой труд, живущих заработной платой, сходных частично и в этом отношении с первыми

[1]) Признак физической работы (travail manuel) сам по себе играет, как показано выше, громадную роль. Ее представителей он приводит к переоценке значения мускульного труда, и к недооценке значения умственного труда. Яркий пример этого—наша революция. Профессиональные функции рабочих представляют главн. образом физический труд. Тогда как профессии классов иных, кроме крестьянскаго, являются гл. обр. работой психической (функции управления, регулирования, ведения тех или иных форм деятельности). Фальбек резонно подчеркивает важность этого пункта. См. *Fahlbeck*: Les classes sociales. 195 и сл. Различие функций „интеллегентных пролетариев" от „мускульных" вызывает меньшее сцепление первых со вторыми.

группами. Таков первый признак пролетариата, как класса. И таковы те основные профессиональные группы, которые входят в его состав в качестве „ядра“ и прилегающие к нему наслоения.

Во вторых, пролетариат мыслится как группа *экономически бедная*, получающая малый доход по сравнению с другими классами. Конкретно эта бедность проявляется в том, что заработок „пролетариев“ невелик, собственности большой цены ни на предметы потребления, ни на средства и орудия производства у них нет, как нет и капитала, дающего им возможность существовать на проценты. Лица хотя и близкие по профессии к такой группе, но получающие значительный доход (напр., инженеры, директора и управляющие предприятиями и т. д.), лица богатые, и обычным мнением, и самими теоретиками класса, к группе пролетариата не относятся. И об'ективно, по своему поведению, образу жизни, по своим интересам, такие лица гораздо ближе стоят к „буржуазии“, и чаще всего солидаризируются с ней, а не с „пролетариатом“.

В третьих, de jure в наше время „пролетарии“, как и все граждане, об'явлены „равными пред законом“. Но de facto дело обстоит не так. Частью de jure, а главным образом de facto, *по об'ему прав пролетарии принадлежит к группе „обделенных“*. De jure эта обделенность проявляется в таких явлениях, как связь тех или иных правомочий (напр., избирательного права, права быть судьей, занимать разные должности и т. д.) с имущественным цензом. Не обладая надлежащей величиной дохода или имущества пролетарии de jure оказывались автоматически обделенными в ряде прав. Фактически же, поскольку теперь деньги являются средством, покупающим и славу, и почет, и права, и почести, и все материальные блага, и образование и т. д., то пролетарии, как бедная група, не имели и не имеют доступа ко многим духовным и материальным благам, доступным для богатых. Поэтому и фактический об'ем их прав (в сфере свободы, независимости, социального влияния, материальных благ, почета, власти и т. д.) был и остается гораздо более ограниченным, чем лиц иных профессий и богатых социальных груп.

Таковы три основные элементарные группировки, кумуляцией которых создан „класс“ пролетариата.

Прекрасным подтверждением сказанного служат, помимо обычного, прямого наблюдения, революционные гимны и песни „пролетариев“. В „Интернационале“ мы слышим слова: „Вставай проклятьем заклейменный весь мир *голодных и рабов*“. (бедная и обделенная група). Пролетариат рисуется здесь как социально-правовое „ничто“, желающее стать всем и т. д. *В русской Марсельезе поется*: „*мы к голодному* люду пойдем“. Противоположная „классовая“ група рисуется, как „богачи“ „кулаки“, „деспоты“, „властители“, т. е. кумулятивная група: богатых+привелегированных“. В тех же песнях и гимнах постоянно фигурируют фабрики, заводы, мастерские, шахты и т. д., как символы профессии пролетариата. „Труд“ фабричный и заводский становится символом той же однопрофессиональности. Даже во „дворцах рабочих“, „дворцах труда“, в „пролетарских

статуях", в „пролетарской литературе и в искусстве" основными мотивами служат: бедность, обделенность и профессия [1].

Правильность выставленной формулы прекрасно доказывается и методом „от противного". *Отнимите от „класса" эти три признака: профессию, имущественный ранг и об'ем прав,—и от классовой группы останется „пустое место"*. Отнимите от пролетариата его профессию, его бедность, его обделенность в об'еме прав — и пролетариата не будет [2]). Больше того, достаточно отнять от него одно из этих свойств и пролетариат, как типичная для нашего времени социальная группа sui generis, исчезнет и трансформируется в социальную группу иного состава и иной физиономии. Человек, работающий на той же фабрике, продающий свой труд, но получающий большой доход, богатый (напр., директор фабрики), и суб'ективно,—по своему мироощущению, убеждениям, вкусам и интересам, и об'ективно—по своему поведению, и по мнению „подлинных пролетариев"—бедных рабочих, не был и не является пролетарием. Он чаще всего солидаризируется с „врагами" пролетариата. В лучшем случае—он „соглашатель" (в теперешней терминологии), чаще всего он „предатель" пролетарских интересов", „лакей буржуазии", ея орудие и инструмент. Не входит в класс пролетариев и тот, кто по имущественному положению может стоять на одном уровне с „пролетариатом, но по об'ему прав является „привилегированным", а не обделенным. Захудалые дворяне, цепляющиеся за свое дворянское звание, дорожащие своим „потомственным дворянством", были и будут „дворянами", а не пролетариями. Только иногда они шли и могут итти рука об руку с „обделенной, черной костью", и то до известного пункта. За пределами его их дороги разойдутся и они окажутся „по разным сторонам баррикады".

Таковы три основные элементарные группировки, из кумуляции которых создается характерная для нашего времени группа, которая может быть обозначена *классом*. И в обычном обиходе термином класса чаще всего обозначается именно такое кумулятивное коллективное единство.

Продолжим комментирование. *Класс мы определили, как „нормальную" группу*. Выше было указано, что группировка „богатых" легко кумулируется с группировкой „привилегированных", группи-

[1]) Подробный анализ революционных гимнов и песен, содержания революционных воззваний, прокламаций, листовок, поэзий „пролеткульта" и др. произведений „пролетарской" науки и искусства, не говоря уже о характере „пролетарских" газет, с этой точки зрения мог бы составить благодарный и чрезвычайно интересный материал. С полной достоверностью можно утверждать, что доминирующей темой их являются три указанные мотива. Они составляют основной „уток", на котором выводятся остальные второстепенные узоры.

[2]) Вот почему бывшие пролетарии при „диктатуре пролетариата" из бедных+обделенных+фабричных рабочих превращающиеся в богатых+привилегированных+правителей по профессии деклассируются и перестают быть пролетариями. Это неизбежность. Такие диктаторы—„бывшие пролетарии": между ними и остальными пролетариями неизбежно возникновение антагонизма. Так было и так есть.

ровка „бедных“ с „обделенными“ [1]). Так было почти всегда в истории. Эти группировки обладают взаимным „сродством“, друг друга взаимно „притягивают“. Богатые почти всегда были и остаются привилегированными, бедные—обделенными. То же можно сказать и о взаимном сцеплении группировок: „профессиональной“ и „имущественной“, профессиональной и „об'емно-правовой“. Одни профессии дают малый доход, другие—большой. Одни профессии—удел богатых, другие—удел бедных. А так как далее богатство и бедность, в свою очередь, связаны с привилегированностью и обделенностью, то, в итоге, профессия оказывается связанной с об'емом прав. В результате всего мы получаем *нормальную* трех-элементную кумулятивную группу,—класс,—представляющую „химическое соединение“ трех элем. группировок, а не механическую смесь их.

Это значит, что кумуляция здесь весьма прочная, которую не легко диссоциировать.

Эта прочность станет еще более ясной, если учесть, что класс представляет *солидарную внутри кумулятивную группу*. Это значит, что в общем и целом все скумулировавшиеся элементарные группировки толкают членов класса в одном и том же направлении. Такая группа не разрывается на части антагонистическими группировками. „Душа“ членов класса едина, выдержана, ясна. Императивы поведения и мироощущение всех скумулировавшихся группировок слились у такого члена в одно слитное целое, обозначаемое „классовым сознанием“, „классовой душой“, „классовой психологией“. И бедность, и обделенность толкают индивидов в одном и том же направлении и, прежде всего, в направлении борьбы с богато-привилегированными. Та и другая группировки дают сродные императивы поведения, сходный тон и однородное направление. Все сказанное выше о зависимости поведения человека и прочности социальной группы от характера кумуляции вполне применимо и здесь [2]).

В итоге, такая нормальная, солидарная группа представляет некий монолит, прочный, единый, не подверженный легкому рассасыванию и разложению. В социальной жизни она выступает, как единое целое; солидарно действует она даже и тогда, когда нет между отдельными ея частями нарочитой организованности. Эта солидарность поведения членов одного класса вытекает из тождества его строения, тождества условий, в которых находятся его члены. Отсюда, если угодно, объяснение стихийности классовых движений: их массового, эпидемического характера (напр., волны забастовок и т. п.) даже тогда, когда прямая организация таких движений отсутствует. Больше того, в таких движениях до настоящего времени эта стихийность доминировала: не агитаторы, пропагандисты и организаторы устраивали массовые движения таких групп, а, напротив, сами они были пеной, выброшенной на гребня массового движения стихией. „Нарочито организуемые“ и подготовляемые стачки и выступления очень редко удавались, несмотря на

[1]) См. выше, § о „нормальной“ кумуляции.

[2]) См. подробнее выше, § о солид. и антагон-кумуляции.

старания всех агитаторов и организаторов. И обратно, в странах, где прямой связи между частями одного класса не было, забастовки обычно протекали под знаком „стихийности“. В определенные годы они вдруг вспыхивали в разных местах и широкой волной прокатывались от „финских хладных скал до пламенной колхиды“.

Наконец, класс есть группа *полуоткрытая*, но более близкая к открытым, чем к закрытым группам. Это значит, что принадлежность к нему теоретически зависит от воли индивида, что юридического и религиозного прикрепления к классу нет, что принадлежность к нему не наследственна: сын не обязан принадлежать к тому же классу, к которому принадлежал отец. Эта черта, помимо других отличий по составу, отделяет класс от касты, сословия и др. совершенно закрытых или близких к ним социальных групп.

Будучи солидарным внутри *класс, как и всякое коллективное единство, имеет своих антагонистов*. Таковыми могут быть как элементарные, так и кумулятивные группы. Когда интересы класса конфликтны с интересами и императивами поведения церкви, государства или национальности, классовая группа стихийно или организованно вступает в борьбу с ними. Рядом с такими гетерогенными классу образованиями класс антагонизирует с другим классом, составленным из кумуляции противоположных „половинок“ тех же группировок. Так, класс, составленный из „бедных“ + „обделенных“ + представителей определенной профессии (напр., наемных рабочих, выполняющих физическую работу) антагонизирует с классом, составленным из кумуляции: богатых + привилегированных + лиц определенных профессий (напр., предпринимателей, банкиров и др.), лиц интеллектуальных и направляющих профессий. Иными словами, люди одноклассовые солидарно притягиваются друг к другу, люди разноклассовые антагонистически отталкиваются друг от друга.

Отсюда известный вывод: *антагонизм и борьба одних классов с другими классами*, наполняющая своим шумом и грохотом последние века.

В истории этих последних столетий мы видим антагонизм *класса с церковью* (факты борьбы пролетариата „за свободу совести, борьба с церковной догматикой“, с церковными привилегиями, с религией вообще, атеистическая тенденция классовой борьбы и т. д., принявшая у нас „красочные“ формы „экспериментального доказательства церковного суеверия“ путем вскрытия мощей, „кощунства“, преследования служителей церкви, выставления икон из школ и т. д.). Рядом с ним дан антагонизм *класса с государством*. Его проявлением служит лозунг: „Пролетарии не имеют отечества“, или девиз „Пролетарии всех стран! соединяйтесь!“ провозглашающий не государственную, а классовую группировку людей. Ubi bene, ubi patria, такова третья разновидность той же тенденции. Фактов борьбы класса, в частности, класса пролетарского с государством слишком много. Перечислять их нет надобности.

Интернационализм нашего времени в огромной своей части представляет не только борьбу класса с классом, но и борьбу класса

с государственной группировкой. В течение тех же веков мы находим факты борьбы *класса с национальностью* и с др. элементарными и кумулятивными группами. Борьба же класса с классом—явление постоянное для этого периода истории. Об ней слишком много говорят, чтобы была надобность останавливаться на ее проявлениях.

Таковы основные черты и состав кумулятивной группы, типичной для истории запада за последние столетия, которую можно назвать классом. Таковы основные элементарные группировки, образующие скелет класса.

Без наличности одной из них—класса нет. Но с другой стороны, в конкретной исторической действительности, этот скелет обычно выступает обросшим определенными наслоениями, добавочными и производными свойствами. *К фундаментальным скумулировавшимся группировкам обычно присоединяется ряд другиx (не необходимых, и без первых недостаточных) для образования класса. Сходство профессии, обеспеченности и прав влечет за собой обычно сходство образовательного уровня, вкусов, интересов, убеждений, симпатий, поведения и всего образа жизни одноклассовых лиц.*

Эти сходства придают типическую конкретность и наглядность социально-психический физиономии класса; делают его социальным типом. Так, напр., атеистическая тенденция свойственна пролетариату и менее свойственна другим классам. Пролетарии—социалистичны и потому составляют главный контингент социалистических партий (почему последние часто и называются пролетарскими или рабочими партиями), крупные землевладельцы и предприниматели, напротив, антисоциалистичны. Пролетариат—революционен, последние—консервативны. Что же касается образа мысли", внешнего быта и образа жизни каждого из классов, то все, сказанное выше о деформирующем влиянии профессии, богатства (или бедности), привилегированности или обделенности на психику и поведение людей, все это в усиленной степени применимо здесь. Отсюда следует, что обычные в наше время фразы „о классовых партиях", о „классовой психике", классовых убеждениях, „классовых вкусах, „классовом искусстве" и т. д., не совсем беспочвенны. Исключая мнений и формул, доводящих этот принцип до абсурда, в общем и целом можно говорить о классовых вкусах, интересах, убеждениях, о классовом мировоззрении и т. д. и т. д. В этом смысле с поправкой верен и афоризм Маркса: „Не сознание определяет бытие, но бытие (общественные условия)—сознание". Поправка состоит в том, что верно и обратное положение: „сознание определяет бытие". Это значит, что связь между бытием и сознанием не односторонняя, а двусторонняя, связь не зависимости, а взаимозависимости.

Теперь, спрашивается сколько же всего классов? Ответ на этот вопрос относителен. Можно выделять большое число классов, можно выделять всего два—три основных класса и затем делить их на подклассы, семейства, роды, виды и подвиды, подобно ботанической систематике, различающей классы, подклассы, отряды, семейства, роды, виды, подвиды, вариации и т. д. Важно лишь, чтобы при подразделении классов учитывались признаки не одной группировки, а всех трех. С этой точки зрения вопрос о числе

классов для различных стран и эпох может получить разные решения. Число классов будет колебаться. Для России последних десятилетий наиболее целесообразным было бы различение *четырех* основных классов, а именно: 1) *класса трудовых крестьян* (профессия—обработка земли физическим трудом, об'ем прав—обделенный, имущественное положение—относительно бедное), 2) *класса пролетариата* (профессия—наемные рабочие, работающие в торгово-промышленных предприятиях, существующие продажей своего физического труда, об'ем прав—обделенный, но иной, чем у крестьян, имущественное положение—бедное, но эта бедность и количественно и качественно отличны от крестьянской;) 3) *класс землевладельцев* (профессия—помещики, живущие земельной рентой, выполняющие гл. обр. интеллект.—правит. функции или праздные люди, об'ем прав—привилегированный, имущественное положение—богатые по сравнению с пролетариатом и крестьянством). 4) *класс капиталистов* (профессия—представители промышленного, торгового и финансового капитала, об'ем прав—привилегированный, но иной, чем у землевладельцев, имуществ. положение—богатые).

На эти же классы распадается население большинства государств, с развитым земледелием и промышленностью. Таковы, напр., Германия, Венгрия, Скандинавия, Франция, С. А. Штаты и др.

Из этого же перечня видно, что *не все классы стоят одинаково близко к друг к другу*. Классы капиталистов и землевладельцев ближе друг к другу, чем к остальным двум; и обратно, расстояние между крестьянством и пролетариатом ближе, чем между ними и остальными классами. Этот факт дает основание об'единить четыре класса в две группы: *1) классов привилегированно+богатых+по профессии носителей интеллектуального труда и 2) классов обделенно+бедных+по профессии носителей физического труда* [1]. Идя в обратном направлении *каждый из 4-х классов можно делить* опять таки в зависимости от причинно-связанных друг с другом признаков всех трех кумулирующихся группировок на подклассы, подклассы на семейства, семейства на роды *роды на виды, виды на подвиды и т. д. вплоть до весьма детальных подразделений, кончающихся группой лиц, совершенно тожественных по профессии, по об'ему прав и по имущественному положению*. Если бы для какой либо страны конкретно выполнить эту схему, то в результате мы получили бы очень интересную и ценную социологическую карту классового строения населения данной страны. Наглядный рисунок его мог бы быть изображен в виде „дерева", у своего же основания расходящегося на два ствола, из которых каждый в свою очередь делился бы на две основные ветви (применительно к России): каждая из них делилась бы в свою очередь на ряд разветвлений, эти делились бы в свою очередь и т. д. вплоть до предельных побегов, изображающих вполне тождественные во всех трех отношениях (по профессии, богатству, об'ему прав) группы.

Такой монографической работой мы здесь не можем заняться, поэтому ограничимся сказанным, совершенно определенно ра-

[1]) В этом условном смысле правильно мнение *С. И. Солнцева*, защищающего двойное деление классов. *Солнцев*: 1—33, 394—395 и passim.

сующим наше понимание, состав, природу, свойства и число классов.

Заключительные замечания.

В предыдущем мы бегло проанализировали три сложные социальные группы. Этот анализ, думается, достаточен, чтобы признать правильным мое утверждение об „алхимическом“ состоянии социальной науки в вопросах структурного анализа населения. Хаос мнений—бесспорен. Хождение теоретиков „вокруг да около“ проблем очевидно. Вместе с тем, этот анализ показывает, что путь, которым идем мы, открывает возможность более точного изучения вопросов строения „общества“. Эту возможность я кратко проиллюстрировал на изучении состава цивилизованной группы, национальности и класса. Итогом анализа явились формулы национальности и класса.

Само собой разумеется, что этими сложными группами не исчерпываются все кумулятивные группы не только „всех времен и народов“, но даже одного нашего времени. *Это только одни из многих кумулятивных групп.* Останавливаясь на них я только преследовал „иллюстрационные“ задачи. Для того же, чтобы дать полную таблицу всех кумулятивных групп всех времен и народов, для этого, как указано выше, необходимо исследовать (хотя бы столь же кратко) все нормальные и ненормальные, типичные и не типичные, антагонистические и солидаристические, открытые и закрытые кумулятивные группы: двойные, тройные, четверные и т. д. Только тогда, когда эта колоссальная задача будет выполнена, возможно составление такой таблицы. Выполнение ее—вне рамок данной работы.

При чем, для экономии сил и в применении к кумулятивным группам можно сделать упрощение, ограничив их изучение *основными, т. е. наиболее могущественными кумулятивными группами, как это сделано было выше с элементарными группами.* Критерии могущества кумулятивных групп те же, что и элементарных. Исследовав главнейшие из них, мы получим систему социальных координат кумулятивного характера, конкретно определяющих положение социальной точки—индивида—в социальном пространстве. В пределах данной работы от выполнения такой задачи приходится отказаться (нет бумаги и места). Ограничимся установленными положениями. Они дают общее понятие кумулятивных групп, их основные формы, их значение и методы их изучения. Они показывают и тот путь, которым должна итти социальная наука в изучении проблем структуры населения.

Мы прошли длинную дорогу. Элементарные группы привели нас к кумулятивным: те и другие приводят теперь к населению, как к сложному социальному аггрегату. Сделав последнее отправным пунктом анализа мы теперь снова приходим к нему, но обогащенные знанием анатомического строения социального тела, его тканей и органов. Остается теперь изучить его в целом. Выполнив это мы довершим наше познание строения населения.

Перейдем к этому изучению.

Гл. IV. Население, как сложный социальный аггрегат.

§ 1. Понятие.

Очертив в предыдущем основные элементарные и кумулятивные группы, теперь перейдем к беглому очерку *сложных социальных аггрегатов. Под сложным социальным аггрегатом*, если припомнит читатель, *мы условились понимать такую совокупность взаимодействующих лиц, которая распадается на два и большее число разнородных элементарных единств, или на два и большее число кумулятивных разнородных групп, или на те и другие.* Всякая часть населения, взятая в своем конкретном виде, представляет такой сложный аггрегат. Возьмем ли мы население всего земного шара или население определенной территории, в том и другом случае мы получим совокупность индивидов (исключая чрезвычайно малочисленных групп, в два, пять, десять человек), распадающихся на два и большее число элементарных или кумулятивных групп, или на тех и других. Любая заселенная территория похожа схематически на пункт скрещения ряда кругов. Если каждый круг будет обозначать элементарную или кумулятивную группу, то любое, совместно живущее население будет похоже на место, где скрещиваются и пересекаются эти круги. Упрощенную картину положения дела дает прилагаемая схема. В ней взят клочек населенного района. Каждая такая заселенная территория состоит из лиц, (особенно в наше время), принадлежащих далеко не к одним профессиональным, имущественным, религиозным, государственным, партийным, возрастным и др. элементарным группам. Эти социальные круги пересекаются, наслаиваются один на другой—кумулируются—и дают в итоге кумулятивные группы, друг с другом не совпадающие и друг друга не покрывающие. Все же население дает картину ряда элементарных и кумулятивных групп, т.-е. сложный социальный аггрегат. Каждый из отрезков круга AB, CD, MN, EF, PS представляет часть элементарного коллективного единства. AB и EF, пересекаясь в отрезке, обозначенном 2, дадут двойную кумулятивную группу, то же дадут круги CD и EF (обозначено 2[1]). Индивиды, оказавшиеся в таких отрезках, будут членами двойных кумулятивных групп. Отрезки AB,

CD и EF, пересекаясь в части, обозначенной 3, дадут тройную кумулятивную группу, другую тройную группу дадут в части, обозначенной 3_1, 3_{11} круги PS, MN и EF. Круги PS, CD, MN и EF, пересекаясь и наслаиваясь друг на друга, в части, обозначенной 4, дадут четверную кумулятивную группу и т. д. Вся же территория четвероугольника в итоге даст сложный социальный аггрегат, распадающийся на ряд кумулятивных и элементарных коллективов.

В настоящее время (то же можно сказать и о прошлом), *трудно найти заселенную территорию, самого небольшого размера, вплоть до территории деревни, а в городах — улицы и даже большого дома, заселенного рядом семейств, население которых по своему строению не представляло бы сложного социального аггрегата.*

Конечно, *степень сложности такого аггрегата не везде и не всегда одинакова.* Население первобытных времен представляло собой сложный аггрегат более простой, чем население Европейских стран теперь, население деревни образует сложный аггрегат опять-таки более простой, чем население городов и особенно столиц. Число элементарных группировок, на которые распадалась первобытная группа, было ничтожно: оно почти исчерпывалось половой, возрастной и об'емно-правовой группировкой. Остальные группировки сливались.

Сообразно с этим число кумулятивных групп было не большое: раз невелико было число элементарных группировок, то ограничена и возможность разнообразных и многочисленных комбинаций последних, из каковых и составляются кумулятивные коллективы.

Иную картину дает население современного города. Здесь элементарных группировок — множество. Комбинаций их — богатство. Кумулироваться при такой „смеси народов, лиц, племен, наречий, состояний" они могут на сотни ладов. В итоге — все население распадается на десятки и сотни элементарных и кумулятивных единств. т.-е. представляет весьма сложный, весьма дифференцированный социальный аггрегат. Если взять население Петрограда, то какое несчетное множество элементарных и кумулятивных групп оно дает: по государственной принадлежности тут есть русские, французы, немцы, англичане, американцы, китайцы, японцы, бразильцы, испанцы и т. д. По языковой группировке здесь живут бок о бок: якуты, зыряне, поляки, украинцы, англо-говорящие, франко-говорящие, испанско-говорящие, киргизско-говорящие лица и т. д. По религиозной группировке тут имеются православные, католики, лютеране, буддисты, магометане, штундисты, раскольники, язычники и т. д. По партийной группировке: монархисты, анархисты, коммунисты, кадеты, прогрессисты, меньшевики, эс-эры и т. п. Профессий—сотни. Кумулятивных групп,—начиная с национальной и классовой, и кончая различными двойными, тройными, четверными и т. д. кумулятивными группами, — множество. Легко понять, насколько сложен и дифференцирован такой социальный аггрегат. Одно перечисление его элементарных и кумулятивных расслоений заняло бы десятки страниц.

Изменяясь в своей сложности, тем не менее, как ясно из сказанного, население любой территории представляет обычно не одну элементарную, не одну кумулятивную группу, а сложный соц. аггрегат, имеющий различную степень усложнения в различных заселенных местах земного шара.

Теперь, после пройденного пути, *нет надобности настаивать на сложности социальной расслойки населения*. Она очевидна и

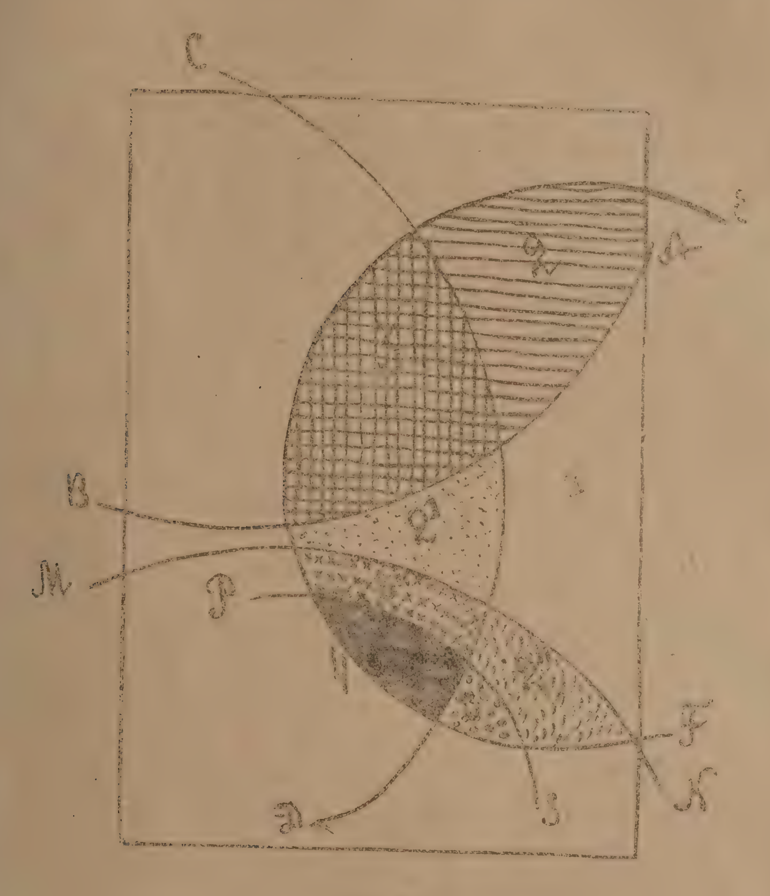

Рис. 1.

бесспорна. Вот почему все теории, пытающиеся об'яснять социальные события столкновением и взаимоотношениями каких-либо одних социальных групп, будут ли ими классы (марксизм) или национальности, будут ли ими одни из элементарных групп: церкви, государства, партии, профессии, расы и т. д., — *все подобные „монистические“ теории явно и несомненно ошибочны*. Они однобоки. Они близоруки. Они поверхностны. Их представления о структуре населения („общества“) соответствуют алхимическому периоду химии.

Доказывать этот тезис, после всего вышесказанного, нет надобности: вся развиваемая здесь теория служит сплошным его доказательством. Пора со всеми подобными „простыми“ теориями расстаться. Для неприхотливого ума они хороший пункт отдыха и оправдание своей лености. Но „факты — упорная вещь“. Если подобные теории были шагом вперед по сравнению с представлениями „единого общества“, в лоне которого терялись, как в сером тумане, все люди и все социальные расслоения, то по сравнению с действительностью, они остановились на полдороге. Необходимо было сделать еще шаг вперед для сколько-нибудь правильного понимания строения населения, необходимо было продвинуть дальше изучение линий социальной дифференциации. Этот шаг вперед мы пытались сделать и в итоге получили куда более сложную картину общественного расслоения. Мы убедились во множестве линий элементарной группировки: далее мы увидели, что ими дело не исчерпывается и перешли к кумулятивным группам. Эти последние распались на рядъ видов в зависимости от количества кумулирующихся группировок, в зависимости от их качества, и въ зависимости от способа кумуляции. В итоге мы получили понятие сложного социального аггрегата, каковым является всякое население. Этот аггрегат, как видели, распадается на множество расслоений и групп.

Таков конечный пункт нашего анализа.

§ 2. Систематика сложных социальных аггрегатов.

Необходимость систематики социальных аггрегатов.

Предыдущее, естественно, приводит нас к вопросу: раз всякое население, занимающее определенную территорию, представляет сложный социальный аггрегат, то *нельзя ли выделить основные типы последнего? Нельзя ли, иными словами, дать классификацию основных видов социального аггрегата?*

Этот вопрос, в форме проблемы „классификации обществ“ давно уже возник в социологии и в социальных науках. Ряд лиц давно его поставил и попытался решить.

Необходимость классификации сложных социальных аггрегатов (или „обществ“) диктовалась и диктуется рядом в высшей степени важных мотивов и целей. Одним из них является научная потребность в сводке и систематизации материала. Сырой, не обработанный материал, мало ценен. Он необозрим и мало полезен. Далее, выросла потребность покончить с анархическим орудованием рядом терминов, постоянно употребляемых, но не имеющих определенного, сколько-нибудь общепринятого и точного содержания. Термины: „тотемическое общество“, общество родовое“, „территориально-племенная группа“, „народ“, „племя“, „кастовое общество“, „общество классовое“, „сословное“, „национальное“ и т. д., постоянно употребляются. Но то, что мы видели в применении к народу, племени, классу и национальности, применимо и

к остальным понятиям, обозначающим определенного типа „общества“: точного определения их мы до сих пор не имеем, а если и имеем, то оно спорно.

Такая неопределенность и неясность терминологии, естественно, загрязняет и все теории, построенные на них, и вносит сумбур во все отделы социальных наук.

Третье побуждение, требующее рациональной классификации сложных социальных аггрегатов, состоит в желании покончить с спекулятивной и философской социологией. Отсутствие хорошо проанализированного конкретного материала и разработанной систематики „обществ“ дает простор умозрительным построениям, не основанным на фактах и не могущих быть опровергнутыми путем последних за отсутствием классификации „обществ“. „Главное благодеяние, которое я ожидаю от классификации народов в социологии, правильно говорит Штейнметц, будет состоять в решительном и полном разрыве с социологией умозрительной и философской, оперирующей одними голословными утверждениями. Социология литературная (littéraire) должна быть изгнана на веки, без возврата“ [1]). Тот же мотив указывает и Somló [2]), подчеркивая, что отсутствие систематики обществ ведет к росту спекулятивных построений за счет данных индукции.

Нужна систематика сложных социальных аггрегатов и для целей открытия и установления социальных, в особенности, „исторических законов“. При отсутствии ее социолог вынужден оперировать методом à la Летурно. Формулировавши то или иное обобщение, теоретик, вместо строгой индуктивной его проверки, берет „для подтверждения“ два-три примера, взятых из жизни „обществ“, нередко совершенно разнородных, непохожих одно на другое, как небо на землю. Таков весь печальной памяти метод работы Летурно; тем же методом орудовали и продолжают орудовать множество исследователей. „Каждый социолог до недавнего времени являлся с двумя-тремя примерами и верил, если от них зависела судьба его обобщения, что положение им индуктивно доказано“ [3]).

Нет надобности доказывать, что научная цена такой „индукции“ равна нулю. Наличность систематики „обществ“ кладет этому состоянию конец. Раз таковая имеется и раз все население будет распределено по соответствующим рубрикам, нельзя будет орудовать таким методом и выхватывать желаемые примеры из народов, стоящих на различных ступенях развития. С полной вероятностью можно думать, что в этом случае уменьшится и оптовое

---

[1]) *Steinmetz*: Classification des types sociaux et catalogue des peuples L'année Sociol., т. III. 55.

[2]) См. *F. Somló*: Zur Gründung einer beschreibenden Soziologie. Berlin und Leipzig. 1909. 9—10.

[3]) *Somló*: Op. cit., 4. Не только методы à la Летурно, но и историко-сравнительный метод в той форме, в какой он применялся Постом, Бахофеном, Мак-Леннаном, Морганом, Сёмнер-Мэном и др. не без основания объявляется сейчас устарелым и далеким от точности. См. *Mazzarella*. L'etnologia giuridica e i fondamente dell'analisi stratigrafica. Rivista ital. di Soc: 1912. 560—582. Его же: L'etnologia giuridica, i suoi metodi. Riv. di Scienza. т. VIII, fasc. 3.

производство всевозможнейших „социологических и исторических законов", большинству коих научная цена грош [1]).

К тому же побуждают и *соображения научной экономии*. Сейчас собрано столько сырого материала, что исследователь, принужденный обратиться к нему для проверки своего положения, оказывается в положении пловца, очутившегося среди безбрежного моря, без маяка и границ. Использовать весь этот материал нет сил. Выбрать из него часть, не зная к какой группе обществ он относится,—также невозможно. В итоге дилемма: или затратить огромное количество сил для кой какого овладения материалом, или удовольствоваться методом à la Летурно, методом „примеров". Хорошая классификация социальных аггрегатов эту дилемму устраняет. Исследователь может прямо получить ту группу народов, которая ему нужна: в его распоряжении оказывается уже упорядоченный и систематизированный материал [2]). Мы получаем лист обществ и приобретаем обозрение типичных бывших и существующих обществ.

Такая классификация помогает открытию и установлению функциональных связей и закономерностей. В виду трудности производства настоящих социологических экспериментов, она служит первичным суррогатом последних. Если та или иная связь между двумя рядами социальных явлений (напр., пастушеством и определенной формой религиозных верований) оказывается данной у всех соответствующих народов, это служит значительным подтверждением правильности надлежащей гипотезы. Если такого подтверждения нет—это симптом ошибочности обобщения.

Отсюда вывод, что правильное решение проблемы классификации сложных социальных групп помогает проверке правильности или ошибочности той или иной социологической теории.

Помимо этих мотивов, заставлявших ставить и решать ее, и помимо перечисленных плюсов, вытекающих из правильного ее решения, есть и другие плюсы, на которых здесь я не буду останавливаться [3]).

Сказанное об'ясняет, почему исследователи, стремящиеся к точности, уже давно поставили ее и почему в наше время эта проблема стала очередной проблемой социологии.

Подобно тому, как для ботаники и зоологии рациональная систематика растений и животных составляет необходимый отдел этих дисциплин, от наличности которого зависит решение ряда круп-

[1]) Правильно говорит *Somló*. „Heute kommt aber die Ansicht immer mehr zur Geltung, dass mit Beispielen, selbst wenn ihrer sehrviele geboten werden, nichts bewiesen ist. Heute wollen wir nichts herausgegriffene *Beispiele*, sondern in jeder speciellen Frage einen systematischen überblick über das ganze grosse soziologische Erfahrungsgebiet haben: wir können eine Klassifikation der Gesellschaften nicht mehr entbehren, wir wollen wissen, von was für Kategorien der Gesellschaften die Rede ist. Ibid. 4.

[2]) См. о том же у *Steinmetz'a:* Ibid 57.

[3]) См. подробнее об этом у *Somló*. Ibid. гл. Vorteile einer deskriptiven Soziologie. 12—20.

ных проблем биологии [1]), так и для социологии систематика сложных социальных аггрегатов или „социальных типов", по терминологии Штейнметца. („социальных видов", по терминологии Дюркгейма), составляет необходимый и неотложный вопрос дня, требующий решения.

„Так как данный социальный факт может быть назван нормальным или ненормальным лишь по отношению к определенному социальному виду, то из всего сказанного следует, что известная ветвь социологии должна быть посвящена составлению этих видов, и их классификаций", правильно говорит Дюркгейм и тут же указывает мотивы такого выделения. „Это понятие о социальном виде имеет то огромное преимущество, что занимает среднее место между двумя крайними представлениями о коллективной жизни: я говорю о номинализме историков и о крайнем реализме философов. Для историков общества представляют собою равное их числу количество несравнимых гетерогенных индивидуальностей. У каждого народа своя физиономия, свое особое устройство, свое право, своя этика, своя экономическая организация, пригодные лишь для него; и всякая общность в этих отношениях почти невозможна. Для философа, наоборот, все эти отдельные группы, называемые племенами, городами, нациями, являются лишь случайными и временными комбинациями, не имеющими собственной реальности. Реально лишь человечество и из общих свойств человеческой природы вытекает вся социальная эволюция. Вследствие этого для первых история является лишь рядом связанных между собою, но не повторяющихся событий; для вторых эти же самые события являются лишь иллюстрацией общих законов, начертанных в природе человека... Следовательно, казалось бы, социальная реальность могла бы быть предметом или абстрактной и неясной философии, или предметом чисто описательных монографий... *Но можно избегнуть этой альтернативы, если признать, что между множеством исторических обществ и единственным, но идеальным понятием о человечестве, существуют посредники—социальные виды.* Понятие о виде примиряет научное требование единства с разнообразием, данным в фактах, и. ч. свойства всегда сохраняются у всех составляющих его индивидов, а с другой стороны виды отличаются один от другого" [2]). Признание социальных видов таким образом не позволяет социологу смотреть на человечество, как на одного Паскалевского человека, и формулировать законы его развития, приложимые ко всем временам и народам, с другой—избавляет от чисто описательной работы историков, давая возможность исследовать явления, свойственные ряду социальных групп, относящихся к одному и тому же виду [3]).

---

[1]) См. об этом: *Р. Веттштейн*: Руководство по систематике растений. М. 1903. т. I. 1—48. *Н. А. Буш*: Систематика растений. П. 1915. Введение и passim.

[2]) *Дюркгейм*: Метод социологии. Изд. Иогансона. 83—84.

[3]) *Дюркгейм*: Ibid. 84—85. Те же соображения приводит и Штейнметц. „Мы не впадем ни в ошибку Бентама, который видел только человечество и одну и ту же конституцию признавал благодетельной для всего человечества; ни в ошибку историков—слишком артистичных и немного мистич-

Таковы основные мотивы, толкавшие и толкающие социологов к постановке и решению проблемы систематики сложных социальных коллективов.

Принципы систематики социальных групп.

Но спрашивается, *какой или какие признаки следует положить в основу классификации „обществ?“ По каким основным признакам следует их группировать? И каким условиям должен удовлетворять principium divisionis?*

Из четырех порядков классификации, указываемых *Durand'ом*, а именно: *по принципу общности или сходства, по принципу строения* (composition) *или коллективности, по принципу иерархии и по принципу генеалогии или эволюции*, Штейнметц наиболее подходящим считает принцип *сходства*. И для нас этот принцип классификации кажется наиболее приемлемым.

Он же по существу лежит и в основе систематики растений; но здесь этот принцип в настоящее время обычно совпадает с принципом генетическим[1]). В социологии дело обстоит несколько иначе. Возможно, что со временем, когда систематика социальных аггрегатов подвинется достаточно далеко, и здесь принцип сходства в общем совпадет с принципом филогенетической систематики[2]). Но пока, при современном состоянии социологической систематики, приходится исходить из принципа сходства. „Для нашей специальной цели, которая состоит не столько в об'яснении филиации обществ, сколько в том, чтобы способствовать успеху социологических исследований вообще, заставляя нас знакомиться со всеми типами обществ и цивилизаций и позволяя нам всегда иметь в уме всех представителей каждого из них“, наиболее подходит классификация по принципу сходства, „по совокупности существенных черт, указывающих главные сходства и различия сравниваемых типов“, правильно аргументирует Штейнметц[3]). К этим соображениям можно добавить следующие. Приходится исходить из принципа сходства потому, что сама филогенетическая систематика может развиться лишь тогда, когда достаточно высоко стоит систематика по принципу сходства. История ботанической систематики говорит за это. Она прошла через три стадии. „За первым, исклю-

ных, видящих только индивидов и почти не осмеливающихся их сравнивать“, *Steinmetz*: Classification... 69. Естественно, что и Штейнметц выступает сторонником не однолинейного (монофилетического), а многолинейного (полифилетического) развития. Ibid. 51.

[1]) „Попытка опираться в систематике на особенности *истории развития растений*, характеризует третий период (систематики растений), говорит *Веттштейн*. „Построение системы растений на основании эволюционной теории составляет цель филогенетической систематики“. *Веттштейн*: Руководство по систематике растений т. I, 1, 11 М. 1903 г. См. также: *Буш*: Систематика растений. II. 1915. 5—9.

[2]) Полного совпадения их нет и в систематике растений. См. у Веттштейна о различии гомологичных и аналогичных органов. Ibid. 21—25.

[3]) *Steinmetz*: Ibid. 78.

чительно *описательным* периодом, следовал второй, в котором сознавалась потребность расположить фактический материал в удобообозреваемый порядок, но с чисто морфологической точки зрения" [1]). И лишь после того, когда этот период дал ряд ценных данных, возглавляемых работами Линнея, мог начаться третий филогенетический период. Но и в этот период, в основе филогенет. систематики лежит тот же принцип сходства: „Самым важным методом естественной (филогенетической) систематики, читаем мы у того же Веттштейна, всегда был *сравнительно—морфологический*, который стремится выяснить сходство и различие растений из точного сопоставления их морфологического строения, *и на основании полученных результатов вывести заключение об их сродстве*" [2]). Следовательно, без классификации по сходству не может быть и самой филогенетической классификации.

Не приходится пока что принцип филогенезиса класть в основу социол. классификации и потому, что сходства двух соц. групп не всегда вызываются общим происхождением, и обратно, две группы, имеющие „общее происхождение", (напр., две колонии эмигрантов из общей метрополии), под влиянием различных условий, могут с течением времени весьма резко отличаться друг от друга.

Наконец, в социологии только в метафорическом смысле можно говорить о „происхождении", „филиации", „филогенезисе" и т. п. одних групп от других.

Этих соображений достаточно, чтобы согласиться с тем, что *систематика социальных агрегатов может исходить только из принципа сходства.*

Но какого сходства? У социальной группы черт и свойств много. Сходство каких же признаков должны мы исследовать и сравнивать? Трудно найти две социальные группы, абсолютно тождественные друг с другом. Значит, между их сравниваемыми признаками надо брать не все, а только некоторые, *наиболее существенные. Какие же признаки наиболее существенны?*

Систематика естественных наук различает классификации *„естественные"* и *„искусственные"*. Для филогенетической систематика „искусственной системой называется такая, которая не основывается на изучении истинного родства организмов, *не опирается на целый ряд признаков*, добытых таким изучением, а пользуется одним или немногими наглядными признаками для построения своих групп. В эти группы, понятно, попадают организмы, ничего общего между собой не имеющие, кроме того случайного признака, который положен в основу классификации". Такова искусственная систематика растений Линнея, положившего в основу своей системы число и способы сростания тычинок [3]). „Естественная" классификация растений основывается, напротив, на принципе сродства, установляемого главным образом по сходству постоянных „организационных признаков" [4]). Сообразно с этим

[1]) *Веттштейн:* Ibid. 1.
[2]) *Веттштейн:* Ib., 20.
[3]) *Н. А. Буш:* Op. cit. 5.
[4]) *Веттштейн:* Ibid. 35.

„естественная“ социологическая классификация должна брать „в качестве сравниваемых признаков классификации такие, которые не произвольны и не случайны, наличность которых у сравниваемых групп означает и наличность наибольшего числа других общих свойств“ [1]). Еще яснее ту же мысль выражает Somló. „Хорошая классификация не должна быть произвольной, т. е. чисто внешним разделением вещей, но должна показывать, что в обществе, которое обладает избранным в качестве принципа классификации свойством, имеются в наличности и другие (связанные с ним) свойства“. Важность и существенность признака решается тем, „находится ли с ним в связи большое число других сопутствующих признаков или нет: иными словами: дается ли наличностью этого признака достаточная характеристика соответственной индивидуальности или нет“. Если да, то признак избран удачно [2]).

Установив эти общие основы, теперь и спросим себя: *какие же конкретно из признаков социальных групп удовлетворяют этим условиям? Должен ли таким признаком быть только один признак или их должно быть несколько?*

Ответим сначала на второй вопрос, а затем уже перейдем к первому и пробежим бегло те признаки, которые выдвигались разными классификаторами социальных групп. Большинство социологических классификаций является классификациями „монистическими“, исходящими из *одного* классификационного признака. Для специальной цели такой прием, быть может, и хорош. *Но он недостаточен для того, чтобы охватить всю индивидуальность классифицируемых агрегатов.* Как сейчас увидим, трудно выбрать один такой признак, наличность или отсутствие которого давало бы представление о всех существенных чертах систематизируемой группы. Вот почему при задаче полной характеристики классифицируемых типов *приходится комбинировать и учитывать ряд признаков.* Это следует и из того, что систематика конкретных и несравненно более простых явлений, чем социальные группы, а именно, систематика животных и растений, и та не „монистична“, а плюралистична, она учитывает не один какой-либо признак, а одновременно ряд признаков. Беру для примера краткую характеристику основных „типов“ растений. „1-й тип. Myxophyta. *Одноклеточные или многоклеточные* организмы. В вегетативной стадии развития клеточки без оболочки. Автотропного питания нет. Нет ни у одного вида полового воспроизведения“. „VII тип. Cormophyta. Многоклеточные организмы. Клеточки одеты всегда оболочкою, несостоящею из двух раковиновидных половинок. Автотропия. В ассимилирующих клеточках хлорофилл. Помимо вегетативного размножения постоянно половое воспроизведение. Приспособления к развитию половых органов вне воды. Закономерное расчленение на корень,

---

[1]) Steinmetz: Ibid. 74.

[2]) *Somlo*: Op. cit. 22. 30. То же говорит и *Ришар*. „Classer scientifiquement, c'est appliquer le principe de la subordination des caractères. Rappelons que ce principe consiste à regarder les caracterès les plus constants comme ceux dont dépendent les caractères plus spéciaux et plus variables“. *Richard*: Notions élémentaires de Sociologie. 47.

стебель и лист"[1]). Как видим отсюда, даже самое крупное подразделение растительного царства, разделение на типы, и то производится не на основе одного признака, а ряда признаков: 1) количества клеток, 2) формы клеток, 3) способов питания (автотропизм и гетеротропность). 4) Наличности или отсутствия хлорофилла. 5) Способов воспроизведения. 6) Морфологического строения.

Если же взять не общую суммарную характеристику растительных типов, а главы, посвященные прямому описанию той или иной группы растений: типов, отделов, классов, порядков, семейств, родов и видов, то здесь каждое подразделение характеризуется с помощью целого ряда признаков [2]).

То же видим мы и в систематике животных. Вот почему и Штейнметц и Зомло правы, настаивая на необходимости ряда признаков, а не одного [3]).

Это имеет значение в особенности в начальные периоды систематики. Чем полнее здесь будут указаны признаки, но с оговоркой, чтобы они были точны и хотя *косвенно связаны друг с другом*, тем лучше. С этой оговоркой здесь без иронии применимо положение: кто много приносит, всегда что-нибудь да приносит [4]). Потом отбор важных и неважных признаков произойдет сам собой. Вот почему, в отличие от первых классификаторов, новейшие, наиболее авторитетные исследователи народов и групп стремятся описать и охватить их всесторонне. Доказательством этого служит характер социолого-этнографических вопросников. Они с течением времени становятся все более и более детальными [5]).

Важно лишь, повторяем, чтобы классификационные признаки были определенны и связаны друг с другом, чтобы множественность их не была „рассыпанной храминой" или бессистемным и случайным нагромождением отдельно выхваченных и случайно со-

[1]) *Веттштейн*: Jbid. 48—50.

[2]) См. специальн. часть в курсах по систематике растений Веттштейна, Буша, Кузнецова и др.

[3]) См. *Steinmetz. Ibid.* 105—107. „Нельзя ограничиваться одним признаком, нужно расширить рамки", говорит он, критикуя монистические классификации. Тоже весьма резко подчеркивает и Somlo. Es ist ferner nicht ohne weiteres einzusehen, warum für eine Klassifikation der Gesellschaften von Anfang bis zu Ende durchwegs dasselbe Klassifikationsprinzip verwendet werden muss, говорит он, критикуя „монизм" Дюркгейма. Bei der Klassifikation der Organismen sehen wir nichts Ähnliches... All bisherigen Vorschläge (в социологии) tragen in ihrer Symmetrie eine Einfachheit zur Schau, die viel eher ein logisches Bedürfnis als die tausendfältige Wirklichkeit zum Vater zu haben scheint. Somlò: Ibid 33—34.

[4]) *Somlò*: 36.

[5]) См. для примера: *Frazer*; Questions on the manners, customs, religions etc. of uncivilised and semicivilised peoples в Journal of the Anthrop. Institute of Great Britain and Irland, XXIV. 1895. Questionnaire de sociologie et d'Ethnografie Парижского Антропол. об-ва; *Kohler*: Fragebogen zur Erforschung der Rechtsverhältnisse der sog. Naturvölker. Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft. XII. 1897. *Keller*: Queries in Ethnogra phie, 1903; и особенно (лучший из вопросников): Ethnographische Fragensammlung zur Erforschung der sozialen Lebens der Völker ausserhalb des modernen europäisch—amerikanischen Kulturkreises. (1906 г.), составленный группой исследователей (*Steinmetz. Thurnwald. Staudinger*, *Mazzarella*, *Breysig. E. Meyer*, Kohler и др.) и содержащий 2512 вопросов.

единенных черт. При соблюдении этих условий „плюрализм“ классификационных признаков необходим и целесообразен.

Ответив на этот вопрос, теперь спросим себя, *какими же конкретно должны быть искомые признаки? Какие свойства следует брать в качестве существенных критериев классификации сложных социальных групп?*

Сделаем беглый обзор соответственных классификационных попыток, делавшихся в области социологии и социальных наук.

Главнейшие социологические классификации сложныхъ соц. агрегатовъ.

Все соответственные теории можно разделить на ряд групп. *В первую группу* отходят классификации *смутные и неопределенные*, не имеющие научной ценности. Таковы, напр., подразделения народов и групп на: „дикие и цивилизованные“, на исторические и неисторические и т. п. Здесь нет никакого определенного признака деления, и потому приходится пройти мимо таких теорий [1]).

Вторую группу теорий составляют классификации *искусственные*. Примером их могут служать теории *Коста, Уорда и Фулье*. Кост строит таблицу народов в зависимости от плотности населения и % отношения городского населения к остальному. Чем больше соответственные цифры, тем выше по его мнению народ и тем он могущественнее [2]). Сообразно с этим он дает таблицу социальной прогрессивности и сравнительного могущества государств. Выше я указал на ее недостатки. Во первых, страны одной культуры (напр., Персия и Китай) по Косту оказываются на весьма различных ступенях, и обратно. Такие страны, как Швеция, оказываются по развитию ниже Турции, Соединенные Штаты Америки оказываются менее могущественными, чем Россия, Германия и Франция. [3]) Этих данных достаточно, чтобы признать систематику Коста неудачной и чисто искусственной. Теория *Фулье*, различающая народы *по степени гармонии целого к части*, к индивиду, совершенно неопределенна и „философична“. Ее место—в первой группе смутных и неясных теорий.

Уорд классифицирует соц. группы по *стадиям развития*, различая народы, находящееся в 1) the solitary or autarchic stage (изолиров. жизнь). 2) Constrained aggregate or anarchic stage, 3) the national or politarchic stage, 4) the cosmopolitan or pantarchic stage (интернациональный период.)

---

[1]) Сюда относится и теория П. Л. Лаврова, делившего народы на исторические и неисторические, в зависмости от того, появилась ли в их среде критическая мысль и стала ли она фактором развития. Само понятие критической мысли неопределенно. Неопределенным и неудачным приходится признать и деление. Оно скорее лежит в области должного, чем сущего. См. *Лавров*: Опыт истории мысли, т. I. Passim.

[2]) *Coste*. Principes d'une sociologie objective. 1899. 160—175. Его же L'expérience des peuples. 1900. 591—610.

[3]) Кост: L'expérience. 602.

Классификация неопределенна, во первых; гипотетична: неизвестно, была ли когда стадия изолированной жизни; сейчас ее, наверное, нет, во вторых: при всем желании провести границу между 3 и 4 группой, мы не можем, ибо Уорд не дает точного разграничения их: была ли Россия времен Грозного в 3-й или в 4-й группе? Если в третьей, то что нужно для бытия четвертой: только ли наличность интернациональных сношений или интернационально-государственное слияние современных государств в одно государство? Но тогда и 4-ой стадии пока что не существует. Значит, остаются только стадии 2 и 3-я. Но и между ними нельзя провести точного разграничения: куда, напр., отнести современную Россию, к 3-й или ко 2-ой группе? [1]).

Помимо этого классификация исходит из одного признака. Она неудачна.

К третьей группе относятся классификации, исходящие *из характера и интенсивности экономической жизни*. Представителями ее могут служить классификации *Листа*, *Гильдебрандта*, *Рошера*, *Бюхера*, *Гроссе*, Hahn'a, а совсем в недавнее время классификация Hobhouse'a, Wheeler'a и Ginsberg'a. Лист признаком классификации берет *способы добывания средств существования* и сообразно с этим делит общества на: 1) охотническо--рыболовные, 2) пастушеские, 3) земледельческие (в соединении с мануфактурным промышленностью и торговлей) и 4) индустриальные. *Ошибки и недостатки его классификации*: 1) ложная предпосылка однолинейности и однотипности развития: многие народы (напр., Перу и древние туземцы Америки) совсем не проходили пастушеского периода и от охотническо-рыболовного периода сразу перешли к земледелию; 2) однобокость и „монистичность" классификации и ее неудачные следствия: а) по Листу земледельцы непременно должны быть выше охотников и рыболовов; между тем, факты показывают, что нередко охотничьи народы по политической организации, степени знания, по характеру религиозных верований и т. д. стоят выше низших земледельцев; b) народы, стоящие на одной стадии экономического развития, напр., различные земледельческие или индустриальные народы, по другим своим признакам оказываются резко различными друг от друга. Посему, классификация, подобно искусственной классификации Линнея в ботанике, заставляет помещать в одну рубрику народы резко отличные друг от друга и имеющие мало общаго между собой. Эти и ряд других возражений применимы почти ко всем классификациям этой группы [2]).

Гильдебрандт делит народы по *системам хозяйства*, различая: 1) Naturalwirtschaft, 2) Geldwirtschaft и 3) Creditwirtschaft. Ошибки,

[1]) См. критику этих теорий у Штейнметца: Ibid. 82 и сл.

[2]) Я здесь ограничиваюсь самыми общими положениями, излагающими сущность классификаций, и самыми беглыми критическими замечаниями. За подробным содержанием теорий отсылаю читателя к подлинникам, за более подробным изложением и критикой теорий данной группы к ст. Штейнметца, к курсам политической экономии, в частности, к „Основам политич. экономии" М. И. Т.-Барановского. „В результате вся схема хозяйственного развития (Листа) оказывается несостоятельной", заключает об ней Т.-Барановский. Основы. 108.

общие с теорией Листа, плюс—фактические недочеты: деньги есть и у первобытных народов, есть и в наше время; неужели же тех и других отнести в одну группу? Кредит характеризует не только современное народное хозяйство, но он существовал и в античном мире, и в средние века. Значит ли это, что все эти народы должны быть отнесены к одной группе? Если да, то не соединяем ли мы несоединимое и не разъединяем ли то, что весьма сходно друг с другом?[1]).

С соответственными изменениями те же возражения применимы к теориям Рошера и Бюхера[2]). Бюхер, положивший в основу классификации признак *длины пути товара от производителя к потребителю*, принужден в одну рубрику „замкнутого хозяйства" помещать такие разнородные социальные аггрегаты, как первобытные группы с полукоммунистическим хозяйством и Грецию и Рим с хозяйством рабским[3]).

Grosse в основу систематики кладет: *формы семьи в соответствии с экономическими условиями группы*. Сообразно с этим народы он делит на пять групп: 1) низшие охотники и рыболовы, 2) охотники и рыболовы высшие, 3) номадные пастухи, 4) низшие земледельцы, 5) высшие земледельцы[4]). Не говоря о том, что классификация не обнимает чисто индустриальные общества и потому уже ошибочна, она неудачна и потому, что предполагает тесную связь между формами семьи и формами хозяйства. Такая связь далеко не всегда существует[5]). Предыдущие замечания применимы и к нему, а равно и к Hahn'у, кладущему в основу деления *способ добывания пищи*[6]).

Более новой попыткой в том же роде, но выполненной с колоссальным научным аппаратом, с фактической разгруппировкой множества народов по рубрикам классификации и с проверкой общих гипотез на систематически расположенных социальных группах,—с проверкой, далекой от „метода примеров" и близкой к индуктивному методу сопутствующих изменений,—является попытка *Hobhouse'a, Wheeler'a и Ginsberg'a*[7]).

[1]) „Кредитное хозяйство не м. б. противопоставлено денежному, т. к. кредит основан на деньгах. Развитие кредита не устраняет потребности в деньгах. Кредитное хозяйство есть то же денежное хозяйство". *Т.-Барановский*: Основы. 108.

[2]) См., *Рошер*: Grundlagen der Nationaloekonomie, 1880. 24–25. *Бюхер*: Возникновение народ. хозяйства. 1907. I.75—135.

[3]) См. критику Бюхера у *Steinmetz'a*: Ibid. 95 и сл. и у *Т.-Барановского*: Основы. 112 и сл.

[4]) См. *Grosse*: Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. 1896 г. 1, 29.

[5]) См. об этом *Ковалевский*: Происхождение семьи и собственности. Здесь, возражая против аналогичной гипотезы Старкэ, М. М. Ковалевский указывает, что матриархат, напр., существует у земледельческих и пастушеских народов; те и другие точно также имеют институт патриархата. Стр. 30 и сл. См. также *Ковалевский*: Социология, т. II. 50 по 90, гл. V, стр. 122—123, 119 и др., где дана критика теории Гроссэ.

[6]) То же относится к девяти членной схеме Н. А. Рожкова. См. *Рожков*: Русская история. 1919. 21—22.

[7]) См. *Hobhouse, Wheeler, Ginsberg*: The Material and Social Institution of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation. The Sociological Review. 1914 г. т. VII, № 3 и 4. Эта статья является лишь частью общей работы авторов,

В основе классификации их лежит „материальная культура не как первый фактор, а как диагностический признак". „Можно утверждать, говорят авторы, что „material culture is a fair index of the general level of knowledge and.. of mentality". Но какая именно часть материальной культуры?—*Способ добывания пищи с рядом добавочных признаков*, отвечают авторы. В этом пункте, следовательно, они приближаются ко взглядам Hahn'a, Нибура и др. Сообразно с этим признаком все простейшие народы они делят на следующие группы: 1) низшие охотники, 2) высшие охотники; далее родословное дерево разветвляется: так как одни народы от охотнического периода перешли прямо к пастушескому, а другие—прямо к земледельческому [1]), то по одной ветви идут 3) земледельческие народы, делящиеся на три подвида, по другой—3) пастушеские, делящиеся на два подвида.

Установив эти основы авторы переходят далее к своей основной задаче, к решению вопроса: существует ли связь между экономич. структурой соц. группы и ее социальной и политической организацией? [2]). Решение ведется не дедуктивно, а путем фактической проверки. Все народы располагаются авторами в соответствующие класификационные отделы. Решив эту задачу они переходят к наблюдению: одинаковы ли социальные и политические институты у групп, находящихся в одной классифик. рубрике, т. е. пользующихся одинаковыми способами получения пищи?
4-ый номер „Социол. Обозрения" дает решение вопроса в применении к институтам политич. организации—власти (gouvernment), суда и судоустройства.

How people are gouverned at the varias levels of economic culture which we distinguish, how is order maintened, and justice administered?, таков вопрос, ставимый авторами. Систематическое изучение фактов дает положительный ответ: народы, стоящие на одном уровне экономич. культуры, имеют одинаковую организацию управления и власти, одинаковые способы поддержания порядка и одинаково организованный институт суда и его форм.

Равным образом при восхождении от низших народов к высшим в эволюции этих учреждений наблюдается соответственная историческая тенденция, опять таки проявляющаяся у всех народов. Авторы иллюстрируют ее даже диаграммами [3]). В своей книге: „An Essay of Correlation" (см. выше примечание) они, повидимому, таким же образом прослеживают зависимость между

судя по последним книжкам „Социологич. обозрения", в 1915 г. появившейся в виде двухтомной работы, с надлежащим каталогом народов. К сожалению, мне эту книгу достать не удалось: попытки выписать ее из Англии не увенчались успехом. Поэтому я принужден судить об этой попытке по части работы, напечатанной авторами в указанных номерах „Социол. Обозрения".

[1]) „The pastoral stage we regard as an alternative development from the hunting stage, not necessarily anterior or posterior to agriculture. *Soc. Review 1914. № 3. 228.*

[2]) *Hobhouse, Wheeler and Ginsberg*: Op. cit. Soc. Review. № 3. 208—9; 218—19 и др.

[3]) Soc. Review. № 4. 332 и сл.

экономич. организацией и другими социальными и политическими институтами.

Эта попытка заслуживает внимания. В отличие от чисто „монистических" теорий авторы здесь берут не один только признак способа добывания пищи, но и *ряд других вспомогательных признаков.* На почве перваго признака им удалось бы дать только основные указанные подразделения, весьма недостаточные для определения „физиономии" социальной группы; недостаточные потому, что различные земледельческие народы по иным признакам весьма резко отличаются друг от друга, (напр. Россия, Дания и Землед. Америка) как различны друг от друга и народы пастушеские (напр., древние номады, киргизы, самоеды и лапландцы). Для отнесения той или иной группы к подвидам земледельческим или пастушеским авторам приходится обращаться к характеру орудий, совершенству техники, ergo —к высоте умственного развития и к др. признакам.

Признавая весьма вероятной связь между способами добывания пищи и другими социальными явлениями мы не должны, однако, преувеличивать эту связь и считать ее всегда данной. Как я оговорился, мы пока не имеем под рукой составленного авторами „каталога народов" и потому не можем проследить и проконтролировать утверждение авторов. Но факты прямого наблюдения говорят за то, что в ряде случаев эта связь может быть очень отдаленной. Характер добывания пищи зависит от природных условий, в которых живет данная группа. Рыболовство (и охота) составляют главный способ добывания пищи и эскимосов, и алеутов, и русских поморов, и прибрежных норвежцев. Однако, сходство в этом отношении ничуть не мешает им быть резко различными во всех других отношениях и быть далекими друг от друга, как небо от земли. Было бы изнасилованием фактов помещение в одну группу эскимосов и норвежцев только потому, что те и другие живут преимущественно рыболовством.

Это означает, что и здесь однолинейная классификация недостаточна. Недостаточна она и потому, что дает классификацию только т. н. примитивных социальных групп и совершенно обходит народы индустриальные.

Заключение о всех этих „экономических" классификациях таково: несомненно есть и должна быть известная связь между теми или иными сторонами хозяйственной организации группы и другими свойствами, характеризующими ее индивидуальность. Но эта связь не всегда тесная. Она недостаточна для того, чтобы заранее сказать, что „раз у данного народа такая то экономическая система, то у него неизбежно будет такая то религия, такая-то организация власти, такое-то искусство, такое-то право и суд, такой-то уровень знания и т. д. Подобное заключение слишком смелое и далеко не всегда согласуется с фактами [1].

[1]) См. подробную критику „эконом. теорий" у Steinmetz'a; к этой же группе примыкает и классификация *Моргана*, данная в его „Примитивном обществе", перенятая и несколько видоизмененная *Энгельсом* в его „Происхождении семьи". Морган в основу своей классификации кладет систему

К четвертой группе теорий относятся *„смешанные“* системы, исходящие из комбинации нескольких признаков. Примерами их могут служить теория *Ле Плэ и его школы, теория Сутерланда, Фиркандта и отчасти Конта.* К ней же может быть отнесена и теория *Вундта.* Основы теории Ле-Плэ мы изложили уже выше. Она делит прежде всего общества на: простые (самодостаточные) и усложненные (compliquées). Простые общества, в свою очередь, делятся сю на виды в зависимости от географической среды, определяющей способы добывания пищи, а последние обусловливают собою тип семьи. Сообразно с этим дается теория 3-х основных типов семьи (патриархальной, индивидуалистической и quasi—индивидуалистической). Сложные общества, в свою очередь, имеют организацию, определяемую типом семьи. (Народы патриархально-коммунистической формации, народы индивидуалистической и quasi—индивидуалистической формации) [1]) Как видно отсюда, здесь берется не один признак, а несколько; эти признаки взаимно связываются и в итоге дается стройная и довольно отчетливая система классификации обществ, синтезирующая признаки: географической среды, способа добывания средств существования, характера семьи, способа воспитания и форм социально-политической организации [2]) Эта теория обладает весьма ценными достоинствами, ставящими ее выше всех рассмотренных: она отчетлива, она учитывает зависимости, указываемые другими теориями, и вместе с тем она свободна от их однобокости. Жаль, что она не доведена до конца и не дала нам конкретного католога народов. Однако, и она недостаточна для полной характеристики народов. Народы одной и той же „формации“ по теории данной школы далеко не одинаковы во всех своих существенных чертах. И Франция, и Германия, и Россия, и Италия и др. европейские народы, кроме скандинавцев и англо-саксов, принадлежат к одной и той же quasi-индивидуалистической формации. Но это не мешает им быть резко отличными и по религиозным верованиям, и по экономической организации, и по политическому устройству, и тем более—по умственному и нравственному уровню. И Китай, и Япония по типу семьи принадлежат к одной (патриархальной) формации. Но какая пропасть между мертвым Китаем и „империалистической“, технически-вылощенной Японией. Недостаточность очерчиваемой классификации будет еще яснее, если взять более мелкие подразделения социальных групп. Вот почему, признавая громадные достоинства этой схемы, все же приходится признать ее недостаточной.

О. Конт, как известно, клал в основу классификации народов *высоту умственного уровня соц. группы,* определяемую им по ее мировоззрению. Последнее Конт делил на три периода развития, (а со-

---

родства и характер изобретений и открытий. Энгельс „экономизирует“ его принципы. См. их критику у *Steinmetz'a.* 114—116.

[1]) См. выше § о семейной элемент. группировке. Там же см. и литературу—работы *Demolin'a, Pino, Vignes* и др.

[2]) Схема исследования, приложенная к „*Science Sociale* (19 année, 1-er Fascicule), указывает гораздо большее число признаков, исследование которых необходимо для определения „социального типа“ народа. Так что ее плюрализм гораздо богаче. См указанный выпуск *Science Sociale.*

ответственно и на три типа): на период теологический, метафизический и позитивный [1]) Теперь нет надобности останавливаться на критике этих воззрений. Исторический закон Конта оказался мнимым. Мнимой и неудачной является и вся его теория. Столь же мало пригодна для систематики соц. аггрегатов теория С. Симона об органических и критических периодах развития, реставрированная теперь Вебером в его мнимом законе двух состояний [2]).

К этой же группе теорий примыкают классификации *Сутерланда, Фиркандта, Вундта и Штейнметца.* (хотя Штейнметц и выделяет свою теорию в особую группу). Сутерланд [3])—плюралист. Он комбинирует прежде всего число членов группы, различая: 1) низших дикарей, общества которых состоят в среднем из 40 членов, средних—150 членов, высших—360 членов; 2) варваров, группы которых обнимают от 6,500 до 442,000 членов; 3) цивилизованные народы, общества коих насчитывают от 4,200,000 членов до 30,000,000 и больше. Этот количественный признак он соединяет с рядом других признаков, об'единяемых им в формуле „общаго уровня умственного развития". Классификация не удачна. Во первых, нет связи между численностью группы и другими сторонами ее организации. Есть малые группы и весьма культурные (напр., скандинавцы) и весьма примитивные, напр., корейцы или ряд примитивных племен, и обратно, есть многочисленные политические группы, весьма резко отличающиеся друг от друга. Напр., Соединенные Штаты Америки и Россия. Великобритания и Китай. Во вторых нельзя думать, что чем многочисленнее группа, тем ее умственный уровень выше, и обратно. Если бы дело обстояло так, то наиболее культурными странами должны были бы быть Китай и Россия, наименее культурными Дания, Швеция, Норвегия или Бельгия. В третьих, неопределен признак и „общего умственного уровня". Чем его измерять? Как быть в тех случаях, когда один народ развит в области земледелия, другой—в рыболовстве, третий в выделке „персидских ковров"? Сутерланд не указывает об'ективного критерия интеллигентности. В итоге—схема и неудачна, и неясна.

Фиркандт [4]), как показывает название его работы, делит соц. группы или народы на „народы природы" и на „народы культуры". Основа деления—психический характер тех и других. Kulturvölker характеризуются наличностью у них свободы личности, свободы мысли и критики, и т. п. У Naturvörlker—этих свойств не имеется. Между ними стоят „полукультурные народы", по психике похожие на первобытных народов, по экономическому укладу—на культурных [5]). Далее Фиркандт дает конкретную характеристику каждой

---

[1]) См. *Aug. Comte*; Cours de philosophie positive. т. IV. стр. 328—387. Paris. 1908 г.

[2]) См. *Вебер*: Le rythme du progrès. Paris. 1913. Одна из глав этой книги переведена в „Нов. идеях в социологии". Сб. № 3.

[3]) См. его „Происхождение и развитие морального инстинкта. СПБ. 1900. Изд. Павленкова.

[4]) См. *Vierkandt*: Naturvölker unb Kulturvölker. 1896 г.

[5]) Раньше Vierkandt'a та же классификация была дана *П. Л. Лавровым*, различавшим в зависимости от тех же признаков „народы, живущие историч.

группы. И здесь та же неясность и неопределенность, что и у Сутерланда. Свобода личности, свобода мысли и т. д.—вещи условные. У ряда народов личность не свободна в одном отношении, за то свободна в других, и обратно. Как правильно указывает Парето, в древности не терпелась свобода религиозных верований, за то терпелась свобода пить вино и разврат. Теперь терпится свобода религии, но начинает преследоваться пьянство и „разврат“ (преследование нео—мальтузианцев etc) [1]. В древности можно было ругать народ и обязаны были хвалить деспотов. Теперь наоборот. „Народ“ стал „богоносцем“,увереном, демократия—идолом; деспоты—„извергами и палачами“. Далее, в древности для одних была полная свобода (princeps legibus solutus est), зато для других были громадные ограничения: теперь многое переместилось: несвободные коммунисты стали свободными властителями, а бывшие свободные властители—бесправными изгоями, поставленными „вне закона“ и отданными в полную опеку коммунистам. По какому же из этих слоев мы будем судить о росте или падении свободы?

На каком основании народы, не допускающие свободы религиозной критики, зато допускающие свободу пьянства, оргий, многоженства и т. д., мы будем об'являть примитивными, а народы, признающие свободу совести, за то не допускающие критики власти, собственности, форм правления, правящей династии (а таковы—большинство „культурных“ государств), и вообще „устоев общества“, мы будем называть „культурными“?

Мало того. „Свобода мысли“, слова „и печати“ и „свобода личности“ в Советской России сейчас совершенно тождественна с „свободой“ их в эпоху Магницкого [2]). Значит ли это, что Со-

жизнью“, и „не исторические“. Выделен им был и тип полукультурных групп под названием „дикари современной культуры“ и дана была весьма отчетливая характеристика последних. См. *Лавров*: Опыт ист. мысли. I. гл. 2-я; Цивилизация и дикие племена. СПБ. 1904 и особенно „Собрание сочинений“, вып. V. 1918 г. гл. II: 14—26. и гл. IV, 26—35.

[1]) См. множество анал. фактов у *Парето*. Trattato. т. II. 256—288. Здесь Pareto довольно убедительно показывает, что ограничения свободы личности были и остаются: меняются только сферы и формы этого ограничения, по существу же всюду и всегда одни индивиды стремятся запречь в свою мораль других. „Свободный мыслитель, во имя науки, налагает мораль и запреты мало отличные от морали и запретов израильского или христианского Бога. Многие другие факты доказывают, что предрассудки, предполагаемые исчезнувшими, трансформировались и живут под иной формой“. 234. Подчинение низших классов высшим пало, но заменилось подчинением вождям синдикатов, партий и профессион. союзов и т. д., подчинение королю и папе заменялось подчинением „народу-Богу“, т. е. демагогам, политиканам и т. п. „Под новой формой мы имеем новый феодализм, воспроизводящий сущность старого“. 259.

[2]) См. *И. Я. Фойницкий*: Моменты истории законодательства печати. Сборн. Госуд. Знаний. СПБ. 1875. 348—396. Характеристика „владельческого вотчинного попечительного периода“ печати (средние века, период Генриха VIII в Англии, эпоха Галилея, Рабле и др. в Италии и Франции, у нас—эпоха Грозного и Петра), данная Фойницким, рисует картину совершенно тождественную с современной. И тогда, и теперь правительство ведает всем. Типографии - его собственность. Печатание и издание книг—его дело. Правительство определяет: для чего нужно знание? какое знание нужно? какие книги можно печатать? Мысль и печать—монополия власти. Она

ветская Россия и Россия эпохи Магницкого тождественны и должны быть отнесены к одной группе?

Деление Vierkandt'а настолько обще и туманно, что в одну и ту же группу можно всунуть самые различные народы. Так, в группу Naturvölker можно отнести и примитивные группы ашантиев, австралийских негритосов, и Китай, и средневековые государства, и древний Египет, и древнее Перу,—и Турцию, и Спарту, и современную Советскую Россию. В группу „культурных“ народов можно причислить и Рим последнего периода, и Англию: что общего между этими группами, кроме этих случайных сходств!

Нельзя признать вполне удачной и классификацию *Штейнметца*. По собственному его признанию в основе его системы лежит „рациональный и практический эклектизм“. Он дает классификацию социальных групп: 1) *Генетическую*, 2) *Систематическую*. В основу генетической классификации он кладет психологический признак, а именно: „интеллектуальный характер группы, определяемый по ее вершинам, (d'après les sommets), а не низам, где всегда даны пережитки первичных фаз“. Сообразно с этим у него получается 4-ре периода развития, а соответственно и четыре типа народов: 1) период Urmenschen, когда люди мыслили, как животные, не имели ни религии, ни идеи души, духов и т. д. это—период доисторический и гипотетический. 2) Период первобытной дикости. Интеллектуальный тип здесь низкий, наивный. Люди мыслят только ассоциациями. Отсюда—анимизм, фетишизм, культ предков и т. д. 3) В третий период появляются систематизация и унифицирование идей. Расцветают мифология, поэмы, сказки и т. д. Но нет еще ни свободы мысли, ни критики. Таковы Азия, Восток, Египет, Китай, страны Ислама etc. 4) С Возрождения начинается 4-ый период. Его проявления—протестантизм, свобода критики, методическое изучение природы, гуманитарная мораль и т. д.

В основу систематической классификации Штейнметц кладет принцип характера экономической жизни. Соответственно с этим он получает 10-ти членный ряд соц. групп. 1) Мелкие собиратели семян и плодов (petits collecteurs), 2) охотники, 3) рыболовы, 4) номадные земледельцы, 5) настоящие низшие земледельцы, 6) земледельцы высшие, 7) номадные пастушеские группы, 8) группы живущие в сложных условиях, 9) народы периода мануфактуры, 10) индустриальные народы [1]).

Ни одну из этих классификаций нельзя признать удачной. Генетическая систематика обладает следующими недостатками: 1) общий принцип деления неясен. Критерий „интеллектуального характера группы“ слишком неопределенен. 2) Нельзя классифи-

---

надзирает и за религиозной, и политической, и научной мыслью. Писатели ученые, поэты—чиновники государства. Критику заменяет донос. Оценку—решение комиссара печати. Высшим научным судьей является правительство. Словом—мысль и все ее произведения—государственная регалия. Деятельность современного комиссара печати тождественна с деятельностью Магницкого. Только позже появляются „вольные типографии“ и частно-правовой взгляд на печать.

[1]) См. *Steinmetz*: Op. cit. 136—147.

цировать социальные группы по отдельным, наиболее развитым интеллектуально членам группы (по вершинам группы). Такой прием может вести к самым ошибочным представлениям об интеллектуальном уровне группы. Можно ли по Ломоносову заключать об интеллектуальном уровне России 18 века? Можно ли по Бэкону или Леонардо да Винчи судить об умственном характере современной им Англии и Италии? Не получилась ли бы явная ошибка, если бы мы стали так поступать в каждом случае? Не прав ли Кост, резко критикующий такие приемы и настаивающий на том, что великие intellectuels—это случайные кометы, никоим образом не могущие быть мерилом интеллектуального уровня соответствующей группы? Число их, говорит он, всегда ограничено; наиболее великие intellectuels не принадлежат к наиболее развитым и могущественным народам (напр., Христос, Будда); они родятся в эпохи благоприятные и неблагоприятные для социального состояния, (большинство псалмопевцев Иудеи родилось в эпоху анархии, в Греции большинство философов—Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Зенон, жило в эпоху распада государства; то же было в Риме—Цицерон, Лукреций, Виргилий, Гораций; и т. д.). Одна и та же раса, одна и та же эпоха и одно и то же социальное состояние дают рождение самым различным гениям. Наиболее высокие достижения великих людей почти не социализируются, не воспринимаются массами, потому их социальная роль ничтожна, потому же нет связи между уровнем intellectuels и умственным уровнем группы. Механика Декарта, монадология Лейбница, трансформизм Ламарка и т. п. были „созданием идеальным, а не социальным, более личным, чем коллективным", они массами своего времени не были восприняты и на ее умственный уровень не оказали влияния. Больше того, умственная эволюция группы вообще развивается анонимными многочисленными и мелкими изобретениями, а не великими открытиями гениев. Уничтожьте одну—две дюжины гениев—социальная жизнь группы от этого мало изменится и пойдет своим чередом [1]). Если в тезисах Коста есть преувеличение, то, тем не менее, они правильно указывают отрицательные стороны метода Штейнметца. 3) Неудачна его генеалогическая классификация и потому, что 1-я из указываемых им стадий совершенно гипотетична; остальные же столь неопределенны, что дают возможность в одну группу отнести самые различные народы и группы (куда, напр., отнести Японию, по верованиям и морали близкую к 3-й стадии, по технической культуре—передовую страну?)

Словом, все возражения, выставленные им самим против теории Сутерланда, применимы и к нему. Что касается его систематической классификации, то она представляет модифицированную классификацию экономистов. Возражения, вызываемые последней, mutatis mutandis применимы и к ней. К этой же групне теорий может быть отнесена и теория Вундта [2]).

---

[1]) См. *Coste*: Les principes d'une sociologie objective. 1—24. Его же: L'experience des peuples. 1900 1—6.

[2]) См. *Wundt*: Elemente der Voelkerpsychologie. 1912.

Всю историю человечества он делит на 4-ре стадии: 1) *на фазу примитивного человека* (орда, нет политич. организации и авторитета; религия сводится к страху перед мертвыми и т. п.); 2) *на фазу политическую* (начатки политической организации, деление на фратрии и матримониальные классы; тотемические верования etc); 3) *на эпоху героев* (Heldenzeitalter). (Период индивидуализма, утверждения прав личности, выделения вождей, героев, появления собственности, индивид. семьи, верований в богов, как в личности и т. п.) 4) *на фазу человечества* (период мирового государства—Weltreiche, мировой культуры, мировых религий, мировой истории).

Все возражения, применимые к Штейнметцу, применимы и здесь. 1) Все это деление в высокой степени условно и неопределенно. 2) Характеристика отдельных периодов (напр., 1-го) полна фактическими ошибками. 3) В основе деления лежит неверная предпосылка прямолинейности и однотипности эволюции для различных групп и народов. Между тем, „ничто не дает основания полагать, что различные типы народов развиваются в одинаковом смысле. Они идут различными путями. Развитие человечества должно быть изображаемо не в форме прямой линии, но как дерево с различными и многочисленными ветвями“ [1]).

Пятую группу теорий составляют теории, кладущие в основу систематики человеческих групп не принцип эволюции, а принцип *этнографического родства*. Сообразно с этим получаются определенные зоны цивилизации и виды культуры; напр. *Фробениус* различает культуры: греческую, океаническую, азиатского континента, Африки востока и запада и т. д; нечто подобное дает и *Ратцель* [2]), обусловливая характер зон цивилизации географическими условиями. Не чужда, как мы видели выше, эта мысль и *Дюркгейму*. Примыкает к ней и *Л. Мечников*, различая цивилизации: речные, морские и океанические.

После всего сказанного выше нет надобности подробно критиковать такие теории. Мы видели, что цивилизация и культура понятия неопределенные. Чтобы данные теории могли претендовать хоть на какую бы то ни было определенность, они должны были бы указать: какие же именно признаки культуры они берут для сравнения: язык-ли? религию-ли? право-ли? или экономический уклад? или материальную культуру? или род занятий? или интеллектуальный уровень? А если несколько признаков сразу, то какие же именно?

На все наши законные вопросы ответа мы не имеем. Поэтому и вся теория становится „туманной кляксой“. Понятно, что на почве таких неопределенных признаков немыслимо дать какую бы то ни было систематику человеческих групп [3]).

---

[1]) См. дельную рецензию *Дюркгейма* на данную работу Вундта, рецензию, не оставляющую камня на камне от всей теории Вундта. L'année Sociologique, т. XII, 50—51.

[2]) *Ратцель*: Народоведение, т. I и II.

[3]) См. изложение и критику этой группы теорий у Steinmetz'a. Цитир. статья. 130 136.

К очерченным теориям классификаций социальных групп мы могли бы для полноты прибавить ряд других; напр. весьма ценное само по себе деление Спенсером всех обществ на общества: военные и индустриальные [1]), деление Дюркгеймом обществ на общества, связанные 1) механической и 2) органической солидарностью, близкое к этому деление социальных групп Richard'ом на: societé et communauté аналогичное теории Тенниеса, различающего Gemeinschaft и Gesellschaft [2]). Рядом с ними можно было бы упомянуть pro n+1 теорий государствоведов, различающих типы обществ по форме правления (республики и их виды, монархии и их виды); n+1 теорий историков и юристов, пытающихся выделить особые типы „родового“ общества, общества „территориально-племенного,“ „государства—города“, „государства—поместья“, „государства сословного“, и т. д.

Но в рассмотрении всех этих теорий нет надобности. Они или настолько общи (напр., деления Спенсера, Дюркгейма, Тенниеса), что никоим образом не могут представлять теорий классификации социальных групп; или касаются таких сторон, которые являются характерными для той или иной детали, но не для всей физиономии социальной группы (напр., различение форм правления и т. п.); или, наконец, подобно теориям юристов и историков, дают отдельные характеристики тех или иных типов политических групп, не приведенные в систему, напоминающие вырванные листы из неизвестной книги, часто поверхностные, отделывающиеся общими местами и потому далекие от теорий систематики социальных аггрегатов. Ограничимся приведенной литературной справкой. Она дает нам довольно верное представление о научном состоянии проблемы систематики социальных групп.

Мы видим, что проблема находится в состоянии „im Werdren“. Она стоит на очереди. Решение ее требуется рядом насущных потребностей. Попыток много. И вместе с тем только некоторые из них сравнительно удачны. Едва ли не наиболее удачной является классификация школы Ле Плэ; но и она, как мы видели, недостаточна и далеко не исчерпывает сути дела. Каждая из сравнительно удачных классификаций в лучшем случае дает сравнительную таблицу какой-либо одной или немногих сторон классифицируемых обществ.

Таков итог обзора.

Рядом с ним отметим и другую черту, это *отсутствие морфологических классификаций обществ, классификаций, которые пытались бы различать социальные группы по их строению.* В числе очерченных теорий мы не видели таких теорий и попыток.

Этот факт не может не бросаться в глаза и не может не казаться странным. Трудно вообразить себе систематику растений или животных, построенную не на морфологических и анатомических признаках растений и животных. По крайней мере, в

---

[1]) См. *Спенсер*: Осн. социологии. т. I, §§ 258—268, т. II.

[2]) См. *Дюркгейм*: Разделение общественного труда; *Richard*: La sociologie générale et les lois sociologique. Paris. 1912. 165 и passim. *Toennies*. Gemeinschaft u. Gesellschaft. 1887.

настоящее время таких систематик нет. Даже „искусственные“ классификации растений и животных, и те опирались, хотя бы частично, на эти признаки. Между тем приведенные социологические теории построены или на полном игнорировании строения социальных групп или же только на частичном учете некоторых и то не важных признаков этого строения. В лучшем случае они похожи на „искусственную“ систематику Линнея и др. представителей систематики этого периода.

Такое обстоятельство, конечно, не случайно. Оно результат многих причин; одной из главных среди них является отсутствие „социальной статики“ в учениях социологов. О. Конт, разделивши социологию на социальную статику, как науку о структуре (порядке) общества и социальную динамику, (прогрессе общества) сам ограничился почти исключительно изложением социальной динамики. Соц. статика у него оказалась совершенно неразвитой. То же явление наблюдалось и позже. Социология чуть не вся ушла в область изучения эволюции общества, открытия „эволюционных законов“ и т. п. „Социальная статика“ (в Контовском, а не в Спенсеровском смысле) числилась в качестве отдела социологии, но большинством социологов не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте было „пустое место“ или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два—три не связанных друг с другом вопроса и тем довольствовались. При таких условиях неизбежным было игнорирование проблем „морфологии и анатомии общества“. Социологи даже не знали, (кроме органицистов, баловавшихся забавными аналогиями), что собственно следует разуметь под строением общества, как подойти к морфологическому и анатомическому изучению соц. группы, как анатомировать или разлагать на элементы сложные социальные тела и т. д. О „социальной химии“ большинство их не мечтало. *Отсюда неизбежное следствие: игнорирование „анатомо-морфологических“ признаков при систематике социальных групп.*

Этот факт, в связи с неудачными результатами классификационных теорий, естественно, вызывает вопрос: *не следует ли сделать попытку классификации социальных групп на основе анатомо-морфологических признаков последних? Не будет ли более удачной систематика „обществ“, исходящая из признаков их строения?*

Вопрос естественный и законный. Думается, что на него может быть *один ответ и ответ положительный. Если такая классификация и не будет всеоб'емлющей и исключающей все другие, то, тем не менее, она необходима и важна*; вопросы строения населения слишком важны во всех отношениях: и сами по себе и по тому влиянию, которое оказывает строение населения на все стороны его жизни и на ход исторических событий. Если необходимо и важно изучение социальных процессов (соц. механики), то не менее важно изучение строения „общества“, (социальной анатомии и морфологии), „химического состава“ отдельных социальных групп, и систематики последних по этому составу.

К этому едва ли спорному выводу мы приходим, как к простому следствию всего предыдущего. Причина игнорирования „анатомо-

морфологических“ признаков для классификации социальных групп для нас отсутствует: плохо ли, хорошо ли, но в двух томах „Социальной аналитики“ мы попытались дать систематическое, последовательное, внутренно-связанное учение о строении населения. „Социальная статика“ Конта у нас представляет не простую рубику, а отдел социологии, заполненный не случайным, а систематическим, логически вытекающим одно из другого содержанием.

Таковы психологические и логические основы тото итога, который мы получили в результате обзора классификационных попыток. Они об'ясняют, почему мы обратили внимание на указанную „странность“этих теорий, почему поставили вопрос о возможности и необходимости „анатомо-морфологической“ классификации соц. групп и почему уверены, что такая классификация возможна и не менее важна, чем все указанные классификации.

Теперь после этих замечаний попытаемся набросать схему такой классификации.

Классификация сложных социальных агрегатов по их строению (по их анатомо—морфологическим признакам).

Прежде всего пара справок. Первая из них состоит в указании на важность признаков строения или состава в классификациях неорганических и огранических тел. Химия представляет науку, изучающую химический состав материального мира. Все предметы последнего она разлагает на элементарные химические тела и рассматривает как определенные соединения последних. В изучении их химического состава и заключается ее задача. Классифицировать их как либо иначе, пытаться дать систематику материальных тел вне их состава, она не пытается и не может. Этот факт достаточно ясно говорит о важности признака состава для классификации материальных тел.

То же мы видим в систематике растений и животных. „*Самым важным методом* естественной систематики, читаем мы у Веттштейна, всегда был метод *сравнительно морфологический*, который стремится выяснить сходство и различие растений из точного сопоставления их морфологического сложения, и на основании полученных результатов вывести заключение об их сродстве. При этом принимаются во внимание *все части растения*, и не делается ограничение лишь *органографическим сравнением*, но производится и *анатомическое*“ [1]).

Из этой выписки мы видим всю важность морфолого-анатомических признаков для систематики растений. Без них систематика растений немыслима. То же можно сказать и о систематике животных.

Это дедуктивно заставляет предполагать, что без признаков строения и состава не может быть удачной и систематика сложных социальных аггрегатов. Допустим гипотетически это предположение.

---

[1]) *Веттштейн:* Руков. по систем. растений. I. 20. См. 20—26.

Теперь перейдем ко второй справке. Только что было указано, что в ряду рассмотренных теорий классификации соц. групп отсутствует классификация по признакам строения группы, или по признакам морфологически—анатомическим. Это положение, однако, не совсем точно и эту неточность постараемся сейчас исправить. Такие классификации имеются. Выше я намеренно не упомянул их. Представителями их являются классификации *Г. Спенсера и Э. Дюркгейма.* Обратимся к их рассмотрению. В X гл. „Оснований Социологии" Г. Спенсер дает попытку морфологической систематики „общественных типов". „Существуют два важные рода отличий, читаем мы там, которыми мы можем воспользоваться для сгруппирования обществ в естественную систему. Прежде всего, мы можем расположить их, *сообразно степеням их сложности, в общества простые, сложные, вдвойне-сложные, втройне сложные, и т. д.*" [1]). Вторым делением обществ является деление их на: хищнически-воинственные, всегда централизованные и в значительной мере коммунистические, и на промышленно-мирные общества, всегда индивидуалистические, свободные, децентрализованные. Это второе деление, само по себе очень ценное, не связано с первым делением Спенсера. Здесь оно для нас не интересно.

Из этой цитаты мы видим, что Спенсер за основу своей классификации берет морфологический признак, а именно: *сложность строения общества.* Отсюда, естественный вывод, что классификация обществ „должна начаться с обществ первого, т. е. *самопростейшаго* порядка" [2]) и восходить к все более усложняющимся обществам. Спенсер так и поступает и дает таблицы: *1) „простых обществ", 2) „сложных", 3) „вдвойне-сложных" и 4) „втройне-сложных"* [3]).

Та же мысль лежит в основе классификации Дюркгейма. „Мы должны выбрать для нашей классификации особенно существенные признаки... Не трудно догадаться, в каком направлении надо искать характеристические особенности соц. типов.. Мы знаем, что общества состоят из присоединенных друг к другу частей. Т. к. природа всякой результирующей неизбежно зависит от природы, числа и способа сочетания составных элементов, то, очевидно, эти признаки мы и должны взять за основание.. Так как они относятся к разряду морфологических, то можно было бы назвать „*Социальной Морфологией*" ту часть социологии, которая имеет целью установить и классифицировать соц. типы". „Спенсер прекрасно понял, пишет далее Дюркгейм, что для правильной классификации соц. типов не может быть других оснований". Сообразно с этим Дюркгейм предлагает следующую классификацию социальных групп, представляющую видоизмененную таблицу Г. Спенсера: 1) простое общество—орда, как аггрегат, „не содержащий в себе других, еще более простых обществ, состоящий из одного

---

[1]) *Спенсер*: Осн. соц. т. I. 343.
[2]) *Спенсер*: Ibid 343.
[3]) *Спенсер*: Ib. 343—347.

только сегмента... и распадающийся непосредственно на индивидов“ [1])

„Раз установлено понятие об орде или обществе с единым сегментом, то у нас есть точка опоры, необходимая для того, чтобы построить полную лестницу социальных типов. Следует различать столько же основных типов, сколько существует способов соединения орд при образовании из них новых обществ и сколько способов соединения друг с другом существует для этих образовавшихся из орд обществ. Прежде всего встречаются аггрегаты, образовавшиеся простым слиянием орд—или кланов. Эти последние просто присоединены друг к другу, как индивиды орды“. Таковы, напр., арх или кабильская триба. Такие общества могут быть названы „*простыми полисегментарными*“ обществами. Общества, составленные из соединения последних будут „*сложными полисегментарными—простыми*“ обществами (напр., прокезский союз, образованный из кабильских триб, римские трибы, из соединения которых возникла римская гражданская община и т. д.). „Дальнейший вид представляют *двойные—сложные полисегментарные* общества, которые получаются от присоединения или смешения нескольких простых сложных полисегментарных обществ. Таковы: гражд. община—аггрегат триб, которые сами суть аггрегаты курий, разлагающиеся, в свою очередь, на роды (gentes) и кланы; такова германская триба, с ее графствами, подразделяющимися на сотни, которые, в свою очередь, имеют последней единицей клан, сделавшийся селом“.

Теперь понятно будет соответствующее правило, даваемое Дюркгеймом. „Следует начать с деления обществ по степени представленной ими сложности, принимая за основу совершенно простое общество с одним сегментом; в пределах установленных делений надо различать отдельные разновидности в зависимости от того, имеет ли место или нет полное сращение первоначальных сегментов“ [2]). Таков набросок классификации обществ, даваемый Дюркгеймом.

Таковы в своих суммарных чертах „морфологические“ классификации соц. групп. Спрашивается: *приемлемы ли они? Можем ли мы сказать, что эти классификации представляют искомое разрешение проблемы систематики соц. групп?*

Так как мы выше высказались в пользу анатомо—морфологической классификации, то, казалось бы, наш ответ на эти вопросы должен быть положительный. Однако, он будет иным; он гласит: *общий путь, по которому идут Спенсер и Дюркгейм, при решении обсуждаемой проблемы намечен правильно, но конкретные результаты, которые они дают, малоудовлетворительны.* Постараюсь показать, в чем здесь дело.

Спенсер, как и Дюркгейм, кладут в основу деления *принцип сложности строения общества и идут от простых обществ к более и более сложным*. Спрашивается: *каков же их критерий сложности?* Не скрыт ли здесь уже тот или иной недочет, ведущий

[1]) *Дюркгейм:* Метод социологии. 127—129.
[2]) *Дюркгейм:* Ibid. 130—133.

к ряду последующих ошибок и неудач? Ответ приходится дать положительный. Во первых, *само понятие простого общества у Спенсера совершенно неопределенно.* Это он признает и сам: „мы не можем сказать с точностью, во всех случаях,—что именно составляет простое общество, п. ч. общества, подобно всем другим продуктам развития, представляют множество переходных ступеней, не допускающих резких разделений“ [1] .. Поставленный в безвыходное положение такими условиями Спенсер, в конце концов, дает признак простоты и сложности. Но этот *признак*, как сейчас увидим, *односторонен и недостаточен.* Вот он. „В виду всех усложняющих обстоятельств, нам остается открытым только один путь, состоящий в том, *чтобы считать простым такое общество, которое образует единое действующее целое, не подчиненное никакому другому целому, и части которого кооперируют друг с другом, под управлением общаго регулятивного центра или без вмешательства такового, для достижения некоторых общих целей*“ [2]. Как видно отсюда и как следует из контекста, признаком простоты или сложности общества Спенсер берет исключительно признак политической группировки или государственной организации группы: если во главе группы стоит одно правительство или его нет и нет следов других правительств, группа простая. Если же есть следы других правительств, если „главы или правители отдельных простых групп оказываются подчиненными некоторому общему главе“ (Ibid. стр. 345),—группа сложная. Если такие группы, в свою очередь, подчинены общему правительству более высокого порядка, мы получаем вдвойне- сложные общества. Если сделаем еще шаг в том же направлении, мы получаем группы втройне—сложные, т. е. „большие цивилизованные нации“ [3].

Прием Спенсера весьма неудачен. Неудачен, вопервых, потому, что *избранный им критерий недостаточен даже для определения сложности политической организации группы.* Согласно этому критерию выходило бы, что союз государств (конфедерация, федерация, союзное государство и т. п.) всегда является более высоким и сложным обществом, чем государство единое. Поэтому Московскую Русь, в первые годы собирания Руси, когда удельные князья еще сохраняли тень власти, мы должны были бы считать более сложным обществом не только по сравнению с удельною Русью, но и с Россией 19 столетия, где существовало только единое правительство и не было никаких других. Германскую Империю, как союзное государство, или Австро-Венгрию, как тип реальной унии, мы должны были бы считать более сложным, а след., более высоким обществом, чем Англию, Францию, Бельгию и др. единые и простые государства. Мало того, чем пестрее и разнороднее состав государства, тем оно должно было бы быть выше и сложнее. Империя Александра Македонского, власть которого была высшей

---

[1]) *Спенсер*: Осн. соц., 3 т. I, 343. „Спенсер не только не дает определения простого общества, но считает его почти невозможным“, правильно говорит Дюркгейм. Метод социологии. 128.

[2]) *Спенсер*: Ibid. 343—344.

[3]) *Спенсер*: Ibid. 345-347.

властью для ряда народов и государств, власть которых в свою очередь, была высшей для ряда групп, подчиненных им, а власть этих групп, в свою очередь, была высшей для ряда подгрупп, из которых они состояли, такая империя, согласно Спенсеру, должна быть признана втройне и вчетверо-сложным обществом, более сложным и высшим, чем, напр., современная Бельгия, Швеция и Норвегия, Голландия и Дания. Между тем и по степени социальной дифференциации, и по степени культурности, „высоты" и т. д., едва ли может быть спор о том, что эти последние государства по строению населения и по культуре гораздо сложнее и выше монархии Александра Македонского или многоэтажных по власти и разношерстных по частям восточных деспотий. Затем, чтобы определить по Спенсеру степень сложности той или иной группы, нужно было бы вычислить: сколько отдельных групп сливалось друг с другом и сколько раз—задача невыполнимая по существу и невозможная в силу неопределенности понятия простого общества. Если два или несколько родов сливаются в один, мы получаем сложное общество. Но то же получается, если сливаются в одно два или несколько единых государств (напр., Штаты Америки или государства, образовавшие Германскую Империю), ибо тут и там они были „едиными целыми, не подчиненными другим целым, части которых кооперировали друг с другом под управлением общего регулятивного центра". Это значило бы, что кабильскую трибу—с одной стороны, Германию и Соединенные Штаты Америки,—с другой, мы должны были бы отнести к одной группе. Можно себе представить, что за систематика групп получилась бы у нас в итоге.

Словом, признак Спенсера негоден даже для определения сложности *политической* организации группы.

Он вдвойне негоден для определения строения всей группы, для характеристики ее анатомо-морфологического состава.

Если бы критерий Спенсера и мог служить правильным мерилом сложности политико государственной организации группы, то и тогда он был бы недостаточен. Он был бы достаточен лишь тогда, когда группировка населения исчерпывалась бы одной политико-государственной группировкой, когда кроме нее не было бы никаких других линий социальной дифференциации. Мы видели, однако, что дело обстоит наоборот; что в любом населении существует ряд элементарных и кумулятивных группировок, не сводимых друг на друга и не исчерпывающихся государственно-политической группировкой. Отсюда ясно, что *анатомо-морфологическая классификация групп, учитывающая только одну государственно-политическую структуру группы, поэтому самому уже недостаточна:* она не дает представления об остальных линиях группировки „общества", о всех остальных его расслоениях и составных группах. Она похожа на систематику растений, которая все растения классифицировала бы только по строению листьев или тычинок, и целиком игнорировала бы остальные части растения—стебель, корень и т. д. Такая систематика растений отошла в область прошлого. Современная систематика ботаников „принимает во вни-

мание *все* части растения“ [1]). Не иначе должна поступать и систематика соц. групп. Две группы могут иметь сходную степень сложности и характер организации власти,—и тем не менее, во всех остальных отношениях резко различаться друг от друга. И древние Афины, и Современная Франция, и Швецария—республики, но они весьма различны по строению и по своей индивидуальности. И Англия, и Италия—конституционно-парламентарные государства, но из этого не следует, что они однородны в других отношениях. Сложные государства мы находим и в античном мире, и в средние века, и в наше время, но было бы нелепостью на основании этого сходного признака относить их к одной группе и считать тождественными по составу и строению.

Мудрено ли, что при таких приемах Спенсер принужден был отнести к одной группе такие несоизмеримые и разнороднейшие общества как: „Древняя Мексика, Ассирийская империя, Египетская империя, Римская империя, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Россия“; [2]) мудрено ли, что в его классификации как правильно говорит Дюркгейм, „странным образом сближаются общества наиболее несходные: греки времен Гомера ставятся рядом с ленниками X столетия и ниже бехуанов, зулусов и фиджийцев; афинский союз рядом с французскими ленами XIII столетия, ниже ирокезов и аракуанов“ [3]).

Эти замечания достаточны, чтобы признать классификацию Спенсера неудачной и чтобы об'яснить, в чем кроется источник неудачи Спенсера.

Возражения против теории последнего с соответственными изменениями применимы и к теории Дюркгейма.

Дюркгейм, в отличие от Спенсера, дает ясное понятие простого общества. Таковым оказывается односегментная группа, распадающаяся прямо на индивидов,—орда. Получив простое общество, Дюркгейм в дальнейшем, подобно Спенсеру, производит усложнение арифметическим путем: два или большее число соединившихся сегментов дают у него простое полисегментарное общество; два или большее число сросшихся простых полисегментарных обществ дают сложное полисегментарное общество и т. д. Прием на бумаге простой и складный, на деле мало применимый. Прежде всего можно с достоверностью утверждать, что *простого общества—орды—в Дюркгеймовском смысле нет и не было*. По крайней мере, таковое наукой не констатировано. Самые примитивные общества, в роде тотемических групп австралийцев, вовсе не представляют обществ, распадающихся прямо на индивидов, без всякой внутренней дифференциации. Таковая имеется и даже не одна: я говорю о расслоении их на половые и возрастные группы, с одной стороны, с другой—на связанное с ними расслоение группы на привилегированных мужчин и обделенных женщин, на полноправных взрослых членов группы и бесправных детей и неполно-

---

[1]) *Веттштейн*: Op. cit. I. 20.

[2]) Спенсер. Ibid. 346.

[3]) *Дюркгейм*: Метод социологии 129. *Спенсер*: Ibid. 345—346. См. также критику теории Спенсера у *Steinmetza*: Op. cit. 90—91

возрастных. К этой дифференциации присоединяется выделение из остальных членов группы шамана или чародея и военного вождя [1]) с одной стороны, с другой—наличность в пределах группы более тесных соединений семейнополового характера (пуналуальные и др. брачные союзы). Как видно отсюда, первобытная группа вовсе не является „односегментной“, недифференцированной массой, а в ней мы находим ряд сегментов или более тесных группировок (возрастную, семейно-половую, половую, об'емно-правовую); она, вопреки Дюркгейму, распадается не прямо на индивидов, а на ряд промежуточных групп или сегментов. При таких условиях—простое общество Дюркгейма становится чисто гипотетическим, что отчасти должен признать и он сам [2]).

Далее, его простое общество оказывается обществом сложным, распадающимся на несколько элементарных и кумулятивных групп. Эта сложность будет еще рельефнее, если учесть семейно-брачные, группы, находящиеся в составе такого общества [3]). При таких условиях теряется всякая точность Дюркгеймовского понятия „простого общества“, а тем самым падает и все его дальнейшее построение. Раз „простое общество“ оказывается полисегментарным, то теряется различие между первым и вторым. Раз понятие полисегментарного общества становится неопределенным, то теряется различие между простыми и сложными полисегментарными обществами. Мы лишаемся „ариадниной нити“, которая позволяла бы нам расчленять на пласты сложные группы и определять степень их сложности. Легко видеть, в чем источник таких ошибок. Он в том же, в чем был и для Спенсера: в учете только политической организации общества без учета остальных группировок, отличных от первой, в вольной или невольной односторонности, видящей только государственно-политическую группировку и не желающей видеть остальные линии дифференциации. Систематика Дюркгейма—та же ботаническая систематика, учитывающая только листья или тычинки и не желающая знать о стебле и корнях.

Естественно, что такая систематика не в состоянии дать нам верное представление о строении „общества“, а тем более правильно классифицировать по признакам строения социальные группы. И если бы Дюркгейм, подобно Спенсеру, попытался конкретизировать свои положения, он пришел бы к тем же абсурдным результатам; подобно Спенсеру ему пришлось бы в одну группу отнести: Древнюю Мексику и Ассиро-Вавилонскую деспотию,—с одной стороны, современную Англию и Францию с другой [4]).

Из этих замечаний ясно, почему мы признали морфологические классификации Спенсера и Дюркгейма неудачными.

---

[1]) См. подробное описание тотемических групп в цитир. работах *B. Spenser'a and Gillen'a.*

[2]) *Дюркгейм*: Метод. 130. „Раз установлено понятие об орде- за что бы мы ее не принимали, за историч. реальность или *только за постулат науки*,—то“... и т. д.

[3]) См. об этом у *Steinmetz'a*: Op. cit. 91 и сл.

[4]) См. ряд критических замечаний о Дюркгейме у *Somlò*. Op. cit. 28 и сл.

Значит ли это, что какая бы то ни было анатомо-морфологическая систематика обречена на неудачу? Я не думаю этого. Выше я указал роль и значение анатомо-морфологических признаков в систематике животных и растений: указано было также, что дедуктивно можно предполагать, что никакая систематика соц. групп, не учитывающая признаков строения населения, не может рассчитывать на успех. Анализ теорий Спенсера и Дюркгейма показал нам неудачность конкретного осуществления правильного задания, а не ошибочность самого задания.

Теперь попытаемся подтвердить эти „векселя" конкретной схемой анатомо-морфологической классификации сложных социальных аггрегатов.

Для ясности сразу же расчленим нашу задачу. Раз мы собираемся дать анатомо-морфологическую систематику сложных социальных аггрегатов, и настаиваем на ее возможности и важности, то должны показать: 1) *что мы разумеем под анатомо-морфологическим строением соц. группы и какие признаки считаем точно и полно определяющими это строение;* 2) *каким образом, на основании этих признаков, считаем мы возможным и необходимым систематизировать и классифицировать „общества".* 3) *почему такую классификацию мы считаем необходимой, удобной и научно-важной.*

Отвечаю на эти вопросы. После всего развитого выше решение первого вопроса не представляет для нас затруднений. Оно гласит: *состав и строение любого населения, как сложного социального аггрегата, будет определено, когда будет исследовано: 1) на какие элементарные группировки оно распадается и какова каждая из них* in concreto?; 2) *какие кумулятивные группы в его среде имеются: а) двойные, тройные, четверные и т. д. и какие именно; в) какие из них являются кумуляциями нормальными и какие ненормальными; с) какие из кумуляций солидарны и какие антагонистичны,* d) *какие из них открытые и какие закрытые; е) какие из имеющихся кумуляций типичны; f) которые из них наиболее могущественны?*

Для полноты характеристики аггрегата целесообразно более подробно изучить степень закрытости или открытости каждой группы: а) *насколько она закрыта или открыта? в) насколько интенсивна циркуляция индивидов из группы в группу; с) в каких пределах колеблются об'емы (число членов) каждой из существующих групп и с какой быстротой?* d) *исчезают ли некоторые из них и появляются ли новые? Как велика быстрота таких вариаций?* (См. об этом ниже, гл. о „социальных перегруппировках"). Исследовав аггрегат с этих точек зрения мы получаем полное представление не только об его анатомо-морфологическом строении, но и об его равновесии, формах последнего, о степени „эластичности" или „закостенелости" строения соц. тела, наконец, об его физиологии.

Точный и правильный ответ на эти вопросы является точным определением структуры (или морфологии) любого населения, как сложного аггрегата.

Когда же исследователь точно охарактеризует содержание каждой группировки, как элементарной, так и кумулятивной, напр., характер государственной группировки (организацию власти, права и обязанности подданных, „основные законы“ государства, характеризующие политическое устройство населения и т. д.) характер религиозной группировки (содержание религиозных верований и характер культа, церковную организацию, догматы веры и т. д.), или характер и содержание имеющихся кумулятивных групп, когда такое „анатомическое“ и физиологическое исследование будет произведено, то *мы получаем не только точную морфологическую, но и „анатомическую“ характеристику соответственного „общества“*. Наш анализ в этом случае до глубинных деталей пронизывает всю структуру соц. группы и дает ее резюме в немногих и точных формулах. Таков краткий ответ на первый вопрос. Отвечаю на второй.

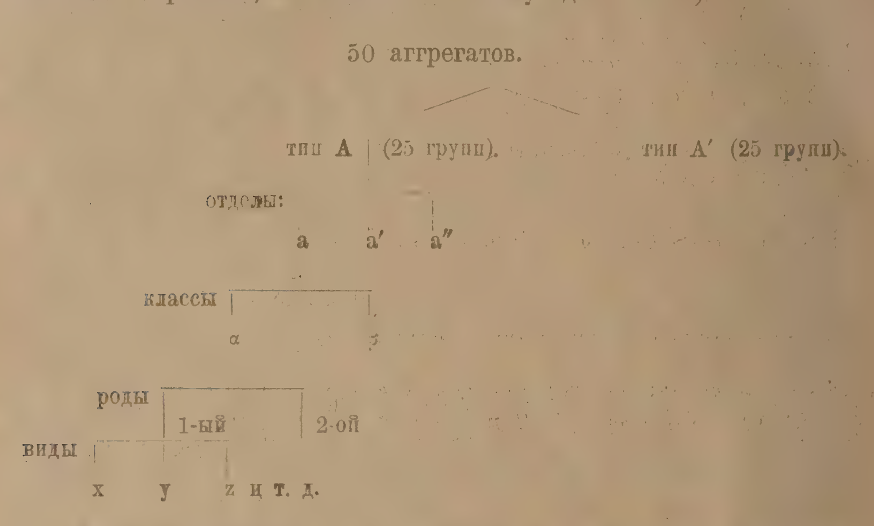
Задача анатомо-морфологической систематики заключается в том, чтобы располагать в одних и тех же группах сложные социальные агрегаты, сходные по совокупности указанных анатомо-морфологических признаков, характеризующих строение сложного социального агрегата, в частности, по характеру типичных кумулятивных и элементарных группировок. Как природа кумулятивных групп определяется характером, числом и способом соединения элементарных группировок, так и строение населения, как сложного соц. аггрегата, определяется природой, числом и характером соединения имеющихся в нем кумулятивных и элементарных группировок. Поясним сказанное примером, чтобы избегнуть всякой неопределенности. Предположим что исследователем изучено и проанализировано по указанной программе 50 сложных социальных аггрегатов или групп населения. Предположим, что из исследованных 50 аггрегатов 25 имеют одинаковые типичные кумулятивные группы, (напр. касту), 25 других обладают также одинаковыми между собой типичными кумулятивными группами (напр. классом). Таким образом 50 аггрегатов по типичным кумул. группам распадаются на два типа. Обозначим их для краткости первый тип (кастовый) A, второй (классовый) A_1.

Теперь ведем анализ дальше. Предположим, что группы, входящие в тип A, по числу сходных и типичных уже в пределах этого типа A двойных, тройных, четверных и т. д. кумуляций, распадаются на 3 отдела: отдел *a*, куда входят 15 сходных в этом отношении аггрегатов, „отдел *a*‘, куда входят шесть и отдел *a*“, куда входят остальные четыре аггрегата. Тип A таким образом распадается на три отдела: *a*, *a*‘ и *a*“. То же делаем и с группами типа A_1.

Теперь анализируем аггрегаты, входящие в состав каждого отдела, напр. отдела *a* типа *A*, по сходству имеющихся среди них кумулятивных групп (двойных, тройных,... антагонистических, солидаристических и т. д.). Предположим, что в этом отношении они делятся на два класса: α, охватывающий 6 из пятнадцати, и β, охватывающий остальные 9. То же делаем с отделами *a*‘ и *a*“. Теперь переходим к сравнению групп, входящих в состав класса

α по числу и характеру их элементарных группировок. Предположим, что класс α распадается на 2 рода: 1 и 2-ой. Группируем сходные аггрегаты в 1-ый и 2 ой роды. То же делаем с классами, входящими в отделы a' и a". В итоге остается „анатомический" анализ каждой элементарной группировки (ее характера и содержания) и группировка аггрегатов, входящих в один род на виды.

В итоге, исследованные нами 50 аггрегатов разместятся, сообразно с сказанным, так: (схема изображает не полную систематику всех 50 аггрегатов, а только систематику одной ветви).

Такова упрощенная схема составления систематики „обществ" по признакам их строения. Повторяю—упрощенная схема, ибо в действительности процесс этот сложнее, комбинирование признаков—труднее: возможны пересечения: группы, не сходные в одном отношении, могут быть сходными в другом и т. д. Но пугаться этой сложности не приходится, как не пугаются ее ботаники и зоологи. Напротив, только при условии такой сложности возможно составление сколько-нибудь точной и правильной классификационной таблицы сложных социальных аггрегатов.

Когда по указанному плану будет изучено анатомо-морфологическое строение множества сложных социальных аггрегатов, тогда размещение их по соответствующим рубрикам: типам, отделам, классам, порядкам, семействам, родам, видам и подвидам не представит особенно большой трудности: оно сведется в значительной мере к простой группировке и комбинации по этим в общем не столь многочисленным и точным признакам сходных аггрегатов в соответственные классификационные рубрики.

Ничего подобного еще в социологии не сделано. Поэтому заранее можно предвидеть, что первичная классификационная таблица по мере изучения все новых и новых аггрегатов будет изменяться; но этого бояться нечего. Так было и в других науках. Ботаническая и зоологическая классификации частично изменяются и до сих пор: но этого ни ботаники, ни зоологи не боятся. Важно лишь

одно, а именно: необходимость приступить к работе над такой систематикой. Пора перестать социологам отделываться смутными и весьма простыми, но зато бесполезными классификациями „с кандачка", в роде большинства очерченных *выше*. Нет надобности говорить, что программа проэктируемой мною систематики гораздо труднее и сложнее, но, как я постараюсь показать сейчас, она может быть и гораздо продуктивнее.

При этом необходимо заметить следующее: Под сложным социальным аггрегатом, как помнит читатель, я разумею всякое совместно живущее население. Поэтому *систематик социолог, который взялся бы за конкретное решение систематики соц. групп, с самого начала должен отбросить все обычные, ходячие группировки населения по тем или иным случайным признакам.* Обычно, напр., предполагают (и мы это видели выше), что население одного государства по своему строению составляет нечто сходное, а различных государств—различное. Сообразно с этим социологи, подпавшие под этот гипноз государственной группировки, всеми силами стараются найти общие черты строения населения одного государства и различия населений разных государств. Такую презумпцию социолог-систематик должен забыть. Можно с полной уверенностью утверждать, что строение населения в северо-восточной Сибири (алеутов, эскимосов, чукчей, камчадалов) совершенно иное, чем в центральной России; строение населения негородского Кавказа абсолютно иное, чем строение населения немецких колоний на юге России; строение населения Петербурга гораздо ближе к строению населения Берлина и Парижа, чем к строению населения в Лужском уезде, Петербургской губернии. То же относится и к другим ходячим разграничениям населения (по религии, языку и т. д.). Иными словами, карта земного шара перед социологом-систематиком должна быть чистой. Обычные ее деления (по госуд. границам, по расам, по национальностям etc) для последнего не обязательны. Не обязательны потому, что географическая карта структур населения вся еще в будущем. Она еще не создана. Достаточно небольшой вдумчивости, чтобы видеть, что весьма часто заселенные области, лежащие друг от друга вблизи, на расстоянии нескольких десятков верст, а иногда и меньше, (напр., население Петрограда и деревенское население Царскосельского уезда, зырян и самоедов, живущих на территории одного уезда), коренным образом отличаются друг от друга по строению населения. И обратно, заселенные места, весьма отдаленные друг от друга (напр., современные столицы и большие города Европы и Америки), обычно дают население, весьма близкое по своей структуре. Подобно тому, как растительные сообщества могут быть совершенно различными в местах близких друг к другу (напр., лесные, горные, болотные сообщества), и обратно, быть сходными в местах весьма отдаленных, то же самое может происходить и в мире человеческих аггрегатов.

Теперь, когда подобная *систематика соц. аггрегатов вся еще в будущем, когда не установлено даже, сколько типов сложных*

социальных агрегатов существует, а тем более—сколько отделов, классов, родов, видов и т. д., ни о какой анатомо-морфологической географии структур населения не может быть и речи. Карта земли должна быть чистой. Задача систематика-социолога пока что сводится к тому, чтобы указанную „форму анат.-морфологического исследования“ без всяких предпосылок „накладывать“ на ту или иную заселенную территорию, „брать пробу“ и исследовать полученные результаты. При таких „пробах“ легко может оказаться, что население исследуемой нами территории, которое мы считали однородным по своему анатомо-морфологическому составу, окажется распадающимся на два или большее число структурных типов, т. е. будет различным по количеству и качеству имеющихся в его среде элементарных и кумулятивных групп. И обратно.

Вот почему важно, чтобы у социолога-систематика структурных типов строения населения не было никаких предвзятых мнений.

Когда такие „пробы“ [1]) будут довольно многочисленны, сам собой создастся материал для систематики сложных соц.-аггрегатов. Тогда можно будет приступить и к соответственной попытке составления „каталога“ сложн. соц. аггрегатов и соответственной классификационной таблицы. Тогда и только тогда можно будет уже конкретно наметить: какие и сколько типов сложн. соц. аггрегатов встречается теперь и было на протяжении истории? На какие отделы, классы, роды, виды и т. д. распадается каждый тип? Какие группы населения принадлежали и принадлежат к каждой соответственной классификационной рубрике? Какие территории земли были в прошлом и являются теперь преимущественной областью распространения того или иного структурного типа, отдела, класса и т. д. [2])

С ростом таких „проб“ постепенно будут вноситься в классификацию поправки и улучшения. Но, как сказано, пугаться таких поправок нечего. Они неизбежны в любой сфере любой науки.

Таков вкратце ответ на второй вопрос - ответ, полагаю, совершенно четкий, определенный и лишенный неясностей. Руководствуясь намеченной программой, мы сейчас могли бы перейти к ее фактическому осуществлению, т. е. к самой классификации сложных соц. аггрегатов. Но, очевидно, такая задача, требующая анатомии всей истории человечества, слишком сложна, чтобы дать ее в общем курсе социологии или чтобы набросать ее на двух, трех или на десятке страниц. Она требует слишком большой предварительной работы, обширных и специальных исследований. Ее решение—

---

[1]) Автором, чрез посредство Социо-Биолиологического Института, предпринято сейчас такое „пробное“ исследование анат.-морф. строения населения Петрограда и его сдвигов за годы революции.

[2]) Эта ветвь систематики была бы таким образом аналогом к географии растительных сообществ в ботанике. Сообразно с этим целесообразно было бы ввести в социологическую систематику и термин „ареала“ или „зоны“ географического распространения того или иного структурного типа в различные эпохи; так, напр., можно было бы говорить о географической зоне кастовых соц. аггрегатов и т. п. Этот термин в иной плоскости уже введен в область юридико-социологической этнологии проф. *Mazzarella* в виде понятия: aree etnografiche. См. его L'etnologia giuridica. Riv. ital. di sociologia. 1912 г. 565.

предмет отдельной монографии [1]). Поэтому довольствуемся пока намеченной программой. В силу той же причины я не буду выставлять даже примерной конкретной классификационной таблицы сложных соц. аггрегатов. Дедуктивно полученная или наскоро, „с кандачка" составленная таблица, подобно вышеочерченным, имеет весьма малую ценность. Для детальной же и обоснованной таблицы в данный момент разработано и изучено мной слишком мало материала [2]).

Ответив на первые два из поставленных выше вопросов, перейдем к третьему и покажем кратко научную важность такой классификации сложных соц. аггрегатов.

1) Указанная анатомо-морфологическая программа классификации *не однобока, а всестороння.* Анализ строения любого населения, как сложного социального аггрегата по указанной программе, дает полное представление об структуре аггрегата и его эластичности. В отличие от систем Спенсера и Дюркгейма он охватывает не одну какую либо сторону соц. группы, а одновременно все ее стороны и все основные признаки строения группы. Он дает точную формулу „химического состава" группы, все существенные признаки, неразрывно связанные с самыми глубинными и сокровенными свойствами группы. Если будут изучены все элементарные и кумулятивные группировки исследуемого аггрегата, содержание, свойства и характер каждой из них, то трудно себе представить, что еще оставалось бы невыясненным для точного и полнаго познания структуры группы и ее индивидуальной физиономии. Она вся насквозь оказывается пронизанной лучами нашего анализа и лежащей перед нами. Мы познаем не только „тычинки" аггрегата, как при ряде рассмотренных класификаций, но все его морфолого-анатомические признаки.

Отсюда следует, что и *систематика аггрегатов, строющаяся на такой системе признаков, определяющих всесторонне структуры групп, будет более точной, верной и удачной систематикой, чем классификации, опирающиеся на какой либо один признак.* (напр., характер политико государственной организации—Спенсер, Дюркгейм, способ добывания средств существования, характер верований и т. д.). Мы видели, что сходство групп в каком либо одном отношении ничуть не мешает им быть различными в ряде других отношений. Посему классификации, базирующиеся на одном признаке, вынуждены помещать в одну рубрику группы совершенно разнородные во всех отношениях, исключая одной черты, указываемой избранным для классификации признаком. Отсюда—нелепости большинства классификаций и их неудачи. Этой опасности для нас не существует. Согласно сказанному в одну рубрику у нас могут попасть группы,

[1]) На этот путь, повидимому, начинают вступать наиболее компетентные исследователи сравнительной истории права. Говоря это, я разумею крупнейшаго исследователя в этой области знания, итальянского профессора *G. Mazzarella*, стратиграфический метод которого имеет ряд сходств с развитыми здесь взглядами. См. *Mazzarella*: L'etnologia giuridica ei fondamenti del'analisi stratigrafici. Riv. ital. di soc. 1912. 563—4. и passim. По этому именно методу Mazzarella дал свой анализ индусскаго права.

[2]) Исследование в этом направлении исподволь ведется автором.

сходные *по всем сторонам* своего строения. Следовательно, сходные не случайно, не по одному искусственно выбранному признаку, а по самому существу, по *всем* основным анатомо-морфологическим признакам. А выше, на примере ботанико-зоологической систематики мы видели, что *только такие классификации являются удачными, научными, естественными.*

2) Предлагаемая систематика *естественна* и потому, что признаками деления она берет признаки не случайные, не внешние, не малохарактерные „тычинки" (как, напр., классификация Коста по числу членов агрегата, или по признаку уединенного образа жизни—Уорда, или по длине товара от производителя к потребителю Бюхера и т. п.), а признаки самые органические, неразрывно связанные с природой агрегата. Что может быть более органического для организма, как не его анатомо-морфологическое строение! Что может быть более органическим для группы, как не признаки, указывающие ее расслоение, характер и линии последнего. И ботаническая, и зоологическая систематики кладут в основу своей классификации признаки архитектоники растений и животных. Не может иначе поступать и социолог. Наша система так и делает. След., и с этой точки зрения она удовлетворяет требуемым условиям.

3) *Она совершенно четка и определенна.* В отличие от классификаций неясных, исходящих из признаков неопределенных (напр., „интеллектуальный уровень" Сутерланда, классификации Вундта, Штейнметца, классификации по зонам культуры Фробениуса и Ратцеля, по принципу „природы и культуры" Фиркандта, по гармоничности целого и части Фулье и т. п.), признаки нашей классификации совершенно четки, „осязаемы" и об'ективны. Данность элементарных группировок, их число и характер, а равно число и характер кумулятивных групп—все это явления не суб'ективные, а об'ективные, доступные внешнему наблюдению. Понятие их, как мы старались показать, ясно до прозрачности. Оперируя с ними, исследователю не приходится иметь дело с весьма суб'ективными и неясными понятиями в роде вышеуказанных психологических критериев систематики. А такое обстоятельство ведет к четкости и самой систематики, сводит ее чуть-ли не к простым арифметическим выкладкам и вычислениям по принципу теории соединений. Это условие—плюс и плюс не малый.

4) *Будучи плюралистической по признакам предлагаемая теория классификации не эклектична, а целостна и едина по своему существу.* Мы видели выше, что желание исходить из ряда признаков привело Штейнметца к „сознательному эклектизму", к построению двух классификаций (систематической и генетической), ничем друг с другом не связанных. Иное представляет наша классификация. Она похожа на инструмент со многими струнами: но достаточно задеть одну из этих струн, чтобы зазвучали все. Словом—в ней классификационные признаки не оторваны друг от друга, а внутренно связаны: попробуйте выделить какую-либо элементарную группировку в изучаемом агрегате и вы принуждены будете выделить все остальные: выделивши элементарные группировки, вы не

можете не выделить кумулятивных. Иными словами: многочисленные признаки классификации составляют одно целое и в своей совокупности образуют единый аналитический аппарат. для „химического“ разложения состава и строения аггрегата.

5) Будучи плюралистической по признакам *наша теория* классификации *достаточно экономна с точки зрения ее применимости*. Не только недостаток признаков. но и их избыток делает классификационную теорию научно неудачной. Если бы для классификации соц. аггрегатов исследователь должен был исследовать изучаемое население с точки зрения 2512 вопросов „Этнографического сборника вопросов для исследования социальной жизни народов“. то легко себе представить ту бесконечную Сизифову работу, которую должен был бы выполнить каждый классификатор. Прежде всего дать 2512 признаков для характеристики десятка групп сама по себе уже работа колоссальная. часто невыполнимая. Так как, далее, на эти 2512 вопросов ответы будут для разных народов разные, то классификатору при их систематике и размещении по рубрикам пришлось бы орудовать с сотнями тысяч различных комбинаций. Эта задача—почти невыполнимая. Если же она и была бы выполнима, то пользование такой классификационой таблицей было бы почти невозможно: оно не облегчало бы научную работу, не экономизировало бы силы, т. е. не достигало бы цели всякой классификации.

Наши принципы классификации такой гипертрофией признаков не обладают. Они весьма легко применимы. Согласно им легко может быть дан структуральный анализ любого населения. Требуется только умение наблюдать и изучать факты. Они сразу же ориентируют исследователя и указывают ему, на что он должен обращать свое внимание. Когда нужный материал собран, схема точно указывает ему, как он должен его группировать и обработать. Принципу экономии научных сил классификация вполне удовлетворяет.

6) Наконец, *будучи целостной в своем плюрализме наша программа классификации охватывает и абсорбирует в себе все предложенные до сих пор классификационные попытки*. В самом деле, характеристика каждой элементарной и кумулятивной группы является вместе с тем характеристикой всех сторон жизни данного аггрегата. Расовая, половая и возрастная группировки дают нам картину биологического материала, из которого состоит аггрегат. Характеристика семейной группировки знакомит нас с воспроизводительной системой группы, государственная группировка—с политической, языковая, религиозная, партийная и психологические группировки изображают нам психическую и культурную физиономию группы, профессиональная и имущественная—экономическую организацию аггрегата, об'емно-правовая—социально-правовое строение общественного тела; кумулятивные группировки—остальные его черты. В итоге такого анализа мы получаем полную картину аггрегата, рисующую его со всех сторон. В то время, как остальные классификации дают нам однобокую характеристику,—только идеологических черт, или только экономических и т. д.,—предлагаемая программа, давая все то, что дает каждая из „однобоких“ класси-

фикаций и абсорбируя их, вместе с этим полна, свободна от однобокости и дает наиболее простые и удобные методы для изучения каждой стороны аггрегата.

Таковы плюсы предлагаемого пути, заставляющие меня настаивать на его правильности и целесообразности.

Ограничимся сказанным в учении о сложных соц. аггрегатах. На этом мы могли бы поставить точку, закончить „Социальную Аналитику“ и перейти к „Соц. Механике“. Но в интересах ясности и полноты полезно будет коснуться еще ряда вопросов, дополняющих сказанное. Необходимо сделать еще ряд „мазков“, бросающих своеобразный оттенок на набросанную картину строения населения и на некоторые важные проблемы, связанные с этим строением и имеющие самостоятельный научный интерес. Таким „мазкам“ и будут посвящены дальнейшие главы.

Глава V. Социальные перегруппировки.

§ 1. Понятие и основные формы социальных перегруппировок.

Выше не раз отмечалось, что строение населения не представляет нечто неподвижное, а напротив, непрерывно изменяется. Равновесие сложных социальных аггрегатов имеет характер не закостенелого, а подвижного равновесия. Это значит, что в любом населении, в любое время, с той или иной быстротой происходят процессы социальных перегруппировок. Что следует разуметь под ними?

Под социальными перегруппировками следует разуметь изменение строения сложных социальных аггрегатов (населения), сводящееся к: 1) перемещению индивидов из одной существующей элементарной или кумулятивной группы в другую, сопровождающемуся колебанием об'ема этих групп, 2) к исчезновению одних или появлению других элементарных и кумулятивных групп гомогенного (однородного) характера в данном аггрегате, 3) к исчезновению целой группировки элементарного и кумулятивного характера и к замене ее новой гетерогенной группировкой.

Таковы основные формы социальных перегруппировок. Дадим необходимые комментарии.

... *Перегруппировки первого типа.*

Предположим, что в данном населении в данный момент было две партии „а“ и „в“ (см. рис. 1). Число членов первой пусть равняется 50.000, второй—15.000. Предположим, что чрез некоторое время в населении остались те же две партии: „а“ и „в“ и с тем же числом членов, но с одним различием: часть членов партии „а“ (обозначенных на схеме крестиками) перелилась в „в“, а соответственная часть членов „в“ (обозначенных точками), перелилась в партию „а“.

Здесь все осталось по прежнему. Линии социального расслоения остались те же, об'ем (число членов) групп не изменился, ни одна из них не исчезла и не появилась вновь, переменились местами только индивиды. Социальное здание осталось прежним, переместились только (в одинаковой пропорции) жильцы различных комнат.

К этой же форме перегруппировки отойдет и тот случай, когда изменение состава членов обоих групп, без изменения их об'ема, будет состоять не в взаимном *переливании* их из одной группы в другую, а в выходе части членов из обоих групп (в *„выливании“*) и в заполнении образовавшегося недочета лицами со стороны, (*в „вливании“*) не входившими раньше ни в ту, ни в другую группу. Группы в этом случае будут похожими на пруд, с одного конца которого вытекает вода, с другого—вливается новая, заполняющая убыль, в результате чего об'ем, очертания и уровень пруда остается прежним. Таков идеальный, крайний случай перегруппировки первого рода. В таком идеальном виде она, однако, дана редко. Редко бывает так, чтобы переливание членов из одной группы в такую же однородную или „вливание“ и „выливание“ совершались так, что убыль абсолютно равна притоку, число ушедших—числу новых членов. Обычно убыль не бывает равна прибыли. В силу этого такие процессы перемещений индивидов обычно сопровождаются колебаниями об'емов соответственных групп: партия „в“, у которой приток больше убыли, разбухает, партия „а“, у которой число „уходящих“ больше числа „входящих“, уменьшается в об'еме, худеет. Предположим, что „а“ с течением времени вместо 50.000 членов имеет только 5.000, а „в“—70.000 членов. Суть перегруппировки состояла здесь в простом факте „сокращения“ об'ема „а“ и в „разбухании“ об'ема „в“. Ни одна из групп не исчезла, ни одна не появилась вновь: переместились только абоненты и изменился об'ем групп. Схематически это изображено (см. рис. 2) соответствующим изменением об'ема „а“ и „в“. Таковы разновидности перегруппировок 1-го типа.

Перегруппировки 2-го типа.

Предположим, что в данное время в данном населении было три партии: „а“, „в“, „с“ (см. рис. 3). Предположим, что чрез пять лет на месте трех партий образовалось только две (одна исчезла) или напротив—четыре (появилась новая партия „d“). Социальная перегруппировка здесь состоит не только в перемещении индивидов или в колебании об'ема каждой из партийных групп, но плюс еще новое явление: исчезновение партии „с“ или появление новой партийной группы. Там группы только меняли своих членов и свой об'ем, здесь изменение переходит эти границы и выражается в исчезновении одной или большего числа существовавших гомогенных групп или в появлении новых, также гомогенных групп, или в том и другом. Такие перегруппировки в области элементарных и кумулятивных групп в отличие от предыдущих, будем называть перегруппировками 2-го типа.

Перегруппировки 3-го типа. (См. рис. 4).

Предположим, что в изучаемом нами аггрегате (населении), в данный момент были гетерогенные группировки АВ, (напр. язы-

ковая), CD (напр., религиозная), MN (напр., партийная), EF (напр., государственная). Сообразно с этим была кумулятивная група EGB

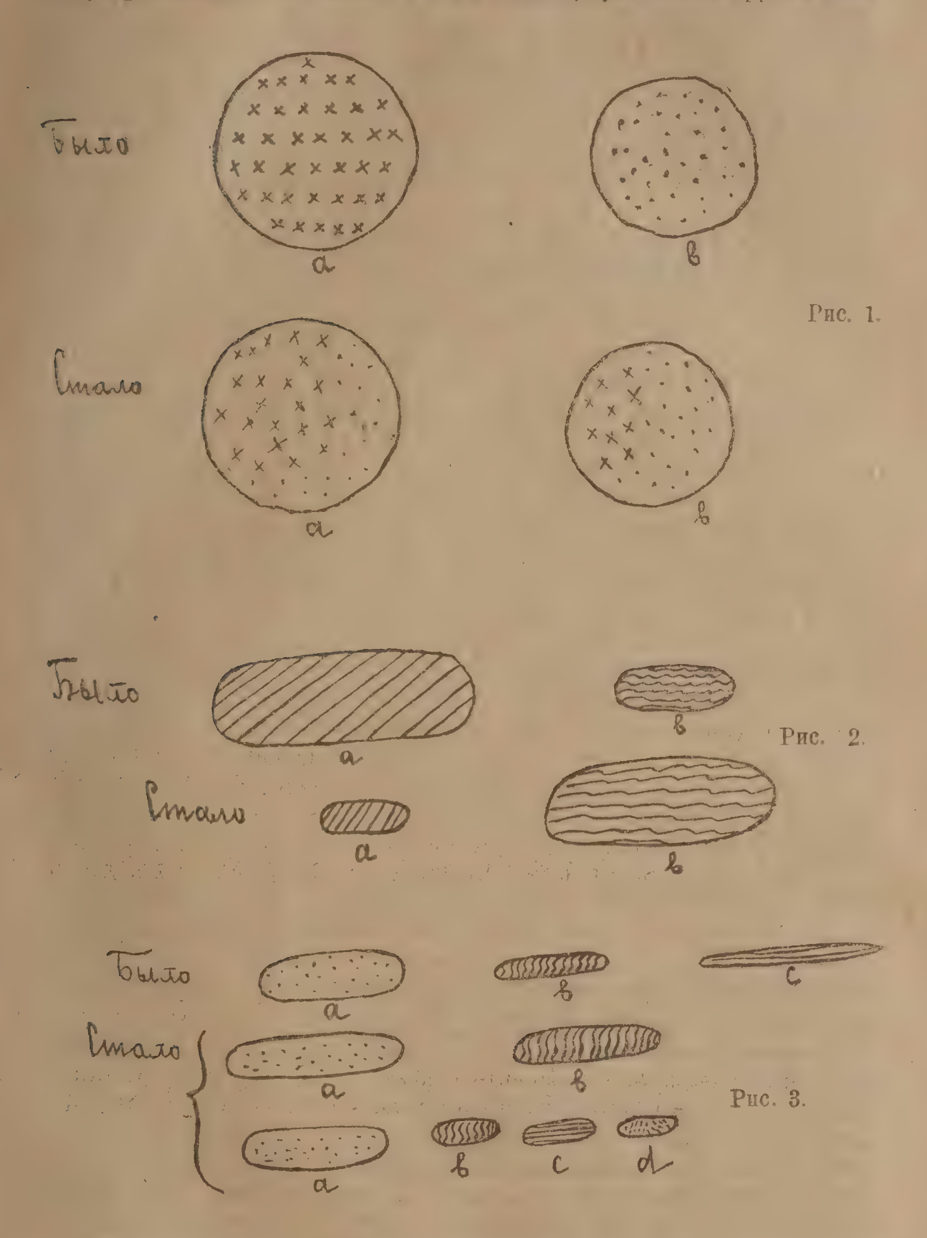

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

(языково-государственная, образованная кумуляцией группировок языковой и государственной: индивиды, входящие в группу EGB, как видно из схемы, принадлежат к одной и той же языковой и государственной группе), и кумулятивная група ACP (языково-религиозная). Предположим, что чрез определенное время, языковая

группировка AB исчезла. (Практически это означает, что все люди изучаемого населения или всего человечества стали говорить на одном языке. Раз все говорят на одном языке, значит языкового расслоения и языковых групп нет). Раз языковая группировка исчезла, то тем самым диссоциировалась и кумулятивная языково-государственная группа EGB и языково-религиозная группа ACP. Предположим, далее, что на место языковой группировки появилась новая KL, напр., расовая. Соответственно с этим появилась и новая кумулятивная группа: государственно-расовая ESL.

Отсюда видно, что в данном случае перегруппировка состояла не только в изменении об'ема и состава существующих группировок, не только в замене одних гомогенных групп другими, гомогенными, а в замене одних группировок другими, гетерогенными, иными словами, в исчезновении одних элементарных или кумулятивных групп, или тех и других, и в появлении новых гетерогенных элементарных или кумулятивных групп или тех и других.

Таково схематическое изображение перегруппировок этого класса.

Указанные различия перегруппировок можно наглядно представить путем такого сравнения. Пусть в данном городе имеется 2 самостоятельных телефонных общества A и B, обслуживающие население. Население в отношении телефона распадается на „абонентов“ обществ A и B. Число абонентов телефонных обществ колеблется: одни абоненты выбывают из числа абонентов A или B и переходят в другое общество, напр., из A в B и наоборот. Вместе с тем, часть бывших абонентов этих обществ совершенно выключается из списка телефонных абонентов; часть населения, до сих пор не абонировавшаяся ни в одном обществе, записывается в абоненты одного из них. Оба общества существуют, но число их абонентов и их состав или об'ем каждого общества колеблются; одни выключаются, другие—включаются, происходит переливание абонентов из общества в общество. Короче, происходит перегруппировка 1-го класса.

Теперь представим себе второй случай. Предположим, что в данном населении одно телефонное общество ликвидировалось или, напротив, наряду с двумя существовавшими телефонными обществами появилось новое, третье телефонное общество. Легко видеть, что перегруппировка телефонных абонентов в этом случае похожа на социальную перегруппировку 2-го типа.

Теперь представим себе, что в данном населении совершенно исчезли все бывшие телефонные общества, но появились две акционерные осветительные компании, напр., „Гелиос“ и „Общество 1886 г.“, не существовавшие раньше. Телефонные группировки совершенно исчезли. Но появились новые, гетерогенные или „осветительные группировки“. Перегруппировка населения в этом случае будет уже совершенно отличной от предыдущих. Она не только количественно, но и качественно иная; это уже не простое включение и выключение абонентов из телефонных обществ, и не замена двух телефонных обществ одним или тремя, а перегруппировка совершенно новая, ничего общаго не имеющая с группами телефонных абонентов „обществ“ A и B.

Такова наглядная иллюстрация очерченных типов социальной перегруппировки [1]).

Теперь подойдем к тому же вопросу с иной точки зрения, с точки зрения положения индивидов в системе социальных координат. *Перегруппировки 1-го разряда с этой точки зрения представляют не что иное, как частичное включение и выключение индивидов из числа абонентов данных групп.* Это включение и выключение здесь, однако, никогда не достигает таких размеров, чтобы сделать число абонентов какой либо группы равным *нулю* (случай

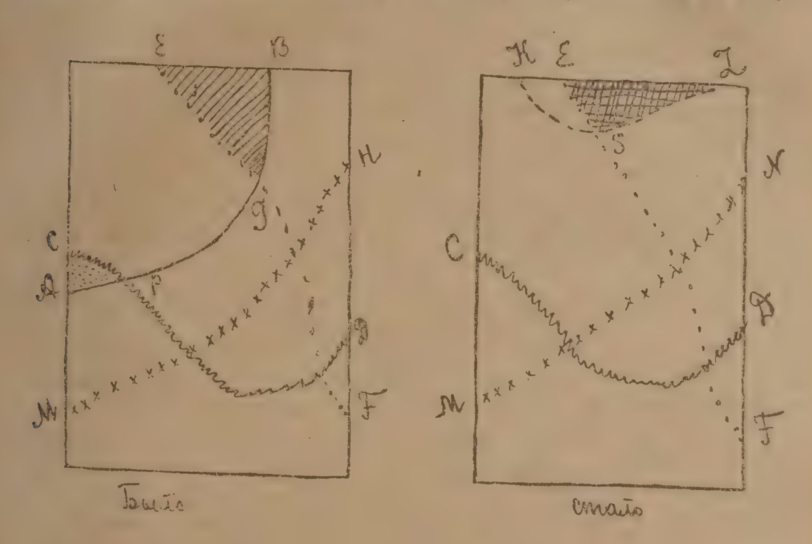

Рис. 4.

исчезновения группы) с одной стороны, с другой,—*не ведет к образованию новых групп, не существовавших ранее, иначе, новых акционерных компаний.* Таковы предельные границы перегруппировок 1-го разряда. Когда эти границы превзойдены, мы получаем перегруппировку 2-го или 3-го разряда.

---

[1]) Как видно из сказанного, я различаю три основных типа социальных перегруппировок. *Sensini*, касающийся этой проблемы, различает два основных вида нарушения равновесия социального тела: а) изменение состава членов тех групп, на которые распадается данный аггрегат, без изменения строения последнего (группы и слои остаются те же самые, но меняются местами их члены, напр., члены высших классов переходят в низшие, а низшие—в высшие); этот случай подходит под частную форму перегруппировок 1-го класса, указанных мной, в) изменяются сами группировки, на которые распадается данное население. См. *Sensini*: Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali; Riv. it. soc. 1913. 575-6.

В последнюю группу Sensini об'единил 2 и 3 разряд очерченных мной перегруппировок. Думается, что их различение необходимо, ибо они весьма резко отличаются друг от друга, имеют совершенно различную частоту и совершаются совершенно различными путями. Ошибка Sensini частично об'ясняется тем, что он дал не общую теорию социальных перегруппировок, а только частную форму последних, а именно, циркуляцию индивидов из класса в класс.

Перегруппировки 2-го разряда с этой точки зрения представляют явления таких включений и выключений индивидов из числа абонентов гомогенных групп, которые доводят число абонентов одной или нескольких из этих групп до нуля (потеря группой всех членов), *или которые ведут к образованию новых гомогенных групп*: часть индивидов, бывших абонентами существовавших групп или не входивших в число их, образуют новую „акционерную" компанию, гомогенную существовавшим, абонируются туда и вербуют новых абонентов.

Перегруппировки 3-го разряда означают: *выключение индивидов из числа абонентов всех гомогенных групп, существовавших в данном населении, иными словами, уменьшение числа абонентов всех гомогенных групп данного населения до нуля и плюс (иногда), образование новых гетерогенных групп и включение индивидов в число их абонентов.*

Из сказанного легко видеть, что ceteris paribus перегруппировки этих трех форм вносят далеко не одинаковые изменения в строение населения или сложного социального аггрегата. *Перегруппировки 1-го разряда почти не изменяют архитектонику строения последнего.* Линии социального расслоения при них остаются те же самые. Не исчезают и не возникюат новые центры сил— новые коллективные единства. Расположение этажей и комнат в социальном здании остается прежнее: меняются только жильцы или иногда одна комната расширяется за счет другой, не абсорбируя ее целиком. *Перегруппировки второго разряда изменяют расположение комнат в одном этаже, иногда одни из них абсорбируют другие, но основной план архитектоники остается и при них прежним.* Одна партия или церковь может поглотить другую, но в итоге остаются этажи и партии и церковных коллективов. Они не уничтожаются. *Перегруппировки 3-го разряда интенсивно изменяют строение сложного социального аггрегата.* Они меняют основные линии его архитектоники: иногда сносят целый этаж или сторону и заменяют их новыми постройками и пристройками, словом, преображают строение социального тела коренным образом.

Если состояние данного социального аггрегата, в данный момент t, мы назовем состоянием равновесия, то перегруппировки 1-го разряда, ceteris paribus, всего меньше нарушают наличное состояние равновесия, перегруппировки 2 го разряда—больше, перегруппировки 3-го разряда—еще больше. Таково понятіе социальной перегруппировки и его основные формы.

Предыдущее показывает, что явление социальных перегруппировок—явление в высокой степени сложное. Изучение его необходимо не только для понимания строения населения, но и для понимания процессов общественной жизни или социальной физиологии. Не трудно понять, что всякий процесс перегруппировки, т. е. явление изменения анатомо-морфологического строения социального аггрегата, конкретно выражается в ряде общественных процессов, то крупных, то мелких, то острых, то мягких, то повторяющихся, то не повторяющихся. Здесь уместно напомнить

биологическую теорему о функциональной связи органа и его функций. Изменение органа влечет, как общее правило, изменение его функций и обратно, изменение функций влечет, с одной стороны, с другой—свидетельствует об изменении органа. В применении к социальным явлениям та же теорема означает: 1) если в строении населения происходят периодически повторяющиеся перегруппировки населения, это значит, что в данном населении должны происходить периодически повторяющиеся общественные процессы—физиологические симптомы происходящих анатомо-морфологических изменений структуры соц. агрегата. И обратно, если в общественной жизни даны периодически повторяющиеся процессы—это свидетельствует об периодически происходящих перегруппировках населения, т. е. об изменениях его строения; 2) если в строении социального агрегата происходит резкое изменение, т. е. совершается необычная и интенсивная перегруппировка его членов, это дедуктивно заставляет предполагать, что эта перегруппировка проявит себя в общественной жизни резкими и необычайными процессами и движениями. И обратно, резкие и необычные процессы в социальной жизни—лучший симптом резких изменений в строении социального тела.

Отсюда понятна вся важность и необходимость детального и всестороннего изучения явлений социальной перегруппировки. В пределах „Социальной аналитики" я не ставлю себе такую задачу, место которой в „Социальной Механике". Для моих целей здесь мне достаточно рассмотреть явления социальных перегруппировок суммарно и под ограниченным, а не всесторонним углом зрения. Такое рассмотрение достаточно, чтобы отчетливо уяснить строение населения, показать продуктивность того пути, которым я шел, доказать важность явлений социальных перегруппировок и связать аналитику с механикой. Подробное же изучение данного явления отложим до „Соц. Механики".

§ 7. Социальные перегруппировки в области элементарного расслоения населения.

В интересах четкости рассмотрим явления соц. перегруппировок отдельно в применении к элементарным группировкам, и в применении к кумулятивным группировкам. Начнем с первых, как более простых.

Явление социальных перегруппировок в этой области мы рассмотрим только с следующих точек зрения: *1) Даны ли здесь все три основные формы перегруппировок, 2) Если даны только некоторые или все, то в каких конкретных формах они выражаются, 3) насколько интенсивно они совершаются по количеству лиц, диффундирующих из группы в группу; 4) Насколько регулярно и часто происходят такие перегруппировки, 5) В какой мере наследственны и устойчивы соответственные группировки, в какой мере их форма нарушается или изменяется процессами перегруппировок.*

Перейдем теперь к рассмотрению перегруппировок с указанных точек зрения в области каждой из выделенных нами основных элементарных групп. Здесь сразу же следует указать *на существенную разницу механизма перегруппировок в области элементарных коллективов*, в основе бытия которых лежат *биологические признаки: расы, пола и возраста*,—с одной стороны, с другой—остальных коллективов, в основе появления которых лежат признаки психо-социальные (семейный, государственный, имущественный, языковый и т. д.).

Эта разница состоит в следующем. *Перегруппировки в области расовых, половых и возрастных групп возможны только путем изменения физического состава индивидов, входящих в состав таких групп.* Признаки: расы, пола и возраста абсолютно не зависят от нашей воли; их нельзя снять с себя, как можно снять костюм и заменить его другим расовым, возрастным или половым костюмом. Вне воли человека возможность выключить себя из „абонентов“ определенного расового коллектива, напр., белого, и включить в число абонентов другого расового единства, напр., черного. Родившийся негром останется им всю жизнь и не может стать белым. Родившийся мужчиной не может стать женщиной, младенец не может сразу стать стариком, и обратно. Без изменения физической или биологической природы населения перегруппировки в области этих коллективов совершенно невозможны. Циркуляция одного и того же индивида из одной расовой, половой или возрастной группы в соответственную другую невозможна. „Разбухание“ и „сжимание“ таких групп невозможно без изменения физического состава населения. „Переливание“, инфильтрация и выход из них также невозможны без изменения физической или биологический природы индивидов. Эти группы абсолютно закрыты (возрастная группировка закрыта также, ибо и здесь циркуляция индивидов из одной возрастной группы в другую, без изменения физической природы их, не зависящего от воли, невозможна: нельзя добровольно из мальчика стать седовласым старцем и обратно). В них входит человек без его воли; он рождается негром, мужчиной или ребенком. Раз войдя, он не может выйти отсюда всю жизнь или (для возрастной группировки), в течение определенного времени, требующегося для изменения физической природы человека, изменения, превращающего ребенка в юношу, юношу—в полновозрастного, последнего—в старика. Свободы передвижения из одной гомогенной группы в другую здесь нет. *Иное представляют в потенции остальные элементарные группировки, основанные на психо-социальных признаках.* Признаки государственной, языковой, имущественной, профессиональной, религиозной, партийной и др. принадлежности не неразрывно связаны с биологической природой человека. *Эти „костюмы“ или „маски“ психо-социального характера можно „снять“ и заменить другими.* Оставаясь тем же самым человеком можно переменить подданство, религию, профессию, партию и т. д.; иными словами—выключить себя или быть выключенным из числа абонентов одной такой группы и включить или быть включенным в число абонентов дру-

гой группы без изменения своей физической природы. Соответственно с этим здесь возможна циркуляция индивидов из группы в группу. Последние не абсолютно закрыты. Есть (потенциально) свобода передвижения. Здесь возможно разбухание и сжимание групп без изменения физического состава населения.

Принадлежность к таким группам действительно похожа на костюм, который можно снимать, одевать и заменять один другим. Принадлежность к расовому, половому и возрастному коллективу иная; она не похожа на костюм; она неразрывно связана с основными физическими свойствами организма, которые нельзя снять и одеть, менять и заменять. Перегруппировки здесь без изменения физической природы индивидов невозможны. *Перегруппировки в области психо-социальных элементарных коллективов возможны и без изменения физической или биологической природы индивидов.* Одно и то же население сегодня может быть абонентом *государства* России, завтра—Польши или Германии, сегодня абонентом коллектива „Православная церковь“, завтра—абонентом „Католической церкви“, сегодня абонентом партии „монархистов“, завтра—партии „коммунистов“ и т. д.

Словом, *перегруппировки в области биологических коллективов (расы, пола и возраста) возможны только тогда, когда меняется физический состав населения или само население: перегруппировки в области психо-социальных коллективов возможны и без изменения физическаго состава населения; они могут происходить и происходят среди одного и того же населения.* Промежуточное положение в этом отношении занимает, как ниже увидим, семья.

Таково вкратце основное различие между „биологическими“ и „психо-социальными“ элементарными коллективами. Из него вытекают те различия, которые существуют между перегруппировками в области тех и других коллективов. Эти различия сейчас мы увидим из характеристики перегруппировок в соответственных единствах. Перейдем к этой характеристике.

Расовые перегруппировки населения.

Спросим себя прежде всего, какого типа перегруппировки возможны в расовых коллективах, возможны ли здесь перегруппировки, состоящие в „разбухании“ и в сокращении“ расовых групп? Ответ будет положительным, но с оговоркой: *при условии изменения расового состава самого населения, не иначе.* Если число членов одной расы растет быстрее, чем другой, или, ceteris paribus, одна раса вымирает быстрее, чем другая, то в итоге должно наступить „разбухание“, рост об'ема одной расовой группы, и уменьшение, „сокращение“ об'ема другой. Вне этих демографических факторов рождения и смертности (чем бы повышение и понижение их не вызывалось) расовая перегруппировка 1-го типа невозможна. Иные пути,—кроме колебания рождений и смертности—для „разбухания“ и „уменьшения“ расовых групп закрыты. В расовую группу входят только через ворота рождения и выходят

из нее только через ворота смерти. Правда, может случиться так, что в данной территории в течение нескольких лет процентное отношение лиц разных рас в силу, напр., усиленной иммиграции какой либо расы, может значительно измениться. Но ясно, что это будет *не расовая перегруппировка*, не превращение белых в черных или наоборот, а *перегруппировка территориальная*, явление циркуляции индивидов определенной расы *из одной территориальной группы в другую, а не явление циркуляции индивидов из одной расы в иную.* Не будет расовой перегруппировкой *и ассимиляция* (по терминологии американцев) одной расовой группы другою, т. е. культурная переработка (по языку, религии etc) одной расой другую. Такая ассимиляция, как видели, плохо удается, во вторых, она не изменяет расу, как биологический тип; она представляет не расовую, а религиозную, языковую или аналогичную перегруппировку. Об'ем расовых групп при ассимиляции не меняется, а меняются об'емы языковых, религиозных и т. д. группировок. Принадлежность к расовой группе определяется рождением; выключение из нее возможно только смертью. *Расовые группы закрыты и никого не выпускают. Они не только закрыты, но и наследственны в биологическом значении этого слова*: дети негров—родителей становятся неграми, дети белых родителей—белыми. Расовая принадлежность потомства всецело определяется расой родителей и предков. Отсюда вывод: *расовая перегруппировка 1-го разряда* („разбухание" и „сжимание" об'ема расовых групп), *возможная только в силу неодинакового колебания кривой смертности и рождений различных расовых групп, зависит от всех тех факторов и условий, от которых зависит колебание кривой смертности и рождения этих групп.*

Спрашивается: происходят ли такие колебания? Повидимому, да; но, к сожалению, статистика в этом отношении дает пока что ничтожный материал. Мы до сих пор знаем только приблизительно даже численность основных рас земного шара. „Принимая популярное деление человечества на пять рас, соответственно цвету кожи, вычисляют, что на 1480 миллионов населения земного шара монголы составляют 40%, кавказцы—29%, малайцы и эфиопы по 15%, американская или краснокожая раса—только долю процента" [1]). Как изменялись по своей численности эти расовые группы в течение истории? Таково ли было их взаимоотношение в прошлом, как теперь? Какая из них росла и какая уменьшалась, с какой быстротой и в какие эпохи?—мы не знаем. На этот счет существуют пока только гадания, а не знания.

---

[1]) *Майо-Смит:* Стат. и социология. 310. Эти данныя только приблизительны и относятся к 90-м годам 19 в. К сожалению, расовая статистика не организована и до сих пор. В основных курсах и работах, посвященных учению о народонаселении, или совершенно нет расовой статистики, или она только приблизительна. Не дает никаких данных на этот счет и *Левассер* в своей работе: La répartition de la race humaine sur le globe terrestre. Bulletin de l' Institut intern. de statistique. т. XVIII, II livr. 48-63.

Примечание: В дальнейшем, в целях краткости, Бюллетени межд. стат. Инст-та я буду обозначать сокращенно. „Bul. st." присоединяя номер тома, книги и страниц.

Известно, что путем войн, эпидемий и т. п. явлений вызывались и вызываются иногда довольно значительные уменьшения членов той или иной расовой группы. Но цифровая величина этих изменений не определена. Статистика последних десятилетий отдельных стран также говорит об известных колебаниях об'ема расовых групп. Примером может служить, напр., статистика С. А. С. Штатов. Здесь „пропорция белых возрастала, а пропорция цветных уменьшалась при каждой переписи, исключая 1810 и 1880 г. г. С 1790 г. пропорция цветного элемента понизилась с $19{,}_{27}\%$ на $11_{93}\%$, всего населения, т. е. в настоящее время пропорция цветных менее двух третей той, которая была сто лет тому назад“ [1]).

Если бы это возрастание об'ема белой расы вызвано было только большей плодовитостью ее по сравнению с цветной, эти цифры показывали бы нам размеры расовой перегруппировки. Они говорили бы нам, что в течение 19 в. об'ем белой расы в Америке „разбухал“, а об'ем цветной относительно уменьшался. Однако, утверждать это определенно нельзя: всего вероятнее, что рост белых в Америке вызван непрерывной иммиграцией сюда белых. В колебании указанных цифр приходится поэтому видеть скорее результат территориальной перегруппировки, а не расовой.

О движении основных (по цвету) рассовых групп на всем земном шаре, как сказано, у нас нет статистических, данных. Но в применении к отдельным территориям земли имеются койкакие данные, говорящие о наличии рассовых перегруппировок в пределах данной территории. Примером могут служить туземцы островов Фиджи. Число их с 1875 г. (год водворения англичан) уменьшилось с 150,000 до 75,000 (в 1912 г.). Уменьшение их об'ясняется не падением рождаемости, а ростом смертности, вызываемым колоссальной пертурбацией их жизни — следствием появления англичан и их попыток цивилизовать и морализировать фиджийцев [2]). Аналогичные явления были в прошлом, при колонизации белыми Америки, Африки, Азии и Н. Зеландии [3]). Дальнейшим примером могут служить индейцы Америки, постепенно уменьшающиеся в числе [4]). Эти и подобные факты, говорят о наличности рассовых перегруппировок в пределах определенной территории. Весьма важно было бы вести систематически учет их по всему земному шару. Но, к сожалению, такая работа еще не ведется.

Из сказанного видно, что расовая перегруппировка 1-го типа имеет место по крайней мере в пределах отдельных территорий. Одни рассовые группы здесь с ходом времени „пухнут“, другие „худеют“, теряют своих членов. Совершается она, как видим, в

[1]) *Майо-Смит*: Op. cit. 313-314. Перепись 1900 г. по сравнению с переписью 1890 г. также дала некоторое колебание об'ема темной расы. В 1890 г. она составляла 120 на тысячу, в 1900—116. *Giddings:* The social marking system. Am. j. soc., т. 15, 731-32.

[2]) См. *O. Triggs*: The decay of aboriginal Races. Scientia. т. XIII. 1913. 149

[3]) См. факты у *Энгельгардта*: Прогресс, как эволюция жестокости. Passim.

[4]) Число их по переписи 1890 г. было 248,000. С этого времени, благодаря улучшению американской политики, число их к 1912 г. возросло до 265,000. См. *Mc-Kenzie*. Op. cit. 765.

форме изменения самого населения,—людей, а не независимо от этого изменения. Перегруппировка, в конечном счете, происходит в силу изменения кривой рождения и смертности расовых групп [1]), чем бы они не вызывались: войнами, эпидемиями, экономическими условиями, социальными пертурбациями и т. п.

Следует отметить и другой факт, это *относительную медленность (по сравнению с перегруппировкой социально-психических коллективов) расовых перегруппировок.* Они совершаются десятилетиями и тысячилетиями. Кроме исключительных случаев (в роде войны, эпидемии или исключительно неблагоприятных условий) расовая перегруппировка не совершается вдруг, с панорамной быстротой, резкими скачками (как бывает при государственных или партийных и др. перегруппировках), а протекает относительно ровно, путем постепенного падения или роста кривой смертности или рождаемости. Это и понятно, ибо для данности ее нужно изменить сам физический состав населения. А быстро и значительно уменьшить или увеличить людей определенной расы гораздо труднее, чем „одеть“ тех же людей в новый государственный или религиозный или в другой социально-психический костюм [2]).

Не останавливаясь подробнее на этом вопросе мы можем думать, что процессы разбухания и худения рассовых групп, прежде всего в пределах отдельных территорий, а затем, и в пределах всего земного шара, совершались и совершаются. Если в той или иной территории происходит этот процесс интенсивно, и расовый состав населения значительно меняется, то,—поскольку с расовыми признаками связаны признаки социально—психического характера, следует ждать изменений и в социально-психической жизни данной территории, иначе говоря, в ходе общественных процессов. Ряд исследователей попытались очертить такие пертурбации [3]). Если

[1]) Или в силу междурасового полового смешения. Но это явление приводит к образованию гибридов, т. е. новых разновидностей рас и подходит под 2-ой тип перегруппировки. Об этом ниже.

[2]) Поэтому едва ли столь страшно грядущее белой расы, как его рисуют некоторые авторы, напуганные падением плодовитости белой расы и ростом плодовитости других „низших“ рас, из чего они делают заключение о гибели культуры и поглощении белой расы разливающимся морем низших рас. См., напр. *Steinmetz*: L'avenire della razza. Riv. it. Soc. 1910. 485—509. Во первых, сравнительная плодовитость различных рас еще не исследована. Многие, напр. Ратцель, утверждают, что „у диких народов рождаемость обыкновенно очень мала“. *Ратцель*: Народоведение. СПБ. 1902. т. I. 11. 2) Важна не только плодовитость, но и смертность, а у наиболее плодовитых стран и смертность обычно велика, так что избыток рождений может анулироваться избытком смертности. 3) Если бы даже белая раса размножалась медленнее (что пока в целом не доказано), то при меньшей смертности и при методе истребления („во славу прогресса и культуры!“) иных рас она, как и в прошлом, не только не обречена на худение и поглощение, но, напротив, может относительно „разбухать“, как, повидимому, разбухала в течении истории. Наконец, как видим, процесс расовой перегруппировки идет медленно: „низшие расы“ при таком темпе могли бы окультуриться или тоже потерять плодовитость или окультуренные взять в свои руки знамя цивилизации и нести его дальше. Словом, страхи преувеличены и лишены серьезных оснований.

[3]) См. напр., указанные выше работы *Аммона*, *Лапужа*, *Ничефоро*, *Морселли*. См. также: *Вольтман*: Политическая антропология. СПБ. 1905, Passim и гл. 8, 9 и 10. *Ле Бон*: Психология социализма. СПБ. 1908.

конкретные их выводы спорны, то основное указанное положение едва ли подлежит сомнению. В „Социальной механике" я постараюсь подтвердить эту теорему.

Перейдем теперь к рассмотрению расовых перегруппировок 2-го рода. *Наблюдаются ли здесь такие перегруппировки, чтобы в итоге их: 1) некоторые из существующих расовых групп вполне исчезли или, чтобы 2) на месте определенного числа существовавших расовых групп образовалось иное число их, т. е. появились новые расы или расовые разновидности.*

Ответ на эти вопросы зависит от того, будем ли мы иметь в виду основные расы или расовые разновидности и более мелкие подразделения. Хотя и в этом отношении пока что нет достаточного статистического материала, однако, такие формы перегруппировок, повидимому, происходили и происходят. По крайней мере, это можно вполне утверждать относительно расового населения отдельных территорий земного шара. Фактами такого рода служат явления *полного вымирания* отдельных расовых групп, в частности, т. н. „диких народов", принадлежащих к не белой расе, в ряде территорий Америки, Австралии, Океании и отчасти Азии при соприкосновении с белой расой. Такими фактами богата история колонизации этих стран. „В борьбе с торжествующими силами природы... упадок диких народов может доходить до полного уничтожения целого народа, говорит Ратцель. При ближайшем рассмотрении мы видим здесь два случая: самоуничтожение и вымирание под влиянием высшей культуры" [1]).

Примеры. На С. Доминго, по свидетельству аббата Жанти, из миллиона туземцев в течении нескольких десятилетий осталось только 14,000 душ. „Кук считал на Таити от 150 до 200,000 жителей; теперь (в 60-х годах 19 в.) там едва ли 15,000". „На Сандвичевых островах в 1778 г. Кук считал 400,000 жителей. Гопкинс в 1823 г. полагал их 130,000, в 1849 г.—80,000, в 1860 г. считалось не более 67,000". Туземное население Новой Зеландии в 1841 г. было около 104,000, в 1858 г.—только 55, 467, в 1864 г.—не более 47.000. На Вандименовой земле еще в начале 19 в. насчитывалось около 6,000 туземцев; в 1843 г. из них осталось в живых только 54; в 1857 г. —16 чел., 1862 г.—8 человек, в 1864 г. на празднике губернатора в Гобард-тоуне присутствовали последние четыре туземца, остатки угасшего народа [2]).

Угасающие расовые группы в этой территории замещаются белыми, постепенно плодящимися и растущими в своем числе [3]). То же происходит и в других местах.

„Сев. Америка до 95° з. д. выказывает только жалкие остатки

[1]) *Ратцель:* Народоведение т. I. 11.

[2]) *Лавров-Арнольди:* Цивилизация и дикие племена. СПБ, 1901, 141—148. См. множество аналогичных фактов в книге *Энгельгардта:* Прогресс, как эволюция жестокости. Изд. Павленкова.

[3]) Так, напр., в Новой Зеландии европейское население с 1851 по 1861 г. возросло с 27,707 ч. до 98,915; в 1864 г. оно увеличилось до 171,931 человек, а туземцы с 1841 г. до 1864 г. уменьшились с 104,000 до 47,000. Одна расовая группа разбухла, другая—сократилась.

Лавров-Арнольди: Там же; 144.

индейских племен; в Виктории и Нов. Южном Уэльсе можно насчитать не более 1,000 потомков туземцев... и окончательное европеизирование Сев. Азии, сев. Америки, Австралии и Океании является только вопросом времени“ [1]).

Угасают, как мы видели, фиджийцы в течении 37 лет уменьшившиеся с 150,000 до 75,000. Угасают краснокожие Америки, число которых теперь уже весьма незначительно и т. д. Фактов такого рода происходило и происходит не мало. „Дикие народы, (как представители иных расовых групп) погибают от соприкосновения с европейцами и цивилизацией. Причиной их упадка на первом плане надо считать истребительную войну, затем - занесенные болезни, алкоголь, изменение образа жизни, большую детскую смертность, наконец, психические причины“ [2]) и т. д. Словом, такая перегруппировка, ведущая в силу разных причин к полному исчезновению расовой группы определенной территории, факт несомненный. То же приходится сказать и об расовых группах, взятых не с точки зрения цвета, но с точки зрения других антрополого-расовых признаков. „Угасла напр., раса Pithecanthropus erectus, неандертальского человека и многих других доисторических племен, следы существования которых сохранились для нас в жалких остатках их костей и орудий“ [3]).

Таким путем происходила и происходит постоянно расовая перегруппировка человечества 2-го типа.

К тому же результату,—к исчезновению одних расовых групп, к расширению других и к появлению новых расовых разновидностей,—приводит *физиологическое смешение рас, путем полового спаривания разнорасовых особей, дающего все новые расовые гибриды и разновидности*. Несмотря на то, что разнорасовые особи, особенно далеко отстоящих друг от друга рас, обнаруживают меньшую тенденцию к половому спариванию и браку друг с другом, чем с особями однорасовыми, такие спаривания или смешение расовой крови происходило и происходит в истории человечества. Множество расовых гибридов или разновидностей и вариаций обязаны своим бытием именно такому спариванию. Этот факт не отрицается ни сторонниками моногенетического происхождения расовых групп, ни сторонниками полигенетической теории. „Тысячи наблюдений показывают нам, говорит Ратцель, что (при миграциях расовых групп) расы не могут оставаться неизменными... Смешение во многих частях земли происходит с необычайной быстротой. Из северной и восточной Африки арабы и берберы проникают к неграм... Готтентоты замещаются смешанной с ними европейской расой. В Канаде смешение с индейцами свойственно почти всем французским поселениям; в средней и южной Америке метисы и мулаты уже и теперь многочисленнее чистых индейцев. В Океании малайо-полинезийцы давно уже проникли в среду тихоокеанских чернокожих... Однажды начавшееся смешение идет все дальше и дальше“ [4]). „Вообще

---

[1]) *Ратцель*: Там же. I. 12.
[2]) *Вольтман*: Полит. антропология. 275—76.
[3]) *Вольтман*: Ibid. 275.
[4]) *Ратцель*: Ibid. 12.

для человеческих групп, где бы их не видели на земле, смешение является правилом, а чистота расы исключением"[1]). „В настоящее время существует только немного народов, (и то вопрос. П. С.) принужден признать Вольтман, апологет относительной чистоты рас - состоящих из вполне чистокровных индивидуумов... История, как известно, безпорядочно множит расы"[2]). Будем ли мы брать за основной признак расы—цвет кожи и волос или головной показатель черепа, или другой анатомический признак, наблюдение говорит, что во всех группах, различных по этим признакам, смешение происходило и имеет место во всех частях земли. Исследования Вирхова, Аммона, Лапужа и др. относительно расового состава Европы показали, что по всем этим признакам оно в сильной степени смешанное население. „Более половины всех детей, обучающихся в школах средней Европы (с точки зрения качеств блондина и брюнета) принадлежит к смешанным типам". На севере Германии преобладают блондины, на юге—брюнеты. „Более частое проявление брюнетов (на юге) может быть объяснено только смешением германцев (блондинов) с другими более или менее смуглыми народами"[3]). То же смешение подтверждает исследование населения и с точки зрения длинноголовости и короткоголовости. Появление средних между ними типов—результат смешения длинноголовых с короткоголовыми[4]).

Еще резче тот же факт проявляется в других странах, где даны резко различающиеся друг от друга расы. Так в начале 20 в. из 265,000 индейцев Америки только 58,4% были чистокровными, 35,2—смешанной крови, 8,4%—неизвестно какой крови[5]). По цензу 1890 г. из 7,470,040 негров мулатов, квартеронов и окторонов, т. е. гибридов негритянской расы с другими расами было 1.131.060[6]).

Не приводя других фактов из сказанного несомненен факт физиологического смешения рас и образование расовых гибридов, т. е. все новых и новых разновидностей рас. Так было в прошлом, так продолжается и теперь. А это означает, что *в истории человечества происходит постоянная расовая перегруппировка второго типа*, т. е. исчезновение одних расовых групп, если не повсеместное, то, по крайней мере, в пределах определенных территорий, и появление новых расовых гибридов или вариаций. Это значит, что расовая группировка человечества меняется не только в смысле „разбухания" или „сужения" существующих расовых групп, но и

---

[1]) *Коропчевский*: Расов. и этнич. группировка человечества: Прил. к II т. Ратцеля. 825-6.

[2]) *Вольтман*: Ibid. 82.

[3]) *Ранке*: Человек. СПБ. 1901, т. II. 321.

[4]) *Ранке*: Ibid. 329—332. См. в особенности указ. раб. *Лапужа*. Согласно Лапужу „большинство населения Европы состоит из смешения всех степеней между европейским и альпийским человеком, при чем большинство метисов приближаются к последнему". *Lapouge*: Les select. sociales. 10—27.

[5]) Mc Kenzie: Ibid. 765.

[6]) *Майо-Смит*: Op. cit. 313. По сообщению *Hoggan'а* мулаты в южных штатах С. А. С. Штатов составляли в 1870 г. 12% всего населения, в 1890 г.—15.2%. *Hoggan*: The american negro and race blending. The Social. Review. 1909. Октябрь.

в более резкой форме—в форме исчезновения одних видов рас и появление новых.

Было бы весьма важно исследовать статистически и систематически интенсивность и детальные формы такой перегруппировки на всем земном шаре за более или менее длительный период времени, но, к сожалению, такая работа пока не произведена и не производится [1]).

Не обладая такими данными, можно, однако, утверждать, что такая перегруппировка совершается сравнительно с быстротой перегруппировок социально-психических групп несравненно медленнее. Там они могут происходить без изменения физического состава самого населения, здесь они происходят неизбежно только путем изменения физической природы людей. Поэтому сколько-нибудь значительные изменения расового расслоения требуют относительно гораздо больше времени, чем социально-психические перегруппировки. Если бы не было скрещивания, это изменение расового состава человечества происходило бы еще медленнее. Для такого „изменения „требовались бы многие и многие века, даже тысячилетия“ [2]). Но и при скрещивании процесс значительного изменения карты расового расслоения идет медленно. Доказательством тому служит само многовековое и тысячелетнее существование основных рас—белой, черной, желтой и краснокожей. Как ни смешивались они в течение истории, сколько не образовывали гибридов,—до сих пор все они существуют и не изчезли [3]). То же применимо и к расовым типам долихоцефалов и брахицефалов и к отдельным разновидностям рас. „В высшей степени замечательно, говорит Ранке, что после всех тех бурь, которые пронеслись над областью (Средней Европы), после всех многочисленных смен языков и нравов, все же так ясно (и теперь) сохранились этнические отношения, которые восходят до отдаленной доисторической жизни этих стран, не оставившей никакой письменности“ [4]). „Наблюдение показывает нам, говорит Коропчевский, что языки меняются гораздо быстрее и легче, чем физический (расовый) тип“ [5]). Раз такая перегруппировка требует изменения самих людей, то, естественно, что она может совершаться гораздо медленнее, чем социально-психические (языковые, государственные, партийные etc.) перегруппировки, ко-

[1]) В 1912 г. Парижским Антропол. Об—вом была предпринята подобная работа путем специальной анкеты. См. *Revue Anthropologique*. 1912. Сент.—Окт. К сожалению, мне неизвестно, что из нее вышло, т. к. я не имею журнала и литературы за позднейшие годы.

[2]) *Morselli*: Le razze umane e il sentimento di superiorità etnica. 331.

[3]) Устойчивость и чистота расовой группы даже при смешении поддерживается кроме того существующим, повидимому, процессом расовой „очистки от примесей—„Entmischungen“, состоящим в том, что „элементы чуждых рас, когда они не слишком многочисленны, через много поколений снова могут быть совершенно выключены из расового плазматического процесса зародышевой ткани. Классическим примером этого могут служить египтяне, которые, как показал Pruner-Bey, несмотря на преходящие смешения с неграми, семитами, греками и турками, сохранили свой расовый тип неизменным“. *Вольтман*: Op. cit. 80.

[4]) *Ранке*: Человек. т. II. 334.

[5]) *Коропчевский*: Op. cit. 332.

торые похожи на перемену костюма одним и тем же населением. Эту медленность увеличивают ряд препятствий, либо мешающих росту случаев самого разнорасового смешения, либо обезвреживающих результаты последнего. К числу препятствий первого рода относятся: естественная репульсия к половому скрещиванию со стороны разнорасовых индивидов и юридическое запрещение разнорасовых браков, имевшее место, как в прошлом, так и в настоящем. „Расовое чувство ведет к социальной и половой замкнутости во вне и к чистому отбору крови внутри“ [1]. Так как каждая раса, как видели, имеет свой идеал красоты, то другие расы кажутся ей безобразными. Это обстоятельство мешает возникновению полового влечения, поэтому препятствует и возникновению полового смешения; только тогда, когда половой импульс не может быть удовлетворен с членами своей расы, „на худой конец“, он удовлетворяется с членами других рас. Этот факт подтверждается и статистически. „Индивиды, правильно говорит Benini, принадлежащие к сходным группам, предпочитаются для супружеской жизни, принадлежащие же к несходным группам, отталкиваются“ [2]. Исходя из этого положения он сам, а после него Savorgnan, показали, что это общее правило применимо и к расе: [3] разнорасовые браки дают меньший процент, чем однорасовые. На этой почве появилось и юридическое запрещение разнорасовых браков; они даны в древности у ряда примитивных групп, в форме правил эндогамии, запрещавших внегрупповые браки; в форме запретов междукастовых половых смешений и браков, в форме jus connubii в Риме, запрещавшем брак патрициев и плебеев, или позже—брак римлянина с варваркой; такие же запреты известны у древних германцев, у саксов и др. [4]. То же мы видим и в наше время в Америке.

Все эти обстоятельства препятствуют росту междурасового смешения. Но если оно и происходит, то появляются ряд условий, так или иначе мешающих размножению гибридных форм. Прежде всего—ужасное положение этих гибридов. Они в древности прямо убивались и в силу этого не могли быстро размножаться. Позже, хотя они и не убивались прямо, но убивались косвенно: чуждые обоим чистым расам метисы и мулаты попадали в ужасное положение.

Они были чужими для всех. Их положение (как видим это на фактах Америки) наихудшее из всех рас, даже самых низших [5]. Следствием этого была задержка их размножения; этой же медленности способствует указанный процесс „очищения расы“ от вошедших в нее примесей.

При таких условиях быстрый рост расового смешения и размножения гибридов задерживается, и медленность расовой перегруппировки возрастает еще больше.

[1]) *Вольтман*: Ibid. 267.

[2]) *Benini*: Principi di demografia. 1901. 129.

[3]) См. *Savorgnan*: Vershmelzung und gegenseitige Penetration der Rassen und Nationaliteten. Archiv f. Sozialwiss. und Sozialpolitik, V. XXXV, кн. 2.

[4]) См. *Вольтман*: Ibid. 265 и сл.

[5]) См. *Hoggan*: Op. cit.

Из сказанного следует, что *линии расового расслоения человечества хоть и медленно, но меняются; одни расовые вариации и разновидности уменьшаются и исчезают, другие—растут; рядом с ними появляются новые вариации и гибриды.* Так было в прошлом, так же продолжается и теперь. Поскольку же изменение расовых свойств функционально связано с изменением психо-социальных свойств людей, отсюда следует, что эти перегруппировки рас влекут за собой изменения в общественной жизни людей и в их поведении. Если в работах представителей антропологической школы роль расового фактора часто оказывается преувеличенной, если их об'яснения ряда социальных процессов, напр., падения народов, гибели государств, декаданса цивилизации, не говоря уже о процессах появления каст, сословий и т. д., часто односторонни и неудачны [1], то из этого не следует, что расовый фактор не имеет значения или что расовая перегруппировка не вызывает никаких изменений в течении социальных процессов и в исторических событиях. Эффекты изменения расового состава населения в силу медленного темпа расовой перегруппировки не всегда заметны и ускользают от поверхностного наблюдения; но они несомненны, и в „Соц. Механике“ будет очерчена их роль в общественных процессах. Ограничимся сказанным в характеристике расовой перегруппировки 2-го рода.

Теперь, спросим себя: *знает ли история человечества такие расовые перегруппировки, где само расовое расслоение совершенно исчезало бы, где, говоря образно, все линии расового расслоения были бы заглажены?*

Практически такое состояние означает полное отсутствие расового расслоения или расовое тождество всех людей. Если иметь в виду все человечество, то, очевидно, история людей такого состояния не знает.

Если оно когда нибудь и было, то только на заре человеческой истории и то при предпосылке моногенетического происхождения человечества. А такая предпосылка, как известно, продолжает оспариваться [2], это раз, во вторых, со времени появления расовой дифференциации расовое расслоение не исчезало. Это несомненно в применении ко всему человечеству. Иначе обстоит дело в применении к отдельной местности. В итоге уничтожения одними группами других, или эпидемии, или эмиграции, или вымирания, или длительного скрещивания, расовый состав населения определенной ограниченной местности может в конце концов стать более или менее однородным, т. е расовое расслоение здесь может исчезнуть, изгладиться; но, очевидно, такое явление может иметь лишь местный характер. Ставши однородной по своему составу такая группа, как целое, тем резче будет отличаться от населения иных мест-

[1]) См. напр., ряд положений в работах *Лапужа, Аммона, Ле Бона, Вольтмана, Гобино*: Essai sur l'inegalité des races humaines. Paris. 1854. В более новое время таковы же ст., напр., *Fahlbeck'a*: La décadance et la chute des peuples. Bul. stat. XV., кн. 2. 367—389, *Jordan'a*: La moisson humaine. Rev. Soc. 1911. 673—712 и др.

[2]) См. напр., *Sergi*: Le origine umane. Torino. 1913.

ностей. Линии расового расслоения, исчезнув внутри данной местности, появятся на ее границах.

Словом, такое местное исчезновение расового расслоения означает не исчезновение его вообще, а только передвижку „траэктории“ линий расовой дифференциации с одного места на другое; т. е. в итоге сводится к расовой перегруппировке 1 и 2-го рода.

Есть ли шансы на то, что в будущем это расслоение исчезнет или может быть уничтожено? Не будем пророчествовать о том, что случится чрез миллионы лет. Но можно утверждать с большой вероятностью, что в течение ближайших столетий и даже тысячилетий такая перегруппировка не может иметь места, т. е. расовое расслоение не может вполне исчезнуть. Трудно допустить, чтобы одна из основных крупных рас могла бы быть целиком уничтожена, трудно допустить, чтобы скрещение рас приняло столь интенсивный характер, что в итоге все расы стали бы „одинаково серыми“; напротив, мы видели, что скрещивание создает все новые и новые гибриды; измалывая одни расовые несходства оно творит новые. Словом, в течение довольно долгого времени (если не всегда) расовое расслоение в той или иной форме будет существовать, а следовательно (увы!) будут существовать и его последствия: расовый антагонизм, расовая борьба и расовая эксплуатация в той или иной, хотя бы и в более мягкой форме.

Присматриваясь к истории расовых перегруппировок мы можем заметить лишь одно явление: *это постепенную и медленную „парцелляцию“ расовых групп и разновидностей*, т. е. *постепенное дробление немногочисленных вначале и резко отличающихся друг от друга расовых групп и замещение их все большим и большим числом расовых групп гибридного происхождения, различающихся друг от друга не так резко, как первые.* История дробит в своем течении небольшое число первоначальных расовых льдин на все более и более многочисленные куски; число последних по мере удаления от истоков истории увеличивается. Междульдинные полосы воды становятся быть может не столь великими, как у истоков, зато число их ростет. Но и этот процесс, о котором подробная речь пойдет в „Генетической социологии“, идет такими „кривулями“ и столь медленно, что понадобятся тысячилетия, чтобы эту парцелляцию довести до распадения огромных льдин белой, черной и желтой расы на многочисленные мелкие куски различных промежуточных расовых групп.

Ограничимся этим в характеристике расовых перегруппировок.

Половые перегруппировки.

Очертим кратко половые перегруппировки с указанных точек зрения. Как и рассовые перегруппировки *они могут совершаться только с изменением полового состава населения.* Вне его они невозможны, ибо всякий навеки прикреплен к своему полу и не может по произволу из мужчины стать женщиной или обратно. Факты увеличения или уменьшения мужчин или женщин в данном месте под влия-

нием, напр., иммиграции или эмиграции одного пола, как показано в применении к расам, означают не половую перегруппировку, т. е. выключение индивидов определенного пола из своей группы и переход в другую половую группу, а просто территориальную перегруппировку индивидов определенного пола. Легко понять поэтому, что *половая перегруппировка в конечном счете совершается (как и расовая), только путем неодинакового колебания кривой смертности и рождений лиц разного пола, чем бы эти колебания не вызывались.*

Изучение полового распределения человечества, как известно, показывает факт т. н. *равновесия полов*. В общем и целом численность обоих полов на земном шаре оказывается близкой к равенству. На 1.000 мужчин в общем приходится тысяча женщин [1]). По отдельным странам имеются колебания, вызываемые разными причинами, но эти колебания в общем незначительны. Представление о них дают следующие цифры Бюхера для 189. г.

Части света.	Лиц женского пола на каждую 1000 лиц мужского пола:
Европа	1,024.
Америка	973
Азия	958
Австралия	852
Африка	968
Всего	988. [2])

При более детальном изучении населения отдельных стран эти колебания таковы:

	На 1,000 мужчин приходится женщин.
Норвегия	1091
Шотландия	1072
Швеция	1065
Англия с Уэльсом	1064
Швейцария	1057
Австрия	1044
Германия	1039
Ирландия	1029
Венгрия	1015
Франция	1014
Италия	989
Сербия	947
Греция	92[illegible]
Соедин. Штаты	952 [3])
Россия Европ. (без Польши и Фин.)	1038. [4])

[1]) См. об этом *Майр*: Статистика и обществоведение. II. 94—95. *Майо-Смит*: Статистика и социология. 47—8.

[2]) *Майр*: Ibid. 98.

[3]) *Майо-Смит*: Ibid. 47.

[4]) *Annuaire intern. de statistique. La Haye. 1916. 43.*

Из этих данных видно, что колебания равновесия полов в общем и целом незначительны. Спрашивается: *даны ли в области половых групп перегруппировки 1-го типа, т. е. возможно ли и бывает ли здесь „разбухание" мужской группы за счет женской или обратно? Ответ гласит, что такие колебания имеют место, но в весьма ограниченных размерах.* Амплитуда таких перегруппировок весьма незначительна. Не только в применении к населению всего земного шара, но и в применении к населению не очень маленькой местности, можно сказать, что численный перевес одного пола над другим никогда не бывает сколько нибудь значительным и взаимоотношение половых групп не подвержено в ходе времени резким колебаниям. Сказанное иллюстрируют нижеследующие цифры.

В Германской Империи на 1000 мужчин приходилось женщин:

в 1871 г.	1037
75	1036
80	1039
85	1043
90	1040
95	1037.[1]
1900	1032
1910	1026[2]

По другим европейским странам статистика дает такие цифры.

Страна.	Год исследования.	На 1000 мужчин приходилось женщин.	Страна.	Год исследования.	На 1000 мужчин приходилось женщин.
Пруссия.	1849	1000	Шотландии)	1881	1055
	1880	1033		1901	1068
	1900	1031		1911	1067
	1910	1023	Италия	1881	995
Австро-	1880	1046		1901	1010
Венгрия	1900	1034		1911	1036
	1910	1036	Норвегия	1855	1041
Бельгия	1846	1062		1875	1060
	1880	1001		1900	1082
	1900	1013		1910	1099
	1910	1016	Финляндия	1850	1055
Болгария	1887	964		1880	1043
	1900	960		1900	1021
	1905	961		1910	1014
Франция	1851	1010	Швеция	1850	1064
	1881	1004		1880	1061
	1901	1032		1900	1049
	1911	1035		1910	1046[3]
Англия (без	1851	1041			

Как видно отсюда, несмотря на пертурбации, вносимые войнами, эмиграцией и имиграцией и др. условиями, чем и об'ясняются

[1]) *Майр*: Ibid. 98.
[2]) *Annuaire intern. stat. 1916. 41*
[3]) *Annuaire int. stat.* 40—43. Там же см. цифры относительно других стран.

главным образом приведенные колебания цифр], несмотря на это, цифры половых перегрувпировок в каждой стране сравнительно невелики: они почти не превосходят цифры в 50 на тысячу. Если бы исключены были отсюда иммиграция и эмиграция, вызывающие территориальную перегруппировку разных полов и др. пертурбационные влияния, эти колебания были бы еще меньше. Отсюда вывод: *половые перегруппировки 1-го типа имеют место, но совершаются в весьма ограниченных пределах.*

Раз эти перегруппировки в конечном счете могут происходить только в силу неодинакового колебания кривой смертности и рождений обоих полов и раз они, как видим, колеблются весьма мало, то, очевидно, кривая смертности и рождений обоих полов должна быть постоянной и устойчивой. Статистические цифры, как известно, вполне подтверждают это положение.

В общемъ и целом мальчиков рождается больше, чем девочек; (в среднем на 100 рождений девочек приходится 106—107 рождений мальчиков; среди мертворожденных процент мальчиков выше: он колеблется от 125 до 150 на 100 девочек). Но зато и относительная смертность мужчин выше, чем женщин: если принять цифру смертности мужчин равной 100, то цифры женской смертности выражаются цифрами меньшими 100, но и неспускающимися ниже 86—87. Эти взаимоотношения мужской и женской рождаемости, как показал это особенно убедительно Gini, исследовавший этот вопрос для населения 44 государств Европы в течении XX и XIX в. в., для 17 гос. в течение XVIII в. и для большого числа государств других континентов, представляет взаимоотношения устойчивые, подверженные самым ничтожным колебаниям [1]).

То же приходится в общем сказать и о цифрах сравнительной смертности. Временные колебания в них могут быть вызваны исключительными явлениями, напр., длительной и кровавой войной, уносящей главным образом мужчин, и т. п. событиями, но эти колебания временны и опять таки имеют весьма ограниченую амплитуду.

Объяснение устойчивости этих пропорций рождения и смертности обоих полов нас сейчас не интересует [2]). Констатируем самый факт устойчивости, делающий понятным ограниченные размеры половой перегруппировки населения. Он говорит о том, что для сколько-нибудь численного населения совершенно невероятно такое „разбухание“ одной половой группы, при котором она превосходила бы другую вдвое или большее число раз. Границы полового расслоения колеблются, но весьма мало. Каждая половина, расширяясь или сжимаясь, „танцует кадриль“ на одном месте, не врываясь так сказать в центр другой половины. Отсюда же следует и *медленность процесса половой перегруппировки.* Она еще в большей

[1]) См. *C. Gini*: Il sesso dal punto di vista statistico, Le leggi della produzione dei sessi. 1908. См. также *Майр*: Op. cit. 261—65, 319—324. *Майо-Смит*: 48, 85, 153 и др.

[2]) Интересующихся отсылаю к прекрасной работе *Gini*; из нее же можно усмотреть и тот факт, что рождаемость того или иного пола мало зависит от преходящих психо-социальных условий.

степени, чем расовая, не может совершаться резко, скачками, моментально. Если явления войн или резкого повышения иммиграции или *эмиграции* одного пола иногда заметно нарушают существующее равновесие, то —это явления временные и местного характера, это раз; во вторых, и они, как мы видели, производят сравнительно небольшие отклонения [1]).

Раз так дело обстоит с перегруппировками 1-го рода, то легко понять, что *половые перегруппировки 2 и 3-го рода для сколько-нибудь значительных комплексов населения невозможны*. Волею судеб имелось и имеется в человечестве два пола и их не может быть ни больше, ни меньше. Это значит, что половые перегруппировки 2-го типа, при которых одна половая группа целиком бы поглотила другую или на место двух половых групп образовались бы три или большее число половых коллективов, не могут иметь места. Правда, в какой либо семье или даже в небольшой деревне может иногда исчезнуть, напр., вымереть, один пол, но и такое явление представляет исключение даже для столь ничтожных групп; для больших же комплексов населения, занимающих сколько-нибудь значительную территорию, такое явление невозможно. Не требует доказательств и невозможность половой перегруппировки 3-го типа, т. е. полное уничтожение полового расслоения или что то же—превращение всех индивидов в представителей одного пола. Такая перегруппировка не имела места в истории человечества, не может случиться и в будущем.

Таковы основные черты половых перегруппировок.

Возрастные перегруппировки.

Возрастные перегруппировки во многом сходны с расовыми и с половыми. Они могут совершаться не иначе, как с изменением самого населения, т. е. различных возрастных групп, из которых оно состоит. Возраст и связанные с ним свойства нельзя менять по желанию: дитя не может моментально стать стариком, старик—юношей. Для превращения молодого в старца нужно время; время же является непреодолимым препятствием для обратного процесса.

В сложном социальном аггрегате, населении—всего ли земного шара или отдельной его части,—одновременно сосуществуют различные поколения, след., различные возрастные группы. „Благодаря совместному сосуществованию различных поколений, человеческое общество представляется как бы безконечным пучком, в который вплетены нити различной длины, соответственно индивидуальным различиям возраста отдельных лиц“ [2]). Поскольку с возрастом связаны многие свойства биологического, психического и

[1]) Было бы весьма интересно знать отклонения, вызванные минувшей войной. К сожалению, я не располагаю надлежащими цифрами в виду недоступности иностранных материалов за последние годы. Известно лишь, что за 1915 г. данныя Парижа дали 103 рождений мальчиков на 100 рождений девочек, т. е. для крупных городов цифру нормальную. *Ch. Gide*: La reconstitution de la population francaise, Rev. int. Soc. 1916. 139.

[2]) *Майр*: Op. cit., 102.

социального характера, очевидно, преобладание в данном аггрегате лиц того или иного возраста—факт не безразличный для хода общественных процессов. Сложный соц. аггрегат, в котором преобладает главным образом старики и младенцы, а трудоспособные группы, напр., от 20 до 50 лет, составляют ничтожный процент, очевидно, и по своей организации, и по всему характеру общественной жизни, будет резко отличаться от такого же аггрегата с преобладанием трудоспособных возрастных групп [1]). Отсюда понятна важность и значение возрастного состава населения и тех изменений, перегруппировок, которые происходят в этой области социального расслоения. В каком же виде рисуются эти перегруппировки и возрастный состав населения? С интересующей нас точки зрения суть дела здесь вкратце такова. Во первых, хотя любой аггрегат (общество) состоит из лиц разных возрастов, но не везде процентное отношение составляющих аггрегат возрастных групп одинаково: различные комплексы населения в этом отношении обнаруживают некоторые различия. Представление об этом дает следующая таблица возрастного состава населения разных стран по переписи 1910 г., показывающая пропорцию каждой возрастной группы на 100 чел. населения [2]). Если взять население сел и

Возраст населения.	Германия (1910).	Австрия (1910)	Бельгия (1910).	Болгария (1905).	Франция (1911).	Англия (1911).	Италия (1911)	Норвегия (1910).	Евр. Рос. (1897).
От 0 до 19 л. .	43.73	41.48	39.79	49.69	33.89	39.89	43.17	45.03	48.70
„ 20 „ 39 „ .	30.28	28.56	31.20	26.52	30,50	32.56	27.32	25.87	28.42
„ 40 „ 59 „ .	18.11	18.67	19.58	15.24	23.04	19.52	19.01	17.78	15.93
„ 60 и более.	7.88	8.29	9.43	8.55	12.57	8.04	10.15	11.03	6.92

городов с возрастной точки зрения, то эти различия их возрастного состава обнаружатся еще резче. В населении деревни процент молодых и стариков значительно выше, чем в городе [3]).

Из этих цифр виден не одинаковый возрастный состав населения разных мест и стран.

Спрашивается, происходят ли перегруппировки возрастного состава населения с ходом времени? Возьмем для начала перегруппировки *1-го типа*, т.-е. такие, где одни из существующих возрастных групп разбухают, а другие—сокращаются. Даны ли такие процессы возрастной перегруппировки? *Они даны и имеют место, хотя об'емы разбухания и сокращения возрастных групп колеблются в ограниченных размерах.* Как и при половой перегруппировке

[1]) Подробно об этом в „Социальн. Механике".

[2]) *Annuaire int. Stat.* 1916. 104—116. Там же см. данные о других странах и данные более детальные. На стр. 118—119 дано прекрасное графическое изображение этих различий. См. ряд интересных данных, относящихся косвенно к данной проблеме, у *Новосельского*: Смертность и продолжительность жизни в России. П. 1916. 135 и сл. 148—155 и passim. См. также *Майр*: 108 и сл. *Майо-Смит*: 53 и сл.

[3]) См. *Майр*: Ibid. 113—115. *Майо Смит*: Ib. 54. Детали см. в *Annuaire Statistique des grandes villes européennes*. Budapest. 1913. 40—42.

амплитуда колебания невелика. Это видно из следующих таблиц, показывающих доли возрастных классов в Германии с 1871 по 1890 г.г. и во Франции с 1791 по 1891 г.г.

Процентные доли возрастных классов в Германии:

Возрастные классы.	1871.	1875.	1880.	1885.	1890.
Ниже 5 лет	12,85	13,38	13,87	13,08	13,01
От 5 до 10 лет	11,25	11,23	11,42	11,81	11,19
„ 10 „ 25 „	10,39	10,26	10,33	10,62	10,95
„ 15 „ 20 „	9,11	9,47	9,33	9,45	9,32
„ 20 „ 25 „	8,63	8,31	8,56	8,45	8,61
„ 25 „ 30 „	7,82	7,61	7,32	7,57	7,58
„ 30 „ 40 „	13,31	13,37	12,99	12,65	12,76
„ 40 „ 50 „	10,64	10,29	10,36	10,55	10,38
„ 50 „ 60 „	8,35	8,42	7,97	7,70	7,83
„ 60 „ 70 „	5,20	5,14	5,32	5,46	5,20
„ 70 „ 80 „	2,09	2,15	2,14	2,22	2,36
„ 80 и выше.	0,36	0,37	0,39	0,43	0,42

Процентные доли возрастных классов во Франции.

Возрастные классы.	1791 г.	1851 г.	1891 г.
Ниже 10 лет	25,4	18,5	17,5
От 10 до 20 лет	19,3	17,6	17,5
„ 20 „ 30 „	14,9	16,3	16,3
„ 30 „ 40 „	13,5	14,7	13,8
„ 40 „ 50 „	12,3	12,5	12,3
„ 50 „ 60 „	7,6	10,2	10,1
„ 60 „ 70 „	4,9	6,5	7,6
„ 70 и выше	2,1	3,7	4,9 [1]

Как видно из этих таблиц возрастные перегруппировки населения 1-го типа имеют место но совершаются они *в весьма ограниченных размерах*. Цифры второй таблицы показывают, что в ней процентная доля молодых, особенно до 10 лет, постепенно падает, а группы более старшие „разбухают". Население Франции так сказать „стареет". Легко понять, что такие перегруппировки, в конечном счете, опять таки вызываются неодинаковым колебанием кривой рождения и смертности различных возрастных групп, чем бы это колебание не вызывалось, плюс—явления иммиграции и эмиграции. Такие события, как война, в особенности война длительная и кровавая, вырывающая обычно контингент лиц от 20 до 40 лет [2]), вызывают относительно резкие колебания возрастного состава населения. Но в общем и целом возрастная перегруппировка населения, даже тогда, когда она совершается в одну сторону, как во Франции, происходит медленно по сравнению с перегруппировками соц.-психических коллективов.

Теперь спросим себя: *бывают ли в сколько-нибудь обширных социальных агрегатах возрастные перегруппировки 2-го типа,*

[1]) *Майр*. Ib. 117. Цифры колебаний возрастн. групп за 1900—1910 г.г. в европейских странах см. в *Annuaire int. stat.* 104 и сл.

[2]) Ce sont les meilleurs qu'elle prend, les meilleurs physiquement et moralement. C'est une sélection à rebours qui s'opère, правильно говорит о войне Ш. Жид. *Gide*: Op. cit. 141.

т.-е. такие, где одна из существующих возрастных групп исчезла бы целиком или на месте существующих возрастных классов образовались бы новые возрастные классы?

Так как подразделение населения в то или иное число возрастных групп зависит от произвола исследователя (напр., выделять ли возрастные группы погодично: группа возраста 1-го года, 2-х, 3-х и т. д., или чрез пять—десять лет и т. п.), то, очевидно, на такой вопрос формально трудно ответить. По существу же в каждом сколько-нибудь обширном аггрегате перегруппировка 2-го типа может иметь место только по отношению к старшей, крайней группе. Если, напр., из каждых ста тысяч населения России в 1897 г. доживало до 100 и большее число лет 359 человек, то мыслимо, что в последующие годы они вымрут; заместителей их не будет и крайней группой будет, скажем, группа 99 летних. Таким образом в аггрегате исчезнет самая старшая возрастная группа. Но и то это только мыслимая возможность, фактически сводящаяся к смерти какого либо долголетнего патриарха, что социального значения не имеет, да и не является перегруппировкой 2-го рода. В остальных же возрастных группах перегруппировки 2-го рода не имеют места, если брать сколько нибудь обширные аггрегаты [1]). Каждый соц. аггрегат, чтобы жить, должен непрерывно производить людей, т.-е. иметь группы в возрасте от 0 до 1 года и старше. Одни поколения умирают, другие становятся на их место. Возрастной ряд оказывается, как и время, непрерывным. Теоретически возможно полное исчезновение или новое появление только последнего звена (старшего) в этом ряду. Остальные возрастные группы, как бы мы их не подразделяли, могут разбухать и сжиматься, но целиком не исчезают; равно не появляются (кроме последнего звена) и новые возрастные группы. Иными словами, возрастные группы любого общества, если оно существует, как амфилада комнат дома, не исчезают, не появляются вновь, а остаются в том же числе. Только последняя комната—старшая группа,—иногда может отпасть или появиться вновь [2]); да об'ем каждой из „возрастных комнат“ может в ограниченных размерах колебаться (перегр-ки 1-го рода). По существу же перегруппировок 2-го рода в возрастной группировке населения мы не имеем. Дом (население,—с точки зрения возрастной архитектоники) остается в основе неизменным. Меняются только его жильцы, последовательно переходящие из комнаты в комнату. Одни жильцы—поколения уходят, на место их приходят новые. Колеблется число проходящих жильцов в каждой возрастной комнате; но, кроме

[1]) В небольших аггрегатах иногда она бывала; напр., во время древних войн, в случаях избиения победителями всего мужского населения, способного к борьбе; когда, напр., афиняне принудили скионийцев к сдаче, они умертвили всю мужскую молодежь. То же, как известно, проделывали римляне (вспомним: Parcere subjectes et debellare superbos!) и др. Но все это относится к небольшим аггрегатам.

[2]) Хотя, если полагаться на работу *Legranda* (La longevité à travers les âges. Paris 1912), продолжительность жизни мало меняется в истории людей. 80-ти летние и старшие были и в древнем мире, и в средние века, есть и теперь.

самых последних — выходных на тот свет комнат, ни одна из остальных не пустует.

Нет надобности доказывать, что *не может быть возрастных перегруппировок 3-го рода, т.-е. полное исчезновение возрастной дифференциации населения или превращение всех его членов в одновозрастных*. Кроме самых узких и малых групп такое возрастное уравнение немыслимо. Возрастное расслоение было, есть и останется.

Семейные перегруппировки.

Население т. н. культурных стран, как мы видели, распадается на множество семейных коллективов, представляющих, с одной стороны, союз супругов, с другой—союз родителей и детей [1]). Оно как бы состоит из множества мелких кругов, изображающих отдельные семейные группы. Их перегруппировка может быть изучаема с весьма многих точек зрения и представляет проблему весьма сложную, хотя и весьма интересную. Здесь, однако, я ограничусь лишь немногими штрихами, характеризующими только некоторые стороны семейных перегруппировок. Прежде всего отмечу отличие семейных перегруппировок от предыдущих, основанных на чисто биологических различиях. Принадлежность к последним абсолютно не зависит от нашей воли и каждый индивид может принадлежать только к одной расе, хотя бы и гибридной, к одной возрастной группе и к одному полу. Нельзя одновременно быть и негром, и белым, стариком и младенцем, мужчиной и женщиной. Это раз. Во вторых, каждый из нас, помимо нашей воли, оказывается „абонентом" каждой из этих групп и не может „выключиться" из нее или всю жизнь или до истечения времени, превращающего юношу в старца, (но не обратно). Словом, перегруппировки здесь могут происходить лишь с изменением самого населения или его индивидов. Не то мы видим в области семейных коллективов. Во первых, здесь каждый индивид может принадлежать к числу абонентов не одной семьи, а нескольких. Как потомок определенной семьи он абонент семьи—производительницы. Как супруг, чрез жену (или жена чрез мужа) он связан с другой семьей—с семьей своего супруга. Как родитель, он часто является абонентом третьей семьи—своей семьи, отделившейся от семьи производительницы. Таким образом, индивид может быть одновременно „абонентом", по меньшей мере, трех различных семейных групп: 1) семьи—производительницы данного индивида, 2) семьи—производительницы его супруга, 3) его собственной семьи, состоящей из его супруга и детей. Далее, принадлежность каждого индивида к семье—производительнице не зависит от нашей воли: не от нас зависит, рождаемся ли мы Ивановыми или Петровыми. Но принадлежность к числу абонентов добавочных семейств—семьи супруга и своей собственной семьи,—зависит в значительной мере от нас. Индивид

[1]) Все нижесказанное относится только к моногамическим семьям.

может жениться, может и не жениться. След., может стать абонентом второй семьи—семьи его супруга, может и не стать им. Точно также, он может иметь собственную семью или не иметь ее. Мало того, ставши „абонентом“ таких добавочных семейств, он в известных границах может „выключить“ себя (напр., путем развода) из „абонентов“ этих добавочных семейств. Это значит, что семейная перегруппировка в известных пределах может совершаться без изменения физического состава индивидов. Последние, подобно столбам, могут оставаться теми же самыми, но сеть проволок, связывающих их с другими столбами, может меняться. При расовых, половых и возрастных перегруппировках меняются физически самые столбы; только изменяя их можно переменить и сеть проволок.

Ограничимся этими указаниями и перейдем к характеристике семейных перегруппировок. Для удобства рассмотрим их в таком порядке: 1) Посмотрим сначала, какая часть населения вступает в брак. Соответственные цифры могут служить показателями: а) числа членов, являющихся „абонентами“ добавочных семейств — семейств своих супругов, в) степени интенсивности процесса междусемейной диффузии или интенсивности обмена различных семейств своими членами и смешения междусемейной крови. 2) Обстоятельства, благоприятствующие и препятствующие этому междусемейному осмосу. 3) Интенсивность добровольного разрыва установленной браком междусемейной связи и ее движение во времени. Соответственные цифры являются показателями быстроты и интенсивности процесса „выключения“ индивидов из „абонентов“ добавочной семьи—семьи супруга и часто своей собственной семьи. Они вместе с тем могут служить показателями крепости и прочности связи, прикрепляющей супругов друг к другу, а след. и прочности самого семейного коллектива. 4) Рассмотрим далее величину и движение семейной рождаемости и плодовитости. Соответственные цифры дадут нам представление об: а) интенсивности производства людей семейными коллективами, как „фабриками“ производства человеков; в) количественном об'еме семейных групп вообще и в отдельных социальных слоях, в частности. Все эти данные с разных сторон характеризуют семейные перегруппировки 1-го типа. Последний пункт „4-й“ приводит нас к семейным перегруппировкам 2-го типа. Поэтому, 5) мы рассмотрим процессы исчезновения одних семейств и появления новых, в связи с причинами таких перегруппировок; 6) наконец, коснемся семейных перегруппировок 3-го типа.

Таковы же пункты, которые я конспектообразно затрону для характеристики семейных перегруппировок. Как сказано, они далеко не исчерпывают проблему последних; но здесь мы ограничимся ими, оставив полное рассмотрение семейных сдвигов до „Соц. Механики“.

Обратимся к первому вопросу. Статистика браков говорит нам, что „в общем и целом количество лиц, не состоящих в браке, колеблется между $^1/_2$ (немного более) и $^2/_3$ (немного менее), а доля лиц, состоящих или состоявших в браке, от полной $^1/_3$ до почти $^1/_2$

всего населения“ [1]). Если же взять мужское население свыше 18 лет, а женское—свыше 15 лет (в Европе и С. А. С. Штатах мужчины моложе 18 лет, а женщины моложе 15 лет редко вступают в брак), то пропорции холостых и незамужних, с одной стороны, состоящих в браке, с другой, таковы в главнейших государствах (в процентах) на 100 мужчин свыше 18 лет и 100 женщин свыше 15 лет.

Страны.	Год наблюдения.	Сост. в браке. мужч.	Сост. в браке. женщ.	Холостые. мужч.	Холостые. женщ.	Вдовые и разв. мужч.	Вдовые и разв. женщ.
Германия	1880	59.43	51.20	34.78	35.79	5.79	13.01
	1900	60.18	51.97	34.66	35 22	5.16	12.81
	1910	61.10	53.10	34.08	34.69	4.82	12.21
Австрия	1880	59.71	51.26	35.33	36.53	4.96	12.21
	1900	58.90	51.04	36.19	36.64	4.91	12.32
	1910	59.83	52.03	34.94	35.37	5.23	12.60
Бельгия	1846	49.81	44.59	43.78	44.78	6.40	10.63
	1880	52.63	47.49	40.28	41.38	7.10	11.13
	1900	55.53	49.46	38.15	39.43	6.32	11.11
	1910	58.76	52.45	35.21	36.87	6.03	10.68
Болгария	1900	74.11	68.74	19.79	20 47	6.11	10.79
	1905	73.86	69.77	20.10	19.98	6.04	10.25
Франция	1851	58.91	52.70	34.04	34.50	7.05	12.80
	1881	59.57	54.38	32.30	31.38	8.13	14.24
	1901	61.50	54.73	30.66	28.75	7.84	16.52
	1911	63.16	56.12	29.26	27.00	7.58	16.88
Англия с Уэльсом	1851	58.37	50.40	35.04	38.54	6.58	11.06
	1901	59.14	49.64	35.06	39.54	5.80	10.82
	1911	59.51	50.59	34.85	38.99	5.64	10.42
Ирландия	1881	48.14	40.74	45.23	44.79	6.63	14.47
Италия	1881	58.37	53.72	35.15	32.65	6.48	13.63
	1901	60.01	54.63	33.29	31.99	6.70	13.38
	1911	61.17	54.60	32.19	32.56	6.64	12.83
Норвегия	1855	56.22	47.54	38.25	41.56	5.53	10.89
	1875	56.61	46.97	37.04	41.69	6.34	11.34
	1900	58.45	46.99	34.81	41.41	6.74	11.60
	1910	58.35	46 38	34.84	42.05	6.81	11.58
Евр. Россия (без Финл.)	1897	71.62	62.48	22.26	24.10	6.12	13.42
Швеция	1880	57.20	47.06	36.84	41.15	5.97	11.78
	1900	55.68	46.82	37.65	41.24	6.67	11.94
	1910	54.69	46.36	38.75	42.07	6.56	11.57 [2])

Из этих данных следует: 1) что из всех индивидов мужского пола, старше 18 лет, женского — старше 15 лет, более половины лиц оказывается состоящими в браке, т. е. „абонируется“ в число членов других, добавочных семейств или циркулирует от семьи к семье. Иными словами, *процесс обмена различных семейных организмов своими „клеточками“ носит весьма интенсивный характер. Междусемейная инфильтрация и диффузия, подобно течению тихой речки, неслышно и незримо совершается непрерывно и дает*

[1]) *Майр.* Ibid. 142—143.

[2]) *Annuaire internat. de statistique.* 1916. 128—135. См. также *Magr:* Statist. u. Gesellschaftslehre. т. III. 1909. 48—49.

начало новым семейным потокам, возникающим от брачного соединения мужской и женской „клетки“ двух различных семейств. 2) Эти же данныя показывают что *интенсивность междусемейной диффузии (браков), хотя и неодинакова в разных странах и в одной стране в разное время, но колебания и различия относительно ничтожны.* (Крайние позиции занимают Россия и Болгария, с одной стороны — максимум брачности, Ирландия — с другой, минимум брачности). Поток междусемейного осмоса нигде не прекращает бить или даже не мелеет значительно, с другой стороны, нигде он не бьет исключительно интенсивно. Ровно его течение и в разные периоды времени. Колебания во времени еще меньше, чем в пространстве. Короче говоря, *процесс обмена семейных тел своими клетками имеет устойчивый и регулярный характер* [1]).

Теперь спросим себя: какие условия благоприятствуют вступлению в брак или междусемейной диффузии и какие условия препятствуют этому явлению? Иными словами, *между какими индивидами особенно легко может происходить брачное смешение и между какими оно происходит с большим трудом?*

Ответ на эти вопросы дает теорема Бенини, гласящая: „*индивиды, принадлежащие к сходным группам, предпочитаются для супружеской жизни, индивиды, принадлежащие к несходным группам, отталкиваются*“ [2]).

Брачная связь (ceteris paribus) легче возникает между лицами сходными: по расе, возрасту, языку, государству, религии, профессии, имущественному положению, месту оседлого жительства, партий, культурному уровню и т. д., чем между лицами, различными в этих отношениях. Если браки первого рода назовем *омогамными*, второго — *гетерогамными*, то можно сказать, что между омогамными лицами существует притяжение, гетерогамными — известное отталкивание. Чем в большем количестве отношений индивиды сходны, тем сильнее притяжение; чем в большем количестве отношений они различны, тем сильнее отталкивание. Сходство в одном отношении, напр., по религии, и вытекающее из него взаимное притяжение, может быть парализовано несходством в другом отношении, напр., по профессии, и вытекающим из него отталкиванием. Таковы общие положения по этому вопросу.

В виду отсутствия места, я не могу привести здесь ряда статистических данных, подтверждающих сказанное. Ограничусь этими положениями и отсылаю читателя к нижеуказанным работам, где он найдет цифровой и иной материал доказывающий правильность этих положений.

Брачное притяжение однорасовых лиц и отталкивание разнорасовых.

„Расовые различия до сих пор служат препятствием, если связаны с разной окраской кожи“ [3]). „Между белыми существует

---

[1]) См. цифры браков — абсолютные и относительные на 1000 жителей — в разные периоды времени в различных европейских и неевропейских странах в *Bulletin de l' Institut intern. de statistique*. т. XI. 104—105.

[2]) *Benini*: Principi di demografia. 1901. 129.

[3]) *М. Смит.* Op. cit. 120.

большее притяжение" (чем между белыми и членами иных рас) [1]. О том же говорят, как указано выше, и факты юридического запрета разнорасовых браков, имевшие место в прошлом (в кастовом строе, напр.), и существующие теперь в Америке и др. странах [2].

Брачное притяжение близких по возрасту лиц и отталкивание лиц, значительно различных по возрасту. Чем значительнее разница возрастов супругов, тем процент таких браков меньше, тем больше отталкивание, чем ближе их возрасты, тем процент таких браков больше, тем сильнее притяжение [3].

То же применимо и к *религии* брачущихся. Ceteris paribus однорелигиозные люди легче вступают в брак и дают больший процент религиозно-омогамных браков, разнорелигиозные — отталкиваются и дают меньший процент браков [4].

То же применимо к *профессиям*, хотя здесь весьма значительны колебания от профессии к профессии. F. Chessa в своем исследовании дает на этот счет такое положение: „профессиональная гомогамия в общем максимальна в профессиях интеллектуальных и в тех, которые не требуют никакой или требуют малой спецификации к работе; она умеренна в коммерческих и торговых профессиях и минимальна или ничтожна среди рентьеров" [5].

То же имеет место к сходству или различию брачущихся по языку и месту жительства. Лица одноязычные и из одной местности. (ceteris paribus), повидимому, обнаруживают большее брачное притяжение, разноязычные, или жители различных мест—меньшее. Такие выводы, по крайней мере, дает ряд исследований по этому вопросу [6].

То же, повидимому, приложимо к сходству и различию по имущественному положению, по об'емно-правовой принадлежности

---

[1]) *Savorgnan*: Il fattore confessionale nella scelta matrimoniale. Riv. it. soc. 1913. 153. *Его же*: Gli indici di omogamia delle razze e delle nazionalita, Studi econ.—giuridici della R. Univ. d. Cagliari. Anno III., p. III 1911. *Его же*: Verschmelzung der Rassen. Archiv f. Sozialwissenschaft. vol. XXXV. fasc. 3. *Benini*: Op. cit. 129 и сл., 148 и сл.

[2]) См. выше, стр. 97 и сл. См. *Schnapper-Arndt*: Sozialstatistik 1908. 477.

[3]) См. цифры у *Майра*: Стат. и обществов. II. 566—569. 210. Schnapper-Arndt: Ibid. 472—73. *Майо-Смит*. Ibid. 115. *March*: Les Statistiques des familles. Bul. int. stat. XVII. 211—212. Исключениями служат Индия и не европ. страны.

[4]) Этот факт в прошлом, отчасти и теперь, проявлялся в фактах юридического запрета браков с инаковерующими. См. цифры и факты у *Savorgnan*: Il. fattore confessionale. 153—182. *Schnapper-Arndt*: Op. cit. 479—480. 485—87. *Savorgnan*. Religione e nazionalita nella scelta matrimoniale. Riv, it. soc, 1910. 381—390. *M. Смит*. Ib. 120.

[5]) *F. Chessa*: La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino. 1912. 66—92.

[6]) *Savorgnon* Religione e nazionalita nella scelta matrimoniale. Passim. Табл. 389—390. *Benini*: Ib. 140 и сл. *Майр*. Ib. II. 575. *Майо-Смит*. 121—122, 321—322. Тут же следует отметить, что гомогамные браки между одноязычными колеблются у различных языковых групп. Так, по цензу Minneapolis'а выходит, что норвежцы и шведы женятся гл. обр. на одноязычных лицах, ирландцы и шотланды, в несравненно большей степени, женятся на лицах иных языковых групп. См. Jenks. Ethnic census in Minneapolis. 777—78

(браки сословий, каст, „высших“ и „низших“) по степени образования и т. д. [1]).

Отсюда следует, что члены различных семейств тем легче могут вступить в брачную связь, чем они более сходны между собой в указанных отношениях. Несходство в области этих последних служит преградой, мешающей возникновению брачной связи, смешению разносемейной крови и абонированию одних лиц в члены других семейств. Иными словами, поток междусемейного диффундирования интенсивнее совершается в берегах сходных в одном или в многих отношениях семейств и их членов, чем в берегах несходных семейств. Сходные семейные группы оказываются менее закрытыми для включения своих членов в число абонентов друг друга, чем несходные: члены семейств различных, как видно из сказанного, имеют меньшее брачное притяжение, след., такие семейства более закрыты взаимно, след., их „осмос“ совершается с большим трудом.

Перейдем к вопросу о прекращении браков. Прекращение брака означает „выключение“ одного из супругов из числа „абонентов“ данной семьи, как союза супругов. С этой точки зрения всякий брак имеет свой конец. Этот конец наступает или в силу смерти одного из супругов, или в силу развода и „отделения от стола и ложа“. Большинство браков прекращается в силу первой причины. Огромная часть лиц, вступивших в брак, остается в нем в течение всей своей жизни, не „выключаясь“ в качестве супруга из данной семьи и не переходя в качестве супруга в число „абонентов“ другой семьи. Их абонирование прекращается только смертью. Эти случаи прекращения браков для нас сейчас малоинтересны: в них не происходит перехода супруга из одной семьи в другую, а происходит переход его из жизни в царство смерти. Не будем, поэтому, останавливаться на этом явлении. Более интересны случаи прекращения браков путем развода и отлучения от стола и ложа. Они означают выключение индивидов из абонентов одной семьи и возвращение их или в первобытное состояние или включение их в число абонентов новой семьи. Вместе с тем цифры разводов и разлучений (ceteris paribus) служат показателями: а) степени закрытости семьи, ибо чем больше цифры разводов и разлучений, тем, значит, легче происходит выключение и выход из абонентов данной семьи, тем, след., семейная группа менее закрыта; в) степени прочности и крепости связи, прикрепляющей супругов друг к другу, а след., и степени прочности семьи, как союза супругов. Наряду с этим кривая разводов и разлучений служит симптомом, указывающим интенсивность семейных перегруппировок в смысле циркуляции индивидов—супругов от семьи к семье.

Статистика этих явлений показывает: что 1) кривая разводов и разлучений довольно резко колеблется отъ страны к стране и от сел к городам, 2) что она значительно колеблется во времени, 3) что последние десятилетия отмечены повышением этой кривой в большинстве культурных стран.

---

[1]) См. *Schnapper-Arndt*: 477—78.

Представление об этом дают следующие таблицы разводов и разлучений для 1895—1900 гг.

На 10,000 существующих браков приходилось разводов и разлучений:

Ирландия	0.1	Бельгия	7.2
Норвегия	1.	Дания	9.4
Англия с Уэльсом	1.1	Германия	9.8
Италия	1.5	Румыния	9.8
Австрия	3.1	Франция	12.9
Швеция	4.5	Швейцария	19.9
Венгрия	5.8	С.-А. Соед. Штаты	25.0
Сербия	6.3	Япония	104.1 [1])

Отсюда видно колебание кривой разводов и разлучений в пространстве. В пределах одной страны города дают гораздо больший процент их, чем села и деревни [2]).

Представление о росте кривой разводов и разлучений не только в абсолютных цифрах, но по сравнению с числом лиц, состоящих в браке и с числом заключенных браков, дает следующая таблица, в которой данные начального периода, 1871—75 гг., взяты за 100 [3]). (См. на след. странице).

В С.-А. С. Штатах кривая разводов с 1867 до 1906 гг. систематически повышалась с 27 разводов на 100,000 жителей в 1867 г. до 86 разводов в 1906 г. [4]).

Из этих данных видно указываемое повышение кривой разводов и разлучений в большинстве стран Европы и Америки [5]).

В более позднее время по отдельным странам это повышение кривой разводов еще резче. Так в Бельгии в 1905—1909 гг. ежегодный % разводов по отношению к числу браков, по сравнению с 1870 г. увеличился в 8 раз; в С.-А. С. Штатах с 1890 по 1905 гг. число разводов по отношению к числу браков возросло в 3 раза. По городам и промышленным центрам повышение кривой разводов идет гораздо быстрее, чем по селам. По данным Жакара, напр., в Бельгии относительный % разводов в городах с 100,000 населением в 10 раз выше, чем в коммунах с населением менее 5.000.

---

[1]) *Mayr*: Statistik u. Gesellschaftslehre. III. 1. 1909. 198. См. также *Bosco*: I divorzi e le separazioni personali dei conjugi. Roma. 1903. 33 и сл., 631 и сл., и passim. *Yvernès*: Essai d'une statistique intern. des divorces et des séparations de corps. Bull. inst. stat. XI. I. 44—58. Для более нового времени (1900—1910 гг.) цифры разведенных и разлученных мужчин и женщин в Европ. государствах даются в *Annuaire intern. de statistique* (1916) 40—103.

[2]) См. подробности в указанных работах. Детальные цифры относительно всех главнейших городов Европы (в том числе и России), даны в *Annuaire statistique des grandes villes européennes*. Budapest. 1913. 48—56.

[3]) *Mayr*: Ib. III. 207.

[4]) *Willcox*: Statistique des mariages et divorces aux Etats-Unis. Bul. int. st. XVIII. I. 312—13.

[5]) Резким исключением служит Япония, где число разводов с 1898—99 гг. к 1905 г. упало с 104.1 на 10,000 существующих браков до 71,1, хотя, как видим, цифра разводов еще очень высока. Подробности см. в указанных работах и в Annuaire (1916 г.).

То же наблюдается и в большинстве других городов, особенно тех, где быстро развивается промышленная жизнь [1].

Государства.	Разводы и разлучения.		Население, состоящее в браке.	Число заключенных браков.
	Разводы.	Разлучения.		
Италия (с 1871/75 к 1895/99)	—	Со 100 до 176	Со 100 до 109	Со 100 до 108
Австрия (с 1882/85 к 1896/1900)	Со 100 до 182	» 167	» 107	» 115
Венгрия (с 1876/80 к 1898/1901)	» 193	—	» 111	» 108
Румыния (с 1871/75 к 1896/1900)	» 335	—	?	» 141
Франция (с 1885 к 1896/1900)	» 193	» 102	» 105	» 104
Швейц. (с 1876/80 к 1896/1900)	» 105	—	» 128	» 120
Бельгия (с 1871/75 к 1895/99)	» 561	» 149	» 110	» 135
Нидерл. (с 1871/75 к 1895/99)	» 347	» 282	142	» 119
Герман. (с 1881/85 к 1896/1900)	» 158	—	» 104	» 129
Англия (с 1871/75 к 1896/1900)	» 204	» 94	» 125	» 127
Норвег. (с 1871/75 к 1889/93)	» 567	» 200	» 110	» 100
Швеция (с 1871/75 к 1895/99)	» 206	»	» 118	» 100
Россия (с 1871/75 к 1891/95)	» 127	—	?	» 115

Эти данныя говорят, что в населении указанных стран постоянно происходит процесс выключения части индивидов из абонентов одной семьи, что этот процесс за последние годы совершается более и более интенсивно, что, след., прочность и длитель-

[1]) См. *Annuaire Stat. des grandes villes*, где даны цифры погодично с 1901 по 1910 гг. 48 и сл. Там же см. сравнительный % браков, прекращаемый смертью супруга и разводами.

ность семьи, как союза супругов, становится более слабой и более короткой [1]).

Все же сказанное о браках—их заключении, величине и прекращении — говорит о том, что в любом населении постоянно совершается процесс семейных перегруппировок и циркуляции индивидов от семьи к семье. Большинство индивидов, выше 18—15 лет, включает себя, по крайней мере раз, в абоненты добавочных семей и дает начало новым семействам. Значительная часть из них остается всю жизнь абонентами одного и того же супружеского коллектива и выключается из него только смертью. Другие выходят из числа таких абонентов сами, разрывая супружескую связь и возвращаясь или в первобытное состояние или абонируясь снова в качестве члена в новый супружеский союз. Последние годы говорят об усилении темпа циркуляции последнего рода. В итоге вся картина семейных перегруппировок очерченного типа рисуется в форме множества семейных организмов, непрерывно меняющихся своими членами-клетками: эти последние, образовав супружескую группу, дают начало новым семейным группам. С течением времени супружеский коллектив распадается или в силу смерти „супружеской клетки", или в силу отделения ее от первого коллектива и вступления в связь с клеткой другого семейного коллектива. Так „блуждают" и „циркулируют" человеческие инфузории от семьи к семье; чрез их посредство непрерывно диффундируют между собой различные семейные коллективы. А в силу этого постоянно меняется и картина семейного расслоения. Одни семьи теряют свои имеющиеся клетки; другие их приобретают. Одни увеличиваются в об'еме (при данном числе живущих индивидов), другие — уменьшаются. Это значит, что в области семейного расслоения постоянно совершается перегруппировка 1-го и 2-го типа.

Тот же факт станет более ясным, если мы рассмотрим не только явления „включения" и „выключения" существующих индивидов из абонентов существующих семейств, но факты рождаемости и плодовитости, до сих пор не рассмотренные нами.

Из обычного наблюдения каждый знает, что плодовитость каждой семьи не одинакова. Эта неодинаковость говорит о том, что об'емы различных существующих семейств меняются: одни семьи растут в числе своих членов, другие—уменьшаются. След., в силу неодинаковой интенсивности производства людей отдельными семейными коллективами неизбежны перегруппировки семейных групп первого типа. Но рядом с этим массовое изучение семейств с этой точки зрения дает: 1) картину интенсивности производства людей вообще (ибо % детей внебрачных, т.-е. производимых вне легальной семьи до сих пор весьма невелик), 2) представление об изменении об'ема не той или иной отдельной семьи, а массы семейств вообще; 3) представление об интенсивности производства людей в семейных группах различных социальных слоев. А последнее приводит нас к вопросу о продолжительности жизни семейного потока.

[1]) См. об этом *Сорокин*: Кризис современной семьи. „Ежемес. журнал". 1916. № 2 и 3.

об исчезновении одних и появлении других семейств, т.-е. к семейным перегруппировкам 2-го типа.

Ограничимся здесь немногими положениями. Статистическое изучение рождаемости говорит, что 1) она колеблется въ пространстве—от страны к стране, от сел к городам, 2) что она колеблется во времени. Последние десятилетия отмечены тем, что почти во всех странах Европы и Америки интенсивность производства людей пала, след., семейные коллективы порождают как бы меньшее и меньшее число людей. Для иллюстрации приведу одну-две таблицы.

Года	Число рождений на 10,000 населения. Англия.	Франция.	Германия.
1881	339	249	370
1886	328	239	370
1891	314	226	370
1896	296	225	363
1901	285	220	357
1906	272	206	331
1910	251	197	298 [1])

Та же картина, вычисленная по пропорции живорожденных детей на 1000 жителей, изображается такими цифрами.

Число живорожденных детей на 1000 жителей пало:

в Англии и Уэльсе	в 1910 г.	по сравнению с	1871—75 г.	на—10,6%
» Шотландии . .	»	»	1861—65	» — 8,9
» Ирландии . . .	»	»	1871—75	» — 4,1
» Дании	»	»	1856—60	» — 5,4
» Норвегии . . .	»	»	1856—60	» — 7,4
» Швеции	»	»	»	» — 8,9
» Австрии	»	»	1871—75	» — 6,1
» Германии . . .	»	»	1876—80	» — 9,4
» Бельгии	1909	»	1871—75	» — 8,9
во Франции. . . .	1910	»	1861—65	» — 7,1
в Италии . . .	»	»	1881—85	» — 5,4
» Венгрии	»	»	»	» — 7,7
» Сербии	»	»	»	» — 8,0
» Румынии. . . .	»	»	»	» — 2,7 [2])

То же наблюдается и в Америке (Азиатские государства, в частности Япония, напротив не уменьшают, а увеличивают интенсивность производства людей) [3]).

Падение рождаемости означает рост семейств бездетных или же с меньшим числом детей—явление действительно констатируемое статистикой. А все это говорит о постепенном уменьшении об'ема семейств в этих странах вообще. Семейные коллективы по числу

---

[1]) *Туган-Барановский*: Теория народонаселения при свете новых фактов. Нов. идеи в экономике. Сб. № 2. 7—8.

[2]) *Nicolai*: Sur la fécondité des mariages et le nombre des enfants par famille. Ins. int. de statistique. XIV session. 1913. Rapports. № 19. 2. См. также Bul. inst. int. Stat. XVIII. II. 59—60. *Майр*: II. 251—2.

[3]) См. *Mayr*: Op. cit. III. 113—114. где даны цифры „атрофии рождаемости“ в Австралийских колониях.

членов становятся все более и более малочисленными за указанный период времени [1]).

Таким образом в области семейных перегруппировок мы наблюдаем не только процессы разбухания об'ема (числа членов) одних семейных групп и сокращения об'ема других, но рядомъ с этим за последние десятилетия, в связи с падением рождаемости, мы видим сокращение об'ема семейств вообще. Семейные коллективы в массе уменьшают число своих членов, становятся более и более мелкими: ростет число бездетных браков—(семейств из двух индивидов) и браков с 1, 2 детьми за счет семейств и браков с большим числом детей. Схематически это можно было бы изобразить кругами, изображающими семьи все более и более уменьшающимися в своем об'еме.

Такова любопытная тенденция, данная в области семейных перегруппировок. Она, однако, не во всех слоях проявляется одинаково. Она более резко выражена в городах, чем в селах. Богатые и аристократические семейства характеризуются более резким падением рождаемости, чем слои бедных и низших по социальному рангу семейств. Производство детей в первых значительно ниже, чем в последних. Поэтому сокращение об'ема таких семейств более значительно, чем семейств менее обеспеченных и „низших" слоёв населения [2]).

Констатировав факт перегруппировок 1 рода и общей перегруппировки семейств в сторону уменьшения своего об'ема, теперь коснемся дальнейшего вопроса: перегруппировок 2 рода. Даны ли они в области семейного расслоения? Происходит ли здесь процесс исчезновения одних семейных коллективов из ряда существующих и появление новых семейств? Ответ будет, конечно, положительным. Что новые семейства постоянно появляются в итоге брака двух индивидов (членов различных семейств—производителей) это ясно и это мы видели выше. Каждый брак потенциально является симптомом появления нового семейного коллектива в ряду существующих, ибо брак обычно влечет отделение брачущихся от произведших их семейств и установление ими новой семейной единицы. Но исчезают ли существующие семейные группы? Высыхает ли начисто поток жизни отдельной семьи не только в смысле смерти ее родоначальников, но и всех лиц, всех поколений, берущих от нее начало? Индивид не вечен: его жизни положен предел. Но не вечна ли семья, как производительница людей, в лице происходящих от нее и продолжающих ее поколений? Ответ на

[1]) См. цифры у *Майо-Смита*: Op. cit. 197—198. *Майр*: Ibid. II. 207—8. 211. III. 69—70. *Raseri*: Sur les variations du taux de natalité. Bul. ins. stat; XI. I. 154. *Fahlbeck*: La décadance et la chute des peuples. Bul. ins. stat. XV. II. 385. См. также Bul. inst. stat. XIX. I. 240 и сл. 263. 264.

[2]) См. соответственные теоремы Бертильона об обратной пропорциональности рождаемости с экономич. обезпеченностью, а равно цифры и анализ в ст. Bertillon: La natalité selon le degré d'aisance. Bul. inst. stat. XI. I. 163 и сл. March. Les statist. des familles. Bul. inst stat. XVII. 218—219. *Bertillon*. Statistique d. successions en France. Bul. stat. XVIII. II. 377—8. Y. *Stuart*: Natalité selon le dergée d'aisance. Bul. stat. XIII. 357—368. *Нитти*. Народонаселение и общ. строй, СПБ. 1898. 268—280 и особенно *C. Gini*: I fattori demografici dell' evoluzione delle nazioni. Torino. 1912. Passim.

этот вопрос будет отрицательным. Хотя подробного исследования на этот счет и нет, но то, что есть, и то, что мы можем наблюдать, говорит о том, что и семейные группы рано или поздно исчезают: одни через два—три поколения, другие через одно, третьи через 7—8 и больше поколений. Поток жизни, берущий начало от отдельной семьи, в конце концов, чрез большее или меньшее число поколений, или высыхает начисто, вследствие смерти всех лиц, происходящих от нее, или настолько растворяется в реке жизни, составляемой потоками множества семейств, что ни биологически, ни тем более социально, становится невозможным выделить его из этой общей реки. Он совершенно смешивается в общем море и прекращает свое бытие. Общая река жизни составляется из множества течений, представляющих ряды поколений различных семейств. В этой реке непрерывно возникают новые течения—новые семьи, и в то же время исчезают и расплываются в общей массе течения существовавших и существующих семейств. На место высыхающих потоков зарождаются новые, река жизни и производство людей продолжаются, но жизнь каждого семейного течения рано или поздно кончается. Бездетные семейства исчезают со смертью супругов. Другие живут несколько поколений, но в результате также исчезают.

Легко понять связь долговечности семьи с рождаемостью и смертностью. Ceteris paribus семьи с низкой рождаемостью имеют меньше шансов на долговечность, чем семьи с высокой рождаемостью. Богатые и аристократические слои населения, как мы видели, имеют меньшую рождаемость; след., семейные потоки жизни таких слоев имеют больше шансов на высыхание и вымирание, чем семейства бедных или неаристокритических классов. и тем больше, чем они замкнутее. Это значит, что семейные перегруппировки 2 рода, со стороны исчезновения семейных потоков жизни, здесь совершаются быстрее. Таков вывод. Значение его мы увидим ниже, при характеристике об'емно-правовых перегруппировок. А пока просто отметим его и не приводя доказательств, отошлем читателя к нижеуказанным работам, дающим статистический и исторический доказательный материал [1].

Поскольку падение рождаемости отмечается во всех слоях населения культурных стран, поскольку, далее, кривая разводов ростет, постольку дается основание для вывода, гласящего: семейные потоки жизни за последние десятилетия становятся короче; скорее и скорее происходит их растворение в общем море жизни; иными словами, междусемейная диффузия и перегруппировки 2-го рода принимают более интенсивный характер. Изолированность и закрытость семейных групп во времени и пространстве пони-

[1]) См. Gini: I fattori demografici dell evoluzione delle nazioni. Passim. *Fahldbeck*: Der Adel Schwedens und Finlands. Iena. 1903. *Его же*. La noblesse de Suée. Bul. inst. stat. XII. 1.169—181. *Его же*: La décadance et la chute des peuples. Bul. stat. XV. II. 367—389. *Vacher*: La longévité dans les familles. Bul. IX. II. 50—76. *Bouglé*: La démocratie... 80 и сл. *Вольтман*. Op. cit. 278 и сл. См. также указ. работы: *Колабинской*, *Парето*, *Лапужа*, *Аммона*, *Sensini* и др. См. ниже об'емно-правовые и классовые перегруппировки.

жается. Это значит, что строение населения становится в этой области менее закостенелым, более подвижным и эластичным.

Ограничимся сказанным в очерке семейных перегруппировок 1 и 2 рода.

Спросим себя теперь: даны ли в области семейного расслоения перегруппировки 3 рода, может ли наступить время, когда семейное расслоение вообще исчезнет и будет замещено каким либо иным? Что сейчас оно существует, ясно. Что оно не исчезнет в ближайшем будущем—бесспорно. Исчезнет ли оно вообще когда нибудь? Трудно пророчествовать. Но можно сказать, что для этого нужно: 1) чтобы исчезли длительные супружеские союзы и та тесная связь лиц, которая является их результатом и делает супругов особенно близкими и дорогими друг для друга, 2) исчезло производство детей в семьях или, по крайней мере, исчезла особая любовь и связь родителей к своим детям (и обратно); и превратилась бы в одинаковую любовь всех родителей ко всем детям,—и к своим, и чужим—безразлично. Без этих условий исчезновение семейного расслоения невозможно, возможно только изменение его формы. В современной ли или в иной форме (при т. н. пунулуальном или амбилиакском браке, при когнатическом и тотемическом родстве) это расслоение всегда существовало в мире людей и вело к различению „единокровных и родных" от чужих. Может быть в весьма отдаленном будущем это различение исчезнет, как исчезнут и исключительная любовь родителя к своим детям и супруга к супругу, но одно несомненно, что это состояние если когда—нибудь и наступит, то очень не скоро. Ближайшие столетия семейное расслоение едва ли упразднятъ [1]).

Государственные перегруппировки.

В отличие от предыдущих перегруппировок, совершающихся лишь путем полного или частичного изменения самого физического состава населения, государственные и все последующие перегруппировки могут происходить без изменения самого населения. Там, говоря образно, сеть проволок нельзя изменить без изменения столбов, между которыми они натянуты. Здесь же сеть проволок государственного расслоения можно менять как угодно, без изменения столбов. Принадлежность к государственному коллективу людей похожа на костюм, который можно снять и заменить костюмом другого государства. С точки зрения индивидуальной это означает, что одни и те же индивиды потенциально могут менять государственную принадлежность, могут быть выключаемы из абонентов одного государства и включаемы в число абонентов—подданных другого государственного коллектива.

Это дедуктивно заставляет предполагать, что государственные перегруппировки могут совершаться быстрее и легче, чем перегруппировки расовые, возрастные и половые. Первые более подвижны, могут совершаться резкими скачками, т. к. переменить

[1]) Об этом речь пойдет в „Соц. генетике".

костюм можно гораздо быстрее, чем переменить самого человека. Историческое и статистическое наблюдения подтверждают сказанное.

Что государственные перегруппировки 1-го рода, заключающиеся в разбухании об'ема одной государственной системы за счет об'ема другого государства, происходили и происходят, тому доказательством служит вся история государств. Представление о них даст следующая таблица, в которой разбухание об'ема одних государств и уменьшение об'ема других отмечаются не только в территориальном смысле, но и в смысле увеличения и уменьшения числа их абонентов—подданных. Эти цифры говорят об увеличении и уменьшении территории и абонентов различных государств не в силу только увеличения последних путем рождения и уменьшения их путем смертности, а в силу захвата определенным государством населения, бывшего до захвата абонентом другого государства. Колебания об'ема государств в этом отношении похожи на насильственное или добровольное выключение массы лиц из абонентов одной электрической компании и включение их в абоненты другой.

Государство	Год.	Географ. поверхность в квадр. килом.	Число населения
Европ. Россия (без Финл.)	1800		Около 35.000.000
	1830	3.883.000	40.000.000
	1860	5.120.500	62.000.000
	1900	5.103.800	112.000.000 [1]
Пруссия	1804	313.326	9.977.470
	1810	157.459	4.708.410
	1816	275.036	10,349.031
	1910	348.780	40.165.219 [2]
Европ. Турция	1800	544.000	9.500.000
	1830	544.090	9.500.000
	1860	525.800	15.500.000
	1900	167.300	5.900.000
Великобритания	1800	230.100	11.000.000
	1830	314.600	24.400.000
	1960	314.600	29.000.000
	1900	314.900	41.500.000
Франция	1800	540.400	33.100.000
	1830	530.300	32.500.000
	1860	542.900	37.400.000
	1900	536.400	38.000.000 [3]

Из этих данных [4]), притом обнимающих не полностью территорию и подданных надлежащих государств (колонии и их население совершенно не включено), видно это разбухание и сужение об'ема одних государств за счет других. Границы их довольно часто передвигаются. Разбухание или сжимание происходит резкими

---

[1]) *Levasseur et Bodio*: Stat. de la superficie et de la population. Bul. inst. stat. XII п.. 105—107.

[2]) Annuaire stat, 1916. 4.

[3]) *Levasseur et Bodio*: Ib. 105—6.

[4]) См. подробные данныя--погодичные—изменения территории и населения различных государств (к сожалению, однако, не обнимающие их внеевропейских владений и подданных), в *Annuaire statistique*. 1916. 4 и сл., в ук. ст. *Левассера и Бодио* и в ст. *Iuraschek'a*: Flächeninhalt und Bevölkerung Europas. Bul. in. stat. XIV. II. 17. 23—25 и passim.

скачками: от государства обычно отваливается или наоборот к нему приклеивается целый кусок населенной территории. Границы расслоения подвижны и легко изменчивы.

Рядом с такими внезапными изменениями числа абонентов и территориальной зоны государства происходит постоянный, хотя и более медленный процесс изменения числа подданных государства в силу натурализации иноземных подданных, или обратно, в силу перехода в другое подданство подданных данного государства. Хотя наше подданство зависит не от нас,—мы рождаемся, помимо нашей воли, подданными того или иного государства, однако, в современных условиях в ряде случаев имеется возможность переменить костюм госуд. подданства. Не везде это достигается с одинаковою легкостью; одни государства более закрыты, не легко принимают в число своих подданных бывших иногосударственников и не легко выключают своих подданных из числа своих абонентов; другие государства такое включение и выключение допускают легче [1]). Однако, в тех или иных размерах инфильтрация в абоненты и выход из абонентов государства (процессы отличные от территориального переезда из зоны одного государства в другое) совершаются. В истории постоянно происходит, то внезапное, то постепенное „переливание" индивидов из сосуда одного государства в сосуд другого. Одни уходят из абонентов его, другие приходят. Одни государства от этого полнеют, другие высыхают. Представление об этих постепенных переливаниях (без отпадения территории) дают цифры т. н. постоянной эмиграции (или иммиграции) в другое государство особенно из Европы в Америку, где перемена территории в громадном большинстве случаев означает и перемену подданства данного ли поколения или ближайшего. Так, с 1901 г. по 1908 г. из Италии эмигрировало и не возвратилось (фактически порвало с Италией навсегда 1.036.359 человек [2]). Конечно, не везде этот процесс изменения государственной принадлежности идет столь интенсивно, но в тех или иных размерах он совершается всюду [3]). Ежегодно не менее 100.000 эмигрируют из Европы в Америку навсегда и меняют свой „государственный костюм". Эти данныя говорят, что перегрупировки государственных коллективов 1-го типа имеют место, и в обоих формах—резких сдвигов и систематических пересачиваний—носят довольно интенсивный характер.

Даны ли здесь перегруппировки 2-го типа? Ответ дает вся история государств: все исчезнувшие государства, с одной стороны, возникавшие и возникающие новые государства, с другой. Ассирия,

---

[1]) См. на этот счет условия принятия в подданство и перемены подданства в законах соответственного государства.

[2]) *Chessa*: Il fenomeno dell'emigrazione in Italia. Riv. it. soc. 1913. 65 См. также *F. Colletti*: Dell'emigrazione italiana. 1912. Passim.

[3]) Приблизительные цифры дают данныя постоянной эмиграции. См. об них *Майо-Смит*: Op. cit. 333 и сл. *Майр:* Op. c. II. 155—6. 475 и сл., и особенно *Appunti statistici sulla emigrazione dall'Europa e sulla immigrazione in America e in Australia.* Bul. inst. intern. v. VII. II, 165—226. Приблизительное представление, с другой стороны, дает и число иностранцев, постоянно проживающих в данном государстве. См. цифры в *Annuaire stat.* 136—142.

Древний Египет, Древняя Спарта, Афины, Римское государство, и многие другие, были и исчезли. В 19 в. исчезли королевство Сардиния, Неаполитанское государство, герцогство Тосканское и др. На наших глазах развалилась Австрия. Рядом с этим возникали и возникают новые государства. На наших глазах образовались Чехо-Словакия, Польша, Эстония, Латвия, Грузия и многое множество других государств. Такими фактами полна история. Она говоритъ, какъ одни государственные сосуды разбивались вдребезги и теряли всех содержавшихся в них индивидов, как эти последние—сразу ли или постепенно—вливались в другой государственный сосуд, как одни государства пожирали другие, как, в свою очередь, были поглощаемы третьими. Одни из них жили очень недолго, другие жили в течение сотен лет. Словом, исчезновение и появление государств—процессы обычные в истории. Государственная карта земного шара весьма подвижна и изменчива („Вечность" государства существует только в мире юридических фикций и нет ее в мире реальном).

Теперь спрашивается: возможны ли в этой области перегруппировки 3-го типа, т. е. полное исчезновение государственного расслоения населения? Такое состояние может означать две вещи: либо поглощение всех государств одним мировым государством, либо полное замещение государственной группировки гетерогенной, негосударственной группировкой.

В первом случае все население земного шара оказалось бы абонентом одного мирового государства, что равносильно было бы исчезновению государственного расслоения. В прошлом история человечества такое состояние едва-ли знает, ибо политическая группировка в форме кумулятивных „тотемических", „родовых", „племенных" и т. п. групп была всегда. Возможно ли оно в будущем? Не будем гадать. Пока что история человечества на этот счет „плясала кадриль" с разными фигурами, но по существу на одном месте. Какой либо постоянной тенденции в ней мы почти не замечаем. Говорят, что существует историческая тенденция образования все более и более крупных государственных тел и исчезновения мелких государств. Увы! Она очень спорна. „Мировые державы" знала древняя история (Ассиро-Вавилония, Египет, Империя Александра Македонского, Рим), знали средние века, знает и новое время. Но „воз и поныне там". Число государств современной Европы немногим меньше числа их во времена Императорского Рима. Мировое единое государство и братское отношение подданных одних государств к подданным других пока что остается еще в области „чаемого и ожидаемого", а не настоящего. Станут ли они реальными фактами—трудно поручиться за это. Если и случится такая трансформация, то во времена весьма и весьма далекие.

Но не будет ли упразднена государственная группировка иным путем, путем уничтожения самого государства и замены его группировками иного рода, напр., религиозными, как мечтали многие теологи и цезаре-паписты, или синдикалистскими, как доказывают синдикалисты, или классовыми, как проповедуют многие теоретики социализма? Ответ будет зависеть от того содержания, которое мы вложили в понятие государства. К сожалению, у большинства таких

теоретиков мы не находим ясной мысли на этот счет, неопределенными поэтому становятся и их конструкции уничтожения государства и замены его чем-то иным. При характеристике государственной группировки мы видели, что сеть отношений, образующих собой систему государственного взаимодействия, может разбухать и включать в себя многие отношения, регулировавшиеся негосударственными коллективами; и обратно: она может „редеть“ в силу перехода многих отношений из системы госуд. взаимодействия в иные, напр., в профессиональные, религиозные и др. негосударственные коллективы. Если такой „исход“ примет чрезвычайно интенсивный характер и уменьшит число отношений, образующих государственную сеть взаимодействия, до нуля, тогда, очевидно, государство отомрет. Если такой процесс совершится всюду, это будет равносильным упразднению государственного расслоения. Функции государства тогда перейдут к иным коллективам.

Иными словами, в истории мы видим колебание об'ема государственных тел не только в отношении друг к другу (в отношении увеличения территории и подданных одного государства за счет территории и подданных другого государства), но и в отношении к негосударственным коллективам: то государство отнимает от них ряд функций и разбухает за их счет, принимая на себя регулировку многих отношений, регулировавшихся ими, то, наоборот, они отнимают от государства ряд функций и отношений и берут их в свое ведение. Мы видели также, что подобные колебания имели временами весьма широкую амплитуду: иногда государство поглощало чуть не все негосударственные коллективы и регулировало всю жизнь населения (Древний Египет, Перу, Полицейско-абсолютистское государство, Р. С. Ф. С. Р. нашего времени), иногда, наоборот, оно теряло большинство своих функций и превращалось в рабочий орган, в „филиальное отделение“ негосударственных коллективов, напр., католической церкви в средние века. Такое колебание не исключает возможности в будущем, в противоположность данному времени „гипертрофии государства“, его „атрофии“ в пользу негосударственных коллективов. Мы даже можем допустить (хотя это маловероятно), что такая атрофия государства будет полной. Что это будет означать? Формально,—полное исчезновение государственного расслоения. Фактически — „огосударствление“ негосударственных коллективов, будут ли ими церковь или партия, синдикат, или сословие, класс или национальность. Изменение будет состоять главным образом в перемене вывески: вместо „огосударствленного синдиката“, как сейчас обстоит дело у нас, будет „осиндицированное государство“, вместо „огосударствленной церкви“ будет „церковное государство“—теократия и .. только. Кой-что это изменит, но не столь многое. Вдобавок, такая смерть государства не будет по существу чем то новым. Только количественно она будет отличаться от эпох поглощения государства иными коллективами,—эпох, не раз имевших место в истории. Вероятнее, однако, другое—продолжение „исторической кадрили“ на месте; не полное отмирание всех государств, а качание истории то в сторону разбухания государства за счет других негосударственных коллективов, без пол-

ного поглощения последних, то в сторону обратную, без полной атрофии государства. Нам это может казаться скучным. Мы везде ищем постоянных линий развития и при том приятных нам; но „история с своим мормонизмом (после одних родов) может начать новую беременность. E sempre bene, господа!“ [1]) Так, по крайней мере, было до сих пор.

Языковые перегруппировки.

Язык, подобно государственной принадлежности, не передается путем биологической наследственности. Он составляет „костюм“, который можно отделить от физического индивида и заменить другим. Однако, в общем и целом это признак важный, довольно устойчивый, передающийся путем традиции от поколения к поколению. Молодое поколение в качестве родного языка будет иметь тот, на котором говорит окружавшая и окружающая его человеческая среда. Этим об'ясняется сравнительная закрытость и устойчивость языковой группы. За исключением случаев перемены индивидом языковой среды языковое расслоение человечества меняется сравнительно медленно и постепенно. В течение одного, двух, трех десятков лет языковый состав населения изменяется мало (кроме случаев массовой эмиграции и иммиграции какой либо языковой группы). Представление об этом дают следующие цифровые иллюстрации языковых изменений населения за 10 лет в ряде стран. Колебания есть, но они ничтожны.

Страна.	Языковый состав населения. Языковые группы	в 1900	и 1910 г. (в %).
Австрия	немецкий	35.07	34.83
	богемо-мораво-слав.	22.78	22.52
	польский	16.26	17.38
	маджнарский	0.04	0.04
Бельгия	французский	38.47	38.17
	фламанд.	42.16	43.38
	немецкий	0.42	0.42
Швейцария	немец.	69.76	69.12
	франц.	22.05	21.14
	итальян.	6.67	8.06 [2])

Было бы, однако, ошибкой заключать отсюда о неизменяемости языкового расслоения населения. Несмотря на сравнительную устойчивость оно все же меняется, а иногда при благоприятных условиях меняется довольно быстро. Это вытекает из возможности перемены „языкового костюма“, из возможности для одного и того же индивида изучить иной язык, говорить и мыслить на нем. Для этого нужно только время и соответственная языковая среда. Правда, для взрослого человека не всегда легко в совершенстве овладеть

[1]) *Герцен:* Былое и думы. Сочинения. Т. III. СПБ. 1905. 100. Подробно речь об этом пойдет в „Социальной генетике“.

[2]) *Annuaire stat.* 143—145. См. там же детальные цифры относительно языкового состава главн. стран Европы.

чужим языком, но все же возможно. В молодом же возрасте ассимиляция чужого языка совершается легко и интенсивно. Подтверждением тому служат массовые явления ассимиляции английского языка иммигрантами. Дети иммигрантов—не англичан, родившиеся вне Америки, но выросшие в Америке, т. е. в среде английской языковой группы, забывают язык предков и родным языком начинают считать английский язык [1]). В большей или в меньшей степени это применимо ко всем языкам. Отсюда дедуктивно можно предположить, что в области языкового расслоения даны перегруппировки 1-го и 2-го рода. История языковых групп говорит нам, что с ходом времени территориальная зона и число абонентов одного языка растет, другого падает, в одну языковую группу вливаются индивиды, из другой—выливаются. Потомки лиц, говоривших на одном языке, начинают говорить и пользоваться другим языком. Мало по малу последний делается для них не только „разговорным", но и „родным" средством звукового общения. В некоторых случаях такая языковая перегруппировка совершается весьма быстро, в течение жизни одного поколения, (напр., в Америке), иногда для нее требуется больше времени. Но с той или иной быстротой процессы разбухания об'ема одной языковой группы и сжимания об'ема другой—происходили и происходят в истории. Современная зона распространения английского языка несравненно шире, чем она была несколько веков тому назад. Выросла по сравнению с эпохой Ивана Калиты—и территориально, и по числу своих абонентов—(не только абсолютному, но и относительному), и зона распространения русского языка. Многие группы, раньше говорившие на иных языках, англизировались или руссифицировались. Ряд языков, напротив, уменьшился в своем об'еме: территориальном и по числу своих абонентов. Уменьшились не по тому, что физически уменьшилось число индивидов, происходящих от членов таких языковых групп, а потому, что они „надели другой языковый костюм", а вместе с ним весьма часто и другую культуру. „Целые народы оставляют один язык и усвоивают другой так же, как надевают и снимают платье" [2]). В силу такой перемены „костюма" языково-культурная физиономия такой группы изменилась, она перестала быть тем, чем была: перестала быть продолжением и развитием своей первоначальной группы.

Рядом с такими перегруппировками мы видим здесь и перегруппировки 2-го рода: исчезновение одних языковых групп и появление новых, часто без физического исчезновения индивидов или их потомков, а в силу вытеснения одного языка другим. Примером могут служить судьбы санскритского или ассиро-вавилонского, или латинского, или древне-египетского, или древне-греческого, или древне-еврейского языков. Когда то на них говорили огромные массы людей, теперь они достояние ученых лингвистов и филоло-

[1]) The rapidity with which our spoken language is learned by immigrants is the most striking fact of American social life, говорит Jenks, как и другие исследователи этого вопроса. *Jenks*. Assimilation in the Philippines. Am. j. soc. 19. 775.

[2]) *Ратцель*: Op. cit. I, 30.

тов, да небольшой группы лиц, почему либо сохранивших его. Потомки лиц, говоривших когда то на санскрите, латыни или древне-еврейском языке, теперь говорят на иных языках, и многие из них едва ли даже знают язык, на котором говорили их предки. Сколько языков, в особенности множества исчезнувших и исчезающих. примитивных групп, погибло абсолютно и навсегда! [1]) Рядом с такими фактами происходили и происходят процессы зарождения, роста и распространения новых языков, путем ли постепенной дифференцпации от какого либо „прародительского“ языка или путем. смешения двух и большего числа языков, пример чего дается английским языком. Какими причинами вызываются такие процессы, от каких условий зависят интенсивность и быстрота их—не будем касаться здесь. Ограничимся просто констатированием факта.

Спрашивается: даны ли здесь перегруппировки 3-го рода? Пока что расслоение по языку (и по культуре) было и остается в истории. Оно может исчезнуть только тогда, когда все будут говорить на одном языке. Несмотря на рост территориальных перегруппировок, влекущий повышение интенсивности смешения языков (см. ниже), все же мы очень далеки от такого состояния. Едва ли значительно приблизят его такие искусственные, по существу мертвые языки, как эсперанто. Они были и останутся языком их творцов, да небольшой группы „любителей“. Если мировое господство и суждено какому либо языку, то одному из „естественных“ языков, а не кабинетно сочиненному.

Другой вопрос—колебание социального значения и исторического влияния языковой группировки в среде иных, гетерогенных группировок. Как мы видели—это явление исторически изменчивое. В одни эпохи языковая группировка не проявляет могучего давления на ход истории и на судьбу других неязыковых коллективов. В такие эпохи историческая сцена занята неязыковыми актерами; на ней действуют государственные, религиозные, имущественные и др. коллективы. Они служат центрами сил, поворачивающих колесо истории. На ряду с ними мы видим эпохи, где языковая группировка выступает на первый план и становится могучим центром сил, опрокидывающим другие неязыковые группировки и играющим главную роль в исторической траги—комедии человечества. Примером таких эпох, как указано выше, служат 19 и 20 в.в., стоящие под знаком давления языковых групп, „национальных движений“, разбивавших и создававших государства, путавших и путающих выкладки апологетов профессионального, имущественного и классового расслоения. Эти факты говорят о том, что об'ем влияния языковых групп—исторически колеблющаяся величина. То они поглощаются и оттесняются на второй план другими группировками, то оттесняют их в свою очередь. Чем вызывается такое колебание—не будем анализировать [2]). Ограничимся простым констатированием этого факта. А он несомненен.

[1]) См. факты у *Ратцеля*: Ib. 31 и сл.
[2]) Речь об этом пойдет в „Соц. механике“.

Профессиональные перегруппировки.

Полный и детальный очерк профессиональных перегруппировок весьма труден и весьма сложен. Как и в предыдущем я ограничусь здесь самыми основными штрихами. При характеристике профессиональной группировки я не дал классификации профессий как постоянных и длящихся занятий индивида, дающих ему средства к существованию.

Коснусь кратко этого вопроса здесь. Для определения профессионального положения лица существенно важны два пункта: 1) характер самого профессионального занятия (напр. врачебная деятельность, обработка земли, добывание металлов, та или иная переработка сырого материала,—составляющая в своей совокупности одну из функций, образующих текстильную, металлургическую и др. виды индустриальной деятельности и т. д.), 2) степень хозяйственной автономности данного лица, определяющая его положение: или а) как экономически—самостоятельного лица, работающего за свой счет (крупные предприниматели и мелкие самостоятельные хозяева, patrons), или в) как высшего служащего (employes), или с) как наемного рабочего, подобно высшим служащим продающего свой труд и живущего заработной платой, но и характером занятий, и величиной заработной платы, и психикой отличающегося от первых.

С точки зрения второго пункта все профессионально занятые лица могут быть размещены в эти три группы, при чем первую из них можно, а иногда и нужно, разбить на две подгруппы: на предпринимателей в узком смысле, пользующихся наемным трудом других лиц, и на самостоятельных хозяев, экономически автономных, но не пользующихся наемными рабочими; иными словами, выполняющих профессиональные функции своими силами или силами своей семьи (напр. „трудовые крестьяне“, мелкие самостоятельные ремесленники или хозяева мелких мастерских, обходящиеся без наемных рабочих, мелкие торговцы и т. д.).

Что касается классификации самих профессиональных занятий, то детальная классификация их чрезвычайно громоздка и многочленна. Она должна была бы состоять из 10.000 названий различных форм профессиональной работы, ибо, по вычислению Бюхера, число всех видов, подвидов и дальнейших подразделений профессиональной деятельности сейчас не менее 10,000 [1]). Само собой разумеется, для нашей цели такая детальная классификация излишня. Как показывает наблюдение, основные линии притяжения однопрофессиональных и отталкивания разнопрофессиональных лиц идут не по этим детальным различиям или сходствам профессий, а по основным, главнейшим отличительным признакам профессий, плюс—по признакам указанного хозяйственного положения (автономности) лица в данной профессиональной деятельности. Поэтому мы можем принять основные подразделения той номен-

---

[1]) *Бюхер*: Цит. раб. II, 100.

клатуры профессий, которая была предложена рядом статистиков, в частности, Жаком Бертильоном, и сейчас служит моделью международной профессиональной статистики [1]).

Общую картину основных производственно-профессиональных групп в современной Европе и Америке дает следующая таблица числа лиц, занятых в каждой из означенных профессий.

Страны.	Всего.	%	Земледелие и др. занятия, связанные с поверхностью земли.	%	Индустрия и горное дело.	%	Торговля.	%	Публич. общ. своб. и др. професcіи	%
Англия . .	18.275356	100		12.4		57.5		12.1		19.8
Австрия . .	14.107452	„		58.2		22.3		7.3		12.2
Бельгия . .	3.300148	„		21.1		41.6		11.7		25.6
Дания . . .	1.106539	„		48.0		24.9		11.8		15.3
Швейцария	1.305650	„		37.4		40.7		10.7		11.2
Франция . .	18.993779	„		44.3		33.6		9.4		12.7
Германия .	22.110191	„		37.5		37.4		10.6		14.5
Италия . .	16.272526	„		59.4		24.5		7.4		8.7
Норвегия .	775472	„		49.6		22.9		11.7		15.8
Голландия .	1.930707	„		30.7		33.7		17.2		18.4
Сербия . .	515541	„		66.2		12.7		8.8		12.3
Соед. Штаты	29.285922	„		35.9		24.1		16.3		23.7
Швеция . .	1.974000	„		49.8		20.9		7.5		21.8
Венгрия . .	8.830995	„		68.6		13.4		4.1		13.9
Россия (с Сибирью и Кавказом, Польшей и Туркест., без Финляндии) . .		100		74.6	с транспортом	11.2		3.8		10.4[2])

Эта суммарная таблица показывает: 1) относительную величину указанных производственно-профессиональных групп в каждой стране, 2) несходство профессионального расслоения населения раз-

[1]) См. *Bertillon*: Projet de nomenclature des professions. Bul. ins. stat. VIII. I. 240 и сл. *Yan der Borgh*: Plan und Organisation d. deuts.—Berufs-—und Betriebszählung von 1907. Bul. stat. XVIII. 293 и сл.

[2]) *Creanga*. Die Statistik Grundbesitzverteilung in der verschied. Ländern. Bul. stat. XVII. 155. *Solotareff*: Les classes sociales en Russie. Bul. stat. XVIII. I. 504.

ных стран, 3) наиболее многочисленные профессионально-производственные группы в каждом государстве, в частности.

Теперь перейдем к суммарной характеристике профессиональных перегруппировок.

Профессия, как и другие социально-психические признаки индивида, не передается путем биологической наследственности. Она представляет костюм, который можно одеть, снять и переменить. Однако, потенциальная возможность свободной перемены профессионального костюма встречает ряд затруднений социального характера. Эти затруднения иногда, как, напр., в кастовом строе, бывают столь значительны, что фактически делают профессиональную группу закрытой и даже наследственно-закрытой; человек и его потомки здесь прикреплены к профессии, сын кузнеца обязательно делается кузнецом, и должен быть им всю жизнь, ту же профессию должны выполнять дети, внуки и правнуки последнего. Каждая каста имеет свою профессию. Переход из касты в касту невозможен; невозможна и перемена профессии. В современном населении профессиональная группа более открыта. Здесь юридически индивиды не прикреплены к профессии. Поэтому здесь происходит циркуляция индивидов от одной профессии к другой. Однако, и здесь эта циркуляция далека от полной свободы и совершается не легко. Сколько имеется лиц, которым опротивела их профессия, но сбросить ее они не могут! Сколько лиц стремятся занять „почетные" и „выгодные" профессии и, увы! из многих званных весьма мало оказывается избранных! Больше того. Как показывают исследования *Chessa*, Woods'a и др., и теперь в ряде профессий существует социальная наследственность. „Теоретически, говорит Майр, человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее, сын земледельца обыкновенно становится то же земледельцем, сын промышленника—промышленником" [1]).

Специальная монография F. Chessa по этому вопросу привела его к следующим выводам: 1) наследственность профессии весьма значительно колеблется во времени и пространстве; 2) она различна в различных профессиях: максимальна в тех профессиях, которые требуют большой технической опытности и капитала, а также в тех, где имеется корпоративный дух и гарантии продолжительности и непрерывности занятий; 3) новые экономические и социальные условия уменьшают наследственность профессий [2]). Близкие выводы дает и Preussiche Statistik.

От юристов, богословов, медиков, филологов происходят:

юристов . . .	55.11%	7,38	16,51	20,18
духовных . .	14.13	48,66	21.46	15.73
врачей . . .	27.06	4.38	50.00	18.50
учителей . .	31.63	10.30	22.09	33.25

Переход занятия от отца к сыну, согласно этой таблице, всего

[1]) *Майр*: Закономерность в обществ. жизни. М. 1899. 232.

[2]) *Chessa*. La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino. 1912, гл. II.

чаще наблюдается у юристов, затем у медиков, духовных, менее всего—у учителей [1]).

Анкета, произведенная Woods'ом, дает некоторый материал и о суб'ективных желаниях детей относительно их будущей профессии. Итог этой анкеты, произведенной среди 990 американских школьников, таков. „Имеется очевидная и значительная тенденция предпочитать в общем те же профессиональные занятия, которые выполняет их родитель. Три пятых детей лиц свободных и административных профессий (professional) желают иметь те же профессии; $^1/_4$ детей купцов и торговцев желают стать торговцами, две пятых детей ремесленников хотят быть ремесленниками. Еще более ясна тенденция предпочтения хорошо оплачиваемых или интеллектуальных профессий, и тенденция нежелания иметь профессию ручной, физической работы (manual). Так, 35 % купеческих детей желают быть членами свободных и чиновничьих профессий; 37 % детей мелких торговцев хотят быть или торговцами или членами своб. профессий; 49 % детей духовенства хотят быть или купцами или представителями свободных профессий, 46 % детей ремесленников—то же, и 76 % детей чернорабочих хотят быть или ремесленниками, или иметь интеллектуальную (не ручную) работу" [2]). По вычислениям Лурье среди германскаго пролетариата (без высших служащих) „потомственные и почетные пролетарии составляли до войны 35 % всего пролетариата, к 1 сент. 1916 г.—26 %. Остальная масса пролетариев или не была потомственной или не оставалась в его рядах пожизненно [3]).

Из этих данных мы видим, что профессиональные группы до сих пор остаются в значительной мере наследственными. Но они же говорят нам и о том, что циркуляция индивидов от профессиональной группы к другой, „выключение" и „включение" из состава их абонентов или перегруппировки профессиональные сейчас имеют место.

Обратимся к перегруппировкам 1-го рода. С ходом времени одни профессиональные группы „полнеют", увеличиваются—абсолютно и относительно—в числе своих членов, другие—уменьшаются худеют. Индивиды „переливаются" из одной профессии в другую. Примером может служить уменьшение лиц, занятых в земледелии во Франции, и увеличение лиц, занятых индустриальной деятельностью.

Пропорция первых на 100 жителей была в

1851 г.	1856.	1861.	1866.	1876.	1881.	1886	и в начале 20 в.
56.9	52.9	53.2	51.5	53.0	50.0	47.8	44.3.

Пропорция лиц, занятых в индустрии была

	29.1	27.4	28.8	25.9	25.6	25.2	33.6 [4]).

---

[1]) *Вольтманн*: Op. c. 226.

[2]) *E. Woods*: The social waste of unguided personal ability. Am. j. soc. т. 19. 365-66.

[3]) *М. Лурье (Ларин)*. Состав пролетариата. 28-29. 16-15.

[4]) *Levasser*: La démographie française comparée. Bul. stat. III. III. 47.

Эти цифры указывают колебания об'ема существующих профессиональных групп. Земледельческая часть населения постепенно уменьшается; индустриальная растет, хотя и с колебаниями. Если взять более детальные подразделения профессиональных групп, то эти перегруппировки, в ряде случаев, примут более резкий характер. Уменьшение и увеличение об'емов профессий в разных группах идет разным темпом. Это видно из следующей таблицы, указывающей увеличение в % числа лиц, занятых в индустрии в Пруссии с 1895 по 1907. В 1907 число лиц, занятых в текстильной промышленности увеличилось на 0,8 % числа лиц, занятых в ней в 1895 г.

в обработке пищевых веществ на 20,5.
„ обработке камня и глины „ 42.0.
„ горном деле „ 60.6.
„ приготовлении машин и инструментов 99.1 [1]).

Эти цифры иллюстрируют различную степень интенсивности „вливания“ индивидов в ту или иную профессиональную группу. То же применимо и к случаю выливания их из „худеющих“ профессинальных групп.

Если взять основные профессиональные группы, то разбухание и худение их, кроме исключительных условий [2]), совершается постепенно и относительно медленно. Ни одна из них не „лопается“ сразу и не „надувается“ моментально на громадную величину. В отличие от государственных перегруппировок, где часто в несколько месяцев от государства отпадает огромный населенный кусок территории, с сотнями тысяч населения, основные профессиональные группы полнеют и худеют исподволь. Их пограничные линии выпячиваются или вдавливаются постепенно. Поэтому здесь, в применении к основным группам, карта профессионального расслоения не дает таких эффектов, чтобы в короткий срок исчезло одно из основных „профессиональных государств“. Карта государственной перегруппировки, как мы знаем, такие „провалы“ государств знает.

Такое равновесие профессионального расслоения обязано своим существованием не всегда медленности циркуляции индивидов от одной профессиональной группы в другую; часто оно вызывается равновесием отлива и прилива их из каждой группы. Профессиональное расслоение может оставаться неизменным не только тогда, когда профессиональные группы замкнуты и нет эндосмоса между ними, но и тогда, когда эндосмос очень интенсивен, но непрерывная убыль одних членов группы непрерывно пополняется притоком новых членов из другой. При интенсивнейшей перегонке

---

[1]) *Туган-Барановский*: Основы. 709.

[2]) В роде современных, вызвавших в России резкое уменьшение индустриальных групп, увеличение земледельческих и настоящую гипертрофическую водянку государственных агентов-людей 1-го и 15 числа, „советских служащих“, этих „работяг-словотеков“, в огромном большинстве совершенно бесполезных со своими „входящими и исходящими“.

индивидов изъ одной профессиональной группы в другую, если прибыль и убыль каждой группы будут равны,—профессиональная архитектоника населения может оставаться неизменной. Если разница между убылью и притоком будет незначительна, разбухание одних и худение других групп примет характер медленного, постепенного процесса. Относительная медленность профессиональных перегруппировок 1-го рода в ряде основных професс. групп об'ясняется именно такими условиями. Исследование ряда профессиональных групп показывает, что состав их членов довольно быстро обновляется: одни индивиды уходят из их „абонентовъ", а место их занимают новые пришельцы. Так как приток и отлив не очень резко отличаются друг от друга, то разбухание или худение таких групп носит характер постепенности. В итоге форма профессионального расслоения населения оказывается малоизменяющейся, несмотря на интенсивность циркуляции индивидов между профессиональными группами. Примером сказанного может служить профессиональная группа рабочих в Германии. Данные 1911, 1913 г.г. говорят, что „ежегодно вливается в пролетариат заново около одиннадцатой части всего его состава (9,26%,) при чем 1.281 тыс. человек идет на пополнение годовой убыли, а 426 тыс. на рост. Сама же убыль только на четверть причиняется смертностью и инвалидностью (200 т. муж. и 96 тыс. жен.) а на три четверти (505 тыс. муж. и 480 тыс. жен.) вызываются другими причинами: замужеством и продвижением на высшие социальные ступени и солдатчиной. Если бы пролетариат не рос... то весь состав его обновлялся бы заново каждые 15 лет" [1]). Сказанное иллюстрирует наличность и возможность в професс. группах интенсивного и непрерывного осмоса индивидов или изменения их „содержания" при устойчивости „формы" профессионального строения населения. Аналогичное мы увидим и в ряде других группировок. Таковы формы профессиональных перегруппировок 1-го рода.

Перейдем к профессиональным перегруппировкам второго рода. Бывают ли они здесь? Бывает ли так, что отлив из одной профессиональной группы принимает такие размеры, что отливают все ее члены и группа исчезает? Рядом с этим, появляются ли здесь новые профессиональные группы? Иначе, меняется ли карта профессионального расслоения по существу, так, чтобы одни проф. группы начисто исчезали и появлялись новые, не существовавшие раньше? Повидимому, да. Это несомненно в применении к детальным профессиональным расслоениям. Рост технического разделения труда—свидетельство появления и роста новых видовых и подвидовых профессиональных групп. Число способов професс. деятельности сейчас достигает до 10.000. И оно все ростет. С 1882 по 1895 г. число новых профессий увеличилось более, чем на 4.000 [2]). По Petrenz'у в Лейпциге с 1830 до 1860 г. было 25 основных форм

---

[1]) *Лурье*: Op. cit. 5—6.
[2]) *Бюхер*: Возн. н. хоз. II. 100.

професс. деятельности и 68—подвидов; с 1860 до 1890 число их возросло соотв. до 42 и 172 [1]).

Несколько столетий тому назад большинство из этих 10,000 профессий, а след., и соответственных профессиональных групп не существовало. То же применимо (хотя и в меньшей степени) к исчезновению ряда мелких професс. подразделений, если брать их во всей их конкретной форме (напр., авгуров, шаманов, весталок, добывателей огня путем трения, выделывателей ручных каменных топоров и т. д.) Но если брать их по существу, игнорируя конкретные детали, то, пожалуй, исчезновения профессий нет, а есть только их конкретная трансформация. Профессии жрецов, монахинь, хиромантов и гадателей, знахарей и колдунов, выделывателей религиозных реликвий и талисманов, оружия и орудий и т. д.,—были и существуют до сих пор; меняются только их внешние формы и об'ем. Что сказано о мелких профессиональных подразделениях, то же применимо и к крупным. Основные профессиональные группы, бывшие в древности, не исчезли, но только трансформировались. Вместе с этим появились новые виды профессий, неизвестные древности. Короче, профессиональные перегруппировки 2-го рода даны, но только в односторонней форме: в форме появления все новых и новых профессиональных групп, без исчезновения бывших. Последние в видоизмененной и расчлененной форме в общем и целом продолжают существовать. Иной вывод мы получим только тогда, когда будем учитывать не весь земной шар, а определенную ограниченную его часть. В населении определенной территории могут исчезнуть и исчезают определенные профессии и соответственные профессиональные группы. Карта профессионального расслоения населения отдельных местностей меняется в смысле перегруппировок 2-го рода. С ростом специализации занятий такой процесс в ряде мест принимает довольно резкий характер. Ряд стран, бывших раньше земледельческими, стал почти исключительно индустриальным (напр., Англия). В ряде городов, напр., в Трои, в Гловерсвиле, и в др. (см. выше, стр. 262.) многие виды промышленности исчезли, исчезают и вытесняются постепенно производством воротников или перчаток и т. д. С этой точки зрения карта профессионального расслоения населения отдельных мест представляет явление динамическое; с ходом времени на ней непрерывно меняются не только пограничные линии существующих професс. групп, не только индивиды „перегоняются" из одной профессион. группы в другую, но меняются само число и характер последних: одни исчезают, другие появляются. Таково положение профессиональных перегруппировок 2-го рода.

Что касается, наконец, професс. перегруппировок 3-го рода, то, очевидно, они не имели места в прошлом, не существуют теперь и не могут совершаться в будущем. Исчезновение профессионального или технического разделения труда (в отличие от

---

[1]) *Bouglè*: Revue généraledes théories récentes sur la division du travail. L'année soc. т. 6. 86.

общественного разделения труда), немыслимо. Оно означало бы вытеснение всех профессий какой-либо одной, т. е., превращение всех людей в лиц одной профессии. Ясно, что пока население живет,—этого быть не может, ибо у него существует ряд различных потребностей, требующих ряда различных работ. Если бы все стали земледельцами или рабочими текстильной промышленности, или священниками, то все остальные потребности не были бы удовлетворены, и население не могло бы существовать. И история говорит нам, что техническое разделение труда не только не исчезает, но все более и более растет. Другое дело—прикрепленность индивида к каждой профессии и возможность перекочевывать из одной профессиональной группы в другую. Прикрепленность человека к своему занятию может падать, перемена профессии или переливанье индивидов из одной профессии в другую может расти. То и другое действительно имеют место. Чем развитее страна, тем интенсивнее кочуют индивиды от профессии к профессии, тем чаще они меняют свои профессиональные ярлыки [1]). Но все это говорит о перегруппировках 1-го и 2-го рода, а не является примером перегруппировок 3-го рода. Профессиональное расслоение было и останется. С ростом интенсивности кочевания от профессии к профессии крайности профессиональной психики и интересов, делающих солидарными однопрофессиональных и антагонистичными разнопрофессиональных лиц, будут смягчаться и перемалываться в течениях разных профессиональных слоев. Чем большее число профессиональных „атмосфер„ индивид будет проходить, тем сильнее однобокий профессиональный „моноидеизм“ будет выветриваться; попадая в различные профессии, он будет подвергаться влиянию разнородной — и материальной, и духовной — профессиональной среды. Кругозор его будет расширяться. Узкая психология одной профессиональной группы при таких условиях выжить не может. Поэтому и антагонизм разнопрофессиональных групп будет смягчаться [2]). Такое смягчение, при указанном условии „перегонки“

---

[1]) „Перемена занятий в Соед. Штатах совершается гораздо чаще (чем в Германии и др. странах), пишет Мюнстерберг. Проповедник, которому наскучило его дело, становится коммерсантом, купец начинает заниматься наукой, адвокат делается промышленником, фабрикант-политическим деятелем, книгопродавец берется за ведение мебельного магазина, почтальон становится хозяином пивной. У американца нет такого чувства, будто случайная внешняя экономическая деятельность составляет сущность человека; она для него то же, что и платье, которое можно надеть и снять, при чем сам человек от этого нисколько не меняется... Миллионерша, муж которой сегодня потерял свое состояние, устроит завтра без всякого смущения „домашний стол“... Наблюдателю невольно напрашивается все время мысль об актерах меняющих свои роли“...

Мюнстерберг: Американцы, т. II. 205—206.

[2]) Лурье, поборник однобокого пролетарского моноидеизма, правильно замечает, что узко-пролетарская психология „связана с прочностью и длительностью принадлежности индивида к рабочей среде и с его из нее происхождением“. „Спиридоны-повороты“, лишь временно пребывающие в пролетариате, не могут ее иметь. Правильно. См. *Лурье:* Op. cit. 9.

индивидов из профессии в профессию, неизбежно [1]). Но исчезнет ли он целиком? Если „перегонка“ станет столь интенсивной, что все индивиды будут подвергаться ей не один, а несколько раз, то такое исчезновение возможно. Если же первого условия не будет или оно не будет достаточно интенсивным—и количественно, и качественно—, то и полного исчезновения профессиональных антагонизмов быть не может. В силу рикошетного влияния профессии на психику, интересы и поведение индивида, члены различных профессий будут иметь разную психику, разные интересы и разное поведение, а след., и почву для антагонизмов. (См. выше § профес. груп-ка). Интенсивность междупрофессиональной перегонки людей ростет, но медленно. От вышеочерченного состояния мы еще очень далеки. Наступит ли оно—не будем решать здесь. (Речь об этом пойдет в „Генет. социологии“). К сожалению, профессиональное крепостничество индивидов еще живет и долго будет жить; а след., будет жить и профессиональный „моноидеизм“, и однобокая профессиональная психология, и однобокие профессиональные интересы и... антагонизмы различных профессиональных групп.

Теперь кратко очертим профессиональные перегруппировки с точки зрения второго пункта, характеризующего профессиональное положение индивида,—с точки зрения его автономности в своей профессиональной деятельности. Выше было указано что лиц одной профессиональной группы с этой точки зрения можно разделить на три основных слоя: 1) самостоятельных хозяев своего профессионального дела, 2) высших служащих и 3) наемных рабочих.

Спрашивается: даны ли профессиональные перегруппировки в этой плоскости? Во первых, происходит ли в пределах этих профессиональных слоев циркуляция индивидов в каждой профессии от слоя рабочих в слой самостоятельных хозяев своего дела (восходящий ток) и обратно, от слоя хозяев в слой рабочих (нисходящий ток)? Во вторых, меняются ли с ходом времени об'емы каждого из этих слоев? В третьих, исчезают ли одни из них и появляются ли новые слои? Наконец, исчезает ли само профессиональное расслоение в этой форме и, если да, то чем оно заменяется?

На первый вопрос ответ будет положительный. Почти во всех профессиональных группах нашего времени такая циркуляция в форме и восходящих, и нисходящих токов существует. „Рабочий“

---

[1]) Так оно и есть. „Можно думать, пишет Мюнстерберг, что частая перемена профессий, главн. образом, дает американцу его прославленную многосторонность и приспособляемость“. В силу этого „у американца, который никогда не перестает чувствовать, что социально-профессиональные различия нечто внешнее, у него социальное положение другого никогда не может помешать задушевному настроению... Вся соц. жизнь здесь проникнута таким настроением, как будто всякий с лукавым подмигиванием хочет сказать другому, что всем этим различиям в сущности, ведь, не придается значения.. Они как будто живут в каждой роли, которую в данный момент играют, но в сущности для них имеет мало значения, приходится ли играть роль в горностаевой мантии или в крестьянском армяке; они равноценны между собою, хотя бы роли требовали, чтобы один наслаждался, а другой трудился. Все они равны и играть игру стоит только потому, что они сознают свое равенство“. Ibid: 205—6, 195.215.

См. также *Ross:* The temper of the american. Ам. ж. соц., т. 13. 380—391.

в области ли земледелия, или индустрии, или либеральной профессии (клерк адвоката, студент в области науки, ученик художника и т. д.) или торговли, или государственной службы (табель о рангах) часто перекочевывает в слой „высших служащих", из последнего—в слой самостоятельных хозяев своего дела (становится предпринимателем, землевладельцем, адвокатом, ученым, художником, купцом, „тайным советником", депутатом, министром, президентом и т. д.). И обратно, часто неудачливый автономный хозяин своего дела (предприниматель, землевладелец, адвокат, купец, министр etc.) принужден перекочевывать в слой „высших служащих" или в слой рабочих. Перекочевывают то в хозяев, то в рабочих и высшие служащие. Темп такой циркуляции меняется в зависимости от времени, професс. группы, места и др. условий. Иногда он принимает характер „геологического землетрясения", влекущего массовую передвижку индивидов из одного слоя в другой. (Напр., в наше время, в России, где чуть не все „хозяева" в области индустрии и в ряде других профессий сразу очутились в слое „высших служащих" или „рабочих", а многие из последних, попавши во всякие „главки", фактически оказались в слое „хозяев"). Чаще же всего он носит постоянный, регулярный характер, вариирующий от страны к стране. В странах демократических и экономически быстро развивающихся, напр., в Соед. Шт. Америки, такая циркуляция носит обычно более интенсивный характер, чем в странах отсталых,—и экономически, и политически. В кастовых странах она почти не имеет места. Легко видеть, что такая циркуляция не изменяет архитектоники строения населения. Форма расслоения остается, меняются только индивиды, наполняющие каждый слой. Социальное равновесие здесь имеет подвижный характер, в отличие от социального равновесия закостенелого, существующего, напр., в кастовом аггрегате. Чем сильнее эта циркуляция, тем строение населения эластичнее, тем целесообразнее происходит отбор индивидов для каждого слоя. Тем, в общем и целом, меньше противоречия между требуемыми каждым слоем свойствами и свойствами наполняющих его индивидов. Индивиды, по своим качествам наиболее подходящие для определенного слоя, несмотря на „перегонку" застрянут в нем; индивиды, непригодные для него, сильным течением будут вышвырнуты вон и попадут в тот слой, который наиболее соответствует их способностям. При слабой циркуляции, напротив, в каждом слое может оставаться множество лиц, совершенно неприспособленных к нему и негодных для него. Следствием этого будет накопление „гнили" в каждом слое и общий ущерб всего социального аггрегата (об этом речь пойдет в „Практич. социологии").

Перейдем ко второму вопросу. С ходом времени, в каждой основной профессиональной группе несомненно колеблются и об'емы каждого слоя. В тех или иных границах колеблется относительный процент хозяев, высших служащих и рабочих. Об'ем одного слоя сокращается, другого—увеличивается или, что то же, их сокращение и увеличение может происходить не с одинаковой быстротой. В итоге таких вариаций передвигаются и линии расслоения этих

групп, границы одних выпячиваются, других—втягиваются. Это значит, что меняется и сама форма строения населения в этом отношении, его архитектоника.

Пример. По данным германской статистики на каждые 100 лиц приходилось:

	в 1882 г.	в 1895.	1882.	1895.	1882.	1895
	Самостоятельных хозяев.		Высших служащих.		Рабочих.	
Сельск. и лесн. хозяйство . . .	27.8	31.1	0.8	1.2	71.4	67.7
Промышленность и горн. дело.	34.1	24.9	1.6	3.2	64.0	71.9
Торговля и обращение	44.7	36.1	9.0	11.2	46.3	52.7
Всего	32.0	29.0	1.9	3.3	66.1	67.7 [1])

Эта таблица иллюстрирует сказанное. Из нее мы видим, напр., как об'ем группы хозяев в сельском и лесном хозяйстве с 1882 по 1895 г. расширился, об'ем группы рабочих напротив—уменьшился; в промышленности и торговле—наоборот. В исключительных случаях такие перегруппировки могут принимать катастрофический характер, резко нарушающий все равновесие профессионального строения населения и сопровождающийся обычно острой борьбой и кровавыми эксцессами. Примером может служить массовое и спазматическое сокращение слоя самостоятельных, крупных хозяев в области индустрии у нас за годы революции. Как и всякое резкое колебание социального равновесия оно конкретно проявляется кровавой борьбой, потрясениями всего социального организма и сотнями бедствий.

Перейдем к третьему вопросу. Могут ли только что очерченные перегруппировки принять такой интенсивный характер, чтобы один из слоев целиком исчез и, если можно так выразиться,—исчез навсегда? Может ли быть, чтобы, образно говоря, один из очерчиваемых трех этажей, на которые распадается население, выпал, и таким образом совершенно изменил архитектуру социального здания? Маркс и Энгельс, в „Коммунистическом Манифесте", как известно, склонны были положительно ответить на этот вопрос. В связи с теоремой о концентрации производства и капитала они пророчествовали, что число хозяев—предпринимателей—„средние классы, мелкие предприниматели, коммерсанты и рантьеры, ремесленники и крестьяне",—все уменьшается, „все они падают в пролетариат"; в итоге чего рисовалось общество, резко распадающееся на два слоя, на ничтожную группу капиталистов — магнатов, и на громадный слой нищего пролетариата, эксплуатируемый первой группой. Отсюда, как известно, делался вывод об неизбежности экспроприации экспроприаторов и „самопроизвольном" водворении социализма [2]).

Как известно, ни тезис об прогрессивном обнищании пролетариата [3]), ни тезис об концентрации капитала, ни даже тезис

---

[1]) *Майр*: Op. cit. II. 197. См. также. *Туган-Барановский*: Основы. 230 *Levasseur*: La démographie francaise comparée. 45 и сл.

[2]) См. „*Коммунистический манифест*". §§ 18, 25, 31 и др.

[3]) См. напр., *Туган-Барановский*: Основы. 681 и сл.

об концентрации производства [1]), не подтвердился, как общее правило. Едва ли верен также тезис об исчезновении „средних классов", о прогрессивном уменьшении числа „хозяев" до ничтожной цифры и об соответственном росте слоя „рабочих". По крайней мере, за последние десятилетия такой прямолинейной тенденции, как общего правила, нет и не наблюдается. Число „хозяев" не падает абсолютно, а в ряде профессий—и относительно.

Краткие подтверждения. Из приведенной таблицы Майра мы видели, что с 1882 г. по 1895 г. число хозяев в сельском хозяйстве не только не уменьшилось, но увеличилось: и абсолютно и относительно. Положение в промышленности и торговле иное, но и здесь падение не абсолютное, а относительное.

	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1895 г.
	абсолютн. цифры (в тысячах):		в процентах:	
Хозяева	2.910	2.949	39,6	28.7
Высшие служащие	205	449	2	4.4
Рабочие	4.226	6.872	57.6	66.9
Всего	7.341	10,270	100	100 [2])

Как видно отсюда, абсолютно увеличились все слои. Относительно больше всего высшие служащие, затем рабочие, число предпринимателей упало.

Во Франции картина такова:

(во всех проф.)	1886 г.	1901 г.
	в процентах	
Хозяев и самостоят лиц	51.3	50
Служащих и рабочих	48.7	50 [3])

Предпринимателей (абс. числа)	1896	1901
В земледелии	3.086.200	3.469.200
„ индустрии	715.000	813.110
„ торговле	444.800	538.800 [4])

Отсюда видно, что абсолютное число хозяев не уменьшилось, а увеличилось. Относительный процент их упал, но на незначительную величину. Судя по числу самостоятельных предприятий в промышленности, непрерывно увеличивающихся с 1850 по 1900 г., то же приходится сказать и об Северо-Америк. Соед. Штатах; и здесь абсолютное число хозяев не упало, а увеличилось. То же приходится сказать и о Бельгии [5]).

Итог сказанного таков, ни о каком катастрофическом исчезновении „хозяев" не может быть и речи. Абсолютное число их не уменьшается, а растет; относительное число их кой где падает, но процесс падения совершается очень медленно, раз; во вторых,

---

[1]) См. *Yves Guyot*: La réépartition des industries aux États-Unis, en France et en Belgique, дающую соответствующие статистич. данные последних десятилетий в указанных государствах. Основной тезис его гласит, что последние статистические обследованияне указывают на концентрацию индустрии. Bul. Stat. XVII. 92—118. См. там же возражения Бюхера. 183—4. См. *Т.-Барановский* (для Германии) Ib. 229.

[2]) *Туган-Баран.* Ib. 230.

[3]) *Levasseur*: Op. cit. 46. *Guyot*. Ib. 105—106, [4]) *Guyot*. Ib. 107.

[5]) См. цифры у *Guyot*: Ib. 93—102, 114—118.

в земледелии число их не только не уменьшается, но в ряде стран растет и относительно. „Средние классы“, а вместе с тем и „хозяева“ далеки от исчезновения [1]). Не исчезают, а растут „высшие служащие“ и растут относительно быстро [2]). Не могут исчезнуть и рабочие. Сказанное говорит о том, что при предпосылках т. н. капиталистического строя профессиональных перегруппировок рассматриваемого типа, ведущих к изчезновению целого этажа из указанных трех, пока что нет, и едва ли они в относительно близком будущем возможны [3]). Архитектоника социального здания в этом отношении меняется мало. Но не изменится ли она при т. н. социалистическом строе? Кой в чем, да, но не по существу. По существу же эти слои будут и в социалистическом строе, ибо и здесь будут рабочие, будут высшие служащие, будут и „автономные командиры“—главари разных „центров“ и „главков“ профессиональной деятельности, по своей инициативе регулирующие и направляющие последнюю. Их роль в этом отношении ничем не будет отличаться от роли Моргана и Вандербильда, монархически распоряжающихся в своих предприятиях. Разница может быть в вознаграждении тех и других, но эта сторона сейчас нас не интересует. Основное различие между капиталистическим и социалистическим строем (при рациональной постановке последнего) в данном отношении будет состоять только в устранении препятствий для переезда „достойных“ в этаж „хозяев“, „руководителей“ из нижнего этажа и обратного переезда неудачливых руководителей из верхнего этажа в нижний. При капитализме недостаток кошелька часто мешает ряду достойных подняться из рабочих в

---

[1]) См. F. *Chessa.* La classe medie. Riv. it. soc. 1911. 62—83. Подобно Гюйо, показывая ошибочность прогноза Маркса, Chessa говорит: Se si considera anzi la classe media cosi come è costituita nei tempi moderni, può constatarsi facilmente che invece d'una diminuzione deve parlarsi d'un aumento d'essa... è cresciuto il numero dei piccoli proprietari (в земледелии); равным образом все плюсы крупной промышленности, несколько сократившие мелкую промышленность, non riescono però ad eliminare completamente il campo di azione di esse; il numero dei piccoli commercianti degli intermediari è nei tempi moderni aumentato di molto. Увеличился и слой высшего технического персонала в частных и государственных предприятиях. Общий вывод *Chessa* гласит: „Средние классы, в зависимости от специальных условий, могут расти и падать в числе; но не могут быть вполне абсорбированы другими классами“. Ib. 65—66, 73—4. 78. 81 - 2.

[2]) См. *Michels*: Sulla decadenza della classe media industriale antica e sul sorgere di una classe media moderna nei paesi ad economia spiccamente capitalistica. Giornale d. Economisti. Янв. 1909 85—105. См. *Туг. Барановский.* Ib. 230.

[3]) Видимым исключением служат эпохи „социальных революций“ вроде нашей. Но и они не уничтожают целиком ни один этаж, даже в одной профессиональной группе. Наша революция, направленная против хозяев, не уничтожила их даже в одной индустрии, не говоря уже о других профессиях. Затем резкое уменьшение какого-нибудь слоя обычно бывает временным. Это эффект быстрой перегонки из этажа в этаж обитателей последних. Не сомневаюсь в том, что скоро „новая буржуазия“, вылупляющаяся на наших глазах из „дельцов“ наших дней, иногда очень близких к кругам „разрушителей капитализма“, займет пустующие помещения бывших „хозяев“, отремонтирует, заполнит их и будет распоряжаться рабочими ad majorem gloriam коммунизма! Мы в периоде переезда будущих хозяев, в периоде „первоначального накопления капитала“.

хозяева и обратно, туго набитый кошель, механически наполняющийся, часто мешает сползанию совершенно негодного предпринимателя в низшие этажи. В итоге, во всех этажах накапливаются неподходящие для них жильцы. Не выселяясь добровольно или не выселяемые „без скандала", эти не подходящие жильцы, в конце концов, нарушают социальное равновесие, „общественный порядок", выводят из себя хмурую особу, называемую революцией. Она приходит, наводит генеральную чистку, не особенно тщательно разбираясь в правых и виноватых, и уходит, переселив одних вверх, других вниз. Наступает период устраивания переселенных на новых квартирах. Устроившись они принимаются за дела. Социальное равновесие восстановляется и продолжается впредь до нового накопления „неподходящих жильцов" в каждом этаже. Тогда снова приходит квартальный истории — революция, снова начинается период чистки и массового переселения, и так далее. Такова историческая сказка про белого бычка. Таковы эти „corsi" и „ricorsi". Установление подлинного социалистического строя может сделать более мягкими эти переселения из этажа в этаж. Но и то при условии рациональной постановки дела (каковой пока мы не видели). Сказанное означает, что и социализм не уничтожит этажей профессионального расслоения. Он может облегчить переселения жильцов, помещая каждого в этаж, соответствующий его способностям и свойствам, может сделать визиты кровавой революции не столь нужными, но и... только.

Имущественные перегруппировки.

Любое современное население, как и население прошлых времен, исключая разве „коммунистических примитивных групп" [1]), распадается на ряд имущественных групп или слоев. И в этом отношении социальный аггрегат расслаивается на ряд „этажей", не совпадающих, как мы видели, с этажами профессиональными и другими. Форма социального аггрегата с этой точки зрения с "незапамятных" времен представляла пирамиду, верхние слои которой населены были небольшим числом богатых, тем меньшим, чем ближе к вершине, нижние, широкие слои населялись и населяются более бедными; чем ближе к основанию пирамиды, тем число бедняков больше, тем их доход меньше [2]). Контрасты до-

---

[1]) И то относительно, ибо и здесь полного имущественного равенства нет; есть имущественное неравенство разных полов и разных возрастных групп, с одной стороны, с другой—отдельных лиц, (вождя, чародея и т. д.) по сравнению с остальными. Представления об полном имущественном равенстве „первобытных групп" преувеличены и об'ясняются общей их бедностью.

См. материал в цит. раб. *Б. Спенсера* и *Гиллена*, см. также *Moskowski:* Vom Wirtschaftsleben der primitiven Völker. Jena. 1911. *Ковалевскiй:* Социология Т. II, гл. VI—VIII.

[2]) Если бедноту разбивать на детальные слои, то имущественное строение аггрегата получит форму луковицы, ибо число исключительно бедных лиц за определенными пределами средней бедноты становится все меньшим и меньшим по мере удаления от слоя этой последней.

ходов обитателей верхних и нижних слоев пирамиды не представляют исключительного достояния нашего времени. Если сейчас существует пропасть между имущественным положением Морганов и Вандербильдов, с одной стороны, и имущественным положением простого рабочего или крестьянина — с другой, то едва ли меньшей была эта пропасть между Крассомм и Помпеем, имущество которых исчислялось более 15—40 миллионов марок, и римским рабом или простолюдином, не обладавших ничем. Эта пропасть не исчезала никогда. Она была в Афинах и Спарте, в Риме, и в других государствах. Оставалась она в средние века (напр., Лютер оценивал ежегодный доход крестьянина в 40 гульденов, всадника (Ritter) в 400, графа в 4000, князя в 40.000, короля в 400.000; в немецких городах годовой доход ремесленника около 1500 г. колебался от 8 до 20 гульденов, ежегодный доход Карла V был не менее 4, 5 миллионов дукатов [1]). Существует она и в наше время. Словом, пирамидообразная форма имущественного строения социального аггрегата была в прошлом, продолжает быть и в настоящем. Значение этой дифференциации и неизбежность вытекающих из нее антагонизмов разных имущественных слоев были очерчены выше.

Перейдем теперь к суммарной характеристике форм имущественных перегруппировок. Как и в предыдущем, спросим себя: 1) Даны ли здесь „переселения“ обитателей одних этажей в другие, переход бедных в слои богатых (восходящий ток) и обратно — богатых в этажи бедных (нисходящий ток), не колеблющие существующую архитектонику имущественного строения общества? 2) Изменяются ли и в каких пределах относительные объемы разных имущественных слоев друг к другу? 3) Не исчезают ли одни имущественные слои и не появляются ли новые? Иными словами, не меняется ли форма пирамиды по существу? 4) Рядом с этим, не наблюдаются ли перегруппировки, состоящие в абсолютном обогащении или обеднении всех слоев пирамиды? 5) Наконец, не исчезает ли имущественное неравенство целиком и, если да, то чем оно замещается?

Начнем с первого вопроса. Обычное наблюдение каждого из нас и память каждого поколения людей, а тем более нескольких, говорят о данности переселений обитателей одного слоя в другой. На наших глазах иногда богач разоряется и становится бедняком, и обратно, удачливый бедняк перекочевывает в этаж богачей. Такие восходящие и нисходящие токи, не нарушающие архитектоники имущественного строения населения, а меняющие только состав жителей каждого имущественного этажа, были и есть в любом населении нашего времени. Колеблется и варьирует только интенсивность таких переселений. В одних странах она больше, в других — меньше. Но они имеются всюду. Варьирует эта интенсивность циркуляции и во времени. В одной и той же стране, в одни эпохи, „переселения“ не носят массового характера, в другие эпохи они имеют характер массового перемещения жите-

[1]) Schmoller: Die Eink ommensverteilung in alter und neuer Zeit. Bul. Stat. IX. I. № 17. 2—3.

лей одного слоя в другой. Примерами таких эпох могут служить эпохи социальных революций. Основное содержание их состояло ни в чем ином, как в массовом перемещении жильцов имущественных слоев. Под прикрытием громких фраз и лозунгов равенства этот хирург истории—революция—до сих пор занимался подлогом: равенства он не давал, а ограничивался простым выселением богачей из их квартир и водворением туда новых обитателей, взятых из других слоев. В первое время революции многим кажется, что она разрушила и разрушает все имущественные этажи, всех людей переводит в один имущественный слой, и кончает с „вековой несправедливостью“. Но через несколько времени оказывалось и оказывается, что имущественная пирамида остается, меняются только жильцы: „кто был ничем, тот стал всем“, и обратно.

Эти колебания интенсивности „переселений“ во времени и пространстве говорят о том, что здесь действуют силы разных порядков. Я не буду сейчас останавливаться на их анализе: это выходит из границ „соц. аналитики“. Укажу только на одну биологическую причину, делающую неизбежной такие восходящие и нисходящие токи из этажа в этаж в любой стране, независимо от причин социально- психического характера. Такая причина заключается в уменьшении плодовитости богатых слоев (см. факты и цифры в работах, указанных на стр. 384). Без притока новых элементов из низших слоев этажи пирамиды, заселенные богачами, должны были бы постепенно пустеть. Чем дальше, тем больше эта пустота должна увеличиваться. „Природа не терпит пустоты“, гласило схоластическое об'яснение волосности. Образно говоря, то же мы можем сказать и здесь. Под давлением „социальной атмосферы“ в пустое пространство неизбежно должны „инфильтрировать“ человеческие инфузории нижних этажей. Благодаря тому, что многие из богачей разоряются и падают в нижние слои, пустота верхних этажей образуется быстрее, и еще более усиливает инфильтрацию „бедных инфузорий“ в среду богатых. Короче, в силу действия одного демографического фактора циркуляция индивидов из слоя в слой, хотя бы в незначительных размерах, неизбежно должна иметь место. Социально-психические условия, присоединяясь к нему, сплошь и рядом усиливают этот процесс и в ряде случаев могут сделать его катастрофически интенсивным.

Было бы чрезвычайно важно систематически и статистически исследовать темп и быстроту обновления жильцов каждого этажа в разные периоды и в разных странах. К сожалению, такая работа не ведется. В „Соц. Механике“ я попытаюсь возможно детально охарактеризовать их. Здесь же ограничимся простым констатированием такого рода имущественных перегруппировок и их варриирования от страны к стране, от периода к периоду.

Указывая на данность такого рода переселений, вместе с тем я должен подчеркнуть, что в общем и целом они до сих пор не столь интенсивны, чтобы считать имущественные слои открытыми. Они более близки к закрытым и даже социально-наследственным, чем к открытым. Богатыми до сих пор рождаются, а не делаются. Сын богача, находящий около колыбели мешок золота, становится

богачом, пожизненным жильцом верхней части пирамиды. Сын бедняка—бедняком. Процент „пожизненных и потомственных богачей“ или „бедняков“ во все мирные эпохи несравненно больше процента „выскочек“, инфильтрировавших из одного слоя в другой. При таких условиях с течением времени, в силу демографического фактора рождаемости от родителей каждого слоя детей, не похожих на них по своим качествам, в каждом слое копится человеческий материал, не соответствующий свойствам, требуемым этим слоем; напр., в среде богатых копятся люди со свойствами, не дающими права быть богатыми; в среде бедняков—люди со свойствами, делающими их пригодными для верхних, а не нижних слоев.

Чтобы быть богатым—надо иметь для этого надлежащие качества. Даром, ни за что, ни про что, богатство не дается. То же приходится сказать и о бедняках. Родоначальники богатого семейства, те, кто впервые клал фундамент богатству в своем роде, не случайно делались богачами. Будет ли это смелый предводитель грабительского войска, успешно награбивший тысячи, или, „расчетливый“ человек, сумевший в темную ночь пристукнуть проезжего купца, присвоить деньги и спрятать концы в воду, или смелый искатель золотых россыпей, или торговец, проникающий в страну диких и выменивающий здесь на грошевую безделушку тысячные ценности, или искусный средневековый меняла и ростовщик, или спекулянт, умеющий ловить рыбу в мутной воде, или биржевой делец, гениально ведущий игру на повышение и понижение, или скупец-скопидом, по рублям и копейкам собирающий тысячи, или „честный“ правитель, бескорыстно переводящий в свои карманы казну—все они не случайно делались богачами, а благодаря своим свойствам (плохим или хорошим—нас это мало интересует сейчас). Не все могут быть хорошими разбойниками, умелыми казнокрадами, биржевыми игроками, или скопидомами. В этом смысле богачи делались ими „по праву“, как „по такому же праву“ в слой бедняков попадали другие люди, не обладавшие в массе свойствами, требуемыми в данный момент от богача. *Дети и потомки их далеко не всегда рождаются похожими на отцов.* Но в силу относительного закрыто-наследственного характера имущественных групп они не попадают в соответствующие их свойствам слои, а остаются в слоях родителей, не имея на то ни данных, ни права. Если бы закрытости группы не было, если бы индивиды сразу циркулировали в тот слой, где им место по их свойствам, а не оставались в группе родителей,—накопления таких инородных тел не было бы. Тогда излишним было бы и оперативное вмешательство хирурга истории. Инородные тела сами собой тогда перекочевывали бы в надлежащий слой. Но такого положения дел мы не знаем. Не было и нет общества, где бедняки со свойствами, пригодными для богача, сразу же попадали бы в слой богатых, а дети богача, лишенные качеств, необходимых для первого, сразу и добровольно спускались бы в слои бедных. При таком положении дел возникает противоречие „содержания“ и „формы“ каждого слоя. В каждом из них копится несоответствующий человеческий материал. Происходит, говоря сло-

вами Сореля, „дегенерация“ богачей и бедняков. Назревает и растет „опухоль“ в каждом слое. Увеличивается число „белых ворон“ в каждом этаже [1]). В итоге, рано или поздно, делается необходимым вмешательство хирурга. В виде революции он приходит, разрезает нарыв, удаляет инородные тела из каждого этажа, не особенно разбираясь в деталях, перемещает „белых ворон“ в соответствующие слои и... удаляется, сделав свое дело. Обычно такие операции бывают кровавыми, ряд лиц без толку выбрасывается из своих квартир, но в общем и целом нарыв уничтожается, противоречие „формы и содержания“ снимается, жильцы размещаются соответственно свойствам, и равновесие социального организма возстанавливается.

Начинается „мирный“ период. Массовые переселения прекращаются, но не абсолютно: в меньших размерах циркуляция индивидов продолжается.

С течением времени снова, в силу тех же условий, начинают копиться „белые вороны“ в каждом слое. Число их растет. Опухоль снова нарывает и снова, рано или поздно, приходит оператор; наступает революция; она наводит чистку и уходит, чтобы появиться опять. Такова схема циклов таких перегруппировок. Такова вечная „сказка про попа и его собаку“.

Итак, перегруппировки, не изменяющие архитектоники имущественного строения населения, а состоящие в непрерывном перемещении индивидов из этажа в этаж, в перемещении, вариирующем в своем темпе и интенсивности от страны к стране, от периода к периоду,—такие перегруппировки были и существуют в области имуществ. расслоения населения. Мы не знаем общества, в котором они абсолютно отсутствовали бы; не знаем и такого, где эта циркуляция была бы вполне свободна и каждого человека сразу же водворяла бы в тот слой, где ему надлежит быть по своим свойствам. Отсюда периоды накопления инородных тел в каждом слое, когда циркуляция идет медленно, и периоды революционных землетрясений, в виде революции, разрезающие эти нарывы и восстанавливающие равновесие социального организма.

Отсюда сам собой следует вывод, который я не буду сейчас развивать, вывод, гласящий: чем больше препятствий для свободной циркуляции индивидов, чем в силу этого большее число „белых ворон“ копится в каждом слое, иначе, чем имущественные слои более закрыты, тем операция должна быть более мучительной и кровавой, тем революции и конвульсии социального аггрегата должны быть более острыми и разрушительными. Наблюдается ли какая либо историческая тенденция в этом отношении—не будем здесь касаться. (Речь пойдет в „Генет. социологии“).

Перейдем ко второму вопросу, гласящему: имеются ли здесь перегруппировки, состоящие в изменении об'ема одних имущественных слоев за счет других? Всегда ли число жильцов каждого этажа

[1]) См. интересные и ценные положения на этот счет в цитир. работах *Niceforo*, *Sensini*, *Gini*: I fattori demografici., *Kolabinska*: La circulation. *Ж. Сорель*: Социальные очерки совр. экономии. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма, М. 1908, работы *Парето*, *Аммона* и др.

пирамиды одно и то же в процентах к числу жителей других этажей? Если одно и то же, то, очевидно, форма пирамиды совершенно не меняется; если одни слои относительно „пухнут“, а другие „худеют“, то, очевидно, меняется частично и форма пирамиды: по ее сторонам, в случае такого колебания об'ема, могут появиться вогнутости или напротив выпуклости. Изучение имущественного строения населения разных стран, с одной стороны, с другой, одной и той же страны в разные периоды, заставляет ответить на этот вопрос положительно. Такие перегруппировки и колебания относительного об'ема имущественных слоев,—хотя и в ограниченной амплитуде колебания,—даны. Представление о сказанном дают следующие цифры, рисующие изменение формы имущественного строения пирамиды в одной и той же стране в различные периоды времени (в процентах к общему числу всех жителей). В Аугсбурге нижеследующие имущественные группы в период с 1471 по 1554 колебались так:

Годы.	Число лиц, получающих год. доход менее 20 флор.	От 20 до 80 фл.	От 80 до 500 фл.	Свыше 500 фл.
1471	65.4	31.6	2.7	0.29
1475	65.9	30.6	3.0	?
1498	43.6	53.2	2.60	0.60
1512	45.2	50.6	2.95	1.24
1526	54.1	41.6	2.98	1.45
1540	52.4	42.1	3.67	1.77
1554	53.2	40.5	3.98	2.29 [1])

В Японии число лиц (в %) нижеуказанных имущественных групп в нижеследующие годы колебалось так:

Годы.	% всего.	Число лиц, получающих доход от 300 до 1000 иен.	От 1000 до 10,000	От 10.000 и больше.
1890	100	88.35	11.36	0.29
1898	100	82.98	16.58	0.44
1899	100	84.63	15.14	0.23
1904	100	84.36	15.33	0.31 [2])

Из этих таблиц видно колебание об'ема различных имущественных групп с течением времени. Мы видим, что об'емы каждой из групп постоянно меняются, то „разбухают“, т. е. охватывают больший процент лиц, то уменьшаются, т. е. или теряют своих членов, переходящих в другие имущественные слои, или растут медленнее, чем другие группы. Если бы это явление мы вздумали изобразить графически, то оно выразилось бы в изменении формы пирамиды в ту или иную сторону. В той или иной форме такие перегруппировки имущественных слоев социального аггрегата даны в любом населении. Варьируется только интенсивность, величина и характер таких перегруппировок во времени и пространстве [3]).

[1]) *Schmoller*: Die Einkommensverteilung. 16.

[2]) *Takano*: Etude sur le développement et la répartition du revenu national au Japon. Bul. stat. XVIII. I. 415. 424.

[3]) Как показывает исследование *Kiaer*'а строение имущественной пирамиды разных стран: Великобритании, Франции, Пруссии, Саксонии, Дании, Швеции и Норвегии не одинаково. Пирамида, изображающая имущественное строение населения Великобритании, получилась бы более вы-

Перейдем к 3-му вопросу: не имеется ли в истории определенная тенденция в сторону какого либо постоянного изменения пирамиды в смысле исчезновения одних имущественных слоев и поглощения их другими? Родбертус, Энгельс и Маркс на этот вопрос отвечали утвердительно. Они думали, что средние имущественные слои пирамиды исчезают, а ростут с одной стороны низшие, бедные, имущественные слои, с другой—еще более богатеют слои верхние, слои капиталистов-магнатов. Общество, по мысли Родбертуса, все более и более удаляется от формы пирамиды и приближается к форме осы, с тонким стебельком средних слоев. Богатые—богатеют, бедные—беднеют [1]).

Численно уменьшается и слой богачей, но величина богатств этого слоя растет. Средние слои исчезают. Количественно растет число членов низшихъ имущественных слоев (пролетариата), но зато их имущественное положение все более и более ухудшается. Такова суть этой теории имущественных перегруппировок.

Из этой пессимистической теории, как известно, делался практический и весьма оптимистический вывод об неизбежности „экспроприации немногих узурпаторов народными массами", обобществлении средств и орудий производства и водворении имущественного равенства.

Последующие годы, однако, этот прогноз не подтвердили. Неверными оказались положения: 1) об уменьшении числа лиц, получающих высший доход (концентрация доходов), 2) об уменьшении средних имущественных слоев, 3) об систематическом обнищании лиц низших имущественных слоев.

сокой и более крупной, чем подобная пирамида Норвегии. Число лиц, получающих высший доход в Англии ($^1/_5$ всего дохода) гораздо меньше, чем в Норвегии: в первой их 260—270, на каждые 100.000 индивид. доходов, во второй 2.192; зато средний годовой доход наиболее богатого имущественного слоя в Англии больше 160.000 франков, в Норвегии—он равен 7.930 франкам. Число лиц второго имущественного класса (получающих $^1/_5$ всего дохода) в Англии равняется 2.895 с средним ежегод. доходом в 15.195 фр. на 100.000 инд. доходов, в Норвегии 8.582 с средним доходом 2.024 фр. Соответственные цифры для 3-го, 4-го и 5-го имущ. классов для Англии и Норвегии будут таковы:

	Англия.		*Норвегия.*	
	Число лиц на 100.000 инд. дох.	Средн. год. доход.	Число лиц.	Средн. доход.
3-й имущ. класс.	13.060	3.369	15.772	1.102
4-й „ „	27.425	1.604	24.901	698
5-й „ „	56.356	780	48.553	458

Из этих цифр видно, что если в нижних слоях (в 3, 4 и 5 классах) имущественные пирамиды Англии и Норвегии сходны, то в 4 и 5 этажах — они резко различны: пирамида Англии здесь суживается гораздо быстрее, чем пирамида Норвегии, и поднимается гораздо выше, чем последняя.

См. *Kiaer*: Répartition sociale des revenus. Bul. Stat. XVIII. II. 124—125. XVIII. I. 68—75. Там же см. подробные цифры и данныя для других стран. Ценный материал, характеризующий те же явления, дается в исследовании *Bertillon* a: Statistique des succesions en France et à l'étranger. Bul. Stat. XVIII. II. 369—434.

[1]) См. *Родбертус*: Zur Beleuchtung der soz. Frage. Theil. II. 1885. 88 и сл. *Маркс*: Капитал: т. I. 645—646.

В Германии число богатых и миллионеров с 1870 по 1902 г. не уменьшалось, а росло с поразительной быстротой. Это видно из следующей таблицы:

Число лиц, получающих нижеуказанный доход (в маркахъ), увеличилось с 1870 по 1902 г. в % числа лиц, получающих соответствующий доход.

	От 3000—6000.	6000—9600.	9600—28000.	28000—100.000.	Свыше 100.000
Увеличение в %	284	345	487	591	1288 [1]).

Увеличились и средние имущественные слои. Число лиц с доходом в 3000 марок и выше было в 1873 г.—123.284, в 1894 г.—319.317, в 1902 г.—449.741.

Напротив, число лиц низших имущ. слоев сократилось по отношению ко всему населению. В Пруссии, число лиц с доходом ниже 900 м. составляло в 1896 г. 70,7%, а в 1906 г. только 61.7% всего населения [2]).

То же мы наблюдаем в ряде других стран. В Японии, как видно отчасти из приведенной таблицы, и как видно из статьи Такано, число лиц всех имущественных слоев, начиная с лиц, получающих доход в 300 иен и выше, абсолютно увеличилось. Относительно уменьшился % низшей из облагаемых имущ. группы, проценты же лиц 2-го и 3-го класса возросли. Это говорит, как заключает автор, о „ложности предпосылки, что бедный становится более бедным“. „Наш национальный доход непрерывно увеличичивается, но с другой стороны его распределение становится более и более неравным, в силу более быстрого роста больших доходов. Однако, и мелкие доходные группы развиваются также непрерывно. Поэтому мы не можем согласиться с пессимистической точкой зрения, хотя с другой стороны противоположная крайность, индефферентизм к социальным реформам,—оптимистическая точка зрения,—не основана ни на чем“ [3]).

О том же говорит развитие социального распределения доходов въ Саксонии, Пруссии и Дании, приводимое Kiaer'ом. С 1888 по 1906 г. доходы всех 5-ти основных имущ. групп в Саксонии увеличились. Увеличение среднего дохода каждой группы выразилось в таких процентах.

Увеличение средн. (Саксония) дохода в 1906 г. по сравн. с средн. дох. 1888 г.:

1-я группа (наиб. богатая) . . .	+ 40,3
2-я „ „ „ . . .	+ 28,7
3-я „ „ „ . . .	+ 34,6
4-я „ „ „ . . .	+ 40,9
5-я „ „ „ . . .	+ 36,0
Общее	+ 35,4

---

[1]) *A. Wagner*: Zur methodik d. Statistik d. Volkseinkommens u. Volksvermögens. Zeitschrift d. K. preus. stat. Bureaus. 1904. См. *Sombart*: Socialismus u. Soc. Bewegung. 1905. 85—86.

[2]) *Туган-Барановский*: Основы. 682—683.

[3]) *Takano*: Op. cit. 427—428. См. всю статью.

Те же цифры для Пруссии с 1892 по 1906 г. таковы:

1-я группа		+ 40,8
2-я "		+ 24,7
3-я "		+ 45,2
4-я, 5-я "		+ 18,0 ?
		+ 24,7

В Дании с 1870 по 1903 г.

1-я группа		+ 52,5
2-я "		+ 32,7
3-я "		+ 54,4
4-я, 5-я "		+ 86,0
		+ 61,4 [1]).

Из этих данных видно, что доходы всех имущественных групп возросли, хотя и не въ одинаковой мере, при чем в Дании, рост доходов низших имущественных групп был даже больше, чем высших.

Исследования Боули, относительно доходов рабочего класса в Англии с 1860 по 1891 г., показывают также, что доходы пролетариата растут, хотя и слабее доходов остальных общественных классов [2]). Тот же вывод дают исследованія Caroll Wright, Leone Levi, Giffen'a, Lewasseur'a, Engel'я и др. статистиков [3]). „Увеличилась не только номинальная заработная плата, но, что более важно, повысился уровень жизни (Standard of life) рабочего. Он лучше питается, одевается, имеет лучшую квартиру, чем раньше, не говоря уже о завоеваниях политическихъ, делающих его в этой области равноправным с предпринимателем, если не господином в силу большинства" [4]).

Наконец, насколько имущественное строение современного общества далеко от формы осы, о которой пророчествовали Родбертус и Маркс, показывают следующие цифры, рисующие это строение за 1-ое десятилетие 20 в. Весь доход каждой страны разделен здесь на пять равных частей, и вычислено, сколько индивидуальных доходов входит в состав первой группы (первой $^1/_5$) (группа доходов самых крупных), сколько в состав второй, третьей, четвертой и пятой. Полученный итог таков.

---

[1]) *Kiaer*: Op. cit. 130.

[2]) См. цифры у *Bowley*: Changes in Average Wages in the United Kingdom. Journ. of the Royal Statist. Society, T. 58. 248. См. *Т. Барановский*: Основы. 566—67. 683—4.

[3]) См. *Engel*: Die Lebenskosten Belgischer Arbeiter-Familien früher und jetzt. Passim и 123—124. Bul. stat. IX. I. *Levasseur*: La populations française. т. III. 1892. 289 и др. *Его же*: Histoire des classes ouvrières, т. I и II. 1900 и 1901 г.

[4]) См. *Cheysson*: La crise du revenu. Bul. stat. IX. II. 285. Там же дается цифровый материал, показывающий падение доходов рентьера, ведущее его к положению св. Павла: Qui non laborat, nec manducet (кто не работает, тот не ест).

На каждые *100.000* индивидуальных доходов (в франках) приходилось:

Имущ. группы.	Англия.		Франция.		Пруссия.	
	Число лиц.	Ср. дох.	Чис. лиц.	Ср. дох.	Чис. лиц.	Ср. дох.
1 . . .	260—270	160.000	1.477	27.300	978	29.383
2 . . .	2.895	15.195	8.000	3.888	7.603	3.781
3 . . .	13.060	3.369	?	?	16.922	1.699
4 . . .	27.425	1.604	?	?	26.558	1.082
5 . . .	56.356	780	?	?	47.939	600

Имущ. группы.	Дания.		Швеция.		Норвегия.	
	Число лиц.	Ср. дох.	Чис. лиц.	Ср. дох.	Чис. лиц.	Ср. дох.
1 . . .	1.971	13.204	1.170	16.189	2.192	7.930
2 . . .	8.669	3.001	8.029	2.359	8.582	2.024
3 . . .	16.792	1.550	16.906	1.120	15.772	1.102
4 . . .	26.493	982	25.589	740	24.901	698
5 . . .	46.075	564	48.306	392	48.553	458 [1]

Из этих цифр мы видим, что чрез полстолетие форма имущественного строения населения весьма далека от формы „осы"; по прежнему она остается пирамидообразной, варьируя от страны к стране, от периода к периоду. Нет ни концентрации доходов или уменьшения числа магнатов, нет исчезновения средних имущественных слоев, нет, иными словами, поглощения одних имущественных слоев другими. Пирамида может вытягиваться, уклон ее может становиться то более, то менее крутой, но все эти варьирования имеют определенные границы, не меняющие по существу пирамидообразного строения населения в имущественном отношении. Больше того, Шмоллер едва ли ошибался, настаивая на том, что в общем и целом имущественное расслоение населения устойчиво и варьирует в ограниченных размерах. Цифры, приводимые им, по крайней мере, в применении к ряду стран, подтверждают его гипотезу. Приведу некоторые из них (отсылая читателя к статье, об'ясняющей основания сравнения различных имущественных групп).

Город Базель 1453—54 г. Имущ. классы (по доходу).	%	Кантон-Базель-город 1881 г. Имущ. классы (по доходу).	%	Герцогство Ольденбург 1892 г. Имущ. классы (по доходу).	%
0— 30 фл.	50.9	Освоб. от налог.	60.0	до 600 мар.	57.6
30— 200 »	27.8	800—1.800 фр.	18.2	600—1.500	22.3
200—2.000 »	17.0	1.800—8.000 »	17.2	1.500—6.000	17.3
выше 2.000 »	4.3	свыше 8.000 »	4.6	свыше 6.000	2.8

Еще интереснее сопоставление имущественного расслоения на-

[1]) *Kiaer*: Op. cit. 121—125. Иначе вычисленные взаимоотношения числа индив. доходов каждой группы для всех этих стран дают следующие цифры. На 100.000 индив. доходов в среднем приходится 1.000 доходов первого класса, 6.000—второго, 16.000 третьего, 27.000 четвертого, 50.000 пятого; итого 100.000 инд. доходов. Там же, 126 и сл.

селения Аугсбурга 15 и 16 вв. с имущественным расслоением населения конца 19 в.

Современное распределение доходов сравнительно с распр. доходов старого Аугсбурга.

	% лиц с дох. до 20 фл.	От 20—80 фл.	От 80—500 фл.	Свыше 500 фл.
Аугсбург 1471 г. . .	65.4	31.6	2.7	0.29
„ 1554 „ . .	53.2	40.5	3.98	2.29

	% лиц с дох. до 600 м.	От 600—3000 м.	От 3000—6000 м.	Свыше 6000 м.
Ольденбург 1892 г. страна	70.3	26.0	3.2	1.3
Ольденбург 1892 г. город	57.6	33.4	5.8	2.8

	% лиц с дох. до 800 м.	От 800—3000 м.	От 3000—9600 м.	Свыше 9600 м.
Саксония 1892 г. .	66.0	30.5	2.7	0.7

	До 1000 м.	От 1000—3000 м.	От 3000—5000 м.	Свыше 5000 м.
Баден 1889 г. . .	62.7	31.2	3.5	2.6

	До 900 м.	От 900—3000 м.	От 3000—6000 м.	Свыше 6000 м.
Пруссия 1893—4 г.	70.0	26.1	2.5	1.4

Англия в 1688 г. Имущ. классы (по дох. в ф. стерл.).	%	Англия в 1867 г. Имущ. классы (по дох. в ф. стерл.).	%
6—20	62.4	10—52	67.7
40—80	34.1	52—300	30.2
100—400	2.9	300—1000	1.5
Свыше 400	0.6	Свыше 1000	0.5 [1])

Из этих сравнений видно, как говорит сам Шмоллер, что и теперь имущественное строение общества весьма похоже на строение его в 15, 16 и 17 вв. Из сказанного следует, что „имущественная форма“ социального агрегата в течение ряда столетий принципиально не изменилась. Она по прежнему остается пирамидообразной. Изменения формы этой пирамиды не обнаруживают также какой либо постоянной, односторонней тенденции. Заслуживает внимания на этот счет и другая мысль Шмоллера. Она гласит: в эпохи быстрого развития народного хозяйства, вызываемого новыми изобретениями, открытиями и социально-экономическими условиями, контрасты имущественного положения и доходов растут, пирамида удлиняется, средние имущественные слои обнаруживают тенденцию к уменьшению.—Но вслед за тем наступает эпоха иная, когда начинают действовать силы противоположного порядка, направленные на уравнение имущественного положения населения; такие эпохи совпадают обычно с периодом остановки или замедления процесса развития народного хозяйства. Резкие неравенства доходов, неизбежно создающиеся в первый период, в этот момент

[1]) *Schmoller.*—Die Einkommensverteilung. 13—22.

начинают сглаживаться; выгоды экономического прогресса, в первый период достающиеся немногим, в эту эпоху распространяются на большее и большее число лиц. Средние имущественные слои увеличиваются. В итоге, форма пирамиды более или менее приближается к прежней [1]). Такова ритмичность процесса изменения формы имущественного строения населения [2]).

Из сказанного вытекает ответ и на четвертый вопрос: об общем, абсолютном обогащении или обеднении всех имущественных слоев. Такие процессы возможны, бывали и бывают. Вторая половина 19-го столетия, как отчасти видели выше, в общем и целом была периодом улучшения экономического положения всех имущественных пластов населения. Уровень жизни поднялся во всех слоях, хотя и не в одинаковых размерах. Годы войны и особенно современное состояние России может служить примером абсолютного обеднения всех имущественных групп. „Уровень жизни“ всех имущественных групп резко понизился, хотя и не в одинаковой мере.

Перейдем теперь к последнему вопросу: к вопросу об исчезновении имущественного расслоения вообще. Что его в прошлом не приходится искать, это ясно. Если в небольших группах—в семье, в секте, в какой-нибудь коммуне, оно не надолго и устанавливалось, то сколько-нибудь обширных аггрегатов, где все члены пользовались бы равным количеством имущественных благ, мы не знаем. Если и было в таких аггрегатах равенство, то только на словах и на бумаге, а не в действительности. Нет его, конечно, и сейчас, в нашем „социалистическом“ аггрегате. Все уравнение, произведенное нашей революцией, пока что состояло в простом переселении жильцов из одних имущественных слоев в другие, да в общем обеднении, вызванном войной и ее продолжением—гражданской борьбой. Это общее обеднение, как и всегда, уменьшило имущественные контрасты, но не уничтожило их. Одни лица и теперь „сыты, обуты, одеты“ и живут недурно, другие—буквально умирают от голода, холода и отсутствия минимальнейшего минимума материальных благ, необходимых для жизни. Пропасть уровней жизни счастливцев 1-го рода и несчастных второго рода немногим менее пропасти Standard of life Моргана и американского рабочего. Как выше было указано, эпохи остановки, а тем более резкого ухудшения и регресса экономического развития, всегда сопровождаются волной уравнения, приближения к потребительскому коммунизму. Мы в этом отношении ушли столетия на два назад. Мудрено ли, что „уравнение“ у нас приняло такие исключительные формы. (Даже народные комиссары, при начале своего властвования, об'явили нормой своего жалованья 500 руб.,—декларация, к счастью, скоро забытая). Начинается период строительства и воссоздания народного хозяйства. И что же мы видим? Не только

---

[1]) *Schmoller*: Ib. 4—9.

[2]) Сходные мысли, хотя и в иной плоскости развитые, даются *Вебером*, в его Rythme du Progrès (1913) и *Парето*, в его Trattato di soc. generale, т. II, гл. XII, § 2293 и сл. — Я здесь ограничиваюсь простым указанием такого ритма. Об'яснения причин его и детализация очерченного положения будут даны в „Соц. Механике“.

несколько десятков различных окладов и тарифов, не только богатую коллекцию разнородных пайков—от „пайка Св. Антония“ до пайка „чего душа хочет“, не только контрасты комфортабельных комнат Астории и жилищ простых смертных—без топлива, воды и канализации,—но больше того: премиальную систему, всякие поощрения и прочие способы создания имущественного неравенства, декларированные expressis verbis. И можно ли сомневаться в том, что по мере воссоздания нашей хозяйственной жизни, эти контрасты будут расти—положение, неприятное многим, в том числе и мне самому, но.. я осмеливаюсь его предсказывать, не опасаясь попасть в положение „ложного пророка“. Правда, выдвигается против этого патентованное средство: „обобществление средств и орудий производства“. Но в абсолютно патентованные средства, пригодные для всех времен и народов, при всяких условиях, я не верю. Пока люди не переделаны, переделка вещей, в том числе и обобществление средств производства, могут дать весьма ограниченные эффекты. Эти эффекты сведутся к вывескам egalité на фронтонах общественных зданий, на знаменах казенных демонстраций, да на страницах оффициозов, исписываемых теми, кто при egalité имеет добавочный паек, недоступный простым смертным. Я не могу здесь обосновывать подробно свой невеселый скептицизм. Ограничусь двумя простыми указаниями. Первое: коммунизм средств и орудия производства примитивных групп не помешал, с прогрессом хозяйственного развития, имущественной дифференциации. Второе: огосударствление средств и орудий производства—к чему у нас фактически свелось их „обобществление“,—погашение индивидуального интереса и конкуренции—не новость в истории человечества. Примеры такой хозяйственной системы даны: древней Индией [1]), Спартой, государством Инка, государством иезуитов и рядом других „коммунистических обществ“. Дали ли они здесь имущественное равенство? Смешно даже ставить такой вопрос. В ряде отраслей промышленности (железн. дор. и т. п.) огосударствление средств производства имело место и в „буржуазных“ государствах. Уравняло ли оно экономически положение лиц, занятых в огосударствленных предприятиях? Напрасный вопрос. Помешала ли национализация промышленности у нас появлению тезиса Ц. К. коммунистов к IX парт. съезду, гласящего: „прилежный рабочий должен быть обеспечен лучше, чем нерадивый“ [2]). А премиальная система? А 36 различных тарифных ставок? А синекуры в разных формах, получаемые лицами, оказавшими услуги „отечеству“ (читай: власти) и т. д.

Правда В. И. Ленин признает, что „равенства первая фаза коммунизма дать еще не может“ [3]). А даст ли его вторая? Это вопрос далекого будущего. Блажен, кто верует! Если такое состоя-

---

[1]) См. ряд интересных данных у *Banerjea*: A study of indian economics. Лонд. 1911. *Ranade*: Essays in Indian economics. *Latifi*: The industrial Penjab. Лонд. 1911. *Morison*: The economic transition in India. Lond, 1911. *Martens*. Un grand Etat Socialiste au XV siècle. 1910.

[2]) *П. Правда*. 1920. № 55.

[3]) *В. Ильин*: Гос. и рев. 87—89.

ние и может наступить, то при коренной переделке людей. А это процесс очень медленный, расчитанный на столетия. Медленность его усугубляется рядом других обстоятельств; на некоторые из них указывал еще „буржуазный“ Спенсер [1]).

[1]) Позволю привести из него несколько строк, показывающих кратко невозможность имущественного уравнения при людях с их современными свойствами. Подлинное имущественное равенство „предполагает душевный склад, не возможный в действительности. Община должна состоять из людей с настолько развитой симпатией, что более способные и в силу этого больше приобретающие отдают добровольно свой избыток другим. Часть их прибыли должна итти на уравнение положения тех, кто работает менее успешно. Дарования и способности не дают никаких преимуществ, напротив, составляют невыгоду, п. ч. ими обусловливается усиленная и не вознаградимая потеря энергии. Любовь к ближнему должна быть настолько интенсивна, чтобы вызывать пожизненое самопожертвование. Таковы свойства индивида, оказывающего благодеяния другим. Спрашивается, что же должен представлять из себя тот, кому эти благодеяния оказываются“. Предполагая и в них сильно развитой симпатию, спрашивается: „каково же должно быть состояние менее даровитых, получающих постоянно подачки от более даровитых? Мы должны допустить в них великий альтруизм— и в то же время такое отсутствие его, чтобы он позволял своим товарищам постоянно обирать себя ради него. Все должно быть настолько благородны, чтобы постоянно жертвовать собою для других, и в то же время столь низки, чтобы постоянно принимать от других жертвы. Эти две черты несовместимы. Такой душевный склад невозможен“. Во вторых, такая система заставляет человека обирать своих детей в пользу других, и росчерком пера отменяет могущественнейший инстинкт—родительский. В третьих, похожи ли хоть сколько-нибудь современные люди на этих альтруистов. Ничуть. Свидетельством тому служит политика всех групп и людей. „Она везде проста и одинакова: сперва евангелие (хотя бы и евангелие социализма. П. С.), потом бомбы“. И это не только допускается, но и одобряется. „Культурная“ Англия зверски уничтожает другие народы, во имя „британского могущества“, рабочие всех стран ведут междуусобные войны и убивают штрейкбрехеров. в Германии студенты полосуют друг друга шпагами, в Америке судом Линча убивают ежедневно до 3 человек в день, все грызутся друг с другом, продают с аукциона и честь и совесть и т. д.; и „из людей, которые делают такие вещи и одобряют их, предполагается создать общество, проникнутое духом братства! С помощью административных фокусов надеются организовать общину, в которой вместо эгоизма будет царить любовь к ближнему!“ При этом надежды возлагаются на централизованное управление трудом. „Хотят возстановить Status, при котором управляли бы не отдельные лица, а община“, личность отдают в полное распоряжение государства. „Такой соц. строй вполне соответствует устройству армии. Делай свое дело и получай паек“. Все ставится под контроль власти. „Но переходя от рабочих, управляемых бюрократией, к самой бюрократии, на вопрос: каким образом будет регулироваться деятельность этой бюрократии? мы не получаем ответа. Владея по доверию от общины всей землей, капиталом, средствами передвижения, имея в своем распоряжении войско и полицию, это всемогущее и организованное чиновничество, состоящее из людей, отличающихся таким же аггресивным эгоизмом, как и управляемые, но не подчиненных, как они, контролю высшей власти, обязательно начнет извлекать выгоды из своего положения за счет управляемых. Избирательная власть, предоставленная управляемым, скоро окажется не в состоянии помешать этому, ибо большая, но неорганизованная корпорация не может бороться с небольшой, но организованной. При таких условиях пропасть между управляющими и управляемыми будет расти: мало по малу образуется новая аристократия, на которую будут работать массы и которая, благодаря сплоченности, окажется гораздо могущественнее бывшей. Разумеется, социалисты не желают предвидеть таких результатов. Влюбленные в свою систему (подобно всем фанатикам), они не допускают критики или не придают ей

Ограничусь этими указаниями в пользу моего скептицизма. Хозяйственные системы можно менять, сколько угодно. Но пока люди не готовы, они подлинного имущественного равенства не дадут. Пирамидообразная схема имущественного расслоения пока что не исчезла и не скоро исчезнет. Больше того: она, как мы видели, даже мало меняет свою форму. Исчезает ли она вообще и исчезнет ли когда-нибудь—этими вопросами я не буду здесь заниматься: место им в „Соц. генетике". Там же подробно я остановлюсь и на только что очерченных вопросах. Пока же, увы! мы видим „все то же, то же вновь, доныне и от века", вечные стремления человечества установить имущественное равенство и неисполнение этих чаяний до сих пор, несмотря на бессчетные жертвы и неисчислимые страдания. „Старушка история продолжает свои забавы".

Территориальные перегруппировки.

Если несколько веков тому назад земной шар распадался на ряд частей света, почти абсолютно изолированных друг от друга, то теперь он представляет единую сцену, все части которой связаны друг с другом. Человеческие индивиды теперь циркулируют „вокруг света". Потоки человеческого населения непрерывно несутся с одного места в другое, население любой части земли все время меняется и чем далее, тем быстрее. Вопреки обычному мнению, чем далее, тем люди становятся менее и менее „оседлыми", тем больше и больше пространства пробегает „средний" человек в течение своей „средней" жизни. Иными словами, территориальные перегруппировки возростают и качественно, и количественно [1]). Железные дороги, пароходы, автомобили, аэропланы и др. средства передвижения сделали и делают свое дело. Их появление и рост похожи на появление новой реки в безводном месте: появляясь она сносит и приводит в движение бревна, доски, камни, куски земли, все, что лежит на ее пути или около ее берегов. Недвижное приходит в движение, всю жизнь не трогавшееся с места начинает плыть. То же мы видим и в населении. До появления усовершенствованных путей сообщения территориальные перегруппировки людей были невелики и малоинтенсивны; большинство их жило и умирало не передвигаясь дальше

значения. Они все будут надеяться, что эгоистов можно заставить поступать не эгоистично, нечестных—честно. Они безусловно верят в социальную алхимию, которая из низких поступков извлекает благородные поступки". *Спенсер*: Осн. соц., т. II. 690—696. См. всю главу об социализме. Боюсь, что не только для нашего времени, но и для довольно далекого будущего Спенсер прав. См также *Ле-Бон*: Психология социализма. 1908. Passim.

[1]) Тезис: „чем старее культура, тем более оседлым характером она отличается", неверен.

См. *Бюхер*: Цит. раб. т. II. 170 и сл. Кажущаяся подвижность кочевых народов прошлого и оседлость народов настоящего времени об'ясняется массовым характером переселений в прошлом и индивидуальным характером перемещений в настоящем, скрадывающем его подлинные размеры.

границ своей волости, уезда, много губернии. Теперь амплитуда территориального передвижения людей стала несравненно шире; „китайские стены“ исчезают, люди разных мест, племен, наречий, состояний носятся по громадным пространствам, от „потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, от финских хладных скал до пламенной Колхиды,“ от восточной Европы до Америки. Человечество похоже на потревоженный муравейник, в котором чем далее, тем большее пространство пересекают муравьи. „Стоячая вода“ населения отдельных мест исчезает; миграционные потоки охватили всю землю и текут быстрее и быстрее. Старые исторические „переселения народов“. бывшие редкостью, теперь стали постоянным явлением. Ежегодный контингент лиц, отбывающих из Европы в Америку, превосходит собой всю волну переселения народов. Число эмигрантов из Европы в другие части света с 1800 по 1850 г. составляло около 4.000.000, с 1850 по 1900 г.—не менее 24 миллионов. В 1906 г. число эмигрантов из Англии в Амер. составляло 220.000, из Италии—512.000, Австро-Венгрии—314.000, Шотландии и Ирландии 105.000, Германии — 31.000, Скандинавии — 53.000, эти цифры, плюс солидная цифра эмигрантов из России и др. стран Европы, дают почти $1^1/_2$ миллиона европейских эмигрантов в один год [1]). Прибавьте к этому громадное количество лиц, оставляющих Европу на короткое время, и вы легко поймете, что ежегодные миграционные потоки современного человечества с одного материка на другой оставляют за собой все былые эпохи „переселения народов“. А что сказать о внутриматериковых и внутригосударственных миграциях и переселениях по сравнению с тем, что они представляли 200—300 лет тому назад. Никакого сравнения. Теперь население похоже на кипящий котел воды, где большинство частиц циркулируют от края и до края, сверху до низу и обратно. В прошлом—картина стоячего пруда, где только отдельные частицы передвигались на далекие расстояния; большинство же умирало в пределах своей местности, того видимого горизонта, за которым был „конец света“. Приблизительное представление о междугосударственных миграциях одного материка дают цифры лиц, прибывших из за-границы в 1910 г. в Италию. По одному числу заграничных железнодорожных и пароходных билетов число их было не менее 2.595.223 [2]).

Наконец, если взять миграции еще более ограниченного места, напр., в пределах одного города, то получается картина, не снившаяся древности. В 1891 г. 4 мая была произведена перепись числа лиц, прибывших в Лондонское Сити. За 24 часа в Сити прибыло 1.187.094 чел. и 92.372 повозок [3]). Едва ли древний Рим в дни самых торжественных триумфов насчитывал такое количество лиц, входящих в течение суток в его ворота.

Если взять число лиц, ежегодно прибывающих в город для

---

[1]) *Levasseur*: La répartition de la race humaine. Bul. stat. XVIII. II. 58.

[2]) *Stringher*: Sur la balance des paiements entre l'Italie et l'étranger. Bul. stat. XIX. 3 кн. 104—106.

[3]) *Майр*: Op. cit. II. 499.

оседлой жизни, и число лиц, выбывающих из числа жителей города, то и здесь цифры весьма солидны. Напр., в 1910 г. число иммигрантов в Берлине равнялось 263.391, число эмигрантов из него 206.552 [1]). Увеличиваются с ходом времени не только территориальные миграции людей, но террит. циркуляция вещей, денег и др. форм материальных ценностей [2]).

Общий вывод из сказанного: с ходом истории в общем и целом территориальные перегруппировки растут; иными словами, увеличивается территориальная циркуляция людей, вещей и др. материальных ценностей.

Отсюда ряд следствий: 1) состав населения любой местности становится менее и менее закрытым, в нем должно увеличиваться число лиц, родившихся вне ее, а если речь идет о государственных границах, то число лиц, родившихся за пределами данного государства (иностранцев). Статистика вполне подтверждает этот вывод [3]). Процент иностранцев среди населения одного государства и процент лиц, живущих в данной местности, но родившихся за ее пределами, растет. В больших городах Европы из каждой тысячи лиц, живущих в них, лиц, родившихся в самом городе было (в 90-х годах) в Антверпене 661, в Вене 345. Между этими цифрами колеблется процент урожденного населения других городов [4]). Отсюда видно, что прикрепленность людей к одному месту становится менее прочной и менее длительной. Человеческие песчинки чаще и чаще отрываются от места своей родины водоворотом общественной жизни и переносятся с одного места в другое.

2) Это ведет к постепенному исчезновению специфических черт населения определенной местности; индивидуальность местной группы постепенно падает и растворяется в потоке общего смешения.

3) Следствием этого явления становится ослабление местного патриотизма. Когда индивид родился и умирал в одном месте, такой патриотизм был неизбежен. Теперь же, когда индивид в течение своей жизни циркулирует с места на место, несколько раз меняет свою оседлость, естественно, что он не может быть патриотом своего места в такой же степени, как в первом случае: ему приходится быть одновременно патриотом ряда областей. Прежняя узкая односторонность неизбежно выветривается. Местный патриотизм постепенно заменяется космополитизмом. Таково неизбежное следствие роста территориальных перегруппировок населения.

4) Рост циркуляции людей и вещей означает и рост цирку-

---

[1]) Annuaire stat. des grandes villes. 88 и сл. Там же см. данные для друг. европ. городов.

[2]) См. цифры и данные у *Foville*: Les éléments de la balance économique des peuples. Bul. stat. XV. II. 200 и сл. *Bateman and Fountain*: The import and export statistics. Ib. 219 и сл.

[3]) См. цифры иностранцев в разн. государствах и в разные периоды у *Майра*: Op. cit. II. 155—157, 473, 171 и др. *Levasseur*: La démographie franç. comparée. 33—35. *Annuaire* intern. de stat. 1916. 136 и сл.

[4]) См. *Майр*: Op. cit. 170 и сл. Сборник „*Большие города*". СПБ. 1905. Ст. *Бюхера*, *Майра* и др.

ляции психо-социальных ценностей: идей, верований, вкусов, нравов, обычаев, убеждений и т. д. Индивиды, несущиеся в потоке территориальных передвижений, несут с собой и эти ценности. Последние сталкиваются, сильнее и сильнее смешиваются друг с другом, поток психического взаимодействия растет. Каждый человек оказывается под жерновами этого потока, подвергается переработке, перемалывается, теряет одни черты, приобретает другие и после такой переработки становится иным, чем он был, когда пускался в путь из места своей родины. Местный колорит, лежащий на каждом, выветривается постепенно в процессе „территориальной" циркуляции.

5) Это благоприятствует смешению „рас", смягчению „расовой" изолированности, территориального и государственного патриотизма, смягчению религиозной и языковой нетерпимости, короче, действует в направлении ослабления ряда социальных расслоений [1]).

Таков, вкратце, ряд следствий роста территориальных перегруппировок. Это явление разбивает индивидуальность, местный колорит—группы и содействует росту индивидуальности лица: оно работает в направлении уравнения и смягчения ряда социальных расслоений и вытекающих из них антагонизмов. Но его работа встречается с силами иного рода, противоположными. Этим об'ясняется продолжающееся бытие указанных расслоений и связанных с ними антагонизмов.

Теперь отметим другую форму территориальных перегруппировок, а именно: отлив, уменьшение населения одних территориальных центров, и прилив, скопление населения, в других территориальных центрах. Такие перегруппировки имели место и в прошлом. Но особенно сильное развитие они получили в последние столетия, в 19 и 20 в. Типичным примером таких перегруппировок может служить рост городов и концентрация городского населения. Представление об темпе таких перегруппировок дает следующая таблица, показывающая население указанных городов (в тысячах) в разные периоды времени.

	1800—1801	1850—51	1900—07
Лондон	958	2.362	4.758
Нью-Иорк	60	515	4.113
Париж	648	1.200	2.763
Берлин	172	411	2.049
Чикаго	003	30	2.049
Вена	231	430	1.771
Петроград . . .	220	475	1.939
Всего . .	2.290	5.423	18.942 [2])

[1]) См, об этом *Бугле*: Эгалитаризм. Рус. пер. 1904. *Зиммель:* Большие города и духовная жизнь *Петерман*: Дух. значение больших городов, в сб. „*Большие города*". *Draghicesco:* L'idéal créateur. 1914.

[2]) *Levasseur*: La repart. de la race humaine. 57. Подробные цифры см. в ст. *Бюхера и Майра* (сб. Большие города), у *Вебера*: Рост. городов в 19 стол СПБ. 1903. в *Annuaire des grandes villes.* Meuriot: De la mesure des agglomeration urbaines. Bul. stat. XIX I. 157 161 Бюхер: Возникнов. нар. хоз. II. 117 и сл. О колебаниях плотности населения различных территорий см.

Эти цифры показывают, что население непрерывно совершает перегруппировку в смысле прилива и отлива из определенных местностей. Особенно силен прилив в большие города, плотность и число населения коих от этого растет с колоссальной быстротой. Чем они больше, тем в общем сильнее их „притягательная сила". (Недаром один американский социолог формулировал социальный закон тяготения, гласящий: притягательная сила городов прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния).

Это явление чревато многими следствиями, очерчивать которые я здесь не могу.[1] Одними из них являются: ускорение темпа социальной эволюции, интенсификация психич. жизни; с одной стороны, нивелировка и перемешивание индивидов, с другой—их индивидуализация; с одной стороны—уравнение, с другой—усиление неравенства и т. д. Ограничимся этим в характеристике территориальных перегруппировок.

Об'емно—правовые перегруппировки.

Даже краткое, но всестороннее рассмотрение об'емно—правовых перегруппировок, в основных их формах, здесь немыслимо. Потому я ограничу свою задачу и очерчу только одну из типичных форм перегруппировок этого рода. Я разумею перегруппировки колективов управляемых и управляющих, или властвующих и подвластных. Полученные выводы, с соответственными изменениями, будут применимы и к другим видам об'емно-правовых расслоений населения.

Как выше было указано, всякое сколько-нибудь численное, длительно сосуществующее население—аггрегат организованный, распадается, говоря упрощенно, на два слоя: управляющих с их агентами и подвластных. Первые представляют обычно привилегированных, вторые обделенных. Форма аггрегата и здесь похожа на пирамиду, верхушка или верхние слои которой заняты управляющим меньшинством, нижние, широкие слои—управляемым большинством. Это применимо и к государству, и к церкви, и к партии, и к профессиональным, языковым и др. организованным коллективам. Для краткости в дальнейшем я буду иметь дело только с государственными коллективами; но все, сказанное об них, mutatis mutandis, применимо и к другим, негосударственным группам.

Даны ли здесь перегруппировки? Детализируя вопрос, спросим себя: 1) дана ли здесь циркуляция индивидов из слоя управляемых в слой управляющих, из низших рангов властителей в высшие, (восходящий ток) и обратно, „падение" властителей в подвластные или в низшие этажи правительственной иерархии (нисходящий

Levaseur et Bodio: Statistique de la superficie et de la population des contrées de la Terre. Bul. stat. XII. II. 1—110. *Annuaire stat.* 1916. 4 и сл.

[1]) Кое-что, но не все и не главное дают в этом отношени ук. ст. Зиммеля, Петермана, Шефера и др. в сб. Большие города. См. также Maunier. L'origine et la fonction econom. des villes. 1910. *Draghicesco:* L'ideal,

ток)? 2) Если да, то как вариирует во времени и в пространстве кривая интенсивности такой циркуляции? 3) Чем вызывается последняя? 4) Как колеблются относительные об'емы каждой из этих основных групп? 5) Наконец, уничтожается ли расслоение на правящих и управляемых, есть ли в этом отношении какая либо постоянная тенденция, иными словами, исчезает ли пирамидообразная форма об'емно—правового расслоения по существу?

Таковы вопросы, которых я кратко коснусь в дальнейшем. Обратимся к первому из них. История любого населения и собственное наблюдение каждого из нас говорит о том, что циркуляция индивидов из слоя управляемых в слой управляющих и обратно,—факт несомненный. Правящая аристократия, будет ли ею император и его потомки, патрициат или дворянство, министры и влиятельные депутаты, бояре и княжие мужи, не вечна. Многие властители в течение своей жизни с верхушки пирамиды попадают в ее нижние слои; потомки бывших властителей после нескольких поколений оказываются в рядах управляемых. И обратно,—многие обитатели нижних этажей пирамиды инфильтрируют в верхние этажи, иногда на самые высокие места (Марий и Сулла, Кромвель, Робеспьер и Ленин, Бирон и Наполеон, Сперанский и Витте, большинство родоначальников императорских и королевских домов и т. д.) Словом, факт такой циркуляции несомненен. Интенсивность ее вариирует в пространстве и во времени. В ряде аггрегатов, напр., в кастовом или узко сословном населении, эта циркуляция очень слаба. Здесь один слой отделен от других столь крепкими барьерами, что пройти сквозь их, особенно с низу на верх, удается очень немногим „верблюдам". Родившийся в высших слоях обычно остается там, потомки управляемых, низших каст или сословии, обречены быть внизу. Правящая аристократия здесь замкнута и наследственна. Дети судры, раба или холопа обречены быть судрами и холопами. В других обществах, напр., в демократических, эти перепонки, разделяющие слои правящих и управляемых, более тонки и проницаемы.

Гогенцоллернская Германия, Монархическая Россия, Франция и Англия, Япония и С. А. С. Штаты, являются примерами стран с различной интенсивностью циркуляции снизу вверх, и обратно.

Вариирует эта циркуляция и во времени. В истории одного и того же населения имеются периоды, когда она очень слаба, и периоды, когда она принимает форму быстрого и бурного потока, производящего массовые перемещения. Последние периоды носят название революции. Любая из них с этой точки зрения представляет не что иное, как массовое перемещение обитателей верхних этажей на нижние, и обратно. Наблюдается обратная пропорциональность остроты таких конвульсивно-революционных взрывов с степенью затрудненности циркуляции или закрытости правящей группы. Чем более циркуляция затруднена, чем более закрыты правящие слои и чем эта закрытость продолжается дольше, тем неизбежнее конвульсивные перемещения,—революции, тем они будут острее и кровавее [1]). Такой вывод следует из простых соображений.

[1]) M. Kolabinska в своей монографии наглядно показала, что во Франции с конца 17 и в 18 в. эта циркуляция была ослаблена и затруднена множе-

Всякий социальный аггрегат может сохранять состояние равновесия, т. е. присущую ему структуру, только тогда, когда в нем имеется соответствие между функциями и выполняющими их людьми. „Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник“. Функции властвования требуют соответственных качеств от их представителей (Эти качества изменчивы в зависимости от условий, в которых живет аггрегат; напр., в обществе, постоянно воюющем, наверху должны быть люди с способностями военного вождя, организатора, стратега, безпощадные и жестокие; примеры: Марий, Сулла, Цезарь, Наполеон и др.; люди с мирными инстинктами, гуманные, сердобольные в правители таких аггрегатов негодны; если по инерции они и остаются, то они только царствуют, а не управляют; в аггрегате мирном—дело обстоит наоборот).

ством барьеров, которыми правящие пытались остановить инфильтрацию низших в слой высших. В этот период в низах накопились в ненормальном обилии элементы „высшие“, в верхах—элементы негодные для властвования. В итоге такого нарушения равновесия неизбежен был взрыв, который и совершился в виде французской революции. См. *Kolabinska*: La circulation des élites en France. 1912. Периоды с 1610 по 1715 и с 1715 г. до франц. революции. Сказанное об'ясняет острый характер нашей революции и революции стран кастовых и сословных. У нас эта циркуляция во все периоды истории была очень слаба. Правящие слои старались замкнуться. Если нормальная инфильтрация снизу вверх и имела место,—она носила ничтожные размеры. Отсюда неизбежность конвульсивных перемещений. Примерами их могут служить: эпоха опричнины, означавшей не что иное, как массовое перемещение выродившихся потомков боярства и княжат сверху вниз и замещение высших слоев выходцами из разнообразных более низших пластов. Это прекрасно выражено в челобитной Грозного Симеону Бекбулатовичу о разрешении ему „*людишок перебрать, бояр, и дворян, и детей боярских*, иных бы еси освободил отослать, и... пожаловал изо всяких людей выбирать и принимать“.

Вслед за опричниной громадные перемещения совершились в период смуты, приведшие к установлению новой аристократии. В пределах высших слоев циркуляция была облегчена уничтожением местничества, зато в низших слоях, закрытых от верхних, неизбежны были конвульсии, направленные на уничтожение препон, мешавших инфильтрации низших в высшие. Восстание Стеньки Разина—следствие такой закрытости и пример конвульсивной попытки перемещения. При Петре совершился новый значительный приток „свежей крови“ в ряды властителей. „Табель о рангах“ ослабила препоны, мешавшие циркуляции. Но после Петра новых громадных сдвигов почти не было. Возстание Пугачева окончилось неудачей. У власти оставалось в течение двухсот лет „благородное дворянство“. Инфильтрация снизу вверх была ничтожной. Правящие вырождались, в управляемых копились элементы, место которым было в ряду правящих. Революция 1905 г. была первым взрывом, позволившим многим членам торгово-промышленного класса и среднего сословия инфильтрировать в слой управляющих. Революция 1917 г. была вторым взрывом, окончательно очистившим правящие слои от „гнили“ и посадившим на место ее „головастиков“ низших слоев. Такие „перебои“ в странах с ничтожной циркуляцией неизбежны. Иное мы видим, например., в Англии и в С. А. Штатах. Не только Англия 19 и 20 в., но и Англия после кромвелевского периода не была страной с закрытым правящим классом. „Если человек среднего класса выдавался своим умом, своей работой, или отношением родства, если он вел образ жизни джентльмена, ничто не мешало ему быть принятым в состав правящего класса, так как здесь не было юридических барьеров между классами. Таким образом, аристократия Англии, будучи исключительной, в то же время не была закрытой“, так характеризует Острогорский старую Англию. *Ostrogorski*: Цит. раб., 4.

Функции подчинения—тоже. Люди, как мы видели, неравны. Одни по своим свойствам пригодны быть вождями, другие—управляемыми. Равновесие аггрегата будет идеальным, если все индивиды будут распределены сообразно их свойствам. Но этого, к сожалению, почти никогда не бывает. Если предки властителей и подчиненных занимали свои места „по праву", т. е. имели ряд свойств, выдвинувших их на вершины или на низы пирамиды, то их потомки сплошь и рядом этого „права" не имеют. Не имеют потому, что *от родителей сплошь и рядом рождаются дети, не похожие на них по своим свойствам.* От „прирожденных господ" весьма часто рождаются „прирожденные рабы", лишенные всяких способностей властвования, и обратно, от родителей—„рабов за совесть"—рождаются часто „прирожденные властители", место которым наверху. Если нормальная циркуляция ничтожна, то „рабы по природе" копятся в верхних слоях, „господа по природе",—в низших. Существующие барьеры мешают их перемещению. Равновесие общества нарушается. От такой несообразности весь аггрегат начинает страдать; механизм общественной жизни расстраивается. „Головастики" из низших слоев стремятся вверх, „гниль" верхних слоев остается там. В результате рано или поздно наступает острый взрыв и происходит насильственное переселение. Иногда этот взрыв ведет к смертной агонии всего аггрегата, гибнущего в процессе взаимной борьбы; чаще же всего, после периода кровавых спазм, сопровождаемого обычно разгромом и уничтожением бывшей аристократии, на ее месте поселяются „головастики", водворяется новая аристократия, вплоть до нового взрыва, который сметает ее или ее потомков так же, как и сметенных ею предшественников. Так дело обстоит в аггрегатах с ничтожной циркуляцией. В аггрегатах же, где последняя относительно интенсивна, где нет непроницаемых барьеров, такого накопления „неподходящих жильцов" в разных этажах быть не может. Здесь значительная часть из них инфильтрирует в соответственные слои. От этого равновесие аггрегата менее нарушается. Сотрясения происходят и здесь, ибо пока что нет общества, где такая циркуляция была бы абсолютно свободной, но эти сотрясения не имеют тех кровавых и острых форм, как в первом случае [1]). Такова связь острых революций с интенсивностью циркуляции.

Констатировав ее существование и варьирование, спросим себя: каковы же ее причины? Таких причин много. Из них я укажу только две вечные причины, мешающие всякой аристократии быть вечной и неизбежно вызывающие циркуляцию. Одна из них уже очерчена: это несходство детей с их родителями, влекущее за собой появление и рост в каждом слое гетерогенных ему элементов. Вторая, это быстрое вымирание, падение плодовитости и вырождение аристо-

[1]) См. подробности этого процесса и их математическую формулировку в цитированных в работах: *Колабинской, Sensini, Pareto, Лапужа*; См. также *Fahlbek*: La dêcadance et la chute des peuples. Bul. stat. XV. II. 367-389. *Его же*. La noblesse de Suède. Jb; т. XII. I. 169-181. *Его же*; Les classes Sociales Ib. XVIII. I. *Furlan*: La circulation des élites. Rev. soc. 1911. 385-95; 850-860.

кратии. Чем замкнутее последняя, тем эти процессы вымирания и падения рождаемости, повидимому, совершаются интенсивнее. Какими причинами они вызываются—не будем здесь касаться. Но факт, повидимому, таков. Без притока „свежей крови" аристократия обречена на бесплодие и исчезновение. Приведу несколько цифровых данных. Число спартиатов во времена Ликурга было около 9.000, в 480 г. их было 8.000, в 420 г.—6.000, в 371 г.—2000, во времена Аристотеля—1.000., в 230 г.—700, из которых только 100 могло принимать участие за коммунальным столом. В Афинах, после Херонейской битвы, пришлось сразу возвести в ранг эвпатридов 20.000 метеков и рабов. В Риме, чтобы иметь в позднейшие эпохи 300 сенаторов, пришлось возвести в их звание 177 плебеев, за отсутствием надлежащего числа патрицев [1]).

Вслед за патрициями угасли и роды нобилей, всадников и римских правящих семейств. Ко времени Клавдия угасли не только древние патрицианские роды, но даже те, которые возвысились при Цезаре и Августе [2]).

То же видим и позже. По свидетельству Бюхера выдающиеся роды средних веков редко переступали второй век своего существования [3]). Продолжительность аристократичесхих семейств Франции не превышала 300 лет в среднем. В Англии из 500 семейств древней знати сейчас нет почти ни одного, который восходил бы в прямой линии до 15 века [4]). Почти все современные наследственные пэры, носящие древние фамилии, возведены были в это достоинство и пожалованы фамилиями гораздо позже. Так, из 394 семей пэров в 1837 г., 272 были возведены в это достоинство с 1760 г. С 1611 г. угасло 753 баронских семейства [5]).

К тому же ведут и более детальные исследования. В Аугсбурге из 51 семей сенаторов в 1368 г., к 1538 г. осталось только 8. В Нюренберге в 1390 г. 118 семей составляли патрициат; в течение ста лет 63 из них угасло [6]). В Берне в 1717 г. заседало в Совете 381 семейство, к 1787 г. 148 из них угасло [7]). Фальбек произвел особенно тщательное исследование шведской аристократии. Итоги ее таковы: из 1219 фамилий шведской знати 946 (77, 6%) угасли в течение 0—100 лет, 251 семейство—в течение 101—200 лет, 21 семейство—в течение 201-300 лет; лишь одна семья пережила 300 лет. Из 1547 фамилий не менее 1298 (84%) исчезли на 3-м поколении, только 2 достигли 9-го поколения, и ни одна не перешла его [8]). Wacher исследовал среднюю продолжительность жизни ряда

---

[1]) *Bouglé*: La démocratie. 81.
[2]) *Вольтманн*. Op. cit. 279.
[3]) *Бюхер*: Возникнов. Нар. Хоз. II. 149.
[4]) *Bouglé*: Там же 81.
[5]) *Doubleday*: The true Law of Population. 1853. 35.
[6]) *Bouglé*: Там же: 82.
[7]) *Furlan*: La circulation des elites. 850—860.
[8]) *Fahlbeck*: La noblesse de Suede. 173. См др. данные у Sensini., *Вольтмана*, *Бугле*, *Фальбека*, *Gini*: I fattori demografici. Passim. И у нас, ко времени Өед. Алекс., боярство почти все вымерло. См. *Платонов*: Лекции. 437

королевских домов. Его вывод гласит: „королевские расы по продолжительности жизни своих членов ниже рас народных“ [1]).

На ряду с быстрым вымиранием правящие слои обречены на бесплодие. В династии Капетингов из 118 браков между родственниками 41 были бесплодны. В династии Веттинов из 28 браков 7 бесплодных, 1—с 1 ребенком, в Виттельсбахской династии из 29 браков—9 бесплодных и 5 по 1 ребенку [2]).

Исследование Fahlbeck'a говорит, что вымирание шведского дворянства об'ясняется прогрессивным ростом бесплодия (% бесплодных браков с каждым поколением растет, в первом поколении напр., их % равняется 13,72, во втором—63,68), прогрессирующим падением плодовитости, ростом смертности, и характерным ростом женского потомства в последующих поколениях [3]).

Отсылаю читателя за дальнейшими данными к цитированным работам. Раз дело обстоит так, то в силу одной этой причины, помимо всяких других, верхние правящие слои обречены с ходом времени на опустение, если они абсолютно закрыты. Постепенно угасая, они должны были бы оставить вершину пирамиды незаселенной, т. е. оставить социальный аггрегат без власти. Этого не бывает: „было бы болото, а черти найдутся“. Под давлением социальной необходимости пустующие места угасающих властителей заполняются элементами низших слоев, сначала обычно более близких к правящим, а затем, когда резервуар пригодных для властвования лиц из этих слоев исчерпан, происходит рекрутирование правящих лиц из еще более низших пластов. Если рекрутирование удачно, т. е. если эти слои снабжают достаточное число лиц, обладающих требуемыми от хорошего правителя свойствами, и если последние воспитаны в духе старой культуры, об'емно-правовая архитектоника группы в общем и целом имеет шансы на сохранение. Если резервуар пригодных лиц исчерпан или отбор совершается неудачно, или они слишком гетерогенны по своему поведению, нравам, обычаям и т. д., дело обычно кончается распадением всего аггрегата, полным развалом его структуры [4]), и созданием на его месте новых групп.

Таковы вкратце условия, делающие циркуляцию из слоя в слой необходимой во всех странах и во все времена. Сколько нибудь длительно-существующих аггрегатов, где такой циркуляции не было

---

[1]) *Vacher*: La longévité dans les familles. Bul. stat. IX. II. 62.

[2]) *Вольтман* Там же, 110

[3]) См. цифры и таблицы у Fahlbeck'a: Там же. 169—181. См. богатый материал у Gini: там же.

[4]) Интересную картину в этом отношении дает история Рима. Здесь, с падением и уменьшением патрициата, правительственный класс стал пополняться выходцами из плебеев. В дальнейшем этот резервуар также был исчерпан, и „правители“ стали вербоваться из выходцев Галлии, Испании, Азии и варваров. Когда и этот источник не стал давать достаточно пригодных лиц, Рим распался и развалился. См. Sensini. Op. cit. 603 и сл. „Вольноотпущенники и варвары, продвигаясь к богатству и к высоким должностям, не имели ни желания, ни способностей сохранить высокую классическую культуру с ее наукой и искусством. Таким образом угасла одна из самых блестящих цивилизаций, когда либо виденных миром“. Fahlbeck: La décadance... des peuples. 370. См. также: Jordan. Op. cit.

бы, мы не знаем, как не знаем и таких „обществ“, где она была бы абсолютно свободной, где верхние слои сознательно или бессознательно не ставили бы препятствий для инфильтрации элементов снизу или сами, добровольно, спускались бы вниз, предоставляя свои места любителям. Всюду циркуляция происходит, и нигде она не вполне свободна; но ее быстрота и интенсивность варьируют в пространстве и времени. Есть ли в этом варьировании постоянная односторонняя тенденция, не будем здесь обсуждать. Следует только указать, что мнение многих лиц, напр. Фальбека, о постепенном ускорении темпа такой циркуляции и о постепенном росте ее свободы и интенсивности требуют весьма и весьма серьезных оговорок [1]). И в прошлом, и теперь были и есть агрегаты и с интенсивно-свободной и с слабой (затрудненной) циркуляцией. Тенденция, быть может, и есть, но она слабо выражена и далеко не прямолинейна.

Теперь в двух словах (увы! нет места и бумаги для более полной характеристики) коснемся об'емно-правовых перегруппировок, состоящих в колебании об'емов правящих и управляемых групп. Такие колебания имеют место. Иногда различные слои управляющих (напр., сейчас в Р. С. Ф. С. Р.) значительно разбухают, иногда они сужаются. Но никогда эти колебания не бывают очень значительными; тем более они не приводят к положению „семерых капралов и одного рядового“, не ставят пирамиду вверх ногами. Такое состояние означает просто состояние анархии и отсутствие об'емно-правовой организации общества. Если в эпохи революций такие состояния и бывают, то это не значит, что управляет большинство меньшинством, а значит только, что нет никакой власти или властвует кто над кем может. Это проявляется в „борьбе всех против всех“. Кончается анархия, наступает „порядок“, и пирамида воскресает с ее традиционным правящим меньшинством и управляемой, эксплуатируемой массой. В этом отношении пирамидообразная форма об'емно-правового расслоения была и остается. Вариации об'ема правящих и управляемых групп не изменяют ее существа [2]).

---

[1]) Левассер прав, возражая на этот счет Фальбеку и приводя в свою пользу исторический документ 17 в., рисующий весьма интенсивной циркуляцию этого времени. В ряде довольно примитивных государственных групп смена вождей, царей и князьков, явление тоже довольно частое. Подробно в „Генет. социологии“. См. возражения Левассера: Bul. Stat. XVIII I. 123—124.

[2]) Наивные люди могут, в виде возражения, указать на монархию, как на пример группы с единоличным правителем и на народоправства с „властвованием народа, для блага народа и чрез посредство народа“ и сказать: „в первой группе об'ем властвующих ничтожен, во второй—он составляет большинство“. Наивность такого возражения ясна. Никакой деспот не правит единолично; он только орудие, лидер, символ той правящей клики, которая, в виде верхних слоев, — военных, церковных, торговых, индустриальных и др. групп, — стоит за ним и интересы которой он представляет. С другой стороны, ни в каком „народоправстве“ большинство народа не управляло и не управляет; правящая аристократия, в лице президента, министров, депутатов, „выборных“ комиссаров, начальников и всяких лидеров, и здесь составляла и составляет столь же малочисленную группу, как и в деспотиях. Большинство тут и там управляется. Разница лишь в том, что деспоты правят несуществующей „Божиею милостью“, „народные

Спросим себя, наконец, уничтожается ли с ходом истории расслоение на правящих и управляемых? Ответ гласит: оно было и оно есть. Будет ли? Вероятно в относительно близком будущем оно не исчезнет. Мыслимо, что в будущем циркуляция из одних слоев в другие будет более интенсивной и быстрой; возможно, что более мягкими и менее беззастенчивыми будут формы эксплоатации правителями управляемых. Допустимо, что первые принуждены будут сильнее считаться с интересами последних и не так бесстыдно жонглировать „волею народа". Все это допустимо и возможно, хотя и не может быть неоспоримо доказано. Полное же исчезновение этого расслоения—маловероятно. Если оно и может мыслиться, то как предельная величина, с которой переменная может сравниться только в бесконечности. Не будем гадать о том, что случится чрез миллионы лет. Достоверно одно, что в той или иной форме на ближайшие столетия это расслоение останется, как останутся (хотя бы и в более мягкой форме) командование меньшинства над большинством (конечно „волею большинства!") и сопутствующие ему явления. Это неприятно. Но... не в власти исследователя законы необходимости [1]. Все попытки уничтожить его не достигали своей цели. Все революции только переменяли роли молота и наковальни. Ни одной из них, в том числе и нашей, не удавалось уничтожить это расслоение. Мало надежды, чтобы оно исчезло и в будущем

Религиозные перегруппировки.

Религия человека—социальный костюм, который можно снять и переменить. Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человека.

В последних—коренное ядро религии. Верования, догма,—это только вуаль, „идеологическое оправдание" и выражение чувств—эмоций человека. Не важно, чтобы они были логичны,—важно, чтобы вера была горячей. „Логика мало заботит веру (как комплекс чувств.—эмоц. состояний), последняя в суждениях, ясных по тенденции и смутных по форме, извлекаемых ею из себя самой, ищет только удовлетворения", правильно говорит Guignebert. Не важно, если догма будет противоречива. „Живая вера (в силу нелогической природы человека) мало смущается трудностями такого рода". Она примет какую угодно нелепость, если последняя соответствует ее аппетитам [2]. Чувства—эмоции человека или, говоря словами Sumner'а, нравы, формируются под влиянием социальной

избранники"—несоблюдаемою и неизвестною „волею народа". См. правильн. замечания *Bentley*: Цит. раб. Гл. XII. 298—320. *Sensini*: Цит. раб. 604—605.

[1]) Подробно об этом в „Соц. генетике".

[2]) *Guignebert*: L'Evolution des dogmes. Paris. 1910. 143 и сл. См. *Pareto*: Цит. раб. т. I и II. Passim. См. также *Джемс*: Многообразие религиозного опыта. Изд. Шиповник. *W. Sumner*. Religion and the mores. Am. j. soc., v. 15. 577—595. *Ellwood*: The social function of religion. Ам. ж. соц., т. 19. 289 и сл. *Ле Бон*: Психология социализма. Passim.

среды, теснейшим образом с нею связаны, и пока последняя остается в общем одинаковой, одинаковыми остаются и они. А раз так, то малоподвижными будут и догмы,—верования, идеологические формы религии, — ибо „нравы“, основной уклад социальной жизни, меняются медленно [1]). Этим об'ясняется сравнительная медленность религиозных перегруппировок: индивиды остаются „абонентами“ определенной церкви до тех пор, пока она в своих нравах коренным образом не начинает противоречить их чувственно-эмоциональному состоянию и аппетитам. Противоречие догмы и ортодоксии „логике“ не важно; оно играет ничтожную роль.

Обращаясь к данным религиозных перегруппировок, мы видим, что, кроме эпох острой религиозной борьбы, нормальная циркуляция индивидов из религии в религию сравнительно слаба. Основные религиозные группы, особенно крупные, имеют устойчивые об'емы. Религия индивида „оказывается результатом не специального решения лица (как, напр., брак), но лишь последствием предыдущего... исторического развития. Она просто наследуется в данной социальной среде“ (Сын католика становится католиком, православного-православным и т. д.). Сознательные переходы из религии в другую имеют ничтожное значение. (Кроме эпох религиозных движений) [2]). Отсюда понятна устойчивость процентного отношения числа абонентов различных религий. Вариации здесь очень малы [3]).

Иной вывод получится, если взять столетия и тысячелетия. На протяжении их религиозные перегруппировки в виде колебания об'ема религиозных групп весьма значительны: одни религиозн. коллективы исчезают, другие появляются. Причем эти процессы

---

[1]) См. прекр. книгу *Sumner*'a: Folkways: a Study of the Sociol. Importance of Usages, Manners, Mores and Morals. Boston. 1907.

[2]) *Майр*: Цит. раб. т. II. 148—149.

[3]) Приведу для иллюстрации пару таблиц. На 100 жителей Германии приходилось на долю

	в 1871 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.
Евангел. вероисп.	62	63	62	62
Катол.	36	35	35	35
Друг. христ.	0.2	0.17	0.27	0.29
Иудеев	1.25	1.24	1.2	1.15
Лиц неизв. рел.	1.03	0.07	0.02	0.03

Майр: Там же. 152.

Во Франции на 10.000 жит. приходилось в

	1861 г.	1866 г.	1872 г.
Католиков	9.763	9.768	9.802
Протест.	214	223	160
Иудеев	21	23	14
Друг. неизв. рел.	2	6	24

Левассер: La demog. franç. 30. Уменьшение протестантов в 1872 г. вызвано отделением Эльзас-Лотарингии.

См. друг. цифры для Европы в *Annuaire Stat*. 1916. 152—157.

Для Америки см. *Giddings*: The Soc. mark Systeme. Ам. ж. соц. т. 15. 735—6. *Coe*: Notes on the recent census of relig. bodies. Там же. 806 и сл. Из всех этих данных следует весьма ничтожная вариабельность относительного об'ема религ. групп.

совершаются, подобно государственным перегруппировкам, скачками, резкими колебаниями. Столетиями религиозное расслоение может оставаться почти неизменным. Затем вдруг наступает эпоха кризисов; начинается интенсивное религиозное брожение; индивиды массами начинают перекочевывать из одной религии в другую; одни религ. группы худеют, иногда исчезают совершенно; другие—появляются и растут с изумительной быстротой (примером таких эпох могут служить первые века распространения христианства, ислама, эпоха реформации или современная эпоха распространения религии социализма и т. д.). Чрез несколько десятков лет вся картина религиозного строения населения оказывается радикально измененной. Затем снова наступает эпоха „затишья", продолжающаяся иногда десятки и сотни лет, впредь до нового периода движений. Циркуляция индивидов происходит и в такие периоды, но она относительно ничтожна [1]). Такова схематическая кривая религиозных перегруппировок.

Чем вызывается смена периодов религ. движений и застоев— не будем здесь касаться. Из вышесказанного ясно, что она стоит в связи с изменением всего социального уклада населения, меняющего его mores, аппетиты, стремления и чувства—эмоции. Она служит следствием и симптомом этого изменения, с одной стороны, с другой,—новая вера, раз появившись, сама оказывает известное воздействие на это изменение [2]).

Коснемся теперь в двух словах вопроса об будущем религиозного расслоения. Исчезнет ли оно?—Едва ли. Это могло бы быть тогда, когда все люди стали бы членами одной религии. Это маловероятно. История говорит не об уменьшении числа религиозных групп, а напротив, об его увеличении. Религиозная гетерогенность людей не уменьшилась, а скорее возросла. Могло бы религиозное расслоение исчезнуть и в том случае, если бы человек становился все более и более логическим и рационалистическим, т. е. считал бы истинным только то, что проверено опытом, наблюдением и др. методами точной науки. Нет сомнения, что знания, (как положения об'ективно-правильные и проверенные, в отличие от верований, как положений об'ективно-неверных или непроверенных, частным видом которых служат религиозн. верования), растут. Там, где появляются знания, они рано или поздно вытесняют верования и становятся общеобязательными. (Таковы, напр., теоремы точных наук; социальные же „науки", в отличие от естественных, — история, экономика, право, психология, социология и

---

[1]) Представление о ней дает „микроскопический" анализ перегруппировок мелких религиозн. групп. Так, напр., статистическое обследование С. А. С. Штатов в 1906 г. вскрыло следующие изменения в религ. группировке за 16 лет, с 1890 г. по 1906. За этот период времени из 32 коммун. религ. групп исчезло 10. Число их членов уменьшилось с 4.049 до 2.272. Появилось новых 29 религиозн. групп. Равным образом рост крупных религиозных коллективов (катол. и протест.) шел не вполне одинаково.

См. *Coe*: Notes on the recent census of relig. bodies. Ам. ж. соц., т. 15 806—7.

[2]) См. ряд правильных соображений на этот счет в цит. раб. *W. Sumner'a*, *Guignebert'a*, *Парето*, *Лебона* и др. Об'яснения будут даны в „Соц. Механике".

т. д., представляют в огромной своей части не знания, а верования, преподносимые в „наукообразной“ форме)[1]). Но верования, изгнанные из одной сферы, подобно чертям, бегущим от ладана, водворяются в другой. В итоге область их не уменьшается, и человек не становится более логичным.

Меняются только формы верований. Огромная часть умственного багажа современного человечества, не исключая и ученых, состоит не из знаний, а верований, суб'ективно принимаемых за знания. Мы удивляемся абсурдности верований „первобытного человека“. Будущие поколения будут во многом удивляться нелепости наших верований. Хотя знания и растут, но так как область явлений, куда могут перекочевывать верования, безконечна, то нужно безконечное время, чтобы уничтожить их абсолютно.[2])

Живучесть верований следует и из теснейшей их связи с аппетитами, с чувствами—эмоциями человека. Если „идеология“, „догма“, „верования“ соответствуют и консонируют с ними, то верования будут приняты, привьются и распространятся, будь они нелепыми из нелепых. Успех христианства или ислама, или религии „демократизма“, „социализма“, „монархизма“ etc., об'ясняется не тем, что соответственные идеологии „истинны“ или „ложны“, а

[1]) „Современные социальные науки, правильно говорит *Парето*, не достигли еще стадии логико-экспериментальной. В них преобладают верования, и поэтому теории обществ. наук часто отдаляются от реальности гораздо дальше, чем мнения простых эмпириков“. Как китайские мандарины, воображающие себя учеными правителями, суть худшие из правителей, так и всякого рода „идеологи“ и intellectuels, слепо верующие в свои догмы и фанатически руководствующиеся ими, суть худшие из всех правителей. *Pareto*: Цит. раб., т. II. 590.

[2]) Частичным подтверждением сказанному служит ничтожный процент лиц, не принадлежащих ни к какой из исторических религий, с одной стороны, с другой, отсутствие падения числа членов религии. Так % лиц, „без культа“, не принадлежащих ни к какой религии, в 1910—11 г. г. был:—в Пруссии (в 1900 г.) 0.02., в Баварии—(в 1910) 0.06, в Саксонии—0.01, в Вюртемберге—0.06, в Австрии—0.07, в Венгрии—0.01, в Дании—0.3, в Исландии—0.14, в Италии—2.52, в Люксембурге—0.64., в Норвегии—0.59, в Голландии—4.87, в Португалии—0.03. Как видно отсюда, процент таких лиц ничтожен.

Annuaire stat. 1916. 152—157. *Майр*: Statistik und Gesellschaftslehre. III. 92—95. Та же статистика говорит, что число их за последнее десятилетие не возросло. См. там же.

Ценз 1906 г. в С. А. С. Шт. показал, что число лиц, принадлежащих к религ. группам в 1906 г. по сравнению с 1890 г. не упало, а возрасло и не только абсолютно, но и относительно, по сравнению с ростом населения. „Число членов религ. групп возросло значительно сильнее, чем население“. Последнее увеличилось на 34%, число членов религиозн. организаций на 60%. *Coe*: Цит. ст., 806.

Вот и доказывай после этого рост „атеизма“, и „разума“. Добавлю еще, что мировоззрения большинства „атеистов“, приверженцев „религии разума“ etc, не причисляющих себя ни к какой религии, как и „религия разума“ Робеспьера, в огромной части состоят не из знаний, а из верований, часто столь же нелепых, с точки зрения опыта и логики, как и верования наивного анимиста. О том же говорят и современные факты. Наши апостолы „религии разума“—коммунисты—экспериментально, путем вскрытия мощей etc., доказывают лживость православия. В качестве следствия получается распространение легенд о чертенке, родившемся от коммунистки, установление очередей (в Вологде), для его созерцания и т. п. неожиданные эффекты. *См. П. Правда*, 1920 г., 9 июля, ст. о Чертях.

тем, что они соответствовали и соответствуют инстинктам и чувствам—эмоциональным вожделениям их адептов [1]). Отсюда их успех и легкая прививаемость в соответственных группах. Так как трудно допустить, чтобы положение всех индивидов в системе социальных координат или в социальном пространстве стало одинаковым в будущем, то различными будут их аппетиты, вожделения и чувства—эмоции. А раз последние будут несходными, различными будут и их верования, в том числе и религиозные верования. Вот почему не приходится надеяться на исчезновение религиозного расслоения и в будущем, по крайней мере, в ближайшие столетия.
Более вероятно ослабление антагонизма, вызываемого различием верований. Но и оно может быть подвергнуто сомнению. Различие верований „коммуниста" и „монархиста" теперь, как в прошлом различие верований католика и еретика, вызывает самый острый антагонизм и заставляет разноверующих без угрызений совести отправлять друг друга на тот свет ad majorem gloriam коммунизма или монархизма. Формы верований изменились, суть их осталась той же. Вот почему даже надежды на ослабление антагонизмов, вызываемых различием верований, далеко не бесспорны. По крайней мере, наблюдаемые сейчас факты говорят о том, что вековая проповедь терпимости чужих мнений и уважения чужих верований не мешала и не мешает тому, чтобы противника отправлять на тот свет, если не под звон колоколов инквизиции, то под аккомпанимент ружейных залпов. Невеселые это corsi и ricorsi. Но неоспоримые [2]). Приходится их констатировать. Приходится считаться с ними при конструировании всяких приятных и окрыляющих „исторических тенденций". Тысячу раз они превращались из „несомненных законов" в пустую иллюзию. Чтобы не впасть лишний раз в ошибку, приходится быть осторожным и воздерживаться от выдачи патентов за будущее [3]).

Партийные перегруппировки.

Не требует доказательств существование партийных перегруппировок и в смысле циркуляции индивидов из партии в партию, и в смысле вариации об'емов партийных групп, и в смысле уничтожения одних партий и появления новых.

---

[1]) Такие положения, быть может, покажутся парадоксальными, но они едва ли ошибочны. Подробно об этом в „Соц. Механике". См. указ. работы *Парето*, *Summer'a*, *Guignert'a*, *Dupreel'a*: Le rapport social. 1912. Гл. IV. La critique sociologique et la logique sociale. *Лебона*, Цит. раб.

[2]) „Приемы социальных фанатиков совсем не новы, правильно говорит Лебон. Все апостолы гремели против нечестия своих противников и применяли къ ним одинаковые средства. Магомет обращал неверных мечом, инквизиторы—огнем, конвент—гильотиной, анархисты—динамитом. Только способы истребления несколько изменились... Торквемада, Боссюэт, Марат, Робеспьер - все они считали себя кроткими филантропами, мечтавшими лишь о счастии человечества. Филантропы религиозные, политические, социальные принадлежат к одному и тому же семейству. Они себя вполне искренно считают друзьями человечества, тогда как на самом деле они всегда оказывались самыми опасными его врагами. Слепой фанатизм правоверных делает их опаснее хищных зверей". *Лебон*. Псих. Соц-ма. 128—130.

[3]) Подробно об этом в „Генет. социологии".

Партии наиболее близки к группам открытым. Вход и выход из них нормально свободны. Немудрено, поэтому, что индивиды интенсивно циркулируют от партии к партии и довольно часто меняют свой партийный костюм. В отличие от многих из предыдущих группировок, напоминающих постоянные квартиры, поселившись в которых индивиды живут подолгу, пожизненно, иногда в течение ряда поколений, партийные группы напоминают гостиницы; двери их открыты для желающих; население сегодня вваливается в одну из них, побывши там, год—два, оно переезжает в другую. Сегодня в фаворе гостинница либералов, завтра—консерваторов. Одни входят, другие выходят. Словом, нормальная междупартийная циркуляция индивидов (вплоть до самих основателей партии. Пример—Чемберлен) совершается интенсивно. В некоторые же эпохи она принимает исключительно широкие размеры.

Неизбежным следствием такого явления служит резкое колебание об'ема,—числа членов—партийных групп. Они в весьма короткий промежуток времени то разбухают, то худеют, лопаются. Избиратели и индивиды то валом валят в данную партию, то массами выходят из числа ее абонентов. Сегодня одна партия пожинает лавры, чрез год—два—пять она „проваливается"; „это качание", это „сегодня ты, а завтра я", в той или иной мере наблюдается во всех странах с развитой партийной жизнью. В Англии, напр., с 1880 по 1885 г. торжествуют либералы и одерживают блестящую победу на выборах, в 1886 г. они терпят решительное поражение и разбухает партия консерваторов. В 1892 г. снова побеждают либералы, в 1895 г.—консерваторы, в 1906 г. опять торжествуют либералы. Такая же смена происходит и в С. А. С. Штатах между партиями республиканцев и демократов. Иногда, в течение одного года происходит эта „чехарда" партий. Пример—Россия 1917 г., где в первые месяцы революции сначала торжествовали эс-эры, чрез два, три месяца победителями оказались большевики. Отсюда видно, что колебание об'ема партийных групп совершается быстро и в широких размерах.

Иногда оно принимает столь широкие размеры, что ведет к полному исчезновению одной или ряда существующих партий и к появлению новых, до того не существовавших. Со времени 1905 г. в России исчезли: „партия мирного обновления", „демократических реформ", „торгово-промышленная" и др. С другой стороны появились партии: „народных социалистов", „единства", „трудовиков" и т. д. Более крупным примером того же рода служит появление и быстрый рост Labour Party в Англии. Из сказанного следует, что линии партийного расслоения весьма подвижны, сеть их легко меняется, по крайней мере, в отношении некрупных партий. Всякое, сколько-нибудь значительное социальное событие отражается на этой сети и вызывает в ней те или иные изменения.

Исчезнет ли и исчезает ли партийное расслоение? Пока мы этого не видим. Наблюдается обратный процесс: все бо́льшая и бо́льшая дифференциация партий. В классических странах двух основных партий, в Англии и Америке, за последние десятилетия

наблюдается появление третьей крупной партии. Рядом с этим существующие партии распадаются (как у нас партии социал-демократов и эс-эров) на различные ветви, вместе с этим растут всевозможные лиги, союзы и ассоциации, вызываемые к жизни задачами достижения отдельных целей. Намечается тенденция превращения партий с длиннейшими программами (omnibus), дающими решение всех вопросов, в временные ассоциации с одним, двумя конкретными пунктами и т. д. Словом, нет никаких признаков исчезновения партийного расслоения. Не может оно быть и потому, что мнения и политическая идеология людей не становятся более и более гомогенными, а скорей наоборот,—более гетерогенными. Другой вопрос—ослабление „военного положения" партий и остроты междупартийных антагонизмов. Эти явления вероятны, но и они не бесспорны.

Остальные элементарные перегруппировки.

Что касается остальных группировок идеологического, чувственно-эмоционального, волевого и смешанного характера (научных, наукообразных, художественных, моральных, филантропических и т. д.), то все три формы перегруппировок (циркуляция индивидов из ассоциации в ассоциацию, колебание их об'емов, исчезновение одних и появление новых) имеют здесь место. Общая черта, свойственная большинству таких групп, та, что перегруппировки здесь совершаются сравнительно легко и быстро. Являясь в большинстве случаев группировками открытыми или близкими к открытым, они допускают интенсивную циркуляцию индивидов из группы в группу и в силу этого быстро варииругот в об'еме; будучи ассоциациями немногочисленными, они подвержены быстрому исчезновению и обратно—способны легко рождаться. Карта расслоений такого рода постоянно меняется. Она находится в процессе непрерывной вариации и непрерывной дифференциации. С ходом истории число таких трещин растет, ибо увеличивается число подобных групп. Строение населения усложняется. Оно, подобно огромной ледяной глыбе во время ледохода, раскалывается на большее и большее число „обществ", „союзов", „ассоциаций", „компаний", „клубов", „товариществ" и т. д., быстро сменяющих друг друга, раздувающихся иногда с быстротой мыльного пузыря и с его же быстротой исчезающих; идеологические волны „позитивизма" сменяются волной „мистицизма", „футуризма"—натуризмом", коллективизма—индивидуализмом, и т. д. Одна мода вытесняет другую, чтобы уступить место третьей. Одно увлечение—другим, одни ассоциации—иными.

Исключением отсюда являются чисто научные (а не наукоподобные) группировки. Они преемственны. Они не исчезают быстро, а, раз возникнув, существуют упорно, увеличивая свой багаж, продолжая работу предшественников над возведением великого храма знаний. Основное их содержание не подчинено моде. Оно „вечно". Только исключительно неблагоприятные условия, ведущие за собой физическое исчезновение членов таких групп,

физическую невозможность собирания знаний и их передачи из поколения в поколение, вызывает уменьшение об'ема таких групп и их полное исчезновение. Но, исчезнув, они вновь возрождаются и, достигнув прежняго уровня, продолжают когда то начатую работу. (Причина их живучести—невозможность существования группы без знаний, необходимых прежде всего для сохранения самой жизни и добывания средств существования). Ограничимся этими общими штрихами в характеристике перегруппировок всех групп данного типа.

Циркуляция élites.

Выше было определено понятие élites. Их число не одинаково в различных аггрегатах населения. Неодинакова и интенсивность их циркуляции. Строение одних аггрегатов может быть благоприятным для циркуляции élites: лица с исключительными способностями в таких обществах сравнительно легко могут достигать тех мест и функций, которые соответствуют их исключительным способностям. В других аггрегатах дело обстоит иначе: здесь все строение столь закостенело, так много барьеров между разными группами и столь они непроницаемы, что большая часть élites гибнет в борьбе с этими препятствиями и пропадает даром или же принуждена проявлять свои способности в изуродованных формах. Примером первого общества может служить население С.-А. Соед. Штатов. Примером второго—кастовый режим или дореформенная Россия. В первом—барьеры немногочисленны и проницаемы. Значительная часть лиц с исключительными способностями здесь может развернуть свои силы и проявить свои способности. Непреодолимых барьеров нет. Весь уклад жизни таков, что побуждает индивида перепробовать себя на поприще разных форм деятельности, чтобы „познать самого себя", с одной стороны, с другой, раз определенные способности выявились, уклад не ставит непреодолимых препятствий для проявления своих талантов и достижения соответственных постов. Подтверждением сказанного служат факты частой перемены индивидами своих профессий; переход от профессии рабочего к профессии продавца газет, от последнего к писательству, к фермерству, к общественной деятельности и т. д. [1]). О том же говорят имена В. Франклина, Эдиссона, Карнеджи и многих крупнейших государственных деятелей, ученых, изобретателей, миллиардеров, писателей, и т. д., из „низов" поднимавшихся наверхи и делавшихся „великими". Там их приходится считать сотнями и тысячами. В России же все строение населения было таково, что большинство élites гибло или тратило свои силы в изуродованных формах деятельности. Ломоносовы у нас насчитываются единицами. Чаадаевы, которые могли бы быть „в Риме Брутом, в Афинах—Периклесом, в России царской гибли офицерами гусарскими", Шевченки погибали в крепостной неволе, бесспорные стратеги и воины делались „Ваньками-Каинами", несо-

[1]) См. об этом *Мюнстерберг*: Американцы т. II. 205 и сл.

мненные правители государства гибли на каторге и в тюрьмах, либо вырождались в душной атмосфере эмиграции, бесспорные мыслители теряли свои силы в борьбе с нуждой и голодом и отцветали, не успев расцвесть, либо разменивались на мелочи и отграбляли себя и т. д. Без преувеличения можно определить Россию, как страну бесплодной гибели élites. Слова Герцена о Бакунине применимы к России вообще: „Поклонники целесообразности, милые фаталисты рационализма, все еще дивятся премудрому à propos, с которым являются таланты и деятели, как только на них есть потребность, забывая, сколько зародышей мрет, глохнет, не видавши света, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно“ [1]). Мы были страной отбора шиворот-навыворот, страной удушения élites и мобилизации посредственности почти во всех сферах деятельности [2]).

Эти примеры говорят о том, что интенсивность циркуляции élites , зависящая от числа их и характера строения общества, колеблется от страны к стране и вариирует во времени. В одной и той же группе она колеблется от периода к периоду. Так, исследование Колабинской относительно Франции показывает, что в период с 1715 г. до 1789 г., циркуляция élites—госуд. правителей,—была менее интенсивной в силу искусственных препятствий, созданных в конце 17 в. [3]).

Легко понять социальное значение характера и интенсивности циркуляции élites. Аггрегаты, строение которых не ставит непреодолимых препятствий для циркуляции élites, где большинство лиц с соответственными талантами могут попасть на надлежащие места, находятся в безконечно лучшем положении по сравнению с аггрегатами, обладающими тем же количеством élites, но богатыми барьерами и шлагбаумами, препятствующими циркуляции. В первых élites не гибнут бесплодно. Попав на надлежащие места они развивают максимум творческой энергии в своей деятельности. Изобретения и усовершенствования, творчество и прогресс здесь будут идти семимильными шагами. Все общество от этого выигрывает. Равновесие его будет подвижно, эластично, но устойчиво. Оно похоже на хорошо налаженную машину, работающую без трения и перебоев. Во вторых—весь темп жизни ненормален. Сталкиваясь с непреодолимыми барьерами, большинство élites гибнет в борьбе с ними. Гении и таланты пропадают даром. Как норма, здесь „пирожники тачают сапоги“ и обратно. Воцаряется мертвечина, застой, формализм. Творчество останавливается. Лучший вид энергии бесплодно исчезает. Люди оказываются не на своих местах. Все общество в итоге проигрывает. Вместе с этим его равновесие, несмотря на застой, не будет устойчивым. Élites, не попадая на соответственные места, будут проявлять свои способности в изуродованных формах. „Прирожденные Наполеоны“ станут от'явлен-

[1]) *Герцен:* Сочинения III. 489.

[2]) См. механизм этого отбора в цит. работах *Лапужа и Аммона*, причем, однако, пессимизм одного и апология другого требуют существенных поправок.

[3]) *Kolabinska:* Op. cit.

ными и гениальными преступниками, государственные гении—заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели—неудачными пьяницами, бездарности — дирижерами государства, промышленности, торговли, религии, науки, искусства и т. п. „Пар“ недовольства и оппозиции будет копиться всюду. Неизбежным следствием его будут периодические кровавые конвульсии и взрывы. Все общество будет похоже на скверную машину, где колеса и винты не подогнаны, трение—огромно, перебои—периодичны.

Когда то Рузвельт сказал, что в идеальном обществе всем людям можно найти соответственное место; все способности, вплоть до кровожадных аппетитов преступника, можно утилизировать с пользой для общества, предоставив для их удовлетворения надлежащие общеполезные функции. Такого общества мы еще не знаем. Но существующие общества находятся на весьма различном расстоянии от этого идеала: одни к нему ближе, другие—дальше.

Увеличивается ли с ходом истории интенсивность циркуляции élites, не будем решать здесь. Скажем кратко, что слабая тенденция такого увеличения есть, но опять таки она проявляется не прямолинейно, а имеет извилистую форму, с поворотами назад и с отклонениями в сторону. Одни барьеры падают, зато вырастают другие, иногда не менее непреодолимые. Напр., у нас со времени революции ряд барьеров пал, зато вырос ряд новых. В данное время таким барьером служит партийность. Как в прошлом бедность, непринадлежность к благородному дворянству и „революционные убеждения“ были препятствием для циркуляции élites из бедных и революционных индивидов к высшим государственным, экономическим, церковным, научным и др. „постам“, так и теперь некоммунистический образ мыслей является таким же барьером, мешающим некоммунистам свободно циркулировать и исполнять функции, соответствующие их талантам. Как в прошлом это вело к насаждению ничтожных посредственностей всюду: в управлении, в науке, в искусстве, в эконом. деятельности и т. д., так и теперь указанный барьер ведет к культивированию коммунистической бездарности во всех сферах жизни, начиная с функций управления и кончая... коммунистическими „поэтами и учеными“, дипломатами и реформаторами экономической жизни. Весьма серьезное опасение внушает далее и попытка централизованного регулирования форм деятельности каждого индивида сверху. Я говорю не об трудовых повинностях, в массовом размере заставлявших „пирожников быть сапожниками“, безсильных физически лиц выполнять функции битюга, а битюгов—функции Гая, Канта, Цицерона и Шиллера, а об т. н. „трудовой армии“. Если каждый индивид далеко не всегда может „найти себя самого“ сразу, то тем паче никакие гении не могут целесообразно распределить миллионы людей сообразно их талантам. Такая система по существу представляет противоречие с принципом „каждому по его способностям“ и может вести к массовому превращению сапожников в пирожники и обратно. Если бы государственная власть ограничилась только удалением

барьеров, искуственно мешающих élites достигать те места, для которых они предназначены,—такая политика была бы превосходной. Но поскольку она пытается сама централизованно регулировать и определять деятельность всех индивидов,—дело меняется. Никакой правитель, даже самый гениальный, не может правильно определить для миллионов людей соответствующие их способностям функции. В силу одного этого обстоятельства (не говоря уже об массе других причин) такая система, согласно сказанному выше, может дать только минусы. Конечно, мотовски расходуя человеческую жизнь, жертвуя тысячами и десятками тысяч людей, на костях их можно кой-что построить (строили же помещики великолепные дворцы и имения на костях крепостных, красуются же до сих пор великолепные здания сената, адмиралтейства и дворцов в Петрограде, вырос же он по мановению руки Петра), но стоимость таких построек будет в десятки раз дороже, чем при системе автономного самоопределения личностей и автономной их циркуляции,—с одной стороны; с другой—продуктивность такой системы будет в десятки раз меньше второй; с третьей—равновесие такого аггрегата будет равновесием бомбы, способной взорваться от первого толчка.

Заключение.

Таковы формы и виды перегруппировок в области элементарного расслоения населения. Сейчас я должен был бы перейти хотя бы к столь же краткому очерку перегруппировок в сфере кумулятивного расслоения. По . . . принужден совершенно не затрагивать этого вопроса. В силу простой, но весьма уважительной причины: нет бумаги и II-й том тогда был бы оборван на полуслове. Приходится ограничиться сказанным: я предпочитаю выпустить этот отдел, чем выпустить II-ой том оборванным. В будущем издании, если ему суждено появиться, это и ряд других „зияний“ будут заполнены. (Извиняюсь за эту необычную вставку).

В общем и целом и в области кумулятивного расслоения мы нашли бы те же формы перегруппировок, плюс: своеобразные формы их образования и расслоения. Эти последние особенно любопытны и важны. В них лежит центральный пункт кумулятивных перегруппировок. Но в двух словах характеристика их невозможна, поэтому оставляю эту проблему незатронутой совершенно. Сказанное приводит нас к следующим выводам: 1) Строение социального аггрегата представляет равновесие не подвижное и закостенелое, а подвижное. 2) Эта подвижность проявляется: в а) циркуляции индивидов из одной группы в другую, в) в колебании об'ема гомогенных групп, с) в исчезновении (в ряде случаев) одних групп и в появлении на их месте других, гомогенных первым. 3) Во всех этих отношениях подвижность неодинакова в разных группировках одного и того же аггрегата и варьирует во времени и пространстве. 4) Сообразно с этим эластичность и упругость различных социальных аггрегатов неодинаковы: одни более эластичны, другие—менее. 5) В аггрегатах более закостенелых задержанные токи

циркуляции сильнее нарушают подвижное равновесие аггрегата, поэтому процессы восстановления последнего (перегруппировки) здесь совершаются нерегулярно, конвульсивно, спазматически, кровавым путем; в аггрегатах более эластичных—эти процессы совершаются в менее острых формах. 6) Подвижное равновесие социального аггрегата не означает коренное изменение его основного скелета. Беглый обзор данных показал, что основные линии элементарного расслоения не исчезают и не заменяются другими; вариирование происходит, так сказать, в пределах одного и того же расслоения между отдельными его группами, но не ведет к полному исчезновению очерченных основных линий элементарного расслоения. Меняются, образно говоря, мускулы и костюм социального аггрегата, но его скелет остается прежним. Перегруппировки исчерпываются перегруппировками 1 и 2-го типа, мало затрогивая перегруппировки 3-го типа. Колебание амплитуды последних ограничено. 7) Вот почему все социальные реформы и революции изменяли не столько скелет социального тела, сколько его „одежды", мускулы и состав индивидов-клеток, заполняющих тот или иной „этаж" социального аггрегата. Выведенный из равновесия последний или погибает или, совершив перегруппировки I и II рода, стремится снова вернуться к бывшему состоянию.

Это означает, что ни о каком подлинном равенстве индивидов в бывших и существующих аггрегатах пока не может быть и речи. Таких аггрегатов,—сколько-нибудь обширных,—мы не знаем. Равенство остается мифом, пока что неосуществленным в истории. Обратные утверждения правительственных публицистов всех мастей, подчас весьма рьяно доказывающих осуществление равенства их правительствами, представляют сознательное, а чаще всего бессознательное оправдание их собственного привиллегированного положения и только. Для того, чтобы подлинное равенство было возможно, нужно уничтожение всех очерченных линий элементарного и кумулятивного расслоения, т. е. исчезновение полиморфизма индивидов. Вне этого—всякое декларируемое равенство будет пустословием, сознательной или бессознательной ложью, простым „втиранием очков" со стороны привилегированных обделенным или оправданием домогательств на привилегии. 8) Совершается ли в истории указываемое исчезновение трещин социального расслоения,—не будем здесь касаться. Констатируем просто, что мы пока очень далеки от такого состояния.

В „Социальной Механике" и в „Социальной Генетике" я подробно остановлюсь на затронутых в этой главе вопросах и дам их решение по существу.

Глава VI. Положение личности в системе социальных координат.

Развитая теория группировок дает возможность понять „душу“ и поведение индивида. После пройденного пути нетрудно теперь определить индивидуальные „я“ в терминах групповых и убедиться в правильности тех положений, которые кратко были затронуты выше, в параграфах о системе социальных координат и об антагонистических и солидарных кумулятивных группах.

§ 1. Множественность „душ“ индивида.

Старые анимистические представления ряда народов признавали существование нескольких „душ“ или нескольких „я“ в одном и том же индивиде. По верованиям зырян, напр., у каждого человека имеется две „души“: „лов“ и „орт“ [1]). Современная психология порвала с такими верованиями. Она признает в каждом из нас одно „я“. Патологические случаи „раздвоения личности“ ею рассматриваются, как нечто исключительное. И каждый из нас думает, что наше „я“ едино и единственно. Между тем дело обстоит не так. Старые представления в своем существе были ближе к истине. Сейчас мы замечаем поворот в сторону множественности „душ“. Примером может служить статья Дюркгейма „Le dualisme de la nature humaine et ses conditions socials“ [2]) и его же солидный труд: Les formes élémentaires de la vie religieuse (Paris. 1912). В этих работах Дюркгейм категорически настаивает на двойственности нашего „я“ или на наличности в каждом индивиде двух „я“—биологического „я“ и „я“ социального. „Не без оснований человек чувствует себя двойственным: он в действительности дуалистичен. В нем реально существуют две группы состояний сознания, противоположные друг другу по своему происхождению, по природе и по целям, к которым они стремятся. Одни из них выражают только наш биологический организм и предметы, с которыми он непосредственно связан. Узко и строго индивидуальные они привязывают нас к нам самим, и мы не можем освободиться от них, ибо не может отрешить себя от нашего тела. Другие, на-

[1]) См. факты у *Тейлора*, в „Первобытной культуре“. т. II.
[2]) *Scientia*, vol. XV. N. XXXIV—2. 206—221.

против, приходят к нам от общества; они переводят его в нас (служат проявлением общества в индивиде) и привязывают нас к явлениям, выходящим за наши пределы. Будучи коллективными, они безличны; они обращают нас к целям, общим с целями других людей. Благодаря им и только им мы можем общаться с другими индивидами. Мы образованы из двух частей, как бы из двух существ, которые, будучи постоянно ассоциированными, состоят из весьма различных элементов и ориентируют нас в противоположном направлении". Этот дуализм в моральной области проявляется в противоположности эгоистических и альтруистических вожделений, в интеллектуальной области—в различии ощущений и восприятий, всегда строго индивидуальных и не передаваемых от одного «я» к другому «я», и понятий (concepts) безличных и анонимных, всегда общих множеству лиц. „Старая формула Homo duplex, таким образом, вполне подтверждается фактами" [1]). Такова суть взглядов Дюркгейма и Де-Роберти, высказавшего те же положения, в такой же постановке раньше первого. Такая теория представляет шаг вперед по сравнению с теорией единого и целостного „я". Но это только первый шаг. Необходимо пойти по этому пути дальше. Дюркгейм и Де-Роберти считают наше социальное «я», отличное от «я»биологической особи, чем то единым. Между тем и оно распадается на ряд «я», совершенно несходных и часто противоположных друг другу. Иными словами, я утверждаю, что наше «я»—мозаично и плюралистично. Оно похоже на фацеточный глаз, составленный из множества различных «я», об'единенных в пределах одного организма, как физического носителя этих „я". С первого взгляда такое утверждение кажется парадоксальным; но парадоксальность не мешает ему быть истинным... В самом деле, пусть каждый из нас приглядится к своим состояниям сознания, к своему собственному поведению и к поведению других людей. Разве мы постоянно не „перевоплощаемся"? Разве сплошь и рядом мы сами не меняемся и в наших собственных глазах и в глазах других людей? Разве и другие люди не меняются и не перевоплощаются? Перед вами Робеспьер в своей скромной квартире, плачущий над сентиментальными романами Берн. Сент-Пьера, чувствительный, сердобольный, мягкий и простой. Перед Вами Робеспьер в Конвенте или в „Комитете общественного спасения", безжалостно требующий головы жирондистов, Дантона, Гебера и Демулэна. Что общаго между тем и другим?—Ничего, кроме телесной оболочки. Поведение того и другого Робеспьера абсолютно противоположно, идеи и чувства, воления и стремления совершенно несходны. Перед нами два различных человека, коренным образом несходные друг с другом. Перед нами два различных «я», заключенных в один организм. Приглядитесь к поведению ряда ваших знакомых и друзей. Вот перед Вами Иван Иванович в домашней обстановке. Сердечный

[1]) *Durkheim:* Le dualisme de la nature humaine. 219. 208—209 и passim. Те же положения были развиты раньше Е. В. Де-Роберти в его работах, в частности в „Новой постановке основных вопросов социологии" и в Sociologie de l'action (Paris. 1908). Они составляют сущность его био-социальной гипотезы, являющейся центральным пунктом его теории.

человек, прекрасный семьянин, благодушный и добрый, либеральничающий и вольнодумствующий. И он же перед Вами при исполнении своих обязанностей (в качестве губернатора, прокурора, комиссара, архиерея или министра). Картина сплошь и рядом получается иная. Тон, жесты, движения, мимика, слова—все иное. Иван Иванович исчез. Перед Вами безжалостный прокурор, требующий кары за то, что „в минуту откровенности", „в интимной беседе" он сам признавал справедливым. Доброта исчезла, благодушия как не бывало. Перед Вами совершенно новый человек, который похож на Иван Ивановича только внешним обликом. Возьмите ряд ораторов—политических, религиозных, парламентских и партийных. В частной жизни многие из них совершенно не похожи на самих себя, когда они выступают в качестве общественных деятелей. Таких фактов сколько угодно. Пойдем дальше.

А каждый из нас в течение 24 часов разве не испытывает ряд перевоплощений, где одно «я» сменяется другим, непохожим на первое? Утром индивид просыпается в лоне семьи. В этот момент он представляет собой члена семьи: сына или отца, мать, или дочь, брата или сестру. Мир идей, чувств, волений, забот, стремлений, образующих в этот момент наше „я", относится обычно к семье и к семейным делам. Перед нами „я" индивида, как члена семьи. Индивид едет на службу. Первое «я» исчезает и появляется «я» второе, профессиональное, далекое и непохожее на первое. Нет больше ни „отца, ни матери, ни сына или брата", а есть новое „я",—„комиссар", „губернатор", „директор фабрики", „король", „професcор", „доктор", „священник", „аптекарь", „извозчик" и т. д. Мир идей, мыслей, чувств, действий и все поведение этого „я" совершенно непохожи на содержание „я" первого. Последнее „я", подобно грамофонной пластинке, вынуто из телесной оболочки и заменено другой пластинкой, другой „душой", поющей совершенно новую песню. „Семейная пластинка" заменена „профессиональной". „Поле сознания" занято теперь не заботой о близких, не семейными темами, а „входящими и исходящими", „декретами", начальством и подчиненными, пациентом и рабочими, указами и рецептами, т. е. профессионально-служебными темами, не имеющими никакого отношения к первым. Столь же различны и действия. Индивид уже не ласкает сына или дочь, не помогает „папе или маме" и т. п., а выполняет ряд профессиональных актов: пишет указы, читает лекцию, служит обедню, составляет лекарство, делает распоряжения по фабрике или ведомству, и т. д. Словом, перед нами новое „я", сходное с первым только по телесной оболочке, да по костюму; впрочем и костюм часто меняется, домашняя куртка заменяется мундиром или профессиональной одеждой. Представим далее, что индивид идет в церковь. Перед нами третье „я". Семейная и профессиональная душа исчезают и заменяются новой душой—душой верующего, подобно новой пластинке поющей совершенно новую песню. „Поле сознания" теперь заполняется новым комплексом идей, чувств, верований и т. д., совершенно непохожим на предыдущие „я". Перед нами теперь „православный или католик, магометанин или буддист", и нет ни

„сына, ни отца“, ни „доктора, ни комиссара“, короче „я“, как члены семьи или профессиональной группы, исчезли, и появилось новое „я“. Действия последнего (молитва, коленопреклонение, поклоны, совершение обрядов и т. д.) ничего общего не имеют с действиями предыдущих „я“. Когда индивид выступает как подданный государства (идет вносить налог, на мобилизацию, etc.) или член партии, перед нами опять новые перевоплощения, опять новые „души“: „свидетеля или мобилизуемого“, „коммуниста или монархиста“ и т. д.

Из сказанного видно, что мы испытываем ряд перевоплощений в течение каждого дня. В нас, как в граммофоне, постоянно меняются „души“—пластинки, совершенно отличные друг от друга и часто борющиеся (как сейчас увидим) одни с другими. Постоянным остается только наш организм, как телесный носитель различных „душ“. То, что мы считаем нашим единым „я“, при ближайшем анализе оказывается „мозаичным я“, составленным из ряда различных кусочков, ряда различных „я“, сменяющих друг друга и часто антагонизирующих между собой. Если бы было одно „я“, то такие перевоплощения были бы непонятны и невозможны. Тем более невозможны были бы: ни борьба этого единого „я“ с самим собой, ни „столкновения обязанностей или конфликт долженствований“ в одном индивиде, ни патологические случаи „раздвоения личности“, ни даже „лицемерное“ поведение одного и того же индивида, служащего „и нашим и вашим“ и ряд других случаев.

Ограничимся сказанным, ибо в дальнейшем придется привести не мало фактов, подтверждающих гипотезу „множественности душ“ и „мозаичности“ нашего „я“, и перейдем к вопросу: как возможна и чем вызывается эта „мозаичность“ и множественность „я“ индивида? Ответ на этот вопрос приводит нас к теории строения населения; связь явления множественности душ с теорией социальной группировки и заставила меня коснуться этого вопроса в данном томе.

§ 2. Множественность „душ“ индивида, как отражение и результат характера социальной группировки. Поведение индивида, как равнодействующая давления социальных групп, абонентом коих он состоял и состоит.

Очерченная множественность „я“ одного и того же индивида или мозаичность его сознания обязаны своим бытием тому, что современный человек является абонентом не одного общества, а многих групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Они неизбежный результат этого последнего условия. Почему?—легко понять. Выше мы видели, что принадлежность к любой элементарной или кумулятивной группе факт не безразличный для поведения и переживаний абонента. Каждая группа дает императивы поведения своим членам. Каждая из них сознательно или бессознательно определенным образом деформирует

психику индивида, видоизменяет его интересы, желания, стремления, убеждения, верования и чувства. И профессия, и имущественная группировка, и государственная, и партийная, и другие группы, как мы видели, давят на поведение индивида, видоизменяют его по своему образу и подобию, деформируют его физическую и особенно психическую сторону. Избавиться от этого влияния и деформации абонент не может. Оно фатально и неизбежно в той или иной степени. В этом мы убедились выше. Раз так, то легко понять, что как только человек „соединяется“ с той или иной группой, как только он выступает в роли абонента одной из них, он подпадает под влияние давления этой группы и принужден быть тем, чем она повелевает ему быть. Если бы каждый из нас принадлежал только к одной группе, напр., к профессиональной или к государственной, то наше „я“ могло бы быть целостным и единым. Оно было бы таким, каким заставляет его быть эта группа. Интересы, стремления, оценки, симпатии и антипатии, обязанности и права, верования и убеждения индивида в этом случае были бы соответствующими требованиям данного колектива. Все его поведение находилось бы под давлением одной группы, и направлялось бы исключительно ею. Индивид похож был бы на шар, толкаемый одной силой в определенном направлении. Но такой картины нет. Мы видели, что существует ряд различных группировок, друг от друга отличных. Мы видели, что каждая из них дает императивы поведения, несходные между собою и часто противоположные. Мы видели также, что индивид является абонентом не одной, а ряда разнородных элементарных и кумулятивных групп. Раз так, то неизбежным результатом такого положения индивида является множественность его „душ“. В одном и том же индивиде будет столько различных „я“, сколько имеется гетерогенных-элементарных и кумулятивных групп, членом которых он состоял и состоит. Иными словами, „душа“ каждого индивида—маленький микрокосм, точно воспроизводящий тот социальный макрокосм—социальную группировку, — среди которой он жил и живет и с отдельными группами которой он связан. „Мозаичная душа“ каждого человека — это маленькое зеркало, отражающее картину социального расслоения, среди которой он жил и живет. Он оказывается похожим на абонента, от которого и к которому идет ряд проводов от многих разнородных обществ. Каждое из них давит на него, каждое подчиняет своей дисциплине, навязывает свои интересы, внушает свои убеждения и верования, накладывает свои права и обязанности, словом, захватывает в индивиде в его психике свою „сферу влияния“, свою территорию, свое „я“. К каждой из этих групп приложимы слова Острогорского, характеризующие влияние группы „джентльменов“ в старой Англии. „Невидимое и всюду присутствующее в жизни понятие джентльмена... подчиняет неумолимой дисциплине каждого члена общества, не оставляя места его личным склонностям, начиная с религиозных убеждений и кончая прической“ [1]. Так как таких групп много,

[1]) *Ostrogorski:* La démocratie. 6.

так как их физиономия и интересы различны, то индивид оказывается неизбежно „многодушным“ и „мозаичным“, а не единодушным и целостным. Поставленный среди ряда таких групп, принужденный постоянно циркулировать от одной к другой, он неизбежно обречен на вышеочерченное „перевоплощение“, на постоянную смену своих „я“.

Поведение его, исключая тех стимулов, которые даны в нем, как в организме, подобно его „мозаичной душе“, представляет равнодействующую влияния и давления тех групп, с которыми он связан. Каждый из нас ведет себя так, как требуют влияющие на нас группы.

Почти вся наша жизнь представляет выполнение тех функций, к которым толкают нас связанные с нами группы.

Множество актов, совершаемых нами ежедневно, представляет выполнение функций, требуемых от нас нашей семьей (добывание средств существования для нее, семейные заботы, ласки, воспитание детей, устройство домашнего уюта и т. п.), нашим государством (явка на учет, выполнение трудовой повинности, дежурство у ворот по приказу гос. власти, фигурирование в роли истца, ответчика, свидетеля и т. д.), нашей профессией (акты лечения и соблюдение врачебной этики для доктора, работа на фабрике для пролетария, чтение лекций и подготовка к ним для профессора etc), нашей партией (посещение партийных собраний и др.), нашей церковью (акты посещения церкви, молитвы etc.) и т. д. Мы почти ежедневно переходим от одной группы к другой. На время соединяемся с одной из них, и на сцену выступает соответственное „я“; затем раз'единяемся с ней на время и соединяемся с новой; соответственно меняется и наше „я“ и наше поведение. И так кружим мы всю жизнь от группы к групие. Вместе с этими включениями и выключениями меняются и наши „я“. Вместе с последним и все поведение. Связанные с рядом групп, мы непрерывно испытываем на себе их давление; каждая из них, пуская из своего центра ток, дергает нас и заставляет так или иначе реагировать: то нас дернет семья, и мы часы и дни тратим на устройство семейных дел; то дернет государство и мы исполняем обязанности подданного; дергает профессиональная группа и мы чуть не каждый день тратим ряд часов на исполнение профессиональных обязанностей; дернет партия—и мы бежим на заседание, на выборы, на митинг; дернет соответственное научное общество—и мы летим на его заседание и т. д. Мы похожи на шар, который с разных сторон непрерывно толкают разные силы. Шар крутится. Его движение будет равнодействующей этих сил. Поведение индивида—равнодействующая давления тех групп, вольным или невольным абонентом коих он состоял и состоит.

„Души“ и поведение каждого из нас таковы, каковы те группы, с которыми мы связаны.

В данном отношении применимы вполне принципы физической механики. Проиллюстрируем основные случаи в упрощенном виде. Случай сложения сил (давлений), исходящих от

двух (для простоты беру две группы) групп, абонентом которых индивид является.

Предположим, что индивид является членом двух групп, дающих согласные между собой императивы поведения (напр., государства и церкви, единодушно призывающих его к войне.) Допустим, что давление первой из них равняется 2 еденицам, давление второй—3 еденицам и нет противоположного давления. Поведение индивида в этом случае примет характер движения шара, толкаемого двумя силами в одну сторону, с интенсивностью 5 едениц. Он совершит ряд поступков, направленных на защиту родины, требуемых церковью и государством. С суб'ективной стороны его психика будет целостной, последовательной, решительной. Все поведение—лишенным противоречий. Борьба мотивов и конфликт обязанностей ему будут неведомы. Обе души его, душа церкви и душа государства, действуя согласованно, сольются в одно целое. Так же будет обстоять дело во всех случаях солидарной кумуляции двух или большого числа элем. группировок. Разделения личности не будет. Та же картина получится во всех подобных случаях.

Случай вычитания сил (давлений), исходящих от двух групп. Предположим теперь, что индивид—член двух различных групп,—получает от них императивы поведения, противоположные друг другу (напр., государство требует от него явки на фронт, семья—уклонения от опасности, могущей лишить ее кормильца и поильца). Допустим, что давление государства равно 10 еденицам силы, давление семьи—5-ти еденицам. Перед нами типичный случай вычитания сил. В конце концов индивид пойдет на фронт, но сила давления государственной группы будет равна не 10, а 5-ти еденицам (10—5=5). Суб'ективное отражение этого об'ективного процесса борьбы двух противоположных групп выразится на полотне психики индивида в „борьбе мотивов", в столкновении разных обязанностей, в борьбе „двух душ", двух я, отрицающих друг друга, в пассивном повиновении приказу, в ленивом и вялом исполнении своих обязанностей солдата, в постоянном сожалении о покинутой семье, в желании к ней вернуться и т. д. В подобных именно случаях с яркостью вскрывается многодушие индивида, наличность в нем разных „я" и зависимость его поведения от давления групп, с которыми он связан. Если бы не было „многодушия", то совершенно непонятным был бы факт борьбы мотивов, борьбы разных долженствований, борьбы разных душ в одном и том же человеке. Как может одно „я" бороться с самим собой? Откуда этот конфликт? Откуда эти угрызения совести? Они были бы совершенно непонятны. С очерчиваемой точки зрения дело просто: „борьба разных душ, мотивов, долженствований и т. д. в одном индивиде—это суб'ективно-психическое отражение об'ективного процесса борьбы разных групп, членом которых он состоит. Индивид—это полотно, на территории которого сталкиваются силы, исходящие из борющихся групп.

Еще ярче эти факты проявляются тогда, когда давление борющихся групп совершенно одинаково. Тогда эти процессы выступают в обнаженной форме и легко могут наблюдаться каждым вдумчивым

человеком. Раз давление обоих групп одинаково, индивид превращается в шар, толкаемый равными силами в противоположные стороны. Шар остается на месте, так как обе силы уничтожают друг друга. Индивид буквально на месте не останется, но его поведение примет характер полной нерешительности или полного противоречия. Он неизбежно будет раздираться на части. Его две души будут бороться друг с другом. Одно „должен“ будет отрицать другое „должен“. Одно „я“—второе. Поведение всех лиц, сидящих между двумя стульями, число которых особенно велико в наши дни, (среди них некоторые крупные имена особенно резко своими действиями иллюстрируют сказанное) будет неизбежно таким противоречивым или нерешительным. Нерешительность, гамлетовщина и абсолютное самопротиворечие поступков—таковы черты поведения индивида, оказавшегося местом битвы двух равносильных давлений. Не ждите от него решительности и последовательности. Подобно Гамлету он дни и часы будет решать „быть или не быть“; или его правая рука будет делать то, что разрушает левая. Сейчас, под давлением одной силы, он совершит один поступок, завтра—под давлением противоположной группы—другой, отрицающий первый. Сейчас, на одном собрании, (напр., Петрогр. Совета) он будет говорить одно, завтра, на другом собрании (напр., литераторов или рабочих) он будет доказывать обратное. Вся его психика будет пронизана сплошным противоречием. Мир его идей и верований будет несогласован и противоречив. Моральные оценки—также. Воления его будут вечно в конфликте. Раздвоение личности дано в самых четких формах. Почти все случаи непоследовательности поведения людей и непоследовательности их взглядов, идей, убеждений, стремлений представляют частные случаи этого явления. Они снова говорят вам о „многодушии“ индивида и его причинах. Без этого многодушия они необ'яснимы. А последнее необ'яснимо без сложности социальной группировки. Таким образом, снова и снова мы находим подтверждение тезису многодушия индивида, и тезису, рассматривающему поведение и переживания индивида, как отражение и функцию социального расслоения, среди которого он жил и живет.

Не следует думать, что такое состояние противоречия нерешительности и нелогичности—редкое явление. Увы! Оно дано на каждом шагу. Такие поступки составляют едва ли не большую часть актов каждого человека. Заслугой Парето является доказательство положения, что человек был и остается нелогическим существом по преимуществу. Логика человеческого поведения решительно расходится с логикой разума. В последней противоречие недопустимо, в первой оно норма. В логике разума царит принцип тождества. В логике действий он постоянно нарушается. Трудно найти трактат по социальным и правовым наукам, где авторы их не противоречили бы себе. На примере Канта и Конта, Спенсера и Бентама и ряда других мыслителей Парето блестяще показал изобилие противоречий и непоследовательность мыслителей [1]).

---

[1]) См. Pareto: Trattato. т. I, гл. о нелогических актах, т. II, гл. IX и X.

Все юридические трактаты полны нелогичности. Когда государствовед блестяще приписывает государству всемогущество и суверенитет, а вслед за тем столь же блестяще доказывает существование „неот'емлемых“ прав гражданина, он противоречит себе. Такое поведение означает, что первые тезисы он доказывал под давлением государства, вторые—под давлением другой группировки, вмешавшейся и толкнувшей его в противоположную сторону. Когда собственник доказывает священность собственности, а пролетарий доказывает тезис: „собственность—кража“, каждый из них является только трубой, передающей голос соответственной группы. Словом, противоречий и нелогичностей, гамлетовщины и хромания на оба колена сколько угодно в поведении всех людей [1]).

Все такие противоречия идей и чувств, волений и поступков—результат очерченного положения индивида в системе социальных групп, борющихся друг с другом. Он только точка приложения их сил. Он простая проэкция строения социального аггрегата. Отсюда его многодушие, отсюда борьба разных душ в нем, отсюда—его нелогичность. Так будет обстоять дело всегда, когда индивид будет абонетом антагонистической кумулятивной группы.

Случай параллелограмма сил (давлений), исходящих из разных групп, к которым индивид причастен.

Так как число группировок, на которые расслаивается современное население, как мы видели, больше двух, то конкретно любой индивид оказывается точкой приложения сил не двух, а большого числа групп. Эти последние толкают его в разные стороны. В силу этого в индивиде сосуществуют не две, а большее число душ. В силу этого же он в каждый данный момент находится под воздействием ряда сил, направленных в разные стороны, идущих от групп (семейных, расовых, государственных, профессиональных, имущественных и т. д.), к которым он причастен. Равнодействующая линия, по которой пойдет его поведение, будет дана в виде равнодействующей всех этих сил. Последняя получается, как известно, путем сложного параллелограмма сил. Принужденный реагировать на „дергание“ всех этих групп, индивид в общем и целом во всем своем поведении даст эту равнодействующую. Суб'ективно это выразится в постоянной циркуляции индивида из одной группы в другую, в постоянном его перевоплощении, в постоянном изменении аккордов, даваемых его „я“, т. е. в смене этих „я“. Он будет „кружить“ от группы к группе, соединяться и выключаться, отдавать свои силы и время то одной, то другой, то третьей в разных пропорциях. Если императивы этих групп,—в случае антагонистической их кумуляции будут конфликтны—антагонизировать будут и соответственные души в индивиде. Если они, (как в солидарной кумулят. группе) будут солидарны—гармоничны и солидарны будут и души индивида, его совесть—безмятежной и спокойной; его воля—последовательной; его поведение—выдержанным.

Таковы основные случаи положения социальной точки—индивида—в социальном пространстве, в системе социальных координат,

---

[1]) Доказательство см. у Pareto. См. также Сорокин: Общедоступный учебник социологии. Подробно об этом в „Социальной Механике“.

характеризующих строение населения. Из сказанного выясняется „мозаичность“ нашего „я“, с одной стороны, с другой,—причины этой мозаичности. Сказанное же об'ясняет, почему поведение любого индивида представляет равнодействующую давлений тех групп, к которым он причастен. Из этого правила нет исключений ни для малых, ни для великих людей, ни для лидера революционной партии, ни для абсолютного деспота. Каждый из них является шаром, движения которого определяются не их личным капризом или произволом, а давленинм тех групп, фокусом пересечения сил которых они служат. Их сила и власть—не их собственное достояние, а достояние тех групп, простым органом которых они являются. „Можем ли мы сказать, что деспот имеет абсолютную власть? спрашивает Bentley и отвечает: конечно, нет. Властвует не деспот как личность, но деспот армии, или деспот землевладельческой группы, или деспот другого класса; то, что называется властью деспота, представляет просто власть той группы, лидером которой он является... Поэтому, ничем не обоснована та фундаментальная противоположность, которая обычно устанавливается между деспотизмом в виде монархии и остальными правительствами. Процесс представительства так же неизбежен в деспотизме, как и в демократиях“[1]). Людовик XIV или Николай Романов такие же представители ряда групп, какими являются Ленин, Кромвелль и Робеспьер. Только группы эти различны. Их интересы противоположны: несходной поэтому является и политика первых и вторых представителей, а равно и их души. Наполеон и Бисмарк, Спартак и Петр Великий, Перикл и Иван Грозный, Азеф и Каляев и все другие „деспоты“ и „вожаки“ были такими, какими мы их знаем, потому, что такова была система социальных координат, в центре которой они стояли Если бы было место, можно было бы детально распластать их души, пункт за пунктом об'яснить их поведение и политику, как равнодействующую давления тех групп, которые даны были в это время, и боролись друг с другом. (Особенно интересны в этом отношении такие „хамелеоны“, как Азеф или Гапон и др.).

Если верны предыдущие положения, то из них следует, что как только меняется место индивида в системе социальных координат, неизбежно должны меняться и его души, неизбежно изменится и его поведение. Человек, бывший в группе бедняков и обделенных, занимавшийся, напр., функциями фабричного рабочего, этот человек, перешедший в группу богатых и властвующих, переменивший профессию рабочего на профессию правителя, неизбежно, фатально будет иным человеком. Если раньше он имел интересы, психику, поведение пролетария, теперь он будет иметь интересы, психику и поведение господина. Если раньше он был точкой пересечения сил, идущих от группировок: бедной, обделенной и фабрично-рабочей по профессии, то теперь он становится полем действия давлений, идущих от группировок: богатой, привилегированной и властвующей по профессии. Из его тела при таком переходе помимо

---

[1]) Bentley: Op. cit. 314—315.

его воли вынимаются „души“: бедняка, обделенного и фабричного рабочего и вкладываются на их место „души“: богача, привилегированного и правителя (губернатора, комиссара, etc). Перемена положения индивида в системе социальных координат делает его новым человеком: со старым он схож только по своему организму. Теперь вполне понятно, почему всякое правительство, из какой бы среды, вплоть до архи—пролетарской, не вышли его представители, неизбежно будет иметь интересы свои, отличные от интересов управляемых, почему всякий делегат и уполномоченный, раз он долго остается в последних ролях, неизбежно трансформируется в олигарха и властителя sua sponte, почему его „души“ меняются, почему его поведение становится иным, почему архи—пролетарий, попав в правители, фатально становится изменником пролетарского дела, отрезанным ломтем от пролетариата[1]). И обратно, если кто нибудь из верхних слоев с'ежает в нижние, напр.. капиталист становится пролетарием, властитель—подвластным, то неизбежно меняются их психика, их души, интересы и поведение. Побыв некоторое время в новой роли, они становятся подлинными пролетариями по содержанию их „я“, по интересам и поведению. Наше время дает благодарный материал для таких выводов.

Благодаря революции масса бывших богачей и властителей оказались выбитыми из своих позиций и стали бедными и обделенными. Встретить их легко. Понаблюдайте за ними, поговорите с ними, и вы увидите, что старые „души“ вынуты из них и заменены „новыми“.

Такими же фактами полна история. Сколько лицъ, перекочевав из одного имущественного слоя в другой, меняли свои души. Какойнибудь бедняк, яростно бичующий и ненавидящий богачей-„граби-

[1]) Фактов, подтверждающих сказанное, в наше время сколько-угодно. Многие пролетарии, переменив при революции место в системе социальных координат, став властным комисаром, обращаются с настоящими пролетариями так же, как обращались с ними старые квартальные, если не хуже. Забастовки пролетариев ими квалифицируются, как нечто возмутительное, недопустимое, требующее беспощадного подавления и наказания. Как раньше начальство квалифицировало их „изменой“ перед родиной и царем, как оно об'ясняло их злокозненной агитацией, так и теперь они квалифицируются как удар в спину революции, как результат агитации белогвардейцев, эс-деков и эс-эров, как измена своему долгу и шкурничество. Фразеология иная, суть—старая, методы воздействия прежние; пропасть между начальством и управляемыми—та же. Для иллюстрации я мог бы привести ряд прокламаций пролетарской власти бастующим рабочим (напр., Трубочного завода и др.), где, переменив два-три слова, мы получаем типичное воззвание градоначальника, только более энергичное и беспощадное. Но цитирование их излишне, ибо все их читали на стенах и заборах. где они были вывешены для назидания и сведения. При чем, суб'ективно такие лица, переменившие место в системе социальных координат, могут искренно считать себя прежними пролетариями, ибо „такова иллюзия страстей и аппетитов, что, занимаясь и преследуя свои личные интересы, они воображают часто, что работают только для общего блага“! Barras. Memoires. т. II. 446. Эта суб'ективная иллюзия нисколько не мешает им быть об'ективно „бывшими пролетариями“, в настоящем, по своим действиям и интересам, подлинными антагонистами существующих пролетариев. Пишу это не для порицания кого либо, а просто указываю факты. могущие быть проверенными каждым. Парето, исходя из иных посылок, приходит к тому же выводу. См. Pareto: Trattato т. II. 541 и сл.

телей", провозглашающий "собственность—кражей, попав в богачи, быстро трансформируется и очень скоро с пеной у рта начинает защищать „священные права собственности", возмущаться забастовками и волнениями, короче, меняет свою душу. Сколько лиц, попав из управляемых в властители, или обратно, коренным образом менялись. Сколько лиц, меняя свою профессию или партию, менялись и сами. Такие „мутации" индивидов имели место всегда. Они не говорят ни о „подлости", ни о „благородстве" человека, а являются неизбежным результатом перемены места индивида в системе социальных координат. Они фатальны. Единственное противоядие против них—это частая перемена позиции индивида в системе социальных координат, частое превращение богача в бедняка и обратно, правителя в управляемого и обратно и т. д. Не оставляя надолго индивида в его роли, меняя систематически его положение в социальном пространстве, можно помешать „кристаллизации" и „оседанию" в нем определенных „душ". Едва они начнут формироваться, как перемена позиции индивида прерывает это формирование, появляется муть перемены, вместо прежних „душ" на новом месте начнут оседать новые; передвинув индивида снова мы помешаем этой последней кристаллизации и т. д. В таких условиях в индивиде не смогут застыть и закоченеть определенные „души", его состояния сознания неизбежно будут разносторонними, корпоративный дух, если он и был в нем, будет выветриваться, групповая узость и моноидеизм в нем исчезнут и т. д. Человек, в таком случае, не будет покрываться тем или иным „ярлыком". Пройдя чрез ряд позиций в системе координат, он познакомится с психикой всякой группы, будет понимать язык и вожделения разных слоев, будет причастен к многим из них и в то же время не будет прикрепленным навеки ни к одной из них. От этого уменьшится взаимная нетерпимость и привычка отождествлять человека с тем или иным „ярлыком", („буржуй", „пролетарий", „дворянин", „монархист", „православный", „атеист", „русский", „немец" и т. д.), часто заставляющая из за ярлыка забывать о человеке. Подтверждение сказанному мы видели выше, в параграфе о професс. перегруппировках; в С.-А. С. Штатах, где эта перемена позиций индивида в социальном пространстве имеет более интенсивный характер, люди более разносторонни, корпоративная психика менее развита, взаимной терпимости и понимания больше [1]).

---

[1]) Тот же факт констатирует и М. Я. Острогорский: „Где свобода еще не вошла в нравы, там с трудом отделяют человека от его идей (ярлыка). Но в передовом, цивилизованном обществе, где эмансипировались от нравов клана и церковного понятия универсального credo, люди легко привыкают смотреть друг на друга под различными точками зрения, в изменяющихся сочетаниях, не колебля (из за ярлыка) своих личных отношений. Мы видим постоянно лиц, принадлежащих к различным сектам и в то же время имеющих общее дело вне церкви и солидарных в этом пункте; другие лица согласны в политике, но различаются в области научных, литературных и др. контроверз". *Ostrogorski*: Op. cit. 661. См. также *Bouglé*: La démocratie. 154—156. В свое время я покажу, что степень взаимной терпимости несходных индивидов является одним из самых надежных признаков социального и морального развития общества. С этой точки зрения наше

К сожалению, интенсификация такого перевода индивидов из одной социальной квартиры в другую встречает ряд препятствий (необходимость специализации индивидов etc.). и потому не легко осуществима. Но иного противоядия нет. И всякий, кто хочет бороться с очерченными явлениями, должны стремиться к увеличению эластичности и проницаемости аггрегата в указанном смысле.

Из сказанного же легко понять и неизбежность массовой деформации „душ“ и поведения людей в эпохи революций. Всякая революция с этой точки зрения состоит в интенсивнейшем и массовом процессе перемены множеством индивидов своего положения в системе социальных координат (в социальном пространстве). Раз так, то в силу вышеочерченного, такой процесс неизбежно должен вызывать массовую замену „душ“ и изменение поведения всех переместившихся и перемещенных индивидов. В первое время революции, когда вся старая система координат, характеризующих социальное расслоение, временно падает, а новые расслоения еще не оформились, когда все строение аггрегата покрыто мутью перестройки, такая же муть наступает и в „душах“ людей. Падают старые воззрения, убеждения и нормы поведения. Новые еще не успели кристаллизоваться. Перемещенные индивиды, у которых вынуты „старые души“, но не вложены еще новые, становятся похожими на „обалделых“ или „очумевших“ лиц. Они не знают своего места; превращаются в утлую ладью, без руля и без ветрил, гонимую бурей революции. Пропасть между дозволенным и недозволенным падает. Сознание права и обязанности ослабевает и затушевывается. Подобно сомнамбулам „обездушенные индивиды“ в такие моменты совершают многое, что „при старых душах“ они считали недопустимым и отвратительным. Не убийца в такие моменты становится убийцей, не грабитель—грабителем [1]), верующий

„общество“ во всех его слоях безнадежно отстало и поистине „много дренажа требуют наши черноземы“. *Герцен*: Сочинения. Спб. 1905, т. III. 482.

[1]) Отсюда неизбежное следствие — повышение всякого рода преступности и особенно кровавой преступности в эпохи революций. *Г. Ришар* прекрасно показал это... „Когда общество находится само в нормальном состоянии медленного, гармоничного и регулярнаго развития, оно сознательно или безсознательно организует сопротивление преступным тенденциям; когда оно само находится в состоянии кризиса, оно неизбежно обусловливает появление и развитие преступности... Всякий кризис социальной жизни образует соответственный криминальный процесс. Он вызывает сначала рост кровавой и коллективной преступности, прямо пропорциональный по интенсивности себе самому (убийства, погромы, грабежи, междуусобные и гражданские войны и т. д). Смягчение социального кризиса сопровождается позже падением коллективной и кровавой преступности, заменяющейся более мягкой преступностью, выполняемой отдельными лицами в ущерб праву собственности“. Отсюда следует неверность положения многих криминалистов, что кровавая преступность сменилась преступностью более мягкой, главным образом, преступлениями против собственности: все зависит от состояния социального аггрегата. Далее Ришар в историческом обзоре на кризисах XV в. и позже в Германии, на революциях Франции, Италии, переворотах Индии, Индокитая и др. стран подтверждает свои тезисы. *Richard*: Les crises sociales et les conditions de la criminalité. L'année sociologique. v. III. 15—42. См. также *Сорокин*: Преступление и кара. Гл. о колебании кар и наград. *Гернет*: Преступление и борьба с ним. *Сигеле*: Преступления толпы. Спб. 1896. Это моральное отупение и нравственное

атеистом, монархист ведет себя республиканцем и обратно. Люди находятся в полном психическом—и интеллектуальном и моральном—столбняке (кроме тех, кто остался на старых позициях или заведомо занял желаемую позицию). Первый период кончается. Взбаламученное социальное море начинает оседать, муть уменьшается, яснее и яснее кристаллизуется новая система социального расслоения, оформливается архитектоника строения социального аггрегата. Параллельно с этим происходит процесс кристаллизации „душ" в перемещенных индивидах. Мало по малу они осваиваются с своим новым положением, входят в свою роль, и в итоге каждый из них вольно или невольно получает те „души", которые соответствуют его новому положению в социальном пространстве. Если его новое положение радикально отлично от прежнего, радикально отличными будут его „души" и поведение от старых душ и поступков. Если он остался„ все в той же позиции", старыми будут его души и поступки. Поэтому, не приходится удивляться, когда мы видим теперь бывшего монархиста в роли рьянаго коммуниста, или обратно, бывшего буржуя в роли пролетария, возмущающегося запрещением свободы стачек, бывшего пролетария в роли начальника карательной экспедиции, подавляющего восстание крестьян или мятеж рабочих. Согласно сказанному—это неизбежно, ибо перемещение их положения в социальном пространстве означает замену их старых душ новыми. Подобно граммофону они биологически те же, но социально они иные: старые пластинки из них вынуты и вложены на их место новые. Оттого поют они иные песни, чем раньше, и делают они часто то, против чего боролись их старые души. Это—фатум, освободиться от котораго никто не может.

Всякий, кто имеет глаза и уши, кто может вдумчиво и правильно наблюдать, на фактах нашей революции может проверить все сказанное о множественности душ индивида, о причинах и функциональной связи этого явления с строением населения, об очерченном параллелизме изменений положения индивида в об'ективной системе социальных координат с изменением его душ и поведения и т. д. [1]).

Все эти положения, в свою очередь, подкрепляют правильность всего предыдущего анализа строения соц. аггрегатов и вместе с тем показывают, что не только для познания строения самого населения, но и для понимания психики и поведения индивида, использованный мною метод изучения соц. явлений и полученные положения являются весьма ценными и плодотворными. Они бро-

---

обездушение—частный случай общаго „обалдения" и „обездушения" индивидов в такие моменты.

[1]) В иной плоскости много интересного в этом отношении дается у *Де-Роберти* в ряде его работ: „Новая постановка", Sociologie de l'action, Constitution de l'ethique. Les fondements de l'ethique и др., у *Draghicesco*: Du rôle de l'individu dans le determinisme social. Passim. См. также *Дюркгейм*: О разделении общ. труда. После сказанного легко понять, почему „души" дикарей сходны друг с другом, почему здесь мало индивидуальности и почему индивидуальность развита в современном обществе. Там социальная позиция индивидов в системе соц. координат была сходна в наше время—она различна. Отсюда—указанные явления.

сают своеобразный свет на явления, с первого взгляда далекие от социологии, и помогают лучше и проще понять многое, над об'яснением чего иногда бесплодно бьются другие дисциплины и другие исследователи, идущие иной дорогой.

Ограничимся сказанным. В „Социальной Механике“ я детально покажу многое, что здесь я задел мимоходом. Пока же констатируем, что после распластания социального аггрегата нам не трудно было распластать его маленькую проэкцию—индивида. Как раньше мы выразили группу в терминах индивидов, так теперь мы определили индивида в терминах групповых; таким образом мы осветили явления с двух сторон и замкнули разорванный вначале, но неразрывный в действительности круг явлений [1]).

§ 3. Социальная группировка и проблема личности и общества.

Произведенный анализ социальной группировки дает основание для решения другой проблемы, одно время весьма интересовавшей социологов. Это проблема *„личности“ и „общества“*. Мы не будем здесь касаться всех вопросов, связанных с этой проблемой, а возьмем лишь одну ея сторону, а именно: противопоставление личности и общества. И сторонники индивидуализма, и сторонники общественности сходны в одном: в противопоставлении личности, как единицы, „обществу“, как определенной реальности, стоящей вне или против индивида. Те и другие исходят из одной предпосылки: возможности такой ситуации, где одна личность противостоит всему обществу, где интересы личности, как личности, противостоят интересам всего общества.

---

[1]) Отсюда следует бесплодность споров между сторонниками т. н. „социального и индивидуалистическаго“ методов изучения социальных явлений. Первые пытаются индивида об'яснить через группу (напр., Гумплович, Дюркгейм, особенно Bentley, у нас Солнцев и др.) и групповыми же отношениями об'яснить социальные процессы, вторые, напротив, группу и общественные явления пытаются об'яснить чрез индивида и его свойства (напр., Палант, Тард и др.). Пустой и совершенно нелепый спор. „Групповики“ похожи на человека, который из за леса не видит деревьев и хочет об'яснить лес без изучения свойств этих деревьев, „индивидуалисты“ похожи на человека „из за деревьев не видящего леса“, как особого единства взаимодействующих деревьев, отличного от их простой суммы (см. т. I, о социолог. реализме и номинализме). Первые хотят изучать только „второй этаж“ или применительно к биологии, только многоклеточные организмы, вторые только „первый этаж“ или одноклеточные организмы. Таких биологов нет. Но социологов того и другого рода, горячо спорящих друг с другом, сколько угодно. Пора бы сдать в музей чепухи такие споры, вызывающие досаду за близорукость спорщиков и безплодную трату энергии. Индивид—socius и группа—две стороны одного и того же явления. Нельзя их раз'единить. Приходится их изучать и выражать в взаимных терминах, как коррелятивные явления. Так мы и поступали. Это значит, что „антиномия“ социального и индивидуального метода ложно поставлена. Антиномисты, ломающие копья, дают свидетельство не правильности одного метода или ложности другого, а собственной близорукости. См. *Bentley*: Op. cit. гл. XXII. *Гумплович*: Основы социологии и Rassenkampff. 39—40. *Дюркгейм*: Метод социологии, passim, и „Самоубийство“, предисловие. *Солнцев*: Op. cit. 2. *Palant*: Les antinomies entre l'ind. et la société. *Draghicesco*: Op. cit.

Различие „индивидуалистов“ и „общественников“ лишь в том, что они разно решают этот вопрос: одни, индивидуалисты, настаивают на примате принципа личности и ее интересов над интересами общества, другие, „общественники“ дают, ответ противоположный [1]).

Спрашивается, насколько допустима такая постановка вопроса? Может ли быть и бывает ли фактически так, что одна личность, как некая изолированная единица, противостоит всему обществу? Может ли случиться, что по всем линиям взаимоотношений одна личность оказывается антагонизирующей со всеми остальными индивидами, образующими „общество“? Короче говоря, возможно ли самое противопоставление личности и общества, из которого исходят обычно и „индивидуалисты“ и „общественники“?

Я думаю, что такая постановка вопроса научно не допустима: она ошибочна по своему существу. Она ошибочна во первых потому, что предполагает возможность существования абсолютно изолированного индивида, во вторых, потому, что противопоставляет две персонифицированные фикции, реально не существующие, в третьих, потому, что допускает совершенно невероятную социальную группировку.

Остановимся подробнее на каждом из этих положений:

1) Что значит противопоставление личности и общества? Выше, в главе о социологическом реализме и номинализме, мы видели, что общество есть совокупность взаимодействующих индивидов. Если личность противопоставляется обществу, это может иметь лишь тот смысл, что дан индивид, стоящий вне этой системы взаимодействия, не входящий в состав взаимодействующих членов последней и антагонизирующий с ними. При таком условии индивид может противопоставляться обществу, как целокупному коллективному единству, стоящему вне индивида. Но только при таком условии. Если же индивид входит в состав членов, образующих это коллективное единство, если он является элементом последнего, то нельзя уже говорить о „личности“ и „обществе“, нельзя противопоставлять индивида обществу, как чему то стоящему вне его или над ним; в этом случае можно противопоставлять в пределах данной системы взаимодействия индивида другим индивидам, члена коллектива другим членам коллектива, говорить об антагонизме одних личностей с другими, об антиномиях между индивидами, но нельзя говорить об антагонизме личности и общества, нельзя противопоставлять индивида последнему. В этом

[1]) См. Изложение вопроса *Н. И. Кареев*: Введение в изучение социологии. 1907 г. гл. XIII. *А. Мишель*: Идея государства. М. 1909. 525 по 802 и passim. *Спенсер*: Личность против государства. *Палант*: Очерк социологии. гл. V. *Его же*: Les antinomies entre l'individu et la société. Paris. 1913. Одна из глав этой книги в моем переводе напечатана в „Новых идеях в социологии“. Сб. № 2. См. работы *Михайловскаго*: Что такое прогресс, Борьба за индивидуальность, Патологическая магия и др. *Лаврова*: Истор. письма. Задачи понимания истории, Важнейшие моменты в истории мысли. См. также работы *Тарда*, *Ницше* и др. Из коллективистов см. работы: *Дюркгейма*, *де Роберти* и особенно книгу *Драгическо*: Du rôle de l'individu dans le determinisme social, одна из глав которой в моем переводе напечатана в Нов. идеях в социологии, сб. № 2. *Benthley*: Цит. раб. и др.

случае противопоставление личности и общества не может иметь места.

2) Теперь обратимся к первому случаю, когда индивид стоит вне данного общества, т. е. не является членом, абонентом данного коллектива. В этом случае индивида можно противопоставлять последнему. Но здесь появляются новые условия, делающие абсурдным такое противопоставление. Если индивид не является абонентом данной группы, если он стоит вне ея, это значит—он не взаимодействует с последней, или с ея членами. Если он не взаимодействует с ними, т. е. не обусловливает их переживаний и поведения и не обусловливаем в своем поведении группой, это значит он изолирован от нея. Если он изолирован, то он не может быть ни солидарным, ни антагонистичным с группой, он не состоит с ней ни в какой связи, а следовательно, не может быть противопоставлем обществу... Такова простая и безупречная цепь силлогизмов, показывающих невозможность противопоставления индивида обществу при этой предпосылке.

3) Рядом с этими соображениями выступают другие, приводящие к тому же выводу. Если индивид противопоставляется группе—это означает, что индивид абсолютно изолирован, что он одинок и не является членом какого-либо другого общества. Это допущение невозможно, ибо изолированный индивид—фикция; наука такого индивида не знает. Если же индивид не абсолютно одинок, если он является членом какого либо коллектива, абонентом какой либо другой группы, это значит противопоставляется не индивид обществу, а одно общество другому, члены одного коллективного единства членам другого. Это значит, что и в этом случае нельзя говорить об антагонизме или солидарности личности и общества, а можно говорить об антагонизме в солидарности „абонентов“ одной системы взаимодействия с абонентами другой.

Таким образом при всех предпосылках противопоставление личности обществу приводит к абсурду.

К тому же выводу мы придем, если рассмотрим вопрос с точки зрения социальной группировки. Возьмем конкретные примеры: Христа и „общество“, его распявшее, преступника и „общество“, посылающее его на эшафот. Христос был распят, Сократ—отравлен, Дантон—казнен, что значат эти факты? Означают ли они конфликт „личности“ и „общества“? Служат ли они доказательством возможности такого случая, по всем линиям группировки, где одна личность (именно одна) оказывается во всех отношениях противостоящей и враждебной всем остальным индивидам, образующим „общество“? Ничего подобного.

В этих случаях мы имеем не столкновение и антагонизм одной личности и общества, а столкновение и антагонизм одних личностей с другими личностями, или одной группировки с другой. Христос был не один и не один боролся с своими противниками. Рядом с ним и вместе с ним были его ученики, последователи, родные, близкие, которым он не противостоял, а напротив, с которыми он был солидарен и которые были солидарны с ним... Дело не обстояло так, что на одном полюсе, стоял одиноко Хри-

стос, а против него, на другом полюсе стояло все враждебное общество. Дело обстояло проще и менее метафизично: на одной стороне был Христос и его сторонники (одна группа), на другой—его противники (другая группа). Иначе говоря, в данном случае была „антиномия“ одних личностей с другими, одной группы с другой, а не воображаемая антиномия одного индивида и всего общества.

То же самое применимо к „антиномии“ Сократа и его последователей, с одной стороны, и группы, приговорившей Сократа к смерти,—с другой; к антиномии Дантона и его партии и партии Робеспьера, к конфликту Анахарзиса Клоотца и якобинцев. Короче, то же применимо к любому конфликту „личности“ и „общества“. Нигде мы не наблюдаем картины, чтобы одна личность боролась с обществом, т. е. со всеми взаимодействующими с ней индивидами; а всюду видим борьбу одних личностей с другими или одной группировки с другой. В одном отношении личность может быть в конфликте с рядом других личностей; но зато в этом же отношении, а тем более в других отношениях, она окажется солидарной с другими лицами... Самый заядлый преступник, приговариваемый государством к смерти, имеет лиц, с ним солидарных,—таковы его сотоварищи по разбойничьей шайке, его семья, любовница, наконец, просто одобряющие его действия индивиды. Лютер противостоял против католического коллектива, но зато поддерживался всеми протестантами, своими последователями. Желябов антагонизировал с правящей в России группой, зато одобрялся и был солидарным со всеми народовольцами и с многими другими индивидами. Иван Гусс или Савонаролла противостояли папе и враждебным им группам, зато поддерживались и одобрялись—первый гусситами, второй—партией „плакс“ и ближайшими учениками.

Словом, какой бы случай „антиномии личности и общества“ мы не взяли, всюду мы находим не антиномию личности и общества, а антиномию одних лиц с другими, или одной группы с другой... В том или ином отношении один индивид может оказаться в антагонизме с другими индивидами; напр., религиозные, политические взгляды одного лица могут оказаться антагонистическими с взглядами ряда других лиц. Но допустить, чтобы один индивид оказался противостоящим всем остальным индивидам и по всем линиям группировки (по семейным, расовым, профессиональным, возрастным и т. д.) это значит допустить невероятное (по крайней мере для нашего времени) предположение. А проблема „личности“ и „общества“ требует такого допущения. Противополагать личность обществу это значит противопоставлять индивида всем остальным индивидам и во всех направлениях. Вне этой предпосылки мы не имеем конфликта „личности“ и „общества“, а имеем конфликт одних лиц с другими, меньшинства с большинством, одной группы с другой.

Такое допущение, как мы видели, невероятно, а потому его невероятность означает невозможность конфликта одной личности и всего общества. Сложность общественной группировки делает невозможным такое допущение. Одно лицо по семейным отношениям может противостоять членам семьи, за то по тем же

семейным и по другим отношениям оно оказывается солидарным с рядом других индивидов (напр., с новой семьей или с партийными сотоварищами). Государственный преступник противостоит правящей группе, но зато солидарен со всеми униженными и оскорбленными.

Из этих кратких положений становится ясным, что проблема „личности" и „общества" неверно поставлена. А раз она неверно поставлена естественно неверными получились и все решения этой ошибочно поставленной проблемы... Можно говорить о конфликте одних лиц с другими, одной группы с другой, о конфликте разных душ в одном индивиде, но говорить об антиномии личности и общества, по меньшей мере, не точно. Пора этот вопрос в такой постановке из'ять из области социологии [1]).

Заключение и резюме.

Подведем итоги сказанному:

1) Начав наш анализ социального явления с факта взаимодействия индивидов (в первом томе), мы разложили последнее на его элементы: индивидов, акты и проводники и рассмотрели свойства этих элементов.

2) Затем мы перешли к характеристике форм взаимодействия.

3) Последняя нас привела к понятию коллективного единства и таким образом мы получили возможность замкнуть разорванный круг коллективного единства и перейти „на второй этаж" анализа социальной структуры населения. От изучения взаимоотношений индивидов мы получили возможность перейти к взаимоотношению социальных групп.

4) Изучив те условия, которые заставляют индивидов взаимодействовать друг с другом, прикрепляться друг к другу и образовывать коллективные единства, мы этим анализом закончили аналитику простейших социальных явлений.

5) Во втором томе мы занялись анализом социального строения населения.

Этот анализ заставил нас прежде всего исследовать общие основы группировки индивидов в коллективные единства, на которые распадается население. Изучение вопроса показало нам, что такими общими основами служат: степень интенсивности взаимодействия и характер социальных форм последняго.

[1]) Я здесь очертил лишь одну сторону проблемы личности и общества. Эта проблема обычно связывается еще с рядом других вопросов: 1) о взаимоотношении индивидуальной и общественной эволюции, 2) суть ли индивид функция общества или общество—функция индивида, 3) благо индивида или благо общества должно служить критерием прогресса и оценки исторических процессов и т. д.

Здесь я этих вопросов не касаюсь. Они будут рассмотрены частью в „Соц. Механике", частью в „Соц. политике". Замечу лишь мимоходом, что множество неразрешимых антиномий здесь вызвано основной ошибкой— указанной ошибочной постановкой самой проблемы личности и общества, во-первых, во-вторых, метафизическим конструированием реальности общества, рассмотренного в гл. о социол. реализме и номинализме.

6) Эти условия влекут за собой возможность и необходимость распадения сосуществующих и взаимодействующих индивидов в многообразные коллективные единства, в зависимости от степени интенсивности взаимодействия и его характера. В основе последнего лежит факт несходства индивидов.

7) Обратной стороной этого явления служит принадлежность индивида к ряду социальных групп. Совокупность основных групп (систем взаимодействия), к которым принадлежит индивид, характеризует его социальную физиономию, соц. вес и социальное положение. В этом смысле совокупность отношений индивида к социальным группам, членом коих он состоит, можно определить как систему социальных координат, характеризующих его положение в социальной среде себе подобных.

8) Очертив эти общие основы социальной группировки мы поставили себе вопрос: какие же из множества социальных группировок более важны? Ответ на него побудил нас различать группы: элементарные, кумулятивные и сложные социальные аггрегаты.

9) Установив об'ективные критерии важности мы дали описание важнейших элементарных группировок.

10) Элементарные группы нас логически привели к кумулятивным. Дав их понятие мы рассмотрели их виды: в зависимости от количества кумулировавшихся группировок (двойные, тройные и т. д.), в зависимости от того, какие элем. группы кумулируются (рел.+государственные. партийно-+профессиональные и т. д.) в зависимости от характера кумуляции: (нормальные и ненормальные, солидаристические и антагонистические, типичные и нетипичные, открытые, полуоткрытые и закрытые).

11) После рассмотрения (в целях иллюстрирования общих положений) национальности и класса, как частных форм кумулятивных групп, мы логически пришли к сложному социальному аггрегату, т. е. к населению. Рассмотрев проблему систематики последних, мы таким образом завершили свой анализ.

Начав с индивида и других элементов явления взаимодействия мы шаг за шагом, подхлестываемые логической необходимостью, шли дальше, усложняли об'екты нашего анализа, от индивида пришли к коллективному единству, от него к взаимоотношениям групп; последние привели нас к группам элементарным, кумулятивным и, наконец, к конкретному населению, как к предельному пункту анализа. Социальный микрокосм нас логически привел к соц. макрокосму.

12) В целях большей точности мы далее (хотя и бегло) рассмотрели явление социальных перегруппировок, их формы, характер и получили представление о подвижном равновесии социальных аггрегатов.

13) После этого анализа мы получили возможность с групповой точки зрения подойти к индивиду, к его „душе“ и поведению. Рассматривая его в этой плоскости мы сумели определить его положение в социальном пространстве, распластать его „душу“, показать ее мозаичность, и понять, что она представляет маленькую копию большой картины: системы социального расслоения.

Как раньше группу мы выразили в терминах индивида, так теперь индивида мы определили в терминах группы.

Анатомия социального тела закончена. Он „распластан“ на свои естественные слои, как распластана на свои куски и мозаичная природа индивида. Путь, пройденный нами был длинен и труден, но он кое-что дал нам. На этом мы можем окончить „Социальную аналитику“. В основных штрихах она очерчена. Остается перейти к „Социальной механике“ [1]).

---

[1]) В виде заключения „Аналитики“ я намерен был присоединить главу, посвященную обзору и критике понятий социального явления других социологов. Так как я не слишком щедр был по части кружения около проблем, обитающих в „передней социологии“, а не в ее аппартаментах (чем, к сожалению, занимается множество „социологов“, пространно рассуждающих о том, „чем должна быть социология“, каков ее предмет и методы, а не показывающих на деле, путем фактического построения социологии, плодотворность своих высоко-претенциозных советов и рецептов), то такая роскошь, хотя бы краткого обзора и критики соответственных теорий социального явления была бы позволительна.

Но в виду недостатка бумаги эту главу приходится перенести в следующий том „Социальной механики“.

Оглавление.

Кооперативное Книгоиздательское Товарищество
«КОЛОС».

ПЕТРОГРАД. Литейный пр., 21. МОСКВА. Б. Никитская, 22.